

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева

ОБОЛЕНСКОМУ А. В
Тшебово, 8-го сентября 1923 г.

Дорогой Андрей Владимирович,

Все еще вижу Ваше милое лицо на вокзале.[1]

Как мне грустно, что нам в этой сутолоке даже как следует не удалось проститься!
Это я виновата, с тростью.

Здесь хорошо, но столько чужого (чуждого) – хотя бы совместное жительство
пятисот душ (именно душ! Говорю о лагере![2]), что я лишней раз чувствую ужас
перед жизнью, ужас перед собой и желание поскорее этот неравный брак (души и
жизни!) разорвать.

– Невеселые вещи для открытки?! – Но, увы: «Tout ce qui n'est pas bkte est
triste – et tout ce qui n'est pas triste est bkte!»[3] Шлю Вам привет и
благодарность.

МЦ.

Моравская Тшебова, 2-го января 1924 г.[4]

С Новым годом, дорогой Андреюшка,

Нашли ли портфель? Какой подарок мне надумали? Желаю Вам в 1924 г. научиться
говорить: со мной одной. (С остальными не нужно!) Ходите ли на мою горку? Это
моя горка! Пишу про нее стихи.[5]

Только что видалась с Вашим братом,[6] разглядев его близко убедилась, что он
похож на Б. Пастернака (моего любимого поэта!). Рассказывал мне о Праге.
Напишите мне два слова, вернусь около 10-го. Мой адрес: Moravska Třebova, Rusky
Tabor, гимназия, В. А. Богенгардту, для меня.

МЦ.

Вшеноры, 5-го января 1925 г.

Дорогой Андрей Владимирович, Сообщите, пожалуйста, Кате[7]

Paris, 19-e arrondissement

8, Rue Rouvet

Он у нее был, и она его, с записной книжкой, потеряла. Не могу представить себе,
чтобы Катя к Вам в Париже не зашла, – думаю, что она даже остановится у Вас.[8]

Ольга Елисеевна[9] писала мне о вашей необыкновенной встрече, – как по-писаному!
как в романе! Князь-маляр и жена бывшего министра.

Слышала о Вашей сравнительной удаче, из других ремесл это пожалуй не худшее, – вспомните Тома Сойера и его стену (если когда-нибудь читали).[10]

Много пишу. В январском № «Воли России» будет мой стих – длинный[11] – возьмите у Ольги Елисеевны и прочтите. У нее же можете достать мою прозу «Вольный проезд» («Современные Записки» книга 21) и «Чердачное» в рождественском № «Дней».[12] В рождественском № чешского «Спроводая» появился мой портрет[13] – между Кондаковым и Струве.[14] На их фоне я решительно выигрываю. Чехи написали, что никто меня из России не высылал, но что я не смогла вынести всех большевицких безобразий и сама уехала. – Забавно. –

Елки у нас еще не было, – справляем, по-старому. И Нового Года еще не встречали.

Изнемогаю от печек, углей, грязи, посуды, всей этой пятилетней невылазной чернейшей работы. Но все-таки служить бы не пошла. Это единственное утешение. Всё в моей жизни: «Tu l'as voulu, Georges Dandin!»[15]

У нас весна, – настоящая. Ходим в платьях. (Чешский климат, под влиянием русских студентов, еще раз сошел с ума!) Еще несколько дней – и распустятся почки. Дивное синее небо, теплый веющий воздух, – сплошной обман! Но – радуешься. Где-то так жарко, что перепало и нам.

А Сережа с Мишей 3. сейчас пошел за елкой, – к верхнему леснику, где мы когда-то жили.[16] Аля, несмотря на явную весну, настаивает на Рождестве.

До свидания, дорогой Андрей Владимирович. (Забыла спросить: как портфель? клад?) Буду рада получить от Вас весточку. Пишите и о Черновых: как Вам понравились старшие?[17] бываете ли? как им живется? Это прелестнейшая и сердечнейшая семья.

Не забудьте тотчас же по получении письма направить к ним Катю. Если она не у вас – известите ее там, где она.

С сердечным приветом

МЦветаева.

Вшеноры, 16-го апреля 1925 г., Страстной четверг.

Христос Воскресе, дорогой Андреюшка!

Ваше письмо получила – хорошо живете и хорошо пишете. А на Пасху собака придет? И, придя, поймет – что Пасха? непременно побывайте у Черновых и потом напишите, как было. Это как праздник – вечного возрождения.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Георгий растёт, хорош, похож на меня.[18] катаем его с Алей по трём вшенорским шоссе, предпочитала бы – по Версалью.

Так как Пасха, Андреюшка, давай похристосуемся. Если бы Вы были здесь, я бы сделала Вам отдельный ...[19]

РОДЗЕВИЧУ К. Б
22-го сентября 1923 г.

...Арлекин! – Так я Вас окликаю. Первый Арлекин за жизнь, в которой не счесть – Пьеро![20] Я в первый раз люблю счастливого, и может быть в первый раз ищу счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! Я в Вас чувствую силу, этого со мной никогда не было. Силу любить не всю меня – хаос! – а лучшую меня, главную меня. Я никогда не давала человеку права выбора: или всё – или ничего, но в этом все – как в первоизданном хаосе – столько, что немудрено, что человек, пропал в нем, терял себя и в итоге меня...

Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли. О, землю я и до Вас любила: деревья! Всё любила, всё любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я билась, я не умела с живыми! Отсюда сознание: не – женщина – дух! Не жить – умереть. Вокзал.

Милый друг. Вы вернули меня к жизни, в которой я столько раз пыталась и все-таки ни часу не сумела жить. Это была – чужая страна. О, я о жизни говорю с заглавной буквы, – не о той, петитом, которая нас сейчас разлучает! Я не о быте говорю, не о маленьких низостях и лицемериях, раньше я их ненавидела, теперь просто – не вижу, не хочу видеть. О, если бы Вы остались со мной, Вы бы научили меня жить – даже в простом смысле слова: я уже две дороги знаю в Праге! (На вокзал и в костёл.) Друг, Вы поверили в меня. Вы сказали: «Вы всё можете», и я, наверное, всё могу. Вместо того, чтобы восхищаться моими земными недугами, Вы, отдавая полную дань иному во мне, сказали:

«Ты еще живешь. Так нельзя», – и так действительно нельзя, потому что мое пресловутое «неумение жить» для меня – страдание. Другие поступали как эстеты: любовались, или как слабые: сочувствовали. Никто не пытался излечить. Обманывала моя сила в других мирах; сильный там – слабый здесь. Люди поддерживали во мне мою раздвоенность. Это было жестоко. Нужно было или излечить – или убить. Вы меня просто полюбили...

...Люблю Ваши глаза... Люблю Ваши руки, тонкие и чуть-холодные в руке. Внезапность Вашего волнения, непредугаданность Вашей усмешки. О, как Вы глубоко-правдивы! Как Вы, при всей Вашей изысканности – просты! Игрок, учащий меня человечности. О, мы с Вами, быть может, оба не были людьми до встречи! Я сказала Вам: есть – Душа, Вы сказали мне: есть – Жизнь.

Всё это, конечно, только начало. Я пишу Вам о своем хотении (решении) жить. Без Вас и вне Вас мне это не удастся. Жизнь я могу полюбить через Вас. Отпэстите – опять уйду, только с еще большей горечью. Вы мой первый и последний ОПЛОТ (от сонмов!) Отойдете – ринутся! Сонмы, сны, крылатые кони... И не только от сонмов – оплот: от бессонниц моих, всегда кончающихся чьими-то губами на губах.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы – мое спасение и от смерти и от жизни. Вы – Жизнь (Господи, прости меня за это счастье!)

Воскресение, нет – уже понедельник! – 3-ий час утра.

Милый, ты сейчас идешь по большой дороге, один, под луной. Теперь ты понимаешь, почему я тебя остановила на: любовь – Бог. Ведь это же, точно этими же словами, я тебе писала вчера ночью, перечти первую страницу письма.

Я тебя люблю.

Друг, не верь ни одному моему слову насчет других. Это – последнее отчаяние во мне говорит. Я не могу тебя с другой, ты мне весь дорог, твои губы и руки так же, как твоя душа. О, ничему в тебе я не отдаю предпочтения: твоя усмешка, и твоя мысль, и твоя ласка – всё это едино и неделимо, и не дели. Не отдавай меня (себя) зря. Будь мой.

Беру твою черную голову в две руки. Мои глаза, мои ресницы, мои губы (о, помню! Начало улыбки! Губы чуть раздвинутся над блеском зубов: сейчас улыбнетесь: улыбаются!)

Друг, помни меня.

Я не хочу воспоминаний, не хочу памяти, вспоминать то же, что забывать, руку свою не помнят, она есть. Будь! Не отдавай меня без боя! Не отдавай меня нучи, фонарям, мостам, проходим, всему, всем. Я тебе буду верна. Потому что я никого другого не хочу, не могу (не захочу, не смогу). Потому что ты мне даешь, что ты мне дал, мне никто не дает, а меньшего я не хочу. Потому что ты один такой.

Мой Арлекин, мой Авантюрист, моя Ночь, мое счастье, моя страсть. Сейчас лягу и возьму тебя к себе. Сначала будет так: моя голова на твоём плече, ты что-то говоришь, смеешься. Беру твою руку к губам – отнимаешь – не отнимаешь – твои губы на моих, глубокое прикосновение, проникновение – смех стих, слов – нет – и ближе, и глубже, и жбрче, и нежней – и совсем уже невыносимая нега, которую ты так прекрасно, так искусно лишь.

Прочи и вспомни. Закрой глаза и вспомни. Твоя рука на моей груди, – вспомни. Прикосновение губ к груди ...

Друг я вся твоя.

А потом будешь смеяться и говорить и засыпать, и когда я ночью сквозь сон тебя поцелую, ты нежно и сразу потянешься ко мне, хотя и не откроешь глаз.

М.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
23-го сентября 1923 г.

... Сегодня буду читать Вам Волконского. Чувство, что это – на каком-то другом языке – я писала. Вся разница – в языке.

Язык – примета века. Суть – Вечное. И потому – полная возможность проникновения друг в друга, вопреки розни языка. Суть перекрикивает язык. То же, что Волконский на старомодно-изысканном своем, державинско-пушкинском языке – о деревьях, то же – о деревьях – у Пастернака и у меня – на языке своем. Очную ставку, – хотите? Каким чудом Волконский ПОНИМАЕТ и меня и Пастернака, он, никогда не читавший даже Бальмонта?! (Радзевич, Радзевич, дело не в стихотворной осведомленности! Вы к Rilke не были подготовлены, Rilke пришел и взял Вас, поэты – это захватывает, к ним не готовятся и с ними не торгуются!)

От писем Волконского во мне удивительный покой. Точно дерево шумит. Поймите меня в этой моей жизни ...

М.

ЧЕРНОВОЙ А. В
Дольние Мокропсы, 21-го июля 1924 г.

Милая Адя,

Первая ночь в новом логове. Потолок косой, стены кривые, пол и постели – горбатые. Но вне дома – чудесно: огромный двор, мощный камнем, проросшим травой, нагромождение нелепых построек, сарай, через который проходишь в сад, – сад заглохший, весь из дикостей, каменная ограда, под ней – железнодорожное полотно. Поезда свистят и ревут весь день.

Нынче уже были на реке, с этого берегу она лохматая и глубокая: под огромными акациями, каменистая, не-купальная. Крутая тропинка над отвесом (NB! все письмо из над и под!) – совсем по отвесу.

Если не на реку – в поле. Поля в снопах, сплят.

Расставались мы с Иловищами трагически: Тарзан рвался, хозяйка (по Алиному 3-летнему выражению) «ревела и рыдала», раскачиваясь наподобие раненой (в живот!) медведицы, махала нам рукавом и фартуком. Пришедшие «перевозить» Сергей Яковлевич, монах и жених[21] (Рудин, – но невеста выходит за другого) шли пустые, вещи ехали на телеге, увенчанные безмолвствующей Алей. (Она ехала Вшенорами, мы спускались нашим отвесом.) И вдруг – уже у кирпичного завода – оклик: «Марина Ивановна!». Поднимаю глаза: белым морским видением – Слоним! Взирает с холма. Оказывается, направлялся в Иловищи и выглянул на голоса.

Привез Але: куклу, постель и ванну. Кукла румяная, ванна розовая, постель – вдвое меньше спящей, т. е. Прокрустово ложе. А мне – талисман: египетское божество: печать. Играла им вчера в траве. (NB! Для того, чтобы боги нами не играли, нужно ими играть!) Провели все вместе целый день, вспоминали Вас.

На вокзал не приехала не из равнодушия и не из лени: с тех пор как надорвалась, сразу растрясаясь, – вроде святого, держащего в руке свои же внутренности.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милая Адя, у меня к Вам просьба: если задержитесь в Париже, возьмите, вернее: извлеките у Невинного.[22] Илиаду в переводе Гнедича и Одиссею (кажется, завез и ее) и пришлите мне сюда, на время, – особенно Илиаду! Извлечь будет нелегко, надеюсь на Вашу лесную хитрость.

Адрес: P. P. Černošice, Dolní Mokropsy, č. 37, u paní Lopařovoj – Praha.

Вышлите непременно заказным, расход верну Ольге Елисеевне.

Шлю Вам привет. Простите за кляксы. Новые чернила.

ЭНТА НИПРАВДА, ЕНТО ГНУСНЫЙ НАКЛАКСАЛ. ТИЛОУНИСЕК.[23]

МЦ.

P. S. Аля действительно написала Вам письмо, которое потеряла. Просит удостовериться.

1924[24]

Дорогая Адя, на днях в Праге встретила с Алей Самойловну,[25] – кинулась к нам, как к родным. Я спросила, исполнила ли она поручение Вашей мамы, она сказала, что да, но что Виктор Михайлович[26] сейчас сам без денег. Одета была и выглядела как-то по-цирковому, – не знаю, в чем дело, – вроде жены содержателя цирка (в штанах), или глотательницы шпаг. Недавно на вечере XVIII в. в «Едноте» видела, из знакомых, еще жену Яковлева[27] (моей bкте poire,[28] т. е. той белобрысой бестии из Пламени![29]) – была со мной крайне ласкова и сказала, что перевела один мой стих на французский. Я изъясвила удивление.

Невинный зачах, т. е. я его не вижу, п. ч. в «Воле России» не бываю. Запугала его вшенорской грязью и необходимостью мужских ботинок («калоши затонут!»). Адя, не видели ли Бахраха? Пусть Ольга Елисеевна проинтервьюирует его на мой счет, посмотрим, какую морду сделает. Толстеют ли дети Карбасникова?

Целую Вас.

МЦ.

29 декабря 1924 г.[30]

Катя Рейтлингер поехала через Голландию, но на обратном пути (около 10-го и 12-го) возможно, что будет в Париже. Адрес Ваш у нее есть.

Дорогая Адя, передайте маме, что деньги посланы (вчера, 28-го, через банк). Целую Вас, поправляйтесь.

МЦ.

Вшеноры, 24-го февраля 1925 г.

Дорогая Адя,

Тщето стараюсь узнать у Ольги Елисеевны, получили ли вы доплату за январское иждивение. Деньги были посланы через знакомую Кати Рейтлингер, она должна была не то передать, не то переслать их. Цифра, помнится, 70, сейчас не помню, крон или франков. (Можно установить. Думаю – франков.) Пишу об этом Ольге Елисеевне уже третий раз – и безответно. Если деньги не дошли, взыщу с Кати, или с дамы, – пусть Ольга Елисеевна не думает, что пропажа отзовется на мне: из-под земли достану!

Второе: безотлагательно – открыткой – сообщите мне имя-отчество Розенталя.[31] Не могу (неприлично!) просить о помощи, не зная, как зовут. Я бы не дала, к чертям послала.

Прочли ли мою «Полотерскую» в ВолеРоссии? «Мтлодец» выходит «на днях». Пришлю Вам Вашего собственного. У Али к нему – чудесные иллюстрации, вообще начинает рисовать хорошо.

«Мальчик Георгий»[32] похож на того, спящего, – помните в Кинской заграде[33] в этнографическом отделении, где набитые лошади? Тоже спит в корзинке. Коляска, обещанная волероссийцами, что-то не едет и «мальчик Георгий» (помните шебеку?[34] если не читали, Ольга Елисеевна пояснит) похож на Моисея.

О смерти Кондакова я уже писала. Совпадение: в вечер дня его смерти (умер ночью) к нему пришли родственники[35] покойного профессора Андрусова с просьбой выбрать для памятника крест. Старик долго выбирал и наконец остановился на восхитительном византийском. – «Вот – крест! Когда я умру, поставьте мне такой же».

Умер через несколько часов.

Теперь дело за деньгами. Ученики (небольшая группа верных, в том числе и Сережа сами хотят ставить. Несли его гроб на плечах через весь город, Сережа впереди – хоругвь, такую тяжелую, что пришлось нести на плече, как винтовку. Одному, очень сдержанному, на кладбище сделалось дурно. Увезли.

Помните лекцию на французском языке? Медлительность и точность речи? Странное слово «скармангий»? (византийская одежда). Дрожащие руки его ученика Беляева, [36] зажигавшего волшебный фонарь? Скачущие картины?

И – потом или до? – еврейское кладбище, на котором мы – были или не были? И весь тот туманный день?

Где сейчас Кондаков? Его мозг. (О бессмертии мозга никто не заботится: мозг – грех, от Дьявола. А может быть мозгом заведует Дог?)

Иногда вижу чертей во сне, и первое ласкательное Георгия – чертенок.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целую Вас, милая Адя, не забудьте ответить на мои вопросы. Сережа затонул в экзаменах, всплывет – напишет.

МЦ.

Вшеноры, 1-го апреля 1925 г.

Дорогая Адя,

Из всех девочек-подростков, которых я когда-либо встречала, Вы – самая даровитая и самая умная. Мне очень любопытно, что из Вас выйдет. Дарование и ум – плохие дары в колыбель, особенно женскую, – Адя, хотите формулу? Все, что не продажно-платно, т. е. за все, что не продаешь, платишь (платишься!), а не продажно в нас лишь то, чего мы никак – ну, никак! – как портрет царя на советском смоленском рынке – несмотря на все наши желания и усилия – не можем продать: 1) никто не берет, 2) продажная вещь, как собака с обрывком веревки, возвращается. Непродажных же вещей только одна: душа.

Так вот, я думаю о Вас – и вывод: Вы, конечно, будете человеком искусства – потому что других путей нет. Всякая жизнь в пространстве – самом просторном! – и во времени – самом свободном! – тесна. Вы не можете, будь у Вас в руках хоть все билеты на все экспрессы мира – быть зараз и в Конго (куда так и не уехал монах) и на Урале и в Порт-Саиде. Вы должны жить одну жизнь, скорей всего – Вами не выбранную, случайную. И любить сразу, имея на это все права и все внутренние возможности, Лорда Байрона, Генриха Гейне и Лермонтова, встреченных в жизни (предположим такое чудо!) Вы не можете. В жизни, Аденька, ни-че-го нельзя, – nichts[37] – rien.[38] Поэтому – искусство («во сне все возможно»). Из этого – искусство, моя жизнь, как я ее хочу, не незаконная, но подчиненная высшим законам, жизнь на земле, как ее мыслят верующие – на небе. Других путей нет.

Знаю по себе, что как только пытаюсь жить – срываюсь (всегда пытаюсь и всегда срываюсь!). Это ведь большой соблазн – «наяву»! И никакой опыт – меньше всего собственный! – не поможет. Поэтому, когда Аля, спохватившись, что ей уже 11 1/2 лет, просит меня самой выбрать ей жениха, отвечаю: «L'unique consolation (contentement) d'avoir fait une bêtise est de l'avoir faite soi-même»[39] (слишком громоздко по-русски, иные вещи на ином языке не мыслятся) – поэтому пусть жениха выбирает сама. Аля, впрочем, объявила, что кроме как за Зигфрида (Нибелунги) ни за кого не выйдет замуж, а так как Зигфрида не встретит... (Пауза:) – «Но старой девой тоже нельзя...»

Вше-норы. Крохотный загон садика с беседкой, стоящей прямо в навозе (хозяин помешался на удобрениях). В беседке, на скамье, отстоящей от стола на три метра – писать невозможно – я. Рядом коляска, в которой под зелеными занавесками – Барсик. (Уцелело от Бориса.). Комната, где он провел два первых месяца своей жизни, так темна, что доктор запретил под каким бы то ни было видом выносить его на волю с открытым лицом: немедленное воспаление глаз. Но он так умен, что на воле их и не раскрывает. В этом загоне коротаем дни. Прогулки с коляской трудны, никуда нельзя, – «comme un forçat, attaché à sa brouette», [40] предпочитаю на руках. (Уже излазили с ним – моим темпом! – немалое количество холмов.) Нигде не бываю. Заходят – Александра Захаровна с Леликом[41] (Аля, при виде его, шалееет: безумные глаза и двухчасовой галоп по нашему загону), Анна Ильинична Андреева – и всё, кажется. Последняя необычайна, таких не встречала. Каждый раз новая, не узнаю и не пойму, в чем дело. Дружим – с оттенком известной грубости: взаимные толчки. Но явное внутреннее правление, с ее стороны необъяснимое. Скажите Ольге Елисеевне, что я, в своем любовании ею, была права, что нюх не обманул. Самое чудесное в ней – природа, полное отсутствие мешанства – gu'en dira-t-on[42] – и поэты (того же самого). Существо, каким его создал Бог. Одаренное существо.

От Ольги Елисеевны уже месяц – ни строчки. И не напишу, пока не напишет, так и скажите. А м. б. – больше месяца, совсем забыла вид ее почерка на конверте. Передайте ей, что и моей вере в любовь на расстоянии есть предел (я, вообще, не из верующих, – изверилась!) – что я не сержусь, но настоroje и что меньше как на 12-ти страницах (добросовестного: мелкого почерка: петита) не помирюсь.

«Молодец» уже 11/2 месяца как отпечатан, – но – нет обложки. Ясно, что пролежит еще 11/2 года и что обложка будет чудовищная.[43] Поставила крест, не спрашиваю и не угрожаю. «Дорогой» (Марк Львович[44]) – как помер (по-чешски: «хцып»), не мне – воскрешать, но и не мне оплакивать. Случайно узнала от Лебедевых (Аля ездила к Иресе), что был в Париже. Навестил ли вас? И на кого был похож?

Маргарита Николаевна[45] бесконечно-мила, подарила мне зеленое платье, мальчику – чудесное одеяльце, вязаный костюм (NB! первые штаны! так же знаменательно как первая любовь) и множество «белизн». Але сняла мерку и обещала ей к Пасхе розовое платье, из той же материи и того же покроя, что Иресе. Влюбленность последней в Алю продолжается: всю зиму переписка и, изредка, свидания. Ждем их (все семейство) в следующий понедельник. Аля предлагает всем женщинам: Маргарите Николаевне, Иресе, себе и мне – уйти гулять, а Владимира Ивановича[46] оставить с коляской, благо еще Барсик так мал, что не понимает (бороды и голоса).

Адя, непременно познакомьтесь с Бальмонтами, Мирра[47] была очень мила 13 лет, а сейчас она немножко старше Вас. Через 2 недели выйдет – а, впрочем – тайна: когда выйдет, пришло. – Посмеетесь. –

Очень прошу Вас, познакомьтесь! Если Бальмонт захочет целоваться (с ним бывает!), скажите, что у Вас есть жених – в Марокко, на кофейных плантациях. Он это ценит и отстанет. Напишите про Елену,[48] какое впечатление. В первый раз пойдите с Лисевой,[49] сидите и наблюдайте. Чудная семья, непременно подружитесь. – Не откладывайте. –

Пишу Вам в 5 ч. утра. Оба Сергея Яковлевича,[50] Аля и Барсик спят. Птицы свистят. В комнате, кроме деревянного корыта (бассейна Барсика), еще три таза – и все с пеленками, – Барсик вроде Версаля в le jour des Grandes eaux[51] (одна из причин любви к нему и неустанный повод к восхищению им – А. И. Андреевой).

Сажу в чешском халате – с сиреневыми лилиями, сильно похорошевшим, ибо обкурен, как пенковый мундштук.

До свидания, милая Адя, пишите мне. Спасибо за сведения о Розентале (по-еврейски: «Аймек-гуарузим»):

Аймек-гуарузим – долина роз.
Еврейка. Испанский гранд...
Это у меня стих такой есть (1916 г.)[52] – пророчество, нет – предчувствие Розенталя. (Знает ли он, что он Аймек гуарузим?)

Целую Вас.

МЦ.

Аденька! пошло ли мое письмо к Борису Пастернаку? Не забудьте ответить. Про наш гейзер Вам пишет Аля, – кипяточный поток!

Вшеноры, 25-го апреля 1925 г.

Дорогая Адя,

Ваши оба письма дошли. Теперь давайте о главном: «Записки девочки», так надо назвать. [53] Предисловие, если хотите, напишу я – несколько слов в связи с другой книгой – «Une enfant sous la Terreur» [54] – кажется, так называется. [55] Тоже аресты, мытарства, издевки – только героиня была старше Вас – тогда, и писала уже взрослой. Отмечу и это.

Писать я бы Вам советовала, не называя родителей, и подписываться буквами – *secret de Polichinelle*, [56] но так, по-моему, для первого раза в печати – скромнее. (Ничего не потеряете, только выиграете.) Отрывка будет два: Арест (и все, что с ним связано) и – колония. [57] Пока пишете первый. Начните с чего хотите, но только не слишком задерживайтесь на предыдущем, – важно выяснить общее положение: слежку, скрывание и т. д. Арест, Чека, Стекловых, [58] Кремль – возможно точнее и подробнее, с фамилиями, не упуская внешностей, повадок, голосов, по возможности восстанавливая свое тогдашнее впечатление. Вид комнаты – меню обеда (NB! особенно в Чека!), не упуская ничего. Ваша запись будет единственной. М. б. и много было детей арестованных, но таких как Вы – «дитяти» – ни одного. Помните, что у Вас в руках – клад. Не испортите поспешностью – ленью – небрежностью, не бойтесь длиннот, не смешивайте их с длиной вещи: в содержательной вещи, растекись она хоть на 100 печатных верст, их не бывает. (Лучший пример – Достоевский.)

Адя, и – не мудрствуя: просто, как рассказ и как письмо. Напрягите внимание и память (внимание памяти!), о «стиле» не думайте, «*faites de la prose sans le savoir*». [59] Здесь в Праге Мякотин («На Чужой Стороне»), [60] если решите писать, прельщу его заранее. Возьмите со стороны: девочка 9-ти (?) лет в такой передрыгге и 15-ти (на год «омолодим») ее записывающая. Не только документ истории, еще и *document humain*. [61] В «Колонии» не забудьте историю с собакой, но пока о «Колонии» не думайте, сосредоточьтесь – вся – на Чека. Делайте так: заведите блокнот, чуть что – где бы то ни было (хоть в «Заход'е» [62]), вспомните – заносите. Так несколько дней, пока не вспомните всего.

Но ужас первого дня опишите. Потом будут вставки. И пишете каждый день, с утра, пока голова свежа. Вечернее писание – на нервах, т. е. не надежное, не привыкайте. Когда кончите (не позже, как через месяц, – я говорю о 1-ой части – за глаза хватит!), присылайте. Если хотите, где нужно будет – выправлю, чуть-чуть, какое-нибудь слово, знак, т. п. Иногда обидно: на букву меньше или больше – и вся фраза иная.

Итак, я жду от Вас «Чека» (или иначе, не знаю, где центр тяжести: Чека? Кремль?) через месяц, к концу мая. Ручаюсь, что поместят. Не в «Чужой Стороне» – так в «Современных Записках», только – умоляю – никому, кроме своих, ни слова (верю в сглаз). Глубоко верю, что каждое настоящее писание – из опыта, *vie vécue*, [63] *Gelegenheitsgedicht*. [64] Поэтому никогда не приветствую, особенно в ранних писаниях, чистого вымысла, который отождествляю с Крачковским. Если бы Вы сейчас взялись писать роман – он вышел бы определенно плох. Рассказы же – полуправда, полувывысел – это Зайцев. Я за жизнь, за то, что было. Чту было – жизнь, кбк было – автор. Я за этот союз.

Напрасно посрамляли Сергея Яковлевича, он уже давно отправил Вам поздравление и, недавно, роясь в сорном ящике, я нашла длиннейшее, мельчайшим почерком его письмо к Ольге Елисеевне, «отправленное» им – свято был уверен! месяца два назад. Честное слово.

Вчера доели остаток пасхи, кулич (вроде плюшкинского сухаря) еще жив. Гостей, кроме местных вшенорских, было мало. На следующей неделе будут Лебедевы, мать и дочь (он, кажется, уезжает в Париж), делящие «вылет» между Пешехоновыми[65] (бе-зумная скука!) и нами. Ируся пишет Але раза два в неделю, Аля сообщит Вам ее сегодняшнее приветствие.

Да! самое главное: 20-го, на 2-ой день Пасхи, было Сережино выступление в «Грозе». [66] Играл очень хорошо: благородно, мягко, – себя. Роль безнадежная (герой – слюня и макарона!), а он сделал ее обаятельной.

За одно место я трепетала: «...загнан, забит, да еще сдуру влюбиться вздумал» [67]... и вот, каждый раз, без промаху: «загнан, забит, да еще в дуру влюбиться вздумал!» Это в Катерину-то!

В Коваленскую-то! [68] (prima Александрийского театра, очень даровитая.) И вот – подходит место. Трелещу. Наконец, роковое: «загнан, забит, да еще...» (пауза)... Пауза, ясно, для того, чтобы проглотить дуру. Зал не знал, знали Аля и я. И Коваленская (!)

Был он в иждивенческом костюме, [69] в русской рубашке и сапогах, т. е. крагах поверх (иждивенческих же) башмаков. фуражку все время держал в руке, – вроде как от почтительности, на самом деле – оттого, что не налезала. (Гардероб и декорации из чешского театра.) Да! Волга, над которой я так умилялась, оказалась – Нилом. (Пальмы – вербы и т. д.) Жаль, что не было пирамид, я бы приняла их за style russe [70] – хаты.

Адя, непременно перечтите «Грозу».

Георгию скоро три месяца. Востро- и сине-глазый, горбоносый, ресницы выросли, но белые, от бровей – одни дуги. Тих, мил и необыкновенно прожорлив. Пьет сразу по стакану черной смеси, спасшей в Германии во время войны десятки, а м. б. сотни тысяч детей: пережаренная мука на масле, разведенная водой и молоком. Я вся в бутылочках, пробках, спиртовках, воронках и пеленках. Гуляем, когда солнце, целый день. Почти не пишу. (Вечером себе не верю). Когда Вы его увидите, он будет уже «большим».

Целую Вас и Ольгу Елисеевну – куда Вы так таинственно ездили? Как в романах!

МЦ.

Башкирцева – прекрасная книга, одна из моих любимейших. [71] я в 1912 г. долго переписывалась с ее матерью [72] и у меня в России несколько ее детских карточек, в Полтаве: с собакой, с братом. Теперь мать ее, наверное, умерла (в Ницце).

P. S. И – раздумье: а может быть, Вы и вовсе не были в Чека? Только сестры? Но в Кремле были – ясно помню. Как жена Ленина хотела Вас посмотреть, а ее не пустили

II P. S. Мне очень нравится – что Вы говели. Вам (дочери революционера) говеть то же самое, что мне (внучке священника) 16-ти лет заставлять Николая Чудотворца на иконе – Бонапартом. Честное слово. Так было.

Конец мая – июнь 1925 г.

Дорогая Адя,

Молодец – что пишете! Не смущайтесь длиной и не смешивайте ее с длиннотами. Их у Вас быть не должно и, думаю, не может. – Лишь бы было насыщено. – Пусть не отрывок, а целая книга, – вещь сенсационная – издателя найдем. Могу написать предисловие, могу – отзыв, могу и то и другое – пишу редко, но печать и рекламу Вам создам, как никто.

Пишите Чека. Пишите Колонию. Поставив последнюю точку – забудьте. Буду действовать я. Постучусь и в «Современные Записки» (к заживевшему Переслегину[73]) и к не менее, хотя по-другому, жирному – Мякотину («На чужой стороне») и к Liatzk'ому.[74]

Книга будет. И замечательно, что 16-ти лет! Я за ранние дарования, как за ранние любви (Лорда Байрона: 4 года)

Один совет, если не обидитесь: давайте себя через других; не в упор о себе, не вообще о себе, а себя – в ответ на: события, разговоры, встречи. Так, а не иначе встает личность.

Не отставайте от работы, пусть это – временно – будет Ваша жизнь, поселитесь в ней. Так, а не иначе пишутся книги.

А знаете, Адя, что Вы на этом деле сможете крупно заработать. Хорошо бы: сначала через какой-то журнал (хотя бы отрывки), потом – отдельной книгой. Получите двойной гонорар. А еще переводы! И в Россию книга, бесспорно, попадет.

Всю силу своего желания в данный час направляю на Вас. – Самый действенный гипноз: хочу, чтобы Вы захотели.

МЦ.

P. S. Очень прошу, поддержите корректуру моего стиха в «Огоньке». Опасные места упомянуты на отдельном листке.

St. Gilles, 9-го июня 1926 г.

Милая Адя!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
13-го (в воскресенье) в Подворье (93, rue de Crimée) венчание М. С.
Булгаковой. [75] Хорошо бы узнать накануне – когда, и пойти! Венчается целая
поэма! (Пауза.) Целых две.

Подговорите Володю[76] и Доду[77] и пойдите. И напишите.

Хороший день выбрали – а? (13-е!)

Целую.

МЦ.

St. Gilles, 1-го июля 1926 г.

Дорогая Адя,

Спасибо за письмо. Оно мне сегодня снилось, и проснулась в тоске, хотя в жизни
уже ничем не отзывалось. Засесть гвоздем, это ведь лучше, чем висеть жерновом!
Жалею Марию Сергеевну, [78] потому что знаю, как женился! Последующие карты можно
скрыть, она слишком дорожит им, чтобы домогаться правды, но текущей скуки,
явного ремиза не скроешь. Он ее не любит. – «Ну, хоть тянетесь к ней?» – «Нет,
отталкиваюсь».

Стереть платком причастие – жуткий жест.

Она вышла за него почти против его воли («Так торопит! Так торопит!») – дай ей
Бог ребенка, иначе крах.

Спасибо, что пошли. Поблагодарите, когда приедут, ваших. Теперь Дода знает, как
венчаются герои поэм и кончаются поэмы.

Написала здесь две небольших вещи, пишу третью, очень трудную. [79]

Писать приходится мало, полдня пожирает море.

Мур ходит вот уже месяц, хорошо и твердо, первый свой шаг ступил по
безукоризненной земле отлива. Пляж у нас изумительный, но это все. Пляж для Мура
и сознание Вандеи для меня. Жизнь тише тихого, все располагает к лени, но это
для меня самое трудное, – лень и неженство на берегу. Купаюсь, вернее, захожу по
пояс (по пояс – условности: по живот! пляж у нас так мелок, что для по пояс
нужно было бы пройти полверсты), захожу по живот и в судорожном страхе плыву
обратно. А Аля – того хуже: зайдет по щиколотку и стоит как теленок, глядя себе
под ноги. Может так простоять час.

Вы, наверное, уже знаете, что меня скоропостижно сняли с иждивения. Полетели
письма по всем пригородам Праги. Не будь этого, приехала бы к вам осенью, когда
часть разъедется. Дода тоже с Вами?

Мы все загорели. Рядом с нами фотография, сниму Мура и пришлю. Ольга Елисеевна
спрашивает, что ему прислать. Из носильного ничего, спасибо, все есть. Может
быть – у вас раньше будут – апельсины. Здесь все очень поздно, оказывается
Вандея совсем не лес и совсем не юг.

До свидания, целую Вас и Ольгу Елисеевну, ей напишу отдельно. Пишите. Аля ждет от Вас письма.

МЦ.

Да! Не знаете ли (Вы видели Невинного), где Дорогой? Он мог бы мне помочь с чехами.

КОЛБАСИНОЙ-ЧЕРНОВОЙ О. Е
Вшеноры, 17-го Октября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Когда отошел Ваш поезд, первое слово, прозвучавшее на перроне, было: «Как мне жаль – себя!» и принадлежало, естественно Невинному. (Прийти на вокзал без подарка, – а? Это уже какая-то злостная невинность!)

Потом мы с ним пошли пешком – по его желанию, но не пройдя и двадцати шагов оказались в кафе, тут же оказавшемся политическим и даже преступным местом собрания здешних чекистов. Невинный рассказывал о Жоресе[80] и чувствовал, что делает историю.

Засим он – в Волю России, мы – почти, т. е. в тот магазин шерсти, покупать Сереже шершти[81] на кашне. Выбрали, в честь Вашего отъезда, траурную: черную с белым, явно – кукушечью. Да! Вдоль всего Вацлавского[82] глядели вязаные куртки и платья, причем Невинный на самое дорогое изрекал: «Вот это», так весело и деловито, точно я (или он) вправду собираемся купить.

У остановки 5-го номера столкнулись с Виктором Михайловичем,[83] и я, радостно: – «А мы только что проводили Ольгу Елисеевну. Сколько народу было!»

И он, улыбаясь: «Значит, с вокзала?»

Ничего не оставалось, как подтвердить: «Да».

Невинный мялся, и мы его отпустили.

У Карбасниковых нас ждало некое охлаждение, выразившееся в форме одной котлеты на брата, без повторения. Съели и котлету и охлаждение.

– «Только ра-а-ади Бога, Марина Ивановна, не беспокойтесь, не приезжайте ни прощаться, ни провожать», [84] – раза три сряду, на разные лады, с все возрастающей настойчивостью.

И тетка, как в тромбон: «И мебель увезут».

Перед уходом она кровно оскорбилась на меня за то, что я не смогла ей во всей точности указать, где и как в данный час переходят границу. – «Я же совершенно вне политики, да ведь это ежедневно меняется, откуда мне здесь, в Праге, знать?!»

И она, оскорбленно и хитро подмигивая:

– «Наоборот, как Вам здесь, в Праге, не знать, когда у Вас все друзья политические, – Вы просто не хотите мне сказать!»

Простились холодно: Анна Самойловна, очевидно, почуяла, что я всем ее сущим и будущим отпрыскам (или это только у мужчин отпрыски? у женщин, кажется, птенцы) – или птенцам – предпочитаю хотя бы худшую строку худшего из поэтов – и это вселяло хлад.

Ах, к черту! Надоели чужие гнезда.

А ночью видела во сне Дорогого, – мы с ним переносили груды стекла – всё такие изящные «вещички» – он устраивал квартиру – я помогала, и у него, кроме стаканчиков и рюмочек, ничего не было. Но помню, что я плакала, хотя ничего не разбила, даже проснулась в слезах.

Завтра, 18-го, на каком-то вечере чешско-русской «гудьбы» (музыки) встречусь с Завадским, [85] передам ему рукописи, в первую голову – Вашу. Сегодня все это приведу в порядок. У меня после двух дней в Праге, а особенно после Невинного, полное чувство высосанности, какие-то сплошные отзвуки Игоревой «ножки» (видите ли – стукнулся!), [86] теткинских политических границ, слонимовского стекла, – хлам! Буду убаюкиваться вязаньем.

Рецензию в «Звене» прочла. [87] Писавшего – некоего Адамовича – знаю. Он был учеником Гумилева, писал стихотворные натюрморты, – петербуржанин – презирал Москву. Хочу послать эту рецензию Волконскому, а отзыв на нее Волконского – Адамовичу. Пусть потешится один и омрачится другой.

Часть романа Волконского, [88] им присланную, почти кончаю: пока – не роман, но блестящая хроника дней и дел. – Царский бал – прием у Витте – убийство Гапона, [89] – книга, конечно, пойдет.

Знаете чувство, охватившее всю группу провожающих, после последнего взмаха последнего платка? – «Как Ольга Елисеевна скоро уехала!» – В один голос, – «Не скоро уехала, а отъехала, – сказала я, – ибо для того, чтобы уехать, нужны люди, а для отъезда – паровоз». Не знаю, оценил ли Невинный укор моего разъяснения (– и упор!).

Жду письма: дороги, вокзала, первого Парижа, первого вечера, первой ночевки. Поцелуйте Адю и расскажите ей, в какой сутолоке (не людей, а предметов!) я живу, чтобы не сердилась, что не написала.

– Мне скверно, – м. б. отзвук карбасниковского громкого благополучия, м. б. слонимовское стекло, – но: скверно. То, что я больше всего боюсь: глухой стены, – нет! – брандмауэра, воздвигаемого моей гордостью – случилось, а когда стена – чтт остается? – головой тб стену!

И – главное – я ведь знаю, как меня будут любить (читать – чтт!) через сто лет! МЦ.

Вшеноры, 2-го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Так и не дождалась Вашего письма, хоть и не сомневаюсь, что половина (из скромности!) Ваших помыслов принадлежит мне.

Нынче унылый воскресный день, вчера был день всех святых (всех мертвых) кто-то рассказывал, что мой – Ваш – Uhel'nэ trh[90] являл собой сплошной цветник, – могла бы и я принести несколько цветочков на свои недостоверные могилы. (Недалёко ходить!)

Живу домашней жизнью, той, что люблю и ненавижу, – нечто среднее между колыбелью и гробом, а я никогда не была ни младенцем, ни мертвецом! – Уютно – Связала два шарфа: один седой, зимний, со снеговой каймой, другой зеленый – 30-х годов – только недостает? цилиндра и рукописи безнадежной драмы под развевающейся полкой плаща – оба пошли Сереже, и он, в трагическом тупике выбора, не носит ни одного.

Есть у меня новая дружба, если так можно назвать мое уединенное восхищенье человеком, которому больше 60-ти лет и у которого грудная жаба – и которого, вдобавок, видела три раза – и у которого крашенная жена и две крашенные падчерицы – но дружба, в моих устах, только моя добрая воля к человеку.

И вот, не будучи в состоянии угодить ему стихами (пушкинианец), – вяжу ему шарф.

Это – профессор права – Завадский – бывший петербургский прокурор, председатель нашего союза и мой соредатор по сборнику.[91] Я уверена, что он бы меня очень любил, если бы я жила в Праге.

Большую вещь свою я окончила: Тезей (Ариадна) – I часть. Драматическая вещь, может быть и трагедия. (Никогда не решусь на такой подзаголовок, ибо я женщина, а женщина не может написать трагедии.) Куда отдам – не знаю. В «Современные Записки» недавно отдала «Мои службы» – отрывки. Вы знаете, – для нашего же сборника вещь слишком велика. – Пускай отлежится. – Буду теперь писать II часть. Замысел – трилогия. Думаю, справлюсь.

Уехала третьего дня Валентина Чирикова, с которой меня роднила «великая низость любви» (из одного моего стиха, там так):

Знай, что еще одна... Что – сестры.

В великой низости любви – у нее в настоящем, у меня в прошлом. Весной она выходит замуж за какого-то горного инженера (как жутко! точно все время взрывает мосты! – но всякая профессия жутка), – которого не любит, потому что любит другого, который ее не любит. А выходит – п. ч. 29 лет, и нужно же когда-нибудь

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
начать.

Если бы – миллиардер, я бы поняла, – тогда выходишь замуж за все пароходы! Но – инженер... Хуже этого только присяжный поверенный.

Таскаемся с Алей к Александре Захаровне, [92] выходим в сумерки, – у нее тепло, она – шарф, я – шарф, Аля на полу возится с Леликом – а за окном и в окно дождь, по которому сейчас придется идти домой. Возвращаемся в непроглядной тьме, по лужам, с тоскою выстораживая первый огонек Вшенор.

Так проходят дни. С виду все еще незаметно. (Скоро 6 месяцев!) – На легком подозрении, развивающемся при первом моем вскоке на стул или на стол (достать стакан с полки, поправить штору) – а то и на скалу – достать небосвод! – Лазим с Алей – в ясные дни – исступленно: последнее небо! Впереди – сплошная муть. Здесь хорошие прогулки, но деревня – пытка: с тех пор, как я еще тогда, при Вас – вступилась за Лелика, мальчишки нас с Алей ежедневно встречают ругательствами, камнями и грязью. А сколько таких дней еще впереди!

Стараюсь с помощью сравнительной лестницы (другим, мол, еще хуже!) представить себе – один день, что я счастлива, другой, что я этого заслуживаю, но... при первом комке грязи и при первом неуступчивом куске угля (топка – пытка!) – срывается: всем существом негодую на людей и на Бога и жалею свою голову, – именно ее, не себя!

Сереза неровен, очень устает от Праги, когда умилителен – умиляюсь, когда взыскателен – гневаюсь. Бедная Аля вертится, как белка в колесе – между французским, метлой, собственным и чужим беспорядком. Твердо надеюсь, что она выйдет замуж «за богатого», после такого детства только это и остается.

Мечтает, впрочем, о елке: уже считает дни!

6-го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна, а сегодня – Ваше письмо. Радуюсь и печалюсь. Бедная Адя! Как жаль. Думая об Аде и об Але, я сразу восстанавливаю в памяти морды детей Карбасниковых (и матери и тетки) – слышу их требовательные голоса: «ветчинки! печеньица!» и ответный противно-медовый – матери: «Они у меня, Марина Ивановна, уди-ви-тель-но любят ветчину. А Аля?» – и готова мир взорвать.

Да, есть дети еще несчастнее Ади и Али: те, что под заборами, или те – стадами – в Советской России, но РАЗВЕ ЭТО ОПРАВДАНИЕ?

Аде, 15-ти лет, сидеть ночи подряд над чужими куклами, и Але, 11-ти, [93] весь день метаться от метлы к сорному ящику, когда сотни тысяч ничтожеств («Ид») того же возраста челюсти себе смещают, вызывая золотой свободный бесконечный богатый день – дуб, кто этого не чувствует, и негодай, кто не вступается!

Как же Вы, после глаз Вашей Оли и синяков под глазами – Ади, не поверили еще, не

Страница 17

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
заставили себя ещё поверить в ликующее, торжествующее, мстящее бессмертие души?!
Бессмертие, в котором она открывается! Вроде большевицкого кухаркиного: «Теперь
мы господа!» Ведь тех англичан с пароходами нет, как же без верховного
англичанина?!

А с «дорогим» я помирилась – третьего дня. Пришла, чтобы говорить о сборнике, т.
е. просить денег, он заговорил о «Психее» Родэ, [94] которую мне проиграл месяца
четыре назад, причем «Психеи» этой нигде не мог найти, ибо запомнил и требовал
«Элладу», [95] – я рассмеялась, – он рассказал мне китайскую сказку про девять
небес – я задумалась – стало жаль, и ему и мне – года назад, набережных. Он был
прост, правдив, нежен, человечен, я – проста, правдива, нежна, человечна. В кафе
я уже рассказывала о «номере» с Родзевичем, а в трамвае (он провожал меня на
вокзал) уже слушала песенку: «Можно быть со всеми и любить одну», которую
париовала настоящей на сей раз песенкой – очаровательной – XVIII века:

Bergiere l'iegiere,
Je crains tes appas, –
Ton vame s'enflamme,
Mais tu n'aimes pas... [96]
Расстались друзьями, – не без легкого скребения в сердце – Почему все всегда
правы передо мной?? –

Приписка на полях:

Только что был у нас Петр Адамович, – завтра уезжает. Растопил мне на прощание
печку. Было трогательно. Ехать ему смертно не хочется. [97] В тоске.

Целую нежно Вас и Адю. Бедная семья Кесселей. [98] «Беда от нежного сердца», –
как называли Александра II, предпосылая беде – Августейшая. [99]

МЦ.

Непременно опишите мне встречу с Чабровым и, если доведется, покажите ему
«Переулочки» в Ремесле. [100] Он наверное не видел посвящения.

Вшеноры, 16-го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Деньги получены, – девятьсот крон. [101] Посылаю Вам сейчас восемьсот, к 1-му –
еще сто. Получила я их подлогом, ибо доверенности на получение у меня не было, и
я ее написала сама.

Заблоцкий [102] спрашивал о вашем местопребывании, я ограничилась туманностями.
Попытайтесь (терять нечего!) еще раз подать прошение:

В Комитет по улучшению быта русских ученых и журналистов

– такой-то –

Прошение

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Покорнейше прошу Комитет продлить выдаваемую мне ссуду и на этот месяц, по возможности в том же размере.

Подпись

Семейное положение:

Заработок:

Адрес: Дольние Мокропсы, и т. д.

Число

Сделайте это немедленно и пришлите мне, вместе с доверенностью: «Доверяю такой-то получить причитающуюся мне ссуду за декабрь месяц».

Прошение я передам Ляцкому, доверенность предъявлю 15-го, вместе с уцелевшим бланком (Вы мне прислали два), в котором я ноябрь переправлю (не бойтесь!) на декабрь.

Жаль, что раньше не пришло в голову, но м. б. еще не поздно.

На Ваше первое (длинное) письмо я ответила. На второе, т. е. деловую часть его, скажу следующее: пока мне чехи будут давать, я отсюда не двинусь. Жить, как Ремизовы, Зайцевы и другие парижане, я не могу, ибо добывать не умею. Вы меня знаете.

Если бы – чудом, в которое я не верю, – таинственный ловец жемчужин и улыбнулся в мою сторону, я бы эту улыбку просила направить в Прагу, где мне уже улыбаются. Ему бы эта улыбка, во всяком случае, обошлась дешевле, мне же: $1+1=2$. Словом, я вроде того гениально-гнусного ребенка из французской хрестоматии, который, потеряв одну монету и получив взамен вторую, ревя и топая ногами, неустанно повторял: «а prissent j'en aurais eu deux!»[103]

Милая Адя пишет о вечере. Милая Адя, когда Вы будете в «таком положении» – интересном единственно для того, кто от этого выиграет, а именно: для очевидного, но незримого – милая Адя, когда Вы именно этим образом будете интересовать – да еще на 7-ом, а то и на 8-ом месяце – Вы, головой клянусь, ни за что не захотите вечера в Париже, – особенно, имея прелестную привычку, как я, ощущать себя стройной – и интересовать – совсем другим!

Вечер – в мою пользу, да! Но без моего присутствия. И я Вас серьезно буду просить об этом, дорогая Ольга Елисеевна, *post factum*, когда тайное станет явным. Убедена, что не откажутся выступить ни Зайцев Борис (бррр!), ни еще какие-нибудь Борисы – можно даже будет внушить Зайцеву, что мой Борис[104] (*si Boris il y a?!*)[105] в его честь. (NB! Вот удивится!)

Вчера провела прелестный день в Праге. Ездилa с Алей и с одним добрым студентом

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
46 лет – в Москве у него внук в Комсомоле – получали иждивение, сидели у Флэка (старинная пивная), а вечер закончили у моего Завадского, за ласковыми и дельными разговорами. Старик чудесный (53 года, но с виду старше), подарил мне свои воспоминания о временном правительстве (в «Русском Архиве»), [106] угощал нас чаем и ходит в моем шарфе. (Сама видала!) 21-го у нас писательское собрание, представила сборник, Ваша «Раковина», надеюсь, пройдет. [107]

С Дорогим, как я Вам уже писала, помирилась, но с тех пор не виделась, вчера не зашла и, вообще, ни окликать, ни заходить не буду. Остаток горечи? Привычка к власти? Ах, кажется, нашла формулу: я не ревную, я брезгую. А брезгливость, прежде всего – руку назад.

По тому, как мне хорошо, достойно, спокойно и полновластно со стариками, я убеждаюсь, что мне окончательно-восхитительно было бы с ангелами.

Пишу стихи. – Кажется, хорошие. – За II часть Тезея еще не принималась, – печка мешает. Но топить я ее научилась безукоризненно: ни угля, ни рук не щажу. Сергей Яковлевич (второй) наконец догадался – кто я:

«Апачи [108] высказывают особенное отвращение ко всему, что походит на дом. Они только в исключительных случаях строят хижины из легких ветвей и кустарника; когда же становится слишком холодно, то отыскивают углубление в земле или же строят из земли, камней и листьев род котла в один метр в поперечнике и в 1/2 метра глубины, скорчившись садятся в него совсем голые, большей частью в одиночку, и встают только на другой день, когда солнце согреть их окоченевшие члены. От дождя прячутся под скалами и деревьями, а прочее время проводят в открытом поле». (Учебник археологии).

17-го ноября 1924 г.

Письмо задержалось. Высылаю его завтра, вместе с деньгами. Дорогая Ольга Елисеевна (получила Ваше письмо к Сереже) – зачем Вы уехали?! Ссуду можно было бы отстоять – хотя бы в половинном размере. Был бы прецедент. – Я в ужасе от Вашей жизни и жизни Ади. Адя вырастет озлобленной, помяните мое слово. Если бы я умирала, я, раздаривая свои дары, завещала бы ей – высокомерие к людям, уже готовое, без предыдущего этапа ненависти. Ненавидеть людей она будет не меньше, чем я, помяните мое слово, она уже и сейчас объелась людскими низостями. Жить среди благоденствующих низших – самоотравление. Мне жаль Адю. Это – характер. В ее глазах – суд. В подростковом это – жестоко.

Достаньте ей где-нибудь «Le Rkve» Zoła, [109] она мне чем-то напоминает героиню. Перечтите и Вы – хотя у Вас времени нет – ну, пусть она Вам расскажет. Сновидная книга.

Когда буду Вам пересылать остающиеся 100 крон, пришлю немного больше – хочу подарить Але на Рождество (а у нас и других разговоров нет, ибо Аля слишком умна, чтобы жить настоящим, т. е. печкой и тряпками!) «Les nouveaux contes de fée» Madame de Sïgur (Bibliothèque Rose) [110] – в Праге их нет – чудные сказки, одна из любимых книг моего детства. Адя, кажется, читала. Там все принцы и принцессы, превращенные в зверей. А то мы с Алей ежедневно читаем le chanoine Schmidt [111] – чудовище добродетели – 190 сказок, негодяй, написал. Я заметно глупею.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Серезин журнал вышел, – по-моему, хорошо – «Своими путями».[112] – Громить будут и правые и левые.

Вшеноры, 25-го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Что же не шлете прошения и доверенности? Чириков обещал похлопотать о декабрьской ссуде, но, если прошения уже будут поданы в министерство, это не поможет.

Кстати, адрес Людмилы:[113]

Malakoff (Seine)

Rue Jean-Jacques Rousseau 1

Madame Chnitnikova

(Шнитникова, Людмила Евгеньевна)

О моей жизни. Вся она сводится к нескольким (количественно – очень многочисленным) механическим движениям. Мыканье между пятью-шестью неодушевленными, но мстительными предметами – не маята маятника, ибо я не предмет, а нечто резко-одушевленное, именно – мыканье, тыканье чего-то большого и громоздкого (вспомните стихи Бодлера – о пингвине – нелепом на суше), в быту неорганизованного, между острыми, несмотря на их тупость, а м. б. именно тупостью своей, острыми, мелочами быта.[114]

Жизнь, что я видела от нее, кроме помоев и помоек, и как я, будучи в здравом уме, могу ее любить?! Ведь мое существование ничуть не отличается от существования моей хозяйки, с той только разницей, что у нее твердый кров, твердый хлеб, твердый уголь, а у меня все это – в воздухе.

Мы кругом в долгах (Вам верну), пришлось из текущего иждивения купить теплые башмаки (135 крон) и перчатки (35) и чулки (35) – (отмораживаюсь) – и вот уже 25-го сегодняшнего ноября ничего в наличности, даже эта марка в долг. «Дни» после моей вежливой перепалки с Зензиновым[115] (платил 50 геллеров строка, я добилась 1.50[116]) моих последних стихов не поместили, – сочувствую, – раз другой за 50, зачем же меня за 1 крону 50? Все всегда правы.

Сереза завален делами, явно добрыми, т. е. бессеребряными: кроме редактирования журнала (выслан, – получили ли?) прибавилась еще работа в правлении нашего союза («ученых и журналистов»), куда он подал прошение о зачислении его в члены.[117] Не только зачислили, но тут же выбрали в правление, а сейчас нагружают на него еще и казначейство. Ничуть не дивлюсь, – даровые руки всегда приятны, – и худшие, чем Серезины! А кроме вышеназванного университетская работа, лютая в этом году, необходимость не-сегодня-завтра приступить к докторскому сочинению, все эти концы из Вшенор на Смихов и от станции на станцию, – никогда не возвращается раньше 10 вечера (уезжает он поездом в 8 ч. 30), а часто и в 1 ч. ночи. Следовало бы поделить наши жизни: ему половину моего «дома», мне – его «мира» (в обоих случаях – тройные кавычки!).

Марк Львович о месте замолчал, вообще замолчал, на торжественном собрании нашего союза (выборы председателя и всего состава правления) отсутствовал, кто-то потом

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рассказывал: «уехал освежиться на 5 дней». Есть разные помойки: предпочитаю свою, внешнюю! На людях я его всегда защищаю и отношусь к нему с добротой, но есть что-то в этой доброте от моей высокой меры, а м. б. – просто от презрения. Мое отношение к нему – мое отношение к еврейству вообще: тяготение и презрение. Мне ни один еврей даром не сходил! (NB! А ведь их мно-ого!).

Завадский («мой» Завадский) из председателей ушел, выбрали при моем живейшем соучастии В. Ф. Булгакова. Он сиял – красным, как пион. Серые волосы над младенчески-розовым лбом лоснились. М. б. – двинет сборник? Рукописей – чудовищная толща, – сколько грядущих мстителей! Были бы здесь, рассказала бы в жестах и в лицах, много смешного, но так, в отдалении, теряет остроту. Дала в сборник «Поэму Конца» – ту, над обрывом, от которой у Вас разболелась голова – сосны и акации, помните? – очень бы хотелось именно здесь, в Праге, но.. если дадут меньше кроны строка (je baisse a vue de l'oeil!)[118] придется изъять.

Да, на каком-то вечере в Чешско-Русской Едноте (была второй раз за два года) видела Родзевича. Сидели за столиком с Булгаковой. Прислонили для приличия два стула, якобы ожидая еще пару, которая, разумеется, не явилась. В один из перерывов подошел (Булгаков, по обыкновению, «va faire un petit tour pour me faire plaisir»[119] – и Родзевич, не рассчитывая на ее быстроту, не боялся). Мы стояли с Александрой Захаровной[120] – она в голубой шали, я – в голубой шали, она – из деревни, я – из деревни.. Истово поцеловал руку, и я, задерживая его – в своей: – «Родзевич! Да у Вас женские часы!» – «Даже девические». – «Ну, девические – это никогда не точно!» Улыбнулся своей негодной улыбкой (с Булгаковой от такой быстроты отвык) – и, естественно, ничего не нашел в ответ. (Булгакова, получив от своего и всех православных, – отца[121] 400 крон на рождение, купила вместо одних, – двое часов, и те и другие – женские: одни себе на правую, другие Родзевичу – на правую: того же вида, качества и размера, чтобы – если и будут врать, ввали одинаково. А собственного и всех православных, – отца оболгала, сказав, что часы стоят 400 крон. Рассказывала мне это еще летом, заменив часы Родзевичу какой-то другой необходимостью). Постояли – разошлись. Постояли и с возвратившейся из турне Булгаковой. – Как все просто, и если бы заранее знать! – Со мной всегда так расставались, кроме Бориса Пастернака, с которым встреча и, следовательно, расставание – еще впереди.

Дорогая Ольга Елисеевна, найдите мне оказию в Москву, к нему, – верную! Если не скорую, то – верную. Я сегодня видела его во сне: «Die Nacht ist tiefer, als der Tag gedacht» (ночь глубже, чем это думал день),[122] он катал в коляске какую-то девочку – хоть десять! – и жену видела, разумную, не- или умно-ревнивую, – словом, мне нужно ему написать. (Не писала с июня, и на последнее письмо – о своем будущем Борисе – ответа не получила, хочу проверить.) Без любви мне все-таки на свете не жить, а вокруг все такие убожества!

Если бы я надеялась, что письмо когда-нибудь дойдет, я бы писала исподволь по несколько строк, а так – без надежды – рука не поднимается. Самое важное, чтобы письмо было передано лично, где-нибудь не дома, без жены. Я не хочу мутить его жизнь. Мне нужна больше, чем умная – сердечная оказия. Есть ли такие еще?

Прогулки здесь унылые: голое шоссе, чаще грязное, с кладбищенскими елями и смехотворными скалами. Овраг неприятный. В деревню не хожу, п. ч. мальчишки камнями швыряются. Были морозы – сейчас оттепель. Ах, да! Недавно у Чириковых видела Лапшина, [123] сравнивал блины с какой-то симфонией Скрябина (какова пошлость!) – Самойловна ему очень понравилась, и «молодой человек» (Адя, примите к сведению!) «очевидно подает надежды». Вспоминал Вас с теплотой, просил кланяться. Ваши писания ему очень нравятся.

Мой сын ведет себя в моем чреве исключительно тихо, из чего заключаю, что опять не в меня! – Я серьезно. – Конечно, у Сережи глаза лучше (и характер лучше!) и т. д., но это все-таки на другого работать, а я бы хотела на себя.

Пишу сравнительно много – отдельные стихи. Очень бы хотела издателя на книгу стихов, – у меня с «Ремесла» не было книги, а тому уже 2 1/2 года, и стихов больше, чем достаточно, на том. Но с «Пламенем» я больше не свяжусь: «Мтлодец» и к Рождеству не выйдет.

Писал ли Вам Петр Адамович? Мы с ним трогательно простились. Он мне даже печку на прощание затопил – на добрую память. Писала это письмо урывками – от печки к примусу и т. д.

Целую Вас и Адю. Не видали ли Бахх-рах-ха?!

МЦ.

P. S. Посылаю рам три захудалых франка, – м. б. пригодятся, здесь мельче 5-ти не меняют, вот и застряли. – Ведь не обидитесь?[124]

3-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше прошение Ляцкому передано – через Белобородову, [125] с сопутствующим письмом. Что выйдет, не знаю, ведь прошения уже поданы и утверждены. Обидно, что не раньше.

Вы давно не пишете, Ваше последнее письмо было к Сереже, он два раза садился отвечать, но жизнь его так разорвана, по приезде еле успевает поесть, – уже спит. А я не писала давно, п. ч. все ждала Вашего прошения.

Я начинаю серьезно задумываться о своем недалеком будущем. Событие через 21/2 месяца, а у меня – ничего, вплоть до наименования лечебницы. Я даже у доктора ни разу не была, словом – все на Божью волю.

Виделись ли Вы с Людмилой Чириковой? У нее наверно есть младенческие вещи, – не все же сувениры! И нельзя ли было бы закинуть удочку – осторожно? Хорошо бы также попытать почву (дно, боюсь, мелкое, и вместо китов, например – одни пескарики, т. е. лирика!) – у Карбасниковых (насчет «приданого»). Нужно столько вещей, что я обмираю: кроме всего тряпичного – коляска, корыто, – откуда я это возьму?! Мы кругом в долгах, заработка за этот месяц никакого, – дни (т. е. Зензинов) на мое правоутверждение (1.50 вместо 50 геллеров!) обиделись и последних моих стихов не поместили, посылать еще – неловко, я не нищий.

О лечебнице: в бесплатную мне жутко: общая комната, вместо одного младенца – 20, чешские врачи и чешский язык, курить нельзя, а лежать мне, по моей органической негодности к этим делам, наверно придется, как в прошлые разы, не положенных 9, а то и все 29 дней! Во что я обращаюсь? Подумать жутко. (Знаю свои «не могу»!)

Маргариты Николаевны [126] я не вижу, – как-то она была у нас, мы писали, живут они где-то далеко, дни идут за днями (трамвай, очевидно, за трамваями!) – и ни

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
один из них (дней и трамваев) никуда не довозит. Жирный смех Лебедева, чужая жизнь – и мои несвойственные заботы, все это не спевается.

Но, главное, – приданое. Если бы я знала, что у меня что-то есть, я бы отчасти успокоилась, – все-таки некая реальность.

Да! здесь затевается студия, м. б. поставят мою «Метель», – не могли бы Вы мне прислать тот экземпляр, который я Вам дала с собой? Здесь его достать невозможно. Очень, очень прошу. А если утерян, всегда можно достать в «Звене» (кажется, февраль 1923 г.).

С платьями у меня тоже трагично, единственное допустимое – Ваше зеленое Александра Захаровна мне надвязала верх и рукава). В синее я еле влезаю, а вылезти уже почти невозможно, когда-нибудь застряну навеки (как в лифте!) А больше ничего нет. Беда в том, что приходится бывать в Праге, по делам сборника, сидеть с приличными (NB! Завадский) людьми – и в таком виде. У Людмилы Чириковой много платьев, и она (уверена!), если бы знала, с удовольствием дала.

Но... нужно обольстить. Еще беда (все беды зараз!) – бандаж. Корсет уже невозможен, все кости вылезли и весь он лезет куда-то вверх, под шею, а само b'icho[127] на свободе. Какой-то неестественный вид. В этом Вы мне, конечно, помочь не можете, просто лазарюсь – иовлюсь – жалуюсь.

Но погода прелестная – ни льдинки, ни снежинки – осень с теплым ветром – без дождики! – но... хозяин поставил печь (деньги – наши, печь – его: в рассрочку!), и вчера мы с Алей были в кинематографу на «Нибелунгах». [128] Великолепное зрелище.

И еще – стихи, которым – дивлюсь, что не разучилась.

Убивает Алин французский, отнимающий ровно половину утра (другую – плата и еда), убивают чулки, которые с каким-то протестующим ожесточением штопаю (2 пары своих, 5 Алиных, – и все разлагаются!), убивает еще такой год, а может и два – впереди!

Никто не бывает, кроме преданной Кати Рейтлингер. Недавно разлетелась: – «Марина Ивановна! Что для Вас сделать? Я бы полжизни, я бы правый глаз, я бы душу...»

И я, прохладно: «Три пары теплых штанов для Али (девочка без штанов) – покрой вот: Далее приведен рисунок – бумазейных: одни розовые, другие голубые, третьи (обнаглевая:) – сиреневые. 21/2 метра на три пары. 15-го заплачэ (NB! и заплачэ!) И еще – надвязать чулки. (Оживляясь: – На Смихове, где мы жили, помните? – как спускаться со Шведской, вторая улочка налево? Так вот, такой магазинчик крохотный. Надвязка – 4 кроны пара»).

Катя уехала с отдувающимся портфелем, а я осталась в приятном ожидании штанов всех цветов радуги и 5-ти пар цельных чулок.

Да, чтобы задобрить... и загладить, сказала ей три стишка.

Сереза видится и водится с Исцеленновыми.[129] Квартиры они так и не сняли, живут в гостинице, в которой Сереза и посещает их, съедая один весь их скромный ужин и опивая чаем. Устроил им работу (верную) в какой-то художественной мастерской. Они его любят, а мне сочувствуют.

Сереза трогателен, подарил мне на свой редакторский гонорар чудную неопрокидывающуюся стеклянную чернильницу (Ваша поганая сова загаживала весь стол!), записную книжку, дегтярное мыло, сушеных винных ягод и («мне») – 1 коробку баррана.[130] И вот уже 10 дней как содержит табаком.

Да, инцидент с «Дорогим». Его заглазно выбрали в правление союза писателей, по предложению Калининкова.[131] (Уезжал на 5 дней «освежиться» – вроде как с той русской чешкой – фамилию забыла – с ужасным голосом.) Приезжает, является в Союз – с отказом: «1) Это не союз писателей, ибо здесь их почти что нет 2) за 2 года существования союз ничего не сделал, даже не организовал охраны своих прав перед издательством „Пламя“, зачастую эксплуатировавшим писателей 3) я – единственный из социалистов, попавших в правление, и без своих не могу». Общее смущение, вот-вот уже начнут уговаривать (улещать-умасливать) – причем большинство его не выносит – и Сереза, подымая руку:

– «Прошу слова» – и, получив: «Я бы предложил, приняв во внимание заявление Марка Львовича, перейти к очередным делам». Общее согласие. Секунда столбняка, вспышка румянца, руки в рукава, торопливое прощание, – исчез.

Сереза кругом прав, и я его всячески одобряю: писателей прежде всего должен был защищать Марк Львович – социалист, член союза и служащий «Пламени». Это заявление – вызов.

Кончаю, уступая место Але. Целую Вас и Адю и жду письма.

МЦ.

P. S. Недели через две Катя Рейтлингер будет проездом в Париже. (Едет в Англию на какой-то православный съезд и в Париже будет дня 4.) Дам ей Ваш адрес. Если бы удалось что-нибудь заполучить от Людмилы Чириковой, Катя бы наверное привезла. О ее поездке напишу подробнее.

Вшеноры, 11-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше дело с иждивением плохо: Ляцкий обещал сделать, чту может, но заранее предупредил, что ничего не может, – прошения поданы и утверждены, срок пропущен.

15-го вышлю Вам 50 крон, когда смогу – еще 50, я уже давным-давно не получала ниоткуда ничего, иначе бы выслала раньше.

Был у нас в прошлое воскресенье – совершенно неожиданно – Невинный, предстал уже в сумерки и уехал в проливной дождь. Приехал, из кокетства, без зонта и без калош, и был очень смущен неожиданным (это в Чехии-то!) явлением природы.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Говорил, естественно, о Париже, куда собирается через две недели и на несколько месяцев. Жаловался – довольно кротко, впрочем, – на какое-то Ваше возмущенное письмо к товарищам, ту же нотку я уловила и у Маргариты Николаевны (между нами!), у которой мы недавно были с Алей.

Какая квартира! (Скороговоркой: «не квартира, а конфетка!») – Возглас не осуждения, не зависти, а удивления. Тепло – и не где-нибудь, в каком-нибудь углу (NB! печном) – а сразу, равномерно и всюду. Какие-то испанские балконы с зеленью – вроде зимнего сада или тропик – запах эвкалипта и духов, скатерть, приборы, бархат на девочке и на креслах – восхитительно. Лебедева не было, что прелести не убавляло.

Обещала разузнать мне про лечебницу, врача, бандаж и пр. Была мила. Накормила чудным обедом. Скоро увижусь с ней еще.

Жду визита одной чешки[132] – пожилой и восторженной, которая пригласила меня читать лекцию о чем хочу в Карловом университете 7-го мая 1925 г. в 7 ч. вечера, на что ей было объявлено о моих собственных 7-ми месяцах и гадательных еще часах и датах определенного февраля 1925 г.

Жаль, что она не акушерка! С деловым (у Достоевского – умным) человеком и поговорить приятно. Но она, кажется, увы – старая дева! Если она лирически спросит, чего бы я хотела, я отвечу: «Козы для ребенка и няньки для меня». – Это вместо тридцати царств-то! –

Обрываю, ибо Сережа летит на поезд.

Целую Вас и Адю.

МЦ.

Вшеноры, 26-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Завтра Сережа высылает Вам иждивение – 900 крон – наконец полученные у Зabloцкого.

Тотчас же напишите благодарственное письмо Ляцкому (и Белобородовой) – их рук дело, и дважды: 1) выпросить у чехов, 2) уломать Зabloцкого. Мне он 15-го наотрез отказался выдать: г-жа Чернова в Париже, и я запрошу Министерство. В Министерстве (уже забыв о Ляцком) естественно отказали. Тогда я вновь обратилась к Ляцкому (т. е. попросту стравила двух старичков!) – с жалобой на Зabloцкого, – переписка – поиски адреса Зabloцкого (никому не дает, но Сережа достал) – погоня его за Сережей и Сережи за ним, – в итоге 900 крон и все слава Богу.

Адрес Ляцкого:

Praha Smichov

Tř. Svornosti,

37. Panu Professoru E. Laitzky[133]

Мой совет: пользуйтесь случаем, и в наилестнейших выражениях просите работы. Даст.

Дальнейшее деловое: умоляю о скорейшей высылке «Метели». Пламя покупает у меня книгу пьес, кроме того «Метель» хочет ставить здешняя новая студия, – руки себе грызу, что тогда Вам отдала. Если потеряли, достаньте «Звено» (кажется, № 12, февраль 1923), я знаю, как это трудно и нудно, но в Праге № с «Метелью» нет. Достоверно. (Искал Исцеленов, один из зачинателей студии.)

Завела, наконец, бандаж. Покупали с Маргаритой Николаевной. Сразу воспряла духом, – ненавижу расплывчатость. Но это пока все, что у меня есть «для ребенка». («Это все для ребенка, это все для ребенка, это все для ребенка» – Игорь Северянин.)

Завтра уезжает в Англию Катя Рейтлингер; если через Париж (м. б. через Голландию), то будет у Вас. Я дала ей адрес Невинного и Ваш старый. В Париже будет неделю и Вас разыщет, т. е. отправит Вам *petit bleu*, [134] а Вы ей, в свою очередь, назначите свидание. Она бойкая и Ваши боины [135] разыщет. (Боюсь только, что всех быков перепугает.)

Вчера были на елке в «Воле России» – устраивали Лебедевы. Были Яковлевы с детьми, Минахорьян, [136] Ольга Ивановна со своей чешской дочкой, сами Лебедевы и мы с Алей. Елка, вне религиозного обряда, – как ни увешана – пуста. Дети представляли из себя Интернационал, – поэтому ничего не пели вокруг елки, кружились в молчании. (Французские Яковлевы, чешская девочка, не-русская Ируся [137] и русская Аля.) Хозяева были милы и сердечны, посадили нас на трамвай. Аля увезла длинную белую картонку, наполненную елочными украшениями и сладостями. На русское Рождество пригласили их во Вшеноры.

Много пишу. Перешли на керосин, – дешевле и уютнее. Две жестяные лампы. Две жестяные печи. Первые наливаем, вторые топим, и те и другие чистим. На все это уходит много времени. И время уходит – проходит – до моего Бориса уже меньше двух месяцев.

Бывают у нас: Катя Рейтлингер, изредка Исцеленовы. А мы с Алей – нигде: до Мокропсов в холод и гололедицу далеко, а во Вшенорах у нас никого, кроме Чириковых, нету, а те слишком умны, чтобы сидеть во Вшенорах: ездят в Прагу.

Сборник («Ковчег» – мое название) разбивается на два. О гонорарах пока не слышно. Будут – Вам в первую голову. Меня мои сотрудники любят.

Какое Рождество празднуете? Два? Была или будет у Ади елка? Кстати, Madame Лебедева усиленно приглашала нас с Алей на свою. Нравлюсь я ей? Сомневаюсь. Нужна я ей? Несомненно – нет. Любопытство? – Да. И поэтому не пойду. Мальчик (Pierrot) [138] милый, девочка кукольная. А с папашей мы ни слова не сказали, он и руку подает как бревно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пока кончаю. На молчание не сержусь, никак его – в смысле кривотолков – не толкую. День требует своего, в этом вся разгадка.

Аля целует, Сережа шлет привет. Деньги отправляются по адресу Сталинского.

Всего лучшего Вам всем.

МЦ.

Были ли у Людмилы Чириковой? Напишите о ней. И пойдите еще, – у нее сейчас гостит Валентина. Адрес: Malakoff/ S. Rue J-J. Rousseau, 1.

Умоляю о высылке Але книги:

Comtesse de Sÿgur. Nouveaux contes de fÿes.[139]

Верну с долгом.

27-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

А сегодня Ваше письмо!

Утро. Сережа торопится уезжать. Только что был почтальон. 2 часа назад уехала Катя Рейтлингер, если бы письмо пришло вчера, дала бы ей Ваш новый адрес. Впрочем, до сих пор не знаю, через Голландию или через Париж (едет в Лондон).

Бедная Адя! Но непременно нужно будет отпраздновать русское Рождество, к которому она наверное поправится, и очеловечить новую квартиру елкой.

Сегодня же начинаю Вам большое письмо. И Сережа сегодня же, уже не через Сталинского, а по новому адресу высылает Вам деньги.

Напишите Ляцкому и о болезни Ади, м. б. выхлопочет еще одну стипендию (на январь). И Белобородовой – отдельно – она ревнива. Адрес Ляцкого перепишите на стену, а то потеряете.

Целую Вас и Адю, спешу.

МЦ.

Вшеноры, 27-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Только что отправила Вам письмо с короткой припиской в ответ на Ваше, полученное

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
в последнюю минуту, – Сережа уже шел на вокзал.

Я Вам писала о елке у Лебедевых (в Воле России и не написала Вам о заминке в комнате каждый раз, как мною произносилось Ваше имя. Когда Лебедев сказал, что в Париже Вас не видел, я «чистосердечно», т. е. очень громко, удивилась.

Он поспешил отговориться болезнью. Маргарита Николаевна вторично упоминала о Вашем молчании. Яковлев, с флегматической полуушмешкой, рассказал о каком-то фельетоне Кесселя... «теперь Оля и Наташа знаменитости. Чуть ли не на миллион заказов»... Я: «Заказов – плохо, лучше бы просто миллион». Лебедев: «Ну, таких дураков найдется мало». Я: «То, что вы называете дураками – просто люди с воображением. Нужно не иметь никакого, чтобы после такой каторги предлагать – заработок». Лебедев: «А вы бы что предложили?» – «Отдых, т. е. миллион без заказов: tout rond et tout court[140]». Общий смех и моя высокомерная не-улыбка.

Встреча с Оболенским[141] замечательна – как в романе. И дальнейшее – дружба родителей – тоже. Классический конец: его женитьба на Аде. Адя, хотите? Дети не будут орать и будут кудрявые. И все в доме – крашеное. Помните, в «Аленьком цветочке», кажется – невидимые и неслышимые слуги? А м. б. он – заколдованная собака и с любовью к нему красавицы примет свой прежний образ? И вы будете княгиней. (И царицей – в собачьем царстве!)

Передайте ему мой сердечный привет. И приучите к дому. Он будет помогать.

Мои дела. Иждивение мне, очевидно, сохраняют – и не мне одной. (Вам бы наверное сохранили.) Думаю оставаться в Чехии, пока будут кормить, т. е. наверное еще целый год. Дальше??? – Дальше м. б. Сережа получит место, или я «прославлюсь», сейчас я в ящике без воздуха, не скрываю, это не жизнь, для жизни (без людей) нужна природа, новая природа с голосами, заменяющими людские, – нужна свобода – у меня ни того, ни другого, ни десятого, у меня своя тетрадь. И так еще год. (Я о своей душе говорю, о главной, о требовательной, о негодующей себе!) Я недавно читала в каком-то письме Достоевского о его скуке и перенапряженности без внешних впечатлений: «5 месяцев одно и то же. Еще держусь». Если он, крез души и духа, томился по внешнему: людям, видам, зданиям, – все равно! – как же не томиться мне!

Кроме того, я знаю, откуда это томление: голова устает думать, душа чувствовать, ведь, при отсутствии внешних впечатлений, и та и другая живут исключительно собой, собой без повода, в упор, целиком собой. При напряжении необходимо разряжение. Его нет. Освежение. Его нет. Рабочий после завода идет в кабак – и прав. Я – рабочий без кабака, вечный завод.

Сережа с Исцеленовым (и Брэй'ем, Вы его не знаете – англичанин – режиссер – блестящ) затеяли студию. Ставят «Царя Максимилиана», (народное, по Ремизову. Сережа играет царского сына), «Адольфу» – нечто вроде Святого Георгия.[142] Что выйдет – не знаю. Дело в хороших руках, есть актеры – но будут ли деньги? Пока у них небольшое помещение, репетиции идут. Сережа очень увлечен. Как-то приводил сюда своего Брэй'я: небольшой быстрый рыжий человек, горящий и не гаснущий, острый в реплике, с лучше чем вкусом: нюхом. Страстно любит Пастернака. Сошлись. Сережа с ним будет встречать здешний Новый Год, – в Праге в эту ночь (Сильвестрову) «все позволено».[143] Будут ходить по улицам и заходить в рестораны. Говорят, пьяные чехи угощают русских. Я сама уговорила Сережу, п. ч.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я на такие дела уже не гоюсь.

Вчера была у нас Катя Рейтлингер: рецидив одержимости Сережей, вела себя истерически, клеила Але игрушки на елку, хохотала, вскакивала, намекала, заигрывала, – тяжело было смотреть. Умолила меня не идти провожать ее на станцию: «такой ужасный мороз!» – все это смеясь и плача, я была потрясена такой явностью. Если хотите ее совсем очаровать, говорите с ней побольше про Сережу.

Людские посещения мне мало дают. Первая минута радость (от перемены! нарушения хода) – и сразу примус, печь, посуда, – мыть, варить – ничего не успеваешь, все грязное, все жжется, потом наспех стихи прочесть – и уже темно – и уже люди спрашивают про поезда. Кроме того, не умею на людях, мне нужны не люди, а человек – один – упор хотя бы одного вечера.

Получила от «дорогого» «Психею» Родэ. Двухтомный (800 страниц) ученый труд, сухой, sans gynie.[144] Мне, в итоге, важно, кто пишет, а не о чем! А здесь – никто, и Психея не встает. Тело, из которого Психея отлетела, – вот его книга. С удовольствием бы продала.

С «дорогим» после Вашего отъезда виделись два раза: раз когда «мирились», другой недавно, в «Воле России», наспех, на людях, три минуты. Он мне определенно радуется и определенно во мне не нуждается, – Невинный более предан, чем он. Пошлю ему на Новый Год тот стих, что Вам послала («Как живется Вам...»). Пусть резнет по сердцу или хлестнет по самолюбию. В тот вечер, по крайней мере, ему будет отправлена его «гипсовая труха». Вязать перестала: нет денег на шерсть и дико, дико надоело. А Александра Захаровна продолжает: облако белых шалей для всей деревни: вяжет как тонут. Никуда не хочет ехать. Здешний Художественный[145] звал ее в турне: с ужасом отвергла. Боюсь, что ее через 50 лет (деревенский воздух полезен!) схоронят на мокропсинском кладбище. А Лелик женится на дочке лавочника (Баллона),[146] обаллонится и будет торговать.

Кесселю книжку? А quoi bon?[147] Ну, любезное письмо в ответ. Сделаем: я Вам пришлю, а Вы – от себя – подарите. Мне нужен Пастернак – Борис – на несколько не вечерних вечеров – и на всю вечность. Если это меня минует – vie et vocation manquées.[148] – Наверное, минует. –

И жить бы я с ним все равно не сумела, – потому что слишком люблю.

Мой сын будет Борис, – я Вам говорила? А если дочь – Ксения. Холодное и княжеское имя, по-французски на самую гадательную букву алфавита: X.

Очень рада okazji Оболенских. Если повезут детские нагрудники, будет совсем усладительно: одна из них в очках и самого стоического вида и нрава (Ася).[149] – «Никаких нагрудников!» И вдруг – повезет. И вдруг – отберут?! и вдруг придется нагрудники – отстаивать.

Дайте мне в следующем письме адрес Карбасниковых. Хочу поздравить их на русское Рождество и Новый Год. (Вы не читали «Наши за границей» Лейкина?) Не забудьте написать Ляцкому – м. б. еще одно иждивение выгорит. А Белобородовым напишите отдельно, иначе погубите все дело.

Целую нежно Вас и Адю.

МЦ.

Вшеноры, 2-го нового января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вчера я была у Чириковых, они очень озабочены судьбой посылки (материи), – на днях пришло письмо от Людмилы, в котором она спрашивает Ваш адрес. Я дала. Людмила (очевидно, по своему почину – еще лучше!) собирается прислать мне кое-какие вещицы своей девочки и не знает – как. Я думаю, лучше всего по почте, – ведь за старые вещи пошлины не берут? – бережа оказию (Катю Рейтлингер, например для чего-нибудь более ответственного (если Карбасникова не раздумала). Катя у Вас будет числа 10-го – 12-го, она сейчас в Лондоне на конференции и обещала предупредить Вас. Ваш новый адрес у нее есть.

Готовимся к елке. Аля, считавшая дни уже с октября, вне себя, мечтает елку украсть и пронести перед носом сторожей, одетую в детское платье. На самом деле – полон лес елок, а придется везти из Праги.

Клеим украшения и – Вы удивитесь – главным образом я. Золотим баранов, львов, волков, черные адские и голубые райские деревца с золотыми яблоками, – изобретаю, вырезаю и оклеиваю сама. Аля, за медлительностью, только успевает ахать. Сережа, так нагло хваставшийся тем, что «воспитывался в детском саду и поэтому все елочное знает как свои пять пальцев» – эти пять пальцев (и еще пять!) однажды основательно замусолил, клея гигантский фонарь, – и на этом остановился. Фонарь же, недоклеенный и похожий на средиземного спрута, пылится на вышке шкафа.

Привыкаю радоваться чужими радостями (своих нет). А сын, скажете? Сын, это радость через 1/2 года, первое время я его буду бояться. Кроме того, я его уже ревную (ревную исключительно до трех лет, – нет, до семи, но потом слабее) и уже думаю о призыве (честное слово!) 1946 г.

Иногда, ловя себя на мечтах о няньке, думаю: а вдруг он эту няньку будет любить больше, чем меня? – и сразу: не надо няньки! И сразу: видение ужасных утр, без стихов, с пеленками, – и опять *сrі du соeur*: [150] няньку! Няньки, конечно, не будет, а стихи, конечно, будут, – иначе моя жизнь была бы не моя, и я была бы не я.

Аля начинает говорить по-французски: «сила ломит и соломушку», в книгах понимает приблизительно треть, не пропустили с ней и пяти дней с Вашего отъезда. Эти уроки – моя кара, поэтому не отступаюсь. Но итоги налицо. Хочу довести ее до свободного, по собственному почину, чтения, – тогда примусь за немецкий.

Вы видите, чем я живу? Нет, я не этим живу.

Конец письма отсутствует

4-го января 1925 г.

Милая Ольга Елисеевна, только что получила «Метель» и статью о Ремизове, [151] – спасибо. И одновременно письмо от Кати Рейтлингер, она потеряла записную книжку с адресами и просит сообщить Ваш. Пишу ей на всякий случай в Лондон, но для верности – вот что: напишите ей на адрес Оболенских, она в Париже наверное будет жить у них. Сообщите ей свой адрес и приблизительные часы, когда кто-нибудь дома. Сделайте это тотчас же по получении письма, в Париже она будет не позже 8-го и останется дня четыре. Боюсь, что мое письмо в Лондон ее уже не застанет.

А вот если адреса Оболенских не знаете – тогда уже не знаю, что выдумать. Боюсь обременять Вас лишними хлопотами.

Зовут Катю – Катерина Николаевна Рейтлингер.

Получила какое-то безумное письмо из Лондона (вне связи с Катей) от еврея-красноармейца-поэта, прочитавшего мои записи в «Современных Записках» и негодующе вопрошающего меня, «почему я ушла от них». Отвечаю ему, что первым моим ответом на октябрьскую революцию был плевок на флаг, задевший меня по лицу. 1917 г. – 1925 г. – 8 лет, флаг выцвел, плевков остался. – В этом роде. – Хорошо отвечаю.

Нужно быть идиотом (этого не пишу), чтобы после «Георгия», стиха к Ахматовой и «Посмертного марша» в Ремесле [152] не увидеть – кту я, мало того: вообразить, что я с «ними». Людям непременно нужна проза: фамилии: точка над і. Думаю, что молодого человека больше всего задело еврейское в «Вольном проезде», – сам он: Leo Gordon, а тут все Левиты да Зальцманы, – не вынесла душа!

Статью Саши Черного еще не читала, тороплюсь с отправкой письма. Целую Вас и Адю. Всего лучшего вам всем в 1925 году!

МЦ.

В «Воле России» (в январском №) будет мой стих – большой – «Полотёрская» (уже пройден.) Наверное, понравится Аде.

Деньги (100 крон вам верну из гонорара за пьесы, верну непременно, – только бы «Пламя» не раздумало купить. [153] Теперь они все в сборе.

В пражском «Рудольфинуме» сейчас выставка Исцеленова и Лагорио, я не была, Сережа был, – хвалит.

Вшеноры, 8-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Большая просьба: возьмите в «Современных Записках» мою рукопись «Мои службы» и переправьте ее Мельгунову[154] для «На Чужой Стороне». «Мои службы» Современные Записки, заказав, отклонили, – причина неизвестна, да для меня и безразлична, – мне важен итог.[155] А итог: на какое-то основательное количество франков меньше, нужно восполнить, все мне советуют «Чужую Сторону».

Очень прошу, не поручайте «Современным Запискам» пересылать самим, пусть лучше Мельгунов не знает, что рукопись уже гостила, пусть они отдадут Вам, а Вы уже перешлете. (Мельгунов живет где-то под Парижем.) Только, препровождая рукопись, оговоритесь: не подойдет, прошу возврата, вторично ее у меня нет, а переписывать – большой труд.

Да! Прежде чем идти в «Современные Записки», запросите по телефону (Париж ведь – не Прага?), у них ли эта рукопись, не отослана ли к Степуна[156] в Германию. (Отказ – через Степуна.) Очень прошу Вас сделать это возможно скорей, и Мельгунова поторопите с ответом, – «Современные Записки» молчали 2 месяца!

Вчера у меня был наш председатель – В. Ф. Булгаков, планировали сборник. Ваша цель принята, гонорар либо 350, либо 300 крон с листа, получу на Вас в первую голову, опять притянув ляцкого. (Издаст, очевидно, «Пламя».) Сборник совсем собран, большой, хороший, приблизительное содержание:

Маковский: Венецианские сонеты

Туринцев: стихи

Недзельский: Походы (стихи)

Рафальский – стихи

Я: «Поэма Конца»

Чириков: «Поездка на о. Валаам»

Сереза – «Тиф»

Немирович-Данченко: еще не дал

Калинников – «Земля»

Вы – «Раковина»

Аверченко – рассказ

Долинский – «Чугунное стадо» (NB! Поездка с англичанином!)

Крачковский – еще не дал

Кожевников – из цикла «Городские люди» (о Чехии)

Нечитайлов – «Болгарские и македонские песни»

В. Булгаков – «Замолчанное о Толстом»

Кизеветтер – «Заметки о Пушкине»

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Савинов – «Оттокар Бржезина»

Завадский – «О русском языке»

С. Булгаков – «Что такое слово»

М. б. что-нибудь в беллетристике забыла. Называться будет (крестила – я)
«Ковчег».

Вся Прага занята юбилеем Немировича.[157] Были бы здесь – много рассказала бы о «дорогом». Он сейчас в полосе ожесточенного самолюбия, ведет себя мелко, не будучи мелким, – мне жаль его, но помочь не могу. Отзывы со всех сторон (вне политики!) самые удивленные и нелестные, но как-то зарвался («занесся»), делает бестактность за бестактностью, наживает себе врагов среди самых сердечных и справедливых людей. – Жаль. – Но помочь не могу.

Сам предлагал мне (около месяца назад) купить у меня книгу («Романтику»)[158] и вот на два письма не отвечает. Я не привыкла к такой невоспитанности, это еще хуже бессердечия, ибо не подлежит никакому сложному толкованию.

Все ходим с Алей по елкам: третьего дня у Лелика, вчера у Чириковых. Дети, я замечаю, меньше всего заняты елкой.

Дети любят подарки, взрослые – детьми, а елка – как Сивилла, вспоминающая свои скалы.[159] К Але это не относится: она душу отдаст за лишние пять свечей.

Елка будет и у нас, есть уже, украшена и наряжена, в бахромах и в блестках, кроме них – все самодельное, в Сочельник золотили шишки и орехи, доклеивали, докрашивали. Была служба, приезжал Булгаков[160] из города, служил в Мокропсах, в ресторане, говорил проповедь. 12-го иду с Муной[161] к земгорской врачихе, – м. б. поможет мне устроиться в лечебнице бесплатно, – «Охрана матерей и младенцев», 30 крон в день, – дешевле, чем в «Красном кресте». Новый год встречаем во Вшенорах, с Чириковыми и Александрой Захаровной. Завтра Аля ждет на елку Ирусю, боюсь, что Маргарита Николаевна обидится, что перерешаю с лечебницей, но ее – вдвое дороже (600 крон за 10 дней), и никаких надежд на даровое лежание.

Уже вечер. Пишу при лампе. В комнатах – весь уют неприюта. Сережа в городе, Аля рисует в новом альбоме и грызет орехи. Я – между плитой (вода для стирки) и письменным столом, как сомнамбула, как мыслящий маятник. Эта зима – наиглушайшая в моей жизни, точно я под снегом. В будущем году – давайте? – приеду в Париж. Посажу вместо себя Катю Рейтлингер или Муну (они меня все так любят!) и приеду. – Ну, на две недели, чтобы опять услышать звук собственного голоса, – своего настоящего – «denn dort bin ich gelogen, wo ich gebogen bin» (ибо где я согнут – я солган!).[162] Вы ничего не пишете мне об okazji к Борису Пастернаку, – мне так нужно ему написать, я даже не знаю, дошло ли мое июньское письмо, – ни звука. Во 2-ой книге «Русского Современника»[163] – два моих стиха, он дал, я не видела, мне говорили. Осенью это была Святая Елена (с верховыми прогулками и подозрными трубами несдавшегося императора), сейчас это «погребенные под снежной лавиной» или шахта: глухо. А другие живут – тут же рядом в таких же «двух комнатах с плитой и печью», знакомятся, любят, расходятся, вьют и развивают гнезда... Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего по-настоящему, до конца, т. е. без конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души, т. е. тоски,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
расплесканной и расхлестанной по всему миру и за его пределами. Мне во всем – в каждом человеке и чувстве – тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец. Я не могу жить, т. е. длить, не умею жить во днях, каждый день, – всегда живу вне себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа.

И всё такие разумные люди вокруг, почтительные. Я для них поэт, т. е. некоторая несомненность, с которой считаются. Никому в голову не приходит – любить! А у меня только это в голове (именно в голове!), вне этого мне люди не нужны, остальное все есть.

Целую Вас нежно. Самая приятная новость в конце Алиного письма[164]

МЦ.

Вшеноры, 16-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше иждивение получено и завтра же будет Вам отправлено. Подала прошение и на февраль, – не знаю, добрая воля Ляцкого. В прошении (свободное творчество!) упомянула о катастрофическом стечении обстоятельств – красноречиво. Написала и подписала за Вас три бумаги (расписку, доверенность Сережи и прошение) – Вы бы удивились аккуратности своего почерка. (Единственное в чем Бог меня лишил размаху!) – Словом, все сошло, – авось, еще сойдет.

Сказки дошли, к великому восторгу Али. Читает и переводит каждый день по две страницы, – хватит до седых волос. Читайте и вспоминаю свое детство, – тот особый мир французского духа в доме. Я не знаю, куда все это уходит. Когда другие рассказывают о своей жизни, я всегда удивляюсь нищете – не событий, а восприятия: два, три этапа, эпизода: школа (до школы, обыкновенно, не числится), «первая любовь», ну, замужество или женитьба, словом то, что можно зарегистрировать в чешской «студенческой легитимации». – Ну, а остальное? Остальное либо не числится, либо его не было. Отсюда верность одному (одной) или, наоборот, бездушная погоня за всеми. – Скучно. Скучно. Нудно. – Так я, недавно, встречала Новый (старый) год, – с такими. Множество барышень (дам, maïs plus за change, plus c'est la tme chose)[165] в разных – одинаковых – платьях, все с пудреницами, с палочками духов и кармина, с кудерьками и сумочками, хихикающие, щебечущие, – рыжие, русые, черные, – все как одна. Я весь вечер просидела мрамором, – не от сознания своей божественности, а от полной невозможности (отсутствия повода) вымолвить слово. И мужчины такие же, – точно их не рождали, а производили – массажи. Лучше всех был старик Чириков, ненасытный в своем любовном любопытстве к жизни. Ненасытный и неразборчивый.

О, мне скучно!

Была, наконец, у врачихи (с Муной). Посоветовала мне возможно больше стирать белья для укрепления мускулов живота. (1917 г. – 1925 г. – 8 лет укрепляю!) Советует лечебницу «Государственной Охраны матерей и младенцев» – пахнет Советской Россией – единственное утешительное, что на острове. Советует еще переезжать в Прагу (ку – да? к Невинному, за решетку?!) возможно раньше, п. ч.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«постоянно случается на 2–3 недели раньше». Но переезжать мне некуда, посе­му
буду сидеть во Вшенорах до последнего срока. Про близнецов ничего не говорила, –
очевидно, Прага не повлияла.

Ни о «Романтике» (пьесе), ни о «Мтлодце» ни слуху, ни духу. «Дорогой» на письма
не отзывается (два деловых). Третьего не дож­дет­ся, а я м. б. не дождусь ни
«Молодца», ни «Романтики», ни геллера. Но не могу же я стучаться в человека, как
в брандмауэр!

А у Муны с Родзевичем к концу. Недавно их вместе встретил монах. – «Такая
неприятная сцена: у нее глаза полные слез, он усмехается, – какие-то намеки»...
Мне ее жаль, хотя я ее не люблю. Монах сейчас живет в Беранеке, [166] занимает
ответственный пост (обратный большевицкому), тратит огромные деньги, а костюм (и
воротник!) все тот же. Ну, что бы ему подарить мне 10 тысяч?! Просто уронить! –
Роковое отсутствие воображения. –

Сереза много пишет. Очень занят театром. Совмещает пять (бесплатных) долж­ностей.
Невинно и неволь­но кружит головы куклам. В постель сваливается как жнец на сноп.
(Или на сноп нельзя свалиться?) – Ну, как в пропасть! – Худеет, ест, и еще ест,
и еще худеет. («У Вашего Серези глаза как у Вия» – моя любовь, madame
Андреева.) [167] В ужасе от предстоящих Государственных экзаменов. – Все его
ублажают, и никто не платит ни копейки. Скоро выходит 2-ой номер журнала с его
статьей. [168] Вышлем.

Целую крепко Вас и Адю. Еще раз – спасибо за книжку.

МЦ.

Р. S. Пишу утром, с отвращением озираясь на невынесенные помои, непринесенные
угли, неподметенную комнату, нетопленную плиту.

19-го января 1925 г.

Только что пришли Ваши две открытки. Вы спрашиваете: как со стипендией
Розенталя? Все, что я об этом (от Вас) знаю – что не дает стипендий заочно и что
для успеха дела нужно быть в Париже. Это Вы мне писали уже давно, в последнем
Вашем письме (коротенькой карточке) Вы о Розентале не упоминаете. – Что я могу
ответить? Что в Париж сейчас ехать – ясно – не могу и не смогу, думается, еще
долго. Если бы чехи согласились выдавать мне ссуду заочно – тогда другое дело,
но сейчас не время об этом просить, все эти ссуды на волоске, – от 15-го до
15-го, приходится радоваться, что еще месяц прожили. Во всяком случае, раньше
как месяцев через семь никуда не смогу тронуться, да и то при исключительно
благоприятных обстоятельствах. Лето пройдет – посмотрим. Не скрою, что в ужасе
от перспективы еще одной такой зимы, но м. б. с ребенком мне будет столько дела,
что вообще отучусь чувствовать. Моя беда – в бодрствовании сознания, т. е. в
вечном негодовании, в непримиренности, в непримиримости. – Пока. –

Не знаю, стоит ли сейчас тревожить Розенталя? От добра добра не ищут, а в жизни
со всем приходится считаться, кроме души.

Не понимаю отсутствия у Вас Кати Рейтлингер. Адрес Ваш она должна была узнать у Андрея Оболенского, я ему писала. М. б. злобствует на молчание Сережи (на ее письма отвечать невозможно) и распространяет свой гнев и на Ваш дом, как нам близкий? Бог ее знает! – В Праге ее еще нет.

Новость: Родзевич уехал в Латвию – насовсем. Узнала вчера. Муна, очевидно, узнала за день раньше, т. е. в день отъезда. – Отсюда слезы. – Много ей придется их пролить, раз я тогда на горе так плакала! [169]

Целую Вас и жду большого письма.

МЦ.

Приписки на полях:

Передала ли Людмила Чирикова материю? – Умоляю! И еще раз письмо к Ляцкому!

Дошло ли письмо с просьбой о «Службах»? Просила взять их в «Современных Записках» и переслать Мельгунову («Чужая Сторона»).

P. S. Увы! на февраль денег никак не ждите, Заблоцкий Сережу предупреждал, что в последний раз.

Вшеноры, 22-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Одно Ваше письмо явно пропало. Последовательность: коротенькая carte [170] в конверте с радостью о предстоящем (декабрьском) иждивении и две открытки, Сереже и мне – на днях, моя – с запросом о Розентале. А теперь приезжает Катя и передает, через Сережу, о необходимости торопиться с прошением. Не зная ничего, пишу: такой-то – прошение – подпись – дата. Середина Ваша, заполняйте.

Катю еще не видела, но знаю, что есть какие-то дары, которым очень радуюсь. Слышала, вчерне, об инциденте с Карбасниковой, смеялась. В субботу (послезавтра) еду в Прагу, – с Муной на осмотр, в лечебницу, наверное, увижу Катю и все узнаю. Тогда напишу.

Пишу заранее, что сейчас трогаться не могу, мои сроки – от 15–20 февраля, но докторша утешает, что часто случается на три недели раньше. – Vous voyez за d'ici. [171]

В следующем письме напишу любопытное о Белобородовой, сейчас некогда, Сережа торопится на станцию. Письмо Ваше она получила. – Досылаем остаток иждивения.

Целую нежно Вас и Адю.

МЦ.

Вшеноры, 25-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваши чудные подарки дошли, вчера была в городе, видела Катю, она мне все передала. Детские вещи умилительны и очень послужат, у меня, кроме даров Белобородовой, – ничего, пока не покупаю, жду, отовсюду обещано, но осуществляется туго. – Восхитительны одеяльца, Сережа завидует и ревнует, вздыхает о каких-то своих кавказских походных бурках. – С грустью гляжу на перчатки: где и когда?! Руки у меня ужасны, удивляюсь тем, кто их бессознательно, при встрече, целует. (Не отвращается, или – не восхищается!)

Вы помните Катерину Ивановну из Достоевского?[172] – я. – Загнанная, озлобленная, негодующая, в каком-то исступлении самоуничужения и обратного. Та же ненависть, обрушивающаяся на невинные головы. Весь мир для меня – квартирная хозяйка Амалия Людвиговна, все виноваты. Но яростность чувств не замутняет здравости суждения, и это самое тяжелое. Чувствуя, как Катерина Ивановна, отзываясь на мир как она, сужу его здраво, т. е. – никто не виноват, угли всегда пачкаются, вольно же мне их, минуя (из чистой ярости!) совок, брать руками. – И всегда жгутся. – Посему, чернота и ожоги рук моих – дело их же и нечего роптать.

Все вспоминаю, не сейчас именно, а всю жизнь напролет, слово Марии Башкирцевой, счастливой тем же, что я, и несчастной совсем по-иному:

Pourquoi dans ton oeuvre c'йleste
Tant d'elements – si peu d'accord?![173]

Только я c'йleste[174] заменяю – terrestre.[175] Все мои беды – извне. «Вне» – само – беда!

Вчера была с Катей в лечебнице, где буду лежать. – На острове, это меня утешает. Прелестный овальный островок, крохотный, – там бы не лежать, а жить, не рождать, а любить! Однажды, в ожидании цирка, мы там с Алей и Катей гуляли. Но тогда предстоял цирк, – не ребенок, а львенок! Такого львенка потом по цирку проносили на руках, и мы его гладили: жестко-пуховая шерстка, желтая. (Цирк был заезжий – полотняный шатер на холму. Цирк уехал, а островок остался.)

О лечебнице: противоестественная картина 5-6-ти распростертых женщин, голые животы, одеты врачи и фельдшера, – равнодушие – спешка – раз, два... Я ничего не понимала из того, что меня спрашивали, если бы производить на свет нужно было по-чешски, я, наверное, ничего бы не произвела. На все вопросы коротко отвечала: ruska[176]

В Прагу перееду 7-го – 8-го, дней за восемь, за десять, буду с Алей жить у Кати, – с Катей и Юлией[177] и всеми православными Праги. Но готовить не буду (есть хозяйка) и топить не буду (она же), за эти несколько дней м. б. стану человеком. Катя живет на другом склоне той – нашей – горки (моей «горы») на ремесленной бедной улице, уютной. Я рада перемене.

Да! О Белобородовой: представьте себе, неделю назад привозит Але всю ободранную елку, т. е. все ее убранство: подсвечники, бахрому, звезды и – целую коробку елочного пестрого шоколада: сердца, сапоги, рыбы, младенцы, тигры (м. б. овцы) – мне: несколько распашонок, два нагрудника, одну пеленку и детский конверт, но какой странный! Зашитый доверху, ребенок как в мешке, самоедский мешок. 1)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Откуда у нее эти вещи? (Говорит: свое). 2) Свое – детское или свое материнское?
3) Уж не лежал ли Ляцкий в этом конверте? Не лежит ли до сих пор?! М. б. это
детское приданое Ляцкого? По вечерам становится грудным ребенком, укладывается в
конверт и сосет соску? А с утра – предисловие к Гончарову, – а?[178]

Милое об Але: недавно в гостях сперла детскую салфетку, похожую на пеленки, всю
в какао (похоже на другое), втиснула в карман пальто и дома торжественно
выложила. Выстирала – не отстиралась: пеленка, как ей и быть должно,
классическая. Присоединили к остальным сокровищам, в Ваш серый чемодан.

Катя рассказывает мне о Карбасниковой. Хотите черную неблагодарность на
белоснежные кофточки? – «Un si mince effet d'une si grasse cause!»[179] Свинь –
я. – Восхищаюсь Вашим натиском, весь эпизод с отказом барышни везти –
очарователен. Вспомнить только ее ревнивый возглас тогда, месяцев 5 назад:
«Приданое – мое!» Но м. б. она придерживается модной теории, согласно которой
ребенок должен лежать совсем голый – на животе – в грудях деревянной ваты? (Этой
ватой потом топят. – Немецкая послевоенная система. Не вру.) Мои подруги по
поселению: Александра Захаровна, жена Альтшуллера, [180] разные жены студентов,
вернее: одинаковые жены одинаковых студентов, задуряют мне голову
преждевременными советами: не пеленать-пеленать, кривые ноги – свобода движений,
в конверте – без конверта и т. п. У некоторых даже нет детей. Но этот номер с
деревянной ватой (ни пеленки, ни одеяла, ни чепца, ни кофточки, – только вата!)
– лучший.

Возвращаюсь к Белобородовой и Карбасниковой. Кто из них оказался сердечней?
Чуяло мое сердце.

А пленивший меня случай с коровьим хвостом (кирпичом на нем!) весь целиком
оказался выписанным из детской английской книжки: «Мои друзья – животные» Томаса
Сэттона Томпсона.

«Психею» прочла вчера же вечером. Прелестная вещь. Почти слово в слово наш
«Аленький цветочек». И книжка прелестная. Теперь у меня две «Психеи» (не считая
своей) – 800-страничная слонимовская (Rohdй) и крохотная Ваша. А настоящей нет
нигде – в воздухе. Да! попутная мысль: душу мою я никогда не ощущала внутри
себя, всегда – вне себя, за окнами. Я – дома, а она за окном. И когда я
срывалась с места и уходила – это она звала. (Не всегда срывалась, но всегда
звала!) Я, это моя душа + осознание ее.

Катя в восторге от Вашего дома и от всех вас в отдельности. Химеры и вы, – вот
ее лучшие впечатления Парижа. Третьего дня она потеряла часы и перчатки, вчера
со мной, сумку: выронила на площади, тут же спохватилась, но уже унесли какие-то
мальчишки к полицейскому, которого на месте не оказалось. Так и сгинула сумка с
5 кронами, ключом и единственной фотографией матери. Самое любопытное, что за 5
минут до этого она все свои деньги, т. е. 45 крон, по моему настоянию истратила
на перчатки – кожаные, на подкладке, чудные. Я точно предвосхитила судьбу.
Сумасшествие ее с Сережей после путешествия только пуще разгорелось: «Сергей
Яковлевич! Сергей Яковлевич!» – «А я-то надеялся, что Вы после Лондона и Парижа,
забыв Сергея, ограничитесь одним: я!» Но ничто не помогает, как с цепи
сорвалась. Заставлю ее на днях покупать колесо для коляски. Боюсь, что на нем же
во Вшеноры и прикатит.

Нынче Татьянин день, Сережа с Алей едут в Прагу, он – праздновать Татьяну, она – к Ирусе на день рождения (завтра). От Маргариты Николаевны ни слуху, ни духу, это отношение ни на чем не стоит и – ничего не стоит. – Что Невинный? Не забудьте, что я уже больше месяца не получала от Вас настоящего письма. Одно, очевидно, пропало. Еще раз – спасибо за все. Нежно целую Вас и Адю. Сережа в восторге от своих подарков, вчера, по поводу зеленого гробешка даже вымыл голову (в 11/2 ч. ночи).

МЦ.

Прошение и остаток иждивения 70 франков посланы с оказией через Катю, наверное уже получили. Что Ремизовы? Андрей Оболенский? Кессели? Неужели ни разу не видели Бахраха? Пишите.

26-го января 1925 г.

Сегодня у меня редкий праздник, – одна дома. (Сережа на Татьянинном дне, Аля у Ируси.) Совершенно изумительное чувство, вроде легкого опьянения. Сразу на десять лет моложе. Вы, конечно, не обвините меня в предательстве: степень, вернее, безмерность моей привязчивости Вы знаете, но это – я с другими, а сейчас – я с собой, просто я, вне. Образцово (я-то!) убрала комнату, втащила и вытащила все, что полагается, на примусе – суп, а внутри тихое ликование. Недавно я говорила Исцеленовым (глубоко-бесполезно, ибо Kulturprodukt'ы!), что неизбежно буду любить каждый город, дыру, нору, где придется жить, но что это любовь – не по адресу, – из прямой невозможности не любить то, в чем живешь. Посему, мне, более чем кому-либо, надо выбирать города. Кстати, резкий спор с ним (она бессловесна) о Папоушке[181] (ней). – «Я ей все прощаю за любовь к театру!» – «Это не театр, это актеры, какой-нибудь давнишний актер, воспоминания детства». И он, сухо: – «Нне знаю». Весь спор сводился к тому, что «любовь к искусству» обязывает – к безыскусственности, рожденности, сущности, вернее: только из нее возникает, как само искусство. Рожденное дорождается, – вот искусство. Т. е. моя кровь от предков (рожденности) + моя душа. Исцеленнов ничего не понимал, говорил, что Папоушка читала много книг. – «И гоголевский Петрушка тоже».[182] Если бы можно было с ним поссориться – поссорились бы. Но это Kulturprodukt, вялая никакая кровь.

Получила от С. М. Волконского его новую книгу – роман – «Последний день». Огромный том в 600 страниц. фабулы нет, – течение жизни – любовной пары нет – далек и высок – есть мысль, есть формула, есть отточенное наблюдение, есть блистательный анекдот. И фигуры – второстепенные – главное, женские – очень удачные. Большого успеха книге не предрекаю, – плавна, не остра. Если попадетсЯ, – прочтите, очень любопытен Ваш отзыв. Сережа, например, попавший на Советскую Россию (не обощедшую без легких нелепостей), прямо ее сравнивает с Красновым.[183] Но всей книги он не читал. С Волконским моя переписка гаснет, на него нужен большой порох, необычайная заостренность внимания, вся ответственность – на мне, он только откликается. А не виделись мы уже два года, и жизни такие разные: он – то в Риме, то на Капри, то в Париже, то еще где, – уединенный, свободный, вне быта, – я... –

Думаю о Париже, и вопрос: в праве ли? Ведь я ехала за границу к Сереже. Он без меня зачахнет, – просто от неумения жить. Помните, какой он был страшный у монаха? Я знаю, что такая жизнь – гибель для моей души, сплошное отсутствие поводов к ней, пробел – но в праве ли я на нее (душу)? Мне чужой жизни больше жаль, чем своей души, это как-то сильнее во мне. Есть, конечно, еще вопрос Али, – ей тоже трудно, хотя она не понимает. Сплошные ведра и тряпки, – как тут развиваться? Единственное развлечение – собирание хвороста. Я вовсе не за театр

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru и выставки – успеет! – я за детство, т. е. и за радость: досуг! Так она ничего не успевает: уборка, лавка, угли, ведра, еда, учение, хворост, сон. Мне ее жаль, п. ч. она исключительно благородна, никогда не ропщет, всегда старается облегчить и радуется малейшему пустяку. Изумительная легкость отказа. Но это не для одиннадцати лет, ибо к двадцати озлобится люто. Детство (умение радоваться) невозвратно.

Сегодня зарезала Ваш розовый халат, – помните. Вы выбросили, вроде японского, весь из кусков – на наволоку. Целый день шила. Дописываю вечером. При первой возможности вышлю Ваше одеяло, я хотела с Катиной дамой, но не успела. М. б. можно почтой. Меня все время грызет, что мы Вас ободрали.

Целую. Пишите.

МЦ.

Вшеноры, 2-го февраля 1925 г. [184]

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вчера, 1 февраля, в воскресенье, в полдень, родился мой сын Борис – нежданно и негаданно во Вшенорах. Ничего не было готово – через полчаса появилось всё. Меня прямо спасли. Мальчик белый, с правильными чертами, крупный.

Нежно целую Вас и Адю.

МЦ.

Вшеноры, 8-го февраля 1925 г., 1 ч. ночи

Дорогая Ольга Елисеевна,

Нам с мальчиком пошли восьмые сутки. Лицом он, по общим отзывам, весь в меня: прямой нос, длинный, скорее узкий разрез глаз (ресницы и брови пока белые), явно – мой ротик, вообще – Цветаев. Помните, Вы мне пророчили похожего на меня сына? Вот и сбылось. Дочь несомненно пошла бы в Сережу.

Мальчик мил, общее выражение лица благодушное, напоминает Ф. А. Степуна после удачной лекции. Ест хорошо, меня – представьте себе!!! – хватает. Поражаю и себя и других.

Мои дела хороши, всё как по книжке, но молодой Альтшулер (брат К. И. Еленевой), спасший и меня и мальчика (он родился в обмороке, и Альтшулер его минут 20 откачивал – искусственное дыхание) – Альтшуллер настаивает на долгом лежании. Вчера (7-го) я в первый раз села. Еще ничего не читаю, – берегу глаза. Милее всего – Булгакова и еще одна дама, недавняя. Милы тишиной. А Андреева – буря, влюблена в мальчика, как цыганка в белого ребенка. Приходит в 6 ч. вечера и уходит в 12 ч. ночи. Добра, странна и буйна. Равно притягивает и отталкивает.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Колемблсь между Борисом (я) и Георгием (Сереза). Назову Борисом – буду угрызаться из-за Серези, Георгием – не сдержу обещания Б. Пастернаку. Посоветуйте, исходя из двойной меня, какой Вы меня знаете.

А няньки нет, и скоро все посещения кончатся. – Трудно. – Первое время я инвалид, а Али одной не хватит. Сереза же с ног сбился, на следующей неделе три экзамена. Недавно, когда наша временная нянька (угольщица) сбежала, всю ночь не спал с мальчиком. Извелся.

Есть коляска – чудесная раскладная американская, купленная у одних русских за 50 крон. Спит он пока в моисеевой корзине, – подарок Андреевой. Лежу под ее одеялом и в ее ночной рубашке. Она мне, как его кормилице, готова отдать все. Эта любовь грозит мне бедами, было уже несколько стычек. Она очень трудна.

Лежу в той второй комнате, из которой вынесено все. В окна весь день – сияющая гора со всеми постепенностями света. Сейчас ночь, Сереза, угольщица и мальчик спят. (Угольщица на Алиных львах и обезьянах, так и оставшихся в простенке.) Аля все эти дни (года!) ночует у Андреевых, с которыми не в «контакте».

Денежные дела сомнительны: в июле у Серези кончается иждивение, а места нет. А расходы, естественно, очень велики, как себя ни ограничивать. Сереза, напр(имер), должен хоть на месяц снять себе отдельную комнату. – 200 крон местной бабке, пришедшей после события и потом еще два раза. – Угольщице – 10 дней по 15 крон) – 150. и т. д. Не знаю, как вылезем.

Получили ли остаток иждив(ения) с Катиной оказией? Не забудьте ответить.

В следующий раз напишу подробнее и разборчивее, – пишу ночью, при завешенной лампе, наугад.

А пока целую Вас и Адю и очень жду письма. Аля не написала, п. ч. весь день в деловых бегах. А у нас весна, серезки на орешнике.

МЦ.

Вшеноры, 14-го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Кто Вас смутил приездом: Сережа думает, что Самойловна. (NB! У Вас их две: une a Paris, l'autre a Prague[185]). Если не Белобородова и не кто-нибудь власть имущий или возле власть имущих пребывающий – не слушайте и не приезжайте. Если Ляцкий найдет возможным продлить Вашу ссуду, он это сделает и без Вас, если нет – никакое Ваше временное пребывание не поможет. Ведь через две недели Вы все равно уедете, и опять придется получать за Вас – Прага так мала – всё узнается. Приезд сейчас, по-моему, только перевод денег. Ведь чехи иным и заочно выплачивают ссуду. Тэффи, [186] Бальмонту, еще кому-то, стало быть все дело в их доброй воле и в Вашем счастье (!).

Это говорило благоразумие, а теперь –

Вашему приезду была бы страшно рада, – у меня никого нет, как никогда. За городом сейчас чудесно, почти весна. Гуляли бы с коляской и без коляски. (Знаменитое: «Что может быть лучше молодой женщины с ребенком на руках?» – «Та же женщина, но без ребенка»). Кстати: страшнее ребенка – коляска. Помните обезумевшего Скворцова?[187] (По-вашему: Щеглова, Ястребова, Перепелкина и т. д.)

А знаете, откуда ко мне прибудет коляска? Угадайте – Из «Воли России». Редакторы решили поднести своему будущему сотруднику «выездной экипаж». – Мило? – Получила официальное письмо на машинке с подписями всех четырех (а за Невинного – X.). Третьего дня у нас была Маргарита Николаевна с Ирусей, навезли множество детских вещей, – прелестных. Ни у Али, ни у Ирины не было такого приданого. – Приданое принца. – Но помню и всегда буду помнить, что первый камень – Ваш, и Ваша кофточка (русая, с голубой продёржкой) из всех – любимая.

Есть у нас и ванна, – одолжили совсем чужие люди на неопределенный срок. Мальчик уже несколько дней купается.

Нянькины дела таковы: угольщица, наконец, дорвалась до своих мирных дней и ночей, т. е. ушла. В Праге найти невозможно – никто не хочет в отъезд. Во Вшенорах и окрестностях тоже никого, старухи у печей, молодежь на фабрике. Предлагает кто-то – из десятых рук – какую-то «мать студента», но где она, какого возраста и нрава, пока неизвестно. Думаю, что подруга младенческих лет Кондакова.

Сегодня первую ночь ночевала с мальчиком – одна! – горжусь. Спала все-таки 6 часов. Остальное время переключивала его, полоскала и развешивала его ризы, курила, ела хлеб и читала «Петра» Мережковского.

Кстати, мальчик окончательно, – Георгий. Радость – так радость полная. Во-вторых, уступить – легче, чем настоять. В-третьих, – не хочу вводить Бориса Пастернака в семью, делать его общей собственностью. В этом какая-то утрата права на него. Углубив, поймете.

Итак, Ваш крестник – Георгий. А крестного отца еще нету:

Волконский стар, Завадский стар, Чириков стар. У меня ведь ни одного молодого мужского друга! А старого крестного – разве что для имени и как символ, – вместе не жить: «Мне тлеть пора, тебе – цвести». Крестный (или крестная) осмыслен, как некая опора, спутник, – иначе просто: «дунь и плюнь». Волконский же, 65 лет – сплошное дунь, а если молодого взять, выйдет «плюнь» (мое на крестного), я ведь быстро раздружусь:

«Птичка все же рвется в рошу,
Как зерном ни угощаем:
Я взяла тебя из грязи, –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В грязь родную возвращаю». [188]
Крестины думаем устроить 23 русского апреля (6-го мая) в Егорьев день и день
Георгиевских кавалеров. Он уже будет «большой» (3 месяца).

А знаете ли Вы, что он родился в глубоком обмороке? Минут двадцать откачивали.
(В транскрипции Лелика, наслушавшегося чего не следует: «Родился в лассо!») Если
бы не воскресенье, не Сережа дома, не Альтшулер – погиб бы. А м. б. и я. Молодой
Альтшуллер по-настоящему нас спас. Без него – никого понимающего, только
знакомые (мы, я).

Приятно обмануть пророчества В. Зайцевой и Ремизовых («Коли сына – так дочь!»).
И Вы совершенно правы насчет хотения:

этого мальчика я себе выхотела, заказала. И Вы первая подтвердили меня в моем
праве на его существование, – не по-женски, – так хорошо по-мужски! – И
напророчили мне моего сына, похожего на меня. Тогда в Иловицах. Отлично помню.

Четвертый день как встала. На ногах еще слаба. Понемножку вхожу в жизнь, т. е. в
чистку картошки, в выгребание печек и пр. Тяжестей не таскаю, веду себя
благоразумно. «Завидую» в окно, на горы, – дивная рыжизна дубов в синеве. Но так
как «на воздухе сидеть» не умею – просто не выхожу – от соблазна.

Много любопытного о А. И. Андреевой. Вас она скрыто не выносит (как Вы ее –
явно). Своевольна, тяжела, сумасбродна, внезапна, совершенно непонятна. К
мужчинам равнодушна, к нарядам (к своей красоте) равнодушна, к книгам
равнодушна, покойным писателем и мужем не одержима. Дети? Сплошная команда, пуще
меня. Любит, по-моему, только Савву. [189] Беседовать не умеет. Никогда не
банальна. Первые 9 дней (классически!) присутствовала непрестанно, – помогала,
командовала, досаждала, заполняла собою (буйством и любовью) весь день и весь
дом. На 10-ый день пропала, – как в воду канула. Аля, ночевавшая у них до
вчерашнего дня, говорит – черное платье шьет с пестрой отделкой.

Цыганка, утверждаю. Неучтима и неподсудна.

Поблагодарите милую Адю за письмо. Будет время – напишу. Спасибо за оказию в
Москву, письмо для Бориса Пастернака пришлю на днях, вслед этому. Как хотелось
бы – и «Мулодца»! Уже печатается. Когда буду посылать Вам, пришлю и для Бориса
Пастернака, – м. б. найдется еще оказия, – пусть через месяц, лишь бы дошло. В
Праге у меня никого нет, кого просить, – Святая Елена, [190] которую минуют все
корабли.

Два раза была у меня госпожа Тешкова, [191] председательница Едноты. Лет под
пятьдесят, седая, полная, голубоокая, – вроде Екатерины II. Очарована мальчиком:
«Если бы Вы жили в Праге, у Вас бы на 1/2 дня была няня». Гадает о мирах, откуда
он пришел. По теории Штейнера дух – все 9 месяцев, пока ребенок во чреве матери

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– кует себе тело. Выявленность (индивидуальная, а не расовая!) черт –
свидетельство о степени развитости духа. – Хорошая теория, мне нравится.

Предложила мне вчера няньку из «Армады спасы», [192] – ее собственное
предложение, м. б. таковых и нет. Нянька вроде солдата, лучше бы просто денщик!
Воображаю ее негодование на мое курение и, вообще, всю меня!

Думаю, что единственно надежная няня – я. Сегодня (продолжаю 15-го) например
спала 21/2 часа, – Георгий, очевидно, из любезности к гостям, днем спит, ночью
вопит. («Потерял ночь».) Читала Диккенса, полоскала пеленки, курила, ходила. У
Серези завтра экзамен у местного светила – филолога-слависта Нидерле, на этой же
неделе Кондаков и еще кто-то. Сам мальчика купает и очень им очарован, но за
n'avance pas ses affaires. [193] как все склудилось!

Париж! – Как далеко! – Другая жизнь. (Нашу Вы знаете.) И сейчас не мыслю себя в
ней. А прелестная была та весна на Смихове! Наша гора, прогулки под луной. Пасха
(помните мою злость?!). Эту гору и весну я чувствую, как свою последнюю
молодость, последнюю себя: «Denn dort bin ich gelogen, wo ich gebogen
bin!». [194] И – точно десять лет назад. Невозвратно.

Ах, деньги! Были бы, приехали бы, – я не для того, чтобы ухаживать, – обойдусь –
для того, чтобы напомнить мне о том, кто я, просто посмеяться вместе! Начинаю
убеждаться, что подходящая женщина такая же, если не бульшая, редкость, чем
подходящий мужчина. – Сколько их вокруг меня – и никого!

Мечтаю о Карловом Тыне, [195] но и он недоступен: кормлю через 2 часа (мало
молока и дольше мальчик не выдерживает) – не обернешься.

Но, в общем, очевидно, я счастлива. Все это дело дней. И всегда передо мной
Соломонов перстень: «И это пройдет». [196]

Целую нежно Вас и Адю. Сердечный привет Оле и Наташе. Пишите, но не приезжайте в
Прагу ни из-за Самойловны, ни из-за меня.

МЦ.

Вшеноры, 19-го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вот письмо для Бориса Пастернака. Положите его, пожалуйста, в конверт, с
надписью:

Борису Пастернаку, без свидетелей.

Человеку, который повезет, сообщите, на всякий случай, его домашний адрес:

Москва, Волхонка 14

(Тотчас же перепишите его себе на стенку, а то листочек легко затерять.) Лучше всего было бы передать на каком-нибудь литературном вечере, вообще, узнать, где он бывает. М. б. он служит, – тогда на службу. Все это можно узнать в Союзе писателей или поэтов.

17-го ночью, от разрыва сердца, умер Кондаков.[197] А сегодня, 19-го, Сережа должен был держать у него экзамен.

Ближайшие ученики в страшном горе. Вчера Сережа с еще одним через весь город тащили огромный венок. Недавно был его юбилей – настоящее торжество. При жизни его ценили, как – обыкновенно – только после смерти. Черствый, в тысячелетиях живущий старик был растроган. Умер 80-ти лет. Русские могилы в Праге растут. Это славная могила.

Умер почти мгновенно: «Задыхаюсь!» – и прислушавшись: «Нет, – умираю». Последняя точность ученого, не терпевшего лирики в деле.

Узнав, – слезы хлынули градом: не о его душе (была ли?), о его черепной коробке с драгоценным, невозвратимым мозгом. Ибо этого ни в какой религии нет: бессмертия мозга.

Сережа уже видел его: прекрасен. Строгий, чистый лик. Такие мертвые не страшны, страшна только мертвая плоть, а здесь ее совсем не было.

Я рада за него: не Берлин, не Париж – славянская Прага. И сразу: умираю. С этим словом умер и Блок.

Я рада, что вы с Адей его слышали. Он останется в веках. О себе: чувствую себя средне. Мало сплю – ночью не всегда удается, днем не умею, не гуляю – мальчик еще мал, и нет коляски – и, вообще, некоторая разбитость, более душевная, чем внешняя. Прислуги нет: предлагали даму из Константинополя, но я сейчас слишком издергана, чтобы выносить присутствие чужого человека в таких тесных пределах. А приходящей на утренние часы не найти. Вечером же – Сережа, уют, Диккенс, не хочу, чтобы мыли пол. Пока обхожусь. Будет коляска – будем уходить гулять, мальчик будет расти, – все обойдется.

И – тяжесть так тяжесть! А то: прислуга, относительная свобода, я не вправе буду быть несчастной. Право на негодование – не этого ли я в жизни, втайне, добивалась?

Вчера Сережа отослал Вам деньги. Ради Бога, напишите, дошли ли те, через оказию Кати Рейтлингер? Мне это необходимо знать. – И сколько. Если что-нибудь будут предлагать для мальчика, берите только платица (ни одного) и штаны (ни одних). Разумеется – для младенческого возраста. (Есть такие штаны конвертиком, углом.) Кофточек и пеленочек у него достаточно. Есть даже вязаная куртка, прекрасная, года на три, и башмачки.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мне подарили чешский халат (по чести – капот, расскажите Аде – оценит!) «бумазейковый» – кирпичный, с сиреневыми лилиями. В нем и сплю. И несколько рубашек, – тонких, как вздох, и как он же недолговечных. А Ваша желтая все служит!

Целую нежно. Не забудьте ответить по поводу тех денег, с оказией. Ведь необходимо выяснить.

Огромное спасибо за Бориса Пастернака.

МЦ.

Вшеноры, 29(28?) – го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Мое письмо с письмом Пастернаку Вы уже получили и уже знаете, что мальчик – Георгий. Ваши доводы – мои, и мои – Ваши: дословно. Есть у Волконского точная формула (говорит о упраздненном пространстве в музыке и, сам не зная, о несравненно большем): «Победа путем отказа». – Так вот. – Мальчик – Георгий (NB! Это Вам ничего не напоминает? Маль-чик Ге-ор-гий? Шебеку. которая водила царских псов гулять, не она водила, автор записок, нянька, а «злая Шебека» была ее врагиней и поэтому участвовала в 1-ом марте. [198] «Государынина Ральфа и государева Ральфа» – в день убийства – помните?)

Итак, мальчик – Георгий, а не Борис, Борис так и остался во мне, при мне, в нигде, как все мои мечты и страсти. Жаль, если не прочли моего письма к Борису Пастернаку) (забыла напомнить) – вроде кристаллизированного дневника – одни острия – о Лилит (до – первой и нечислящейся, пра-первой: мне!) и Еве (его жене и всех женах тех, кого я «люблю», – NB! никого не любила кроме Бориса Пастернака и того дога) – и моей ненависти и, чаще, снисходительной жалости к Еве, – еще о Борисе и Георгии, что Борис: разглашение тайны, приручать дикого зверя – Любовь (Барсик, так было, было бы уменьшительное), вводить Любовь в семью, – о ревности к звуку, который будут произносить равнодушные... И еще – главное – что, называя этого Георгием, я тем самым сохраняю право на его Бориса, него Бориса, от него – Бориса – безумие? – нет, мечты на Будущее.

И еще просила любить этого, как своего (больше, если можно!), потому что я не виновата, что это не его сын. И не ревность, ибо это не дитя услады.

И, в конце, жестом двух вздетых рук:

«Посвящаю его Вам, как божеству».

С Борисом Пастернаком мне вместе не жить. Знаю. По той же причине, по тем же обоим причинам (Сереза и я), почему Борис не Борис, а Георгий: трагическая невозможность оставить Серезу и вторая, не менее трагическая, из любви устроить жизнь, из вечности – дробление суток. С Борисом Пастернаком мне не жить, но сына от него я хочу, чтобы он в нем через меня жил. Если это не сбудется, не сбьлась моя жизнь, замысел ее. С Борисом Пастернаком я говорила раза три (жуткое слово, сейчас, Али: «Ешьте сердце!» Дает шоколадку, уцелевшую еще с Рождества) – помню

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
наклон головы, некую мулатскую лошадиность – конскость – лица, глухость голоса.
– Георгий проснулся и пока прерываю. –

Мальчику три недели. Хорошо прибавляет, тих, очень милое личико, с правильными чертами, только подбородок в Катю Рейтлингер – вострый. Пока не прикармливаю. Окружена хором женщин, неустанно вопящих: «Кормите! кормите! кормите!» Будь я на 10, а м. б. и на 5 лет моложе, я бы послала их всех к чертям (моими усилиями уже заселена немалая часть ада!) и на зло прекратила бы кормежку. Но мальчик не виноват – и так хорошо ведет себя. Впечатление, что старается сделать мне честь.

Дорогая Ольга Елисеевна, умоляю, ничего ему не покупайте, его младенчество всецело обеспечено, никогда ни у Али, ни у Ирины не было такого приданого. Подождите год, – платьиц. И еще года два – штанов. А то все эти мелочи так проходящи, все равно придется передаривать, – жаль.

О своей жизни: мало сплю – когда-нибудь напишу об этом стихи – не умею ни ложиться рано, ни спать днем, а мальчик нет-нет да проснется, пропоется, – заснет – я разгулялась, читаю, курю. От этого днем повышенная чувствительность, от всего – и слезы, сразу переходящие в тигровую ярость. Мальчик очень благоден, что с такого молока прибавляет. Чистейшая добрая воля.

Но еще зимы во Вшенорах не хочу, не могу, при одной мысли – холодная ярость в хребте. Не могу этого ущелья, этой сдавленности, закупоренности, собачьего одиночества (в будке!). Все тех же (равнодушных) лиц, все тех же (осторожных) тем. Летом – ничего, будем уезжать с Георгием в лес, Аля будет стеречь коляску, а я буду лазить. А на зиму – решительно – вон: слишком трудна, нудна и черна здесь жизнь. Либо в Прагу, либо в Париж. Но в Прагу, по чести, не хотелось бы: хозяйки, копать – и дорогой, [199] который несомненно зайвится на третий день после переезда и которому я, по малодушию, «прощу». И французского хотелось бы – для Али. А главное, в Париже мы жили бы, если не вместе, то близко. Вы так хорошо на меня действуете:

подымающе, я окружена жерновами и якорями.

«J'etais faite pour ktre tris heureuse, – mais
Pourquoi dans ton oeuvre terrestre
Tant d'йlйnements – si peu d'accord?..» [200]
(У Ламартина – сйleste, а весь вопль – башкирцевский).

Почему никогда не упоминаете о Невинном? Неужели не видите? (Удивляюсь ему, а не Вам.) Знает ли, что у меня сын и как встретил? Наверное: «А у меня тоже сын, даже – два, – и знаете – (с гордостью) – не в пеленках, а в университете». (Расскажите Аде.)

Из волероссийцев никого, кроме Маргариты Николаевны, не видела, Лебедев в Париже. «Дорогой», поздравив заочно элегантной коробкой конфет (Але везет!), немотствует. Да все мужчины (если они не герои, не поэты, не духи – и не друзья!) вокруг колыбели новорожденного в роли Иосифа. [201] Прекрасная роль, не хуже архангельской, но люди низки и боятся смешного. Роль, с которой так благородно справился Блок.

Прошение Розенталю. Приложу. М. б. прошение, м. б. просто письмо. Не зная человека, трудно. (Убеждена, что знаю все слова, на всякого – слово!) Не хотелось бы петь Лазаря, он ведь все знает наперед, – хорошая у него, должно быть, коллекция автографов! Если бы Розенталь дал, переехала бы в Париж к 1-ому октября, – Георгию было бы 8 месяцев, не так трудно. Постаралась бы (между нами) сохранить и чешскую стипендию.

Думаю о Вашем хроническом безденежье и терзаюсь теми несчастными ста кронами. Столько раз обещала и все еще не шлю. Совсем было уже отложила, но мне за время моего лежания надавали множество простынь, встала – ни следу, должно быть угольщица унесла в леса, теперь нужно возмещать. Больше о них (ста) писать не буду, – стыдно, – вспомните мальчика и волка:

Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht
Und wenn er auch die Wahrheit spricht[202]

Писать не буду, но знайте, что помню и что с первой возможностью вышлю.

Бальмонт. – Бедный Бальмонт! Как Вы его прекрасно поняли! Самоупивающаяся, самоопьяняющая птица. Нищая птица, невинная птица и – бессмысленная птица. Стихи точно обязывают его к бессмыслию, в стихах он продыхивается. От безмыслия к бессмыслию, вот поэтический путь Бальмонта и прекрасное название для статьи, которой я, увы, не смогу написать, ибо связана с ним почти родственными узами.

Итак – новое увлечение? Рада, что еврейка. Не из московской ли Габимы?[203] и, попутная мысль: будь Дон-Жуан глубок, мог ли бы он любить всех? Не есть ли это «всех» неизменное следствие поверхностности? Короче: можно ли любить всех – трагически? (Ведь Дон-Жуан смешон! писала об этом Борису Пастернаку, говоря об его вечности.) Казанова? Задумываюсь. Но тут три четверти чувственности, не любопытно, не в счет – я о душевной ненасытности говорю.

Или это трагическое всех, трагедия вселюбия – исключительное преимущество женщин? (Знаю по себе.)

Хороший возглас, недавно, Али: «Он мужчина, и потому неправ». (Переключка с брюсовским: «Ты женщина – и этим ты права», [204] – которого она не знает.)

Деловое: сообщите мне тотчас же открыткой имя-отчество Розенталю. Просить, не зная, как зовут – на это я неспособна. Напишу и письмо и прошение, прочтете – выберете. Только, ради Бога, ответьте тотчас же, сегодня запрашиваю об этом же Слонима.

МЦ.

Приписка на полях:

Получили ли деньги через Катину оказию? Доплату за январское иждивение? Что-то вроде 70-ти.

Вшеноры, 7-го марта 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вот письмо к Розенталю. Прочтите и дайте прочесть Карбасниковой (второй Самойловне). И решите вместе. Могу, конечно, написать и прошение (Вы же знаете, как я их мастерски пишу!), но очень противно, – не настолько, однако, чтобы из-за благородства провалить все дело. Если письмо сомнительно, не давайте. (Жив и свеж еще в моей памяти пример князя Волконского!)

Если Розенталь человек – он поймет, если он государство (т. е. машина) – нужно прошение. Пусть Адя тотчас же черкнет открыточку.

Если (сплошное сослагательное!) письмо будет передавать Карбасникова, попросите ее, пусть красноречиво расскажет о моем земном быту: грязи, невылазности, скверном климате, Алиной недавней болезни, – о всех чернотах. Это не будет стоить ей ни копейки, а мне может принести многое. Пусть она поет Лазаря, – я не хочу.

(Ах, если бы Розенталь в меня влюбился! – Он, наверное, страшно толстый. – После всех танцовщиц – платонической любовью – в меня! Я бы написала чудесный роман: о любви богатого и бедной (обратное не страшно: богатая ради или из-за бедного сама станет бедной, мужчины легко идут на содержание!) – о любви богатого к бедной, еврея к русской, банкира – к поэту, сплошь на антитезах. Чудесный роман, на котором дико бы нажилась, а Розенталь к этому времени бы обанкротился, и я бы его пригрела. – А? –)

Одновременно с запросом Аде запросила Марка Львовича и вот ответ: «Розенталья зовут Леонард. Это все, что я знаю» – и мой ответ: «Спасибо за имя Розенталья, но без отчества оно мне не годится. („Милый Леонард? Леонард Богданович?“ NB! Все дети без отчества в Рязанской губернии – Богдановичи!) Кроме того, так зовут Дьявола. (Мастер Леонард.) – Знает ли он, что так зовут Дьявола? На шабашах. Если не знает – когда подружусь – расскажу. Я непременно хочу с ним подружиться, особенно если ничего не даст».

Адина кукла волшебна: олицетворение Роскоши, гостья из того мира, куда нам входу нет – даже если бы были миллионы! Это – роскошь безмыслия (бессмыслия). Нужда (думаю об Аде и кукле, о себе и кукле, о мысли и кукле) должна воспитывать не социалистов, так сильно хотящих, а – но такого названия нет – ничего здесь не хотящих: отступников от мира сего. Розовая кукла – и не розовая Адя, в мягких тонах – диккенсовская тема, в резких – тема Достоевского. И, внезапный отскок: а ведь из-за таких кукол стреляются! И Розенталь никогда не влюбится в меня.

Сильнее души мужчины любят тело, но еще сильнее тела – шелка на нем: самую поверхность человека! (А воздух над шелком – поэты!)

И платочек прелестный – павлиний. Георгий уже в присланном чепце, рубашечка еще велика, подождет.

Еще ни разу не гулял, – проклятый климат! Мы потонули в грязи. На час, полтора ежедневно уходим с Алей за шишками или хворостом, – унылые прогулки. Небо неподвижное, ручьи явно-холодные. Сырость, промозглость. Ни просвета.

Эту зиму я провела в тюрьме, – пусть, по отношению к Чека – привилегированной, – все равно тюрьма. Или трюм. Бог все меня испытывает – и не высокие мои качества: терпение мое. Чего он от меня хочет?

Целую Вас и Адю. Не теряйте письма, которое (по словам Ади) мне пишете.

МЦ.

P. S. Очень прошу Адю написать мне тотчас же, подошло ли письмо Розенталю? Относительно халата Невинный бредит. вразумите его, что ОН (и Редакция) мне подарили коляску.

Париж – Господи! – Вшеноры, 4-го апреля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Последнее, что я от Вас получила, было укрепление меня в Георгии – месяца полтора назад, – я тогда только что встала. С тех пор – тишина, глухота, немота. Сережа удивлялся, (я – нет), потом беспокоился (я – нет), наконец написал, – я – нет, ибо наконец разозлилась. Недавно отправила письмо Аде (неприменно Адя, а не Ади: «Ади» мне напоминает колю Савинкова[205] и его о-мер-зи-тель-ную мать!)[206] – письмо Аде с твердым обещанием не писать Вам до письма – из чистой злости, п. ч. писать Вам мне часто хотелось. В письме же к Аде спрашивала о судьбе пастернаковского, в нем же – о «дорогом», слышала слухом, что был в Париже. Как видите – полный и явный перерыв. Даже Сережа, со всей его кротостью, упрекал (такие тихие укоризны – «пени»...) – «Забвение? Занятость? Легкомыслие?», и я, злостно: «Ни то, ни другое, ни третье: четвертое». – Так и оказалось. И, знаете, не удивляюсь – как никогда ничему минусному – это в моей жизни закон. Скорей удивляюсь, когда письма (особенно заказные) доходят. Остаток Советской России и итог всей моей предыдущей жизни. Я сама – письмо, которое не дошло.

Итак, ничего, до Адиного недавнего письма, ни о Розентале, ни о Пастернаке, ни о «дорогом» (он один – с маленькой буквы!) не знала. А обо всем этом – очень хочу. «Дорогого» не видала полгода, за все время – короткая записочка: «весь год не радовался, жил один, нечем жить». Мне жаль его (под влиянием национальности начала было жалеть ему) – мне жаль его, но ничем на расстоянии помочь не могу, да и тогда – не на расстоянии – не помогла. Но о судьбе его, вплоть до подробностей, очень хочу знать: м. б. нечего жалеть, м. б. – «один, нечем жить» – только для партера (меня).

А чем – я живу? Во-первых – глубоко, до дна – одна. Целый год на необитаемом острове. Без единого, хотя бы приблизительного, собеседника. Без никого. Все эти месяцы – в комнате, погребенная заживо, замурованная, теперь, с весной – в клетке (в беседке), среди кур (курей) и в непосредственном соседстве целого ряда навозных куч (хозяин помешался на удобрениях). Пишу урывками – полчаса в день, почти не сплю: встаю в 6 ч., ложусь в 1 ч., в 2 ч., – читаю Диккенса. Это о себе самой, теперь о себе с Георгием.

Он – чудесен. 2 месяца. Не красив (как Аля в детстве), а – особенен. Очень похож на меня, следовательно – на любителя. Ест все (кроме естественного младенческого корма): манную кашу, лимон (против рахита), чернослив (и то и другое, конечно, в жидком виде и в умеренном количестве), пьет разбавленное молоко и другое, по системе Черни.[207] mehl-milch-buttersystem.[208] Это и будет его главной пищей, постепенно переходит. Ведет его Альтшулер, каждое воскресенье навещает.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Морда прелестная: толстая, довольная (Степун, когда наконец окончит Переслелина), нрав тихий, скромный, сон крепкий, – иногда по ночам приходится будить. При мне неотлучно. Гуляем без коляски – не осиливаю! – на руках. Когда подрастет, буду носить на горбу, как цыгане.

Бровей пока нет, т. е. ни приметы! ресницы выросли: редкие и длинные, русые. Глаза слегка монгольские, еще детские: сине-стальные. Будут зеленые:

...Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза...
(Стихи 18-го года). [209]

Спит, как сторожит: руки в белых нарукавниках по обеим сторонам, как стороны подсвечника: бра. (Алино сравнение.) Не пишу, что улыбается, ибо, улыбаясь, не сознает. Меня не знает, но, по-моему, знает салфетку, которую ему подвязываю в сладкие мгновения каши.

Очень большой, громадный. Чистый вес (родился 3-ех кило без чего-то) 4 кило 65 дек. [210] Будет музыкантом.

У нас приходящая прислуга – на два, три часа. Чешка, но германского толку (родилась в бетховенском Теплице) – говорит по-немецки – тихая, работающая, очень милая. Дарю ей что могу, и она к нам очень привязана. Делает основную черную работу, до Барсика не касается, я ревнива. (Барсик: хвостик Бориса – тайный.)

Дружба с А. И. Андреевой. Какая-то грубая, толчками (дружба). Чем-то я ей нравлюсь, не всем, силой – должно быть. Вся из неожиданностей. Какие-то набеги и наскоки – друг другу в душу. Такой непосредственности: природности я в жизни не встречала. Я перед ней – произведение искусства. Внезапно, ночью:

«Марина Ивановна! Я ведь живу с курами». Я: «В одной комнате?! Ненавижу кур, наплевать на яйца». Она: «Какие яйца? Я о Наташе говорю и о детях». (Наташа – жена брата Андреева, нечто вроде экономки.) Детей, кроме Саввы, не видела никого, знаю только, что свободные часы проводят на деревьях и что мать, чтобы их найти, должна глядеть вверх. И это мне нравится. Впрочем, еще Нину [211] знаю – старшую, ничем не похожую на мать, куколку.

Я понимаю Андреева, что влюбился. Пуще всех цыганок. Жаль и странно, что не поет.

Барсика о-бо-жает. Пробным камнем нашей дикой (не силой, а качеством) дружбы будет известие о Вас – крестной. Пока не говорю.

Крестного, Вы совершенно правы, нет. Ведь у меня нет друзей, я могу «гулять» с кем угодно, но крестить Барсика я любому не дам. Волконский стар и католик. И очень уж отрешен. Сегодня же поговорю с Сережей относительно Бальмонта. Я б рада, я Бальмонта люблю. (На днях в этом убедитесь, но только помните, что доказательство это – до Адиного письма о его помощи – чистая лирика!) Не знаю,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru подружится ли Адя с Миррой, [212] Мирра, при всей прелести, очень поверхностна. Адя, ведь, под знаком: «Tout ce qui n'est pas triste est bkte, et tout ce qui n'est pas bkte – est triste»[213] (Башкирцева), в Мирре этого tristia[214] – ни тени: как лицо на солнце.

Деловое, чтобы не забыть: никакой доверенности (или расписки) на (или в) получение (нии) аванса от «Ковчега» ни Сережа, ни я не получали. Когда Сережа увидит Мансветова[215] – скажет, напомнит.

Сережу мы видим только вечером. Большая роль в «Грозе» – партнер Коваленской (Александрийский театр) – на 2-ой день Пасхи премьера – en grand[216] – снят какой-то чешский театр, на несколько тысяч зрителей. Ролью (Вы м. б. помните Бориса – любовника – в «Грозе»?) – не увлечен, и прав: все на личном обаянии, т. е. на его bon pouvoir[217] и vouloir, [218] сам герой – ничтожество, неприятно играть. «Свои Пути» процветают, выходят каждый месяц без задержки. Но летом кончается у Сережи иждивение (проклятое слово, единственное в российском словаре мне не дающееся!) – что тогда?

14-го читает в «Едноте» рассказ. Множество бесплатных обязанностей. Худее и зеленее чем когда-либо. Вас и Адю вспоминает с нежностью.

Стихи есть, довольно много. Пишу вторую главу «Крысолова». Первая пойдет в Воле России. Лирический сатира – на быт. Место действия в Германии. Старинная немецкая легенда такая – «Крысолов».

Из сплетен:

Сережа Катю Рейтлингер прогнал окончательно. С горя зарылась в чертежи. Была последнее время в своей любви – отталкивающая: просто на шею вешалась. И Сережа – КРОТКИЙ Сережа! – прогнал.

В. Чирикова выходит замуж – за приземистого квадратного будущего инженера. А. И. Андреева говорит, что хорошо.

(«Поуспокоится, пополнеет...» Кстати, никогда не замечала, чтобы после замужества полнели. Чту это – детская мука Нестлэ, [219] что ль?)

Чирикова-мать играет в пьесе мужа 17-летнюю колдунью-молодку. [220] Вся семья переехала в Прагу, в Профессорский дом. Некоторые профессора, не получившие квартир, скрежещут.

Монах взял у Сережи пальто и поехал представляться К. Ни монаха, ни пальто. (Сережа ходит в костюме вот уже полтора месяца.)

Другой собутыльник (помните, аккуратный немчик с тургеневской фамилией? – летний) [221] истратил крупную сумму из журнальных (Своими Путиами денег и безвозвратно уехал в Ригу. Сережа и двое других выплачивают.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В. Н. Савинкова вышла замуж за чеха ученика и живет в Добриховицах.

Лелик учится на скрипке и по воскресеньям играет с Алей в «Машину времени».

Александра Захаровна, связав всем соседкам чешкам белые шерстяные шали, вяжет А. И. Андреевой черную шелковую шаль.

Несколько стихов – наугад: (видали ли мою «Полотерскую» в № 1 «Воли России»? В следующих двух – юношеские стихи, пристрастие дорогого). [222]

Пела как стрелы и как моррэны..

.....

Ноябрь 1924 г.

Приметы («Точно гору несла в подоле...»)

.....

Ноябрь 1924 г.

Не возьмешь моего румянца –...

.....

Декабрь 1924 г.

НВ! (Этот стих – к жизни.)

Русской ржи от меня поклон..

.....

Март 1925 г.

Выбирала самые короткие, – тбк, обзор, как это письмо. Пишу в беседке, на сильном ветру, ветер рвет бумагу, путает мысли и волосы. Сегодня ждем Маргариту Николаевну с Ирусей, а м. б. и – с Лебедевым! Аля в безумном волнении, штопает единственные приличные чулки.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Писала, не отрываясь, пользуясь Барсикиным[223] сном. Спит тут же в коляске, под Вашим белым одеялом.

М. б. уже не придется писать, итак: 1) присылайте расписку на «Ковчег» 2) что с письмом Пастернаку? 3) что «дорогой»? (однако с порядочным обходом – вести! Из Праги бы ближе!) До Пасхи еще напишу. Да! умоляю: не опускайте сами письмо, давайте Аде. (Знаю, что опускаете их в ящик, а не мимо, дело не в этом.)

Целую нежно Вас и Адю. Она удивительная девочка. Непременно будет писать. Пусть ... взять в «Свои Пути». Если не очень длинное. Пусть напишет и придет. Подписаться можно буквами.

Адя – пророчу! – к 20-ти годам будет, как я, лирическим циником.

МЦ.

Вшеноры, 12-го апреля 1925 г.,

Страстной понедельник

Дорогая Ольга Елисеевна,

Был у меня вчера Невинный – с визитом. Выдал аттестацию в молодости и неизменности. Хвалил Георгия, сам обнаружил сходство. (Теперь его вся Воля России перевидала – кроме Дорогого! И Росселя.) Сидели в навозной беседке, Невинный не замечал (навоза), наслаждался природой. А рядом козий загон, и козы все время делали. Рассказывал о Париже – как всегда, сплошное общее место: автомобили, конные, десять правил езды. И нарядность («У всех башмаки чищенные, – высшая ступень культуры»). И я, мысленно: «А Бетховен?») О вас (вкупе) – следующее: живут средне, нерасчетливы, в общем тысячи? полторы в месяц – главное – есть база (квартира). Захвачены общим парижским веянием (православием) – я, мысленно: «эку штуку выдумал Париж, – православие!» – впрочем не Ольга Елисеевна, – дочери. Гинденбург и Эррио. Сыновья, – один на лоне природы с утятами и поросятами, другой – нб голову выше отца, «старший брат». Речь лилась, лилась, а я все бегала, бегала: с Барсиком – вверх и вниз (сад со ступеньками) – то молоко греть, то бутылочки полоскать, то сцены с переодеванием. Думаю, у Невинного в глазах рябило, как у меня – в ушах.

Потом ушел к Пешехоновым (здесь живут), с обещанием, если найдет номер в гостинице, придти, если же не найдет, вновь приехать завтра. А завтра – сегодня, и я в задумчивости: гулять ведь нельзя, значит – сидеть: сидеть и слушать.

Да! для справедливости: умиленно и даже умно вспоминал ту весну: гору, Пасху, приходы и проводы, сумасшедшие рукописи и сумасшедших кукол (Кочаровского), – все на фоне Вас, конечно. Единственный час в беседе, когда был человечен. «Любовь – слепа». Нет, – зряча и заставляет видеть. Он никогда не любил Вас, конечно, – не любовь, – фоксов обрубленный хвостик ее! – и уже общее место точнее, общее становится местным, «ins blaue hinein»[224] – точным, и уже мне, всю жизнь скучающей с людьми, с этим, скучнейшим из них – не скучно.

Бедный Невинный! Жалуется на свою волероссийскую клетку: «с весной – еще темней». И нет Ваших лисьих волос и львиных (определение Сережино: гениальное) глаз, чтоб осветить. У него отношение к Вам явно двоится: напетое в уши «товарищами» (непрактичность, неумение жить, неправильное воспитание Ади и т. п.) – в ушах – с той весны – оставшееся. И он путается, с одних рельс на другие. – Толчки –

Это меня возвращает к Андреевой. Вы, пожалуй, во всем правы. Оценка, для нелюбови (ибо Вы ее не любите), даже великодушная. Она мне чужда, чувствую это всем существом: чуждостью женщины – мужчине. Притягательной чуждостью. Влюбиться я бы в нее могла, любить – нет. С ней не взлетаешь, с ней – срываешься. (Помните у Гумилева):

И уста мои рады
Целовать лишь одну –
Ту, с которой не надо
Улетать в вышину!
(курсив мой – и в нем все дело). [225]

А о дарении ненужного – до смешного правы. Принесла нам с Алей целый узел нелюбимых вещей (как цыганка – краденое, к которому остыла) – нам очень, ей явно не нужных. Красная куртка для Али, Верина юбка (для меня), что-то Нинино, в которое даже я не влезаю. Конечно, могла бы продать, и – конечно – благодарна, нно...

Я ей нужна, потому что ей скучно, и потому что в меня, как в прорву – все прегрешения, особенно вольные. Я ей нужна такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года, во Вшенорах, в таком-то часу. Я ей нужна временно, местно и срочно. Я ей нужна для себя. Иначе бы она меня в бытовой жизни вызволяла. (То, что всегда так героически делали Вы. Вообще, руку на сердце положа, так, как Вы – по силе и по умению – меня никто не любил, – только, шести лет, Аля.)

Для меня (советую и Вам, и Аде, и Оле, и Наташе) мерило в любви – помощь, и именно в быту: в деле швейном, квартирном, устройственным и пр. Ведь только (хорошо «только»!) с бытом мы не умеем справиться, он – Ахиллесова пята. Так займитесь им, а не моей душой, все эти «души» – лизание сливок или, хуже, упырство. Высосут, налакаются – и «домой», к женам, к детям, в свой (упорядоченный) быт. Черт с такими друзьями!

К чести женщин скажу, что такими друзьями бывают, обыкновенно, мужчины.

Так Оля – Байрона? Нет, Шелли, утонувшего 23 лет в голубейшем из озер? Или – еще лучше – Орфея? Что ж, рукоплещу. А Аля – Зигфрида. А Адя – кого?

Да и я не лучше – после всех живых евреев – Генриха Гейне – нежно люблю – насмешливо люблю – мой союзник во всех высотах и низинах, если таковые есть. Ему посвящаю то, что сейчас пишу (первая глава в следующем № «Воли России») [226] – с прелестной надписью, которую в «Воле России» опускаю.

Продолжаю 14-го. Вчера в 5 ч. вечера, явление Невинного. Ночевал на диванчике у Пешехоновых. Пришел, несколько жеманный и жантильный, [227] – пили кофе – (он у меня ничего не ест, но не знает, что пьем из медного, годы не луженного – кофейника!) – так и просидели, за кофе, дотемна. (Барсик на этот раз спал.) Уехал с головной болью, думал – от вольного воздуха, думаю – от быстроты моей мысли и речи. Обещал навещать все лето, – м. б. исправляет грехи дорогого? Тот – как помер. До странности. (Ах, пора на другие рельсы! Знаю ведь – сразу – как рукой снимет!)

На днях Сережа вышлет Вам новый № «Своих Путей» (выходит в пятницу). В следующей книге «На Чужой Стороне» – его «Октябрь». Мякотин пригласил, до-олго глядел (Сережа истолковал: «врет или не врет?») и попросил продолжения. Я очень рада, – оправдательный документ добровольчества.

Сейчас в Праге генерал Брусилов – говеет. Глубокий старик. Едет, а м. б. уже проехал, в Карлсбад. Единственный сын расстрелян добровольцами. Заказывал панихиду. Сережа видел его в церкви, чудно рассказывал, пусть сам напишет.

На 2-ой день русской Пасхи – Сережина «Гроза» в «Мещанской Беседе». Играет Бориса (любовника). М. б. Адя помнит «Грозу»? (Вы, наверное, нет.) Катерина – Коваленская (из Александрийского театра). В первый раз за три месяца увижу Вшенорский вокзал – и деревья в окне поезда – и людей.

Нежное спасибо за бумагу, – очарована. Але о ждущем ее подарке ничего не сказала, но предупредила, что в письме – тайна, и нарочно кладу его на виду – для соблазна. (Адя! вроде «Rosalie et la souris grese».[228])

Просьбу с тетрадкой, по возможности, исполню, хотя времени нет совсем. (Как понравились стихи в последнем письме? Ответ, по-моему, на мое письмо к Аде. NB! Не забудьте про дорогого, всё, что знаете.)

Сережа сейчас едет. Письмо Вы получите накануне Пасхи. И так – Христос Воскресе!

МЦ.

Вшеноры, 27-го апреля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Нынче утром – мы гуляли, и почтальон приходил без нас – три письма: элегантно почерком Волконского, скромным – Оболенского (оцените этот «цветник князей») и – что-то совсем безграмотное, ибо я там даже не Марина, а Мария. (Штемпеля: Прага, Рим, Париж.) Начинаю, конечно, с последнего. Штамп Пламени – на машинке:

«Редакция журнала „Воля России“ настоящим просит Вас пожаловать на чашку чая, устраиваемую ею в помещении Редакции для друзей и сотрудников во вторник, 28-го сего месяца, в 7 часов вечера.

С совершенным почтением»

и – от руки – подпись дорогого. Сверху, не его рукой (на Ъ) – мое имя.

Первое движение: не ехать! Мне – не своей рукой! – меня на чашку чая! мне – с

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
совершенным уважением! Как Папоушке или еще кому- (какой-)нибудь!..

И эта свалка, жара, все эти чужие, – Мансветовы, Яковлевы, все эти чужие. Не лучше ли домой, с Барсом? (Пре-лестен!) Но – любопытство побеждает. Не любопытство, страсть к растрове, – tant pis tant mieux![229] – Поеду! Помучусь. Посмеюсь. Зная его слабое сердце, знаю, что упадет – (NB! не он, а сердце!) при виде меня. И, зная свое сильное, знаю, что мое от этого – не разорвется!

Не виделись с ним полгода, последний раз мельком, три минуты в «Воле России» – и вот, через полгода, «на чашке чая», – элегантно, если бы не – не очень многое!

Самое забавное, что он м. б. вовсе и не ждет моего приезда, подписал 50 бланков сразу, потом кто-то надписал имена.

– Что Леонард?[230] Ибо близится лето, следовательно и осень, следовательно – опять Вшеноры. Боюсь для Барсика Чехии: слякоти наружи, сырости в комнатах, то раскаляющихся, то леденеющих печей. Не уберечь. С ним мне будет везде хорошо (абсолютно люблю), в нем моя жизнь, но важно возможно лучше обставить – его жизнь. В Праге копать, дороговизна, хозяйки, здесь – сырость, неустройство, тоже хозяйки. И не хочу на его устах чешского, пусть будет русским – вполне. Чтобы доказать всем этим хныкальщикам, что дело не где родиться, а кем.

Не встречаетесь ли с Ариадной Скрябиной (в замужестве Lazarus). Недавно получила от нее faire part[231] о рождении дочери (3-го февраля, двумя днями моложе Георгия) и розовую для него кофточку – (шепотом: «шерсть!») Вот мы и сравнялись – она, в 1922 г. девочка (16 лет, и я, такая же, как сейчас. У меня сын, у нее дочь. Возрасты стерты.

28-го апр(еля), вторник

Нынче – нежная открытка от Невинного: зовет, ждет. Скоро еду. Целую Вас.

МЦ.

P. S. Тетрадок Невинный не передал – или не с ним посылали?

Получаю прелестные письма от Оболенского. О всех вас пишет с нежностью, особенно об Аде. (Лучше вади, [232] Адя, а? И недурно: дочь эсера, – Княгиня Ариадна Оболенская.) Адя, Вы будете замужем за собакой. Вроде Beau Miron.[233] Только – обратное превращение.

Вшеноры, 10-го мая 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Во-первых – сплюньте три раза, потому что все – хорошо. (Знаю, что сплюнете, уже

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
плюете: раз, два, три.)

Крестин еще не было, так что Вы с крестиком и образом не опоздали. Я Алю тоже медлила крестить, может быть – то, что называют моим язычеством («даром учили, даром крестили» – Эренбург), моя свобода, мое вне-все-верие, может быть, страх перед обрядом вообще и Булгаковым в частности.[234] (Недавно была Муна, сам вызывается приехать.) Может быть – неуверенность в крестном: у меня никого нет, кого бы я Муру в крестные отцы хотела: нет спокойного мужского друга. Волконский стар, я должна думать не о себе, а о мальчике, мне нужен кто-нибудь, помимо очарования, Муру на выручку. (А есть ли, вообще, такие?) И такой, каким бы я хотела, чтобы Мур – был. Написала и рассмеялась: быть тем, кто уже был?! Non, pas de за![235] Словом, крестного пока нет. (Мур у меня на вес платины, боюсь продешевить!)

О Муре: во-первых – Мур, бесповоротно. Борис – Георгий – Барсик – Мур. Все вело к Муру. Во-первых, в родстве с моим именем, во-вторых – Kater Murr[236] – Германия, в-третьих – само, вне символики, как утро в комнату. Словом – Мур. 3 месяца 10 дней, вес – 7 кило, т. е. на русские деньги 171/2 фунтов (вес годовалой Ирины, но она была скелетом: 1918 г.!), характер – ангельский, улыбается, узнает салфетку, бутылку (меня – нет!) и... А. И. Андрееву, – так она утверждает. Дни проводит на шоссе, в maison roulante[237] (коляске) или в maison croulante[238] (в состоянии постоянного крушения) – т. е. у меня на руках. Ходим с ним вдоль ручьев, под елками и безымянными кустами, лазим по скалам, когда я сажусь – он рычит. Иногда, если в коляске засыпает, тогда пишу или слушаю Алино чтение бесконечного «Ourson».[239] («Blondine», [240] слава Богу, одолели. Сплошное молоко и слезы! И, определение: le lait Carmoyant du repentir.[241])

Хотите напугать, уступите веру Зайцеву[242] и К°? Мур перед каждой едой получает по чайной ложке лимона, живого, без сахара, а ест пережаренную дочерна муку на масле, разведенную в 200 граммах воды и молока (125 воды, 75 молока – разовая порция). Это – система германского профессора Черни (я до сих пор знала только этюды Czerny, [243] играла в детстве), спасшая в Германии во время войны сотни тысяч детей. Ведет Мура Альтшулер, с гордостью и любовью. Навещает каждое воскресенье, выстукивает, выслушивает, производит какие-то арифметические выкладки – расписание еды на неделю (мука и масло постепенно повышаются), помнит каждый предыдущий вес. У меня временами безумное желание просто взять и поцеловать ему руку – что я еще могу?! Денег он не берет – но – 1) за ним по пятам, как луна за солнцем (или землю? забыла) ходит А. И. Андреева, влюбленная в Мура, а всякий поцелуй, на глазах, теряет, 2) боюсь смутить: он руки никому не целует. Но есть у него две девочки – Катя (4 года и Наташа (11/2 года, тоже Черни) – если кто-нибудь из знакомых случайно что-нибудь для этого пола и возраста предложит, нет: если у кого-нибудь из знакомых неслучайно можно что-нибудь вытянуть – тяните. Семья нищая, от такого бескорыстия тяжело.

Если фланелевые кофточки, о которых Вы писали, не очень малы, очень прошу: присылайте. Еще очень нужны чепчики: из всех вырос, до полголовы. (Подумайте, у Вашего крестника уже есть наследники! Я горжусь.)

Это я все о черновиках, а вот – беловик: Алей я в детстве гордилась, даже – чванилась, этого – страстно – люблю. Аля была несравненно красивее, сразу – красавицей (помните годовалую карточку в медальоне?), прохожие заглядывались, на Мурку тоже заглядываются – из-за загара: Mohrenkind.[244] Но у этого свое (а м. б. – мое? или это то же самое?) лицо, вне красоты и некрасоты, вне породы и непороды: уже сейчас – горбатый нос, с настоящим хребтом, сильноочерченный подбородок, сторожкие уши, синие глаза чуть вкось, – Сережа зовет его Евразией. Кроме того – отсутствие няни, стены: я у него одна – понимаете это чувство? Если я не сделаю – никто не сделает (Сережа рад бы, да его никогда нет, задушен делами, Аля все-таки мала). Сейчас Аля на радиоконцерте (во Вшенорах!!!), Сережа – в городе, на Степуне, я одна с Муром, – выкупала, накормила, уложила, пишу. Такие часы мои любимые. И еще – самые утренние, начало пятого, пять. Мурка, проснувшись, добр, повторяет: «heureux, heureux», [245] я разогреваю молоко, утро входит в комнату. Вообще, у меня чувство с Муром – как на острове, и сегодня я поймала себя на том, что я уже мечтаю об острове с ним, настоящим, чтобы ему

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
некого (оцените малодушие!) было, кроме меня, любить. А он, конечно, будет любить всех актрис («поэтесс» – нет, ручаюсь, и не потому, что объестся мной, в ином смысле – вкус отобью: испорчу), всех актрис подряд и когда-нибудь пойдет в солдаты. А может быть – займется революцией – или контрреволюцией (что при моем темпераменте – то же) – и будет сидеть в тюрьме, а я буду носить передачу. Словом – terra incognita.[246] и эту terr'u incognit'u держать на руках! Когда мы одни, я ему насказываю:

– «Мур, ты дурак, ты ничего не понимаешь, Мур, – только еду. И еще: ты – эмигрант, Мур, сын эмигранта, так будет в паспорте. А паспорт у тебя будет волчий. Но волк – хорошо, лучше, чем овца, у твоего святого тоже был волк – любимый, этот волк теперь в раю. Потому что есть и волчий рай – Мур, для паршивых овец, для таких, как я. Как я, когда-то, одному гордецу писала:

Суда поспешно не чини:

Непрочен суд земной!

И голубиной не черни

Галчонка – белизной.

Всяк целовал, кому не лень!

Но всех перелюбя! –

Быть может, в тот чернейший день

Очнусь – белей тебя![247]

Это я не тебе, Мур, ты мой защитник, это я одному ханже, который меня (понимаешь? ме-ня!!!) хотел спасти от моих дурных страстей, то есть чтобы мне никто, кроме него одного, впредь не нравился. Ты понимаешь, Мур?!»

– и т. д. –

И еще о России, о том, что Россия – в нас, а не там-то или там-то на карте, в нас и в песнях, и в нашей русской раскраске, в раскосости глаз и во всепрощении сердца, что он – через меня и мое песенное начало – такой русский Мур, каким никогда не быть X или Y, рожденному в «Белокаменной» – Да.

Устали?

Спасибо за письмо к Борису Пастернаку. Скоро, через мать А. И. Андреевой (проведет здесь неделю и – в Россию) отправлю ему «Мулодца», а Вам – для верности – другой экземпляр, умоляю – с первой оказией! Подарить кому – найдется, там у меня много друзей. Книгу можно вне тайны, т. е. при жене. Адрес Бориса: Волхонка, 14.

Посылаю Вам: «Мулодца» (пока – одного с Адей), чешскую «ванночку» и Аля – Аде татарские чувяки, у Ади узкая нога, надеюсь – подойдут. Скажите Аде, что попирали черноморские берега.

Тетрадей еще не получила, но знаю, у кого. Пишу мало, нет времени, целиком его с Муром прогуливаем. Но «Крысолов» подвигается.

И еще «Мулодца» для Ремизова. И для Ариадны Скрябиной в благодарность за вязаную кофточку для Мурки. (Адрес узнаете у Веры Зайцевой.)

Кажется, всё – о делах.

О Леонарде боюсь спросить: жив ли?

Это письмо Вам передаст Марк Львович. Мы с ним «помирились». Из многих людей – за многие годы – он мне самый близкий: по не-мужскому своему, не-женскому, – третьего царства – облику, затемняемому иногда – чужими глазами навязанным. А что больно мне от него было (и, наверное, будет!) – Господи! – от кого и от чего в жизни мне не было больно, было – не больно? Это моя линия – с детства. Любить: болеть. «Люблю-болит». Береги он мою душу как зеницу ока – все равно бы было больно: всегда – от всего. И это моя главная примета.

И если бы не захватанность и не страшность этого слова (не чувства!) я бы просто сказала, что я его – люблю.

Сейчас Аля придет с радио. Сережа приедет из города. Мур проснется. (Всех кормить!)

Бахраха на Пасху не было. Был режиссер Брэй с женой, и я злилась. А ту Пасху плакала – помните? – потому что Сережа заявил, что меня похоронит, а я требовала, чтобы меня сожгли. Помните эти злостные слезы? И испуг в комнате?

«Тело свое завещаю сжечь» – это будет моим единственным завещанием.

Об А. И. Андреевой в другой раз. Есть что рассказать. Искушение послать «Мулодца» Вадиму.[248] И моему Кесселю. А Бахраху – rien.[249] Кажется, так и сделаю.

Целую Вас нежно. Замещать Вас на крестинах будет кроткая Муна. (Родзевич в Риге – или в Ревеле – ворочает большим пароходом. Не знаю адреса, а то бы я ему послала «Мулодца», – уязвить его грошовую мужскую гордость.)

МЦ.

P. S. Не ищите Мура в календаре и не пытайтесь достать ему иконки. (Кстати, что должно быть на такой иконке? Очевидно – кот? Или, старший в роде – тигр?)

Обещаю, что это – последнее имя! (А все оттого, что не Борис).

Адрес Бориса: Волхонка, 14.

Борису Леонидовичу Пастернаку

Можно и на Союз Писателей, только не знаю адреса – как угодно – лишь бы только

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дошла (книга).

Приписка на полях:

Посылаю Вам шелковую курточку. Сама вязала. (Подочтите пропущенные петли: это мысль – или сердце – делала скачок.)

Вшеноры, 25-го мая 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Только что получила от Вас письмо, которым мое, подписанное и запечатанное, упраздняется.

Не писала так долго, потому что рассчитывала на скорое прибытие Марка Львовича, но он, увы, в последнюю минуту поехал через Женеву (задержка 8 дней) – увы, потому что не взял с собой чудесного чешского хлеба-монстра, приготовленного и привезенного (на диспут) для Вас. Так и пришлось везти обратно во Вшеноры. – Съели, но без удовольствия. – А что не взял – прав: доvez бы плюшкинский сухарь.

Поздравляю с издателем и журналом. Название «Огонек» – приветствую: читатель любит уменьшительные (спокойнее). И гонорар (1 франк строка) приветствую. И стих посылаю.

Мое письмо с Марком Львовичем теперь, думаю, получили. И нищенские подарки (куртку – Вам, туфли – Аде. Куртку вязала сама).

Скоро в Париже будет Анна Ильинична[250] – и Исцеленовы – и Александра Владимировна[251] (все врозь, конечно). Целая вереница пражских гостей и вестей.

Во Вшенорах сейчас нечто вроде волероссийского центра: Пешехоновы, Мякотины, Гуревичи, скоро перебираются Яковлевы. Я не знаю их партийной принадлежности, но в одном я точна: возле эсеров (м. б. от их стола кормятся?) Бывает – из возле-эсеров, а вернее из Доброховиц на собственном велосипеде прибывает и коля Савинков – веселый, элегантный, нахально-цветущий. А 22-го, в соборе святого Николая, была отслужена панихида по тому Савинкову.[252] Террорист – коммунист – самоубийца – и православная панихида – как по-русски! Любопытно, кто пришел? Будь я в Праге, я бы пошла. Есть чувство – над всеми: взаимочувствие личностей, тайный уговор единиц против масс: каковы бы эти единицы, каковы бы эти массы ни были. И в каком-то смысле Борис Савинков мне – брат.

Каждый день видимся с Анной Ильиничной. Многое и главное – молча. Бродим по

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
спящей деревне (полуспящий Сережа стережет спящего Мурку), рассказываем друг
другу мерзостные истории про котов и мертвецов. Она абсолютно зара – и
заряжаема, т. е. утысячеряет каждый звук.

Недавно была Нинина[253] свадьба: вышла замуж за здешнего
студента-виолончелиста. Было большое пирование, а на другой день она уже, на
собственном примусе, варила суп (первый в жизни).

Как кто встретил «Мулодца»? Обрадовался ли Кессель? Вадим? Пусть Вадим мне
устроит где-нибудь книгу стихов «Умыслы» (1922 г. – 1925 г., последняя), мне это
важней всего. [254] Согласна на новую орфографию, ибо читатель ее – в России.
Попросите Вадима! М. б. Гржебину предложить?

А насчет Розенталя и трилогии – дело гиблое, ибо написана всего 1-ая часть. [255]
Передано ли прошение?

Целую Вас.

МЦ.

Приписка на полях:

Сережа Вам писал последний – большое письмо. Деньги за Раковину [256] получит и
вышлет на днях.

P. S. Аля, растрогавшись Нининой молодостью, поднесла ей того «мопса».

Вшеноры, 9-го июня 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вчера, в Духов день, в день рождения Пушкина и день семилетия с рукоположения о.
Сергия – стало быть, в тройной, в сплошной Духов день – было крещение Георгия.
Дня я не выбирала, как не выбирала дня его рождения (1-го – воскресенье –
полдень) – вышло само. Булгаков должен был приехать в Псы служить на реке
молебен, и вот заодно: окрестил Мура. Молебен на реке отменили (чехи в купальных
костюмах и, вообще, пляж [257]) – а Мур окрещен был. Замещали Вас и Ремизова –
Александра Захаровна и актер Брэй, рыжий. [258] Был чудесный парадный стол, в
пирогох и рюмках и цветах (сейчас жасмин). Чин крещения долгий, весь из
заклинания бесов, чувствуется их страшный напор, борьба за власть. И вот,
церковь, упираясь обеими руками в толщу, в гущу, в живую стену бесовства и
колдовства: «Запрещаю – отойди – изыди». – Ратоборство. – Замечательно. – В
одном месте, когда особенно изгоняли, навек запрещали (вроде: «отрекаюсь от
ветхия его прелести...»), у меня выкатились две огромные слезы, – не сахарных! –
точно это мне вход заступали – в Мура. Одно Алино замечательное слово накануне
крестин: «Мама, а вдруг, когда он скажет „дунь и плюнь“, Вы... исчезнете?» Робко,
точно прося не исчезать. Я потом рассказывала о. Сергию, слушал взволнованно, м.
б. того же боялся? (На то же, втайне, надеялся?)

Мур, во время обряда, был прелестен. Я не видела, рассказывали. Улыбался свечам,
слизнул с носа миро и втянул сразу: крестильную рубашку, ленту и крест. Одну
ножку так помазать и не дал (не Ахиллесова ли пята – для христианина –
вселенскость? Моя сплошная пята!)

Иногда, когда очень долго (был голоден) – подхныкивал деликатно, начиная с

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
комара, кончая филином. Был очень хорош собой, величина и вид семимесячного. С головой окупнут не был, – ни один из огромных чешских бельевых чанов по всему соседству не подошел. Этого мальчика с головой окупнуть можно было только в море. Крестильную рубашечку – из парижского шитья, с голубыми лентами в виде платица – принесла Александра Захаровна, а я ей взамен для Лелика подарила Алины чулки и носки. Ваши, пришедшиеся ей ровно на полноги (уже 38! недавно покупала сандалив – так что рубашечка вроде как Ваша. Крестик и иконку мы получили как раз накануне, за день, ровно и крайне в срок, от Марка Львовича, приехавшего, наконец, к нам с другими волероссийцами – в последний день Муриноного язычества – познакомиться с моим наследником и своим сотрудником. Было, случайно, много гостей, сидели в курино-козьей беседке: вся «Воля России» (за исключением В. И. Лебедева), актриса Коваленская с сыном, пара Брэй'ев (англичане), семейство (с детьми) Яковлевых, Александра Захаровна с Леликом и доктор Альтшулер, мой и Муркин добрый гений. Марк Львович был мил, все были милы, я бы на его (и на их – всех – вообще всех – всего мира!) – месте меня бы больше любила. И вот, передал крестик. И чудесное Адино-Алино платице, и бумагу, и всю любовь. Я всюду очень громко хвалю Адю – как я умею, когда люблю: упорно, тоном обвинительного акта. И все смущены. И я люблю это смущение. Марк Львович – «Но ведь Адя... молчит»... И я: «Но ведь я говорю!» Говорила об Аде и Булгакову, он умница, ему все редкое нравится, о любви ее... (гм! гм! – в детстве...) к чертям. Он улыбался улыбкой знающего. Едет со всей семьей 1-го июля в Париж насовсем. И так неожиданно вдруг, об Аде просто: «Я ее увижу в церкви» – вне символики, а вышло больше. Мне жутко понравилось, как штейнеровское тогда – мне: «Auf wiedersehen!»[259]

На крестинах были: о. Сергей, Муна, Катя Рейтлингер, Новелла Чирикова, Александра Захаровна с Леликом, пара Брэй'ев – и мы трое. Моя цыганская страсть уехала[260] – и лучше – она бы не стерпела своего заместительства, а другому (другой) бы заместить не дала. Сейчас она в Париже, м. б. будет у Вас, я не просила, только дала адрес. Это, в здешней скудости, моя живая вода – огневая вода!

А в Париже нам, конечно, не жить. Я так и знала. Это у нас, в день русской культуры, старушка песенку пела, с припевом:

Не живи как хочется,
А как БОГ велит.
– Утешение. –

Но, может быть, погостить – выберусь. Погостить и почитать. Только не раньше ноября-декабря, Муркиного десятимесячия. И, увы, без Али, п. ч. Алин билет уже взрослый и всё вдвое. – И всё – планы. – Денег в обрез, я сейчас лечу зубы, ставлю коронки, и в лавки долг около тысячи.

Но мечтой себя этой – тешу. Вами, Адей, Вадимом, собой, свободой. И Муркиным парижским туалетом! И подарками, которые привезу домой. И почему-то мне кажется, что всюду, где меня нет – Пастернак.

О Вадиме. Грусть о единоличном «Мулодце» пусть бросит. Или всю мечту обо мне. Их союз – их дело, как брак, т. е. «ваша великая тайна и ваше частное дело» (моя формула).[261] Дружить, если буду, буду врозь, – м. б. и с обоими, но четко и точно-врозь. И Вадим, конечно, предпочтет мне – друга, как Андреева мне – сына, как все мои мужские друзья – мне – своих жен, п. ч. «это не для жизни»: ненадежно, – правы. Я абсолютно бывала любима в жизни только издалека, вне сравнений, п. ч. в воздухе, а в воздухе не живут, стоило мне только ступить на

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
землю, как мне неизбежно предпочитали – да эту же самую землю, по которой я
ступаю.

А мне земля необходима, как Антею: оттолкнуться. И потому – правы.

10-го июля 1925 г.

Предгрозовой вихрь. Подвязываю в саду розовый куст. Почтальон. В неурочный час.
«Pani Svetajeva».[262] Протягиваю руку: бандероль. И – почерк Пастернака:
пространный и просторный – версты. Книга рассказов, которую я тщетно (40 крон!)
мечтала купить на советской книжной выставке.

А до этого сон – буйный и короткий, просто свалилась, сонная одурь, столбняк.
Проснулась в грозу, потянуло к розе и получила в раскрытую руку – Пастернака.

Адрес здешний, – значит, то письмо дошло. Ах, еще бы «Молодца»! И шарф. Но денег
Ховин (?) [263] наверное не платит? Тогда стихов не давайте. Зеленый шарф – от
всей Романтики и последнего (в этой стране всё – последнее!) глашатая, нет,
солдата ее – меня.

Книгу отложила. С радостями, как знаете, не тороплюсь. Радость – иной вид
горестей, м. б. – острейший. Но из колеи выбита – надолго. Мало мне нужно.

Любит ли Вадим произведения своего отца? Вообще – от Андреева? И похож ли на
Савву? Савва – сласть, сласти. Хотелось бы, чтобы Вадим был горечью. Огорчайте и
горчите его мной, – большим на пользу.

Целую Вас и Адю.

Да! перед сном (столбняком) вздрогнула, т. е. уже заснув, проснулась от ощущения
себя на эстраде Политехнического Музея – и всех этих глаз на себе. – Слава?

МЦ.

Приписка сверху:

Тетради дошли давно, я уже дважды писала. Но времени на переписку стихов нет. В
красной Аля пишет свои воспоминания о раннем детстве, – вымолила! Все три
обольстительны. Спасибо. (Тут Аля усмехается.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как Адино писание? Пусть не остывает!

Вшеноры, 14-го августа 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Обратное Вам, а не обратное мне, – я ведь тоже себялюбец, хотя и в другом. Но и мне обратно достаточно, – этим и прельщена. Кроме того, единственный человек (из чужих), кто сам тянется ко мне, без меня скучает и – что главное – меня не судит. [264] Она меня определенно любит, по-своему, рывком, когда с натиском, но – любит, зверь чужой породы – зверя всем чужой породы – меня. И лицо прелестное. И голос. (С таким должны петь, чист только в пенье.) И не навязывает мне своей семьи, дает себя мне – вне, только по ночам, в свои часы. Все это ценно. И я не умею (еще как!) без чужой любви (чужого). А «Мариночка» тот же захват, что и во всем, что и вся. Ее, как меня, нельзя судить, – ничего не останется.

Живу трудно, удушенная черной и мелкой работой, разбито внимание, нет времени ни думать, ни писать. Кончаю воспоминания о Брюсове. «Крысолова» забросила (мой монархизм). Сережа скоро возвращается. Ему необходимо не жить в Чехии, уже возобновился процесс, здесь – сгорит. О зиме здесь не хочу думать: гибельна, всячески, для всех. Аля тупеет (черная работа, гуси), я озлеваю (тоже), Сережа вылезает из последних жил, а бедный Мур – и подумать не могу о нем в копоты, грязи, сырости, мерзости. Растить ребенка в подвале – растить большевика, в лучшем случае вообще – бомбиста. И будет прав.

Да! Вы спрашиваете о том, достоверна ли я с Анной Ильиничной. – Пожалуй, нет. – О моем отношении к Пастернаку она знает, п. ч. отправляла, через мать, письмо и книгу. Об остальном, по-моему, ничего.

В дружбе ли с «дорогим»? Не знаю. М. б. в очень далекой. Он все пытается устроить свою жизнь, точно это так важно – устройство его жизни, жизни вообще. От Сталинского и Лебедева вижу, во всяком случае, больше внимания и человечности. Он занят только собой, данным собой, мне в данном тесно.

Живу без людей, очень сурово, очень черно, как никогда. Не изменяет, пожалуй, только голова. Знаю, что последнее, когда буду умирать, будет – мысль. П. ч. она от всего независима. Для чувств же нужны поводы, хотя бы мельчайшие. Так я, без намека на розу, не могу ощутить ее запах. А «роз» здесь нет. (Полные кусты, не те.)

Мур чудный. 61/2 месяцев. Начинает садиться (с ленцой). Говорят (ваш сон в руку), похож на Алю. Раскраска, пожалуй, та – светлота масти – черты острей. Маргарита Николаевна, уезжая (едет в Париж насовсем), оставила ему целое приданое.

Кесселю очень хочу написать, и – пожалуй еще больше – о нем. Есть места гениальные. (Юсупов – Распутин.[265]) Но боюсь ввязываться – мало писать не умею, в «Воле России» с «Крысоловом» по пятам. Если ему пишете, передайте мое восхищение и причину (невозможность мало сказать!) молчания. Ибо что о статье – то же о письме.

Только что – большое письмо Ади с описанием велосипедов, – Оли на жердочке – кабинки – одеяла – дождя. Да ведь это моя жизнь – с кем-то – куда-то – ни за чем. У нас с Вами и Адей, кроме всего остального, чудесно совпадает темп жизни. О, как давно, как давно, мне кажется – годы! я не была, в жизни, собой.

Вадиму не ответила не из невнимания, ненаписанное письмо не на совести, а в сердце (пишется!). И Вадима и Володю[266] считаю своими, одной породы, мне с ними, им со мной будет легко. Лиц их не вижу, голоса слышу.

Ольга Елисеевна, это будет чудесная жизнь, когда я приеду! Вдруг поняла, п. ч. сказала: голоса.

К литераторам ходить не будем, не люблю (отталкиваюсь!) кроме Ремизова никого из парижских. И, м. б., еще Шмелева.[267] К литераторам ходить не будем, будем возить Мура в коляске, а по вечерам, когда он спит, читать стихи. (Хорош Париж? Но ведь живешь не в городе!)

Пусть Адя не обижается, что не пишу ей сегодня отдельно, сейчас купать Мура, готовиться к завтрашнему иждивению, мыть голову, писать Сереже письмо – так, до глубокой ночи. Сплю не больше пяти часов вот уже полгода.

Стихи пришлю, как только доперепишу Брюсова.[268] Не сердитесь, что не поздравила с именинами, это ведь только день рождения Вашей святой, – не Ваш. И, ради Бога, ради Бо-га – никаких подарков к минувшим моим! Не надо растравы, все вещественное от близких растравляет, я еще не совсем закаменела.

Аля огромная (стерьва Мякотина – м. б. от стержовности – ей дала 16 лет), с отросшими косами, умная, ребячливая, великодушная, изводящая (ленью и природной медлительностью).

Ей очень тяжело живется, но она благородна, не корит меня за то, что через меня в этот мир пришла. С 4-ех лет, – помойные ведра и метлы – будет чем помянуть планету!

Целую всех: Вас, Адю, Наташу (разъединяю, п. ч. близнецы), Вадима (разъединяю, п. ч. братья), Олю и Володю. (А Володя – в хвосте.)

МЦ.

Приписки на полях:

Скоро пришлю снимки – Алины, Муркины и свои, завтра куплю пластинки, снимает Александра) Захаровна.

Одновременно пересылаю «В огонь – синь». [269] Пометки чернилами – слонимовские, карандашные – мои. Подробности – Аде на отдельном листочке.

Был бы жив Гуковский – взяли бы в «Современные Записки».

Рецензии в «Звене» не читала, но знаю от вегетарианца-председателя Союза Писателей Булгакова, что есть таковая. Но так как в «Звене» меня всегда ругают – не тороплюсь. («Я люблю, чтобы меня до-о-лго хвалили!») [270]

Вшеноры, 7-го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Поздравляю Вас и Адю с Вадимом, вернее – Вадима с Вами и Адей, – со всеми вами. [271] Вы – семья, на которой можно жениться целиком.

Адя решительно подражает мне: 16-ти лет пишет блестящие статьи и 16-ти лет выходит замуж. Адечка, лучше рано, чем поздно: матери Гёте не было 17-ти лет, когда он родился, и она, позднее, говорила ему: «Ты хитрец, ты мою молодость взял в придачу». Но раньше 16-ти нельзя – тогда уже Комсомол.

Аля очень озабочена Вашим свадебным нарядом, будущими детьми, переправкой коляски, всем бытом брака, который, по моему опыту – знает, труден. Новость узнали от Анны Ильиничны, начавшую со словами: «Мы с Вами будем родственниками». И, знаете, я только потом усомнилась, вернее задумалась, – каким это образом? – так сильна, должно быть, убежденность внутреннего родства.

Наседает осень. С угольщицей в ссоре, – дважды взяла за метраж углей – не знаю, чем будем топиться. Париж туманен. Надо решать: либо муравьиные запасы здесь, на зиму, либо стрекозиный танец по визам. Предлагают здесь, во Вшенорах, целый ряд квартир, – духу не хватает! Единственное поме- и перемещение, которое я хочу – поезд! Но бесконечно жаль Сережу, который три-четыре месяца должен быть здесь, срок подачи докторской работы – ноябрь, после чего еще три месяца иждивения.

У него, кстати, объявилась астма. Что с ним дальше будет – не знаю. Но томить Мура в сырости и копоти тоже духу нет. Не знаю, что делать.

Сейчас ему 7 месяцев с неделей, если ехать в середине октября – будет 81/2 месяцев. Доехать можно, он веселый и тихий.

Встает также вопрос детской кровати. Мур уже сидит, через месяц будет вылезать, везти отсюда нет смысла, здесь очень средняя – 375 крон, а я хочу хорошую, надолго. (Аля в своей спала до 6-ти лет.) М. б. узнаете, на всякий случай, дорогая Ольга Елисеевна, цену хорошей и средней кровати – там? (Для меня «там», для Вас – здесь.)

Ехать Мурке, если в октябре, есть в чем: чудесное голубое вязаное пальтецо, связанное Александрой (Захаровной), позже – не в чем, а покупать здесь дорого и жалко.

Простите за скучные мелочи, всё это не я, но моё.

Самый мой большой ущерб – отсутствие одиночества. Я ведь всегда на людях, и днем, и ночью, никогда, ни на час – одна. Никогда так не томилась по другому, как по себе, своей тишине, своему одинокому шагу. Одиночество и простор, – этого до смешного нет. На таком коротком поводе еще не жил никто. Я не жалею, а удивляюсь, с удивлением смотрю на странную – хотела сказать: картину, – какое! – на мельчайшую миниатюру своей жизни, осмысленную только в микроскоп.

Видела Катю Рейтлингер. Кокетливо-омерзительна в замужестве, о муже [272] говорит, как о трехлетнем, сюсюкает, и, между прочим, – «На которой из Черновых женится Оболенский?» Я, задумчиво: «На мне».

Когда Адина свадьба? Будет ли венчаться в церкви? (По-моему – да.) Что от меня хочет в подарок? (Кроме детской коляски, – это уже от Али.) Дошло ли Алино наглешее письмо к своему дню рождения? От Вас очень давно нет писем, даже не знаю, по какому адресу писать.

Хорош Мур? Только очень бело отпечатано, совсем белые глаза. Фотографию очень прошу сохранить.

Целую всех, пишите.

МЦ.

Середина сентября 1925 г.

...Встает в 6 1/2 – 7, молчать не заставишь. Ложится – окончательно – между 7-ью и 8-ью, если здоров – спит крепко до утра. Но сейчас, с зубами, беспокоится. Если комната проходная – просто нельзя ехать, это не каприз, он изведется. Вы же знаете мое спартанство, приучала – не приучила. Необычайная отзывчивость на звук, с первых недель. К голосу Анны Ильиничны никак не может привыкнуть, – руки за голову – рев.

Да! Пришлось нам с Алей ей покаяться в злоупотреблении ее добрым именем – ведь мы на нее сослались, поздравляя Адю. Она не обрадовалась, но не рассердилась. В задумчивости говорила нам вслух возмущенную открытку Вадима: «Ты все перепутала!» С этого началось, – пришлось признаваться.

Теперь о Сереже. Необходимо его вытащить. Он и так еле тянет, – все санаторское

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru спустил, худ, желт, мало спит, ест много, но не впрок, недавно на пирушке у соредатора «Своих Путей» (получили ли??) ел привезенные из Парижа сардинки – и обмирал. И тихо, кротко, безропотно – завидовал. Его кроткие глаза мне всегда нож в сердце. Хотя б ради сардинок – необходимо.

В «Чужой Стороне» напечатан его «Октябрь». В «Своих Путиях» несколько статей – тесных, сжатых, хороших. Но времени писать, естественно, нет. Начата большая повесть.

Ольга Елисеевна, как Вы думаете, нельзя ли было бы получить на поездку что-нибудь из парижского фонда литераторов? За все годы здесь я однажды получила от них 250 франков. По-моему – могут еще. И не 250 франков, а 500 франков, – так давали Чирикову, я не хуже. М. б. – через Карбасниковых? А то ведь я не знаю, на что поеду. Иждивение не в счет: долги, жизнь, нужно оставить Сережу. По-моему – парижский фонд литераторов. Добиться можно. За три года – первая просьба. (Те 250 в 1923 г. прислали без моей просьбы.) По-моему идея – а? Только не прибедняйте меня слишком, а то дадут 50 франков.

Алины именины давайте праздновать вместе с Адинами, когда приедем? 18 сентября – 1-го октября – давайте передвинем на 1-ое ноября. А потом Рождество – елка – Муркина первая – хорошо? Ему уже будет 10 месяцев.

Опишите жилище: расположение комнат, этаж, соседство. Тиха ли улица? Близка ли даль (застава)? Когда Олина свадьба? Неужели без нас? Мур был бы мальчиком с иконой.

От Володи чудесная тетрадь, которой мы все чурася, п. ч. слишком хороша. Але, ради Бога, ничего не присылайте, что есть – есть, чего нет – заведем. М. б. купим у той же Анны Ильиничны, у которой грандиозная распродажа. Она скоро едет, раньше нас, с заездом в Берлин.

Не забудьте прицениться к кроваткам и складным (раздвижным) стульчикам. Это будет первая покупка.

Целую нежно, привет всем.

МЦ.

P. S. Будете писать – перечтите все мои вопросы.

Рукой С. Я. Эфрона:

Дорогая Ольга Елисеевна,

Исхожу доброй завистью (не злостной) к Марине и Але. Париж представляется мне источником всех чудодейственных бальзамов, которые должны залечить все Маринины ... обретенные в Чехии от верблюжьего быта и пр., и пр., и пр. Хотелось бы и самому очень. Но раньше весны вряд ли удастся.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О Вашей семье, даже о незнакомых членах ее, думаю, как о совсем родной.
Кумовство наше прочное и нерушимое.

У Мура, кажется, прорезаются зубы, и он кричит так зычно, что заглушил бы и Шалыпина. Марина не спускает его с рук.

Сергей Яковлевич (тот) изъявляет свое согласие на бракосочетание Ольги Викторовны с Вадимом Леонидовичем и посылает благословение благодетеля.

Целую Вас и Аденьку. Остальным сердечный привет.

Ваш С. Я.

Получили ли последний № журнала? Послал из санатории.

Вшеноры, 21-го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Наш отъезд начинает осуществляться – о, чуть-чуть! В виде просьбы Марк Львович немедленно представит ему[273] прэказ[274] (еще помните?) и с дюжину фотографий. Мы с Алей снялись, посылаю. У Али губы негра, не собственные. Думаю, через месяц паспорт и виза будут. Теперь думайте Вы – тверд ли в Вас – наш приезд? Ведь Мур нет-нет – да попоет, иногда и басом. Кроме того – «зубки». Сейчас он, например, на полном зубном подозрении: хныкает, ночью просыпается и пр. Все это в тесном соседстве – мало увеселительно, иные совсем не выносят крика – как Вы? И в доме ведь не только Вы, – чту, если Мур надоест? Труднейшая вещь – в гостях. (Пока пишу, Мур, гремя погремушкой, воет – долго – по... – настойчиво. Сквозь вой – всхныки.) У него моя манера – сдвигать брови, и морщина будет та же. Сидит. Ругается: скороговоркой, островитянки, интонациями. И почти всегда – мужчин. Будет – «феминист». ... светлое, но ресницы темные, очень длинные. Сейчас он старше и четче карточки. В Париже снимем.

У нас осень, хорошие ветра, сбивающие сливы, темнеет рано (мы за горой), гора в полосах паршивого медведя, расчесанного и изгрызанного. Пора помидор – дикого винограда – первых печек – последних жар.

Кончила Брюсова, принялась за «Крысолова», иные дни удается только присесть, весь день в колесе, вечерами голова пуста (от переполненности мелочами), сию, грызу перо. Мои утра, мои утра! То, чего я тбк – никогда – никому – не уступала! Первая свежесть мозга, омытость мысли. Ночью может случиться лавина вдохновения, но для труда – утро. Ночи – прополохнэт! – впустую.

Но есть в этой жизни уют – сиротства. Сироты – все: и Сережа, и Аля, и я, и Мур. Сиротство от внешней скудости, загнанности в нору, в норе – сбитости. Уют простых вещей при восхитительном неуют непростых сущностей. Уеду – полюблю. Знаю. Уже сейчас люблю – из окна поезда. Самое сильное чувство во мне – тоска. Может быть иных у меня и нет.

Теперь – чту брать? Хлам – брать? Множество. Ехать навек или нб три месяца?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Есть, например, огромный серый клетчатый шерстяной распорок с Веры Андреевой, – Аля в нем тонет. Может выйти хорошее платье. – Связываться? А летнее – подозрительного свойства – бросать? Всякие ситцевые линиялости. Ход чувствований таков: как платье – зазорно, но могут выйти Але штаны. И не одни, а трое. И вечные. Но шить я не умею, следовательно будут лежать. А за это лежание – в багаже – платить. И везти в Париж – дрянь. В Париж, в котором... И неужели же ни я ни Аля не заслужили – раз в 100 лет! – новых – збсвежо – штанов?!

Пишу нарочно, чтобы Вы меня презирали, как презираю себя – я.

А коляску брать? У нас две: одна лежала, волероссийская, рессорная, громоздкая, красивая, в которой пока еще спит, но из которой, явно, вырос. Другая – деревянная, сидячая, складная, тарахтящая, собственная, облезлая, но верная, – преданный урод – без рессор. Или бросить (передарить) обе? Не представляю себя переходящей с коляской хотя бы коровий брод в Париже? Верю в свои руки и ноги, коляска уже стороннее. И, вообще, подробно: каков квартал? Есть ли невдалеке (и в каком невдалеке?) сад – или пустырь – лысое место без людей, где гулять. Какой этаж? Рядом с «нашей» (наглость!) комнатой – кто будет жить? Через нас – будут ходить? Тогда не поедем, п. ч. у Мура (будущий музыкант, всерьез) трагически-чуткий слух и сон. От всего просыпается и всего пугается.

Большое поздравительное (и нравоучительное) послание того Сергея Яковлевича к Дооде[275] в последнюю минуту затерялось. Отыщется – дошлем. Для доброго дела никогда не поздно.

Никогда не поздно.

МЦ

Вшеноры, 30-го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Паспорт на днях будет. Дело за визой. Визу обещал достать Марк Львович. Виделась с ним 15-го, с тех пор ни слуху, ни духу. На какие деньги поеду – не знаю. Отъезд, ведь, не только билет, но уплата долгов, покупка и починка дорожных вещей, переноска, перевозка и пр. Сделайте все, чтобы фонд литераторов – дал. Председатель – Ходасевич. Где он сейчас – не знаю. Но Вам адрес достать, думаю, будет нетрудно.

Отъезд решен. Вся совокупность явлений выживает. Повысили квартирную плату, на стенах проступила прошлогодняя сырость, рано темнеет, угля нет, п. ч. в ссоре с единственным его источником, – много чего!

Да (между нами!) содержание мне на три месяца сохраняют, но жить на него не придется, так как Сережа не может жить на 400 студенческих крон в месяц. Ему нужна отдельная комната (докторская работа), нужно хорошо есть – разваливается – нет пальто. Много чего нужно и много чего нет. Я не могу, чтобы наш отъезд был для него ущербом, лучше совсем не ехать.

Вся надежда на вечер[276] и на текущий приработок, – сейчас зарабатываю мало, нет времени даже на переписку стихов. В свободные минуты – «Крысолов». Пишу предпоследнюю главу. Бедная «Воля России». Героизм поневоле или: «bonne mine au mauvais jeu»[277] (что-то же). Убедена, что никто из редакторов его не читает, – «очередной Крысолов? В типографию!»

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да! Первая размолвка с Анной Ильиничной, кстати очень и очень ко мне остывшей. Недавно, по настойчивой просьбе Сережи, прошу ее извлечь мой паспорт из какого-то проваленного места в министерстве. (Ей легко, п. ч. ни с кем и ни с чем не считается, и для себя такие вещи делает постоянно.)

И ответ: «Нет, не могу. Придется ждать в двух канцеляриях. Невозможно». Через 10 минут Сережа, просивший совсем другим тоном (улещая, как умеет тот Сергей Яковлевич), добился. А мой тон – Вы знаете: в делах – деловой, вне лирики. Лирика – как предпосылка. (Молча:) «Зная, как Вы ко мне относитесь, зная, что я – вообще и что – для Вас, прошу Вас...» (Вслух:) «Анна Ильинична, у меня к Вам большая просьба: не могли бы Вы» и т. д. Впрочем, на этот раз, такой предпосылки не было; слишком знаю, что я для нее: если не раз-влечение, то от-влечение, м. б. просто –влечение. И только. Ради этого времени не теряют. – Хотите конец? Она просьбу («Сергея Яковлевича») исполнила, а я ее не поблагодарила. Не смогла. Но не улыбайтесь, торжествуя: все это я знала с первой минуты, теперь – узнала. Нелюбимую Нину она всегда – житейски – предпочтет любимой (?) мне. Словом, я для нее – тот, кого в случае бури первым выкидывают из лодочки. Семья – одно, я – другое: второе, десятое, нечислящееся. – По-мужски. –

К Муру тоже остыла. (Была – страсть!) Боязнь привязанности? чувство моего – здесь? – единовластия? Огорчение (смягчаю), что не позвали в крестные? Видимся редко, – раз в неделю, не чаще. Раньше, при встрече, она – сияла, сейчас на лице оживление – и только. (NB! Оживляю – даже мертвецов!) Мне не грустно, п. ч. я ее не любила, и не досадно, п. ч. не самолюбива. Нечто вроде удовлетворения большой кости в собачьей глотке: «Ага! подавился мною!» Иногда я думаю, что я бессердечна, до такой степени все мои любви и нелюбови вне всякого добра (мне) и зла. «Тянет», «не тянет» – всё. Обоснование животного – или чистого духа, могущего, за отсутствием платы, разрешить себе эту роскошь тяготения. Вообще, у меня душа играет роль тела: диктатор.

Читайте или не читайте Вадиму, Вам виднее. Только – остерегаю – чтобы никогда – ей – ни звука. Все равно дойдет (до меня). Думаю, учитывая все сказанное, – она меня больше любит.

Приписка на обороте:

Везти ли примус? Есть ли в Париже керосин? По утрам разогреваю Мурке еду – лучше всякой спиртовки. (А газ взрывается.) Не смейтесь и ответьте.

Целую Вас, Адю, Ооолу[278] и Наташу. Вадиме (е) и Володе привет.

P. S. Будут ли они учить Алю? Необходимо, чтобы она сдала экзамены в IV класс.

МЦ.

Того же 1-го окт(ября) 1925 г., четверг

Письмо второе

Только что вложила письмо в конверт – как Ваше (Ваши). Самое сомнительное – коляска. Очень велика и тяжела: дормез.[279] Но Мур сам очень велик и тяжел, носить на руках – руки отвалятся. Не справитесь ли Вы, дорогая Ольга Елисеевна, и о цене сидячей коляски, легонькой, для гулянья, – но с пологом, т. е. верхом, от дождя? М. б. – не так дорого, – вместо кресла. Минус кресло и минус провоз – вот и коляска. С нашей трудно управиться: на Александра III в детстве. А спать он в ней все равно на днях перестанет: уже упирается ногами. Купим все на следующий же день по приезде. Кроватку хочу хорошую, надолго. А с нашим дормезом

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– не то, что в 15 минут до парка – и в час не доползешь.

Умилена двойным распоряжением касательно тряпок. Одарю кого-нибудь. Градации нищеты ведь неисчислимы! Кому-нибудь (хотела бы посмотреть!) наши отребья будут пурпуром и горностаем. (Мур проснулся и скромно, но громко стучит копытами об коляску – знак, чтоб брали!)

Да! Забыла рассказать. В квартире, покидаемой Анной Ильиничной – чудесной, на вилле, в каштановом саду, над ручьем – м. б. будет жить Виктор Михайлович. [280] Сообщила с неопределенным смехом. В иные минуты передо мной вскрыты все черепные крышки и грудные клетки, обнажая мозги и сердца. Анна Ильинична: большая тропическая кошка. Сережа с ней управляется отлично. Я (остывает) – разучиваюсь.

Только что получила письмо от Марка Львовича, советует в фонд литераторов обращаться через Зензинова. Пишу ему нынче же. С нескольких сторон – хорошо. Действуйте – через кого вам легче. На днях увижусь с Марком Львовичем и после разговора напишу. У нас, увы, 600 крон долгов. (У Маковского, кажется, было около 60.000 крон!) Просить нужно не меньше 500 франков.

Читаю сейчас Башкирцевой – Cahier intime. [281] Суета и тщета. Жаль ее чудесной головы. Ничтожные молодые люди и замечательные чувства по поводу них. Неправы – издавшие и неправы – так назвавшие. «Intimity» [282] Башкирцевой – ее голова, а не маскарадные авантюры. Хотелось бы написать о ней. Прозаик ревнует меня к поэту и обратно. – Раздвоиться. –

Кончаю. Мои письма сухи, не мои. Торопясь, нельзя чувствовать, хотя чувствование – молниеносно. Иная быстрота.

От чтения Башкирцевой – две досады: за нее, знавшую только эту жизнь – и за себя, никогда ее не знавшую. (Сужение круга выбора.)

Целую всех. Спасибо Вадиму за клочки письма. Буду постепенно сообщать Вам все новости. Аде спасибо за план.

МЦ.

P. S. Как понравилась моя фотография?

Клетчатое платье – подарок Сережи на редакционные деньги.

Об «Октябре» – благожелательный отзыв Айхенвальда в «Руле».

Вшеноры, 18-го Октября 1925 г.,

чешский праздник посвящения гуся.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Поздравьте крестника с двумя зубами сразу (в один день) и стребуйте с крестного на зубок. Быть Ремизовым (и Серафимой Павловной!) обязывает. Шутка – шуткой, а по-моему, стребовать надо. Чту – Вам видней. (Обезьянья грамота – само собой, ею не отыграется!)

Муру привили оспу, длится 12 дней, сегодня, слава Богу, восьмой. Думаем выехать 27-го – 28-го, главное – деньги. Зензинов очень милым письмом обнадеживает. Квартиры у нас до 1-го. О дне выезда известю sic! телеграммой, а Вы, тотчас же по получении письма, ответьте: на каком вокзале слезать, т. е. – будете встречать. Поезд из Праги отходит в 10 с чем-то утра. Как поедем – один Бог знает.

Тотчас же после «Крысолова» (осталась одна глава) принимаюсь за статью о Кесселе. До того мой мир, что буду писать о нем, как о себе: с той же непреложностью и убедительностью. Не читая ни одного отзыва – совершенно свободна. Да – прочти всё – мой упор все равно другой. Убеждена, что напишу о нем абсолютно. Только вчера поставила вместе с ним последнюю точку «Les Rois aveugles». [283] Знаю, что ему нужно писать дальше. Передайте, если встретится, мой привет и радость встречи с ним. Думаю, он вне нищеты мужского и авторского тщеславия.

Паспорт и виза есть. Как в Париже с молоком? Муру ежедневно необходим литр. Вернувшиеся из экскурсии говорят, что с молоком сложно, – только сливки. Очень попрошу Вас, дорогая Ольга Елисеевна, ко дню нашего приезда (будете знать) по возможности молочное дело наладить. Ничего, кроме молочного, есть не хочет, – сопротивляется.

Все новости – при встрече. Теперь уже мало осталось – хотя и самой не верится. Шлю привет всем.

МЦ.

– Мур приедет девятимесячным. – (1-го ноября.)

26-го Октября 1925 г., понедельник

Дорогая Ольга Елисеевна,

М. б. займу деньги под иждивение. На высылке парижских настаивайте, иначе, узнав, что без них обошлась, совсем не дадут. Пусть высылают (если уже не выслали на мое) на Серезино имя: – иначе он умрет с голоду. (Уезжая, забираем все – вплоть до ноябрьского иждивения.) Зензинову же объясните, что я ввиду отъезда часто бываю в городе, и почтальон может не застать. О сроке моего выезда лучше не говорите, иначе скажут: поздно – и вовсе не пришлют.

Выезжаем, с Божьей помощью, 31-го, в субботу, в 10 ч. 45 минут утра.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У Мура очередные зубы и оспа, – м. б. за эти дни обойдется. Жар. Очень похудел. Ждать с отъездом нельзя, – 1-го уже въезжают в нашу квартиру, и Анна Ильинична с Саввой уезжают 31-го. С ними – как в раю (условном).

Муру, очень прошу, приготовьте: литр молока, сливочного масла и обыкновенной муки белой. Как приеду – так жарить.

Колясочку Людмилы[284] непременно берите, пригодится. А спать одну ночь он может в нашей маленькой. Большую не берем – провоз – цена кровати.

Итак – дай Бог – увидимся в воскресенье. (О приходе поезда, пожалуйста, узнайте.)

Целую всех.

МЦ.

St. Gilles, 9-го июня 1926 г.

– Аденька, перешлите!

Дорогая Ольга Елисеевна,

Сердечное спасибо за чудные подарки. С рыбкой Мур купается, с зайцем гуляет, а костюмчик, увы, лежит, – ветра и дожди. Длина и ширина как раз. Морды котов грозны и сини, как туча.

Приехал Сергей Яковлевич, живет вторую неделю, немножко отошел, – в первые дни непрерывно ел и спал. Подарили ему с Алей chaise longue, [285] лежит в саду. Жизнь простая и без событий, так лучше. Да на иную я и неспособна. Действующие лица: колодец, молочница, ветер. Главное – ветер.

Понемножку съезжаются дачники, иные уже купаются, – глядеть холодно. Кабинка стоит 300 франков, обойдемся без. Сюда собираются Бальмонты. Русских здесь, оказывается, бывает много.

О людях:

13-го М. С. Булгакова выходит замуж.

26-го у Кати Рейтлингер родилась дочь.

Нужно бы третью новость – нету!

У Мура загон. Только вчера прибыл. Поправился. Стоит не держась и явно ожидает похвалы. Ходит, но не твердо, – шагов двадцать (очень спешных!) и садится. Много понимает, но говорит мало, – занят ходьбой. Я не спешу, и он не спешит.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Аля завалена кинематографическими журналами, другое читает менее охотно. Жизнь лучше, чем во Вшенорах, если не легче, то как-то краше. Если бы не погода!!!

Оканчиваю две небольших поэмы, [286] времени писать мало, день летит. Читаю по ночам Гёте, моего вечного спутника.

Сейчас иду к Сереже, он будет читать вслух, а мы с Алей шить. – Где Вы? Пишу в пространство, т. е. на Rue Rouvet. Что Пиренеи? Каковы планы и сроки?

Целую нежно.

МЦ.

11-го декабря 1926 г.

Милая Ольга Елисеевна,

Оказалось, что в воскресенье Аля идет на Лелькин спектакль, поэтому у Маргариты Николаевны были в четверг и завтра не поедем. Думаю быть у Вас завтра (в воскресенье) с Муром около 3 ч., если только погода окончательно не разлезется. Пока до свиданья, привет всем.

МЦ.

Суббота.

КОЛБАСИНОЙ-ЧЕРНОВОЙ О. Е. и ЧЕРНОВОЙ А. В
Вшеноры, 30-го июня 1925 г.

Дорогие Ольга Елисеевна и Адя,

На этот раз Аде кофту (Адя, Вы не сразу поймете, в чем дело: скрещивается и завязывается сзади). Цвет, по-моему, Ваш.

Пишу второпях, утром под шум примуса и Муркин тончайший, нежнейший, протяжнейший визг (деликатное упоминание о том, что мокр).

Ваши последние письма получила (Ольги Елисеевны с письмом Вадима и вчера Адино – Аля). Отвечу как следует, но сейчас спешная оказия, не хочется пропускать, едут Булгаковы [287] и Исцеленновы (оказывается, два Н).

Мур цветет: громко смеется, хорошеет, тяжелеет, очаровывает всех. Катя Рейтлингер неожиданно вышла замуж. У Веры Андреевой скарлатина, увезена на 11/2 месяца в барак, в Прагу, с Анной Ильиничной беседем через забор. Скоро пришло карточки Катиной свадьбы, мы с Алей были и снимали. Еще из новостей: монах: задолжав всем (в частности, Беранеку тысяч десять) и пропавший без вести который месяц, оказался «сидящим на земле» (т. е. вспахивающим ее) в Словакии. Увез безвозвратно Сережино непромокаемое пальто. Честнейший Рудин до сих пор не выслал ни кроны долга, и Сережа, покрывая, до сих пор без редакторского жалования. В следующем письме напишу о «дорогом» (кажется – все-таки в кавычках!). Сталинский живет рядом, в Ржевницах, и навещает исключительно Пешехоновых (нашел!).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Починила себе все зубы (три золотых коронки) и задолжала врачу 800 крон. (В лавки долг – больше тысячи.)

На этом кончаю и целую.

МЦ.

Приписка на полях:

У Сережи флегмона: вся рука изрезана. На перевязи. Не сможет писать еще больше месяца.

КОЛБАСИНОЙ-ЧЕРНОВОЙ О.Е., ЧЕРНОВЫМ Н. В. и А. В
Париж, 18-го апреля 1926 г., воскресенье

Дорогая Ольга Елисеевна, Наташа, Адя,

Не примите за злую волю, – у меня просто нет времени, нет времени, нет времени. Никогда ни на что.

Скоро отъезд.[288] завалена и удушена неубранными вещами – чемодан без ключей – тащиться к слесарю? а где он? – хочется курить – гильзы вышли – пропали Муркины штаны – и пр. и пр. А посуда! А обед! А рукописи!

Сергей Яковлевич всецело поглощен типографией, у Мирского[289] заболела мать, кроме того – живет за городом. Неорганизованный быт – вот моя единственная трагедия. Не помогли бы и деньги. Или уж – без счета!

Точного дня отъезда не знаю, не позже 22-го, а то придется пережить Пасху, а Мур и так зелен, как все дети Парижа. («C'est l'air de Paris qui fait за[290]».)

Едем мы в St. Gilles-sur Vie. 2 комнаты с кухней – 400 франков в месяц. Газ. (Везде керосин и топка углем.) Место ровное и безлесое – не мое. Но лучшее для детей. пляж и море – больше ничего. В глубь страны – огороды и лужайки, но какие-то неопределенные (пересеченная местность, выгодная для войны, но – когда войны нет?).

Сняла на полгода и уже внесла 1/2 суммы. Вторую – при выезде. Те же комнаты в сезон ходят по 700–800 франков. В общем, не дешево, но дешевле, чем все по соседству (была везде). Хозяевам вместе 150 лет – рыбак и рыбацка. Крохотный, но отдельный садик для Мура. Это даст мне возможность утром, готовя, писать. Дети будут пастись в саду. После обеда – на море.

Новости: М. С. Булгакова выходит замуж за моего знакомого Радзевича. Видела и того и другую. С обоими встретилась очень хорошо. Хочу помочь, пока здесь, чем могу. С свадьбой торопятся, оба из желания закрепить: она – его желание, он – свое. Ни у того ни у другого, конечно, ни carte d'identite,[291] ни метрики. Необходимо добыть.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У нас ярмарка, – последний привет La Villette.[292] Сегодня Аля идет с
Володей.[293]

Спасибо за чудное мыло, фартучек, яичко, веточку. (Два листика последней, увы,
ушли в суп!) Давно поблагодарила бы, если бы не заколдованный круг суток.

Мур вырос и похудел, явно малокровен, скорее нужно увозить.

Недавно заходил Невинный – проездом из Цюриха в Париж. Просил кланяться всем.

Пока до свидания. Напишите – как ваши планы? Очень хочу осенью жить в
Нуиges,[294] если не уеду в Чехию. В Париж не хочу или – возможно меньше.

ляцкому Е. А.[295]
Вшеноры, 18-го декабря 1924 г.

Дорогой Евгений Александрович,

Огромное спасибо за Ольгу Елисеевну.[296] Сегодня Ваше письмо Заблоцкому будет
доставлено, посмотрим, заартачится или нет.[297]

Если деньги все-таки удастся получить, непременно сообщу Черновой, чьему участию
она обязана этой удаче.

Сердечный привет и благодарность.

М. Цветаева

Вшеноры, 23-го февраля 1925 г.

Дорогой Евгений Александрович,

– Выручайте! –

17-го февраля, во вторник, умер Никодим Павлович Кондаков (смерть замечательная,
при встрече расскажу), а 18-го в среду Сергей Яковлевич должен был держать у
него экзамен. Узнав, я, несмотря на горе по Кондакову, сразу учла трудность
положения и посоветовала Сереже обратиться к Вам. Он же, по свойственному ему
донкихотству, стал горячо возражать против устройства своих личных дел в такую
минуту («что значат мои экзамены рядом со смертью Кондакова» и т. п.).

Поэтому, беря на себя неблагодарную роль Санчо-Пансы,[298] действую
самостоятельно и сердечно прошу вас подписать ему экзаменационный лист, который
прилагаю. Остальной минимум (греческий, Нидерлэ) сдан блестяще.

– Суждено Вам быть благодетелем моего семейства! –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не удивляйтесь незаполненности экзаменационного листа, – боюсь напутать с точным названием Вашего курса[299] и чешской орфографией.

Сердечный привет и – заранее – благодарность.

МЦ.

Адрес: Všenory, с. 23 (р.р.Dobřichovice) u Prahi.

БУЛГАКОВУ В. Ф
Вшеноры, 11-го января 1925 г.

Милый Валентин Федорович,

Посылаю Вам Нечитайлова, – сделала, что могла. Одну песню (Московская Царица) я бы, вообще, выпустила, – она неисправима, все вкось и врозь, размера подлинника же я не знаю. (Отметила это на полях).[300]

Стихи Туринцева прочитаны и отмечены. Лучшее, по-моему, паровоз. «Разлучная» слабее, особенно конец. Остальных бы я определенно не взяла. Что скажете с Сергеем Владиславовичем?[301]

А у Ляцкого я бы все-таки просила 350 крон за лист,[302] – все равно придется уступить. Если же сразу – 300, получится 250, если не 200 крон.

По-моему, можно сдавать, не дожидаясь Рафальского, – Сергей Яковлевич никак не может его разыскать. Жаль из-за 2-3 стихотворений задерживать. Вставим post factum.

Трепещу за подарок Крачковского. О Калинникове Вам Сергей Яковлевич расскажет. Два листа с лишним (не с третьим ли?!) Немировича[303] – наша роковая дань возрасту и славе.

Пока всего лучшего, желаю вам (нам!) успеха. Очень тронута печеньем, – спасибо.

МЦ.

Вшеноры, 17-го января 1925 г.

Милый Валентин Федорович,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отвечаю по пунктам:

- 1) Юбиляру[304] верю нб слово, [305] это все, что Вам – Сергею Владиславовичу – мне – остается.
- 2) Поэму Бальмонта оставляю на усмотрение. Ваше и Сергея Владиславовича.[306] Если вы, люди правовые, такую исключительность предпочтения допускаете (Бальмонт единственный «иностранец» в сборнике) – то мне, как поэту и сотоварищу его, нечего возразить. Меньше всего бы меня смущало поведение Крачковского.[307]
- 3) Калининков. – Гм. – Из всего, мною читанного, по-моему, приемлема только «Земля». Либо те две сказки. Остальное явно не подходит. Будьте упорны, сдастся.
- 4) О Туринцевской «Музыке».[308] Согласна. Но если пойдет поэма Бальмонта с посвящением Крачковскому, не согласна. – Некий параллелизм с Крачковским. – Не хочу. – А снять посвящение – обидеть автора.
- 5) Нечитайлова жалко.[309] Но, пожалуй, правы. Кроме того, он кажется не здешний, будут нарекания.
- 6) «Примечаний» С. Н. Булгакова не брать ни в коем случае. Напишу и напому. Он первый предложил примечания, за тяжестью, опустить. А теперь возгордился. Статьи он обратно не возьмет, ибо ее никто не берет, даже без примечаний.
- 7) Рафальского я бы взяла, – в пару Туринцеву. Сергей Яковлевич Вам стихи достанет. Не подойдут – не возьмем.

Поздравляю Вас с прозой Крачковского.[310] Это Ваше чисто личное приобретение, вроде виллы на Ривьере. С усладой жду того дня, когда Вы, с вставшими дыбом волосами, ворветесь к нам в комнату с возгласом: «Мой Гоголь совсем упал!» (Попросту: свезли).[311] (в предыдущей фразе три с, – отдаленное действие Крачковского!)

Предупреждаю Вас: это сумасшедший, вскоре убедитесь сами. Шлю Вам привет. Передайте от меня В. И. Немировичу-Данченко мое искреннее сожаление, что не могу присутствовать на его торжестве.

МЦветаева

Вшеноры, 27-го января 1925 г., вторник.

Милый Валентин Федорович,

Ваше письмо пришло уже после отъезда Сергея Яковлевича, – не знаю, будет ли на Вашем совещании.

О сборнике: с распределением согласна. С распадением на две части – тоже. Это нужно отстоять. Мы – уступку, они – уступку. Три сборника из данного материала – жидко. Убедена, что уломать их можно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гонорар, по-моему, великолепен, особенно (эгоистически!) для меня, которую никто переводить не будет.[312] – Да и не всех прозаиков тоже. – Редакторский гонорар – нельзя лучше. Все хорошо.

Бальмонт. Хорошо, что во втором сборнике, не так кинется в глаза. И хорошо, что с Крачковским (tu l'as voulu, Georges Dandin![313] – Это я Бальмонту).

Бесконечно благодарна Вам и Сергею Владиславовичу за Калининкова.[314] Знаете, чем он меня взял? Настоящей авторской гордостью, столь обратной тщеславию: лучше отказаться, чем дать (с его точки зрения) плохое. Учтите его нищету, учтите и змеиность (баба-змей, так я его зову).[315] Для такого – отказ подвиг. Если бы он ныл и настаивал, я бы не вступилась.

Евгения Николаевича извещу.[316] Трудно. Особенно – из-за нее: безумная ревность к мужниной славе. Извещу и подслащу: два корифея и т. д.

О туринцевском посвящении: мне это, в виду редакторства, неприятно, но мой девиз по отношению к обществу, вообще:

– Ne daigne – т. е. не снисхожу до могущих быть толков.[317] И, в конце концов, обижать поэта хуже, чем раздражать читателя. И так, если стихи Вам и Сергею Владиславовичу нравятся.

Совсем о другом: прочла на днях книжонку Л. Л. Толстого «Правда об отце» и т. д. Помните эпизод с котлетками? Выходит, что Лев Толстой отпал от православия из-за бараньих котлеток. А в перечне домашних занятий Софьи Андреевны[318] – «...принимала отчеты приказчика, переписывала „Войну и мир“, выкорчевывала дубы, шила Льву Николаевичу рубахи, кормила грудных детей...» И заметьте – в дневном перечне! Выходит, что у нее было нечто вроде детских яслей, – Хорош сынок! –

Да! Забыла про С. Н. Булгакова, – Правильно. – Я, по чести, давно колебалась, но видя Вашу увлеченность статьей, не решалась подымать вопроса. Будь один сборник (как мы тогда думали и распределяли) – русский язык, Пушкин, слово[319] – было бы жаль лишаться. Для распавшегося же на две части он будет громоздок. Предупреждаю, что всех нас троих, как воинствующий христианин – возненавидит. Меня он уже и так аттестует как «fille-garçon»[320] (его выражение) и считает язычницей. Но, еще раз: ne daigne!

Очень радуюсь нашему сожителству в сборнике.[321] Всего хорошего.

Шлю привет.

МЦ.

Вшеноры, 11-го марта 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Дай Бог всем «коллегиям» спеваться – как наша! С выбором второго стиха

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рафальского («устали – стали») – вполне согласна, это лучший из остающихся, хотя где-то там в середине – не помню где – что-то и наворочено. Стихи Бржезины берите какие хотите, – вполне доверяю выбору Вашему и Сергея Владиславовича. – И затяжной же, однако, у нас сборник! Не успеет ли до окончательного прекращения принятия рукописей подрасти новый сотрудник – мой сын?

Очень рада буду, если когда-нибудь заглянете в мое «тверское уединение» (стих Ахматовой), [322] – мне из него долго не выбраться, ибо без няни. Seriously, приезжайте как-нибудь, послушаете «на лужайке детский крик», [323] погуляем, поболтаем. Только предупредите.

Шлю Вам сердечный привет.

МЦ.

Вшеноры, 12-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Спасибо за сведение, – об отзыве, естественно, ничего не знала. Фамилия Адамович не предвещает ничего доброго, [324] – из неудавшихся поэтов, потому злостен. Издал в начале революции в Петербурге «Сборник тринадцати», [325] там были его контрреволюционные стихи. И, неожиданная формула: обо мне хорошо говорили имена и плохо – фамилии.

Но отзыв разыщу и прочту.

Заканчиваю воспоминания о Брюсове. [326] Зная, что буду писать, ни Ходасевича, ни Гиппиус, ни Святополка-Мирского не читала. [327] По возвращении Сергея Яковлевича) устрою чтение, – м. б. приедете? Сергей Яковлевич возвращается недели через две, несколько поправился.

Да! В «Поэме Конца» у меня два пробела, нужно заполнить – как сделать? Привет.

МЦ.

Вшеноры, 23-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Чтение Брюсова будет во вторник, 25-го, в 9 ч. на вилле «Боженка» у Чириковых (Вшеноры). Не известила раньше, п. ч. все никак не могли сговориться слушатели.

Очень жду Вас. Приехал Сергей Яковлевич и также будет рад Вас видеть.

Итак, ждем Вас у Чириковых. Всего лучшего.

МЦветаева

Р. S. Переночевать Вам устроим, – п. ч. чтение в 9 ч. вечера, а последний поезд (в Прагу) 9 ч. 45 минут.

Париж, 2-го января 1926 г.

С Новым годом, дорогой Валентин Федорович!

Сергей Яковлевич желает Вам возвращения в Россию, [328] а я – того же, что себе – тишины, т. е. возможности работать. Это мой давнишний вопль, вопль вопиющего, не в пустыне, а на базаре. Все базар – Париж, как Вшеноры, и Вшеноры, как Париж, весь быт – базар. Но не всякий базар – быт: ширазский [329] – например! Быт, это непреобразенная вещественность. До этой формулы, наконец, добралась, ненависть довела.

Но как же поэт, преображающий все?.. Нет, не все, – только то, что любит. А любит – не все. Так, дневная суета, например, которую ненавижу, для меня – быт. Для другого – поэзия. И ходьба куда-нибудь на край света (который обожаю!), под дождем (который обожаю!) для меня поэзия. Для другого – быт. Быта самого по себе нет. Он возникает только с нашей ненавистью. Итак, вещественность, которую ненавидишь, – быт. Быт: ненавидимая видимость.

Париж? Не знаю. Кто я, чтобы говорить о таком городе? О Париже мог бы сказать Наполеон (Господин!) или Виктор Гюго (не меньший) или – последний нищий, которому, хотя и по-другому, тоже открыто все.

Я живу не в Париже, а в таком-то квартале. Знаю метро, с которым справляюсь плохо, знаю автомобили, с которыми не справляюсь совсем (от каждого переехавшего – чувство взятого барьера, а вы знаете – чего это стоит! – всего человека в один-единственный миг), знаю магазины, в которых теряюсь. И еще, отчасти, русскую колонию. И – тот Париж, когда мне было шестнадцать лет: свободный, уединенный, весь в книжных лотках вдоль Сены. То есть: свою сияющую свободу – тогда. Я пять месяцев прожила в Париже, совсем одна, ни с кем не познакомившись. Знала я его тогда? (Исходив вдоль и поперек!) Нет – свою душу знала, как теперь. Городов мне знать не дано.

«В Париже человек чувствует себя песчинкой». Весь? Нет. Тело его? Да. Тело в океане тел. Но не душа в океане душ, – уже просто потому, что такого океана – нет. А если есть – бесшумный, надавливающий.

Работать очень трудно: живем вчетвером. Почти никуда не хожу, но приходят. Квартал бедный, дымный, шумный. Если бы осталась, переехала бы за город. Не могу жить без деревьев, а здесь ни кустика. Страдаю за детей.

Уже просила Слонима похлопотать о продлении мне «отпуска» (с сохранением содержания) до осени. [330] Страстно хочу на океан. Отсюда близко. Боюсь, потом никогда не увижу. М. б. в Россию придется вернуться (именно придется – совсем не хочу!) [331] или еще что-нибудь.. Хочется большой природы. Отсюда близко. На лето в Чехию – грустно звучит. Ведь опять под Прагу, на холмики. Глубже, с детьми, трудно, – быт и так тяжел.

Если можете, дорогой Валентин Федорович, похлопочите. Мне стыдно Вас просить, знаю, как Вы заняты, знаю и ужасающую скуку «чужих дел». Но Слонима я уже просила, а больше некого. У меня от нашей встречи осталось сильное и глубокое человеческое впечатление, иначе бы никогда не решилась.

Новый год походил на нестрашный Бедлам. Сергей Яковлевич Вам писал уже. [332] Русский Новый год буду встречать дома.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сердечный привет Вам и – заочно – Вашей супруге и дочке.

Марина Цветаева

Пишу большую статью о критике и критиках.[333]

Париж, 9-го января 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович, [334]

Письмо чудесное и деяние чудесное. Старого монстра[335] знаю, уверял меня, что в 1905 г. печаталась (его милостями) в «Журнале для всех» (мне было 11 лет, и в «Журнале для всех» не печаталась никогда). Когда опровергла, спорил.

Посылаю расписку, заявление и доверенность. Получили ли мое письмо с трудной просьбой? Наши скрестились.

Всего лучшего. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите.

МЦ.

Париж, 18-го января 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович!

Как благодарить?!

Мы так мало с Вами знакомы, а кто из моих друзей сделал бы для меня то, что сделали Вы. Я ведь знаю трудность таких дел и просьб. Удача – всецело Ваша, личная: влияние человека на человека.[336]

В Чехию осенью вернусь непременно – хочу утянуть это лето у судьбы: в последний раз (так мне кажется) увидеть море.

В Париже мне не жить–слишком много зависти. Мой несчастный вечер, еще не бывший, с каждым днем создает мне новых врагов.

Вечер, назначенный, было, на 23 января, переносится на 6 февраля[337] – мало друзей и слишком много непроданных билетов. Если бы Вы только знали, как все это унижительно.

– Купите, Христа ради! – Пойдите, Христа ради!

Прибедняться и ласкаться я не умею, – напротив, сейчас во мне, пышнее, чем когда-либо, цветет ирония. И «благодетели» закрывают уже готовую, было, раскрыться руку (точней – бумажник!).

Познакомилась с Л. Шестовым, И. Бунным и... Тэффи. Первый – само благородство, второй – само чванство, третья – сама пошлость.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Первый меня любит, второй терпит, третья... с третьей мы не кланяемся.

Насколько чище и человечнее литературная Прага!

Кончила большую статью о критике и критиках (здешние – хамы. Почитайте Яблоновского («Возрождение») и Адамовича («Звено») о Есенине!). [338]

Живем скученно, четверо в одной комнате, почти невозможно писать. Страшно устаю и, пока, мало радуюсь.

Привет вшенорцам, особенно – если встречаетесь – Григорию Исааковичу Альтшулеру. Его письмо получила, немножко освобожусь – напишу.

Тороплюсь. Еще раз – благодарность за доброе дело и, главное, – волю. Всего лучшего от Сергея Яковлевича и меня Вам и Вашим.

МЦ.

Париж, 9-го марта 1926 г.

(по числу – весна!)

Дорогой Валентин Федорович,

Сердечный привет и благодарность за все. Завтра на 10 дней еду в Лондон, где у меня впервые за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) будет ВРЕМЯ. (Еду одна.)

Оттуда напишу.

Нет отношения, которое бы больше трогало и убеждало меня, чем забота издали.

Расскажу Вам много забавных гнусностей о здешнем литературном котле. Чтт – Прага!

Если выдаете Чириковых, скажите, что люблю, помню и напишу. С Людмилой и Валентиной в переписке. [339]

МЦ.

Париж, 8-го апреля 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Только что вернулась из Вандеи, куда ездила искать жилище на лето. Нашла. На океане. Маленький домик у рыбаков. Пески. Море. Никакой зелени. Увы, самое дешевое место оказалось еще слишком дорогим: 400 франков в месяц, без электричества и газа.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вандея сиротская, одна капуста для кроликов. Жители изысканно вежливы, старухи в чепцах-башенках и деревянных, без задка, туфельках. Молодые – стриженные.

– Кончается старый мир! –

Еду на полгода – писать и дышать.

У нас был очень любопытный доклад князя Святополк-Мирского: «Культура смерти в предреволюционной литературе»[340] – Были Бунин, Алданов, С. Яблоновский, много – кто (говорю о старых или правых), но никто не принял вызова, после 1 ч. просто покинули зал. Походило на бегство.[341]

Сердечный привет Вам и семье. Сергей Яковлевич все хворает, хочу поскорее увозить его отсюда.

Привет Чириковым и Альтшулерам, если видаетесь. Передайте Григорию Исааковичу, что у моего сына 14 зубов.[342]

МЦ

9-го мая 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie (Vendie) Avenue de la Plage

Ker-Edoward

Запоздалое Христос Воскресе, дорогой Валентин Федорович!

Как проводите Пасху? Хорошо ли во Вшенорах?

Я с детьми в Вандее – вот уже две недели. Погода разная, бывает такой ветер (ледяной, с океана), что Георгий не выходит. Бывает тепло, жарко еще не было. Живем в рыбацком домике, хозяева рыбак и рыбацка. Вместе полтора года. В sorciers[343] не верят, но верят в mauvaises gens, qui jettent un sort[344] (NB! Sorcier именно тот, кто бросает sort. По-вашему – дурной глаз.) Меня – не то, что чехи! – любят.[345] Часто сижу в хижине со старухой, раздуваю огонь мехами, слушаю, говорю.

Заботы по дому – как во Вшенорах – т. е. весь день занят. Иногда подумываю о няньке, хотя бы на три утренних часа, но... ревность или ее исток: ревностность. Не могу допустить, что Мура будут касаться чужие руки. Пока не могу.

Гулянье пожирает 3/4 дня, остальная четверть все, что Вы знаете. На себя только поздний вечер, но – силы не те, порох не тот, голова не та, и – письма (нет-нет да надо ответить, кроме того, каждый день пишу Сергею Яковлевичу.

Природа здесь однообразная: море, песок. Есть дюны, но не разлазаешься: мягкие, осыпаются под ногой. Но – лучший климат для детей во всей приморской Франции. Кроме того – ВАНДЕЯ.[346]

Вот и все пока, дорогой Валентин Федорович. Очень рада буду получить от Вас весточку. Вспоминаю Вас с неизменной нежностью.

МЦ.

Сергей Яковлевич приезжает дней через десять – занят журналом[347] и получением carte d'identité.[348] Читали, как меня честят господа критики за статью (о них) в «Благонамеренном»? Осоргин, Адамович, Яблоновский (последних двух не читала, обещали прислать).[349]

St. Gilles, 11-го мая 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Иждивенские деньги перешлите, пожалуйста, Сереже, по старому адресу, иначе ему не на что будет выехать к нам. Расписки посланы вчера.

Тороплюсь на почту. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Читали ли Вы, как меня честят в газетах? Я – только Яблоновского и Осоргина. А есть еще Адамович и... Петр Струве!

St. Gilles, 8-го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Очень рада была Вашему большому письму, той волне тепла из Вшенор, особенно ощутимой в нашей просквоженной Вандее. Ветра здесь лютые. Если видаетесь с Бёмом[350] передайте ему, пожалуйста, что климат здесь, пока, меньше всего теплый и ровный, и вообще вовсе не приспособлен для слабогрудых. Три разных ветра в день (все холодные). Мы живем, п. ч. живем, но везти сюда слабых детей на поправку не стоит. Нужно южнее.

Блудный сын наконец прибыл, – заездили коня Версты![351] – первые четыре дня ел, не смыкая челюстей, и спал, не размыкая глаз. Поправляется. Если бы не погода – все хорошо. Но погода плачевная. За сутки час – два тепла, да и то! Либо дождь, либо ветер!

Пишу – людей никого – все свободное время идет на тетрадь.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Где звездочка – наш дом.[352]

МЦ.

St. Gilles, 9-го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Сердечная просьба:

помогите Анне Антоновне Тестовой (Gregrova, щ. 1190) перевезти к ней нашу большую корзину (громадную!), которая стоит у Чириковых. Эта корзина тяжелой глыбой на моей совести. Там Муркино приданое на два года вперед, мои тетради, письма, всяческое. И все это пожирается молю.

Еще: у наших бывших хозяев (щ.23, Ванчуровых) Сережина шинель, френч и ранец с тетрадями. Все это нужно переложить в корзину перед отправкой ее к Тесковой. А то пропадет. (В корзине места много.)

Тескова, очевидно, за корзиной приедет сама, нужно только помочь ей доставить ее на вокзал (лошадь? тачку?). Было бы хорошо списаться о дне и часе.

Не знаю, где будем осенью, поэтому выписывать нет смысла. А вещи (особенно Муркины) хорошие, во второй раз не будет.

Очень смущена такой тяжеловесной просьбой. Уступаю место еще более смущенному просителю. [353] Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Погода у нас гнуснейшая.

июнь 1926[354]

Дорогой Валентин Федорович,

Прощение, увы, без полей обнаружила, когда кончила. Мне стыдно за такое настойчивое напоминание о себе. О нас бы должны заботиться боги, а не мы сами.

Напишу Вам как-нибудь по-настоящему, а пока угнетенное спасибо.

МЦ.

St. Gilles, 20-го июля 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Итак, к 15-му сентября возвращаюсь в Чехию. Украли у меня чехи месяц океана (и 370 франков уплаченных денег!), что же, когда-нибудь представлю счет. (Как Вам нравится эта наглость?!)[355]

Теперь вот о чем: как Вы полагаете, восстановима ли моя прежняя расценка? Проще – с моим приездом, явлением перед Зблоским во плоти (вживе и въяве!) протянет ли мне Зблоский сухой, но не дрожащей (скорей держащей!) рукой – прежнюю тысячу?

На 500 крон ехать нет смысла, одна дорога чего стоит. 500 крон на меня с детьми – это сплошная задолженность, т. е. сплошное унижение. За 500 крон в месяц я

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чехов буду ненавидеть, за тысячу – любить.

Пишу о всем этом – в совершенно ином тоне, ибо не знаю, как у него с юмором и цинизмом нищеты – почтительно и корректно Сергею Владиславовичу. [356] От его ответа зависит мое решение.

Английская стипендия? Смеюсь. И не знала, что есть таковая. Студентам, кажется – какая-то малость. А вот что «Благонамеренный» задолжал нам с Сергеем Яковлевичем (его рассказ, моя статья) тысячу франков – знаю твердо. «Руководитель» (т. е. меценат) Соколов даже не отвечает, а чудесный невинный 22-летний редактор Шаховской на днях принимает послух на Афон. Прислал нам собственных, кровных, от полной нищеты – полтораста франков, пятьдесят из которых истратили, а сто возвращаем. Ничего не знаю трогательнее этой присылки, – последний жест редактора и первый – монаха.

Уже написала Тесковой с просьбой попытаться устроить нас в Праге. Помните мою жизнь во Вшенорах? Заранее устала. Не хочу. Хочу – хоть изредка – музыки, прогулки по новым местам, чуть-чуть красоты и беззаботности. Загородом я душа и рабочий скот, хочу немножко побыть человеком.

Моя Вандея кончилась вчера, в день получения 500 крон. Я сейчас уже еду, все полтора месяца. Жду ехать. Странно, ведь я и раньше знала, что уеду, но 15-ое октября равно бессрочности, а 15-ое сентября – причем непременно – уже завтра, нет, сегодня, чуть ли не – вчера. Я не еду, я уже уехала. Погода испортилась? Все равно. Купаться нельзя? Не я купаюсь. Клянусь, что не преувеличиваю.

Огорчена? Нет. Если бы сама жизнь не вмешивалась я, за физическим (хроническим!) невмешательством в свою жизнь, до сих пор сидела бы в Трехпрудном переулке, в доме № 8 с двумя огромными тополями, которого уже нету (в 1919 г. снесен) и где родилась. Поэтому – приветствую бессердечие Завазала, Гирсы [357] и пр.

Знаете ли, дорогой Валентин Федорович, что мне стыдно Вас благодарить? Вы ходили, ездили, изводились – а я «благодарю». Вы делали – а я – говорю! Не гадость? Благодарность точно сводить счеты–несводимые, ибо дело и слово – несоизмеримы.

Благодарить я буду эсеров, которые для меня ничего не сделали, даже на письмо не ответили (писала и Лебедеву, и Слониму). Эсеры доказали, что им на меня наплевать. Что мне остается? Благодарить за искренность. И поблагодарю – плевком же.

Вот Вам пример (из моей бывшей вандейской жизни): рыбак вытаскивает утопленника: откачивает, отмачивает (для рифмы! скорей: просушивает!) отпаивает – отстаивает. И утопленник, ртом, прожженным солью и ромом: «Большое, большое спасибо!» Что с рыбаком? Рыбака тошнит.

Людовик Баварский – страстная любовь моей 16-летней матери. Проезжая место, где утонул, бросила кольцо – обручилась. Так что (wahlverwandschaften [358]) некоторым образом – мой отец. А вот стих о нем – не мой, чей не помню:

В горах – как здесь, в покое царском –
Торжественная тишина,
И о Людовике Баварском
Грустила верная луна...
И еще стих Верлена:

Roi! O seul prince de ce siycle. – Sire! [359]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сама бы с наслаждением поехала на его озеро, где м. б. еще бродит тень моей 16-летней матери и достоверно лежит ее кольцо. Сердечный привет от всех нас. Пишите!

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

12-го декабря 1927 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Я Вас не забыла. Вы одно из самых милых мне воспоминаний в последних Вшенорах, из которых Вы – кажется – уехали? Адреса Вашего не знаю, потому пишу на Анну Антоновну. [360]

Что Вам рассказать о себе, о нас? Начнем с нас: Мур огромный, все говорит, рост и вес пятилетнего (покупаю на французские «six ans» [361]), разум по возрасту, а возраст 2 года 10 месяцев. Красивый, кудрявый, отчаянный. Белокур и бедокур. Настоящий мальчик. Игрушки: «машина» (автомобиль), поезд, палки, полное отсутствие женственного начала. Поэта не выйдет. Не горюю.

Але четырнадцать лет, выше меня, крупная, красивая, спокойная, очень гармоничная. Недавно поступила в школу рисования, за месяц большие успехи, даровита и любит.

Сергей Яковлевич весь в евразийстве. Житейские ресурсы – игра в кинематографе, [362] но скромнен, горд – зарабатывает мало: с 6S до 6 ч. – 40 франков, из которых 7 на обед и 5 на дорогу, итого 28 франков. А мог бы, по данным, 100. Выступления раза два, три в неделю, но фильм («Жанна д'Арк») кончается, и что будет дальше – неизвестно. Хорошо бы: другой фильм.

О себе. Написала во Франции поэмы: «С моря», «Попытка комнаты», «Лестница», «Письмо к Рильке» [363] (будет в № III «Верст»), «Поэма воздуха» и ныне кончила II часть «Тезея» – «Федру». (Задумана трилогией: «Ариадна» – «Федра» – «Елена».)

Не помолодела – не постарела, живу хоть лучше, чем во Вшенорах, но и хуже: нет той природы и свободы. И друзей нет. Вся жизнь в детях, в домашнем и в тетради.

Надеюсь весной приехать в Прагу, все зависит от 1000 крон, которые – соберу или не соберу? – пражским выступлением (нужны на дорогу туда и обратно, жить буду у Анны Антоновны). Очень соскучилась по Праге.

Да! На самых днях будет оказия в Париж: в Прагу едет наш добрый знакомый П. П. Сувчинский (вождь евразийства) на несколько дней. Если не трудно, милый Валентин Федорович, передайте Анне Антоновне для него наши «драгоценности». Он у нее будет. Очень хотела бы, чтобы Вы с ним повидались, но не знаю, где остановится.

Очень рада буду, если отзоветесь. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите обо всем.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

29-го декабря 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

С Новым Годом, дорогой Валентин Федорович! Желая Вам в нем – но у Вас всё есть – а Россия – в 1928 г. – несбыточна.

Где Вы и что Вы? Я Вам недавно писала через Анну Антоновну. Если отзоветесь, напишу большое письмо.

Нынче выходит № III «Верст» и, скоро, моя книга стихов «После России» (1922 г. – 1925 г.) – получите обе.

Всего лучшего Вам и Вашей семье от нас всех.

МЦ.

КУБКЕ Ф.

Вшеноры, 14-го марта 1925 г.

Многоуважаемый доктор,

У меня из своих вещей далеко не все. Посылаю Вам, что имею: «Метель», «Фортуна» (пьеса), «Психею», «Царь-Девуцу», «Ремесло», отдельные стихи, напечатанные в газетах, и два прозаических отрывка из неизданных московских записей: «Вольный проезд» и «Чердачное». [364]

... Все, что я Вам посылаю – единственные экземпляры. «Метели» у меня нет даже в черновике, приехав из России восстановила по памяти.

«Молодца», который выйдет на днях. Вам с удовольствием подарю. Шлю привет Вам, Вашей милой жене, сыну. Как назвали? Мой – Георгий!..

Вшеноры, 26-го августа 1925 г.

... Самое позднее – послезавтра, в пятницу, отправлю Вам I часть «Героя труда» (записи о Валерии Брюсове), неделю спустя – II часть. Так что, не позже как дней через десять, у Вас будет вся вещь (около двух листов), из которых и выберете, по своему усмотрению, для «Prager Presse». Я лично посоветовала бы взять «Вечер поэтесс», дающий не только Брюсова, но картину времени (1921 г.). Прочтете – увидите.

Очень, очень благодарна Вам за Вашу заботу, при Вашей занятости это – героизм...

... Знакомы ли Вы с книгой прозы Бориса Пастернака? (Борис Пастернак–рассказы,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
есть на советской книжной выставке.) Самое замечательное достижение современной
русской прозы. Буду писать о ней. Лелею мечту устроить ее на чешский, хотя бы
частично (в книге ... рассказа). Язык, при всей своеобразности, вполне переводим.
Один из рассказов «Воздушные пути», перепечатанный в журнале «Своими Путиами»,
будет Вам передан Сергеем Яковлевичем. Прочтите – перечтите – а, главное,
вчитайтесь. И скажите, есть ли надежда с переводом? ...

ШАХОВСКОМУ Д.А
Všepoгу, 6-го октября 1925 г.

Милостивый Государь,

Господин Шаховской,

(К сожалению, не знаю Вашего отчества.)

Настойчивость Вашего желания меня трогает, но, увы, у меня ничего нет, в данный
час, для Вашего журнала, кроме стихов. Прозу пишу редко, скорей в порядке
события, а не состояния, – так, только что сдала в «Волю России» большую статью
о Брюсове – «Герой труда», вещь, над которой работала месяц и которая бы Вам не
подошла по размерам (больше трех листов). В настоящее время кончаю поэму
«Крысолов» и, живя сверхъестественно трудной бытовой жизнью, уже ничем не
отвлекаюсь.

Если стихи Вам нужны, уведомьте экспрессом, экспрессом же вышлю. Есть поэма в 70
строк о Марине Мнишек (былинная), [365] есть «Поэма горы», но обе вещи отнюдь не
«благонамеренные», даже – обратно. (Вне политики.) – Предупреждаю. – Впрочем,
если Вы знаете мои стихи, и предупреждать нечего. И не лучшим ли образцом
благородной иронии будет явление моих стихов на страницах журнала с таким
названием?

То есть: не подумает ли читатель, что над ним смеются? То же, впрочем,
испытывает и читатель революционной «Воли России», читая моего «Крысолова».

Итак, стихи есть. Выслать могу. Для следующего же № «Благонамеренного» смогу
дать Вам один или два психологически-критических очерка о двух совершенно
необычайных книгах, которые не называю, чтобы не сглазить.

К 1-му ноября думаю быть в Париже, где мне устраивают выступление.

Всего лучшего. Привет.

Марина Цветаева

P. S. Извините за промедление, – только сегодня удалось отыскать Ваше первое
письмо с адресом. В последнем Вашем и в письме господина Цебрикова он
отсутствовал.

Вшеноры, близ Праги, 10-го октября 1925 г.

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вы не в обиде, что я к Вам не пишу – князь? Князь я говорю только тогда, когда могу дать этот титул – вторично. Это со мною было – за жизнь – раз – с Князем С. М. Волконским, которого – до того человеческий нимб затмевал княжеский – попросту звала Сергеем Михайловичем.

Хотите в каком-нибудь № Вашего журнала напишу о княжестве? О титуле вообще. Есть хорошие мысли.

А имя у Вас восхитительное – мое любимое и парное – и было бы именем моего сына, если бы в честь Добровольческой Армии не обещала (еще в 1918 г.) назвать его Георгием.

«Благонамеренный» – шутка, проба читателя.[366] Как мое «Ремесло», в котором ничего от ремесла. И только один (совсем молодой) критик задумался, остальные приняли. «Благонамеренный» похож на название миноноски: «Отчаянный», «Неустрасимый». По-моему – мистификация, потому что не сознательно так назвать нельзя. – «Pour йpater le bourgeois».[367]

Скажите Цебрикову, чтобы не подписывался «заместитель Князя Шаховского» – замещать можно редактора, не князя. «Князь» незаместимо, потому что не занятие. («Что делаешь?» «Княжу». Это кончилось с Ростиславами и Мстиславами.) И поскольку великолепно – наместник, постольку жалко – заместитель. Тень такой подписи падает на Вас.

Если когда-нибудь встретимся, расскажу Вам, чтт я бы делала со своим княжеством, если бы оно у меня было. (Было у моей польской бабушки.) [368] Что я бы с ним делала, не оно – со мной!

Титул – глубокая вещь, удивляюсь поверхностному, чисто-словесному – вне смыслового – отношению к нему его носителей. Говорю не о Вас, потому что Вас не знаю.

Княжество прежде всего – нимб. Под нимбом нужен – лик.

Посылаю Марину – стихи написаны давно, но читателю это безразлично.

Если можете, перешлите мне гонорар еще по чешскому адресу. До 30-го я в Чехии. Потом мой адрес:

PARIS, XIX

8, rue Rouvet chez Mme Tchermowa

До свидания.

Марина Цветаева

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очень прошу, по возможности, корректуру. (Из Брюсселя в Париж – пустяк.) Если же очень срочно, – попрошу править самолично. Как поэт, Вы знаете нестерпимость опечаток. Прошу ударений на:

У руднаго у царевича и

Солнце среди звездъ.

(рифма).

означают пробелы между строчками.

Париж, 15-го ноября 1925 г., воскресенье

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Не бойтесь: статьи никакой нет и не будет, – ограничусь краткой записью в тетрадь. Мне, лично, такие, налету брошенные, мысли больше дают, чем статьи: статья в потенции.

Относительно нимба и лика – остроу и умну, относительно барона и князя – остроумно. Нимба нет не только у барона (где уж тут! «Zigeunerbaron!») [369] – и у герцога нет. А знаете почему? Князь – очень древний, древнейший, дочеловеческий титул – первый из всех – князь Тьмы. [370] Отсюда, может быть, его осиянность, убедительность и прекрасность.

Вот и вся моя статья.

О «Щипцах». [371] – Неужели Вы поверили?! – я – редактором журнала с таким неблагозвучным названием? (Зубоврачебные, волосяные, пр.)

По-французски les tenailles – еще дает: йcartelй, tenailлй [372] и т. д. Инквизиция, чуть ли не Иоанна д'Арк, – но по-русски – либо зубоврачебный кабинет, либо дамская парикмахерская.

От своей резкой отповеди Ремизову, по просьбе «Последних Новостей», пришлось отказаться. Опровержение же они поместили.

Ненавижу такие шутки, шуток (с собой) вообще не понимаю, в детстве кидалась предметами, ныне, увы, ограничиваюсь словесным рипостом, но всегда вредоносным и всегда мгновенным.

Шутить со мной – отсутствие чутья и дурной вкус. Жаль, что их проявил именно Ремизов, весь на чутье.

В Париже – его же «информация» – навряд ли останусь, мне, чтобы перейти Place de la Bastille, [373] нужно напрячь всю свою волю, ввиду нелегкости моей жизни – излишняя «проба сил». Но месяца два еще выживу, – вечер в конце декабря, потом придет муж (основатель журнала «Своими Путиами» – прекрасный журнал – абсолютно-благородный) – посмотрю вместе с ним Париж – настоящих, т. е. незаменимых, спутников пока нет – а дальше? Не знаю. Если бы ему удалось достать здесь какую-нибудь работу (не шоферскую), остались бы, – после докторской работы (о византийском искусстве), которую он на днях подает, делать ему в Праге

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ничего. Русским, особенно филологам, в Чехии по окончании нет ходу. Если бы
прослышали про какое-нибудь место (так называемый «интеллигентный труд»), была
бы Вам очень благодарна за оповещение. С журнальным и газетным делом он знаком
отлично.

Пишу без всякой надежды, на всякий случай, ибо отродясь знаю, что все места (в
жизни сей) уже заняты. Свободно только Царство Небесное, и там я несомненно буду
первой.

Мысль о творчестве и детях – прекрасна. Напишите! Только – острую заостряя,
уточняя до крайности. И пошлите в «Своими Путиами», – или мне, – я перешлю. Я в
Париже их представитель.

И не только заострите – углубите. О сущности женской и мужской. Об исконной
разнице. О сознательной любви (отцовстве) и инстинкте (материнстве). Об
источнике творчества (подсознательном).

Напишите. Может хорошо выйти.

До свидания. Вещь, по своему усмотрению, назовите «Димитрий» или «Марина». При
такой связанности судеб это – одно.

МЦ.

Р. S. Не знаете ли Вы кого-нибудь из сильных мира сего, в Париже, кто бы мне для
вечера предоставил бесплатный зал? Есть таковой у Юсупова[374] и есть таковой у
Малявина[375] (студия). Цейтлины (т. е. Мария Самойловна) уже отказали, – «К нам
она – и нам ее поэзия – не подходит». Снять зал – 600 франков. Для меня вечер –
вопрос не славы, а хлеба.

Самое трудное – просить за себя. За другого бы я сумела. Титула я не
преувеличиваю, я только не хочу, чтобы его приуменьшали его носители.

Париж, 2-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Не вините в неблагодарности – только что отправила в «Волю России» последние
главы поэмы. [376]

Теперь я – временно и очень относительно – свободна. Если хотите и не поздно,
могу дать в «Благонамеренный» что-нибудь из прозы – небольшое. – Каковы сроки?

Письмо к Малявину получила. Меня трогает Ваше заочное участие. Это редко.

С вечером пока ничего не выяснено, виною отчасти я сама, – мое оттолкновение от
всех житейских низостей, от унизительности всего житейского. Пережить стихи –
да, написать стихи – да, прочесть стихи – да, навязывать билеты на стихи – нет.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И не только лично, – и заочно противно.

Пока до свидания. Рада буду, если напишете. Письмо Малявина очень послужит. –
Спасибо. –

МЦветаева

Париж, 7-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Посылаю Вам свое «О благодарности» и статью молодой начинающей поэтессы –
Ариадны Черновой – о моем «Мтлодце». [377] Не удивляйтесь: статьи о себе могут
предлагать только писатели бесстыдные – или совсем уже отрешенные (я). Дело не в
«Молодце», а в пишущей.

Я и реклама еще дальше, чем я и политическая экономия, совсем далеко, не на
одной земле. Просто – хорошо написано.

Просьба: тотчас же известите о судьбе и той и другой вещи. Подготавливаются
рождественские №№, и всюду просят прозы.

Пока до свидания, скоро увидите Алексея Михайловича, [378] радуется поездке, как
ребенок.

МЦ.

За «Благодарность» хотела бы 100 франков – не много ведь? Я знаю, что у вас
(собираательно) мало денег.

За другое – что положите.

– Рецензий, увы, нету, да я и не умею их писать, никогда не писала. – Малявин в
студии отказал.

Париж, Сочельник 24-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

«Венеция» в «Современные Записки» передана и, думается, принята. Руднев [379] был
один и окончательно сказать не мог. В «Современных Записках» никто не понимает
стихов, кроме Степуна, а Степуна нет. Был еще Гуковский, но Гуковский умер. Я с
ними en froid: [380] читают мне опасливые нотации о форме (что они под ней
подразумевают?) и, явно робея, просят рукописей – которых я не даю.

Да! Голубчик! Ужасный случай с Ремизовым. Все готово, чемоданы уложены, завтра
ехать, в 11 ч. уходят все гости, а в 12 ч. сильно и сразу заболевает Серафима
Павловна. [381] Припадок печени. 40 температуры. Была на краю смерти. Врач
испугался и созвал консилиум. Вчера (23-го) у них была моя приятельница, госпожа
Чернова. [382] Говорить с больной нельзя, полный покой, лежит в темноте. t° – 39.
Телеграмма, посланная через знакомую старушку (невесту Владимира
Соловьева), [383] не дошла, п. ч. старушка, с перепугу и сослепу, перепутала

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
фамилию. Телеграмма, к ужасу Алексея Михайловича, вернулась. Расскажите все это
устроителям банкета. – Fatalite.[384]

Да! Читали ли в «Последних Новостях» мою «Попытку ревности»? Вчера получила на
нее ответ, – по пунктам – и столько же строк. Передала в «Последние Новости», –
пусть напечатают. Грубовато – забавно – чуть трогательно – очень по-мужски. То,
чего не скажет (даже себе!) ни один «порядочный» мужчина. Мужское-собрательное
– на единоличное женское.

Голубчик, как только сможете – гонорар за «Благодарность». Не обижайтесь, что
напоминаю. Праздники – и много чаевых.

Нынче приезжает мой муж. Чудный день, розовый и голубой. Идем за елкой.

МЦ.

P. S. Прочтите в «Новостях» и «Днях» (рождественские №№) мою прозу.[385] Послала
стихи на конкурс «Звена» – из чистого задору[386]

Будет ли отзыв о «Ковчеге»? Чириков не «нечист», ибо прошел. Вредно лишь
действующее, например – Крачковский. Что скажете о «Поэме конца»? Айхенвальд в
«Руле» опять «ничего не понял».

Париж. 30-го декабря 1925 г.

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Пока только два слова.

Если бы я еще обладала способностью воспринимать обиды, я бы на Ваше
«гутированье» обиделась, им бы оскорбилась.[387] Но это давно утрачено, обижаюсь
только на толчки на улицах, – привычка с детства.

«Гутировать», «Feinschmecker»[388] – до чего не я и не мое! Вообще, из всех
пресловутых пяти чувств, знаю только одно: слух. Остальных – как не бывало и –
хоть бы не было!

«Гутированье», кроме того – нечто от влаги. Я суха, как огонь в как пепел.

«Благодарность», «О любви», «Из дневника»[389] и все, что еще появится на
столбцах газет – тождественны, т. е. разнятся только страницами дневника, на
которых написаны. День на день, час на час, миг на миг – не приходятся. А в
итоге – всё я. «A prendre ou a laisser»[390] и «plutôt a laisser qu'a
prendre».[391]

Беседа с Антокольским[392] – просто игра фантазии. Как таковую и даю. Я не
философ. Я поэт, умеющий и думать (писать и прозу).

Единственный мой грех в том, что я даю эти отрывки врозь. Будь в России царь,
или будь я в России – дневник этот был бы напечатан сразу в полностью. Встала бы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
живая жизнь, верней – целая единая неделимая душа. А так – дробь, отрывки...
Mîsire de nous! [393]

Все, что я хочу от «славы» – возможно высокого гонорара, чтобы писать дальше. И – тишины. (В просторечии: пустой комнаты с трехаршинным письменным столом, – хотя бы кухонным!)

Ваши стихи в «Современные Записки» передам. Привет.

МЦветаева

Париж, 23-го января 1926 г.

Милый Димитрий Алексеевич,

Пока только два слова: и «Благонамеренный» и гонорар получила – сердечное спасибо.

6-го мой вечер, все время пожрано рассылкой билетов, «благодарностями» и просьбами. После 6-го напишу – и о «Благонамеренном» и о Вас, лично.

Сердечный привет.

Марина Цветаева

Париж, 14-го февраля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

– Ура! – Ваша взяла! Отдаю Вам статью без всяких оглядок. [394] Тогда, в последний вечер, Вы меня растрогали – Африкой, Гиппиус («красивая?» – «Не знаю, я к ней не подходил»...), стариком, в которого швыряли камни, – настойчивостью, грустью – не знаю: всем собой.

Поэтому – не жду 20-го (приезд Святополка-Мирского) и отдаю статью. Только берегитесь: большая!

У меня работы еще на неделю, самое большее – на 10 дней. Получите не позже 25-го. Мое слово верное. Будьте совершенно спокойны.

– Очень жаль, что уехали. Мы с Вами хорошо встретились. Посылаю Вам стих для «Благонамеренного». Посвящение – если не нравится, или по иным каким причинам – можете снять, сноску оставьте непременно, без нее не помещайте. [395] Иначе – рассоримся.

Посвящаю этот стих (который очень люблю) Вам, потому что Вы на него похожи.

До свидания. Пишите.

МЦ.

Приписка карандашом:

АВТОРСКАЯ КОРРЕКТУРА ПРОЗЫ НЕОБХОДИМА

К письму приложен текст стихотворения «Старинное благоговенье».)

Париж, 25-го февраля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Со статьей беда: очень большая. 30 страниц моего текста и около 15-ти – Адамовича, не выкину ни строки, предупреждаю, но Адамовича можно петитом. [396] (Тогда около 40 страниц.)

Три пункта:

Первый: 1) идет или нет «Старинное благоговенье» (только со сноской!)

Второй: 2) беретесь ли печатать всю статью зараз (иначе не даю!)

Третий: 3) если все-таки (последний срок!) настаиваете, пришлите экспрессом расписку, что обещаете авторскую корректуру.

Сердечный привет. Пришлась ли парча?

МЦ.

P. S. Статья готова.

Париж, 3-го марта 1926 г., среда

Милый Димитрий Алексеевич,

Вот – рукопись. Теперь – внимание:

В этой вещи не должно быть ни одной опечатки. Отвечаю за каждое слово. У меня слишком свой язык (соседство слов), чтобы я кому бы то ни было, кроме себя, могла доверить слезку. Поэтому – личная корректура необходима. Кроме того, я отвечаю не только за себя, но за Адамовича. Достаточно с него своих грехов.

10-го я на 2 недели уезжаю в Лондон, и корректура должна быть пересылаема туда. О поездке никому не говорила и никому не говорите. Адрес сообщу еще до отъезда. Летучей почтой – так летучей почтой. Возвращать буду исправно.

БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА: у меня на 20 странице, во второй половине: «не забыть Репина –
Страница 100

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
волочащуюся по снегу полу шинели»... Узнайте, точно ли это репинская картина.
(«Дуэль Пушкина» – Дантес с опущенной головой и пистолетом, и приподнимаемый су
снегу Пушкин, – Известнейшая картина, висевшая везде и всюду. Справьтесь. Мне
некогда и не у кого. – Опрашивала всех).

Если успеете (?), пришлите часть корректуры еще сюда, не успеете – по адресу,
который сообщу. Знайте, что без корректуры вещь не даю и буду от нее повсеместно
(в печати!) отсекаться. Прошу внимания 1) к сносам 2) подчеркнутым словам
(косой шрифт, курсив, не разрядка) 3) к кавычкам 4) к красной строке.

Я так над этой статьей работала, что испортить в печати – грех. До свидания. Жду
ответа. О моей поездке – НИКОМУ. (Ехать морем, боюсь сглазу.)

МЦ.

«Цветник» – Адамовича – можно петитом, в виду экономии места, но возражения –
тем же шрифтом, что текст. Чтобы оттенить. Обиды никакой, п. ч. – цитаты.

Да! Щадя Вас, по личной склонности, вместо: «ПОЗОРНАЯ СТАТЬЯ АКАДЕМИКА БУНИНА»
проставила: «ПРИСКОРБНАЯ»...[397]

– Напишите впечатление от статьи.

Посылаем новый № «Своими Путиами». Резников уже написал отзыв, который будет Вам
переслан завтра.[398] Полюбуйтесь на идиотизм Воеводина («О Художественном
Театре»).[399] Статью просунул тайком от Сергея Яковлевича, пользуясь его
отсутствием. То же самое как если бы, пользуясь отсутствием – Вашим, за писание
принялся бы... «руководитель».[400] (№! Последнему не показывайте!)

«Тыл» Сергея Яковлевича Вы уже конечно получили. «Шинель» так разрослась – что
до другого раза.

Все эпиграфы – петитом. Везде, где курсив – подчеркнуто. (Ничего не
подчеркнутого не выделять.) Эпиграф после Монтеня – мой – курсивом!
(подчеркнуто)[401]

Париж, 8-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Вы большой умник и большое Вам спасибо. Невязка – явная. Необходима следующая
вставка:

«Не доверяю также критикам – бывшим поэтам, НЕ ИМЕВШИМ МУЖЕСТВА ОТСТАТЬ».

Это и объясняет, и затемняет, словом, то, что нужно. Не совсем критики, не
совсем поэты, – отставшие – не приставшие, и т. д. Об этом я и думала. А о книге
мне Святополк-Мирский говорил. Это – трогательно. Доказательство, что тяготение

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
к столу – врожденное.

Вы внимательный читатель, во внимании перещеголяли писавшего. (А я ли уж не внимательна!) – Спасибо.

Насчет Талмуда – не знаю. У меня нет стариков, которым я могла бы верить. Нет универсального старика! (Есть – Вячеслав Иванов – но он далёко.) Если Талмуд – быт, заковничество, сутяжничество, прикладное еврейства (полагаюсь на Вас!), смело перечеркивайте и ставьте ПРОРОКАМИ. Я Талмуда не читала (поступила как Адамович).

Третье: непогрешимость русского царя и римского папы. Это скорей для красного словца. Для меня каждая сила непогрешима. (Непогрешимость природы!) А цари и папы не всегда бывали сильны. Поэтому – перечеркивайте всю фразу, ни к чему.

Видите, во всем сошлись, и это не уступка. Я просто доступна воспитанию. Все Ваши отметки – правильны. Спорить нечего. Мне дорога вообще правда: чистота вывода.

«Конец Казановы» (III часть «феникса») – гнуснейшая книжонка, с картинкой, да еще без моей корректуры. Если Вы меня любите, сожгите ее немедленно.[402]
Посвящение? Не понимаю.

«Дочери моей Ариадне – венецианским ее глазам». Это? – Чего же тут вырывать? Ответьте. Не люблю загадок. Впрочем (книга издана обманом, и я за нее не получила ни копейки) те мои «издатели» отлично могли сочинить посвящение. – Какое?

Еду послезавтра утром, на две недели:

Адрес:

Prince D. Swiatopolk-Mirsky

(для МЦ.)

15, Torrington Sq.

London W.C. I[403]

Потому что я еще не знаю своей квартиры. Корректуры это не задержит, с Мирским будем соседями.

До свидания. Из Лондона напишу.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Мирский мне говорил – не в порядке жалобы, а удивления, что до сих пор не получил гонорара за статью в I Благонамеренном. Я сказала, что это, очевидно, оплошность. – Так ведь?

18-го марта 1926

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Сначала деловое.

1) Если до отсылки сами будете сличать мой текст с корректурным и уверитесь, что пропусков нет, можете рукописи не отсылать. Она мне нужна только в смысле пропусков.

2) В следующий же раз пришлите мне корректурные знаки, точные, с толкованием. А то, боюсь, мои поправки не будут поняты. Вами – да, рабочими – нет. Во всяком случае, эту корректуру просмотрите. Мирский знает только английскую систему, так как русские ему, естественно, корректуры не присылают.

Детектива не нанимайте: погубите его для Англии. Следя за мной, разжиреет от моей неподвижности, а детективу – как жокею – как актеру – жир – смерть.

Сию и рву в клоки подлюю книгу Мандельштама «Шум Времени». Вот все мои тайны в АНГЛИИ (лондонские трущобы).

До свидания. Когда будете в Париже? Возвращаюсь 25-го, до 24-го – шлите сюда.

МЦ.

Лондон, 20-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

1) Я вас еще не поблагодарила за Чэстертона. Очень мне близкая и замечательная книга.

2) Что с Серезиной рукописью? (Тыл.) Она была отослана до моего отъезда, с адресом отправителя, и если затерялась, то только у вас. Кроме того, ей предшествовала телеграмма, где Сергей Яковлевич оповещал Вас, что высылает. Времени прошло больше двух недель. Вы видите, что вещи нет, и упоминаете об этом, между прочим, в письме – мне, не запрашивая Сергея Яковлевича). В чем дело? Ответьте.

3) В отсылаемой корректуре маленький пропуск. Стр. 106, строка 3 сверху.

– именно современников. И из современников – именно соотечественников.

Подчеркнутое красным пропущено, необходимо вставить. Последите.[404]

4) Пойдет ли «Старинное благоговенье»?

5) – Просьба о сообщении корректурных знаков.

Жду ответа на все эти вопросы. Пока, всего лучшего.

МЦ.

Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

С корректурой беда, поправляйте пока не поздно. Пропущен (не послан) целый большой кусок рукописи, а именно: с половины 12 стр. рукописи по 24а. Т. е. последнее, что я получила до нынешнего – 1/2 12 стр. моей рукописи (разрезана у Вас) и соответствующая корректура. Последнее слово в тексте: ДЛЯ СИМВО – тут отрезано.

Псылаю Вам самое страницу для наглядности. Пропущено, т. е. не послано Вами и не правлено мною, целых 12 1/2 стр. (от второй половины 12 стр. по нынешнюю полученную 24а).

Послезавтра буду дома, высылайте домой. Ради Бога, не подведите!

Пропасть здесь не могла, здесь образцовая почта. И в доме завалиться негде.

Рукопись отошлю всю целиком, по окончании вещи. На корректуре «Цветника» настаиваю СТРАСТНО. Дело чести.

А с «Тылом» – слава Богу.[405] Это Вы меня спутали, упомянув о «Шинели». Сергей Яковлевич верно уже знает.

Читатель ограничен писателем? О да. Пример безграничного читателя – тонкая, умная, даровитая женщина, любящая вербицкую,[406] т. е. не могущая (силой даровитости своей!) оставаться в пределах пошлости, ставимых автором, разбивающая круг.

Читатель должен быть ограничиваем писателем! Иначе все авторы Шекспиры!

Просмотрите еще раз мою корректуру. Есть пропущенное слово. Последите, чтобы вставили. Вообще, приложите руку.

Итак 1) жду пропущенных 121/2 стр.

2) ЦВЕТНИКА

Мирскому просьбу заехать в Бельгию передала. Он Вам вчера писал.

Всего лучшего.

МЦ.

Париж, 27-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

я, конечно, на Вас не сержусь, но давайте поправлять, пока не поздно.

Немедленно высылайте мне всю напечатанную статью. Просмотрю и отмечу главнейшие опечатки, те, что искажают смысл (есть явные, невинные), а Вы в конце книги их поместите.

Ведь опечатки могут быть (могут и не быть, – тем лучше!) и в том, что я правила, поэтому прошу Вас выслать всю статью, «Цветник» включая. Словом, от А до Z.

ВСЮ СТАТЬЮ, ОТ А до Z, ЦВЕТНИК ВКЛЮЧАЯ.

Помеченные опечатки книги не портят, это знак внимания к читателю. Кроме того, ведь все равно не успокоюсь и, так или иначе, обелюсь.

Руководителя, если заупрямится, к чертям, – сам виноват.

Итак, жду. Не нужно ссориться!

Сердечный привет от Сергея Яковлевича и меня.

МЦ.

Париж, 5-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Только что вернулась с моей родины Вандеи, куда уезжаю с Алей и Муром в 20 числа.[407] Спасибо за исполненную просьбу и вот Вам, в ответ, исполненная, даже преисполненная ваша: обойдемся вовсе без опечаточного листа. Опечатка (смысловая) только одна: стр. 108, первая строка:

Напечатано:

Да, нужно это

Должно читать:

Да, но нужно это

Несколько меняет смысл, но не так уже существенно. Есть совсем глупые: ПУНК (вместо пункт и дважды!), ландшафт, вообще выходит, что я в иностр. словах безграмотна. Но настоящий не подумает, а до не-настоящего – мало дела.

Теперь просьба: дайте мне 10 оттисков статьи Мирского[408] и моей, есть оказия в Россию, хочу послать. Очень прошу. Не пять и пять, а по 10-ти каждой – смежные ведь, не деля. Мирского, кстати, прочла только хвост, то, что было при моей статье.

И если решите дать, поторопитесь, – оказия моя дней через 10 уезжает. Очень верная. Жаль потерять случай.

Привет и спасибо. Будьте здоровы и неутомимы.

МЦ.

Нынче доклад Мирского на тему:

Культура смерти в предреволюционной литературе.

Жаль, что Вас не будет.

Париж, 24-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

У Мирского умерла мать – после короткой болезни. Он чувствует, действует и держится молодцом. Только в больших случаях узнаешь человека.

После Лондона (к 1-му июля) собирается к Вам, хочет с Вами попутешествовать. Я бы тоже хотела.

Нынче вечером уезжаю с детьми в Вандею и увожу «Благонамеренного».[409] Оттуда напишу – о нем, о Вас и о себе.

До свидания – жаль, что только осенью. Сердечный привет от нас всех.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Люблю Вас как родного.

Гонорар, когда сможете, направьте по Сережиному адресу и на его имя – там, где я буду жить, банков нет. Только песок. Сережин адрес до 15-го/18-го прежний. Приедет позже, после выхода «Верст». – Подвигаются.

Мой адрес:

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Avenue de la Plage

Ker-Edouard

(Vie – река, Ker – по-бретонски – дом).

3-го мая 1926 г.

Воистину Воскресе, дорогой Дмитрий Алексеевич! Это наши с Вами слезы по поводу статьи Осоргина.[410] Кстати – озарение! – ведь «Последние Новости» родня «Звену», так что Осоргин (дядя) заступился за племянника (Адамовича). Осоргин-золотое сердце, много раз выручал меня в Революцию, очень рада, что – посильно – вернула. Но в «Последние Новости» отныне ни ногой.

Как, однако, отозвался читатель-чернь! Двумя строками большого фельетона!

О своей жизни в другой раз. У меня даже мечта, что летом приедете погостить.

Очень люблю Вас. До свидания.

МЦ.

St. Gilles, 18-го мая 1926 г.

Милый Дмитрий Алексеевич,

Вот стихи, мой любимый цикл «Провода», который жалела и не давала. Не весь, всех стихов 13 (даю 7), а строк 256 (даю 158).[411] Делаю это сознательно: читатель быстро сыт, не хочу кормить через силу, не так его люблю (читателя). Но – оговорка: конец, т. е. 2-ая часть) «Проводов» должна пойти в следующей книге «Благонамеренного» под цифрами: 7-8 и т. д. Если не согласны, могу сейчас дослать остальное, если не согласны и так – верните.

Стихи трудные, с ударениями, курсивом, переносами (разбивкой) строк. корректура необходима. Только так и даю. Пояснила (синим) как могла, но КОРРЕКТУРА

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
НЕОБХОДИМА (с этим родилась, с этим и умру!).

У нас Норд, об океане и думать нечего, мерзнем, кутаемся. Сергей Яковлевич на днях приезжает в трогательном самообмане ждущих его Тигра и Эвфрата (я о климате!).

Моя Вандея – суровая, как ей и быть должно.

Очень прошу, милый Дмитрий Алексеевич, если уже не выслали наших гонораров Сергею Яковлевичу), выслать их мне. Деньги очень нужны. За дачу пришлось заплатить сразу за все полгода – больше 2-х тысяч.

Где будете летом? Что делаете? Пишете ли свое?

Из всех «отзывов» единственный, меня огорчивший, и, вообще, единственный – отзыв Струве. [412] СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЕТ СТИХОВ, ни моих, никаких. Френолог бы у него двух шишек не обнаружил:

воображения и слуха. (Слух, впрочем, в ушной раковине, а то глубже, – стало быть выемка.)

До свидания. Сердечный привет.

МЦ.

Жду скорейшего ответа насчет «Проводув», Воля России тоже просит.

St. Gilles. 1-го июля 1926 г.

Дорогой Дмитрий Алексеевич,

Спасибо сердечное за книжку и письмо. [413] Но и от книжки и от письма – грусть. Помните наше совместное посещение Сергиевского подворья? Ветер – оттуда. Вижу Вас на сиротливых дорожках – с книжкой – не стихов уже. Над Сергиевским подворьем – вечный дождь. Так я его вижу. Вы – не так. Но сказав: больно, я должна объяснить – почему.

Конец «Благонамеренного», конец города (Подворье), конечный стих Вашей книги, [414] старые концы каких-то начал (письма), – все это вне жизни, над жизнью. Мне жаль Вас терять – не из жизни, я сама – вне, из третьего царства – не земли, не неба, – из моей тридевятой страны, откуда все стихи.

О деньгах не тревожьтесь. Захочет, сможет – отдаст. [415] Я напишу ему, и Сергей Яковлевич напишет. Что выйдет – видно будет.

А Вы, до Подворья, можно и из Подворья, не приехали бы к нам? В 20-х числах здесь будет Мирский, приезжайте. Дорога не так дорога – 75 франков. Об остальном не беспокойтесь. Жить будете у нас, в комнате Сергея Яковлевича вторая кровать. Побродите по Сен-Жильским пескам, покупаетесь, поедите крабов и рыб, прослушаете две моих новых вещи, [416] – проститесь с чем-то, чего в Подворье с собой не возьмете.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Письма Ваши (те) поберегу, пока не востребуете. Как все то (душевное), чего в Сергиевское с собой не берут. Вы оставите мне себя из тридевятого царства, себя – стихов (грехов у Вас нет!).

До свидания. Как растравительно-тщателен тип заставки к письмам. А почерк! Самая прелесть в том, что он был таким же и на счетах – и в смертный час! Форма, ставшая сущностью.

Жду ответа о приезде. Можно и позже, в августе.

Сердечный привет

МЦ.

СЕДЫХ АНДРЕЮ
Париж, 12 ноября 1925 г.

В Редакцию «Последних Новостей»

Милостивый Государь, господин Редактор,

Не откажите в любезности поместить в Вашей газете нижеследующее.

В № 1704 «Последних Новостей» (четверг, 12 ноября) в отделе «Календарь писателя» значится, что я приехала в Париж на постоянное жительство, редактирую журнал «Щипцы» и что в № 1 этого журнала начнет печататься афористическая повесть Степуна «Утопленник».

1) в Париж я приехала не жить, а гостить 2) мало того, что я журнала «Щипцы» не редактирую – такого журнала вовсе не существует 3) так же как афористической повести Степуна «Утопленник». Всю заметку, имеющую целью одурачить газету, читателя, Степуна и меня, прошу считать измышлением одного из местных остроумцев, которого бы просила подобных шуток не повторять. [417]

Можно шутить с человеком, нельзя шутить его именем.

Марина Цветаева

КУПРИНОЙ Е.М
Париж, 21-го января 1926 г.

Многоуважаемая Елизавета Маврикиевна, [418]

Сердечное спасибо за добрую волю к земным делам человека, которого Вы совсем не знаете, а именно – за неблагодарное дело продажи билетов на вечер стихов.

Я знаю, что ни до стихов, ни до поэтов никому нет дела, – даже не роскошь – скучное развлечение.

– Тем ценнее участие и сочувствие. – Прилагаю приглашение на вечер Вам и супругу. С сердечной благодарностью

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Марина Цветаева

ШЕСТОВУ Л.И
Париж, 25-го января 1926 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Не вините ни в забывчивости, ни в небрежности, – вчера неожиданно приехал из Праги один из редакторов «Воли России», завтра уезжающий в Америку.[419]
Необходимо было с ним повидаться.

Если не раздумали видеть, с удовольствием придем в другой раз. Почему не были 23-го (в субботу) у Ремизова? Мы все Вас ждали и до половины 12-го часа берегли для Вас бутылку шампанского.

Прилагаю приглашение на вечер.[420]

С сердечным приветом от нас обоих.

Марина Цветаева

Париж, 8-го февраля 1926 г., понедельник.

Дорогой Лев Исаакович,

Когда – в котором часу завтра – быть у Вас? Забыла тогда спросить. Вы дружите с Буниным?[421] Мне почему-то грустно. Может быть, от тайного и сильного сознания, что с ним, Буниным, ни Вам, который его знает десять лет(?), ни мне, которая его видела раз, никому – никогда – до последней правды не додружить. Человек в сквозной броне, для виду, – может быть худшая броня.

До свидания до завтра. Жду ответа. Спасибо, что пришли на вечер. Вам я больше радовалась, чем доброй половине зала. Преданная Вам

Марина Цветаева

Париж, 23-го апреля 1926 г., пятница.

Дорогой Лев Исаакович,

Не пришла вчера, потому что завтра еду.[422] Мне очень грустно уезжать не простившись, – Вы моя самая большая человеческая ценность в Париже – даже если бы Вы не писали книг!

Но Вы бы не могли их не писать. Вы бы их все равно – думали. Никогда не забуду Вашей (плотиновской) утренней звезды, затемняющей добродетель.[423] До свидания – осенью.

Из Вандеи напишу, и буду счастлива увидеть на конверте Ваш особенный, разделный, безошибочный – нет! – непогрешимый почерк (графический оттиск Вашего гения).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Целую Вас и люблю.

МЦ.

Париж, 9-го октября 1926

Дорогой Лев Исаакович,

Мы живем в чудном месте, – парк и лес. Хочу, пока листья, с Вами гулять.
Назначьте день и час – заранее.

Маршрут: по метро до Javel и там пересечь на электрическую дорогу Pont Mirabeau – направление Versailles. Сойти: Meudon, Val-Fleuri. перейти железную дорогу и спросить Boulevard Verd.

Наш дом с башенкой, в саду (несколько корпусов) за серой решеткой. Только, непременно предупредите.

Целую Вас и люблю.

МЦ.

Почтовый адрес:

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd.

2-го апреля 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Лев Исаакович,

Вот две копии. Надеюсь – не опоздала. Второй день на новой квартире, переезд был трудный, целый день – целые дни! – возили вещи на детской коляске (сломанной).

Но у меня отдельная комната, где можно говорить, и отдельный стол, где можно писать, и отдельная плита, где можно готовить.

Лес близко – 5 минут. Летом будем гулять, есть озера.

Целую Вас и люблю. Добрый путь!

МЦ

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

6-го июня 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за приглашение, буду непременно, а может быть и Сергей Яковлевич. Привезу мундштук, который в прошлый раз опять забыла (зажала!).

Пишу Вам на лекции Ильина «Евразийство как знак времени» и вспоминаю строку Рильке:

«Ueber der wunderlichen Stadt der Zeit»[424] –

(Правда, – Вавилон встает?)

и свои собственные:

Ибо мимо родилась

Времени! Вотще и все

Ратуешь. Калиф на час –

Время! – я тебя миную. [425]

и еще кузьминское: [426]

«Чту мне до них!»

– (в моем применении – времен)

Простите за карандаш, но – лектор наверное думает, что я записываю – неудобно просить чернил.

До свидания!

МЦ.

Да! А Вы не можете меня звать просто – Марина?

28-го июня 1927 г., вторник.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Лев Исаакович,

1) В субботу, 2-го мы с вами обедаем у Путермана, [427] – хотите поедем вместе? Буду у Вас в 7 ч., не позже, вместе отправимся. Отвечайте только, если не можете.

2) Внезапно вспомнила, что Святополк-Мирский переводит мою Поэму Горы для какого-то французского журнала, – не для Commerce ли? Если да, Сувчинский, в Вашем разговоре с ним, неизбежно на это сошлется, – так имейте в виду: Поэма Горы всего-навсего 200 строк, при половине гонорара Мирскому мне останется в лучшем случае – франков 300, 350 фр. По сравнению с возможностями прозы это мало и скорее походит на испорченную возможность.

Должна Вас предупредить, дорогой Лев Исаакович, что Сувчинский моей прозы тоже не любит, хотя не так воинственно, как Святополк-Мирский. Когда Вы начнете о прозе, он сразу заговорит о стихах, прибежит к отводу.

Было бы хорошо, если бы Вы заговорили о реальной вещи, а именно о прозе памяти Рильке, которую знаете, о вещи читанной и одобренной Вами, уже принятой Nouvelle Revue Française, [428] но которую бы, в виду гонорара, желательно поместить в Commerce.

Нужно Сувчинского зарядить – либо именем Рильке, либо любовью его французами, либо самой вещью, либо вопросом гонорара, – не знаю что для такого эстета действительнее.

Мне кажется, успех будет не из легких. Да! еще одно: он вещи не знает, будет и этим отговариваться.

Главная линия в разговоре: стихи не кормят, кормит проза, а проза у меня есть, – и она все равно появится, весь вопрос где.

Простите за скучное и тщательное, совсем не мое, письмо, – совсем не письмо!

Итак: 1) в четверг вижу Сувчинского и сообщаю о Вашем желании повидаться с ним перед отъездом.

2) В субботу в 7 ч., немножко раньше, заезжаю за Вами и вместе едем к Путерману, которого зовут Иосиф Ефимович, – на случай Вашего утвердительного ответа ему.

Мне же отвечайте только, если поедете не из дому.

Еще раз простите и спасибо за доброту и тяготу. Сердечный привет от Сергея Яковлевича и меня.

МЦ.

P. S. Сувчинский и Мирский до того не выносят моей прозы (особенно Мирский),
Страница 113

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что, даже не читав им, отдала прозу о Рильке в Волю России.

9-го июля 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc,

Дорогой и милый Лев Исаакович,

Разве Вы не знаете, что для меня дважды нет дождя 1) п. ч. есть, т. е. как всё в природе – люблю 2) даже если бы не любила, Вас – люблю и ни с каким ливнем бы не посчиталась.

Не приехала потому, что 5 ч. сряду сторожила, т. е. содержала под домашним арестом ядовитую воровку и шантажистку, ошельмовавшую всю русскую колонию и пуще всех – меня. При встрече расскажу, но думаю, что до меня прочтете в газетах.

Рвалась к Вам каждую минуту, а шантажистка – ко мне, хватала за ноги и за руки, умоляя отпустить. Не отпустила и не жалею.

История ее двухдневного пребывания у меня – роман, за который дорого дали бы Последние Новости.

Ошельмованы: Земгор[429] (Руднев!), доктора: Пасманик, Зернов, Вальтер, церковь Дарю,[430] – кламарцы, шавильцы, медонцы,[431] – всех не упомяну и не перечислю. Гениальная актриса.

Спасибо за память о моих литературных делах, но Святополк-Мирский отвиливает: он отлично переводит, – перевел очень большую и трудную вещь Пастернака[432] для того же Commerce. Скоро напишу по-человечески, а пока – хорошего отдыха, хорошей погоды, бездумной головы и полного забвения всего парижского! (NB! я – Медон!)

Целую Вас, привет Вашим.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jenne d'Arc

31-го июля 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за весточку. Дела с Мирским и Commerce не двинулись. Произошла путаница: в следующем № Верст идет не моя проза о Рильке (напечатана в «Воле России» и до сих пор – десятое письмо пишу! – не оплачена), а поэма к нему же.[433] Прозы Мирский и не видел. Кроме того, он лицемер: Вам говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака. Просто – он мою прозу, как я Вам уже говорила, ненавидит, и всячески будет отвиливать. («Худшая проза,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
которую когда-либо читал», – определение в каком-то английском журнале.)

Сейчас он в городе, меня не окликает. – Бог с ним.

– Как у Вас погода? Надеюсь, что не медонская: ясные ночи, плаксивые дни, полная ненадежность и бестолочь, по три дождя в день. Было бы солнце, была бы втрое счастливее.

Ряд евразийских (тайных) отъездов в Россию, недавно провожали одного чудесного юношу, – и жаль и радостно.

Что еще? Меня недавно обокрали: чудный старинный браслет (курганский), другой браслет – недавний подарок Саломеи[434] – белье и ряд вещей. Вор – очаровательное женское существо, ошельмовавшее всю русскую колонию. При встрече расскажу, – случай стужий, для меня до сих пор неразгаданный.

Вчера были мои именины, получила: фартук (от Али), ряд письменных принадлежностей от Сережи, от одной дамы рубашку (все украдено!), от П. П. Сувчинского мундштук и от В. А. Сувчинской – роговые очки, в которых и пишу.

Простите за вздор, радость часто глупит (это я о подарках!), пишите, целую. Сердечный привет Вашим.

МЦ.

М. В. ВИШНЯКУ
Париж, 15-го апреля 1926 г.

8, Rue Rouvet

(19 me)

Многоуважаемый Марк Вениаминович,

Посылаю Вам по просьбе Федора Августовича[435] статью «Проза поэта».[436] В случае могущих быть несогласий помечайте, пожалуйста, карандашом на полях. Если таких пометок окажется много – дружественно разойдемся. Если пустяки – тем лучше.

Рукопись мне, так или иначе, верните – в случае принятия для переписки по старой орфографии.[437]

Очень просила бы не задержать с ответом, – судьбу рукописи мне нужно выяснить еще до отъезда[438] (крайний срок – 22-го). Если можно, верните экспрессом.

Сердечный привет

Марина Цветаева

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Авторская корректура обязательна.

РИЛЬКЕ Р.-М
St. Gilles-sur-Vie 9-го мая 1926 г.

Райнер Мария Рильке! [439]

Смею ли я так назвать Вас? Ведь вы – воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение. Райнер Мария – это звучит по-церковному – по-детски – по-рыцарски. Ваше имя не рифмуется с современностью, – оно – из прошлого или будущего – издалека. Ваше имя хотело, чтоб Вы его выбрали. (Мы сами выбираем наши имена, случившееся – всегда лишь следствие.)

Ваше крещение было прологом к Вам всему, и священник, крестивший Вас, воистину не ведал, что творил.

Вы не самый мой любимый поэт («самый любимый» – степень). Вы – явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (еще не все!) Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия, или (еще не все) Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой – Вас.

Речь идет не о человеке-Рильке (человек – то, на что мы осуждены!), – а о духе-Рильке, который еще больше поэта и который, собственно, и называется для меня Рильке – Рильке из послезавтра.

Вы должны взглянуть на себя моими глазами: охватить себя их охватом, когда я смотрю на Вас, охватить себя – во всю даль и ширь.

Что после Вас остается делать поэту? Можно преодолеть мастера (например, Гёте), но преодолеть Вас – означает (означало бы) преодолеть поэзию. Поэт – тот, кто преодолевает (должен преодолеть) жизнь.

Вы – неодолимая задача для будущих поэтов. Поэт, что придет после Вас, должен быть Вами, т. е. Вы должны еще раз родиться.

Вы возвращаете словам их изначальный смысл, вещам же – их изначальные слова (ценности). Если, например. Вы говорите «великолепно», Вы говорите о «великой лепоте», о значении слова при его возникновении. (Теперь же «великолепно» – всего лишь стершийся восклицательный знак.)

По-русски я все это сказала бы Вам яснее, но не хочу утруждать Вас чтением по-русски, буду лучше утруждать себя писанием по-немецки.

Первое в Вашем письме, что бросило меня на вершину радости (не – вознесло, не – привело), было слово «май», которое Вы пишете через «у», возвращая ему тем самым старинное благородство. «Май» через «i» – в этом что-то от первого мая, не праздника рабочих, который (возможно) когда-нибудь еще будет прекрасен, – а от безобидного буржуазного мая обрученных и (не слишком сильно) влюбленных.

Несколько кратких (самых необходимых) биографических сведений: из русской
Страница 116

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
революции (не революционной России, революция – это страна со своими
собственными – и вечными – законами!) уехала я – через Берлин – в Прагу, взяв
Ваши книги с собой. В Праге я впервые читала «Ранние стихотворения».[440] И я
полюбила Прагу – с первого дня – потому что Вы там учились.

В Праге я жила с 1922 по 1925, три года, а в ноябре 1925 уехала в Париж. Вы еще
были там?

На случай, если Вы там были:

Почему я к Вам не пришла? Потому что люблю Вас – больше всего на свете. Совсем
просто. И – потому, что Вы меня не знаете. От страждущей гордости, трепета перед
случайностью (или судьбой, как хотите). А может быть, – от страха, что придется
встретить Ваш холодный взгляд – на пороге Вашей комнаты. (Ведь Вы не могли
взглянуть на меня иначе! А если бы и могли – это был бы взгляд, предназначенный
для постороннего – ведь Вы не знали меня! – то есть: все равно холодный.)

И еще: Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас – как
чисто-человеческое (божественное) явление. В этом сложность нашей слишком
своеобразной нации: все что в нас – наше Я, европейцы считают «русским».

(То же самое происходит у нас с китайцами, японцами, неграми, – очень далекими
или очень дикими.)

Райнер Мария, ничто не потеряно: в следующем (1927) году приедет Борис[441] и мы
навестим Вас, где бы Вы не находились. Бориса я знаю очень мало, но люблю его,
как любят лишь никогда не виденных (давно ушедших или тех, кто еще впереди:
идущих за нами), никогда не виденных или никогда не бывших. Он не так молод – 33
года, по-моему, но похож на мальчика. Он нисколько не в своего отца (лучшее, что
может сделать сын). Я верю лишь в материнских сыновей. Вы тоже – материнский
сын. Мужчина по материнской линии – потому так богат (двойное наследство).

Он – первый поэт России. Об этом знаю я, и еще несколько человек, остальным
придется ждать его смерти.

Я жду Ваших книг, как грозы, которая – хочу или нет – разразится. Совсем как
операция сердца (не метафора! каждое стихотворение (твое) врезается в сердце и
режет его по-своему – хочу или нет). Не хотеть! Ничего!

Знаешь ли, почему я говорю тебе Ты и люблю тебя и – и – и – Потому что ты –
сила. Самое редкое.

Ты можешь не отвечать мне, я знаю, что такое время и знаю, что такое
стихотворение. Знаю также, что такое письмо. Вот.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В кантоне Во, в Лозанне, я была десятилетней девочкой (1903) и многое помню из того времени. Помню взрослую негритянку в пансионе, которая должна была учиться французскому. Она ничему не училась и ела фиалки. Это – самое яркое воспоминание. Голубые губы – у негров они не красные – и голубые фиалки. Голубое Женевское озеро – уже потом.

Чего я от тебя хочу, Райнер? Ничего. Всего. Чтобы ты позволил мне каждый миг моей жизни подымать на тебя взгляд – как на гору, которая меня охраняет (словно каменный ангел-хранитель!).

Пока я тебя не знала, я могла и так, теперь, когда я знаю тебя, – мне нужно позволение.

Ибо душа моя хорошо воспитана.

Но писать тебе я буду – хочешь ты этого или нет. О твоей России (цикл «Цари» и прочее). [442] О многом.

Твои русские буквы. Умиление. Я, которая как индеец (или индус?) никогда не плачу, я чуть было не –

я читала твоё письмо на берегу океана, океан читал со мной, мы вместе читали.

Тебя не смущает, что он читал тоже? Других не будет, я слишком ревнива (к тебе – ревностна).

Вот мои книги – можешь не читать – положи их на свой письменный стол и поверь мне на слово – до меня их не было. (На свете – не на столе!)

10 мая 1926

Знаете, как сегодня (10-го) я получила Ваши книги. Дети еще спали (7 утра), я внезапно вскочила и побежала к двери. И в тот же миг – рука моя уже была на дверной ручке – постучал почтальон – прямо мне в руку.

Мне оставалось лишь завершить движение и, открыв дверь все той же, еще хранившей стук рукой, – принять Ваши книги.

Я их еще не раскрывала, иначе это письмо не уйдет сегодня – а оно должно лететь.

Когда дочь моя (Ариадна) была еще совсем маленькая – два-три года – она часто спрашивала меня перед сном: «А ты будешь читать Рейнеке?»[443]

В Рейнеке превратил ее быстрый детский слух – Райнера Мария Рильке. Дети не чувствуют пауз.

Я хочу написать тебе о Вандее, моей героической французской родине. (В каждой стране и каждом столетии есть хоть одна родина – не так ли?) Я здесь ради имени. Когда человек, как я, не имеет ни денег, ни времени, он выбирает самое необходимое: насущное.

Швейцария не впускает русских. Но горы должны расступиться (или расколоться!) – чтобы мы с Борисом приехали к тебе! Я верю в горы. (Измененная мною строка – но в сущности, прежняя – ибо горы рифмуются с ночами – ты ведь узнаешь ее?)[444]

Марина Цветаева

Ваше письмо к Борису уйдет сегодня же – заказным и – отданное на волю всех богов.[445] Россия для меня все еще – какой-то потусторонний мир.

12-го мая 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie

Тот свет (не церковно, скорее географически) ты знаешь лучше, чем этот, ты знаешь его топографически, со всеми горами, островами и замками.

Топография души – вот, что ты такое. И твоей книгой (ах, это была не книга – это стало книгой!) о бедности, паломничестве и смерти ты сделал для Бога больше, чем все философы и проповедники вместе.

Священник – преграда между мной и Богом (богами). Ты же – друг, углубляющий и усугубляющий радость (радость ли?) великого часа между двумя (вечными двумя!), тот, без кого уже не чувствуешь другого и кого единственного в конце концов только и любишь.

Бог. Ты один сказал Богу нечто новое. Ты высказал отношения Иоанна и Иисуса (невывказанные обоими). Но – разница – ты любимец отца, не сына, ты – Бога-отца (у которого никого не было!) Иоанн. Ты (избранничество – выбор!) выбрал отца, потому что он был более одинок и – невысказан для любви!

Не Давид, нет. Давид – вся застенчивость своей силы. Ты же – вся отвага и дерзость твоей силы.

Мир был еще слишком юн. Все должно было произойти – чтобы пришел ты.

Ты посмел так любить (высказать!) нечеловеческого (всебожественного) Бога-отца, как Иоанн никогда не смел любить всечеловеческого сына! Иоанн любил Иисуса (вечно прячась от своей любви на его груди), прикосновением, взглядом, поступками. Слово – героика любви, всегда желающей быть немой (чисто деятельной).

Хорошо ли ты понимаешь мой плохой немецкий? По-французски я пишу свободно, потому я не хочу писать тебе по-французски. От меня к тебе ничто не должно течь. Лететь – да! А раз нет, – лучше запинаться и спотыкаться.

Знаешь, что творится со мной, когда я читаю твои стихи? На первый мимолетный взгляд (молниеносный, звучит лучше, будь я немцем, я передала бы: молния ведь быстрее взгляда! А молниеносный взгляд быстрее просто молнии. Две быстроты в одной. Не правда ли?) Итак, на первый взгляд (раз я – не немец), мне все понятно – затем – ночь: пустота–затем: Боже, как ясно! – и как только я что-то схвачу (не аллегорически, а почти рукой) – все стирается вновь: лишь печатные строчки. Молния за молнией (молния – ночь – молния) – вот что со мной творится, когда я читаю тебя. Так должно быть с тобою, когда ты пишешь – себя.

«Рильке легко понять» – с гордостью говорят посвященные: антропософы и другие мистические сектанты (я, собственно, не против, лучше, чем социализм, но...). «Легко понять». По частям, в раздробленном виде: Рильке-романтик, Рильке-мистик, Рильке-мифотворец и т. д. и т. п. Но попытайтесь охватить всего Рильке. Здесь бессильно все ваше ясновиденье. Для чуда не нужно ясновиденья. Оно налицо. Любой крестьянин – свидетель: глазами видел. Чудо: неприкосновенно, непостижимо.

Вторую ночь вчитываюсь в твоего «Орфея». (Твой «Орфей» – страна, потому: в). И, кстати, только что получила из Парижа русскую, чисто литературную газету (нашу единственную за границей) со следующими строками: «Из этого („Поэт о критике“ – заметки, проза) мы узнаем, что госпожа Ц. до сих пор безутешна из-за смерти Орфея и тому подобные нелепости...».

Один критик сказал о Блоке: «Четыре года, отделяющие нас от его смерти, примирили нас с нею, почти приучили нас к ней».

Я парировала: «Если достаточно четырех лет, чтобы примириться со смертью такого поэта как Блок, то как обстоит дело с Пушкиным (†1836). И как с Орфеем (†)? Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т. е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно – ежесекундно – длящаяся. Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем – вечно». Поэтому – никакого примирения, пока мы сами не станем «мертвыми». (Приблизительно, по-русски было лучше.)

Это, конечно, не имеет отношения к «литературе» (belles lettres[446]), поэтому меня высмеяли. Будь это стихи (поэт (глупец!), который осмеливается писать прозой!), будь это стихи, они бы промолчали, а может, и – вздохнули. Не древняя ли притча об Орфее и зверях, к которым принадлежали и – овцы?

Ты понимаешь, я неуязвима, ибо я не госпожа Ц., и т. д. и т. п., как они всё же считают. Но мне грустно: вечно-правдивая и вновь повторяющаяся история о поэте и толпе, – как бы хотелось, все-таки избавиться от этого!

Твой «Орфей». Первая строчка:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И дерево себя перерастало...
Вот она, великая лепота (великолепие). И как я это знаю! Дерево выше самого себя, дерево перерастает себя, – потому такое высокое. Из тех, о которых Бог – к счастью – не заботится (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семидесятое (у нас, русских, их – семь!). (Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон. Неделя – по-древнерусски – седмица. Семеро одного не ждут. Семь Симеонов (сказка). 7 – русское число! О, еще много: Семь бед – один ответ, много.)

Песня – это бытие[447] (кто не поет, еще не есть, еще будет!).

Но тяжелы и моря и горы...[448]
(Словно ты утешаешь ребенка, хочешь придать ему бодрости... и – почти улыбаясь его неразумию:

...Но эти веянья... но эти дали...
Эта строчка – чистая интонация (интенция), и, значит, чистая ангельская речь.
(Интонация: интенция, ставшая звуком. Воплощенная интенция.)

...Нам незачем искать
других имен. Когда раздастся пенье,
раз навсегда мы будем знать – Орфей.[449]
(именно это – Орфея поющего и умирающего в каждом поэте – я имела в виду на предыдущей странице).

Откуда он? Из нашего ли мира?

И уже чувствуешь подступающее (близкое) Нет. О, Райнер, я не хочу выбирать (выбирать значит рыться и быть привередливой), я не могу выбирать, я беру первые случайные строки, которые еще хранит мой слух. Ты пишешь мне в уши, тебя читаешь ухом.

Эта гордость из земли[450]
(конь, выросший из земли). Райнер! Следом посылаю книгу «Ремесло», там найдешь ты святого Георгия, который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. Твой всадник! Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник – оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: ВСАДНИК.

Твоя карандашная запись (так ли это называется? нет, лучше помета!) – легкое ласковое слово: к собаке. Милый, это переносит меня в мое детство, в мои одиннадцать лет, то есть в Шварцвальд, в саму его глубь. И воспитательница (ее звали фройляйн Бринк, и она была омерзительна) говорит: «Этой дьявольской девчонке Марине можно все простить, когда она произносит: „собака!“» (Собака – от восторга и нежности и нетерпения – завывая – с тремя а-а-а. То были не породистые собаки, – уличные!)

Райнер, величайшее счастье, блаженство прижаться своим лбом к собачьему, глаза в глаза, а собака, удивленная, оторопевшая и польщенная (не каждый же день случается!), начинает ворчать. И тогда зажимаешь ей обеими руками пасть – ведь может и укусить, от одного умиления! – и целуешь. Много раз подряд.

Есть ли у тебя там, где ты сейчас, собака? А где ты сейчас? Вальмон – так звали героя жестокой, холодной и умной книги: Лакло «Liaisons dangereuses», [451] которая у нас в России – не могу понять почему, нравственнейшая книга! – была запрещена наравне с мемуарами Казаковы (которого страстно люблю!). Я написала в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Прагу, мне должны прислать мои две драматические поэмы (все же не драмы, по-моему): «Приключение» (Генриетта, помнишь? самое прекрасное из его приключений, которое вовсе не приключение, – единственное, которое не приключение) и «Феникс» – конец казановы.[452] Герцог, 75 лет, одинокий, бедный, старомодный, осмеянный. Его последняя любовь. 75 лет – 13 лет. Это ты должен прочесть, это легко понять (я имею в виду язык). И – не удивляйся – это написано моей германской, не французской душой.

Касаемся друг друга. Чем? Крылами...

Райнер, Райнер, ты сказал мне это, не зная меня, как слепой (зрячий!) – наугад. (Лучшие стрелки – слепые!)

Завтра – Вознесение Христово. Вознесение. Как хорошо! Небо при этом выглядит совсем как мой океан – с волнами. И Христос – возносится.

Только что пришло твое письмо. Моему пора отправляться.

Марина

St. Gilles-sur-Vie

Вознесение Христово,

13-го мая 1926

...перед ним не кичиться тебе проникновенностью чувства...[453]

Поэтому: чисто-человечески и очень скромно: Рильке-человек. Написав, запнулась. Люблю поэта, не человека. (Теперь ты, прочитав, запнулся.) Это звучит эстетски, т. е. бездушно, неодухотворенно (эстеты – те, у кого нет души, а только пять (часто меньше) острых чувств). Смее ли я выбирать? Когда я люблю, я не могу и не хочу выбирать (пошлое и ограниченное право!). Ты – уже абсолют. Пока же я не люблю (не узнюю) тебя, я не смею выбирать, ибо не имею к тебе никакого отношения (не знаю твоего товара!).

Нет, Райнер, я не коллекционер, и человека Рильке, который еще больше поэта (как ни поверни – итог один: больше!), – ибо он несет поэта (рыцарь и конь: ВСАДНИК!), я люблю неотделимо от поэта.

Написав: Рильке-человек, я имела в виду того, кто живет, издает свои книги, кого любят, кто уже многим принадлежит и, наверное, устал от любви многих. – Я имела в виду лишь множество человеческих связей! Написав: Рильке-человек, я имела в виду то, где для меня нет места. Поэтому вся фраза о человеке и поэте – чистый отказ, отречение, чтоб ты не подумал, будто я хочу вторгнуться в твою жизнь, в твоё время, в твой день (день трудов и общений), который раз навсегда расписан и распределен. Отказ – чтобы затем не стало больно: первое имя, первое число, с которыми сталкиваешься и которые отталкивают тебя. (Берегись – отказа!)

Милый, я очень послушна. Если ты мне скажешь: не пиши, это меня волнует, я нужен себе для самого себя, – я все пойму и стерплю.

Пишу тебе в дюнах, в тонкой траве дюн. Мой сын (год и три месяца, Георгий – в честь нашей белой армии. А Борис считает себя социалистом Неужели ты тоже?) – итак мой сын сел на меня верхом (почти на голову!) и отнимает у меня карандаш (пишу прямо в тетради). Он так красив, что все старые женщины (какие наряды! жаль, что тебя здесь нет!) восклицают в один голос: «Mais c'est un petit roi de Rome!». [454] Бонапартистская Вандея – не странно ли? О короле они уже забыли, но слово «император» еще можно услышать. Наши хозяева (рыбак и его жена, сказочная пара, вместе им – 150 лет!) еще хорошо помнят последнюю империю.

Дети во множественном числе? Милый, не могла сдержать улыбки. Дети – понятие растяжимое (двое или семь?). Двое, милый, двенадцатилетняя девочка и годовалый сын. Два маленьких великана из детской Валгаллы. [455] Дети великолепные, редкостные. Высокая ли Ариадна? О, даже выше меня (я не маленькая) и вдвое толще (я ничего не вешу). Вот моя фотография – из паспорта – я светлей и моложе. Потом пришлю лучшую и сделанную совсем недавно, в Париже. Фотографировал меня Шумов, который снимал и работы твоего великого друга. – Он мне много рассказывал о нем. – Я не решилась спросить, нет ли у него твоей фотографии. – Заказать ее для себя не посмела бы. (Ты уже понял, что я прошу тебя – напрямую и совсем без всякой робости – о твоей фотографии.)

...Лазурь и робость детских лет... [456]

Это я еще помню. Кто ты, Райнер? Германец? Австриец? (Ведь прежде разницы не было? Я не слишком образована – обрывочно.) Где ты родился? Как попал в Прагу? Откуда – «Цари»? Ведь это чудо: ты – Россия – я.

– Сколько вопросов!

Твоя земная участь волнует меня еще глубже, чем иные твои пути. Потому что я знаю, как это тяжело – все.

Давно ли ты болен? Как живешь в Мюзо? Красота! Высоко и достойно и серьезно. Есть ли у тебя семья? Дети! (Думаю, нет.) Долго ли еще пробудешь в санатории? Есть ли у тебя там друзья?

Бульвар де Граней, 3 (кажется, недалеко от Уши) – там ты найдешь меня. [457] У меня короткие волосы (как сейчас, в жизни никогда не носила длинных), и я похожа на мальчика, с четками на шее.

Сегодня ночью читала твои Дуинезские элегии. Днем мне не удастся ни читать, ни писать, я занята хозяйством до поздней ночи, ведь у меня всего две руки. Мой муж – всю молодость был добровольцем, ему скоро 31 (мне будет 31 в сентябре), очень болезненный, а кроме того мужчина не может делать женскую работу, это ужасно выглядит (на женский взгляд) – сейчас он еще в Париже, скоро приедет. В юнкерском училище его в шутку называли «астральный юнкер». Он красив: страдальческой красотой. Дочь похожа на него, но счастливая, а сын скорей на меня, оба – светлые, светлоглазые, моя раскраска.

Что тебе сказать о твоей книге? Высшая степень. Моя постель стала облаком.

Милый, я уже все знаю – от меня к тебе – но для многого еще слишком рано. Еще в тебе что-то должно привыкнуть ко мне.

Марина.

3-го июня 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie

Многое, почти все, остается в тетради. Тебе – лишь слова из моего письма к Борису Пастернаку:

«Когда я неоднократно тебя спрашивала, что мы будем с тобою делать в жизни, ты однажды ответил: „Мы поедem к Рильке“. А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно. От него веет холодом имущего, в имущество которого я уже включена. Мне ему нечего дать, все взято. Я ему не нужна и ты не нужен. Сила, всегда влекущая, – отвлекает. Нечто в нем (как это зовется, ты знаешь) не желает отвлекаться. Не имеет права.

Эта встреча для меня – удар в сердце (сердце не только бьется, но и получает удары, когда устремляется ввысь!), тем более, что он совершенно прав, что я (ты) в свои лучшие часы сами такие же».

фраза из твоего письма: «...если вдруг я перестану сообщать тебе, что со мной происходит, ты все равно должна писать мне всякий раз, когда...»[458]

Прочла и сразу: эта фраза – просьба о покое. Покой наступил. (Теперь ты немного успокоился?)

Знаешь ли ты, что все это значит: покой, беспокойство, просьба, исполнение и т. д. Слушай же – мне кажется, что я знаю точно.

До жизни человек – всё и всегда, живя жизнь, он – кое-что и теперь. (Есть, имеет – безразлично!)

Моя любовь к тебе раздробилась на дни и письма, часы и строки. Отсюда – беспокойство. (Потому ты и просил о покое!) Письмо сегодня, письмо завтра. Ты живешь, я хочу тебя видеть. Перевод из Всегда в Теперь. Отсюда – терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час – лишь ступень – к письму. Быть в другом или иметь другого (или хотеть иметь, вообще – хотеть, едино!) я это заметила и смолкла.

Теперь это прошло. С желаниями я справляюсь быстро. Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорей уж – возле тебя. Быть может, просто – к тебе. Без письма уже стало – без тебя. Дальше – пуще. Без письма – без тебя, с письмом – без тебя, с тобой – без тебя. В тебя! Не быть. – умереть!

Такова я. Такова любовь – во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая. Любви я не люблю и не чту.

В великой низости любви – у меня есть такая строчка.[459] (La grande bassesse de l'amour или – еще лучше – la bassesse suprême de l'amour.[460])

Итак, Райнер, это прошло. Я не хочу к тебе. Не хочу хотеть. Может быть – когда-нибудь – с Борисом (издалека, без единой строки от меня, он все «почуял»! Слух поэта!) – но когда – как... Не будем спешить!

И – чтобы ты не счел меня низкой – не из-за терзания я молчала – из-за уродливости этого терзания!

Теперь – прошло. Теперь я пишу тебе.

Марина.

14-го июня 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie,

Слушай, Райнер, ты должен знать это с самого начала. Я – плохая. Борис – хороший. И потому что плохая, я молчала – лишь несколько фраз про твое российство, мое германство и т. д. И вдруг жалоба: «Почему ты меня отстраняешь? Ведь я люблю его не меньше твоего».[461]

Что я почувствовала? Раскаянье? Нет. Никогда. Ни в чем. Ничего не почувствовала, но стала действовать. Переписала два твоих первых письма и послала ему. Что я могла еще? О, я плохая, Райнер, не хочу сообщника, даже если бы это был сам Бог.

Я – многие, понимаешь? Быть может, неисчислимо многие! (Ненасытное множество!) И один ничего не должен знать о другом, это мешает. Когда я с сыном, тот (та?), нет – то, что пишет тебе и любит тебя, не должно быть рядом. Когда я с тобой – т. д. Обособленность и отстраненность. Я даже в себе (не только – вблизи себя) не желаю иметь сообщника. Поэтому в жизни я – лжива (то есть замкнута, и лжива – когда вынуждают говорить), хотя в другой жизни я слышу правдивой – такая и есть. Не могу делиться.

А пришлось (это было за два-три дня до твоего письма). Нет, Райнер, я не лжива, я слишком правдива. Если бы я умела бросаться простыми, дозволенными словами: переписка, дружба – все было бы хорошо! Но я-то знаю, что ты не переписка и не дружба. В жизни людей я хочу быть тем, что не причиняет боли, потому и лгу – всем, кроме себя самой.

Всю жизнь в ложном положении. «Ибо где я согнут, – я солган».[462] Солгана, Райнер, не лжива!

Когда я обнимаю незнакомца, обвинив его шею руками, это естественно, когда я рассказываю об этом, это неестественно (для меня самой!).

А когда я пишу об этом стихи, это опять-таки естественно. Значит, поступок и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стихи меня оправдывают. То, что между, обвиняет меня. Ложь – то, что между, – не я. Когда я говорю правду (руки вокруг шеи) – это ложь; Когда я об этом молчу, это правда.

Внутреннее право на сохранение тайны. Это никого не касается, даже шеи, вокруг которой обвились мои руки. Мое дело. Не забудь еще, что я замужем, у меня дети и т. д.

Отказаться? Ах, не так уж все это серьезно, чтоб того стоило. Отказываюсь я слишком легко. И наоборот, совершая жест, я радуюсь, что еще могу его совершить. Так редко чего-то хотят мои руки.

Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – вернуть фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью. Но не рассказывать: тому писала, этого целовала.

«Радуйся же, скоро всему конец!» – говорит моя душа моим губам. И обнять дерево или человека для меня одно и то же. Быть.

Это одна сторона. Теперь – другая. Борис подарил тебя мне. И, едва получив, хочу быть единственным владельцем. Довольно бесчестно. И довольно мучительно – для него. Потому я и послала письма.

Твои милые фотографии. Знаешь, как ты выглядишь на той, что больше? Слово ты поджидал кого-то – и вдруг тебя окликнули. А другая, поменьше, – прощанье. Отъезжающий, который еще раз, должно быть наспех – лошади уже ждут – оглядывает свой сад, как исписанный лист, прежде чем расстаться. Не отрываясь – освобождаясь. Тот, кто бережно выпускает из рук – целый пейзаж. (Райнер, возьми меня с собой!)

У тебя прозрачные глаза, лазурно-прозрачные – как у Ариадны, а морщинка (вертикальная!) меж бровей – у тебя от меня. Она была у меня уже в детстве – я всегда хмурила брови, раздумывая или злясь.

(Райнер, я люблю тебя и хочу к тебе.)

Твоя Элегия, [463] Райнер, всю жизнь я раздаривала себя в стихах – всем. В том числе и поэтам. Но я всегда давала слишком много, я заглушала возможный ответ, отпугивала его. Весь отзвук был уже предвосхищен мной. Вот почему поэты никогда не писали мне стихов – никаких (плохие и есть никакие, еще хуже, чем никакие!) – и я всегда посмеивалась: они предоставляют это тому, кто будет через сто лет.

И вот, твои стихи, Райнер, стихи Рильке, поэта, стихи – поэзии. И моя, Райнер, – немота. Все наоборот. Все правильно.

О, я люблю тебя, иначе я не могу этого назвать – первое попавшееся и все же самое первое и самое лучшее слово.

Райнер, вчера вечером я вышла из дома, чтобы снять белье, ибо надвигался дождь. И приняла в свои объятия весь ветер, – нет! весь Север. И это был ты. (Завтра это будет Юг!) Я не взяла его домой, он остался на пороге. Он не вошел в дом, но едва я заснула, он умчал меня с собой на море. [464]

Подаем только знаки друг другу –

И о любящих, о их включенности и исключенности («Из сердцевины Вечного...»).

И долгий неслышимый путь под луной.

И все ж это называется только так: я люблю тебя.

Марина.

Любимый! Я хочу подарить тебе слово, может быть, ты его не знаешь.

«Боль – истинное слово, боль – доброе слово, боль – милосердное слово».

(Св. Кунигунда, XIII век). [465]

фотографии у меня еще нет, как только получу, пришлю, пришлю тебе. Напиши мне о Мюзо – ушли ли камешки? И пришло ли солнце? У нас – ни одного солнечного часа. Я хотела бы послать тебе все солнце, прибить его к небу, которое над тобой.

Да, Райнер! Если бы написала о тебе что-нибудь, это называлось бы: Поверх горы.

Первая собака, которую ты погладишь, прочитав это письмо, буду я. Обрати внимание на ее взгляд.

6-го июля 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie

Дорогой Райнер,

у Гёте где-то сказано, что на чужом языке нельзя создать ничего значительного, – я же всегда считала, что это неверно. (Гёте никогда не ошибается в целом, он прав в итоговом смысле, поэтому сейчас я несправедлива к нему.)

Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелagать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских или прочих поэтах. Поэт может писать по-французски, но не быть французским поэтом. Смешно.

Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают в называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т. д., чтобы быть – всем. Иными словами: ты – поэт, ибо не француз. Национальность – это от- и заключенность. Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее. И хороший немец – там! И – хороший русский!

Но в каждом языке есть нечто лишь ему свойственное, что и есть сам язык. Поэтому по-французски ты звучишь иначе, чем по-немецки, – оттого и стал писать по-французски! Немецкий глубже французского, полнее, растяжимее, темнее. Французский: часы без отзвука, немецкий – более отзвук, чем часы (бой). Немецкий продолжает создаваться читателем – вновь и вновь, бесконечно. Французский – уже создан. Немецкий – возникает, французский – существует. Язык неблагодарный для поэтов – потому ты и стал писать на нем. Почти невозможный язык.

Немецкий – бесконечное обещание (тоже – дар!), но французский – дар окончательный. Платен[466] пишет по-французски. Ты («Verger») пишешь по-немецки, то есть – себя, поэта. Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе.

Райнер, узнаю тебя в каждой строчке, но звучишь ты короче, каждая строка – усеченный Рильке, почти как конспект. Каждое слово. Каждый слог.

Grand-Maître des absences[467] это ты прекрасно сделал. Grossmeister звучало бы не так! И – partance (entre ton trop d'arrivée et ton trop de partance[468] – это идет издалека – потому и заходит так далеко!) из стихов Марии Стюарт:

Combien j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France...[469]
Знаешь ли ты эти ее строки:

Car mon pis et mon mieux
Sont les plus deserts lieux?[470]
(Райнер, что великолепно прозвучало бы по-французски, так это «Песнь о корнете»! [471])

Стихотворение Verger[472] я переписала для Бориса.

Soyons plus vite
Que le rapide départ[473]
– это рифмуется с моим:

Тот поезд, на который все –
Опаздывают...
(О поэте). [474]

А «pourquoi tant appuyer»[475] – со словами мадемуазель Леспинас: «Glissez, mortels, n'appuyez pas!»[476]

Знаешь, что нового в этой книге? Твоя улыбка. («Les Anges sont-ils devenus discretes» – «Mais l'excellente place – est un peu trop en face...»)[477] Ах, Райнер, первую страницу этого письма я могла бы совсем опустить. Сегодня ты:

..Et pourtant quel fier moment
Lorsqu'un instant le vent se déclare
pour tel paus: consent a la France[478]
Будь я французом и пиши я о твоей книге, я поставила бы эпиграфом: «consent a la France».[479] А теперь – от тебя ко мне:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Parfois elle paraot attendrie
Qu'on l'écoute si bien, –
alors elle montre sa vie
et ne dit plus rien[480]
(Ты, природа!)

Но ты еще и поэт, Райнер, а от поэтов ждут de l'inédit.[481] Поэтому скорее – большое письмо, для меня одной, иначе я притворюсь глупей, чем на самом деле, «обижусь», «буду обманута в лучших чувствах» и т. д., но ведь ты напишешь мне (для своего успокоения! и потому что ты добрый!).

Можно мне поцеловать тебя? Ведь это не более, чем обнять, а обнимать, не целуя, – почти невозможно!

Марина

На обороте твоего конверта:

Отправитель: Muzot sur Sierre (Valais), Suisse.[482]

Мюзот – автор стихов твоей книги. Поэтому он посылает ее, не упоминая о тебе/тебя[483]

St. Gilles-sur-Vie

2-го августа 1926 г.

Райнер, твое письмо я получила в день своих именин – 17/30 июля, у меня ведь тоже есть святая, хотя я ощущаю себя первенцем своего имени, как тебя – первенцем твоего. Святой, которого звали Райнер, звался, верно, иначе. Ты – Райнер.

Итак, в день моих именин я получила лучший подарок – твое письмо. Как всегда, совсем неожиданно. Я никогда к тебе не привыкну (как к себе самой!), и к этому изумлению тоже, и к собственным мыслям о тебе. Ты – то, что приснится мне этой ночью, чему я этой ночью буду сниться. (Видеть сон или во сне быть увиденной?) Незнакомкою в чужом сне. Я никогда не жду, я всегда узнаю тебя.

Если мы кому-нибудь приснимся вместе – значит, мы встретимся.

Райнер, я хочу к тебе, ради себя, той новой, которая может возникнуть лишь с тобой, в тебе. И еще, Райнер («Райнер» – лейтмотив письма) – не сердись, это ж я, я хочу спать с тобою – засыпать и спать. Чудное народное слово, как глубоко, как верно, как недвусмысленно, как точно то, что оно говорит. Просто – спать. И ничего больше. Нет, еще: зарыться головой в твое левое плечо, а руку – на твое правое – и ничего больше. Нет еще: даже в глубочайшем сне знать, что это ты. И еще: слушать, как звучит твое сердце. И – его целовать.

Иногда я думаю: я должна воспользоваться той случайностью, что я пока еще (все же!) живое тело. Скоро у меня не будет рук. И еще – это звучит как исповедь (что такое исповедь? хвалиться своими пороками! кто мог бы говорить о своих муках без упоения, то есть счастья?!)) – итак, пусть это не звучит как исповедь: телам со мной скучно. Они что-то подозревают и мне (моему) не доверяют, хотя я делаю всё, как все. Слишком, пожалуй... незаинтересованно, слишком... благосклонно. И – слишком доверчиво! Доверчивы – чужие (дикари), не ведающие никаких законов и обычаев. Но

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
местные доверять не могут. К любви все это не относится, любовь слышит и
чувствует только себя, она привязана к месту и часу, этого я подделать не могу.
И – великое сострадание, неведомо откуда, безмерная доброта и – ложь.

Я чувствую себя все старше. Слишком серьезна – детская игра, я – недостаточно
серьезна.

Рот я всегда ощущала как мир: небесный свод, пещера, ущелье, бездна. Я всегда
переводила тело в душу (развоплощала его!), а «физическую» любовь – чтоб ее
полюбить – возвеличила так, что вдруг от нее ничего не осталось. Погружаясь в
нее, ее опустошила. Проникая в нее, ее вытеснила. Ничего от нее не осталось,
кроме меня самой: души (так я зовусь, оттого – изумление: именины!).

Любовь ненавидит поэта. Она не желает, чтоб ее возвеличивали (дескать, сама
величава!), она считает себя абсолют, единственным абсолют. Нам она не
доверяет. В глубине своей она знает, что не величава (потому-то так властна!),
она знает, что величие – это душа, а где начинается душа, кончается плоть.
Чистейшая ревность, Райнер. Та же, что у души к плоти. И я всегда ревновала к
плоти: как воспета! История Паоло и Франчески – маленький эпизод. Бедный Данте!
– Кто еще помнит о Данте и Беатриче? Я ревную к человеческой комедии. Душу
никогда не будут любить так, как плоть, в лучшем случае – будут восхвалять.
Тысячами душ всегда любима плоть. Кто хоть раз обрек себя на вечную муку во имя
одной души! Да если б кто и захотел–невозможно: идти на вечную муку из любви к
душе – уже значит быть ангелом. Нас обманно лишали целого ада! (...trop pure –
provoque un vent de d'ydain[484]).[485]

Почему я говорю тебе все это? Наверное, из страха, что ты увидишь во мне
обыкновенную чувственную страсть (страсть – рабство плоти). «Я люблю тебя в хочу
спать с тобой» – так кратко дружбе говорить не дано. Но я говорю это иным
голосом, почти во сне, глубоко во сне. Я звук иной, чем страсть. Если бы ты взял
меня к себе, ты взял бы les plus d'iserts lieux.[486] Все то, что никогда не
спит, желало бы выспаться в твоих объятьях. До самой души (глубины) был бы тот
поцелуй. (Не пожар: бездна.)

Je ne plaide pas ma cause, je plaide la cause du plus absolu des baisers.[487]

Ты все время в разъездах, ты не живешь нигде и встречаешься с русскими, которые
– не я. Слушай и запомни: в твоей стране, Райнер, я одна представляю Россию.

Кто ж ты все-таки, Райнер? Не немец, хотя – целая Германия! Не чех, хотя родился
в Чехии (NB! в стране, которой еще не было, – это подходит!), не австриец,
потому что Австрия была, а ты – будешь! Ну не чудесно ли? У тебя – нет родины!
Le grand roite tschiso-slovaque[488] – так писали парижские журналы. Значит,
Райнер, в конце концов, ты – словак? Смеюсь!

Райнер, вечереет, я люблю тебя. Воет поезд. Поезда это волки, а волки – Россия.
Не поезд – вся Россия воет по тебе, Райнер. Райнер, не сердись на меня или
сердись сколько хочешь – этой ночью я буду спать с тобой. В темноте – разрыв;
оттого что звезды, я убеждаюсь: окно. (Об окне я думаю, когда думаю о тебе и
себе, – не о постели.) Глаза мои широко раскрыты, ибо снаружи еще черней, чем
внутри. Постель – корабль, мы отправляемся в путешествие.

...mais unjour on le vit plus.
Le petit navire sans voiles,
Lasse des oceans maudits,
Voguant au pays des йtoiles –
Avait gagnй le paradis[489]
(детская песенка из Лозанны)

Можешь не отвечать мне – целуй еще.

М.

О праве и правоте.[490] «Природа тоже неестественна» (Гёте), видимо, это ты и имел в виду! (Природа: право.)

Les dйserts lieux[491] я получила в подарок от Бориса и дарю их тебе.[492]

14-го августа 1926 г.

St. Gilles-sur-Vie

Дорогой друг, получил ли ты мое последнее письмо? Спрашиваю, потому что бросила его в отходящий поезд. Почтовый ящик выглядел весьма зловеще: пыль в три пальца и огромный тюремный замок. Я это заметила уже бросив письмо, рука слишком поторопилась – письмо, наверное, там и останется – до Второго пришествия.

Примерно дней десять назад. Содержание? Письмо и есть – содержание, стало быть, его не имеет, и все же, не вдаваясь в подробности: нечто о том, чтобы спать вместе, тебе и мне (et le lit – table йvanouie[493])

Постель, чтобы угадывать вещи, видеть чудеса, стол – чтобы их делать, их воплощать. Постель: спина; стол: локоть. Человек сам есть постель и стол и, значит, иметь их не должен.

(То письмо звучало совсем иначе, и поезд, который его... несет и хоронит – свистел и выл иначе, чем пассажирский. Если я его услышу, я сразу пойму, там ли еще мое письмо.)

Дорогой Райнер, Борис мне больше не пишет.[494] В последнем письме он писал: все во мне, кроме воли, называется Ты и принадлежит Тебе. Волей он называет свою жену и сына, которые сейчас за границей.[495] Когда я узнала об этой его второй загранице, я написала: два письма из-за границы – хватит! Двух заграниц не бывает. Есть то, что в границах, и то, что за границей. Я – за границей! Есмь и не делюсь.

Пусть жена ему пишет, а он – ей. Спать с ней и писать мне – да, писать ей и писать мне, два конверта, два адреса (одна Франция!) – почерком породненные, словно сестры... Ему братом – да, ей сестрой – нет.

Такова я, Райнер, любое сношение с человеком – остров, и всегда затонувший – целиком, без остатка.

В другом человеке мне принадлежит лоб и немного груди. От сердца отступаюсь легко, от груди – не отступлюсь. Мне нужен звучащий свод. Сердце звучит глухо.

Райнер, напиши мне открытку, всего два слова: письмо, что было в поезде, получил или – не получил. Тогда я напишу тебе большое письмо.

Райнер, этой зимой мы должны встретиться. Где-нибудь во французской Савойе, совсем близко к Швейцарии, там, где ты никогда еще не был (найдется ль такое никогда? Сомневаюсь). В маленьком городке, Райнер. Захочешь – надолго. Захочешь

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– недолго. Пишу тебе об этом просто, потому что знаю, что ты не только очень полюбишь меня, но и будешь мне очень рад. (В радости – ты тоже нуждаешься.)

Или осенью, Райнер. Или весной. Скажи: да, чтоб с этого дня была и у меня радость – я могла бы куда-то всматриваться (оглядываться?).

Уже очень поздно и я устала, поэтому обнимаю тебя.

Марина

Прошлое еще впереди...[496]

St. Gilles-sur-Vie

22-го августа 1926 г.

Райнер, отвечай только «да» на все, что я хочу – поверь, ничего страшного не будет. Когда я говорю тебе, Райнер, что я – твоя Россия, я говорю тебе лишь (еще раз), что люблю тебя. Любовь живет исключениями, обособлениями, отстранениями. Она живет в словах и умирает в поступках. Стремиться быть твоей Россией в действительности – для этого я слишком умна! Оборот речи. Оборот любви.

Райнер, я называюсь иначе: я – все, что ты есть, все твое бытие (быть означает: тобой живут. Etre vsu. Chose vsue.[497] Страдательный залог).

Верить ли, что я верю в Савойю? Верю, как и ты, словно в царство небесное. Когда-нибудь... (как? когда?) что я видела в жизни? Вся моя молодость (с 1917-го года) – черная работа. Москва? Прага? Париж? Сен-Жиль? Везде – одно. Плита, метла, деньги (их отсутствие). Вечная нехватка времени. Ни одна женщина из твоих подруг и знакомых не живет так, не могла бы так жить. Не мести, не чистить – вот мое царство небесное. Слишком скромно? Да. Ибо слишком скверно мое царство земное. Райнер, я написала по-немецки: чистить – чистилище (прекрасное слово), чистить здесь, чистилище там, чистить, пока не сметут в чистилище и т. д. Так я пишу, Райнер, – от слова к вещи, слово создавая за словом. Так, думаю, пишешь и ты.

Итак, любимый, не бойся и всегда только «да» на каждое мое мой! дай! – так утешают нищих, невинно и без последствий. Чаше всего моя протянутая рука падает в пустоту, а подаянье – в песок. Чего я от тебя хочу? Того же, чего от всей поэзии и от каждой стихотворной строчки: истины любого данной мгновения. Выше этого истины нет. Никогда не деревенея – всегда обращаясь в золу. Хочу лишь слова – оно для меня – уже вещь. Поступков? Последствий?

Я знаю тебя, Райнер, как себя самое. Чем дальше от меня – тем глубже в меня. Я живу не в себе самой – вне самой себя. Я не живу на своих устах, и тот, кто меня целует, минует меня.

Савойя. (Размышление): Поезд. Билет. Гостиница. (Слава Богу, визы не надо!) И... легкая брезгливость. Нечто уготованное, завоеванное... вымоленное. Ты должен упасть с неба.

Райнер, вполне серьезно: если ты в самом деле, глазами, хочешь меня видеть, ты должен действовать, т. е. – «Через две недели я буду там-то и там-то. Приедешь?» Это должно исходить от тебя. Как и число.

И город. Взгляни на карту. Не лучше ли, если это будет большой город? Подумай. Маленькие города иногда обманчивы. Да, еще одно: денег у меня нет совсем, гроши, что я зарабатываю, тут же улечиваются (из-за моей «новизны» меня печатают только в «новейших» журналах, а их – в эмиграции – всего два). Хватит ли у тебя денег для нас обоих? Райнер, я пишу и невольно улыбаюсь: вот так гость!

Итак, любимый, если когда-нибудь ты вправду захочешь, напиши мне (заранее, ведь мне нужно найти кого-то, кто побудет с детьми) – и тогда я приеду. В Сен-Жиле я пробуду до 1–15 октября, затем – Париж, где всё сначала: ни денег, ни квартиры, ничего. В Прагу я не вернусь, чехи сердятся на меня за то, что я так много и горячо писала о Германии и так упорно молчала о Чехии. А ведь три с половиной года я жила на чешскую «субсидию» (900 крон ежемесячно). Итак, между 1 и 15 октября – Париж. Ранее ноября нам не увидаться. Кстати – можно ведь и где-нибудь на Юге? (Франции, разумеется.) Где, как и когда ты хочешь (начиная с ноября). Теперь это в твоих руках. Можешь, если хочешь... разъять их. Я все равно буду любить тебя – ни больше, ни меньше.

Я радуюсь тебе так, словно ты – целая и всецело новая страна.

О Борисе. Нет, права была я. Его ответ – ответ освобожденного Атласа.[498] (ведь он держал на себе небо с небожителями! И, избавившись от своей ноши, он, думаю, еще и вздохнул!) Теперь он свободен от меня. Он слишком добр, слишком жалостлив, слишком терпелив. Удар должна была нанести я. (Рвать, т. е. убивать никто не хочет!) Он знал уже о двух заграницах. Я только высказала, назвала, расколдовала. Теперь все хорошо, государства разделены: я – в потаеннейшей глубине, за пределами всех границ – вне досягания.

Nest – по-русски – гнездо (в единственном числе – рифм не имеет).[499] Множественное число: гнёзда (с мягким е, ё, почти о – в произношении), рифма: звёзды.

Как долго ты пробудешь в Рагаце и как себя чувствуешь? Что ты написал в последнее время?

Да, огромная просьба. Подари мне греческую (по-немецки) мифологию – без философии: простую и подробную: мифы. В детстве, кажется, у меня была книга Штолля. Скоро выйдет мой Тезей (1-я часть: Тезей и Ариадна, драматическая поэма). Сейчас начинаю Федру (все задумано как трилогия: Ариадна – Федра – Елена), и мне нужна мифология. Лейтмотив – гнев Афродиты. – Как жаль, что ты не можешь меня читать! Я перед тобою – глухонемая (собственно, не глухая – немая!).

Подари мне мифы Штолля, только с надписью, чтоб я никогда не расставалась с ними.[500] Подаришь?

Обнимаю Тебя.

М.

Сен-Галь – Сен-Жиль...

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
7-го ноября 1926 г.

Bellevue (S. e1 0.)

Paris

31, Boulevard Verd

Дорогой Райнер!

Здесь я живу.

Ты меня еще любишь?

Марина.

Год кончается твоей смертью? Конец? Начало! Ты самому себе – самый новый год. (Любимый, я знаю. Ты меня читаешь раньше, чем я пишу) – Райнер, вот я плачу. Ты льешься у меня из глаз!

Милый, раз ты умер, – значит, нет никакой смерти (или никакой жизни!). Что еще? Маленький городок в Савойе – когда? где? Райнер, а как же гнездо для сна? Ты ведь теперь знаешь по-русски и знаешь, что Nest – гнездо и многое другое.

Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе – захочу туда, – а я не смею хотеть, – ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть».

Райнер, я неизменно чувствую тебя за правым плечом. [501]

Думал ли ты когда-нибудь обо мне? – Да! да! да! –

Завтра Новый год, Райнер – 1927. 7 – Твое любимое число. Значит, ты родился в 1876 году? (газета)? – 51 год?

Какая я несчастная.

Но не смей грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с Тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!)

Любимый, сделай так, чтобы я часто видела Тебя во сне – нет, неверно: живи в моем сне. Теперь ты вправе желать и делать.

В здешнюю встречу мы с тобой никогда не верили – как и в здешнюю жизнь, не так ли? Ты меня опередил – (и вышло лучше!), и, чтобы меня хорошо принять, заказала – не комнату, не дом – целый пейзаж. Я целую тебя в губы? В виски? В лоб? Милый, конечно, в губы, по-настоящему, как живого.

Любимый, люби меня сильнее и иначе, чем все. Не сердись на меня – тебе надо привыкнуть ко мне, к такой. Что еще?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Нет, ты еще не высоко и не далеко, ты совсем рядом, твой лоб на моем плече. Ты никогда не будешь далеко: никогда недосыгаемо высоко.

Ты – мой милый взрослый мальчик.

Райнер, пиши мне! (Довольно-таки глупая просьба?)

С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!

Марина.

Бельвю, 31-го декабря 1926. 10 часов вечера.

Райнер. Ты еще на земле, не прошло еще суток.

В. Б. СОСИНСКОМУ
St. Gilles, 11-го мая 1926 г.

Здравствуй, милый Володя!

Пишу Вам перед сном, т. е. в половине десятого, – таковы вандейские нравы и холода. Перед сном читайте: перед отходом ко сну, под три одеяла, в соседство Алиного тепла (кровать четырехместная, спим вместе).

Море рассматриваю как даром пропадающее место для ходьбы. С ним мне нечего делать. Море может любить только матрос или рыбак. Остальное – человеческая лень, любящая собственную лежку на песке. В песок играть – стара, лежать – молода.

Но в общем – хорошо. Здесь чудесные камешки. И у нас чудесные хозяева – из сказки. Их собственный крохотный садик, вот-вот имеющий расцвести розами.

Свиреп ли на меня Здравствуй До-ода?[502] Или уже забыл – за что?

Сердечный привет Вам и ему. Буду рада, если напишете.

МЦ.

Ремизов с несколько двусмысленной дружественностью (ему не передавайте!!!) прислал мне статейку А. Яблоновского.[503] – На-ка, почитай-ка...

St. Gilles, 26-го мая 1926 г., среда.

Дорогой Володя,

Второй месяц нашего пребывания здесь. Хотите самое удивительное приобретение? Я любима, обожаема хозяевами, им и ею, т. е. полутораэта летями. Лестно? (Мой идеальный «старик».) Они и их любовь и есть самое главное событие этого месяца, меня в этом месяце. В их лице меня любит вся старая Вандея, – больше! – весь старый мир, к которому я – чем-то – корнями принадлежу (может быть простой

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru воспитанностью сердца, которой – утверждаю – в новом нет, и, пока не сделается старым, не будет). Это скрашивает жизнь, стирает ее углы, – о да, водит и гладит пу сердцу. Но не только воспитанность: весь уклад. Здесь я, впервые после детства (Шварцвальд), очарована бытом. Одно еще поняла: НЕНАВИЖУ город, люблю в нем только природу, там, где город сходит на нет. Здесь, пока, всё – природа. Живут приливом и отливом. По нему ставят часы!

Не пропускаю ни одного рынка (четыре в неделю), чтобы не пропустить еще какого-нибудь словца, еще жеста, еще одной разновидности чепца.

Словом, – роман с бытом, который даже не нужно преобразать: уже преобразен: поэма.

Мой быт очарователен менее: я не жена рыбака, я не ложусь в 1/2 9-го (сейчас 1/2 9-го и хозяева уже спят), я не пойду на рынок продавать клубнику – сама съем, или так отдам, и, главное, я все еще пишу стихи, точнее: постоянно рвусь их писать, а это мешает и готовить, и мести и просто стоять на крыльце, без дела. – И все эти письма.

Очень загорела, хожу в Адином берлинском синем платье, которое Аля извлекла из пасти крокодила, [504] – оно мне по колено, но море мне тоже по колено – вне дурного каламбура – по крайней мере сухой выхожу из воды (опять каламбур!). Я просто хочу сказать, что платье ровно в уровень прилива. Передайте Аде мою благодарность.

Еще не купаемся. Здесь все-таки не Юг, и жара другая, у моря никогда не жарко, жарко на суше – не степь, не огороды, не луга, не пашни – именно суша, ни деревца. Люблю эту землю, потому что сама ее выбрала, а выбрала, должно быть, потому что знала, что полюблю. Просто – ИМЯ, все предопределяющее.

Спасибо за письмо. Милый Володя, Вы очень хорошо ко мне подошли, просто – у меня никогда не было времени и у Вас не было. Чувство требует времени, не мысль. Мысль – вывод. Чувство всегда начинается с начала, оно прежде всего – работа. (И забота!) Есть лучший мир, где все наши умыслы зачтутся, а поступки – отпадут. Тогда Вы, и Адя, и Ольга Елисеевна, и Наташа увидите, что я лучше, чем вы все видели, чем мне здесь дано было быть. Там у меня будет время быть собой: чувствовать. И излучать.

Тетрадь прожорлива, особенно, когда ее не кормишь. Там не будет тетрадей.

Мур еще не ходит, но коляску свою возит и, когда ведешь на поводе (в поводе, по-моему, только лошадей!), тянет не хуже доброго дога. Порядочно своеволен, плачусь спичками, которые он постоянно выхватывает и рассеивает. Когда ходит (на поясе), неотторжим от дверных задвижек, шкафных защелок, вообще всего, что торчит и вертится. Песок ест, но тотчас же выплевывает. Больше всего любит крик осла. К морю вполне равнодушен, не смотрит. Алю зовет Ама, причем первое А тянет с минуту, застывая с открытым ртом.

Аля в восторге от Олиных красок, читает Ваши журналы и выпрашивает у меня какого-то циркового Орфелина [505] (!!!). [506] Поражает всех своим ростом и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
весом. Моется только раз в день перед сном, очень наспех. Утром – ПЕРЕСТАЛА.

Гоните, выпроваживайте, снаряжайте и провожайте Сережу. К чертям Сувчинского! Хорошо ему, пяти или сколько-пудовому! Seriously, Володя, очень прошу! Сувчинский в Бельгии может просидеть две недели. Сережа должен быть здесь не позже субботы, иначе – пригрозите! – буду слать две телеграммы в день и в лоск проживусь. У Сережи уже не совесть, а мания.

Поцелуйте Адю, если меня еще не забыла. Я ее очень люблю, как редко кого. Поправилась ли она? Загорела ли? Очень хочу осенью в Нуигес[507] – на настоящий юг, к Средиземному морю моего детства. В Париже не хочу жить ни за что.

Сердечный привет. Буду рада, если напишете. Огромное спасибо за бумагу и конверты.

МЦ.

P. S. Передайте Сереже – сегодня забыла написать – что здесь свежий ТОНН (рыба) – 5 франков кило. Сегодня ели. Съели целое кило. И Мур ел.

Если Наташа тоже в Париже, сердечный привет.

Приписка на полях:

Очень рада, что будете писать о Поэме горы.

St. Gilles, 14-го июля 1926 г.

Дорогой Володя,

Просьба: доставьте это письмо через Гржебина[508] В. А. Шингареву. Только чтобы непременно дошло. Очень важное.

В. А. Шингарев живет, по крайней мере, жил, у Гржебина. Если уехал, попросите Гржебина, чтобы переслал. Если Гржебин не знает адреса, пошлите – лучше заказным – на имя Милюкова в «Последние Новости»:

– Милюкову для Владимира Андреевича Шингарева. (Тире перед Милюковым – имя-отчество, а не ругательство.) Сердечный привет от нас всех.

МЦ.

Если не трудно, известите открыткой о судьбе письма.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

St-Gilles, 16-го сентября 1926 г.

Дорогой Володя,

Большая и сердечная просьба.

Возьмите у Лапина[509] ключ или ключи от нашего сундука (нового, – коричневатого-розоватого, один такой), предварительно справившись, где стоит (м. б. в подвале, м. б. у Вас в квартире), осторожно выньте содержимое, не слишком разбрасывая нафталин, и достаньте мне толстый коричневый переплетенный – несколько растрепанный – НЕМЕЦКИЙ ТОМ: ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ, сразу узнаете, один такой. Название не то Griechische Mythologie,[510] не то Sagen des Klassischen Altertums,[511] неважно, – такая книга в сундуке одна, очень веская, с картинками. Примета: мое имя – Прага – пометка: книга на всю жизнь. Достаньте и вышлите мне ее *imprime recommande*. [512] Нужна до зарезу. Кончила и сдала I ч. «Тезея», сроку у нас здесь еще около месяца, хочу начать II ч., нет материалов.

До разрытия сундука, посмотрите в квартире, нет ли где-нибудь связки наших книг или какой-нибудь корзины с ними. Помнится, уложила (как сокровище) именно в сундук, но память податлива, у меня тождественна воображению, поэтому раньше посмотрите в книгах. Помнится (поверь мне после предыдущего заявления!), Сережа говорил мне, что все книги собрал и связал. Больше верю в сундук.

Пишу об этом же Сереже, но боюсь, что уже уехал в Прагу или, перед отъездом, не успеет.

Если можно, вещи уложите в той же последовательности), потяжелей внизу, полегче – сверху. Можно даже, сняв верхний слой, просто нащупать том, очень большой, квадратноватый, в переплете, один такой.

Деньги на пересылку прилагаю.

Сердечный привет Вам и Вашему брату. [513] Возвращаемся в середине октября.

МЦ.

Да! Если книг в квартире нет, м. б. они тоже в подвале? 18-го-Алин день рождения (5/18-го), поздравьте, хотя с опозданием, будет рада.

Приписка на полях:

Автор мифологии, помнится, ШВАБ (Schwab).

St. Gilles, 20-го сентября 1926 г.

Дорогой Володя,

Спасибо за (прискорбное) оповещение[514] и за милое поздравление Али. Посылаю Вам – наугад – ключ, ни к одной нашей здешней вещи не подходит, м. б. и есть тот. (У меня таких два.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Если подойдет – все прежние просьбы и пояснения в силе, у меня здесь еще 3 недели срока, стоит и на одну неделю.

Не подойдет – сберегите.

Что Черновы? Когда возвращаются? Где селятся?[515]

Как Ваши дела (служебные)? Пишете ли, и что?

У нас чудесно, райский сентябрь, но хозяева адовы, возненавидели нас, получив всю плату наперед единовременно, и сулят нам отъезд с мировым судьей и жандармами – неизвестно за что.

Живем мы на земле для того, чтобы не захотеть жить на ней еще раз.

Сердечный привет Вам и брату. Видетесь ли с Сережей? Как Вам нравится номер с Сувчинским?[516]

Жив ли Дода, где, и что делает?

Везу три новых поэмы: С моря. Попытка комнаты, Лестница.

До свидания в половине Октября!

МЦ.

St. Gilles-sur-Vie (Vendée).

Avenue de la Plage

Ker-Edouard

St-Gilles, 27-го сентября 1926 г.

Дорогой Володя,

Простите за всю эту тревогу. Если бы знала, что Вы так каторжно работаете, ни за что не затевала бы. Два слова о ключе и мифологии: если же мифологии на Rue Rouvet нет – она в Праге, больше быть ей негде. Второго ключа не досылаю, потому что 2-го, в субботу, с Божьей помощью, выезжаю сама – я и дети.

Итак, скоро увидимся. Рада буду повидать и угостить Вас в нашем новом (лесном) жилище.[517] Устроим новоселье, на котором будем пить здоровье других планет. То, что человек, хотящий писать свое, должен 13 часов в день выбрасывать написанное другими, – и для чего? чтобы есть, а есть? чтобы жить, то есть 13 часов в день швыряться газетным барахлом – навсегда отвращает меня от нашей.

Негодование – вот что во мне растет с каждым годом – днем – часом. Негодование. Презрение. Ком обиды, растущий с детства. Несправедливо. Неразумно. Не по-божески. Есть у Блока эта интонация в строчке:

Разве так суждено меж людьми?[518]

Не это (13 часов в день) нам обещали, когда мы рождались. Кто-то не сдержал слова.

Радуюсь – из Сен-Жиля! Последние недели нестерпимо. Нас возненавидели хозяева, и, по их живописаниям, все: мальчишки, девчонки, «барышни», старухи, – только лавочники любят: кормим. Отъезд хозяйка сулит с квартирными агентами, жандармами и мировым (сдача «инвентаря», полученного весьма несовершенным и требуемого с нас безупречным). Боюсь, придется покупать шкафы и кровати: там лак сошел, тут фанера... Был бы Сережа – все бы сошло, но женщина одна – еще две сотни лет пройдут, прежде чем власть имущие перестанут злоупотреблять этим единоличием. (Подсознательно: я ударю, ты сдачи не дашь, итак...)

Очень подружилась здесь с детьми Андреевыми: Верой и Валентином, особенно – Верой.[519] Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великанёнок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, при уме, я никогда не встречала и не встречу. От Психеи – ничего, Ева до Адама – чудесная.

Не знаю, никогда не знаю, что чувствует другой, но от нее на меня – мне казалось – шли большие теплые волны дружественности, неизвестно почему и за что. Жара, песок, волна. Вера – так и останется.

Вера ПОЛНОЕ ОБРАТНОЕ Вадиму и такое же полное, хотя в другую сторону – Савве. (Его не полюбила.)

В Вадиме ничего от природы: одна голова, в Вере ничего от головы: одно (блаженное) дыхание.

Странно, что у мозгового сплошь – Л. Андреева – такие дети (Валентин и Вера). Любовь к природе отца и сына (Вадим) – страх перед собственным мозгом, бегство его. Бессознательное свето-, водо- и т. д. лечение. Этим детям лечиться не от чего. Любопытная семья.

Уже уложила огромный сундук с книгами и камнями (тихая скорость). Вчера было последнее купанье. А нынче – покупанье ведра, мисок, тарелок, чашек, полоскательниц, ложек, всего – битого и якобы битого. Остается после нас целый склад дерева: бочек, досок, палок, коры, принесенных с моря. Есть даже одно (огромное) сабо. Все это, чтобы не оставлять хозяевам, дарим одной 28-летней – веселейшей! – матери ПЯТИ детей. Муж (англичанин, посему ненавидимый) зарабатывает 14 франков в день.

Планета, планета.

Итак, до скорой встречи, милый Володя. Пожелайте нам мысленно удачной дороги, а главное – благополучного выхода из калитки нашего Ker-Edouard'a.[520] Доде

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сердечный привет.

МЦ.

Приписка на полях:

Везем полсундука Алиных (Ваших!) кинематографических журналов. Тихой скоростью.

Молодец, что достали и осилили Урлевана!.[521] (тбк у нас зовется). Везем с собой роман второй сестры, которым зачитывались наши бабушки и матери: Jane Eyre (Джен Эйр). Книга когда-то гремевшая. Прочтете – сравните. Герои почти те же. Есть еще третий роман (третьей). Достанем и его!

Узнаете бумагу? Пишу Вашим пером. Клею я все полгода спасалась.

Медон, 12-го bis июля 1927 г., среда

Милый Володя,

Окончательно ли Вы решили снимать Мура?[522] Если да, будем ждать Вас или Адю в воскресенье с утра (Мур ложится в 12 ч., хорошо бы снять его не позже одиннадцати). Имейте в виду, что Мур в тот день не пойдет гулять, ожидая Вашего или Адиноного приезда, кроме того будет ждать вокзала, вагона, «птички» и прочих радостей, так что – по возможности – не разочаруйте.

Обещаю Вам за Ваши заботы и хлопоты в течение двух недель переписать Вам от руки какую-нибудь свою вещь – не меньше 200 строк. Вы кажется рукописи любите и храните. Обещаю Вам еще, что обещание исполню.[523]

Как Вы думаете – если Мура снять голым, во весь рост? По-моему, хорошо. И еще – одно лицо. Хорошо бы еще и с Алей. (Видите, вхожу во вкус!)

Ответьте, пожалуйста, насчет воскресенья. Нужно ли считаться с погодой?

Итак, жду. Привет всему женскому населению усадьбы, какие вы счастливые: сад!

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Приписка на полях:

– Поездов утром много, но лучше быть у нас около 9–9 1/2 ч., – долгие сборы!

Не забудьте упомянуть и час.

Между 18-м и 22-м июля 1927 г.

Милый Володя,

Итак, ждем Вас – Мур, Аля и я, – в воскресенье, 24-го, к 1 ч., лучше не позже. Мур уже будет готов, сразу пойдем на вокзал, который от вас (говорю об электрическом) четыре минуты.

До свидания и спасибо!

МЦ.

Тогда же сговоримся о чтении Ольге Елисеевне, Вам, Аде – и Наташе и Оле, если хотят, моей новой вещи – Поэмы Воздуха. Лучше даже, если заранее сговоримся на два подходящих вечера на следующей неделе, чтобы я сразу могла назначить.

P. S. Могу только после 8 ч.

Meudon (S. et O.),

2 Avenue Jeanne d'Arc

31-го июля 1927 г.

Милый Володя,

Спасибо за фотографии. Показываю их всем в постепенности удачи, от привидения, вернее астрального (стоячего) тела Мура до Мура с Алей. Давайте, пока, так: трех лучших по три (Мура с Алей, Мура со сложенными руками и расставленными ногами и Мура-головку), остальные – просто для меня – по две, астральное тело – чтобы не обижать! – одно. Увидев после ретуши, какая из трех лучших – лучшая, будем печатать для раздачи. NB! Я думаю, что если головку проработать: выявить глаза, слегка очертить овал, получится прелестный снимок – «по поводу». Таким мне Мур будет помниться – через 20 лет. Сквозь память. – Да! Нельзя ли немножко украсить, т. е. восстановить, Алю, слишком похожую на Александра III (снимок с Муром). Немножко просветлить лицо, – впрочем, Вам видней. Эта Мурина карточка тоже очень мила, вообще все три удачные – очень милы, и Вы вполне «заслужили» – беру в кавычки, ибо заслужили бы, доброй волей, и в том случае, если бы от А до Z – сплошной астрал – итак, вполне «заслужили» «награду». Получите ее неожиданно, предоставьте выбор мне, не прогадаете.

До свидания, сердечный привет всем благорасположенным и еще раз – еще много-много раз! – спасибо.

МЦ.

Ади и Али – тоже две!

14-го августа 1927 г.

Meudon (S. et O.),

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2 Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Володя,

Я все еще не поблагодарила Вас за Мурину фотографию, очень хорошую. Если остальные будут такие же – чудно. (Особенно интересно, как выйдет большая головка.)

О чтении: у нас в ближайшие дни нельзя, п. ч. негде: в моей комнате живет Сережин приятель, вот уже 10 дней тщетно ищущий работы, а у Сережи постоянно народ. Дети же спят. Будем ждать приятельского отъезда, тогда – милости просим.

Сердечный привет Вам и Вашим. О «мзде» не забыла.

МЦ.

Приписка на полях:

Напишите, сколько я Вам, пока, должна? На днях надеюсь получить немножко денег. Слоним не отвечает на 6-ое письмо.

6 сентября 1927 г.

ВТОРНИК

Meudon (S. et O.),

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Володя,

Мур болен. Диагноз между корью и краснухой, – во всяком случае сильный жар и сыпь. [524] Не выяснится раньше конца недели. Поэтому так сильно задержала «гонорар», о котором думаю и помню.

В воскресенье самое позднее у меня будет верная оказия в Москву, не могли бы Вы к тому времени приготовить двух Муров с Алей и 2 больших головки (у Али хорошо бы чуть-чуть – сбоку – сузить нос, – думаю, очертя ноздрю. NB!. «Очертя голову»).

Буду ждать Вас в воскресенье вечером, можно к 7 ч., чтобы еще застали Мура, который, надеюсь, забыл ваш балахон и ящик пыток. (Придется брить, хорошо, что сняли!)

Приходите лучше один, помногу к нему нельзя, особенно пока жар. Будет лучше – позову и Ольгу Елисеевну и Адю. Целую их и жму руку Вам.

М.

P. S. Весть о Савве сногшибательна и в порядке вещей. [525] Он играет

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ненаписанного героя своего отца. (NB! Масштаб). – Итак, жду Вас. В воскресенье
же – «гонорар».

15-го сентября 1928 г.

Дорогой Володя, обращаюсь к Вашей протекции: сделайте все возможное и
невозможное: чтобы вытянуть у «Воли России» в лице – да в любом! – гонорар за
моего Красного бычка, 96 строк – 100 франков (для круглости цифры). [526] Сделать
это нужно срочно, ибо 25-го мы должны уехать, а нынче 15-ое.

Если Сухомлин в городе, лучше обращайтесь к нему, мы с ним расстались друзьями,
– новыми друзьями, я ему Бычка читала, бычок вроде как его крестник, так и
скажите. КРЕСТНИКУ (РОГАТОМУ!) НА ЗУБОК.

А 100 франков деньги маленькие, не для нас, а для редакции, ерунда – 100
франков.

Красного бычка выслала давно, месяц или полтора назад.

Отъезд предстоит мрачный. Мы ведь жили с Андреевыми, дикими существами, очень
трудно, спустя, установить количество лома. Уехали они, ничего не возместив, а
писать Анне Ильиничне сейчас, до проверки с хозяйкой вещей, – невозможно.
(Зачеркнуто) (На обороте оказалось начало какого-то письма, простите.)

Поэтому со всех сторон тяну – пытаюсь – авансы и остатки. Сувчинский, например,
сломал стул, нужно покупать новый, а это, здесь, – 100 франков. Вот тебе и
Красный бычок!

Ни о чем не пишу, потому что скоро увидимся. Очень радуюсь встрече со всеми
вами.

Грустную новость об уходе Натальи Матвеевны [527] Вы наверное уже знаете. Жальче
всех – ее.

Милый Володя, умоляю Вас – добудьте мне эти 100 франков, даже если Бычок пойдет
не скоро. Пусть они Вам их дадут, а Вы отправьте, а то наобещают и забудут.
Скажите, что крайне и срочно нужно.

Сердечный привет Вам и всем.

МЦ.

Pontaillac

(Charente Inférieure)

Villa Jacqueline

Meudon, 24-го ноября 1928 г.

Дорогой Володя! Не думайте, что я забыла, что я должна Вам 100 франков – такой долг священен – но по сей день надеялась на 100 франков из «Воли России» за «Бычка», а «Бычка» и в ноябрьском нет – в чем дело? Рукопись сдала – помнится – в июне, – 6 месяцев лёжки – не слишком ли?

Не могли бы Вы узнать у одного из редакторов – в чем дело, хотят ли, нет ли, если хотят – когда (NB! пока не расхотела я!)

Беспокоюсь в данном случае о Вашем гонораре, т. е. своем долге.

Буду очень признательна, если черкнете словечко. – Простите за задержку, сейчас нигде кроме Последних Новостей не печатаюсь, а это – грош: по 20–25 франков в неделю.

МЦ.

3-го января 1929 г.

С Новым Годом, дорогой Володя!

Большая просьба: достаньте мне в «Воле России» моего «Героя труда» (о Брюсове), в каких №№ не знаю, но знаю, что в 1924 г. – в двух номерах. Еще: «Твоя смерть» (о Рильке) – кажется в феврале – м. б. в марте – 1927 г. (в одной книге).

Мне эти вещи нужны для вечера – 17-го, в Тургеневском обществе, м. б. придете? [528]

Простят читать прозу, – у меня ничего на руках нет. Если Вам некогда просматривать каталог – дайте Гронскому. [529] Ему же сообщите ответ и, по возможности, дайте книги, мне они нужны срочно, устроители торопят для объявлений.

Всего лучшего, простите за беспокойство.

МЦ.

– Как мой Бычок? Корректуры не было. Сережа говорил про какую-то ЦИКОЛОДКУ – конечно: щ!

Медон, 20-го августа 1929 г.

Милый Володя!

Что сие означает?? Ведь Гончаровой еще 2 печатных листа, а в последнем № «Воли России» никакого «продолжение следует». [530] Куды ж Вы (вы) с ними теперь денетесь?? Или – трюк, чтобы не раздраживать честного эсеровского читателя? Как бы то ни было – остаток рукописи получите на днях. Я бы советовала целиком в следующую книжку, чтобы не размазывать на 4 № (уже в двух!), но мое дело – написать...

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Слонима уже известила, дивлюсь на него: отлично знал, что около 5-ти листов.
Напечатано же меньше трех.

Почему мне не дают корректуры? Последнего № еще не просматривала, но в
предыдущем зверские опечатки. Очень прошу корректуры хотя бы конца.

Да! Не знаете ли Вы адреса Резини?[531] Если знаете, напишите на записочке,
устно Сергей Яковлевич забудет.

Мур болен, а то бы пришли с ним в Кламар.

До свидания! Привет Вашим.

МЦ.

Приписка на полях:

Рукопись сдам на самых днях.

17-го сентября 1929 г.

Милый Володя! Умоляю о корректуре (всего данного, досылаю листки) – чтобы хоть
кончить прилично.

Не задержу.

Много поправок, да и печать кое-где слаба, – очень прошу Вас!

У меня, например, ПАРУСков, а напечатают ПАРУСОВ и т. д. и чем далее – тем хуже.

Не задержу.

Привет вашим.

МЦ.

Приписка на полях:

У меня в конце более чем где-либо игра на знаках, а игра – вещь серьезная.

Кор-рек-тұ-ұ-ұрұ!

29-го марта 1930 г.

Милый Володя, как видите – устраиваю вечер и, увы, очень скоро, т. е. очень
спешу с билетами.[532] Сделайте их, по дружбе, в возможно скорый срок и по
образцу – прелестных! – прошлогодних.[533] М. б. в виду большего текста придется
увеличить формат, – Вам виднее. Не удивляйтесь, что помечен Вадим, еще не успела

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
запросить, но уверена, что не откажет, нынче пишу ему. Сообщите мне, пожалуйста,
адрес Поплавского, – еще тоже не оповещен, но тоже уверена. Мне нужно поработать
на Серезино лечение. [534]

Очень благодарна буду за возможно скорое выполнение билетной просьбы, – дней так
мало, а выбора нет – мой главный козырь Тэффи уезжает в начале мая.

Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

P. S. Если не трудно отошлите прилагаемое письмо Поплавскому, – не знаю адреса.

Милый Володя! Мне до зарезу нужно 3 экземпляра № Воли России с «Твоя смерть»
(проза о Рильке) – по-моему февраль или март 1927 г. Для французского и
немецкого перевода. Непременно три. За один готова заплатить.

Медон, 23-го апреля 1930 г.

Милый Володя!

А Вы сможете быть у меня на вечере распорядителем? А то у меня только одно лицо
мужского рода, – маловато. Об этом же прошу и Варшавского: [535] надпишите
пожалуйста закрыточку, не знаю адреса.

Думаю (между нами) что вечер будет постыдноватый: одновременно бал в пользу
Приречья и еще что-то.

– А у меня на вечере новый номер, которого не угадать! Сама удивлена выше слов.
–

Насчет распорядительства ответьте. (Хотя – может быть – и рассказывать будет
некого! Разве что-участников!)

Написали ли заметочку? [536]

Сердечный привет всем.

МЦ.

24-го или 31-го октября 1930 г.

Пятница

Дорогой Володя!

Большая просьба: отпечатайте мне несколько (если возможно – ...) оттисков
Страница 147

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Маяковского, очень нужно, – в первую голову для Пастернака и близких. Есть
возможность переслать.

Вторая большая: очень внимательно проверьте, это не простые стихи, и достаточно
меня будут ругать по существу, чтобы я еще отвечала за опечатки.

Выписываю отдельно.

(Оцените: вместо:

Будь, младенец – Володимир!

Будь, младенцем Володимир!)

Да! чудо! С фохта[537] деньги взыскала, но ка-ак! При встрече изображу в лицах.

Сердечный привет Вам и вашим.

МЦ.

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

15-го июня 1938 г., среда

Дорогой Володя,

Обращаюсь к Вам со странной – и срочной – просьбой. Я сейчас (впрочем, уж целую
зиму!) ставлю памятник на Монпарнасском кладбище родителям и брату Сергея
Яковлевича.[538] Теперь нужна надпись – и в последнюю минуту оказалось, что
лицо, купившее место, подписалось на французский лад Efffront, и это Efffront – во
всех последующих бумагах пошло и утвердилось – и теперь директор кладбища не
разрешает – на плите – Efron, а требует прежней: по мне безобразной, ибо все
члены семьи: с тех пор как я в нее вступила, подписывались – и продолжают –
Efron.

Тогда я подумала – о русской надписи. Администрация кладбища согласна, но просит
нарисованного текста, так как рабочий – француз.

Для русского бы я нарисовать буквы сумела, но для француза – не решаюсь. Хотела
было вырезать из Последних Новостей – по букве – но там шрифты (и величина букв)
разные и часто – «fantaisie».[539] кроме того, не знаю – и нет времени поехать
удостоверить (у меня скоро переезд[540] – и уже кошмар) – все ли буквы текста
одной величины, или есть – заглавные, например

Яков – или ЯКОВ.

– м. б. Вы знаете? На Монпарнасе русских могил – немного, кроме того я – с моей
ориентировкой – я, залезши, просто никогда оттуда не вылезу, сама – похоронюсь:
самопохоронюсь.

Но просьба еще не в том, а: нарисовать мне от руки прилагаемый текст и послать мне его, а я пошлю – им. И – гора будет с плеч.

Только – постарайтесь узнать у знакомых (должна знать Людмила Николаевна Замятина, [541] но не знаю ее адреса) – все ли буквы одной величины? Это – важно. У меня никакой зрительной памяти – одни сомнения. Впрочем, Вы м. б. – сами знаете, и все знают – кроме меня??

Вот текст. (Буква – 4 франка 50, поэтому – без отчеств).

Только умоляю – если можно – поскорее и предварительно выяснив соотношение букв.

Здесь покоятся Яков Эфрон

Елизавета Эфрон-Дурново сын их Константин

Приписки на полях:

NB! Володя! Непременно по старой орфографии, ибо 1) умерли они в 1910 г., 2) памятник ставлю – я.

Простите за такое мрачное поручение, но это были чудные люди (все трое!) и этого скромного памятника (с 1910 г.!) заслужили. Сердечный привет Вам и Вашим. Будьте все здоровы и благополучны!

МЦ.

РЕЗНИКОВУ Д. Г.

St. Gilles-sur-Vie, 25-го мая 1926 г.

Милый Дода,

Я не так самонадеянна, и, если бы Вы даже сказали всё (место), первая протянула бы: – ли? (все – ли?) Нет, столько не надо, когда все – это беда. Подумайте, Ваше место – занято. Вы без местопребывания. Вы вытеснены, Вас нет – что Вам, что мне от Вас остается? (Что мне-знаю: ответственность!)

Любить другую и дружить со мной, – это я сама выбрала (La part du lion.) [542] любовь – la part du tigre. [543]

Очень рада была бы, если бы Вы летом приехали. (Кстати, где будете?) У нас целая бочка вина – поила бы Вас – вино молодое, не тяжёло дружбы со мной. Сардинки в сетях, а не в коробках. Позже будет виноград. Чем еще Вас завлечь? Читала бы Вам стихи.

Что пишу? Две вещи сразу. [544] Вторую почти кончила, впечатление: чего-то драгоценного – но осколки. (Дода, это чудно! Вы пишете «Поэма Молчанья», а я прочла «Мычанья». [545] Помните, как он мычит? Мычал, п. ч. – увы – уже в прошлом: написала одно письмо и, пиша, чувствовала: из последних жил!) Нет,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дода, не он герой! (Вы не верите в поэмы без героев? Впрочем, сама не верю...
Впрочем, сама виновата...)

Рада, что хорошо встретились с моей поэмой Горы. (Герой поэмы, [546] утверждаю, гора.) Кстати знаете ли Вы, что мой герой Поэмы конца женится, наверное уже женился. Подарила невесте свадебное платье (сама передала его ей тогда с рук на руки, – не платье! – героя), достала ему carte d'identite [547] или вроде, – без иронии, нежно, издалика. – «Любите ее?» – «Нет, я Вас люблю». – «Но на мне нельзя жениться». – «Нельзя». – «А жениться непременно нужно». – «Да, пустая комната... И я так легко опускаюсь». – «Тянетесь к ней?» – «Нет! Наоборот: даже отталкиваюсь». – «Вы с ума сошли!»

Ужинали вместе в трактирчике «Les deux freres». [548] Напускная решительность скоро слетела. Неожиданно (для себя) взял за руку, потянул к губам. Я: «не здесь!» Он: «где – тогда? Ведь я женюсь». Я: «Там, где рук не будет». Потом бродили по нашему каналу, я завела его на горбатый мост, стояли, плечо в плечо – вода текла – медленнее чем жизнь.

Дода, ведь это стуйт любви? И почему это «дружба», а не любовь? Потому что женится? Дружба, я просто больше люблю это слово. Оттого – «дружу».

Здесь два мира: море и суша, именно суша: ни деревца. Море я и не пытаюсь любить, чтобы любить море, чтобы быть вправе его любить, нужно быть или рыбаком или моряком. Поэт – здесь – несостоятельность.

Море, эту отдаленность чувствуя, подлизывается ко мне всеми своими волнами.

До свидания, Дода. Пишите мне хотя бы изредка. – Жаль, что не Вы о «Поэме Горы». [549] Но друзей рознить – не должно. В четверг будем встречать Сергея Яковлевича, которого вы все что-то уж слишком долго провожаете. (Один праздничный обед уже пропал, пришлось, с болью сердца, съесть.)

Наши места – места Жилия де Ретца. [550]

МЦ.

27-го декабря 1926 г., понедельник.

В случае с В., на который не сразу ответила.

Я не верю, что, зная меня, можно любить другую. Если любит, значит не знает, значит не знала (не могла бы любить).

Короче: человек могущий любить меня, не может любить другую. И – еще более – обратно. Исключительность ведь не только в исключении других, но и в исключенности из других. Меня в других нет.

Можно любить до меня, и после меня, нельзя любить одновременно меня и, ни даже дружить, еще менее – дружить. Этого никогда не было. Доказательство моей правоты – меня МАЛО любили.

Тем, что Х не перестает любить свою жену, он мне явно доказывает, что я бы не могла его любить. Предвосхищение достоверности.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Трагическая любовь (я люблю, он нет) – либо незнание меня, либо незнание мое. (Знал бы – любил бы, знала бы – не любила бы.) То есть недоразумение. Недоразумение тоже может быть трагичным.

Другой ее вид (он любит, я нет) также не для меня. Ибо если он любит (не возле, не около, меня в упор, именно меня, здесь обману нет) – я конечно его люблю – кто бы он ни был, каков бы он ни был, то есть: и кто и каков уже определяются этой любовью. Любовь ко мне есть любовь к целому ряду явлений и сама по себе–явление.

Всех не любящих меня (ВСЕГО в одном) я сижу и миную. А если не миную (губы, руки) то все-таки сужу и, уверяю Вас! – не себя (за слабость) какая слабость? Еще одна проба силы – сил.

Вас вчера не было, а я была. Жаль. Хотя бы потому не прекращайте, что почти единственная возможность видеться. Дома у меня по-настоящему нет, есть, но меня в нем нет.

– Как хорошо Вы тогда сказали про Слонима: кукушка. Где кукушка – там и сказка, там и песня, и я в своей долгой дружбе – права. С негодяем дружить нельзя, с кукушкой – можно. Любить даже.

А из сплетен о Вас – волшебное плетиво: не у проститутки, а у сороки-воровки (пух, мех, золото, гнездо), – на содержании у сороки-воровки...

Хотите, 30-го, в предпоследний день старого года? Приезжайте к 6 ч. (можно и к 5 1/2 ч.), пораньше поужинаем, поедем в Ваш монпарнасский[551] (Узнайте программу!) Деньги есть, не заботьтесь.

30-е, по-моему, четверг. Во всяком случае – 30-го. Проводим, начерно, год. Не запаздывайте!

До свиданья. Тот ветер еще дует.

МЦ.

АНДРОНИКОВОЙ-ГАЛЬПЕРН С. Н
St. Gilles, 15-го июля 1926 г., четверг

Дорогая Саломея,

Вчера на берегу я писала Вам мысленное письмо, стройное, складное, как всё, непрерыванное пером. Вот отрывки:

Умиляюсь и удивляюсь Вашему нетерпению.[552] Мне, с моей установкой на Царство Небесное (там – потом когда-нибудь –) оно дико и мило. Торопить венец (здесь) – торопить конец. (Чту любовь – чту елка!) Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстаюсь с ним в себе, усваиваю, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, – в всюду и в нигде. Я совсем не умею вместе, ни разу не удавалось. Умела бы – если бы можно было нигде не жить, все время ехать, просто – не жить. Мне, Саломея, мешают люди, № домов, часы, показывающие 10 или 12 (иногда они сходят с ума – тогда хорошо), мне мешает

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
собственная дикая ограниченность, с которой сталкиваюсь – нет, наново знакомлюсь – когда начинаю (пытаться) жить. Когда я без человека, он во мне целей – и цельней. Жизненные и житейские подробности, вся жизненная дробь (жить – дробить) мне в любви непереносна, мне стыдно за нее, точно я позвала человека в неубранную комнату, которую он считает моей. Знаете, где и как хорошо? В новых местах, на молу, на мосту, ближе к нигде, в часы, граничащие с никоторым. (Есть такие.)

Я не выношу любовного напряжения, у меня – чудовищного, этого чистейшего превращения в собственное ухо, наставленное на другого: хорошо ли ему со мной? Со мной уже перестает звучать и значить, одно – ли ему?

Бывают взрывы и срывы. Тогда я очень несчастна, не знаю чего могу, всякого «вместе» мало: умереть! Поймите меня: вся моя жизнь – отрицание ее, собственная из нее изъятость. Я в ней отсутствую. Любить – усиленно присутствовать, до крайности воплощаться здесь. Каково мне, с этим неверием, с этим презрением к здесь? Поэтому одно желание: довести войну до позорного конца – и возможно скорее. Сплошной Брестский мир.

(Имейте в виду, что все это я говорю сейчас, никого не любя, давно никого не любив, не ждав, в полном холоде силы и воли. Знаю и другую песенку, ВСЮ другую!)

Почему я не в Лондоне? Вам было бы много легче, а мне с Вами по-новому хорошо. Мы бы ходили с Вами по каким-нибудь нищим местам – моим любимым: чем хуже, тем лучше, стояли бы на мостах.. (Места – мосты –) И почему не Вы на днях здесь будете, а Мирский. Приезжайте ко мне из Парижа! Ведь это недолго! Приезжайте хотя бы на день, на долгую ночную прогулку – у океана, которого не любите ни Вы, ни я – или можно на дюнах, если не боитесь колючек. Привлечь, кроме себя, мне Вас здесь нечем.

О Вас. Думаю – не срывайтесь с места. Достойнее. Только с очень большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он слаб. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви – не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу умеряться, быть не собой, блестяще побеждает.

А еще, Саломея, – и может быть самое грустное:

«Es ist mir schon einma] geschehn!»

– oft geschehn![553]

Из Чехии пока ни звука. Сегодня, 15-го, день полочки. За меня хлопчет целый ряд людей.[554] Написала и эсерам[555] (выходит, что не люди!) Словом, сделала все, что могла. Если бы Вы знали, какие литераторы в Праге получают и будут получать стипендию! Мне пишут, чехи обиделись, что я прославляла Германию, а не Чехию. Теперь уж никогда не «прославлю» Чехию – из неловкости. Неловко воспевать того, кто тебя содержит. Легче – того, кто тебя обокрал.

Пустилась как в плаванье в большую поэму.[556] Неожиданность островов и подводных течений. Есть и рифы. Но есть и маяки. (Все это не метафора, а точная передача.) Кроме поэмы – жизнь дня, с главным событием – купаньем, почти насильственным, потому что от разыгрывающегося воображения сразу задыхаюсь. О будущем ничего не знаю, три возможности: либо чехи ничего больше не дадут – никогда, тогда в Чехию не поеду, и куда поеду – не знаю, либо чехи велят сразу возвращаться – тогда сразу поеду, либо согласятся содержать заочно до Октября –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
поеду в Октябре. О заочном бессрочном мечтать нечего. Как надоели деньги! Кто у
меня из предков так разорился, чтобы мне так считать?!

Версты вышли, по-моему – чудесная книга. У нас очень жарко, все жалуются, а я
радуюсь. Целую Вас. Вам уже не три недели, а две.

МЦ.

Приписки на полях:

Читайте стихи.

– Все же промчится скорей песней обманутый день...

(Овидий).

Сергей Яковлевич успокоился: получил повестку из префектуры; по ней пошли, и
пока все благополучно.[557]

St. Gilles, 12-го августа 1926 г.

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы?

У нас съезд: был Святополк-Мирский, сейчас Сувчинские и еще две дамы, одна,
променявшая на Сен-Жиль – Ниццу, другая, бросившая ради нас (песок включая)
четверых детей. Все это с трудом спевается. Часов в сутках все столько же, а
каждому нужен свой.

Я последний раз на океане, всю душу вымотала, лежа, ежедневное обязательное
поглупение на четыре часа. Сувчинский сочувствует, хотя здесь всего третий день.

Получила Jeune femme,[558] спасибо, хорошая книга, книга равная доброму делу.
Многим бы следовало ее прочесть. Разоблачение оболъщения.

Кончила последнюю поэму за это лето (Лестницу). Сейчас дорабатываю большую
драматическую вещь – Тезея – написанного два года назад, хочу сдать в
Современные Записки, чтобы не совсем разгрызться. Сдала в Волю России конец
цикла Деревья (начало в последнем №).[559] С грустью вижу, что у меня пропадает
очередная книга стихов (так уже пропали две до Ремесла). Все стихи с 1922 г. по
сей, т. е. все стихи, написанные за границей. Многие из них печатались по
журналам, но это не то. Книга – этап.

С радостью услышу о Вас, думаю, что Вы уже уехали. Когда будете в Париже? Я – не
знаю. С Чехией пока ничего не выяснено. Последнее письмо печальное: Вас чехи
считают отрезанным ломтем. Достоверно отрезанным, раз сами отхватили!

До свидания, пишите, целую Вас.

МЦ.

Когда Сувчинская зашла в фотографию за карточками, барышня, радостно:

– Ah je sais ce que vous voulez dire: avec le Charlot! [560] (NB! Мирский никогда не видал Чаплина!)

Bellevue, 7-го Октября 1926 г.

Дорогая Саломея,

Недавно приехала и очень хочу Вас повидать. В город (неустройство – или устройство – кухня – Мур и т. д.) мне выбраться трудно, потому жду Вас к себе.

Наш адрес:

Bellevue

31, Boulevard Verd (большой дом, даже несколько, в саду. Железная решетка. Башенка).

Маршрут: Монпарнасский вокзал, станция Bellevue. До нас три минуты (Вашего) хода. Естественного – пять.

К нам лучше к 6-ти, когда время (вспомните Мандельштама и Мирского!) частью отшумело. [561]

До свидания. Целую Вас. Сердечный привет от Сергея Яковлевича.

МЦ.

18-го декабря 1926 г.

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

Дорогая Саломея,

Большая просьба о декабрьском иждивении. (Получала дважды: сразу за сентябрь и октябрь и, отдельно, за ноябрь.) Приходят наложным платежом наши вещи из Чехии – вагон с неведомым! – каждый день могут придти, а платить нечем.

Если можно, перешлите по почте или еще как-нибудь, ближайшие мои вечера заняты людьми, приехавшими из Чехии, и Мирским (приезжает завтра). Кроме того, горячка с Верстами, временами отзывающаяся и на мне.

До свидания! Не отождествляйте меня с моим иждивением, иначе Вам станет нудно. Целую Вас

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Приписка на полях:

М. б. как-нибудь встретимся совместно с Дмитрием Петровичем?[562]

Тогда черкните, в понедельник я занята.

8-го февраля 1927 г.

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

Дорогая Саломея!

Мольба об иждивении. В этом месяце – туго, потому что не напечатала ни одной строки. Если можно, вышлите: под угрозой газа и электричества.

Тщетно ждала Вашего письма и приезда – помните, хотели? Часто хотела писать сама – причина неприезда та же: нежелание, чтобы Вас т было дома, нежелание, чтобы Вы были дома – с другими. Давайте сговоримся. Что скажете о следующем вторник (15-го)? Хотите – Вы ко мне? Впрочем, как захочется, у Вас свободнее, но у меня увидели бы Мура, которому 1-го исполнилось 2 года («ДЖА» «ГУОДА»).

Целую Вас и люблю.

МЦ.

1927

Дорогая Саломея,

Спасибо за извещение, которым очень огорчена – и за сестру (умершей) и лично. (Я сейчас в большой волне сочувствия – такому.)

Поедем, когда можно будет, надеюсь, не оповестивши Вас, не сдадут. Пока другие квартиры не смотрю. [563]

Да! О вечере. Как Вы думаете – сможет ли вечер у Н. И. Бутковской (студия) дать 2 тысячи? Если да – давайте устроим там. Большой наемный зал, помимо платы, сожрет 1/4 дохода, т. е. в лучшем случае останутся те же 2 тысячи + все неудовольствия.

Не могли ли бы Вы, дорогая Саломея, позвонить Н. И. Бутковской? Вечер, думаю, хорошо бы в конце марта.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

С Союзом молодых, по сведениям, выйти не может, – они в руках у враждебной (СТАРШЕЙ) группы. [564]

Если найдете нужным, – т. е. не заведомо-безнадежным – еще и от себя напишу Н. И. Бутковской лично, – но лучше после Вашего телефона.

Да! чтобы покончить с делами: милая Саломея, напомните Александру Яковлевичу, [565] чтобы непременно узнал фамилию и, по возможности, адрес той Поляковой, [566] что замужем за французом и живет, если не ошибаюсь, в Boulevard (м. б. Champs Elysees? – во всяком случае не на Vilette!)

Две новости: одна о Мирском (смешная), другая – о другом, обе устные.

Черкните словечко. Целую Вас.

МЦ.

Bellevue, кажется 25-го наверное февраля, пятница.

1927

2-го марта 1927 г., среда.

Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

Дорогая Саломея,

Вчера внезапно заболела Аля: горло до задохновения, сильный жар, кашель, всю ночь не спала, – сегодня лучше, но бронхит настоящий, до воскресенья продержу ее в постели. Присутствия, естественно, вдвое (ЦЕЛЫЙ Мур!)

Итак, хотите в воскресенье? Если заняты – в понедельник (тогда – отзовитесь). Приеду вечером, как всегда, – м. б. пойдём на какой-нибудь хороший фильм?

Пожалуюсь на Святополк-Мирского.

Да! с Virof'ly [567] (я?) м. б. – к лучшему: 1) Теснота 2) Даль 3) Перспектива осеннего переезда и перетбска.

Нам предлагают квартиру около Медонского электрического вокзала – 3 комнаты, ванна, крохотная кухня, свое центральное отопление – 330 франков в месяц. Без сада, но около парка. Если сумеем – возьмем.

Мебель какой-то магазин дает в рассрочку, если на 1000 франков – 300 сразу – и по 60 франков в месяц. По-моему, более или менее, т. е. в случае вечера («хоть самого худенького») – доступно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В прошлом году вечер был затеей – и удался, в нынешнем – зарез – и – посмотрим.

Жаль, что Бутковская не отвечает. (М. б. моя «евразийская» слава?)

Да, Саломея дорогая, спасибо за адрес Поляковой, но – увы – Раиса, Зинаида или Ксения? Нельзя ли это – каким-нибудь чудом?

Кончила свой ответ на смерть Рильке (проза).

Но все остальные новости – устно. Итак, молчание будет означать воскресенье. Понедельник будет ждать ответа.

МЦ.

Bellevue, 6-го марта 1927 г., воскресенье.

Дорогая Саломея,

Будем у Вас с Сергеем Яковлевичем во вторник (вечером) – если разрешите. Договоримся о вечере. М. б. принесу с собой прозу о Рильке. Хотелось бы, чтобы послушал и Борис Федорович, [568] у меня мечта ... или перевестись на французский для какого-нибудь журнала – о мечте пока не сообщайте, посмотрю как понравится.

До свидания!

МЦ.

P. S. Квартира снята.

22-го марта 1927 г.

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

Дорогая Саломея, забыла вчера две важных вещи:

1) Надо мной висит зуб, то есть необходимость вставить. Помните, Вы говорили о зубном враче, могущем начать без залога и ждать несколько времени. Если все это так – вот моя просьба: позвоните ему и попросите назначить возможно скорее, и, по назначению, сообщите мне вместе с адресом и какими-нибудь топографическими данными. Поеду, видно, одна, Сергей Яковлевич болен надолго.

Да! и предупредите его, пожалуйста, что уплачу после вечера, в середине апреля. Чтобы мне уже придти на готовое (NB! его огорчение).

Второе.

Помните, Вы говорили, что у Вас есть шкаф и, кажется, столик. Если это мне не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
помнилось, можно ли их будет взять, то есть когда, в какие часы кто-нибудь дома
и бывает ли дом безлюден? Дело в том, что, кажется, из збгорода ездят такие
messagers, [569] за поручениями, сравнительно доступные. Нужно знать, когда можно
ему назначить.

Милая Саломея, хотите разгадку – полу-трагедии. Вашей и моей? Вас всегда будут
любить слабые, по естественному закону тяготения сильных – к слабым и слабым – к
сильным. Последнее *potre cas*, [570] в нас ищут и будут искать опоры. Сила – к
силе – редчайшее чудо, на него рассчитывать нельзя.

Слабость, то есть: ЧУТЬЕ, многообразие, созерцательность и – невозможность
действия. Слабость как условность, конечно, слабость – как, может быть, сила в
других мирах, но в этом, любимом Вами и нелюбимом мною, конечно – слабость:
неумение (нехотение?) жить. В нас любят ЖИЗНЬ. Даже во мне.

А полу-трагедия – потому что любовь – мно-ого! – полжизни, о, гораздо,
неизмеримо меньше.

Целую Вас и очень люблю.

МЦ.

Приписка на полях:

Поздравляю Вас с падением Шанхая. Сергей Яковлевич говорит, что это хорошо, п.
ч. наши войска... [571]

26-го марта 1927 г., суббота.

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

Милая Саломея,

Хотите и можете ли – в понедельник? (Совместное нашествие Святополк- Мирского,
Сергея Яковлевича и меня.)

Во вторник Сергей Яковлевич занят, в среду занята я, четверг – канун переезда,
пятница – переезд и первый день.

Остаются понедельник и суббота.

Если в понедельник, две просьбы: 1) известите Мирского, что это моя единственная
возможность скоро повидаться с ним, ибо дома переезд и разгром. 2) известите
Путермана, чтобы был у меня определенно во вторник – звала его либо в
понедельник, либо во вторник – почитать стихи.

Если же в субботу – не извещайте никого ни о чем, только меня, тогда Мирскому
сама напишу.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Большое (содрогающееся!) спасибо за зубного врача и – радостное – за
неодушевленные предметы. Дарю вам в ответ Слонима, которого приведу или направлю
к Вам – как и когда пожелаете – начиная с через-будущей недели.

Итак, жду ответа. Если в понедельник, НЕ ЗАБУДЬТЕ известить Путермана, а то –
приедет – меня нет. С этого начинать нельзя. Целую Вас.

МЦ.

Расскажу про впечатление от Вас – Шестова, его точными словами.

Медон, 2-го апреля 1927 г.

Дорогая Саломея,

Очарованное спасибо за софу, я как раз в ту минуту торговала у хозяйки одр,
пролежанный четырьмя русскими шоферами – de meilleures familles[572] – жившими
en meublй. («Us sont fres gentils, les Russes, mais ils cassent tout».)[573] И
вот – к восторгу моему и ужасу хозяйки (СТРАСТЬ ЖАДНОСТИ) – то серое, мягкое,
непролежанное, непродавленное.

Но – un scrupule[574] – (по-русски непереводаемо) – Сергей Яковлевич опасается,
что увез самовольно, почему, не знаю, есть какие-то поводы. (М. б. я лежу на
краже? Тем слаще спать!)

От переезда еще не очнулась и долго не очнусь. Электричества пока нет, бродим с
лампой. Кажется, все хорошо – или будет хорошо.

Плохо, что уехала с долгами, молочнице и слово залито чернилами. Поэтому очень
буду просить Вас, дорогая Саломея, дать мне уже сейчас из апрельского иждивения,
сколько сможете. Нужно, например, платить вперед за электричество, иначе не
зажгут. И многое в таком же роде. Могу заехать в понедельник вечером, если
нельзя – известите.

Мой новый адрес:

2, Avenue Jeanne d'Arc

Meudon

Целую Вас и еще благодарю.

МЦ.

Шкаф пошел Муру, большой стол Сереже, на маленьком обедаем, на краденой софе
лежу.

Да! чудный номер с и – новыми! [575]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Медон, 2-й день Пасхи 1927 г.

Дорогая Саломея,

Буду просить Вас о II части (пишу как о книге!) иждивения. Вы удивитесь, куда ушли деньги с вечера? На квартирный залог – только сейчас донесенный – зубного врача – и жизнь, к которой еще присоединилась Пасха: обязательность радостей.

Буду у Вас скоро, просила Путермана сговориться с Вами, когда мне придти. Занесу ему к Вам первую часть рукописи. [576] Не сердитесь, что не запросив Вас, сговариваюсь с Путерманом о встрече у Вас, звала его к себе – занят – а дорог в Париже кроме как к Вам я не знаю. (Встреча с ним у Вас – идет от него, это я для пущей ясности.)

Итак, надеюсь видеть Вас еще на этой неделе. Четверг, о котором писала Путерману. что занят – освободила. Занято, пока, только следующее воскресенье. Если уже сговорились с Путерманом, не отвечайте, он известит.

Целую Вас и кончаю тем, с чего начать должно бы:

Христос Воскресе!

МЦ.

12-го мая 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Совсем кончила книгу. Давайте повидаемся! Когда? Занята только во вторник (нынче четверг). В воскресенье или понедельник? Ответьте. Целую Вас.

МЦ.

Июнь 1927

Дорогая Саломея,

Почему не были на евразийском обеде? Было чудно. Ждали Вас чуть ли не целый час.

Очень хочу Вас повидать, напишите когда. Целую Вас.

МЦ.

Четверг.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Кончила новую вещь – Поэму Воздуха[577] – которая никому не нравится – et pour cause[578] (NB! воздуха!)

8-го августа 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Помогите мне достать визу для моей сестры Аси (Анастасии Ивановны Трухачевой) едущей сюда на 7 дней, на обратном пути, в Россию – из Сорренто, куда ее, по доброте сердца, выписал Горький, с которым она знакома только по письмам.[579] Ася – член московского Союза Писателей и помощник библиотекаря Музея Изысканных Искусств в Москве (нашего отца). Причастности к политике никакой.

№ паспорта 129412/26094

Мы не виделись с 1922 г. В Сорренто ехать я не могу. Целую Вас.

МЦ.

P. S. Если можно – не рассказывайте про Горького – не надо – просто: нужна виза.

Приписка на полях:

Ася отпущена на месяц, едет обратно в начале сентября.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Август 1927

Дорогая Саломея,

Буду у Вас в среду, в 4 ч. Можно будет тогда же получить иждивение? Слоним – шестое письмо! – не отвечает и не платит, прихода ниоткуда, я совсем обнищала. Расскажу Вам забавное о –

«Нам каждый гость дарован Богом»...[580]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Спасибо за мысли о визе и шляпе.

Целую Вас.

МЦ.

От Аси последнее письмо из Венеции, сейчас, очевидно, уже в Сорренто.

30-го августа 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Я свинья, целое стадо, м. б. и евангельское. Но – 1) корректура книги 2) судорожная переписка с Асей 3) приготовления к ее приезду 4) приготовления к нашему отъезду – и все очередное, т. е. стирка, варка, жарка, прогулки и – жара, новорожденная, правда, но богатырская.

Ася приезжает 2-го на несколько дней, с тем, чтобы обратно вернуться в Сорренто, и оттуда уже – в Москву, виза есть, получила телеграмму.

Пишу благодарность Парэну. – Как жаль, что Вы Асю не увидите. И как жаль, что она Вас – не. Чуть было сама не попала в Сорренто, – Горький предлагал Асе – но тогда бы Ася не увидела ни Сережи, ни Али, ни Мура, которого не видела никогда. А в Сорренто мирты, Горький в Асином письме прислал листочек, упавший прямо в миртовое деревце Федры, – ЧЕСТНОЕ СЛОВО! в открытую тетрадь.[581] Редкий случай, когда лист падает нб дерево. Целую Вас, сердечный привет Александру Яковлевичу. По приезде Аси напишу еще.

М.

Приписка на полях:

Книга, кажется, выходит хорошая.[582] Вам многое понравится.

15-го сентября 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, так коротко писала и пишу Вам оттого, что болен Мур. Краснуха, первые дни был сильный жар, сейчас меньше, но держится, кроме того, сильный кашель и частая рвота. Лечит русская докторша, очень хорошая, немецкой школы. Поездка, кажется, провалилась. Позже 20-го ехать бессмысленно, а к 20-му Мур вряд ли встанет.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ася у меня уже две недели, на днях едет. Много рассказывает о России, морально хуже, чем было в 1922 г. Сама не изменилась, – впрочем Вы ее не видели и такие отзывы мало говорят.

Горю о новых местах – уклонившихся. Вера Сувчинская зовет изо всех сил, уехала 4-го. Там (St. Palais) сейчас Прокофьев, [583] тоже зовет. Конверт, предусмотрительно заклеенный, вскрыт, деньги тихо и верно текут. Текут и окна – сверху вниз, в комнатах холодней, чем на улице, а на улице ноябрь. Деревья серые.

Дружески завидую Вам от всей души. Немножко обойдусь – расскажу Вам забавную и ПОСРАМИТЕЛЬНУЮ вещь о Святополк- Мирском. Достоверную. Позорную.

Кончаю письмо благодарной просьбой об иждивении – если можно. Сколачиваем на терм (1-го).

Пишите, – когда вспомянусь!

МЦ.

Приписки на полях:

Сердечный привет Александру Яковлевичу – и Ирине, [584] если меня помнит. Але 5/18-го – 14 лет. Скоро я буду бабушкой!!! Cassis [585] – это который пьют?

10-го октября 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, Мур и Аля уже отболели, я, приблизительно, тоже, но дезинфекции еще не было, п. ч. раньше 6-ти недель бессмысленно, а срок им будет в конце месяца. Если не боитесь зараз, приезжайте, – у меня все бывают, и пока (тьфу, тьфу) ни с кем ничего. Не знаю степени Вашей подверженности таким явлениям. Давайте так: если у Вас, лично, была – приезжайте. Дома переоденетесь и вымоете руки (NB! одно платье будет прокаженным). Если нет – не являйтесь ни за что, придется обриться (брилась уже 4 раза, хочу еще два: новая страсть) или облезть.

Письмо Ваше пришло в день моего рождения, вчера 26-го октября/ 9-го октября приятное совпадение.

Саломея! У меня есть 6 книг одного современного французского поэта – и КАКИЕ! С картинками! [586]

Словом, очень хочу Вас видеть и надеюсь одинаково на Ваше безумие и благоразумие. Но, если соберетесь, предупредите, – я уже выхожу (разношу).

Спасибо за иждивение и обещание досылки.

Приписки на полях:

ВЫДУМАЙТЕ МНЕ ГОЛОВНОЙ УБОР, ХОЖУ В ДЕТСКОЙ ФЕСКЕ.

Целую вас (Le baiser du Tйpreux[587]) и жду письма.

МЦ.

Есть 1905 год Пастернака – чудный! [588]

28-го октября 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Ни йоты, ни тени, и дезинфекция и чистка, все в порядке, жажду Вас видеть, спасибо за иждивение, целую, жду письма.

МЦ.

27-го декабря 1927 г., вторник,

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Заминка: чек ошибочно помечен 1925 г. Прилагаю с просьбой оставить у прислуги другой, на два года старше (1927 г.) за ним завтра (в среду) зайдут. Предупредите прислугу, что зайдет господин, который спросит «une lettre pour M. Efrog[589]». У меня огорчение: у Али и Мура не то ангина, не то грипп, во всяком случае жар и кашель (у Али и горло). Оба в постели. Никуда не выхожу. Чек, как тот, что возвращаю, пожалуйста, на имя Сергея Яковлевича.

До свидания. Очень рада буду повидаться, через неделю, надеюсь, дети обойдутся, тогда спишемся, захвачу Федру, которая Вам понравится больше Поэмы Воздуха.

Да! Если все-таки что-нибудь найдется Иринино для Али, приму с радостью, что бы ни было. Все нужно.

Целую вас и поздравляю с 1928-ым.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

9-го января 1928 г.

Дорогая Саломея,

Всячески сочувствую: то же и хуже, – кроме харка, сморка и хорка (у меня) еще короста, честное слово! т. е. вся голова в нарывах, выстрижена в 10-ти местах, несколько дней ходила перебинтованная как солдат, в самочувствии Иова[590] – и резали, и мазали, – все новые и новые, теперь лечусь дрожжами и кажется вылечиваюсь.

Во вторник боевая лекция Алексеева, первое открытое выступление Евразийцев,[591] афишу прилагаю, а в среду доклад Слонима о молодых писателях за рубежом[592] (где он их видел??), пойду исключительно в целях Вашей книги и его посрамления. Давайте так: Вера Сувчинская Вам позвонит и Вы с ней сговоритесь, а она меня известит. Алексеев, к сожалению, уезжает на днях.

До свидания, желаю здоровья, сердечный привет Александру Яковлевичу. Целую Вас.

МЦ.

5-го февраля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, две больших просьбы. Ради Бога – иждивение или хоть часть, в этом месяце Сережа не играл,[593] а я ни строки не напечатала, нечем жить, и каждый день может нагрнуть газ. Опускаю и молочников и булочников. Положение поганое, меня хоть в Советской России и наградили богемским мирозерцанием, но я в отношении задолженности (зависимости) трагически-буржуазна. – Выручайте! – Второе: ПУ-ТЕР-МАН. Чту?! Где?! КАК?! В издательстве домашнего адреса не дают, как узнать? Со всех сторон расспросы о книге – что отвечать? Вообще, что мне с ним делать? Посоветуйте. Уже дважды просили на отзыв. От факта книги (какова бы ни была!) многое зависит, могла бы съездить например почитать в Чехию, мне об этом писали. И – пустые руки. Расскажите ему об этом, если позвонит. Ради Бога, простите за лишние заботы. Целую Вас.

МЦ.

Приписки на полях:

Пишу хорошую вещь.[594]

Саломея! Достаньте и прочтите упоительную книгу советского писателя Вячеслава ШИШКОВА «Бисерная рожа». (Рассказы).

11-го февраля 1928 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, огромное спасибо за двойное спасение. Конечно нам нужно повидаться до Вашего отъезда (завидую!). В ответ на предложение Путермана встретиться у Вас в один из трех последних дней недели (оцените долготу периода!) я назначила ему воскресенье, – он должен был запросить Вас и оповестить меня. Но приезд Александра Яковлевича меняет дело. Давайте так, – со следующей среды когда хотите.

Вчера целый день рассылала челобитные в сопровождении подписных бланков, – вплоть до России! Посмотрим.

Хожу в Вашем в серо-синем осином свитере, Аля не влезла. Но обе юбочки ей как раз.

До свидания, еще раз от всего сердца спасибо за мужски-молниеносную помощь (NB! старинных времен – мужски!) Буду ждать Вашего оклика, а – паче чаяния уедете раньше среды – добрый путь. Сердечный привет Александру Яковлевичу.

МЦ.

25-го февраля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, сгораю от самой черной зависти, но у нас тоже весна, – обскакавшая себя на месяц! Погода трогательна донельзя, уже не сидится, а идти некуда, потому что парк знаю наизусть, а в лесу хулиганы.

Виделась с Путерманом, дела неплохи, есть надежда на выход книги в марте. Огромное спасибо за чудо десяти билетов, мною пока продано три. Остальные (адресаты) молчат. Есть надежда еще на подписчиков в России.

Да! В Печати и Революции огромная статья об «эмигрантских писателях», больше всего о Бунине и обо мне.[595] № у меня есть, приедете покажу. Кое в чем упреки – мне – правильны, но не так направлены. Я бы упрекнула себя лучше. (Говорю о малоумии. – Вы ведь читали отчет?)

Дорогая Саломея, огромная просьба, я бы очень хотела устроить Алю в студию Шухаева, но он берет 200 франков в месяц, а мне и 100 невозможно. Нельзя ли было бы бесплатно, тем более, что она, по обстоятельствам нашей жизни, могла бы ездить только через день, в послеобеденные часы. (У Шухаева от 9 ч. до 4 ч.)

Она очень способна, с осени учится во французской школе рисования, но – безнадежной, как большинство таких школ. Вы настолько знаете меня, что не заподозрите ни в материнском преувеличении данных, ни в материнской же излишней требовательности к школе. Просто – Аля очень способна, а школа «pour dames et demoiselles», [596] ерунда, жалко моего времени, которое на это уходит (с 12 ч. до 6 ч., в эти дни, пасу Мура и ничего своего не делаю).

Подумайте. И если что-нибудь возможно – сделайте. Я знаю двух учеников этой Студии, оба они меньше одарены чем Аля. Но – платежеспособны. И мне обидно. Как лучше – написать ему (Вам) или отложить до Вашего приезда? Вам виднее.

Пишу русскую вещь, начатую еще в России. Хорошая вещь. Замечаю, что весь русский словарь во мне, что источник его – я, т. е. изнутри бьет.

Целую Вас, поправляйтесь, бегство у таких как Вы – победа.

МЦ.

14-го марта 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы? (Où suis-je? Que vois-je?[597]) Если Вы целы и невредимы, зримы и видимы, назначьте мне какой-нибудь день (вечер) в начале следующей недели (начиная с понедельника), захвачу Федру, если захочется почитаем, можно ведь не всё.

Сейчас читаю Пруста, с первой книги, (Swann), [598] читаю легко, как себя и все думаю: у него всё есть, чего у него нет??

Итак, жду оклика, а пока целую Вас.

МЦ.

P. S. Хорошо бы по поводу Федры вытянуть моего дорогого издателя и совместно – бархатными лапами – на него напасть. [599]

10-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Почему мы с Вами так долго не видимся? Теряюсь в догадках. Может быть Вы обиделись на мое внезапное исчезновение из поля Вашего зрения на Евразийцах? Дело было не во мне, Сергей Яковлевич внезапно меня увел, – ему нужно было исчезнуть незаметно и безвозвратно. Я не успела опомниться, как уже оказалась на улице.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Можно попросить Вас об очередном иждивении? Когда увидимся? Хочу прочесть Вам Красного бычка.

(замогильным, нет – заупокойным голосом:) – Что Путерман??

Целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

27-го мая 1928 г.

Дорогая Саломея,

Разлетелась к Вам и..Madame est partie[600] Почему не окликнули? Праздный вопрос и еще более праздный укор.

Милая Саломея, быка за рога, посылаю Вам 10 билетов на мой вечер 17-го июня с докладом обо мне (достаточно странно?) – угадайте кого? – похитителя Фернандэза:[601] Слонима. Слоним будет читать, а я буду молчать, потом я буду читать, а Слоним молчать (ему труднее, чем мне!)

Постарайтесь распространить в Лондоне, докажите пострадавшим, что они, в конце концов, в выигрыше: билет есть, а идти не только не надо: НЕВОЗМОЖНО.

За билет берите сколько заблагорассудится, – т. е. не меньше чем дадут. Этот вечер – вся моя надежда на лето. опишите положение, т. е. ОСВЕЖИТЕ скарлатину (из-за которой мы в прошлом году прогадали море), – кроме того у Мура уже 7 месяцев бронхит, не сдвигающийся с места несмотря на жару, мне необходимо его увезти. Сергей Яковлевич недавно был у Алексинского:[602] резать-не резать, но всяческие недуги, режим, а главное – отдых. В Медоне его быть не может.

Настоящее письмо напишу Вам на днях, бумага не терпит иных сожительства.

Целую Вас, буду рада, если напишете.

МЦ.

7-го июня 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, очень обрадовалась Вашему письму, я по Вас соскучилась. Обескураживает отсутствие прямого адреса (Ваша прислуга мне давала, но что-то странное, вроде: Лондон – Саломея!) не верю в достоверность Мирского, на

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru которого пишу, – когда у меня с человеком кончается, кончается человек, следовательно и дом, где он живет, а уж во всяком случае номер, – нет! только номер остается, как в царстве будущего (О или О bis!)

С вечером у меня очень плохо: никто не берет. Цветник отказов, храню. Одни (Т. Л. Сухотина, жена Эренбурга, [603] значит: одне!) не выдаются с русской эмиграцией (чем французы-туземцы хуже? – для вечера! а налетчики-американцы??) другие издержали весь свой запас дружественной действительности на недавний вечер Ремизова, – вообще вечеров, Саломея! – вот 13-го вечер Рощина (писателя, читали? я нет) и с какой программой: Рощина-Инсарова, Кошиц, Дон-Аминадо, еще кто-то [604] – не то что НАШ тощий Слоним!

Госпожа фундаминская (Амалия? какая жуть!) [605] по всем отзывам могущая взять 20 – и по – 100! (ни секунды не верила!) взяла, на всякий случай, 4 по 25. Единственно неунывающие – Прокофьевы, у них, должно быть, какое-нибудь слово.

А Сувчинский, знающий всех музыкантов и не давший мне ни одного!

Друг тот кто делает – согласны? Все иное я называю слизанием сливок (кошки).

И кончится все, согласно прошлогодней поговорке Мура – его первой фразе – «Народу масса, денег мало», – видите, не всегда рифмуют МАССА и КАССА.

– Рада, что рады книжке. [606] я ее еще не читала, наверное никогда в не прочту в страхе заведомых опечаток.

Милая Саломея, мне билеты важнее чем подписки, с книги я все равно никогда ничего не получу, горестно уверена.

С Путерманом мы встретились средне: я ему сказала, что Поволоцкий [607] жулик, а оказался его друг. Сначала мы оба злились и надписывали, нет! он взрезал (страницы, как животы) я же: № 1, № 2, № 3 – Марина Цветаева Марина Цветаева Марина Цветаева [608] – до полного одурения – потом отходили и пили чай. Все это на фоне огромной безмолвной Али, весьма напоминавшей полежаевских «молодцов». [609] Путерман даже, не без робости: «А дочка у Вас атлетического сложения», на что я: «Да и я ничего». (Тут-то он и дал чаю.)

До свидания, милая Саломея, обрываю из-за билетных дел – опять к кому-то идти, кого-то уещать.

Мне очень жалко, что Путерман Вам послал книжку без надписи, но тогда, у него, я бы двух слов не выжала. Хотите – пусть эта пойдет Александру Яковлевичу, а я Вам дам другую?

МЦ.

Спасибо Мирскому за чек. Пусть, когда поедет (он ведь собирается в Париж?) захватит книгу, я ему надпишу. Деньги пока не высылайте, буду тратить «мирские», а Ваши пойдут на терм (1-го июля).

18-го июня 1928 г.

Дорогая Саломея?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вопросительный знак (случайный) относится к: почему не были на вечере?

Сидели потом всей компанией: Мирский, Сувчинский. еще разные, вспоминали Вас. Мирский был ЧУДНЫЙ.

Милая Саломея, если возможно, пришлите иждивение, а то придется грабить тощую вечеровую кассу. Мне не повезло: вчера и единств енный спектакль Антония, [610] и половина моей публики ушла туда.

Целую Вас, когда увидимся? Пока занята только в среду.

МЦ.

29-го июня 1928 г.

Дорогая Саломея,

Спасибо за иждивение и не считайте меня невежей, после вечера столько дел, еще больше, чем до. Мечемся по всей карте в поисках 2 rйses et cuisine [611] на фоне моря, – занятие гиблое, вечер дал гроши, а ради отъезда все и делалось.

Надеюсь уехать в конце следующей недели (Сергей Яковлевич на днях едет вперед, искать), непременно забегу проститься – на счастье. Предстоят все предотъездные хлопоты, голова кругом идет. Напишите словечко, в какие часы Вас легче застать – принципиально. Лучше не вечером, вечера уходят на переписку и правку Федры, которую должна сдать на самых днях в надежде на недоданные 300 фр. (ТОРГУЮТСЯ, НЕГОДЯИ! Здесь 1 фр. строка, в России РУБЛЬ!)

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

11-го июля 1928 г.

Дорогая Саломея! Второй день как приехали. [612] Чудная природа: для меня – рожи, для остальных море (вода грязная и холодная, купаюсь с содроганием), чудная погода, но дача – сезон – 2 тыс., по соседству такие же – 31/2 и 4, нам еще «повезло». (По-моему, такая прелесть как лето и такая радость как дом (все с ним связанное) должны быть даром, а?)

Поэтому, если можно, пришлите иждивение, не хочется сразу открывать счет в лавке, нас не знают. Слава Богу, и квартира и обратный проезд оплачены, нужно только на жизнь.

Простите за такое короткое и скучное письмо, обживусь – напишу как следует. Пишите об Ирине и о себе. Целую Вас.

МЦ.

20-го августа 1928 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Pontailлас, près Royan

Charente Inférieure

Villa Jacqueline

Дорогая Саломея, все ждала от Вас весточки, – где Вы и что Вы, а, главное, что с Ириной? Я Вам писала последняя.

У нас начался разъезд, – 8-го уехал Сергей Яковлевич, вчера Сувчинский и Алексеев, днем раньше – Карсавины. [613] Но не-евразийцев здесь еще гибель, у русских по летам таинственная тяга друг к другу.

Милая Саломея, мне очень тяжело напоминать Вам, особенно сейчас, когда у Вас такая забота, – откладывала со дня нб день и занимала у знакомых – нельзя ли было бы получить августовское иждивение? 28-го уезжает В. А. Сувчинская (при встрече много об этой странной паре расскажу) я ей кругом должна, хотелось бы отдать, и, вообще, не на что жить, – здесь очень дорого, в Париже держишься дешевой, т. е. разностью качества и цен тех же предметов (можно за 1 фр., можно за 10 фр.), – здесь всё за 10 фр.. Карсавины, сняв на 3 месяца, просуществовали месяц.

Если бы не дороговизна, здесь очень хорошо. Чудесные окрестности, – огромный сосновый приокеанский лес, на десятки верст, деревеньки со старыми церквями, кроты (не люблю!) Сам Понтайяк – суша, жив только пляжем. Пробуду здесь с детьми до конца сентября, радуюсь тишине.

Очень жду от Вас вестей, заходил ли к Вам Сергей Яковлевич, м. б. в первые дни не успел, – за его отсутствие скопилось множество дел по издательству, – евразийский верблюд. (Кажется, будет редактировать евразийскую газету, [614] но м. б. это секрет.)

Целую Вас нежно, простите за просьбу, пишите.

МЦ.

Посылаю заказным, чтобы во всяком случае переслали.

Понтайяк, 1-го сентября 1928 г.

Дорогая Саломея! Слава Богу, что тиф, а не что-нибудь другое, – дико звучит, но так. Но какое у Вас ужасное лето. И как все вокруг беспомощны сделать его иным.

Пишу Вам так редко не из равнодушия, а – стыда; точнее – несоответствия того, чем живу я, и того, чем живете Вы, – все равно, что больному о чудной погоде, Вы же сейчас хуже, чем больной. Надеюсь, что последнее все-таки относится к прошлому, что Ирине с каждым днем лучше, следовательно и Вам.

Когда Вам опять будет дело до всего и всех, напишите, расскажу Вам много развлекательного. (Кто жаднее больного на новости, когда дело пошло на поправку? Удештеренная жизнь. Так будет и с вами!)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А пока – сердечное спасибо за быстрый отклик с иждивением, мне даже стыдно благодарить. Мы остаемся здесь до конца сентября, очень рада буду, если, отойдя, напишете.

Целую Вас нежно. Привет Александру Яковлевичу, если с Вами.

МЦ.

17-го сентября 1928 г.

Pontaillass, près Royan

Charente Inférieure

villa Jacqueline

Дорогая Саломея, можно Вас попросить об иждивении? 25-го мы уезжаем, и предстоят платежи.

Наш отъезд – последний, и нас ииго не провожает. Провожали и проводили всех.

В Руаян я больше никогда не вернусь, когда возвращаются – вещи дwoятся. Кроме того, Руаян для меня кусок жизни, а не город. Отсюда – невозвратность.

Хорошее лето, без событий, одна природа. Я бы долго могла так жить, если бы не, с половины лета, угроза отъезда. А отъезд для меня – помимо лирики – сломанные или испорченные за лето вещи, страх очной с ними – хозяйка, счета, подсчеты, увязка, отправка, – БОЮСЬ И НИ О ЧЕМ ДРУГОМ НЕ ДУМАЮ, вот уже две недели.

Я страшный трус, Саломея.

Напишите мне словечко о своей жизни, давно не писали. Встала ли Ирина? Скоро увидимся, мне здесь всего 8 дней.

Пишу во втором ночи, целый день снимала и печатала, только что – проявляла, много хороших снимков, покажу.

Целую Вас

МЦ.

Понтайяк, 23-го сентября 1928 г., воскресенье.

Дорогая Саломея, выезжаем 26-го, в среду, вечером с огромным трудом достали плацкарт, откладывать невозможно. (Поезда идут перегруженные.) Очень прошу Вас перевести мне деньги телеграфом, чтобы получить 25-го – хотя бы вечером. На имеющиеся у меня 100 фр. никак не выехать, одна доставка багажа в Ройян – 30 фр. (осел), и еще починка мебели, и возмещение битой посуды, – а главное счет в лавке (последние 10 дней живем в кредит).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очень прошу Вас и прислать и простить.

Целую Вас.

МЦ.

25-го сентября 1928 г.

Дорогая Саломея, сердечное спасибо, пишу в самую уборку и укладку. Отъезд послезавтра, никакой лирики, сплошные тарелки и кастрюльки.

Целую Вас, до скорого свиданья, простите за бомбардировку. Бомбардировал – страх.

МЦ.

Медон, 9-го октября 1928 г.

Дорогая Саломея, пишу Вам в постели, после второй прививки пропидонта (?) от которого – честное слово! – чуть было не отправилась на тот свет: сердце совсем пропало, обморок за обмороком, к счастью (или к несчастью) доктор оказался под рукой и впрыснул камфору. Это было третьего дня. сейчас я уже обошлась, хотя очень болит нога (отравленная) и жар. Говорят, что все это в порядке вещей.

Теперь я немножко знаю, как умирают, т. е. перестают быть, т. е. первую часть смерти, – если есть вторая (быть начинают). После 3-ей прививки м. б. узнаю и вторую.

А в общем буду у Вас дней через 10, очень по Вас соскучилась.

Целую Вас.

МЦ.

16-го октября 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, все еще никак не могу попасть к Вам, после впрыскивания хромаю и с трудом дохожу до ближней лавки. Если не трудно, пришлите мне иждивение, очень нужно.

Дошла ли до Вас моя весточка из кровати?

Напишите мне о себе. Слышала от В. А. Сувчинской (уехала в Лондон) что Ирине лучше, радуюсь за Вас.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целую Вас и скоро надеюсь увидеть.

МЦ.

28-го Октября 1928 г., воскресенье.

Medon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Я, неблагодарная свинья, до сих пор не поблагодарила Вас за иждивение. Мне даже стыдно показаться Вам на глаза. Не будь это, я бы давно была у Вас. Позовите меня, пожалуйста. Свободна со среды, когда хотите. Перешлите, пожалуйста, прилагаемый листок Путерману – если еще жив. Прочтите, пожалуйста. Безнадежное предприятие?

Целую Вас и жду приглашения. Принесу с собой летние снимки, есть веселые.

МЦ.

Медон, 19-го ноября 1928 г.

Дорогая Саломея, очень, очень, очень нужно иждивение, пришлите что можете и позовите меня в гости. Целую Вас.

МЦ.

17-го декабря 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Можно Вас попросить об иждивении? Очень нужно.

Все собиралась узнать о Вашем здоровье и делах, – в последний раз я Вас видела лежащей.

Сейчас в Париже Мирский, – не хотите ли встретиться втроем? Я бы приехала. Вторник и среда у меня заняты, остальное пока свободно.

Жду весточки и целую Вас.

МЦ.

22-го декабря 1928 г.

Дорогая Саломея! Огромное спасибо за иждивение. Сейчас у меня в доме лазарет:
Страница 174

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мур лежит, Сергей Яковлевич лежит – грипп. Мы с Алей ухаживаем. Вчера видела Мирского, – он никуда не едет, очень добрый и веселый.

Очень хочу Вас повидать, с Мирским или нет – равно. Захватчу новые стихи.

Целую Вас.

М.

11-го января 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

С Новым Годом, дорогая Саломея. Почему мы с Вами не видимся? Где Вы и что с Вами?

МЦ.

январь 1929 г., понедельник.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

У нас тоже беды, – только что закончился Муркин грипп (с бронхитом месяц), как у Сергея Яковлевича резкий припадок печени, с ослаблением сердца. Пролежал неделю, сейчас бродит как тень.

Множество евразийских неприятностей, о которых Вы наверное уже знаете (между прочим, Алексеев – подлец, м. б. Вы тоже уже знали?) [615]

Целую Вас и очень хочу повидаться, – только не торопитесь, зовите, когда удобно. Спасибо за иждивение. До свидания.

МЦ.

19-го февраля 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Можно Вас попросить об иждивении? Мороз пожрал все наши ресурсы, внезапно замерзли все вагоны с дешевым углем, пришлось топить

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
английским коксом, т. е. в двудорога. Хожу в огромных черных чешских башмаках и
– с добрую овчину толщиной – черных и чешских также – чулках, всем и себе на
удивление. С ногами своими незнакома, так и держусь. (А другие знакомятся – и с
любопытством!)

– Закончила перевод писем Рильке, написала вступление, прочтете в февральском №
«Воли России». Пишу дальше Гончарову, получается целая книга.

Когда повидаемся? Вы меня совсем разлюбили. А все-таки целую Вас.

МЦ.

26-го февраля 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Мое письмо, очевидно, пропало, я Вас просила об иждивении, – очень нужно,
задолжали кругом. Я уж думала, что Александр Яковлевич уехал в Англию, но вчера
от Мирского звонили, оказывается – здесь.

Совестно за напоминание, но совсем негде взять.

Целую Вас.

МЦ.

12-го мая 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

25-го мой вечер, посылаю Вам 10 билетов с горячей просьбой по возможности
распространить. На вечере буду читать отрывки из Перекопа – большой поэмы,
которую сейчас пишу. Когда увидимся?

Целую Вас.

28-го мая 1929 г.

Meudon (S. et O.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Сначала деловое: деньги Сергею Яковлевичу за Евразию переданы и с благодарностью получены. Федоров Вам высылается.

Теперь основное: вчера в гостях у Манциарли[616] (восемь туземцев, – один метэк:[617] я, а м. б. и не восемь, а восемнадцать – разговор о снобизме, попытка определить. Я вспомнила ... и Тэффи – о снобизме и подумала, что одно из свойств сноба – короткое дыхание, просто – отсутствие легких, вместо них – полумесяц, причем сверху, а низа вообще нет: глухо. Без длительности звука. Будь Вы снобом. Вы бы давно устали участвовать и сочувствовать (участие и сочувствие – в глубину, а весь сноб на верхах: отсюда его вечный восторг: астматиков).

И – помимо рассуждений – я бесконечно тронута длительностью Вашего сочувствия?: persivnfrance[618] – по-русски нет.

– Скучно с французами! А м. б. – с литературными французами! Да еще с парижскими! Будь я французом, я бы ставку поставила на бретонского мужика. – Разговоры о Бальзаке, о Прусте, Флобере. Все знают, все понимают и ничего не могут (последний смогший – и изнемогший – Пруст). Видела американскую дочь, в красном, молчала. Мать – ку-уда!

– Вечер, по-моему, прошел отлично. Пока, с уплатой зала и объявлений, чистых почти неразб тысячи. Я очень довольна, столько не ждала, и есть еще с десятков 25-франковых надежд.

Думаю ехать в окрестности (Парижа?), но до этого хочу сводить Сергея Яковлевича к врачу, не знаю, что с ним, – м. б. предпишет Vichy, тогда будем жить в какой-нибудь деревне около, если таковые имеются. Как только выяснится – напишу.

Получила самое трогательное письмо от Святополк-Мирского. Скажите ему, что, во имя его, Врангеля все-таки не читала (а хороший!!!)[619]

Целую Вас нежно. Сердечный привет Александру Яковлевичу. Пишите.

МЦ.

11-го июня 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Не люблю закрыток, но сейчас под рукой нет ни бумаги, ни конвертов, а хочется написать с утра.

Приехал Мирский. Приехал Карсавин. Последний на днях справляет серебряную свадьбу. Газета стала выходить раз в две недели, [620] и Сергей Яковлевич чуть-чуть поправился. Мы еще никуда не едем, – есть предложение из-под Гренобля. Пустой дом в лесу за 100 франков в месяц, в полчасе от всякого жилья, глубоко-одинокий, очевидно проклятый какой-то, ибо даже хозяин не живет. Мрачно и – невозможно: есть погреба и амбары, но нет стульев, не говоря уже о кроватях. Покупать негде, а я без папирос бешусь. А лечим пока что – на вечерние деньги – с Алей... зубы. Холод и дожди тоже не располагают к отдыху.

Была на Дягилеве, в Блудном сыне несколько умных жестов, [621] напоминающих стихи (мне – мои же): превращение плаща в парус и этим – бражников в гребцов.

– Куда из Лондона? Сообщите мне, пожалуйста, адрес Ани Калин, [622] хочется ей написать. Целую нежно. Иждивению, как всегда, буду рада. Привет Александру Яковлевичу.

МЦ.

Приписка на полях:

4 книги Федорова с неделю тому назад высланы по парижскому адресу – получили ли?

29-го июня 1929 г., суббота.

Meudon (S. et O.)

Дорогая Саломея, спасибо и простите; деньги я конечно получила, но не знала, куда Вам писать, ибо Вы ехали в Голландию, страну для меня баснословную, в которой л совершенно не мыслю знакомого человека.

Очень рада, что Вы опять в досягаемости: в Париже.

На этой неделе я занята в понедельник и четверг, остальное пока свободно.

Очень хочу Вас повидать и жду весточки. Целую Вас.

МЦ.

15-го июля 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Мне приходится опять просить Вас об иждивении («точно это было вчера»...) Деньги с вечера у меня есть, но конверт с некоторых пор заклеен (au bon moment!) [623] ибо надежда на поездку в горы еще не оставлена. (Место дешевое, но дома пусты, без ничего, – вот и колеблюсь.)

Дошло ли до Вас мое последнее письмецо, уже на парижский адрес и почему молчите?

Очень хотелось бы повидаться, но сомневаюсь, что Вы в городе.

Целую Вас.

МЦ.

Саломея! Если Вы в городе, не могли бы Вы – если найдете это нужным – встретить меня с Вырубовым?[624] Я сейчас собираю материал для одной большой вещи[625] – мне нужно все знать о Государыне Александре Федоровне – м. б. он может указать мне иностранные источники, которых я не знаю, м. б. живо что-нибудь из устных рассказов Вырубовой.[626] М. б. я ошибаюсь и он совсем далек? Но тогда – общественные настроения тех дней (коронация, Ходынка, японская война) – он ведь уже был взрослым? (я росла за границей и японскую войну помню из немецкой школы: не то.) – Подумайте, – А если его в городе нет, м. б. дадите мне его адрес?

Простите за хлопоты.

Кто еще может знать? (О молодой Государыне).

20-го августа 1929 г.

Meudon (S. et O.)

1, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Я никуда не уехала; но удалось Алю отправить в Бретань на несколько недель, в чудное место с настоящим морем и жителями. (Это мне почему-то напомнило поэтессу Марью Шкапскую, которая приехав в Берлин, все стонала – «Нужно ходить как мать-природа» и не выходила от Вертхейма.[627] Эту же М. Шкапскую один мой знакомый, не зная ни кто ни что, принял за акушерку.) Сергей Яковлевич ездил в Бельгию по евразийским делам и в очаровании от страны. Был на Ватерлоо. Сейчас он болен (очередная печень), болен и Мур – что-то в легком, лежит в компрессах и горчичниках, простудился неизвестно как. Докторша нашла у него послескарлатинный шумок в сердце, кроме того советует вырезать аденоиды. Я вся в этих заботах, с Алиного отъезда (2 недели) просто не раскрыла тетради, которую уже заплел паук. До Муркиной болезни непрерывно с ним гуляла, а в лесу да еще с ним – какое писанье!

Прочла весь имеющийся материал о Царице, заполучила и одну неизданную, очень интересную запись – офицера, лежавшего у нас в лазарете.[628] Прочла – довольно скучную – книгу Белецкого о Распутине с очень любопытным приложением записи о нем Илиодора, еще в 1912 г. («Гриша», – м. б. знаете? Распутин, так сказать, mise a nu[629]).

Прочла и «Im Westen nichts neues», [630] любопытная параллель с «Бравым солдатом Швейком» – (Хашека) – которого, конечно, знаете? В обеих книгах явный пересол, вредящий доверию и – впечатлению Не удивляйтесь, что я это говорю: люблю пересол в чувствах, никогда – в фактах. (Каждое чувство – само по себе – пересол, однозначнее.) Не всякий офицер негодяй и не всякий священник безбожник, – это – Хашеку. Не всех убивают, да еще по два раза, – это – Ремарку. (Remark? Тогда – немец. А – Remark? – читала по-французски.)

Да, чтобы не забыть: деньги за Федорова в издательстве с благодарностью получены.

(А старая Кускова[631] взбесилась и пишет, что у евразийцев принято убивать предков. Прочтите ответ в ближайшей (субботней) «Эмигрантике», принадлежит перу Сергея Яковлевича)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

... Сергей Яковлевич пролежал три дня, вчера потащился в Кламар и еле дошел – так ослаб от боли и диеты. Великомученик Евразийства. Сувчинский где-то на море (или в горах), Вера Александровна служит, никого не выдаю, п. ч. все разъехались, кроме того – Али нет, и привязана к дому – или Медону, что то же. Лето у нас прошло, все улицы в желтых струйках, люблю осень.

До свидания! Горы люблю больше всего: всей нелюбовью к морю (лежащему) и целиком понимаю Ваше восхищение (NB! – от земли!)

Целую Вас. Привет Александру Яковлевичу. Пишите.

МЦ.

5/18-го сентября 1929 г.

Медон.

Дорогая Саломея! Где Вы и что Вы? Писала Вам в Швейцарию, но безответно. Пишу Вам в торжественный для меня день – Алиного шестнадцатилетия. Ее шестнадцать лет + не-совсем-восемнадцать тогдашних моих – считайте!

Аля только что вернулась из Бретани, а я никуда не уезжала.

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

19-го сентября 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Наши письма скрестились. Очень рада повидаться, позовите меня с Сергеем Яковлевичем – есть грустные новости[632] – лучше вечерком. Аля вернулась из Бретани, и теперь мне свободнее. Спасибо за посылку иждивения.

Целую Вас и жду.

МЦ.

Брюссель, 21-го октября 1929 г.

Дорогая Саломея! Я собака, – до сих пор Вас не поблагодарила. Брюсселем очарована: не автомобили, а ползуны, ждут пока решусь и не решаются – пока не решусь. Была на Ватерлоо, – ныне поле репы. Вечер прошел средне, даже в убыток, но много милых знакомых, и о поездке не жалею. Колония здесь совсем другая, глубоко-провинциальная, с человеческим примитивом, что так люблю. Скоро увидимся. Целую Вас.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

7-го ноября 1929 г.

Дорогая Саломея!

Приехала, благополучно прогорев на брюссельском вечере, т. е. оплатив из него, кроме расходов по залу и пр., один конец дороги. Могло быть хуже.

Очень хочу Вас повидать, есть слухи, что Вы в Лондоне, но я верю только Вашему почерку. До свидания! Отзовитесь. Целую Вас.

МЦ.

Медон, 11-го декабря 1929 г.

Дорогая Саломея! Простите, что так долго не подавала голосу и даже не поблагодарила Вас за последнее иждивение, – Вы м. б. слышали уже от Дмитрия Петровича о болезни Сергея Яковлевича? Хотелось что-то выяснить, началось хождение по врачам, – всякий свое (диагноз и рецепты), но все одно: немедленно уезжать. Место найдено: пансион в Савоие, 1600 метров высоты – не доезжая до Chamoniх. Кажется на днях едет.

Давайте повидаемся на следующей неделе, напишите мне.

Пока целую Вас и еще раз прошу простить.

МЦ.

– !!! Фернандэз у меня, с собственноручным письмом Слонима, которого кстати сейчас режут (аппендицит).

Медон, 20-го января 1930 г.

С – все еще Новым Годом, дорогая Саломея!

Очень хочу повидаться, но не знаю, в Париже ли Вы. Напишите мне словечко. От Сергея Яковлевича хорошие вести: за 3 недели прибавил 4 кило, по-моему хорошо.

Итак жду Ваших новостей и вестей.

МЦ.

20-го февраля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Я все занята красно-крестными хлопотами для стипендии Сергея Яковлевича – чудно поправляется, а скоро уезжать, нужно продлить. Красный Крест дает, но с условием перевести его в настоящую (т. е. ужасную) 30-франковую французскую санаторию, – отвоевываю деньги на ту, где он сейчас, не знаю что выйдет, уж очень старорежимны, циркулярны – и все, что отсюда следует – люди. Концы дальние, возвращаюсь в запущенный дом, Але некогда – учится – и т. д.

Очень попрошу Вас, если можно, выслать иждивение, – новая беда: Але 16 лет 5 месяцев, т. е. 17 месяцев штрафа за неимеющуюся carte d'identite,[633] – боюсь приступить, а комиссар новый и свирепый – прежнего, милого за взятки убрали.

Очень хочу повидаться. Да! не придете ли 25-го во вторник на франко-русское собеседование о Прусте: Вышеславцев и не знаю кто – 5, Rue Las-Cases-Musée Social, начало в 9 ч. Зайцев[634] например, – о Прусте: интересно!

До свидания, привет, как Вы живы?

МЦ.

3-го марта 1930, понедельник

Дорогая Саломея! ... не могли бы ли Вы на следующей неделе в любой вечер кроме четверга позвать меня с Дю-Боссом, [635] мне это до зарезу нужно из-за Мулодца, которого сейчас перевожу – стихами, на песенный лад, для Гончаровских иллюстраций, уже конченных. С Дю-Боссом я раз виделась у Шестова, и он меня помнит, – часто спрашивает обо мне у Извольской. Позвать к себе не решаюсь – очень уж беспорядочно, да и Мур не даст поговорить.

Говорю не о текущей, а о следующей неделе. Днем не могу из-за Алиных занятий.

Целую Вас, еще раз спасибо.

Медон, 19-го марта 1930 г.

Дорогая Саломея! Спасибо за предложение того поэта, [636] но хочу сначала начисто сделать хотя бы треть. Стихосложение усвоила в процессе работы, помог конечно слух. Вещь идет хорошо, могла бы сейчас написать теорию стихотворного перевода, сводящуюся к транспозиции, перемене тональности при сохранении основы. Не только другими словами, но другими образами. Словом, вещь на другом языке нужно писать заново. Что и делаю. Что взять на себя может только автор.

Видели ли Числа?[637] Даю во II № стих Нереида, можете прочесть его у Дмитрия Петровича, как-то посылала. М. б. не возьмут из-за строк:[638]

Черноморских чубов:
«Братцы, голые топай!»
Голым в хлябь и в любовь –
Как бойцы Перекопа –
В бой. Матросских сосков

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Рябь... – «Товарищ, живи!»...

В пулю – шлем, в бурю – кров, –

Вечный третий в любви.

(Это припев. Началось с купального костюма: третьего в любви с морем. Оцените, Саломея, тему: море, купанье. Хороша – купальщица! Скоро, очевидно, буду петь пароход и авион.)

Что еще Вам рассказать? Время измеряю продвижением «Мулодца». Много дома из-за Алиных лекций и музеев. Единственный отвод души – кинематограф, смотрела чудный фильм с Вернером Крауссом в роли Наполеона на Святой Елене.[639] Неприятна только первая секунда: неузнавание (слишком хорошо знаем то лицо, сто лет назад!), потом свыкаемся, принимаем.

Сувчинских выдаю редко: он, как «la cigale oyant chantй»[640] – поет и вроде как голодает, кормится у матери Веры Александровны, денег ни копейки. Вера Александровна где-то чему-то учится. Все евразийцы служат, издательство пусто.

От Сергея Яковлевича более или менее хорошие вести. Удалось устроить ему стипендию Красного Креста (около 3-х мес. ходила! с наилучшими протекциями) – 30 фр. в день, а плата в пансион 45–50, нужно выколачивать остальные, надвигается гроза вечера, – с кем еще не знаю, все имена в Америке.

Очень благодарна была бы Вам, милая Саломея, за иждивение, 1-го у меня терм, мой первый без Сергея Яковлевича, который всегда откуда-то как-то добывал.

Пишите о себе, каковы дальнейшие планы. Как съездил Александр Яковлевич в Америку и не соблазняет ли Вас?

Целую Вас и жду весточки. Еще раз спасибо за поэта.

МЦ.

Слышу, что Путерман опять оженился, – что это с ним??

6-го апреля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея!

Но Вы уже поняли, в чем дело: вот они – 10 счетов[641] – но на этот раз по 50-ти, потому что всякой твари по паре, а есть и единственные.

Вечер мой, все это мои бескорыстные участники, но продавать можете как Вам удобнее.

Милая Саломея, я Вас еще не поблагодарила за прошлое иждивение, очень замоталась с вечером.

Хочу повидаться и рассказать Вам про Тэффи.

Целую Вас.

МЦ.

Медон, 2-го мая 1930 г., пятница.

Милая Саломея!

Если можно – назначьте мне вечерок поскорее. Пока все свободны кроме среды. А то после вечера ряд свиданий, и я боюсь, что опять вся-неделя разойдется. Пока не связываюсь ни с кем.

М. б. дадите телеграмму? Просто день, я буду знать, что от Вас.

Аля учится, я свободна только вечером.

Целую Вас.

МЦ.

19-го июня 1930 г.

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Château d'Arcine

Дорогая Саломея! я конечно не в Château[642] – я в дивной Alpenhütte,[643] о которой Гёте пишет в Фаусте – настоящая изба с громадным чердаком, каменной кухней и одной комнатой с жилплощадью во всю нашу медонскую квартиру.

Рядом ручей, с неба потоки дождя, водой хоть залейся: по две грозы в день.

Мы последний жилой пункт, выше непродерная щетина елей, за ними – отвес скалы. Почты нет и быть не может. От станции 1 1/2 версты, от Серези – 3 версты, деревня возле станции, горстка домов с большой церковью. Я страшно довольна и хочу, как Мур говорит: «сначала жить здесь, а потом – умереть!» (Новооткрытое и уточненное «vivre et mourir!»)[644]

Серезе лучше, сильно загорел, немного потолстел, ходит, работает на огороде, но все еще кашляет. Видимся с ним каждый день, Мур дорогу знает.

Мур в полном блаженстве: во дворе молотилка, телега, тут же сеновал, колода от бывшего колодца и т. д.

Аля еще в Париже, держит экзамены.

Жду весточки о Вас, здоровье, лете, планах, хорошем, плохом. Целую Вас, простите, что не написала раньше – обживалась. Сергей Яковлевич очень кланяется.

МЦ.

27-го июня 1930 г

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Château d'Arcine

– это адрес Сергея Яковлевича, но своего у меня нет, пришлось бы отдельно нанимать почтальона

Дорогая Саломея!

Наши письма встретились.

Сердечное спасибо за память и за иждивение.

Огорчена Вашим Лондоном – он Вам никогда не впрок. И Париж не впрок. Вам бы нужно жить в Сен-Лоране, непосредственно под скалой.

Завтра жду Алю, которая только что отлично сдала экзамен в Ecole du Louvre, [645] я рада: умеет хотеть.

Сергей Яковлевич поправляется (тьфу, тьфу), худ, но уже не страшен, и кашель лучше. В замке бываю часто – чудесные хозяева – и остальные пансионеры милые. Замок – баснословный. Но мне лучше в избе. Свойственнее.

Мур здесь совершенно (тьфу, тьфу!) счастлив, в замке барствует, а у меня – дикарствует. Весь день во дворе, в сене, с собакой, палками, досками, строит, роет.

Но – ежедневные дожди и грозы, как-то было три сразу. Нет солнца – сразу осень, и даже поздняя. Но кажется так везде. Стынет – земля!

Целую Вас, куда и когда едете, не забывайте.

МЦ.

Приписка на полях:

Сюда в августе собирается Дмитрий Петрович. Не соберетесь ли и Вы? В замке – чудно. Больных (серьезных) нет.

26-го июля 1930 г.

St. Pierre-de-Rumilly

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Haute Savoie)

Дорогая Саломея! Не писала Вам так долго потому, что болен Мур: свалился в ручей и застудил себе низ живота: расстройство, недержание мочи и, вдобавок, из-за прописанных горячих ванн и ужасной погоды – простуда. То лежит, то ходит, но что-то не поправляется. Болеет уже около месяца. Погода ужасающая, злостный ноябрь, мы все прос тужены. Льет почти непрерывно, весь день в болоте. Вообще условия и для здорового тяжелы, не то что с больным ребенком: в деревне ничего нет, за всем – вплоть до хлеба – бегать в соседний городок La-Roche (12 километров – aller-et-retour[646]) кроме того у нас на довольстве Е. А. Извольская, нужно хорошо кормить, т. е. целый день готовить. И ч двух примусов один совсем угас, другой непрерывно разряжается нефтя ными фонтанами.

Сергей Яковлевич помогает, но трудно – за 6 километров.

Так и живем.

Спасибо за иждивение (июньское), которое смогла получить толь ко вчера, т. е. около месяца спустя: чек отослали в Париж, а там он куда-то канул, ждала денег 3 недели, вчера наконец дождалась. Если можно, милая Саломея, июльское иждивение пришлите просто переводом, на Серезино имя, ему от города ближе. По адресу в конце письма. – Мгновенно куплю нам с Алей грубые башмаки, по пуду весу каждый, это пока – вся мечта. Нигде еще не была, ни в Aix'e, ни в Chamonix, ни в Annecy, хотя все рядом, нельзя из-за Мура.

Простите, милая Саломея, за мрачное письмо, надеюсь Ваше будет веселее. Целую Вас.

МЦ

15-го августа 1930 г.

St. Pierre-de-Rumilly

(Haute Savoie)

Дорогая Саломея! Вы верно не получили моего последнего пись ма – вероятно с парижской квартиры непересланного.

В нем я писала о болезни Мура (свалился в ручей и застудил себе низ живота: все последствия) и просила Вас июльское иждивение выслать не чеком, а деньгами, п. ч. с июньским чеком местный банк устроил проволочку в 3 недели – отослал в Париж, тут 14-е июля[647] – задержка и т. д.

И вот – еще ответа нет, хотя писала я Вам около 3-х недель назад.

Простите за напоминание, но очень давно сижу без денег, а у Сергея Яковлевича) тоже ничего нет, т. е. минус-имущество, п. ч. Мирский давно перестал доплачивать за санаторию. Платила я – остатками вечера, теперь все иссякло.

Последнее иждивение, полученное, было июньское.

Сергей Яковлевич поправляется, но дико томится в пансионе.

О себе рассказывать нечего: лето неудачное.

Целую Вас крепко, простите за скуку, напишите о себе:

здоровье и лете.

МЦ.

Конец августа 1930

Дорогая Саломея! Огромное спасибо.

Пишу поздно ночью, а завтра утром рано надо в соседний городок на рынок – 12 километров aller et retour, [648] причем retour с пудами: картошки, овощей, хлеба, здесь кроме молока и сыра ничего нет.

Кончила – минус последние пять страниц, жду французского текста русской литургии – Мулодца, написала ряд стихов к Маяковскому. [649] Прочла Mireille [650] Мистрала и читаю Коринну. [651]

Погода (тьфу, тьфу не сглазить!) последние две недели – блаженная. Мур (еще более тьфу, тьфу!) поправился – и от падения в ручей и от ржавого гвоздя, который пытался согнуть ногой и который, проткнув толстую подошву сандалии, прошел ему в ногу.

Читать учиться не хочет ни за что, стихи ненавидит. – «Почему Вы сделались... ну – писательницей (NB! слова не слышал, изобрел) – а не шофером или чем-нибудь таким?»

Аля пишет и вяжет – множество заказов, чудная вязка.

Я шью Муру пижамные штаны, в которые свободно влезаю сама. Думаю домой между 1-м и 15-м Октября. А Вы – когда и куда?

Целую Вас, надеюсь, что Ваш «зноб» прошел. Еще раз, большое спасибо.

МЦ.

Да! Главное. Был Дмитрий Петрович – на два дня – подымался в наш Сен- Лоран, мычал, молчал. Хмур, неисповедим. Разговорить невозможно. Должно быть – плухи дела. О Сувчинских ни слова. Ворчал, что Вы уехали, не дав адреса. Отсюда – в Гренобль к сестре. [652] Дальнейших планов никаких.

Сергей Яковлевич не толстеет, но чувствует себя хорошо, доктор находит, что ему лучше (легкие), но до полного выздоровления еще далеко. Написал две вещи (проза) – очень хорошие.

Вот, пока, и все новости.

Напишите. Саломея, как Вы восприняли конец Маяковского? В связи ли, по-Вашему, с той барышней, которой увлекался в последний приезд? Правда ли, что она вышла замуж?[653]

И – помимо: какое чувство у Вас от этой смерти. Вы его наверное знали.

Посылаю заказным, думая, что так вернее пересылать. Куда-то заложила письмо с адресом.

20-го сентября 1930 г.

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Château d'Arcine – мне

Дорогая Саломея! Опять надоедаю Вам просьбой об иждивении (сентябрьском). (Перечла и подумала: а не похоже ли мое «надоедаю» на – помните? – письмо Ремизова к Александру Яковлевичу – «Зная Ваше доброе сердце»...?!)

Дорогая Саломея, зная Ваше доброе сердце, еще просьба, даже две:

9-го октября (26-го сентября по-старому) мой день рожденья – 36 лет – (недавно Але исполнилось 17), подарите мне по этому почтенному, чтобы не написать: печальному, случаю две пары шерстяных чулок, обыкновенных, прочных, pour la marche, [654] хорошо бы до 9-го, ибо замерзаю. На 38–39 номер ноги. Это-первая просьба. Вторая же: если у Ирины есть какая-нибудь обувь, ей ненужная, ради Бога – отложите для Али. Горы съели все, т. е. и сандалии и башмаки, а наши дела таковы, что купить невозможно. Аля носит и 38 и 39 и, по желанию, 40-вой, преимущественно же 39-тый. Так что, если что-нибудь освободится и еще держится – не отдавайте никому. На ressemelage [655] мы способны.

– Кончила Мулодца, – последняя чистка. Теперь нужно думать – куда пристроить. Написала встречу Маяковского с Есениным – (стихи) [656]

Да! Забавная история: письмо от Оцуа – редактора «Чисел» – с просьбой о пяти стихотворных автографах для пяти тысячефранковых экземпляров III книги.

Я: «Автографы либо даю, либо продаю, а продаю 100 франков штука». Ответ: «Числа бедны, большинство сотрудников [657] работают бесплатно, не говоря уже о редакторах [658] – словом, давай даром.

Я: – На продажу не дарю, – впрочем – вот вам „Хвала богатым“ – хотите пять раз?!

(...и за то, что их в рай не пустят,

и за то, что в глаза не смотрят...)

Убью на переписку целое утро (40 строк по пяти раз, – итого 200) – хоть бы по франку за строку дали!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но и покушают же „богатые“ (Цейтлин, например, Амари:[659] man de Marie: a Marie.[660] Пущу с собственноручной пометкой.

ХВАЛА БОГАТЫМ

(предоставленная автором для нумерованного экземпляра Чисел – безвозмездно. Мне – нравится! Но м. б. – откажутся. Тогда пропали мои 200 строк и рабочее утро. Где наше ни пропадало! Лист будет вклейкой. Кому не понравится – пусть выдерет.

Стипендия Сергея Яковлевича кончилась, хлопочем до 1-го ноября, но надежды мало. Говорила о нем с доктором „Pour le moment je le trouve mieux, mais l'avenir c'est toujours l'inconnu!“[661] – Знаю.

За все лето было три летних недели. Раз ездила в очаровательный Аннесу,[662] здесь дешевое автокарное сообщение, но для меня это то же, что пароход в Англию. Был у нас Мирский – давно уже – два дня – дико-мрачен, и мычливей чем когда-либо.

О Сувчинских не знаю ничего.

Обнимаю вас, пишите о себе и не вините меня в ремизовстве.

Приписка на полях:

О хвале богатым пока молчите: сюрприз!

МЦ.

Château d' Arcine 27-го сентября 1930 г.

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Дорогая Саломея!

Огромное спасибо. Возопила к Вам по телеграфу из-за необходимости внезапного отъезда Сергея Яковлевича – красно-крестовая стипендия кончилась, а каждый лишний день – 45 франков.

Мы наверное тоже скоро вернемся – не позже 10-го, очень уж здесь холодно по ночам, утром и вечером (NB?! А когда – не).

Приеду и почитаю Вам Молодца и попрошу совета, что мне с ним делать дальше–разные планы.

Целую вас и горячо благодарю.

МЦ.

Медон, 3-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея! Высылаю Вам Новую газету[663] – увы, без своей статьи, и очевидно без своего сотрудничества впредь. Как поэта мне предпочли – Ладинского,[664] как „статистов“ (от „статьи“) – всех. Статья была самая невинная – о новой русской детской книге. Ни разу слова „советская“, и равняла я современную по своему детству, т. е. противопоставляла эпоху эпохе. Политики – никакой. Ннно – имела неосторожность упомянуть и „нашу“ (эмигрантскую) детскую литературу, привести несколько перлов, вроде:

В стране, где жарко греет солнце,
В лесу дремучем жил дикарь.
Однажды около оконца
Нашел он чашку, феи дар.
Дикарь не оценил подарка:
Неблагодарен был, жесток.
И часто чашке было жарко:
Вливал в нее он кипяток.
А черный мальчик дикаря
Всегда свиреп, сердит и зол –
Он, ЛОЖКУ БЕДНУЮ МОРЯ,
Всегда бросал ее на ПУЛ (NB! ударение)
и т. д.

– Попутные замечания. – Противупоставление русской реальности, верней реализма – этой „фантастике“ (ахинеи!), лже-фантастики тамбовских „эльфов“ – почвенной фантастике народной сказки. И т. д.

И – пост-скрипту: „А с новой орфографией, по которой напечатаны все эти прекрасные дошкольные книги, советую примириться, ибо: не человек для буквы, а буква для человека, особенно если этот человек – ребенок“.

И – пространное послание Слонима: и в России-де есть плохие детские книжки (агитка) – раз, он-де Слоним очень любит фей – два. А – невымолвленное три (оно же и раз и два!) – мы зависим от эмиграции и ее ругать нельзя. Скажи бы тбк – обиды бы не было, – да и сейчас нет! – много чести – но есть сознание обычного везения и – презрение к очередным „Числам“.

А стихов – мало, что даже не попросили, а на вопрос: будут ли в газете стихи? – Нет. – Раскрываю: Ладинский.

Словом, мой очередной деловой провал. Вырабатывать (NB! будь я не я или, по крайней мере, хоть лошадь не моя!) могла бы ежегазетно франков полтораста, т. е. 300 фр. в месяц.

Перекоп лежит, непринятый ни Числами, ни Волей России, ни Современными (NB! Руднев – мне: „у нас поэзия, так сказать, на задворках“) Мулодец (французский) лежит, – свели меня с Паррэнном (м. б. знаете такого? советофил, Nouvelle Revue Française – женат на моей школьной товарке Чалпановой,[665] – читала-читала, в итоге оказывается: стихов не любит (NB! ТОЛЬКО СТАТЬИ!) и никакого отношения к ним не имеет (только к статьям!). Так и ушла, загубив день. – Встреча была где-то в 19-ом arrondissement,[666] на канале.

Вещь, которую сейчас пишу – все остальные перележит.

А дела на редкость мрачные. Всё сразу: чехи, все эти годы присылавшие ежемесячно 300 фр., пока что дали только за январь и когда дадут и дадут ли – неизвестно. Дмитрий Петрович уже давно написал, что помогать больше не может, – не наверное, во почти, или по-другому как-то, в общем: готовьтесь к неполучке. Вере Сувчинской (МЕЖДУ НАМИ!) он потом писал другое, т. е. что только боится, что не сможет. А терм 1-го апреля и не предвидится ничего. Мирские деньги были – квартирные. Просто – негде взять. С газетой, как видите, сорвалось, сватала Перекоп Рудневу – сорвалось, Молодца – Паррэну и другим – сорвалось.

Поэтому, умоляю Вас, дорогая Саломея, не называя меня – воздействуйте на Дмитрия Петровича. Без этих денег мы пропали. Если бы он категорически отказался, но этого нет: „боюсь, что не смогу“ – пусть не побоится и сможет. (NB! этого не сообщайте, вообще меня не называйте, просто скажите, что я – или мы (NB! он больше Сергея Яковлевича любит!) в отчаянном положении, что я сама просить его не решаюсь, – словом. Вам будет виднее – как!).

Этот несчастный терм (1-го апреля) – моя навязчивая мысль.

– Единственная радость (не считая русского чтения Мура, Алиных рисовальных удач и моих стихотворений – за все это время – долгие месяцы – вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он – стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у трехсотлетнего, но – занесет голову – все ушло – соловей! Не поет! Тот словарь ушел.

При встрече расскажу все как было, пока же: первый мой ПОЭТ, т. е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России).

Обнимаю Вас, дорогая Саломея, умоляю с Мирским. Бровь моя так и осталась с лысиной, т. е. я – полуторабровой.

МЦ.

ГОВОРЯ С ДМИТРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ НЕ УПОМИНАЙТЕ НИ О КАКОЙ ВЕРЕ.

P. S. А вдруг Вы уже вернулись и с Дмитрием Петровичем говорить не сможете? Дни летят. Ваше письмо – только что посмотрела – от 20-го, и Вы пишете, что Вы уже две недели в Лондоне. Посылаю на Соlіsіе в надежде, что перешлют.

Как ужасно, что я Вас только сейчас благодарю за иждивение!

17-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея!

Сердечное спасибо за иждивение.

Очень рада, что пришелся Мур, Вы ему тоже пришлись.

(Выходя: – понравилась? Он: грубым голосом: „Вообще – милая“, А вообще женщин без исключения – не переносит.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Перекоп сдаю (на авось) в воскресенье. На очереди „Gars“, [667] (Muselli).

Хотите повидаемся на следующей неделе? М. б. соберемся с Сергеем Яковлевичем), он очень хотел бы Вас повидать.

Целую Вас.

МЦ.

Машиной играет весь дом.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

26-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея! Большая, большая просьба: не подарили ли Вы бы мне 80 франков на башмаки, мои совсем отслужили: одни отказались чинить, а другие, которые ношу три года, так разносились, что спадают с ног, так что ходить не в чем. А в Самаритэне как раз продаются Semelle Uskide. [668] такие же, какие я проносила 3 года, не чиня подошвы. 80 франков. Но их безнадежно – нет.

Вы бы этим подарком меня спасли.

– Очень хорошо у Вас было в прошлый раз – м. б. впадение в детство с Аней Калин? Кстати, дома она была Нюта, у нас, из протеста, Аня.

До свидания, надеюсь скорого. Мур твердо ждет приглашения. Свободен все дни кроме четверга (Закон Божий!)

МЦ.

Медон, 31-го марта 1931 г.

Сердечное спасибо, дорогая Саломея!

Башмаки куплены – чудные – будут служить сто лет.

Обнимаю Вас!

ТВЕРДОБУТАЯ

МЦ

Что Ваша Голландия? Ваш голландец (летучий) уже здесь. Скрывается. (NB! Кажется – только от меня!)

21-го апреля 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Саломея! Где Вы и что Вы? Были ли в Голландии? Видела Мирского, но не преувеличивая (здесь: не преуменьшая) ровно три минуты, на вокзале, на проводах Извольской, [669] в толпе снимающих, снимающихся, плачущих и напутствующих.

Напишите два словечка и, если можно, пришлите иждивение.

Целую Вас.

МЦ.

Медон, 23апреля/6-го мая 1931 г.

Сердечное спасибо, дорогая Саломея, за иждивение и простите за позднюю благодарность.

Нынче Мурины именины (Георгиев день) и ознаменованы они следующим речением: – Мама! как по-французски Бердяев? – Так и будет– Бердяев, если хочешь – Berdiaïff. – А-а... А почему я на одной книге прочел: BOURDEL?

Кстати, когда я ему передала, что сейчас у Вас уехала прислуга и т. д. – „А зачем мне прислуга?“ – „Ты же собирался у Саломеи завтракать!“ – „А Саломея сама не умеет готовить?“ – „Нет“. – „Пусть научится!“

п. п. Сувчинский tout crachï. [670]

Обнимаю Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

10-го мая 1931 г.

Дорогая Саломея!

Хорош вечер: [671] 1) без брови (к 30-му от остающегося миллиметра не будет и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
следа) 2) без платья (то что есть – до колен) и без участников. Боясь душевных осложнений (просить, благодарить, жалеть, что просила и благодарила) – решила одна. 1-ое отделение – стихи, второе – проза (новая, для Вас ОСОБЕННО интересная, честное слово!) третье – опять стихи.

Посылаю Вам 10 билетов с безмолвной просьбой. А если Путерману послать штук пять – продаст (хоть один??) Если думаете, что да (хоть 1/2!), сообщите мне, милая Саломея, его адрес.

Когда повидаемся? Что у Вас нового? Как здоровье? Напишите словечко!

МЦ.

18-го мая 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея! Можно в спешном порядке попросить Вас об иждивении: шьется – с грехом пополам – платье (из бывшего, далеких дней молодости, к счастью длинного – платья вдовы посла Извольского. Красного (платья, а не посла!) и нужно на днях за него платить.

Дикая жалость, что Вас на вечере не будет, ибо – Христом Богом, умоляю: до 30-го никому ни слова – читать буду:

История одного посвящения

– то есть:

„Уезжала моя приятельница в дальний путь, замуж зб море“ – разбор и пожжение бумаг – то же по инерции у меня дома – и, – налету уже жгущей руки – что это такое?

Печатное – большое – кем-то вырезанное и:

Где обрывается Россия

Над морем черным и глухим

II

Город Александров Владимирской губернии. Лето. Шестнадцатый год. Народ идет на войну. Я пишу стихи к Блоку и впервые читаю Ахматову. У меня в гостях Осип Мандельштам. – Эпизоды – (прогулка по кладбищу, страх быка (теленка), Мандельштам и нянька, Мандельштам и монашка и т. д.) – Отъезд. – Из Крыма стихи:

Не веря воскресенья чуду...

III

Читаю газетную вырезку с описанием как, где и кому написаны эти стихи. Оказывается – очень хорошенькой, немножко вульгарной женщине-врачу – еврейке – на содержании у армянского купца. В Крыму (вместо Коктебеля, места совсем особого, единственного, дан Крым Ялты и Алупки). Местное население показывает Мандельштаму свиное ухо. (NB! В Крыму! На добрую четверть состоящем из евреев!)

И тбк далее.

И вот, строка за строкой – отповедь.

Заключительные строки:

– Не так много мне в жизни посвящали хороших стихов и, главное, не так часто вдохновение поэта – поэтом, чтобы мне это вдохновение уступать так даром зря (небывшей) подруге (небывшего) армянина.

Эту собственность – отстаиваю.

Автора фельетона[672] – угадываете. Нужно думать – будет в зале. Поделом.

Да, еще такая фраза:

– Если хочешь писать быль, знай ее. Если хочешь писать поэму – жди сто лет либо не называй имен.

Вот потому-то и жалею, что Вас, милая Саломея, не будет, ибо в 2-ой части дан живой Мандельштам и – добру дан, великодушно дан, если хотите – с материнским юмором.

Очень, очень прошу – до вечера ни слова, пусть будет сюрприз.

Обнимаю Вас и люблю.

МЦ.

Пишите о жизни, здоровье, летних планах. Когда думаете в Париж?

Никто ничего не отнял, –
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вбм, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротной
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12-го февраля 1916 г.

Из Москвы в Петербург

О. Манделштаму – МЦ.

(NB! Я не знала, что он – возвращается)

Медон, 31-го мая 1931 г., Троицын день

Дорогая Саломея,

Все в порядке и большое спасибо и большое простите – не писала из-за вечера, который – слава Богу – уже за плечами.

До последней минуты переписывала рукопись „История одного посвящения“, где, не называя Вас (ибо не знаю как бы Вы отнеслись, если ничего не возражаете, в печати назову – вещь пойдет в Воле России, где не называя Вас, защищала и Ваше (посвящение) от могущих быть посягательств и присвоения.

Вечер прошел с полным успехом, зала почти полная. Слушали отлично, смеялись где нужно, и – насколько легче (душевно!) читать прозу. 2-ое отделение были стихи – мои к Манделштаму, [673] где – между нами – подбросила ему немало подкидышей – благо время прошло! (1916 г. – 1931 г.!) (Он мне, де, только три, а ему вот сколько!) А совсем закончила его стихами ко мне: „В разноголосице девического хора“, – моими любимыми.

Денежный успех меньше, пока чистых 700 фр., м. б. еще подойдут, – часть зала была даровая, бульшая часть 5-франковая, „дорогих“ немного. Но на квартирный налог (575 фр. уже есть – и то слава Богу. Хотя жаль.

С иждивением, милая Саломея, то, что Вы мне писали – грустно, но что ответить, кроме (как в любви) – Спасибо за бывшее. Дайте мне кстати адрес Ани Калин (в гимназии она была Аня и Калин), хочу ее поблагодарить.

Да! Георгия Иванова (автора лже-воспоминаний – „Китайские тени“ – уже вышли отдельной книгой) на вечере не было, ибо – en l'ouai ennemi [674] приглашения не послала, но Г. Адамович (близнец) был и – кажется – доволен. Сергей Яковлевич, сидевший рядом с ним, слышал его ремарку: „Нападение номер два“. (По-моему – хорошо.)

Обнимаю Вас и люблю. Пишите. Когда „домой“? (Беру в кавычки ибо у Вас как у Персефоны дома нет. [675])

МЦ

Приписки на полях:

Сергей Яковлевич Вас очень приветствует и тоже по Вам соскучился. А Мур упорно и терпеливо ждет приглашения. Автомобиль жив.

Да! Читала я в красном ду полу платье вдовы Извольского и очевидно ждавшем меня в сундуке 50 лет. Говорят – очень красивом. Красном – во всяком случае. По-моему, я цветом была – флаг, а станом – древком от флага.

Когда читала о Мандельштаме, по залу непрерывный шепот: „Он! Он! Он – живой! Как похоже!“ и т. д.

11-го июня 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Av(enu) Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Вы наверное уже приехали. Открытки – чудные, каждая – драгоценность, – не знаю почему: единственный вид живописи мне глубоко-близкий. Аля в очаровании и благодарит вместе со мной.

Да! Хотите, когда приеду, захвачу ту прозу (Мандельштам-Иванов) я почитаю? А то – долго не будет напечатана. До встречи, надеюсь скорой

МЦ.

Медон, 21-го июня 1931 г.

Дорогая Саломея! Спасибо за весточку и за приятную вест (билеты). Читать Мандельштама лучше вечером и без Мура. Если позовете на чтение Путермана – думаю – доставите ему удовольствие – ввиду сюжета. Muselli наконец написала – целый опросный лист – но ответа нет, может быть давно уже у себя на родине (родинах: двух, – в Нормандии и Корсике, или так: на одной родине и в одном отечестве).

Есть всякие новости, одна из них–предстоящий визит к Бассиано (Commerce) и связанная с ним большая просьба: у меня два платья: одно черное, до колеи – моего первого вечера (1926 г.) другое красное, до земли – моего последнего вечера (1931 г.) ни одно не возможно. Может быть у Вас есть какое-нибудь Вам не нужное, милая Саломея, Вы ведь выше меня, так что Ваши по-коленные мне под-коленные. – Какое ни на есть у меня, кроме этих двух, только фуфайки или из toile basque[676] (зебра или забор!).

Новости расскажу устно, жду оклика, обнимаю Вас, прошу прощения (попрошайничество) и благодарю (билеты).

МЦ.

Медон, 20-го июля 1931 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогая Саломея,

Только что отказ от Commerce, куда я через знакомую Дмитрия Петровича пыталась устроить своего французского) (и злосчастного!) мулодца. (Кстати, госпожа Бассиано пишет с большими синтаксическими ошибками, очевидно итальянский муж слинял).

Ну что ж, по-ахматовски:

Одной надеждой меньше стало –
Одною песней больше будет!

[677]

Пока что собираю Сергея Яковлевича на море (Ile de Batz, Бретань) на две недели – в долг (который надеялась вернуть из Commerce. А вместо французских сотен – один итальянский синтаксис!)

Остаюсь без ничего и очень прошу Вас, милая Саломея, если можно прислать июльское иждивение.

Кстати 22-го новый месяц – и новые надежды!

Пишу хорошие стихи.

Обнимаю Вас

МЦ.

Мур: – „Мама, какая у Вас голова круглая! Как раз для футбола! Вот я ее отвинчу и буду в нее играть ногами“.

– Мама, если бы я был Бог, я бы всегда делал хорошую погоду. Значит, я умнее, чем теперешний Бог.

Медон, 29-го июля 1931 г.

Дорогая Саломея,

Сердечное спасибо.

О провале мулодца я Вам писала? Вот он „goit pas trop сыр de la (u des!) Princesse (-cesses!)“ [678] – то, о чем меня предупреждала приятельница Дмитрия Петровича – прелестная старо-молодая англо-француженка, сдающая русское „bachot“. [679]

Сергей Яковлевич слава Богу уехал, сейчас в Ardich'e около Валанса [680] в деревне, ловит раков. Пробудем сколько денег хватит, часть пребывания нам

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
подарили.

Что с вами летом?

Обнимаю

МЦ.

21-го августа 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jearme d'Arc

Дорогая Саломея!

Где вы и что вы? Можно вас попросить об иждивении?

В жизни Дмитрия Петровича есть новость, которую вы наверное уже знаете – давно готовилась: семейного порядка. [681]

Пасу Мура по холодным пастбищам Медона и когда могу пишу.

Целую вас, напишите о себе.

МЦ.

Медон, 7-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея!

Сердечное (и как всегда – запоздалое) спасибо.. [682]

А вы знаете что написано на могиле Рильке? [683]

Rose! o reinster Widerspruch! Lust

Niemandes Schlaf zu sein unter so viel Lidern!

Rose! o pure contradiction! Joie

Voluptй

De n'ktre le sommeil de personne sous tant de paupieres!

Правда похоже на персидское: и роза, и краткость, и смысл.

Пишу хорошие стихи, свидимся почитаю.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Из интересных встреч – приезжий художник из России, мой тамошний четырехвстречный друг (он считал, я – нет), кстати товарищ по школе живописи Маяковского и Пастернака, много рассказывал.

Мои внешние дела ужасны: 1-го терм – 1200 франков, и у меня ничего, ибо с Мулодцем (французским» в Commerc'e сорвалось, а очередной № Воли России с моей прозой о Манделъштаме (3 листа – 750 фр. просто не выходит, и возможно что не выйдут вовсе.

Сергей Яковлевич тщетно ищет места. – Не в Россию же мне ехать?! где меня раз (на радостях!) и – два! – упекут. Я там не уцелею, ибо негодование – моя страсть (а есть на что!)

Саломея милая, у Вас нет последнего № Nouvelle Revue Française с исповедью Мирского?[684] Если да – пришлите, мне он необходим хотя бы на час.

Вера[685] разошлась с Петром Петровичем и сейчас где-то на юге, у сестры Дмитрия Петровича, куда уехал и он. У меня по поводу всего этого – свои мысли, невеселые.

Аля в Бретани, лето у меня каторжноватое, весь день либо черная работа, либо гулянье с Муром по дождю под непрерывный аккомпанемент его рассуждений об автомобиле (-билях) – марках, скоростях и пр. Обскакал свой шестилетний возраст (в ненавистном мне направлении) на 10 лет, надеюсь, что к 16-ти – пройдет (выговорится! ибо не молчит ни секунды – и все об одном!)

Целую Вас, иждивение получила, спасибо за все.

М.

Meudon (S. et O.)

10-го сентября 1931 г.

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Наши письма – как часто – разминулись (встретились). А сейчас пишу Вам вот по какому делу: приехал из Берлина – работать в Париже – известный в России художник Синезубов[686] (ряд картин в Третьяковке и в петербургском Музее бывшем Александра III), преподаватель Вхутемаса (московское) Училище Живописи и Ваяния) – вообще gue'rdi'up.[687] Я его хорошо знаю с России.

И вот, французы приписали ему в паспорте «sans possibilité de renouvellement»[688] визу, которая истекает 20-го Октября. Он в отчаянии, ему сейчас 38 лет – и с 18-ти рвался в Париж. Я его хорошо знаю, он никакой не большевик, просто художник, и – страстный художник.

Из разговоров выяснилось, что ему принадлежит последний портрет Татьяны Федоровны Скрябиной, сестры Шлецера, портрет которой он тогда же в Москве (1921 г.) подарил Марин Александровне Шлецер, матери Татьяны и Бориса Федоровичей, она должна это помнить, но Борис Федорович может этого не знать. (Татьяну Федоровну

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
писал уже умершей.) Не помог ли бы ему Борис Федорович с визой? И – может ли?
Если ли у него связи с французами? Наверное же?

Его мать тогда предлагала Синезубову за портрет деньги и любую вещь на выбор, –
он конечно ничего не взял.

Он – абсолютно-благороден, я за него ручаюсь во всех отношениях. Ему необходимо
помочь.

Так вот: не сообщите ли Вы мне адрес Бориса Федоровича и не поддержите ли моей
просьбы? Вас он ценит и любит, а Вы мне верите.

Столько бед вокруг, милая Саломея, что забываешь о своих.

Целую Вас.

МЦ.

16-го сентября 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Прежде всего – в ответ на Ваше «и совсем не чувствую себя счастливой» –

На свете счастья нет, но есть покой и воля[689]
– воля, которую я, кстати, всегда понимала как волю волевою, а не как
волю-свободу, как, нужно думать, понимал сам Пушкин – и которой тоже нет.

Во-вторых: милая Саломея, ну и зверски же Вы молоды и зверски же счастливы,
чтобы этот порядок вещей: совсем не чувствовать себя счастливым – чувствовать
непорядком вещей!

Очень Вас люблю и – что, если не гораздо больше, то (у меня) гораздо реже: Вы
мне бесконечно-нравитесь. (Лестно – на шестом году знакомства?)

Но – в чем дело с не-совсем-счастьем или совсем-не-счастливостью?

От души хочу Вас видеть – и давно, но – дела у нас сейчас (и давно!) такие, что
нет ни на что, живем заемами (займами?) в 5 и 10 фр., в городе я не бываю
никогда, предоставляя прогонные Сергею Яковлевичу, которому нужнее – ибо ищет
работы и должен видеть людей.

Это не намек на иждивение, дорогая Саломея, наоборот: хочу просить Вас не давать
мне его до 1-го, а 1-го выдать сразу за сентябрь и за будущий Октябрь, чтобы
было основание к терму (1-го – 1200 фр.), которого мы иначе никогда не выплатим.

Надеялась на Commerce (французский Мулодец) и на Волю России (История одного
Страница 201

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (посвящения) – Commerce не взял, а Воля России встала – и сдвинется ли? Дело в том, что печатай я то, что пишу – мы приблизительно могли бы жить. Но меня не печатают нигде – что же мне делать?!

Нынче утром послала на Ваш адрес письмо Мочульскому с вот какой просьбой: он друг переводчика Шюзвиля, а Шюзвиль участник некоего издательства Bossard и кроме того знал меня 14-летней гимназисткой в Москве (я тогда писала французские стихи, а Шюзвиль – кажется – русские), словом Шюзвиль всячески ко мне расположен, но к сожалению «трусоват был Ваня (Jean Chuzeville!) бедный», [690] боится «новых» стихов, – так вот мне нужно, чтобы Мочульский замолвил слово за моего Мулодца, напирал не на его левизну, а народность (эпичность). Я сейчас обращаюсь за помощью ко всем, есть даже целый план моего спасения (NB! я как тот утопающий, который с берега смотрел как его же спасают – честное слово! полное раздвоение личности) – Сергей Яковлевич Вам этот план сообщит, ему вообще очень хочется и нужно с Вами повидаться – сообщите когда.

А с Дмитрием Павловичем угадали – кажется женится и (пока что) на Вере, во всяком случае Сувчинские разошлись и Вера у сестры Дмитрия Павловича где-то на юге.

Пишу хорошие стихи.

До свидания, дорогая Саломея, жду ответа: согласны ли с иждивением и – когда можно будет Сергею Яковлевичу Вас повидать.

В пятницу у меня будет Синезубов, передам ему все относительно Vogel'я [691] и паспорта, огромное спасибо. Вы его спасаете.

Целую Вас.

МЦ.

30-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея,

Завтра (1-го) у нас терм, но у нас отсрочка на еще несколько дней. Если можете прислать иждивение – ния (сентябрь и октябрь) до 5-го, буду Вам бесконечно-благодарна. Очередная консьержка ушла и получает сама хозяйка, а с ней лишний раз встречаться – омерзение.

Вернулась из Бретани Аля с множеством зарисовок, гораздо лучше тех, что Вы видели на стене. Заставляет лизать все свои вещи (вплоть до чемодана), чтобы (мне) почувствовать, какое море соленое.

Дела наши хуже нельзя.

Да! я тогда по-настоящему и не поблагодарила Вас за те сто франков, только с жадностью их забрала. – Спасибо огромное.

До свидания, целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

Avenue Jeanne d'Arc

30-го сентября 1931 г.

Нынче иду с Синезубовым к Вожею.

Медон, 8-го октября 1931 г.,

сегодня именины Сергея Яковлевича, а он в постели, в grippe

Дорогая Саломея,

Огромное спасибо за иждивение, – терм с Божьей и Вашей помощью с плеч сбыли.

Но тревожит чужая тревога, а именно дела Синезубова. Мы была с ним у Вожея, который нас очень хорошо принял, паспорт рассматривал с тщательностью пограничника, ничего не забыл, обо всем спросил и, главное, все записал.

Расстались мы на том, что он известит Вбс.

Но нынче уже 8-ое, а синезубовская виза кончается 20-го, бедный малый в безумной тревоге и тоске, а главное – и м. б. вина моя – что он еще не подавал никакого прошения о продлении визы. Моя просьба к Вам, милая Саломея, сводится к следующему: узнайте у Вожея (он, естественно, мог забыть) есть ли надежда на продление визы – раз, и нужно ли, и кому, и как подавать прошение – два. Я в этих делах абсолютно-неопытна, а Синезубов уж подавно (подавлен).

И еще одна просьба, милая Саломея (NB! сказка про рыбака и рыбку, – но рыбак плохо просил) на этот раз для Али: не смогли бы Вы достать у Вожея «Les Tricots» – Octobre 1931 – supplément au Jardin des Modes, [692] – у него их наверное много, купить – 15 фр. (чудный альбом и стуит) – а Але необходимо, так как она все время вяжет и часто на заказ, в следующий раз приеду в ее фуфайке.

До свидания, милая Саломея, а то, боюсь, еще что-нибудь попрошу МЦ.

– Ту статью все еще пишу [693] и обращаю ее к «воображаемому собеседнику» – Вам.

Медон, 23-го октября 1931 г.

Дорогая Саломея!

On Vous prie par des paroles, Vous reponder par des actes: [694] только что письмо от Синезубова, – Вы представляете себе какое. [695] Его Вы, в случае чего, предъявите на страшном суде.

А вторым (первым в порядке дней) акт'ом, т. е. «Les Tricots», по-своему осчастливлена Аля и – рикшетом – я, потому что у меня будет чудная фуфайка.

Словом (тьфу, тьфу!) все к лучшему. Бесконечно-рады, Сергей Яковлевич и я, за Синезубова, это сейчас абсолютно-счастливым человек. Ему, кроме работы в Париже, ничего не нужно. Кстати, это выкормыш того странного монаха, [696] который у Вас что-то унес. Монах сейчас священник в Марселе и обучает маленьких детей (как уносить – подальше).

Статья моя (NB! целая книга) об искусстве кончена, если разрешите посвящаю ее Вам: знаю, что во всех пунктах спорная, а в целом неотразимая (как все очень живое, как я сама).

Обнимаю Вас и бесконечно благодарю

МЦ.

Медон, 17-го ноября 1931 г.

Дорогая Саломея!

Во-первых – огромное спасибо за Синезубова: счастливее человека нет.

Во-вторых – статью Искусство при свете совести я мысленно посвятила Вам с первой секунды нашего последнего разговора – до всяких Синезубовых.

В-третьих – статью, а не поэму, потому что высоких поэм у меня, кажется, нет – (вообще, кажется, нет!) – а статья определенно на высокий лад, без обольщений (неисполненных, никогда, искусством обещаний).

В-четвертых – очень хочу повидаться (нумерация по срочности выяснения: не хочу думать, что Вы думаете, что я что-нибудь способна сделать в благодарность за поступок (Синезубова), а не за сущность (Вас самоё, безотносительно меня и Синезубова).

В-пятых: Сергей Яковлевич фабрикует картон для домов: тепло-холо-звуко-непроницаемый. (Этот картон – почему-то – из стекла.) Изобретение не его. Он – только руки.

В-шестых и кажется в последних – скромная просьба об иждивении (слово, привезенное мною из Чехии и понятное только русским студентам и профессорам – и ВАМ!)

Нет – и, в-седьмых, нашлось! – как только кончу переписку статьи, дам ее Вам на прочтение, взяв слово, что дочитаете до конца.

Целую Вас, Сергей Яковлевич сердечно приветствует.

МЦ.

Мур Вас помнит и изредка делает попытки проникнуть к Вам в гости.

Медон, конец ноября – начало декабря 1931, суббота

Дорогая Саломея!

Это письмо Вы должны были получить вчера, т. е. не это, а потерянное: потеряла в доме и найду через год.

Повторю вкратце:

Не писала Вам сначала, п. ч. со дня на день ждала иждивения, а потом, чтобы не звучало как напоминание, но все время о Вас думала, вернее думала, что Вы считаете меня свиньей.

Очень хочу повидаться, давайте на через-следующей неделе, когда хотите, на этой я должна допереписать свою статью (м. б. возьмут сербы (!)[697] – очень большая и статья и работа, а времени мало: вчера заболел Мур (желудочное, с рвотой и жаром; три дня ели одну чечевицу «lentilles russes», [698] вот и засорился). Нынче жар уже меньше (вчера вечером было под сорок), заняли немножко денег и купили слабительного.

Сергей Яковлевич служит, но службу выселили с квартиры (с huissier![699]) Сережа спасал динамомашину и материалы. Потому временно не платят, но потом кажется опять будут (200 фр. в неделю, больше у нас нет ничего, а сейчас просто ничего).

Итак жду Вашего зова от понедельника той недели, когда хотите.

Целую Вас и очень люблю

МЦ.

Медон, 29-го декабря 1931 г.

Дорогая Саломея,

Обращаюсь к Вам с очередной просьбой, а именно: не могли бы Вы поспособствовать Алиному устройению в какой-нибудь модный журнал (figurines).[700] Она очень талантлива как раз в фигуре, линии и т. д. и не сомневаюсь, что была бы принята – если была бы двинута. Вся надежда сейчас на ее заработки: мои Вы знаете (NB! вечер дал всего 200 фр., а 1-го терм – 1300 фр., а Сергей Яковлевич своим картоном вырабатывает всего 200 фр. в неделю да и то с задержками и перерывами в работе. Сейчас например две недели перерыву, т. е. две недели не будет ничего. Положение отчаянное, вот я и подумала, что м. б. Вы что-нибудь сможете сделать для Али.

Ее рисунки ничуть не хуже хороших профессиональных, а – была бы надежда на устройство – после месяца «figurines» в школе она бы многих просто забила. Не материнское самомнение, а мнение знающих.

Подумайте об этом, милая Саломея, тогда она с 1-го января записалась бы на курс figurines и к 1-му февраля могла бы уже подать мастерские вещи.

Другого исхода не вижу. Если бы Вы захотели, она могла бы Вам привезти показать имеющееся.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Простите за зверский эгоизм письма, но мы по-настоящему тонем.

Целую Вас.

МЦ.

Медон, 22-го февраля 1932 г.

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милая Саломея,

(Помните: Шаломея – от: шалая)

Вы меня совсем забыли, никогда не зовете в гости и я даже немножко обижена (что без меня так окончательно-хорошо обходятся).

Хотя знаю, что Вы служите, а может быть и хвораете. Поэтому не зовете меня скоро, но когда-нибудь все-таки позовите.

Дела наши гиблые, гиблейшие... 1-го апреля переезд – мы уже отказались, ибо вытянуть не можем – пока неизвестно куда. Жалею лес, которым утешалась.

Обнимаю Вас и жду весточки, спасибо за Алю, что вы думаете о ее хронических лошадях?

Сердечный привет от всех. Мура включая. Вы единственное женское существо, про которое он говорит: ничего себе (высшая хвала!).

МЦ.

Наверху – рисунок лошади; внизу – приписка:

Дорогая Саломея Николаевна, нет ли у Вас книги «La belle saison» Martin du Gard'a?[701] На эту книгу объявлен конкурс иллюстраций, у нас ее нет, купить, конечно, не на что; и вот ищу по знакомым. Целую крепко. Аля.

11-го марта 1932 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея, завтра еду в Брюссель читать уже знакомый Вам доклад «Поэт и время»[702] в Клубе Русских Евреев (приглашение). Поэтому в понедельник быть у Вас не смогу – возможно, что задержусь на несколько дней в попытке устроить

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
французский вечер.

Положение наше отчаянное: с квартиры съезжаем 1-го, не платили 2 месяца, итого 900 фр., сняли другую в Клараре, дешевле нашей на тысячу, исходив предварительно все окрестности. 1-го должны внести тысячу фр. за триместр (нашли без залога). Из Бельгии привезу немного, – знаю от уже ездивших по тому же приглашению, немного подработает и Сергей Яковлевич, но все это конечно не составит и половины. Без уплаты здесь – не выпустят, а без уплаты там – не впустят. А еще переезд.

Воплю о помощи на все стороны, воплю и к Вам: милая Саломея, выручите еще раз, соберите что можете – иначе нам совсем погибать.

По возвращении из Брюсселя спишусь с Вами, когда встретиться. Желаю здоровья и приличного самочувствия – у меня от всех этих лестниц, этажей, dйbarras'ков[703] с окном и без, достоверных жеранов[704] и призрачных hussiers[705] –несколько безумное.

Обнимаю Вас

МЦ.

18-го марта 1932 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Саломея,

Обращаюсь к Вам со следующей отчаянной просьбой: я только что из Бельгии, из поездки ничего не вышло: 250 бельгийских франк. вместо 500 французских, на которые рассчитывала и вправе была рассчитывать.

Подробности моих злоключений – устно.

Пока же: 1-го, т. е. через 12 дней, мы должны выехать и въехать, ибо подписала новому хозяину обязательство, как и он – нам.

Плата с триместрами, т. е. при въезде нужно внести ровно тысячу.

Здесь мы не платили два месяца, итого 866 фр., словом (переезд включая) необходимы две полных тысячи. Тысячу надеюсь сколотить из предполагаемого на днях заработка Сергея Яковлевича, авансов в Воле России[706] и одном сербском журнале и ряде частных заёмов по 50 или возле-франков. Но второй тысячи нет и быть не может, наши возможности исчерпаны досуха. Дмитрий Петрович прислал 2 фунта, которые уйдут на жизнь, – до 1-го. В доме голод и холод.

Дорогая Саломея, сделайте чудо, иначе мы по-настоящему погибли. Вещей без уплаты здесь естественно не выпустят, вообще – тупик.

Целую Вас и воплю о помощи.

МЦ.

Самое ужасное, что у нас всего 12 дней.

16-го мая 1932 г.

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

Дорогая Саломея!

Сердечная просьба: 26-го мой доклад – Искусство при свете Совести (помните разговор осенью? то самое). Посылаю вам 10 билетов с просьбой по возможности распространить – чем дороже, тем лучше, но не меньше 10 фр. билет. Мы в самой черной нищете, живем вчетвером на Алины еженедельные 40 фр. (figurines), то есть – гибнем. В Париж ходим пешком и т. д.

Оттого не писала и не бывала.

Обнимаю вас и люблю

МЦ.

12-го августа 1932 г.

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

Дорогая Саломея, видела вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким безумием любви и тоски, что первая мысль, проснувшись: где же я была все эти годы, раз так могла ее любить (раз, очевидно, так любила), и первое дело, проснувшись – сказать вам это: и последний сон ночи (снилось под утро) и первую мысль утроб.

С вами было много других. Вы были больны, но на ногах и очень красивы (до растравы, до умиленности), освещение – сумеречное, всё слегка пригашено, чтобы моей тоске (ибо любовь – тоска) одной гореть.

Я все спрашивала, когда я к вам приду – без всех этих – мне хотелось рухнуть в вас, как с горы в пропасть, а что там делается с душой – не знаю, но знаю, что она того хочет, ибо тело = самосохранение. – Это была прогулка, даже променада – некий обряд – вы были окружены (мы были разъединены) какими-то подругами (почти греческий хор) – наперсницами, лиц которых не помню, да и не видела, это был ваш фон, хор, – но который мне мешал. Но с вами, совсем близко, у ног, была еще собака – та серая, которая умерла. Еще помню, что вы превышали всех на голову, что подруги, охранявшие и скрывавшие – скрыть не могли. (У меня чувство, что я видела во сне вашу душу. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом вашим телом: телом вашей души.) Воспоминание о вас в этом сне, как о водоросли в воде: ее движения. Вы были тихо качаемы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
каким-то морем, которое меня с Вами рознило. – Событий никаких, знаю одно, что я Вас любила до такого исступления (безмолвного), хотела к Вам до такого самозабвения, что сейчас совсем опустошена (переполнена).

Куда со всем этим? К Вам, ибо никогда не поверю, что во сне ошибаются, что сон ошибается, что я во сне могу ошибиться. (Везде – кроме.) Порукой – моя предшествующая сну запись: – Мой любимый вид общения – сон. Сон – это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, мое освещение, мой час суток, мое время года, моя широта и долгота. Только в нем я – я. Остальное – случайность.

Милая Саломея, если бы я сейчас была у Вас – с Вами – но договаривать бесполезно: Вы меня во сне тбк не видели, поэтому Вы, та, меня ту (еще ту!) навряд ли поймете. А та – понимала, и если сразу не отвечала, когда и где, если что-то еще длила и отдаляла, – то с такой всепроникающей нежностью, что я не отдала бы ее ни за одно когда и где.

Милая Саломея, нужно же чтобы семь лет спустя знакомства. Вам, рациональнейшему из существ – я, рациональнейшее из существ...

Если бы я сейчас была с Вами, я наверное – ни рацию, ни семилетие знакомства, ни явная нелепость сна при свете дня – rien n'y tient! [707] – достоверно – знаю себя! – врылась бы в Вас, зарылась бы в Вас, закрылась бы Вами от всего: дня, века, света, от Ваших глаз и от собственных, не менее беспощадных. – Сознание (иногда): неузнавание, незнание, забвение.

Саломея, спасибо, я после нынешней ночи на цылую тоску: цылую себя – богаче, больше, дальше.

Дико будет читать это письмо? Мне еще не дико его писать. Мне было так естественно его – жить.

Саломея, у меня озноб вдоль хребта, вникните: наперсницы, греческий хор, обряд ложноклассической променады, мое ночное видение Вас – точное видение Вас О. Мандельштама. [708] Значит, прежде всего поэт во мне Вас такой сновидел, значит – правда, значит. Вы та и есть, значит, та – Вы и есть. Не могут же ошибиться двое: один во сне, другой наяву. (Двух поэтов, как вообще ПОЭТОВ (множественного) нет, есть один: он всё тот же.)

Нынче ночью Вы были точным лицом моей тоски, так давно уже не заимствовавшей лиц: ни мужских, ни женских. И – озарение: ах, вот почему тогда, семь лет назад, Д. П. Святополк-Мирский не хотел нас знакомить. Но – откуда он взял (знал) меня – ту, не ночующую даже в моих стихах, только в снах, которых ведь он – не знал, меня в которых – ведь – не знал: меня – сновидящую? А как он был прозорлив в своей ревности (за семь лет вперед!) и как дико неправ – ибо тбк, тбк, тбк любить, как я Вас любила в своем нынешнем сне (так – невозможной) – я никогда не могла бы – чту, его! – никого, ни одного его, ни на каком яву. Только женщину (свое). Только во сне (на свободе).

Ибо лицо моей тоски – женское.

Милая Саломея, это письмо глубоко-беспоследственно. Что с этим делать в жизни? И если бы я даже знала чту – то: что с этим сделаю жизнь! (И вот уже строки:) Сознание? Дознание

– и дальше:

Дознание сознания

– и еще:

До – знание (наперед – знание) обратное дознанию (post fact'ному, т. е. посмертному), игра не слов, а смыслов – и вовсе не игра.

Мне сегодня дали прочесть в газете статью Адамовича о стихах, где он говорит, что я (Марина Цветаева) хотя и хорошо пишу, но – ничей путь. Саломея! он совершенно прав, только это для меня не упрек, а высшая хвала, т. е. правда обо мне, о правде поэтов сказавшей;

«Правда поэтов – тропа, зарастающая по следам». Так и моя (сонная, данная правда о Вас, правда меня к Вам когда-нибудь зарастет, но я нарочно не иду, стою посреди своего сна как посреди леса, спиной ощущая, что тб – Вы (ты – Вы!) еще там (здесь).

Саломея, Вы сухи. Вы сплошная сушь (кактус), и моя сушь по сравнению с Вашей – подводная яма. Я никогда, ни разу за все семь лет не видела Вас что-нибудь до самозабвения любящей, но раз я Вас, именно Вас, без всякого внешнего повода, о Вас не думая и даже – забыв – Вас такой видела, тб Вы есть, другая Вы – есть. Иначе вся я, с моими стихами и снами, ничего не стую, вся – мимо.

Кончаю в грозу, под такие же удары грома, как внутри, под встречные удары сердца и грома, под такие же молнии, как молния моего прозрения – Вас: себя к Вам. Ибо – оцените такт моего сердца, хотя и громового. – Вы меня во сне вовсе не так любили (так любить двоим – нельзя, места нет!).

– Саломея, электричество погасло, чтобы одни молнии! пишу в грозовой темноте – итак: Вы меня в моем сне вовсе и не любили. Вы просто ходили зачарованная моей любовью. Вы ходили, чтобы я на Вас смотрела, Вы просто красовались, но не тем кобылицыным красованием красавиц, а красотой любимого и невозможного существа.

Милая Саломея, письмо не кончается, оно единственное, первое и последнее от меня (во всем охвате вещи) к Вам (во всем охвате – Вашем, который знаете только Вы). И даже когда кончится – как нынешний сон и, сейчас, гроза, – внутри не кончится – долго. Я всё буду ходить и говорить Вам – всё то же бесполезное, беспоследственное, беспомощное, божественное слово.

Милая Саломея, лучше не отвечайте. Чту на это можно ответить? Ведь это не вопрос

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– и не просьба – просто лоскут неба любви. Даю Вам его – в ответ на всё, целое,
которое в том (уже – том!) сне дали мне – Вы.

Знаю еще одно, что при следующей встрече – через день или через год – или: через
год и день (срок для найденной вещи и запретный срок всех сказок!) – нб людях,
одна, где и когда бы я с Вами ни встретилась, я буду (внутри себя) глядеть на
Вас иначе, чем все эти семь лет глядела, может быть вовсе потуплю глаза – от
невозможности скрыть – от безнадежности сказать.

Марина

P. S. – 14-го августа 1932 г.

Но все-таки (сознаю свое малодушие) хочу знать, Саломея, о Вас: где Вы и что и
как Ваше здоровье и чему Вы радуетесь и радуетесь ли.

Ведь не могу же я сразу (два дня прошло) утратить Вас – всю. Видите – обычная
сделка с жизнью.

Еще одно: помните. Вы как-то целый вечер воевали с каким-то платочком
(нашейным), вся прелесть которого якобы долженствовала состоять в его
непринужденности. – Не могу носить неприкаянных вещей! – так Вы, кажется,
сказали и, наконец с отвращением – его сняли. Вспомнила это, вспоминая ту –
Вашего ночного шествия (вдоль моей души!) – одежду, явно – не Вашу, ибо явно –
наброшенную. И Вы, Саломея, в моем сне были на свободе, на той, которую в жизни
не только не ищите – не выносите.

Ах и под самый конец – листка и сна – поняла: это были просто Елисейские Поля,
не эти – те, и только потому я все семь лет подряд ничего не видела, что не
вслушалась в смысл слова.

Приписка на полях:

(NB! Причем – Theodore Deck?!)[709]

6-го октября 1932 г.

Clamart

101, Rue Condorcet

Дорогая Саломея,

Простите, что начинаю с просьбы. 13-го, в четверг (Maison de la Mutualité) мой
вечер – вернее вечер моей памяти о М. Волошине. А 15-го – терм. Посылаю Вам 10
билетов с горячей просьбой по возможности распространить.

Дела мои очень плохи.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обнимаю Вас

МЦ.

Стамарт, 14-го Октября 1932 г.

Дорогая Саломея,

Как я счастлива, что Вы наконец вернулись. У меня такое странное чувство к Вам – несказанное в жизни – может быть когда-нибудь в стихах – такое щемящее чувство... что я счастлива, что я не на десять лет моложе: когда я еще пыталась такие чувства – все же – как-то – осуществить. (Сколько было бы лишней муки!)

– Ладно. –

Вечер прошел очень хорошо, увлеченно и увлекательно. Читала, Саломея, 2 часа 45 минут с крохотным перерывом – дух перевести! – до самого закрытия зала: два раза отчаявшийся швейцар присылал записки, что потушит свет. Кончили в полночь. Зал – весь читательский: ни одного писателя (сволочи, нет, старики, именно дохлые старики, я не из-за себя ругаюсь, из-за Макса). Но можно сказать, что мой скромный зал вчера был сплошной и один очаг любви.

(Отрывки Вам с удовольствием почитаю при встрече, все – щемяще-веселые!)

Обнимаю Вас и совсем не знаю, как опять влезу в благонадежное русло нашего с вами приятельства.

Марина

Приписки на полях:

Самое сердечное спасибо за билеты и за то, что не говорите как было трудно вручить.

Саломея! А у нас с вами общий приятель: кавказец, с лица родной дедушка Мура. Угадайте!

декабрь 1932

Дорогая Саломея!

Как грустно, что мы только билетно общаемся! Все ждала Вашего обещанного зова, сколько раз выходила из Вашего метро – и все не в ту сторону. Зайти на авось – не решалась, но каждый раз думала – не без горечи.

А теперь опять это билетное дело. Нужда зверская (собранные берегу для будущего терма и переезда) – а тут еще праздники, и все идут за чаями. Вечер, пока, наш единственный ресурс.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Милая Саломея, сделайте что можете.

Буду читать стихи 20 лет назад.[710] Придете?

Обнимаю Вас.

МЦ.

5-го янв(аря) 1933 г.

Адрес после 10-го тот же Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Саломея,

Только два слова (на мне сейчас четыре одновременных рукописи)

1) никакой обиды

2) спасибо

После переезда, этой пятой горы, сообщусь по существу.

Целую.

МЦ.

Приписка на полях:

Рукописи:

1) Эпос и лирика современной России[711]

2) Neuf lettres de femme[712]

3) Живое о живом (переписка, правка).[713]

4) Перевод статьи Бердяева о чем еще не знаю

3-го апреля 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Саломея!

Мне очень совестно, что беспокою Вас билетными делами – тем более, что Вы совсем ко мне оравнодушили. (Я продолжаю, временами, видеть Вас во сне, – это тоже осененность, и больше чем наша вещь в нас.)

Вечер м. б. будет интересный, я сейчас ни в чем не уверена. Цена билета 10 фр. Скоро терм. Часть Извольского фонда волей-неволей проедена, приходится дорабатывать. [714]

Сделайте что можете! Обнимаю Вас и от души желаю хорошей Пасхи.

МЦ.

16-го апреля 1933 г., Пасха

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

Все совсем просто – как во сне, и я поняла это сразу как во сне – без фактов, которые меня всегда только сбивают.

Вы ушли в новую жизнь, вышагнули (как из лодки) из старой – (м. б. с берега в воду – это неважно, из чего-то – во что-то) и естественно не хотите ничего из старой: а я из старой, вернее – мое явление к Вам на пороге – из старой, со старую порога. Это проще простого, и я это глубоко понимаю – и, больше, – Вам глубоко сочувствую: я сама бы так. И только так и можно.

И никакие человеческие «предположения» меня не собьют.

Обнимаю Вас.

МЦ.

15-го мая 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Саломея,

Простите за напоминание, но если у Вас продались какие-нибудь билеты на мой вечер, было бы чудно, если бы Вы мне сейчас прислали на мое нынешнее полное обмеление.

Как-то встретила Мочульского, он тоже Вас не видел – уже год. Обнимаю Вас и думаю всегда с нежностью.

МЦ.

Вера Сувчинская выходит замуж за молодого (очень молодого) англичанина [715] и едет в Россию. Жених уже там и познакомился с Мирским, который на днях отбыл в Туркмению. [716]

лето 1933

Дорогая Саломея,

Сердечное спасибо, хотя – увы, увы – эти деньги мне придется сдавать Извольской, которая как дракон на страже моих термовых интересов. (Какое жуткое слово terme, какое римско-роковое, – каменное, какое дважды-римское – Рима Цезарей и Рима Пап, – какое дантовское слово, если бы я была французским поэтом, я бы написала о нем стихи.)

А Вы знаете, Саломея, что мы должны переехать в Булонь, потому что Мур с осени поступает в русскую гимназию: вернее, мы с Муром (я тоже все забыла). Прохожу с ним сейчас дни творения, не менее, а более недоступные разуму, чем Апокалипсис.

– Ну, Мур, какое же небо сотворил Бог в первый день? Небо. Мур, перебивая: – Знаю. Сам скажу. Святое пространство.

Что же такое твердь? Вместителище для... освещения.

Дорогая Саломея, могла бы писать Вам без конца. Обнимаю Вас. Спасибо.

МЦ.

23-го сентября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Саломея,

Разрешите мне совершенно чистосердечный вопрос: можем ли мы рассчитывать на Ваш сбор к октябрьскому терму? Дело в том, что с Е. А. Извольской, неизвестно почему и как, создались такие сложные отношения, что выяснить ничего невозможно, сам вопрос уже невозможен. Не удивляйтесь: там, где психика вмешивается в деловое – обоим плохо.

Умоляю, милая Саломея, никогда ни звуком не обмолвиться ей об этом письме, она человек страстей, и плохо придется уже не «делам» и не психике, а просто мне. Но не объяснить этого моего Вам запроса было невозможно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мур на днях поступает в школу, пока что во французскую, здесь же, п. ч. на переезд и устройство в Булони (русская гимназия) не оказалось денег. Я пишу прозу, которую Вы, м. б., иногда в Последних Новостях читаете.[717] Стихов моих они решительно не хотят, даже младенческих. Аля кончила свою школу живописи и теперь будет искать работы по иллюстрации. О Сергее Яковлевиче.. Вы наверное знаете.[718]

Вот и все пока. А что – у Вас, с Вами?

Жду ответа и сердечно обнимаю

МЦ.

26-го сентября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милая Саломея,

Итак, начистоту: Елене Александровне[719] все это – просто – надоело. Если она узнает, что у Вас что-нибудь имеется, она на Ваших лаврах опочит и преподнесет мне Ваше – как свой собственный сбор. Нужно, чтобы Вы, если она Вас запросит, ответили ей неопределенно, а деньги послали ей не раньше 10-го, чтобы дать ей время, обеспокоившись, самой что-нибудь сделать.

И очень попросила бы как-нибудь обмолвиться в сопроводительном письме или при встрече, что Вы меня известили. Важно, чтобы она знала, что я знаю, что столько-то – Ваше. А то в прошлый раз была очень неприятная неопределенность, я многое знала, чего не могла сказать. Она с БОЛЬШИМИ СТРАННОСТЯМИ. Умоляю меня не выдавать. А сообщение мне Вы можете объяснить моим беспокойством (СУЩЕМ!) о терме и Муриной школьной плате. Но все это не раньше 10-го. Пока же – отмалчивайтесь. Пусть сама постарается. Простите за эти гадости.

Целую и благодарю

МЦ.

12-го октября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Саломея,

Огромное спасибо – и все, как нужно. Кстати, Е. А. Извольская, которая сама всю эту «мне-помощь» затеяла, сейчас от нее решительно отказывается, полагаясь на мое «устройство» в Последних Новостях (раз в полтора месяца статья в 200 фр. и вообще на Бога. Бог с ней, но свинство большое, тем более, что не откровенное, а

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
лицемерное.

2) Сережа здесь, пбспорта до сих пор нет, чем я глубоко-счастлива, ибо письма от отбывших (сама провожала и махала!) красноречивые:

один все время просит переводов на Торг-фив (?), а другая, жена инженера, настоящего, поехавшего на готовое место при заводе, очень подробно описывает как ежевечерне, вместо обеда, пьют у подруги чай – с сахаром и хлебом. (Петербург).

Значит Сереже остается только чай – без сахара и без хлеба – и даже не – чай.

Кроме того, я решительно не еду, значит – расставаться, а это (как ни грыземся!) после 20 лет совместности – тяжело.

А не еду я, п. ч. уже раз уехала. (Саломея, видели фильм «Je suis un ivade», [720] где каторжанин добровольно возвращается на каторгу, – так вот!) [721]

3) Веру Сувчинскую выдаю постоянно, но непдробно. Живет в городе, в Кламар приезжает на побывку, дружит с неизменно-еврейскими подругами, очень уродливыми, которые возле нее кормятся (и «душевно» и физически), возле ее мужских побед – ютятся («и мне перепадет!»), а побед – много, и хвастается она ими, как школьница. Свобода от Сувчинского ей ударила во все тело: ноги, в беседе, подымает, как руки, вся в непрерывном состоянии гимнастики. Больше я о ней не знаю. Впрочем есть жених – в Англии.

4) я. весь день aller-et-retour, с Муром в школу и из школы. В перерыве зубрежка с ним (или его) уроков. французская школа – прямой идиотизм, т. е. смертный грех. Все – наизусть: даже Священную Историю. Самое ужасное, что невольно учу и я, все вперемежку: таблицу умножения (которая у них навыворот), грамматику, географию, Галлов, Адама и Еву, сплошные отрывки без связи и смысла. Это – чистый бред. Наши гимназии перед этим – рай. ВСЁ НАИЗУСТЬ.

Писать почти не успеваю, ибо весь день раздроблен – так же как мозги.

Кончаю большую семейную хронику дома Иловайских, резюме которой (система одна со школой!) пойдет в Современных Записках, т. е. один обглоданный костяк.

Вот моя жизнь, которая мне НЕ нравится!

Аля пытается устроить свои иллюстрации, дай Бог, чтобы удалось, дела очень плохие.

Мне нравится Ваше «неудержимо-старею», в этом больше разлету, чем в теннисовой ракетке, к которой ныне сведена молодость. Точно Вы «старость» оседлали, а не она Вас. Милая Саломея, разве Вы можете состариться?! И если бы Вы знали, как мне с «молодежью» скучно! И – глупо.

Обнимаю Вас, спасибо, – и, по системе Куэ: – «Все хорошо, все хорошо, все хорошо».

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

6-го апреля 1934 г., Страстная пятница.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

(Как всегда – опережаю события и – как часто – начинаю со скобки.) А Вы знаете, что у меня лежит (по крайней мере – лежало) к Вам неотправленное письмо, довольно давнишнее, сразу после моего Белого, сгоряча успеха[722] – и горечи, что Вас не было, т. е. сознания, что я утратила для Вас свой последний смысл.

Но так как основа моей личной природы – претерпевание, даже письма не отправила.

А сейчас пишу Вам, чтобы сердечно поблагодарить за коревую помощь, о которой мне только что сообщила Е. А. Извольская – в окликнуть на Пасху – и немножко сообщить о себе.

Начнем с Мура, т. е. с радостного:

Учится блистательно (а ведь – французский самоучка! Никто слова не учил!) – умен-доброты (т. е. чувствительности: болевой-средней, активист, философ, – я en beau et en gai,[723] я – без катастрофы. (Но, конечно, будет своя!) Очень одарен, но ничего от wunderkind'a, никакого уродства, просто – высокая норма.

Сейчас коротко острижен и более чем когда-либо похож на Наполеона. Пастернак, которому я посылала карточку, так и пишет: – Твой Наполеонид.[724]

С Алей – менее удачно: полная эмансипация, т. е. служба (у Гавронского-сына,[725] между нами – задешево и на целый день, и, главное, после шести полных лет школы рисования.) служба, ее изводящая: худоба, худосочие, малокровие, зевота, вялость, недосыпание, недоедание и, теперь, корь. Не-моя порода – ни в чем, сопротивление (пассивное) – во всем. Очень от нее терплю. Все это – между нами: слишком много будет злорадства. Главное же огорчение – ее здоровье: упорство в его явном, на глазах, разрушении. И – ничего не могу: должна глядеть. Много зла, конечно, сделали общие знакомые, годами ведшие подкуп. Но это, кажется – всегда. Вообще, все – всегда.

Сергей Яковлевич разрывается между своей страной – и семьей: я твердо не еду, а разорвать двадцатилетнюю совместность, даже с «новыми идеями» – трудно. Вот и рвется. Здоровье – среднее, т. е. все та же давняя болезнь печени. Но – скрипит.

А я очень постарела, милая Саломея, почти вся голова седая, вроде Веры Муромцевой,[726] на которую, кстати, я лицом похожа, – и морда зеленая: в цвет глаз, никакого отличия, – и вообще – тьфу в зеркало, – но этим я совершенно не огорчаюсь, я и двадцати лет, с золотыми волосами и чудным румянцем – мало нравилась, а когда (волосами и румянцем: атрибутами) нравилась – обижалась, и даже оскорблялась и, даже, ругалась.

Просто – смотрю и вижу (и даже мало смотрю!)

Главная мечта – уехать куда-нибудь летом: четыре лета никуда не уезжали, Мур и я, а он – так заслужил. («Мама, почему мы ездили на море, когда я был ГРУДНОЙ ДУРАК?!»)

Со страстью читает огромные тома Французской Революции Тьера и сам, на собственные деньги (десять кровных франков) купил себе у старьевщика не менее огромного Мишлэ. Так и живет, между Мишлэ и Микэй. [727]

Е. А. Извольская пишет, что Ваша дочь выходит замуж. [728] Как все это молниеносно! Помните, ее розовые и голубые толстые доколенные платья, которые потом носила Аля?

(Милая Саломея, не найдется ли для Али пальто или вообще чего-нибудь? Всякое даяние благо. Она теперь так худа, что влезет в Ваше, а ростом – с Вас, словом живой Сергей Яковлевич. Если дб, она сама бы заехала, п. ч, скоро возвращается на службу и у нее там обеденный перерыв. Хорошо бы, например, юбку. У нее – нет.) Обнимаю Вас, милая Саломея, спасибо за память и помощь.

МЦ.

Мы опять куда-то переезжаем: куда?? (До 1-го июля – здесь.)

Среда, кажется 18-го апреля 1934 г.

Дорогая Саломея!

Итак, будем у Вас, – Мур и я – в пятницу к 12 ч. 30 – 1 ч. А Аля, если разрешите, зайдет к Вам в другой раз, – мне гораздо приятнее повидаться с Вами наедине, вернее: приятность здесь ни при чем, а просто, когда два говорят (а говорить будем мы, п. ч. мы, Вы как и я, не-говорить не можем!) – итак, когда двое говорят, а третий слушает – нелепость. А Мур – не третий, п. ч. не только не слушает, но – не слышит: читает книжку или ест.

Итак, до послезавтра. Наконец.

Обнимаю Вас, люблю и радуюсь.

МЦ.

Мур Вас помнит и тоже очень радуется.

18-го Октября 1934 г.

33, Rue Jean Baptiste Potin

Vanves (Seine)

Дорогая Саломея!

Огромное спасибо за терп и смущенная просьба: попытаться пристроить мне 5 билетов на мой вечер 1-го. Вещь (проза) называется:

Мать и Музыка.

Мне этот вечер необходим до зарезу, ибо вот уже четвертый месяц не зарабатываю ничем, а начались холода.

Мы переехали в двухсотлетний дом, чудный, но от природы, а м. б. старости – холодный. Пишу, дрожа, как челюскинцы и их собаки.[729]

Обнимаю Вас (ледяными руками) и горячо благодарю за все бывшее и... еще быть имеющее.

МЦ.

СУВЧИНСКОЙ В. А
St. Gilles-sur-Vie, 6-го сентября 1926 г.

Добрый вечер, дорогая Вера Александровна!

Пишу Вам после ужина, в тот час, когда Вы с Петром Петровичем приходили, посему – обычное приветствие. (Только сейчас поняла, что Вы, непривычная к моей руке, еще ни одной буквы не поняли, и первую – р, например, или Ъ поймете только в конце.)

Сначала о Муре, верней о Мурах – Вашем и моем. Ваш чудесен, лучше, т. е. четче, нельзя. Вышла даже дырка на штанишках. Лучшее Мурино или как говорит Сережа – муриное-изображение. Нежное спасибо Вам: океанский, вернее сахбрский Мур увековечен.

Теперь о моем: мой, в данный час, неудачней вашего. Вот уже две недели на диете, желудок не налаживается, похудел. Чудный живот спал, становится, к моему огорчению (о Муре говорю), просто хорошо-глядящим ребенком. Мне этого мало. Говорит: Лель (Лелик), [730] Аля и дядя, совсем отчетливо. Громко и многоречиво ругается (в маленьком садике) на прохожих. В 5 ч. (после моря) перестал спать, два дня сряду дико баловался, пришлось прекратить. Мой «писательский» час еще урезался. Либо мою посуду – Аля с Муром, либо Аля – посуду, я с Муром.

Сережа и Аля (животы) наладились, Сережа очень похудел. В данный час терзается угрозой хозяйки потянуть нас к мировому за стирку (фактически: ополаскивание двух детских штанов) в комнате... Когда я ей кротко возразила, что ополоснуть не есть стирать, она послала меня: «dans le derrière du chien voir si j'y suis», [731] на что получила созерцательное: «Vous y ktes surement». [732] Грозится жандармами и выселением... Целые дни шепчется с разными дамами и куаффами, носится по городу, шепча и клеветца. Ваша хозяйка, очевидно, будет лжесвидетельницей.

Боюсь себя на суде: 1) юмора 2) откровенности и – чтобы не насчитывать – общего ПОДЪЕМА... далеку заводящего!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как пример: Лелика, спокойно сидевшего с Алей на приступеньке за книжкой, выгнала из сада с воплями: «Assez d'йtrangers dans mon jardin!», [733] на что Аля потом, целый день пела (напев «Il йtait une bergire») – «Il йtait une Madame – ron, ron, ron, petit patapon – il йtait une Madame – qui gardait son jardin comme un chien, qui gardait son jardin comme un chien» [734]

Погода разная. Еще купаемся. Андреевские дети на суше великаны, в воде тритоны. Я в жизни не видела такого купанья. Вода для них воздух, – проще воздуха. Выйдя на берег, перешвыриваются – как фокусники шарами – целыми глыбами. Все трое черные, все трое огромные (крохотный – куда меньше Али – 14-летний младший внезапно, в 4 месяца, вырос с Сережу), все трое ловкие. Таких здесь нет. да и нигде нет.

5-го (вчера) был день Алиного тринадцатилетия (праздновали по-новому, по-настоящему 5/18-го), жалела – да все жалели – что вас обоих нет: были чудные пироги: капустный и яблочный, непомерная дыня и глнтвейн. Аля получила ко дню рождения: зубную щетку и пасту (ее личное желание), красную вязаную куртку – очаровательную, – тетради для рисования, синие ленты в косы и две книги сказок: Гримма (увы, по-французски!) и – полные – Перро, с пресловутыми *moralites*. [735] Лелик поднес ей огромный букет (шел озабоченный и сияющий, как жених) и – оцените! – склянку кюрасо, которого Аля не стала пить, потому что «крепко и жжется». Была у нас и бедная (т. е. мне ее жалко) родственница Анны Ильиничны – немножко отойти от своих великанят – пасет их целые сутки.

Сейчас иду к Александре Захаровне [736] – уезжает послезавтра в Париж. И Сережа наверное скоро. С ужасом думаю о предстоящем мне единоличном сожительстве с бесовкой (хозяйкой) – и о всех мебелих которые придется покупать. Не весь ли дом перестраивать? Скажет – отсырили (муркиными штанами) стену. Может быть окажусь в тюрьме На этом прискорбном предположении кончаю.

Целую Вас, дорогая Вера Александровна, сердечный привет Петру Петровичу. Переписку Тезея кончила.

МЦ

Это письмо написано, как Вы любите: не упоминаясь. Напомните Петру Петровичу Вена Stoll, Griechische Mythologie он знает (из области розовых фартуков: Vortuch).

Bellevue, 7-го октября 1926 г.

Дорогая Вера Александровна.

Недавно приехала [737] в очень рада буду Вас повидать. Лучше – в 6 ч вечера, когда дневные заботы, частью, сброшены.

Из Кламара доезжаете до Bellevue, 31, boulevard Verd. От вокзала три минуты ходу.

Увидите и услышите (крик ослика и т. д.) Мура. И так, жду.

МЦ.

– Дом большой, с башенкой, в саду. Старая железная решетка, в ней калитка.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Медон, 14-го апреля 1927 г.

Дорогая Вера Александровна,

Спасибо от всего сердца Вам и Петру Петровичу за помощь в участие, и еще – Петру Петровичу отдельно – за безупречное поведение во время дивертисмента.

Хозяйка Студии (Бутковская) [738] неизвестно почему была в холодной ярости, кажется п. ч. шипели на шуршавших бумагой.

Я так рада, что вечер кончился!

Поцелуйте от меня Вашу маму, ее присутствие меня сердечно тронуло, очень хочу ее повидать, она мне чем-то напоминает мою мать, я не ошибаюсь.

Приходите как-нибудь завтракать с нами (в 12 ч. не взыщите, если попадете на что-нибудь скучное – потом пойдем с Муром в лес, полазим.

Целую Вас. М. б. условитесь с Сергеем Яковлевичем о дне? Тогда попадете на не скучное (относительно).

Да! Я у Вас забыла своего КУРИЛУ (роговой, двуцветный) то есть мундштук, Сергею Яковлевичу лучше не передавайте – потеряет – привезите сами.

Понтайяк, уже 1-го сентября 1928 г., 2 ч. ночи

Вы конечно не ждете этого письма, как не ждала его я. (Мысль: нужно ли дальше? Все уже сказано! Факт письма присутствующему, ту, что не смеешь сказать, а что не смеешь сказать? Ясно.)

Для пущей же ясности: мне жалко, что Вы уезжаете. Потому что я Вас люблю. Полюбила за эти дни. Полюбила на все дни. За гордость. За горечь. За мудрость. За огромную доброту. За не знающий ее – ум. За то, что Вы – вне пола. (Помните, мы шли, и я Вам сказала: «зачем на духу? Как духу!») За душевное целомудрие, о котором упоминать – уже не целомудрие. За то, что Вы так очевидно и явно растете – большая. За любовь к котам. За любовь к детям. Когда у Вас будет ребенок, я буду счастлива.

Мне очень больно расставаться с Вами. Кончаю в слезах. Письмо разорвите.

М.

ЧЕРНОСВИТОВОЙ Е. А
Около 15 января 1927 г.

Дорогой друг, отвечаю Вам под непосредственным ударом Вашего письма. [739]

О смерти Рильке я узнала 31-го, под Новый год, от случайного знакомого, и как-то ушами услышала, как-то ушами, т. е. мимо ушей Осознание пришло позже, если можно назвать осознанием явления-действенное и вызывающее непризнание его. Ваше письмо застаёт меня в полном (и трудном) разгаре моего письма – к нему, [740] невозможного, потому что нужно сказать всё. Этим письмом с 31 декабря – живу,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru для него бросила «Федру» (II часть «Тезея», задуманного как трилогия – но из суеверия –). Это письмо, похоже, никогда не кончу, потому что когда «новости» изнутри... Еще останавливает меня его открытость (письма). Открытое письмо от меня – ему. (Вы знали его и, может быть, узнаете меня.) Письмо, которое будут читать все, кроме него! Впрочем, может быть, отчасти сам его пишет – подсказывает. Хотите одну правду о стихах? Всякая строчка – сотрудничество с «высшими силами», и поэт – много, если секретарь! – Думали ли Вы, кстати, о прекрасности этого слова: секретарь (secret[741])?

Роль Рильке изменилась только в том, что, пока жил, сам сотрудничал с –, а теперь – «высшая сила».

– Не увидите во всем этом русской мистики! Речь – то ведь о земных делах. И самое небесное из вдохновений – ничто, если не претворено в земное дело.

Очень важно для меня: откуда у Вас мой адрес? Из Bellevue ему писала всего раз – открытку, адреса не было, на Muzot.[742] На последнее мое письмо (из Вандеи) он не ответил, оно было на Ragaz, не знаете, дошло ли оно? Еще: упоминал ли он когда-нибудь мое имя, и если да, то как, по какому поводу? Еще не так давно я писала Борису Пастернаку в Москву: «Потеряла Рильке на каком-то повороте альпийской дороги...»

Теперь – важнейшее: Вы пробыли с ним два месяца, а умер он всего две недели назад. Возьмите на себя огромное и героическое дело: восстановите эти два месяца с первой секунды знакомства, с первого впечатления, внешности, голоса и т. д. Возьмите тетрадь и заносите – сначала без системы, каждое слово, черту, пустяк. Когда будете записывать последовательно, – все это встанет на свое место. Ведь это еще почти дневник – с опозданием на два месяца. Начните тотчас же. Нет времени днем – по ночам. Не поддавайтесь священному, божественному чувству ревности, отрешенность (от я, мне, мое) – еще божественнее. Вспомните книгу Эккермана, единственную из всех дающую нам живого Гёте.

Боюсь, что, получив мифологию, буду плакать. Пока – ни одной слезы: времени нет, места нет (всегда на людях), а может быть, по чести, охоты нет: неохота – есть. Плакать – признать. Пока не плачу – не умер.

Я никогда его не видела, и для меня эта потеря – в духе (есть ли такие?!). Для Вас потеря бывшего, для меня – небывшего. Потеря Савойи с ним – куда никогда не поеду, – провалившейся 31 декабря со всеми Альпами – сквозь землю... На некоторые места карты не хочу смотреть – как вообще ни на что.

Ко всему этому присоедините, что не принадлежу ни к одной церкви...

СУВЧИНСКОМУ П. П. и КАРСАВИНУ Л.П.
Bellevue, 9-го марта 1927 г.

Многоуважаемые Петр Петрович и Лев Платонович,

Только что прочла Ответ Вишняку, [743] подписанный вами обоими и тут же, под ударом, не дождавшись Сереевского возвращения, пишу вам.

«Среди ближайших сотрудников в редакции Верст есть евреи...» Тут кончается ваше

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
письмо и начинается мое.

Когда редактора – счетом три и имена их: Сувчинский, Святополк-Мирский и Эфрон, ссылка на редакторов-евреев естественно относится к последнему.

Итак:

Сергей Яковлевич Эфрон

– довожу до вашего сведения –

Сергей Яковлевич Эфрон родился в Москве, в собственном доме Дурново. Гагаринский переулочек (приход Власия).

Отец – Яков Константинович Эфрон, православный, в молодости народоволец.

Мать – Елисавета Петровна Дурново.

Дед – Петр Аполлонович Дурново, в молодости гвардейский офицер, изображенный с Государем Николаем I, наследником Цесаревичем и еще двумя офицерами (один из них – Ланской) на именной гравюре целой и поныне. В старости – церковный староста церкви Власия.

Мой муж – его единственный внук.

Детство: русская няня, дворянский дом, обрядность.

Отрочество: московская гимназия, русская среда.

Юность: женитьба на мне, университет, военная служба, Октябри Добровольчество.

Ныне – евразийство.

Если сына русской матери и православных родителей, рожденного в православии, звать евреем – 1) то чего же стуют и русская мать и православие? – 2) то как же мы назовем сына еврейских родителей, рожденного в еврействе – тоже евреем?

Ходасевич, говорящий об одном из редакторов, носящем фамилию Эфрон, был... точнее.

Делая Сергея Яковлевича евреем, вы оба должны сделать Сувчинского – поляком, [744] Ходасевича – поляком, [745] Блока – немцем (Магдебург), [746] Бальмонта – шотландцем [747] и т. д.

Вы последовали здесь букве, буквам, слагающим фамилию Эфрон – и последовали чисто-полюемически, т. е. НЕЧИСТО – ибо смеюсь при мысли, что вы всерьез – хотя бы на одну минуту – могли счесть Сергея Яковлевича за еврея.

Вы – полюемические побуждения в сторону – оказались щепетильнее московской полиции, на обязанности которой лежала проверка русского происхождения всякого юноши, поступавшего в военное училище, – и таковое происхождение – иначе и быть не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
могло – за Сергеем Яковлевичем, – признавшей.

Делая Сергея Яковлевича евреем вы 1) вычеркиваете мать 2) вычеркиваете
рожденность в православии 3) язык, культуру, среду 4) самосознание человека и 5)
ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА.

Кровь, пролившаяся за Россию, в данном случае была русская кровь и пролита была
за свое.

Делая Сергея Яковлевича евреем, вы делаете его ответственным за народ, к
которому он внешне – частично, внутренне же – совсем непричастен, во всяком
случае – куда меньше, чем я!

Наднациональное ни при чем, с какой-то точки зрения Heine и Пастернак не евреи,
но не с какой-то, а с самой национальной точки зрения и чувствования – вы
неправы и не в праве.

Говорите в своих статьях о помехах, о прикровах, и т. д., ссылаться на еврейство
«одного из редакторов» я воспрещаю.

Марина Цветаева

P. S. Евреев я люблю больше русских и может быть очень счастлива была бы быть
замужем за евреем, но – что делать – не пришлось.

ПОЗНЕРУ С. В
25-го марта 1927 г.

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

Милый Соломон Владимирович,

Вновь обращаюсь к Вам с большой просьбой поддержать мое ходатайство о выдаче мне
пособия с вечера.

Если будут говорить, что я устраиваю вечер[748] – знайте, что это вечер на ТЕРМ,
в маленькой студии всего на 100 человек.

Так уж сладилось, что я всегда вас – все о том же – прошу!

До свидания, сердечный привет вам и вашим.

МЦ

23-го декабря 1927 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jecame d'Arc

Милый Соломон Владимирович,

Не была на писательском собрании[749] потому, что хожу бритая (после скарлатины) и по возможности не показываюсь. Та же бритая голова, не говоря уже о моей нелюдимости, полная обеспеченность моей всяческой непригодности в делах вечера.

Будьте другом, скажите кому, куда и когда подавать прошение, боюсь, что меня забудут. (Говорю о деньгах с будущего вечера писателей.)[750]

Заранее благодарная Вам.

МЦветаева.

P. S. Еще просьба! Помните, Вы в прошлом году говорили мне, что есть возможность получать от русских американцев (Вы конечно знаете о чем говорю) ежемесячное пособие.[751] Я тогда сообщила госпоже Ельяшевич[752] свой адрес, но этим дело и кончилось.

Как его двинуть? Кого и как просить? Я очень нуждаюсь.

26-го января 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Соломон Владимирович,

Разрешаю себе напомнить Вам, что я от писательского вечера получила только 200 фр. и очень рассчитываю еще на 100, если по примеру прошлых годов мне присуждено 300 фр. Может быть Вы мне дошлете их просто в письме? Всего хорошего, сердечный привет.

МЦветаева.

АННЕ ДЕ НОАЙ
Май 1927

Сударыня!

Я не читала Вашей книги Честь Страдать, и, не прочитав ее, вот что я о ней думаю. Это Ваша последняя книга и, будучи последней, она ближайшая к следующей, значит – Ваша почти самая великая. Это Вы последнего полночного удара: Вы из уже-завтра.

Честь Страдать. Если бы Вы написали «Счастье Страдать», М. Мартен дю Гар был бы доволен (почему бы не «Удовлетворение Страдать?»), вот одно из прелестных

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru противоречий, в отсутствии которых он Вас упрекает.[753] Но Вы никогда не написали бы «Счастье Страдать». Анна де Ноай первых своих книг могла бы написать «Страсть Страдать».[754] Или чуть позже – Гордость Страдать. Но послевоенная Анна де Ноай могла сопоставить Стрдание только с Честью.

(Счастье и Стрдание. Как будто счастье соответствует стрданию. Счастье соответствует только самому себе: удовлетворять Счастье-удовлетворение, вот что он хочет вместо Честь Страдать. Счастье удовлетворить... М. Мартен дю Гара!)

Честь Страдать. Холод. Каска Паллады[755] на раненом лбу. Двойной холод лба и каски. (Ноай в каске, никогда не в маске. Вы-то знаете причину рифмы...) Сказав послевоенная Ноай, я не думала наперво о великой войне, а о величайшей из войн: о великой войне жизни, Бога в нас с человеком в нас, где Бог победитель. Но и великая война тут тоже при чем: металлический отсвет.

Вашу книгу, сударыня, никогда не полюбят. Пришел час Вам сказать: «Они не поймут тебя, Жан-Жак», [756] так же, как они никогда тебя не поняли (любить – не значит понимать, любить – это молиться, а молиться – это не понимать), – потому что им никогда не быть тобой (мною) – (я говорю о великом я, разнообразном и едином я Жан-Жака, Ноай, о всяком величии – через это ты я сумею найти и Вы!) – поскольку один из лучших молодых людей (это он и есть – «Семья Тибо»? [757] Печально) – этот Мартен дю Гар сумел найти в Ваших первых книгах одни советы (Вы – и советы!) если не прямо для жизни, то по крайней мере для удовольствий. Дурак (простите мне это слово), кто поверил, что Вы поэт – на слово, прочел поэта! – дословно, не переводя Вас на Ваш язык, где всякая вещь лишь имя, лишь страсть, в своей двойной красоте. «Возможно, и в этом моя ограниченность, я сужу о „Чести Страдать“ из того возраста (как стар их молодой детский взгляд), когда стихи госпожи де Ноай давали молодости...» Мартен – ты остался сосуном, а госпожа де Ноай выросла. (Вы-то были вскормлены на груди самой Этны! Этна: мать-кормилица. Этна – могила Эмпедокла. [758]) Мартен, ты мне напоминаешь маленькую детскую хрестоматию, в которой автор мило сетует на то, что Вы не склонились (склонились – почему бы не на все четыре лапы!) над детством, сожалеющим о том поэте, которого оно в Вас не имело.

Сударыня, Вы будете смеяться!

Мои книги я пишу для вас, молодых людей.

И оставлю в них...[759]

Ну что же. Честь Стрдания – это ускользящее яблоко, остаются только зубы. Боби хнычет над яблоком, которое он совсем по-глупому, совсем по-бебешески принял за съедобное яблоко, тогда как оно Жизни и смерти.

Жизнь и смерть. Эти – для Вас имена, для него – слова – встречаются и в его статье (какая жалость, этот большой грязный журнал с его портретами людишек, бесконечный (журнал) с бесконечными (людишками), какое надругательство над Вашей единственностью, над Вашим именем пустынным и вершинным, всегда одиноким, потому что единственным. Какая общая яма славы.

Жизнь и смерть. «Вот она уже не любит ни жизнь ни смерть, так как открыла небытие». Молодой человек, раз перед небытием стоит определение, то оно уже что-то. Раз она его открыла, то оно есть. И как ему не быть, раз она есть. (Ах, какую прекрасную статью, нет – все сказать о Небытии и госпоже де Ноай.) Если бы я могла Вам сказать на Вашем языке: раз оно есть (небытие), значит это еще жизнь (и смерть). Любовь к небытию. Ощущать себя больше не чувствующей. Себя ощущать больше себя не чувствующей. Вот врожденное, изначальное противоречие, которое Вы (Мартен) с глупым сожалением больше не находите в строфах поэта. Если бы Вы сказали: «и вот, она больше ничего не любит...» Вы были бы правы по ходу фразы, но

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ваша фраза солгала бы. Вы предпочли – и в этом некоторое благородство – сочинить плохую фразу и сказать правду. Ибо она открыла его. Небытие, подобно тому как Франсиско Писарро открыл Мексику!

Разум. – Небольшой перерыв. – Это первое слово, бросившееся мне в глаза, схватившее меня за глаза, после Вашего имени, и, не читая, с ухом (физически) на макушке: «Ах, вот в чем дело! Теперь ее упрекают в разуме, как раньше упрекали (восхищаясь) в страсти. А страсть к разуму, разве это не существует? (к разуму, формуле, к Абсолюту наконец!)». [760]

Милостивая государыня, это история наших первых книг. Роман читателя с нашей первой книгой – о! это старая история. Это история – новейшая – величайшего из великих – Райнер Мария Рильке, который, перед уходом, оставил нам лучшую свою книгу – *Druineser Elegien*, [761] – тихо оплакиваемую всеми «благородными душами» (слова несчастного Мартена), как слишком отчужденную, слишком безобразную (а потому и невоображаемую), слишком, всегда это слишком, которое они не признают никогда и которому они (благо-родные-мертво-рожденные) всегда предпочтут «*Visch der Bilder*», [762] поверив на слово – Билдер, что это просто книга в картинках – Билдербух, – как упоминаемый грустный молодой человек поверил, что яблоко-жизнь – яблоко для десерта

О! Они всегда хотят, чтобы их убаюкивали, развлекали, – пугали чуть и много утешали.

Роман читателя с нашей первой книгой. Знаете ли Вы, что мать Райнера Мария Рильке жива, в Вене, никогда не простила ему его следующих книг, начиная со второй – так как она была настолько лучше! Знаете ли Вы, что Райнер Мария Рильке, имея мать (70 лет), бабушку (90 лет), дочку (30 лет), внучку (5 лет) умер один, что никто из них не пришел его. (Если Вы его любите, я могу Вам прислать его неизданное завещание, умоляя Вас – свято – никому его не давать.)

И тем не менее, со всей их любовью, им не удастся отворотить нас от нашей первой книги. Она имела свое основание (необходимость) быть. Это был точный слепок нашего дыхания (крика – рыдания – вздоха) того времени. Но наша первая книга никогда не была их (нашей) книгой. Для них она была обещанием делать, как сделано, для нас обещанием Бога нам, из-нас нам (сделать лучше?) нет, ах, у нас есть прекрасное русское слово ни лучше ни хуже – пуще, – оно не переводимо – *crescendo* – больше в смысле силы.

Сила, вот в чем он Вас упрекает, этот бесчисленный молодой человек, сила никогда не чары, никогда не маска, Сила – лик и каска.

Ваша книга, которую я прочту, сударыня, и которую я люблю, не потому что я верю в Вас, но потому что я Вас знаю, Вас не вчерашнюю и не сегодняшнюю, а Вас всегда грядущую, – не заставляет ни мечтать, ни плакать, ни любить, ни даже думать – поскольку она и есть, продумана, поскольку она есть дума (формула). Она ничего не заставляет делать. Формула силы.

Марина Цветаева

..Мы были готовы прочесть итог ее переживаний «богини»... Упрек того, кто, надеясь найти богиню, нашел только божественность.

ГОРЬКОМУ А. М
Начало августа 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Обнимаю вас и благодарю за Асю.[763] Мы с ней мало видели добра в жизни, потому что нас всю жизнь считают сильными и – ... счастливыми. Очевидно, такие и есть.

Если Ася будет вас раздражать – не сердитесь, стерпите ... Она – предельно добра.

Посылаю вам книги – что есть, может быть, достану для вас цельного «Крысолова».[764] Писать мне о них не нужно, так что примите это просто, как знак дружбы, просто – от сердца к сердцу.

...Кстати, одно из первых моих детских, младенческих воспоминаний – слово «Мальва»[765] – то ли наша, осенняя, на клумбе в Тарусе, то ли ваша, из уст матери, тогда совсем молодой. Еще одно: мать однажды, возвращаясь с концерта Гофмана,[766] привела домой собаку, увязавшуюся за ней, – желтую – и вопреки отцу и прислуге поселила ее у нас в доме Назвала Челкаш.[767] Через три дня собака ушла. Мы плакали, я – пуще всех. Вот Горький моего младенчества – еще до букв, из которых слага лись вы – моего детства. О позднейшем, вплоть до пражского у Ходасевича[768] – расскажу потом. При встрече? – Спасибо за пожелание ее.

И еще раз – спасибо за Асю.

Марина Цветаева.

8-го октября 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Алексей Максимович,

Пишу вам на этот раз заказным. (Руки вымойте, письмо сожгите).[769] В том, пропавшем, рассказывала вам о вас моего младенчества: слова Мальва и собаке Челкаш. И еще благодарила вас за миртовую веточку, упавшую из асиного письма ко мне в раскрытую тетрадь на строки:

...в кустах

Миртовых – уст на устах![770]

Лист, вернувшийся в дерево, мирт, вернувшийся в мирт. (Строки из пишущейся Федры. Как вы помните, она повесилась на том самом миртовом деревце, под которым всегда сидела, думая об Ипполите.)

И еще благодарила за Асю за всю вашу доброту, покрывшую всю людскую обиду.

Ася должна была передать вам царь-девицу,[771] других книг у меня не было, но скоро выходит моя книга стихов «После России», т. е. все лирические стихи, написанные здесь. Вышлю.

Вы просите о Гельдерлине? Гений, просмотренный не только веком, но Гёте.[772]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гений дважды: в нашем и в древнем смысле, то есть: такие чаще над поэтами бдят, чем сами пишут. Величайший лирик Германии, больше Новалиса. Родился в 1770 г., готовился, сколько помню, сначала в священники – не смог [773] – после различных передраг поступил гувернером в дом банкира Гонтара, влюбился в мать воспитанников (Diotima, [774] вечный образ его стихов) – не вышло и выйти не могло, ибо здесь не выходит, – расстался – писал – плутал – и в итоге 30-ти с чем-то лет от роду впал в помешательство, сначала буйное, потом тихое, длившееся до самой его смерти в 1842 г.. Сорок своих последних безумных лет прожил один, в избушке лесника, под его присмотром. Целыми днями играл на немом клавесине. Писал. Много пропало, кое-что уцелело. В общем собрании стихов эти стихи идут под названием «Aus der Zeit der Umnachtung». [775] (Umnachtung: окруженность ночью: оноченность: помраченность). Так немцы, у больших, называют безумца. Вот строка из его последнего стихотворения:

was hier wir sind wird dort ein Gott ergänzen [776] – лейтмотив всей его жизни. Забыла упомянуть Вам о роковом значении в его жизни Шиллера, не понявшего ни рода дарования, – чисто эллинского (толкал к своему типу баллады) – ни, главное, существа, бесконечно нежного и уязвимого. Письмо к Шиллеру, на которое последний не ответил, так и осталось вечной раной.

Как поэт, говорю о материале слова, совершенно бесплотный, даже бедный. Обычная рифма, редкие и бедные образы – и какой поток из ничего. Чистый дух и – мощный дух. Кроме стихов, за жизнь – проза, чудесная. Hiperion, [777] письма юноши, мечтающего о возрождении той Греции – и срывающегося. Апофеоз юноши, героики и дружбы.

О Гёте и Гельдерлине. Гёте – мраморный бог, тот – тень с Елисейских полей.

Не знаю, полюбите ли. Не поэзия – душа поэзии. Повторяю, меньше поэт, чем гений.

«Открыт» лет двадцать назад. При жизни печатался кое-где по журналам, никто не знал и не читал.

Умер один, на руках своего сторожа.

До свидания. Любопытно, дойдет ли это письмо. Страшная страна. В том письме я просила Вас не отвечать: письмо то же дело, а дело – то же время, но письмо пропало, и просьба не судьба.

Словом, если не ответите, ничуть не огорчусь, а если ответите – обрадуюсь очень.

Еще раз спасибо за Асю.

Марина Цветаева.

Руки вымойте, письмо сожгите (против этого октября).

БАЛАГИНУ А. С
Медон, 25-го сентября 1927 г.

Здравствуй, дорогой Александр Самойлович.

Пишу Вам на scarlatinном одре, со свежесбритой головой, – остальные подробности болезни узнаете от Аси, хочу говорить о Вас: никогда не забуду тихого стука в дверь, – так стучат поколения воспитанности! – высокую фигуру в дверях, и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
особенно одной елочке, данной Вам где-то за что-то и поделенной Вами поровну:
пол-елочки себе, пол – мне. Куда до этой елочке святому Мартину с его плащом!

Помню и Туркестан[778] и Тунчи, [779] ее детские рисунки – не то планетную
систему, не то небо в ангелах, и сваху, непременно хотевшую Вас женить на
невесте, которая Вам не нравилась, и Ваши стихи и наши беседы.

Но обещания своего Вы не исполнили: не приехали! Ведь на том прощались? Зато
совершенно неожиданно для меня со мной породнились: Мария Ивановна[780] мне
конечно сестра, очень ее люблю поцелуйте ее за меня. Ася везет карточку Мура, в
жизни он много лучше: добрее, здесь он очень напуган фотографом. Об Але не
говорю: очень красивая девочка (с меня ростом и дважды с меня весом), а на
карточке – один нос да и то не се. Аля Вас помнит и к концу припишет. О себе
скажу, что живется мне в общем хорошо, хотя не легко – времени на стихи все
меньше и меньше. Кончаю. Сердечно обнимаю Вас и Марию Ивановну, будьте оба
здоровы и молоды и не забывайте искренне любящую Вас

МЦ.

ГРОНСКОМУ Н.П
Медон, 4-го февраля 1928 г., суббота.

Милый Николай Павлович,

Чтение Федры[781] будет в четверг, в Клараме, у знакомых. Приходите в 7 ч.,
поужинаем вместе и отправимся в Кларам пешком. Дорогой расскажу Вам кто и что.

Лучше не запаздывайте, может быть будет дождь и придется ехать поездом, а поезда
редки. До свидания.

МЦ.

Конец марта – начало апреля 1928

Милый Николай Павлович,

Только что получила Волю России с «Попыткой комнаты». Будьте очень милы, если
вернете мне ее завтра, посылаю Вам ее по горячему следу слова «Эйфель».[782]
Вещь маленькая, прочесть успеете. Завтра на прогулке побеседуем. До завтра!

МЦ

1-го апреля 1928 г.

Милый Николай Павлович,

Очень жаль, что меня не застали. Хотела сговориться с Вами насчет Версаля и
даты. М. б. у нас временно будет одна старушка, [783] тогда я буду более
свободна, и мы сможем с Вами походить пешком, – предмет моей вечной тоски. Я
чудный ходок.

Еще: очень хочу, чтобы Вы меня научили снимать: Сергей Яковлевич сейчас занят до
поздней ночи, совести не хватает к нему с аппаратом, да еще в 1 ч. ночи! а Мур

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
растет. И пластинки заряжены.

Приходите как только сможете. Часы: до 21/2 ч. или же после 5 ч. Вечерами я иногда отсутствую. Побеседовали бы о прозе Пастернака и сговорились бы о поездке и снимании.

Итак, жду.

МЦ.

Медон, 2-го апреля 1928 г., понедельник.

– Завтра я уйду в 5 ч., если успеете зайдите утром, т. е. до 21/2 ч. Или уже в среду.

P. S. Как-нибудь расскажу Вам и о Вас. Когда (и если) будет старушка. Такой рассказ требует спокойного часа. Лучше всего на воле, на равных правах с деревьями.

Тбк – а может быть и что – Вам скажу. Вам никто не скажет. Родные не умеют, чужие не смеют. Но не напоминайте: само, в свой час.

Приписка на полях:

я не была ни в Fontainebleau, ни в Мальмэзоне[784] – нигде. Очень хочу.

19-го апреля 1928

Медон, четверг.

Дорогой Николай Павлович,

Жду Вас не в субботу, а в воскресенье (Волконский), к 4 ч., с тем, чтобы мы, посидев или погуляв с Сергеем Михайловичем и проводив его на вокзал, остаток вечера провели вместе. Словом, субботний вечер переносится на воскресный. (В субботу у меня народ: приезжие – проезжие – из Праги, отменить нельзя.) Захватите тетрадь и готовность говорить и слушать.

Всего доброго.

МЦ.

Медон, 23-го апреля 1928 г., понедельник.

Дорогой друг, оставьте на всякий случай среду – вечер свободным, может быть и, кажется, наверное – достану 3 билета – Вам, Але и мне – на вечер Ремизова, [785] большого писателя и изумительного чтеца. (Не были на прошлом?)

Хочу, или – что лучше: жизнь хочет! чтобы Вы после Волконского [786] услышали Ремизова, его полный полюс.

Такие сопоставления полезны, как некое испытание душевной вместимости (подтверждение безмерности последней). Если душа – круг (а так оно и есть), в ней все точки, а в Ремизове Вам дана обратная Волконскому. Так, в искаженном зеркале непонимания, понятию «волхонщина» можно противопоставить «ремизовщина». В Ремизове Вам дана органика (рожденность, суть) обратная органике Волконского. Точки Волконского и Ремизова чужды, дело третьего. Вас, круга – в себе – породнить. Ничего полезнее растяжения душевных жил, – только так душа и растет!

Итак, жду Вас не позже половины восьмого, в среду. Поедем вместе, так как билет, может быть, будет общий. Да! очень важное!

Никогда не буду отрывать Вас от Ваших занятий и обязанностей, но – в данный раз: Ремизов стоит лекции, какая бы ни была. Его во второй раз не будет.[787]

МЦ

Медон, 10-го мая 1928 г.

Милый Николай Павлович,

До последней минуты думала, что поеду, но никак не возможно, у меня на виске была ранка, я заклеила пластырем – загрязнение – зараза поползла дальше. Сажу с компрессом. Если не боитесь видеть меня в таком виде, заходите завтра, когда хотите сказать о театре с Сергеем Михайловичем и рассказать о докладе.[788]

Всего лучшего, передайте пожалуйста письмо Сергею Михайловичу.

МЦ.

– завидую Вам! а Вы – хвалите за меня!

Принесите мне что-нибудь почитать.

1-го июля 1928

Воскресенье

Милый Николай Павлович. Спасибо за мешок – отлично. Я, кажется, еду 10-го. Очень благодарна была бы вам, если бы зашли ко мне завтра или во вторник, сразу после завтрака. Словом до 3-х буду дома. (В среду – нет.)

Всего лучшего.

МЦ

2-го июля 1928 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Итак, жду Вас завтра (вторник) в 9 ч. вечера. Спросонья Вы очень тихи (голосом) и злы.

3-го июля 1928

Вторник.

Милый Николай Павлович,

Не сердитесь, не имела никакой возможности предупредить Вас, – неожиданно два срочных дела именно в 4 ч. и в 6 ч. А до этого – четыре или пять других, и все предотъездные, неотложные. Если свободны, зайдите ко мне в 2 ч. дня в четверг. Billet de famille[789] в Ройян уже заказан, будет в среду, в среду же выезжает Сергей Яковлевич. Будем чинить детскую коляску, – умеете?

Да! Одобряю или ободряю, смотря по тому, выдержали ли или провалились. [790]
(Оцените количество ли)

Итак, до четверга.

МЦ.

#11`_13#

26-го июля 1928 г.

Pontaillass, près Royan

Charente Infir.

villa Jacqueline.

Милый друг, вот что случилось. Только что отослала конец Федры по адресу 9 bis, rue Vineuse Paris, XVI Rid. de «Sowremennie Zapisky», – а это адрес «Дней», а «Дни» издохли и наверное в них нет ни души. Позвоните, пожалуйста, в «Дни», если ничего не добьетесь – пойдите сами и извлеките мою рукопись с тем, чтобы передать ее в книжный магазин «La Sourcй», где настоящая редакция Современных Записок – А если в «Днях» никого нет? Сомневаюсь, так как Керенский жив, жив и Сухомлин, [791] и наверное на имя газеты продолжает приходить корреспонденция.

Посылаю сопроводительное письмо в «Дни» с просьбой сдать Вам на руки рукопись (на обертке адрес отправителя).

С этим нужно спешить. Начните с телефона, чтобы зря не мотаться и не метаться.

Вот наш пляж. Сегодня на солнце 60 жары, у Сережи вроде солнечного удара, 38,5 сильная головная боль. То же у В. А. Сувчинской. Жара по всей Франции, кончились лимоны, с орех – 2 франка, и то последние. Тупо едим мороженое, от которого еще

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
жарче.

Я от жары не страдаю, хожу без шляпы, в выгорающих добела сеточках. Ни одного дуновения, морс вялое, еле дышит.

Приехал профессор Алексеев, [792] неутомимый ходок. Приехал в горном костюме вроде Тартарена, комичен и мил, [793] восторженно рассказывает мне о Савоие (Haute [794]), где жил прошлое лето. Уже живу мечтой о будущем: Савоие. Морем объелась и опилась.

Кончаю просьбой о срочном высвобождении Федры, я и так запоздала, боюсь затеряется совсем, а рукописи мне не восстановить, многое выправлялось на месте.

Как медонская жара? Здесь все-таки – пекло.

МЦ.

Понтайяк, 23-го августа 1928 г., среда.

Милый Николай Павлович, гонорар получила, поблагодарите отца. [795] Посылаю Вам открытку из-за названия – «Богоматерь – Конца – Земли». [796] И – правильно – везде, где начало моря – конец земли и земле! – Рай для меня недоступен, ибо туда можно только на пароходе, а я укачиваюсь от одного вида. Стихи для Последних Новостей вышлю завтра. Уезжают последние русские (знакомые), погода чудная, как Ваши отъездные дела?

– У этой церкви хорошо расти – и жить – и лежать. Возле такой похоронен Рильке. Читаете ли его книгу?

МЦ.

Понтайяк, 5-го сентября 1928 г., среда

Милый друг, пишу Вам со смешанным чувством расстроганности и недоумения. Что за надпись на Алиной книге и что она должна означать? [797]

Во-первых – у всякого человека есть ангел. Ариадна – не Октябрина, и празднуется 18-го сентября. Это формально. Второе: у Ариадны еще особая святая, по чьему имени и названа, – та Ариадна, с двух островов: Крита и Наксоса. (Говори я с другим, я бы настаивала только на христианской великомученице, но я говорю с Вами.) В-третьих: раскройте мою Психею, где нужно, и прочтите:

Ангел! Ничего – всё – знающий,
Плоть – былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне, –
Тоже ангела и воина. [798]
Здесь установлена Алина – более, чем ангело-имущество, а это – раз навсегда. Кто ангелом был, тот им и пребыл.

В-четвертых: Вы человеку дарите книгу на день рождения. Время ли (день рождения!) и место ли (первая страница такой книги!) считаться обидами?! – Вы поступили – но удерживаю слово, не хочу его закреплять на бумаге и – тем – в Вас. (О, не бойтесь, не бранное, простое определение жеста, иного нет.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Странная вещь: если бы везде, вместо Ариадна стояло: Марина, я бы истолковала совершенно иначе. Ты – родоначальница своего имени, – никаких Марин до тебя и – сотни, в честь твою, после. Так бы я прочла. Но Вы меня предупредили: надпись не из примирительных. Скажите мне, дружочек, в чистоте сердца, что Вы хотели сказать? С надписью в таком (моем) толковании во всяком случае не передам. Обида – в день рождения! За кого Вы меня принимаете? Помимо материнского чувства к Але, во мне здесь говорит простая справедливость. Я бы и Вам не передала, если бы написала – она. Через мои руки не должно идти ничего двусмысленного. А если настаиваете – перешлю Вам обратно, посылайте сами, – дело Ваше и ее.

Очень жду Вашего толкования, ибо задета заживо.

Апулеем умилена. Знала эту сказку с детства, она была у меня в немецкой мифологии, [799] как всё в Революцию – утраченной. Не перечитывала давно. В памяти моей слилась с «Аленьким цветочком». [800] Нынче ночью же прочту и буду спать с ней – в ладони.

Рильке еще не трогала: посмотрела и отложила. Рильке – всегда прямая речь («а вчера – косвенная?») Рильке для меня – всегда прямая речь. В этой книге его живой голос. Скульптура? Все равно. Для меня Родэн – его недостроенный дом, мы с Муром, мы с Вами на тех холмах, – вся весна 1928 г. и – больше всего – посвящение Рильке Родэну одной его книги: «A mon grand ami Rodin». [801]

Дружочек, как мне жалко, что мое чувство благодарности к Вам – двоится. Как бы я хотела – писать Вам, как вчера! Но никакая любовь не может погасить во мне костра справедливости, в иные времена кончившегося бы – иным костром!

Мне очень больно делать Вам больно, больней – сейчас, чем Вам – тоже сейчас (в минуту прочтения). Но я бы себя презирала.

М.

Понтайяк, 7-го сентября 1928 г.

Колюшка родной! Простите мне вчерашнее письмо, но – «за птенца дралась наседка» (еще Слоним обиделся за амазонку, не поняв, что в том-то и вся соль!) – не могу несправедливости. У меня не по-милу хорош, а по-хорошему – мил, особенно с тобой.

Только что твое письмо о перемещении матери. [802] А ты где теперь будешь? Чую мое сердце, что на том верху я буду только раз! (бывший).

– Ты сберег мать от большого ужаса, но – может быть – и от большого счастья. Думал ли ты о последнем часе – в ней – женщины? Любить, это иногда и – целовать. Не только «совпадать душой». Из-за сродства душ не уходят из дому, к душам не ревнуют, душа – дружба.

Но – ты дал ей чистую рану (того она, конечно, вознесет превыше облаков, и ТАМ – с ним будет!) – сейчас в ней огромная пустота несбывшегося, – заполнит работой.

Я рада за нее – и мне больно за нее. А боль всегда слышней радости.

– Когда ты когда-нибудь захочешь уйти из дому, тебя твой сын так же удержит, как ты – сейчас – мать. La justice des choses. [803]

О, Колюшка, такой уход гораздо сложнее, чем даже ты можешь понять. Может быть ей с первого разу было плохо с твоим отцом (не самозабвенно – плохо) и она осталась, как 90 или 100 остаются-оставались – как будет оставаться 1 на 100 – из стыда, из презрения к телу, из высоты души.

И вот – молодость кончается. Ей зб-сорок, – еще 5 лет... И другой. И мечта души – воплотиться, наконец! Жажда той себя, не мира идей, хаоса рук, губ. Жажда себя, тайной. Себя, последней. Себя, небывалой. Себя – сущей ли? – «Другой»? Средство к самому себе, наш слепой двигатель. Посылаю тебе две книжки, ничего не скажу, скажи – ты. Дошел ли рыцарь? (Заказным, пропасть не может.) Сейчас ухожу в Ройян, обрываю письмо, вечером буду писать еще, люблю и обнимаю тебя, спасибо за все.

М.

Чудесная печать.

До чего мне ее жаль!

Как себя. – Дай ей когда-нибудь мою Поэму конца. Все поймет! (Напишет – изнутри – заново.)

21-го сентября 1928 г.

...Ваш почерк – чудовищен, будь я Волконским, я бы сказала Вам, что такой почерк – непочтение к адресату; нет, просто бы сказала, без «Вам», Вам бы он этого не сказал – потому же, почему не говорю – я. Если мой неразборчив, то – существом своим, замыслом каждой буквы, а не неряшеством. У меня нет недописанных букв... Сосредоточьте руку. Пожалейте букв – этих единиц слова. Каждая – «я».

...У Вас единица начертания не буква, а слово, одно сплошное слово. Но не обижайтесь: Вы так обскакали свой возраст – миновав разум – мудрость, самолюбие – гордость и т. д., что мне досадно видеть в Вас – просто школьническое.

О стихах: Вы еще питаетесь внешним миром (дань полу: мужчины вообще внешнее женщин), тогда как пища поэта: 1) мир внутренний, 2) мир внешний, сквозь внутренний пропущенный. Вы еще не окупаете в себя зримость, даете ее как есть. Оттого Ваши стихи поверхностны. Ваши стихи моложе Вас. Дорости до самого себя и перерости – вот ход поэта.

Вы сейчас отстаете (Вы многое знаете, чего еще не умеете сказать – оттого, что недостаточно знаете) – вровень будете лет через семь, а дальше – перерастание, во всей его неизбывности, ибо – чем больше растет поэт, тем больше человек, чем больше растет человек...

Это я о насущном, внутреннем.

О внешнем: Вы еще не умеете работать, в Вас еще нет рабочей жилы, из которой – струна! Слова в Ваших стихах большей частью заместимы, значит – не те. Фразы – реже. Ваша стихотворная единица пока фраза, а не слово. (NB: моя – слог.) Вам многое хочется, кое-что нужно и ничего еще не необходимо сказать...

И чтобы закончить о речах и стихах: Вы еще немножко слишком громки.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Медон, 5-го октября 1928 г., пятница

Дорогой Николай Павлович, я уже успела по Вас соскучиться. Лежу второй день, жар был и сплыл, но нога (прививка) деревянная, а когда не деревянная, то болит. Двигаться не могу, разве что на одной. Лежу в чудной розовой ночной рубашке – новой – подарке Али, жаль, что Вы меня в ней не увидите, – и не только в ней, вообще – лежащей, т. е. самой доброй и кроткой. Завтра вторая прививка, м. б. будет еще третья, во всяком случае встану не раньше вторника. Рука еще болит – видите, как пишу? Вчера у меня был в гостях Товстолес, просидел на сундуке до сумерок, говорили о Балтике (оттуда) и черной магии. Оказывается, мы оба под знаком Сатурна, [804] все приметы совпадают. Очень радовался не-евразийской теме беседы (евразиец). А почему Вы тогда сказали:

«После того как я от Вас тогда ушел, мне уже было все равно – на людях или одному»... Вам было так хорошо? Или так плохо? Или так – как? Ответьте.

Вообще напишите мне – как здоровье, что делаете, что читаете, скучаете ли обо мне. Какая дикая жалость – такое совпадение! (болезней). Вы бы сидели у меня целый день – или S – или j – сколько смогли бы и захотели. Нынче с утра налетела А. И. Андреева и забрала у меня Новый Мир на два дня. Справляемся с Алей, вернее – справляется одна, я лежу и ничего ускорить не могу. Если придет Ваша мама, передам Вам, через нее «подарочек». До свидания, родной. Вы мне снились, спрашивала Вас о том же (вопрос по середине письма). Пишите про здоровье, как я была бы счастлива, если бы Вы сейчас вошли. – Сидите дома. –

М.

5-го октября 1928 г.

Я – здесь, а с других хватит и закрыток.

МЦ.

Ноябрь 1928 г.

Милый Николай Павлович,

Будьте завтра у меня в 6 ч., пойдём в Кламар за женой Родзевича [805] и Владиком, [806] а оттуда все вместе на Маяковского. Непременно.

Завтра, во вторник, в 6 ч. у меня. Жду. Это его последнее чтение.

МЦ.

1-го января 1929 г., вторник

Meudon (S. et O.)

2, Av(enue) Jeanne d'Arc

С Новым Годом, милый Николай Павлович!

Давайте к Гриневич в воскресенье, – все остальные вечера у меня разобраны. Заходите за мной в 8 ч., к 9-ти часам будем у них.

Как Ваше здоровье? Аля сказала, что Вы кашляете и хрипите. Я тоже. Всего лучшего, поздравьте от меня ваших, особенно – маму.

МЦ.

Если не трудно, напишите господам Гриневич, что в воскресенье.

Начало января 1929 г.

Милый Николай Павлович!

Если можете, зайдите ко мне к 2 ч., не можете – как писала, в воскресенье в 8 ч. Жду Вас до 2 ч.

МЦ.

5-го января 1929 г.

Суббота

Милый Николай Павлович,

Будьте у меня в 7 ч., после 7-ми поездов много, а Вера Степановна просила, что приехать пораньше, иначе она очень устает. Итак жду

МЦ.

25-го января 1929 г.

Н. П. Гронскому – прошу ответа –

Милый Николай Павлович,

Можете ли Вы завтра утром проехать со мной в чешское консульство, срочно необходимо, боюсь, что и так опоздала. [807]

А вторая просьба: узнать, где это консульство (кажется, что Avenue Klíber, но только кажется, и № не знаю). Именно консульство (Consulat tchisque), а не посольство. Ответьте, пожалуйста, через Алю.

– Перевожу сейчас письма Рильке. [808]

– Да! Не поедете ли со мной в пятницу на Miss Cavel (Convention «Magique»). [809]
Подумайте!

МЦ.

Пятница – завтра. Кинематограф дешевый и чудный.

#11_1##

Февраль 1929 г.

Милый Николай Павлович, Сергей Яковлевич очень Вас просит обменять ему книги в библиотеке, вместо 4 книг взять 3 (там знают), взять последние №№ советских журналов – Красная Новь, Красная Звезда, Печать и Революция.[810] Мне, пожалуйста, обменяйте Лескова на Лескова же (не Соборяне[811]) или – Мельникова-Печерского.[812] Я вечером (к 9 часам) часто дома – м. б. сегодня зайдете? Завтра меня не будет. – Когда Волконский? Всего лучшего

МЦ.

Около 30-го апреля 1929 г.

Николай Павлович! Приходите завтра утром ни свет ни заря по делу выступления Волконского.[813] Ведь у меня читает Святополк-Мирский и Волконского нужно предупредить (не знаю их взаимоотношений), а объявление (платное) в Последние Новости должно быть сдано завтра до 12 ч. – кого же объявлять?? Словом, будьте у меня не позже 9 ч. (девяти). А то – неизвестно что.

Благодарная днесь и впредь

МЦ.

Май 1929 г.

Милый Николай Павлович,

Заходите как только сможете – дело спешное, можно вечером – я дома до 2 ч. и после 5 ч., но если можете в течение утра. Готова ваша карточка с Сергеем Михайловичем. Итак, жду.

МЦ.

Около 24-го мая 1929 г.

Милый Николай Павлович,

Будьте у нас в 7 ч., мы вместе поедem к Сергею Михайловичу, с которым я еще должна посоветоваться о его чтении, а Вы направитесь в зал, – мы с Сергеем Михайловичем поедem вместе. Не запаздывайте!

МЦ.

Стало быть Вы отвозите меня к Сергею Михайловичу.

Сердечное спасибо, милый Николай Павлович, в глубочайшие извинения за гвозди. – Что ж: не судьба; верней: судьба. Утешаюсь холодной погодой, человека сжимающей, обратно жару, выгоняющей его из кожи и из квартиры (что, впрочем, то же!) – Пишите о своей жизни: ландшафтах, прогулках, знакомствах.[814] Пришлите снимки, если есть. – Дальше конечно не ищите: явно-бесполезно. М. б. отправлю Алю на две недели на море (в Бретань) гостить к знакомым, а сама осенью на столько же в Прагу – давняя мечта.

Еще раз, спасибо от всего сердца – и за это, и за все. Вы удивительный человек.

МЦ.

Числа не знаю, конец июня 1929 г.

7-го июля 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Николай Павлович! Очень возможно, что мы с Вами скоро свидимся. В Сен-Мишеле (немножко над) есть дом – очень дешевый – с двумя кроватями и столами.[815] Дело в стульях и в тюфяках, первые можно осуществить ящиками, вторые – соломой (NB! блохи!!!) Часть скарба придется везти отсюда (посочувствуйте!) остальное купить в Сен-Мишеле на базаре (NB! и тащить на себе в гору – 20 минут или больше). Жду окончательного ответа от русского полковника-рабочего, который там живет уже третий год. Сен-Мишель – густо-лесной, римская дорога и развалины. Жители старые и в старом.

Узнайте на всякий случай сколько туда (и обратно) дорога от Вас, м. б. я попросила бы Вас побывать там до нашего приезда и встретить. И немножко устроить (ящики, например, ибо таскать придется мне одной: Аля – с Муром, а полковник на заводе) – испытать плиту, м. б. купить кое-что из хозяйственного. Напишите 1) цену железной дороги 2) возможно ли это в идее, т. е. пожертвовали ли бы Вы 2–3 днями блаженства в Аллемоне на муку в Сен-Мишеле. М. б. и не придется. М. б. дорога настолько дорога – я ведь не представляю себе расстояний, – мой путеводитель Вы увезли. На мой запрос ответьте скорее.

Второе – важное. Какова – нормально – (на не-норму нормы нет!) погода в августе и в сентябре? Стоит ли вообще ехать? Меньше чем на два месяца не имеет смысла, а выедем мы к концу июля, – не раньше 20-го, т. е. в расчете на август и сентябрь. Спросите у своего хозяина – есть ля смысл, т. е. не попадем ли мы в стужу. Но Вы ведь тоже будете до конца сентября?

– Есть (будут) ли грибы? Черника? Сен-Мишель – сплошь-лесной, преувеличенная Чехия. Расспросите о Сен-Мишеле Вашего M. Manin, [816] м. б. он был или знает.

Итак 1) что Вы думаете о предварительной поездке туда (не забудьте цену проезда, деньги вышлю как только решу – если решу) 2) норма раннеосенней погоды.

У нас позднеосенняя: ветер, тучи, ни дня без дождя, полная ненадежность. Жары – и в помине нет.

– Служит ли Вам моя палочка? Очень хотелось бы с Вами полазить. До свидания – может быть скорого.

МЦ.

P. S. Наш дом среди десятка таких же, – не тот страшный одинокий за 60 фр.

Пришлите мне какие-нибудь виды Аллемона, обожаю горы.

Сердечный привет от всего семейства.

Вы – Isere, а мы – Savoie!

12-го июля 1929 г.

Дорогой Николай Павлович! Спасибо.

Дела таковы: мне предлагают дом – дешевый – в горах. Предлагает человек бессемейный – военный – рабочий, м. б. не знающий всех трудностей, связанных с семьей и оседлостью. Свободен он раз в неделю, времени на подробности у него нет. Ехать вслепую – боюсь.

Чту за дом? Возможный или нет? Кто соседи (группа в 10–12 домов над Сен-Мишелем) и что у них наверняка можно достать? (Молоко, яйца, зелень.) Есть кафе, – есть ли в нем табак и спички?

На каком точно расстоянии от Сен-Мишеля? Сколько ходу? Полковник писал о 2 кроватях и столах (одну «пару» дает он, другую хозяин). Реальность ли? Можно ли в Сен-Мишеле купить ящики – вместо стульев и полок? Ведь нельзя же жить на полу, – я все-таки надеюсь заниматься.

Приеду я по всей вероятности одна с детьми, – все будет на мне. – Как с водой? (есть ли колодец?) Боюсь заехать.

По-моему, самое лучшее было бы сев на поезд (проще! погулять мы с Вами успеем) доехать до Сен-Мишеля, познакомиться с полковником и сообща все обдумать – он очень милый человек. Вместе осмотреть дом и взвесить. М. б. – если такая гора (устройство!) – заслонит все горы и – просто – не стоит. А м. б. только издали так страшно. У полковника нет времени и у него другой строй жизни, он не может войти в мое положение. Вы – можете, ибо живете семьей и знаете, что это значит.

Решите за меня и отпишите.

Действует ли плита? (на случай порчи примуса) Чем топят? Очень важно расстояние от Сен-Мишеля: придется неустанно таскать тяжести – продовольствие, керосин – учтите. Сильно ли в гору и сколько ходу?

Кто соседи? Где живет хозяин? (Большая ли семья и нет ли ведьм – о, не киевских!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– бытовых.)

Мое письмо возьмите с собой.

– Каков Сен-Мишель? Аптека? Лавки? (Красота – потом. На тум – свете!)

Будь я Вами, я бы списалась с полковником, когда он свободен, и проехала бы прямо к нему. После осмотра – отписала бы мне, в освещении собственного впечатления (NB! живой Волконский). Я бы решила, и тогда мы оба принялись бы действовать: в выслала бы вам деньги на самонужнейшее обзаведение и вы бы нас, в означенный день, встретили.

Все это очень трудно, но может выйти и чудно, – вы бы к нам наезжали, гуляли бы вместе, и т. д. Странно: прошлым летом вы ко мне (сорвалось!) теперь я – к вам – и м. б. не сорвется.

Адрес полковника:

M. Georger Gaganidze

Usine de la Saussay

St. Michel-de-Maurienne (Savoie)

Георгий Романович Гаганидзе.[817]

Посылаю вам его письмо – прочитайте.

Напишите ему, что вы по моему поручению и т. д. хотели бы осмотреть дом. Пусть он вам назначит день и сообщит свой домашний адрес.

Пока всего лучшего, спасибо, буду ждать вестей.

МЦ

P. S. Если он свободен только в воскресенье – в это (нынче пятница), вы уже не поспеете, а ждать следующего – долго. Вы могли бы с ним повидаться вечером после его службы, переночевать у него (если возможно), и утром отправиться самостоятельно – *de la part de Monsieur Gaganidze pour une famille russe*[818] и т. д. Так лучше, а то я к 1-му августу и не соберусь. Напишите об этом Гаганидзе, т. е. можно ли у него переночевать, и приведите доводы. Я ему о вашем возможном посещении пишу нынче же.[819]

– М. б. у него за это время что-нибудь другое наладилось, более-удобное, – тоже не исключается.

МЦ

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очень хочу в горы.

24-го июля 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Николай Павлович!

Не сердитесь, – все вышло помимо меня. Вы ведь знаете, что я от себя не завишу.

Первое: ответ полковника, что тот дом в 80 фр. – ушел (NB! оказалось – и кровати можно достать, и столы и даже шкаф, – чего же не говорил раньше??). Второе: дела Сергея Яковлевича не дающие ему возможности выехать – что-то случилось, случается – что, рассказать не могу, словом – деньги с вечера целиком должны уйти на жизнь. Об отъезде и думать нечего.

Простите за все беспокойство, – вопросы, расспросы, поручения. Мое единственное оправдание – полная уверенность, что поеду. Рухнуло сразу.

Алю надеюсь на 2 недели отправить в Бретань, к знакомым. О себе пока не думаю, знаю только, что дико устала от Медона и хозяйства, хозяйства и Медона и что ни хозяйство, ни Медон, ни усталость не пройдут. Радуюсь за Вас, что Вы там, и горюю за себя, что Вас здесь нет – вспоминаю прошлогодние прогулки. У меня нет спутника, не гуляла уже – да с нашего последнего раза. Никого не вижу, не знаю почему. Должно быть – еще скучнее, чем с собой. Да и многие разъехались: письма из Швейцарии, с Пиреней, из Голландии. А мои – все из Медона. К Вере Степановне[820] не тянет, – она все о «втором Христе» (Кришнамурти), с Сергеем Михайловичем[821] изредка переписываемся, он тоже никуда не уехал, но у него нет хозяйства. Гончарова на Средиземном море. (А я в Медоне.)

Ваш папа рассказывал чудеса об аллемонских грибах. Соберите и засушите – и подарите, я вскоре совсем обнищаю (не шучу!) а это – чудный ресурс. Мне когда-то из каких-то лесов прислал мешочек Шингарев,[822] – полгода ели. У нас грибов еще нет, – недавно ходили целое утро – всем семейством – ни поганки! Ваш хозяин наверное знает как сушат грибы. (А может он gentilhomme[823] и даже не знает как они растут? Тогда его домоправительницу – если не померла.) Шингарев сушил на солнце, разбросав на листе бумаги, это лучше, чем связками. Можно и в духовке, которой в вашем замке наверное нет. О грибах – мечтаю.

18-го/31-го июля 1929 г. – А вчера были мои именины (17-го). Были: Карсавины – всем семейством, – Ивонна,[824] Радзевичи,[825] Владик[826] и В. А. Сувчинская. Подарки: от Али – серебряный пояс, кошелек (копытом) и граммофонные иголки, от Сергея Яковлевича 2 тома Пруста «La Prisonnière», [827] от Ивонны почтовую бумагу (не терплю коробок – только блокноты!), от Радзевичей тетрадь и чернила, от Карсавиных: фартук, папиросы и дыню, от Владика дыню, от Веры Александровны цветов и вино. Было чудное угощение, очень жалела, что Вас не было, сидели поздно. Мур побил Сусю (младшую Карсавину) ружьем. Вчера он в первый раз в жизни был у парикмахера и обнаружил совершенно отвесный затылок. – «За Vous'etonne? Moï non, – il y ena, il y en a des tktes!»[828] – философический возглас парикмахера.

Да! нынче открытка от Сергея Михайловича. Горюет, что не видит ни Вас ни меня. Написал Вам письмо по старому адресу. Завтра еду к нему и дам Ваш новый, – напишу и приколю на стенку.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Прочла совершенно изумительные мемуары Витте – 2 огромных тома. Советую. Обвинительный приговор рукой верноподданного. Гениальный деятель.[829]

– Из новостей: бракосочетание Максима Ковалевского с Ириной Кедровой и бракосочетание Сосинского с Адей Черновой (не близнецом! «близнец» – остался – лась!).[830] Но это уже давно. На свадьбе Ади был убит – сбит с велосипеда автомобилем – один из гостей, Шарнопольский,[831] варивший пунш. Хороший юноша, большой друг Гончаровой и, немножко, мой (видела его во второй раз). Последний с кем говорил – со мной. Ужасная смерть. Расскажу при встрече. (Погиб на тихой улочке Pierre Louvriер.)

– Когда возвращаетесь и успеем ли мы с Вами, до зимы, погулять? Наверяд ли. Я по Вас соскучилась. Пишите.

МЦ

Приписки на полях:

Пишите о природе и погоде. У нас опять холода, но я уже не обращаю внимания.

У меня был дикий скандал с лже-евразийцем Ильиным[832] – у Бердяева – у которого (знакома 16 лет!) была в первый раз. Присутствовала Вера Степановна. Скандал из-за царской семьи, про которую он, Ильин, обвиняя евразийцев в большевизме, говорил как большевик 1918 г. – Теперь таких нет. ХАМ. При встрече расскажу.

P. S. Когда Ваш день рождения? Что-то в этих числах. У меня для Вас есть подарок.

Ноябрь 1929 г.

Н. П. Гронскому – прошу ответа –

Милый Николай Павлович, большая просьба, у нас беда с водой: ванна заткнута, а горячий кран в умывальнике не закрывается, черт знает что.

Сергей Яковлевич болен четвертый день, не встает и починить не может, кроме того, нет отвертки.

Не зашли бы Вы с инструментами (если есть) сразу после завтрака (завтракать не зову, ибо обнищали), после которого мне нужно в город – м. б. поедем вместе? Если можно – ответьте через Алю. Всею лучшего, простите за беспокойство.

МЦ.

1-го декабря 1929 г.

Милый Николай Павлович! Не удивляйтесь моему молчанию – очень болен Сергей Яковлевич. На почве крайнего истощения – возобновление старого легочного процесса. Страшный упадок сил, – так называемая под-температура: 35,8–37, т. е. то же повышение в сутки на один градус. Все эти дни – исследование крови, рентген, снимки и т. д. Основная болезнь еще не найдена, – она-то и точит. Все врачи в один голос: воздух и покой, – то чего нет в Медоне: воздух – сплошной

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пар, а покой – Вы сами знаете. Вся надежда на людей (друзей). Еще большое горе (особенно для Сергея Яковлевича, близко знавшего) – умерла Н. И. Алексинская, – сгорела в 4 месяца (туберкулез легких).

Бесполезно спрашивать, как Вы, раз все равно не можете ответить. Надеюсь, что все хорошо, ибо плохого не слышу. Будет ли у Вас полная дезинфекция? Иначе не представляю себе встреч. Зараза годами живет в стенах, – очень уж страшна болезнь. Надеюсь на дезинфекцию из-за Вашей племянницы, – где-то она? Не в одном же доме, или Вы – вне?

До свидания, не будьте в обиде – всякий день хотела писать Вам, по все отрывало – поправляйтесь, дезинфицируйтесь и пишите. (NB! Ни у кого из нас (тьфу! тьфу!) не было – чего, Вы сами знаете. Муру сделано две прививки, Аля – будет, мне не советуют из-за сердца, Сергею Яковлевичу и подавно, – следовательно, будьте осторожны!) Вскоре напишу еще. Привет вашим – если с Вами.

МЦ.

Приписка на полях:

Как странно, помните Вы мне за несколько дней рассказывали про еврея-врача, не побоявшегося? А болезнь уже в Вас сидела.

1929 г.

Вторник.

Милый Николай Павлович!

Очень жаль и чувствую себя очень виноватой, хотя на пятницу не сговаривались, а вчера в субботу была дома ровно в 5 ч., т. е. 2 или 3 минуты спустя Вашего ухода, – даже немножко пошла вслед.

Но у Вас ноги длинные.

Нынче сдаю (на просмотр) первые главы, [833] а завтра так или иначе извещу Вас, скорей всего зайдём с Муром утром. А м. б. и сегодня возле 3 ч. Когда Вы вообще дома?

МЦ.

1929 г.

Дорогой Николай Павлович,

Если будете нынче в городе, не могли бы завезти Гончаровой [834] следующую записку, крайне нужно. (Либо 13, Visconti либо 16, Lacques Callot, – вернее первое) в крайнем случае воткните в дверь мастерской, а в лучшем (случае) привезите мне ответ. М. б. с моего вокзала поедете? Тогда зайдите, – столкнемся о Яннингсе. [835]

До свидания!

МЦ

– Хорошо бы, если зашли. М. б. к 12 ч.? Тогда у нас позавтракаете.

1929 г.

Милый Николай Павлович, застаю пустынный дом, такой же как УЛИЦЫ, которыми шла. Жду Вас завтра к 12 1/2 ч. (завтра рынок и, боюсь, что к 12 ч. не управлюсь). Но не позже.

Спокойной ночи!

20-го марта 1930 г.

Четверг.

Милый Николай Павлович! Если свободны, приходите завтра вечером, пойдем в наш кинематограф (хороший фильм) и расскажу Вам новости про свой вечер. Завтра – пятница. Жду Вас до 8 1/2 ч., но лучше будьте к 8 1/4 ч.

МЦ

Не можете – заходите в субботу, не позже 3-х ч. Кстати передам Вам библиотечную книгу.

1-го или 8-го апреля 1930 г.

Милый Николай Павлович,

Письмо от Тэффи, ждет меня завтра в среду к 11 ч., чтобы составить заметку для Возрождения. [836] До завтра мне необходимо знать, в каких книжных магазинах продаются билеты. Нынче я дома от 5 ч. весь вечер, завтра еду поездом 10 ч. 50 минут. Ради Бога – известите, а то зря поеду.

У Вас в доме никого, только белье кипит в одиночестве.

МЦ

9-го июня 1930 г.

Понедельник.

Милый Николай Павлович

Нынче забыла у Вас ручку – тростниковую, маленькую, рядом с чернильницей.

Ради Бога тотчас же спрячьте и занесите мне ее в пятницу. Поезд в 10 ч. 50

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
минут.[837] Будьте не позже 10 ч. 30 минут у нас. До свидания! Спасибо.

МЦ.

23-го июня 1930 г.

Милый Николай Павлович. Большая просьба. 28-го июня, т. е. на днях, в нашей квартире будет трубочист, необходимо, чтобы кто-нибудь был в ней с 8 ч. утра. Если можно – переночуйте, чтобы не опоздать. Печка у нас в ужасном виде, прочистить необходимо, а звать отдельно осенью будет дорого, да и не дозовешься. Ключ у Али, т. е. у прислуги Жанны – 18 bis, Rue Denfert-Rochereau, квартира Лебедевых. Можете взять в любое время. Потом оставьте у себя до отъезда, кому передать – извещу.

У нас все грозы, но теперь по ночам, а дни чудные. Палочку пришлю недели через 2, возьмите в Медоне, адрес сообщу. Выберу покрепче. Как Ваши экзамены? Напишите словечко. Привет и спасибо заранее за трубочиста: 28-го июня 8 ч. утра. Если увидите Сергея Михайловича[838] – горячий от меня привет

МЦ

Числа не знаю, знаю что нынче – понедельник.

Приписка на обороте:

Это – ближайший от меня городок, бывшая столица Савойи.[839]

Сен- Лоран, 10-го июля 1930 г.

Милый Николай Павлович! Посылаю Вам пока 100 франков – на задаток. (Если книга ушла, верните так же, простым заказным).[840] Узнайте, кстати, последнюю цену и сообщите где-нибудь сбоку письма, мелко, просто цифру – пойму. И через неделю дошлю остаток. Перед покупкой проверьте хорошенько книгу, нет ли вырванных листов или гравюр. Поаккуратней заверните.

А это – La Roche-sur-Foren, чудесный городок, куда ездим на рынок, вернее – ходим.[841] А сегодня за нами увязалась собачка (моя, благоприобретенная: chien-berger-quatre-yeux)[842] и пришлось – так как обратно из-за груза ехали поездом платить за нее 5 фр. 50 коп.,[843] т. е. вчетверо дороже, чем за человека.

Вчера ходили с хозяйкой (пришла из города за земляникой) и набрали – ходили мы с Тасей[844] – каждая по литру. 2 часа сбора. Места самые змеиные, ноги и руки изодраны в кровь, но ни одного змеиного хвоста не видали.

Мимо этого замку ходим каждый раз, – не знаю какого века, жил кардинал. (Мур, зараженный древностью: – «Мама! Когда Томми родился?» Томми – лошадь хозяев Сережиного замка, возящая и отвозящая «les hftes», [845] к тому же пашущая.)

Здесь три замка: Сережин, рядом – другой – Comte de Chambos и кардинальский. Все – разные. Замки и избы, домов меньше всего, медонского образца совсем нет, – как будто не строят. Нашему дому ровно 100 лет, еще застал Гёте.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пишите – как дела с Ириной Карсавиной (бывает ли в доме, самая лучшая – мать, потом Марьяша, она очень добрая и гораздо умнее сестры). Кланяйтесь им всем от нас и узнайте их письменный адрес, знаю дом только с виду.

Итак, с нетерпением жду насчет Ундины. Простите за вечные хлопоты. Что – «О Германии»? [846] Надо торопиться. Фотографии получились отлично, вышлю через неделю – заказаны.

МЦ.

Сен-Лоран, 18-го июля 1930 г.

Милый Николай Павлович. В саду ручей, впрочем не сад, а лес, и не лес, а тайга: непродёрная. Над щетиной елей отвес скалы. Все прогулки – вниз, мы последний жилой пункт. Почты нет, пишите на: St Pierre-de Rumilly Chateau d'Arciae (Haute Savoie) мне. Завтра у Вас экзамен, ни пуха, ни пера! Третья гроза за 2 дня. Электричество потухло, пишу при уютной керосиновой лампе. Мур спит. Немножко обживусь – напишу подробнее. Спасибо за проводы и неизменную преданность.

МЦ

На полях печатными буквами:

МУР – ЧИТАЕТ И ПИШЕТ!!!

26-го июля 1930 г.

St. Pierre-de Rumilly (Haute Savoie)

Chateau d'Arcine

Дорогой Николай Павлович. Спасибо за все. Простите, что не писала раньше, болен Мур – вот уже почти месяц. Свалился в ручей и, хотя тотчас же был извлечен и высушен, застудил себе весь bas-ventre, [847] – вроде воспаления пузыря. Доктор сначала подумал, что – нервное, прописал бром, бром не помог, тогда прописал ежедневные (даже 2 раза в день) горячие ванны, приволокли за 12 километров цинковую бадью – и с третьей ванны – простуда. Лежит в постели уже неделю, на строгой диете, очень похудел. Я никуда не выхожу и нигде еще не была, ни в Анпесу, ни в Aix'n ни в Chamonix (куда мне совсем не хочется, хочется в Анпесу – из-за Руссо, которого я только что кончила). [848]

Болезнь Мура затяжная – когда-то вылезет? Условия для лечения/ лежания невозможные: холод, льет, топить нечем. Погода ужасающая, злостный ноябрь. Дела полны руки, у нас на пансионе Извольская, нужно хорошо кормить, в деревне ничего, кроме молока, хлеба и сыра – нет, бегаем в La-Roche – 12 километров aller-et-retour, [849] времени на писание (даже писем) совсем нет. Один примус вообще угас, другой ежеминутно заливается нефтяными фонтанами. Целый день отмываю копоть с кастрюль, – с рук уже не стоит.

Все простужены. Вот тебе и горы! Сергею Яковлевичу нечем доплачивать за пансион (Красный Крест дает 500 фр., нужно еще 500 фр., 2 раза доплачивала я, но иссякла).

Вот наши невеселые дела.

Эта дорога рядом с Chateau d'Arcine, внизу шумит зелено-черный Борн, высота страшная. Напишите о себе, своем лете, всем. Занимаетесь ли? Куда и когда едете? Как погода? Как здоровье Ваше и Нины Николаевны?[850] Поцелуйте ее за меня.

МЦ.

Еще раз спасибо за Германию. Деньги нашла: пошли Муру на ванну (Ундина!) Приписка на полях: .

Не видала в Савоие еще ни одной коровы

Откуда молоко?. [851]

5-го августа 1930 г.

St. Pierre-de Rumilly (Haute Savoie)

Chateau d'Arcine

– мне –

Дорогой Николай Павлович! Сердечное спасибо за чудный подарок, – держа в руке, долго гадала: что? И оказалось – самое нужное и приятное.

Идея: почему бы Вам не проехать в Сен-Лоран? Ночевали бы на сеновале, где часто ночует Сергей Яковлевич, засидевшись до срока закрытия замка. Сеновал чудный, свод как у храма. Из Гренобля в Сен-Лоран совсем недалеко, Сергей Яковлевич дважды ездил к Афонасову. [852] Могли бы, при Вашей любви к ходьбе, полдороги сделать в вагоне, остальное пешком. – Серьезно. – Буду Вам очень, очень рада, проедем вместе в Аннесу, на дивное озеро. Повидаете снежные горы (Chamonix, Mer de Glace). Все это осуществимо, и – странно, что Вам самому не пришло в голову. Погостили бы недельку. С голоду бы не умерли, еда простая, но много, и готовлю я, как Вы знаете, на целую артель («на мало – не стоит труда!»).

Словом – жду. Помните, в Понтайяке не удалось, пусть удастся сейчас. Пойдем компанией в ночевку на Моле (высшая гора поблизости, 2 тысячи 500, Сергей Яковлевич с Алей были, там цветы с кулак, и любимая Вами «область скал». Вверх – 5 ч., вниз – 7 ч.).

Никаких отговорок, мы сейчас соседи, вообразите, что Вы в Bellevue, а я в Медоне. Не сможете на неделю – на три дня. Отвечайте тотчас же: во-первых да, во-вторых – когда. Мы с Вами столько лазили по холмам, что не грех разок и на гору.

До свидания (скорого). Предупредите заранее, п. ч. может статься, что получу днем позже – из-за осложнения с почтой. Узнайте час прихода поезда, встретим.

Итак ...

МЦ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Приписка на полях:

Угощу Вас чудным малиновым вареньем: еще горячее! Собирали Аля и Наталья Николаевна. [853]

Никаких доводов не принимаю.

14-го октября 1930 г.

Здравствуйте, Милый Николай Павлович!

Буду рада повидаться. Не забудьте ключ.

Лучше всего к 3 ч., когда выходим на прогулку с Муром.

До скорого свидания!

МЦ.

Медон, 18-го октября 1930 г.

Милый Николай Павлович!

(Так Царица писала Саблину) [854]

Вот листок для France et Monde. [855] Если думаете зайти ко мне в понедельник, заходите не позже 6-ти, ибо уезжаю. Если же не можете – во вторник утром. Сердечный привет.

МЦ.

20-го октября 1930 г.

Понедельник

Милый Николай Павлович,

Только что письмо от Фохта, [856] где он пишет, что денег в Редакции нет, что он сам мне передаст деньги и т. д., – словом обычная морока.

Но Вы все-таки поезжайте. 1) м. б. и сказки, т. е. все-таки заплатят (мое положение ужасно) 2) если скажут, что платежами заведует Фохт, Вы им вручите прилагаемое письмо, которое Вас уполномачиваю прочесть. [857]

Спасибо заранее. Если сможете – зайдите рассказать до шести, не сможете – завтра утром.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М. б. они Вам сразу передадут несколько номеров журнала для меня, попросите.

МЦ.

Конец октября 1930 г.

Милый Николай Павлович,

Сейчас получила вторичную повестку на квартирный налог – 450 фр. – saisie en huit jours,[858] т. е. 7 нас будут описывать.

Нужно во что бы то ни стало выдрать фохтовские деньги, т. е. –

Заходите за мной завтра, чтобы вместе отправиться в Humanites Contemporain[859] (France et Monde) и попытаться наконец получить. Возьму с собой повестку.

Приходите так, чтобы вернее застать кого-нибудь в редакции.

Итак жду.

МЦ.

январь-февраль 1931 г.

Милый Николай Павлович!

Большая просьба: у меня есть надежда издать Перекоп отдельной книжкой, но для этого необходимо переписать его на машинке. – 1000 строк. –

Отдельного беловика, с которого бы можно было переписывать, у меня нет, пришлось бы с голоса, т. е. мне – диктовать. Думаю, если бы по 100 строк (коротеньких) в день – справились бы дней в десять. Вы же знаете мою строку – короткую.

Ответьте пожалуйста – можете ли? Обращалась в контору, но безумные цены.

Если да, нужно было бы приступить сразу.

Всего лучшего.

МЦ.

Утром я почти всегда свободна, но об этом сговорились бы потом.

Если да, сообщите свои более или менее свободные часы: утро? apres-midi?[860] вечер? Я очень связана отъездами в город Сергея Яковлевича, но выкроить бы можно было.

У Вас ли книги, бывшие у Странге:[861] 2 тома Дюма и Гёста Берлинг?.[862] я его

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
совсем не вижу, боюсь книги пропадут.

Февраль 1931 г.

Вторник

Милый Николай Павлович,

Перекоп более или менее готов. Когда Вы можете ко мне придти печатать? Мое самое удобное время 5 ч. Если дома – ответьте. Привет

МЦ.

Нет ли у Вас хоть немножко свободных денег?

Мы погибаем. Все ресурсы разом прекратились, а Новая газета статьи не взяла. [863]

Февраль 1931 г.

Милый Николай Павлович!

Приходите нынче на блины к 121/2 ч., после попечатаем. Машинку накормим тоже.

Если случайно не можете (на блины), приду к 2 ч. – я.

Но лучше сможете.

До свидания. Не запаздывайте и не забудьте машинку.

МЦ.

Воскресенье.

Февраль-март 1931 г.

Понедельник.

Дорогой Николай Павлович,

Принесите мне нынче все уже напечатанное, мне нужно спешно исправить и представить. Просьба: пока никому о моих планах и надеждах насчет устройства Перекопа.

Итак, жду Вас к 4 ч.1/2, нам нужно сделать нынче возможно больше. Сердечный привет.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы меня очень выручаете.

Нынче же уговоримся насчет поездки к Вере Степановне. [864]

МЦ.

Весна 1931 г.

Милый Николай Павлович, увы, увы, пролетает и вторая башмаковая сотня: мне крайне нужны деньги, дайте Але те 28 фр., а если еще спите, занесите мне их сразу после завтрака (до 21/2 ч.) – потом уйдем.

Итак жду.

МЦ.

Кстати, расскажите про Ивонну. [865]

Конец декабря 1932 – начало января 1933 г.

Милый Николай Павлович,

Если Вам не трудно, пришлите мне пожалуйста точный адрес русской гимназии и адрес того преподавателя (фамилию, имя и отчество) который, по Вашим рассказам, хорошо относился к моим стихам.

Мой адрес до 15-го

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet [866]

Всего лучшего и спасибо заранее

МЦ.

Не странно ли, что попала к Вам как раз в день (а м. б. и час) Вашего приезда.

Заходили с Муром.

Без даты

Дружочек!

Сейчас ко мне заходил Ваш папа и, не застав Сергея Яковлевича, сказал, что зайдет к 9-ти ч., с поезда.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Поэтому – приходите раньше, часам к 6 1/2, вместе поужинаем и, если не будет
дождя, пойдем ходить, или еще что-нибудь придумаем.

Мне не хочется, чтобы Ваш папа думал, что Вы все время у нас – потому – что
этого нет.

А м. б. – Аля, Вы и я – втроем в кинематограф? (наш). Говорю на случай дождя.

Словом, увидим.

М. б. уже к 6-ти придете? Не настаиваю, п. ч. боюсь отрывать Вас. Но на 6 1/2
настаиваю. До свидания!

МЦ.

Без даты

Воскресенье

Милый Николай Павлович!

Предложение: хотите нынче вечером в Кламар, на хороший фильм (Fifvre,[867]
американский).[868] Приходите как условлено в 7 ч., поужинаем и отправимся.

Расскажу о своих вечеровых делах. Только не запаздывайте. До скорого свидания!

МЦ.

Без даты.

Воскресенье.

Cher ami,

Venez me tenir compagnie avec Mour.[869]

Все уходят, я сижу с ним целый день. Приходите сразу после завтрака, если будет
дождь посидим дома, солнце – Вы проводите нас с ним в Кламар. У меня есть для
Вас приятная находка, душевного порядка.

Варенье не несите, ибо завтрашний день не упраздняется.

Жду.

МЦ.

Если солнце – не позже 2 1/2 ч. Лучше к 2 ч.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Без даты

Милый Николай Павлович!

Подождите меня, пожалуйста, я в Кламаре, скоро вернусь. Ключ под дверью.

МЦ.

Без даты

Милый Николай Павлович,

Простите, что не дождалась, – пришлось неожиданно ехать в город. Жду Вас сегодня вечером, после 8 ч. Посидим – побеседуем.

МЦ.

Без даты

Милый Николай Павлович! Я приехала и очень рада буду повидаться. Если Павла Павловича[870] сейчас нет дома, попросите его захватить письмо завтра и, если не трудно, занесите. А то оно давно лежит.

Жду вас либо нынче вечерком, либо завтра.

МЦ.

Без даты

Среда

В субботу идем. Выясните, может ли Павел Павлович. Остальное как условлено.

МЦ.

Без даты

Вторник

Милый Николай Павлович!

Вы мне очень и срочно нужны. Я дома от 12 ч. до 21/2 ч. и вечером от 5 ч. до 7 ч. Дело важное.

Привет.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Если не спите и дома – скажите Але, когда будете.

Без даты

Милый Николай Павлович.

Приходите ко мне, если можете, завтра часа в два – пойдем за ящиками (4 уже есть) – если есть, захватите пилку для полок. И так, жду до 21/2 ч.

МЦ.

БУНИНОЙ В. Н
20-го марта 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера Николаевна,

Вы незаслуженно-добры ко мне. Это не фраза. Сейчас обосную. Если бы Вы любили мои стихи – или любили бы меня – но ни тех ни другой Вы не знаете (может быть в знали бы – не любили бы!) – поэтому Ваш жест совершенно чист, с моей же стороны – ничем незаслужен. И, честное слово, в данную минуту, когда пишу, он совершенно затмевает (прочтите производя от света, наоборот) мне все то, что реально несет. Вроде как: когда есть такие хорошие люди – черт с деньгами!

Когда мне говорят: «хочу, но не знаю выйдет ли» или «хотел, но ничего не вышло», я слышу только «хочу» и «хотел», – «ничего» никогда не доходит. – «Спасибо за хочу».

– Ну вот. А засим, со стыдом, как от всего денежного, которое ненавижу и которое мне платит тем же (кто кого перененавидит: я ли деньги, деньги ли меня??) – вот прошение. И наперед, выйдет или не выйдет, – спасибо за хочу.

МЦ.

– Да! Скоро выйдет моя книга «После России», все стихи написанные за границей, я Вам ее пришлю, не давайте мужу, пусть это будет вне литературы, не книга стихов, Ваше со мной. Очень хочу, чтобы Вы ее как-то – приняли, – а если ничего не выйдет. Вы мне тоже скажите: – Спасибо за хочу!

21-го апреля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера Николаевна,

Не будет ли с моей стороны нескромным запросить Вас, вышло ли что-нибудь из моей писательской полочки[871] – от журналистов через С. В. Познера я уже получила.[872]

Может быть еще и собрания не было? Простите, ради Бога, за хлопоты. Сердечный привет и благодарность.

М. Цветаева.

4-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера (можно?)

Дела с билетами хуже нельзя. Все отказываются. Из тех по Вашим адресам продано пока два – по 25 франков. Вечерами объелись и опились. Последний вечер – ремизовский – окончательно подкосил. Отказы складываю в один конверт, – не деньги, так опыт (бесполезный, ибо знала наперед). Познер, например, не ручается ни за один и трогательно просит забрать – «может быть еще как-нибудь пристроите». Таких писем у меня уже 7. Зал будет полный (входные по 5 франков, дороже нельзя из-за налога), а касса пустая. Я в полном огорчении. У Мура (сына) кашель уже 8-ой месяц, как начал после скарлатины так и не кончил. Его необходимо увезти, ибо наследственность с обеих сторон дурная (у мужа 16-ти лет был процесс, возобновившийся в Галлиполи, а с моей стороны – умерла от легочного туберкулеза мать). Я слишком умна, чтобы ненавидеть буржуазию – она ПРАВА, потому что я в ней – ЧУЖОЙ, куда чужее самого архи-коммуниста. (NB! Обратное буржуа – поэт, а не коммунист, ибо поэт – ПРИРОДА, а не мирозерцание. Поэт: КОНТР-БУРЖУА!

Итак, все правы и всё в порядке, кроме Муркиных бронх, – и это единственное, по существу, до чего мне, кроме стихов, дело.

– Читаю сейчас вересаевскую летопись «Пушкин в жизни» – знаете? (Сплошь свидетельства современников или их близких потомков, одно например такое:)

«Плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие! Один был вороной, а другой гнедко – гнедой... Козьяком звали... по мужику, у которого его жеребеночком взяли. (Козьяк, а то Козляк, – тоже болотный гриб такой). Этот самый Козьяк совсем дрянной конь был, а только долго жил. А вороной, тот скоро подох».

Михайловский старик-крестьянин по записи И. Л. Щеглова.

Новое о Пушкине. С. П. Б. 1902, стр. 202.

Спасибо за надю.[873] О ней, бывшей, речь еще впереди. А знаете полностью тот стих Рильке?

Vergangenheit steht noch bevor.

Und in der Zukunft liegen Leichen...[874]

Не хотелось – Leichen (начертания). Целую Вас, пишете.

МЦ.

1-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера Николаевна,

Я все еще под ударом Вашего письма.[875] Дом в Трехпрудном – общая колыбель – глазам не поверила! Первое, что увидела: малиновый бархат, на нем альбом, в альбоме – личико. Голые руки, открытые плечи. Первое, что услышала: «Вера Муромцева» (Раечка Оболенская, Настя Нарышкина, Лидия Эверс, никогда не виденные, – лица легенды!) Я росла за границей. Вы бывали в доме без меня, я Вас в нем не помню, но Ваше имя помню. Вы в нем жили как звук.

«Вера Муромцева» – мое раннее детство (Валерия меня старше на 12 лет),[876] «Вера Муромцева», приезды Валерии из института – прерываю! – раз Вы меня видели. Я была в гостях у Валерии (4 года) в приемный день, Валерия меня таскала по всему институту, – все меня целовали и смеялись, что я такая серьезная – помню перегородку, над которой меня подняли. За ней был лазарет, а в лазарете – скарлатина. Поэтому до сего дня «скарлатина» для меня ощущение себя в воздухе, на многих вытянутых руках. (Меня подняли всем классом.)

Валерия нас с Асей (сестрой) любила только в детстве, когда мы выросли – возненавидела нас за сходство с матерью, особенно меня. Впервые после моей свадьбы (1912 г.) мы увиделись с ней в 1921 г. – случайно – в кафе, где я читала стихи.

Есть у нас еще родство, о нем в другой раз, – семейная легенда, которую Вы может быть знаете.

– Но – как Вы могли, когда я была у Вас, меня не окликнуть? Ведь «Трехпрудные» – пароль, я бы Вас сразу полюбила, поверх всех евразийств и монархизмов, и старых и новых поэзии, – всей этой вздорной внешней розни. – Уже люблю.–

Целую Вас.

МЦ.

Если Вам любопытна дальнейшая судьба «Лёры» – расскажу Вам, что знаю.

Приписка на полях:

«Вера Муромцева». «Жена Бунина». Понимаете, что это два разных человека, друг с другом незнакомых. (Говорю о своем восприятии, до Вашего письма.)

– Пишу «Вере Муромцевой», ДОМОЙ.

23-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера Николаевна,

Ваше письмо совершенно изумительно. Вы мне пишете о Наде Иловайской, любовью к которой – нет, просто КОТОРОЙ – я болела – дайте вспомнить! – год, полтора. Это было мое наваждение. Началось это с ее смерти – я тогда была в Германии, в закрытом учебном заведении, мне было 10 лет. «Умерла Надя Иловайская» (письмо отца). Последнюю Надю я помнила в Нерви – розу на гробах! – (все вокруг умирали, она цвела) – Надю на Карнавале, Надю на bataille de fleurs.[877] Я ей нравилась, она всегда меня защищала от матери, которой я тогда – et pour cause![878] – не нравилась. Но дружны мы не были – не из-за разницы возраста – это вздор! – а из-за моей робости перед ее красотой, с которой я тогда в стихах не могла справиться (пишу с 6-ти лет, в Нерви мне было 8 лет[879] – проще: дружны мы не были, потому что я ее любила. И вот – неполных 2 года спустя – смерть. Тут я дала себе волю – полную – два года напролет пролюбила, про-видела во сне – и сны помню! – и как тогда не умерла (не сорвалась вслед) – не знаю.

Об этом – о, странность! – я Вам говорю ПЕРВОЙ. Помню голос и похолодание спинного хребта, которым – с которым я спрашивала отца на каком-нибудь Ausflug[880] в Шварцвальде (лето 1904 г.) – «А... Надя Иловайская... когда умирала... очень мучилась?» Эту любовь я протаила в себе до – да до нынешнего часа! и пронесла ее сквозь весь 1905 г. Она затмила мне смерть матери (июль 1906 г. – от того же).

«Надя Иловайская» для меня – вся я 10 лет: БЕЗДНА. С тех пор я – что? научилась писать и разучилась любить. (И первое не совсем, и второе не совсем, – даст БОГ на том свете – первому разучусь совсем, второму научусь заново!)

– В первый раз «Трехпрудный», во второй раз «Надя Иловайская» – Вы шагаете в меня гигантскими шагами – шагом – души.

А поэтессу, о которой Вы говорите, я знаю, имею даже одно письмо от нее[881] (1925 г., тогда только что приехала в Париж) – по письму и по встрече с ней (одной) не полюбила, может быть из Ваших рук – полюблю, но это будете Вы. Предпочитаю из Ваших – Вас же. Как и Вас (говорю о книге, которая до сих пор не вышла)[882] прошу любить или не любить – но без ПОСРЕДНИКА. Почему Вы думаете, что поэтесса лучше поймет? И может быть мне Ваше непонимание (ОРГАНИЧЕСКОЕ) дороже. И ведь можно – совсем без стихов! Стихи, может быть, – pis aller,[883] – а?

Еще одно: не бойтесь моего жара к Вам, переносите его со спокойствием природы – стихов – музыки, знающих род этого жара и его истоки. Вы на меня действуете МАГИЧЕСКИ, «Трехпрудный», «Надя Иловайская» – слова заклятья. При чем тут Вы? И

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
при чем тут я?

Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет – незапамятных, допотопных, дальше чем ассирияне? и вавилоняне. Я там никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе, в жесткости – и вдруг «Sesam, thue dich auf!»[884] (моя «контр-революция» распространяется и на немецкое правописание: Thor, That[885] и т. д. Ненавижу ущерб).

Как же горь, раскрывшейся (проследите сказку с точки зрения горы, а не героя. Совпадение желаний – мало! – необходимость) – как же горе, раскрывшейся, не благодарить, не обнять, не замкнуться на нем? Подумайте об одиночестве Сезама!

О другом. Скоро мой вечер, хочу заработать на летний отъезд. Куда ехать на Средиземное море? Пансион не нужен (нас четверо), нужно самое скромное, распробное-но-жилище – минимум 2 комнаты с кухней, моя максимальная платежеспособность – 350 фр. в месяц. (Хочу на 3 месяца.) В город не хочу ни за что, хочу дыры. Может быть Вы знаете? Что-нибудь около 1000 фр. за три месяца, немножко больше. Дико соскучилась по югу, на котором не была – да уже 11 лет! Мой последний юг – октябрь 1917 г., Крым.

Мур (сын) всю зиму напролет прокашлял, Сережа (муж) еле таскает ноги (болезнь печени, а главное – истощение), я вся в нарывах (малокровие), всё это святая правда. Была бы Вам очень благодарна, дорогая Вера Николаевна, за совет. Еще: кто бы мне из Ваших знакомых здесь в Париже помог с билетами (25 франков), на эти билеты вся надежда, остальные входные по 5 франков (больше нельзя из-за налога). Вечер 17-го июня, меньше месяца.

А летом Вы бы ко мне приехали в гости, ведь Grasse не так далеко от – предположим Нуиес (все говорят об Нуиес и его окружении, но ни одной достоверности). Познакомились бы со всеми нами. Аля (14 лет) выше меня ростом, огромная, но девочка будет красивая. Мур уже сейчас красив, но по-своему. Громадный породистый – не то амур, не то кот. А когда серьезен – ангел. Все: «он у Вас с какого-то старинного мастера»... один даже определил месторождение: «с Севера Италии, из Ломбардии».

В следующем письме пришлю его карточку, сегодняшнее бы перетяжелило.

Да! никаких 300 франков от журналистов, естественно (отнесите последнее не к своей доброй воле, а к моему злосчастью!) не получила. А как были – есть – будут нужны!

Целую Вас нежно. Зовите меня Мариной.

МЦ.

10-го апреля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Вера Николаевна,

Чувствую и сознаю, что минута неподходящая, но – этот вечер[886] вся моя надежда: у меня очень болен муж (туберкулез легких – три очага + болезнь печени, которая очень осложняет лечение из-за диеты). Красный Крест второй месяц дает по 30 фр. в день, а санатория стуйт 50 фр., мне нужно 600 фр. в месяц доплачивать, кроме того стипендия со дня на день может кончиться, гарантии никакой, а болезнь – с гарантией – с нею не кончится.

Билеты продаю по 50 фр. и по 25 фр. Просьба, если за 50 фр. дело не выйдет, отчеркните правый угол конверта красным карандашом, это значит, что билет 25 франковый. (А то 50-франковые захотят сидеть в первых рядах, – чтобы не было путаницы). Один билет, для образца, отчеркиваю.

Мне очень совестно всегда просить Вас, но мне сейчас труднее чем когда-либо: дочь учится, я одна с мальчиком, хозяйством, вечером, писаньем, заботами о муже, т. е. одна со своими двумя руками.

Вот.

Сердечное пожелание удачи Вам – вбм – в вбшем вечере.

М. Цветаева

23-го апреля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Христос Воскресе, дорогая Вера Николаевна! И одновременно-Воистину, потому что милое письмо Ваше не могла воспринять иначе как: Христос Воскресе! –

Сердечное спасибо. Вы очень добры, и все это очень растравительно. Трагическая часть вечера – в сочувствии, а не в равнодушии: последнее в бытовом порядке вещей, и во мне ничего не вызывает. Такая же присылка как Ваша – ВСЁ.

Ну вот.

Целую Вас.

МЦ.

... Будет скоро тот мир погублен!
Погляди на него тайком –
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом...[887]
(16-ти лет, в 1910 г.[888] – не знала, что сожгут![889])

Да! Если устали (а устали наверное!) – на мой вечер не приходите, тем более, что я буду читать последней и немного. Когда-нибудь (– да!) увидимся по-человечески – посидим, поговорим, а это ведь лучше «вечеров»? –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

6-го августа 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна,

– Если Вы меня еще помните. –

Я сейчас погружена в наш трехпрудный дом (мир) и обращаюсь к Вам, как к единственной свидетельнице (жутко звучит, а?), – как к единственной-здесь-свидетельнице. [890] Но до вопросов хочу сказать Вам, что вещь, которую Вы м. б. на днях прочтете, мысленно посвящена Вам, письменно не решилась, п. ч. не знаю, тбк ли Вы всё это видите, как я – глазами моего раннего детства. У меня с собой ни одной записи: одна память.

Ряд вопросов:

1) Вашего отца или его брата Сергея любила Варвара Дмитриевна Иловайская? (Хотелось бы, чтобы Вашего). «Варвара Дмитриевна любила Муромцева, но отец не позволил» – такова твердая легенда нашего трехпрудного дома. Почему не позволил? Либерализм Муромцевых и консерватизм Иловайского?

Если Вы что-нибудь об этой любви знаете – дайте мне всё, что знаете. Если не хотите гласности, могу не называть имен, как не назвала Вашего. Тогда дайте приметы того из братьев, которого она любила (он ведь ее, наверное, тоже?). Приблизительный возраст обоих, его внешность, место и длительность знакомства, встречались ли потом, как встречались... (Не бойтесь меня: мною движет – любовь).

2) Чту Вы знаете о дружбе Иловайских с Муромцевыми? Откуда повелась (и как могла – при такой разнице – всего??) Знаю только, что Цветаевы – в их иловайской части – с Муромцевыми чем-то связаны. Чем? Помню, что мой отец постоянно встречался с ними (вами?) у Анны Александровны Адлер, крестной моего брата Андрея. Там я, по-моему, девочкой встречала Вашу двоюродную сестру (блондинку?), всю какую-то острую. [891]

3) Всё, что знаете об Иловайских. Во-первых – год его рождения. (По-моему – 1825 г., п. ч., со слов брата Андрея, умер в 1919 г., 94 лет). На ком был женат первым браком Дмитрий Иванович, т. е. кто мать Варвары Дмитриевны. Имена и возраст ее умерших братьев (двое! Помню детские лица в иловайском альбоме, а м. б. – одно лицо в двух видах, которое я принимала за два). От чего умерли?

4) Знаете ли Вы что-нибудь о прабабке румынке «Мамбке»? Ее еще несколько дней застала в доме наша мать. Умерла она в моей комнате. Чья она прабабка? М. б. мать первой жены Дмитрия Ивановича? Но почему румынка? Это – твердо знаю.

5) Помните ли Вы Варвару Дмитриевну? Если Вы сверстница Валерии – это вполне возможно. Какая была? (Хотя бы самое Ваше детское впечатление). Всё, что о ней и о доме Иловайских помните, вплоть до пустяков.

Я у Иловайских в доме была только раз, с отцом, уже после смерти моей матери, но их дух жил – в нашем.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

6) Видели ли Вы когда-нибудь мою мать? (Марию Александровну Мейн). Какая она была? Если даже не нравилась (я ведь тоже не нравлюсь!) – почему, чем? Были ли Вы когда-нибудь в нашем доме при моей матери (мы уехали осенью 1902 г., а умерла она летом 1906 г.) Если да – каков был дом при ней? Дух дома. М. б. и нашего с Асей деда, Александра Даниловича Мейн, помните? Если да – каков был? (Он умер, когда мне было 7 лет, я его отлично помню, как, впрочем, всё и всех – с двух лет, но ведь это воспоминания изнизу!) Если видели хоть раз – каков остался в памяти? М. б. и нас с Асей, маленькими, помните? (Валерия меня очень любила, а мать – больше – Асю.) Я ведь помню «Вера Муромцева», и в альбоме Вас помню. Вы с Валерией вместе учились в институте? Или я путаю?

7) О моем отце – всё, что можете и помните. Вы ведь были его любимой слушательницей? Чту (в точности) Вы у него слушали? Каков он был с учащейся молодежью? Каков – дома, со всеми вами? Я ведь всего этого не застала, знаю его уже после двух потерь, п. ч. большой кусок детства росла без него.

8) Возвращаюсь к Иловайским. Всё, что знаете о смерти Нади и Сережи. Я их отлично помню, и в Трехпрудном («живые картины») и у нас в Тарусе (Сережа рыл в горе лестницу и я, семи лет, немножко была в него влюблена) – и в Nervi. Моя мать их очень любила (и любила, и любовалась!) и всегда выручала и покрывала (Надю: Сережа был очень тихий, и всегда при матери). Помню один Надин роман – с тоже молодым, красивым и больным – я тогда носила письма и ни разу не попала! И «bataille de fleurs» помню, когда в Надю бросали цветами, а в Александру Александровну[892] какой-то дрянью в бумажках (не конфетти, а чем-то веским, – песком кажется!). После Nervi – в Спасское? А умерли – в 1904 г. или в 1905 г.? Кто раньше? (Кажется, Сережа?) Знали ли, что умирают? Отец рассказывал, что Надя была необычайно-красива перед смертью – и после. Отношение Дмитрия Ивановича. Отношение Александры Александровны. (Сережа любимец был?)

9) Судьбу Оли. За кого вышла? (знала, но забыла). Жива ли еще? Есть ли дети? Счастливый ли оказался брак?[893]

10) Жива ли Александра Александровна, а если нет, когда умерла? У кого из родителей был в молодости туберкулез? (Иловайская «овсянка».) В 1918 г. или в 1919 г. умер Иловайский?

Все даты, которые помните.

Когда будете отвечать, дорогая Вера Николаевна, положите мое письмо перед собой: упомянуть мои вопросы невозможно, я и то списала их себе в тетрадь. Помните, что каждый вопрос мне важнее всех остальных, и ответьте, по возможности, на все. Можете совершенно сокращенно, в виде конспекта, пробелы заполню любовью, мне важны факты, я хочу воскресить весь тот мир – чтобы все они не даром жили – и чтобы я не даром жила!

Знаю, что это – целая работа (говорю о Вашем ответе), целый спуск в шахту или на дно морское – и еще глубже – но ведь и вы этому миру причастны, и Вы его любили... Взываю к Вам как к единственной свидетельнице!

Получив мое письмо, отзовитесь сразу открыткой, а письма буду ждать. Его нельзя писать сразу. Но, когда начнете, увидите, что совсем не так невозможно его написать, как казалось, пока не начинали...

Теперь – слушайте:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Открытка с видом Музея Александра III, сверху снятого, во всем окружении
зеленых дворов и домов. Прекрасная.) [894]

Дорогая Марина! Пишу Тебе, чтобы сообщить печальную весть:

8-го апреля в 11 ч. 50 минут вечера умер (от маминой болезни) брат Андрей, почти 43 лет. Был в сознании, умер недолго мучаясь, легче мамы. [895] Жена его [896] и я три года слали его к врачу, он же не шел, а когда пошел – было поздно. Питание имел до конца исключительное, жена делала всё, что могла. Лежал он 2 месяца 3 недели. Я говорила с ним за три дня, сидела у него долго, наедине, днем. Вдруг сказал: – А болезнь не умеют описывать... (писатели). – И смерть не умеют. Я не стала убеждать, что смерти не будет – ложь ведь. Я сказала, почему я думаю, что не умеют, о своем отсутствии страха перед смертью, а потом стала говорить о кумысе, о лете, о санатории. Он то думал, что будет жить, то нет. Девочке 2 года 2 месяца. [897] Большая, очень милая. Когда уходила, целуя его, видела, как он нежно, светло, по-новому смотрит, глаза широкие – и полу-улыбка.

А 8-го днем ему стало хуже и он сказал жене: – Женечка, я умираю, А я как раз вдруг позвонила из загорода, с работы. – «Ему хуже». Я поехала. И он уже был неузнаваем, полусидел, задыхался, часто и мелко дышал, полузакрытые глаза. Увидев меня: – Зачем все пришли? Ничего такого особенного со мной нет. – Но когда я отошла к столу – тихонько позвал. Я подошла. Он стал правой рукой делать лоящие, глядящие движения – ко мне. Я гладила и держала его руку. Жалею, что не поцеловала ее, но не хотелось жеста, ему (весь – сдержанность). После лекарства стал засыпать. (За лекарством ходила я в аптеку, когда он: «Дайте лекарства», а их не признавал, обычно.) В мое отсутствие пришла Валерия (не видела последние 3 месяца). Он ей сказал: – Ведь я еще могу жить, мог бы – у меня еще целое легкое. Удушье? Пройдет! Но от него можно задохнуться – ночью. – Ну, что ты! (Валерия). Проснешься.

Мы ушли, когда он стал дремать. Уходя, я поцеловала его, спросила, не хочет ли он поесть – ответ тот же, что мамин – нет, головой. Передала привет от сына, [898] ушла. Придя позвонила о горячих бутылках и узнала, что скончался. Поехала туда, помогла одевать, причесать, и всю ночь была над ним, и жена. Утром прилегла на час тут же. Похоронили в папиной могиле (папа считается мировым ученым I категории А). Папин гроб цел. Начинается весна на кладбище. Он рядом с мамой – она так его любила. Его девочка (Инна) целую неделю всё: – А где папа, мама? Где папа? Нет папы – папа ушел? – Он в день смерти простился с женой и обеими девочками: дочкой и падчерицей (11 лет), [899] которую очень любил. Тебя вспоминал за несколько дней.

(Все письмо невероятно-мелким почерком, ибо уместилось на открытке. Последнее: Тебя вспоминал... разобрала только сейчас, переписывая, даже не разобрала, потому что разобрать – невозможно, а сразу прочла.)

Теперь Вы может быть поймете, дорогая Вера Николаевна, почему мне нужно воскресить весь тот мир – с его истоков.

До свидания, буду ждать с чувством похожим на тоску.

Марина Цветаева

Умоляю этого письма (ни Асиного ни моего) не показывать никому Не надо. – Только Вам. –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приписка на отдельном листе:

Письмо написано давно, только сейчас узнала Ваш адрес от А. Ф. Даманской, которую видала вчера и которая шлет Вам сердечный привет.

МЦ.

12-го августа 1933 г.

19-го августа 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера Николаевна,

Самое сердечное и горячее (сердечное и есть горячее! Детская песенка, под которую я росла:

«Kein Feuer keine Kohle

Kann brennen so heiss...»)[900]

– итак, самое сердечное спасибо за такой отклик.

Первое, что я почувствовала, прочтя Ваше письмо: СОЮЗ. Именно этим словом. Второе: что что бы ни было между нами, вокруг нас – это всегда будет на поверхности, всегда слой – льда, под которым живая вода, золь – под которой живой огонь. Это не «поэзия», а самый точный отчет. Третье: что бывшее сильнее сущего, а наиболее из бывшего – будущее: детство сильнее всего. Корни. Тот «ковш душевной глубины» («О детство! ковш душевной глубины» – Б. Пастернак), который беру и возьму эпитафией ко всему тому старопименовскому – тарусскому – трехпрудному, что еще изнутри корней выведу на свет.

Долг. Редкий случай радостного долга. Долг перед домом (лоном). Знаю, что эти же чувства движут и Вами.

Слушайте. Ведь все это кончилось и кончилось навсегда. Домов тех – нет. Деревьев (наши трехпрудные тополя, особенно один, гигант, собственноручно посаженный отцом в день рождение первого и единственного сына) – деревьев – нет. Нас тех – нет. Все сгорело до тла, затонуло до дна. Чту есть – есть внутри: Вас, меня, Аси, еще нескольких. Не смейтесь, но мы ведь, правда – последние могикане. И презрительным коммунистическим «ПЕРЕЖИТКОМ» я горжусь. Я счастлива, что я пережиток, ибо всё это – переживет и меня (и их!).

Поймите меня в моей одинокой позиции (одни мет я считают «большевичкой», другие «монархисткой», третьи – и тем и другим, и все – мимо) – мир идет вперед и должен идти: я же не хочу, не НРАВИТСЯ, я вправе не быть своим собственным современником, ибо, если Гумилев:

– Я вежлив с жизнью современной..

– то я с ней невежлива, не пускаю ее дальше порога, просто с лестницы спускаю. (NB! О лестницах. Обожаю лестницу: идею и вещь, обожаю постепенность превозможения – но самодвижущуюся «современную» презираю, издеваюсь над ней, бью ее и логикой и ногою, когда провожу. А в автомобиле меня укачивает, честное слово. Вся моя физика все современна: в подъемнике не спущусь за деньги, а подымусь только если не будет простой лестницы – и уж до зарезу нужно. На все седьмые этажи хожу пешком и даже «бежком». Больше, чем «не хочу» – НЕ МОГУ.) А если у меня «свободная речь» – на Руси речь всегда была свободная, особенно у народа, а если у меня «поэтическое своеволие» – на это я и поэт. Всё, что во мне «нового» – было всегда, будет всегда. – Это всё очень простые вещи, но они и здесь и там одинаково не понимаются. – Домой, в Трехпрудный (страна, где понималось – всё). Жжду Вашего ответного листа на мой опросный. «России и Славянства» еще не получила, [901] жду и сражена Вашим великодушием – давать другому свое как материал – сама бы так поступила, но так пишущие не поступают. Очевидно, мы с Вами «непишущие».

Глубоко огорчена смертью Вашего отца: Вашим горем и еще одним уходом. (Мы с Вами должны очень, очень торопиться! Дело – срочное.) Тбк у меня здесь совсем недавно умер мой польский дядя Бернацкий, которого я в первый раз и в последний видела на своем первом парижском вечере, а он всё о нашей с ним Польше знал. К счастью, еще жива его сестра и она кое-что знает – и есть портреты. (О встрече с собой, живой – на портрете моей польской прабабки Графини Ледуховской – когда-нибудь расскажу. Сходство – до жути!)

Словом, я с головой погружена в весь тот мир. Помните (чудесный) роман Рабиндраната Тагора «Дом и Мир»? У меня Дом – Мир!

Дорогая Вера Николаевна, пишите и Вы, давайте в две – в четыре руки – как когда-то играли! (М. б. и сейчас играют, но я в отлучке от рояля вот уже 11 лет, даже видом не вижу.)

– Спасибо за память об Андрее, за то, что так живо вспомнили – и напомнили. Я ведь его подростком не знала, 1902–1906 г. мы с Асей жили за границей. И вдруг из Ваших слов – увидела именно в дверях передней – и это так естественно: всегда ведь либо в гимназию, либо из гимназии... Вы спрашиваете, кто муж Аси? Ася вышла замуж 16-ти лет за Бориса Трухачева, сына воронежского помещика, 18-ти лет. Расстались через два года, даже меньше, а в 1918 г. он погиб в Добровольческой Армии. Второй ее муж и сын от второго мужа оба умерли в 1917 г., стало быть она с двадцати лет одна, со старшим сыном Андрюшей, ныне инженером, а ей еще порядочно до сорока (до-СРОКА!).

А про Валерию Вы знаете? Она после долгой и очень смутной жизни (мы все трудные) – душевно-смутной! – наконец 30-ти лет вышла замуж (м. б. теперь и обвенчалась) за огромного детину-медведя, вроде богатыря, невероятно-заросшего: дремучего! по фамилии Шевлягин, [902] кажется из крестьян. С ним она была уже в 1912 г. – с ним до сих пор. У нее было много детей, все умирали малолетними. Не знаю, выжил ли хоть один У нас с нею были странные отношения: она не выносила моего сходства с матерью (главное, голоса и интонаций). Но мы, вообще, все – волки. Человек она необычайно трудный, прежде всего – для себя. М. б. теперь мы бы с нею и сговорились. Она меня очень любила в детстве. Не переписываемся никогда. М. б. – теперь напишу, тогда передам от Вас привет.

А жутко – влюбленный Иловайский! (то, о чем Вы пишете). Вроде влюбленного памятника. Сколько жути в том мире!

До свидания. Жду. И письма и встречи – когда-нибудь. Вы зимой будете в Париже?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тогда – мне – целый вечер, а если можно и два. Без свидетелей. Да? Обнимаю.

МЦ.

Приписки на полях:

Рада, что Вам понравился Волошин.[903] У меня много такого. Ваш отзыв из всех отзывов – для меня самый радостный.

Сердечный привет от мужа, он тоже Вас помнит – тогда.

21-го августа 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера Николаевна,

Рукопись «Дедушка Иловайский» ушла в 11 ч. утра в далекие страны,[904] а в 11/2 ч. – Ваше письмо, которому я столько же обрадовалась, сколько ужаснулась – особенно сгоряча. Дело в том, что у меня Дмитрий Иванович встает в 6 ч. утра (слава Богу, что не в 5 ч. – как казалось... и хотелось!), а у Вас, т. е. на самом деле – в 10 ч. Еще: у меня он ест в день одно яйцо и три черносливины (рассказ Андрея, у них жившего и потом часто гостившего), а оказывается – болезнь почек, значит и одного-то своего (моего!) яйца не ел. Что бы мне – овсянку!!! Но яйцо помнила твердо, равно как раннее вставание. Третье: у меня Александра Александровна выходит хуже Дмитрия Ивановича (который у меня, должно быть, выходит настолько если не «хорошим» – так сильным, что Милюков не захотел) – выходит и суше и жестче и, вообще, отталкивающе, тогда как дед – загадочен. Но это уже дело оценки: бывали «тираны» и похуже Иловайского, и именно у этих тиранов бывали либо ангелоподобные (Святая Елизавета,[905] чудо с розами), либо неукротимо-жизнерадостные жены. У меня Александра Александровна выходит немножко... монстром. (Не словесно, а некое, вокруг слов, веяние: ничего не сказала – и все.)

Как Вы думаете – обидится, вознегодует, начнет ли опровергать в печати – Оля? Вставание в 6 ч., когда в 10 ч... мое «яйцо» и леденящую (хуже у меня нет) мать. И еще одно: важное, у меня, по семейной традиции, было впечатление и даже уверенность, что Оля сбежала с евреем. А м. б. кезельман – не еврей? М. б. – полукровка? А м. б. – немец, а еврей – Исаев,[906] и я спутала? Плохо мое дело, п. ч. рукописи не вернуть, и так уже отправка стоила около 10 франков (писала от руки и пришлось отправить письмом).

Остальное всё совпадает. В Наде я всегда чувствовала «тайный жар», за это ее так и любила. Сережу же у нас в доме свободомыслящие Валериины студенты звали маменькиным сынком и белоподкладочником, не прощая ему двух – таких чудных вещей: привязанности к матери – и красоты. (Сережа и Надя, как и Оля, у меня только упомянуты, я же все время должна была считать строки и даже буквы!)

Думаю, для очистки совести, сделать следующее: если вещь в «дальних странах» (NB! не в России!) напечатают, то в следующем очерке, «Конец историка Иловайского», я принесу повинную, т. е. уничтожу и 6 ч. утра, и яйцо, и, если нужно, еврея. Если будете писать мне, милая (выходит – давно-родная!) Вера Николаевна, не забудьте подтвердить или разрушить еврейство Кезельмана или Исаева, это важнее часов и яиц, и Оля серьезно может обидеться, а я не хочу.

Из Ваших записей не вижу: жива ли или умерла Александра Александровна? Если умерла – когда? И сколько ей могло быть лет? А молодец – не боялась, не сдавалась, судилась. И крепкая же у нее была хватка – (Так и вижу эти корзины и сундуки с муарами и гипюрами, такие же ежевесенне проветривались и нафталинились на трехпрудном тополином дворе – «иловайские» сундуки покойной Варвары Дмитриевны, Лёрино «приданое». У меня об этом есть. Сколько у нее было кораллов!). Страшно жалею, что до Последних Новостей не отправила «Дедушку Иловайского» Вам. Обожаю легенду, ненавижу неточность. Мне эти яйца и ранние вставания и еврейские мужья теперь спать не дадут, вернее: все время будут сниться.

Туда, куда нынче отослала, никогда не посылала, поэтому – сразу опровержение – неловко. Точно сама не знаю, чту писала. Но еще хуже будет, если Оля вздумает опровергать. Когда я писала, я не знала, что она в Белграде, а то бы вообще «еврея» не упоминала. (Хотя будучи дочерью Иловайского – конечно – к ее чести!)

А если в старике что-то трогательное, хотя бы этот ужас внуку с еврейской кровью. Нечеловечно, бесчеловечно даже, но – на некую высокую ноту. Вообще, всякий абсолютизм внушает трепет, – не страха а... но по-немецки лучше: «heilige Scheu». [907] Судить такого – бесполезно Вот эту-то неподсудность: восхищение всему вопреки – и учуял Милюков. [908]

Сейчас переписываю очередную, м. б. тоже гадательную, вещь для Последних Новостей – Музей Александра III. «Звонили колокола по скончавшемуся Императору Александру III, и в это же время умирала одна московская старушка и под звон колоколов сказала: „Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение имени почившего Государя“» – боюсь, что Милюков дальше этих колоколов не пойдет. Но ведь все это – чистейшая, точнейшая правда, и колокола, и старушка, и покойный Император Александр III, – постоянный изустный и даже наизустный рассказ отца.

– Посмотрим. –

Спасибо за всё. Тороплюсь отправить.

Обнимаю. В Вас я чувствую союзника.

P. S. Оля у меня венчается во Владивостоке, а оказывается – в Томске?! Если сразу ответите и про еврея и про Томск (наверное ли?), все-таки отправлю письмо вдогон, ибо я бы, на месте Оли, рассвирепела.

24-го августа 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера! Пишу Вам под непосредственным ударом Ваших писаний, не видя ни пера, ни бумаги, видя – то. Ваша вещь [909] – совсем готовая, явленная, из нее

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru нечего «делать», она уже есть – дело. И никогда не решусь смотреть на нее, как на «материал», либо то, что я пишу – тоже материал. И то и другое – записи, живое, ЖИВЬЕ, т. е. по мне тысячу раз ценнее художественного произведения, где вес переиначено, пригнано, неузнаваемо, искалечено. (Поймите меня правильно: я сейчас говорю об «использовании» (гноусное слово – и дело!) живого Вашего Иловайского например – для романа, где он будет героем: с другим именем – и своей внешностью, с домом не у Старого Пимена, [910] а у Флора и Лавра, [911] и т. д. Так делали Гонкуры, дневник которых я люблю, как свой, вернее чувствую – своим (т. е. ЖИВЫМ!), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения и даже до прочтения – шучу, конечно! – не забываю, а хуже: на каждом шагу изобличаю авторов в краже – у себя же, т. е. у живой жизни и у живого опыта. Преобразовать (поэт) – одно, «использовывать» – другое. – Какая длинная скобка!)

...Какова цель (Ваших писаний и моих – о людях). ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим. Я вижу дом у Старого Пимена, в котором, кстати, была только раз, в одной комнате, в одном из ее углов, самом темном, из которого созерцала стопы Кремля [912] до половины окна, глядевшего в сад, в котором я бы так хотела быть... (Комната – внизу, м. б. Надина? Освещение, от гушины листьев – зеленое, подводное: свет Китежа – града...)

Не знай бы я Иловайского, я бы его – у Вас – узнала. (А как чудно: рог! Явно – Роландов, раз не охотников. Об этом роге, сейчас вспоминаю, слышала от Андрея). [913] Словом, я совершенно пленена и заворожена и совсем, бескорыстно, счастлива Вашими писаниями. И хорошо, что они пришли (1/2 часа!) после отправки моих. Пусть каждый – свое и по-своему, а в общем – сумма цифр, т. е. правда. У Вас, например, Иловайский, читая, носит две пары очков, стало быть достоверно – слабое зрение, у меня он никогда не знает, кту Ася, кту я, и не по слабости зрения (о которой я не знала, ибо в очках его не видала никогда), а потому что ему вообще нет дела до неисторических лиц. («И какое ему Дело, сколько лет стоящей перед ним Марине, раз она не Мнишек, а самому восемьдесят с лишком... зим...»). Я, конечно, многое, ВСЁ, по природе своей, иносказую, но думаю – и это жизнь. Фактов я не трогаю никогда, я их только – толкую. Так я писала все свои большие вещи.

Милая Вера, Вы мне в эту пору самый родной человек из всех, и это вполне естественно: мы с вами на дне того же Китежа! Кто же захочет жить на дне чужого Китежа? (NB! Только я, с наслаждением, на дне яюбого, на любом дне, самом проваленном, – лишь бы не «жизнь», или то, что они сейчас так зовут... Так я весь 1921 г. жила на дне Волконского Китежа, переписав ему ВОТ ТАК, ОТ РУКИ, больше тысячи страниц его воспоминаний (т. е. моя переписка дала 1000 печатных страниц, а м. б. 1200, стало быть, от руки, вдвое. «Лавры», «Странствия». «Родина» – все три его тома).

Мои живут другим, во времени и с временем. Никто не хочет сна – наяву (да еще чужого сна!). Сережа сейчас этот мир действительно отталкивает, ибо его еще любит, от него еще страдает, дочь (скоро 20 лет) слушает почтительно и художественно-отзывчиво, но – это не ее жизнь, не ее век, и конечно (такой страстный отрыв от жизни) – не ее душевный строй, она очень «гармонична», т. е. ничего не предпочитает, все совмещает: и утреннюю газету, и мой отчаянный прыжок в сон, как-то все равнозначуще – не я, не мое. Сын (8 лет весь живет не текущим днем, а завтрашним, набегающим, – планами, обещаниями, будущими радостями – т. е. я в обратном направлении – и меня слушает... даже с превосходством. («Бедная мама, какая Вы странная: Вы как будто ОЧЕНЬ старая!»)) Остальные восхищаются «художественностью», до которой мне нет никакого дела, которая есть только средство, и средство очевидно не достигающее цели, раз говорят не о чту, а о кбк. Кроме того, – события, войны, Гитлеры, Эриу, Бальбо, Росси [914] и как их еще зовут – вот что людей хватает по-настоящему збживо: ГАЗЕТА, которая меня от скуки валит збмертво.

Вы не знаете, до какой степени (NB! разве это имеет степени?) я одинока. Естественное и благословенное состояние, но не на людях, в тройном кольце быта.

Ведение этой одиночества идет и от Вас, но у Вас, по крайней мере надеюсь, есть фактический покой, т. е. никто Вас не дергает, не отрывает, не опровергает. Вы – и тетрадь. У меня же – между тетрадью и мною...

Очень хороша Ваша вещь о «дяде Сереже». [915] Он дан живой. И на всем, от всего – дуновение неназванной Англии.

Ваши обе вещи я, положив в отдельный маленький портфель, вчера с собой возила, просто не желая расставаться, с собой в Ste-Genevieve-des-Bois, в Русский Дом, [916] к своей польской женской родне: трем старушкам: двум двоюродным сестрам моей матери (60 лет) и их матери (83 года). Двух из них я видела в первый раз. Была встречена возгласом 83-летней: «Наконец-то мы с вами познакомились!» Узнала об отце прадеда: Александре Бернацком, жившем 118 лет (род. в 1696 г., умер в 1814 г.), застав четыре года XVII в., весь XVIII в. и 14 лет XIX в, т. е. всего Наполеона! Прадед – Лука Бернацкий – жил 94 года. Зато все женщины (все Марию, я – первая Марина) умирали молодые: прабабка графиня Ледуховская (я – ее двойник), породив семеро детей, умерла до 30-ти лет, моя бабушка – Мария Лукинична Бернацкая – 22 лет, моя мать, Мария Александровна Цветаева – 34 лет. Много и другое узнала, например что брат моей прабабки был кардиналом и даже один из двух кандидатов в папы. В Риме его гробница, та старушка (мне рассказывавшая) видела.

А про деда Мейна узнала, что он не только не был еврей (как сейчас, желая меня «дискредитировать», пустили слухи в эмиграции), а самый настоящий русский немец, к тому же редактор московской газеты – кажется «Голос». [917]

Приняли меня мои польские бабушки с самым настоящим сердечным жаром, самая старая подарила мне фотографию трех сестер, с грустными лицами, в пышных платьях, из которых самая красивая и самая печальная – мать моей матери, умершая 22 лет (Мария Лукинична Бернацкая).

Узнала, что семья (с самого того 118-летнего Александра) была страшно-бедная, что «паныч» (прадед Лука), идя учиться в соседнее село к дьячку, снимал сапоги и надевал их только у входа в деревню, а умер «при всех орденах» и с пенсией, «по орденам», в 6.000 рублей.

И еще многое.

Водили меня мои бабушки по чудному парку, показывали груши в колпаках, спаржу «на семена» (похожа на иву!), 85-летнего военначальника Московского Округа Мразовского [918] (целый день бродит и ничего не помнит) и – вдалеке – островок с крестами, «места нашего будущего упокоения». [919] Древний муж одной из бабушек, отстав и тем старушек обеспокоив, принес мне на ладони ежевики.

Все они моим приездом были счастливы, очевидно почуяв во мне свою бернацкую, а не мейневскую («немцеву») кровь.

Кстати, в полной невинности, говорят «жиды», а когда я мягко сказала, что в моем муже есть еврейская кровь – та старая бабушка: «А жиды – разные бывают». Тут и я не стала спорить.

«Русский дом» (страстно хочу о нем написать, но нельзя) старый, даже древний замок, в чудном парке, дальше луга, поля... И такое огромное небо, которого я не видела уже три года (три лета никуда не уезжала). Русское небо и даже – курское.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На горизонте – ряд серебристых тополей...

Тбк я Вашего дедушку Иловайского и Вашего дядю Сережу возила в гости к моему Александру Бернацкому 118-ти лет...

– Вот. –

Обнимаю

МЦ.

P. S. Боюсь, что Олин «еврей» уже печатается... Дай Бог, чтобы не прочла!

Приписки на полях:

Между прочим. Ваш Иловайский тоже встает рано (от руки: НЕ)

– Va, ce n'est pas toujours la légende qui ment!

Un rkve est moins trompeur parfois qu'un document...[920]

Ваши рукописи сохраню свято, но дайте им еще погостить! У них отдельный дом (замшевый).

Герб Бернацких[921] – мальтийская звезда с урезанным клином (– счастья!) я всегда, не зная, мальтийскую звезду до тоски любила.

А Вы когда-нибудь привыкнете к моему почерку? Некоторые его не разбирают – совсем.

Милая Вера, а интересна Вам будет моя французская проза? Есть «Neuf lettres avec une dixième retenue et une onzième rezue». [922] Прислать?

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

26-го августа 1933 г.

Дорогая Вера,

Большая просьба: у кого и где бы можно было узнать точную дату открытия Музея Александра III – во вторник, так мне сказали в редакции, появится мой «Музей Александра Ш», семейная хроника его возникновения до открытия – и теперь мне нужно писать конец. Я, как дочь, не вправе не знать, а я НЕ ЗНАЮ, только помню чудную погоду, лето и слово (и чувство) май: майские торжества... (а м. б. ассоциация с романовскими или, чту несравненно хуже – с «первомайскими»??). Знаю

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
еще, что до Музея, по-моему зб день, открылся памятник Александру III – я присутствовала.

Были ли Вы на открытии Музея и, если да, что помните (я больше всего помню взгляд Царя, – к своему ужасу перезабыла все статуи, бедный папа!)? А если нет – не знаете ли Вы кого-нибудь здесь из постарше, кто был и к кому бы я могла обратиться? Я уже думала о сен-еневьевском «Русском доме», но, кажется, те старики совсем уже все забыли, а те, что не забыли – зlostные, и ничего не захотят рассказать, – просто выгонят.

Я все помню эмоционально, и почти ничего не помню достоверного:

ни числа, ни часа, ни залы, в которой был молебен (Сережа говорит – в большой зале, а я помню – в греческом дворике, и на этом у меня построен весь разговор отца с Царем, вернее Царя – с отцом, разговор, который помню слово в слово). Словом, помню как во сне. А есть же, наверное, помнящие наяву! ГДЕ их ВЗЯТЬ?!

(Это жизнь мне мстит – за мои глаза, ничего не видящие, ничего не хотящие видеть, видящие – свое).

Напишу нынче в Тургеневскую Библиотеку, м. б. есть какая-нибудь книжка или хотя бы статья – о Музее, или о московских торжествах. Вырубова пишет «была чудная погода, все московские колокола звонили», [923] – это я знаю, и НЕ ХОЧУ так писать. Мне, чтобы написать хотя бы очень мало, нужен огромный материал, весь о данной (какой угодно!) вещи, сознание – всезнания, а там можно – хоть десять строк! Мне стыдно.

Помню отлично всё – дома: отца в старом халате, его смущение нашему подарку (с датой – где она?!), помню его, после открытия, у главного входа, в золотом мундире, спокойного – как капитан, благополучно приведший корабль в гавань, все душевное помню, фактического – ничего, какой ужас – ни одной статуи! М. б. Вы, милая Вера, помните хотя бы две, три... (Знаю, что у лестницы стоял Давид, [924] ну а потом? Неужели так и писать «белые статуи», «боги и богини», без ни одного имени? Или ВРАТЬ – как Георгий Иванов?! [925])

(Простите за безумный эгоизм письма, я уже тбк поверила в наше союзничество, что пишу как себе, не думая о том, что у Вас своя жизнь, свои заботы и т. д.)

Самое горячее спасибо за яйцо – шесть утра – еврея. Да! Узнала, что Иловайский родился в 1832 г. и ОЧЕНЬ была огорчена, ибо Андрей в 1918 г., когда деда арестовали, меня уверял, что ему 93 года.

Дорогая Вера, если будете писать: когда умер Дмитрий Иванович? Мне помнится – в 1919 г., но м. б. (тайная надежда) – позже, т. е. до 90 лет все-таки – дожил? Оля наверное знает. И КОГДА была убита (какой ужас!) Александра Александровна? В каком году?

Какой страшный конец!

ДОМ ТОЧНО ТОЛЬКО ЭТОГО И ЖДАЛ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не бойтесь, ни Надю ни Олю не дам и не давала затворницами. Есть хуже затвора, по себе знаю, когда училась в «либеральных» интернатах:

«Можешь дойти до писчебумажного магазина „Надежда“ но не дальше». Я эти полу-, четверть-свободы! – ненавидела! Дозволенные удовольствия, даже – соизволенные. «Поднадзорное танцевание»...

Насчет Дмитрия Ивановича – возвращаюсь к Вашему письму – Вы правы: насквозь-органичен. А в ней – Александре Александровне – жила подавленная, задавленная молодость, все неизжитое, войной пошедшее на жизнь дочерей. (Подсознательно: «Я не жила – и вы не живите!» Заедала их век, а самой казалось, что оне заедают ее (несбывшийся). Все это в глубоких недрах женского бытия (НЕБЫТИЯ).

Существо не одинолично, но глубоко-трагическое. (Трагедия всех женских КОРНЕЙ.)

итак, гйсаpитулoнс:[926]

- 1) что можете – о Музее (дату, статуи)
- 2) даты/ Годы смерти Дмитрия Ивановича и Александры Александровны
- 3) как он умирал – если знаете.

Милая Вера, отпишу – и тогда буду Вам писать по-человечески. Есть что. Но сейчас беда и из-за внешнего: 1-го Октября мы должны переехать в Булонь, где гимназия сына, а просто не с чего начать. Вот я и тщусь.

Обнимаю Вас. Вашего Иловайского вчера читала вслух, люди были глубоко взволнованы.

МЦ.

Приписки на полях:

P. S. Сейчас выяснила, что Музей был открыт не в 1913 г., как я думала, а в 1912 г., совместно с торжествами памяти 1812 г. Видите – могу ошибиться нб год! Отец еще больше году жил, и его травили в печати за «казармы» и слишком тонкие колонки. Он умирая о них говорил. Бесконечное спасибо Вам за помощь.

#!1_13#

28-го августа 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

... говорю Вам с огорчением и не без юмора, что моего Дедушку ... опять выгнали – на этот раз из «Сегодня», тех «дальних ... которых я, боясь сглазу – и не Вашего, а своего ... – не называла. Но, как видите, не помогло, и Дедушка ... – в сопровождении очень резкого, почти что дерзкого отказа, подписанного Мильрудом (?). [927]

Вывод: мой Дедушка не простой, а на внука,

2) никогда не надо поступать так, как никогда не поступал. Вера! Я печатаюсь с 17 лет и неделю назад в первый раз сама предложила сотрудничество, – и вот:... „Так как мы завалены злободневным материалом, мы должны отказаться от предлагаемого Вами“. Подпись.

– Знаете мое первое движение? Открытку:

– БЫЛА БЫ ЧЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНА.

Подпись.

Второе:

СЕГОДНЯ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ВЧЕРА, НЕ ИМЕЕТ ЗАВТРА.

Третье – ничего, Schwamm[928] и даже Schlamme drüber, [929] третье – коварный замысел наградить кроткого (если бы Вы знали, как сопротивлялся Волошину!) Руднева очередным „Живое о живом“ – не очень-то живом (а, правда, Дмитрий Иванович – немножко „La Maison des hommes vivants“ [930] – если читали) – словом, убедить его в необходимости для Современных Записок никому не нужной рукописи. Боюсь только, что слух уже дошел.

Теперь это уже у меня вопрос „чести“ (польской), азарта... и даже здравого смысла: может ли быть, чтобы в эмиграции не нашлось места для Иловайского? Куда же с ним?? Неужели – в С.С.С.Р.? Ведь третьего места: ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО – нет, третье – Царство Небесное!

Но – нет худа без добра, и я счастлива, что не огорчила Олю опрометчивым „евреем“. Все свои неточности я, благодаря Вам и с благодарностью Вам, исправлю: вместо яйца будет овсянка, „еврея“ – еврейская прикровь (люблю это слово!), а деда, взамен рано-встающего, дам бессонным (еще страшней!)

И земля-то спит,
И вода-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою ножу сушит,
Мою шёрстку прядет,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Моё мясо варит!..[931]
(А – правда – между Пименом (Трехпрудным) и избой: любой – никакой разницы? Те же страхи, сглазы, наговоры, наветы, увозы..)

Получила ответ от Князя С. М. Волконского: даже Бенуа[932] не знает даты открытия Музея. Твердо, должно быть, знал только мой отец.

Надеюсь, что отчаюсь в точных датах и фактах и буду писать, как помню. Во мне вечно и страстно борются поэт и историк. Знаю это по своей огромной (неконченной) вещи о Царской Семье, где историк поэта – загнал.

Почему Вы не в Париже (себя – там – не вижу: не хватает воображения на билет даже III класса: честное слово!) – нам бы сейчас нужно было быть вместе.

И вот, тяжелое раздумье: говорить Рудневу, что нас с Иловайским уже выгнали из двух мест, или, наоборот, распускать хвост?

1-го сентября 1933 г. – Письмо залежалось: мне вдруг показалось, что все это нужно мне, а не Вам, но получив Ваше вчерашнее письмо, опять поверила в „общее дело“ (cause commune[933] – лучше, п. ч. в „cause“ – защита, а что мы делаем, как не защищаем: бывшее от сущего и, боюсь – будущего). Будущего боюсь не своего, а „иного“, того, когда меня уже не будет, – бескорыстно боюсь. Если бы Вы знали, как я его знаю: в детстве (лет 13-ти) меня однажды водили в идеальное детское общежитие „Сэтлемент“, где всё делали сами и всё делали вместе. И вот, на вопрос: – Как понравилось? – я, руководительнице, с свойственным мне тогда лаконизмом: – Удавиться. Будущее – в лучшем случае (NB! удушенническом!) – „Сэтлемент“.

Кончаю II часть Музея (а I Милюков должно быть тоже похерил, Демидов[934] обещал во вторник, а нынче пятница, – Бог с ними всеми!) – музейно-семейную. Если не поместят – пришлю. Остается III часть – Открытие, и смерть отца (неразрывно связаны). Отец у меня во II части получился живой: слышу его голос, наверное и Вы услышите.

Да! Было у меня на днях разочарование: должна была ехать с С. М. Волконским к своим бабушкам-полячкам, п. ч. оказывается – он одну из них: 84-летнюю! девятилетним мальчиком венчал – с родным братом моей бабушки. (Эта старушка жена брата моей бабушки.) И вот, в последнюю минуту Сергей Михайлович не смог: вызвали на свежее выпеченный абиссинский фильм. А я так этой встрече радовалась: 75-летнего с 84-летней, которую венчал! Старушка отлично помнит его мальчиком, а также и его деда-декабриста, „патриарха“ с белой бородой в черном чубуке.[935] – Поехала одна, угрызаясь, что еду чудной местностью (серебристые тополя, ивы, река, деревня), а дети в нашем заплеванном, сардиномном, в битом бутылочном стекле – лесу. Но узнав что моя бабушка 12 лет вместе с сестрами 14-ти и 16-ти во время польского восстания в Варшаве прятала повстанческое оружие (прадед был на русской службе и обожал Николая I), узнав себя – в них, их в себе – утешилась и в Сергее Михайловиче и во всем другом. Об этом, Вера, только Вам. Это моя тайна (– с теми!).

Дату Музея еще не узнала и пока пишу без. Но до „Открытия“ еще далёко и непременно воспользуюсь Вашими советами. (Не ненавижу слово „пользоваться“:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
гнусное).

Обнимаю Вас и люблю.

М.

12-го сентября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера, вот ответ Руднева на Иловайского. Все подчеркнутые места – его.

Дорогая Марина Ивановна,

Письмо Ваше получил вчера утром, а рукописи еще нет. А м. б. и к
лучшему–написать Вам (NB! он от меня усвоил мои тире! – фраза написана на полях)
в порядке предварительном, до ознакомления с рукописью, о тех сомнениях, какие у
меня есть a priori, по поводу темы.

Не сомневаюсь, что рукопись – интересна и талантлива, как всё, что Вы пишете. И
о Музее читал с большим интересом в „Последних Новостях“.

Всё это так, – и всё же чувствую или предчувствую одно „но“. Не в имени
Иловайского, поверьте, в смысле его „одиозности“, а в смысле его значительности.
Мы когда-то собирались поместить статью бывшей Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (а
ныне матери Марии...) о Победоносцеве: [936] казалось бы, чего уж одиознее, – но
фигура в истории русской культуры. А Иловайский? Думаю, что весь несомненный
интерес Вашей статьи будет вероятно в описании старого московского
интеллигентского быта.

NB! Вера, разве Иловайский – „интеллигент“? Мой отец – „интеллигент“?
Интеллигент, по-моему, прежде всего, а иногда и после всего – студент.

А сзади, в зареве легенд,
Идеалист-интеллигент
Печатал и писал плакаты
Про радость своего заката...
(Б. Пастернак, 1905 год)

...Аксаков [937] – „интеллигент“? какое нечувствование ЭПОХИ и духовного ТИПА!!)

(Дальше Руднев:)

...Хорошо, – но мы – жадные (посчитайте тире! МЕНЯ обскакал!), и от Вас ждем
Вашего лучшего. На мой личный вкус – таковыми могли бы быть Ваши
чисто-литературные воспоминания и характеристики.

(NB! А он не – просто дурак? Хотя старик, но к сожалению дурак. Пусть писатели
пишут о писателях, философы о философах, политики о политиках, священники о
священниках, помойщица о помойщиках и т. д. – ведь он вот что предлагает!)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но это – о том, чего у Вас нет в руках, а Вы спрашиваете о том, что имеется. Получу, прочту – скажу свое личное впечатление. Переберетесь ли Вы, наконец, в Булонь?

(Он этого дико боится, п. ч. в Булони всего один дом, и в нем он живет!)

У меня такое чувство: мы с Вами можем переписываться, но не сумеем разговаривать.

Всего доброго, и не сердитесь за предварительный скептицизм.

Преданный Вам

(– в чем выражается?!)

В. Руднев

P. S. А нет ли у Вас стихов 1) новых и 2) понятных для простого смертного. Чувствую, что это задание противоречиво для Вас.

– Вот, Вера, нашего „дедушку“ еще раз прогнали. Всё это письмо – не опасение, а предрешение, только Руднев, прослышав о Милюкове, не хочет быть смешным и упор сделал на другом (неисторичности лица).

Почему Степун годами мог повествовать о своих женах, невестах, свояченицах и т. д., [938] а я – о единственном своем (!) дедушке Иловайском – не могу?? В единственном № Современных Записок? Думаю, что для редактора важнее всего: как вещь написана, т. е. кто ее написал, а не о ком. И думать, что мои воспоминания о знаменитом, скажем, литераторе ценнее моих же воспоминаний о сэттере „Мальчике“ например – глубоко ошибаться. Важна только степень увлеченности моей предметом, в которой вся тайна и сила (тайна силы). С холоду я ничего не могу. Да Вы, милая Вера, это и так, и из себя – знаете!

Чувство, что литература в руках малограмотных людей. Ведь это письмо какого-то подмастерья! Впрочем, не в первый раз! Если бы Вы знали, что это было с Максом!! [939]

Пишу сейчас открытие Музея, картина встает (именно со дна подымается!) китежская: старики – статуи – белые видения Великих Княжен... Боюсь, что из-за глаз Государя весь „фельетон“ провалится, но без глаз – слепым – не дам.

О будь они прокляты, Милюковы, Рудневы, Вишняки, бывшие, сущие и будущие, с их подлой: политической меркой (недомеркой?).

Скоро напишу о совсем другом: перепишу Вам отрывки из недавнего письма Аси. А сейчас кончаю, хочу опустить еще нынче.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обнимаю Вас. Только к Вам иду за сочувствием (СО-ЧУВСТВИЕМ: не жалостью, а
тiеux![940]).

Стамарт (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

29-го сентября 1933 г.

Дорогая Вера,

Почему замолчали? Я по Вас соскучилась. Я Вам писала последняя, – это не значит,
что я считаюсь письмами, я только восстанавливаю факты.

Знаете ли Вы, что мой Иловыйский „потенциально“[941] (русского слова, кажется,
нет) принят в Современные Записки?

Нынче я, после долгого перерыва, опять за него принялась, и вот, естественно,
вернулась к Вам.

Многое вскрывается в процессе писания. Эту вещь приходится писать вглубь – как
раскопки.

Напишу обо всем, если например, т. е. если буду знать, что всё это Вам еще
нужно.

Обнимаю Вас.

МЦ.

Приписки на полях:

Здоровы ли Вы? А м. б. – уехали? Не собираетесь ли в Париж? я бы ОЧЕНЬ хотела!

С „Последними Новостями“ очередные неприятности, впрочем „шитые и крытые“.

5-го октября 1933 г.

Стамарт (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

Написала Вам большое письмо, но к сожалению себе в тетрадку – было мало времени,
а сказать хотелось именно сейчас и именно то, записала сокращенно, т. е. для Вас
бы абсолютно нечитаемо, а сейчас опять нет времени переписывать, но – не
пропадет и Вы его все-таки получите и „современности“ (будь она треклята!) не
утратит.

Пока же:

Сын поступил в школу, значит и я поступила. Целый день, по идиотскому методу французской школы, отвожу и привожу, а в перерыве учу с ним наизусть, от чего оба тупеем, ибо оба не дураки. Священную Историю и географию, их пресловутые „résumé“, т. е. объединенные скелеты. (Мур: „Так коротко рассказывать, как БОГ создал мир, по-моему, непочтительно: выходит – не только не ‘six jours’, [942] а ‘six secondes’. [943] французы, мама, даже когда верят – НАСТОЯЩИЕ безбожники!“ – 8 лет.)

С тоской и благодарностью вспоминаю наши гимназии со „своими словами“ („Расскажите своими словами“). И, вообще, человеческие – для человека. У нас могли быть плохие учителя, у нас не было плохих методов.

Растят кретинов, т. е. „общее место“ – всего: родины, религии, науки, литературы. Всё – готовое: глотай. Или – плюй.

„Открытие“ мое замолчали. [944] Я теперь о другом рассаднике „общего места“ – Последних Новостях. Ни да, ни нет. И, другое открытие, даже озарение: все Последние Новости – та игра, помните? „Черного и белого не покупайте, да и нет не говорите“... Должно быть, у них нечистая совесть, раз не вынесли (совершенно невинных!) глаз Царя.

Иловайского кончаю совсем. Сейчас пишу допрос (который знаю дословно – от следовательницы, не знавшей, что я „внучка“: рассказывала в моем присутствии, не называя Иловайского, и когда я спросила:

„А это, случайно, не Иловайский был?“, она: „Откуда вы знаете?“).

Какова вещь, литературно – не знаю, да об этом сейчас, т. е. в первый раз пишу, и не думаю, думать буду, когда начну делать, т. е. править. Сейчас пишу как на курьерских (тоже анахронизм!) – сама обмирая – и больше всего от жути картины.

Вещь, милая Вера, примут или не примут, посвящаю Вам: возвращаю – Вам. Эпиграф:

– И все они умерли, умерли, умерли... а там, где о Сереже и о Наде:

– Как хороши, как свежи были розы..

Так „общее место“ Тургенева – заново заживет.

Вы спрашиваете об Асе. Вкратце: человек она замечательный и несчастно-счастливый. „Несчастно“ – другие, „счастливый“ – сама. Мы очень похожи, но я скорее брат, чем сестра: моя мать ведь хотела мальчика и с первой минуты моего (меня) осознания назвала меня Александр, я была Александр, – так вот всю жизнь и расплачиваюсь. Ася – я – минус Александр. А назвала она в честь той Аси [945] („Вы в лунный столб въехали. Вы его разбили!“).

Бегу за своим Георгием (Муром).

Обнимаю Вас и скоро напишу еще.

МЦ.

24-го Октября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера, Ваше письмо застало меня на словах, фактически легло на слова: „...Гнёл глубокими нишами окон, точно пригнанными по мерке привидений...“ [946] (NB! Дом. Ряд перечислений: чем гнёл, ибо у меня дом гнетет, и родители сами – гнетомые.) И первым моим движением было – рукопись влево, писчий листок перед собою, но нет времени, нет времени, нет времени! – и пересилил, как всегда, долг, т. е. в данном случае – рукопись (а пять минут спустя долгом будет – ставить суп, а рукопись – роскошью. Нет неизменных ценностей, кроме направляющего сознания долга. Долг, Вера, у меня от матери, всю жизнь прожившей как решила: как не-хотела. Не от отца, кроме должного ничего не желавшего). И, возвращаясь к рукописи: впрочем, „Старый Пимен“ – тоже Вам письмо, то же Вам письмо, только куда открытейшее и сокровеннейшее, чем те, в конвертах. (А то письмо, неотосланное, лежит и ждет своего часа. Я ничего не забываю, но – ничего не тороплю.)

Милая Вера, я по Вас соскучилась, не остро – это острие у меня за с двух лет-саморанения – пообтупилось, а может быть – я отупела, и, чтобы чувствовать, нужно время, у меня его нет – кроме того, всё это, пока, только голос, даже не голос, – мысленный голос – вот если бы Вы здесь были и потом бы Вас не было – о, тогда другая песенка, и может быть волчья: волчьего зарезу: тоски, пока же: когда долго нет Ваших писем я, как все люди, скучаю (м. б. немножко больше, чем все люди!)

Милая Вера, не надо благодарить за посвящение, которое прежде всего возвращение – вещи по принадлежности. Но если Вы этому возврату рады – я счастлива. Но, милая Вера, так как я себе, чувству меры в себе, всё-таки не доверяю, – ибо у меня иная мера (единственное, чему в себе доверяю – безмерность, то до напечатания (проставления посвяще ния) непременно постараюсь, чтобы Вы прочли, а то вдруг Оля на Вас вознегодует, или, упаси Боже, Вы – на меня? Была когда-то такая книга Альтенберга „Wie ich es sehe“ [947] – так всё у меня „wie ich es sehe“. Когда я стараюсь „как другие“ – я просто не вижу – ничего.

Еще вопросы: 1)... „с головкой античной статуи“, может быть „ВОЗРОЖДЕНСКОЙ“ статуи, что Вам ближе и что больше Вы? Даю Вас с Надей глядящими на вынос Сережи. Чтобы увидели другие, должна, очень точно, увидеть я. Вам – виднее!

2) В каком месяце или хотя бы в какое время года была убита Александра Александровна? У меня – поздней очень (последние листья), и все на этом домосле построено. Но как обидно гадать, когда можно знать!

3) Помнится мне, что Надя – в феврале. А Сережа? На месяц? полтора? два? раньше.

(А может быть просто – с возрожденской головкой? Живее. Или важна именно статуя? Как бы я хотела Ваш тогдашний портрет! Зачем – портрет: Вас – тогдашнюю!)

Но вчера Вы для меня неожиданно, незабвенно воскресли. Дворянское собрание, короткие (после тифа?) до плеч волосы, красное платье с шепчущим шлейфом успеха. Вера, по описанию („нет, не широкие, скорее длинные, и не голубые, – светлые, серовато-еще что-то...“) у Вас, не сердитесь, КОЗЫИ глаза. Вы когда-нибудь видели козыи глаза?

Не ланьи (карие, влажные, и т. д.) а именно козыи, у самой простой козы: светлые, длинные, даже изогнутые (mit einem kecken Schwung, [948] как бывает смелый росчерк), холодные и в тысячу раз более гадательные, притягательные, чем пресловутые русалочки, в которых, как у рыбы, только испуг и вода.

Рядом с Вами шла, можно сказать, шествовала – тоже, тогда, красавица, нынешняя Княгиня Ширинская, а тогда даже еще не Савинкова, у которой до сих пор глаза совершенно невероятной красоты. [949] Мы с ней часто видимся, они вместе с моей дочерью набивают зайцев и медведёй („Зайхоз“), зашивают брюхи, пришивают уши и хвосты (у зайцев и медведей катастрофически маленькие, т. е. очень трудные: не за что ухватиться) и зарабатывают на каждом таком типе [950] по 40 сантимов, т. е., дай БОГ – 2 франка в час, чаще – полтора. Она мне говорила о своих угрызениях совести, что до сих пор не ответила на Ваше чудное письмо, а я утешала, что Вы сами подолгу не отвечаете, и по той же причине – исчерпывающего ответа.

Нравится Вы себе в красном платье, с козыими глазами? (NB! в рукописи этого не будет!) Непременно откликнитесь, козыи или нет, но до этого непременно подробно рассмотрите козу (именно козу, ибо у козла, может быть, и даже наверное – другие!).

Вера, а Елпатьевский (С. Я.) [951] – мой троюродный дядя: двоюродный брат моего отца – через поле – в тех же Талицах. Мы жили у него на даче в Ялте, зимой 1905–1906 г., под нами – какие-то „эсдеки“, с грудным ребенком, над нами Горькие, и весь сад по ночам звенел шпорами околоточных. Мне бы очень хотелось прочесть Ваше про Елпатьевского – нет ли у Вас машинного оттиска? Давайте обмениваться „отверженцами“. Музей мой окончательно закрыт, даже зарыт, с подобающим надгробным словом Милюкова („пристрастие к некоторым членам Царской фамилии“, – в том-то и дело, что она для него „фамилия“, для меня – семья). Если кто-нибудь по дружбе отпечатает (всего 7 рукописных страниц) – пришлю. А Вы мне – Елпатьевского (а м. б. Последние Новости почуяли, что Елпатьевский – мой троюродный дядя? смеюсь, конечно! Кстати, у Милюкова с Новостями одни инициалы).

А „Дедушка“ настолько принят, что уже проеден, увы не нами, а „gérante“ [952] в виде 1/4 терма.

Теперь, просьба. Когда, дней через десять, сдам, и начнется бесконечная торговля с Рудневым: сократить, убрать и т. д. – Вера, вступитесь и Вы: моя мечта, чтобы вещь напечатали целиком, а м. б. вместо положительных–отпущенных на нее Современными) Записками – 65.000 знаков окажется 90.000. Видел Руднев только I, анекдотическую, часть „Дедушка иловайский“, увиденный глазами ребенка. II ч. – Дом у Старого Пимена – есть часть осмыслительная, м. б. менее „развлекательная“, но более углубительная: судьба дома, рода, – Рок. Уже не картинки, а картины, и некоторые–очень жуткие. Пусть платят за 65 тысяч знаков, пусть печатают – хоть петитом (я бы предпочла курсивом, настолько все это – изнутри!), мне все равно,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
лишь бы – всё, всю. Пусть разбивают на 2 №, как Макса, бывшее – не торопится.
Итак, когда начнутся распри, я к Вам возоплю, – м. б. надавите на
Фундаминского[953] (которого пишу от фундамент). А то с Максом было ужасно, и
все Максино детство, всю Максину чудную мать мне выкинули – и совершенно зря.
Они всё боятся, что „их читателю“ – „скучно“. (Когда стихи – „непонятно“), А тот
же читатель отлично все понимает – и принимает у меня на вечерах.

Кончаю. Только еще одно. Никакого „каприза“, т. е. прихоти, которую я презираю.
Все мои „стаканы“ – органические, сорожденные со мною стаканы защиты, и никогда
– себя: мира высшего (wie ich es sehe) – от мира низшего, в данном Саринном[954]
случае – гения, старости, бывшей славы – от дряни.

А деспотизм – да, только – просвещенный, по прямой линии от деда А. Д. Мейна,
который разбил жизнь моей матери и которого моя мать до его и своего последнего
вздоха – боготворила.

А поляки – особ статья, но статья очень сильная.

Обнимаю Вас. А отвечать – не спешите. Сущее тоже не торопится.

МЦ.

Clamart (Seine)

10-го ноября 1933 г.,

канун Armistice[955] (– а у нас. Вера, война никогда не кончилась).

Дорогая Вера,

Это письмо должно быть коротко – Вам их много придется читать.[956] И ответа на
него не нужно – Вам их много придется писать.

Хочу только, чтобы увидели: Кламар, в котором Вы может быть никогда не были, но
всё равно, – любая улица – любой ноябрьский день с дождем – я, которую Вы
наверное в лицо не помните – с Муром, которого Вы никогда не видели (4 ч. дня,
разбег школьников) – и: – Мама, почему Вы плачете? Или это – дождь? – Дождь,
Мур, дождь!

И не знаю – дождь иль слезы

На лице горят моем!

Вера, это были слезы больше чем женского сочувствия: fraternité[957] на женский
лад – восхищения – сострадания (я ведь знаю, как в жизни всё иначе) –
глубочайшего удовлетворения – упокоения – и чего-то бесконечно-большого и совсем
несказанного.

Мур шел и показывал мне свой орден „pour le mérite“, [958] я думала о Вашем, и
вдруг поняла, что тот каменный медальон, неоткрывающийся, без ничего, кроме
самого себя, который я с Вашего первого письма хотела послать Вам, как Ваш, и не
посылала только из-за цепочки, мечты о цепочке, так и не сбывшейся – что тот
„медальон“ вовсе и не медальон, а именно орден, и никакой цепочки не нужно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Нужна, конечно, потому что в быту орденов не носят, но послать можно – и без.)

Теперь – ждите. Не завтра (Armistice) и не в воскресенье, а в самом начале недели. Голубой – а больше не скажу.

Вашу карточку показывала Евгении Ивановне. [959] Сказала, что были еще лучше. А больше никому.

Обнимаю Вас.

М.

Рукопись нынче сдала.

20-го ноября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милая Вера,

Ваше письмо такое, каким я его ждала, – я Вас знаю изнутри себя: той жизни, того строя чувств. Вы мне напомнили Блока, когда он узнал, что у него родился сын (оказавшийся потом сыном Петра Семеновича Когана, но это неважно: он верил). Вот его слова, которые я собственными глазами читала: – „Узнав, не обрадовался, а глубоко – задумался“ [960]

А что Вы лучше одна, чем когда Вы с другими – Вера, как я Вас в этом узнаю, и в этом узнаю! У меня была такая запись: „Когда я одна – я не одна, когда не-одна – одна“, т. е. как самая брошенная собака, не вообще-брошенная (тут-то ей и хорошо!), а к волкам брошенная. А м. б. я – волк, а они собаки, скорей даже так, но дело не в названии, а в розни.

А Вы, Вера, не волк. Вы – кроткий овец (мне кто-то рассказывал, что Вы все время читаете Жития Святых, – м. б. врут? А если не врут – хорошо: гора, утро, чистота линий, души, глаз, – и вечная книга...) Все лучшие люди, которых я знала: Блок, Рильке, Борис Пастернак, моя сестра Ася – были кроткие. Сложно-кроткие. Как когда-то Волконский сказал о музыке (и пространстве, кажется)

ПОБЕДА ПУТЕМ ОТКАЗА

А природное, рожденное овечьё состояние я – мало ценю. (Начав с коз, перешла к овцам!)

Итак, скоро увидимся? Радуюсь.

Хотела бы. Вера, долгий вечер наедине – как в письме. Но Вас люди съедят. Знайте, что на дорогах жизни я всегда уступаю дорогу.

Честолюбия? Не „мало“, а никакого. Пустое место, нет, – все места заполнены иным. Всё льстит моему сердцу, ничто – моему самолюбию. Да, по-моему, честолюбия и нет: есть властолюбие (Наполеон), а, еще выше, le divin orgueil[961] (мое слово – и мое чувство), т. е. окончательное уединение, упокоение.

И вот, замечаю, что ненавижу всё, что – любие: самолюбие, честолюбие, властолюбие, сластолюбие, человеколюбие – всякое по-иному, но все – равно. Люблю любовь, вера, а не любие. (Даже боголюбия не выношу: сразу религиозно-философские собрания, где всё, что угодно, кроме Бога и любви.)

Об Иловайском пока получила следующий гадательный отзыв Руднева: „Боюсь, что Вы вновь (???) отступаете от той реалистической манеры (???), которой написан Волошин“. Но покровительствующая мне Евгения Ивановна уже заронила словечко у Госпожи фондаминской[962] (мы незнакомы) и, кажется, (между нами) Дедушку проведут целиком. Я над ним дико старалась и потеряла на нем (11/2 месяца поправок) около пятисот франков на трех фельетонах в Последних Новостях.

Кое-что, думая о Вас и об Оле, смягчила. Например, сначала было (Александра Александровна) – „Она, сильно говоря, конечно была отравительницей колодца их молодости“, – стало: огорчительницей (курсивом).

Ну, вот.

Теперь во весь опор пишу Лесного Царя, двух Лесных Царей – Гёте и Жуковского. Совершенно разные вещи и каждая – в отца.

И в тот же весь опор сейчас мчусь за Муром в школу. Он Вам понравится, хотя целиком дитя своего века, который нам не нравится.

Орден отослан в субботу, думала, что Вы уже в Париже и что – разминетесь, но кто-то сказал, что Вы задержались.

Обнимаю Вас и Glück auf![963] и – Muth zum Glück![964] Во всяком случае – Muth! (Рифма – gut[965]).

Приписка на полях:

Из ляписа-лазури (ордена) в древности делали краску ультрамарин.

27-го ноября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

Вы в сто, в тысячу, в тысячу тысяч раз (в дальше я считать не умею) лучше, чем на карточке – вчера это было совершенно очаровательное видение: спиной к сцене, на ее большом фоне, во весь душевный рост, в рост своей большой судьбы.[966] И хорошо, что рядом с Вами посадили священника, нечто неслиянное, это было как символ, люди, делая, часто не понимают, что они делают – и только тогда они делают хорошо. „Les Russes sont souvent romantiques“[967] – Как сказал этот старый профессор.[968] Перечеркиваю souvent и заканчиваю жуковским: „А Романтизм, это – душа“. Так вот, вчера, совершенное видение души, в ее чистейшем виде. Если Вы когда-нибудь читали или когда-нибудь прочтете Hoffmannsthal'a „Der Abenteurer und die Sängerin“[969] – Вы себя, вчерашнюю, моими глазами – увидите.

И хорошо, что Вы „ничего не чувствовали“. Сейчас, т. е. именно когда надо, по заказу, – чувствуют только дураки, которым необходимо глазами видеть, ушами слышать и, главное, руками трогать. Высшая раса – вся – либо vorfühlend либо nachfühlend.[970] Я не знаю ни одного, который сумел бы быть глупо-счастливым, просто-счастливым, сразу – счастливым. На этом неумении (неможении) основана вся лирика.

Кроме всего, у Вас совершенно чудное личико, умилительное, совсем молодое, на меня глядело лицо той Надиной[971] подружки – из тех окон.

Вера, не делайте невозможного, чтобы меня увидеть. Знайте, что я Вас и так люблю.

Но если выдаться час, окажется в руках лоскут свободы – либо дайте мне рпеу,[972] либо позвоните Евгении Ивановне Michelet 08-49 с просьбой тотчас же известить меня. Но имейте в виду, что я на путях внешней жизни, в частности в коридорах и номерах никогда не посещаемых гостиниц – путаюсь, с челядью же – дика: дайте точные указания.

Если же ничего не удастся – до следующего раза: до когда-нибудь где-нибудь.

Обнимаю Вас и от души поздравляю с вчерашним днем.

МЦ.

– А жаль, что Иван Алексеевич вчера не прочел стихи – все ждали. Но также видели, как устал.

Приписка на полях:

Р. С. Только что получила из Последних Новостей обратно рукопись „Два Лесных Царя“ (Гётевский и Жуковский – сопоставление текстов и выводы: всё очень членораздельно) – с таким письмом: – „Ваше интересное филологическое исследование совершенно не газетно, т. е. оно – для нескольких избранных читателей, а для газеты – это невозможная роскошь“.

Но Лесного Царя учили – все! Даже – двух. Но Лесному Царю уже полтора года лет, а волнует как в первый день. Но всё пройдет, все пройдут, а Лесной Царь –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
останется! [973]

Мои дела – отчаянные. Я не умею писать, как нравится Милюкову. И Рудневу. Они мне сами НЕ нравятся!

16-го января 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Умница Вы моя! Больше чем умница, – человек с прозорливым сердцем: Ваш последний возглас о Белом попал – как нож острием попадает в стол и чудом держится – в мою строку:

– Такая, как он без моих слов увидел ее: высокая, с высокой, даже вознесенной шеей, над которой точеные выступы подбородка и рта, о которых – гениальной формулой, раз-навсегда Hoffmannsthal:

Sie hielt den Becher in der Hand.

Ihr Kinn und Mund glich seinem Rand... [974]

Это – о девушке, любившей Белого, когда я была маленькой и о которой (о любви которой) он узнал только 14 лет спустя, от меня...

я сейчас пишу о Белом, ça me hante. [975] Так как я всегда всё (душевно) обскакиваю, я уже слышу, как будут говорить, а м. б. и писать, что я превращаюсь в какую-нибудь плакальщицу.

Сбоку, рядом со вторым абзацем, написано:

Писала и видела – Вас.

5-го февраля 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

Разрываюсь между ежеутренним желанием писать Вам и таким же ежеутренним – писать о Белом, а время одно, и его катастрофически мало: проводив Мура в 8 1/2 ч. – у меня моего времени только 2 часа на уборку, топку, варку и писанье. Вы понимаете как всё это делается (по молниеносности и плохости!). Потом – провести его подышать, потом завтрак, потом посуда, потом опять в школу, и опять из школы, и поить его чаем, и т. д., а вечером – голова не та, слова не те.

Вера, был совершенно изумительный доклад Ходасевича о Белом:

лучше нельзя. [976] Опасно-живое (еще сорокового дня не было!), ответственное в каждом слоге – и справился: что надо – сказал, всё, что надо – сказал, а надо было сказать – именно всё, самое личное – в первую голову. И сказал – всё: где можно – словами, где невозможно. (NB! так наши польские бабушки говорили, польское слово, а по-моему и в России, в старину) – интонациями, голосовым курсивом, всем, вплоть до паузы.

Дал и Блока, и Любовь Дмитриевну, и Брюсова, и Нину Петровскую, [977] и не назвав – Асю: [978] его горчайшую обиду (я – присутствовала, и мне тоже придется об этом писать: как?? Как явить, не оскорбив его тени? Ведь случай, по оскорбительности, даже в жизни поэтов – неслыханный). Дал и Белого – Революцию, Белого – С.С.С.Р., и дал это в эмигрантском зале, сам будучи эмигрантом, дал, вопреки какому-то самому себе. Дал – правду. Как было.

И пьяного Белого дал, и танцующего. Лишнее доказательство, что большому человеку – всё позволено, ибо это всё в его руках неизменно будет большим. А тут был еще и любящий.

Вся ходасевичева острота в распоряжении на этот раз – любви.

Не знаю, м. б. когда появится в Возрождении (не важно, в чем: на бумаге), многое пропадет: вся гениальная интонация часть, всё намеренное словесное умолчание, ибо что многоточие – перед паузой, вовремя оборванной фразой, окончание которой слышим – все.

Зато в лицо досталось антропософам и, кажется, за дело, ибо если Штейнер в Белом действительно не увидел исключительного по духовности человека (-ли?) – существо, то он не только не ясновидящий, а слепец, ибо плененного духа в Белом видела даже его берлинская Frau wirthin.

Словом, Вера, было замечательно. Мне можно верить, п. ч. я Ходасевича никогда не любила (знала цену – всегда) и пришла именно, чтобы не было сказано о Белом злого, т. е. – лжи. А ушла – счастливая, залитая благодарностью и радостью.

Вышло во „Встречах“ (№ 2) мое „Открытие Музея“, послала бы, но у меня уже унесли. Достаньте, Вера, чтобы увидеть, что Последние Новости считают монархизмом.

И Пимен вышел – видели? Мне второе посвящение больше нравится:

Оно – формула, ибо в корнях – вес. Корни – нерушимость.

Непременно и подробно напишите, как понравилось или не-понравилось. А Вы себе-понравилась? Я над этими двумя строками очень работала, хотелось дать Ваш внешний образ раз-навсегда. А мой Сережа – понравился? (Гость.) А моя Надя (посмертная)? Ведь моя к Вам, Вера, любовь – наследственная, и сложно-наследственная.

– Мама! До чего Вера Муромцева на Вас похожа: вылитая Вы! Ваш нос, Ваш рот, и глаза светлые, а главное, когда улыбается, лицо совершенно серьезное, точно не она улыбается.

Вот первые слова Мура, когда мы от Вас вышли. Я „Веру Муромцеву“ и не поправляла, это и Вас делает моложе, и его приобщает, вообще–стирает возраст: само недоразумение возраста.

Сидим в кинематографе и смотрим празднества в честь рождения японского наследника. (Четыре дочери и наконец сын, как у нас.[979]) „Cette dunastie de 2.600 ans a enfin la joie“[980] и т. д. Народ, восторги, микадо на коне. И Мур: – Он не такой уж старый... – Я: – Совсем не старый.

На другой день в Последних Новостях юбилей „бабушки“[981] – 90 лет. И Мур: – что ж тут такого, что 90 лет и еще разговаривает! Вот микадо две тысячи шестьсот лет – и на коне ездит! И сын только вчера родился... (NB! Он знает, что у очень старых маленьких детей не бывает.)

Жду большого письма. Обнимаю.

МЦ.

26-го февраля 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

Сегодня, придя домой с рынка, остановясь посреди кухни между неразгруженными еще кошелками и угрожающим посудным чаном, я подумала: – А вдруг мне есть письмо? (от Вас). И тут же: – Настолько наверное нет, что не стоит спрашивать. И тут же погрузилась – и в кошёлки, и в чаны, и чугуны.

И час спустя, Сережа – Марина, Вам есть письмо. Принятое. И я: – От Веры? Давайте.

И – оцените, Вера! – только вымыв руки, взяла. Об этом я пишу, пиша о невытравимой печати хорошей семьи на Белом.

Белого кончила и переписала до половины.[982] 15-го читаю в Salle Géographie, предварительно попросив у слушателей – терпения: чтения на полных два часа. Но раз уж так было с Максом: и просила – и стерпели. Приглашу и Руднева. Знаю его наизусть: сначала соблазнится, а потом – ужаснется. И полгода будем переписываться, и раз – увидимся, и это, м. б., будет – последний раз. (Спасли Пимена только мои неожиданные – от обиды и негодования – градом! – слезы. Руднев испугался – и уступил. Между нами!)

Белый – удался. Еще живее Макса, ибо без оценок. Просто – живой он, в движении и в речи. Почти сплошо его монолог. Если Руднев не прельстится и надежды напечатать не будет – пришлю тетрадь, по которой 15-го буду читать, потому что

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru непременно хочу, чтобы Вы прочли. Он – настолько он, что не удивилась бы (и не испугалась бы!), вскинув глаза и увидев его посреди комнаты. Верю в посмертную благодарность и знаю, что он мне зла – никогда не делает. Только сейчас горячо жалею, что тогда, в 1922 г. в Берлине, сама не сделала к нему ни шагу, только – соответствовала. Вы это поймете из рукописи. У меня сейчас чувство, что я могла бы этого человека (??) – спасти. Это Вы тоже увидите из рукописи.

Из всех слушателей радуюсь Ходасевичу. Я ему всё прощаю за его Белого. (Вы не читали в Возрождении? Я напечатанным – не видела, но в ушах и в душе – неизгладимый след.)

Радио. (Я тоже говорю радио, а не T.S.F., которое путаю с S.O.S. и в котором для меня, поэтому, – тревога.) Вера, и у нас радио, и вот как, и вот какое. В Кламаре у нас есть друзья Артемовы, [983] он и она (он – кубанский казак, и лучший во Франции резчик по дереву. Его работу недавно (за гроши) купил Люксембургский Музей. Она – акварелистка). И вот, они на всё обменивают свои вещи: и на мясо, и на обувь, и на радио. На́-два. Т. е. получив новое, старое дали нам. И – какое! Длинное, как гроб, а вокруг, на неисчислимом количестве проводов, три тяжелых ящика, один – стеклянный. И все это нужно ежедневно развинчивать, завинчивать, чистить наждаком, мазать ланолином (!) – и всё это ежесекундно портится, уклоняется, перерывается, отказывается служить. День он у нас играл, т. е. мы слышали все похороны Короля Альберта, [984] но это – всё, что мы слышали, ибо Сережа заснул, забыл вынуть что-то из чего-то и ночью он разрядился и совсем издох: даже не хрипит. И занимает у нас целый огромный стол (оставленный уехавшими в Литву Карсавиными), на котором мы, в случае гостей, обедали. И гладили. И кроили. Забыла огромную бороду, свисающую со шкафа и в которой, кажется, всё дело и есть. К нам каждый день ходят любители – теесефисты [985] (NB! бастующие шоферы) и каждый утверждает, что дело в этом, и это никогда не совпадает, но на одном все сходятся: 1) что аппарат – автомобильный 2) самый первой конструкции (NB! велосипед иловойского) 3) что он – 6-ти ламповый 4) что ни одна из 6-ти ламп не горит 4) что можно его разобрать и, прикупив на 300 франков частей, построить новый 5) который будет слушать Россию 6) которую они каждый вечер будут ходить к нам слушать, а 7-ое – завтра, п. ч. завтра придет очередной шофер-теесефист.

Словом, ни стола, ни музыки, только тень Короля Альберта, с которым у меня всякое радио теперь уже связано – навсегда.

Хорош конец Короля Альберта? По-моему – чудесен. С 100-метрового отвеса – и один. Король – и один. Я за него просто счастлива. И горда. Так должен умереть последний король.

В Vu [986] за месяц до его гибели было предсказание на 1934 астрологический год:

„Je vois le peuple belge triste et soucieux: la Belgique se sent frappée à la tête...“ [987]

А когда подумаешь о его раздробленной голове.

То, что могло показаться иносказанием („глава государства“), оказалось самым точным видением (той головой, на которую – камень). Вера, умирать все равно –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
надо. Лучше – так.

Ведь до последней секунды вокруг него шумел лес! И чем проваливаться в собственный пищевод (Schlund: по-немецки Schlund и пищевод и ущелье) – ведь лучше в настоящее ущелье, ведь – более понятно, менее страшно??

Вы спрашиваете про Мура? Страстно увлекается грамматикой: по воскресеньям, для собственного удовольствия, читает Cours supérieur,[988] который похитил у Сережи с полки и унес к себе, как добычу. – „Ма-ама! Ellipse! Inversion![989] Как интересно!!“

Недавно, за ужином, отклекаясь от тарелки с винегретом, в которую вовлекается так же, как в грамматику:

„Вот я сегодня глядел на учительницу и думал: – Все-таки у нее есть какая-то репутация, ее знают в обществе, а мама – ведь хорошо пишет? – а ее никто не знает, потому что она пишет отвлеченные вещи, а сейчас не такое время, чтобы писать отвлеченные вещи. Так – что же Вам делать? Вы же не можете писать другие вещи? Нет, уж лучше пишите по-своему“.

В той же грамматике (Cours supérieur) в отделе Adverbe[990] выкопал:

Dictée et Récitation[991] – L'Homme tranquille[992]

Il se lève tranquilleinent,
Déjeune raisonnablement,
Dans le Luxembourg fréquemment
Promène son désœuvrement,
Lit la gazette exactement,
Quand il a dîné largement
Chez son compère Clidamant
S'en va causer très longuement;
Revient souper légèrement,
Rentre dans son appartement,
Dit son Pater dévotement,
Se déshabille lentement,
Se met au lit tout doucement,
Et dort bien profondément.[993]
И, Мур:

Et quand il gagne de l'argent?[994]

с чистосердечнейшим удивлением.

Милая Вера, берегите свое сердце, упокаивайте его музыкой. Ужасное чувство – его самостоятельная, неожиданная для вас – жизнь. Об этом еще сказал Фет:

Я в жизни обмирал – и чувство это знаю.[995]
И я – знаю. И Рильке – знал. Сердце нужно беречь – просто из благодарности, за всю его службу и дружбу. Я свое люблю, как человека. Ведь оно за все платится, оно вывозит. И умри я от него завтра – я все-таки скажу ему спасибо. За всё.

Я рада, что Вам лучше жить. Я рада, что Вы больше не в Париже, [996] под угрозой всех этих, Вам совершенно ненужных дам. Пришлите мне на прочтение Святую Терезу, [997] я о ней недавно думала, читая „L'affaire Pranzini“ [998] (подлинное уголовное парижское дело в конце прошлого века).

Обнимаю Вас, Вера, не уставайте над письмами мне, я ведь знаю, что Вы меня любите.

М.

28-го апреля 1934 г.

Clamort (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

– Наконец! –

Но знайте, что это – первые строки за много, много недель. После беловского вечера (порадившего меня силой человеческого сочувствия) сразу, на другое же утро – за переписку рукописи, переписку, значит – правку, варианты и т. д., значит – чистовую работу, самую увлекательную, но и трудную. Руднев ежеминутно посылал письма: скорей, скорей! Вот я и скакала. Потом – корректура, потом переписка двух больших отрывков для Последних Новостей, [999] тоже скорей, скорей, чтобы опередить выход Записок, но тут – стоп: рукопись уже добрых две недели как залегла у Милюкова, вроде как под гробовые своды. А тут же слухи, что он вернулся – инвалидом: не читает, не пишет и не понимает. (Последствия автомобильного потрясения. [1000]) Гм.. Очень жаль, конечно, хотя я его лично терпеть не могу, всю его породу англазированного бездушия: Англия без Байрона и без моря – всю его породу – за всю свою (Байрона и моря без Англии) – но все же жаль, п. ч. старик, и когда-то потерял сына. [1001] Жаль-то жаль, но зачем давать ему в таком виде – меня на суд?? Теряю на этом деле 600 франков – два фельетона, не считая добрых двух дней времени на зряшную переписку.

После переписки, и даже во время, грянули нарывы, целая нарывная напасть, вот уже второй месяц вся перевязанная, замазанная и заклеенная, а прививки делать нельзя, п. ч. три-четыре года назад чуть не умерла от второго „пропидона“ (?) и Н. И. Алексинская [1002] (прививала она) раз-навсегда остерегла меня от прививок, из-за моего неучтимого сердца.

Вот и терплю, и скриплю.

Но главное. Вера, дом. Войдите в положение: Сергей Яковлевич человек не домашний, он в доме ничего не понимает, подметет середину комнаты и, загородясь от всего мира спиной, читает или пишет, а еще чаще – подставляя эту спину ливням, гоняет до изнеможения по Парижу.

Аля отсутствует с 8 1/2 ч. утра до 10 ч. вечера.

На мне весь дом: три переполненных хламом комнаты, кухня и две каморки. На мне –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сдельная (Мурино слово) кухня, п. ч. придя – захотят есть. На мне весь Мур: проводы и приводы, прогулки, штопка, мывка. И, главное, я никогда никуда не могу уйти, после такого ужасного рабочего дня – никогда никуда, либо сговариваться с Сергеем Яковлевичем за неделю, что вот в субботу, например, уйду. Так я отродясь не жила. И это безысходно. Мне нужен человек в дом, помощник и заместитель, никакая уборщица делу не поможет, мне нужно, чтобы вечером, уходя, я знала, что Мур будет вымыт и уложен вовремя. Одного оставлять его невозможно: газ, грязь, неуют пустого жилья, – и ему только девять лет, а дети все – безумные, оттого они и не сходят с ума.

А человека в дом – это деньги, минимум полтора в месяц, у меня их нет и не будет, п. ч. постоянных доходов – нет: вот рассчитывала на Последние Новости, а Милюкову „не понравилось“ (пятый, счетом, раз!).

Аля окончательно отлепилась от дома, с увлечением выполняет в чужом доме куда более трудную, чем в своем, берущую все время, весь день, тогда как дома у нее оставалось добрые 3/4 на себя. Причем работает отлично, а дома разводила гомерические свинства, которое, разбирая, обнаруживаю постепенно: комья вещей под всякими кроватями, в узлах, чистое с грязным, как у подпольных жителей, не буду описывать – тошнит.

Достаточно сказать Вам, что три дня сряду жгу в плите, порезая на куски, ее куртки, юбки, береты, равно как всякие принадлежности Сергея Яковлевича, вроде пражских, иждивенских еще, штанов и жилетов, заживо сожженных молью – нафталина они оба не признают, издеваются надо мной, все пихают в сундуки нечищенное и непереложенное, и, в итоге – залежи молиных червей, живые гнезда – и сквозные вещи, которые только и можно, что мгновенно сжечь. Вода кипит – надо стирать, а сушить негде: одно кухонное окно. В перерыве бегаю за Муром и вожу его гулять – и сама дышу, с содроганием думая об очередном „угле“, из которого: одна нога примуса, одинокая эспадрилья (где пара?), комок Алиных вылезших волос, которые хранит!!! неопишимого вида ее „белье“ и пять бумажных мешков с бутербродами, которые ей давала с собой на 4 ч. – зеленое масло, зеленое мясо, зеленый хлеб (все это она потихоньку выкидывала, предпочитая, очевидно, „круассан“ в кафе, – меня легко обмануть!). Понимаете, Вера, из всех углов, со всех полок, из-за всех шкафов, из-под всех столов – такое. Неизбывное.

И какое ужасное действие на Мура: я в вечной грязи, вечно со щеткой и с совком, в вечной спешке, в вечных узлах, и углах, и углях – живая помойка! И с соответствующими „чертями“ – „А, черт! еще это! а чче-ерт!“, ибо смириться не могу, ибо все это – не во имя высшего, а во имя низшего: чужой грязи и лени.

Мур – Людовиков Святых и – Филиппов – я – из угла, из лужи – свое. Прискорбный дуэт, несмолкаемый.

Смириться? Но во имя чего? Меня все, все считают „поэтичной“, „непрактичной“, в быту – дурой, душевно же – тираном, а окружающих – жертвами, не видя, что я из чужой грязи не вылезаю, что на коленях (физически, в неизбывной луже стирки и посуды) служу – неизвестно чему!

Если одиночное заключение, монастырь – пусть будет устав, покой, если жизнь прачки или кухарки – давайте реку и пожарного (-ных!). И еще лучше – сам пожар!

И это я Богу скажу на Страшном Суду. Грехи?? Раскаяние? Ого-о-о!

А, впрочем, я очень тиха, мои „черти“ только припев, а м. б. лейтмотив. Нестрашные черти, с облезшими хвостами, домашние, жалкие.

Страшно хочется писать. Стихи. И вообще. До тоски. Вчера – чудная встреча на почте с китайцем, ни слова не говорившим и не понимавшим по-французски, говорившим. Вера, по-немецки! в полной невинности.

И почтовая барышня (он продавал кошельки и бумажные цветы) – C'est curieux! Comme le chinois ressemble à l'anglais![1003] – я: – Mais c'est allemand qu'il vous parle![1004]

И стала я при моем китайце толмачом. И вдруг – „Ты русский? Москва? Ленинград? Хорошо!“ – Оказывается, недавно из России. Простились за руку, в полной любви. И Мур, присутствовавший:

– Мама! Насколько китайцы более русские, чем французы!

Милая Вера, как мне хотелось с этим китайцем уйти продавать кошельки или, еще лучше, взять его Муру в няни, а себе – в отвод души! Как бы он чудно стирал, и гладил, и готовил бы гадости, и гулял бы с Муром по кламарскому лесу, играл бы с ним в мяч!

Мои самые любимые – китайцы и негры. Самые ненавистные – японцы и француженки. Главная моя беда, что я не вышла замуж за негра, теперь у меня был бы кофейный, а м. б. – зеленый Мур! Когда негр нечаянно становится со мной рядом в метро, я чувствую себя ошарашенной и возвеличенной.

А мой не-зеленый Мур дивно учится, умнеет не по дням, а по часам, не дает себя сбивать с толку помойками. (– Плюньте, мама! Идите писать! Ну, моль, ну, Алины мерзости... – при чем тут Вы??)

Выстирала его пальто, детское, верблюжье, развесила на окне. – „Смотри, Мур, вот твое детское, верблюжье. Видишь волосы?“ – Мур с почтением: – Неужели верблюды??? (Озабоченно:) – Но где же его горб??

После ужасающей молино-нафталиновой сцены; – Вот ты видишь, Мур, что значит такой беспорядок. Ведь – испугаться можно!

– Га-дость! Еще chauve-souris[1005] вылетит!

Получила, милая Вера, Терезу. Сберегу и верну. Но боюсь, что буду только завидовать. Любить Бога – завидная доля!

Бог согнулся от заботы –
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть – с огромными крылами,
А бывают и без крыл...
Оттого и плачу много,
Оттого –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что влюбила больше Бога
Милых ангелов Его.
(Москва, 1916 г.) [1006]

А сейчас – и ангелов разлюбила! Обнимаю. Пишите.

МЦ.

Приписка на полях:

Письмо написано залпом. Не взывайте! М. б. – ошибки. Бегу за Муром.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

20-го октября 1934 г.

Дорогая Вера,

Я кругом перед Вами виновата: до сих пор не вернула книги, до сих пор не отозвалась, а теперь еще обращаюсь с просьбой, и даже двумя.

Да послужит мне это самообвинение смягчающим обстоятельством, хотя нашлись бы и другие!

Когда я нынче открыла газету, нет, даже не так: вбежал Мур с криком: – Мама! Волконский умер! Я похолодела и ринулась и – слава Богу! – не мой: брат: протоиерей Александр Михайлович Волконский. [1007] Тут же заметка о его католичестве – тут же по ассоциации – petite Sainte Thérèse [1008] – и тут же Вы – и сознание: перст! (Вы еще ничего не понимаете, сейчас поймете.) А до газеты было рпеи от кассира Последних Новостей Могилевского, [1009] где он извещает меня, что обещанного им (на свой страх и риск) аванса дать не может, ибо оказалось, что Павел Николаевич моего „Китайца“ еще не читал.

Теперь слушайте внимательно: этот „Китаец“ мною был сдан в Последние Новости 15-го июля, и с тех пор (15-ое июля – 20-ое октября) моего не было напечатано Последними Новостями – ни строки. [1010] На все мои напоминания и запросы – успокоительный ответ Демидова: [1011] – вещь Павлом Николаевичем [1012] читана и принята. На днях появится. – Дни шли, приближался терм, вещь не появлялась. (А ресурсов у меня, Вера, никаких.) Наконец я возопила к Могилевскому (кассиру), не выдаст ли он мне 300 фр. до напечатают, раз вещь по словам Демидова принята – просто к терму. Он – обещал. Прихожу 12-го – его нету: болен ангиной. Прихожу 14-го – то же самое. Т. е. все напечатавшие получили, а мне Демидов дать отказывается, ссылаясь на личную ответственность Могилевского: придет-де – выдаст. Хорошо. С величайшим трудом в последнюю минуту собираю эти 300 франков по совершенно нищим, свято обещая отдать в первый же день прихода Могилевского в Новости – и оплачиваю терм. Вчера первый день выздоровления Могилевского, посылаю Алю в Последние Новости за деньгами – Могилевский ей не дает – а нынче, в 7 ч. утра следующее рпеи:

Многоуважаемая Марина Ивановна

К сожалению, до сих пор не выяснено не только, когда пойдет Ваш рассказ, но и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
принят ли он, так как Павел Николаевич его еще не читал. Игорь Платонович обещал сегодня выяснить вопрос и я завтра же сообщу Вам о результатах. Если я получу уверенность, что он принят, я сейчас же выдам Вам аванс, но не в размере 300 фр., а увы! только 200 фр. Больше мне не разрешено. (Подпись)

Три месяца вещь лежала в Новостях, и дважды и даже трижды Демидов врал мне, что вещь Милюковым принята. Зная, что такое для нищего – терм, выдать мне на него 300 фр. авансу – отказался. А теперь, явно, запретил Могилевскому дать мне триста, даже если принят. Что это, Вера, как не выпихиванье меня обеими руками – из эмиграции – в Советскую Россию. На какие деньги мне жить? Современные Записки за 20 стр. тексту стали платить 216 фр., да и то следующая книга выходит без меня, п. ч. Руднев летом потерял мой адрес. У меня ничего нет. Единственное платящее место – Последние Новости, и я не могу добиться, чтобы меня печатали в них хоть раз в три месяца, на 300 фр. – к терму. А они печатают – всех. Ведь меня. Вера, сдавили так, что мне остается только выскочить – пробкой из бутылки с гниющей жидкостью (ибо это – не шампанское, а пробка – они! шампанское – я!).
ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Пишу я – не хуже других, почему же именно меня заставляют ходить и кланяться за свои же труды и деньги: – Подайте, Христа ради! Хоть раз – к терму... – и не дают, как не дали в этот раз.

А в прошлый терм. Вера, был целый скандал: т. е. внезапно, посреди редакции, хлынувшие слезы и мой собственный голос, помимо меня говоривший (а я – слушала) – Если завтра вы, господа, услышите, что я подала прошение в Советскую Россию, знайте, – что это вы: ваша злая воля, ваше презрение и плевание!

Тогда Могилевский, меня пожалев (он очень добр!), мне аванс – дал. А на этот раз – заболел, а после болезни ему Демидов – запретил, это ясно из конца его письма.

Что мне делать с Демидовым? Ибо он в последних Новостях – всё (хотя у газеты с Милюковым и одни инициалы!). И он меня – не хочет.

А ресурсов – нет. И что мне делать – с собой?

Итак, Вера, подумайте: через кого бы воздействовать на Демидова? Кого он боится? Не вступился ли бы за меня Иван Алексеевич, [1013] разъяснив Демидову, что я все-таки заслуживаю одного термового фельетона (хорошо бы двух!). Что так делать – грех. Что нельзя, без объяснения причин, от чистой подлости, обречь настоящего писателя – на нищенство и попрошайничество (да никто уже и не дает!). Либо, если Ивану Алексеевичу так – неудобно, пусть бы запросил Демидова, почему меня никогда не печатают, [1014] – что у меня все же есть читатель, что я, наконец, стою чего-то...

А если Иван Алексеевич не захочет – через кого? Подумайте, Вера. Ибо у меня уже сердце кипит и боюсь, что кончится пощечиной полной правды – т. е. разрывом. Ибо у меня много накопело.

Вторая просьба: на погашение термовых долгов 1-го устраиваю „вечер“, т. е. просто стою и читаю вещь, которая не пойдет, верней: уже не пошла в следующей книге Современных Записок, п. ч. Руднев потерял мой адрес. Мать и Музыка (мое музыкальное детство). И вот, просьба, милая Вера: посылаю Вам 10 билетов, разошлите их от себя своим парижским знакомым, которые Вас любят или с Вами

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
считаются, пусть возьмут, а деньги пришлют мне по адресу:

33, Rue Jean Baptiste Potin

Vanves (Seine)

Мое положение – отчаянное. За Мура в школу не плочено (75 фр. в месяц + страховка здоровья + учебники – т. е. не меньше 125 фр., угля – нет, а дом старый и страшно мерзнем, у Али совсем нет обуви, – и всё – так. (Аля, оказывается, служила летом у немецких Ротшильдов – банкиров Bleichröder и получила 150 фр. в месяц, уча и воспитывая троих детей и бабушку (бабушку – французскому! Ей 80 лет, и вся в заплатах). А когда Аля от них приехала и стала рассказывать, оказалось, что она служила у гамбургских миллионеров, если не миллиардеров. Самый крупный банкирский дом Германии. Была с ними в Нормандии.)

Ну, вот. Вера. – Невесело? –

Ради Бога, Вера, управу на Демидова! Взывать к его совести – бес полезно. Он – подл. Нужен – страх. И это еще потомок Петра – о, Господи! Меня в редакции очень любят: и Могилевский, и Гронский[1015] и ладинский,[1016] и Берберова[1017] и Поляков[1018] (и я его – очень!) и Алданов,[1019] но все они – ничто перед Демидовым, Последние Новости – он.

Ответьте мне поскорее, что Вы думаете.

Вы-то, Вера, не будете меня судить, когда узнаете, что я подала прошение? Но – еще погожу. НЕ ХОЧЕТСЯ!

Обнимаю вас.

МЦ

Книга цела. Пришлю заказным после вечера.

Билеты посылаю нынче же imprimé.[1020]

29-го Октября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Вера,

Короткое словцо благодарности: я вся в черновиках, похожих на чистовики, и в чистовиках – всё еще черновиках, и в письменных воплях о напечатании сообщения о

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
моем вечере, и в Муриных – и для меня убийственных – арифметическихysteme
metriqu'овых задачах.

Только стихов мне не удастся писать!

Итак, сердечное спасибо за присланное: мне и в голову не приходило, что,
отсутствуя, можно купить. Ваши деньги – первая ласточка, на них живем уже
который день. (Правда, странно – жить на ласточку?!)

Обнимаю Вас и после вечера сейчас же напишу и, главное, пришлю книгу – и даже
две. Вера.

– Вы знаете латынь? Я – нет.

МЦ.

Спасибо за заботу о пальто!

1-го ноября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Lazare Carnot

Дорогая Вера,

В первую голову – Вам. Самое мое сильное впечатление от вечера:

– Я так хотела продать билет одному господину, очень богатому, – у него, у нас –
такие счета! („у нас“ – у Гавронского, говорит его помощница Тамара
Владимировна, бывшая Волконская).[1021] Но знаете, что он мне сказал: –
„Цветаева ОЧЕНЬ вредит себе своими серебряными кольцами: пусть сначала продаст...“

Это, Вера, в ответ на предложение купить десятифранковый билет на целый вечер
моего чтения, авторского чтения двух неизданных вещей...

Как мне хочется. Вера, в громкий и молчаливый ответ ему написать вещь
„Серебряные кольца“ (Блок) – о том, как моя кормилица, цыганка, вырвала их из
ушей и втоптала в паркет – за то, что не золотые, и еще про солдата-большевика в
Революцию, который мне помог на кровокипящей ненавистью к буржуям станции
„Усмань“ и которому я подарила кольцо с двуглавым орлом (он, любовно: – А-а-рёл...
По крайней мере память будет)... и еще:

О сто моих колец! Мне тянет жилы –
Раскаиваюсь в первый раз –
Что столько их я вкривь и вкось дарила, –
Тебя не дождалась...[1022]
Дать весь серебряно-колечный, серебро-кольцовый аккомпанемент – или лейтмотив –
моей жизни...

И еще возглас председателя моего домового комитета, бывшего княжеского повара,
Куручкина: – Не иначе как платиновые. Не станет барыня – а у них на Ордынке дом
собственный[1023] – „серебряные носить, как простая баба деревенская...“

И возглас простой бабы деревенской на Смоленском рынке, на мою черную от невытравимой грязи, серебряную руку:

– Ишь, серебряные кольца нацепила, – видно, золотых-то – нет! Вера, я всю жизнь прожила в серебре и в серебре умру. И какой чудесный, ко всему этому серебру, заключительный аккорд („Пускай продаст“...).

Вечер прошел очень хорошо. Зал был маленький, но полный, и дружески-полный: пришли не на сенсацию (как тогда, после смерти Белого), [1024] а на меня – мои вечные „Getreue“.[1025] Многих я знаю уже по вечерам, например странную женскую пару: русскую мулатку и ее белокурую подругу. И старики какие-то, которые всегда приходят и всегда спят: русские старики, входные, – не по долгу совести клиента Гавронского, пришедшего потому что заплатил. И старушка из Русского Дома в Святой Женевьеве, – поверх кофты – юбка, а поверх юбки – еще кофта – и так до бесконечности... И всякие даровые, приходящие явно – пешком... О, как я бы хотела читать ДАРОМ и всем подарить по серебряному кольцу. Но я, Вера, теми „кольцами“ – „пускай продаст“ меньше уязвлена, чем удовлетворена: формула буржуазного (боюсь еврейски-буржуазного) хамства.

Читала я. Вера, Мать и Музыка – свою мать и свою музыку (и ее музыку!) и – пустячок, который очень понравился, п. ч. веселый (серьезно-веселый, не-совсем-весе́ло-веселый) – „Сказка матери“ малолетним Асе и мне. Надеюсь, что из-за успеха (явного) возьмут в Последние Новости.

Чистый доход. Вера, (вас – включая) 500 фр., уже уплатив за залу. 290 уже вчера заплатила за Мурину школу: Октябрь и Ноябрь – и учебники (89 фр. 50! за девятилетнего мальчика, и всё это он учит наизусть: идиотизм!) – и обязательную страховку. Словом, гора с плеч до 1-го декабря. И уже заказала уголь – на 50 фр. и сейчас Аля поехала в hôtel de ville [1026] – по горячему следу уже убегающих денег! – за ведрами и совками и щитками – и черт (именно он, черный!) еще знающий за чем: ВСЕМ ПЕЧНЫМ. Печи, слава Богу, есть.

Холод у нас лютый, все спим – под всем. А серебряные кольца я все-таки не продам (кстати, за них бы мне дали франков десять – не шутка, конечно: пара – да, и то... А танцор Икар [1027] обещал мне медное кольцо – с чертом!).

Вера, сколько во мне неизрасходованного негодования и как жалею, что оно со мной уйдет в гроб.

Но и любви тоже: благодарности – восхищения – коленапреклонения – но с занесенной – головой!

А я сейчас пишу черта, [1028] мое с ним детство, – и им греюсь, т. е. по-настоящему не замечаю, что два часа писала при открытом окне, – только пальцы замечают – и кончик носа...

Вера, спасибо за всё! Да, Аля, которая сидела в кассе, рассказывала про господина (седого), давшего 50 фр... Наверное – Ваш.

Кончаю, п. ч. сейчас придут угольщики и надо разыскать замок для сарая и, самое трудное, к нему – ключ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обнимаю Вас.

МЦ.

Приписка на полях:

Вера, Вы меня за моего Черта – не проклянете? Он – чу-у-удный (вою – как он, п. ч. он, у меня – пес).

3-го ноября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Только что потеряла на улице письмо к Вам – только что написанное: большое, о вечере, – на такой же бумаге, с маркой и обратным адресом. Немец – до-гитлеровский – бы опустил (гитлеровский бы выкинул из-за иностранной фамилии) – но так как здесь французы и русские...

Словом, если не получите – а, если получите, то одновременно с этим – известите; напишу заново. Выронила из рук.

Пока же, вкратце:, вечер сошел благополучно, заработала – по выплате зала – 500 фр. (Ваши включая) – был седой господин, который дал 50 фр., наверное – Ваш. Уже заплатила за 2 месяца Муриноного учения, страховку и учебники – 300 фр. и заказала уголь. – Вот. –

Но самое интересное – в том письме. (Помните Gustav Freytag. „Die verlorene Handschrift“?[1029])

Непреренно известите.

Обнимаю Вас.

МЦ.

Приписка на полях:

Письмо потеряно в 11 ч. дня, на полном свету, на широкой, вроде Поварской, улице – и вдобавок конверт – лиловый. Значит, если не дойдет – французы – жулики: такая новая красивая красная марка в десять су! А русский не опустит, п. ч. пять лет проносит его в кармане.

22-го ноября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Вера,

Если все мои письма – между нами, то это – совсем между нами, потому что это-мое фиаско, а я не хочу, чтобы меня жалели. Судить будут – все равно.

Отношения мои с Алей, как Вы уже знаете, последние годы верно и прочно портились. Ее линия была – бессловесное действие. Всё наперекор и все молча. (Были и слова, и страшно-дерзкие, но тогда тихим был – тон. Но – мелкие слова, ни одного решительного.)

Отец ее во всем поддерживал, всегда была права – она, и виновата – я, даже когда она, наступив в кошелку с кошачьим песком и, естественно, рассыпав, две недели подряд – так и не подмела, топчя этот песок ежеминутно, ибо был у выходной двери. Песок – песчинка, всё было так.

Летом она была на море, у немецких евреев, и, вернувшись, дней десять вела себя прилично – по инерции. А потом впала в настоящую себя: лень, дерзость, отлынивание от всех работ и непрерывное беганье по знакомым: убеганье от чего бы то ни было серьезного: от собственного рисованья (были заказы мод), как от стирки собственной рубашки. Когда она, после лета, вернулась, я предложила ей год или два свободы, не-службы, чтобы окончить свою школу живописи (училась три года и неожиданно ушла служить к Гавронскому, где дослужилась до постоянных обмороков от малокровия и скелетистой худобы: наследственность у нее отцовская), итак, предложила ей кончить школу (где была лучшей ученицей и училась бесплатно) и получить аттестат. – Да, да, отлично, непременно позвоню... (Варианты: пойду, напишу...) Прошло 7 недель, – не пошла, не позвонила, не написала. Каждый вечер уходила – то в гости, то в кинематограф, то – гадать, то на какой-то диспут, все равно куда, лишь бы – и возвращалась в час. Утром не встает, днем ходит сонная и злая, непрерывно дерзя. Наконец, я: – Аля, либо школа, либо место, ибо так – нельзя: работаем все, работают – все, а так – бессовестно.

Третьего дня возвращается после свидания с какими-то новыми людьми, ей что-то обещавшими. Проходит в свою комнату, садится писать письмо. Я – ей: – Ну, как? Есть надежда на заработок? Она, из другой комнаты: – Да, нужны будут картинки, и, иногда, статейки. 500 фр. в месяц. Но для этого мне придется снять комнату в городе.

Я, проглотив, но, по инерции (деловой и материнской) продолжая: – Но на 500 фр. ты не проживешь. Комната в Париже – не меньше 200 фр., остается 300 – на всё: еду, езду, стирку, обувь, – и т. д. Зачем же тебе комната, раз работа как раз на дому? Ведь – только отвозить. – Нет, у меня будет занят весь день, и, вообще, дома всегда есть работа (NB! если бы Вы видели запущенность нашего! т. е. степень моей нетребовательности), а это меня будет... отвлекать.

Вера, ни слова, ни мысли обо мне, ни оборота. „Снять комнату“. Точка.

Она никогда не жила одна, – в прошлом году служила, но жила дома, летом была в семье. Она отлично понимает, что это не переезд в комнату, а уход из дому – навсегда: из „комнат“ – не возвращаются. И хоть бы слово: – Я хочу попробовать самостоятельную жизнь. Или: – Как вы мне советуете, брать мне это место? (Места, по-моему, никакого, но даже если бы...) Но – ничего. Стена заведомого решения.

Вера, она любила меня лет до четырнадцати – до ужаса. Я боялась этой любви, ВИДЯ, что умру – умрет. Она жила только мною. И после этого: всего ее раннего детства и моей такой же молодости, всего совместного ужаса Советской России,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
всей чудной Чехии вместе, всего Мурино детства: медонского сновиденного парка, блаженных лет (лето) на море, да всего нашего бедного медонско-кламарского леса, после всей совместной нищеты в ее – прелести (грошовых подарков, жалких и чудных елок, удачных рынков и т. д.) – без оборота.

Очень повредила мне (справедливой было бы сказать: ей) Ширинская, неуловимо и непрерывно восстанавливавшая ее против моего „тиранства“, наводнявшая уши и душу сплетнями и пересудами, знакомившая с кем-попало, втягивавшая в „партию“ Ширинского[1030] – ей Аля была нужна как украшение, а м. б. немножко и как моя дочь – льстившая ей из всех сил, всё одобрявшая (система!) и так мечтавшая ее выкрасить в рыжий цвет. С Ширинской я, почуяв, даже просто увидев на Але, раззнакомилась с полгода назад, несмотря на все ее попытки удержать. (Ей все нужны!) Но Аля продолжала бывать и пропадать. Еще – служба у Гавронского и дружба с полоумной его ассистенткой, бывшей (по мужу) Волконской, глупой и истерической институткой, влюбившейся в Алю институтской любовью, – с ревностью, слезами, телеграммами, совместными гаданьями, и т. д. (Ей 36 лет, Але – только что – 21.) А еще – ПАРИЖ: улица, берет на бок, комплименты в метро, роковые женщины в фильмах, Lu et Vu[1031] с прославлением всего советского, т. е. „свободного“...

Вера, поймите меня: если бы роман, любовь, но – никакой любви, ей просто хочется весело проводить время: новых знакомств, кинематографов, кафе, – Париж на свободе. Не сомневаюсь (этой заботы у меня нет), что она отлично устроится: она всем – без исключения – нравится, очень одарена во всех отношениях: живопись, писание, рукоделие, всё умеет – и скоро, конечно, будет зарабатывать и тысячу. Но здоровье свое – загубит, а может быть – и душу.

Теперь – судите.

Я в ее жизнь больше не вмешиваюсь. Раз – без оборота, то и я без оборота. (Не только внешне, но внутри.) Ведь обычными лекарствами необычный случай – не лечат. Наш с ней случай был необычный и м. б. даже – единственный. (У меня есть ее тетради.)

Да и мое материнство к ней – необычайный случай. И, всё-таки, я сама. Не берите эту необычайность как похвалу, о чуде ведь и народ говорит: я – чудо; ни добро, ни худо.

Ведь если мне скажут: – так – все, и так – всегда, это мне ничего не объяснит, ибо два семилетия (это – серьезнее, чем „пятилетки“) было не как все и не как всегда. Случай – из ряду вон, а кончается как все. В этом – тайна. И – „как все“ – дурное большинство, ибо есть хорошее, и в хорошем-так не поступают. Какая жесткость! Сменить комнату, все сводить к перевозу вещей. Я, Вера, всю жизнь слыла жесткой, а не ушла же я от них – всю жизнь, хотя, иногда, КАК хотелось! Другой жизни, себя, свободы, себя во весь рост, себя на воле, просто – блаженного утра без всяких обязательств. 1924 г., нет, вру – 1923 г.! Безумная любовь, самая сильная за всю жизнь[1032] – зовет, рвусь, но, конечно, остаюсь: ибо – Сережа – и Аля, они, семья, – как без меня?! – „Не могу быть счастливой на чужих костях“[1033] – это было мое последнее слово. Вера, я не жалею. Это была – я. Я иначе – просто не могла. (Того любила – безумно.) Я 14 лет, читая Анну Каренину, заведомо знала, что никогда не брошу „Сережу“. Любить Вронского и остаться с „Сережей“. Ибо не-любить – нельзя, и я это тоже знала, особенно о себе. Но семья в моей жизни была такая заведомость, что просто и на весы никогда не ложилась. А взять Алю и жить с другим – в этом, для меня, было такое безобразие, что я бы руки не подала тому, кто бы мне это предложил.

Я это Вам рассказываю к тому, чтобы Вы видели, как эта Аля мне дорого далась (Аля и Сережа. Я всю жизнь рвалась от них – и даже не к другим, а к себе, в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru себя, в свое трехпрудное девическое одиночество – такое короткое! И, все-таки, – чтобы мочь любить, кого хочу! Может быть даже – всех. (Из этого бы все равно ничего не вышло, но я говорю – мочь, внутри себя – мочь.) Но мне был дан в колыбель ужасный дар – совести: неможёние чужого страдания.

Может быть (дура я была!) они без меня были бы счастливы: куда счастливее чем со мной! Сейчас это говорю – наверное. Но кто бы меня – тогда убедил?! Я так была уверена (они же верили!) в своей незаменимости: что без меня – умрут.

А теперь я для них, особенно для Сережи, ибо Аля уже стряхнула – ноша, Божье наказание. Жизнь ведь совсем врозь. Мур? Отвечу уже поставленным знаком вопроса. Ничего не знаю. Все они хотят жить: действовать, общаться, „строить жизнь“ – хотя бы собственную (точно это – кубики! точно так – строится! жизнь должна возникнуть изнутри – fatalement[1034] – т. е. быть деревом, а не домом. И как я в этом – и в этом – одинока!).

Вера, мне тоже было 20 лет, мне даже было 16 лет, когда я впервые и одна была в Париже. Я не привезла ни одной шляпы, но привезла: настоящий автограф Наполеона (в Революцию – украли знакомые) и настоящий севрский бюст Римского Короля. И пуд книг – вместо пуда платья. И страшную тоску внутри, что какая-то учительница в Alliance Française[1035] меня мало любила. Вот мой Париж – на полной свободе. У меня не было „подружек“. Когда девушки, пихаясь локтями, хихикали – я вставала и уходила.

Вера, такой эпизод (только что). Сережа и Аля запираются от меня в кухне и приглашенными голосами – беседуют (устраивают ее судьбу). Слышу:… „и тогда, м. б., наладятся твои отношения с матерью“. Я: – Не наладятся. – Аля: – А „мать“ слушает. Я: – Ты так смеешь обо мне говорить? Беря мать в кавычки? – Что Вы тут лингвистику разводите: конечно мать, а не отец. (Нужно было слышать это „мать“ – издевательски, торжествующе.) Я – Сереже: – Ну, теперь слышали? Что же Вы чувствуете, когда такое слышите? Сережа – Ни-че-го.

(Думаю, что в нем бессознательная ненависть ко мне, как к помехе – его новой жизни в ее окончательной форме.[1036] Хотя я давно говорю: – Хоть завтра. Я – не держу.)

Да, он при Але говорит, что я – живая А. А. Иловайская, что оттого-то я так хорошо ее и написала.

Нет, не живая Иловайская, а живая – моя мать. Чем обнять (как все женщины!) на оскорбление – я – руки по швам, а то и за спину: чтобы не убить. А оскорбляют меня, Вера, в доме ежедневно и – часно. – Истеричка. Примите валерьянки. Вам нужно больше спать, а то Вы не в себе (NB! когда я до 1 ч. еженощно жду Алю – из гостей, и потом, конечно, не сразу засыпаю, не раньше 2 ч., а встаю в 7 ч., из-за Муриной школы Ходасевич мне даже подарил ушные затычки, но как-то боюсь: жутко, – так и лежат, розовые на черном подносе, рядом с кроватью.) Аля вышла в Сережиных сестер, которые меня ненавидели и загубили мою вторую дочь, Ирину (не было трех лет), т. е. не взяв к себе на месяц, пока я устроюсь, обрекли ее на голодную смерть в приюте. – А как любили детей! († 2-го февраля, в Сретение, 1920 г., пробыв в приюте около двух месяцев.) А сестры служили на железной дороге, и были отлично устроены и у них было всё, но оне думали, что Сережа убит в Армии.

– Чудный день, Вера – птицы и солнце. Вечером еду с Муром в дом, где будет какая-то дама, которая м. б. устроит мою французскую рукопись.[1037] Были бы деньги – оставила бы их с Сережей здесь, пусть я уйду, – и уехала бы куда-нибудь с Муром. Но так – нужно ждать событий и выплакивать последние слезы и силы. У

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
меня за эти дни впервые подалось сердце, – уж такое, если не: твердокаменное, так – вернопреданное! Не могу ходить быстро даже на ровном месте. А всю жизнь – летала. И вспоминаю отца, как он впервые и противоестественно – медленно шел рядом со мной по нашему Трехпрудному, все сбиваясь на быстроту. Это был наш последний с ним выход – к Мюрилизу, покупать мне плед. (Плед – жив.) Он умер дней десять спустя. А теперь и Андрея нет. И Трехпрудного нет (дома). Иногда мне кажется, что и меня – нет. Но я достоверно – зажились.

МЦ.

7-го января 1935 г.

65, Rue J. B. Potin

Vanves (Seine)

С Новым Годом, дорогая Вера!

Желаю Вам в нем – нового: какой-нибудь новой радости. Я его встречала одна – при встрече расскажу – немножко по своему трехпрудному сну. Когда увидимся? Слыхала про „бал прессы“ – будут ли что-нибудь давать? Хорошо бы...

Целую Вас. Мур еще раз – и еще много-много раз! – благодарит за перо.

Жду весточки.

МЦ.

Приписка на полях:

„Бал прессы“: „кадриль литературы“.[1038] (Помните?)

10-го января 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue J. B. Potin

С Новым Годом, дорогая Вера!

Я все ждала радостной вести о Вашем приезде, потом усумнилась в Вашем желании меня видеть из-за моего неответа, и вдруг, вчера узнаю от Даманской, что в редакции («Последних Новостей» говорят, что Вы вообще не приедете, п. ч. пять этажей, и что Иван Алеекеевич не то уехал, не то на днях уезжает в Grasse. Конечно, это – слух, но мне приятно, что нет доказательства Вашей на меня обиды. Знайте, дорогая Вера, что я вообще в жизни делаю обратное своим желаниям, живу, так сказать, в обратном от себя направлении, – в жизни, не в писании. – Ну, вот.

Живу сейчас под страхом термина – я НЕ богема и признаю все внешние надо мной права – на который (терм) у меня пока только 200 франков от Руднева, который по

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сравнению с Демидовым оказался моим добрым гением. На Демидова, кстати, жалуются все – кроме Алданова, которого все жалуют. Даманская спросила в редакции, почему не идет мой рассказ.[1039] – и не пойдет, он слишком длинен, а она отказывается сократить. (Поляков, очень ко мне расположенный, но совершенно бессильный.) – Сколько строк? – 384. – Но у меня (говорит Даманская) – постоянно бывает 360, а у других – еще больше. В чем дело? – Молчание. Тогда она стала просить Алданова вступить, но Алданов только развел руками.[1040]

Но с этим рассказом (qui n'en est pas un[1041] – Сказка матери: говорят мать и две девочки – наперебой) – странная вещь. Ко мне пришел Струве[1042] и заявил, что они требуют доведения его до 300 строк – и подал мне мысль обратиться к Ивану Алексеевичу с просьбой урезонить Демидова. Я тут же написала письмо и приложила рукопись, с просьбой хотя бы глазами удостовериться, что сократить немислимо, ибо всё – от слова к слову, или – как играют в мяч. Струве все это забрал и обещал доставить Ивану Алексеевичу в собственные руки. Прошел месяц, – ответа от Ивана Алексеевича нет (да я и не очень надеялась), но вот что удивительно – и от Струве нет, на два моих письма, достоверно-полученных. М. б. он просто рукопись – потерял?

– Второй эпизод. – Погиб Н. П. Гронский, оказавшийся (поэма Белла-Донна) настоящим, первокачественным и первородным поэтом. Я знала его почти мальчиком (1928 г.), потом мы разошлись. Я написала о его поэме статью на 2 фельетона, которую мне его отец («Последние новости») посоветовал разбить на две отдельные вещи под разными названиями. Я, из любви к ушедшему и сочувствия к оставшимся (родители его обожали, и каждое слово о нем в печати для них – радость), согласилась, т. е. подписала вещь посредине. (Чудовищно!) И – молчание. А ведь это – отец, и этот отец – друг Демидова, Демидов его вел за гробом.

Дома мне очень тяжело, даже (другому бы!) нестерпимо – у меня нет Вашего дара окончательного отрешения, я все еще ввязываюсь. Все чужое. Единственное, что уцелело – сознание доброкачественности Сергея Яковлевича и жалость, с которой, когда-то, все и началось. Об Але в другой раз, а м. б. лучше не надо, ибо это – живой яд. А бедного Мура рвут пополам, и единственное спасение – школа. Ибо наш дом слишком похож на сумасшедший. Все – деньги: были бы – разъехались бы, во всяком случае поселила бы отдельно Алю, ибо яд и ад – от нее.

Но у меня над столом карточки Рильке и З. Унсет, гляжу на них и чувствую, что я – их.

Простите за эгоизм письма, будьте таким же эгоистом, чтобы мне не было стыдно.

Обнимаю Вас и бегу за Муром в школу.

МЦ

6-го февраля 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Знаете ли Вы, что я ничего не получила с писательского вечера?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Было – так: я послала Алю с вежливым письмом к Зеелеру[1043] – 1-го февраля, решив, что достаточно ждать – и вот их беседа.

Он: – Привет принимаю, а суммы никакой не дам. Аля: – Почему? – П. ч. мне сказали, что Ваша мать уже получила с бриджа для молодых писателей. Мы же получили всего 89 прошений и 50 удовлетворили. Аля: – Моя мать ни о каком бридже не слышала. Он: – Да? Если это так – пусть подтвердит письменно – проверять не буду – и тогда постараюсь ей что-нибудь наскрести.

Вера! Я – взорвалась. Во-первых – на Алю, – вот уж не моя кровь! Стоять такой овцой, – ни слова негодования, ни звука в защиту – а как умеет дерзить! (мне). Во-вторых – на Зеелера. Кто-то сказал, и этот, не проверив, сразу исключил меня из числа получающих. И «наскрести», – точно я нищенка, последняя из последних.

Вот мое письмо к нему:

1-го февраля 1935 г.

Милостивый государь, Господин Зеелер,

Новогодний вечер писателей устраивается для неимущих писателей. Я – писатель: 25 лет печатной давности, и я – неимущий: пожалуйста ко мне по адресу на заголовке и удостоверьтесь.

Поэтому я на пособие в абсолютном праве.

Вам «кто-то сказал», что я, в качестве «молодого писателя» (25 лет давности!) «получила» с какого-то «бриджа», и Вы, не дав себе труда проверить, не запросив меня, исключили меня из числа получающих с писательского новогоднего вечера и удовлетворили все прошения – в числе нескольких десятков – кроме моего. Когда же Вы узнали, что я ни о каком бридже и не слышала. Вы предложили мне подтвердить это письменно и обещали тогда «наскрести» – что сможете.

Предупреждаю Вас, что никаких «оскребков» не приму, ибо не подачки прошу, а законно мне полагающегося. Если вечер устраивают, то в первую голову для таких вопиюще-неимущих. несомненно-писателей, как Бальмонт, Ремизов и я.

Когда я, на вопрос: – Хорошо, по крайней мере, получили с писательского вечера? – отвечаю: – Ничего, – люди сначала не верят, а потом негодуют – те самые, что шли на этот вечер с целью помочь. Моя неполучка компрометирует всё учреждение.

Сообщите, пожалуйста, мое письмо в Ревизионную Комиссию Союза Писателей и знайте, что я от своего права не отступлюсь и буду добиваться его всеми средствами общественной гласности.

Марина Цветаева

Послано 1-го, нынче 6-ое, ответа нет и наверное не будет. Нарочно сообщаю Вам точный текст письма, ибо наверное до Вас дойдут слухи, что я написала «ужасное» и т. д. письмо – чтобы Вы знали меру этих ужасов.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я не знаю – кто распределяет. Если у Вас среди них есть знакомые – Вера, вступитесь – потому что я в нищенстве и в бешенстве и, если не дадут, непременно заявлю об этом с эстрады в свое следующее выступление «Последняя любовь Блока» – через месяц.[1044] Я уже теперь хотела (2-го февраля, совместное выступление с Ходасевичем), [1045] но я только что отправила письмо, а кроме того – не хотелось вмешивать Ходасевича, т. е. устраивать скандал на общем вечере.

– Народу было – зрительно – много: полный зал, но зал – маленький: «Societes Savantes», человек 80. Заработали мы с Ходасевичем ровно по 100 фр., так что я не смогла даже оплатить двух мес. Муриного учения (160 фр. – как мечтала. 100 фр., два фр. мелочью и метровый билет – на возврат.

Вера! Другое. Мне очень спешно нужен возможно точный адрес Оли Иловайской (не знаю ее нынешней фамилии) для ОЧЕНЬ важного для нее дела, пока – тайного. Если Вы мне в следующем письме дадите слово, что никому не скажете, расскажу – всё. Повторяю, очень важное и радостное для нее.

Сергей Яковлевич едет в город, хочу отправить с ним, обрываю и обнимаю.

Жду 1) впечатления от «писательского вечера» и по возможности содействия 2) Олиного адреса 3) Слова.

МЦ.

Не забудьте Олину фамилию.

11-го февраля 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Во-первых и в срочных: с Зеелером – улажено, т. е. очень обиделся и выдал мне 150 фр. Больше было дано только слепому Плещееву, [1046] слепому Амфитеатрову [1047] и Миронову [1048] – на похороны.

Оказалось, что Зеелера кто-то (кого он так, по благородству, и не назвал, но мне кажется – Ю. Мандельштам [1049]) уверил, что я получила не то 300, не то 500 с какого-то бриджа, и он, естественно, усумнился – давать ли мне еще. Но – что для меня самое важное – оказывается – он и «дамы» (Цейтлин, [1050] Ельяшевич и еще другие мои *bête-noir'*ы) [1051] – совершенно разное: я-то ведь вознегодовала на их недачу (с какого права?!), их хотела посрамить, а оне в это дело и не влезали. Во всем виноват какой-то досужий сплетник и, даже, врец.

– В конце концов мы с Зеелером даже подружились: он тоже похож на медведя и даже – дя. (КАМЧАТСКИМ МЕДВЕДЕМ НА ЛЬДИНЕ... [1052])

Значит, всё спокойно. Спасибо за готовность помочь.

Второе: я сейчас внешне закрепощена и душевно раскрепощена: ушла – Аля, и с нею относительная (последние два года – насильственная!) помощь, но зато и вся нестерпимость постоянного сопротивления и издевательства. После нее я – вот уже 10 дней – все еще выношу полные углы и узлы тайной грязи, всё, годами скрытое от моих доверчивых я близоруких глаз. Были места в кухне, не подметенные ни разу. Пуды паутины (надела очки!) – и всё такое. Это было – жесточайшее и сокровенно-откровеннейшее наплевательство на дом. Сор просто заметался (месяцами!) под кровать, тряпки гнили, и т. д. – Ох! –

Ушла «на волю», играть в какой-то «студии», живет попеременно то у одних, то у других, – кому повяжет, кому подметет (это для меня возмутительней всего, после такого дома!) – всех очарует... Ибо совершенно кругла, – ни угла.

А я, Вера, нынче в первый раз смогла подойти к столу в 6 ч., когда начала это письмо – и уже гроза близкого ужина. С утра протрясла 3 печи, носила уголь, мела, выносила и приносила помойку, ставила и снимала (с печей) чайники, чтобы не жечь газа, 8 концов за Муром (total – 2 heures[1053]), готовила, мыла посуду, мыла пол в кухне, опять подкладывала и протрясала... Всё в золе, руки – угольщичковы, неотмываемые.

Но – нет Алиного сопротивления и осуждения, нет ее цинической лени, нет ее заломленных набекрень беретов и современных сентенций и тенденций, нет чужого, чтобы не сказать больше.

Нет современной парижской улицы – в доме.

Ушла внезапно. Утром я попросила сходить Муру за лекарством – был день моего чтения о Блоке и я еще ни разу не перечла рукописи – она сопротивлялась: – Да, да... И через 10 минут опять: – Да, да... Вижу – сидит штопает чулки, потом читает газету, просто – не идет. – «Да., да... Вот когда то-то и то-то сделаю – пойду...»

Дальше – больше. Когда я ей сказала, что так измываться надо мной в день моего выступления – позор, – «Вы и так уж опозорены». – Что? – «Дальше некуда. Вы только послушайте, что о Вас говорят».

Но было – куда, ибо 10 раз предупредив, чтобы прекратила – иначе дам пощечину – на 11 раз: на фразу: «Вашу лживость все знают» – дала. – «Не в порядке взрослой дочери, а в порядке всякого, кто бы мне это сказал – вплоть до Президента Республики». (В чем – клянусь.)

Тогда Сергей Яковлевич, взбешенный (НА МЕНЯ) сказал ей, чтобы она ни минуты больше не оставалась, и дал ей денег на расходы.

Несколько раз приходила за вещами. Книг не взяла – ни одной. – Дышу. – Этот уход – навсегда. Жить с ней уже не буду никогда. Терпела до крайности. Но, Вера, я не бальмонтова Елена, [1054] которой дочь [1055] буквально (а м. б. и физически!) плюет на голову. Я, в конце концов – трезва: ЗА ЧТО?

Моя дочь – первый человек, который меня ПРЕЗИРАЛ. И, наверное – последний. Разве что – ее дети.

Родство для меня – ничто. Т. е. внутри – ничто. Терпя годы, я внутри не стерпела и не простила – ничего. Это нас возвращает к «дедушке» Иловайскому.

– Вера! Через меня Оле будет большое наследство. Да, да, через меня, через «Дом

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
у Старого Пимена».

Было – так. Летом я получила письмо от одного парижского адвоката, мне незнакомого, просившего о свидании. Пошла с моим вечным компаньоном и даже аккомпанементом – Муром.

– У меня для Вас радостная весть. Я знаю, что Вы очень нуждаетесь. Вы – наследница порядочного состояния.

– Я?? Но у меня же никого нет, – из тех, – все же умерли. – Вы же внучка Д. И. Иловайского? – Нет. – Но как же? (Объясняю.) – Значит, я плохо читал... Вот – жалость! Дело в том, что у Дмитрия Ивановича здесь остались бумаги, и на них заявила права одна дама в Ницце... (рассказ о явной авантюристке)... но я из Вашей вещи знал, что есть – внучка, только я понял, что – Вы...

– Не только внучка, но дочь – Оля Иловайская, в Сербии, и еще правнучка – Инна, дочь его внука Андрея. Но и внучка есть – Валерия. Три женских поколения: Ольга – дочь, Валерия – внучка, и Инна – правнучка. А я – ни при чем.

И опять refrain «какая жалость»...

Человек оказался сердечный, расстались друзьями, – все горевал, что Муру ничего не попадет (Мур его очаровал солидностью и басовитостью.)

Написала Асе – узнать адрес Валерии и польских дедушки и бабушки этой самой «Инны» – Андрей был женат на польке. Ответа не получила.

А на чтении о Блоке – опять он. – В чем же дело? Где же наследницы? А то – дама не понимает.

Нынче же сообщу ему адрес Оли. Не удивитесь, что тогда же не известила ее: мне важно было сперва снестись с теми, в России, хотя бы из-за трудности этого, – я знала, что Олю-то легко найти, мне хотелось – всех сразу. Еще напишу Асе – иносказательно, конечно.

Но Оля, во всяком случае, получит – и, как дочь – большую часть. А авантюристка – ничего. (П. ч. мы обе – не внучки!)

Вот – мой секрет.

А тайна – от сглазу, просто – от глазу, не надо – до поры. Вот, когда – получит, или сама – объявит...

Но все-таки, Вера, здорово – через «Старого Пимена». Сослужил – святой.

И мне простите почерк. (Ваш – чудный! Не прощать, а – благодарить: личность.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рада, что понравилось «Мать и Музыка». А сама мать – понравилась? Я ей обязана –
всем.

Пишете ли? Пишите, Вера! Времени никогда нет, а писать – нужно, ведь только
тогда из него и выходишь, ведь только так оно и остается!

Сердечно желаю Ивану Алексеевичу быстрого выздоровления, – какая обида! Обнимаю
Вас и люблю. Спасибо за все.

МЦ

А Вы – никогда не приедете?

29-го апреля (1935), понедельник, 2-ой день Пасхи.

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера.

Хотите – в среду, т. е. послезавтра, 1-го мая, – только не к завтраку, а к
обеду? Могли бы быть у Вас начиная с шести. А то, в четверг мы едем с Муром в
другой загород, с утра, а до воскресенья – далёко. Если среда (6 ч., 6 1/2 ч.)
подходит – не отвечайте. Целую Вас, сердечный привет Вашим.

МЦ.

Люблю не четверги и воскресенья, а среды и субботы: кануны (свободы, которой
нет).

30-го апреля 1935 г., вторник

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

– Отлично. – Будем в субботу к 6 ч. Целую.

МЦ

7-го мая 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Вера,

Я слышу – что-то дают писателям с Пушкинского вечера, [1056] или – будут давать – (а писатели, как шакалы, бродят вокруг и нюхают...)

Я нынче написала Зеелеру и ему же подала прошение, но, м. б. – вернее – еще кого-нибудь попросить?

Мне до зарезу нужны деньги – платить за Мура в школу (2 месяца, итого 160 фр. + неизбежные «fournitures», [1057] – в общем 200 фр.

– Почему он не в коммунальной? – П. ч. мой отец на свой счет посылал студентов за границу, и за стольких гимназистов платил и, умирая, оставил из своих кровных денег 20.000 руб. на школу в его родном селе Талицах Шуйского уезда – и я вправе учить Мура в хорошей (хотя бы тем, что в классе не 40 человек, а 15!) школе. Т. е. – вправе за него платить из своего кармана, а, когда пуст – просить.

Только всего этого, милая Вера, «дамам» не говорите, просто напомните, чтобы меня, при дележе, не забыли, и внушите, чтобы дали возможно больше.

В очередных «Современных Записках» будут только мои стихи, [1058] а это – франков сорок, да и то – когда??

Простите за просьбу, целую, спасибо за Мура, который в восторге от того мальчика, говорит: – умный и хорошо дерется.

МЦ.

Черкните, есть ли надежда на получку, чтобы мне знать, можно ли мне обнадеежить директора.

Расскажу, при встрече, очень смешную вещь про Мура в школе.

– Когда увидимся?

2-го июня 1935 г., воскресенье

Vanves (Seine)

33. Rue Jean Baptists Potin

Дорогая Вера,

Я не так просто смотрю на Вас – и на себя, чтобы подумать, что Вы меня просто – забыли. Не увидься мы с Вами ни разу за все Ваше пребывание – я бы этого не подумала.

О Вас говорят, что Вы – равнодушная. И этого не думаю.

Вы – отрешенная. От всего, что – Вы («я»). Все для Вас важней и срочней собственной души и ее самых насущных требований. А так как я – все-таки – отношусь к Вашей собственной душе, то и мною Вы легко поступитесь – для первого встречного. Вам ненужного – гостя или дела. Если бы я Вам была менее родная – простите за гиперболизм, но он уясняет: если бы я для Вас была менее – Вы, Вы бы со мной больше считались – в жизни дней, – и совсем уже гипербола: – и считали бы себя в большем праве на ту радость, которой – все-таки – являюсь для Вас я.

Вера, хотите совсем грубо? – Ведь от меня – дому – никакого проку, а живете Вы – для дома. Я – не общая радость, а Ваша. А какое Вам дело до себя самой?? Вы меня «забываете» в порядке – себя.

И, конечно. Вера, никогда бы не променяла этой тайной полноты власти на явное предпочтение и процветание. Я – тайну – люблю отродясь, храню – отродясь.

Корни нашей с вами – странной – дружбы – в глубокой земле времен.

– Знаю еще, что могла бы любить Вас в тысячу раз больше, чем люблю, но–слава Богу! – я сразу остановилась, с первого, нет – до первого шагу не дала себе ходу, не отъехав – решила: приехала.

Вы – может быть – мой первый разумный поступок за жизнь.

А пошло бы по-другому (та же я и та же Вы), т. е. разреши я себе хотя бы укол – тоски:

– Боже, какая это была бы му́ка! (для меня: не для Вас). Я бы жила от встречи до встречи, от письма до письма: встречи бы – откладывались, письма – не приходили, или приходили – не те (всегда – не те, ибо те пишешь только ты сам!).

– Вера! я Бога благодарю за то, что люблю Вас в тысячу раз меньше, чем – знаю – могла бы.

Теперь – делá.

Вера, скажите: тьфу, тьфу не сглазить! (Трижды – в левую сторону.)

Едем с Муром в Фавьер. Мансардное помещение – 600 фр. все лето. Внесла уже половину. Можно стирать и готовить. Есть часть сада, а в общем – 4 мин. от моря. У Людмилы Сергеевны Врангель, оказывается – рожденной Елпатьевской, т. е. моей троюродной сестры, ибо мой отец с С. Я. Елпатьевским – двоюродные братья: жили через поле.

Знаете ли Вы ее – и какая? Мне очень понравилась ее мать, [1059] и – на свое удивление – я ей, кажется, тоже, ибо она во вторую встречу меня первая поцеловала, почуяв во мне современницу, как все старики и старухи свыше 70-ти

лет.

Теперь все дело – в train de vacances[1060] (28-го июня) 1) достать билеты 2) оплатить. 430 фр. – 2 билета – в оба конца. Билетных денег у меня нет. Просила у Руднева аванс – не дал ни копейки. Хочу устроить к 15-му – 20-му вечер, без предварительной продажи.[1061] Буду читать своего «ЧЕРТА», которого конечно не возьмут Современные Записки. Эпиграф: «Связался черт с младенцем».
(До-семилетнее.)

Бальмонт – сидит. Не сумасшествие, а начало белой горячки.[1062] В Еріпау, в санатории Доктора Азербайджана,[1063] со скидкой. Чудный парк, гуляет до 2 ч. ночи. Влюбился в юную surveillante[1064] и предложил ей совместно броситься в Сену. «Отказалась. Тогда я предложил ей ее сбросить, а потом – спасти, ибо – не правда ли, дорогая? – я легко проплываю два километра? Отказалась тоже – и весь день пряталась – везде искал – чуть с ума не сошел. Дорогая! Я безумно люблю (следует имя) – как никогда еще не любил. Пришли мне 12 пузырьков духов – échantillons[1065] – фиалку, сирень, лаванду, гвоздику, а главное – розу и еще гелиотроп, что найдешь – для всех surveillantes, чтобы не завидовали. Я Жанне подарил весь свой одеколон и всю свою мазь для рук – у нее ручки – в трещинах! А ручка еще меньше, чем у (имярек, – женское). Дорогая! Пришли мне побольше папирос, – сумасшедшие выкурили весь мой запас»...

Кончается письмо диалогом:

– bonsoir, mon premier, mon dernier, mon unique amour!

– bonsoir, mon chéri![1066]

Отрывок – почти дословный, с разницей – словаря: Бальмонт, например, не напишет «запас». Читала на улице, из рук Елены.[1067] Елену, пока, к нему не пускают, она убивается. Во вторник переезжает в Еріпау.

Вера! Бальмонт безумно счастлив. Двенадцать девушек, которым всем вместе только 240 лет, т. е. столько же, сколько Бальмонту в его обычном окружении. Елены, тети Нюши и какой-то полу-датчанки – полу-швейцарки – полу-писательницы. Мечтает по выздоровлении остаться там садовником.

Наследство Оли? Была у юрисконсульта, по вызову. Долго убеждала его, что я НЕ внучка. Нарисовала нашу цветаевско-мейновско-иловайскую семейную хронику. Тогда он ПЕРЕСТАЛ ПОНИМАТЬ. – Как же вы пришли?! – (Я):? – Т. е., неужели вы только из дружеских чувств обеспокоили себя ответом на мой запрос и приездом, да еще с мальчиком?

Начал убеждать меня попросить что-нибудь у Оли – в случае...

я: – «Сеньор! я бедна, но душой не торгую...»

А знаете. Вера, в чем загвоздка? Оказывается – было два Дмитрия Ивановича Иловайских, да: два. Один – наш, настоящий пайщик, а другой – еще какой-то, не пайщик, но вдова не-пайщика представила расписку, а председатель Страхового общества Дмитрий Иванович отлично помнит, что пайщиком был именно наш Дмитрий

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Иванович, но расписки у него нет. А та расписка – Бог ее знает...

Дала юрисконсульту адрес Оли. Оля – боевая, авось разыграет в ней материнская кровь – и отстоит. Напишите ей всё это. Акции Страхового Общества, пайщиком которого был Дмитрий Иванович, 200.000 франков. Но упомяните, в случае удачи, и сонаследниц: Валерию и Андреину дочь – трехлетнюю Инну. Знает ли Оля об Андреиной смерти (вербная суббота, апрель 1932 г., [1068] запущенный туберкулез: не лечился).

Письма Goethe к Frau Charlotte von Stein...

«Charlotte von Stein starb nach Vollendung ihres 85-ten Lebensjahres am 6. Januar 1827. Sie hatte noch angeordnet, dass ihr Sarg nicht an Goethes Haus vorübergetragen werden sollte, weil ihn der Anblick angreifen könnte. Aber die städtischen Begräbnisordner richteten sich nicht nach diesem Wunsch, da so eine vornehme Tote nur auf dem Hauptwege zum Friedhof geleitet werden durfte.

Goethe liess sich bei der Bestattung durch seinen Sohn vertreten». [1069]

Это Вы – знали?

У меня есть хорошая книга про Гёте – по-французски. [1070] (Выдержки из записей о нем современников.) Хотите – пришлю? Не забудьте ответить.

Письма Goethe к Frau von Stein я читала 17 лет, равно как переписку с матерью, [1071] – какая чудная! Напоминает мне Пра. [1072]

Бедная Frau von Stein, слишком поздно – сдавшаяся. Как ужасно он с ней – после всего – шутит. («А кто моя деточка? А кто – мой цветочек? М. б. ты угадываешь?» и т. д. – после всего того чистого ада – и жара!)

Ну вот. Вера, полночь. Устала – не от письма, а от целого дня работы по дому, и не от работы, а от толчеи: своей собственной. (Стала было перечислять содеянное, но самой стало скучно). Устала от несвоего дела, на которое уходит – жизнь.

В фавьере тоже будет очень трудно: жара (мансарда), примус, далекий рынок, стирка без приспособлений и, кажется, даже без воды. Писать навряд ли придется, во всяком случае не прозу – требующую времени.

С Последними Новостями у меня – конец. Они четыре месяца продержали ту мою статью «Поэт-альпинист», которую Вы потом слышали в разросшемся виде. [1073] (Была – ровно 300 строк.) Тогда я, с резким письмом Демидову, взяла обратно и больше ничего не даю, зная, что не возьмут. Они меня выжили. Кстати, Гронские, и отец и мать, оба остались недовольны моим докладом. «Не сумела дать Николая»... Вопрос – какого?

Но все же – обидно. Я многое упростила – для отца. Он – совсем болен, разом рухнул, в санатории. Называется «острая неврастения». Просто – тоска, конец всему.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вера, помните. Вы мне подарили книжку?[1074] Перепишу в нее нашу переписку с Гронским: его письмо, моё, – и т. д. – до последнего. Я писала с моря, он – из Медона, 7 лет назад, лето 1928 г.

Далее на полях и между строк:

В следующий раз напишу про Мура. Очень обрадовался привету и сам приветствует. Вас он зовет «Вера».

Напишите впечатление от семейства Врангелей. Они Вас знают. Какой – он?[1075]

Пишите и не забудьте: прислать ли Гёте? книга – стоящая.

– Вы ко мне приедете летом? (Конечно – нет!)

Сердечный привет Вашим, Вас – целую.

МЦ.

11-го июня 1935 г., вторник

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Хотя очень мало времени до 20-го, – но может быть попытаетесь? Посылаю пять. (С Вами хорошо, что можно говорить без прилагательных (лгательных!) и даже, иногда – без существительных!)

Итак – пять.

– А у Мура третий день смутное нытье живота, и резкая боль при согбении и распрямлении – боюсь аппендицита – тогда, прощай наше лето! Завтра веду к врачу. А нынче до 12 ч. ночи – буду писать собственноручные билеты и такие же, к ним, просьбы – ну-у-дные! Все-таки – противоестественно – вечно клянчить. Проще – деньги в банке, тем более отцом и дедом – делом! – заработанные. (Мой дед А. Д. Мейн был редактором московской газеты «Голос» – чей, интересно??)

До свидания, милая Вера, мне совсем не стыдно Вас просить. П. ч. Вам все равно – как и мне.

Пишите!

МЦ.

8-го июля 1935 г.

Favière, par Bonnes (Var)

Villa wranglel

Дорогая Вера! Вы уже видите: фавьер.[1076] Живем 9-тый день, – Мур и я, я и Мур, Мур, море и я, Мур, примус и я, Мур, муравьи и я (здесь – засилье!). Дом – дико беспорядочный, сад в ужасном виде – настоящее «дворянское гнездо» (хотя здесь-баронское. А вдруг – я напишу повесть – Баронское гнездо??). Писать, еще, невозможно, почему – в письме. Вообще, ждите письма (целой жалобной книги на фавьерскую эмиграцию). Сергей Яковлевич переслал мне Цейтлинские 50 фр. (собственно – Ваши!).

Приписка на полях:

Огромное спасибо – Вам, не ей!

МЦ.

28-го августа 1935 г.

La Favière, par Bormes (Var)

Villa wranglel

Дорогая Вера,

Я знаю, что мое поведение совершенно дико, но знаю также, что я совершенно взята в оборот фавьерского дня. Во-первых – у меня нет твердого места для писания, во-вторых – при нетвердости места – отсутствие твердого стола: их – два: один – кухонный, загроможденный и весь разъезжающийся от малейшего соприкосновения, к тому же – в безоконной комнате, живущей соседним окном, другой – на котором сейчас пишу – плетеный, соломенный, стоящий только когда изо всех сил снизу подпираешь коленом, т. е. – весь какой-то судорожный. С этим столом я в начале лета таскалась в сад – пока Мур днем спал – от 2 ч. до 4 ч. – но это была такая канитель: то блокнот забудешь, то папиросы, то марки у Мура остались, кроме того – в двух шагах кверху – тропинка, по которому которой весь фавьер на пляж или с пляжа – и всё слышно, все отрывки, и я сама – видна, а я никогда не умела писать на людях, – словом, я совершенно прекратила писать письма, – только Сереже – коротенькие листочки.

Конечно, будь я в быту нрава боевого – я бы добилась стола, и мне даже предлагали ходить на соседнюю дачу, – но это – душевно-сложно: похоже на службу – и все те же сборы: не забыть: блокнота, марок, портсигара, зажигалки (не забыть налить бензин), – тетради на всякий случай (вдруг захочется перечитать написанное утром) – и т. д. Нет, стол должен быть – место незыблемое, чтобы со всем и от всего – к столу, вечно и верно – ждущему. (Так Макс возвращался в Коктебель.)

Мой день: утром – примус и писанье своего – до 11 ч., с 11 ч. – 1 ч. купанье, т. е. пляж, около 2 ч. обед, от 2 ч. – до 4 ч. – Муриин сон в комнате с окном и моя беспризорность (бесстоловость), 4 ч. – чай, 5 ч. – 7 ч. – прогулка или пляж, около 8 ч. – ужин, а там – тьма и ночь, т. е. опять Муриин сон, а я в кухне – при открытой двери освещенная, верней – светящая – как маяк, при закрытой – закупоренная как бутылка, и опять нет стола, а доска годная разве только для кораблекрушения. [1077]

Словом, у меня третий месяц нет своего угла, и поэтому я очень мало сделала за это лето, хотя как будто было много свободного времени. (Вот сейчас пишу Вам вместо стихов, т. е. утром, и к тетради за весь день уже не прикоснусь: не смогу. Т. е. буду таскать ее на пляж, и буду сидеть с ней на коленях на своей скворешенной лестнице, но в лучшем случае – несколько строк. Повторяю: без стола – не могу, не говоря уже о карандаше: символе бренности и случайности.)

А все входы и выходы! Один Мур чего стоит: – Мама, скоро купаться? – Мама, огромный паук: наверное тарантул! – Мама, мяч раз-дулся! (т. е. выдохся). – Мама, я кончил «Dimanche Illustré»! [1078] и лейтмотив всех каникул: – Ма-ама! что-о мне де-е-е-лать?!

Но лето (помимо писанья, а оно главное: после Мура – главное, второ-главное) – было чудное. Говорю – было, п. ч. оно явно кончилось. Остатки. Улыбки. И если бы я могла быть как все – или хотя бы – жить как все – я этим летом была бы счастлива. Но все – отдыхали – от работы: службы, очевидно нелюбимой, мой же отдых и есть моя работа. Когда я не пишу – я просто несчастна, и никакие моря не помогут.

Теперь – о другом. За последние годы я очень мало писала стихов. Тем, что у меня их не брали – меня заставили писать прозу. Пока была жива «Воля России», [1079] я спокойно могла писать большую поэму, зная – что возьмут. (Брали – всё, и за это им по гроб жизни – и если есть – дальше – благодарна.) Но когда Воля России кончилась – остался только Руднев, а он сразу сказал: – Больших поэм мы не печатаем. Нам нужно на 12-ти страницах – 15 поэтов.

Куда же мне было деваться с моими большими вещами? Так пропал мой Перекоп – месяцев семь работы и 12 лет любви – так никогда не была (и навряд ли будет) кончена поэма о Царской Семье. Так пропал мой французский Молодец – La Gars – и по той же причине: поэмы не нужны. А мне нужно было – зарабатывать: и внешне оправдывать свое существование. И началась – проза. Очень мной любимая, я не жалею. Но все-таки – несколько насильственная: обреченность на прозаическое слово.

Приходили, конечно, стихотворные строки, но – как во сне. Иногда – и чаще – так же и уходили. Ведь стихи сами себя не пишут. А все мое малое свободное время (школьные проводы Мура, хозяйство, топка, вечная бытовая неналаженность, ненадежность) – уходило на прозу, ибо проза физически требует больше времени – как больше бумаги – у нее иная физика.

Отрывки заносились в тетрадь. Когда 8 строк, когда 4, а когда и две. Временами стихи – прорывались, либо я попадала – в поток. Тогда были – циклы, но опять-таки – ничего не дописывалось: сплошные пробелы: то этой строки нет, то целого четверостишия, т. е. в конце концов – черновик.

Наконец – я испугалась. А что если я – умру? Что же от этих лет – останется? (Зачем я – жила??) И – другой испуг: а что если я – разучилась? Т. е. уже не в состоянии написать цельной вещи: дописать. А что если я до конца своих дней обречена на – отрывки?

И вот, этим летом стала – дописывать. Просто: взяла тетрадь и – с первой страницы. Кое-что сделала: кончила. Т. е. есть ряд стихов, которые – есть. Но за эти годы – заметила – повысилась и моя требовательность: и слуховая и смысловая: Вера! я день (у стола, без стола, в море, за мытьем посуды – или головы – и т. д.) ищу эпитета, т. е. ОДНОГО слова: день – к иногда не нахожу – и – боюсь, но это. Вера, между нами – что я кончу как Шуман, который вдруг стал слышать (день и ночь) в голове, под черепом – трубы en ut bemo1 – и даже написал симфонию en ut bemo1 – чтобы отделаться – но потом ему стали являться ангелы (слуховые) – и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
он забыл, что у него жена – Клара, и шестеро детей, вообще – всё – забыл, и стал играть на рояле – вещи явно-младенческие, если бы не были – сумасшедшие. И бросился в Рейн (к сожалению – вытащили). И умер как большая отслужившая вещь. [1080]

Есть, Вера, переутомление мозга. И я – кандидат. (Если бы видели мои черновики. Вы бы не заподозрили меня в мнительности. Я только очень сознательна и знаю свое уязвимое место.)

Поэтому – мне надо торопиться. Пока еще я – владею своим мозгом, а не он – мной, не то – им. Читая конец Шумана, я всё – узнавала. Только у него громче и грознее – п. ч. – музыка: достоверный звук.

Но – пожалуйста – никому ничего.

Во всяком случае, пока – я справляюсь.

– Ну вот. Я ничего не написала о людях, но в конце концов я никого сильно не полюбила за это лето, а только это – важно.

Мур (тьфу, тьфу!) совсем поправился. Говорят – очень красив. Мне важно, что – живой Наполеон: раскраска, сложение, выражение, не говоря уже о чертах. Только – светловолосый. – Еще бы написать Святую Елену: [1081] дань любви – за жизнь.

Обнимаю Вас. Простите и пишите.

МЦ.

5-го декабря 1935 г., четверг

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin дом – старый, номер – новый

Дорогая Вера,

Тоже ежедневно о Вас думала. И убеждена была, что виноватая – я.

А так как, оказывается, виноваты мы обе, то виноватого – нет, вины – нет. Есть – жизнь: быт.

Буду у Вас завтра, в пятницу, одна, на минутку – с билетами – в четвертом часу (дай Бог только найти улицу!).

А пока целую и благодарю и радуюсь встрече.

26-го Октября 1936 г.

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Вера,

Мне О. Б. Ходасевич[1082] передала Ваш привет – значит я все-таки для Вас еще существую (сегодня), а то наша с вами дружба постепенно и неуловимо начала для меня перемещаться в родные туманы прошлого, где мы обе так охотно и свободно живем. Вы ведь тоже ничего не удерживаете, всё отпускаете. – Сколько я так отпустила и упустила! –

МЦ.

Но давайте попробуем еще – посуществовать друг для друга – нынче. Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

3-го ноября 1936 г., вторник.

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Совершенно потрясена происшествием с Иваном Алексеевичем в Германии.[1083] Вот тебе и:

...Нет ни волшебней, ни премудрей

Тебя, благоуханный край,

Где чешет золотые кудри

Над вечным Рейном – Лорелей!

(Москва, 1914 г., я)

Прочтя в последних новостях,[1084] я раскрыла рот как рыба, я буквально захлебнулась негодованием, и так и живу эти дни с разинутым ртом, и еще удивляюсь, что нету – пены.

Милая Вера, перешлите пожалуйста это письмо Вере Зайцевой,[1085] это чужое дело, за которое я взялась, срочное, а Аля сказала, что у них, кажется, новый адрес.

Целую Вас и жду весточки.

МЦ.

Иван Алексеевич очень хорошо написал, по-олимпийски, совершенно сторонне и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
созерцательно, и непричастно –

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело, [1086]
Не пишу ему лично, п. ч. ему наверное надоели расспросы и сочувствия. Но пусть
он эту мою sensibilité [1087] не примет – как это обычно со мной бывает – за
бесчувственность!

Будьте посредником.

Целую еще раз.

2-го января 1937 г., суббота

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

С Новым Годом, дорогая Вера!

Мы очень давно с Вами не виделись, и я слегка обижена, ибо зов, всегда, исходит
– от Вас, – и уже давно не исходит.

Милая Вера, мне необходимо устроить свой вечер – прозу: чтение о Пушкине,
называется «Мой Пушкин» (с ударением на мой). Я его как раз кончаю.

Я совсем обнищала: Современные Записки (НЕГОДНЫЕ) не дали мне на Рождество даже
100 франков аванса – под моего Пушкина, [1088] под предлогом, что им нужно
достать 5 тысяч (чего проще: 5.100!).

Словом, вечер мне необходим.

Хочу повидаться с Вами, чтобы посоветоваться, когда, мне бы хотелось – поскорей,
но не знаю (столько было вечеров) – осуществимо ли уже в январе.

Словом – зовите, и я приеду.

Обнимаю Вас. Вам и Вашим мои самые сердечные поздравления и пожелания.

МЦ.

P. S. Можно Вас попросить передать или переслать Б. К. Зайцеву мое прошение о
чем-нибудь с новогоднего писательского вечера?

У меня занят, пока, только четверговый вечер – первого дня Русского Рождества
(7-го).

5-го февраля 1937 г.

Дорогая Вера,

Увы! Вашу открытку получила слишком поздно, а именно около 7 ч., когда уже «все ушли».

Насчет зала еще ничего не предприняла, ищу человека, который бы этим занялся, п. ч. – по опыту знаю – у меня такие дела совсем не выходят.

Спасибо за пальто. Сердечный привет. Очень жаль, что так вышло.

МЦ.

Деньги от Зеелера получила – 150 франков. Видела в тот день очень много старых и странных писателей.

8-го февраля 1937 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Нам с Вами и нам с рнеи – решительно не везет. Ваше воскресное, в котором Вы меня зовете в 4 ч. в воскресенье же, я получила только нынче, т. е. в понедельник утром.

Огромное Вам спасибо, но 1) совершенно не хочу Вас эксплуатировать в вещах, которые могут сделать другие 2) уже условилась со Струве, с которым отправлюсь во вторник на Tokio (торговаться будет – он).[1089]

Сняв зал, тотчас же Вас извещу и оповещу в газетах. Нынче в однодневной газете должны появиться мои Démons.[1090]

Целую вас и от всей души благодарю.

10-го февраля 1937 г., среда

Vanes (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Сняла Salle Tokio на 2-ое марта, вторник – за 125 фр., дала 25 фр. задатку. Огромное спасибо за сбавку и все хлопоты, – я на все письма тотчас же Вам ответила, не понимаю – как Вы могли не получить, а на последнее Вам Аля позвонила.

Билеты доставлю на самых днях, скорей всего – завтра, будут от руки. В четверг Струве даст первую заметку о вечере. До свидания, целую Вас и еще раз горячо благодарю.

МЦ.

12-го февраля 1937 г., пятница

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Не удивитесь, если в следующий четверг увидите в газетах другой зал, – я от Токио отказалась. И вот почему: со всех сторон слышу, что моя (демократическая) публика туда не пойдет, что привыкли меня слышать в бедных залах – и т. д. – и т. д. – и я сама чувствую, что это отчасти правда, что я и хороший зал – не вяжемся – (я – и хорошая жизнь...).

Не сердитесь. Ну – победней будет вечер, но моя странная совесть будет спокойна.

Как только сниму (не позже завтра, субботы) извещу Вас и пришлю билеты.

Купите Nouvelles Litteraires от 6-го февраля и увидите, что сделали с Пушкиным. [1091]

Целую Вас.

МЦ.

19-го февраля 1937 г., пятница

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогая Вера,

Всё знаю и не виновата ни в чем: без меня меня женили (на заведомо-имеющем быть пустым зале Ласказ). [1092] Дальше: мои билеты ничтожества – осознаю это с грустью. Я две недели просила Алю купить мне какой-то специальной бумаги – и плотной и тонкой – для собственноручных билетов, она все дни и весь день в Париже и все писчебумажные места знает – и ничего. Наконец я попросила знакомого, имеющего отношение к типографии. Цена – 35 фр.! Тогда попросила отпечатать на машинке на плотной бумаге, принес – это. (11 фр.)

Ну, будь что будет. Вечеру этому совсем не радуюсь, ибо ненавижу нелепость, а получается – сплошная.

Целую Вас и благодарю за неумоимость: я бы на Вашем месте – завела руки за спину. (И, кажется – на своем.)

МЦ

P. S. Посылаю 15 – на полное авось.

(У меня их – двести!!!)

11-го февраля марта 1937 г., четверг

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

Дорогая Вера,

Может быть Вы уже знаете, вчера, с 9-го на 10-ое, ночью, умер Замятин – от грудной жабы.

А нынче, в четверг, мы должны были с ним встретиться у друзей, и он сказал: –Если буду здоров...

Ужасно жаль, но утешает мысль, что конец своей жизни он провел в душевном мире и на свободе.

Мы с ним редко встречались, но всегда хорошо, он тоже, как и я, был: ни нашим ни вашим.

Вера милая, огромное спасибо за вечер, за досланные 20 фр., за неустанность Вашей дружбы.

Есть люди, из моих друзей, которые не продали ни одного билета, и по-моему это – не друзья. Я не от жадности говорю, а от глубочайшего непонимания такого толкования дружбы, меня такое внешнее равнодушие внутренне рознит, п. ч. я дружбы без дела – не понимаю.

Но, в общем, вечер прошел отлично, чистых, пока, около 700 фр. и еще за несколько билетов наберит. Я уже уплатила за два Муриных школьных месяца, и с большой гордостью кормлю своих на вечеровые деньги, и домашними средствами начала обшивать себя и Мура.

Еще раз – огромное спасибо!

О вечере отличный отзыв в Сегодня, [1093] и будет отзыв в Иллюстрированной России, [1094] а Последние Новости – отказались, и Бог с ними!

Получаю множество восторженных, но и странных писем, в одном из них есть ссылка на Ивана Алексеевича – непременно покажу при встрече. Но Вы скоро едете? Если не слишком устанете – позовите.

(Никто не понял, почему Мой Пушкин, все, даже самые сочувствующие, поняли как присвоение, а я хотела только: у всякого – свой, это – мой. Т. е. в полной скромности. Как Klärchen у Гёте говорит в Эгмонте – про Эгмонта: – Mein Egmont... А Руднев понял – как манию величия и прямо пишет...)

Обнимаю Вас. Сердечный привет Вашим.

М.

Приписка на полях:

Аля едет на самых днях, [1095] но уже целиком себя изъяла, ни взгляда назад... А я в детстве плакавшая, что Старый Год кончается – и наступает Новый... «Мне жалко старого Года...»

ЛОМОНОСОВОЙ Р. Н
20-го апреля 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милая Раиса Николаевна,

Экспресс пришел без меня, я на три дня уезжала за́город, за чужой за́город, потому что Медон, в котором я живу, тоже загород. Только потому не отозвалась тотчас же.

Сердечное спасибо за Бориса Леонидовича и за себя.

Способ пересылки, как видите, очень хорош, но мне очень совестно утруждать Вас.

Два года назад, даже меньше, я была в Лондоне, у меня там был вечер стихов, могли бы встретиться. Но может быть – вас там не было? [1096] (Стихи с предварительным докладом Князя Святополка-Мирского, из которого я поняла только собственное имя, да и то в английской звуковой транскрипции!)

Еще раз сердечное спасибо.

Марина Цветаева

– Да, Пастернак мой большой друг и в жизни и в работе. И – что самое лучшее – никогда не знаешь, кто в нем больше: поэт или человек? Оба больше!

Редчайший случай с людьми творчества, хотя, по-моему, – законный. Таков был и Гёте – и Пушкин – и, из наших дней. Блок. А Ломоносова забываю. Вашего однофамильца, а может быть – предка? [1097]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

29-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Владимировна, [1098]

Простите великодушно: замоталась с вечером, имеющим быть 17-го июня. Нужно ловить людей, устраивать и развозить билеты, всего этого я не умею, а без вечера мне не уехать.

Париж раскаленный, 49° на солнце, 34° в тени. Люблю жару, но речную и морскую. Сущность камня – холод, в пышущем камне нарушена его природа.

Непосредственно после Вашего письма написала Борису [1099] – все письмо было о Вас, как жалко, что получил его он, а не Вы!

А перед Вами я осталась невежей. Знаю. Пишу между двумя поездами, т. е. билетными поездками. Моя сущность – одиночество [1100] сам по себе. Во мне, предлагающей билеты, нарушена моя природа.

Простите за несвязность речи и безобразный почерк. Все хотелось написать Вам по-настоящему – хотя бы про поэтов и соловьев. Не вышло. Вышло – невежа.

Не сердитесь! Сама сержусь.

Сердечный привет и благодарность

М. Цветаева

P. S. Мой поезд конечно ушел.

12-го сентября 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Госпожа Ломоносова (а отчество Ваше позорно забыла, – в говоре оно слито, а так, в отвлечении, отпадает – по крайней мере у меня. Имя – помню.) Как жаль, что Вы не попали в Париж и какой стыд, что только сейчас, полгода по несвершении, от меня это слышите. [1101]

Дело не в «собрании» написать, а в лютости жизни. Встаю в 7 ч., ложусь в 2 ч., а то и в 3 ч. – что в промежутке? – быт: стирка, готовка, прогулка с мальчиком (обожаю мальчика, обожаю гулять, но писать гуляя не могу), посуда, посуда, посуда, штопка, штопка, штопка, – а еще кройка нового, а я так бездарна! Часто за весь день – ни получасу на себя (писанье), ибо не забудьте людей: гостей –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
или в тебе нуждающихся.

Нас четверо в семье: муж, за которого я вышла замуж, когда ему было 18 лет, а мне не было 17-ти, [1102] – Сергей Яковлевич Эфрон, бывший доброволец (с Октябрьской Москвы до Галлиполи – всё, сплошь в строю, кроме лазаретов (три раненя) – потом пражский студент, ученик Кондакова (о котором Вы наверное слышали – иконопись, археология, архаика, – 80-летнее светило) [1103] – ныне один из самых деятельных – не хочу сказать вождей, не потому что не вождь, а потому что вождь – не то, просто – отбросив «один из» – сердце Евразийства. Газета «Евразия», единственная в эмиграции (да и в России) – его замысел, его детище, его горб, его радость. Чем-то, многим чем, а главное: совестью, ответственностью, глубокой серьезностью сущности, похож на Бориса, но – мужественнее. Борис, как бы сказать, женское явление той же сути. Это о муже. Затем дочь – Аля (Ариадна), дитя моего детства, скоро 16 лет, [1104] чудная девочка, не wunder-kind, а wunder-bares kind, [1105] проделавшая со мной всю Советскую (1917 г. – 1922 г.) эпопею. У меня есть ее 5-летние (собственноручные) записи, рисунки и стихи того времени (6-летние стихи в моей книжке «Психея», – «Стихи дочери», которые многие считают за мои, хотя совсем не похожи). Сейчас выше меня, красивая, тип скорее германский – из Kinder-walhalla. [1106] – Два дара: слово и карандаш (пока не кисть), училась этой зимой (в первый раз в жизни) у Натальи Гончаровой, т. е. та ей давала быть. – И похожа на меня и не-похожа. Похожа страстью к слову, жизнью в нем (о, не влияние! рождение), непохожа – гармоничностью, даже идилличностью всего существа (о, не от возраста! помню свои шестнадцать). Наконец – Мур (Георгий) – «маленький великан», «Муссолини», [1107] «философ», «Зигфрид», «Le petit phénomène», «Napoléon a Ste Hélène», «mon doux Jésus de petit Roi de Rome» [1108] – все это отзывы встречных и поперечных – русских и французов – а по мне просто Мур, которому таким и быть должно. 4 1/2 года, рост 8-летнего, вес 33 кило (я – 52), вещи покупаю на 12-летнего (NB! француза) – серьезность в беседе, необычайная живость в движениях, любовь 1) к зверям (все добрые, если накормить) 2) к машинам (увы, увы! ненавижу) 3) к домашним. Родился 1-го февраля 1925 г., в полдень, в воскресенье. Sonntagskind. [1109]

Я еще в Москве, в 1920 г. о нем писала:

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.

Весь – как струна! Славянской скуки
Ни тени – в красоте твоей! [1110]

Буйно и крупно-кудряв, белокур, синеглаз. Этого-то Мура я и прогуливаю – с февраля 1925 г. по нынешний день. Он не должен страдать от того, что я пишу стихи, – пусть лучше стихи страдают! (как оно и есть).

О себе не успела. Вкратце. Написала большую поэму Перекоп, которую никто не хочет по тем же причинам, по которым Вас красные считают белой, а белые – красной. Так и лежит. А я пишу другую, имя которой пока не сообщаю. [1111] Эпиграф к Перекопу: Dunkle Zypressen! – Die welt ist gar zu lustig. – Es wird doch alles vergessen [1112]

Приписки на полях:

Сообщите отчество, которое я раз 10 сряду протвержу вместе с именем, тогда сольется.

Как Ваш сын? [1113] О Борисе ничего не знаю давно. Читала его «Повесть» в Современном Мире. [1114] – Чудно. –

Написала зимой большую работу о Н. Гончаровой (живописание). Идет в «Воле России». [1115]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

У меня есть большой друг в Нью-Йорке: Людмила Евгеньевна Чирикова, дочь писателя – не в этом дело – и художница – не в этом дело, – только как приметы. Красивая, умная, обаятельная, добрая, мужественная и – по-моему – зря замужем. Начало девическое и мужественное. Узнайте у кого-нибудь ее адрес и при случае познакомьтесь. Вы ее полюбите. Ей тоже очень трудно жить, хотя внешне хорошо устроена. Любовь к ребенку и к ремеслу: двойное благословение Адама и Евы. – Целую Вас. Не сердитесь? Не сердитесь. Вы меня тоже любили.

МЦ.

27-го сентября 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Госпожа Ломоносова! Это письмо Вы получите раньше первого, отправленного недели две назад.

Направляю к Вам Елизавету Алексеевну Хенкину, моего большого друга, которая ныне покидает Медон на Нью-Йорк.[1116] Она Вам обо мне расскажет, – знает моего мужа, детей, жизнь, меня, – живая связь. Уверена, что эта встреча к общей радости.

Обнимаю Вас

Марина Цветаева

1-го февраля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Вы живете в стране, которой я всегда боялась: два страха: по горизонтали – отстояния от всех других, водной горизонтали, и по вертикали – ее этажей. Письмо будет идти вечно через океан и – вторая вечность – на стосороковой – или сороковой – этаж. Письмо не дойдет, или – дойдет уже состарившимся. Не моим.

Отсюда – всё, то есть: мое безобразное молчание на Ваше чудное, громкое как голос, письмо, и подарок. Есть у меня друг в Харбине. Думаю о нем всегда, не пишу никогда. Чувство, что из такой, верней на такой дали всё само-собой слышно, видно, ведомо – как на том свете – что писать потому невозможно, что – не нужно. На такие дали – только стихи. Или сны.

Вы не так видите, ибо там живете и там для Вас «здесь», но если бы Вы хоть час провели со мной, на воле, наедине, то Вы бы меня сразу поняли, ибо из таких чувствований, страхов, поступков – вся я. К тому же – я в Америке никогда не буду, знаю это, – не говоря уж о визах («визы» – вздор!) – чем устойчивее, благоустроеннее, благонадежнее пароходы – тем они мне страшней. Моя уверенность, т. е. уверенность моего страха (ВОДЫ), вызвала бы крушение – или как это на море называется. Из-за одного неверующего (обратно Содому!) весь корабль погибнет.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Континентальнее человека не знаю. Реку люблю: тот же континент. На море – самом простом, почти семейном («plage de famille», [1117] как в путеводителях) – томлюсь, не знаю, что делать. Уже два раза во Франции ездила по летам на море, и каждый раз, к вечеру первого же дня: не то! нет – то, то самое, т. е. первое детское море Генуи после: «Прощай, свободная стихия!» Пушкина: разочарование. После первого раза – привычное. Сколько раз пыталась полюбить! Как любовь.

Все мои обожают: Мур за песок, Аля за свободу (от хозяйства и, может быть, – немножко от меня), Сережа (муж, так же странно звучит как звучало бы о Борисе, чужое слово, но называю, чтобы не вышло путаницы) за всю свою раннюю юность: Крым, Кавказ и – другой Крым, 1919 г. – 20 г. Я одна, как белый волк, – хотя бурый от загара – не знаю что делать на этом, с этим, в этом (песке, песком, песке). Лежать не могу, купаться – замерзаю. Люблю плоскую воду и гористую землю, не обратно.

На едущих в Америку – на столько-то, т. е. определенный, или назначенный срок – и из нее возвращающихся смотрю как на чудесные чудовища, существа с Марса или далее.

Недавно (для Америки недавно – с полгода назад) туда уехала моя большая приятельница, Елизавета Алексеевна Хенкина, жена певца, – м. б. слышали? С хорошим большим мальчиком. [1118] (Приснилось или нет, что Вы мне о ней писали? Будто она писала – Вам!) [1119] Есть у меня в Америке еще одна приятельница, дочка писателя Чирикова, Людмила (в замужестве Шнитникова), художница, красивая, даровитая, очаровательная. В Нью-Йорке. (Для меня, как для всех необразованных людей, Америка – если не ковбои – так Нью-Йорк.)

Как грустно Вы пишете о сыне: «Совсем большой. Скоро женится – уйдет». Моему нынче – как раз 5 лет. Думаю об этом с его, а м. б. с до – его рожденья. Его жену конечно буду ненавидеть. Потому что она не я. (Не обратно.)

Мне уже сейчас грустно, что ему пять лет, а не четыре. Мур, удивленно: «Мама! Да ведь я такой же! Я же не изменился!» – «В том-то и... Всё будешь такой же, и вдруг – 20 лет. Прощай, Мур!» – «Мама! Я никогда не женюсь, потому что жена – глупость. Вы же знаете, что я женюсь на тракторе». (NB! Утешил!)

На Ваш подарок он получил – на Рождество: башмаки, штаны, бархатную куртку, Ноев ковчег (на колесах, со зверями), все постельное белье, и – ныне – чудный «дом на колесах» – «roulotte», где живут – раньше – цыгане, теперь – семьи рабочих. Приставная лесенка, ставни с сердцами, кухня с плитой, – все по образцу настоящего. Мур напихал туда пока своих зверей.

Аля на Рождество (тот же источник) получила шубу, башмаки и запись на Cours du Louvre: Histoire de l'Art i Histoire de la Peinture. [1120] Учится она у Гончаровой, – ее в Америке хорошо знают, много заказов. Москвичка как я. Я о ней в прошлом году написала целую книгу, много месяцев шедшую в эсеровском журнале «Воля России». Хотела статью, получилась книга: Наталья Гончарова – жизнь и творчество. – М. б. будет переведена на английский язык. (Оцените идиотизм, мне кажется – потому что Вы в Америке – что по-русски не дойдет. Мое отличие от остальных идиотов, что я свой – сознаю.)

Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское – Речная дорога до Тобольска – Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда – страна Сибирь).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург – дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы», – кавычки из-за гнусности слов), там – туда просто не дойдет, физически, как все, и больше–меньше – чем все мои книги. «Для потомства?» Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, – дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна.

Муж болен: туберкулез легких, когда-то в ранней юности болел и вылезился. Сейчас в Савойе. Друзья сложились и устроили на два месяца в санаторию. Дальше – не знаю. Начал прибавлять. (1 метр 87 сантиметров росту и 65 кило весу: вес костей! И тяжелая болезнь печени, тоже с юности, мешающая питанию, т. е. восстановлению легких. Заколдованный круг.)

Я уже месяц одна с детьми. Уборка, готовка, стирка, штопка, прогулка с Муром, и – «как? уже два часа?» (ночи). Как и сейчас. Пишу по утрам, пока кипят супы и картошки. А по ночам – письма. Но я все-таки очень виновата перед Вами. Борис пишет часто, рвется на Запад (по мне – на волю!). А у нас украли Кутепова.[1121] По мне – убили.

Сейчас лягу и буду читать Ludwig'a «Wilhelm der Zweite»[1122]

Дорогая! А вот вещь, похожая на чудо – и на головоломку: любовь к тебе второго, сообщенная третьему, третьим – четвертому и четвертым тебе (Вам).

Учтите, что четвертый первого (и обратно), третий первого (и обратно), второй первого (и обратно) – но это еще не всё! третий второго (и обратно) никогда не видел.

Теперь подставляю имена: первый – Вы, второй – Борис, третий – князь Святополк-Мирский, четвертый – я.

Слушайте:

... «А вот случай. У нас приятельница, Р. Н. Ломоносова, живущая когда в Англии, когда в Америке. В 26-том году в Германию ездила моя жена,[1123] и для нее эта дружба, завязавшаяся раньше путем переписки, нашла воплощение в живой и все оправдавшей встрече. Я же ее никогда, как и Вас, в глаза не видал. Пять лет тому назад ей обо мне написал К. И. Чуковский,[1124] речь шла о переводе Уайльдовских *Epistola in carcere et vinculis*,[1125] с авторизацией, которую ей легко было достать для меня. Все делалось без моего ведома. Корней Иванович знал, что я бедствую и таким образом устраивал мой заработок. Но французский и английский языки я знаю неполно и нетвердо, до войны говорил на первом и понимал второй, и все это забылось. Сюрпризом, который мне готовил Корней Иванович, я не мог воспользоваться. Но вряд ли он знает, какой бесценный, какой неоценимый подарок он мне сделал. Я приобрел друга тем более чудесного, то есть невероятного, что Раиса Николаевна человек не „от литературы“, и только в самое последнее время я мог убедиться, что мои поделки что-то говорят ей (она мне писала про «Повесть»). По всему я бы должен был быть далек ей. Она живет миром недоступным мне (я бы должен был родиться вновь, и совсем совсем другим, чтобы в нем только найтись, если не очутиться); она иначе представляет себе мой обиход и мою обстановку. Ее занимает движение европейских вещей, т. е. по ее счастливой непосредственности прямо говорит ей о движущихся под этим глубинах. Я не менее ее люблю Запад, но мне надо было бы уйти от явности, от злобы дня в историю, от заведомости в неизвестность, чтобы свидеться с глубиной, с которой она (т. е. Вы. М. Ц.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сталкивается походя, уже на поверхности. Она – жена большого инженера и профессора, Ю. В. Ломоносова. Они никогда подолгу не заживаются на одном месте – журналы, путешествия, переезды, общественность – все это она, видно, осиливает, смеясь. – И вот, меня волнует один се почерк, и это можно сказать Вам, а не ей, потому что это совсем не то, что может получиться в прямом к ней отнесении.

Иногда сюда приезжают просто путешествующие англичане в американцы, ездят, как съездили бы в Индию, или Грецию, или в Тунис. Было два случая, когда это были знакомые Раисы Николаевны с рекомендацией от нее. Так, осенью, мы были в гостинице у некоей Ms. M. Kelsey (?м. ц.), [1126] седой, порывистой, горячо во все вникающей, – милой – дамы. В исходе долгой беседы она спросила, не имеется ли чего в переводе из того, что она записала под мою диктовку (я назвал ей с десяток имен прозаических и трех или четырех поэтов) в нет ли статей по-английски или по-французски. И тут жена назвала Вашу статью в «Mercury». (NB! Тут следует чистопастернаковское, в самом прямом смысле отступление, как перед врагом – перед хвалой ему Мирского. [1127] Так же, впрочем, Борис отступает перед всяким (завершенным) делом своих рук.) «Оно (т. е. отступление. м. ц.) послужило поводом к рассказу о Ломоносовой, а не может быть той дряни, которая этим обстоятельством не была бы обелена. Я уже познакомил Марину Ивановну с нею. Теперь знакомы и Вы».

Это отрывок из письма Бориса Святополку-Мирскому профессору русской литературы в Лондоне, единственному в эмиграции критику, ненавидимому эмиграцией, англичане любят и чтят), переславшему письмо на прочтение мне. Источник этого письма, заряд его – Вы, нужно, чтобы творение вернулось к творцу, или еще лучше – река вспять, как Темза в часы отлива. У меня здесь явно сознание заверщенного круга, все сошлось – как в песне, как в сказке.

Увидят ли когда-нибудь иначе как синим или лиловым или черным чернилом на бумаге – четвертый первого, второй третьего, третий первого, первый второго? [1128]

МЦ.

Об этом дохождении письма Борис не должен знать. Это его смутило бы. Не я переслала, само вернулось.

Приписки на полях:

Спасибо за карточку свою и сына. Какой большой сын! Какая большая даль! Какая маленькая Вы! Как девочка в стране гигантов.

Придет весна – солнце – опять буду снимать, тогда пришлю всех нас. А тот затылок (кудрявый) – моего сына, а не дочери, она совсем гладкая, как мы все, – и Мур вьется за всех.

– «Мама, как по-французски генерал?» – «Général».

– «Потому что у него – жена?»

Обнимаю и бесконечно – благодарю, и тронута, и смущена.

МЦ.

3-го апреля 1930 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Meudon (S. et O.) France

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Как благодарить??

Поставьте себя на мое место и оцените его – или мою – безысходность. Всю безысходность моей благодарности. Мне часто говорят, еще чаще – говорили, что у меня вместо сердца – еще раз ум, – что отнюдь не мешало – критикам например – обвинять мои стихи в бессмысленности.

Ответ мой был один: когда у меня болит, и я знаю что болит и отчего болит – болит не меньше, м. б. больше, потому что нет надежды, потому что болезнь, при всей видимости случайности, хроническая. Так с чувствами. Хотите слово самого большого поэта – не хочется сказать современности, не мое мерило – просто самого большого поэта, который когда-либо был и будет – Рильке (Rainer Maria Rilke).

– Er war Dichter und hasste das Ungefähre[1129] – (можно еще и Ungefährliche:[1130] от Gefahr, т. е. безответственное) – так и я в своих лабиринтах.

Простите за такое долгое лирическое отступление, но иначе Вам меня не понять.

Мне бесконечно жалко, что у меня нет на руках своих вещей – иных уже не достанешь – насколько легче было бы беседовать через океан. Ведь всякое письмо – черновик, не доведенный до беловика, отсылая – страдаю. А времени проработать письмо – нет. Всякое письмо сопровождается угрызением моей словесной совести (совести пишущего, а м. б. и самого слова во мне). Эта своеобразная и трагическая этика была дана мне – если не взамен, то в ущерб другой. Трагическая потому что ей ни в сем мире ни в том – что награды! Ответа – нет. Так например я могла бы быть первым поэтом своего времени, знаю это, ибо у меня есть всё, все данные, но – своего времени я не люблю, не признаю его своим.

...Ибо мимо родилась Времени.

Вотще и всуе Ратуешь! Калиф на час:

Время! Я тебя миную.[1131]

Еще – меньше, но метче: могла бы просто быть богатым и признанным поэтом – либо там, либо здесь, даже не кривя душой, просто зарядившись другим: чужим.

Попутным, не-насушным своим. (Чужого нет!) И – настолько не могу, настолько отродясь *ne daigne*, [1132] что никогда, ни одной минуты серьезно не задумалась: а что если бы? – так заведомо решен во мне этот вопрос, так никогда не был, не мог быть – вопросом.

И вот – пишу Перекоп (которого никто не берет и не возьмет п. ч. для монархистов непонятен словесно, а для эсеров неприемлем внутренне) – и Конец Семьи (Семи – т. е. Царской Семьи, семеро было), а завтра еще подыму на себя какую-нибудь гору.

Но одно: если существует Страшный Суд Слова – я на нем буду оправдана.

«Богатым и признанным» – нет, лучше бедным и призванным. Достойнее. Спокойнее. Вещи за себя мстят; я никогда не любила внешнего, это у меня от матери и от отца. Презрение к вещам, – Странная игра случая. Мать умирала в 1905 г., мы с сестрой были маленькие дети, но из молодых да ранних, особенно я, старшая, – и вот страх: а вдруг, когда вырастут, «пойдут в партию» и всё отдадут на разрушение страны. Деньги кладутся с условием: неприкосновенны до 40-летия наследниц.

Начинается другая революция (наша) мне 22 года, – порядочно до сорока? Коммунисты (знакомые) мне предлагали: дайте расписки, мы вам деньги достанем, и «до сорока лет». Особые условия. Невозможно. Так пропали у меня 100 тысяч, которых я никогда не только в глаза не видала, но и не ощутила своими (сорок лет!), не считая еще 100 тысяч или больше – наследство бабушки, которая умерла в революцию, [1133] не считая двух домов – одного в Москве, другого бабушкиного, в хлыстовском гнезде Тарусе Калужской губернии – не имение, старый дом в екатерининском саду: чистая лирика, не считая потом всего золота, всех камней, всех драгоценностей и мехов, которые я сдавала для продажи на руки знакомым – казалось, друзьям – и которые – и те и другие – пропадали безвозвратно. Le hasard c'est moi. [1134]

И кормила меня, выручала меня, в конце концов, только моя работа, единственное что я в жизни, кроме детей и нескольких человеческих душ – любила.

Так было, так будет.

От Бориса давно ничего. Он пишет припадками. Как бы я его хотела за границу! Продышаться. Тоже «игра судьбы» ему расплачиваться за Россию, когда он весь под знаком готической стрелы. Тоже неравный брак. Ему платить по счетам современности, когда:

Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе? [1135]
Если у меня совесть слова, то у него совесть – сроков.

А чек поехал обратно на три недели. Так мне сказали, п. ч. нет compte courant [1136] (courant – куда? Как реки в море?) Была в страшном банке на страшном ездовом узле Concorde. [1137] (Хорошо «Согласие», – всё врозь!)

Англичанин, прямо глядя в глаза: – «Qui etes-Vous, Madame». [1138] я, подумав: «Une réfugiée russe. Monsieur». [1139] Вот и поехал чек, опять через море.

Скоро Пасха, приедет на три дня муж из санатории, скоро мой вечер, м. б. потом удастся уехать в горы. Рядом с château, [1140] где санатория, крохотный домик, который Сергей Яковлевич облюбовывает для нас. С двумя козами.

Целую Вас. Простите за бессловность моей благодарности

Приписка на полях:

Недавно видела Вашу Пасадену [1141] в кинематографе. – Красавица. – Пишите про природу и про погоду.

12-го октября 1930 г.

Meudon (S. et O.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна,

Счастлива была получить от Вас словечко, но какой ужас с мотоциклом, самым ненавистным мне из современных способов передвижения. Каждый раз когда вижу и слышу содрогаюсь от омерзения, личная ненависть – точно по мне едет.

Но, подумав о том что могло бы случиться, приходится говорить: – счастливо, что только нога!

Страшная вещь – взрослый сын, нужно что-то заранее в себе осилить, замкнуть, в какой-то час – ставку на другое. Иначе жизни нет.

Только что все вернулись из Савойи, где жили – Сергей Яковлевич в санатории, мы остальные в деревне, над деревней, в избе–целое лето, хотя дождливое, но чудное, без людей, с ручьем.

Стипендия мужа кончилась, вернулись. Доктор сказал: «Pour le moment je le trouve mieux, mais l'avenir c'est toujours l'Inconnu!»[1142] – Знаю. –

Тяжелый год. Газета Евразия, которую он редактировал, кончилась, на завод он, по болезни, не может, да и не взяли бы, по образованию – филолог. Вся надежда на устройство моего Млодца, который переведен – неким поэтом Броуном. (Alce Brown, из молодых, у него есть книги) на английский язык и мною на французский. Работала полгода, новая вещь, изнутри французского языка.

Оба перевода должны пойти с иллюстрациями Натальи Гончаровой, о которой Вы наверное слышали. Иллюстраций много, – и отдельные, и заставки.[1143] Большая книга большого формата.

Но кто за это дело возьмется – неизвестно. Гончарова умеет только рисовать, как я – только писать.

Перевод стихами, изнутри французского народного и старинного языка, каким нынче никто не пишет, – да и тогда не писали, ибо многое – чисто-мое. Если встретимся – почитаю отрывочки. Как жаль, что всего на один день! (да еще неизвестно) – а то вместе пошли бы к Гончаровой, в ее чудесную мастерскую, посмотрели бы ее работы. Она замечательный человек и художник. Я в прошлом году живописала ее жизнь, целая книга получилась, – шло в Воле России, в 6-ти нумерах. Истоки и итоги творчества.

О Борисе. Жив и здоров, летом получил отказ за границу – писал мне прямо из секретариата, на бланке. Сильный удар: страстно хотел. Восемь безвыездных лет.

Не отпускать Пастернака – идиотизм и неблагодарность. Без объяснений. Просто: отказано.

С лета писем не было – месяца три. Недавно писала ему.

Да! написала этим летом ряд стихов к Маяковскому (смерть), которые прочту Вам при встрече, а если минуете Париж (чего очень не хочу) – пришлю. Там есть встреча (тамошня) с Есениным. Разговор.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Спешу. Плохо пишу, простите, в доме приездный развал – только что ввалились, день ушел на поиски ключей, у меня дар – замыкать безвозвратно, как символисты некогда писали: la clef dans un puits![1144]

Мур (сын) совсем великан, тесно ему в Медоне, на все натывается я от неизрасходованной силы – как я – свирепеет. В Савоие блаженствовал. Про Монблан сказал: – «Хорошая гора. Только – маленькая».

А в Санта-Маргерите я была девочкой, один из самых счастливых дней моей жизни, при встрече расскажу. Пусть она будет! Обнимаю Вас М. Цветаева.

P. S. Имейте в виду – к нам в Медон рнеу (городская воздушная почта) не ходят, – мы уже banlieue.[1145] Лучше всего известите телеграммой.

15-го ноября 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Ваша помощь – чудо: мы совсем погибали. Налоги: ostroi[1146] и квартирный, газ, электричество, долг в лавку, плата за Серезино (школа кинематографической техники) и Алино (Arts et Publicite)[1147] учение, – все это выросло в гору и под этой горой была – я.

Теперь – свобода, ощущение небывалой легкости, все как по взмаху дирижерской палочки – или моцартовской (Zaubertlöte).[1148] Самые вопиющие долговые глотки – заткнуты.

Чем – когда – Вам воздам??

– Так странно все сошлось: перед письмом Госпожи Крыловой,[1149] просившей заехать – письмо от Бориса, первое после нескольких месяцев молчания. О моем французском Молодце (Gars), выписки из которого я в конце лета посылала ему в письме. Вещью восхищен и – Боже, какая тоска по отъезду в каждой строке, из каждой строки.

... «Как еще сказать тебе о действии твоих столбцов и всей этой новости? Прими во внимание, что тут у нас свирепейшая проза, и я стараюсь, и мне не до преувеличений. Так вот, утрачивая чувство концов и начал в этом бесплотно-капканном времени...» и дальше: «Пишу и чувствую, что издалека ты, в особенности же мужчины (инициалы мужа и Святополка-Мирского должны меня за этот замогильный тон презирать. Что же делать? Сейчас из-под Москвы от Бориса Николаевича Бугаева (Андрея Белого[1150]) получено письмо как из Сахары в Сахару».

И еще:

– О себе не пишу не случайно. (NB! все письмо, кроме приведенных строк, о моем Молодце.) Это – не тема, пока лучше не надо.

Борис, Борис. За что ему, западнику всем строем (– лиры!) так расплачиваться за Россию: приемную страну.

Моя сестра из Москвы пишет: «Пастернаков выдаю редко. Женя грустная и трудная».

О себе. Летом к нам в Савойю приезжала переводчица Извольская, чудный человек, редкостный. [1151] Я ее мало знала. Близко сошлись.

Это первый, нет – единственный человек, который помог мне в осуществлении, верней – в овеществлении Молодца: подарила мне православную службу на французском языке, – ОТЫСКАЛА! – и, теперь, переписывает на машинке всю вещь – длинную – 105 страниц. Если что выйдет – только благодаря ей. Забыла я Вам сказать, что она работает – без преувеличения – 16 часов в сутки, иногда и 18. И вот, отрывая от сна – помогает мне двигать мою вещь.

С моим английским «Молодцем» произошла странная вещь, а именно: вещь переведена, а переводчик (Алек Броун, живет в Сербии) – скрылся, просто – канул – кстати с четырьмя иллюстрациями Н. Гончаровой, которые, в бытность свою в Париже, месяцев восемь а то и девять? назад, захватил с собой на показ лондонским издателям. С тех пор – ничего ни Гончаровой ни мне. (Брал на неделю, хотел взять все, слава Богу, Гончарова в последнюю минуту дала только четыре.)

Недавно писала Мирскому с просьбой воздействовать на странного переводчика. Писала и непосредственно последнему. Пока ответа нет. Мирский, присутствовавший при встрече, говорил, что перевод – чудесный.

Огромное спасибо за адрес издателя, как только Броун оживет – сообщу ему.

– Посылаю Вам первую главу своего французского Молодца, чтобы Вы приблизительно могли судить об общем тоне вещи. Кстати, журнал до сих пор – т. е. почти год прошел – не заплатил мне за нее ни копейки. А всего-то – 200 фр.!

Дорогая Раиса Николаевна, один вопрос, может быть нескромный: не по поручению ли Бориса Леонидовича то, что Вы мне послали с Госпожой Крыловой? Мне это необходимо знать, чтобы каким-нибудь образом выяснить одно темное место в его письме – и как-то отозваться. [1152] Кстати, жалуется, бедный, что за последнее время, с тоски, все пишет за границу, отлично сознавая подозрительность такого поведения. – Чем не времена Николая I, когда не иначе выпускали за границу за 500 рублей серебром (паспорт) – чтобы меньше ездили, и все письма читали? Читали ли Вы, кстати, очень любопытную книгу – Мемуары Панаевой (гражданской жены Некрасова) в советском издании Academia. Там о цензуре – как будто вырезка из нас. [1153]

С большим горем слушала от Госпожи Крыловой подробности о несчастном случае с Вашим сыном. Но, не скрою, в связи с предстоящей (не дай Бог!) войной, о которой говорят все, шевельнулась мысль: «а ведь, в случае чего – не возьмут!» Изнутри собственной материнской сущности.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Госпожа Крылова говорила мне о трудности Вашего выбора: либо с мужем в Америку, либо с сыном в Лондоне. Как это ужасно. В таких случаях помогает только одно: СЛУХ. (Wer ist dein nächster? – Der Dich am notwendigsten braucht[1154] – толкование ближнего на протестантском уроке Закона Божьего в моем детстве. Видите – не забыла, хотя с этого уже больше двадцати лет прошло.) Я в жизни всегда выбирала так.

Еще раз спасибо за все. Напишите как понравились «Fiançailles».[1155] Я тогда совсем еще не знала французского) стихосложения, выяснилось в порядке работы, со второй главки уже правильные стихи. А это – как хотите – ритмическая проза или неправильные стихи.

Обнимаю Вас и жду весточки о всем.

МЦ.

Госпожа Крылова показывала мне чудные виды Кембриджа. Пошлите такую стопочку Борису Леонидовичу – он будет счастлив:

Англия его детская любовь.

29-го ноября 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Пишу Вам в 6 ч. утра, в темноте, то есть при свете, – сейчас везу Мура в город, в детскую клинику, на показ врачу – жесточайший бронхит, который у него, по примеру прошлых лет, затягивается обычно до весны. Коварный неопределенный здешний климат.

Вернувшись напишу Вам по-настоящему. Пока же: самое горячее – и смущенное – спасибо за присланное. Это меня растревляет, именно от Вас я бы не хотела ничего, именно потому, что Вы так относитесь.

Сейчас иду будить – и одевать – и кормить – и увозить Мура. Для него поездка на метро – счастье. Нынче же постараюсь найти какую-нибудь его похожую карточку из Савойи. Обнимаю Вас. До письма!

МЦ.

Приписка на полях:

Как страшно по утрам воят фабричные трубы!

4-го декабря 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна!

У нас первые морозные дни, совпавшие с первыми рождественскими витринами. Нынче я целый день провела в Париже, в погоне – угадайте за чем? – частью центрального отопления, а именно ручки для протрясения пепла, без которой надо ежечасно печь выгребать руками, что я уже и делаю целый месяц. Ручка эта, оказывается, называется ключом (хотя ничего не открывает), а ключа этого нигде нету. Вот я и пропутешествовала из одного «Grand magasin» в другой, с тем же припевом.

Но дело не в этом – походя увидела предрождественский Париж, а главное, в перерыве между 12 ч. и 2 ч., когда все завтракают, побродила по знаменитым «quais» [1156] с их книжными ларями. Продавцы обдували и обметали особенно ценные книги, или просто дули себе на руки от мороза. Чего только в этих ларях нет: и какая-то ржавчина, бывшая оружием, и сомнительные миниатюры, и несомненно-поддельные подписи великих людей, и несомненно-достоверный хлам, которому имени (и применения) нету! За 2 ч., которые я там прогуляла, дожидаясь открытия печных лавок, никто ничего не купил. Эти продавцы, неизбежно – философы.

Были чудные гравюры: какие-то девушки с овечками, и Дианы с ланями, и старый Париж – и старый Лондон. Унесла их всех мысленно с собой, даже не их, а их время – когда они были последним словом новизны и даже моды. (Тогда они были хуже.)

А последнее слово парижской моды: гвозди, по которым надо переходить перекрестки. С 1-го января – за неповиновение – штраф. Шофёры ругаются, пешеходы ругаются, полицейские ругаются. Вспоминаю спокойные лондонские обычаи, – в Лондоне я совсем не боялась машин. Память у меня о Лондоне – была раз в жизни, 5 лет назад – самая волшебная: король, туман, студенты с факелами, река идущая вспять, мохнатые собаки в Hyde Park'e...

Жизнь идет. Мои учатся, только Мур дома, в обычной простуде. Сдала стихи к Маяковскому, когда выйдут (в декабрьском № Воли России) вышлю. О Числах помню. Они у меня даром выпросили 5 автографов для вклейки в 1 тысячефранковые (!!!) нумера, посмотрим, дадут ли даром две книги. Пошла на хитрость, играя на их славолюбии: дескать для отправки, с оказией, в Советскую Россию. А пойдут в Оксфорд!

Сейчас надо бежать в аптеку за лекарством Муру, через четверть часа закрывается.

Пойдите, если не были, на потрясающий фильм по роману Ремарка:

«На Западном фронте без перемен». Американский. Гениальный. [1157] Знаю, что в Лондоне уже давно идет.

Обнимаю Вас, спасибо за все, скоро вышлю русского Молодца. Пишите о себе и здоровье Чуба. [1158]

МЦ.

P. S. Забыла добавить, что ключ от печки все-таки нашла. Теперь буду беречь «пуще ока».

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мой Броун молчит упорно: думаю, что потерял иллюстрации Гончаровой.

8-го декабря 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Представьте себе: мой Броун – нашелся! И, представьте себе: один его издатель прогорел, а другой обокраден своим компаньоном, после чего уединился в деревню – со всеми рукописями и иллюстрациями. Там его навестил Броун – который сейчас в Норфольке – и, посочувствовав, извлек у него свой перевод и гончаровские картинки. Броун утешает, что через годик-другой...

И – мысль: нет ли у Юрия Владимировича знакомого издательства в Америке? Американцы, когда платят, чудесно платят (NB! не всегда платят, особенно если это русские американцы).

Не может быть, чтобы все американские издательства прогорели?!

В книге сто с чем-то страниц текста (стихотворного) и 16 отдельных иллюстраций, не считая заставок и концовок. Мирский (знаток) броуновским переводом очень доволен, говорит: замечательно.

Нынче своего Млодца (французского) несу к пастернаковскому другу, писателю Шарлю Вильдраку, пьеса которого на днях пойдет в Comédie Française.[1159]

Как будто – все козыри: Гончарова сейчас (декорации к «Petite Catherine» ГРЕМИТ, Вильдрак (предстоящая постановка в Comédie) ГРЕМИТ, – на таких двух выездных конях – ужели мне не выехать??[1160] Меня французы не знают, но это ничего.

У нас опять дивная погода: весна. Солнце, сквозь окна, жжет. Как иногда хочется, бросив всё (рукопись Млодца, штопку чулок, варку бараньей головы (сегодня, например!) – СТРАШНОЙ – С ЗУБА-АМИ! – С ГЛАЗА-АМИ!!!) бросив всё с утра поехать в Версаль, который от нас – рядом.

Жизнь, это то место, где ничего нельзя.

Читаю сейчас жизнь Кромвеля. Человека этого ненавижу.[1161]

Просыпается Мур от дневного сна. Бегу будить.

Целую

МЦ.

Пишите про сына. Как, должно быть, нестерпимо ему так долго лежать!

– Что Вы думаете про американского Млодца?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

10-го февраля 1931 г., вторник

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Большая прореха – пробел – пробоина моей жизни – отсутствие женской дружбы: женского друга. И если бы мне сейчас дали на выбор мужскую или женскую, я бы в первом (крепчайшем) сне ответила бы: женскую.

Вот какой-то мой первый ответ на Ваши подснежники (точно Вы мне их подарили, да и подарили: я тот кто за тысячи верст (и только на таком отстоянии) и за сотни лет души – присваиваю). Но на этот раз, после по крайней мере – десятилетней – засухи, я бы хотела дружить воочию, заживо, проще: чтобы Вы вдруг в комнату – вошли, или, что еще лучше, чтобы я из комнаты – вдруг – навстречу к Вам – вышла. Могу сказать, что жизнь свою я прожила как в Царствии Небесном – или по памяти – без всяких доказательств, что это – на земле, что земным теплом, живым теплом – таким коротким! – не воспользовалась.

Меня мало любили, ко мне шли с иным – за иным – с детства и по сей день. Мать мною восхищалась, любила она мою младшую сестру. (Людам в голову не приходило, что можно (нужно) меня любить!) Очевидно все это законно, во всяком случае это – мое, я, моя судьба. Это – о всей жизни. О данном же часе, т. е. последнем пятилетии в Париже: не по мне город и не по мне среда. Город-смены и мены: всего на всё, среда – остатки и останки – хотя бы Российской державы!

Еще точнее: женщины: либо убитые (жены убитых, матери убитых) или просто убитые бытом, либо перекраивающиеся на французский – парижский лад. «Домашние» и «светские», я ни то ни другое. Нет КРУГА для ДРУГА – да еще при моей замкнутой жизни.

..Вот почему меня как-то в сердце ударили Ваши подснежники.

С французским Молодцем пока ничего не вышло. Читают, восхищаются, – издать? невозможно: крах. Не умею я устраивать своих дел:

Крах – верю на слово и сраженная выразительностью звука (крах! точно шкаф треснул) – умолкаю. Рукопись с удовольствием пришлю: отпечатана на машинке, чистая, – но м. б. Вы не о моем (французском) переводе говорите, а о броуновском (английском)? От Броуна вчера письмо, он сейчас в Англии – и своего (английского) Молодца не устроил. Святополк-Мирский по-моему ничего не хочет предпринять, когда-то он безумно любил мои стихи, теперь остыл совершенно – как и к самой мне: не ссорились, просто – прошло.

Итак, дорогая Раиса Николаевна, буду ждать Вашего ответа: о каком – французском или английском – моем или броуновском Молодце – речь? Если об английском напишу Броуну с просьбой прислать Вам. (Иллюстрации – одни.)

Радуюсь за Вас, что Юрий Владимирович не уехал, что вы все вместе, что сыну лучше. У моего мужа тоже болезнь печени – с 18 лет: полжизни – изводящая вещь.

В другом письме, расскажу Вам о детях и о всех своих делах. Нежно целую Вас,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
будьте все здоровы.

МЦ

Посылаю стихи к Маяковскому из последнего № «Воли России».

Приписка на полях:

Завтра должна познакомиться с Пильняком, я его писания средне люблю, – а Вы?

13-го февраля 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! События бросают тень вперед – не знаю кем, может быть уже Гомером – сказано. [1162]

Итак: вечер у борисиноного друга, французского поэта Вильдрака. Пригласил «на Пильняка», который только что из Москвы. [1163] Знакомимся, подсаживается.

я: – А Борис? Здоровье?

п. – Совершенно здоров.

я: – Ну, слава Богу!

п. – Он сейчас у меня живет, на Ямской.

я: – С квартиры выселили?

п: – Нет, с женой разошелся, с женой.

я: – А мальчик? [1164]

п: – Мальчик с ней.

я: – А где это – Ямская? Тверскую-Ямскую я знаю.

(Пять минут топографии, речь переходит на границу.)

я: – Почему Борису отказали?

п: – П. ч. он обращается именно туда, где только отказывают. Последние месяцы он очень хлопотал о выезде за границу Евгении (отчество забыла) и Женечки, но тут началась Зинаида Николаевна, [1165] и Женя наотрез отказалась ехать.

– С Борисом у нас вот уже (1923 г. – 1931 г.) – восемь лет тайный уговор: дожить друг до друга. Но катастрофа встречи все оттягивалась, как гроза, которая где-то за горами. Изредка – перекаты грома, и опять ничего – живешь.

Поймите меня правильно: я, зная себя, наверное от своих к Борису бы не ушла, но если бы ушла – то только к нему. Вот мое отношение. Наша реальная встреча была бы прежде всего большим горем (я, моя семья – он, его семья, моя жалость, его совесть). Теперь ее вовсе не будет. Борис не с Женей, которую он встретил до меня, Борис без Жени и не со мной, с другой, которая не я – не мой Борис, просто – лучший русский поэт. Сразу отвожу руки.

Знаю, что будь я в Москве – или будь он за границей – что встретиться он хоть раз – никакой Зинаиды Николаевны бы не было и быть не могло бы, по громадному закону родства по всему фронту: СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ. Но – я здесь, а он там, и всё письма, и вместо рук – Рукописи. Вот оно, то «Царствие Небесное» в котором я прожила жизнь. (То письмо Вам, как я это сейчас вижу, всё о Борисе: события которого я тогда не знала, но которое было.)

Потерять – не имел.

О Жене будете думать Вы, которая ее знали. Знаю только, что они были очень несчастны друг с другом. «Женя печальная и трудная», так мне писала о ней сестра, с которой у нас одни глаза. Просто – не вынесла. «Разошлись». Может быть ушла – она. В данную минуту она на все той же Волхонке с сыном. Борис на пустой квартире у Пильняка. («Ямская»). Кончил Спекторского (поэма) и ОХРАННУЮ ГРАМОТУ (проза). [1166] – Дай ему Бог. – Главное, чтобы жил.

Живу. Последняя ставка на человека. Но остается работа и дети и пушкинское: [1167] «На свете счастья нет, но есть покой и воля», которую Пушкин употребил как: «свобода», я же: воля к чему-нибудь: к той же работе. Словом, советское «Герой ТРУДА». У меня это в крови: и отец и мать были такими же. Долг – труд – ответственность – ничего для себя – и всё это врожденное, за тридцать земель от всяких революционных догматов, ибо – монархисты оба (отец был вхож к Царю).

Не знаю, напишу ли я Борису. Слишком велика над ним власть моего слова: голоса. «ТОЛЬКО ЖИВИТЕ!» – как мне когда-то сказал один еврей.

Еще пять лет назад у меня бы душа разорвалась, но пять лет – это столько дней, и каждый из них учил – все тому же, доказывал – все то же. Так и получилось Царствие Небесное – между сковородкой и тетрадкой.

О Д. П. Святополк-Мирском (правда, похоже на учреждение?) – «Дружить со мной нельзя, любить меня не можно» [1168] – вот и окончилось намеренным равнодушием и насильственным забвением. Он меня в себе запер на семь замков – в свои наезды в Париж видит всех кроме меня, меня – случайно и всегда на людях. Когда-то любил (хочется взять в кавычки).

Я ему первая показала, т. е. довела до его сознания, что Темза в часы (отлива или прилива?) течет вспять, что это у меня не поэтический оборот:

РОКОТ ЦЫГАНСКИХ ТЕЛЕГ,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ВСПЯТЬ УБЕГАЮЩИХ РЕК –

РОКОТ...[1169]

(Кстати с этих стихов Борис меня и полюбил. Стихи еще 16 года, но прочел он их уже после моего, боюсь навечного. отъезда за границу, в 1922 г. Помню первое письмо – и свое первое –).

Три недели бродили с ним по Лондону, он всё хотел в музей, а я – на рынок, на мост, под мост. Выходило – учила его жизни. И заставила его разориться на три чудных голубых (одна бежевая) рубашки, которые он мне, по дикой скаредности на себя, до сих пор не простил – но и не износил. Бориса он тогда так же исступленно любил, как меня, но Борис – мужчина, и за тридевять земель – и это не прошло.

А разошлись мы с ним из-за обожаемой им и ненавидимой мной мертворожденной прозы Мандельштама – «ШУМ ВРЕМЕНИ», где живы только предметы, где что ни живой – то вещь.

Так и кончилось.

Нынче же пишу Алеку Броуну. Вот его адрес:

Fressingfield nr Diss

Norfolk

Alee Brown[1170]

Если – потом когда-нибудь – нужны будут иллюстрации Гончаровой вышлем их Вам. А есть ли у Вас мой Мóлодец? Посылаю на авось, м. б. еще что-нибудь найдется, у меня почти нет своих книг.

Пишу под огромный снег, недолетающий и тающий. СИЛА ЖИЗНИ. Будем учиться у подснежников. Обнимаю Вас

МЦ.

Перешлите, пожалуйста, милая Раиса Николаевна, прилагаемую записку Броуну – в своем письме.

6-го марта 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Столько Вам нужно рассказать и сказать, но начну с самого тяжелого: мы совершенно погибаем.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Люди, которые нам помогали пять лет подряд, неожиданно перестали: м. б. – устали, м. б. действительно не могут. С чешской стипендией (350 фр. в месяц) то же: с января (нынче март) ничего. Мы должны кругом: и в лавку, и угольщику, и всем знакомым, живем в грозе газа и электричества и, главное, терма. Отпавшие деньги шли на квартиру. Они – отпали, их нет, платить нечем. Срок 1-го апреля, потом еще пять дней отсрочки. Денег нет ни на что, едим то что отпускают в долг в лавке, в город ездить не на что, едет либо Сергей Яковлевич либо Аля, завтра не поедет никто, эти деньги на марку – последние.

Пыталась с Перекопом. Три попытки – три отказа. («Числа», «Воля России», «Современные Записки». Последние, устами редактора Руднева – последнего городского головы Москвы: «У нас поэзия, так сказать, на задворках. Вы нам что-нибудь лирическое дайте, коротенькое, строк на 16» (т. е. франков на 16)). С французским Молодцем – ничего. Читала – порознь – четырем поэтам. Восхищение – поздравления – и никто пальцем не двинул. Свели меня (на блинах) с одним из редакторов Nouvelle Revue Française?[1171] который женат на моей школьной товарке Чалпановой. Тип французского коммуниста, советофил. Слушал – слушал – и: «В стихах я ничего не смыслю, я заведу отделом статей по такому-то вопросу. Но – при случае скажу. – Принесите, только будьте готовы к отказу. Кроме того, денег у нас всё равно нет».

Весь последний месяц билась с этими двумя вещами. Безнадежно. То – «издательский кризис», то – «вещь нова» (это – о французском Молодце). Перекоп же просто никому не нужен. И не скрывают.

Дальше. Начинается у нас Новая литературная газета. Приглашают. Что угодно – только непременно в 1 №. Пишу статью о новой русской детской литературе. Сравниваю с дошкольными книжками моего детства – и с местным производством. Всё на цитатах. О реализме и фантастике. О фантастике почвенной (народной) и фантастике-ахинеи: тамбовских эльфах. 200 строк – 100 фр. Радуюсь. И – отказ. И в России-де есть плохие детские книжки (агитка). Кроме того он, редактор, очень любил фей.

Провалились и эти сто.

Словом – БЬЮСЬ. Бьется и Сергей Яковлевич со своей кинематографической школой, бьется и Аля со своим рисованьем (на конкурсе иллюстраций – вторая, – «поздравляли») и вязаньем – 50 фр. ручной дамский свитер с рисунком. Весь дом работает – и ничего. Писала ли я Вам, что у меня от общего истощения (была в клинике у хорошего профессора) вылезло полброви, прописал мышьяк и массаж, – вот уже месяц как была: не растет, так и хожу с полутора.

Ждать неоткуда. Через три недели терм. Удушены долгами, утром в лавку – мука. Курю, как в Советской России, в допайковые годы (паёк мне дали одной из первых, потому что у меня от голоду умер ребенок) курю окурковый табак – полная коробка окурков, хранила про черный день и дождалась. Сергей Яковлевич безумно кашляет, сил нет слушать, иду в аптеку. – Есть ли у вас какой-нибудь недорогой сироп? франков за пять? – Нет, таких вообще нет, – самый дешевый 8 фр. 50 с., вернете бутылку – 50 с. обратно. – Тогда дайте мне на 1 фр. горчичной муки.

Иду, плачу – не от унижения, а от кашля, который буду слышать всю ночь. И от сознания несправедности жизни.

Так живу. Ныне на последние деньги марку и хлеб. фунт. Уже съели. (Я и в России не умела беречь – когда фунт.)

И вот просьба. Ведь через 6–8 месяцев Сергей Яковлевич наверное будет зарабатывать (кинооператор). Но – чтобы как-нибудь дотянуть – м. б. Вы бы рассказали о моем положении нескольким человекам, чтобы каждый что-нибудь ежемесячно давал (так мне помогали те, которые отпали). Именно ежемесячно, чтобы знать. Вроде стипендии. Нам четверым на жизнь нужно тысячу франков, – если бы четыре человека по 250 фр.!

Просила еще в одном месте – тоже женщину – большого друга поэта Рильке, о котором я столько писала, но не знаю, пока молчит. [1172] Чувство, что все места (в сердцах и в жизни) – уже заняты. На столбцах – наверное.

Встретилась еще раз с Пильняком. Был очень добр ко мне: попросила 10 фр. – дал сто. Уплатила за прежний уголь (48 фр. и этим получила возможность очередного кредита. На оставшиеся 50 фр. жили и ездили 4 дня.

А не ездить – Сергей Яковлевич и Аля учатся – нельзя, а каждая поездка (поезд и метро) около 5 фр.

Б. Пильняк рассказывал о Борисе: счастлив один, пишет, живет в его, Пильняка, квартире – особнячок на окраине Москвы – про ту женщину знает мало (NB! я не спрашивала), видел ее раз с Борисом, Борис отвел его, Пильняка, в сторону и сказал: «Обещай, что не будешь подымать на нее глаз», – «Я-то не буду, да она сама подымает!» (Это Пильняк – мне). Бедный Борис, боюсь – очередная Елена (Сестра моя Жизнь). [1173]

Читала чудные стихи Бориса «СМЕРТЬ ПОЭТА» – о Маяковском, совсем простые, в гостях, не успела переписать, если достану перепишу и пришлю Вам.

В другом письме напишу Вам о замечательном вечере Игоря Северянина, который (т. е. билет на который) мне подарили. Впервые за 9 лет эмиграции видела – поэта. Обнимаю Вас

МЦ.

Дошел ли русский Молодец?

Приписка Р. Н. Ломоносовой:

Это письмо верните мне, пожалуйста. Р. Л. [1174]

11-го марта 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна, вчера вечером одно письмо, нынче утром другое. Всё получила, спасибо от всего сердца за себя и за своих. Вчера – двойная радость:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ваше письмо и поздно вечером возвращение Сергея Яковлевича с кинематографического экзамена – выдержал. Готовился он исступленно, а оказалось – легче легкого. По окончании этой школы (Pathé) ему открыты все пути, ибо к счастью связи – есть. Кроме того, он сейчас за рубежом лучший знаток советского кинематографа, у нас вся литература, – присылают друзья из России. А журнальный – статейный – навык у него есть: в Праге он затеял журнал «Своими путями» (который, кстати, первый в эмиграции стал перепечатывать советскую литературу, после него – все. А сначала – как ругали! «Куплен большевиками» и т. д.), в Париже редактировал «ВЕРСТЫ» и затем газету Евразию, в которой постоянно писал. [1175] Пришлю Вам № «Новой Газеты» с его статьей, выйдет 15-го, [1176] – увидите и, если понравится, м. б. дорогая Раиса Николаевна, поможете ему как-нибудь проникнуть в английскую прессу. Тема (Советский кинематограф) нова: из русских никто не решается, а иностранцы не могут быть так полно осведомлены из-за незнания языка и малочисленности переводов. Повторяю, у Сергея Яковлевича на руках весь материал, он месяцами ничего другого не читает. Другая статья его принята в сербский журнал [1177] (но увы вознаграждение нищенское). Может писать: о теории кинематографии вообще, о теории монтажа, различных течениях в Советской кинематографии, – о ВСЕМ ЧТО КАСАЕТСЯ СОВЕТСКОГО и, вообще, кинематографа.

Но связей в иностранной прессе (кроме Сербии) у нас пока нет. В эту его деятельность (писательскую) я тверже верю, чем в кинооператорство: он отродясь больной человек, сын немолодых и безумно-измученных родителей (когда-нибудь расскажу трагедию их семьи), в 16 лет был туберкулез, (в 17 лет встреча со мной, могу сказать – его спасшая), – болезнь печени – война – добровольчество – второй взрыв туберкулеза (Галлиполи) – Чехия, нищета, студенчество, наконец Париж и исступленная (он исступленный работник!) работа по Евразийству и редакторству – в прошлом году новый взрыв туберкулеза. В постоянную непрерывную его работу в кинематографе верить трудно – работа трудная, в физически-трудных условиях. Подрабатывать ею – может.

Главное же русло, по которому я его направляю – конечно писательское. Он может стать одним из лучших теоретиков. И идеи, и интерес, и навык. В Чехии он много писал чисто-литературных вещей, некоторые были напечатаны. Хорошие вещи. [1178] Будь он в России – непременно был бы писателем. Прозаику (и человеку его склада, сильно общественного и идейного) нужен круг и почва: то, чего здесь нет и не может быть.

Я – другое, меня всю жизнь укоряют в безыдейности, а советская критика даже в беспочвенности. Первый укор принимаю: ибо у меня взамен МИРОВОЗЗРЕНИЯ – МИРООЩУЩЕНИЕ (NB! очень твердое). Беспочвенность? Если иметь в виду землю, почву, родину – на это отвечают мои книги. Если же класс, и, если хотите, даже пол – да, не принадлежу ни к какому классу, ни к какой партии, ни к какой литературной группе НИКОГДА. Помню даже афишу такую на заборах Москвы 1920 г. ВЕЧЕР ВСЕХ ПОЭТОВ. АКМЕИСТЫ – ТАКИЕ-ТО, НЕОАКМЕИСТЫ – ТАКИЕ-ТО, ИМАЖИНИСТЫ – ТАКИЕ-ТО, ИСТЫ-ИСТЫ-ИСТЫ – и, в самом конце, под пустотой:

– и –

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

(вроде как – голая!)

Так было так будет. Что я люблю? Жизнь. Всё. Всё – везде, м. б. всё то же одно – везде.

Из-за приветствия Маяковского на страницах Евразии (два года назад) меня прогоняют из Последних Новостей (Милюков: «Она приветствовала представителя власти», NB! Маяковский даже не был коммунист, его не пускали в пролетарские поэты!), из-за поэмы Перекоп (добровольчество), которую, продержав 2 года в ящике и – вынужденная необходимостью – я может быть, если примут, помешу в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
правом (где ничего в стихах не смыслят) еженедельнике «Россия и Славянство», за
поэму Перекоп меня может быть прогонят из единственного журнала, где сотрудничаю
вот уже 9 лет, с России, – из «Воли России» (левые эсеры). Но Перекоп-то они не
взяли! (bête noire[1179] Добровольчество!) и Современные Записки, и Числа не
взяли, – куда же мне с ним деваться?! Работала 7 месяцев, держала в столе 2
года, жить не на что, вещь люблю и хочу, чтобы она появилась.

Из-за моего интервью (т. е. приехала сотрудница и расспрашивала, я – отвечала,
пошлю) в Возрождении (правые), [1180] Сергею Яковлевичу отказали в сотрудничестве
в одном более или менее левом издании. Это было третьего дня. Раз я его жена – и
т. д. Словом, дела семейные!

Простите за такую подробную отпись, если скучно читать – представьте себе, что
это – через 100 лет – мемуары. (Я и на собственные беды так смотрю!)

О Мóлодце. Простая русская сказка: как девушка полюбила мóлодца, а мóлодец
оказался упырем – и загубил всю семью – и ее самоё. А потом – едет барин, видит
цветок – и т. д.

Остов сказки – народный, я очень мало что изменила.

А гости (м. б. они вам показались большевиками?) простые бесы, которые приехали,
чтобы нагадить. Пользуясь слабостью барина, вынуждают его везти ее («барыню» –
Марусю!) в церковь, а в церкви – он, Мóлодец! который до последней секунды
остерегает ее: Не гляди! НЕ ХОЧЕТ ГУБИТЬ.

Короче: РОК, где нет виновных.

Если увидимся, покажу Вам эту сказку в подлиннике, она у меня со мной. [1181]

О Борисе. Борис – влюбляется. (Всю жизнь!) И влюбляется – по-мужски.
По-пушкински. В Женю он никогда влюблен не был. Был влюблен – в Елену
(катастрофа) – и в многих других (только – полегче!) нынче – в ту, эту.
Катастрофа неминуема, ибо девушка глазастая. И Борис уже боится: уже проиграл.

(Знаете ли Вы мою «Попытку Ревности»? И есть ли у Вас моя книга «После России»?
Если нет – пришлю.)

Пора кормить своих, обрываю. Благодарю бесконечно, страшно смущена, тронута,
растравлена. Ради Бога – не шлите больше ничего, а то я буду окончательно
уничтожена.

Обнимаю

МЦ

22-го марта 1931 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc,

Дорогая Раиса Николаевна!

Простите, что не поблагодарила сразу – все дни уходило на спешную правку и переписку поэмы Перекоп, о которой и будет всё следующее письмо – на днях. (То есть: печатать или нет?)

Большое письмо от Бориса, – и о нем напишу. В общих чертах – всё равно. Радоваться за него – рано. Я написала ему большое письмо, которое так и не отослала.

Еще раз – от души спасибо. Живу в смуте – из-за дилеммы (поэмы) Перекоп.

До скорого большого письма. Обнимаю Вас

МЦ.

31-го марта 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Попытка настоящего письма, хотя с головой, разбитой суетою бытового дня. Не взывайте, у меня как у немцев – лучшая голова – утренняя.

Во-первых – Ваша болезнь. Сердце – лютая вещь и – надежная вещь. Лютая – при малейшем перебое – земля из-под ног: состояние землетрясения, с той разницей, что оно – внутри. Надежная ибо держит больше чем обещает и может больше чем может. Я сердце (орган) люблю как можно любить человека: с восхищением и с благодарностью. Сердце – герой.

А Сиротинин[1182] врал, т. е. не учел чудесности органа. Здесь врач знает меньше чем поэт.

У меня, например, сердце – шалое. Могу – галопом – полверсты в гору и не могу – полное обмирание, до дурноты – при первом повороте автомобиля. На местной, очень веселой карусели, с отделяющимся постепенно сиденьем, чуть не умерла. Не могу лифта (всегда пешком). Воображение? Нет. Не воображают же другие! И не воображаю же в поезде. Не могу – дурнота – когда другой с высоты, о себе уже не говорю: через железно-дорожный мост, где в прогалы видны рельсы, прохожу сжав зубы. Могу все, что пешком, и на земле, нога на земле. И не я могу или не могу, а – сердце.

От мысли о Вашей автомобильной поездке через всю Европу – физически – обмираю.

Нет, лучше где-нибудь на море или в горах, в тишине. Со своими, без чужих. С какой-нибудь одной книгой на все лето. Такая у меня была прошлым летом – знаете ли? – Sigrid Undset – три части: Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz.[1183] Всего около 2000 страниц и – ни одной лишней строки. Норвежский эпос – и женский эпос.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вся страна и вся судьба. Кажется за нее именно получила нобелевскую премию.
Наверное переведена на английский, я читала по-немецки, так всё лето и прожила –
в Норвегии.

– Кто с Вами целые дни – раз лежите? Чуб работает, Юрий Владимирович наверное
тоже занят. Есть ли у Вас в Лондоне близкие друзья? Тоскливо – когда сердце!

А вот вещь которая Вас обрадует и с которой может быть и следовало начать: вчера
чек на 25 долларов от Вашего Тихвинского. Правда – удивительно? Факт отдачи
удивителен, независимо от человека. Просит прислать две расписки, одну Вам, одну
ему. Вашу – прилагаю.[1184] С несказанной благодарностью. Теперь сразу смогу
внести за Алину школу, и еще останется. Терм, благодаря Вам, будет завтра
выплачен целиком. А теперь и с Алиной школой устроено! Не примите за сухость, но
просто: слов нет.

Аля получила первый приз на конкурсе иллюстрации. Теперь сама гравировать свою
вещь (в первый раз). Если удастся, пришлю Вам оттиск. Результат
конкурса-бесплатное обучение гравюре (в этой школе за каждый курс отдельно).

Написала нынче Борису. Вспоминала, как и я хотела уйти (6 лет назад).[1185]
Выбор был между язвой (если уйду от Сергея) и раной (если уйду от другого).
Выбрала чистое: рану. Я своим счастьем жить не могу, никогда с ним не считалась,
просто на него глубоко, отродясь неспособна. Прошу Бориса только об одном –
жить.

А Вас, дорогая и милая и близкая и далекая, незнакомородная Раиса Николаевна –
выздоровливать, то есть: верить в сердце.

О своем злосчастном Перекопе в другой раз. И об очередном большом огорчении –
одном отъезде.

Обнимаю и бесконечно благодарю. Всё получила.

М.

Приписки на полях:

У нас после жаркой весны – ледяные ветра, но с дивной синевой, точно на океане.

Скоро пришлю Вам карточку Мура, нынче снимали. И напишу Вам о нем.

11-го апреля, первый день Пасхи 1931

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Христос Воскресе, дорогая Раиса Николаевна!

Какой ужас с сыном![1186] Если я до сих пор не могу опомниться – каково Вам?
Слава Богу, что не дали беде ходу, вмешались и пресекли сразу. В таких случаях
обыкновенно ждут утра, а когда утро приходит оказывается, что именно утра не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
нужно было ждать. (Почему беда так любит ночь?)

Дай Вам Бог – нынче Пасха, лучший день в году и все добрые пожелания должны сбыться! – Дай Вам Бог скорее и вернее успокоиться, для Вас дело не в Вас, мать лично неуязвима, – только через сына – дай Бог Вашему скорой и верной поправки. М. б. лучше, что так разом прорвало, а то бы с медленным процессом внутри, тянулось бы и тянулось, теперь чувство, что внутри – чисто.

(Виноват ли в происшедшем врач, оперировавший в первый раз? Его ли недосмотр, или развилось самостоятельно?)

Часто-часто среди дня укол в сердце – мысль о Вас и Вашем сыне.

Напишите скорей, хотя бы два слова, о дальнейшем ходе болезни – если найдете минутку.

Вчера Мур впервые был с нами у заутрени – 6 лет, пора – впервые видел такую позднюю ночь, стояли на воле, церковка была переполнена, не было ветра, свечи горели ровно, – в руках и в траве, – прихожане устроили иллюминацию в стаканах из-под горчицы, очень красиво – сияющие узоры в траве.

Нынче блаженный день, весь его провели в лесу, уйдя от могущих быть визитеров.

Жду весточки, обнимаю, люблю, болею. Дай Бог!

МЦ.

Письмо залежалось, были проводы двух друзей, – князя С. Волконского на Ривьеру (болен, в Париже жить запрещено) и Е. Извольской – в Японию.[1187]

Но все-таки посылаю, чтобы не думали, что о Вас не думала.

10-го мая 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна,

Не пишу потому что боюсь тревожить, а вместе с тем так хочется знать о Вас и о сыне.

Нынче очередной взнос от Тихвинского, просит выслать Вам расписку, прилагаю.

Напишите хоть словечко!

Обнимаю Вас.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

Много есть о чем рассказать, но не решаюсь занимать собой.

Вот когда Чуб поправится!

17-го июня 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна! Давно не писала Вам, и Вы давно не писали. Будем надеяться: pas de nouvelles – bonnes nouvelles.[1188]

Причина моего неписания: мой ежегодный вечер со всем предшествующим и последующим: сначала просьбами о размещении билетов, (потом?) благодарностями за размещенные. Вечер – душевно – был необычайно-удачным: решила провести его одна, без других участников, так сказать – всухую, и вышло лучше чем когда-либо. (Раньше у меня играли, пели, даже танцевали, и публика, которую я же хотела развлечь, всегда укоряла.)

Читала прозу – История одного посвящения, которая пойдет в Воле России и которую пришлю Вам – второе отделение стихи. Была в первый раз за все свои вечера (пять или шесть) не в черном, так как моя приятельница Извольская уезжая подарила мне распоротое девическое платье своей матери (– жены посла, рожденной баронессы Толль, – для современников «Nini» – «Le sourire de l'ambassade»[1189] –) платье 50 лет (если не 55) пролежавшее в сундуке – чудного шелка и цвета: чисто-красного. Так как цвет сам по себе был восхитителен, я решила не красить портить ради одного вечера, отдав в краску, и шить как есть. Оказалось, что я в нем «красавица», что цвет выбран (!) необычайно удачно и т. д. – Это мое первое собственное (т. е. шитое на меня) платье за шесть лет.

Вечер дал мало, хотя народу было полный зал, но всё дешевые билеты, ибо любящие – не имеют, имеющие – не любят. Кроме того многие разорились. Так что уехать на лето не придется. Но обеспечена уплата квартирного налога. Кроме того, лето пока не жаркое, и мы все-таки за городом. Хуже с квартирой. Полоумная хозяйка затеяла переделку: вроде Метаморфоз Овидия: из кухни – ванную, из ванной – кухню, и повышает за это годовую плату за 1200 фр. Мы даем 500, если не согласится придется съезжать, т. е. все лето (съезжать надо 1-го октября) искать.

Ненавижу квартирные переезды, выбивающие из рабочей колеи на недели по крайней мере.

Была два раза на Колониальной выставке, [1190] лучшее – негры, из стран – Конго, т. е. их жилища и искусство. Портит выставку множество ресторанов и граммофонов с отнюдь не колониальной музыкой, а самыми обыкновенными тенорами и баритонами.

Но, если в синий день, в полдень (когда все завтракают, т. е. отсутствуют) да еще среди чудных гигантских благожелательных негров – можно почувствовать себя действительно за тридевять земель и морей.

Пишите, дорогая Раиса Николаевна, о сыне, – надеюсь выздоровлению – о лете, планах и достоверностях.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

От Бориса давно ничего, да и я не пишу. Может быть что-нибудь знаете от Жени?[1191]

Дорогая Раиса Николаевна, большая просьба: выходит отдельным изданием моя поэма «Крысолов», по подписке. Не найдется ли среди Ваших знакомых несколько подписчиков? Подписные бланки посылаю отдельно, а вот, пока, один на показ.[1192]

Обнимаю Вас и жду весточки.

МЦ.

29-го августа 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Раиса Николаевна,

Давно-давно Вам не писала – и Вы мне. Всё мое лето прошло в отъездах и сборах: Сергея Яковлевича в Савойю и Али в Бретань.[1193] Оба по приглашению и – казалось бы – просто, но нужно было доставать удешевленные проезды – и деньги на эти проезды, проезды не приходили и деньги проедались. Наконец уехал (и уже вернулся, – приглашали на две недели) Сергей Яковлевич и теперь уехала Аля.

Кроме сборов и проводов – ремонт квартиры, т. е. насильственная переделка ванной в кухню и кухни в ванную (плод лихорадочной фантазии хозяйки), от которой мы ничего не выиграли, кроме 1) месяца безванния (старую унесли, а новую не поставили) 2) недельной уборки после ремонта (по всей квартире известка толщиной в три пальца) 3) надбавки 100 фр. в месяц, т. е. 300 фр. в терм, т. е. 1200 фр. в год. – А переехать в другую квартиру не смогли, ибо нужно было бы сразу внести выложить эту тысячу, даже больше:

сам переезд и залог значат около полутора. Пришлось согласиться на ремонт.

Третье занятие этого лета: собственноручное шитье Муру штанов, – не смеюсь, честное слово, что три пары отняли у меня около месяца, причем шила каждую свободную минуту, и в лесу и дома, и ни одной строки не написала.

Ему шесть лет, на вид и вес – десять русских и 14 французских, готового ничего найти нельзя, ибо всё на один очень узкий манекен. Портнихи отказываются, наконец нашла одну, заплатила за 2 пары 30 фр. и всё пришлось распороть, ибо с первого разу треснули по шву, хотя мерили (и для этого ездили в Париж и теряли по полдня, ве говоря уже о франках) четыре раза. Эти-то штаны и перекраивала в перешивала целый месяц. Мое главное горе: полнейшее отсутствие КОНСТРУКТИВИЗМА, из-за него-то (т. е. отсутствия его) и крою («конструирую») собственноручно Муру штаны. Причем Мур вовсе не какой-нибудь феномен – просто большой и толстый мальчик, вполне пропорциональный и даже хорошо-сложенный. Портних пугает непривычность размеров.

Так прошло лето, ибо – прошло. С мая по нынешнее 29-ое августа 2 недели хорошей погоды, остальное – ливни, грозы, холода, туманы, вторая парижская зима. Летних платьев совсем не носили. Но лес – всё лес, люблю его всяким, и зелень – всё зелень, хотя и под дождем. Теперь начались грибы, это большое подспорье, помимо той несравненной радости: найти белый гриб! Берем (NB! так мужики говорят: брать – грибы, ягоды) берем и ежевику. Насколько лес лучше моря, в котором только жесткие и колючие крабы!

Была минутка когда я чуть-чуть не уехала к морю: да к какому: Средиземному! (не была с детства) да куда: в Монте-Карло! Уезжала одна знакомая дама, приехала с нами проститься в Медон, сидим с ней на пне, Мур роет песок. – «Подумайте, Марина Ивановна, до чего я одинока! Вот сейчас – еду в Монте-Карло совершенно одна. Две комнаты с тремя кроватями, кухня, – зачем мне всё это? так и будет стоять пустым. Ведь двоих могла бы пригласить, – ни одного не нашлось! Ведь даром, – только проезд! Приглашаю Госпожу такую-то – не может, Госпожу еще такую-то – с радостью бы, да уже приглашена в другое место, – так и еду одна, на шесть недель».

Молчу с сжатым горлом, на губах почти срывающееся: – «А мы? Я и Мур, Мур и я, которые никуда не едем и всюду бы поехали – и тотчас! Я бы на всех готовила и Вам было бы дешевле чем в ресторане. Мур бы с утра до ночи был бы в саду или у моря, в природе он идеален, Вы бы его не слышали» – и т. д.

Но она не предлагает, и я молчу. Так и уехала. Провожала ее на Лионский – морской – вокзал – вождельный! вокзал и теперь получаю письма:

«Одна – не с кем молвить – и красота не радуется» и т. д.

Странные – люди?

..Так я всю жизнь пропускала «свое счастье». Мне еще цыганка в Москве, в грозу, помню се руку в серебре, вцепившуюся в мою – тогда восемнадцатилетнюю – говорила:

– Линий мало: мало талану –

(Талан, по-народному, везение, удача, «счастье».)

Я потом ее эти слова взяла в стихи: вот мой единственный ТАЛАН!

Наши дела чернее черного. 600 фр. неуплаченных налогов и через месяц терм: 1300 фр. из которых у нас нет ни одного.

Д. П. Святополк-Мирский (критик и большой друг) все эти годы помогавший на квартиру (2/3 терма) – сразу перестал. Одна любительница моих стихов, грузинская княжна, ныне жена богатого коммерсанта, собиравшая для меня ежемесячно около 600 фр. – тоже больше не может, т. е. и этого не может, ибо дающие отказались, дает теперь триста. И вот все что у нас есть. Продала – еще российские – два кольца, оба с бирюзой, старинные, одно за сто, другое за полтора, на них жили около двух недель (на еду 15 фр., но кроме еды нужно ездить в город!).

Сергей Яковлевич тщетно обивает пороги всех кинематографических предприятий – КРИЗИС – и французы-профессионалы сидят без дела. А на завод он не может, да и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
не возьмут, ибо только-только хватает сил на «нормальный день», устает от всего.
Сейчас он совсем извелся от неизвестности, не спит ночей и т. д.

Была надежда на устройство французского «Молодца» в Commerce, самый богатый и
снобистический (NB! ненавижу) парижский журнал, ведают им меценаты Бассиано (он
итальянский князь, она американка) – и вот, письмо: «Целиком напечатать не можем
из-за объема (100 страниц), а дробить – жалко». (М. б. – им, мне – нет, но не
могу же я их уговаривать!)

Так и лежит мой французский Молодец.

Русская большая рукопись «История одного посвящения», долженствовавшая мне
принести 750 фр. (2/3 терма) тоже лежит, ибо № (Воли России) не выходит и
неизвестно выйдет ли.

Но стихи все-таки писала и пишу. Ряд стихов к Пушкину и, теперь: Оду пешему
ходу.

Очень жду письма, хотя бы короткого, про Вас, здоровье сына, лето, самочувствие,
планы на зиму, – так давно не видела Вашего почерка!

Обнимаю Вас сердечно

МЦ.

29-го декабря 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

С Новым Годом, дорогая Раиса Николаевна!

Как давно от Вас нет вестей!

Как здоровье сына, справился ли он наконец с своей упорной болезнью? Это ведь –
главное в Вашей жизни, об остальном даже не хочется спрашивать.

Если откликнетесь (я даже не знаю в точности где Вы, пишу по инерции в Кембридж)
– охотно расскажу Вам о себе, пока же сердечно желаю Вам и Вашим всего, всего
лучшего в наступающем 1932 году.

Целую Вас.

МЦ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Прилагаемая иконка – от Али.[1194]

ТОЛСТОЙ Т. Л
27-го мая 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогая Татьяна Львовна!

Мне очень стыдно, что мое первое письмо к Вам – просьба, а именно: не помогли бы Вы мне распространить билеты на мой вечер стихов – 17-го июня. Цена билета minimum 25 фр., больше – лучше. Посылаю 5. Шестой – приложение Вам и дочке.[1195]

Очень хочу побывать у Вас, боюсь помешать. Кроме того, хотелось бы видеть Вас не на людях, а более или менее одну. Возможно ли это? Если да – черкните словечко, приеду, очень хочу.

Целую Вас. Еще раз – простите за просьбу.

МЦветаева.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

18-го июня 1928 г.

Дорогая Татьяна Львовна,

Приношу Вам сердечную благодарность за проданный билет и милую приписку. Как-нибудь буду у Ивонны[1196] и зайду поблагодарить Вас лично.

А книжку[1197] послала Вам не для чтения, а просто как знак внимания и симпатии, – на стихи нужно время, знаю, что у Вас его нет. Целую Вас, привет дочери.

МЦветаева.

В. В. МАЯКОВСКОМУ
3-го декабря 1928 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой Маяковский!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Знаете чем кончилось мое приветствование Вас в «Евразии»?¹ Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали – да и то стихи 10–12 лет назад! (NB! Последние новости!)

«Если бы она приветствовала только поэта–Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...»

Вот Вам Милюков – вот Вам я – вот Вам Вы.

Оцените взрывчатую силу Вашего имени и сообщите означенный эпизод Пастернаку и кому еще найдете нужным. Можете и огласить.

До свидания! Люблю Вас.

Марина Цветаева.

ГОНЧАРОВОЙ Н. С
Начало января 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Наталья Сергеевна! Хочу, чтоб он прошел под знаком дружбы с Вами. О, не бойтесь! – это Вам – ни Вашему делу, ни Вашему времени – ничем не грозит. На первое место ставлю чужой труд, на второе – свой, на третье – труд совместный, который и есть дружба.

– Столько надо Вам сказать. –

Писать о Вас начала, боюсь, будет не статья, а целая книжка... только – кто напечатает?..

Просьба: когда я у Вас попрошу – дайте мне час: с глазу на глаз. Хочу, среди другого, попытку эмоциональной духовной биографии; много о Вас знаю, но есть вещи, которые знаете только Вы, они и нужны. Из породы той песенки о «не вернется опять», такие факты.

Написаны пока: улица, лестница, мастерская.[1198] Еще ни Вас, ни картин. Вы в глубинах мастерской, до которых еще не дошла. Пока за Вас говорят вещи. А я говорю Вам – любопытная вещь будет.

А вот два стиха о Наталье Гончаровой – той, 17-го года, встреча готовилась издаека.[1199]

А вот еще платок, которые носят паломники, настоящий, оттуда, по-моему – Вам в мать.

Люблю Вас и целую Вас.

МЦ.

ПОЗНЕРУ В. С
12-го мая 1929 г.

Meudon (s. e1 o.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Владимир Соломонович,

На этот раз с просьбой о билетах – к Вам (всегда просила Вашего папу).

25-го мой вечер, вступительное слово о русской поэзии читаете Вы (читаете?) потом я – et tout ce qui s'en suit, [1200] в частности – отрывки из Перекопа, большой поэмы.

Цена билета 25 франков, посылаю 5.

Всего лучшего, позвоните по телефону Clamart 411 и вызовите Сергея Яковлевича Эфрона и сговоритесь с ним, нам необходимо повидаться.

М Цветаева.

14-го мая 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милый Владимир Соломонович,

Есть слух, что Вы на днях уезжаете из города. Известите меня тотчас же, читаете ли Вы на моем вечере или нет, и можно ли наверняка на Вас рассчитывать. До вечера 10 дней, а от Вас до сих пор ни слова. Мне нужно знать. [1201]

Жду Вашего ответа. Всего лучшего.

МЦветаева.

ГУЧКОВУ А. И
28-го мая 1929 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Сердечное спасибо, дорогой Александр Иванович!

Посылая Вам билеты, я вовсе не надеялась на устройство всех, и присланное Вами – подарок. Очень я жалею, что не были на вечере, меньше из-за Перекопа (восстановимого), чем из-за любопытного состава зала, соединившего на час все крайности эмиграции. (Дольше часу это бы не продержалось!)

А Вы не забыли моих дроздовцев? [1202] Думаю выехать около 15-го, кажется в окрестности Гренобля, откуда жду ответа. – А каковы Ваши планы? Вера

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Александровна получила новый купальный халат, и море предрешено.

Еще раз горячее спасибо за участие, – каждый проданный билет – толчок вдоль рельс! (Перевод вечеровых билетов на железнодорожные.)

Сердечный привет.

МЦветаева.

ВУНДЕРЛИ-ФОЛЬКАРТ Н
2-го апреля 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня,

ушедшее от нас письмо более не принадлежит нам, если даже тот, к кому оно ушло, тоже принадлежит к ушедшим.

Мои письма к Райнеру Мария Рильке принадлежат ему – кого все слушали и кому ничего не принадлежало. Мои письма к Райнеру Мария Рильке – это он сам, которого в жизни не было, который всегда свершается, который – будет.

Поэтому, милостивая государыня, отдайте мои письма будущему, положите их рядом с другими, которые будут, – пусть лежат они пять коротких десятилетий. Если через пятьдесят лет кто-нибудь о них спросит и потянется к ним – Вы предоставите их Вашим потомкам.

Так лучше.

Письма Рильке, его книги с надписями и его – наверное, последнюю – Элегию я завещаю веймарскому Дому Рильке[1203] (почему не Святилищу – ведь любой дом был или станет благодаря ему святилищем?) с такой же просьбой: через 50 лет после моей смерти.

Милая милостивая государыня (Вы не можете не быть милой или быть немилостивой, раз Вы близко знали Рильке и по-прежнему близки к нему) – в 1927 году я напечатала в русских журналах новогоднее письмо (стихотворение) к Рильке[1204] и еще одно, как бы это сказать, – Рильке был моей последней Германией, как я – его последней Россией – словом – тоже письмо о его смерти между другими двумя: смертью старой девы и смертью мальчика (так уж случилось) – длинная фраза![1205]

Что до стихов – я просто не знаю, кто мог бы их перевести; по-русски я считаюсь одним из двух «самых трудных» поэтов (другой – Борис Пастернак, сын художника Леонида Пастернака, дружившего когда-то с Рильке, и, по-моему, – и не только по-моему – величайший поэт русского будущего), но другие страницы (проза, как это принято называть)[1206] вполне переводимы. Будь у меня лишь время! (Лишь время.)

Милая и милостивая государыня, разрешите задать Вам один вопрос: что стало с переведенным Рильке «Словом о полку Игореве» (древнерусский памятник), о чем не раз идет речь в его письмах? Ведь это я загадала желание, чтобы он однажды

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru перевел Слово, а спустя три года после его смерти узнаю, что перевод выполнен уже двадцать лет тому назад.[1207] – Такой вот удар в сердце. –

Вероятно, Вам будет приятно знать, что через две недели после его ухода я получила от него подарок: греческую мифологию по-немецки – 1875 года (год его рождения?) – для юности. Он, собственно, доверил это своей русской помощнице, и книга пришла, когда он ушел.

Через несколько дней Вы получите французский – увы! плохой – перевод моего вступления к письмам Рильке, переложенным мной на русский. Слово «mysterè» звучит по-французски иначе, чем наша русская «тайна» или Ваше немецкое «Geheimnis» (Geheimrath[1208] и conseiller privé[1209]). Да и сам французский холодней, светлей и раскатистей. Я исправила, где могла (то есть вычеркнула). К сожалению, вся интонация искажена: чересчур учтиво. Я пишу иначе.[1210]

Марина Цветаева

Ничего, ничего не знаю я о его смерти. Как ушел? Знал ли? Кто был возле него?[1211] Какое слово было последним?

Только то, что в газетах.

И некого мне было спросить, ни одного имени я не знала – настолько я была с ним одна.

Милая милостивая государыня, если только это в Ваших силах, сообщите мне все, что знаете, – наверное. Вы знаете все, – а я даже не знаю, кто Вы.

Лишь одно: Вы близки к нему.

8-го июня 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня,

всего лишь несколько слов, чтобы Вы знали: я получила Ваше славное письмо.

В ближайшие дни я еду в Савойю – там должны мы были встретиться с Рильке. Он спрашивал: «Когда?» Я сказала: «В комнатах я сидеть не желаю, а на улице зимой холодно, так что...» Тут он сразу же отозвался, и странно (весь он!) – писал о чем-то другом и внезапно, отрывисто:

Только не надо ждать весны!

Это было его последнее письмо. Я изумилась тогда: ему-то незачем так спешить, да и ради меня незачем. Что такое? – Это было то самое.

Вот.

Итак, в ближайшие дни уезжаю в Савойю. И, быть может, милая милостивая государыня, Вам однажды захочется навестить меня там. Это деревушка, близко от Шамони. Ведь я сама не могу к Вам приехать, как бы мне ни хотелось. Я – русская, визы мне не дадут, к тому же в Швейцарии все так дорого – душе моей лучше б странствовать в одиночку.

Как это было б чудесно! Вы обрадовались бы мне (я зову Вас, поэтому говорю о Вашей радости). Так Рильке тоже радовался мне, я была наверное его последней радостью как женщина и чужестранка, в к тому же еще – волжский мир.

В Савойе я пробуду три месяца. У мужа больные легкие, с декабря месяца он в санатории, теперь он снял для нас крохотный летний домик неподалеку. Для нас, то есть для меня и детей: девочка шестнадцати лет и пятилетний мальчик. Мне самой – тридцать пять.

Может быть, Вам удастся совершить это небольшое путешествие, иначе мы никогда не встретимся. К сожалению, у нас лишь комнатка с кухней, но в Сен-Лоране [1212] наверняка можно что-нибудь снять, а стол у нас будет общий.

Сен-Лоран называется это место, оно очень красивое.

Не говорите: нет, скажите: да или: пожалуй. Только не говорите: нет. За три месяца многое может измениться.

Вот мое вступление к письмам Рильке. [1213] Я постаралась, как могла, его улучшить, но все равно звучит по-другому. Вся интонация не та. Совсем не-я. Вяло.

Приветствую Вас всем сердцем, полным надежды.

Марина Цветаева

Мой адрес:

Г-же Цветаевой-Эфрон

Замок д'Арсин

Сен-Пьер-Рюмийи

Верхняя Савойя

Это адрес моего мужа, своего я еще точно не знаю. Он передаст мне Ваше письмо. Замок д'Арсин напоминает замок Райнера: такая же древность, такое же положение. И Сен-Лоран – совсем близко.

– Далеко! Бесконечно далеко!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Что делает мать Рильке на его могиле? Почему ее не было у его постели? Бедная старая женщина!

Хороша ли (справедливая ли) книга Лу Саломе? Есть ли в ней Он?[1214]

5-го июля 1930 г.

St. Pierre de Rumilly

(Haute Savoie)

Château d'Arcine

Милостивая государыня!

Когда я впервые читала Ваше письмо, я не поняла почти ни одного слова – потому что была поглощена буквами, то есть читала глазами. Во второй раз (сегодня) все встало вдруг на свое место. Ваше письмо зазвучало, – сегодня я читала слухом, просто ведомая Вашим голосом. Сегодня Вы говорили со мной.

Правда ли все то, что меж нами, что происходит, приходит и – чуть было не сказала: проходит? Это имеет место. Стало быть, оправданно, правда (как правота ребенка).

Рильке однажды написал мне (его полное имя я пишу неохотно – слишком звучно, растянуто – нет, большое, безмолвное и отвесное Рильке как его скала Рарон, как его Рона, падающая со скалы, Рильке – имя человека и поэта вместе, Рильке просто он[1215]), словом, Рильке написал мне однажды: ты не права, ты в праве (в право-царствии, так скажу я). Иметь право – нечто случайное, частичное и собственническое (иметь!), нет! – быть в праве, в самой сердцевине – всегда. Вот – правда Рильке и – моя правда. Когда-то, милая милостивая государыня, – Москва, революция, голод – мне пришлось обучать французскому языку одну богатую и ленивую девочку 12-ти лет. Итак: être – avoir.[1216]

Знаете, что открылось мне на первом же уроке? Я поняла сама, что Etre vaux miеux qu'avoіr.[1217] и это было для меня несказанно большей (и долъшей!) радостью, чем пять фунтов картофеля, что дала мне за урок мать девочки, ибо: Etre vaux miеux qu'avoіr, а мое открытие и было être.

Я ничего не хочу иметь (не имею детей, я сама – мои дети), лишь быть в вещах, прозревать их (не так, как Гёте, которого люблю, словно светлое неведомое чудо, вроде Богом сотворенного леопарда), не так, как Гёте (глубоким взором!), слышать вещи, как Рильке (глубоким слухом – трубой), в них вслушиваться, их слушаться, им принадлежать, быть – вещами.

(Рильке был сам Беттиной, поэтому так и не нашел ее.[1218])

Милая милостивая государыня. Вы тоже нужны мне – нужны, чтобы быть. Мне не с кем говорить о Рильке, то есть продолжать им жить. Многие знали его в Париже, [1219] – и все они, когда-либо его видевшие, его читали, но никто из них не нуждается в Рильке так, как нуждаюсь я, никогда его не видевшая: не слышавшая.

Мне нужны Вы, милая и милостивая, а не я – Вам, я обращаюсь к Вам, а не Вы ко

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мне. Вся ответственность – моя.

Писать ему письма в тетради? На это у меня никогда не хватит времени, а, сверх того, безмолвная, бессловесная речь, не-речь, ему теперь (как и тогда, именно потому, что он был поэт) куда ближе. И в конце концов я хороню его, закапываю в себе так глубоко, что и сама уже не могу отрыть. Так получается.

Нечто, нет: все! еще пылает во мне – яркое пламя! – высоко вздымаясь – до его гроба. Его гроба, что высоко в небесах. На гробницу Наполеона смотрят вниз, [1220] на гробницу Рильке смотрят ввысь. Как и всё в этой жизни – он существует.

Знаете ли Вы историю о его завещании? Старуха встречает кого-то из замка Мюзот и просит, чтобы нынешний владелец не тревожил трех усопших: молодую женщину, что выбрала обоих (или никого), умерла молодой и спит меж теми двумя.

Это исходит, собственно (скажите, как правильно пишется это слово), от молодой русской, от переписчицы. [1221] Знакомы ли Вы с ней? – она прислала мне его последний подарок, [1222] подарила его фотографию (Мюзот – на балконе) [1223] и много рассказывала мне о нем. Он радовался ее здоровью и всегда держал ее за руку, как ребенок, он чувствовал в ней опору.

Она прочла ему вслух мое последнее письмо (открытка с видом Медонской террасы) из Медон-Валь-Флери. Три с половиной года я жила в Праге, не подозревая, что это его родной город, [1224] и четыре года в его Медоне, не зная, что это был (и есть) его город – Медон его роденовой юности, – лишь этой весной узнала об этом из его писем. [1225]

..Это был лист печатного (на пишущей машине) текста, мне очень хотелось бы его иметь, возможно ли это? (Завещание.)

Дорогая госпожа Нанни, мне хотелось бы прочесть книгу Лу Саломе, по приобрести ее не могу – ибо ничего не имею и живу подаянием – не можете ли прислать мне эту книгу? И его юношеские пражские истории, которые я видела лишь на витрине. [1226] Из его книг у меня есть только «Элегии», «Орфей» и «Сады» – это он подарил мне, все прочие остались в России – со всем прочим И еще письма, подаренные мне мужем на Пасху. [1227] Вот и все.

Если Вы готовы на такую любезность – большей радости Вы не сможете мне доставить.

Обнимаю Вас и жду Вашего письма.

Марина

11-го августа 1930 г.

St. Pierre de Rumilly

(Haute Savoie)

Chateau d'Arcine

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милостивая государыня!

Все получила, ибо то, что я получила, воистину – все. А в октябре Вы получите ею последнюю Элегию с моим повторяющимся чужеземным именем и его почтовым штемпелем: Медон-Валь-Флери. [1228]

А позднее – когда-нибудь – и копии его писем. Переписанное моей рукой не значит отданное для печати, попавшее в Ваши руки («в руки Лу...»)[1229] не значит «обнародованное»: разбазаренное: преданное.

К Вашему Рильке добавится у Вас мой. (Подчеркиваю, ибо так говорю.)

Могла же Беттина – бескорыстная расточительница любви! – подарить письма Гёте, написанные его рукой, отдать их своему юному другу. который их (и Беттину, и письма) позднее предал: потерял. [1230]

Вы меня никогда не предадите.

Несколько Ваших слов доставили бы мне высокую радость.

Жму руку и спасибо за все

Марина

17-го октября 1930 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня!

Как странно получается иной раз: когда я писала Вам о русской секретарше, я должна была сразу взять другой лист, ибо не успела опомниться, как на бумаге появились слова: чересчур здоровая. Теперь я Вам это все же скажу.

«Светловолосая девушка» (Черносвитова – украинское имя, означает: та, что носит черную рубашку) обращалась с последним Рильке примерно как с отпечатками его последних фотографий – ее собственностью: это мое, и я даю их когда хочу и сколько хочу, и кому хочу. Случайно оказавшись возле него (как могла она расстаться с ним за несколько дней до его ухода, полагаясь на его «pous pous reverrons», [1231] означавшее совсем другое!), она принимала и даровала эту случайность как судьбу.

Я встретила с ней лишь раз и отпустила ее от себя – не тоскую.

Сегодня, 17-го, я получила Ваше письмо и письма [1232] – все переслали мне из Савойи.

Письмо Ваше пенится и плещется, и сверкает – Бодензее[1233] – слово из моего детства, я жила тогда во Фрейбурге (Брейсгау), и у меня была подруга – Брунхильда – девочка из тех мест, похожая на русалку. Я так ее полюбила, что нам вовсе запретили встречаться. Как будто я была озером (а то и целым морем!), желающим ее умчать домой – со школьной скамьи или песчаной отмели.

(Знаете ли, что Марина и Афродита[1234] – одно, я знала это всегда, теперь это знают ученые – Марина, морская).

Милая госпожа Нанни, Вы так долго не писали, что я подумала: госпоже стало боязно, она не желает полноты чувства, она переполнена, и я не прерывала Вашего молчания я не написала бы, если бы не Ваш оклик.

Грядет холодная зима, уже холодно, хотя зимы еще нет – последние прекрасные дни, как в июне, которым совсем не радуешься, ибо: незаслуженная радость! – мужу пришлось покинуть санаторию, так как русский Красный Крест не мог больше платить, он по-прежнему болен (болезнь легких и – ...), работать не может, в эмиграции не найти «интеллигентной» работы, разве что шофером в такси или на заводе Рено, это ему не по силам, у него все время усталость, с самого утра, его не возьмут – уже по тому, как он выглядит, – ни на какую фабрику.

Изнурительная, удушающая нищета, распродают вещи, что были мне подарены, вырученные 20–30 франков тут же улечиваются. Дочь вяжет, но за свитер с длинными рукавами – две недели труда, не меньше, ибо есть еще множество других дел! – дают всего лишь 50 франков. Я умею только писать, только хорошо писать, иначе давно бы разбогатела. Целых шесть месяцев я работала, переводя на французский мою большую поэму «Молодец», теперь она готова, выйдет в свет с рисунками Натальи Гончаровой, великой русской художницы, но когда, где? Придется ждать, чтобы не обесценить вещь.

С русской эмиграцией лажу плохо, ибо – к ней не принадлежу. Собственно говоря, я вовсе не эмигрант, мне дали уехать потому, что моя дочь (трехлетняя девочка) умерла от голода и еще потому, что во мне, по словам одного коммуниста, «мелкобуржуазности меньше, чем в любом из нас». – «А Вы знали хоть одного мелкобуржуазного поэта?» – ответила я. «Мелкобуржуазных нет, только феодальных», – заявил коммунист – и выдал мне паспорт, [1235] – хотя прекрасно знал, что мой муж с самого первого дня был в Белой армии.

Я взяла с собой моего другого ребенка, восьмилетнего (сейчас ему семнадцать), и уехала.

Итак: с русской эмигранткой лажу плохо, живу лишь в моих тетрадях – и долгах – и если изредка раздастся мой голос, то это всегда правда, без всякого расчета, как совсем недавно, когда наш великий советский поэт Владимир Маяковский (Вы, наверное, читали о его самоубийстве? Прекрасная смерть!) выступал здесь, в Париже, вернее, просто читал свои стихи. На другой день появилось мое открытое письмо к нему–ликующий зов! – Россия еще жива! А на другой день меня выкинули из всех эмигрантских газет (где изредка печатались мои стихи) – дескать, «советская, опасная»... не помню, что еще. Меня, которая в разгар революции, в 1919-м, самом страшном году, перед залом в 2000 человек вещала с эстрады о своей любви к последнему царю. [1236]

Я совсем одинока, и в жизни, и в работе – как во всех школах моего детства: за

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
границей – «русская», в России – «иностранка» – со многими друзьями, которых
никогда не видела и не увижу. Совсем одна – с моим голосом.

Милая госпожа в красном парке (моя мать, что умерла молодой, всегда писала
roth, [1237] Thor [1238] и That, [1239] хотя ее поколение уже низвергло владычество
буквы «h»), милая госпожа в красном парке, великое Вам спасибо за Ваш великий
подарок. В поздний час, когда все окна вокруг черны, лишь в одном – свет: в
моем, я открываю книгу, и это снова я: опальная, как написано в старых немецких
законах – вольная, словно душа.

Марина

О, мне очень хотелось бы получить копию завещания Рильке, я лишь бегло прочитала
его однажды, из рук Черносвитовой, она сказала, что не может предоставить мне
копию, и была, пожалуй, права.

Сегодня (18-го) я уже читала книгу Рильке. Дойдя до места, где он рассказывает о
встрече с Элен Кей, [1240] я невольно улыбнулась, почти – засмеялась. Рильке – и
скупость, Рильке – и франки, Рильке – и автобус. И как он не желает этого понять
(принять) – и пытается объяснить, почти – прояснить – и в конце концов все-таки
понимает (принимает!).

(Рильке – и «идеалы»!) [1241]

Тяжко ему приходилось, среди множества друзей и подруг, что всегда стремились к
нему, как он сам – к самому себе. Голос, уставший от благородства и – жалости.

Вел ли он когда-нибудь дневник? Это была бы самая подлинная его книга: Рильке и
он. [1242]

Обнимаю Вас.

Поклонитесь от меня самому старому Вашему дереву.

6-го марта 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня!

Бесконечно тяжело для меня писать Вам это письмо – Вам – это – но – я буквально
иду ко дну, молча, как и случается с такими людьми. Когда тринадцатилетний
Юлиан, великий маленький музыкант, сын Александра Скрябина, утонул в днепровском
омуте, [1243] никто не слышал ни единого звука, хотя от других его отделял лишь
поросший кустарником островок – величиною с мою ладонь, – и его учительница
музыки, пианистка Надежда Голубовская, [1244] говорила мне позже, что Юлиан

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
просто не умел кричать – она хорошо знала мальчика.

Так было бы и со мной, не имей я близких, что делают нас другими (ими!), – потому-то у Рильке и не было никаких «близких».

Очень просто: люди, помогавшие мне все 5 лет моей парижской жизни – подававшие мне, – устали и ничего не дают. – «К сожалению. я больше не в состоянии...» и т. п. Что мне остается? – «Спасибо за то, что было» и – молчанье.

Мои, как говорится, – «проблемы». Ничего не имею, кроме моих рук и моих тетрадей. Вся моя работа последних трех лет («Перекоп» – большая поэма о войне русских с русскими; «Молодец» – другое) – лежит. Сейчас не время для больших поэм. Дайте нам лучше что-нибудь «лирическое» в не длиннее, чем шестнадцать строк (то есть – 16 франков). А о французском «Молодце» – лишь одна присказка: «Слишком ново, непривычно, вне всякой традиции, даже и не сюрреализм» (NB! от коего меня – Господи упаси!).

Никто не желает *courir le risque*, [1245] ибо это большое произведение – 100 страниц и более, с иллюстрациями Гончаровой, и издавать его нужно по большому счету.

Признана и отвергнута.

Будь я одна на свете, я молча пошла бы ко дну – от сознания полной невиновности и исполненного долга. С самого раннего детства я делала больше, чем могла.

Что мне нужно, о чем я прошу Вас, милостивая государыня, пожалуйста: месячное вспомоществование, сколь бы малым оно ни было. То, что приходит, и на что, сколь бы малым ово ни было, можно рассчитывать – сколь бы недолго оно ни длилось.

Это особенно трудный год. Муж занимается кинематографией (кинооператор – как же это по-немецки? *prises de vues* [1246]) – занимается всерьез и с явным успехом, хорошее место ему обеспечено, правда, не раньше чем через 6–8 месяцев. Моя дочь – вторая в рисовальной школе («Arts et Publicité»), и была бы первой, если бы не «etrangere». [1247] Но – прежде чем она начнет зарабатывать, она должна пройти курс в этой школе, да и слишком обидно было бы бросить. Странное семейство, где все так работают и никто ничего не получает.

Простые люди в квартале любят нас и готовы месяцами ждать, пока мы заплатим, но все-таки это французы, у них свои заботы, и они не могут ждать бесконечно, тем более что с каждым прожитым днем наши долги увеличиваются (молоко, картофель, овощи, уголь). Газ тоже не ждет. И электричество не ждет. И «терм» (3-месячная плата за квартиру) не ждет, то есть всего лишь пять льготных дней. Что будет дальше, не знаю, продавать мне нечего – разве что книги, которые никому не нужны. На четверо человек – четыре простыни.

Милостивая государыня, если Вы можете что-нибудь сделать – сделайте что-нибудь!

Марина

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

9-го марта 1931 г.

Милостивая государыня!

Как, какими словами благодарить? Вы даете мне много больше, чем я просила, я просила немного. Вы даете все – целый терм! Да еще остается, чтобы заткнуть глотку самым кричащим долгам. (Чем молчаливее кредиторы, тем громче вопят долги.) Но всего хуже, когда кредитор терпелив, тут-то и чувствуешь себя настоящим должником. Не чувство долга: чувство вины! Если бы кто-то из них стал кричать на меня, я была бы счастлива. Французы никогда не кричат на других, для русского человека (бунтаря) это тяжело. Он сам начинает кричать.

Милостивая государыня, никто, даже из русских, – ибо никогда не было у нас такого поэта (были поэты, какие есть и будут у немцев), никто никогда не говорил о русских так, как Рильке. Как поэт Рильке – то же, что русские как народ и Россия как страна: ВСЁ.

«Русский человек не революционер, ибо терпелив...» – в таком духе говорил Рильке в 1905 году о русских событиях. И далее: «Поэт – не мятежник».

И все же: мы; русские и поэты – бунтари. В ином царстве. Против иных законов.

Нельзя сделать шаг во имя чего-то, не сделав его против чего-то.

И как раз оттого, что мы – великие бунтари, мы не должны иметь дела с политическими революциями, что всегда мелки, ибо вершатся лишь – ради хлеба насущного? нет: ради проклятых денег.

А теперь выслушайте, милостивая государыня, короткую историю одной судьбы. Когда в 1905 году (первая революция) моя умирающая в Крыму (в Ялте) мать диктовала свое завещание, мы, две ее дочери, Ася – девяти лет, и я – одиннадцати, находились в комнате, что-то писали или рисовали, и, не прислушиваясь, слышали. «Нет! – говорила она, – я не желаю, чтобы все было истрачено на этот кошмар (революцию). Старшая (я) станет революционеркой – уже такая! – и, достигнув совершеннолетия, все тотчас отдаст для партии. А младшая подражает старшей. Пусть лучше эти деньги лежат, и пока детям не исполнится сорок (до сорока люди молоды, знаю это – мне ведь 34!), они не должны попасть им в руки. А к сорока их роман с революцией кончится».

И вот – деньги, большие деньги, остались лежать. И мы – Ася и я – их даже не почувствовали. Собственно – ни разу их не имели. – Деньги (золото!) – призрачные. Почти что рейнское золото! [1248]

Мы тратили мало, были спартанцами, как наша мать (она по матери – высокородная польская дворянка), – лишь книги, на это у нас хватало. Мой первый Париж! 15 лет – одна – летние занятия. Что привезла в Москву? Севрскую статуэтку: маленький римский король, [1249] подпись наполеона (Premier Consul [1250]) и все парижские набережные с книгами (NB! каждая стоила тогда не больше 100 франков!). Ни одного платья, я всегда стыдилась новой одежды.

Так и шло. Потом – детский брак. [1251] С процентами все еще было предостаточно.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Путешествия? За границей всегда только третьим классом. Другие ведь путешествуют третьим классом, так почему не я? Деревянные сиденья? Даже лучше, чем жаркий, красный, зловеще пыльный бархат.

В конце концов – конец пришел скоро – когда пришла революция, мы ничего не потеряли, очень мало. Остались без домов? Ну и слава Богу! Все время дворник (тот, кто убирает двор) со своими требованиями: забор покосился, нужно обновить асфальт перед домом, и все время бумаги – их надо подписывать, и т. д. И экономка – и много всякой разной прислуги – и мы одни, вместе взятые – муж, я и ребенок – не достигшие сорока лет, совсем неповинные в нашей огромной собственности.

Когда я завела разговор в банке (в начале 1917-го, еще можно было все получить), служащие сказали мне: нельзя. Особая оговорка: не выдавать до 40 лет.

Пропало все, насовсем. – Призрачные деньги!

Самое изумительное, что наша мать, как две капли воды похожая на нас, дочерей, оставила нам очень много стипендиатов, которым мы регулярно должны были помогать, среди них – трех революционеров: двух мужчин (евреев) и юную девушку, все – легочные больные, ее знакомые по санатории (Нерви, близ Генуи) – там, за время ее короткой болезни, она встретила и полюбила их.

Они потеряли от переворота больше, чем мы, и наша последняя выплата была еще в апреле 1917-го.

Один из них вернулся в Москву в 1918 году и умер через два месяца в одиночестве, в реквизированной гостинице, в комнате без окна. Он предлагал мне деньги (подозреваю, что втайне мать все-таки его любила, он-то любил ее наверняка)[1252] – я не могла взять, а он был уже слишком болен и слишком далек, чтобы вложить их мне в руку. (Он знал меня еще 8-летним ребенком – тогда, на Ривьере! Теперь мне было 22 года, а мать – давно умерла!)

Наш первый жест – самый искренний, чуткий – когда нам что-нибудь дают – всегда: Нет! – отдернув обе руки, отступив на три шага.

Когда моя мать заболела и мы уехали за границу, она все оставила дома – броши, кольца, серьги и т. д. – потому что их не любила. (Наследство и свадебные подарки.)

А когда четыре года спустя – после смерти матери – мы вернулись в Москву – ничего уже не было, одни футляры.

Я жду другого завещания, его завещания.

Будьте благополучны. Благодарю вас. И обнимаю.

Марина

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Любил ли Рильке евреев? Отличал ли от других? Еврейство ведь тоже стихия (огонь, вода, воздух, земля), как российство.

я более стыжусь благодарить, чем просить. Не потому, что я мало чувствую, потому, что я много чувствую. Благодарение застревает у меня в горле, я готова расплакаться.

11-го августа 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня!

Сердечно благодарю за прелестный пучок лаванды, да будет жизнь Ваша столь же благоуханна, как сейчас моя комната.

Странно: накануне вечером мне опять случилось так долго (и напрямик) думать о Вас: где Вы, как Вам живется и помните ли Вы еще обо мне, а утром, словно аромат в воздухе, – Ваша посылка! Однажды я так же – запросто – послала Рильке ракушки и морскую гальку из Вандеи, ракушки – зов, а камушки – подпись (между ними – морская изморось!) и несколько дней спустя получила от него «Verger» с таким посвящением:

Прими песок и ракушки со дна французских вод моей (что так странна!)

души... Хочу, чтобы ты увидела, Марина,

пейзажи всех широт, где тянется она от пляжей Côte d'Azur в Россию, на равнины.

P. [1253]

(Конец июня 1926)

Мюзот.

Прочитав позже в Вашей рильковской книжке о Родене: «Le poète s'exprime par des mots, le sculpteur par des actes», [1254] я вспомнила, как мы с ним обменялись этими дарами. Сегодня Вы действуете как скульптор! [1255]

Тысячекратное Вам спасибо и – человеку все мало! – все-таки просьба: сказать мне однажды еще и словами, как Вам живется, каково Вам и Вашей душе, и удалось ли Вам еще раз навестить деревья-гиганты Вашего детства (на Боденском озере?), – многое и все.

Вышел ли следующий том писем Рильке? Наверное, нет – из-за кризиса. Жаль. Жива ли еще его мать? [1256] Все это и многое другое мне хочется знать.

А пока – обнимаю Вас от всего сердца.

Марина Цветаева-Эфрон

P. S. Надеюсь, Вас порадует мое ответное деяние – та, древняя-древняя вещь из татарского Крыма, привезенная мной еще из России.

19-го августа 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня!

Это не письмо (письмо следом!), пишу Вам глубокой ночью – сегодня после трехнедельного отсутствия вернулся муж из своей санатории, [1257] а завтра, рано утром, дочь уезжает к друзьям в Бретань, [1258] – и вот целый день я распаковывала и упаковывала вещи, поэтому совсем глупа и тупа.

Сегодня пришел «Feuille de recherches», [1259] я уже ответила: письма почтальон оставляет консьержке, а та их потом раздает. Почтовый ящик отсутствует. Когда дома никого нет, почту подсовывают под дверь. Как раз недавно у нас появилась новая консьержка, а до нее долгое время не было никого, и propriétaire [1260] (мой бедный немецкий! Пишу только Вам) сама раздавала письма. Иногда этим занималась «femme de ménage» [1261] и т. д., словом – беспорядок, я все собиралась попросить почтальона, чтобы он сам отдавал письма в дверях, но постоянно что-то мешало – так всегда и бывает – пока что-нибудь не стрясется.

Милая госпожа Нанни, сейчас глубокая ночь, я поднимаю голову и вижу все книги Рильке (Ваши книги Рильке, что стоят над моим огромным столом (моя первая и последняя огромность) на нескольких полках. – И все становится таким легким, все письма получены, даже те, что не написаны (его).

Обнимаю Вас и скоро напишу Вам опять. Простите мне это не-письмо, не-то-письмо, не-я-письмо!

Марина

То, что Вас обрадовала татарская вышивка, радует и меня (взаимная радость). Тоска – по вещам? Никогда. Лишь по собственной душе – ведь до нее мне почти никогда не добраться.

Этой вещи, пожалуй, не меньше ста лет, старое дерево, хотя все еще и навеки – деревцо.

29-го декабря 1931 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня! Странные бывают совпадения. Сегодня после долгого

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
молчания я взялась, наконец, за письмо, и оказалось, что сегодня – 29-ое декабря, день смерти Рильке. 1926–1931: пять лет! Если меня в моем глубочайшем сне спросят: когда это было? – Вчера! Только что! Никогда! Никогда не будет и никогда не может быть. Никогда и не было.

А теперь, милостивая государыня, небольшое происшествие – рильковское. Поскольку дома я не успеваю добраться до чтения (как и до писания и до себя самой), то я всегда читаю в маленькой электричке Медон–Париж, коей, вероятно, и в помине не было, когда в Медоне жил Рильке. Так и на этот раз. Я читала первый том его писем и так глубоко потерялась в нем, как можно потеряться и (найтись!) лишь в лесу, и когда вдруг поезд остановился, я не могла понять, где же выход. (Выхода в этот момент не было.) Поезд стоял, я бесшумно металась взад-вперед под испуганным взглядом всех остальных. Никто не проронил и звука, никто даже не шелохнулся, как будто их всех – всех тех – я погрузила в мой сон.

Наконец один – слегка улыбнувшись – открыл мне дверь.

Все это длилось ровно минуту: целых шестьдесят секунд: сколько ударов сердца?

Эту историю всего охотней я рассказала бы Райнеру. Но его «нет» (как не оказалось и двери, точь-в-точь как и двери), и я дарю ее Вам, милая госпожа Нанни, к седьмой (любимое число Рильке!) годовщине его отсутствия.

После Рильке я никого не полюблю – не захочу, не смогу. А ведь мы и не любили друг друга, да никогда и не полюбили бы. Об этой не-любви он и пишет в своей последней Элегии (для Марины).

Вот еще, прямо из моей записной книжки:

– Поскольку дома у меня нет времени – не бываю дома (ибо всегда в себе) – я читаю твои письма только в поезде или подземке (прекрасное слово!) – и как внутренне я защищаюсь, Райнер, от всего и всех – тобою, так внешне защищен и ты – твоя книга – моей (под моей) рукой – крылатой рукой плаща.

Милая госпожа, я ничего не знаю о Вас с той поры, как потерялось письмо. Где Вы (у меня лишь один из Ваших адресов), какой была или будет зима? жива ли еще мать Рильке? Знаете ли Вы что-нибудь о его дочери и внучке? (Его кровь!)

Мои дела очень плохи, потому что очень плохи наши дела. Муж работает в частной конторе, [1262] с 9 утра до 10 и даже 12 ночи, и получает за это 260 франков в неделю – он тратит их на питание и проезд. Вот все, что мы имеем, собственно, не имеем даже этого, потому что как раз теперь у него каникулы, значит, целых две недели – ничего. Единственный журнал, куда я писала (в эмиграции все партийно, я же не принадлежу ни к одной партии), мой единственный журнал истаял, став тоненькой тетрадью. [1263] Дочь работает много и не зарабатывает ничего. Она – первая в своей школе («Arts et Publicite»), первая по трем специальностям: иллюстрация, литография, гравюра, и могла бы немало зарабатывать, если бы о ней кто-нибудь позаботился. Но никто о нас не заботится.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Маленький великан (Георгий, 6 лет) растет и становится большим.

Милая госпожа Нанни, вспомните о его завещании. Сегодня, сегодня, сегодня ушел он.

Желаю Вам здоровья и спокойствия в Новом 1932-м году!

Сердечно обнимаю Вас.

Марина

12-го января 1932 г.

Meudon-Val-Fleury (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Милостивая государыня и – дорогой друг! Рождественский дар![1264] Эту книгу я буду читать долго, читать медленно, как можно дольше и медленней. Читать? Жить ею. Чудное начало с русскими стихами латинским шрифтом[1265] (я перевела латинские буквы обратно в кириллицу, а так они звучат по-чешски, по-родному, ибо Прага – моя вторая родина, как для Рильке – первая). – Первая поездка в Россию. Первый Рильке. (1899-й – мне было тогда пять лет).

Милая госпожа! Очень важный для меня (пожалуй, и сам по себе) вопрос. Я знаю, что все переводы Рильке на французский, кои появились доселе, сделаны Морисом Бетцом. Переводит ли Бетц и его письма,[1266] то есть получил ли он права на эту работу? Не могли бы Вы, милая госпожа Нанни, столь близкая ко всему, что касается Рильке (я не знаю – не знала – никого, кроме него самого, а его больше нет), выяснить в издательстве «Insel»[1267] (или у наследников), даны ли уже кому-нибудь права на эту работу (французский перевод писем Рильке).

Если нет – я взялась бы за перевод всех трех томов и сделала бы это не хуже самого Рильке. По-французски я говорю и пишу так же, как по-русски, и уже перевела рифмованными стихами мою большую поэму (Le Gars[1268]) да и много еще. Рильке и его язык я настолько знаю изнутри, что у меня получится лучше, чем у кого-то другого. Чтобы переводить поэта (любого, не говоря уже о таком!) да еще переводить прозу поэта, которая – особого рода, нужно самому быть поэтом. Никто другой не может и не должен этого делать.

Это была бы большая работа. Знаю. Чем больше – тем больше радости. Больше, чем большая работа, – вторая жизнь. Внутренняя жизнь – в-нем-жизнь, и все же – деятельная жизнь.

Итак, дорогая госпожа Нанни, если Вы готовы оказать мне милость – напишите обо мне и моем предложении в издательство «Insel» или наследникам: русская поэтесса Марина Цветаева, знающая французский как свой родной – умеет не только писать на нем, но и сочинять стихи – хотела бы перевести письма Рильке на французский язык и спрашивает, свободна ли еще эта работа.

Я могла бы уже сейчас перевести несколько писем – и показать их. (Кому?)

Таков мой громадный (выполнимый ли?) план. (Все места в жизни уже заняты, – с этим убеждением родилась – но: остается ведь еще целый мир наверху! Сперва горы,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
в конце (или в начале?) – небо.)

Во-вторых. Первым делом я хотела бы выбрать и перевести из писем Рильке все, что в них есть о России. R.-M. Rilke et la Russie[1269] или: La Russie de R.-M. Rilke[1270] – звучит лучше и – глубже. (Его Россия, как его смерть: все и только то, что не принадлежит никому, принадлежало ему. Его жена – нет, его ребенок – нет, его Россия – да.) Будет ли и у меня право на эту подборку (и французский перевод)?

«La Russie fut le grand – événement de son être et de son devenir», [1271] – так начиналось бы мое предисловие. Мой французский был бы в точности его немецким. Я писала бы его языком (он сам однажды написал мне с улыбкой о моих – и своих – частых скобках в письмах: «Ты так сильна и в моем языке, что, думая о тебе, каждый раз я вынужден писать по-твоему...» Намек на мои короткие фразы и длинные скобки).

Это не должно стать книгой, то есть для книги еще слишком рано, ведь в последующих томах будет еще не раз помянуто о России (повеет и пахнет Россией!). Сперва это могло б появиться в каком-нибудь хорошем журнале. И стать книгой – той самой: русско-рильковской, которую ведь он хотел написать. И в конце концов написал. Ее нужно всего-навсего составить я – вот она!

Не: Рильке о России, не Рильке и Россия – Россия в Рильке, так я это ощущаю.

Россия Рильке, переведенная русским поэтом на его второй стихотворный язык – французский. Я думаю, он был бы (будет) рад.

Если Вы, дорогая госпожа Нанни, обратитесь в издательство «Insel» или к наследникам по поводу французского перевода, не могли бы Вы попутно спросить и о русском? Ибо мне хочется перевести Рильке и на русский язык, – все три тома, конечно, тяжело, да я и не знаю здесь, в эмиграции, ни одного издателя для такого огромного и серьезного дела (в новой России – тем более; Рильке понял бы и ее, она Рильке – нет). Я делала бы это потихоньку и – ожидала бы. Как делаю я со многими собственными сочинениями. Не ради скорейшей публикации, что нынче, в данный момент невозможно (говорю о всем массиве писем – звучит как горный массив!). Но Россия Рильке могла бы уже теперь появиться по-русски. Как и французский перевод – в каком-нибудь журнале.

Многие русские не знают немецкого, а молодые и подавно. Но – Рильке должен прийти к ним, прийти именно к ним. Так должно быть.

Я говорю только о праве перевода. Не печатать, только переводить. А если когда-нибудь дойдет до того, что работа будет готова (скажем, первый том писем полностью), все остальное смогут обсудить и решить между собой французский издатель и издательство «Insel». Я же хочу одного: быть уверенной, что – если я получу право на перевод – никто другой его не получит – никто, кроме меня. Иначе – что толку в моей работе! С кем-то другим я тоже не желаю работать, да и не смогла бы. Один писал письма – один и должен их переводить.

Если издательство «Insel» захочет узнать, кто я такая и на что гожусь, – достаточно ли будет письма от А. Жида?

Обнимаю вас и благодарю безмерно

Марина Цветаева

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
P. S. Жива ли еще мать Рильке? Знакомы ли Вы с ней? А что получилось из Клары Вестхоф – скульпторши Клары Вестхоф?[1272] А из маленькой Рут? А из маленькой Кристианы, которой, думаю, минуло уже девять лет?

Нет ли у Вас фотографии могилы в Рароне?[1273]

22-го ноября 1932 г.

Clamart (Seine),

101, Rue Condorcet,

Дорогая госпожа Нанни! Да, дела мои (наши) шли и идут очень плохо, муж болен, дети исхудали (дочь совсем истощена и бескровна: с весны и до поздней осени мы голодали, как в Москве) – и т. д. – я очень далека от всякого круга (имею в виду круг людей), значит, и от литературных кругов, что поглощены здесь политикой больше, чем литературой, то есть больше кричат и ненавидят, чем молчат (пишут) и любят, – все места заняты, я билась над чужими переводами, хочу сказать: если кто-то сделал плохо, мне приходилось переделывать, то есть все переписывать наново: за неделю такой работы – примерно 100 франков, часто меньше. И т. д. – не хочу докучать Вам этими – в конечном итоге мелкими – заботами. И так: ищу работу, нигде не могу ее найти и – тут начинается история.

Распахивается дверь, и моя приятельница (и покровительница) с сияющим лицом: – Есть работа и радость! – в ее протянутой руке книга: Карл Зибер – «Рене Рильке (Юность Райнера Мария Рильке)». [1274]

Открываю: детские фотографии: очень мило! Первая – на втором году жизни – вылитая моя дочь, я знала это и раньше, однажды я написала Рильке: «У нее твои глаза», – а здесь, в двухлетнем возрасте, – то же лицо.

Потом – читаю. И уже с самого начала: предисловие, нет, до того, еще раньше, едва я вникла в это «Рене» – он ведь никогда не был «Рене», хотя и был так назван, он всегда был Райнер – словом, мое первое чувство: ложь! ...

Дорогая госпожа Нанни, это ответ на Ваше милое письмо, которое мне переслали, – я давно уже (к сожалению!) покинула Медон-Валь-Флери. (Его Медон, теперь там как раз реставрируют до Родена.)

Напишите мне скоро еще раз, мне так хотелось бы знать, что я не одинока в моем возмущении.

Завтра я должна буду отказаться от перевода – моя покровительница огорчится – да и другую работу (достаточно трудную) я опять-таки не получу так быстро, но: ничего не поделаешь. Я не могу и не хочу такой работы – Боже упаси такое мочь и хотеть!

Обнимаю Вас от всей души. Фотографии Рильке доставили мне огромную, глубокую и грустную радость.

Марина

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

7-го сентября 1933 г.

France, Clamart (Seine),

10, Rue Lazare Carnot,

Милая, милая госпожа Нанни,

три Ваших подарка неспешно путешествовали за мною следом, [1275] пока, наконец, вчера вечером не настигли меня все разом – словно три ангела, что идут за человеком и, как подобает ангелам, никуда не торопятся.

Я несказанно счастлива, даже более чем счастлива – насыщена счастьем, какое бывает только с Рильке. (Счастьем – тоже не точно; быть может: родиной? Вы меня понимаете.)

Спасибо, спасибо, спасибо.

А теперь – открытку в несколько слов: как Вам живется, каким было лето, какова осень, какой будет зима. Так долго – два года, наверное, – я не слышала Вашего милого далекого голоса. (Чем дальше – тем звучней!)

Люблю и приветствую, и бесконечно благодарю Вас.

Марина

23-го сентября 1933 г.

France, Clamart (Seine),

10, Rue Lazare Carnot,

Милая, милая госпожа Нанни, огромная, огромная просьба.

Не могли бы Вы послать в издательство «Insel» это мое благодарственное письмо к княгине Турн унд Таксис, вернувшееся ко мне из Берлина и Цюриха. Может быть, в издательстве знают адрес княгини, ведь они печатают ее письма. [1276]

Боюсь делать это сама, ибо мне так не повезло с первого раза. Вот уже целую неделю письмо лежит в ящике моего письменного стола и тяготит меня, я не хочу его открывать, его уже коснулась судьба – эти два путешествия и возврат, и холодные печатные буквы: адресат неизвестен. Если княгиня его получит – пусть получит его в таком виде. Поэтому прошу Вас, милая госпожа Нанни (сейчас я написала Ваше имя с русским «Н» – Нанни: так зовут Вас, если писать по-русски!), милая госпожа Нанни, поместите, вложите его, как оно есть, в другой конверт! и сами надпишите адрес. Возможно, у Вас более легкая рука и княгиня его все же получит.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Будьте добры указать и обратный свой адрес, чтобы письмо не потерялось, если и издательство «Insel» не сможет отыскать следа княгини. (Я чувствую, как ужасно пишу по-немецки, но ведь за несколько лет я не написала ни одной немецкой строчки!)

Это – моя благодарность за ее высокую, подлинную книгу о Рильке[1277] – насколько выше, проще и подлинней, чем книга Лу Саломе, не правда ли?

И в заключение – счастья Вам и радости: с великим началом – новым человеком – новым ребенком! [1278] Кто он? Как его назвали? От имени многое зависит...

Настоящее письмо к Вам – следом.

С любовью и благодарностью

Марина

– Турн унд Таксис Гогенлоэ, верно?

ЦЕРЕТЕЛИ И.Г
Апрель 1930

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeawie d'Arc

Многоуважаемый Ираклий Георгиевич,

Посылаю Вам два билета на Вечер Романтики, – это собственно мой вечер, но я сочла милее для своих участников дать его под этим названием.

Цена билета 50 фр. Я бы с радостью пригласила Вас просто, но вечер – на лечение мужа, который очень болен (туберкулез), и моя единственная надежда. Честным трудом (т. е. стихами) не заработаешь никогда.

Билеты Вам шлю по совету М. Н. Лебедевой.

Простите за неприятное письмо, но мне достаточно неприятно его писать. Кроме того, вечер действительно интересный: от князя С. Волконского (Санкт-Петербург) до Поплавского (Монмартр), а посерединке мы с Тэффи, которая будет читать не-смешное.

Кроме того – трое петербуржцев – гумилевцев – Адамович, Г. Иванов, Оцуп (предреволюционная эстетика) и, наконец, Вадим Андреев, сын Леонида. Услышите целую эпоху.

До свидания, надеюсь 26-го (суббота на Пасхальной неделе).

Всего доброго. На вечере увидите ту Алю, детские писания которой Вам так нравились, – 16 лет, выше меня.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦветаева

ВИЛЬДРАКУ ШАРЛЮ
Медон, 1930 г. [1279]

Дорогой господин Вильдрак, я получила письмо Ваше, и книгу. [1280] Не ответила Вам раньше лишь из нежелания превращать Ваш летний отдых в эпистолярный. Но поскольку Вы уже вернулись...

Вы спрашиваете меня, почему я рифмую свои стихи:

Я католик, я крещеный.
У меня есть пес ученый.
Очень я его люблю,
Хлебом я его кормлю!
(Жако, 6-ти лет, сын лавочки из нашего дома)

Если бы указанный автор указанного четверостишия возгласил:

«Я – христианин, обладатель собаки, которую кормлю хлебом», – этим бы он ничего не сказал ни себе, ни другим: этого бы просто не было; а вот – есть.

Вот почему, господин Вильдрак, я рифмую стихи.

Белые стихи, за редчайшими исключениями, кажутся мне черновиками, тем, что еще требует написания, – одним лишь намерением, не более.

Чтобы вещь продлилась, надо, чтобы она стала песней. Песня включает в себя и ей одной присущий, собственный – музыкальный аккомпанемент, а посему – завершена и совершенна и – никому ничем не обязана.

(Почему я рифмую! Слово мы рифмуем – «почему»! Спросите народ – почему он рифмует; ребенка – почему рифмует он; и обоих – что такое «рифмовать»!)

Вот попытка ответа на Ваш – легчайший! – упрек мне в том, что звуковое начало в моих стихах преобладает над словом, как таковым (подразумевается – над смыслом)! – Милый друг, всю свою жизнь я слышу этот упрек, просто – жду его. И Вы попали в точку, ничего обо мне не зная, с первого взгляда (по первому слуху)! Однако Вы оказались пронзительнее других, сопоставив не только звук и смысл, но и – слово (третью державу!) Упрек же Ваш, вместо того чтобы огорчить или опечалить, заинтересовал меня, как повод к спору, из которого сама я могла бы немало извлечь для себя.

Я пишу, чтобы добраться до сути, выявить суть; вот основное, что могу сказать о своем ремесле. И тут нет места звуку вне слова, слову вне смысла; тут – триединство.

Поймите, дорогой господин Вильдрак, я защищаю не свой перевод «Молодца» – не самоё себя, а свое дело: правое дело.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я Вам буду только благодарна, если Вы укажете мне те или иные темные – или просто неудачные – или невнятнозвучащие – места, тем более что я – иностранка. Я могу плохо владеть рифмой – согласна; но Вам никогда не убедить меня в том, что рифма сама по себе – зло.

(Только не сердитесь! Если сержусь я–то в полном к Вам доверии.)

О Вашей книге. Знаете ля, она мне очень напоминает Рильке, Рильке в «Записках».[1281]

Ваша книга – обнаженное сердце, не защищенное формой, книга – сказанная, не написанная, а поэтому скорее услышанная, чем прочтенная. Я ее перечитала три раза. И себя нашла в ней (вот Вам случай поверить мне на слово) – главное в «Быть Человеком», [1282] главное в: «Коль встретишь ты того, кто золотом владеет», главное в: «Бесстрастно говорят – подай и принеси», [1283] главное в этих «подай и принеси», весомых, как существительное; которые я выделила бы курсивом; которые я прочла – курсивом!

«Кушать подано» – та, подающая, та, принимающая, о «подаче» не думают; но Вы – я – мы – поэты, мы – обостренный слух, думаем за них: подано обеими моими руками – ее рукам, платиновым и праздным. Не так ли?

Харчевня, это весь Рильке. Рассказы о Боге, [1284] Его собственное во внутренней сущности вещей. Когда я произношу имя Рильке, я имею в виду братство. Подделываться под Рильке невозможно, можно родиться, можно быть Рильке. В этой книге, наполненной любовью. Вы его брат, как человек, в этом Вы вместе – «братья-люди». Вы как его брат-дерево, его брат-волк.

И что меня особенно трогает – не знаю и не хочу даже знать, почему, – столь часто повторяемое Вами слово «милый», «милая», – не столько к людям относимое, такое скромное и такое не стихотворное!

..Voici le cavalier sans cheval![1285]

Этой строкой определен Ваш выбор в жизни, может быть даже – прежде жизни! Кто хочет, может завести себе коня; кто хочет – молитвенник, но, не имея их, – быть (всадником, монахом) – высшая гордыня или высочайший отказ.

Как мне знаком этот всадник без коня!..

...Не странно ли, что я, влюбленная в рифму более, чем кто-либо, обратилась именно к Вам, высокомерному ее неприятелю? Не проще ли было бы привести моего «Молодца» в гостеприимный стан друзей рифмы – если таковой существует?

Прежде всего и во всем: мой инстинкт всегда ищет и создает преграды, т. е. я инстинктивно их создаю – в жизни, как и в стихах.

Итак, по-своему, я была права.

Дальше: нас с Вами связывают узы родства. Вы ведь любите Россию и Пастернака; и, главное, Рильке, который не поэт, а сама поэзия.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пишу все это, чтобы сообщить Вам, что я с большим удовольствием приду в этот вторник к 4 ч. на 12, rue de Seine.

До свидания, дорогой господин Вильдрак. Вам решать, хотите ли Вы меня видеть. Если бы я не послала Вам рукопись, я бы испытывала по отношению к Вам ту же свободу, что и по отношению к Вашей книге: à me à à me[1286] (восхищаетесь этими тремя а!), но – мне неловко, что я попросила Вас ее прочитать, и поэтому буду молчать, пока не заговорите Вы.

МЦ.

P. S. Присланный Вами милый стишок о тетушке, которая, подметая пол, нашла апельсин, полон смысла и солнца; солнечное воскресенье, вощеный паркет, апельсиновый апельсин... и сама тетушка в чепце, смахивающем на фригийский колпак[1287]... но меня понесло, и Вы уже морщитесь!

P. S. Мой Жако незнаком с псалмами, ибо он – истинный язычник и сын язычников, к тому же ходит в коммунальную школу, а не к господину кюре.

Только рифма (необходимость срифмовать ученую собаку) превратила его в «крещеного». Как всегда, «в начале было слово», что до самой собаки, вернее – пса, то он действительно существует, с чего мне и следовало начать. Это – Зиг; ученый или нет, он шастает по помойкам.

ИВАСКУ Ю. П
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

7-го ноября 1930 г.

Многоуважаемый Господин Иваск,

Письмо и «Русский Магазин»[1288] получила. Участвовать согласна. Условия (2 фр. строка) подходят. Прилагаю стихи.

Большая просьба: так как я сейчас крайне нуждаюсь (это говорят все – всегда – но есть разные степени этой крайности, говорю о крайней) сделайте все, что можете, чтобы немедленно выслать мне гонорар, этим Вы меня не только выручите, а – спасете.

О стихах. Если можно – пришлите корректуру, вышлю обратной почтой, если никак не возможно – правьте сами, очень прошу, сохраняя все мои знаки, особенно в последнем стихотворении, где всё на знаках.

А вот это обозначает промежуток между строками. (Когда нет – в строчку). В двух первых стихотворениях – легко, ибо идут четверостишьями. Словом, мой текст очень ясен, всё дело в корректуре.

Итак, еще раз – горячая просьба о срочном гонораре и, по возможности, корректуре. [1289]

Всего лучшего

Марина Цветаева

Приписка на полях:

Журнал приветствую.

4-го апреля 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Многоуважаемый Господин Иваск,

Написать Вам исчерпывающее письмо в ответ на Ваше – было бы отказаться от всякого: знаю себя, – стала бы, как всегда, когда пишу – что бы ни писала – добиваться формулы, а время бы шло, а его у меня вообще нет – ни на что – и в конце концов – очень далеко конце очень далеких концов – получилась бы лирическая статья, вернее очередная моя лирическая проза, никому здесь не нужная, а до Вас бы – за стыдом такого запоздания – и физически бы не дошедшая.

Раскрываю Вашу статью[1290] и записываю на полях все непосредственные отзвуки и реплики.

Вы говорите, я – прерываю.

– Тák?

Стр. I – Блистательное определение писательского слога (и словаря) Шишковым.[1291] Эти строки я ощущаю эпиграфом к своему языку.

Стр. II (низ) – Под влиянием Вячеслава Иванова не была никогда – как вообще ни под чьим.[1292] Начала с писания, а не с чтения поэтов.

Стр. III – М. б. Вам интересно будет узнать, что оба Георгия – кузминский и мой – возникли одновременно и ничего друг о друге не зная.[1293] С Кузминым у меня есть переписка, только он отродясь устал, а с меня хватит еще на 150 миллионов жизней. Федры Кузмина не читала никогда.[1294] Источники моей Федры – вообще всей моей мифики – немецкий пересказ мифов для юношества Густава Шваба. Верней (источники-то я сама, во мне) – материалы. Равно как материалы Царь-Девуцы и Молодца – соответствующие сказки у Афанасьева.

Стр. III (оборот) – Эренбург мне не только не «ближе», но никогда, ни одной секунды не ощущала его поэтом. Эренбург – подпаденис под всех, бесхребтовость. Кроме того: ЦИНИК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЭТОМ.

Стр. III (оборот) – ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. Психея[1295] совершенно не важна для уяснения моего поэтического пути, ибо единственная из моих книг – не этап, а сборник,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
составленный по приметам явной романтики, даже романтической темы. Чуть ли не по
руслу физического плаща. В том же 16 г. у меня были совершенно исступленные
стихи (и размеры), от которых у меня сейчас волосы дыбом.

Стр. IV – Ничего не поняла из «Сложных метров», как никогда не понимала никакой
теоретики, просто – не знаю, правы ли Вы или нет. Пишу исключительно по слуху. –
Но вижу, что работу Вы проделали серьезную. [1296]

Стр. IX–стр. X. – Если Октябрь для Вас символ мятежа, больше – стихии – очень
хорошо, что поместили меня внутрь (как внутрь – пожара!). Спасибо, что не
причислили меня к «детям буржуазии» – футуристам. «Пользоваться» и
«наслаждаться» чем бы то ни было – до жизни включительно – всегда было моим
обратным полюсом.

Стр. XI (оборот) – очень хорошо о Пастернаке (ЛЕГКО ВЗДОХНУТЬ). и ОЧЕНЬ ПЛОХО
(не сердитесь!) обо мне: КОЛЬЕ, ХИТОН – да это же – маскарад! Кстати, ни
«колье», ни «хитона» у меня в стихах (да и в прозе) НЕ найдете. Вы просто
употребили НЕ ТЕ слова (не знаю поскольку Вы к ним чутки). «Колье» – да еще в
русской транскрипции – символ роскоши, вещь, которой я – кроме как в природе, т.
е. в контексте деревьев, ручьев и т. д. – того изобилия – ОТРОДЯСЬ брезгую. А
хитон оставим Вячеславу: [1297] прекрасному ложно-классику.

XIII (низ) – ВЕСКОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ. Ученику НЕ МАЛО Учителя. МАЛО ТОЛЬКО КОГДА
ВЗАИМНО И НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ. Ученик не на земле. Ученик не на земле, а на горе. А
гора не на земле, а на небе. (NB! Не только эта, – всякая гора. Верх земли, т.
е. низ неба. Гора – в небе.) Ученик – отдача без отдачи, т. е. полнота
отдачи. [1298]

Тезею не мало Ариадны, ему – мало земной любви, над которой он знает большее,
которой он сам больше – раз может ее перешагнуть. Тезей не через спящую Ариадну
шагает, а через земную – лежащую – любовь, лежащего себя. – Ваше наблюдение о
МАЛОСТИ – верно, ноне те примеры, не тот упор. Еще – не женщина «соблазняется»
лавролобом, а лавролобий – оспаривает и отстаивает ее у земного. Это – разное.
И, если хотите, только лавролобий-то ей и ведом, только в нем-то она и уверена,
все земные – призраки. [1299]

Стр. XIII (оборот). «Третий» Вами не так понято. Говорю здесь о ПОМЕХЕ САМОЙ
ЖИЗНИ. Говорю о том, что между, а не о том, что над. Над есть желательный исход.
Вакх, Лавролобий и Сонмы – есть исход и выход. В «Наяде» я о ПОМЕХЕ говорю,
которая есть – жизнь и исчезнет вместе с нею. Я говорю о третьем с маленькой
буквы, о предмете, о быте – хотя бы этот быт – был мыс, между оком и
горизонтом. [1300]

Не надо «в принципе согласны». Найдите лучше.

Очень хорошо: как бы перерастает самоё себя. Только не «как бы», просто –
перерастает.

XIV – Самовлюбленность – плохое слово, ибо сродни самодовольству. Лучше:
влюбленность в самого себя.

Ваше определение ВРАЖДЫ мне абсолютно-чуждо. Вражда – прежде всего избыток сил.
НИКОГДА НЕ НЕДОХВАТ. ВСЕГДА-РАСТРАТА. (Я недавно об этом много думала и писала.)

XIV – Чему же «предшествует» Одиночество? [1301] Не есть ли оно – итог, последняя
колыбель всех рек?

XIV (оборот) – Очень хорошо: страсть сама страдает. Вакхический рай – хорошо. Знаете ли Вы моего «Молодца»?

До – мой:

В огонь синь.[1302]

О спартанском небе тоже хорошо. Вообще, эти Ваши исходы – хороши.[1303] и хороша иерархия: Вакхический рай – Спартанский утес – Рильке. Стоило бы эти главы разработать внимательно.

XVI – Хорошо сопоставление последнего рыцаря – Блока и единоличного бойца (Вы этого не говорите, но это напрашивается) – меня.

Но конец страницы, голубчик, ужасен (не сердитесь!)

«Цветаева влюблена в великолепие форм старого мира, в мрамор и позолоту» – ГДЕ ВЫ ЭТО ВЫЧИТАЛИ?? Мрамор, если хотите, люблю (СЛОВО люблю достоверно) – но не больше булыжника старой Сухаревки, вообще люблю камень, твердое, но вовсе не как символ дворянской эпохи. Или даже римской. Мрамор старше дворян! Мрамор старше времен. Мрамор – либо само время, либо (где-нибудь на Урале) – та достоверная радость твердости, на которую наступаешь. Либо – вечность, либо – природа. И меньше всего – Николай I. Не делайте меня Мандельштамом: я ПРОЩЕ и СТАРШЕ, и этим – МОЛОЖЕ.

А уж «позолота»... Золота физически не переносу, даже у меня осень, вопреки зримости:

Березовое серебро,

Ручьи живые[1304]

Хуже золота для меня – только платина.

Золото – жир буржуазии, платина – ее смертный налет. Я о золоте много и враждебно писала. Разве что – золото Рейна! (Меня, вообще, ищите – там.)

Амврозия, пудра, рококо – мой друг, какие ЭРЗАТЦЫ[1305] Какие третьичиостиГ даже звук слов ненавижу (кроме амврозии, которая в каком-нибудь контексте еще может сойти, хотя и то – нет: пища богов: non-sens, довольно с нас пища людей!).

Не верю в форму (и об этом много писала), никогда ее не встречала, кроме как в виде разбитой скорлупы или три дня лежащего покойника. Или мои стихи о том мире сильны, но только потому что я ни секунды ее ощутила его «формой», всегда – живым, жизнью – будь то XVII в. или 17 год (до = 17 год!).

«Драгоценные вина» относятся к 1913 г.[1306] формула – наперед – всей моей писательской (и человеческой) судьбы. Я всё знала – отродясь. NB! Я никогда не была в русле культуры. Ищите меня дальше и раньше. XVI (оборот). Нет, голубчик, меня не «не-помнят», а просто – не знают. Физически не знают. Вкратце: с 1912 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru по 1920 г. я, пиша непрерывно, не выпустила, по литературному равнодушию, вернее по отсутствию во мне литератора (этой общественной функции поэта) – ни одной книги. Только несколько случайных стихов в петербургских «Северных Записках». Я жила, книги лежали. По крайней мере три больших, очень больших книги стихов – пропали, т. е. никогда не были напечатаны. В 1922 г. уезжаю за границу, а мой читатель остается в России – куда мои стихи (1922 г. – 1933 г.) НЕ доходят. В эмиграции меня сначала (сгоряча!) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почуяв не-свое: тамошнее! Содержание, будто, «наше», а голос – ихний. Затем «Версты» (сотрудничество у Евразийцев) и окончательное изгнание меня отовсюду, кроме эсеровской Воли России. Ей я многим обязана, ибо не уставали печатать – месяцами! – самые непонятные для себя вещи: всего Крысолова (6 месяцев!), Поэму Воздуха, добровольческого (эсеры, ненавидящие белых!) красного бычка, и т. д. Но Воля России – ныне – кончена. Остаются Числа, не выносящие меня. Новый Град – любящий, но печатающий только статьи и – будь они трекляты! – Современные Записки, где дело обстоит так: – «У нас стихи, вообще, на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 страницах – 12 поэтов» (слова литературного редактора Руднева – мне, при свидетелях). И такие послания: – «Марина Ивановна, пришлите нам, пожалуйста, стихов, но только подходящих для нашего читателя, Вы уже знаете...». Бóльшей частью я не знаю (знать не хочу!) и ничего не посылаю, ибо за 16 строк – 16 фр., а больше не берут и не дают. Просто – не стоит: марки на переписку дороже! (Нищеты, в которой я живу, Вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж болен и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает 5 фр. в день на них вчетвером (У меня сын 8-ми лет, Георгий) и живем, т. е. просто медленно издыхаем с голоду. В России я так жила только с 1918 г. по 1920 г., потом мне большевики сами дали паёк. Первые годы в Париже мне помогали частные лица, потом надоело – да еще кризис, т. е. прекрасный предлог прекратить. Но – Бог с ними! Я же их тоже не любила.)

Итак, здесь я – без читателя, в России – без книг.

XVII – «Для эмиграции Цветаева слишком слаба...» –??? –

Думаю, что эмиграция, при всем ее самомнении, не ждала такого комплимента. [1307]

Ведь даже Борис Зайцев не слаб для эмиграции! Кто для нее слаб? Нет такого! Все хороши, все как раз вровень – от Бунина до Князя Касаткина-Ростовского, [1308] который вот уже второе десятилетие рифмует вагоны с погонами («Мы раньше носили погоны, – А теперь мы грузим вагоны» – и т. д.). Вы м. б. хотите сказать, что моя ненависть к большевикам для нее слаба? На это отвечу: иная ненависть, инородная. Эмигранты ненавидят, п. ч. отняли имена, я ненавижу за то, что Бориса Пастернака могут (так и было) не пустить в его любимый Марбург, [1309] – а меня – в мою рожденную Москву. А казни – голубчик – все палачи – братья: что недавняя казнь русского, [1310] с правильным судом и слезами адвоката – что выстрел в спину Чеки – клянусь, что это одно и то же, как бы оно ни звалось: мерзость, которой я нигде не подчинюсь, как вообще никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было и чьим именем бы ни оглавлялось.

– я – с Утверждениями?? [1311] Уже звали и уже услышали в ответ: «Там где говорят: еврей, подразумевают: жид – мне собрату Генриха Гейне – не место. Больше скажу: то место меня – я на него еще и не встану – само не вместит: то место меня чует как пороховой склад – спичку!»

Что же касается младороссов – вот живая сценка. Доклад бывшего редактора и сотрудника Воли России (еврея) М. Слонима: Гитлер и Сталин. После доклада, к началу прений – явление в дверях всех младороссов в полном составе. Стоят «скрестивши руки на груди». К концу прений продвигаюсь к выходу (живу за городом и связана поездом) – так что стою в самой гуще. Почтительный шепот: «Цветаева». Предлагают какую-то листовку, которой не разворачиваю. С эстрады Слоним: –

«Что же касается Гитлера и еврейства...» Один из младороссов (если не «столп» – так столб) – весь зал: «Понятно! Сам из жидов!» Я, четко и отдельно: –«ХАМ-ЛО!»

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Шепот: не понимают.) Я: – «ХАМ-ЛО!» и, разорвав листовку пополам, иду к выходу. Несколько угрожающих жестов. Я: – «Не поняли? Те, кто вместо еврей говорят жид и прерывают оратора, те – хамы. (Пауза и, созерцательно:) ХАМ-ЛО». Засим удаляюсь (С КАЖДЫМ говорю на ЕГО языке!). [1312]

Если я всегда жила вне русла культуры, то, м. б. потому, что оно ПО МНЕ пролегло.

Нет, голубчик, ни с теми, ни с этими, ни с третьими, ни с сотыми, и не только с «политиками», а я и с писателями, – не, ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей, без друзей – без круга, без среды, без всякой защиты причастности, хуже, чем собака, а зато –

А зато – всё.

До свидания! О конце Вашей рукописи – очень значительном – допишу в следующий раз. Сейчас как будто устала – и бумага кончается (Пишу разведенными чернилами, почти водой, – оскорбительно!)

Если хотите, чтобы поскорей ответила, пришлите марку (кажется на почте продаются такие интернациональные знаки), – лучше попросить марку, чем совсем не ответить – правда?

– О многом, очень важном, м. б. самом важном, еще не сказала ни слова.

М. Цветаева

Приписки на полях:

Мне думается, Вы знаете 1/2 моего печатного материала, а он весь – 1/2 мною написанного, если не меньше.

Писать обо мне по существу – не отчаялся бы только немец. Замечательные, исключительные стихи – Бенедиктова. [1313] Спасибо. «Искусство при свете Совести» по требованию редакции сокращено ровно наполовину. Читаю – и сама не понимаю (связи, которая в оригинале – была).

3-го апреля 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Юрий Иваск,

Короткая отписка, потому что завтра крайний срок сдачи моей рукописи о Белом в Современные Записки (апрельский номер), а переписываю я ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ (всю жизнь!), а в рукописи около четырех печатных листов.

– Тронута постоянством Вашего внимания, и внутреннего и внешнего (хотя – внешнего – нет: ни внимания, ни, вообще, ничего) – говорю об ответной марке.

Теперь наспех, по существу:

Может быть мой голос (la portée de ma voix[1314]) соответствует эпохе, я – нет. Я ненавижу свой век и благословляю Бога (я знаю, что нельзя благословлять Бога, но так я говорила в детстве, и, чуть только не подумаю, и сейчас говорю) – что родилась еще в прошлом веке (26-го сентября 1892 г., ровно в полночь с субботы на воскресенье, в день Иоанна Богослова, у меня об этом есть стихи, кажется – в Психее:

Красною кистью
Рябина зажглась,
Падали листья,
Я – родилась...
(найдите!)[1315]

И другие: о субботе и воскресении, нигде не напечатанные. Кстати, отказались взять «Последние Новости», которые вообще просили меня СТИХОВ НЕ ПРИСЫЛАТЬ. Итак, благословляю Бога за то, что еще застала ТО, конец ТОГО, конец царства человека, т. е. Бога, или хотя бы – божества: верха над.

Ненавижу свой век, потому что он век организованных масс, которые уже не есть стихия, как Днепр без Неясыти уже не есть Днепр.[1316] Изнизу – организованных, не – упорядоченных, а именно «организованных», т. е. ограниченных и лишенных органичности, т. е. своего последнего.

Пишите обо мне что хотите. Вам видней, да я и не вправе оспаривать, т. е. лично вмешиваться: вставать как буйвол перед Вашим паровозом, но знайте одно: мне в современности и в будущем – места нет. Всей мне – ни одной пяди земной поверхности, этой МАЛОСТИ – МНЕ – всем огромном мире – ни пяди. (Сейчас стою на своей последней, незахваченной, только потому, что на ней стою: твердо стою: как памятник – собственным весом, как столпник на столпу.)

Есть (мне и всем подобным мне: ОНИ – ЕСТЬ) только щель: в глубь, из времени, щель ведущая в сталактитовые пещеры до-истории: в подземное царство Персефоны и Миноса – туда, где Орфей прощался: в А-И-Д. Или в блаженное царство Frau Holle (NB! ТО ЖЕ!) (holle-hölle...).[1317]

Ибо в ваш воздух машинный, авиационный, пока что экскурсионный, а завтра – сами знаете, в ваш воздух я тоже не хочу.

– Но кто Вы, чтобы говорить «меня», «мне», «я»?

– Никто. Одинокий дух. Которому нечем дышать (И Пастернаку–нечем. И Белому было нечем. Мы – есть. Но мы – последние).

Эпоха не только против меня (ко мне лично она, как всякая мною в жизни встреченная, хотя бы самая чуждая, сила – еще «добра») – не столько против меня, сколько я против нее, я ее действительно ненавижу, всё царство будущего, на нее наступаю – не только в смысле военном, но – ногой: пятой на главу змия.

– Вот. –

С сказанным мною считайтесь только внутренне.

Приписка на полях:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Эпоха против меня не лично, а ПАССИВНО, я – против нее – АКТИВНО. Я ее ненавижу, она меня – не видит.

Вот карточка. Она тоже последняя. Поэтому, большая просьба: верните мне ее. [1318]

Если она Вам нравится (она очень похожа), дайте переснять, и не будет нескромностью, если я попрошу у Вас несколько оттисков? Только пусть не печатают чернó, эта перечернена: я, вообще, светлая: светлые глаза и светлые волосы (сейчас уже целая седая прядь). У меня часто просят, а сниматься я не люблю, да и времени нет, – у меня очень тяжелая жизнь.

До свидания. Посылаю не перечитывая, могут быть ошибки в падежах.

Рада буду, если напишете.

Марина Цветаева

P. S. Голову дайте переснять в медальоне, без этого неоправданного квадрата платья, кончающегося, вдобавок, фотографической туманностью. Нужен – овал.

12-го мая 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Конечно – старого, [1319] во мне нового ничего, кроме моей поэтической (dichterische) отзывчивости на новое звучание воздуха. За меня бы дорого дали, если бы я существом отзывалась, как дорого дали – за Маяковского и, дорого дав, и то не удержали!

Как я могла родиться – нового?! Я – дважды, как факт и как суть. Неужели Вы думаете, что я могу снизойти до перевода, прибавки тринадцати дней [1320] – и ради чего, чтобы оказаться рожденной по ненавистному мне, не-моему календарю, которого тогда и в помине не было, а в моем помине (помине обо мне) и не может быть и не смеет быть! Да еще в сентябре – вместо октября!

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и поныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
(Москва. 1916 г.)

Вот одни из моих самых любимых, самых моих стихов. Кстати, ведь могла: славили, могла: вторили, – нет, – спорили! Оспаривали мою душу, которую получили все и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
никто. (Все боги и ни одна церковь!)

Кстати, родилась я ровно в полночь с субботы на воскресенье (26-го на 27-е), у меня и об этом есть стихи:

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная,
На одно крыло – серебряная,
На другое – золотая...
Москва, 1920 г.

Но я приобщила себя субботе, кануну, концу, – невольно, конечно, только сейчас, когда пишу, осознала, как и спор колоколов.

Конечно, Толстого не люблю, т. е. люблю его жизнь и смерть, его одинокую муку, его волчиное сердце, но почти – сочувственно, как grand camarade de malheur[1321] – и еще сундук с Наташей Ростовской, и «поцелуйте куклу», и танец, и окно, но это уже – Mignon,[1322] а не Толстой.

(И неизмеримо больше Толстого люблю – Гёте.)

Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась, но узнаю себя и в Белых Ночах (разве Вы не видите, что все Белые Ночи его мечта, что никакой Вареньки не было, т. е. была – и прошла (мимо), а он этим мимо – жил, и, главное, запомните, – в Катерине Ивановне[1323] с шалью и голыми детьми, на французском диалекте. Это я – дома, и в быту, и с детьми, и в Советской России и в эмиграции, я в той достоверной посудной и мыльной луже, которая есть моя жизнь с 1917 г. и из которой – сужу и грожу.

И – кажется последнее будет вернее всего – я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания мне дороже гётевская радость, и русского метания – то уединение. Вообще, не ошибитесь, во мне мало русского (NB! сгоряча ошибаются все), да я и кровно – слишком – смесь: дед с материнской стороны (Александр Данилович Мейн – Меуп) – из остзейских немцев, с сербской прикровью, бабушка (урожденная Бернацкая) – чистая полька, со стороны матери у меня России вовсе нет, а со стороны отца – вся. Так и со мною вышло: то вовсе нет, то – вся. Я и духовно – полукровка.

Толстого и Достоевского люблю, как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган ни на остров их книг не возьму – не взяла же.

Из русских книг больше всего люблю Семейную Хронику и Соборян,[1324] – два явно-добрых дела. За добрую силу.

Время года? Осень, конечно, с просветами и просторами, со сквозью, с собственными большими шагами, всегда большими, а осенью-гигантскими. Я-рожденный ходок. Кстати, мне недавно вернули из Современных Записок мою «Оду пешему ходу», уже набранную, – в последнюю секунду усумнились в понятности «среднему читателю». Хотите – на память?

Стихи Милонова[1325] восхитительны; уже от первой строки озноб (со-вдохновения).

Теперь – просьба. Вы можете меня сделать наверняка – счастливой. У меня есть страстная мечта, уже давно: а именно III том трилогии Sigrid Undset «Kristin

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Lawrantochter»[1326] –У меня есть I часть и II часть (Der Kranz, Die Frau[1327])
но III части – Das Kreuz[1328] нет.

Sigrid Undset

Kristin Lawranstochter

Band III. Das Kreuz

Herausgegeben von J. Sandmeier.

Rütten und Loening Verlag Frankfurt am Main.

Но книга дорога и просьба нескромна, и, чтобы быть вполне нескромной – в переплете, ибо две другие у меня в переплете сером полотняном, с норвежским сине-красным орнаментом – душу отдать! Это, именно эта III часть, моя любимая книга в мире. И Вы бы мне ее надписали.

Только – не сделайте так, как сделал один здешний молодой поэт: с радостью обещал, каждый раз встречаясь говорил, что выписал – вот-вот придет, я ждала полгода («...ich bin leicht zu betrügen» – Goethe[1329]) (далее на полях:) и наконец он признался, что никогда и не заказывал. Правда – низость? (дважды).

Теперь – Вам – вопрос: что из моих вещей у Вас есть: книги и из периодической прессы. Пришлите точный перечень (отдельных стихов в журналах не помечайте, поэмы – да). Дело в том, что я к 1-му июля переезжаю, и около 15-го июня буду перебирать все свое рукописное я печатное добро – залежи! Возможно, что многое найдется, чего вы не знаете. Просмотрите внимательно и отпишите точно, тогда в один прекрасный день получите веский пакет – с Вам неизвестной мной. Спасибо за карточки. Буду рыться – еще пришло. Ученика перепишу – обещаю – но прежде ...

На статью Вашу у меня ряд отзывов – себе в тетрадь. Выберу час и перепишу. Напишите – как Вы меня видели во сне? Отвечу честно – я это была или нет.

25-го мая 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Знаете, что мне первое пришло в голову, когда я ощутила в руках всю весомость «Das Kreuz»... (Даже руки, не ждавшие, ждавшие обычной хламной невесомости «Последних Новостей», немножко сдали, пошли вниз, – так с моей матерью было на Урале, [1330] на заводе, когда директор, шутки ради, положил ей в руки плитку золота, тяжести которого она не могла учсть.)

– Этому человеку я бы оставил все мои рукописи. – Это была моя благодарность – невольная, крик всего моего существа, настоящий инстинкт самосохранения, – непогрешимый жест – сна.

И – не отказываюсь: у меня никого нет, кому бы я это доверила. Пастернак – мой несколько старший сверстник, и даже, если бы – на такого такую гору обвалить – убить. (Он после каждой моей строки ходит как убитый, – от силы потрясения, силы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
собственного отзыва, – он бы в первой уже странице (моих несчетных, огромных черновых тетрадей!) зарылся, был бы завален мной как шахтер – землей.)

Ася? (Сестра, в Москве, перебираю близких.) Ася любит меня безмерно, но – «земля наша богата, порядку в ней лишь нет», [1331] кроме того, в одну великодушную минуту – могла бы сжечь всё, как всегда жгла всё свое. Кроме того, мы с ней тоже сверстницы (немножко моложе).

Аля? (Дочь.) У нее будет своя жизнь, да и рукописи мои, нужно думать, один уже вид моих синих огромных, беспощадных каких-то, тетрадей, ей за жизнь – успеет надоест! Ведь, как родилась – всегда тетрадь, и я всегда над ней, на ней (добычу терзает и треплет над ним).

Мур? (Сын.) Ему сейчас девять лет и он активист – а не архивист. Плохой был бы подарок?

Итак, у меня никого нет, кроме Вас и – хотите-не хотите – придется. Объективные данные: Вы намного моложе меня (я родилась в 1892 г., в паспорте по ошибке написано 1894, т. е. я умоложена на два года, но я не «пользуюсь», – какие же два я бы из своей жизни вычеркнула?! – т. е. этого 26-го старого (прибавьте 13 дней и в тот день непременно поздравьте, – меня давно никто не поздравляет, а, по-моему, всё-таки есть – с чем! Когда мне (молчаливо и уединенно) исполнилось сорок, я мысленно надписала на своей могильной плите: – Quarante ans de noblesse [1332] –) – итак, этого 26-го старого сентября мне будет сорок два года, – а Вам? Итак (данные) 1) Вы намного моложе меня 2) Вы ЛЮБИТЕ стихи, т. е. без них жить не можете – и не хотите 3) Вы где-то далёко, одиноко, по собственному почину, без великого воспомоществования личной встречи (ведь и Мирский и Слоним писали зная меня, стали писать потому что знали) без всякой личной затронутости (какова бы она ни была) без всяких подстрочников – чисто – как если бы я умерла сто лет назад – «открыли» меня, стали рыть, как землю 4) Вы – всё-таки – немец? Т. е. какой-то той (и моей также! мой дед, Александр Данилович Мейн, был выходец из остзейских краев, о нем его знавшие говорили «важный немецкий барин») – мне родной – крови: волевой, преобладающей, идущей ноши, Pflicht-Blut [1333] – верной как ни одна. (Вы эстонец? А кто – эстонцы? Германцы? Скандинавы? Монголы? Я ничего не знаю, непременно ответьте. Смесь чего-с чем? Какова, в двух словах, история края и народа? Не сейчас, а – тогда. Есть ли эпос? Какой? Хочу знать своего душеприказчика.)

Откуда в Вас страсть к стихам? В Вас ведь двое: стихолюб и архивист. Ведь надо же вырыть те стихи к Державину. Кто в роду – любил? У меня – достоверно – мать и дед (ее отец), стихотворная моя жила – оттуда, а чисто-филологическая – от отца, хотя мать тоже была предельно одарена – знала пять языков, не считая родного русского, а шестой (испанский) выучила уже незадолго до смерти (умерла молодая, как все женщины по ее польской материнской линии).

– Итак, принимаете?

«Бедных писаний моих Вавилонскую башню...» (Москва, 1916 г.) – уже тогда знала, что «бедных» и что – Вавилонская – и что – башня.

J'étais repoussé du genre humain
Et j'étais assis à l'ombre d'un veau marin.
J'étais le jouet des lames de la mer
Et je me maudissais d'avoir guitté mon père
Et d'avoir repoussé tout le genre humain
Et de m'être assis à l'ombre du veau marin
Georges Efron Clamart.

22 april 1934

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Мой сын, мне сюрпризом, в записную книжку, – сразу начисто. (Девять лет.)

На этом кончаю, потому что должна идти за ним же в школу.

Жду ответа.

МЦ.

4-го июня 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

«...Но души не отдам». Первый ответ: – А другого мне не нужно, Второй: – Не надо было этого говорить, ибо со мной: сказано – сделано. Т. е. уже неотдали (в одном слове). Не отдать душу, это не: чего-то не сделать, а – сделать, – активное: невозвратное.

Третье, себе (впрочем, всё – себе). – Что значит?: Отдать. Не отдать. Разве ты можешь отдать – не отдать? Разве ты – отдаешь? Разве ты – хозяин, а она собака, ты – владелец, а она – вещь? Это она тебя отдает, предает Богу или человеку в руки, не ты – ее.

Четвертое: – Этого не поняв, это мне сказав, ничего во мне не понял – и не годится. Годится – физически, фактически, практически, т. е. годится его терпеливая кровь, весь его состав, но не он. Моя просьба (взять на себя гору) должна была быть его просьбой, и его предупреждение:... но души не отдам (NB! только контракт) – моим остережением: – лучше не отдавай! – из чистейшего моего великодушия, ибо ала от такой отдачи, мне, мне души пока еще никто не ведал, только добро.

(Мое «лучше не отдавай» значит: будет больно, но что – не больно? И боль разве – зло??)

А без души, вне души – мне что-нибудь нужно?? А что я с ней буду делать, если отдашь? В банк положу, или перепродам, или, растопив, выпью жемчугом? (или аспирином?)

В те далекие времена, когда я еще была действующим лицом жизни, я всё могла стерпеть, кроме этого слова, этого чувства, да ни разу и не пришлось – и все признания, – остережения вверявшейся мне – звучали как раз обратно: – Не отдам тебе ни, – ни, – ни, – (подставляйте, одно за другим, все), но душу – отдам.

Людям – как это теперь вижу – это было удобно, или они полагали, что им это удобно, я же, знающая цену слову, всю невозвратность и страшность его, знала, что получила – всё (мне могущее быть данным, т. е. желание отдать мне душу, в котором никогда не сомневалась. Так море не сомневается в рожденном желании реки: влиться и раствориться и не спрашивает у реки, почему не влилась, а напротив – соболезнует... (да большинство и не доходит! Иссякает или, приняв другую реку, чуть побольше, за морс...) Морю важно желание реки: большой воде – желание малой воды (малой количественно, а не качественно), [1334] ему не важно, влилась или нет, ему с нес не прибавится и не убавится... И всякая река, пожелавшая – уже влилась! Так в меня вливались человеческие души, и я их все несу, а тела (с делами) оставались – и остались – где-то.

Река, влившись в море, стала больше на целое море, на целого Бога, на целое всё.

Река стала морем.

Если это Вас страшит...

(Когда-нибудь, в каких-нибудь «Последних Новостях» или dans un autre mauvais lieu[1335] прочтете как я, лет трех, исступленно мечтала потеряться – и потерялась, – в Александровском пассаже, [1336] где-то между белым медведем и гипсовым крашеным негром над сухим фонтаном. Потому мне так дико непонятен Ваш страх. И всю жизнь я только этого хотела: потеряться, [1337] раствориться – в чем бы то ни было. Когда прочтете «Поэму Конца», немножко лучше ее поймете.)

Автобиография и характеристика – нравятся. Точно и беспощадно. Очень – яснозряще. А «заливает лимфой» – совсем замечательно. Лимфа, ведь это наличность в крови – Леты. (Не лимфа нравится, а смелость признания и точности осознания (названия). Вы – умны.

Переоценила подарок? Этим словом Вы его обесцениваете. Нарочно? Нарочно или нечаянно, – всё равно и равно жаль – за Вас. (Мы с Унсет не пострадаем. Мы – союз.)

Слово эгоизм («я эгоист», а еще хуже Ваше «я эгоистичен») не люблю, потому что серьезно, на глубину взятое, оно требует слишком долгих разъяснений, т. е. уже не слово, не то слово, ибо на каждую вещь должно быть свое слово – и одно, взятое же элементарно – не заслуживает даже собственного звучания и моего ушного слышанья. Просто – миную. Но, чтобы Вы меня хорошо поняли, снизойду на этот раз до нескольких пояснительных слов: эгоизм, это сосредоточение не на том себе, сосредоточение на не-том: на своем желудке, например, или на своей (физической) болячке, словом: «Selbst essen – macht fett[1338]». – Кому интересно??

Духовного эгоизма – нет. Есть – эгоцентризм, а тут уже всё дело в вместительности его и, посему, величины (емкости) центра. Большинство эгоцентриков – т. е. все лирические поэты и все философы – самые отрешенные и не-себялюбивые в мире люди, просто они в свою боль включили всю чужую, еще проще – не различают.

(Пишу Вам кстати с безумной болью в обеих ногах, я уже два месяца больна – истощение перекинулось в нарывную напасть, затронуты железы и жилы, и вот через день в бесплатную (1 фр.!) лечебницу для безработных русских, – впрыскивания, нынче второе – т. е. погибает (временно деревенеет) вторая нога. Это после Оды пешему ходу! [1339] Да, друг, это и есть искус, со мной дружбы: я насквозь-человечна, т. е. сочувственна, и требую этого от другого (не для себя, а для него!), а если не нахожу – ухожу. Если у Вас от слова нарыв брезгливая гримаса, знайте заранее, что я – улыбаюсь: улыбкой суда.)

Вы спрашиваете: любимая еда. Разве это важно? Ненавижу каши, все, кроме черной, и даже в Москве 1920 г., в самый лютый голод пшена – не ела. А так, очень скромна и проста, ем всё, и даже мало отличаю, чем во времена нашей дружбы сердечно огорчала Мирского (страстного едока и ценителя, как, часто, очень одинокие люди) водившего меня по лучшим – тайно, знатовщицки (знатовщически) – лучшим – ресторанам Парижа и Лондона. – «Вы всё говорите! сокрушенно воскликнул

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
однажды он, – и Вам всё равно, что есть: Вам можно подложить сена!» – Но не
пшена. –

Никогда не выброшу ни крохотнейшего огрызка хлеба, если же крошки, – в печь и
сжечь. Корка – в помойке – ЧУДОВИЩНО, так же как опрокинутый вверх дном хлеб или
воткнутый в хлеб – нож. Меня из-за этого в доме считают скупой (объедки), я же
знаю, что это – другое. Непритязательность и от отца и от матери: не
снисходившей, не снижавшейся до любимого блюда (вообще – протестантски и
спартански!) не подозревавшего, что может быть НЕ-любимое.

Как отношусь к пожиранию мяса? Чудесно, т. е. охотно «пожираю» – когда могу,
когда не могу – обхожусь. (Всё мое отношение ко всему внешнему миру, т. е. ко
всему, что со мной здесь может хорошего случиться, ко всему хорошему – в не – в
этом одном слове «обхожусь», и даже теперь кажется уже вправе сказать: –
обошлась.)

«Ученик» написан (тогда 62-летнему, ныне 75-летнему) князю Сергею Михайловичу
Волконскому (внуку декабриста, писателю), который этих стихов никогда не читал –
я никогда не посмела, да он бы и не понял: есть люди, очень глубокие, и тонкие,
и одаренные, но которым стихи (понимать) мешают. Он очень любит поэтов и
постоянно их цитирует, но – по-другому (не цитирует по-другому, а любит).
Латинский склад. Подружилась с ним в Москве 1921 г. и полгода переписывала ему
начисто – из чистейшего восторга и благодарности его рукописи, – трех его
больших книг[1340] – ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ, и ни строки своей не писала – не было
времени – и вдруг прорвалась Учеником: Ремеслом.[1341]

Приписка на полях, вверх ногами:

(Достаньте Быт и Бытие князя С. Волконского, там есть большое, вводящее,
посвящение мне. Тогда поймете нашу дружбу – и Ученика – и всё. Книга доступна,
м. б. даже есть в библиотеке.)

Из крупных вещей Вы не знаете моей Поэмы Конца (в пражском сборнике Ковчег,
кажется 1924 г.). Это, кажется, была моя последняя любовь,[1342] т. е. первая и
последняя такая (вовсе не самая высокая) и м. б. даже вовсе-лежачая, может быть
и сильная тем, что – лежачая, о, не думайте дурного, это целый мир, очень
сильный, только – низкий, без всякого презрения, а топографически,
линейно-низкий: – ДОЛЬНИЙ – тише воды, ниже травы – блаженный мир! в котором я
никогда не жила, в который только погружалась, ибо он – самое низкое, что есть,
самый уровень низости – море, а м. б. – ниже уровня, минуя – уровень: родная
бездна сна.

Ваши сны до жути правильны. Всегда (когда впервые – с родным) много-много говорю
и гляжу мимо. Это (минование) – мое основное свойство, моя отмета. Даже старый
Князь Волконский мне, однажды: – О Вас не говорю, во-первых – Вы вне суда,
во-вторых – Вы просто говорите в профиль. (До этого он говорил о необходимости
всё время глядеть прямо в глаза собеседнику. Я иногда тоже гляжу – но тогда уж
совсем не вижу, вижу – другое, выходит – гляжу – сквозь.)

Да, Клармар далёко, а Ревель – еще дальше.

Итак, снимаю с Вас...

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бедных писаний моих Вавилонскую башню,
Писем – своих и чужих – огнедышащий холмик...

– всю гору, друг, все горы, вплоть до последнего тарусского холма...

Делаю это дружески и даже – матерински. (По-кавказски Вы кажется могли бы быть моим сыном? Да моей дочери этой осенью будет двадцать два года!)

Вне обиды, вне разочарования, – привычно.

До свидания – в письме. Ремесло, конечно, перелом, нет, не переполз – новый речной загиб, а м. б. и РАЗГИБ творческой жилы. Переломов у меня в жизни – не было. Процесс древесный и речной: рост, кажется?

МЦ.

Приписка поперек страницы:

Во мне всё сосуществовало, соданò было, с самого начала: с самого моего двухлетия и рождения и до-рождения, с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра (оттого я и вышла поэт, а не поэтесса). Поэтому, Вы правы, хронология не подходит, но она всё же – дорожный посох.

Кроме того, напоминаю. Психея единственная из моих книг – СБОРНИК, т. е. составлена мной по примете чистого и даже женского лиризма (романтизма) – из разных времен и книг. Она – не этап, а итог. В нее например не вошла вся моя тогдашняя – русская, народная стихия – а как бывшая!

Просто – Гржебин[1343] в Москве 1921 г. заказал небольшую книжку. Я и составила Психею, выбрала се из огромного неизданного) материала 1916 г. – 1921 г. Выделила данную, эту, такую себя. (Из меня, вообще, можно было бы выделить по крайней мере семь поэтов, не говоря уже о прозаиках, родах прозы, от сушайшей мысли до ярчайшего живописания. Потому-то я так и трудна – как целое, для охвата и осознания. А ключ прост. Просто поверить, просто понять, что – чудо.)

Принять.

Приписка на полях слева:

О статье в Нови напишу непременно, не напоминайте и не торопите: за мной ничто не пропадает.

Приписка на полях сверху, вверх ногами:

Хорошо, что мы в Вашем сне гуляли, т. е. ходили. Сiju я только, когда пишу, а с человеком это для меня нестерпимая тяжесть. Я всегда из дому – увожу.

26-го февраля 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Милый Юрий Иваск,

Пишу вам наспех – это письмо совсем не то – но те письма так и остаются, и корреспондент не получает ничего – кроме обиды.

Пишу Вам среди рукописи – даже-сей – целых трех! – о Гронском, которые должна слить – сбить – в одну. Одна была для Последних Новостей (не взяли, т. е. заваляли – и я взяла), другая для сербского «Русского Архива» (мы с Гронским – в архив! Si jeu-eunes[1344] Он – éternellement, но я, кажется – тоже – éternellement[1345]...), а третья – собственные мысли. Всё это буду читать 10-го, в Salle de Géographie – его и моим друзьям. Это – моя единственная гласность. М. б. – потом – возьмет Сербский Архив – по-сербски. По-русски мне о Гронском сказать не дали.

Наспех – ответ:

Vanves – banlieue[1346] – пригород, в 15 минутах ходу от последнего парижского метро. Развалина – 200 лет – каштан в окне – я.

Николай Павлович трагически погиб (случайность), но никаких «трагических» обстоятельств не было, – в полном цвете и силе. Обо всем этом – пишу, а Вы – не прочтете.

Вы первый сказали «сын Цветаевой». Первый – осознали. Спасибо. Георгий (материнская транскрипция) – Мур – родился 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, в полдень – в чешской избе – в метель – в синем пламени загоревшегося спирта.

В меня: квадратом плеч, крупной головой, упорством, мыслью, словесной, верней – филологической одаренностью и математическим ничтожеством (первый во всем, кроме) – и более всего в меня – тем, что – в себя.

Обрываю. Пишите.

МЦ.

8-го марта 1935 г., пятница

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Читая Ваше последнее письмо, я с третьей строки вслух сказала: –Умник! (Мур: – Кто? я? – Нет, он. – Кто? – Иваск. – Что-о-о?) – и еще раз: – Умник! – и еще, и еще. Ваше письмо читалось под вслуховой припев – «Нарцисс» Вы или нет (какая пошлость! 1) брат нарцисс – цветок – и миф – в кавычки, подразумевая им нечто недоброкачественное, развоплощать его – так. Ваша пока, по мне, единственная погрешность – безвкусия, в котором всегда винули меня и которым я совсем не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
грешу – итак, самовлюблены Вы или нет, но –несколько перестроим фразу:

– Во всех Ваших писаниях – ко мне и, вообще, мне известных – если хотите – сознание своей силы, знание себе цены, радость своему уму, но самолюбования (влюбленности) во всей русско-интеллигентской земской и врачебной осуждающей невылазной бездарной чеховщине этого слова – нет. Самолюбуются все молодые парижские (пражские, варшавские, а также и царёвококшайские)[1347] поэты: бездари; самолюбуются, например – Поплавский – предельный пошляк. Самолюбуются – когда нечем.

А не знать себе цены, зная цену всему остальному (особенно – высокому!), из всего ценного не знать цены именно себе – это какая-то местная слепость или корыстнейшее лицемерие. Все настоящие знали себе цену – с Пушкина начиная. (До Пушкина! Или, м. б. – кончая, ибо я первая после Пушкина, кто так радовался своей силе, так – открыто, так – бескорыстно, так – непереубедимо!). Цену своей силе. Свою силу (не свою!).

«Я – последний из последних» есть предательство и чернейшая неблагодарность. (Не понимаю Серафима Саровского[1348] и вообще ни одного смиренного святого. Понимаю Апостола Павла – *Il faut obeir à Dieu plutôt qu'aux hommes.*[1349]).[1350] Если красавица невинно уверяет Вас, что она не красавица – она слепая. Или кокетка. Или дура. То же об уме. Не то же, ибо ум есть прежде всего зрячесть. Умный, не видящий своего ума только потому что это он – дурак. (Красавица же остается красавицей.)

Ум (дар) не есть личная принадлежность, не есть взятое на откуп, не есть именное. Есть вообще – дар: во мне и в сосне. И какая мелочность – не радоваться ему, п.ч. он у тебя под черепом! Какое себялюбие! Какое сведение всего к только-сему.

Нельзя не знать своей силы. Можно только не знать ее пределов. Нельзя их знать.

Внешняя скромность – только воспитанность. Именно потому, что я Рокфеллер, мне у тебя в гостях всё нравится. Но не подавай мне жареной подошвы, п. ч. я – тоже человек.

Вся наша жизнь – сплошное снисхождение (человека в нас, а может быть – божества) к малым сим. Но как иногда от сих малых – тошнит и как хочется–великих тех! Не глотать. Встать во весь рост – не боясь испугать: убить.

Итак, нарцисс – достоверный, звездообразный, бывают белые и желтые, – цветок, которым всегда зимой и летом, пахло в конце нашего пансионного коридора, возле огромной чугунной печки, гудевшей от моего бега – 1903–04 г., лозанна, Ouchy (3, Boulevard de Grancy, 3 Pensionnat de M-elles Lacaze).

2) Миф о юноше, отчаявшемся когда-либо встретить еще такую красоту и обреченном на эту невозможную неизбежность: любить – себя, которого нельзя любить.[1351]

Милый друг, я ведь сама, в оны дни, выла (о, не громко! в стихах и внутри) от того, что я – я, я, а не мой сосед. Как бы я себя любила – и человека и поэта, и всё *innohbrable* и *innohable*,[1352] что я есмь – если бы не была – я. Но не смогла (и Нарцисс не смог, хотя его дело было несравненно-проще) и всю жизнь напролет пролюбила – не тех, в моем мире (единственном мною ценимом) меньших, слабейших, неравных, неровень. (Есть другой мир, где я слабейшая, последняя из последних, но этот мир для меня сам – последний из последних: активизм,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
строительство – «жизни» и заводов, и т. д.). Из равных себе по силе я встретила только Рильке и Пастернака. Одного – письменно, за полгода до смерти, другого – незримо. О, не только по силе – поэтической! По силе всей + силе поэтической. (Словесно-творческой.) Ибо вся сила вне словесной для меня не может быть. Для меня (во мне и в моих требованиях) они – одна. Немного себя – и Рильке – и Пастернака – я не мыслю. А я на всех (кроме Наполеона, который знал: – *le désire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé!*[1353]) на всех, кроме Наполеона, в каком-то смысле гляжу как на глухонемого, которому не дано осознать, кто он и потому – сказать..[1354] А они на меня (те иные великие: великие действия) – как на безрукого. Которому ничего не дано сделать.

Об этом – с иного краю – Вы говорите, говоря о бескрылых вождях и крылатых ведомых. (Я доострила Вашу фразу. А можно и: о бескрылых тиранах – и крылатых рабах. А можно и – крылатых когортах. Так, кажется, всего лучше. Но формула (наблюдение, начало сопоставления) – Ваша).[1355]

О Н. П. Гронском. Вы правы, Гронский был моей породы. Откуда вы знаете о нашей дружбе и ее плацдарме (ибо дружба была – боевая) – медонском королевском лесе и, даже, лесах? Я была его первая любовь, а он – кажется – моя последняя. Это был мой физический спутник, пешеход, тоже горец, а не морец. Потом мы разошлись (*c'est le cas de dire*, [1356] – мы, так много ходившие вместе, – сошедшиеся – как спевшиеся.) из-за вещи, которой никто не понимает (отец, мать – и даже я сама). Значит – не из-за нее. Значит, она – повод, и расхождение было заложено – м. б. именно в этом большом согласии нашего пешеходства.

...Я читала его тетрадку, которая выйдет книгой, первой книгой (всех будет–три). И выйдет – в Ваших краях. Кажется, в нашем бывшем Юрьеве.

(Отец сидел и читал его письма ко мне, а я его тетрадку – тоже ко мне.) Там одно посвящение мне (м. б. есть маленькая неточность, привожу из памяти)

Марине Цветаевой

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной, как церковь на дне моря,
С тобою быть хочу во сне, на дне хранимым
В бездонных недрах твоего простора.
Ушед в..... сон с собором черным
И ангелы морей мне будут вторить хором.
Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, превратившись в свиток,
Я буду повторять во снег – Осанна!
Оставленный, и в день Суда – забытый.
(1928 г., 18 лет)

Одно – мне – и все остальные – некоей «В.Д.», но – очень странно – с моими приметам. (Эту «В.Д.» я видела – между горной фляжкой и еще чем-то горным – в его посмертной комнате. Веселая хорошенькая современная барышня, снятая лежа, – лицом к зрителю. Смеется.) Я тогда ходила в пелерине, самой простой, грубой, темно-синей, сестре-милосердинской, только без креста. Так не только тогда, так никто никогда не ходил, – значит и «В.Д.» И такие строки – или вроде – о крылатом безруком существе (плащ дает крылья и лишает рук!) – посвященные ей, которая, очевидно, ходила в модном поколенном пальто. (Пелерина была дли-ин-на-я.)

Ясно, явно, что он, написав мне, потом, с досады, с обиды, одним махом пера – ей, ибо буквы посвящения – другими чернилами, – *post-fact'*ными. (Вся книга –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
черными, все посвящения ей – лиловыми, видно, что надписал всё сразу, – решив.)

Уцелела вся наша переписка. «Письма того лета» – так бы я назвала. А то лето было – тысяча девятьсот двадцать восьмое. Я была на море, он – в Медоне. Двадцать семь – его писем, и, кажется, столько же моих. (Своих, естественно, не считала).

Я написала в Белла-Донне короткий исчерпывающий отзыв (ПОСМЕРТНЫЙ ПОДАРОК), который до сих пор – три месяца! – валяется в последних Новостях. О их же поэме, о сыне их сотрудника и даже больше – и не хотят: молча, как ничего (всего) моего. Статья разрублена мною, по подневольному требованию отца, – ПОПОЛАМ, просто под трехсотой печатной новостной строкой – подпись. Остающаяся часть, по тайному сговору с П. П. Гронским, воровски должна была идти под другим названием (Корни поэзии) с ввинченной вводной фразой. Ибо двойного фельетона мне не дают, а вещей с продолжением – не печатают. Но и это не помогло. (Демидов, от которого всё зависит, П. П. Гронского вел за гробом, и он знает, что для отца каждое слово в печати – о его сыне, знает и мою дружбу с Николаем Павловичем – и именно мне не дают сказать о Белла-Донне. (Были уже статьи Адамовича[1357] и Бема (в Мече). Надо мной здесь люто издеваются, играя на моей гордыне, моей нужде и моем бесправию. (Защиты – нет.) Мою последнюю вещь (Сказка матери) – изуродовали: сорок самовольных редакторских сокращений посреди фразы. Убирали эпитеты, придаточные предложения, иногда просто два слова (главных! то, ради чего – вся фраза. Ведь это – детская речь!).

Сказка матери – не моя вещь. Отказываюсь.

От меня, после 2-летнего невыносимого сосуществования, ушла дочь – головы не обернув – жить и быть как все. Та самая Аля. Да.

От черной работы и моего гнета. У меня – само-вес, помимовольный. Не гнету я только таких как я. А она – обратная. Круглая, без ни одного угла. Мне обратная – во всем.

Приписка на полях слева:

Письмо не кончаю, а обрываю. Если быстро отзоветесь – напишу еще. Сколько подчеркнутых мест! Я вся – курсивом. До свидания – в письме.

МЦ.

11-го октября 1935 г.

Vanves (Seine)

65, Rue J. S. Potin

Если письмо действительно затерялось – потеря невозвратная, ибо в нем был негатив Гронского у подножья Белла-Донны. Молчите об этом, ибо родители даже не знали, что он у меня остался, – да и остался случайно: я отдавала увеличивать (для них) ряд его карточек, все негативы вернула, а этот случайно застрял.

А заказным я не послала – вот почему: Ваша марка (как и сегодняшняя: возвращаю обе) оказалась недействительной, ибо просроченной (срок – 6 месяцев) и мне бы сразу пришлось платить 3 франка, а я этого не могла. Вот и положила – на почты: французскую и эстонскую. Очень печально, тем более, что снимок был отличный: юноша у горного (ледяного, снежного) озера, над ним – Белла-Донна. Лицо – веселое, горячее, обожженное снегом: тёмное.

В том письме я просила Вас отозваться немедленно, чтобы я не успела выйти из строя мыслей о Гронском. Была его краткая биография, с рядом показательных случаев. Родословная. Физический портрет. Письмо, если Вы его любите, для Вас – незаменимое – и невозстановимое, как тот негатив. Обратного не пришло – и конечно не придет.

У Гронского-отца (тоже писала) был удар, даже два, один на Пасху, другой летом, сейчас он в санатории и, в общем – конченый человек, во власти первого сильного волнения. Ему даже запрещена карточка сына. Книгой ведает мать – и книга выйдет.

Мать лепит его большую голову – по прежним своим работам – и карточкам. Он, но – собирательный, основной, и – жёстче, чем в жизни. Он – чёрт, не он – выражений. Да этого должно быть скульптура дать не может. Можно будет добыть – для Вас, если очень захотите. Но так как она – нищая, придется оплатить отливку. Не думаю, чтобы это превзошло средние возможности. Лепит она его в терракотовом пластилине: живом цвете и материале.

Да, если хотите книгу одним из первых – вышлите матери 12 фр. по адресу:

Mme Nina Gronsky

14, Cité Falguière Paris.

15 me

Ряд его и ее друзей вносят сейчас, чтобы помочь оплатить типографию. А Вам корысть – получите до официального выхода. Экземпляров – всего – 300.

Там есть посвящение и мне, которого он мне никогда не прочел.

А вот – случайно сохранившиеся записи, в ответ на предыдущее письмо (я его не очень помню, м. б. вспомните – Вы) – тогда – Гронский занял всё место – в дело не пошедшие.

Просто – списываю:

«Уразумевать» нечего, ибо вещь – чисто внешняя. Психея – не этап (физический), это – сборник, т. е. собранные стихи, написанные в разное время (от 1916 г. до

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1920 г., а м. б. и позже), если хотите – избранные стихи, выбранные по примете романтики: чистой душевности. Все мои книги – хронологические этапы: что в жизни – то в тетради, что в тетради – то в книге. (В жизни, читай: в мне данного дня.) А Психея – отбор, поэтому не этап: не часть пути, а, если хотите, вечное сопутствие.

Психея частично входит в Версты I, в Версты II (никогда не вышедшие), в Ремесло. Психеи – как книги – нет. Последовательность: Вечерний Альбом (1910 г.). Волшебный фонарь (1912 г.). Юношеские стихи (неизданные: 1912–1916 г.). Версты I (изданные частично в советском сборничке того же имени: моем сборничке), – 1916 г., – Версты II (неизданные: 1916 г.–1921 г.). Ремесло (1921 г.), После России (1921 г.–1925 г.; кажется). После 1925 г. не издано ничего. Ясно? Это – мои этапы: мои тетради. А Психея – из разных тетрадей, т. е. разных лет. Психею, как всё, что написала – очень люблю. Вот уже нё:

– я вас не писал никогда! [1358]

Не люблю только привередливости, внюхивания, предпочтения одного в ущерб другому. Скажем, не люблю Психею в известных руках: самих рук не люблю!

По поводу чувства (NB! наивный вопрос: есть ли у меня чувства) – чувство у меня всегда было умное, т. е. зрячее, поэтому всю жизнь упреки: Вы не чувствуете, Вы – рассуждаете.

Если чувство есть слепость – я никогда не чувствовала.

(Das Gefühl seiner Jugend ist schon übersinnliche Jugend. [1359]) Все мои Gefühle были – übersinnlich, потому-то они и были – Gefühle.

А Sinne [1360] – их кажется, 5, нет – 6 (Orientierungssinn [1361]). Единственно-острое (до болезненности – СЛУХ. Зрение – никакое (никогда бы не взяли в солдаты), осязание – среднее (обоняние впрочем – исключительное, но оно так сразу становится душевным состоянием, что его никогда отдельно не ощущала) – пошла спрашивать Мура, какое пятое: деловито высунул язык, итак, вкус – самый неприятельский. И – минус – чувства места: идиотизм на местáа: чувство контрнаправления.

И основное – над всеми и под всеми – чувство КОНТР – чисто-физическое: наступательное – на пространство и человека, когда он в количестве. Отсюда – мое пешеходство и полное одиночество: передо мной всё отступает.

... «Чувств» много в После России, почти сплошь. Если это не чувства, то у меня их – нет.

«По-русски трудно мыслить». – По-русски (по-всячески) ЧУДНО мыслить. Были бы косточки, а мясо вырастет.

О кубизме[1362] ничего не знаю: мне пришлось бы не говорить, а слушать.

Стихи двух родов, – и не двух: больше. Есть чистая лирика, есть гражданские страсти (1917 г. – 1920 г. – Царская семья – Перекоп (заграница). есть ПЕСНЯ, ЧЕГО – НЕТ???)

Неудача в Мблодце и Переулочках???) Здесь придется воззвать – к большинству голосов моего читательского меньшинства (+ мой голос: большой, большинство моих голосов, ибо я – не забывайте – довоенная Россия по составу народонаселения!).

Переулочки (Вы этого не знали?) – история последнего обольщения (душою: в просторечии: высотой).

Если Вы не любите этих вещей – Вы просто чужды русской народной стихии. Народной стихии. Стихии.

(С. Маковский (оцените эпоху: Аполлон, Золотое Руно, Весы, [1363] примат Петербурга) мне – обо мне, в 1924 г. – Это не всегда стихи, но это всегда – стихия!)

Русская стихия во мне обескровлена? обездушена?

НВ! Страница 7.

О Мблодце только один отзыв: – Живой огонь![1364] – Чтó это? Революция? Любовь? – так говорят самые неискушенные. Вы бы прочли отзыв Пастернака.[1365]

Мне Ваш отзыв просто смешон, как если бы мне сказали: – Такая брюнетка, как Вы.

До того – не по адресу!

А «греческим» Вы обольщены из-за Вашего тяжкомыслия, – думия (у Вас Schwerblut[1366] и, вообще, Geist der Schwere,[1367] это не плохо – я только отмечаю...)

Вам труднее понять непосредственное.

«Народный элемент»? Я сама народ, и никакого народа кроме себя – не знала, даже русской няни у меня не было (были – немки, француженки, и часть детства – к отрочеству – прошла за границей) – и в русской деревне я не жила – никогда. В русской природе – да. И отец – владимирский: из старого (непрерывного и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
нспрервавшего) священнического рода: дремучего. Мы, по отцу с Бальмонтом –
земляки. [1368]

Лучшая вещь Гронского – Белла-Донна. Вещь его 18–19–20-летия: когда дружил со
мной. О его книге [1369] я бы написать не взялась: всё было дано в Белла-Донне, и
всё дальнейшее – постепенное отбирание этого всего. «Муза Горных Стран» – просто
скучна. После меня он впал в церковность, а от священников – какие стихи?? У
Гронского одна вещь: Белла-Донна. (Впрочем, Спинозы [1370] – я не знаю. Есть
кажется еще одна моя (т. е. сильная – и в мои времена) – о летчике. [1371] Отец
мне читал отрывки. Но увидите, что Белла-Донна окажется – лучшей.)

Слух – без ушей, взгляд – без очей. [1372]

(Н. Г.)

Жатвы – без рук, клятвы – без губ.

(МЦ. – те самые Переулочки)

и еще, в 1 части Тезея – Ариадне, – сейчас словами не помню, но то же самое.

Когда вещь сильна, она еще не переимчивость, а – преемственность.

В слабой вещи – о лесах севера [1373] – у Гронского явное подражание Блоку
(кажется 1932 г. – т. е. давно – о – расставшись со мною).

Гронского в Белла-Донне я чувствую своим духовным сыном.

Он был собой – пока он был мной.

Поплавского не только последним певцом, но вообще поэтом – не считаю. У него
была напевность, ничуть не лучше чем у Д. Ратгауза. [1374] Только Ратгауз брал у
фета, скажем, а Поплавский КРАЛ у раннего Блока и всегдашнего Пастернака.

ПЛАГИАТ.

Доказать – берусь.

Ну, вот. Устала. Возвращаю два купона. – Жаль негатива. – Повторяю: – молчите.

Простите, что перепутала страницы, но писала с зверской головной болью:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отписывалась, зная, что если не сразу – то никогда.

МЦ.

Пример «дубасят...» (Маяковский и Цветаева «дубасят»)

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих вёрст! [1375]
Это, по-моему, называется – ПЕТЬ. И таких примеров – ТОМА.

Нет, голубчик, ни в какие Вы меня схемки не загоните!

Вам придется либо признать простое чудо, либо – сознательно его исказить – и, третье либо:

– отказаться.–

В Ваших стихах хороши строки:

И в потомстве ты не тот
И в раю – не тот, не ты [1376]

23-го ноября 1936 г., понедельник

Vanve (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Милый Юрий Иваск,

Никакой статьи не получила – потому и задержала ответ, что каждый день я ее ждала, но очевидно она пропала в Современных Записках или просто по дороге – если простое imprimé [1377] – так что не вините меня в небрежности. Очень жаль, что не прочту до печати (если появится!) [1378] но м. б. – для Вас – лучше, так Вы будете вполне самостоятельны в своей оценке: всё равно всей меня не дадите, дадите свою меня – и пусть будет так.

Вчера у меня был молодой поэт А. Штейгер, [1379] очень больной, хотя вид – здоровый – впервые в Париже после 11/2 года санатории – я спросила, что он делает, когда лежит (лежит – всегда) – ответ: – Составляю антологию русской поэзии, от самых ее истоков – для себя. – Тогда я подумала о Вас (эта антология – просто тетрадь его любимых стихов), знающем столько чудных старых, и дала ему Ваш адрес, чтобы послал Вам свои книги (он давно собирался, но никто из друзей (а по мне – «друзей») ему Вашего адреса – по небрежности или другому чему – не давал, а я сама предложила, и он страшно обрадовался, и Вы наверно на днях получите от него письмо и книги. С ним стоит переписываться, и, во всяком случае, ему нужно ответить, он очень доброкачественен, несмотря на любовь к Поплавскому и дружбу с Адамовичем. И – не забудьте – трудно-больной.

А нынче получила книжку Катена[1380] с переводом моего Прохожего. По-моему – у меня – проще. Я бы нашла двусловный возглас (лейтмотив всей вещи) – Прохожий! Остановись. – Говорю, что нашла бы, п. ч. только и делаю, что ищу и нахожу, переводя на французский Пушкина (стихами, конечно, и правильными стихами). М. б. некоторые мои переводы появятся, тогда пришлю Вам, – это сейчас моя главная работа.

Итак, статья не дошла и очевидно пойдет без моего просмотра. В добрый час! Во всяком случае Вы – первый (за 25 лет печатания и добрых 30 серьезного непрерывного писания) который отнеслись ко мне всерьез. Сердечный привет я благодарность.

МЦ.

P. S. Пришлите мне, пожалуйста, виды Печор[1381] – побольше, с природой. Я там никогда не была, но места – родные.

И нет ли там, у крестьян, старинных серебряных вещей, – я видела оттуда чудную огромную серебряную цепь, вроде как из серебряных ракушек – привезла поэтесса З. Шаховская – и на открытках с крестным ходом, у всех крестьянок – такие. И, кажется, у вас замечательный янтарь. Но искать нужно по домам, а не в антиквариате.

Узнайте и напишите мне цену (серебра и янтаря) – у меня за переводы могут быть деньги и хорошо было бы их превратить в такое, сказочное.

Переслать можно было бы с оказией.

Очень надеюсь на Вашу исполнительность – другого бы не просила.

18-го декабря 1936 г., пятница

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

Милый Юрий Павлович,

– В Вашем отчестве я утвердилась после вчерашнего знакомства с Вильде.[1382] Вы его помните? Вы учились с ним во II или III классе гимназии – и Вас тогда звали Теленок. Все к Вам собираются летом:

Штейгер, Унбегауны (он и она), Зуров, Вильде – все кроме меня, которая ничего не знаю ни о лете ни о своих будущих летах.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы заинтересовались Штейгером – расскажу Вам о нем. Это – обратное Тройскому – м. б. я уже всё рассказала – и сказала. Я с ним дружила (письменно) всё лето, теперь встретила, и мне с ним трудно потому что он ничего не любит и ни в чем не нуждается. Всё мое – лишнее. Но Вы всё-таки – попытайтесь, Вам – мужской дружбе – он м. б. и откроется (приоткроется). Живет он далеко за городом, в русском доме отдыха, адрес – если Вам нужно – 26, Avenue Chilveric Noisy-le-Grand (Seine). Сейчас он приблизительно-здоров, т. е. залечен. А сестра его, Головина, совсем погибает от туберкулеза – недавно был в пользу ее большой вечер поэтов, но везти ее сейчас в Швейцарию нельзя – до того плоха. Оба они – существа городские.

– Ну, попытайтесь, м. б. и воскресите – не его (думаю, его тайна: Und wir sind von jenem Aspen – welche sterben wenn sie lieben, [1383] я его тайны не выдаю, она в каждой его напечатанной строке) – не его, а что-то – в нем, хотя бы интерес к самому себе, мне это не удалось, и я с этим интересом к нему – одна осталась. Если когда-нибудь встретимся – расскажу.

В воскресенье, 20-го, его вечер, два стиха прочтет сам, остальное – Смоленский и Одоевцева, [1384] самые непереносимые кривляки из всех здешних молодых поэтов. Еще – Адамович почитает: Штейгер – его выкормыш

Вчера, у Унбегаунов (Вы о нем наверное слышали: блестящий молодой ученый-филолог – получил премию – читает здесь и в Бельгии – русский немец вроде Даля [1385] – неустанный пешеход – мой большой друг) – много говорили о Вас, с моей помощью – целый вечер. wilde рассказывал про теленка, Зуров про летнюю встречу с Вами и биографическое, я противопоставляла Вас одного – всем молодым парижским (м. б. были и обиды...), цитировала: – «Хочу в Испанию, хочу в Россию, хочу в Германию... – но мне хорошо и здесь» – (А Штейгер не хочет ни в Испанию, ни в Россию, ни в Германию, ни ко мне в Ванв, ни, главное, к себе).

Дать можно только богатому и помочь можно только сильному – вот опыт всей моей жизни – и этого лета.

Но не слушайте меня, Юрий Павлович, – попытайтесь. М. б. Ваши дары (в меру) – и придутся.

Приписка на полях:

Спасибо за Германию. С нею – умру.

Бальмонт совсем выздоровел, провела с ним недавно три часа в восхищенной им беседе, но продолжает жить в сумасшедшем доме, п. ч. там – больше чем за полгода – задолжал. (Так продолжают брать в кредит с отчаянья...)

Бунин то в Риме, то в Лондоне.

Зайцев потолстел, поважнел и всей душой предан Генералу Франко – так и ходит с поднятой рукою и даже – ручкой. («Merci, merci, merci...»)

О себе. Пишу Мой Пушкин (прозу) и жду у моря погоды с моими пушкинскими переводами, за устройство которых (с любовью) взялись Слоним и Вейдле, но о

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
которых пока ни слуху ни духу.

Еще о себе: погибаю под золою трех дымящих печей qui me prennent le plus claire de mon temps[1386] (пол-утра сжирают!) – под грудями штопки – сын растет и рвет, а у меня нет Frau Aja, которая бы посылала, как – помните? – «Da – die neuen Hemde[1387] für den lieben August! Mag er sie gesund und fröhlich verwachsen und zerreißen...[1388]» и под грудями посуды – и под грудями стирки: нас четверо, а руки одни: мои.

Сначала 1917 г. – 1922 г. – зола России, потом: 1922 г. – 1937 г. – зола эмиграции, не иносказательная, а достоверная, я вся под нею – как Геркуланум[1389] – так и жизнь прошла.

Не жалеите!

МЦ.

Приписка на полях:

Что мне Вам подарить: вещь, а не книжки и фотографии. Летом будет оказия. Я серьезно спрашиваю – подумайте. Вещь на каждый день и навсегда. У меня есть флорентийский портсигар – Вы курите?

25-го января 1937 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Милый Юрий Иваск,

Наконец-то получила Вашу статью и, сразу скажу – разочарована.

Нужно было дать либо единство, либо путь (лучше оба, ибо есть – оба, и вопиюще – есть!) Вы же всё, т. е. двойную работу 20-ти лет, свалили в одну кучу, по мере надобности данного утверждения выхватывая то или другое, разделенное двадцатью годами жизни – не подтверждая строкой 1936 г. строку 1916 г. или, наоборот, одну другой не противопоставляя – а смешивая. Так нельзя.

Общее впечатление, что Вы думали, что в писании выяснится, и не выяснилось ничего.

О таком живом, как я и мое, нужно писать живому. Вы же всё свое (в этой статье безысходное) умствование, весь свой мертвый груз приписали мне. Всё это ведь любящему мои стихи в голову не придет (и не приходило), вообще мои стихи не от головы и не для головы, здесь глас народа – голос Божий, и я скорее согласна с первым встречным, стихи любящим и сразу взволнованным – чем с Вами.

Чтобы Ваша статья вышла удачной. Вам нужно было бы взять из меня то, что Вы любите и знаете – и можете: то, что Вы называете архаикой, и в этом оставаться и работать, ибо тут и для головы – пища:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и замысел, и действие, и ошибка характеров и Ваш любимый язык.

Но называть декадентскими стихами такой детской простоты высказывания, такую живую жизнь:

Не думай...

У вас на живую жизнь – дара нет. Вы и здесь ищете «la petite bête», [1390] а есть вещи – сплошные grandes bêtes, [1391] вне литературных теорий и названий, явления природы. На это Вас не хватило. На всякого мудреца довольно простоты.

О моей русской стихии – смеюсь. Но, помимо смеха, цитировать нужно правильно, иначе – недобросовестно. [1392]

Речка – зыбь,
Речка – рябь,
Руки рыбоньки
Не лапь.
Что́ это? ВЗДОР. И автор его – Вы.

Речка – зыбь,
Речка – рябь.
Рукой рыбоньки
Не лапь.
(Ты – своей рукой – меня, рыбоньки. А не то:)

Не то на кривь
Не то на бок
Раю-радужный
Кораблик –
т. е. тронешь – всё кончится.

ясно?

Нужно уметь читать. Прежде чем писать, нужно уметь читать.

В Переулочках Вы просто ничего не поняли – keine Ahnung. [1393] Раскройте былины и найдете былинку о Маринке, живущей в Игнатьевских переулочках и за пологом колдующей – обращающей добрых молодцев в туров. Задуряющей. У меня – словами, болтовней, под шумок которой всё и делается: уж полог не полог – а парус, а вот и речка, а вот и рыбка, и т. д. И лейтмотив один: соблазн, сначала «яблочками», потом речною радугою, потом–огненной бездной, потом – седьмыми небесами... Она – МОРОКА и играет самым страшным.

А КОНЬ (голос коня) – его богатырство, зовущее и ржущее, пытающееся разрушить чары, и – как всегда – тщетно, ибо одолела – она:

Турий след у ворот [1394] – т. е. еще один тур – и дур.

Эту вещь из всех моих (младца тогда еще не было) больше всего любили в России, ее понимали, т. е. от нее обмирали – все, каждый полуграмотный курсант.

Но этого Вам – не дано.

Но – я должна бы это знать раньше.

Ваше увлечение Поплавским, сплошным плагиатом и подделкой. Ваше всерьез принятие Адамовича, которого просто нет (есть только в Последних Новостях). [1395]

Вы настоящего от подделки не отличаете, верней – подделки от настоящего, оттого и настоящего от подделки. У Вас нет чутья на жизнь, живое, рожденное. Нет чутья на самое простое. Вы всё ищете – как это сделано. А ларчик просто открывался – рождением.

И еще – какое мелкое, почти комическое деление на «Москву» и «Петербург». Если это было топографически-естественно в 1916 г., [1396] – то до чего смешно – теперь! когда и Москвы-то нет, и Петербурга-то нет, и вода – не вода, и земля – не земля.

Так еще делят Адамовичи, у которых за душой, кроме Петербурга, никогда ничего и не было: салонного Петербурга, без Петра!

Да, я в 1916 г. первая так сказала Москву. (И пока что последняя, кажется.) И этим счастлива и горда, ибо это была Москва – последнего часа и раза. На прощанье. «Там Иверское сердце – Червонное, горит». [1397] и будет гореть – вечно. Эти стихи были – пророческие. Перечтите их и не забудьте даты.

Но писала это не «москвичка», а бессмертный дух, который дышит где хочет, рождаясь в Москве или Петербурге – дышит где хочет. [1398]

Поэт есть бессмертный дух.

А «Москва», как темперамент – тоже мелко, не та мера. И, главное, сейчас, плачевно-провинциально: новинка с опозданием на 20 лет: на́ целое поколение.

Этой статьей, в доброй ее половине. Вы попадаете в «сердце» Монпарнаса [1399] и соседство России не уберегло!

Жаль!

Со Штейгером я не общаюсь, всё, что в нем есть человеческого, уходит в его короткие стихи, на остальное не хватает: сразу – доньшко блесит. Хватит, м. б., на чисто-литературную переписку – о москвичах и петербуржцах. Но на это я своего рабочего времени не отдаю. Всё, если нужна – вся, ничего, если нужны буквы: мне

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мои буквы – самой нужны: я ведь так трудно живу.

И, сразу вспомнила: зола, и Ваше: из-под этой, из этой золы...

Насколько Вы одареннее (и душевно, и словесно) в письмах. (Я это же, этим летом, писала Штейгеру.) Так в чем же дело? Бумага – та, рука – та. Вы – тот...

М. б., оттого, что – «литература»? (Точно это – есть!)

Ну, не сердитесь. Выбора не было, и Вы правды – заслуживаете. А если мне суждено этим письмом Вас потерять – то предпочитаю потерять Вас так, чем сохранить – иначе. Ну, еще один – не вынес!

Всего доброго – от всей души.

МЦ.

Когда говоришь о громкости, нужно говорить и о тишости: у меня есть стихи тишайшие, каких нет ни у кого.

Меня вести можно только на контрасте, т. е. на всёприсутствии: наличности всего. Либо брать – часть. Но не говорить, что эта часть – всё. Я – много поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя тайна.

27-го февраля 1939 г., понедельник Paris, 15-me – Boulevard Pasteur – hôtel Innova, Chambre 36

Милый друг – как странно (верней – нестранно, ибо со мной так случается – каждый день – всю жизнь – и мой ответ – не удивление, а узнавание): вчера вечером я – в связи с Н. Н. Гронской – долго рассказывала о Вас Мирре Бальмонт – XVIII русский век – Печоры – линия Печоры – Париж – снега – те и эти... – и ее возглас был: – Да, это, должно быть – замечательный человек! – и прийдя домой – Ваше письмо, последнее слово которого: – Жаль, что тогда не застали Н. Н. Гронской.

А я уже не застала ее – никогда: написала дважды – ответа не было – я знаю, что письма дошли – дружба 12-ти лет – но я устала не понимать других – и перестала думать. Приняла – непонятное. А знаете разгадку? Оказывается, она за это время вышла замуж – за человека, к которому 12 лет назад ушла от мужа – и сына – и теперь (муж умер) «священники» потребовали – венчания. И она – кажется – как раз венчалась в те дни, когда мы с вами стояли у темных окон – т. е. окончательно уходила от сына. И опять – мое вечное (как когда 14-ти лет в первый раз прочла Анну Каренину): – я бы так – не поступила. – Но в каком человеческом случае я бы «так поступила», и когда (люди) поступали – как я? Я ничего не хотела в жизни – чего хотели и продолжают хотеть и будут продолжать хотеть люди – ни денег, ни любви (счастливой), ни славы, которую отпихивала обеими руками и от которой даже отбивалась ногами – как от насилия...

Сейчас я бываю в доме, где у ребенка – два отца, два налицо, тут же: вместе за одним столом и над одной колыбелью – и я опять ничего не понимаю: ни пришлого отца, ни домашнего, а особенно – матери, на месте которой – с лежащего места

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
которой я бы – встала, и отцов – отправила, а ребенка – оставила. А она –
одинаковым голосом – с постели – с двумя, и м. б. гадают: чей? а я бы знала:
ничей – мой.

И, всё-таки, в быту – сам быт – ее считает «нормальной», а не меня.

Все мои непосредственные реакции – обратные. Преступника – выпустить, судью –
осудить, палача – казнить, и у меня чувство, что все, все, за редчайшими
исключениями, родились мимо.

..Прихожу в другой дом, где дети школьного возраста. 12 ч. дня – мать еще не
встала, п. ч. ежедневно ложится – в 5 ч утра. И этого я не понимаю. Т. е. –
ложилась и я («Где ночи те, когда я спать ложилась – В шестом часу утра?»[1400])
– а иногда и совсем не ложилась: сразу «вставала»! – но когда ложилась –
вставала в обычные семь, и только так чувствовала себя вправе – на все
«беззакония». И уже не могу дружить (с той лежачей), уже – трещина.

И, чтобы кончить об этом – у меня вечное чувство, что не я – выше среднего
уровня человека, а они – ниже: что я и есть – средний человек.

Есть средняя собака, средняя лошадь, а я – средний человек, и моя необычайная
«сила», про которую мне столько пели (на мне катаясь!) – самая – «обычайная»,
обычная, полагающаяся, Богом положенная, – что где-то все такие.

Когда однажды, в 1920 г., в Москве – был потоп и затопило три посольства – все
бумаги поплыли! и вся Москва пошла босиком! –

С. М. Волконский предстал в обычный час – я, обомлев: – Сергей Михайлович! Вы? В
такой потоп! – «О! Я очень люблю дождь. И... мы ведь сговорились...»

– я узнала свое, себя, свой рост, свою меру человека – и всё же была зальита
благодарностью.

Но так как такое (не такие потопы, а такие приходы) – раз в жизни, а обратное –
каждый день все дни, я так до конца и не решила: кто из нас урод? я? они?

Новый лист – и о Вас.

Вы все говорите о друге, и только мечта об этом друге могла Вас – поэта – все
ваши парижские вечера уводить от меня (поэта). (Я назначил сегодня Иксу. Меня
сейчас ждет Игрек.) (А вдруг??) – Не поэтов же Вы в них любили – и ждали?

А вот Вам – в отдаленный ответ – рассказ – мне одного странного человека –
азартный игрок – гениальный актер (одной роли), потом – иезуит – потом кюре
корсиканского горного гнезда... «Я повел его в кафе и заказал ему кофе и
пирожных...» (Это было в Германии и в Германии был голод) – «и он, робко, но
твердо: „Нет, пожалуйста, не надо пирожного! Мне не хотелось бы, чтобы мне еще
что-нибудь было приятно с вами – кроме Вас: Вас самого Вас одного“.

Мальчику было 15 лет, был немец (мой друг был русский...[1401]). Что с ним? И что
– с тем? (Корсиканским кюре. Был, между прочим, ближайший друг Скрябина.)

Любуюсь, как благородство Вашей природы исправляет и направляет слабость Вашей породы. Ваш случай сложен и трагичен – тем, что он духовен, что свою беду Вы втащили (как мужик – Гóре) – на горбу – на гору – и там поселили и возвеличили. [1402] Вам с Вашей бедой – трудно будет, и трудно – есть. Вы ищите – себе равного и, по возможности – себе главного, а не забудьте, что если это вообще – чудо, то в Вашем случае – из чудес – чудо, ибо Вам приходится выбирать не из всего мира, а из касты, где – знаю это по опыту – всё лучшее высшее вечное идет к женщине, и только „остатки сладки“ – к мужчине. Ваши на мужскую дружбу – неспособны. Душу всех этих моих друзей всегда получала я, и если кто-нибудь меня на свете любил (как мне это подходило) – то это – они.

(Говорю о лучших – об отдельных не говорю вовсе, и если заговорю – то только с абсолютным презрением: как о каждом профессионале живой души: соблазнителе малых сих – к какому полу они бы ни относились.)

Вы хотите–целое, а будет Вам – половинка (и то!).

...Да, мы с Вами хорошо подружились, не теряя ни минутки, и мне страшно жалко, что я Вам ничего не подарила, это так на меня непохоже! но Вы так сопротивлялись – и так мало было времени – первая минутка уже была последняя! – а Ваш карандаш (ди-ивный!) всегда при мне и, надеюсь, будет мне служить до конца дней.

С Вами, помимо всего уютно, с Вами – как с собой, и от Вас как раз столько сердечного тепла, чтобы при встрече порадоваться, и, прощаясь – не жалеть, или – чуть-чуть пожалеть. Чтобы было совсем хорошо с человеком, нужно быть от него свободным.

Спасибо Вам за всё: совместный холод – которого я не замечала, совместное стояние у темных окон, совместное обогревание в первом – неважно! да и времени нет! – кафе – за подаренный карандаш, за обещанное полотенце [1403] (NB мне важно обещание: желание другому – радости) за постоянное пропуск.

Спасибо за книжку – дошла и прочла. [1404]

Мой адрес пока – прежний и очень рада буду письмам. Морозы прошли, на днях будет весна, и я с наслаждением поехала бы с Вами по всем загородам – у меня нет спутника – на весь Париж – никого. Есть городок с дивным названием Mantes, я туда давно рвусь – там собор и сады – и больше ничего. Нет! еще поезд, который люблю – безумно. – Жаль. –

Сердечный привет от Мура: Вы ему очень понравились. Нынче говорю ему о двух мальчиках, с которыми хочу его познакомить (он не хочет: собирают марки!) – они мне показали всех своих медведей, и у них есть рулетка, и они мне сразу предложили с ними играть... Мур: „Еще бы! Кто Вам чего не предложит! Вы – как медведь! взять за губу – и повести“.

Похоже? – Похоже.

МЦ.

ШЮЗВИЛЛЮ ЖАНУ
Рождество 1909 г. – Рождество 1930 г.

Москва – Медон

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогой Жан Шюзвилль!

Вы еще помните обо мне? Вы были так молоды, мы оба были молоды. Это было в Москве. Было Рождество. Шел снег. Вы писали стихи. Я писала стихи. Мы читали их мадемуазель Hélène Guedwilllo[1405]

Вы любили Франсиса Жамма, я любила Эдмона Ростана. Но мы хорошо понимали друг друга. Мадемуазель Guedwilllo любила стихи и молодость.

Приехав в 1925 г. в Париж, я уже не возобновила связей ни с кем из моего детства. Прошлое всегда в прошлом, а это прошлое (война, революция) было абсолютно прошлым, никогда не существовавшим.

Но я все же никогда не могла услышать Ваше имя без того, чтобы в моем воображении не возникли Москва – снег – Рождество – очки – молодость – это видение тотчас вызывало улыбку, которая устанавливала между моим собеседником и мной большую дистанцию, чем та, что отделяет 1909 г. от 1930 г. Вас я впускала в свое детство, а мой собеседник оставался за его пределами,

Дорогой Жан Шюзвилль, когда мадам Городецкая[1406] передала мне Ваш сувенир,[1407] – не будем бояться громких слов, которыми все равно невозможно выразить наши ощущения, – я испытала чувство, похожее на воскрешение: не Ваше воскрешение, а именно мое, я воскресла такой, какой была в прошлом.

То, что не засвидетельствовано, никогда не существовало. Я – это то, что не засвидетельствовано.

Дорогой Жан Шюзвилль, в жизни я, как правило (сама того не желая), приносила сама себе больше вреда, чем добра. Особенно своими письмами. Я всегда хотела быть собой, собой целиком. Часто я зря преувеличивала.

Итак, может быть, я себе причиняю вред тем, что сейчас пишу Вам это письмо, вместо того, чтобы написать другое, приятное, „простое“ и ненужное

Дорогой Жан Шюзвилль, вот и Рождество. Приезжайте ко мне. Это в пригороде – Meudon – напишите, и я буду Вас ждать.

Маршрут такой: садитесь в маленький поезд на станции Invalides – или Pont de l'Alma – или Champs de Mars – или Mirabeau – выходите на станции Meudon – Val-Fleury – пройдете через мостик – поднимитесь по улице Louvois и, не сворачивая ни направо, ни налево, Вы окажетесь прямо перед моим домом – 2, Avenue Jeanne d'Arc, первый этаж слева, постучите.

Предпочтительно к 4 часам.

Вы увидите моих детей. Вы меня видели ребенком.

МЦ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
СЕВЕРЯНИНУ ИГОРЮ
28-го февраля 1931 г.

Начну с того, что это сказано Вам в письме только потому, что не может быть сказано всем в статье. А не может – потому, что в эмиграции поэзия на задворках – раз, все места разобраны – два; там-то о стихах пишет Адамович, и никто более, там-то – другой „ович“ и никто более, и так далее. Только двоим не оказалось места: правде и поэту.

От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой.

От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала – благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Подымаете лицо – молодое. Опускаете – печать лет. Но – поэту не суждено опущенного – разве что никем не видимый наклон к тетради! – всё: и негодование, и восторг, и слушание дали – далее! – вздымает, заносит голову. В моей памяти – и в памяти вчерашнего зала – Вы останетесь молодым.

Ваш зал... Зал – с Вами вместе двадцатилетних... Себя пришли смотреть: свою молодость: себя – тогда, свою последнюю – как раз еще успели! – молодость, любовь...

В этом зале были те, которых я ни до, ни после никогда ни в одном литературном зале не видала и не увижу. Все пришли. Привидения пришли, притащились. Призраки явились – поглядеть на себя. Послушать – себя.

Вы – Вы же были только той, прорицательницей, Саулу показавшей Самуила...[1408]

Это был итог. Двадцатилетия. (Какого!) Ни у кого, может быть, так не билось сердце, как у меня, ибо другие (все!) слушали свою молодость, свои двадцать лет (тогда!) Двадцать лет назад! – Кроме меня. Я ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет – он или время? И перетянул он: Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений – Вы один были – жизнь: двадцать лет спустя.

Ваш словарь: справа и слева шепот: – не он!

Ваше чтение: справа и слева шепот: – не поэт!

Вы выросли, вы стали простым. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто – природу. Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

– И сосны, мачты будущего флота...[1409]
– ведь это и о нас с Вами, о поэтах, – эти строки.

Сонеты. Я не критик и нынче – меньше, чем всегда. Прекрасен Ваш Лермонтов – из-под крыла, прекрасен Брюсов... Прекрасен Есенин, – „благотворительный хулиган“ – может, забываю – прекрасна Ваша любовь: поэта – к поэту (ибо множественного числа – нет, всегда – единственное)...[1410]

И то́, те́!.. „Соната Шопена“, [1411] „Нелли“, „Карета куртизанки“ [1412] и другие, целая прорвавшаяся плотина... Ваша молодость.

И – последнее. Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки, и – напев, тот самый, тот, ради которого... тот напев – нам – как кость – или как цветок... – Хотели? нàте! –

– в уже встающий – уже стоящий – разом вставший – зал. Призраки песен – призракам зала.

ЗАЙЦЕВЫМ Б. К. и В. А
11-го января 1932 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогие Борис Константинович и Вера Алексеевна. Во-первых – с Новым Годом, во-вторых (а м. б. это во-первых) – с новым Наташиным счастьем (если только правда) [1413] – а в-третьих, милый Борис Константинович, похлопайте, как всегда, о выдаче мне пособия с писательского вечера. [1414] Наши дела ужасные. Сердечный привет и всяческие пожелания от нас всех.

М. Цветаева

Прошение прилагаю.

ЗИБЕР-РИЛЬКЕ Р
24-го января 1932 г. воскресенье

Meudon (S. et O.), France,

2, Avenue Jeanne d'Arc,

Дорогая госпожа Рут,

Ваша подпись, когда я прочла ее, была для меня ударом – ведь еще вчера вечером я заглядывала в Вашу колыбель, совершенно не зная, „что из нее (Вас) получится“. И вот – спустя столько лет – получилось. В каждом письме – стихе – время останавливается – навсегда, то есть становится чем-то вечным. (Если этого нет, значит, и написанного вовсе нет – или оно ничтожно.) Вечно начинается маленькая Рут.

Вот почему, дорогая госпожа, этот – почти что – ужас и это – более чем изумленье, когда я увидела Вашу подпись. Значит, время все-таки движется. Значит, есть какое-то иное время, которое только и делает, что движется.

– Точно так и с Рильке. В своих ранних письмах молодой Рильке останавливается – неподвижно, как он стоял у окна, – навсегда.

И пока я пишу эти строки, мне становится ясно, что Рильке, собственно, никуда не двигался (в смысле своего продвиженья, развития), он всего лишь рос, как наши

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
русские столпники, что пятьдесят лет подряд неподвижно стояли на деревянном столпе и в конце концов перерастали небо.

(Я знаю, что Рильке любил ходьбу, но когда в ходьбе не замечаешь, не чувствуешь своих ног, ощущая собственный шаг лишь по бегущим (летающим) мимо небесам и землям, это опять-таки рост – неподвижность – устремленность.

Вам хотелось бы иметь письма? – Длинное, длинное тире. – Чтобы напечатать? Или только прочесть (получить)?

Когда четыре года назад я перевела на русский несколько его писем (кажется, из книги (или журнала) его памяти в издательстве „Insel“) и еще одно женское письмо о нем („Неизвестная“ (Inconnue[1415]) – знаете ли Вы это письмо – из книжки Эдмона Жалу), я написала небольшое предисловие: почему я не публикую писем Рильке ко мне. Кратко: раз я не сделала этого вчера, почему я должна это сделать сегодня? Произошло ли что-либо между вчера и сегодня, что дало бы мне внутреннее право (и могло бы пробудить желание) сделать это? Его смерть? Но во мне его смерть еще не исполнилась, ведь я каждую минуту хочу ему что-то сказать – и говорю – даже о погоде. Есть русское поверье, что душа после смерти тела пребывает в доме еще сорок дней. Я тоже в этом уверена – кроме числа дней. С моей матерью (умерла в 1905-м[1416]) я никогда не разговариваю, она вся для меня обратилась в образ и вечность.

В своей внутренней жизни я не желаю связывать или стеснять себя такой случайностью (напастью), как смерть. Печатать? Зачем? Чтобы доставить радость другим? Тогда почему я не порадовала их (тех же самых!) вчера? Чтобы сохранить письма? Но для этого их не нужно печатать, достаточно их не трогать (пусть себе спят и творят во сне).

Я не хочу, чтобы его смерть свершилась.

Так писала я четыре года тому назад, так чувствую и поныне, с тем, видно, останусь до конца моих дней. Пока вещь во мне, она – я, стоит только ее назвать – она принадлежит всем. Ну а напечатать? То, что не имеет и не могло иметь своего завершения, ибо не имело истинного начала (почему? – об этом как-нибудь позже), завершится тотчас, как будет напечатана первая (или последняя) строчка. Вот все, что написал мне Рильке. Больше он мне ничего не пишет.

Таковы, дорогая госпожа Рут, причины моего „нет“.

Но – раньше я говорила „нет“ просто по своей воле, никем не принуждаемая, сама себя – испытывая, сама себе – отвечая, с собственной совестью наедине; теперь же я стою перед Вами, дорогая госпожа Рут! Вы, единственный его ребенок (который не мог быть сыном), единственная его кровь (как высоко он ценил это слово и вещество!), – Вы имеете полное право на всего ушедшего. Ваше право на него – его право на самого себя. Вам я верну его письма.

О копии Вы не должны беспокоиться, дорогая госпожа Рут: все, даже любое вычеркнутое слово, даже буква (если бы нашлись таковые) будут в копии точно соответствовать оригиналу. Достаточно – как рука поэта – в вещах поэта.

Итак, временно – для чтения и восхищения, не для печати. А когда хронологически этим письмам подойдет черед (лето – осень 1926 года), Вы обратитесь ко мне еще раз, да? Поживем – увидим, может, я все-таки соглашусь. Кроме меня никто не читал этих писем. Лишь Элегию я переписала для Бориса Пастернака, сына художника Леонида Пастернака (друга Рильке и – величайшего поэта России).

О Рильке я уже кое-что напечатала, мое к нему: по-русски: новогоднее письмо (к его первому новому году – там) – стихи – и лирическую прозу „Твоя смерть“, собственно, тоже письмо о его смерти в ближайшем соседстве – справа и слева – двух других смертей: бедной маленькой француженки (учительницы) и русского мальчика Вани. (Обоих я любила и знала, маленькая француженка умерла незадолго до него, маленький мальчик Ваня – вскоре после него, во мне они оказались его соседями.)

Хотите ли иметь эти произведения (напечатаны в русских журналах)? Вдобавок ко многому, что появилось уже в память о нем и еще появится? Перевода, к сожалению, нет, но, будь у меня уверенность или хотя бы надежда, что это делается не для меня одной, я могла бы взять на себя и выполнить оба немецких перевода. Благодарность России за его великую любовь к ней, еще и так это мыслится.

О его письмах.

Первое, с чего я хотела б начать, если издательство „Inſel“ даст согласие на ту работу, – перевод на французский и русский языки русской выборки из томов его писем. Ведь Рильке всегда мечтал написать такую книгу, да она уже и написана, ее надо только составить. Всё, даже мелочи, каждая отдельная строчка должны войти в нее, скажем, строчка из первого тома: „Полночь, необычная полночь – сегодня в России начинается Новый Год“. [1417] Уже в одной строчке – весь Рильке, все его отношение к России, я не знаю, что Вы при этом чувствуете, высокочтимая госпожа Рут, я же чувствую дрожь и трепет – так завораживает! Мне можете Вы доверить выбор!

..И наконец – ведь в каждом томе наверное будет что-нибудь о России – получится эта книга (Россия Рильке), написанная им самим. Его волжский мир. Точное слово!

Это была бы работа, параллельная появлению новых томов его писем, и с выходом последнего тома вся книга была бы готова. – Согласны ли Вы, дорогая госпожа Рут, с французским (оно же будет и русским) заглавием книги: *La Russie de R. M. Rilke*. Это звучит (да и по сути) глубже, чем „R. M. Rilke et la Russie“. Более Он. Более цельно. Его Россия, как его смерть. По-французски я умею писать и сочинять стихи так же, как на родном языке. Не беспокойтесь и будьте во мне уверены.

Россия оказалась неблагодарной к любившему ее великому поэту – не Россия, но эта наша эпоха. Моя работа стала бы началом бесконечной благодарности.

(Отнеситесь с терпением ко мне и моему письму – нам не обойтись без длиннот!)

Когда и если будете отвечать мне, не забудьте, пожалуйста, сообщить, что Вы думаете о возможности немецкого перевода моих уже упомянутых произведений о Рильке („Новогоднее“ и „Твоя смерть“). Ибо ради себя одной я не стану этого делать: у меня едва остается в день два свободных часа для работы, и я пишу все время что-то свое (а Рильке ведь понимает по-русски! [1418]). Я взялась бы за перевод лишь при полной уверенности, что это делается для других.

С почтительным поклоном Вам и Вашей матери (ведь ее Вы подразумеваете, когда
Страница 414

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пишете „мы“?[1419])

Марина Цветаева

P. S. Мне очень хотелось бы иметь фотографию маленькой Кристианы, о которой Рильке летом 1926 писал с такой гордостью:

„И третий год ее жизни уже давно позади“.[1420] Моему сыну шел тогда второй год.

Письма, Элегию и посвящения на книгах (он подарил мне „Орфея“, „Элегии“ и напоследок „Verger“) Вы получите немного позже, но наверняка – в достовернейших копиях. И еще – позже все будет мной завещано Музею Рильке, нет – Святылищу Рильке, ибо так это должно называться: Музей Гёте и Святылище Рильке.

ФЕДOTOVУ Г. П
Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

16-го мая 1932 г.

Глубокоуважаемый Георгий Петрович,

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой: 26-го в четверг мой доклад – Искусство при свете Совести (основу которого Вы уже знаете через Эйснера).

Не согласились ли бы выступить в качестве собеседника? Мне думается – тема интересная, и возразить: вернее отозваться – будет на что.

Очень благодарна буду Вам за скорый ответ.

М. Цветаева

Краткое содержание доклада на днях появится в Последних Новостях.

26-го (?) ноября 1932 г. достоверно – понедельник

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

Милый Георгий Петрович,

Оказывается – муж может достать мне только Новый Мир, а этого мало, чтобы дать пастернаков фон.[1421] в Тургеневской Библиотеке я не записана.[1422] Так что обращусь к Вам с просьбой: достать что можете. Чем больше достанете – тем живее будет вещь (о стихах можно писать только на примерах, т. е. возможно меньше говоря, возможно больше давая говорить).

Моя дочь часто бывает в городе, напишите когда и куда ей зайти, – а м. б. проще

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
переслать, вернее пересылать по мере поступления – по почте? Книг задерживать не
буду, тут же выпишу что нужно и верну – Вам.

Очень хотелось бы побольше материалу, но я здесь совершенно беспомощна, могу
только написать.

Прилагаемые стихи передайте жене, ей может быть будет приятно узнать (вспомнить)
и такого Макса, а может быть – и ту меня, которую она – наверное единственный
человек в Париже, если не шире, и к моему глубокому удивлению – хочется сказать:
еще застала. („Мальчиком, бегущим резво – я предстала вам“ [1423] позовите меня в
гости (как-нибудь вечером) и я вам обоим почитаю – и стихи той поры и
теперешние.)

До свидания. Спасибо, что вспомнили.

Очень буду ждать книг.

МЦ.

Про съезд думаю и с ответом не задержу. [1424]

14-го декабря 1932 г.

Милый Георгий Петрович,

Ответьте мне по возможности сразу: могу ли я вместо Пастернака написать
Маяковского, либо сопоставить Маяковского и Пастернака: лирику и эпос наших
дней?

Все равно ничего исчерпывающего об остальных не могу дать, их много, книг мало,
ненавижу безответственность. Когда в точности дать статью? (Последний срок) –
Будут те же 8 страниц.

Жду ответа. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

16-го декабря 1932 г. Четверг.

Милый Георгий Петрович,

Ваша книга наконец обнаружилась – запропала в дебрях при переезде – Маяковский,
и Аля ее нынче же доставит в библиотеку, сказав, что Ваша. Если будет штраф,
выплачу из гонорара, только скажите – сколько.

– Хорошо бы на Петре, т. е. на чудном Пастернаке, всячески выгодно, но есть,
страницы за две, еще место, на котором можно прервать. [1425]

Спасибо за все и простите за Маяковского, о нем не пекитесь, нынче же будет
возвращен.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

16-го декабря 1932 г.

Clamort (Seine) 101,

Rue Condorcet

Милый Георгий Петрович,

Еще вопрос, даже – запрос. С моим докладом на Съезде Православной Культуры не безнадежно, и вот почему: у меня есть начатая вещь: Две Совести (совесть перед вещью и совесть перед Богом: – хорошо сделано! и что сделано?) которую мне нужно было бы Вам показать, вернее – из которой почитать, ибо это, пока, непроходимый черновик. [1426] Если бы Вы нашли, что это подходит (думаю – да), я бы, тотчас же после сдачи Вам статьи для Нового Града, принялась бы за нее и сделала бы что могла.

Но – важный вопрос – выступление бесплатно? Ведь мне бы пришлось работать полных две недели, т. е. в это время не делать ничего для заработка, а как ни плохо оплачиваются самые случайные переводы – они все-таки что-то дают.

Нельзя ли было бы выяснить этот вопрос заранее?

Если же Вы заранее знаете, что безнадежно – или неудобно – что все выступают даром и т. д. – то и выяснять не надо.

Во всяком случае мне бы надо Вам вещь – в черновом виде – показать, м. б. и не пригодится. Не совсем приятно также, что все эти ученые господа с радостью будут рвать меня на части, здесь отбиться я навряд ли смогу, – у них цитаты, а у меня только живые примеры, почти бытовые примеры.

Хотите встретимся на будущей неделе? Не соберетесь ли Вы в Кламар (в любой день от 4 ч., но непременно предупредив заранее), тогда обо всем рассудим. Книжку Аля обменяла, мне абонемент очень послужит для статьи. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Приписка на первом листе:

м. б. удастся переехать до 15-го января, так как новая квартира пустая.

20-го декабря 1932 г.

Clamart (Seine)

101, Rue Condorcet

Милый Георгий Петрович,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Не поможете ли Вы и Елена Николаевна мне в распространении билетов на мой вечер 29-го – Детских и юношеских стихов – ТЕРМОВЫЙ вечер, роковой, ибо кроме терма еще переезд!

Цена билета 10 франков, посылаю три, четвертый вам обоим, дружеский.

Сделайте, что можете! И еще – не знаете ли Вы случайно, что с „писательским балом“? Будет ли и есть ли надежды? Боюсь пропустить срок прошения, а неловко просить, не зная, будет ли „бал“. Из-за полной нищеты нигде не бываю и никого не вижу. – Статья пишется и будет готова к 1-му.

Сердечный привет вам всем.

МЦ.

P. S. Вчера писала Рудневу с просьбой дать мне 100 фр. авансу за конец „Искусства при свете совести“ в январской книге, – уже получила корректуру. Не могли бы Вы, милый Георгий Петрович, попросить о том же фундаминского?[1427] Идут праздники – уже на ноги наступают – а нам не то что нечего дать на чай, сами без чаю и без всего.

– Если можете! –

8-го января 1933 г.

Clamart

101, Rue Condorcet

Милый Георгий Петрович,

Вот, наконец, рукопись.

Обращаю все Ваше внимание на 16 страницу, где вписка не совсем, не целиком заметна: приоткройте лист, часть вписки слева и скрыта, у меня не было места, а вписка мне необходима. Приоткройте!

Работала над статьей зверски, не отрываясь, полных 3 недели, печатайте петитом, либо делите на два, но не сокращайте, иначе я впаду в отчаяние.

Руднев моих 3 стихов (цикл) Волошину не взял, говорит много – 117 строк, а одного я ему не дала. А сам просил кроме имеющегося „Дома“ (38 строк) еще 2–3.[1428] Я послала волошинский цикл (117 страниц, прося оставить „Дом“, тогда выходит 80 с чем-то строк, т. е. как раз те 2–3 стихотворения, которые Руднев просил еще. Бог его знает! Ненавижу торговлю, всегда готова отдать даром, но не могу же я дать им место, которого у них для Волошина и меня нет (ВНУТРИ нет!)

А главное – Волошина здесь многие помнят и любят, и многие бы ему порадовались.

Кроме всего у меня переезд и перевод бердяевской статьи, пишу среди полного разгрома.[1429]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Очень жду отзвука на статью. до 15-го адрес прежний, после 15-го

10, Rue Lazare Carnot Clamart

Название прошу без точек и с тире как у меня. Сердечный привет Вам и Е. А.. [1430]

МЦ.

Название, либо как у меня, либо (оно мне больше нравится, но как хотите, м. б. журналу важнее Эпос и Лирика).

БОРИС ПАСТЕРНАК и ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ, т. е. если без эпос и лирика, тогда Бориса на первом месте.

На выбор.

Корректуру умоляю.

Простите прочерк.

14-го февраля 1933 г., вторник

Милый Георгий Петрович,

По-моему, Вы очень хорошо поделили – как раз на Петре. Поделила бы совершенно так же, – естественное деление. Совершенно согласна, что никаких „продолжение следует“, – такие оповещения только пугают читателя перспективами разверзающейся паскалевской бесконечности.

Просто заглавие, и

– I –

Корректуру исправлю нынче же и доставлю (на дом) завтра.

Большая просьба о гонораре возможно скорее, дела хуже, чем плохи.

И еще другая просьба. На днях доставляю Рудневу вес „Живое о живом“ – о Максе. 90 машинных страниц по 1800 знаков в странице, т. е. 162 тыс. печ. знаков, т. е. поделить на нормальных 40 тыс. знаков – 4 печатных листа. Попробуйте убедить

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Руднева или фундаминского, что они могут отлично разбить на два № и печатать без шпон, – а то опять это отчаяние сокращений. Тем более, что я предлагала Рудневу написать отдельную статью о Максе, какую угодно короткую, хоть в пол-листа, но он не захотел, и просил именно эту. Сделайте что можете! Мне здесь не я важна, а Макс. Ведь больше у меня случая сказать о нем – не будет, а у меня он, правда, живой.

Большое спасибо за чудное обращение, так хорошо со мной, с времен Воли России, НИКТО не обращался.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Корректуру – завтра.

МЦ.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

И – третья просьба: alle guten (или schlechten) Dinge sind drei:[1431] об отдельных оттисках статьи, ибо есть надежда переправить и в Россию. Сосинский этим займется охотно, мы с ним приятели. – Если можно!

15-го февраля 1933 г.

Среда

Милый Георгий Петрович,

Из опечаток, верней поправок[1432] – самая существенная – пропуск на 2-ой стр. Он у меня сделан тщательно, но к кому обратиться, чтобы не перепутали? Довольно с меня и моих „темнот“ (NB! убеждена, что пишу яснее ясного!).

Еще: необходимо цитату из Рильке напечатать так:

...die wollten blühen
Wir wollen dunkel sein und uns bemühen[1433]
ибо первая строка – неполная, взята из середины. Я поставила стрелы.

ЗАЗЫВАЛЫ (как менялы)

7 стр. ВРАЗДРОБЬ (NB! слово существует!)

8 стр. сокращение, необходимое, а то жвачка.

Остальные опечатки – буквенные, кое-где добавила и упразднила запятые.

(Руднев например уверен, что перед каждым КАК нужна запятая, а это неверно. ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕЛОЕ. Здесь например, никакой запятой не нужно. Об этом есть и в грамматике, но Руднев – между нами – мне – от страха – всюду ставит!).

Еще раз спасибо за такое человеческое редакторство. И – ОЧЕНЬ ХОРОШО кончается на Петре. Только хорошо бы, чтобы без опечатки (КОНВУЛЬСКИЙ) Сердечный привет.

МЦ.

4-го марта 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Георгий Петрович,

Умоляю еще раз написать Фондаминскому о гонораре, нас уже приходили описывать – в первый раз в жизни.

Привет

МЦ.

10, Rue Lazare Carnot

Clamart (Seine)

6-го марта 1933 г.

Милый Георгий Петрович,

Самое сердечное спасибо за аванс – как жаль, что меня вчера не застали, мы с вами так давно не виделись.

А вот строки из письма Руднева (МЕЖДУ НАМИ, а то рассвирепеет – прощай, Макс!).

...Теперь, в порядке не редактора, а читателя, осмелюсь Вам сказать, что удивляет и несколько даже досаду вызывает Ваше (простите) раболепное отношение к Максиму Волошину. Он – прямо какое-то божество, богоподобное существо, во всех отношениях изумительное. Это – неверно или невероятно, всё равно. А важно то, что Ваша восторженность уже не заражает читателя, а наоборот, настораживает против Макса Волошина.

О моих личных впечатлениях из совместной и тесной жизни с Максимом Волошиным в Одессе при случае расскажу. [1434]

Не сердитесь на меня? Но мне очень не хотелось бы для Вас оттенка некоего „ридикуля“ в чрезмерной восторженности.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Преданный Вам, и т. д.

Милый Георгий Петрович, если бы писал читатель – мне было бы все равно, но читатель власть имущий есть редактор, и мне совершенно НЕ все равно.

Поэтому не отгрызнулась (а КАК могла бы! Простым разбором понятий раболепства и рудневского „ридикуля“) – не отгрызнулась, а ответила мирно – „не будем спорить – как никогда не спорил Макс“... и т. д.

Мне важно, чтобы про Макса прочли все, а потом когда-нибудь, когда больше не буду зависеть от Руднева и Амари (à Marie), [1435] включу это рудневское послание как послесловие.

Но, в утешение, чудное письмо от бывшей жены Макса (25 лет или больше назад!) – Маргариты Сабашниковой, художницы, – Вы м. б. ее знали, или ее брата – издателя? [1436]

Когда увидимся, прочту.

Когда – увидимся?

До свидания, еще раз спасибо за выручку. Руднев – между нами. Но при случае воздействуйте в смысле принятия рукописи – она сейчас у него на руках, и он ее читает – от конца к началу и от начала к концу.

До свидания! Скоро в Кламаре будет чудно, – приедете гулять.

МЦ.

Е. А. [1437] непременно покажите, – она ведь Макса знала и любила. Привет ей и дочери.

3-го апреля 1933 г., понедельник

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Георгий Петрович,

Все получила, – сердечное спасибо.

А Руднев от меня сегодня получит мое последнее решение: ПОРТЬ ВЕЩЬ САМ, Я – УСТРАНЯЮСЬ. (В письме говорю иначе, но не менее ясно.) Согласия моего на обездушенную и обезхвощенную вещь он не получит.

Очень жду Вашего ответа на то письмо, с докладом.

Еще раз спасибо. На Пасху – повидаемся? Вы же наверное будете у Николая Александровича[1438] м. б. и ко мне зайдете? Только пораньше, чтобы гулять. Будете писать – упомяните и об этом. Всего лучшего!

МЦ.

P. S. Это не мой герб, а герб Сосинского: его конверт

6-го апреля 1933 г., четверг

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогой Георгий Петрович,

Постарайтесь мне продать несколько билетов, а?[1439] Такие отчаянные пасхальные и термовые дела. Цена билета 10 фр., посылаю пять. Знаю, что трудно – особенно из-за Ремизова[1440] – но – попытайтесь?

Умоляю возможно скорее прислать мне тему Вашего выступления, необходимо, чтобы появилась в следующий четверг. Некоторые уже поступили, но нельзя же – без Вас![1441]

ОЧЕНЬ прошу.

Только что РАДОСТНОЕ, НЕВИННОЕ СОГЛАСИЕ РУДНЕВА САМОСТОЯТЕЛЬНО ПОРТИТЬ МОЮ ВЕЩЬ (ВОЛОШИНА).

Милый Макс! убеждена, что с своей горы[1442] („БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА“ – так будут звать татары) с живейшей и своейшей из улыбок смотрит на этот последний „анекдот“.

– Ну вот.

Вся эта история с Рудневым и Волошиным называется: ПОБЕДА ПУТЕМ ОТКАЗА (моя – конечно!)

А нет ли ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПИСАТЕЛЬСКОГО БОГА, МСТЯЩЕГО ЗА ТАКОЕ САМОУПРАВСТВО?

Умоляю – тему!

МЦ.

ФЕДОТОВЫМ Г. П. и Е. Н.
24-го мая 1933 г.

Милые Георгий Петрович и Елена Николаевна,

Не забыла, но в последнюю минуту, вчера, отказалась служить – приказала долго жить – резиновая подметка, т. е. просто отвалилась, а так как сапоги были единственные...

Очень, очень огорчена. Знайте, что никогда не обманываю и не подвожу, – за мной этого не водится – но есть вещи сильнее наших решений, они называются невозможность и являются, даже предстают нам – как вчера – в виде отвалившейся подметки.

Всего доброго. Дела такие, что о ближайшем „выезде“ мечтать не приходится. Получила очередное письмо от Руднева о Максе – целый архив!

МЦ.

ТЭФИ Н. А.
19-го ноября 1932 г.

Clamart (Seine) 101,

Rue Condorcet

Дорогая Надежда Александровна,

Весь вечер беседовала о Вас с дамой – имени которой я не знаю, она знает всех и двоюродная сестра Цейтлиных[1443] (маленькая, черная, оживленная, худая, немолодая) – о Вас: о Вашем творчестве, нраве, подходе к событиям и к людям, а утром, очень рано, – как и должна приходиться радость – Ваше письмо, которое читала еще спящими глазами.

А теперь о моем свинстве, даже – кабанстве: кабанстве очевидном, но не сущем, ибо провалилась я – Вы мне поверите – только потому что потеряла Ваш адрес, а с ним и чувство Вашей достоверности: только помнила мост и мимо моста – дом налево.[1444]

...И по ночам задумчиво искать

Ту улицу – которой нет на плане...[1445]

Потеря чувства достоверности одно из моих сильнейших (и страшнейших[1446] для меня) свойств. Вещь с какой-то минуты становится для меня недостижимой, я перестаю верить, что она – есть, что она – есть – здесь (м. б. от слишком сильной веры в там, где все есть – все будет! и все будем!). И, зачарованная, теряю: человека, настоящее, будущее.

Конечно, могла бы написать на Возрождение,[1447] но писать туда, где человек не живет как-то – психологически – безнадежно, почти как в Советскую Россию: чувство, что ты сам то письмо, что не найдешь: не дойдешь.

Так и осталось, т. е. я – свиньей перед Вами, с бесплодными – ибо до Вас не доходящими – вовсе не кабаньими, а обратными чувствами и мыслями к Вам и о Вас.

И как чудно, что сейчас окликнули, т. е. сняли с меня эту гору невозможности и кабанью кожу неблагодарности. Как великодушно, что простили, а м. б. даже не заметили. (Мой девиз, в случаях (?) человеческой низости: Ne daigne! Это иногда принимают за доброту.)

Хотите – встретимся? Давайте – встретимся! Позовите меня к себе, а после беседы – м. б. и Вы ко мне соберетесь. (После января у меня будет отдельная комната, вот уже год живу в кухне, в которой непрерывно стирают, моются и обедают четыре человека, а иногда и гости. Сюда – не зову.)

...У Вас – иной круг (у меня – НИКАКОГО), но важно ведь не: круг, а: друг. Никогда не вывожу человека из его окружения (наоборот: всегда вывожу: как за руку!) но окружение его – какое бы ни было – всегда сужу – за то одиночество, в котором в нужную минуту: в безнадежную минуту! – оставляет того, вокруг которого. (Все растущий круг пустоты.)

Обнимаю Вас и жду весточки. Я свободна только вечером от 9 ч. – Вам не слишком поздно? (Вторник, четверг и субботу могу уже к 8 ч.) И напишите, пожалуйста, свой точный адрес (метро и этаж дома). МЦ.

Хотите, захвачу почитать из дневников? Никому не известных.

ЗАЙЦЕВУ Б. К
31-го января 1933 г.

Clamart (Seine)

10. Rue Lazare Carnot

Дорогой Борис Константинович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, – не поможет ли Вы мне получить деньги с Писательского вечера? Руднев передал мое прошение когда и куда следует, – недели три назад – но это было уже давно, и никакой присылки не последовало.

Дела мои ужасны, все притоки прекратились, перевожу, но больше даром, и часто-зря, т. е. на авось. Есть еще переводы анонимные, вернее перевожу – я, а подписывает другой. Получила за 60 стр. (машинных) Художественного перевода – 150 фр. Словом, бьюсь и, временами, почти разбиваюсь.

Алины заработки (figurines) тоже прекратились, зарабатывает изредка франков по 30, по 50 маленькими статьями (французскими» в кинематографических журналах, пишет отлично, но тоже нет связей. Рисование идет отлично (гравюра, литография, иллюстрация), даже блистательно, но кроме похвал – ничего.

Таковы наши безысходные дела. Группа уцелевших друзей собирает 250 фр. в месяц, но нас четыре человека – и сколько, этими деньгами, попреков.

Очень, очень прошу вас, расскажите хотя бы часть из этого писателям, т. е. тем, кто ведает раздачей.

Сердечный привет, Люду и Наташу[1448] целую. Скажите Вере, что Муру завтра, 1-го, восемь лет.

МЦ.

11-го января 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Борис Константинович,

Я как всегда с моим прошением – в последний час. Можно попросить Вас направить его куда следует? Я совершенно потеряла связь с людьми и с событиями: вожу и отвожу Мура в школу, [1449] топлю, тороплюсь, переписываюсь с Рудневым. Да! Если видите Веру Николаевну, [1450] во-первых – кланяйтесь ей от меня, во-вторых – передайте, что Старый Пимен (ей посвященный) принят целиком – за исключением НЕСКОЛЬКИХ СЛОВ (о юдаизме иловайского).

Обнимаю всех вас. Спасибо.

МЦ.

ДЕМИДОВУ И. П
1933

Многоуважаемый Господин Демидов,

(Мы с вами познакомились в поезде, когда уезжал князь С. М. Волконский.)

Посылаю Вам стихи для Последних новостей и очень хотела бы, чтобы их напечатали вместе. [1451] Также буду просить о сохранении даты написания, чтобы не удивлять читателя разностью моих нынешних стихов и этих, между которыми целое двадцатилетие. Искренне уважающая Вас

Марина Цветаева

Эти стихи я выбрала как наиболее понятные для читателя. У меня их целая книга, неизданная.

Прошу во втором стихотворении сохранить эпиграф (Принцесса, на земле и т. д.), [1452] т. е. не слить его с текстом.

ЗЕЕЛЕРУ В.Ф
4-го февраля 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Многоуважаемый Господин Зеелер,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Очень прошу Вас выдать моей дочери Ариадне Сергеевне Эфрон сумму (160 фр.? прилагаю письмо Б. К. Зайцева), назначенную мне Союзом с писательского вечера. Заранее благодарная

М. Цветаева

10-го июня 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Многоуважаемый Владимир Феофилактович, [1453] Обращаюсь к Вам с большой просьбой: выдать мне деньги с тургеневского вечера по возможности сейчас же. [1454] О моем крайне-бедственном положении знают Бальмонты, и Вам его в любую минуту подтвердят. Да и не только Бальмонты.

Вторая просьба в картах d'identite, [1455] которые меня крайне тревожат, время идет, у нас был чиновник из Префектуры, а о свидетельствах Союза Писателей ни слуху ни духу, я совершенно не знаю, что мне делать, но одно знаю с совершенной ясностью, что никогда у меня не будет 200 фр., чтобы заплатить за себя и мужа, если свидетельства не поспеют вовремя. Да даже и ста. [1456]

Если Вам трудно письменно, изъясните, пожалуйста, моей дочери на словах, В ЧЕМ ДЕЛО И ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЛУЧИТЬ.

Писала Вам о том же четыре дня назад.

Уважающая Вас

М. Цветаева

7-го мая 1935 г.

Дорогой Владимир Феофилович!

Очень прошу уделить мне что-нибудь с Пушкинского вечера. Прилагаю прошение. И конверт с адресом и маркой – не обижайтесь! Это я, зная Вашу занятость, для простоты и быстроты – с большой просьбой черкнуть ровно два слова: есть ли надежда на получку и когда за ней. Я ведь по телефону звонить не умею, а ехать на авось мне невозможно, я ведь целый день (8 концов!) провожаю сына в школу.

Сердечный привет!

М. Цветаева

РУДНЕВУ В. В
2-го марта 1933 г.

Clamart (Seine)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

10, Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Только что получила оттиски, [1457] – самое сердечное спасибо! Страшно тронута, что Вы об этом подумали. Читали ли, кстати, отзыв Адамовича? По-моему – милостиво.

И большое спасибо за налоговые советы – Вы правы (и Ремизов прав!) – проще всего и дешевле всего – платить.

Конец Макса, надеюсь, получили. [1458] С Вашей оценкой («раболепство») несогласна, это – чистейшая моя ему за себя и за многих и заслуженнейшая им БЛАГОДАРНОСТЬ. Но спорить не будем – как никогда не спорил Макс.

Очень рада буду когда-нибудь повидаться с Вами лично, скоро весна, – Вы наверное любите лес? Мы близко, – приедете на целый день, погуляем и побеседуем – в мире.

Сердечный привет и еще раз спасибо

МЦ.

19-го мая 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Мое отношение к Максимилиану Волошину Вам известно из моей рукописи.

Мое отношение к изъятию из моей рукописи самого ценного: Макса в Революцию, его конца и всего конца. Вам известно из моего устранения от всякого соучастия.

Причины, заставившие меня моей рукописи не взять обратно. Вам не могут не быть известны.

И, наконец, моя оценка письма Маргариты Сабашниковой для Вас несомненна. [1459]

Чего же вы от меня хотите – и ждете??

А насчет «экстренных мер» – автор человек бесправный и ничего (внешне) не может, особенно в наши дни.

Прилагаю письмо М. В. Сабашниковой.

Всего доброго

Марина Цветаева

10, Rue Lazare Carnot 11-го июля 1933 г.

Clamart (Seine)

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за деньги и за корректуру, [1460] но подлинника еще (11-ое июля) не получила. Пока сличаю без.

Если Вы не очень торопитесь с корректурой, я сама прошу Ходасевича, [1461] пошлав ему текст (не из корректуры, конечно!) По-моему – у него «le beau rôle» [1462] – терпения и, даже, мученичества, но... Бог его знает!

(Если бы Вы знали как цинически врет Георгий Иванов в своих «воспоминаниях», все искажая! И как все ему сходит с рук! Но раз он на меня нарвался – и ему досталось по заслугам.)

Ответьте, пожалуйста, когда крайний срок корректуры. Если тотчас – разоритесь на рпеу, я тогда замену «Ходасевича» просто «поэтом».

До свидания. Спасибо. Скоро будем соседи, тогда придете в гости.

МЦ.

Вы меня авансом страшно выручили!

19-го июля 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Полное разрешение Ходасевича проставлять его имя: он мне вполне доверяет. Письмо его храню как оправдательный документ.

Я не знаю, кто правил корректуру, – Вы или М. Вишняк, но там предложены (карандашом) некоторые замены (мужской род на женский, знаки), которые я, в случае несогласия, восстанавливаю в прежнем виде. (Речь о пустяках, упоминаю для очистки совести!) Мне очень жаль (Вам – нет, конечно!), что моя корректура идет к Вишняку, а не к Вам, мы с Вами хотя и ссоримся – но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности...

Ходасевич отлично помнит Марию Паппер и, вдохновленный мною, сам хочет о ней писать воспоминания. Видите, какой у этих одиночек (поэтов) [1463] – esprit de corps [1464] и имя дал – и сам вдохновился!

Написал мне, кстати, милейшее письмо, на которое я совершенно не рассчитывала – были какие-то косвенные ссоры из-за «Верст», [1465] и т. д.

Все это потому, что нашего полку – убывает, что поколение – уходит, и меньше возрастное, чем духовное, что мы все-таки, с Ходасевичем, несмотря на его монархизм (??) и мой аполитизм: гуманизм: МАКСИЗМ в политике, а проще: полный отворот (от газет) спины – что мы все-таки, с Ходасевичем, по слову Ростана в передаче Щепкиной-Куперник: – Мы из одной семьи, Monsieur de Bergerac! [1466] Так же у меня со всеми моими «политическими» врагами – лишь бы они были поэты или – любили поэтов.

А в общем (Мария Паппер – Ходасевич – я) еще один акт Максиного миротворчества. Я его, кстати, нынче видела во сне всю ночь, в его парижской мастерской, где я никогда не была, и сама раскрывала окно и дверь от его астмы.

Рукопись получила. Корректуру Вишняку – самое позднее – завтра. Я сейчас, после всей прозы, дорвалась до стихов и с величайшим трудом отрываюсь. [1467]

Всего лучшего! Спасибо еще раз за деньги к терму.

А в Булонь нам нужно непременно – хоть под булоньские каштаны – ибо Мур с 1-го октября начнет ходить в гимназию, которая мне, кстати, очень понравилась. (Была на акте.)

Желаю Вам, милый Вадим Викторович, хорошего лета и полного отдыха от рукописей. Пускай Вишняк почитает!

МЦ.

9-го сентября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Посылаю Вам своего «Дедушку Иловайского», которого не приняли в Последних Новостях, как запретную (запрещенную Милюковым) тему. «Высоко-художественно, очень ценно, как материал, но...» – вот точный отзыв Милюкова. Если эта тема у Вас не запрещена, что Вы скажете об этой вещи для Современных Записок? Это – только 1-ая часть, к ней приросла бы 2-ая, где бы я дала арест, допрос и конец старика (1918–1919 гг.) и очень страшный конец его жены – как в страшном сне.

Вообще, мне бы для маленькой, но исчерпывающей повести – и даже были, которую я бы хотела написать об этом страшном доме, нужно было бы 2 листа. Дала бы судьбы детей, жен, – комнаты, жившие в таких домах не менее сильно, чем люди, дала бы огромный сырой (смертный!) сад, многое бы дала, чего здесь и не затронула. (Для газеты писать – одно горе! Все время считаешь строки и каждый раз – неверно! Но очень приятны растроганные отзывы (даже Бунина!) о моем «Музее», например. Значит, этот мир кому-то нужен.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Если бы имя Иловайского кого-нибудь из Редакции устало или оттолкнуло (не думаю: вы все другого поколения, а Милюков с ним, очевидно, повздорил лично! Кстати, Иловайскому бы сейчас было больше ста лет!) И так, если дело в имени, готова назвать вещь «У Старого Пимена» – по названию московского тупика, в котором он жил.

Мне очень жаль было бы, если бы эта вещь пропала, я над ней очень старалась, и тема, по-моему, стоящая. Ведь раз вещь кончилась, неужели она не вправе была быть? Раз она была.

Не понимаю политического подхода Милюкова к явлению, данному явно в области жизненной, человеческой и даже мистической. (Ведь мой Иловайский – жуток! Эту жуть, в истории его жен и детей, в их смертях – усилию.)

Очень жду Вашего ответа. Если были бы маленькие, чисто-словесные, загвоздки (там есть одно место насчет «либеральных гимназий») – отметьте сразу, если дело в словах и этих слов немного – пошла бы на уступки. Но на мой взгляд – все приемлемо, если только не оттолкнет имя, которого ни изменить, ни заменить не могу.

Рукопись посылаю только на просмотр и очень прошу, милый Вадим Викторович, вернуть заказным – в том или ином случае.

Сердечный привет. Довольны ли своим летом? Я писательским – да, человеческим – нет: до тоски хочется новых мест, и не столько новых, как – просторных!

МЦ.

М. б. скоро будем соседями.

19-го сентября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Очень рада, что мой Иловайский Вас не утратил, т. с. м. б. и утратил, но иначе. (Он, по-моему, должен утратять, и мой, семейный, еще больше чем тот, общественный.) Вторая часть будет куда сильнее: антитеза с цветущими умирающими детьми, жизнь вещей в доме... Особенно страшна смерть жены, когда-то – красавицы, – одной, с сундуками в полуподвальной комнате, где день и ночь горел свет... Ее зверски убили, надеясь на «миллионы» и унеся 64 рубля с копейками... (1929 г.) Словом, напишу хорошо, потому что очень увлечена. А когда-нибудь (не сейчас, сейчас я вся в семейном) с удовольствием дам в Современные Записки весь свой материал о Блоке – много и интересно.

Итак, скоро примусь за Дедушку. Сейчас кончаю Музей и отца.

Всего лучшего.

МЦ.

8-го Октября 1933 г.

Дорогой Вадим Викторович,

Самое глубокое и растроганное спасибо за помощь. Адрес Ремизовых попытаюсь нынче же достать у Евгении Ивановны (бывшей Савинковой), [1468] она о ремизовских делах очень печется и, наверное, знает.

О рукописи. [1469] В черновике она у меня очень большая и, конечно, вся не поместится.

Теперь, очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, определите мне ее предельный размер в печатных буквах.

Моя мечта была бы – 2 полных печатных листа (лист – 40.000 букв?) на всё, с уже у Вас имеющимся, которое (1-ая часть очень прошу мне выслать возможно скорее – у меня там ряд неточностей).

Еще раз спасибо за подмогу.

Сердечный привет

МЦ.

Приписка на полях:

P. S. Можно мне будет попросить об отдельных оттисках Макса: 2-го, а по возможности и 1-го? (если еще не разбит шрифт).

12-го Октября 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Дорогой Вадим Викторович,

Все получила: аванс, доплату, журнал, оттиски. Бесконечно-тронута. Обе расписки прилагаю.

Иловайского (цельного) вышлю не позже как через две недели, может быть – раньше. Как Вы думаете, не лучше ли назвать вещь (по названию 2-ой части Дом у Старого Пимена, что отчасти избавляет ее от излишней «историчности» (ассоциации с учебником истории). Ваш журнал – от нареканий либеральных читателей и прибавляет ей человечности: вечности.

Мне такое название больше нравится: оно глубже, шире, внутреннее и больше соответствует теме: истории дома, не самого Иловайского.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Итак, еще раз спасибо. Убедена, что 2-ая часть Вам понравится, т. е. Вас взволнует. Мне ее, иными поздними часами, даже жутко писать.

Всего лучшего

МЦ.

11-го ноября. Armistice[1470] (а у нас война – никогда не кончилась!..)

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

– Вот. –

Остается еще хвост, который не позже четверга. Про Мура подробно – тогда же. Спасибо за добрый помысел.

Поздравляю с Буниным.[1471] (С верой Муромцевой мы – почти родня: через Иловайских.)

Исписала все чернила. До свидания!

МЦ.

Хвост – 20 страниц.

Вставку на 11 странице. (Цитата с глазом Митридата) пришлю с четверговым.

I Дедушку пришлось переписать – очень затаскался и выглядел не древностью, а ветошью.

На Пимена потеряла 3 фельетона в Последних Новостях, т. е. 600 фр., – но двух вещей зараз никогда писать не могла, – лучше ни одной (чего никогда не было!) Последние дни у нас перегорело все электричество, писала как Дмитрий Иванович при свече, в дыму гаснущей печки. Но все это – но и это пройдет (Соломонов перстень).[1472]

Около 16-го ноября 1933 г.

Милый Вадим Викторович,

Наконец – конец.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вписку про глаз – прилагаю.

Мой сын Мур учится в Ecole secondaire de Clamart, [1473] в 9 классе за плату 75 руб. в месяц. Если нужно будет свидетельство от директора – пришлю. Платить мне невоготу, а переехать в Булонь (русская гимназия) не могла по той же причине. Надеюсь – будущей осенью. Вообще – надеюсь.(??)

Всего доброго

МЦ.

P. S. У меня есть две квитанции за его учение: Октябрь и Ноябрь.

9-го декабря 1933 г.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

(Обращаюсь одновременно ко всей Редакции)

Я слишком долго, страстно и подробно работала над Старым Пименом, чтобы идти на какие бы то ни было сокращения. Проза поэта – другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (усердия) – не фраза, а слово, и даже часто – слог. Это Вам подтвердят мои черновики, и это Вам подтвердит каждый поэт. И каждый серьезный критик: Ходасевич, например, если Вы ему верите.

Не могу разбивать художественного и живого единства, как не могла бы, из внешних соображений, приписать, по окончании, ни одной лишней строки. Пусть лучше лежит до другого, более счастливого случая, либо идет – в посмертное, т. е. в наследство тому же Муру (он будет БОГАТ ВСЕЙ МОЕЙ НИЩЕТОЙ И СВОБОДЕН ВСЕЙ МОЕЙ НЕВОЛЕЙ) – итак, пусть идет в наследство моему богатому наследнику, как добрая половина написанного мною в эмиграции и эмиграции, в лице ее редакторов, не понадобившегося, хотя все время и плачется, что нет хорошей прозы и стихов.

За эти годы я объелась и опилась горечью. Печатаюсь я с 1910 г. (моя первая книга имеется в Тургеневской библиотеке), а ныне – 1933 г., и меня все еще здесь считают либо начинающим, либо любителем, – каким-то гастролером. Говорю здесь, ибо в России мои стихи имеются в хрестоматиях, как образцы краткой речи, – сама держала в руках и радовалась, ибо не только ничего для такого признания не сделала, а, кажется, всё – против.

Но и здесь мои дела не так безнадежны: за меня здесь – лучший читатель и все писатели, которые все: будь то Ходасевич, Бальмонт, Бунин или любой из молодых, единогласно подтвердят мое, за 23 года печатания (а пишу я – дольше) заработанное, право на существование без уреза.

Не в моих нравах говорить о своих правах и преимуществах, как не в моих нравах переводить их на монету – зная своей работы цену – цены никогда не набавляла, всегда брала что дают, – и если я нынче, впервые за всю жизнь, об этих своих правах и преимуществах заявляю, то только потому, что дело идет о существовании моей работы и о дальнейших ее возможностях.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот мой ответ по существу и раз-навсегда.

Конечно – Вы меня предупреждали о 65.000 знаках, но перешла я их всего на 18.000, т. е. на 8 печатных страниц, т. е. всего только на 4 листка. Вам – прибавить 4 листка, мне – уродовать вещь. Сократив когда-то мое «Искусство при свете совести», Вы сделали его непонятным, ибо лишили его связи, превратили в отрывки. Выбросив детство Макса и юность его матери, Вы урезали образ поэта на всю его колыбель, и в первую голову – урезали читателя.

То же самое Вы, моею рукой, сделаете, выбросив середину Пимена, т. е. детей Иловайского, без которых – Иловайский он или нет – образ старика-ученого не целен, не полон. Вы не страницы урезываете. Вы урезываете образ. Чтоб на 8 страницах сказать ВСЁ об этой сложной семейственности, сколько мне самой нужно было ОТЖАТЬ, а Вы и это отжатое хотите уничтожить?!

Ведь из моего «Пимена» мог бы выйти целый роман, я даю – краткое лирическое Живописание: ПОЭМУ. Вещь уже сокращена, и силой большей, чем редакторская: силой внутренней необходимости, художественного чутья.

Если дело только в трате – выход есть: не оплачивайте мне этих 8 страниц, пусть идут на оплату типографских расходов: денежному недочету я всегда сочувствую: это для меня не урез, не это – урез.

Если же Вы находите, что вещь внутренне-длинна, неоправдано-растянута и эти 8 страниц для читателя лишние – Старый Пимен остается при мне (я при нем), а Вам я пишу что-нибудь на те 300 фр. прошло-термового авансу, которым Вы меня когда-то выручили, за что сердечно-благодарна. Чему они в печатных знаках равняются?

Сердечный привет

Марина Цветаева

#11_13

Апрель 1934 г.

Вторник.

Милый Вадим Викторович,

Вчера, уже на полдороге от Daviel'a, [1474] мне вдруг показалось (м. б. воздействие надвигающейся грозы!) что в наборе пропущено:

(после последнего письма Белого, где он просит комнату и извещения в «Руле»: ОТБЫЛ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ ПИСАТЕЛЬ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ).

ТАКОЕ-ТО НОЯБРЯ БЫЛО ТАКИМ-ТО НОЯБРЯ ЕГО ВОПЛЯ КО МНЕ. ТО ЕСТЬ УЕХАЛ ОН ИМЕННО В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ПИСАЛ КО МНЕ ТО ПИСЬМО В ПРАГУ, МОЖЕТ БЫТЬ, В ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Умоляю проверить, и, если не поздно, вписать. (А м. б. только жара и авторские стихи!)

До свидания! Спасибо за перевязочный материал, – уже пошел в дело!

МЦ.

2-го мая 1934 г.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

Милый Вадим Викторович,

Большая просьба:

так как, очевидно, мои стихи «Ода пешему ходу» в Современных Записках не пойдут, верните мне их, пожалуйста, чтобы не пропала работа по переписке, – м. б. еще куда-нибудь пристрою, а нет – отправлю кому-нибудь из моих далеких корреспондентов (есть в Харбине, есть в Эстонии), которому это будет – радость. А у меня в Последних Новостях сидит враг, [1475] могущественный, который не пропускает моего отрывка из «Пленного Духа», горячо прошенного у меня рядом членов редакции, и этим лишает меня 300 франков – жизни.

я даже подозреваю – кто: по личному своему к нему отвращению – вернее: от него (отвращаться от).

Сердечный привет и очень жду «Оды», если еще не погибла в корзине.

МЦ.

9-го мая 1934 г., среда

Clamart (Seine) 10, Rue Lazare Carnot

Дорогой Вадим Викторович,

Спасибо за заботу. Деньги очень нужны, хорошо бы – 300 фр. (режет Мурина школа!). До последней минуты я надеялась на Последние Новости, но они моего Белого явно похоронили, хотя сами же просили и даже торопили – (Сами – да не те!) Дело, думаю, в Милюкове, которому, как материалисту, все дүхи, а особенно «пленный». вроде Белого, ничего на земле не умеющие – должны претить, как мне – все обратное, т. е. всёумение.

Это гораздо глубже, чем вражда личная (да ее и нет!), это вражда – рас, двух особей, и моя, конечно, побита – везде, всегда.

И это мне еще наказание за отвращение к газете – ко всякой, всем! Вид ненавижу, лист ненавижу. Брезгую.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Такая роскошь – оплачивается.

Если увидите Демидова, запросите – в чем дело? Хотя уверена, что – в том.

Сердечный привет и еще раз спасибо.

МЦ.

Приписка на полях:

Будут мне оттиски Белого? Впрочем, Вы всегда даете, а как это меня выручает!
Идут по всему свету, даже завидно.

5-го июля 1934 г.

Милый Вадим Викторович,

Не диффамация Любви Дмитриевны, [1476] а прославление Блока (оплакивать чужого, как своего) – на этом буду строить свою «защиту», если понадобится.

Упомянула же – со слов Андрея Белого («от него я впервые узнала, что тот „Митька“, которого оплакивал Блок, не блоковский и не беловский, а ее»...в этом роде, перечтите) – и с утверждения в Берлине 1922 г. издателя Альконоста, [1477] при Эренбурге и еще ком-то (не помню, ах, да – А. Г. Вишняк) что у Блока никогда не было детей. Я, в полной невинности, думала, что это давно известно. (Знали, конечно, все, но не знаю – писали ли.)

Вам (Современным Запискам) мой Блок не подойдет, ибо там много о втором его мнимом сыне, в которого я так поверила, что посвятила ему целый цикл стихов («Стихи к Блоку», Берлин, 1922 г.) и рассорилась из-за него с «Альконостом» – тогда же.

Безумно спешу, ибо последний срок сценарию. Посоветуюсь еще с Ходасевичем, он знает всё вышедшее о Блоке и, м. б., выручит и документом.

До свидания до 18-го, 20-го (письма)

МЦ.

– Не бойтесь! «Защищаясь» – и Вас выручу, т. е. все свалю на себя, мне все равно, у меня совесть чиста.

За гнев – МЕЛОК!

24-го июля 1934 г.

Vanves (Seine) 33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Вадим Викторович,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Наконец, вновь обрела дар письменной речи, и перо, и чернила. Пишу после ужасающего переезда и в еще очень несовершенном устройстве: совершенном расстройстве. Газа нет, света нет и когда будут – неизвестно, ибо денег – нет.

Но Бог с моими делами (Вы все равно помочь не можете!) и обратимся к нашему делу, а м. б. и делам.

Итак:

С Любовью Дмитриевной история не страшна. В моем тексте, по словам знатоков: адвокатов – ничего порочащего – нет: всё во славу Блока, а не в посрамление ее. Во-вторых же – это пересказ, что уже сильно ослабляет всякую могшую бы быть виновность. Явный пересказ слов Белого. В-третьих: ведь это – СЛУХ. Кто-то сказал Алданову. А м. б. – не сказал, не то сказал, не тот сказал. Как же мне на этот анонимат – отзываться, да еще – публично? Да что, в конце концов, я могла бы сказать? Отказаться от факта, от которого не может отказаться сама Любовь Дмитриевна, я не могу – смешно – да и низко. А от порочащего умысла, – да у меня же его и нет!

И откуда бы она подала в суд?? Да если бы и подала, разбор дела был бы не раньше чем через два года. (Последнее мне говорило лицо сведущее, юрист.)

Итак, давайте успокоимся. Впрочем, если лицо, передавшее якобы обиду Любови Дмитриевны, назовется, охотно ему отвечу: когда услышу в точности – что я такого, якобы, сделала и что она, в точности, сказала.

Второе дело. Нужна ли вещь для Современных Записок, и когда, и максимальный размер. О Блоке писать не могу. Вся моя встреча с ним по поводу его другого сына и кажется такого же не-его, как «Митька». А мать – весьма жива и очень когтиста, кроме того ежеледно ездит за границу – и эта уж – непременно засудит!

Предлагаю вещь из детства, то, о чем я Вам уже писала, [1478] она уже вчерне написана, но доканчивать я ее буду только, если будет надежда на помещение, иначе придется взяться за какой-нибудь солидный перевод – жить не на что.

Очень прошу Вас, милый Вадим Викторович, поскорей ответьте: нужна ли, размер, и сообщите новые условия, которых я так и не знаю.

Всего доброго, жду весточки

МЦ.

23-го сентября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Вадим Викторович,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Узнала – по слухам – будто Вы запрашивали обо мне Сосинского: где я и что я – и что с рукописью.

Перед отъездом, т. е. в конце июля, я получила от Вас письмо, на которое ответила. Летом неопределенно ждала от Вас оклика, но так как Вы не окликали, я и не торопилась.

Рукопись есть. – «Мать и музыка» – но, кажется, велика: по моему расчету 62220 знаков. Хотела ее для вечера, но если Вы возьмете, дам Вам. Другого у меня ничего нет.

Когда нужно сдать? Она почти переписана.

Жду ответа. Были с Муром на ферме возле Trappes[1479] и только что вернулись.

МЦ.

Приписка на полях:

Когда выходит №? Мне важно – для вечера.

26-го сентября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Вадим Викторович,

– Ничего. –

Во-первых, я сама виновата, что еще раз Вас не окликнула – для верности.

Во-вторых, пойдись вещь сейчас, у меня бы ничего не было для вечера, который мне нужен до зарезу.

Итак – до следующего номера!

А в Последние Новости я и не собиралась давать отрывков, тогда дала только потому что они просили, а просили из-за Белого (имени). В данной же вещи ничего именно и злободневного нет, – мое младенчество и молодость моей матери.

Сердечный привет

МЦ.

– А стихов Вам не нужно? Иль № уже отпечатан?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

7-го Октября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Вадим Викторович,

Очень жаль, что не были – вечер прошел очень хорошо, и было даже уютно – от взаимной дружественности.

А та вещь, которую Вы просите прислать на просмотр – пустячок, на 10 минут чтения вслух – и никакого отношения к «Мать и Музыка» не имеет: просто диалог, верней триалог, а успех имела потому что – веселая.[1480]

Кроме того, она сразу была предназначена для Последних Новостей – на небольшой фельетон.

«Мать и Музыка» вышлю на днях, кто-нибудь завезет на Rue Daviel. М. б. и стихи какие-нибудь присоединю, хотя мало верю, что вы (множественное числом – поместите: из-за ЛЕГЕНДЫ, что мои стихи – темны.

Пока до свидания – в рукописи!

– Неужели эмиграция даст погибнуть своему единственному журналу? Какой позор. На всё есть деньги (– у богатых, а они – есть!) – на картеж, на меха, на виллы, на рулетку, на издание идиотских романов – все это есть и будет – а журналу дают сдохнуть.

Это – настоящий позор исторический.

Во всяком случае, у Вас должно быть чувство полного удовлетворения: Вы, своими силами, делали все, что могли – до конца. Но что «силы» перед – КАРМАНАМИ: ПОРТФЕЛЯМИ.

Какая все это – мерзость! И как хочется об этом сказать – открыто: в лица тем, у которых на лице вместо своей кожи – КОЖАНАЯ, (нет, лучше нашла!) – СВИНАЯ.

Итак – до свидания: может быть – последнего.

МЦ.

27-го ноября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Вадим Викторович,

А у меня случилось горе: гибель молодого Гронского, бывшего моим большим другом. Но вчера, схоронив, – в том самом медонском лесу (новое кладбище), где мы с ним так много ходили – п. ч. он был пешеход, как я – сразу села за рукопись, [1481] хотя так не хотелось, – ничего не хотелось!

Она совсем готова, только местами сокращаю – для ее же цельности. Надеюсь доставить ее Вам в четверг: Мури́н свободный день, а то не с кем оставить, меня никогда нет дома, а в доме вечный угар – и соседи жутковатые.

Есть и стихи, м. б., подойдут. [1482]

Длина рукописи – приблизительно 52.200 печатных знаков, но это уже в сокращенном виде.

До скорого свидания!

МЦ.

Жаль твердого знака, не люблю нецельности, но это уже вопрос моего максимализма, а конечно, прочтут и без твердого.

Вообще, жить – сдавать: одну за другой – все твердыни. (Я лично твердый знак люблю, как человека, действующее лицо своей жизни, так же, как Ъ.)

13-го декабря, четверг 1934 г.

Vanves (Seine)

33, J. V. Potin

Милый Вадим Викторович,

Корректуру – самое позднее – получите завтра, в пятницу. Не сердитесь, но два подсомненных для Вас места (о нотах и, позже, о «правой» и «левой») я отстаиваю, ибо и так уж рукопись сокращена до предела. Кроме того, первого еще никто не отмечал, а второе – вообще показательно для ребенка (невозможность представить себе вещь с другой стороны) – и кроме всего – ведь это такое маленькое!

(А какая грязная была рукопись! У – жас – ная! Отсылала ее с отвращением...)

А почему Вы против «УМОЛКШЕЙ птице». Ведь две формы: умолкший в умолкнувший, я беру короткую. Я там, выскребая Вашу поправку, до дыры проскребла и теперь не знаю, что делать. (Мне УМОЛКШЕЙ – милее ритмически.) Да, в подтверждение мне: несмолчность – несмолкаемость, тоже две формы, – немолчность – неумолкаемость. Это уж – корень такой?

Приложу отдельный листок особенно-опасных опечаток. А корректор Вы – чудный, после Вас почти ничего не остается делать.

Всего доброго!

МЦ.

Читали в Последних Новостях поэму Гронского?[1483] Погиб настоящий поэт.

14-го декабря 1934 г.

Пятница

Милый Вадим Викторович

(Страшно спешу.) Вчера не ответила на ряд вещей, п. ч. не знала, что в моем тексте – письмо.

О кавычках и тире. Кавычки у меня только в таких случаях:

«...это тебя не касается». Тогда я, обиженная...

если же

...это тебя не касается, сказала мать – то без кавычек. Кавычки только, чтобы не сливалось, а во втором случае слиться не может. Это у меня проведено строжайшим образом, проверьте в любом месте.

Прилагаемые 2 листочка – наборщику, там все основное выписано, ему будет легче, а нам с Вами – спокойнее.

Если Аля Вас застанет, передайте ей, пожалуйста, бунинские деньги, за которые – спасибо.

Да! А Муру книжку очень хотела бы какую-нибудь русскую – посерьезнее и потолще, не детскую, какого-нибудь классика. И был бы подарок на Рождество. Нет ли, случайно, Жуковского?

Но – всякое даяние – благо, и вообще – спасибо.

Желаю удачи с N. А что – если бы устроить вечер в пользу Современных Записок и притянуть Бунина? Я бы охотно и бескорыстно выступила (но не одна). Подумайте!

МЦ.

31-го декабря 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

С Новым Годом, дорогой Вадим Викторович!

Дай Бог – Вам и журналу...

А пока, как новогодний Вам подарок – 4 артистически-урезанные, в самом конце, строки – переверстывать придется самую малость.

Новый Год встречаю одна, как большевики пишут: – «Цветаева все более и более дичает». [1484]

Алю наверное увидите на вечере Красного креста. Большая просьба: я давным-давно должна А. И. Андреевой деньги, и все не могу вернуть из-за тянущейся канители с «Последними Новостями». Если можно, вышлите ей из моего гонорара 60 фр. по адресу

Mme Anna Andréieff

24, Rue de la Tourelle

Boulogne (Seine)

– она в кровной нужде: стирает белье, и т. д., и я уже ей не могу на глаза показаться.

Сердечный привет и лучшие пожелания.

МЦ.

Выпуск отчеркнут красным: ровно 4 строки в конце последней страницы.

АДАМОВИЧУ Г. В
31-го марта 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Георгий Викторович,

Большая просьба: 20-го у меня доклад – Эпос и лирика Советской России – т. е. то, что печаталось в Новом Граде + окончание, как видите – приманка сомнительная. Не можете ли Вы придти мне на выручку, т. е. сказать о советской поэзии, что угодно, но заранее дав мне название, – как бы ни было коротко то, что Вы собираетесь сказать, – чтобы мне можно было дать в газетах. На этот раз мне придется выезжать на содокладчиках, ибо вещь во-первых коротка, во-вторых частично уже напечатана, а другой у меня сейчас нету, п. ч. всю зиму писала по-французски. [1485]

Но – главное – будете ли Вы в Париже 20-го апреля? – (Четверг пасхальной недели).

Не пугайтесь содоклада, п. ч. прошу еще нескольких, – дело не в длительности, а в разнообразии, – если я устала от себя на эстраде, то каково же публике!

Вечер, увы, термовый и даже с опозданием на 5 дней – но нельзя же читать о Маяковском как раз в первый день Пасхи!

Вы чудесно выступили на ... Жиде[1486] (почему я чуть было не написала о Блоке? М. б. в связи с Пасхой, единственно о ком бы, и т. д.), т. е. сказали как раз то, что сказала бы я. Иного мерила, увы, у нас нету!

Зачеркнуто.

А каков Мережковский с chien и parfum??.[1487][1488] Слава Богу, что Вайан,[1489] по глупости, не понял. КАКОЙ ПОШЛЯК! БЕДНЫЙ ЖИД!

До свидания! Жду ответа. Если да – не забудьте сказать – о чем.

МЦ.

Приписка на полях:

Будете отвечать – дайте мне пожалуйста свой адрес: противно писать в пустоту: на газету.

ХОДАСЕВИЧУ В. Ф
12-го июля 1933 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Владислав Фелицианович,

– Не удивляйтесь –

Только что получила от Руднева письмо с следующей опаской: – в моей вещи о Максе Волошине я даю его рассказ о поэтессе Марии Паппер и, между прочим, о ее Вас посещении. Всего несколько строк: как поэтесса всё читает, а Вы всё слушаете. Вы даны очень милым и живым, всё сочувствие на Вашей стороне (верьте моему такту и esprit de corps:[1490] я настоящих поэтов никогда не выдаю, и, если ругаю – бывает! – то знаю, кому: никогда не низшим). Словом, десятистрочная сценка, кончающаяся Вашим скачком: «простите, мне надо идти, ко мне сейчас придет приятель, и меня ждет издатель...» А через неделю – сидит поэт, пишет стихи – нечаянный взгляд в окно: а в окне – за окном – огромные мужские калоши, из калош шейка, на шейке головка... И тут обрывается.

Вы – явно dans le beau rôle:[1491] серьезного и воспитанного человека, которому мешает монстр. Весь рассказ (как он и был) от имени Макса Волошина.

И вот Руднев, которого научил Вишняк, убежденный, что все поэты «немножко не того», опасается, как бы Современным Запискам от Вас – за МОЙ рассказ!!! – не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
нагорело. (NB! Авторской ответственности они (Записки) совершенно не признают.)

– Как быть? – пишет Руднев. Заменить Ходасевича – вымышленным именем? Все
выбросить сценку? Спрашивать разрешения у Ходасевича – что-то глупо...

А я нахожу – все нет. И вот, спрашиваю. Если Вы меня знаете, Вы бояться не
будете. Если забыли – напоминаю. Если же, и зная, несогласны – напишу вместо Вас
просто: ПОЭТ, хотя, конечно, прелести и живости убудет.

Пишу Вам для окончательной очистки совести. Вы, конечно, можете мне ответить,
что никакой Марии Паппер не помните, но она наверное у Вас была, ибо она –
собирает.

До свидания, ОЧЕНЬ прошу Вас отозваться сразу, ибо должна вернуть корректуру.

Всего доброго

М. Цветаева.

«Я великого, нежданного,
Невозможного прошу.
И одной струей желанного
Вечный мрамор орошу»
(Мария Паппер. – Парус. – 1911 г.). [1492] – вот, чем она Вас зачитывала –

19-го июля 1933 г.

Clamart (Seme)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Владислав Фелицианович,

Помириться со мной еще легче, чем поссориться. Нашей ссоры совершенно не помню,
да, по-моему, нашей и не было, ссорился кто-то – и даже что-то – возле нас, а
оказались поссорившимися – и даже поссоренными – мы.

Вообще – вздор. Я за одного настоящего поэта, даже за половинку (или как в Чехии
говорили: осьминку) его, если бы это целое делилось! – отдам сотню настоящих
не-поэтов.

Итак –

Осенью будем соседями, потому что из-за гимназии сына переезжаем в Булонь.

Как давно я не училась в гимназии! Прыжки с кровати, зевки, звонки – даже жуть
берет! И главное – на сколько лет! (Он поступает в первый пригготовительный.) У
меня было два неотъемлемых счастья:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что я больше не в гимназии и что я больше не у большевиков – и вот, одно
отнимается...

Итак – до октября! Тогда окликну.

Паппер (Марию) перечла с величайшей, вернее – мельчайшей тщательностью и ничего
не обнаружила, кроме изумительности Вашего терпения: невытравимости Вашей
воспитанности.

Спасибо!

МЦ.

15-го апреля 1934 г.

Когда я, несколько лет тому назад, впервые подъезжала к Лондону, он был весь во
мне – полный и цельный: сразу утренний, ночной, дождевой, с факелами, с Темзой,
одновременно втекающей в море и вытекающей из него, весь Лондон с Темзой aller
et retour, [1493] с лордом Байроном, Диккенсом и Оскар Уайльдом –
сосуществующими, Лондон всех Карлов и Ричардов, от А до Z, весь Лондон,
втиснутый в мое представление о нем, вневременное и всевременное.

Когда же я приехала в Лондон, я его не узнала. Было ясное утро – но где Лондон
туманов? Нужно ждать до вечера; но где Лондон факелов? В Вестминстерском
аббатстве я вижу только один бок – но где оно – целиком, со всех сторон сразу?

Мгновенности: места в автобусе, табачные лавки, монеты, опускаемые в отопление,
случайности времяпрепровождения и собственного самочувствия, и – всюду лицо N.,
в моем Лондоне непредвиденного.

Город на моих глазах рассыпался день за днем, час за часом рассыпался на
собственные камни, из которых был построен, я ничего не узнавала, всего было
слишком много, и всё было четко и мелко – как близорукий, внезапно надевший очки
и увидевший 3/4 лишнего.

Лондон на моих глазах рассыпался – в прах. И только когда его не стало видно,
отъехав от него приблизительно на час, я вновь увидела его, он стал возникать с
каждым отдаляющим от него оборотом колес – весь целиком, и полнее, и стройнее; а
когда я догадалась закрыть глаза, я вновь увидела его – мой, целый, с Темзой
aller et retour, с Гайд-Парком, соседствующим с Вестминстерским аббатством, с
королевой Елизаветой [1494] об руку с лордом Байроном, Лондон единовременный,
единоместный, Лондон вне- и всевременный.

Конечно, это – налет. Останься я в нем, живи я в нем, без посещений Музеев и
Аббатств, где-нибудь в норе, не глядя на него, но так, кругом ощущая – он бы
вошел сквозь мои поры, как я в него – сквозь его, каменные.

Есть три возможности познания.

Первое – под веками, не глядя, всё внутри, – единственное полное и верное.

Второе – когда город рассыпается, не познание, а незнание, налет на чужую душу,
туризм.

Третье – сживанье с вещью, терпение от нее, претерпевание, незанимание ею, но проникновение ею.

Так вот – не удивляйтесь, милый Владислав Фелицианович – вот почему, когда Вы написали о встрече, беседе, я – задумалась.

Вовсе не претендуя на «целого и полного» Вас, на это исчерпывающее и одновременно неисчерпаемое творческое знание, я все же, наедине хотя бы со звуком тех Ваших интонаций в ушах или букв Вашего письма – больше, лучше, цельнее, полнее, вернее Вас знаю, чем – сидя и говоря с Вами в кафе, в которое Вы придете из своей жизни, а я – из своей, и – того хуже: каждый из своего дня, никогда ничего общего с жизнью не имеющего.

Если бы, как люди в старые времена, когда было еще время на дружбу, вернее – когда дружба считалась хлебом насущным, когда для нее должно было быть время, хотя бы четвертый час утра... итак, будем говорить просто неразб – если бы у этого кафе было будущее, завтрашний день, длительность, я бы сказала да (не Вам, это я не так скажу, а внутри себя!) – я бы просто перевела то общение на это, там – на здесь (хотя мне это всегда безумно трудно, я не привыкла к теснотам, а никогда в жизни такой не бывает свободы, полной и предельной, как внутри, – и не может быть)...

О да, у жизни, как она ни тесна, есть своя прелесть и сила – хотя бы звук живого голоса, ряд неуловимостей, которых не вообразишь.

Но так, туристически, налетом... Смотреть, который час (я же первая буду смотреть, только об этом и буду думать...).

Для этого надо быть человеком городским, общительным, бронированным, дисциплинированным, отчасти даже коммерческим, неуязвимым всем своим равнодушием – к душам, безразличием – к лицам.

Ничего этого во мне нет, а всё – обратное

Этот (девятый уже!) мой Париж я вообще ни с кем не вижу, все мои реальные отношения с людьми роковым образом (и рок этот – я, т. е. все мое – от меня) – разрушаются, вернее – рассеиваются, как дни, а последние годы – годы – я вообще ни с кем не общаюсь – само случилось, – и знаю, почему: связанность домом, отдаленность Кламара, мое отсутствие привычки к женской «теплоте» – это все ищут, а вовсе не:

легкий огонь, над кудрями пляшущий,
Дуновение – вдохновения... [1495]

А все-таки очень хочу с Вами повидаться, хотя бы, чтобы сообщить последние сомнения редакции «Современных записок» относительно моей прозы [1496] – и вообще всякое другое... Не могли ли бы приехать ко мае – Вы, к 4-м часам. Ведь – просто! Есть № 89 трамвая, доходящий до Clamart-Fourche, а от Fourche – первая улица налево (1 минута).

И есть вокзал Монпарнас с самыми обыкновенными поездами. Вот – поезда, выписаны в точности, безошибочно. Ответьте, когда и какой поезд. Встретим Вас с сыном, посидим у меня и побеседуем спокойно. Иного способа свидеться – нет.

МЦ.

Май 1934 г.

Нет, надо писать стихи. Нельзя дать ни жизни, ни эмиграции, ни Вишнякам, ни «бриджам», [1497] ни всем и так далеко – этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов, сделать из поэта – прозаика, а из прозаика – покойника.

Вам (нам!) дано в руки что-то, чего мы не вправе ни выронить, ни переложить в другие руки (которых – нет).

Ведь: чем меньше пишешь, тем меньше хочется, между тобой и столом встает уже вся невозможность (как между тобой и любовью, из которой ты вышел).

Конечно, есть пресыщение.

Но есть и истощение – от отвычки.

Не отрешайтесь, не отрекайтесь, вспомните Ахматову:

А если я умру, то кто же

Мои стихи напишет Вам? – [1498]

не Вам и даже не всем, а просто: кто – мои стихи...

Никто. Никогда. Это невозвратно. Вы обкрадываете лирику неразб, безглагольную, как всякое до, беспомощную, не сущую без нас, поэтов.

И именно потому, что нас мало, мы не вправе...

Это меня беспокоит до тоски – мысль о возможности такого рядом, почти со мной, ибо я давно перестала делить стихи на свои и чужие, поэтов – на «тебя» и «меня».

Я не знаю авторства ...

26 декабря 1934 г.

Vanves (Seine),

33, Rue J. V. Potin

С праздниками, дорогой Владислав Фелицианович!

И с очередной – срочной – просьбой (завершительные строки статьи о Гронском): кто из русских поэтов умер до 30 лет?

Лермонтов, Веневитинов (??), Бенедиктов, Надсон, [1499] – ещё кто?

Можно и XVIII в., но там, по-моему, жили поздно.

А среди нас?

Наверное кого-нибудь основного забываю.

– Умоляю! Если можно – рпеу, п. ч. надеюсь к сороковому дню (31-го).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сердечный привет Вам и Ольге Борисовне.[1500]

МЦ.

ХОДАСЕВИЧАМ В. Ф. и О. Б
13-го марта 1937 г., суббота.

Vanves (Seine), 65, Rue J. В. Potin

Дорогой Владислав Фелицианович и дорогая Ольга Борисовна,

Не дивитесь моему молчанию – Аля уезжает в понедельник,[1501] т. е. послезавтра, весь дом и весь день сведен с ума – завалы вещей – последние закупки и поручения, – неопишимо.

Как только уедет – я ваша.

Я, вообще, ваша – сейчас долго объяснять – но, чтобы было коротко: мои, это те и я – тех, которые ни нашим ни вашим. С горечью и благодарностью думала об этом вчера на свежей могиле Замятина, с этими (мысленными) словами бросила ему щепотку глины на гроб. – Почему не были?? Из писателей была только я – да и то писательница. Еще другая писательница была Даманская.[1502] Было ужасно, растравительно бедно – и людьми и цветами, – богато только глиной и ветрами – четырьмя встречными. Словом, расскажу при встрече, надеюсь скорой. Есть очень любопытный изустный рассказ – о Москве сейчас. Обнимаю и скоро окликну.

МЦ.

С Замятиным мы должны были встретиться третьего дня, в четверг, 11-го, у общих друзей. Сказал: – Если буду здоров.

Умер 10-го, в среду, в 7 ч. утра – один. Т. е. в 7 ч. был обнаружен – мертвым.

У меня за него – дикая обида.

ГАРТМАНУ Ф.А
2-го марта 1934 г.

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Многоуважаемый Господин Гартман,

(Простите, не знаю отчества)

С большой радостью и признательностью приеду к Вам в Courbevoie послушать Вас – по моему поводу,[1503] или себя, в Вашем восприятии, но сейчас болен мой сын, и, пока, неизвестно чем, и я в большой тревоге. Кроме того, я настолько им же, его учением (проводами, приводами, кормежкой, укладыванием) – всем детским жизненным укладом пришта к дому (у меня замены – нет), что никогда никуда не выбираюсь – с ним.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

15-го, через четверг, мы, надеюсь, увидимся на моем чтении о Белом, – подойдите, пожалуйста, в перерыве, возобновим знакомство и сговоримся.

Кончаю большой просьбой распространить, по возможности, билеты между знакомыми. Цена билета 10 франков. Посылаю десять. (Десятый – Вам и жене, дружеский.) Этот вечер мой единственный ресурс, я почти не зарабатываю, и жить не на что. А теперь еще болезнь сына.

Сердечный привет Вам и Вашей жене – заранее радуюсь ее пению.[1504] Если будете отвечать, сообщите, пожалуйста, свое отчество, а также имя-отчество Вашей жены. – Как хорошо, что Вы себя пишете *Ө.*, а не *Ф.*, этого уже не делает никто – кроме меня, а Современные Записки, сознательно, переправляют миф на миф.

До свидания!

М. Цветаева

8-го февраля (марта) 1937 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогой Фома Александрович,

Пока – всего два слова, ибо я на самых днях должна сдать рукопись – Мой Пушкин – около ста страниц (мелких) ВОТ ТАКИМ ПОЧЕРКОМ.

Сердечное спасибо за привет! Вечер прошел из ряду вон хорошо, отлично: мы с залом были – одно, я это одно было – Пушкин.

– Посылала я Вам уже или нет оттиск моих пушкинских переводов?[1505] Или только рукописную (ма-аленькую!) няню? Посылаю оттиск на авось, если уже есть – верните, пожалуйста.

От того общества (романсы Римского-Корсакова)[1506] пока – ничего. Очень надеюсь. Люблю эту работу. (Всякую работу люблю, всё что можно сделать руками.)

До свидания. Очень огорчена болезнью Вашей жены, и Вашим самочувствием.

Как только освобожусь – напишу еще. У меня в жизни разные важные события. Очень хочу с Вами встретиться.

Еще раз – спасибо.

МЦ.

Приписки на полях:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы – милый, внимательный, на старинный лад – друг.

P. S. Эпиграф к Вашему местожительству:

Февраль – кривые дороги[1507] (Народная примета, даже – календарная).

Второе P. S. Нашла гениальную вещь из еврейской (ма-аленькой!) жизни в Голландии, написанную двумя голландцами, из которых один (и главный) явно – голландка. При встрече дам прочесть. Лучше нельзя и нет.

Третье P. S. А нос у Вас (нас) не еврейский, а древнегерманский.

КАНТОРУ М. Л
23-го мая 1934, среда

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

Милый Михаил Львович,

Умоляю о корректуре, верну в день получения, сама завезу куда надо.[1508]

Очень грязная рукопись, – правила до последней минуты, много вставок, перечерков, – непременно напутают. И очень важно расположение двух последних строк ... т. е. чтобы подпись посредине, а не сбоку, п. ч. она часть текста, сами увидите.[1509]

У-МО – ля – ю! (корректуру). Если надо – приеду сама, куда скажете. В Clamart ходят рпеи.

Сердечный привет.

МЦ.

ПОЛЯКОВУ А. А
24-го октября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милый Александр Абрамович,

Посылаю Вам два редакционных билета на мое чтение 1-го, и очень рада буду, если Вы придете. – Рассказ из детской жизни.

Мы очень давно с Вами не видались и без Вас мне в Последних Новостях – не везет: Демидову я не пришлась.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я всем говорю: вот если Поляков мне скажет, что моя вещь не подходит – я поверю, и не обижусь, и принесу другую, п. ч. я ему верю, и как редактору, и как человеку... А когда...

Да! А раз я это всем говорю, то справедливо сказать и Вам.

До свидания – когда-нибудь!

М. Цветаева

29-го марта 1935 г., пятница

Vanves (Seine)

33, Rue J. V. Potin

Дорогой Александр Абрамович,

Не в службу, а в дружбу.

Умоляю поместить прилагаемое оповещение о моем чтении памяти Н. П. Гронского в это воскресенье, по возможности на видном месте. Посылаю такое же оповещение и Струвэ, [1510] на случай, если бы Вы эти дни случайно отсутствовали.

П. П. Гронского не прошу, п. ч. он из деликатности (здесь – странной) поместит сына на последнем месте, а я хочу, чтобы многие прочли и пришли, потому что юноша этого – заслуживал, и потому что у меня нет возможности общаться с русским читателем иначе, как устно. (Статья эта пойдет и по-сербски, и по-чешски.) [1511]

Буду очень рада, если придете.

Сердечный привет и, заранее, благодарность.

Марина Цветаева

Пока Демидов жив – я навряд ли буду у вас печататься, а такие люди иногда до-олго живут. Пока что, он меня – выжил.

Да! Предупреждаю, что буду беспокоить Вас этой же просьбой еще дважды, а м. б. и трижды (не считая этого воскресенья – в четверг, в то воскресенье и в день чтения: четверг), с небольшими вариантами.

Предупреждаю – чтобы не раздражались каждый раз заново.

БЕРГ А. Э
29-го ноября 1934 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милостивая государыня, не правда ли – у нас столько же душ сколько языков, на которых мы пишем? Вам пишет мое французское я. [1512]

я Вам бесконечно признательна за Ваше письмо. Что такое признательность? Дать знать о своей радости, радоваться перед ним, перед тем (от кого происходит нам эта радость). Вот я радуюсь перед Вами – и в этом вся моя признательность. Я никогда не знала и не принимала Другой.

Не могли бы ли Вы поменять субботу на воскресенье? Сын мой выходит из класса только в 4 ч., так что мы могли бы поспеть только на поезд в 5 ч. 30 и я боюсь, что нам останется мало времени для обсуждения (потому что таковое будет! ведь мы очень упрямы, моя рукопись [1513] и я, – пожалуй ослицы, чем любое другое животное. Пегаз удвоенный и подкрепленный ослом... Увы, увы, я Вас предупреждаю заранее!)

Итак, жду Вашего ответа.

Если воскресенье не подходит, мы приедем в субботу с поездом в 5 ч. 30. Как это любезно и даже гениально с Вашей стороны, что вы хотите прийти на вокзал. У меня совершенно неправильное чувство ориентации (нет: чувство совершенно неправильной или исковерканной ориентации, это не то же самое) и я никогда ничего не нахожу, я нахожу всегда обратное тому, что ищу, и моя забота всегда была и всегда будет дойти: не до душ людей, а до их двери.

Я не шучу, это очень серьезно: какое-то топографическое идиотство и рок.

Мой сын обожает передвижения и новые знакомства. Вы ему доставляете большую радость.

До свидания, и спасибо!

М. Цветаева

Есть ли поезд в 2 ч. 30 – в воскресенье? (Если воскресенье Вам подходит.) Тогда, мы им и приедем.

Простите мне безобразие конверта: не имею другого. Как и «красоту» бумаги.

17-го декабря 1934 г., понедельник

33, Rue J. V. Potin, Vanves

Вы чрезвычайно милы и добры, что не рассердились на мое длинное и полное молчание, непонятное и такое непохожее на меня.

я потеряла молодого друга [1514] – трагически – он любил меня первую, а я его – последним (тому шесть лет).

И вот все заново переживаю. Действенно, душой действия (не «человеком») разбираю, раскладываю, перечитываю его письма и мои – уцелевшую переписку, он хранил даже мою последнюю записку карандашом двухлетней давности, я в ней о

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чем-то запрашивала. (Мы с ним не общались целых четыре года.)

Это расколело мне сердце, я ведь думала, что он меня совершенно забыл.

– Итак, простите.

Почти все свое свободное время (??) я провожу с его родителями, такими разными и которым, что я могу дать? Я не могу вернуть им их сына.

Вчера я была на кладбище с его матерью: деревья входят в него свободно, это вход в лес, в (наш!) Медонский лес.

Как оттуда уходить, оставлять его одного в холоде и в ночной тьме, – в глине?

Ему было 25 лет, когда он умер; 18 – когда он меня (я его) любил(а);

16 – когда я с ним познакомилась.

– И вот. –

Еще раз простите. Я много о Вас думала, и не знаю, на глубине самой себя (там, где уже нет «формы»), я все же была в Вас уверена.

Я ничего не сделала для своей рукописи – своих рукописей, [1515] но сегодня поеду в город и постараюсь найти кого-нибудь, чтобы их переписать (на машинке: ненавижу слово «перестукать», как звук, как вещь).

Я Вам скоро снова напишу.

Простите меня!

МЦ.

У меня хороший рождественский подарок для Ваших дочерей, я Вам его дам, когда мы снова увидимся, надеюсь скоро. Хотите ли, можете ли приехать в четверг, в этот четверг, к пяти? Жду ответа.

Приписка на полях:

Садитесь в Кламарский поезд на вокзале Montparnasse.

Монпарнас

Кламар

4.31

4.43

4.50

5.01

5.10

5.17

Скажите, каким поездом поедете. Я приду на вокзал. Это совсем близко, но найти нелегко, так как это Vanves.

Я Вас жду.

33, Rue Jean Baptiste Potin 7-го января 1935 г.

(с цифрой 5 я продолжаю ошибаться!)

Vanves (Seine)

Милостивая государыня,

Мы не смогли приехать, ибо должны были нанести традиционный визит, полу-русский, полу-французский, скажем франко-русский, с тем оттенком лицемерия, заключенным в этом политическом слове. Была там очень старая дама, несколько дам менее старых и довольно молодой господин – все из высшей знати; забыла маленького мальчика, который с первого взгляда различал госпожой от не-госпожей для целования руки (в девять лет!) – словом, все было абсолютно ложным, начиная от маленького поцелуйщика вплоть до бутербродов, сделанных для глаза. Мур на все смотрел глазами судьи.

Подумайте, как мы пожалели – вспомнили, он и я, о Вашем доме с настоящими детьми и настоящей симпатией! (Самая старая дама была особенно страшна своей усиленной любезностью!)

Я буду очень счастлива Вас снова увидеть в субботу, но Вы наверняка будете заняты ужином или «возле-ужина», а я уверена, что не помню маршрута, потому пришлите мне пожалуйста подробный план с названиями улиц и поворотов, чтобы я могла Вас найти одна. Но главное – название улиц, чтобы у меня была какая-то уверенность в руках.

С каким поездом ехать, чтобы быть у Вас вовремя?

Я привезу переписанную прозу.

Итак, до субботы, и спасибо. Жду плана.

МЦ.

Выйдя из вокзала, я должна спрашивать Vaucresson или Garches?

Пятница около 10-го января 1935

Спасибо и до завтра (субботы) на вокзале в указанный час. Мур еще ничего не знает, так как за 24 часа вперед он будет бояться, что опоздает.

Я очень радуюсь, что Вас всех снова увижу.

МЦ.

13-го февраля 1935 г., среда

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptists Potin

Милостивая государыня,

Хотите ли в воскресенье, 17-го февраля? (Это воскресенье?)

Я очень счастлива, что имела от Вас известия, я уже думала, что Вы нас забыли. Вы могли о нас подумать то же самое, я знаю, – раз я не давала никаких признаков жизни, но – видите, какое отсутствие логики! – я знала, что это не так, в то время как не могла быть столь же уверенной в Вас.

Словом – все хорошо.

Я также могу Вам сообщить кое-какие новости – в общем – хорошие.

Маленькое предложение. Я нахожусь в крайней нужде и хотела бы реализовать книгу – сочинение – которую получила вторично, и вот – как. У меня есть друг в Чехословакии – одна старая очаровательная чешская дама, [1516] которая мне присылает каждое Рождество в подарок книги. И вот она прислала мне снова ту же книгу, о которой я мечтала и которую получила в прошлом году – сочинение поэта (я говорю поэт, хотя он пишет прозой) Олава Дууна – Die Juwikingen [1517] – история норвежской семьи в трех или даже четырех поколениях. Но тут важна не семья – а море, фьорд, труд, рок. Вещь самой первой силы. Написанная самими стихиями через людей. Дуун должен получить следующую нобелевскую премию.

По-немецки. Красивое издание. Два тома в переплете, совершенно новые, так как не раскрытые; я продаю оба за 50 фр., цена одного тома.

Я бы Вам их подарила от всего сердца, но я в такой полной нищете. Мур имеет только две пары чулок, которые я починаю (какое некрасивое слово!) каждый вечер, – только две рубашки, одну пару сапог (которые всегда сохнут перед часто негорящей печкой) – а вот и уголь кончается.

Может быть Вы купите эту книгу для Вашего мужа, – это будет чудный подарок. Если Вы сейчас не при деньгах, то я временно удовлетворюсь половиной суммы (25 фр. –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что составит мне два мешка «булетов» (спрессированного угля). (Море,
превращенное в огонь!)

До свидания, – до воскресенья: Я приеду с Муром и с моим товаром. Если он Вам не
подходит – просто о нем не говорите.

Я Вас обнимаю, а Мур передает привет Вашим дочкам, [1518] которым он в конце
концов простит их «женственность» – чтобы не произнести безобразное слово: пол.

МЦ.

Мы поедем с поездом в 2 ч. 30. Мы: Мур, все живые герои и фантомы [1519]
«Juwikingen» – и я. Поезд будет перегружен.

Приписка на полях:

Я привезу стихи – на этот раз, русские. Прибавьте и это к грузу поезда.

15-го февраля 1935 г.

Пятница

Увы с воскресеньем – и может быть надолго. У Мура грипп с воспалением ушей
(среднее ухо) и большой жар. Бог знает, сколько это продлится.

Я Вас целую и детей также и скоро дам о себе знать.

МЦ.

Вагон в воскресенье уедет свободный от всех наших грузов. Мур заболел (рвота,
сильный насморк) сразу после того, как я Вам отправила письмо, – пять минут
после!

Понедельник, 18-го февраля 1935 г.

Милостивая государыня,

У меня теперь двое больных: Мур, и мой муж – самый больной из двух. Жар не хочет
спадать, кашель сокрушительный, тот же грипп, но в более острой форме.

Если Вы не опасаетесь заразы (кто знает?), приходите в среду к 4 ч., я буду
бесконечно рада Вас видеть.

Метро до Mairie d'Issy (конечная станция), подымайтесь по Avenue Ernest Renan
(на углу кафе, улица в гору), затем идите по Rue Baudin, которая Вас приведет к
Avenue de Clamart, затем Rue J. V. Potin (мой дом № 33 угловой). Спрашивайте от
времени до времени каждую следующую улицу, если Вы начнете с J. V. Potin – никто
ее не знает, ибо это щель.

Я Вас жду и обнимаю.

Спасибо за посылку – Ваши книги Вас ждут.

МЦ.

4-го марта 1935 г.

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милостивая государыня, я буду очень рада Вас снова повидать.

Я была глубоко, высоко удивлена, узнав, что я по отношению к Вам даритель, я, такая повязанная той маленькой жизнью, которую веду и буду вести вероятно до смерти. Вы меня никогда не видели на свободе – никогда – самое меня

...Und dort bin ich gelogen

Wo ich gebogen bin...[1520]

Но дарителей нет, есть только берущие. (Я тоже из их числа.) И чувство неловкости, почти что унижения, испытываемое мною при чтении Ваших строк – я его (!) видела и слышала однажды – тому уже пятнадцать лет! – в глазах и в голосе старого князя Сергея Волконского, которому я сказала ту радость, что получаю от него: – «Я – чтобы давал? Я – такой мелкий и ничтожный...»

Но я тоже умела брать, и, быть может, беря – давала. Как Вы. До свидания в среду и большое спасибо. Мур еще ничего не знает, иначе он снова стал бы пожирать свои ногти (он больше их не пожирает – только маленько закусывает!) – от нетерпения. Обнимаю Вас.

МЦ.

Итак, в среду, поезд в 2 ч. 30.

Вопрос Вашего поселения меня живо интересует.[1521] Или вы будете его искать в другой стране, под другими небесами и деревьями? В Вашем письме как бы дуновение отъезда.

7-го апреля 1935 г., воскресенье

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptists Potin

Милостивая государыня,

В этот четверг, 11 апреля, я читаю лекцию о поэзии Николая Гронского – и более обще, о судьбе поэта.

184, бульвар Сен-Жермен – Зал Географии

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Четверг, 11 апреля, 8 ч. 1/2 вечера

– ПОЭТ-АЛЬПИНИСТ –

Если можете – приходите.

я вас обнимаю и буду очень рада вас снова увидеть.

МЦ.

18-го апреля 1935 г., вербный четверг

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Ариадна,

– Простите, забыла отчество, но – хотите? пусть так и останется: без отчеств: у нас хорошие имена, а Ваше я настолько люблю, что 21 год назад назвала им свою дочь.

– А я ведь Вам совсем недавно писала – числа 8-го, 9-го, звала Вас на свое чтение «Поэт-альпинист» (11-го) – если не ошибаюсь даже вложила билет и очень была огорчена 1) не увидев Вас в зале, 2) так долго ничего не слыша. Я уже думала, что Вы, в горячке переезда, навек потеряли мой адрес, – и мы бы никогда не свиделись, ибо, очевидно, мое то письмо до Вас уже не дошло, и второе бы не дошло, и Вы бы навряд ли догадались написать мне на Последние Новости? (Кстати, не забудьте, на всякие случаи переездов и перемен – это мой (условно!) вечный адрес.)

Итак, очень счастлива, что опять сошлись.

Если хотите видеть и даже приютить нас с Муром на несколько дней (вдвойне соблазнена: дружбой и лесом: это – мои стихии! Не: море и любовь), итак, если хотите нас у себя – торопитесь. У Мура сейчас каникулы, кончая 29-тым апрелем, т. е. 2-ым днем русской Пасхи, но дома мы должны быть уже в Страстной Четверг, чтобы Мур успел говеть. Нынче – четверг, 18-ое. Мы могли бы приехать к Вам начиная от воскресенья, скажем – на три дня, чтобы в среду утром – уехать. Отвечайте скорее и подробно опишите маршрут, всё, всё, начиная от парижского вокзала и поездов, кончая остановкой и, если Вас бы не было на вокзале, маршрутом до дома.

Увести куда-нибудь на волю Мура на эти дни была моя большая и несбыточная мечта. Но, боюсь, очень дорогá дорога, видела в путеводителе, что 69 километров, а мы только что, с большим трудом, уплатили терм и очень обнищали. Не забудьте – цену билетов!

Можем тоже выехать и в понедельник, но лучше в воскресенье, чтобы раньше вернуться – перед Пасхой много работы по дому, нужно натереть все полы, это уже

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дело чести. (С меня никто не требует, требую – я.)

Да! Сможет ли Мур спать днем? Это очень важно, т. е. будет ли у нас с ним отдельная непроходная комната? Простите за бесцеремонность вопроса, но для него дневной сон – очень важен, он очень малокровен, это мне говорят все доктора.

Будете отвечать – положите мое письмо перед собою.

Позже понедельника выехать не сможем, ибо в четверг, с утра – ему – говеть, мне тереть.

Целую и жду скорого ответа.

Любящая Вас и радующаяся Вам

Марина

Захвачу Поэта-альпиниста и м. б. еще что-нибудь. (И последняя наглость) будет ли у меня кофе «à volonté»???[1522] Целый мой кофейник, чтобы никого не спрашивать. Могу привезти свой.

я еще ни разу – за всю весну – не была в лесу! (Наш от нас 45 минут не – хода, а бега.)

Приписка на полях:

А адрес, как эхо:

Vaumoise

(эхо): – Oise...

(И получились – стихи:

А адрес, как эхо:

– Vaumoise. (Эхо): Oise...

ТАК СТИХИ И ПИШУТСЯ.

М. б. так сделаем, если дорогá дорога, к Вам – мы, а от нас – Вы? (Иначе навсегда останемся! Состаримся...)

22-го апреля 1935 г., понедельник

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Ариадна,

(Как хорошо, что вы мне не сообщили отчества, которого я, очевидно, так никогда и не узнаю, – разве что Гартманы воскреснут, в чем – сомневаюсь.)

Итак – телеграммы нет, стало быть – все в порядке (в Вашем порядке, т. е. в порядке Вашей жизни).

Хотите – следующее (единственно – возможное): мы приезжаем 30-го, на третий день русской Пасхи, т. е. в первый Мурун учебный день, который он пропустит + еще два. Ибо посреди учения, уже начав, – пропустить три дня – он первый не захочет. А так выйдет – законное продление русских праздников.

А я даже рада, что так случилось: 1) люблю ждать (хорошего), 2) успею убрать дом, все перестирывать, и т. д. 3) подарю Муру лишние три свободных дня, 4) исправится погода (должна), 5) успею разыскать для Вас оттиск Тезея[1523] и др. (у меня – залежи!), 6) будем у Вас есть пасху, да, непременно, – чего бы не было, если бы мы приехали сейчас, на Страстной (м. б. Вы католичка и пасху едите как раз сейчас и всю съедите?? (Стон: о-о-о!) Впрочем, католики пасхи не едят, едят – русские, а так как Вы – русская, то будете есть на русскую пасху. В пасхе так уверена, потому что сама ее буду делать на днях и уже по инерции – у Вас, т. е. я так буду переполнена ею (NB! душевно), что мы с вами невольно пойдем покупать творог. Вот – разве что творога нет в Vaumoise... Тогда привезу (и приеду совершенно мокрая, п. ч. он протечет). Нет, серьезно: если творогу у Вас нет, напишите – постараюсь привезти сухого, закажу заранее, только напишите – сколько. Но – так как *aller guter Dinge sind sieben (a ne drei)*[1524] должен быть еще седьмой пункт радости; ах – май, 1-ое мая! Итак 7) увидимся в апреле, а расстанемся в мае, что длительнее и богаче только апреля.

Теперь, кажется, всё.

Итак, жду ответа.

Во вторник, 30-го апреля, третий день русской Пасхи. Предполагаю – поездом. Если будете отвечать, напишите, если помните: *grande banlieue*[1525] на кассе или что-нибудь другое? И № платформы. А если забыли – неважно, потычемся с Муром и обнаружим.

Итак: 1) подходит ли Вам 30-ое? 2) Касса и платформа. 3) Нужно ли везти творог и в каком количестве? 4) Сумеет ли мы с Вами, общими силами, сшить Муру рубашку с длинными рукавами, т. е. списать ее с уже имеющейся старой? Или Вы так же не умеете кроить, как я? (Умею только рабски шить...) М. б. *Fraülein* умеет?? Или – ее уже нет???

Будете отвечать – положите письмо перед собой.

МЦ.

Сладкое очень люблю, а Мур – еще больше. Вы – *en veine de*[1526] кондитерства, а Мур – как раз *en veine de* потребления, но как раз ничего нет, так что он будет копить – жадность и привезет Вам целый клад.

Обнимаю. Сердечный привет детям.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Приписка на полях:

я люблю поезд, п. ч. он старый и скоро совсем кончится. Из чистой преданности.

29-го апреля, понедельник. 2-ой день Пасхи

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Милая Ариадна,

Ждали мы ждали с Муром какого-нибудь ответа и – ни слова, а завтра начинается его школа.

Может быть мое письмо пропало, где я предлагала приехать в понедельник, 29-го? (сегодня). Большое письмо.

А может быть – Ваш ответ, – тот или иной? (пропал.)

Очень странно, что ни звука.

– Так или иначе, – Христос Воскресе!

МЦ.

7-го мая 1935 г., вторник

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Ариадна!

Вы, конечно, уже слышали о безумии Бальмонта. О нем (и норме) можно сказать как Ségur о Наполеоне в России: Sa mesure était grande, mais il l'a dépassé quand-même. [1527] Он ненормален даже для поэта, даже для себя. 17-го его вечер (где, сейчас не знаю, узнаю – извещу) – будьте непременно, зову Вас не как на курьёз, а как на конец поэта. Ибо это – конец, ему на днях 70 лет. [1528] Зал будет полный, необходима хоть горстка своих, предпочитающих безумие Бальмонта – разумию всех остальных.

Вечер будет непременно, он всё забыл, а об этом – помнит. (Верней, ничего не забыл, всё вспомнил – в этом-то и безумие!)

Обнаружились Гартманы. Были в Ницце, сейчас в Лондоне, адреса не дают, просят
Страница 462

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
писать на Courbevoie, а я совершенно забыла: 1) Courbevoie ли? 2) если
Courbevoie – № и улицу, 3) ее имя-отчество. Очень прошу, сейчас же сообщить все
три пункта. Про возвращение не пишут и хочется поскорее отозваться.

Если собираетесь в Париж, очень прошу известить намного заранее, – я ведь
абсолютно связана Муром: его школой и, вообще, им. Лучше бы – Вы бы все же
доехали до Ванва, к вечеру я свободней (от 5 ч.). Пообедали бы у нас, а потом я
бы Вас проводила. На Париж у меня мало надежды, а пропускать Муру сейчас нельзя
ни дня, – он и так затянул каникулы из-за русской Пасхи и 6-го (23-го апреля
праздновал Егорьев день – он ведь Георгий).

До свидания! Жду весточки. Целую.

МЦ.

Горячо сочувствую зубным бедам – и победам Вашей младшей.

Свирепая вещь – природа!

Приписка на полях:

Говорю о mesure[1529] бальмонтской нормы, как Сегюр – о мере наполеоновского
воображения.

Не теряю надежды на – когда-нибудь – поездку к Вам. Но – когда??

23-го мая 1935 г., четверг

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptists Potin

Дорогая Ариадна,

Буду рассказывать все по порядку.

Этим летом я твердо решила увезти Мура на море, ибо вот уже в течение семи лет
(а ему – десять!)

Никуда не уехали, сын и я, –
Обернулись прорехами все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны – не по карману!
Нищеты – вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять.
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!
– и т. д. [1530]

Так вот я, на этот раз решила: еду – и – будет.

Стала раздумывать и узнала, что есть на Средиземном море, под Тулоном (рифма: Наполеон) местечко – несколько русских дач: [1531] песчаный пляж, сосны и – простота. Дали адреса здешних владельцев, [1532] пошла и нашла (перипетии – опускаю: когда-нибудь – устно) мансардное помещение за 600 фр. в лето, с полной свободой, т. е. могу стирать и готовить. Тут же внесла накануне полученные 200 фр. за перевод «Поэта-альпиниста» на сербский. Т. е. внесла – треть.

Теперь: 400 остающихся фр., так или иначе, добуду: хочу устроить вечер числа 15-го июня.

Но на что у меня нету и навряд ли будет – на 2 билета aller-et-retour в train de vacances [1533] т. е. 430 фр. за обоих в два конца. Вносить нужно – сразу, в окошечко, которое открывается 21-го июня в 7 ч. утра (стоять надо с 5 ч. – очередь огромная). Поезд идет 28-го июня (ходят они 2 раза в месяц) будет ад, которого – не мыслю.

– И вот, я подумала о – когда-то Вашем – предложении: а что если несколько человек, которые ко мне хорошо относятся и любят то, что я делаю, стали бы мне помогать, немножко, жить? Я тогда ответила: – А чем я заслужила?

Если бы Вы мне у них, дорогая Ариадна, могли раздобыть к 15-му деньги на билет – я была бы счастлива. Ибо подумайте: все дело – в дороге. В прошлом году – в безводной деревне Elancourt под St. Сур'ом – с запретным (маркизиним!) лесом и загороженным (бычьим!) полем, за голые стены без мебели (пришлось всё вести из Ванва) я платила 175 фр. в месяц, т. е. на 25 фр. меньше, чем с меня просят – в этом раю!

А где взять? Ибо если я даже заработаю на вечере 300 фр. (максимум!), то мне нужно за комнату внести еще 400 фр.! И – до отъезда, и владельцы – совершенно правы: сдают дешево, но хотят – без канители. А то – въеду, а платить не буду! Кроме того, столько предварительных расходов! Примус, купальное себе и Муру, аптеку, кое-что из продуктов – там все втридорога, меня предупреждали. Обувь... Здесь – дешевка, а там каждый четвертак будет на счету. Но, опять-таки, все это, кроме купального, мне все равно необходимо – здесь, тот же примус (в прошлом году ездила с чужим) и та же обувь – только обидно на здесь, т. е. какую-нибудь дыру, п. ч. хорошее под Парижем – дорого, Вы сами знаете.

Но – самое главное – дорога, т. е. 430 фр. *roids brut* – и даже *brutal*. [1534] Этого мне – не осилить. [1535]

О них прошу.

Можете сказать, если и когда будете просить, что у меня сильное малокровие (это правда, есть свидетельство от Маршака [1536] – постоянные нарывы на этой почве – что я замучена черной работой, что мне никто не помогает, что у меня нет никакой стипендии (у всех писателей – есть!)

– что это – не *partie de plaisir*, [1537] а – необходимость. Знаю, что жизнь там будет – не легче здешней! Мансарда, т. е. дикая жара, хождение на рынок в соседний городок и ношение на себе всех закупок (есть поставщики на машинах, но это – намного дороже), хождение на далёкий колодец (есть цистерна, но только для питья, а мне надо – стирать на двоих и мыть посуду) – словом, даже труднее чем здесь, где кран и на каждом углу – Магги. [1538]

Но – сосны (мое до безумия любимое дерево! север и юг в одном) – море, имя которого я ношу, – и Мур на воле, голый, коричневый и соленый. Мур своим чудным

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
учением – заслужил.

Вечер не состоялся: публика пришла, Бальмонт – не пришел. После нескольких месяцев благородного всегда идейного – буйства водворен, наконец, в лечебницу в Еріпау. Собирают на него 2 тысячи в месяц, м. б. – отчасти – из страха, что опять начнет среди ночи приходить из Кламара в Париж – в гости и говорить без конца... и все такие возвышенные вещи. Так или иначе – на безумного – нашлось, а пока был «разумен» ел манную кашу на воде, ибо в доме другого ничего не было, я – свидетель, ибо сколько раз приносила ему есть. Нужда была – черная.

К нему никого не пускают и говорят, что он после первых бешеных дней немножко успокоился. Этим летом ему будет (а м. б. уже исполнилось) семьдесят лет.

Кончаю. Пишу Вам с утра, в еще неубранном доме. Идея: м. б. Вы и у Гартманов попытаетесь что-нибудь извлечь? Я – сама не могу, но за другого – за Вас бы – смогла и сумела. Ведь эту сумму – 430 франков – набрать не легко, а – Бог их знает – может и дадут 100 франков – раз однажды послали 50 франков Бальмонтам на проезд в Courbevoie (а они проели, помните?). Они ко мне чудно относятся.

Нужно только живописать положение.

Словом, Вам видней. Ведь если Вы напишете: собираю по друзьям на поездку Цветаевой на море – они навряд ли откажут. Только надо – скорей. И лучше: на билеты, это – конкретнее.

С волнением жду ответа.

Писала – с абсолютным доверием.

Обнимаю

МЦ.

Приписка на полях:

Простите за эгоизм письма. Ничего не спросила ни о Вас, ни о детях, ни о новом (?) жилище, которого наверное уже не увижу. Хорошо у Вас? А главное – Вам? Пишите обо всем.

А как – зубки?

В нашей судьбе – что-то похожее.

«Звери в неволе».

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

3-го июня 1935 г., понедельник

Vanves (Seine)

33, Rue Jean Baptists Potin

Дорогая Ариадна,

Спасибо за быстрый ответ и хлопоты. Пока что еще никто не отозвался, но – может быть – рано?

Провожу дни в обычных срочных делах и перед отъездных задолгих мыслях. Главная забота – Вы улыбнетесь – огромная стиральная доска, одно из главных действующих – и вспомогательных! – лиц моей жизни:

братъ или не братъ? Много таких «стиральных досок»...

Мой вечер – кажется – будет 20-го, буду читать либо Последнюю любовь Блока, либо детское: черт. Когда вырешится (число) – извещу.

Неужели так и не увидимся до отъезда.

«Мой поезд» (как гордо!) идет 28-го, в 5 ч. 20 мин. дня, с лионского (львиного) вокзала.

Привожу в порядок стихи за долгие годы. С тех пор как прекратился мой (эсеровский) журнал «Воля России» всё у меня бравший – заочно, по доверию и одну мою поэму печатавший (7 глав) – 7 месяцев, [1539] – я перестала писать большие поэмы, ибо стала – прозу, которую люблю, но – всё-таки не так – и не то. А стихи есть хорошие, но ни одних – дописанных, а сколько – вовсе не записанных...

Хочу – летом, хотя жизнь будет очень трудна.

У Мура – нарывы (малокровие). Совершенно неожиданные, но непрерывные. Сейчас – огромный ячмень. Очень бледен – до зелени. Ему отъезд еще больше нужен, чем мне. Учитя отлично. Но убивает меня страстью к газетам и к событиям, – такой не мой!

Алю почти не вижу, заходит раз в две недели на пять минут. Говорит, что много работает в школе. Не знаю. Но – ее жизнь. Осенью ей будет 22 года [1540] – в ее возрасте ей, в моей жизни, было уже четыре года: четыре года моей ответственности. Но я была другая – вся.

– Ну, вот...

Напишите, увидимся ли?

Целую Вас и, еще раз, спасибо за всё. Не можете ли Вы, в мою пользу, утянуть из

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
своего хозяйства какую-нибудь среднего роста алюминиевую кастрюлю и нет ли у Вас лишнего алюминиевого кофейника? Я сейчас неспособна ни на франк, ибо – ведь еще примус! Купальные костюмы и халаты! Не найдется ли у Вас купального халата? Простите за вечные просьбы, но, мне почему-то – совсем не неудобно – просить у Вас. (Я вообще ничего ни у кого не прошу.)

Обнимаю.

МЦ.

Пишите о себе. Привет детям. Пишете ли и что?

21-го июня 1935 г.

Vanves (Seine)

65, Rue Jean Baptiste Potin

Дорогая Ариадна,

Что же Вы замолчали?

А вот – мои «новости»: у Мура три дня слегка побаливал живот (впервые за всю жизнь!) – повела к русской докторше, та обнаружила аппендицит и посоветовала немедленно показать Алексинскому. [1541]

К концу второго дня безрезультатной езды, наконец, Алексинского застали, тот велел сегодня же доставить в клинику Ville-Juif, [1542] чтобы завтра утром оперировать.

14-го утром его оперировали, нынче пошел седьмой день, пока всё благополучно. Вел и ведет себя мужественно, – лучше чем взрослый.

Все это, конечно, сильно расстроило наши материальные дела, ибо хоть с нас, с точки зрения клинической, взяли грош, но этот грош был насущно-отъездный – или квартирный, – насущный. (Алексинский за операцию ничего не взял.)

Но сейчас тверже чем когда-либо решила вести его на море: все последнее время он выглядел очень плохо, был желт, как лимон, и все ложился, – прикладывался – сам не сознавая, что болен. (Дети не жалуются.) А сейчас, после операции (пять дней приблизительного не-едения) он конечно будет очень истощен.

Вчера был мой вечер: 200 фр.

Из Ваших, пока, никто не отозвался, и – думаю – уж не отзовется. (Удивляют меня – Гартманы, всегда такие сердечные. Но они так же «мои», как «Ваши».)

Ну, вот.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Тороплюсь, ибо каждый день езжу к Муру на три часа, итого, с дорогой – 6 ч. – Это на краю света.

До свидания!

Вы меня совсем забыли.

Целую Вас и детей, – все ли вы здоровы?

МЦ.

Неприменно пишите о себе.

4-го июля 1935 г.

La Faviere, par Bormes (Var) Villa wrangel

Дорогая Ариадна,

Пока – два слова. Ваше письмо долетело, верней – доползло, – спасибо. На 14-тый день после Муриной операции мы с Божьей и дружеской помощью тронулись, на train de vacances, [1543] на Юг. Фавьер – несколько русских вилл и французских ферм, без улицы и почтового ящика. Огромный пляж, на котором мы с Муром, от 4 до 6 ч. – одни, не считая прибегающих собак.

Виноградники подходят прямо к морю, уступая последнюю близость – соснам.

Растительность – сосны, всякого рода деревца и кусты, среди которых – мирт. На миртовом дереве повесилась Федра, у меня говорящая:

На хорошем деревце
Повеситься не жаль!
Нет, не так, – так:

Федра:

– Ввериться? Довериться?
Кормилица: – Лавр – орех – миндаль!
На хорошем деревце
Повеситься не жаль! [1544]

Жизнь здесь трудная, густо-хозяйственная, все нужно добывать – и весьма в поте лица.

Самое, для меня, тяжелое: нельзя ходить. Муру нельзя ходить, – значит и мне нельзя. А – какие горы!! И горный городок – Bormes – феодальный: мой – и всего только в 6 километрах всходу! Дразнит – пуще чем лисицу – виноград. Ногой подать!

Мур, конечно, не купается – полощется руками и ногами и ухитряется ходить на четвереньках, не моча банджа. Он очень сознателен.

Спасибо Вам и Вашим дочкам за память. Мур с удовольствием писал им ответ. Это – первые девочки, к которым он хорошо относится.

– Жаль Вас на морковь и горошек! Как себя. Такая работа – сон, дурман, как всё, что не тетрадь, либо: не в тетрадь.

Целую Вас и сердечно рада буду, если еще напишете. От Гартманов перед отъездом получила 70 фр., еще не успела поблагодарить. Courbevoie (Seine) –? – Carle Hebert (37? Не помню, умоляю сразу, а то выхожу – невежей).

Дай Бог, чтобы и остальные последовали их примеру: перешлют.

Еще раз спасибо за память.

МЦ.

2-го сентября 1935 г., вторник.

La Favière, par Bormes (Var)

Villa wrange1

Дорогая Ариадна,

Я конечно сразу ответила Вам на письмо, но это уже не первый случай недохождения по адресу; я так же писала Буниной в Грасс[1545] – давным-давно – и от нее ждала ответа, а получила запрос – почему молчу. Дело в том, что в начале лета не было почтового ящика и я оставляла свои письма то на одной, то на другой даче, то в лавке – на милость частного внимания – «когда пройдет почтальон». Очевидно – кто-то забыл, тем более, что клала их то на подоконник, то на кухонный стол, вообще – ненадежно. Очень жаль, что не дошло, но сердечно рада, что не усумнились в моей дружественности.

Я, как видите, еще на Юге – приблизительно до 25-го, на Юге, который постепенно перестает быть югом (так же неуловимо и неуклонно, как друг – другом (на этот раз и смысловая – рифма!) – например ныне сосна в окне – явно северная, п. ч. сквозь нее – не синь, а серебро: прохладного равнодушного неба. Купаться уже не хочется: либо жарко на воле – холодно внутри, либо наоборот, но всегда – предвкушение, верней – угроза – озноба. Да я вообще землю (сухую, горную) несравненно предпочитаю морю: хождение (восхождение) – своему плохому плаванью, ибо я глубины – боюсь: трус, самый простой – физический.

Прогулки здесь чудные, но – скучно о чужих чудных прогулках? Нам и открытки чужие – скучны, если не особенно уж красноречивы. Но спутника – верного у меня за лето не нашлось: такого, с которым бы одинаково хорошо – идти, говорить, молчать. Были либо ходящие и неговорящие (говорящие – не то и не о том), либо говорящие – и неходящие – одна замечательная русская швейцарка, [1546] написавшая огромную книгу-труд – о русском причете (плачу по мертвым) – умница, красавица, но с больной ногой. И побыла недолго. Остальное – сменялось. Был у меня и молодой собеседник [1547] – моложе меня на десять лет – который приходил ко мне по вечерам на мою скворешенную лестницу – вечером гулять нельзя, п. ч. совершенно черно и все время оступаешься, а в комнате спит Мур – вот и сидели на лестнице, я повыше, он – пониже, беседовали – он очень любил стихи – но не так уж очень, ибо с приездом моей дочери (я не хотела, чтобы она летом сидела в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Париже, да и случай был хороший – даром, на автомобиле) – сразу перестал бывать, т. е. стал бывать – с ней, сразу подменив меня, живую, меня – меня, – понятием «Votre maman».[1548] Пишу Вам об этом совершенно просто, ибо я все еще – на верху лестницы, и снижаться не собираюсь, рада бы – да не выйдет. Положение – ясное: ей двадцать лет, мне – сорок, не мне, конечно, – мне – никаких лет, но – хотя бы моим седым волосам (хотя начались они в 24 года: первые) – и факт, что ей – двадцать. А у нее – кошачий инстинкт «отбить» – лапкой – незаметно. Там, где это невозможно – она и не бывает, т. е. заведомо неравный бой: всех средств – и их полного отсутствия: ибо – у меня ни молодости, ни красоты, ни – не только воли к бою (нравлению), а мгновенное исчезновение с поля битвы: меня не было. Там где может быть другая (другая, чем голая душа: я) – меня не было. Такова я была и в 20 лет. И меня так же променивали. Не думайте, что это – рана. Честное слово: даже не царапина. Может быть – крохотная заноза, которую лучше всего – йодом.

У меня бесконечная трезвость, до цинизма. Я все знаю вперед – и все знала – и на этот раз. (Какое маленькое «всё»!) кончилось тем (он нынче уезжает) что вчера он совершенно официально обратился ко мне за разрешением пригласить Алю (Votre fille)[1549] на прощальный обед в ресторан, на что последовал ответ: – «Il y a un an qu'elle est majeure».[1550]

(– Marina, que dois-je faire dans la vie? Puis-je être écrivain? Je ne puis demander cela qu'à Vous. Etre écrivain – comme Vous l'êtes...» и т. д. – Soyez grand. Soyez plus grand que nature. Quant à écrire – personne ne Vous le dira, même moi: surtout – moi).[1551] – Таковы были первые разговоры.

И «Marina», без разрешения – но и без наглости – под наплывом душевной тревоги – к большой птице – под крыло. Было еще и: – Comment ferai-je sans Vous? Я, молча: – comme tous).[1552]

Вот и вышло – comme tous.

Мур – чудный, как вы точно сказали – белый негр. Но белого – мало: он совсем коротко – острижен, вот только – глаза, совсем беспощадные на этой бронзе. Страстный купальщик – частые скандалы по этому поводу: закупывается. Научился отлично плавать и нырять. пляж здесь (тьфу! тьфу!) слава Богу – мелкий. И ходок отличный. Единственный из здешних детей, ходящий с нами на далёкие прогулки – и не устающий. Это в меня – моё.

Душевно – томится без дела, скучает по школе, читает всякую рвань (лучшее из рвани, но – рвань: Benjamin, Mickey, Dimanche Illustré),[1553] но и Диккенса – «Лавку Древностей», – ему бы лучше всего в хорошую – швейцарскую или английскую – мальчишескую колонию: спорт, дисциплина, себе – подобные. Я ему – ни к чему, да я и слишком (словесно и душевно) – уязвима, требую всё обратное – веку, а он весь – свой век: весь свой век.

– Ну, вот. Это письмо опущу собственноручно в ближайшем городке Lavandou.

– никаких вестей от вашей belle-soeur[1554] – нет. (Хорошо бы! Но не надеюсь.)

Принят в Современные Записки, в сокращенном виде, мой черт (из детской жизни).

Писала – мало. Приводила в порядок стихи последних лет. кое-чего – добилась.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целую Вас и детей и жду письма.

МЦ.

12-го октября 1935 г.

Vanves (Seine)

33 – 65, rue J. B. Potin

NB! 33 – бывший, № 65 – новый, пишите оба, учитывая консерватизм французов.

Милая Ариадна,

Начну с срочной просьбы: добыть и вернуть мне обе рукописи: 1) Le Gars (поэму) и 2) Neuf lettres (прозу), данные Вашему знакомому французу[1555] (секретарю? какого-то журнала) на просмотр.

Мне обе вещи срочно нужны для (возможного) выступления в Швейцарии[1556] и, тогда, – возможного их напечатания – там же.

Других экземпляров у меня нет, есть только черновики, а дело спешное, ибо мне, чтобы получить приглашение, нужно сначала послать материал.

Я в отчаянии при мысли, что француз мог их потерять – ибо так уже однажды, в салоне Nathalie Clifford-Barney – со мной (теми же вещами) – было. Ничего не сделала (всё обещав! у нее было свое издательство) и потеряла. (Я не ассоциирую Вас с Barney – сохрани Бог! Я знаю Вашу добрую волю ко мне, но ведь вещи – у чужого!)

Умоляю.

Если бы вещи были у меня на руках этим летом – швейцарское выступление было бы наверное, – я на Юге встретила с русской швейцаркой, доктором словесности при базельском Университете, и от нее всё зависело, но без вещей она не смогла и не сможет – ничего.

– Умоляю! –

Приглашения делаются в течение Октября, чем раньше пошлю – тем лучше, собственно давно должна была бы послать, но все надеялась, что обнаружу ещё оттиски у себя. Наконец, перерыв все свои архивы (работала пять дней!) удостоверила, что все раздала и ничего не имею. Те, француз – последние.

Из факта письма видите, что я в Ванве. Лето было чудное, но с вынужденным безделием (писательским). Теперь – навёрстываю.

У нас все простужены, холод и беспорядок.

Жду отклика и целую. Детям сердечный привет.

МЦ.

Приписки на полях:

На юге были еще и Паррэны[1557] (Nouvelle Revue Française, и я отлично могла устроить свою прозу (Lettres).[1558] РОКОВОЕ. Когда немножко обойдусь, попытаемся устроить встречу.

Мура за «esprit trop mûr pour son âge»[1559] перевели через класс. Сейчас он учит английский язык.

18-го Октября 1935 г.

65 (ancien 33), rue J. V. Potin

Vanves (Seine)

Дорогая Ариадна,

Убеждена, что операция удалась и что Бутя[1560] на Ваших глазах начнет поправляться – начиная с первого пюре – так было с Муром.

Только одно: после операции – непременно – бандаж: что бы Вам ни говорили. Сейчас «мода» – не надевать бандажа, но мода может завтра пройти, а живот (Бутан) останется, и важно, чтобы остался в наилучшем виде. Алексинский – светило аппендицита и вообще виртуоз операции – бандажа не предписал, а Мур носил – недолго – ровно месяц после того как встал, и снял по предписанию врача, в фавьере. Не забудьте, что у детей вообще резкие движения, а инстинкта самосохранения – как у животных – нет. И, вообще, неопратно, ненадёжно – говорю о самом ощущении – ничем не защищённый живот, после такой встряски. (Мур упорно не хотел снимать бандажа и проносил его несколько лишних дней – в бандаже-же, к концу третьей недели, бегал.)

Ну – вот.

Бандаж заказывается заочно, точно (не стягивая и не прибавляя) сняв мерку, какую – Вам скажут в магазине, только не забудьте резинки (Муру не сделали, ибо был июль и никто не носил чулок), а то все время лезет вверх.

Рукопись от Juillard'a уже получила, – молодец! Не только не затерял, но выслал заказным. Теперь смогу заняться своей поездкой: пока что выслала им свою прозу о Рильке (1927 г. – Твоя смерть) – м. б. найдут переводчика: моя проза, говорят, трудна (NB! – точна) – я бы сама перевела, но сейчас, после 12-ти лет Франции – физически отвыкла от немецкого, хотя на глубину знаю его лучше французского, ибо он – роднее. (Только что заметила, что Жюльера произвела от Juillet, а не от Julie:[1561] надо Juilliard...)

Напишите, когда собираетесь домой и всё об операции и ходе выздоровления.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Целую Вас и девочек, особенно – пострадавшую. Мур тоже о них вспоминает с большой дружественностью. Учится он – перескочив – отлично.

МЦ.

7-го января 1936 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin (старый дом, но новый №)

С Новым Годом, дорогая Ариадна!

Давно жду весточки. Последнее от Вас – известие о Бутиной операции, я тотчас же ответила (в Бельгию) – и молчание.

Надеюсь, что Бутя совсем уже поправилась и никаких новых болезней в Вашем семействе – нет.

Очень жду ответа, а пока сердечно приветствую и желаю Вам в Новом Году – нового.

МЦ.

23-го января 1936 г., четверг

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Значит, Вы живы и всё хорошо.

А я уже думала, что Вы навсегда остались в Бельгии, и Ваше молчание истолковывала циническим a quoi bon?[1562] (раз все равно уже не встретимся).

Нет, так лучше: Vaucresson и St. Lazare.

Итак, встречайте нас в воскресенье с означенным поездом. Сердечно радуюсь встрече.

Я как раз на днях написала Гартманам с запросом о Вас, а ответили – Вы. (Они мечтали нас с Вами совместно пригласить.)

Обнимаю Вас и девочек, Мур шлет мужской привет и тоже очень радуется встрече.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Итак, мы выезжаем с поездом 11 ч. 30 с Сен-Лазара и слезаем в Vaucresson'e.

МЦ.

Приписка на полях:

Какая у Вас легкомысленная вилла! Особенно в соседстве с аббатом. Что-то мопассановское. [1563]

15-го февраля 1936 г., суббота

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Ужасно жаль, но в воскресенье у нас две вещи: в 4 ч. семейный визит и в 9 ч. концерт – общества, в котором я сотрудничаю (переводы немецких и русских песен на французский). [1564] Поэтому – дважды невозможно.

Другое предложение: нельзя ли было бы к Вам – с ночёвкой? (Можем с Муром на одной постели – неважно.) – Соблазнительно. – Уложив детей целый вечер бы с Вами побеседовали, никуда не торопясь и ни на что не озираясь. Без помехи. Приехали бы, скажем, в субботу (или среду) часам к 6-ти и уехали бы на другой день в то же время. Отвечайте скорее и, если да, назовите поезд. Можем в эту среду (у Мура четверг свободный) и в эту субботу. А то ужасно неуютно именно вечером, когда хочется сидеть, уходить в какую-то тьму.

Но если места нет или вообще неудобно – предлагаю этот четверг (поездом 11 ч. из Парижа) или следующее воскресенье. (Не примите за навязчивость: я думаю о нас обеих: Вы бы мне почитали – что за это время написали, вообще бы побеседовали, – ведь вечером говорится и живется совсем иначе!)

Итак:

1) либо в эту среду или если с ночёвкой эту субботу в 6 ч. (сообщите поезд: час отхода)

2) либо в этот четверг или в следующее воскресенье поездом 11 ч. 30.

Жду ответа – возможно скорого.

Целую Вас и детей.

МЦ.

18-го февраля 1936 г.

Vanves (Seine)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

sauf contre-ordre[1565] – выезжаем завтра (в среду) с Муром поездом в 6 ч. и вылетаем в Вокрессоне.

Мечтаю, чтобы belle-mère[1566] задержала свою поправку – что ей стоит??[1567]

Девочкам везу подарок – только не говорите, пусть будет сюрприз.

Обнимаю Вас и радуюсь.

МЦ.

Если же контрраспоряжение – то в четверг, поездом 11 ч. 30.

6-го марта 1936 г., пятница

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

С радостью приедем к Вам (к вам!) в воскресенье, означенным поездом, – но с большой просьбой: возместить нам дорогу: железную – на 4 метро мы способны.

Иначе эта непосильная для меня трата может стать серьезным препятствием к нашему общению, – а жаль! Ведь не знаешь дальнейших судеб, и жизнь чаще разводит – чем сводит...

Но заранее предупредите девочек, что мы уедем сразу после обеда (вечернего), т. е. что в 7 1/2 ч. должны быть в вагоне: до нас очень далеко, и доберемся не раньше 9 1/2.

А то – будут м. б. огорчены, что «так коротко»... (Впрочем – всегда коротко, кроме случаев, когда – очень длинно...)

Итак, целую Вас и прошу простить за откровенное признание – в несостоятельности.

Привезу Вам замечательную книгу – скандинавскую: историю чьей-то прабабушки.

Итак – в воскресенье, в 11 ч. 30. детям – сердечный привет.

МЦ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мур еще ничего не знает, а то изведет – до воскресенья! По арифметике (классной) он нынче получил – 0. Но почему-то убежден, что это «не считается».

Обратите внимание на марку и догадайтесь, что это изображает.

Посылаю Вам младенческого Мура (3 года 1 месяц[1568]).

9-го марта 1936 г., понедельник (в России была – весна!)

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

– Увы, увы! – я у Вас вчера забыла свою преданную зажигалку – на круглом столике возле большого кресла – там где вечная желтая стеклянная заря.

Умоляю положить ее в маленькую коробочку, которую крепко напихать ватой – чтобы не болталась – и отправить *échantillon sans valeur, recommandé*. [1569]

Зажигалка – моя правая рука, и не только моя – всего дома.

Спасибо за чудный день. Ваша *belle-soeur* [1570] очаровательна: именно *belle* и *soeur*. [1571] (Красота + один ум дает страшную сушь, а сердце всё разряжает – и разоружает.)

Целую Вас обеих. Если Ольга Николаевна решит идти 17-го на Керенского [1572] (будет отвечать на все вопросы) – прошу тотчас же известить: достану билет. Очень ей советую, это – 20-летние итоги и история.

Только – сразу ответ: билеты нарасхват.

Пока же целую обеих.

МЦ.

Мур сердечно приветствует детей и взрослых: сейчас он у зеркала яростно начёсывается, мечтая довести голову до зеркальной поверхности: хорошо, что еще не догадался, что есть – *arachide!* [1573]

12-го марта 1936 г., четверг

Vanves (Seine)

Дорогие,

– Ein Einfall.[1574] –

Хочу быть у вас в субботу 14-го-о – одна – (у Мура exatens trimest-riels[1575]) – поездом, выходящим в 10 ч. утра, чтобы уехать в 4 ч. 30. – С рукописью «Лазарет Ея Величества», [1576] которую бы мне хотелось прочесть вам обеим – это ведь последний день Ольги Николаевны? (отъездный – не в счет.)

И мы бы серьезно сговорились о моей бельгийской поездке – назначили бы хотя бы приблизительный срок, сговорились бы о визе, чтобы это потом не помешало «исполнению желания» (как на картах).

Вообще – хорошо провели бы вместе полдня.

Меня это осенило как раз в ту минуту, когда садилась писать благодарность за зажигалку – и не только.

Только большая просьба: встретьте, если можете, я без Мура – запутаюсь, он – мой Orientierungssinn:[1577] глаза – и здравый смысл.

Да! у меня для Ольги Николаевны – приятная весть: совершенно неожиданная – и даже немножко чудесная.

Но хочу – устно.

Есть и две грустные, но уже не личные.

Целую обеих.

– До субботы!

МЦ.

12-го апреля 1936 г., первый день Пасхи

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Христос Воскресе, дорогая Ариадна!

Жду весточки.

Надеюсь, что переезд совершён[1578] и завершён и вообще очень по Вас соскучилась.

Вчера получила милейшее – сердечное и деловое (а это – редкость!) письмо от Ольги Николаевны.

Думаю, что мой вечер в Брюсселе состоится в конце мая.

Ваши книги – целы и здоровы.

От души обнимаю Вас и детей. (Я наверное очень не понравилась Вашему мужу, – да оно и понятно: я тогда так неожиданно ворвалась.)

Пишу по старому адресу, ибо нового не знаю.

Мур дружески жмет руку девочкам. Он их – любит.

МЦ.

30-го апреля 1936 г., среда

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Страшно счастлива, что Вы нашлись. (Вы всегда теряетесь!)

На Бальмонте[1579] встретила Гартмана, очень про Вас расспрашивал и говорил, что мечтает нас совместно пригласить, но больна – жена (ее – не было).

Нынче наконец подала прошение о бельгийской визе.[1580] Было очень сложно, п. ч. во-первых – пропало (т. с. переехало) консульство, во-вторых – множество непредвиденных вопросов: полная анкета непредвиденностей!

Был и комический эпизод, который расскажу при встрече.

В Брюссель собираюсь (тьфу, тьфу!) 20-го мая – на десять дней. Больше всего мечтаю о его садах – и о лесе. И – безумно – о Брюгге, если удастся попасть. Еду с неизменным Муром, которого дома не с кем оставить, ибо: мой дом – это я. (Вам

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ли – не знать???)

Очень надеюсь повидаться еще до отъезда. Чем больна Вера?[1581] Грипп?

Бальмонтский вечер прошел – лучше нельзя. Полный зал, и слушали всей душой.

Читали: Шмелёв,[1582] я, – ПЕРЕРЫВ – Б. Зайцев – Поляков-Литовцев[1583] – Тэффи. Ремизова не было – болен. Сколько набрали – не знаю. Повод: 50-летие литературной деятельности, а по существу – на лечебницу. М. б. прочту свою вещь о нем в Брюсселе. жена[1584] сказала, что Бальмонт у меня ЖИВОЙ и что я сказала все то, что хотела бы и не решилась бы сказать – она.

Для меня это – высшее из признаний, ибо она на Бальмонта положила – жизнь.

Итак, буду ждать Вашего зова, пока же от души обнимаю Вас и детей. Привет Вашей маме и брату,[1585] когда увидите.

Мур тоже очень рад, что Вы (вы все) нашлись.

МЦ.

6-го мая 1936 г., среда.

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Итак, жду Вас в пятницу, начиная от 4 ч.

Если Вы действительно отчаялись потребить весь салат самостоятельно – привезите, пожалуйста! мы за чтением о нем совсем забыли и я потом раскаивалась (où le remords ne va-t-il pas se nicher!).[1586] Верну Вам Большого Meau'n'a[1587] – замечательного. Обнимаю Вас и жду.

МЦ.

От станции Mairie d'Issy – мимо кафе, где стоят автомобили, всё вверх до небольшой площадки с небольшими деревцами. Перейдя ее, влево наискось – попадаете по правую руку на Rue Baudin, пройдя ее, идете вправо по Avenue de Clamart и на той ее стороне, очень скоро, наш угловой дом (руина) – второй этаж – стучите.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Приписка на полях:

и сирени!!! –

15-го мая 1936 г.

Дорогая Ариадна,

Увы – страшно жаль – но завтра 77-летний день рождения моего дорогого Сергея Михайловича Волконского, который вот уже полтора месяца лежит в лечебнице с переломом бедра. Дай Бог – чтобы когда-нибудь встал! [1588]

Я должна ехать 20-го, а визы все еще нет. Написала вчера и нынче Ольге Николаевне с просьбой нажать оттуда, ибо с моей стороны – всё сделано.

Увидимся уже после моей Бельгии, ибо сейчас должна буду приводить в окончательный вид 1) рукописи 2) нас с Муром – хотя бы и приблизительно.

Целую и жалею. Муру даже не сказала о приглашении – чтобы не огорчать.

МЦ.

28-го мая 1936 г., четверг

Дорогая Ариадна, – с радостью. Множество впечатлений и рассказов, очень по Вас соскучилась и давно бы Вам написала, но в Брюсселе всё время была спешка, п. ч. одна неделя – на всё.

Итак – до воскресенья, нашим поездом.

Обнимаю Вас, привет детям.

МЦ.

1-го июня 1936 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Большая просьба: я у Вас вчера забыла свою рыжую тетрадь, из которой читала (школьную, на первой странице Lettre a l'Amazone, – на столике), а, как раз, вернувшись, застала письмо Шаховской, где просит поскорее выслать рукопись, чтобы показать Journal des Poètes. Поэтому очень прошу Вас по возможности тотчас

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
же выслать тетрадку (recommandé, ибо у меня есть только первый черновик и многое
найдено – в процессе переписки). Буду Вам очень благодарна. (Фрейд говорит, что
забывающий вещь у другого забывает ее для того, чтобы не совсем уйти. В такой
забывчивости – прежде всего – доверие.)

Хотите к нам в субботу? Если можно – к 4 ч., чтобы побольше успеть прочесть и
проштудировать Вашего, [1589] – возьмите любой отрывок: дело в принципе. Если не
опоздаете, пойдём с тетрадьё в ближний парк или на вал.

От Ольги Николаевны нет ничего, Шаховская написала сразу, очень мечтает о моей
французской книжке, но торопит с рукописью, поэтому еще раз прошу Вас, дорогая
Ариадна, – высылайте сразу, не ждя до субботы, п. ч. день-два должны уйти на
окончательные поправки.

Целую Вас и жду в субботу, к 4 ч.

МЦ.

P. S. Пришлите мне, пожалуйста, адрес и точное начертание фамилии Люсьэна: [1590]
(de Nesk? Denek? или – третье?) Хочу запросить его о судьбе моей другой
рукописи, оставленной у него, – я как кукушка разбросавшая птенцов – и
рассказать о Вас, о нашей совместной о нем дружественной беседе – ему приятно
будет. Он – тоже птенец (как и мои рукописи!)

5-го июня 1936 г., пятница

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Сердечно радуюсь завтрашней встрече, – только не передумайте.

Большая просьба: привезите нам завтра салату и вообще зелени – какой можете: мы
все зеленоёды и даже – жоры, словом: jegliches Grün ist willkommen. [1591]

– Получила письмо от Ольги Николаевны – и деловое, и, если хотите, личное (пишет
о своей тоске) – и всё-таки прохладное. Эта женщина заперта (сама от себя) на
семь, а м. б. семижды семь – замков. Уж если я не развязала ей уст... и чувств и –
неожиданное заключение:

...развяжет только тот, в которого влюбится – если влюбится.

Маршрут: от terminus Maine d'Issy – наверх мимо кафе со стоянкой автомобилей – и
всё наверх до небольшой площадки с деревьями (молодыми), её перейти наискосок
влево и первая улица направо: Vaudin, пройти Vaudin насквозь и оказаться на
Avenue de Clamart, по которой немножко пройти направо, и наша улица первая
налево (NB! нужно перейти), с нашим же домом (руиной) на углу и на нем дощечкой
с названием улицы.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Возьмите листок и идите по нему, никого не спрашивая, ибо есть другая дорога – и она – час.

Захватите любую из рукописей, ведь дело в принципе. Всё дело у Вас в заострении эпитета и избегании общих, напрашивающихся образов и оборотов. Но это можно показать только на примере. Кроме того – не думая об этом пишет большинство пишущих французов, это, увы, в самом языке, так что я «требую» с Вас – не как с француза.

Словом, очень радуюсь и жду. Скромно напоминаю про салат. Детям сердечный привет.

МЦ.

Приписка на полях:

Огромное спасибо за пересылку Amazone.[1592] Спешно переписываю.

7-го июня 1936 г., воскресенье

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

У меня все дни этой недели заняты: то от 4 ч., то от 7 ч., т. е. не предвидится ни одного большого спокойного отрезка времени – следующее воскресенье включая.

Итак, с понедельника, 15-го – когда хотите, только назначайте сразу, а то – не знаю, что случилось с моей жизнью – сплошные приглашения и соглашения, хочу, чтобы нам никто не помешал ни с рукописью ни вообще.

Написала письмецо Люсьену. Приятно писать незнакомому: все возможности.

Ольге Николаевне (дательный падеж) тоже написала, – м. б. резко. Не зная, от чего тоска, что болит – помочь не могу. И еще о несправедности служения одному дому. (При встрече – расскажу подробнее.)

Милая Ариадна, Вы совершенно правы: события не в нашей власти,[1593] и лучше всего – застаться стоицизмом. Это иногда – вернее керосина и муки. Честное слово.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да чего бояться – нам, пережившим русскую революцию? Здесь такого быть не может:
всё будет легче.

...Бестактность взрослых, и даже пожилых, не понимающих, что их опасения для детей
– ужасы. Оберегайте.

Целую Вас и жду весточки, а саму Вас – с понедельника, 15-го.

Любящая Вас

МЦ.

13-го июня 1936 г., суббота

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Жду Вас, с большой радостью, во вторник, ибо понедельник у меня уже взяли –
молодые муж и жена, оба пишушие, [1594] – так что нам с вами не удалось бы как
следует ни побеседовать, ни почитать свое.

Итак, во вторник, к 4 ч., – дай Бог хорошую погоду, тогда пойдем в соседний
парк, где даже есть павлин (один!)

– а то так посидим. [1595] Приезжайте надолго, с обедом, постараюсь Вас хорошо
угостить. Но ни за что уже не отменяйте. О четверге сговоримся устно.

Целую Вас и жду, захватите маршрут.

МЦ.

Прочту Вам свои переводы песни из Пира во время Чумы и Пророка – для
бельгийского сборника 1937 г.

P. S. А листок оказался начатым с другой стороны – простите! [1596]

Но нет времени переписывать, п. ч. сейчас Аля едет в город и опустит.

и еще буду жаловаться на Люсьена. [1597]

– Уже?

– Да.

Словом – жду всячески.

23-го июня 1936 г., вторник

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Дорогая Ариадна,

У меня есть для Вас – для нас с вами – один план, не знаю – подойдет ли Вам.

Дело в том, что мне безумно – как редко что хотелось на свете – хочется того китайского кольца – лягушачьего – Вашего – бессмысленно и непреложно лежащее на лакированном столике. Я всё надеялась (это – между нами, я с Вами совершенно откровенна, – в этом вся ценность наших отношений, но ОТКРОВЕННОСТЬ требует СОКРОВЕННОСТИ) – итак, я всё надеялась, что Ольга Николаевна, под императивом моего восторга мне его в конце концов подарит – я бы – подарила – и всю жизнь дарила – вещи и книги, когда видела, что они человеку нужнее, свое – чем мне – но она ничего не почувствовала, т. е. – полной его законности и даже предначертанности на моей руке (у меня руки не красивые, да и кольцо не «красивое», а – *mieux* или *pire*, [1598] – да и не для красоты рук ношу, а ради красоты – их и для радости своей) – во она ничего не почувствовала, п. ч. она – другая, и к вещам относится не «безумно», а – трезво – итак, возвращаясь к лягушке (в деревне их зовут ЛЯГВА́).

Если бы Вы мне каким-нибудь способом добыли то кольцо (ибо Вы бы мне его – подарили – мы одной породы), я бы взамен дала Вам – теперь слушайте внимательно и видите мысленно:

большое, в два ряда, ожерелье из темно-голубого, даже синего лаписа, состоящее из ряда овальных медальонов, соединенных лаписовыми бусами. Сейчас посчитала: медальонов – семь, в середине – самый большой (ложатся под шейную ямку), потом – параллельно – и постепенно – меньшие, но оба, против рисунка, немножко меньше, ибо я очерчивала, черточки указывают настоящий размер. [1599]

Вещь массивная, прохладная, старинная и – редкостной красоты: настолько редкостной, что я ее за десять лет Парижа надела (на один из своих вечеров) – один раз: ибо: – овал требует овала, а у меня лицо скорей круглое, даже когда я очень худею такая явная синева требует синих или хотя бы серых глаз, а у меня – зеленые, а иногда и желтые такая близость к лицу (первый ряд почти подходит под горло, второй лежит на верху груди) невольно требует красоты, а ее у меня – нету

Но вещь, даже на мне, была настолько хороша, что – все сразу поняли мои стихи, потому что их не слушали, а только на меня – смотрели (на нее!)

И старый князь С. Волконский – виды видывавший! все виды красоты –

– Это одна из самых прекрасных вещей, которые я видел за жизнь.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– C'est quelque chose[1600]

Вам эта вещь – предначертана. Она настолько же – Ваша, Вы – как то кольцо – мое и я. У Вас лицо – с портрета, и даже – портрета, и вещь – с портрета. Вы – абсолютно похожи..[1601]

И мы бы только поменялись – своим, вернее – вернули бы вещи на их настоящие места.

Продать мою красоту я бы никогда не смогла, лучше бы зарыла в землю – для будущих.

Подарить Але? Но Аля с вещами (да и не только с вещами!) обращается так небрежно, – я ей когда-то, в числе многого другого, подарила дивные крупные серебряные бусы – каждая бусина другая – на цепочке, порвала цепочку, половину бус постепенно растеряла, – ничего. Сначала я ей говорила: собери, нанижи. – Да, да. – И так продадала пять лет подряд. Колец моих тоже не носит, – бессмысленно.

я люблю дарить в верные руки.

Но теперь – главное:

Как выцарапать кольцо (которое им не нужно, – вещь среди других).

Если бы Вы, не упоминая о мене ни звуком, просто бы сказали (написали) Ольге Николаевне, что я в то кольцо влюбилась и что Вам страшно хочется мне его подарить

– она бы – дала?

Или – выпросите у брата? Раз – его. И предложите ему что-нибудь взамен – на выкуп. (Но что он любит? и у него – всё есть.)

Как было бы чудно! У Вас – ожерелье, у меня – кольцо.

Ожерелье – сейчас держу в руке – холодное как лед, по холоду узнают настоящесть камня. (Символ!)

А я бы Ваше кольцо – никогда бы не снимала.

(Оно – перстень)

– Словом, думайте.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И отвечайте поскорее, ибо я в страсти нетерпения, а м. б. и в нетерпении (нетерпежé!) – страсти.

Прочла *Curé de champagne*. [1602] Мрачная книга: все умирают или погибают. Нэ на чем отвести душу. И вся эта – кровь.

Я с самого начала почувствовала рак – а Вы?

Это *verunglückte* [1603] бордо + кровохарканье, всё одного буро-винного-красного цвета. И низкое небо. И вода под ногами. Мрачнее не читала.

Бедные – все!

Надеюсь немножко отойти на *Petits Enfants bleus* [1604] (как ожерелье, нет, то – синее!)

А я, должно быть, скоро уеду. У Мура 28-го школьное празднество, а накануне я, кажется, поеду посмотреть комнату в какой-то лесной и речной местности – час от Парижа.

Кто знает – если устроюсь – м. б. ко мне соберетесь – на целый вольный синий беззаботный речной лесной блаженный бессрочный день?

Целую Вас и жду ответа.

МЦ.

Приписка на полях:

P. S. От Люсьена – ни звука, и звука не будет: все сроки прошли! Отослано 3-го июня (а ныне 23-ье). Хорошо бы выяснить – дошло ли? Ради него – хорошо.

(Я – привыкла).

28-го июня 1936 г., воскресенье

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна! Кольцо я видела только одно: с цветной (мне показалось –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зеленой) лягушкой, значит – не Ваше. Сплошного серебряного с лягушкой я не
видела – ни на руках ни на столах – а вдруг его уже нет?? (Подарили, потеряли, и
т. д.) У нас с кольцами в семье – роман:

моя мать, шестнадцати лет от роду, проезжая на пароходе по месту гибели Людовика
Баварского и явственно услышав подводную музыку (все завтракали в каюте, она
была одна на палубе, и музыка была для нее) бросила ему, т. е. в воду, свое
первое, обожаемым и обожающим отцом подаренное, кольцо. Моя сестра Ася, тех же
шестнадцати лет, в ответ на какое-то слово ее 18-летнего мужа (он погиб двадцати
одного[1605]), слово, разверзшее бездну непонимания глубже того озера, при мне
сбросила с пальца – далеко в зеленую херсонскую степь – из окна курьерского
поезда – свое первое кольцо – его подарок.

А я – всю жизнь – дарила, надевала на все руки, это был мой рожденный жест, при
встрече расскажу – и покажу – и перечислю. И все – теряли: кто дарил невесте, а
один даже распилил на два (и не получилось ничего).

А мне, кажется, никто не дарил. Нет, одна женщина – Таня – муж которой меня
любил[1606] (и мне не подарил, подарила – она).

Возвращаясь к лягушке: если то, с не – голубой. Ваше, – такое же: мужское,
простое, тяжелое, не objet de luxe, а – de nécessité, и даже – de reine,[1607] –
еще страстнее хочу его – если оно только живо, ибо я его не видела, и –
спрашивала Мура – на руке у Вашего Бориса его нет – «только такое – желтое –
обыкновенное – женатое» (Мур).

Чудно, что не надо будет тревожить Ольгу Николаевну и испытывать ее, ко мне,
чувства.

Но как Вы объясните брату?? А вдруг он меня – возненавидит? Гостила неделю – да
еще кольца лишила! А вдруг – внезапно ожаднел (смеюсь) не отдаст? Станет носить,
не снимая? Влюбится? Бросив жену и детей – уедет в Китай? Никогда не вернется?
Станет мудрецом с вислыми усами? Китайским святым?

И всё буду виновата – я.

О четверге. В четверг я неминуемо должна быть в 9 ч. вечера на Convention у
дружественной (он – немец) пары, я свято обещала и переменить нельзя, п. ч. это
последняя встреча до разъездов. Значит, пришлось бы от Вас уехать никак не позже
6 ч., а м. б. и в 5 1/2 ч., ибо мне дома нужно еще накормить и уложить Мура,
переодеться в гостевое, и т. д., – и вообще поспеть. Значит, милая Ариадна,
предупредите детей, что мы не как всегда, до вечера, а я предупрежу Мура – чтобы
не было огорчений.

Итак, с поездом 11 ч. 30 минут – в четверг.

А Ваш лапис буду носить по ночам, из-за его красоты, в вообще приятно – чтобы
никто не видел! Угревать его своими снами – и сном – так он будет совсем мой,
ибо во сне я – на полной свободе: Je moi du moi.[1608]

Теперь до свидания. Пишу в 7 ч. утра – Мур еще спит – о других говорить нечего,
Страница 487

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ибо если Мур спит – весь дом спит.

Привезу Вам еще один перевод: «Для берегов отчизны дальней», у меня вообще мечта перевести все мои любимые стихотворения Пушкина, – все самые любимые.

Обнимаю Вас и радуюсь встрече.

МЦ.

29-го или 30-го июня 1936 г.1

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Судьба решительно против нашего последнего (на днях уезжаю) свидания, но будем – против судьбы, и всё же увидимся в четверг, только на ещё – короче, ибо мне необходимо быть в городе в 5 ч. по отъездным делам, т. е. выехать от Вас не позже 4 ч.

А то – совсем не увидимся, п. ч. мне нужно убрать весь дом, уложиться – и т. д.

Но верю, что Вы ко мне выберетесь – хотя билет и дорог (21 франк aller et retour, [1609] за Фонтенбло, на двух реках).

Итак – до четверга, хотя и накоротко.

Целую Вас, сердечный привет детям от нас обоих.

МЦ.

3-го июля 1936 г., среда

Moret-sur-Loing (S. et M.)

18, rue de la Tannerie, chez Mme V-ve Thierry

Дорогая Ариадна, вчера, в грозу и ливень въехали с Муром в Moret. Выгрузив вещи, зашли в кафе, а когда вышли – все улицы были превращены в глубокие и бурные потоки. Пока Мур изумлялся и негодовал, я быстро и молча разулась и пошла вперед – в воде выше щиколки, держась за край домов, ибо поток – уносил. (То же, конечно, пришлось сделать и Муру – но как он потом ворчал! – «Все из окон на нас смеялись... Думают, что мы всегда ходим босиком»... и т. п. рассуждения горожанина.)

Квартира очень уютная и чистая, улочка тихая, за самой церковной стеной (спиной). Окрестности редкостной красоты: две реки – Loing и Сена – близкий лес (есть и сосна), холмы... Мы уже сделали две прогулки и уже нынче ели свои маслѣнки.

Лавок – залиться: целая улица кооперативов и всяческих Familister'ов.[1610] Цены – не дороже Ванва. Словом, быт устроен, т. е. – почти устранён.

– За этой церковью я живу,[1611] и у меня есть своя химера, и у Мура тоже: живем почти под ними. Церковь начата в 1166 г., т. е. 870 лет назад, т. е. без 30-ти – 900. – Население приветливое, а вот слово Мура: – «Как странно: отчего это в старых городах – столько стариков? Наверное в Париже – их давят». (NB! – машины.) Это же слово, кроме реалистического толкования, я читала не то у Бодлера, не то у Верхарна[1612] – во всяком случае у кого-то Муром нечитанного.

Пишите о себе. Приехал ли Николай Оскарович[1613] – и на сколько? Кончились ли детские экзамены – и каковы результаты? (Мне уже кажется, что мы с вами – сто лет не виделись.) А мандат???

Носится ли синее ожерелье и всё так же ли нравится? Отозвалась ли Ольга Николаевна на кольцо – и есть ли надежда??!!

Словом, пишите все свои новости. И – непременно – когда (приблизительно) ко мне собираетесь? Лучше не в воскресенье (хотя и дешевле) в воскресенье у меня – именно из-за этого – всегда будет народ, и ничего не удастся, не считая общеприездной толчеи на берегу.

Непременно напишите, когда приблизительно и сможете ли с ночевкой?

Погуляли бы по ночному городку – набережным – под химерами и с привидениями.

МЦ.

15-го июля 1936 г.

Moret-sur- Loing (S. et M.)

18, rue de la Tannerie, chez Mme V-ve Thierry

Дорогая Ариадна, получила нынче письмо от Ольги Николаевны – уже сюда, очевидно адрес мой у нее от Вас, т. е. – Вы мое письмо получили. От Ольги Николаевны узнала о конечном возвращении Вашего мужа,[1614] – рада за Вас, авось Ваши бедствия кончились.

Оказывается, Ольга Николаевна уже писала мне 12 дней тому назад – ничего не получила, хотя тогда была еще в Ванве. Не знаю, что в том письме, в этом – о кольце ни слова. М. б. не сочла нужным и даже возможным написать о нем мне, считая (как оно и есть) это вашим делом? Очень хотела бы знать, нашлось ли оно у них, и написали ли они что-нибудь Вам, – и что?? (Сплю и вижу его во сне, честное слово!)

Живем под дождем, – привыкли. Вчера было событие рынка (раз в неделю). Вчера же – событие 14-го июля. (Первое для меня, второе – для Мура.) В оба праздника (воскресенье и вчера) приезжали гости. Здесь чудные прогулки, но купанья нет, несмотря на две реки.

Отзовитесь – тогда напишу настоящее письмо.

Пока же целую – и желаю

МЦ.

31-го июля 1936 г.

65, rue J. V. Potin

Vanves (Seine)дорогая Ариадна,

Пишу в последнюю moret'скую минуту – обуянная страхом, что вдруг, не предупредив, приедете – а нас – нет!

Уезжаем из-за отчаянной сырости: двух рек, самого дома, небес и земли – а главное из-за подозрения, у Мура, ревматизма: болит то одна нога, то другая, иногда – до хромоты.

Из Ванва напишу о своей дальнейшей судьбе: возможно, что уеду в горы – было приглашение, но нужно еще проверить, а главное добыть деньги на билеты.

Если сразу напишете, застанете меня еще в Ванве (уедем, если (тьфу! тьфу!) не раньше 4-го/5-го).

Пока целую вас и детей, простите, что не отозвалась раньше, но необходимость решения дальнейшей (или ближайшей) судьбы – мешала.

Пишу на узлах (littéralement).[1615] Горю об этом чудном городке, где мне чудно жилось и работалось.

Жду скорой весточки, – как здоровье мужа, и где он – и что дальше, намечается с вами и, главное – с Вами? Работаете ли?

Сердечный привет родителям и брату. Как здоровье отца?[1616]

МЦ.

Приписка на полях:

От Ольги Николаевны получила большое приветливое письмо – давно уже.

28-го августа 1936 г., русское Успенье

St. Pierre-de-Rumilly, Haute Savoie

Château d'Arcine

Дорогая Ариадна! А я Вам последняя писала – из Ванва, сразу после Moret.

Как видите – я в Савойе – (мы с Муром) – в настоящем феодальном замке – XIII века, для меня, к сожалению, слишком сохранном, слишком приспособленном к человеческому образу жизни – есть и вода, и электричество, и – увы – мебель, хотя и не новая, но явно – не та – но я забралась на чердак, в никем не оценённую комнату – вроде пещеры, с крохотным оконцем, пробитым во всей толще стенки – и каменным полом en pierres de taille[1617] – и здесь блаженствую, т. е. пишу все утра. А Мур в ней только спит – целый день гоняет (как у Вас с Верой) с на́ год младшим мальчиком и на́ пять младшей девочкой – под надзором одного 15-летнего полуноши.

Погода – дивная – и заслуженная.

Но спутников, увы, для пешего ходу – нет, все ездят на автомобиле-то в Chamoniх, то в Аннесу, а мне нужно – просто горы, без названия и – главное – без компании. Поэтому хожу одна – не особенно далёко, п. ч. не только теряю чувство направления, а как родилась – потеряла. Рву орехи – единственное, что́ здесь есть в изобилии, ибо фрукты погибли – все.

Пишу немножко своё. Перевожу Пушкина.

Очень жду от Вас весточки – о себе, о Вашей работе, о планах, о детях. Не полнитесь! Я здесь наверное еще пробуду дней десять.

Мур приветствует девочек – и Вас, конечно.

А я – обнимаю.

МЦ.

30-го сентября 1936 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Почему Вы ни разу не отозвались – голосу не подали за всё лето? Писала Вам дважды: из Moret и из Савойи. Неужели Вам было так плохо, что даже мне не захотелось написать??

В 20-тых числах мы с Муром вернулись из Савойи – и я все надеялась на весточку от Вас – но вместо Вашей получила наконец (4 месяца спустя!) от Люсьена, но – если бы Вы знали какую никакую: Chere Madame – и – pardonnez – и enchanté – в таком роде, а какие, по существу, всё слова и вещи – чудесные: и chère и ma dame (Dame!) и pardon и enchantement, [1618] но не дано людям осознавать что́ говорят! Ни – чувствовать.

Итак, дорогая и неверная Ариадна, как видите – не сержусь, а верю, люблю и

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
надеюсь (вчера как раз был этот тройной праздник).[1619]

Если Вы нынче – 18-го русского сентября – именинница – поздравляю и желаю.

МЦ.

Мур завтра идет в школу, и мы вчера купили пуд тетрадей – еле дотащили.

Он очень приветствует Вас и девочек.

12-го апреля 1937 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Дорогая Ариадна,

Не знаю Вашего адреса и пишу на Ольгу Николаевну.[1620] От нее знаю, что вы уже у себя, знаю и о болезни детей – помню как двухлетний Мур гнал от себя докторшу – Уходи, противная краснуха!

а она, не понимая, одобряла: – Вот молодец! Так и нужно гнать болезни!

Но жаль все-таки, что на первых порах Вашей новой жизни – такое осложнение.

Ольга Николаевна пишет, что квартира небольшая, но хорошая, веселая (а у меня – небольшая и нехорошая! мечтаю переехать: извела третья печная – трехпечная зима – все утра простояла на коленях, выгребая и протрясая) – а я все вспоминаю Ваши сады, которые у меня все слились в один: огромный, – я очевидно их сложила, а м. б. и перемножила.

Как я помню одно наше с Вами гулянье, м. б. последнее, вечерело. Вы мне показывали молодые бобы, а потом дали мне розы, а дом уже был совсем темный. Слово Garches[1621] для меня навсегда магическое, для Вас – нет и не может быть, п. ч. там шла Ваша жизнь, я же попадала в чей-то сон, немножко как Domaine sans nom[1622] – да там Вы мне его (meaulnes) и дали... (Правда, Meaulnes, son grand réve[1623] – немножко кусочек нашей жизни? С нами было. (Я (в книге) невыносимо только когда его нет. Когда оно есть – это лучшее слово и имя.)

Пишите, милая Ариадна, не смущаясь собственными долгими перерывами, – не будем считать и считаться.

У меня к Вам большая просьба, но скажу ее только после Вашего ответа.

До свидания! Когда в Париж? непременно предупредите заранее. Хорошо бы вместе съездить на волю, на целый день. Сейчас начинаются чудные дни.

Пишите.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Обнимаю

МЦ.

Приписка на полях:

Пишете ли – книгу своего детства и юности? Что делаете весь день? Есть ли кто-нибудь при детях? А м, б. у Ваших краснухи не было? У меня было впечатление, что переболели все.

26-го октября 1937 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Если я Вам не написала до сих пор – то потому что не могла. Но я о Вас сквозь всё и через всё – думала.

Знайте, что в Вашей страшной беде[1624] я с Вами рядом.

Сейчас больше писать не могу потому что совершенно разбита событиями, которые тоже беда, а не вина..[1625]

Скажу Вам, как сказала на допросе – C'est le plus loyal, le plus noble et le plus humain des hommes. – Mais sa bonne foi a pu être abusée. – La mienne en lui – jamais.[1626]

Обнимаю Вас и – если это в последний раз – письменно и жизненно – знайте, что пока жива, буду думать о Вас с любовью и благодарностью.

Марина

Vanves, 2-го ноября 1937 г., вторник

65, rue J. V. Potin

Ариадна родная,

Лягушка конечно Ваша: неужели Вы думаете, что я могла ее иначе воспринять – и принять. Эта Ваша лягушка охраняла меня целое лето, со мной шла в море, со мной писала повесть о Сонечке, со мной горела (горели ланды, мы были в кольце огня), и всё это были – Вы.

Вижу перед собой Ваше строгое, открытое, смелое лицо, и говорю Вам: что бы Вы о моем муже ни слышали и ни читали дурного – не верьте, как не верит этому ни один (хотя бы самый «правый») из его – не только знавших, но – встречавших. Один такой мне недавно сказал: – Если бы Сергей Яковлевич сейчас вошел ко мне в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
комнату – я бы не только обрадовался, а без малейшего сомнения сделал бы для него всё, что мог. (Это в ответ на анонимную статью в Возрождении.) [1627]

Обо мне же: Вы же знаете, что я никаких дел не делала (это, между прочим, знают и в сюртэ, где нас с Муром продержали с утра до вечера) – и не только по полнейшей неспособности, а из глубочайшего отвращения к политике, которую всю – за редчайшими исключениями – считаю грязью.

Дорогая Ариадна, пишите мне! (Вы ничем не рискуете: мы с Муром на полной свободе.) Пишите мне обо всем: и Вашем горе, и вашем будущем – близком и далёком, и о девочках, и о душе своей... Люблю Вас как сестру: этого слова я еще не сказала ни одной женщине.

Мой адрес тот же: та же руина, из которой пока никуда не двинусь – не могу да и не хочу: еще скажут – прячется или – сбежала. Предстоит тяжелая зима – ну, ничего.

Напрасно просили меня о вечном адресе, потому что его у Вас не могло бы не быть – неужели Вы думаете что я могу так кануть – без следу – сжигая за собой – всё? Я человек вечной благодарности.

Ах, Ариадна, какой это был рай – в тех Ваших садах! Я еще когда-нибудь их напишу.

Жду весточки и обнимаю Вас,

Ваша всегда

Марина

Приписка на полях:

Не думайте, что я не думаю о Вашем горе: у меня в сердце постоянный нож.

Ваша лягушка была – мои последние счастливые дни. Кстати, она из голубой от моря и огня превратилась в серебряную – т. е. стала совсем Ваша (Ольге Николаевне этого конечно не говорите, да и не скажете!)

Из тетрадки Юношеских стихов [1628]

С.Э.

Я с вызовом ношу его кольцо:
Да, в вечности – жена, не на бумаге!
Его чрезмерно-узкое лицо
Подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.
Он тонок первой тонкостью ветвей..
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями раскинутых бровей –
Две бездны.
В его лице я Рыцарству верна:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Всем вам, кто жил и умирал без страху! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.
Коктебель, 3-го июня 1914 г. (ДО войны!)

Коктебель. 1914 г. – Ванв, 1937 г.

МЦ.

17-го ноября 1937 г., четверг

Vanves (Seine) 65, rue J. V. Potin

Ариадна!

Откуда Вы знаете, что я больше всех цветов на свете люблю деревья: цветущее
дерево?!

Когда мне было шестнадцать лет, я видела сон: меня безумно, с небесной страстью,
полюбила маленькая девочка, которую звали Маруся. Я знала, что она должна
умереть и я ее от смерти прятала – в себя, в свою любовь. Однажды (все тот же
сон: не дольше трех минут!) я над ней сидела – была ночь – она спала, она спала,
я ее сторожила – и вдруг – легкий стук – открываю – на пороге – цветок в плаще,
огромный: цветущее дерево в плаще, в человеческий (нечеловеческий!) рост. Я –
подалась и он – вошел.

Потом это видение отобразилось в моем Мблodge, где сама Маруся становится
дерево: барин влюбляется в дерево, не зная, что оно – женщина.

Вы ведь всего этого не знали, как не знали магии надо мной слова азалия, моей
вечной мечты о деревце, которое будут звать азалия – как женщину, – только
лучше.

Ариадна! Моя мать хотела сына Александра, родилась – я, но с душой (да и
головой!) сына Александра, т. е. обреченная на мужскую – скажем честно –
нелюбовь – и женскую любовь, ибо мужчины не умели меня любить – да может быть и
я – их: я любила ангелов и демонов, которыми они не были – и своих сыновей –
которыми они были! –

– Ариадна, никто не подарил мне цветущего деревца, которое зовут азалия.

...И еще – какой мой поступок: подарок в день своего рождения[1629] (– мама! что
Вы мне подарите в день своего рождения? из года в год – Мур).

– Ариадна, я третий день живу этим деревцем и над этим деревцем: оно рядом, у
изголовья, вместе с Vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jésus écrite par elle –
mème[1630] – первой книгой которую я стала читать после моей катастрофы –
странной книгой, страшной книгой, равно притягивающей и отталкивающей. Вы знаете
ее лицо? Лукаво-грустное личико двенадцатилетней девочки, с началом улыбки и
даже – усмешки: над собой? над нами? («Je veux être son joujou: sa petite balle...
Je veux qu'il passe sur moi tous ses caprices... Jésus a rejeté sa petite
balle...»)[1631] Это – отталкивает, но последнее слово: – Je passerai tout mon
ciel à secourir la terre[1632] – не только восхищает, но совозносит, с ней, на
ту высоту. (Tout mon ciel – как: tout mon temps...)[1633] Эта маленькая девочка
могла быть поэтом, и еще больше: grande amoureuse:[1634] это Марианна

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
д'Альваредо полюбившая – вместо прохожего француза – Христа. Я знаю эти ноты.
Ариадна, достаньте и прочтите: – La vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jesus, écrite
par elle – même (Office Central de Lisieux – Calvados) – с безумно-безвкусной
обложкой «du temps»[1635] (1873–1897, но все то же лицо 12-летней девочки, вдвое
младшее своей молодости.)

..Не думайте que je tombe en religion[1636] – я была бы не я – этого со мной
никогда не будет – у меня с Богом свой счет, к нему – свой ход, который мимо и
через – над моей головой (как сказал поэт Макс Волошин обо мне, 16-летней)
двойной свет: последнего язычества и первого христианства – а может быть, как я
сама сказала – двадцати лет:

Оттого и плачу много,
Оттого –
что влюбила больше Бога
Милых ангелов Его...[1637]

– Ожидая: Ариадна! мы должны еще встретиться на этой земле, в этой части света.
Думайте. Помните что если вы будете в Париже, мы открыто можем встречаться: я
(тьфу, тьфу не сглазить!) на полной свободе, даже не (тьфу, тьфу!) à la
disposition,[1638] – хожу ко всем и ко мне все ходят. Бояться меня нечего, но м.
б. – и говорить (по семейным соображениям) об этих встречах – если будут – не
для чего, – зачем смущать? Окружающий вас мир живет общественным мнением. Ну,
вам виднее будет, если это «будет» – будет.

Пишите.

и работайте на встречу: я здесь, во всяком случае, до весны – но навряд ли
дольше чем до весны. (Об этом – молчите.) Потом – не увидимся никогда.

Жду письма.

Мы с деревцем вас обнимаем: я – руками, оно – ветвями, а головы у нас одинаково
– двуцветные – с двойным светом..

М.

23-го декабря 1937 г., четверг

Vanves (Seine) 65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна! Вы меня совершенно поражаете: Вы поступаете, как я – раньше,
как я – бы, как я внутри себя (а иногда (и сейчас) и вне себя) – всегда. И это
соответствие: я только утром послала вам книгу Noël,[1639] уже села за письмо,
но вдруг охватила безнадежность: сказать – всё, и я спокойно отложила листок –
точно уже написала: вот он сейчас передо мной, с готовым конвертом. И вдруг –
стук: – C'est bien là и т. д. – Oui. (Я от стука давно чудес не жду.) – Un colis
pour vous. – Vous devez vous tromper, je n'attends rien. – Si, c'est pourtant
bien pour vous...[1640]

Расписываюсь, отпускаю (уходит – радостный) и – первое что у меня в руке –
ёлочка с фиалками, оба – живые! и первое, что у меня в сознании – или в сердце –
(у меня это одно) – Вы. И – ТАК – и – ЕСТЬ.

Ну, вот.

Обнимаю вас, благодарю за каждую отдельность («Всесильный Бог деталей –
Страница 496

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Всесильный БОГ любви...), [1641] за всё, за всю Вас: за то, что это – есть. И было
в моей жизни.

После праздников – большое письмо. Мое, ненаписанное, начиналось, а м. б.
кончалось – так: Завтра Сочельник, и я знаю, что Вам больно, как Вам больно, и
хочу чтобы Вы знали, что я знаю.

Пишите про себя и про детей и про планы. И про жизнь дней. – Приедете? Обнимаю
ещё и ещё.

М.

21-го января 1938 г., пятница

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна! У меня к Вам есть большая просьба – и абсолютно –
конфиденциальная.

Мне может быть придется уехать жить в Чехию [1642] (МОЛЧИТЕ, КАК КОЛОДЕЦ!), а там
очень холодно и мне необходимо НЕПРОДЁРНОЕ пальто – на всю жизнь. Теперь имейте
терпение прочесть меня внимательно до конца.

Каждое матерчатое (суконное, velours de laine, [1643] даже английское!) пальто я
протираю на боку кошёлками, которые ношу (и буду носите – всегда. Поэтому мне
нужна suédine. [1644])

В Париже из suédine делают только trois-quarts [1645] и стоят они безумно –
дорого: здесь это – luxe. (Кроме того, мне нужно длинное: 1 метр 20 – длины, а
здесь таких не делают.) Материи этой (suédine qualité lourde, вроде замши) ни во
Франции, ни в Бельгии в продаже нет, она вся откуплена фабрикантами готовых
вещей. Это я – знаю.

Теперь – сама просьба.

Есть в Брюсселе: 105, Chaussée de Wavre небольшая с виду лавочка:

Au Bon Goût (fabrique de vêtements en cuir, [1646] вход с улицы) где можно такое
пальто, как мне нужно, заказать. (Одна моя знакомая в прошлом году для себя
такое заказала и в нем приехала и я его, глазами, видела.)

Но вот, главное: как мне сюда такое пальто доставить? Ваш брат навряд ли сможет
(да наверное сейчас – и не захочет: его жена – с тех самых пор – ни звука! Да я
всегда знала (сердцем знала!) что это – не настоящая любовь) – уверены ли Вы,
что Вы до 1-го мая, скажем, а это уж – крайний срок! – сюда приедете? Потому что
Вы с собой его могли бы привезти – с легкостью, моя знакомая часто ездила и
возила. Это – главный пункт.

(Терпите, дорогая Ариадна, сейчас начнутся подробности.)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1) Взять нужно лучшее качество, самое лучшее, а оно у них, поскольку я знаю, одного цвета: коричнево-красного, тот цвет и качество, из которого они делают готовые blousons[1647] suédine (они 2 года назад стоили 65 бельгийских) франков: все размеры! С эклером до середины, это я Вам – как приметку цвета и качества).

2) Пальто должно быть complètement croisé[1648] и книзу расширяющееся, чтобы при ходьбе не раскрывалось – совершенно, т. е. с максимальным запахом с обеих сторон. Застежка на пуговицах совсем сбоку. Пояс. Воротник – обыкновенный, т. е. отложной (не лежачий).

3) Размер заказывайте 46, на «une dame forte»[1649] (это я-то!), так, чтобы Вам было очень просторно, особенно проймы и хорошую широкую спину (NB! у меня действительно на редкость широкая спина, т. е. плечи, и проймы мне нужны широкие: мужские – из-за совершенно прямых плеч. Мне всегда всё тесно под мышками. Mais le 46 fera l'affaire,[1650] а если будет широко в талье – мне здесь убавят: важно, чтобы не сузили верха.

4) Такое огромное пальто мне нужно, чтобы положить под него мех, который у меня – есть.

Длина 1 метр 20, пояс, complètement croisé, книзу расширяется, и рукава, как сейчас носят, на плече bouffants (т. е. несколько сложенных складок). Прилагаю свой неумелый рисунок. Пуговиц – шесть: больших.

Вы его на себе не мерьте, а только – прикиньте, и если Вам будет широко, мне будет – хорошо.

5) Какая цена? (Всё равно будет дешевле чем здесь, и деньги у меня будут, п. ч. на днях сдаю рукопись.)

6) Как Вам деньги переправить? Просто в конверте (на риск)? Переводом? (но – позволено ли? мне сейчас уж всё кажется – не позволенным? Я – понятия не имею). Послать – здесь – Вашим родным? В гостиницу – брату (якобы мой долг – Вам. Пусть не боится, напишу отправителя – Цветаеву, а это имя – несомненное).

С нетерпением буду ждать ответа. Если ответ будет благоприятный, Вы меня просто – спасете.

Но не забудьте: pour une dame forte, забудьте – меня, помните – «forte» (я – тоже forte, но – по-другому).

Кончаю мою обожаемую Повесть о Сонечке, это моя лебединая песнь, то-то никак не могу расстаться! Эта вещь, хотя я ее сама написала, щемит мне сердце.
Эпиграф: [1651]

Elle était pâle – et pourtant rose,
Petite – avec de grands cheveux...[1652]

(Вся гениальность Hugo в этом grands, а не longs[1653]...) В этой вещи (весна 1919 г.) – вся моя молодость.

Живу очень уединенно: друзья – мать и дочь, [1654] другие друзья: брат и сестра, [1655] и еще один друг – Коля, [1656] преданный всему нашему дому. И больше на весь Париж, в котором я прожила 12 лет с уже половиной – НИ-КО-ГО.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вожусь (мажусь, грязнюсь) с печами, вся (кроме души!) – в доме. Кормлю Мура и учителя (Мур этот год учится дома). И еще – кота (чужого, ничьего, бродячего). Главная радость – чтение и кинематограф. Ариадна, когда опять сможете ходить, гениальный фильм – Grande Illusion.[1657]

Вечерами чиню и штопаю Мура, «заводим» Т. С. Ф.[1658]

От Али частые открытки, много работы (рисует в журнале),[1659] всё хорошо.

Я сказала: главная радость – книги, нет! – природа главное: природа, погода (какая бы ни была), наша улица, обсаженная деревьями, наши каштаны, бузина, огороды – в окне.

– Если видаетесь с З. А. Шаховской – горячий привет и благодарность за письмо. Передайте, что напишу ей непременно. (Но про мой возможный отъезд – ради Бога! – и ей ни слова: НИ-КО-МУ.)

А пальто мне нужно complètement croisé – п. ч. у меня отмороженные колени и для меня мороз – самый большой страх, какой я знаю.

Ну, кончаю, обнимаю, прошу прощения за заботу, но эта просьба – только мое доверие. Я ведь знаю, что Вы – человек, то есть всему и подробно сочувствуете – когда любите.

А что любите меня – я знаю.

Марина

28-го января 1938 г., пятница

Vanves (Seine)

65, rue J. В. Potin

Дорогая Ариадна!

(Простите, я всё – с пальто!)

Я забыла карманы (воплъ отчаяния: кар-маны забы-ыла!!) – большие, накладные глубокие – до дна души. П. ч. я по возможности никогда не ношу перчаток, а всегда – руки в карманы.

Второе: могут ли они сделать его на теплой, прочной подкладке, всё, донизу, – бывает такой густой плюш – под мех, как делают на мужских шоферских пальто (м. б. в Брюсселе не делают?)

И сколько они возьмут: за без-подкладки – и за с-подкладкой?

Очень жду ответа – еще на первое письмо, п. ч. деньги скоро будут и боюсь – уйдут постепенно на другое, а, в случае согласия, я бы сразу Вам послала, всю

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сумму.

Целую Вас и жду весточки. Это не письмо, только post-scriptum.

Всегда любящая Вас

М.

15-го февраля 1938 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Моя дорогая Ариадна!

Я только что прочла (перечла) жизнь Дункан, [1660] и знаете какое чувство от этой как будто бы переполненной всем жизни? Пустоты. Тщеты. Точно ничего не было.

Я всё ищу – в чем дело? (NB! Это письмо в ответ на Ваше, последнее, где Вы пишете, что мечетесь, что никого не можете вполне ни отбросить, ни принять.) У этой женщины было всё: гений, красота, ум: (с знаком вопроса, ибо часто безумно безвкусна, но было что-то, что у женщины *peut tenir lieu et tient lieu*, [1661] скажем – конгениальности со всем большим), были все страны, все природы и вся природа, все книги, встречи со всеми большими современниками – и вдруг я поняла чего у ней не было: ее никто не любил и она никого не любила, ни Гордона Крэга, [1662] ни своего Лоэнгринга, [1663] ни гениального пианиста, [1664] ни – ни – ни, – никого. В книге разительное отсутствие – жалости. Любила она – как пила и ела. Иногда (Станиславского) – как читала. То насыщаясь, то поучаясь, никогда – любя другого, то есть жалея его и служа ему. Поэтому, еще и поэтому так ужасна смерть ее детей, [1665] которые были в ней – единственное живое: большое и больное. (И Есенина, [1666] конечно, не любила: это чистый роман американского любопытства + последней надежды стареющей женщины. Терпеть от человека еще не значит его жалеть.)

Я вышла из этой книги – опустошенная: столько имен и стран и событий всякого рода – и нечего сказать.

Кроме того, искусство ее конечно – единоличное, – единоличное чудо, а она хотела школы – чудес. Хотела – тысячи Айседор Дункан...

Значит, главного: чудесности своего явления – не поняла. И правы были – легкомысленные венцы, кричавшие ей: – *Keine Schule! Keine Vorträge! Tanz uns die schöne blaue Donau! Tanz, Isadora, tanz!* [1667]

– Жаль, ибо книга настолько жива, что – сам ее живешь, и ничего не можешь исправить. С её фатом Раймондом [1668] я однажды встретилась у одной американки. [1669] Я сидела. Вдруг кто-то оперся локтем о мою шею, сгибая ее. Я резко дала головой и локоть слетел. Через минуту – вторично. Встаю – передо мной человек в «белой одежде», длинноволосый, и т. д. – отодвигаю стул: – «*Monsieur, si Vous ne pouvez pas Vous tenir debout – voilà ma chaise. Mais je ne suis pas un dossier*». [1670] А он глупо улыбнулся. И отошел. А я опять села. И этот Раймонд играл у нес Царя Эдипа и строил с ней в Греции дворец Агамемнона. [1671] Деталь: я сидела за чайным столом, а он говорил с моим визави – через стол – и вот, чтобы было удобнее, оперся локтем о мою спину. (Особенно странно – для

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
танцора школы Айседоры.)

– Простите, дорогая Ариадна, за такое далёкое начало письма: я этой книгой (жизнью) по-настоящему задета и расстроена.

Итак, к 1-му апреля в Париж? Как я счастлива. Но уже сейчас вижу: это будет грустное счастье: короткое и с необходимостью всё (сущее и могшее бы быть) втиснуть в какой-то короткий последний срок. А как хорошо было бы – если бы я жила в Бельгии, как когда-то жила в Чехии, мирной жизнью, которую я так обожаю.. («А он, мятежный, ищет бури...»[1672] – вот уж не про меня сказано, и еще: – Блажен, кто посетил сей мир – в его минуты роковые...[1673] – вот уж не блажен!!!) – с немногими друзьями, из которых первый – Вы... Наша дружба не была бы (всё – сослагательное!) – бурной, без всякой катастрофы, просто – Ваш дом был бы моим, и мой – Вашим, и каждый из нас мог бы разбудить другого в любой час ночи – не боясь рассердить. Я, может быть, больше всего в жизни любила – монастырь, нет – Stift: Stiftsdame, Stiftsfräulein, [1674] с условной свободой и условной (вольной) неволей. Этого устава я искала с четырнадцати лет, когда сама себя сдавала в интернаты, тут же в Москве, при наличии семьи и дома, говорю – в интернаты: каждый год – в другой... Устав для меня высший уют, а «свобода» – просто пустое место: пустыня. Я всю жизнь об этом уставе – старалась, и видите куда привело?

О себе. Живу в холоде или в дыму: на выбор. Когда мороз (как сейчас) предпочитаю – дым. Руки совсем обгорели: сгорел весь верхний слой кожи, п. ч. тяги нет, уголь непрерывно гаснет и приходится сверху пихать щепки, – таково устройство, верней – расстройство. Но скоро весна и, будем надеяться, худшее – позади. Первую зиму – за всю жизнь, кажется – ничего не пишу, т. е. – ничего нового. Есть этому ряд причин, основная: à quoi bon?[1675] Пробую жить как все, но – плохо удаётся, что-то грызет. Конечно – запишу, но пока нет мужества, да м. б. уж и времени – начинать: подымать которую гору?? Почти всё время уходит на быт, раньше всё-таки немножко легче было. Есть скромные радости: под нашими окнами разбивают сквер, весь путь от метро к нам осветили верхними фонарями, вообще – на улице лучше чем дома. Но – будет об этом и, в частности, обо мне.

Хочу знать о Вас. Чем болели дети? Как наладилась их жизнь? Как Верино ученье? Как развивается и растёт Люля? Есть ли у Вас кто-нибудь для нее, или Вы одна? О какой книге Вы пишете, что – разрыв между вещью и автором? Очевидно, о переводимой, но – что это? С кем дружите или приятельствуете? Слушаете ли музыку? Что читаете – для души? (Если не читали Ma Vie[1676] – Дункан – прочтите непременно. Очень хорошо начало: бедность, пустынное побережье, странноотсутствующая мать, первый Париж, т. е. вся дункановская virtualité...)[1677]

Ариадна, в Брюсселе есть мое окно, над каким-то оврагом. Мы шли с Ольгой Николаевной и вдруг воскликнула: – Смотрите, мое окно! Она даже испугалась. Была ночь, окно сияло над темными зарослями. Это было где-то наверху, мы потом долго спускались какими-то лестницами. Дом моего окна был очень старый, и во всей стене – одно окно, а деревья из оврага росли – огромные. Если когда-нибудь увидите – сразу узнаёте. Я – его никогда не забуду.

Насчет пальто: здесь из средней suédine, на заказ – 250 франков. Очень благодарна буду, если узнаете сколько возьмут в той лавочке. Мне это важно было бы знать поскорей. Из того сорта, из которого они делают куртку réclame:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
лучшего. Цвет, по-моему (в этом лучшем сорте) один: коричнево-шоколадный, tirant
sur le rouge[1678] (не оливковый!). Узнайте и напишите, очень очень благодарна
буду. Evase vers le bas, complètement croisé, longueur 120[1679] – помните? И
очень большие emmanchures.[1680] Только пока не заказывайте, а осведомитесь о
цене и сразу мне напишите.

Ну, кончаю, иду в свою морозную кухню. Мур очень хорошо себя ведет, и главное,
не унывает. Очень хорошо рисует. Ростом – куда выше меня и ходит в длинных
штанах. Сердечно приветствует Вас и детей. А я от души обнимаю – жду весточки.

М.

21-го февраля 1938 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Ариадна! Отвечаю по прямому проводу: какой Вы смелый и настоящий человек!

Меня Ваше письмо ожгло – и осветило – как горный кристалл: физическое видение
горного хрусталя в граните, как я их видела в раннем детстве, в Альпах, над всем
и даже над моим любимым вереском.

Теперь всё хорошо и у Вас будет – сын. (Не сердитесь на мою быстроту, но я –

Тот поезд, на который – все

Опаздывают...

[1681]

и на который Вы – не опоздали).

Любуюсь на Ваше мужество, потому что конечно берете на себя гору (NB! опять –
кристалл!) – но и пуще горы берете (гóры – чтó!) – берете всё людское болото:
осуждение всех тех кто для Вас пальцем не пошевелит, но которые так любят
красоту безутешного женского горя, что сейчас чувствуют себя обокраденными (на
целое вечное даровое зрелище!) – и всю женскую зависть берете, весь заспинный
шепот...

Но – «что мне до них!» (Саади)[1682] и – как я когда-то утешала одну бывшую
любовь России: – Поэты – с вами![1683] (Это ведь то же, что: Господь – с тобою!)

Дорогая Ариадна, счастлива за Вас, не – как за себя (за себя – никогда не умела,
как родилась – отказалась: единственной этой горы – не подняла!) а – как за
другую себя, вторую себя, себя – в другом, – поэтому:

будьте счастливы и – будете счастливы.

Счастлива и за девочек.

Счастлива и за будущего мальчика, который непременно – будет: помяните мое слово! и которого я (NB! старинный оборот: люблю их) – вопреки всем людским законам и обрядам, поверх всех голов – и тиар – и крестильных чанов – уже сейчас объявляю себя крестной матерью, marraine de réve, [1684] но это – тоже царство! и которому я уже сейчас, когда мы увидимся – наверное в последний раз на этой земле, этой звезде – подарю свой крестильный подарок.

Обнимаю Вас от всей души.

Glück auf! [1685]

М.

Ваша синяя лягушка на моей руке пляшет и рукоплещет руками и ногами.

7-го марта 1938 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна!

Только два слова: сейчас очень пора узнать о пальто, п. ч. если Вы собираетесь сюда к 1-му – нужно время, чтобы его сделать.

Повторяю: хочу из лучшего качества, если есть – темно-коричневое, если нет (в лучшем качестве) – то коричнево-шоколадное, как их типичные куртки réclame, длина – 120 сантиметров, complètement croisé, а для этого – расширяющееся книзу, не прямое, с застежкой с самого боку, с большими карманами (накладными) и широким поясом с «буфными» (наверху) рукавами с широкой проймой, чтобы Вам в нем было очень широко теперь 1) цену без подкладки 2) цену на самой теплой и прочной подкладке: entièrement doublé [1686] (и рукава). Как только получу ответ (и doublé и non doublé), [1687] тотчас же перевожу Вам деньги, а Вы – тотчас же заказываете.

Темно-коричневое (только не зеленоватое, не оливковое) мне бы милее, п. ч. менее маркое и менее заметное, но самое важное – качество: хочу – лучшее, т. е. самое плотное, п. ч. на долгие годы.

(Воротник прямой, достаточно широкий, чтобы можно было наложить мех.)

Так как оно будет complètement croisé, то revers [1688] получатся огромные и нужно их сделать двойными, как и полагается, чтобы можно было носить и в открытом виде, с шарфом. Запахиваться оно должно совсем, т. е. нижние полá почти до боковой косточки. И пояс – очень широкий, с большой пряжкой (скромной, прочной, лучше – кожаной, м. б. – подыщите?)

Вот и все пока.

Обнимаю Вас и очень жду ответа, ибо если немисливо или слишком уж дорого – буду

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
искать здесь в occasions, [1689] но предпочла бы – конечно – новое.

Очень жду весточки.

МЦ.

P. S. Посмотрите еще, какой материал меньше мнется?

14-го марта 1938 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Дорогая Ариадна!

С деньгами вышла задержка: будут на самых днях, так что – если можете – дайте пока свои на задаток (без задатку навряд ли возьмутся делать), а я тотчас же по получении вышлю всю сумму, т. е. через несколько дней.

Посылаю выбранный образчик: материя и цвет – чудные, c'est le rêve. [1690]

Еще одна подробность: у меня очень широкая спина – и плечи – поэтому и проймы нужны большие: мужские, это не моя фантазия: плечи и спина у меня явные 46, поэтому никогда ничего не могу купить готового. Нужно, чтобы в плечах, спине и пройме Вам было слишком широко. Посылаю (м. б. не нужны?) мои размеры на платье, пусть уж сами сообразят сколько нужно прибавить на толстое пальто, учитывая ватин и прочее [1691] (NB! Размеры – потеряла.)

Еще одна деталь: если пальто совсем прямое, оно внизу всегда расходится, т. е. полный запах не удастся: нужно, чтобы оно книзу расширилось.

Хорошо бы получить от них, на всякий случай, сколько-нибудь материи – на берет, или м. б. придется что-нибудь вставить, думаю – на небольшой кусок на таможе не обратят внимания.

Пояс бы мне хотелось очень широкий, с большой пряжкой (скромной) и скромные пуговицы – м. б. Вы всё это сами выберете или хотя бы – посмотрите?

Помните, что застежка – с самого краю – такие пальто бывают (когда оно раскрыто – получаются огромные отвороты).

Значит, синее, по данному образчику. А если у Вас сейчас денег на задаток нет, ждите моего перевода, – авось успеем!

Обнимаю Вас и бесконечно радуюсь встрече. Вы – наверное будете к 1-му? Жду весточки.

МЦ.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приписка на полях:

P. S. Талью и бока можно делать по Вашим: они у меня – нормальны: «ненормальны»
спина и плечи – и проймы.

9-го апреля 1938 г.

Суббота. 4 ч.

65, Rue J. V. Potin Vanves (Seine)

Дорогая Ариадна! Страшно счастлива Вашим письмом.[1692]

Весь понедельник буду дома – ждать Вашего рпеу: я непременно – хотя бы на
вокзале – впрочем, Вы едете на автомобиле, так: у автомобиля хочу с Вами
повидаться еще раз, только сообщите точный адрес отъезда /стоянки и час: я же
должна передать подарок Вашему сыну,[1693] который тогда – потеряла (не забыла!)
а нынче, роясь в недрах ларя – нашла.

Попросите брата приехать за Тьером[1694] (огромное спасибо: чудно!) в четверг,
до завтрака, т. е. до 1 ч. – с утра – а если не может – пусть известит когда
будет, на авось не едет, меня часто не бывает дома. Я уже к нему хорошо отношусь
и его отлично помню. Хорошенько объясните ему местонахождение J. V. Potin и вид
дома – чтобы не испугался. Всё это – на случай, если не увидимся в понедельник,
но хочу увидеться. Обнимаю Вас и жду зова, сердечный привет от Мура.

МЦ.

19-го апреля 1938 г., вторник

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Это не письмо – записочка.

Я не знаю, что мне делать с Тьером: Ваш брат за ним в четверг не явился и ничего
не ответил мне на письмо, отправленное мною давным-давно, еще до получения
Вашего, в котором я прошу его – если четверг не подходит – самого назначить мне
день и час. И вот – с тех пор уже неделя – ни звука.

Писала я по адресу: 91, Rue Erlanger, 16eme[1695]

Вторично писать – не решаюсь: м. б. он раздумал, и с моей стороны выйдет
навязчивость?

Но я бы всё-таки очень хотела знать, берет ли он, или не берет – п. ч. Тьер один
из основных моих продажных «козырей».

Надеюсь, что Люсьен поправляется. А высказываться насчет встреч или не-встреч, писем или молчания – во-первых, события меня уже опередили, во-вторых – меня слушать нельзя: я всегда – в этих вещах – намеренно и почти что злонамеренно – себе вредила – если такое можно назвать – вредом.

Испытывала другого (степень его приверженности) испытывала себя (степень своей от-верженности, т. е. отрешенности), громоздила горы и разливала моря между тем и мной – и в конце концов (очень быстро) – теряла.

Меня слушать – нельзя. Можно – когда дело уже потеряно.

Нет, Ариадна, не дай Вам Бог в этом быть похожей на меня! (А наверное – похожи, ибо нет сходства не по всем фронтам.)

Я в любви умела только одно: дико страдать – и петь. Даже не ждать – как Ахматова: «Только пела и ждала». [1696] Я одно вообще не умела – жить. А так как Вы налаживаете – жизнь... (Я всегда всякую жизнь – разлаживала, о, не чужую: только свою – с другим. А любить я умела – как никто, и никто об этом не узнал! И уже не узнает: я недаром не крашу волос...)

Ну, кончаю, обнимаю, жду весточки – и совета: как же мне быть с Тьером? И сообщите мне, пожалуйста, имя-отчество брата, я не совсем уверена в Вашем: Георгиевна? Вы, конечно, не рассердитесь, для меня Вы – имя.

Любящая Вас и сопутствующая Вам по всем путям

М.

Очень жду вестей про здоровье Веры.

5-го мая 1938 г., среда

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна!

Простите, что не приветствовала Вас на Пасху, но я о Вас думала. Я страшно занята правкой своих оттисков – всё это лежало и ждало – и дождалось. Иных – по 8 экземпляров, т. е. одну опечатку нужно исправлять 8 раз, а опечаток – груды: кишит! Живу в кухне, где единственный большой стол, с которого изгнала всё кухонное, – живу между (вашим!) продовольственным ящиком – и рукописным – и все время ими ошибаюсь и всё время о них ударяюсь.

Как только поправлю – последний, отберу по одному экземпляру) в отдельный пакет – с надписью Ариадна. Верю, что Вы – сохраните.

Тьер всё еще лежит и от Льва Эмилиевича – ни звука. М. б. он потерял мой адрес?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Или – раздумал? Тревожусь. А запросить – не решаюсь, тем более, что (не дай Бог!) он, может быть, серьезно – болен, а я тут – с Тьером!..

Словом, Тьер лежит – и ждет.

Продаю еще свой трехтомный (полный) словарь Даля и два тома (очень редких!) писем русских царей и цариц – всё это в отличном виде. Может быть запросите кого-нибудь из своего окружения?

Письма очень эффектны для библиотеки, в отличных переплетах (кожаный корешок, золотое тиснение). Собственно – 4 тома, но переплетены в два.

ПИСЬМА РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ И ДРУГИХ ОСОБ ЦАРСКОГО СЕМЕЙСТВА (изданы Комиссией печатания Государственных грамот при Московском) Главном Архиве Иностранных дел)

Москва, 1861 г.

– много факсимиле. Начинаются письмами Петра к Екатерине, кончаются Анной Иоанновной. [1697]

Их мне когда-то подарила Е. А. Извольская, дочь посла. Мечтаю получить за них 100 фр. – сто́ят.

Мечтаю (совсем уже по-другому!) о Вашем приезде. – Когда? – Если на 2 дня: первый – вместе за город, второй – непременно – на какой-нибудь чудный фильм: есть – чудные.

Как здоровье Веры? Как здоровье Lucien? Пишите про себя и него, верю, что всё хорошо – и будет хорошо.

Простите за короткое письмо: ждут очередных восемь оттисков с восьмижды восемью опечатками – на каждый. [1698]

Погода, кажется, исправляется, к Вашему приезду будет лето.

Жду весточки и обнимаю

МЦ.

P. S. Прилагаю бельгийскую марку. Вашу же, на которую не попало штемпеля: подклейте бумажным клеем – и вновь наклейте – мне же!

21-го мая 1938 г., суббота

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Ариадна!

Отчего молчите? Надеюсь, все Ваши (Lucien включая) – здоровы?

А если не пишете – из-за Тьера, который все лежит и лежит и о котором никто не спрашивает – Ариадна! не сто́ит ставить между нами – хотя бы книги! Книжки должны сблизать, а не рознить, и я знаю, что Вы все сделали, чтобы мне помочь, а дальше – не наша воля.

Я – всё то же, с той разницей, что часть вещей продала (конечно за гроши, но я ведь не коммерсант – с чувством великого облегчения:

выбыли моя громадная кровать, зеркальный шкаф и огромный дубовый стол, и еще другое предполагается. Я – ГОЛЕЮ.

Сейчас галопом переписываю стихи и поэмы за 16 лет, разбросанные по журналам и тетрадям, в отдельную книжку – и просто от стола не встаю.

Поэтому – кончаю, и обнимаю Вас, и прошу писать!

МЦ.

Очень надеюсь, что у Вас всё хорошо.

Сердечный привет Люсьену.

27-го мая 1938 г., пятница

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна,

Наконец-то! И письмо, и весть быстрого приезда, только – непременно предупредите, когда у меня будете: все утра я занята рукописями, а после завтрака часто ухожу по неотложным делам, из коих неотложнейшее – зубной врач. Так что мне непременно нужно знать, заранее. Второе – умоляю! – если не можете известить ещё из Брюсселя, дайте мне тотчас же по приезде, еще с вокзала – рнеи, с Вашими предложениями, – только не телефон, с которым я не умею обращаться, который – если мне даже дают трубку в руку – для меня ужасное событие, не считая того, что наша почта (ванвская) от нас – далёко, и я каждый раз забываю дорогу – и плутаю – а Мур не всегда свободен (учительница). Телефон для меня – катастрофа, а рнеи приходит тотчас же. Только не забудьте, для ответа. Ваш адрес, я его, конечно, забыла.

Ах! были бы деньги – проехали бы с вами в шартр! Ведь это – близко, и никогда не виданно...

Самое лучшее – если бы Вы могли выбрать день и час ещё из Брюсселя, тогда бы у меня было время пристроить Мура – всё так сложно – но если бы (в случае хорошей

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
погоды) – в Версаль (вместо Шартра!) – мы могли бы взять его с собой, он не
слушает – или думает о своем.

Слѳвом, на Ваше усмотрение.

Только – умоляю – не телефон! и очень прошу – не забудьте дать Ваш адрес: у меня
в памяти Boulevard Exelmans, [1699] а номер – улетучился.

Обнимаю и жду

МЦ.

Свободна я только от 2 ч., но сейчас дни – длинные!

Можно, если на Версаль мало будет времени, просто в наш лес – 5–7 минут на
автобусе. Только будьте на не слишком высоких каблуках: лес – в гору.

А лес – чудесный! Только бы дождя не было...

Словом – жду.

15-го июня 1938 г.

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

15-го мая[1700] июня 1938 г., среда NB! если бы – мая!

Дорогая Ариадна! Это уже не жизнь – только рукописи. Рукописи, черновики,
выписки из записных книжек с 1926 г., корректура оттисков, вся ежедневная работа
за 16 лет, – всё это меня перерастает, «как будто тихие волны сомкнулись над её
головой» (знаменитое место у Тургенева в Дворянском Гнезде: Лиза), не тихие
волны, а волны – Тихого! Всё это – судорожно, в явном сознании, что не успею:

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею..
Время крадется как тать –
Я дописать не успею.
(Андрей Шенье. Стихи 1918 г., а как сбылось – в 1938 г.)

Поймите, что я половину написанного не могу взять с собой, поэтому оставляемое
(нужно думать – навсегда: покидаемое) должна оставить в порядке. Над этим и
бьюсь – три месяца. А нужен – год. Уже с 6 ч. сию, но нужен – покой, его у меня
нет, вместо него – страх.

А всё было готово: и Тьер, и Письма Государей, и все оттиски моих вещей для Вас,
Страница 509

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и Вы бы м. б. еще Письма и оттиски – получили, но даты на рпеu не было и сегодня могло быть – вчера, п. ч. рпеu получила очень рано, и отправлено оно было из Courbevoie. Очевидно Вы вечером были у Гартманов, там написали, а они с утра опустили. Словом, я на авось (в утро получения рпеu) повезла и 2 тома Писем, и пакет с оттисками, и целое утро их таскала по Парижу – были дела – но в конце концов, устав, отчаялась, уверенная, что Вы уехали накануне. Так и разминулись.

От брата – по поводу Тьера – ни слуху ни духу. Не скрою, что деньги за него бы меня очень выручили: я отдала бы и за сто фр., п. ч. иначе (везти нельзя) оставлю его у знакомых – на продажу, уже «посмертную», а из таких вещей никогда толк не выходит: журавль в небе! Но навязываться Льву Эмильевичу не могу.

Милая Ариадна, навряд ли еще увидимся: 12-го как раз мой переезд – сейчас еще не знаю куда, т. е. разгар переездного кошмара, и у меня не будет – ни секунды. До последней – буду распродавать мебель и укладывать книги. Бьюсь и буду биться – совершенно одна.

Но писать Вам буду до последнего дня. («А потом началось молчание». Цитирую себя, из конца своей Повести о Сонечке, который уже никогда не увидит света.)

Ариадна, мне бесконечно Вас жаль – с Люсьеном. Как себя бы. И – без бы – как себя. Ибо это моя история – с жизнью, с её неуловимой паутиной препятствий и коварств. Не сестра, а быт Вам Люсьена не дает. Весь твердокаменный быт старой Фландрии – и новой Бельгии. Все эти «молодые девушки, которых он достоин», но которые его недостойны, ибо это будет – любая, а он – единственный – быт, который слепая сестра принимает за любовь: свою – к брату. Быт, вообще, орудует – и держится – слепцами – и слепицами (а слепица – по-чешски – курица, с ударением на слé).

я бы Люсьена – у быта – не отстояла, ибо я и бытом и борьбою – брезгую, я бы уже отстранилась, как много, много раз отстранялась от того, что мне могло быть счастьем. Дай Бог, чтобы не отстранились – отстояли – Вы.

Обнимаю Вас, желаю покоя и здоровья. Жду весточки.

М.

20-го июня 1938 г., понедельник

Vanves (Seine)

65, rue J. V. Potin

Дорогая Ариадна!

Мур только что отправился к Вашим с двумя пакетами – всем, что я могла собрать из моего напечатанного – и Письмами русских Государей.

Но – самое главное – если Вы здесь до 17-го – увидимся ибо, неизбежно должна

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
буду где-то – на новом месте – быть – раз 15-го квартира кончается. (Скорее
всего – в каком-нибудь отельчике.)

И – еще самое главное – Ваши стихи.

Писать – будете, но – Вам нужно совсем отказаться от умственных слов,
единственных в дело не идущих – слов без тела, не – органических, только
понятие.

Tu n'es plus actuel[1701] – немыслимо, верьте!

Ти n'es plus aujourd'hui – tu deviens souvenir[1702] apathique[1703] – не
годится, ибо это только определение, официальное, – апатию нужно дать через
живое, через пример, так же – hors de mon influence[1704] – это слишком холодно,
так же intime[1705] – не годится, это нужно давать через образ, через предмет, а
не через определение, это не тот словарь. Самое лучшее место из всех стихов:

Les lettres du Prince Charmant
En khaki, là – bas, sous les annes![1706]
это полная (художественная) реальность – и неожиданность, хочется улыбнуться –
до чего хорошо! Еще хорошо:

Je vivais dans un (beau) château –
Je meurs dans une forteresse[1707]
– противопоставление двух вещей по той же линии. Но beau – слабо, ищите сильнее,
острее, непривычнее уху. Ищите среди односложных:

fier, – нехорошо, ибо и forteresse fière (еще – как!) gai – ничтожно, grand –
общё, нужно впечатление радости, неплохо – clair, ибо forteresse[1708] – темна,
но можно (убеждена!) найти и лучше. Но clair – неплохо: прочтите себе вслух.

Prose quotidienne – нехорошо, общее место, эти два слова сами – prose
quotidienne, lutte quotidienne – уже лучше, хотя тоже общё, здесь дело в
существительном – crève – неплохо, но не идет к общему тону стихов, (ca les fait
exploser) – хотя, в связи с rêves – неплохо (но всё же не советую). Хорошо было
бы – mort, возле этого и сказать, ибо здесь можно по двум дорогам: 1) либо вещь,
которая бывает каждый день (например, lutteguerre 2) либо вещь, которая бывает
только раз – mort[1709] – и всё-таки каждый день.

Ну, вот – пишу безумно наспех. Пришел налог, нужно собрать книги на продажу,
готовить обед, править очередные оттиски – я минутами отчаиваюсь – ибо время уже
не терпит

Пожелайте мне куражу!

Обнимаю

М.

Пишите Люсьену – но не отсылайте – бессмысленно. Вы когда-нибудь возьмете его
стихами – напечатанными. Он себя в них узнаёт. Такого возьмешь – только песней!

Приписка на полях:

P. S. Вам еще будут от меня подарки – прощальные.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Умилена – марками. Всесильный бог деталей – Всесильный бог любви...

P. S. Бедный Мур притащился обратно с пакетами. Вы 21 пишете как 91, и он искал 91-го, а такого совсем нет. И всё привез обратно. Теперь – попробуем – 21-го!

22-го июня 1938 г., среда

Vanves (Seine)

65, rue J. B. Potin

Дорогая Ариадна!

Не судьба: Мур вторично ездил с книгами и рукописями – на этот раз по номеру 21-му, который оказался – maison désaffectée depuis 30 ans[1710] – с ржавой решеткой и полной глухонемостью. Мур долго стоял и стучал – мимо ехал почтальон-негр – он-то его и утешил: faut pas frapper: personne viendra: personne depuis 30 ans.[1711]

А 91-го – как я Вам уже писала – вовсе не оказалось, ибо улица (Erlander, – был у нас в России – в Крыму – в Ялте – дивный парк Эрлангера, а на даче мы жили) кончается на 67-ом.

Слава Богу, что я еще не навязала Муру 2 – 3-х Тьеров, т. е. два-три пуда – он и так вернулся grognant et grondant[1712] – жара стоит удушающая.

Словом, пакеты лежат. Если сможете у меня быть еще 12-го – получите. И увидите – самый конец моего дома. Обнимаю Вас и даже не спрашиваю – что с номерами – я к таким вещам привыкла: j'en ai vu d'autres, вернее – je n'en ai pas vu d'autres:[1713] у меня целые города пропадали – не то, что номерá!

Буду рада получить от Вас весточку.

М.

11-го августа 1938 г., четверг.

Без адреса, потому что на днях будет новый: морской – но с числом.

Дорогая Ариадна,

Только что Ваше письмо и тотчас же отвечаю, – завтра уже не смогу: опять укладываться! – 15-го едем с Муром на океан – на 2–3 недели:

в окрестности Cabourg'a (Calvados) – 21/2 ч. езды от Парижа.

Бессмысленно ждать «у моря погоды» – не у моря, а у станции метро Maine d'Issy. А комната у моря – дешевле, чем в Исси. (Господи, как чудно было бы, если бы Вы туда ко мне приехали!! Там скалы, и ночная рыбная ловля: они бы – ловили, а мы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
бы – со скалы – глядели. А вдруг – сбудется?!)

Весь этот месяц доправляла свои неизбывные корректуры – и с собой везу («остатки сладки» – горьки!). Посылаю вам (в подарок) уцелевшую корректуру своей Поэмы Горы – самой моей любовной и одной из самых моих любимых и самых моих – мот вещей.

Это было – и гора и поэма – в 1923 г. – 1924 г., в Праге, а та гора была – один из пражских холмов. Мне до сих пор больно – читать. А видеть его – уже не больно, давно не больно. От любви уцелели только стихи.

Он – молодец и сейчас дерется в Республиканской Испании. [1714]

О другом: лёше [1715] написала сразу после Вашего отъезда – и ни звука – с моего же разрешения: «Если хотите дружить – будем, не хотите, не будем, сложно отвечать – не надо: со мной спокойно – и просторно».

Я совершенно на него не обижена и сохраню о нем лучшее воспоминание. Он – очаровательный, а это – в нашем бедном мире – много.

«petits et sales...» [1716]

Она это будет повторять – всю жизнь. [1717] И всю жизнь – будем надеяться – будет уходить из общей комнаты – в сон – с кем нравится – или одинокий. Мне очень нравится, что она выбрала себе в дружбу самую старшую: воспитательницу. Но кого она будет выбирать потом – когда старших не будет?! Ей останется только величие.

Чудная девочка. С уже – судьбой: уже – бедой.

О моих приятелях: [1718] он – очень хорош: широк, добр и (польское происхождение) весел, но – без культуры и, что еще хуже – целиком под её владычеством: куриным (оцените созвучие! а это – так). До замужества она что-то любила (природу, немецкие книги, стихи, меня), выйдя замуж (первым браком) стала любить – его, а сейчас – любит только себя, то есть: только-всего. А он – любит её (которая – ничто, но – властное и самоутверждающееся ничто). Когда Наташа была маленькая, [1719] она часами рассказывала – всем и каждому – про её (она заикается) «какашки» (ка-ка-ка-кашки!), и – изредка – про кашки (рисовая и манная). Безумно – обидчива – предупреждаю: любит визиты, туалеты, всё «светское» и – это уже мания – никто ей этих визитов в туалетах – не отдает, и она об этом – часами. Страшно мелка – во всем! С другой бы женой он стал бы – мог бы стать – настоящим человеком, ибо основное – grandezza [1720] – есть, не хватает культуры, а это – наживное, а эта его утопит в болоте – индефризблей, [1721] сервизов, трау-каров [1722] и «новинок» (читает только «новинки» – её слово). Дикая мешанка. А отец – замечательный. [1723] А мать – святая. [1724] Но так как она кусок моей молодости (познакомилась в 1922 г., в чудной чешской деревне) – кусок моей Поэмы Горы – и так как она когда-то очень трогательно и действительно меня – любила – я её всё-таки немножко люблю, хотя сейчас любить – совершенно нечего: некого.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Она очень ревнива (хотя любит – он) et le couve.[1725] Ревность к благополучию,
которого у нее не было ни дома, ни с первым мужем.

Умоляю это письмо или уничтожить – или хорошенько спрятать. Была бы катастрофа.

Итак – ждите весточки, уже скорой. Как жаль, что от Вас до меня – такая даль!
Что бы нашим океанам – сблизиться?!

Но та́ даль – от Вас до Люсьена – посерьезней: нет, от Люсьена – до Вас, ибо это
даль между слабостью и силой. Ну, будем надеяться... Больно, конечно, знаю это по
своей легкой боли – когда не отвечали...

Работайте – ходите – живите – а время сделает своё. (От меня до Petite Sainte
Thérèse – рукой подать. Приехали бы – пошли бы вместе.)

Целую и люблю.

М.

Приписка на полях:

Ради Бога, уберегите письмо от глаз!!

Сроки мои еще совершенно не известны: не раньше 15-го сентября, а м. б. и позже.
Увидимся?

18-го августа 1938 г., четверг

Dives-sur-Mer (Calvados) 8, rue du Nord

Дорогая Ариадна! Правда – дивное имя?[1726] Был у меня когда-то – ровно 20 лет
назад! – такой стих (кончавший стихотворение):

...Над разбитым Игорем плачет див[1727]

(Див – неведомое существо из Песни о Полку Игореве, думаю – полу-птица,
полу-душа...)

Наш Dives – полу-Guillaume-le-Conquérant,[1728] полу-рабочий поселок, с одним
домом во всю улицу и под разными нумерами (казенные квартиры для заводских
рабочих).

У нас с Муром большая светлая комната – в ней и готовлю – но мыться в ней
нельзя: ничего нет: нужно – в кухне, а в кухне – всё семейство: отец, мать и
четверо детей. Я нынче попросила хозяина выйти, он вышел – и тотчас же вошел, а
я мыла ноги, более или менее в рубашке, он – ничего, ну и я – ничего. Мне
показалось: он – не того, а он оказался: Ni-ki-tà: так его позвала хозяйка – и
оказался – русским, русским отцом четырех нормандских детей, ни звука не знающих
по-русски: за глаза старшего мальчика: непомерные, карие, жаровые (зачем ему

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
такие?!) – душу бы отдала.

Море – верста ходу. пляж – как все: слишком много народу и веселья: море на свой берег – непохоже. Мур с упоением играет с рабочим народом (малолетним, мужского пола) – и немножко отошел от своих газет. – Ехали через Lisieux, видели уж-жасный!! мавританский собор, думающий почтить память Св. Терезы, но и другое видели – монастырь, в глубине города, тот о котором она – сорок лет назад: – C'est le froid qui m'a tuée.[1729]

Городок гористый, прелестный.

Думаю пробыть здесь три недели, так что – надеюсь! – еще увидимся. Но этот раз будет – последний раз (О Боже, Боже, Боже! что я делаю?!)[1730]

Пишите. Это последний срок для родных голосов. Потом (как в моей Повести о Сонечке) началось молчание.

Получили ли мое предотъездное письмо, где я писала Вам о наших общих знакомых? Как Вам нравится (или не нравится) – девочка?[1731]

Между прочим, механическая страсть к стихам – как у матери.

– Ах, Люсьен, Люсьен! Всё понимающий и ничего не могущий. А не сделать ли ему переливание крови (вашей)? Обнимаю и жду весточки.

МЦ.

3-го сентября 1938 г., суббота

Dives-sur-Mer (Calvados)

8, Rue du Nord

Дорогая Ариадна!

Пишу Вам уже на Париж, ибо Вы написали: с 3-го по 10-е. Увы! неужели только по 10-е? Ибо я раньше 10-го не выеду, а м. б. даже позже. В Париже меня ждет страшный неуют и в первый же день – необходимость выписаться и прописаться, ибо я сейчас не живу нигде: комнату в Исси – конечно – оставила (т. е. – бросила), в прежнюю ли гостиницу въеду или «обоснуюсь» в Париже – еще не знаю, ничего не знаю о своем ближайшем будущем, знаю только, что такая жизнь-страшно не по мне и – думаю – ни по кому.

Остающуюся неделю употреблю на окончание разных работ, забранных. Боюсь, что в Париже у меня уже досуга не будет. Сделаю – что смогу.

Вторая часть Сонечки (моей последней большой работы здесь) – и еще ряд вещей

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
будут для Вас оставлены у Маргариты Николаевны Лебедевой – 18 bis, Rue
Denfert-Rochereau–на случай, если бы нам больше не пришлось увидеться.
Постараюсь успеть переписать для Вас ту вещь, которую мы вместе с вами правили
(мои «варианты») – в Булонском лесу – помните? Другая такая же вещь для Вас уже
переписана. Вы сами поймете, что надо будет беречь их от всех глаз.

Я давно уже не живу – потому что такая жизнь – не жизнь, а бесконечная оттяжка.
Приходится жить только нынешним днем – без права на завтра: без права на мечту о
нем! А я всегда, с 7-ми лет, жила – «перспективой» (мое детское слово, которое
мне представлялось в виде панорамы – тоже вещи из моего детства).

А «панорамы» – никакой. И – ненавижу гостиницу, в такой жизни для меня что-то –
позорное, – точно я другого не заслужила! Пусть изба (как годы было в Чехии!) –
но не «chambres meublées»![1732]

– Ну – вот.

В море купались – раз: было грязно, мягко и холодно. Но были чудные прогулки по
холмам и с далёким морем, с каждым шагом обретавшим всё свое величие. Были
старые фермы и старые деревья – и вечно-юная зелень с вечно-жующими коровами. И
хо-зйство – как везде и всегда. Видите: еще есть, а я уже говорю: было! Из
Парижа напишу сразу – дам адрес, которого еще нет.

Обнимаю Вас и всегда помню и люблю.

М.

Приписка на полях:

Если сразу ответите – Ваше письмо меня здесь еще застанет. Хочу знать про конец
Вашего лета, про Люлин коклюш (я знаю этот ужас!!) – про Ваши ближайшие планы,
про Вашу «панораму» – à défaut de la mienne...[1733]

Мур еще вырос и делит свой 24-часовой досуг между Mickey и Humanité. В
свободное от них время – велосипед. Но, несмотря на это «мне хорошо в его
большой тени» (стих, кажется, Ахматовой).[1734]

17-го сентября 1938 г.

32, Bd Pasteur Innova-hôtel, chambre 36 Paris

Дорогая Ариадна!

– Правда – ирония: Innova – hôtel? Две иронии: Innova и hôtel – мне, любящей
старые дома и, кажется, больше ничего – ибо в них все: и видения, и привидения,
и трава сквозь щели (пола) и луна сквозь щели (крыши)... – это письмо могло быть
написано сто лет назад – 1838! – оно и есть – сто лет назад – как наша дружба.

А Innova-hôtel – ich schenk es denen.[1735]

Большая комната и, если Мур не врет, в окне – церковь St. Germain d'Auxerrois',
а если даже врет – вообще церковь, старая, и уже в первое утро были похороны –
сплошь розовые: три автомобиля розовых венков – и ни одного белого!

В комнате – кроме башни с часами – бютагаз, и умывальник с горячей водою, но места для хозяйства нет – и оно всё на полу – в полной откровенности и беззащитности: от чужих глаз – и наших ног: – Мур, не наступи в кофе! Мур, ты кажется наступил в картошку!

Но – полная свобода: никто не заходит и не убирает, а так как метлы нет – то всюду, постепенно – сначала мутончики, а потом – мутоны, – стада мутонов – и даже с курдюками! – а я – пастух...

Пятый этаж, лифта, слава Богу, нет (безумно его боюсь, а был бы – пришлось бы ездить, наживая себе не порок, а разрыв сердца – от страха!) – ну, живем, ничего не зная и всего ожидая... Говорят (неопределенно) – через две недели, месяц, но это – разное, а кроме того – сейчас историческая единица времени – час и даже десять минут...

Но так как я ничего сделать не могу – ни в своей истории, ни в общей – переписываю от руки – как древле монахи – свое самое ценное, никогда не напечатанное (три вещи) [1736] – чтобы потом вручить – Вам – с просьбой не бросать – даже во время бомбардировки...

– Пишите о себе, о Люле, о Люсьене (оцените тождество начал – разницу концов!) – о многоядной – это мне страшно нравится! – Вере... Скоро пришлю Вам Мурины летние карточки, есть хорошие. Жду письмеца. Сейчас едем с Муром в Zoo de Vincennes [1737] – пока еще не ушли на «зимние квартиры»... Обнимаю.

М.

Приписка на полях:

Пишите мне Efron, и Efron – здесь Zvétaieff не знают.

10-го ноября 1938 г.

32, Bd Pasteur

Innova-Hôtel, chambre

36 Paris, 15me

Дорогая Ариадна!

Я сто лет Вам не писала, и Вы наверное думаете, что меня уже нет. Нет, я – есть, но есть только наполовину, в полном тумане своих и общих событий, дикоогорченная судьбой своей второй (а Муриной – настоящей) родины Чехии – и стольким другим!

О себе не знаю ничего, когда узнаю – будете знать Вы.

Живем, пока что, с Муром в гостинице, смотрим на башню с часами (символическими! но что – не символ??) читаю много хороших книг, прочла: Madame Curie – par Eve Curie – написано лучше нельзя, но сама Eve – по некоторым пробившимся черточкам – несимпатична, прочла Le Juif Süß (Jud Süß – Вы наверное знаете?)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
фейхтванглера, [1738] а сейчас читаю – в первый раз в жизни – полную Хижину дяди
Тома, и скажу, что это – отличная книга – мужественная – и вполне современная.
Все обиды – стары как мир.

Мур тоже висит в воздухе, т. е. не учится, но много читает и рисует и
феноменально – растёт: всё малó, из всего вырос, и я целые дни всё выпускаю и
надставляю.

Почти никого не видим, и к нам никто не ходит.

Пишите, дорогая Ариадна, о себе. Как дети? работа? Дружбы? Люсьен? Есть ли –
радость?

Не собираетесь ли в Париж? Тогда – будет (у меня, во всяком случае!)

Кончили ли тот большой перевод?

Пишете ли стихи?

Если да – пришлите.

Это – только оклик. Жду отклика.

А вдруг – мы вправду еще увидимся? У меня не было чувства последнего раза.

Целую Вас и жду.

МЦ.

1-го и 2-го, на родственных и дружеских могилах, [1739] много думала о Вашей Буте
– mit Wehmut [1740] (русского слова – нет) – вспоминала ее немецкие стихи про
качели – и все то чудное время – ах!

В ней жило что-то тайное и жаркое, она так крепко целовалась на прощание, точно
отчаивалась – сказать. Она наверное была бы поэтом.

26-го ноября 1938 г.

32, Bd Pasteur Innoval-Hôtel, chambre – 36 Paris, 15 me

Дорогая Ариадна,

Так – не надо и так – всё равно не удастся: это не Ваше (не наше) назначение в
жизни. Посмотрите на свое лицо – и прочтите. Мы с вами обречены на мужество.
Вертитесь как хотите, что-то в Вас не захочет: захочет – по-своему. Когда мне
говорят о моем «великом мужестве» – отрешенности – бесстрашии – я внутренне – а
иногда и внешне – смеюсь: ведь я на всё это – обречена: хочу – не хочу, и лучше
– хотеть:

согласиться. Quält Dich in tiefster Brust – Das harte Wort – Du musst – So macht Dich eins nur still – Das stoize Wort: ich will[1741] (детство – Freiburg im Weisgau[1742] – мною выбранный Spruch[1743]). Это и есть «воля к самому себе», вернее – вся пресловутая «воля к самому себе» есть только – согласие на самого себя: которого ты не выбирал – и может быть и не выбрал бы. Я всю жизнь завидовала: когда-то – простым «jeunes filles» – с женихами, слезами, придаными и т. д., потом – простым jeunes femmes[1744] – с простыми романами или даже без всяких – я всю жизнь завидовала – всем кто не я, сейчас (смешно, но это так) – особенно – Эльвире Попеско (моей любимой актрисе – из всех: не стыжусь сказать, что бегая за ней по всем кинематографам – окраин и не окраин) и – мы с ней одного возраста – сравните, пожалуйста: что – общего? Ничего, кроме моей зависти – и понимания. Больше скажу – в любви – чего я над собой не делала – чтобы меня любили – как люблю – то есть: бессмысленно и безумно – и – было ли хоть раз?? Нет. Ни часу. J'avais beau oublier qui j'étais (ce que j'étais!) – l'autre ne l'oubliait – jamais.[1745]

Другой пример: я год не писала стихов: ни строки: совершенно спокойно, то есть: строки приходили – и уходили: находили – и уходили: я не записывала и стихов не было. (Вы же пишете и знаете, что незаписанных стихов – нет, не только не записанных, но не написанных: что это – работа, да еще – какая!) И вот – чешские события, [1746] и я месяц и даже полтора – уклоняюсь: затыкаю те уши, не хочу: опять писать и мучиться (ибо это – мучение!) хочу с утра стирать и штопать: не быть! как не была – весь год – и – так как никто их не написал и не напишет – пришлось писать – мне. Чехия этого захотела, а не я: она меня выбрала: не я – ее. И написав почувствовала, что гора – с плеч, все ее отнятые горы – с моих плеч! – Не все: остается еще гора с первым в мире радиом – но у меня нет учебника, и никто не знает, как эту мою гору – зовут: одни говорят «Monts Métalliques» (Железные?), другие – отроги Riesengebirge (Крканов), для меня она – гора Кюри: Marie et Pierre Curie: ихняя. Написала в Чехию, чтобы узнать реальное имя – и вот – жду. (Что для меня Чехия – Вы отчасти знаете из моей Поэмы Горы: «Наравне с медвежьим рвом – И двенадцатью апостолами...» Пражский медвежий ров (с русскими медведями, привезенными легионерами из Сибири) – и пражские апостолы: чернокудрый Иоанн и рыжий Иуда – и еще десять – проплывающие вокруг башни – в полдень и в полночь... Но не только это – Чехия, а сколько – еще! Хотя бы – первый радий. И Гёте, приносящий с прогулки – камни... И Голём... И только двадцать лет свободы...[1747])

Возвращаюсь к Вам: с Вами, Ариадна, было и будет так же и то же, и начнется с нет: нет – малодушию, нет – страху, нет – косности, нет – всему, что Вам не дано – даже на подержание, даже – вприглядку. А с этими нет, с первыми нет – неизбежно придет первое да. Ведь вся моя Чехия – началась с нет, и какое получилось – да. (Для пояснения: с нет – всему, что с ней сделали!) Я почувствовала – как ни смешно – нужна защита. Не даром же вся та Прага в ночь с 20-го на 21-е сентября была – один крик: – «Нас – бросили! Нам не от кого ждать защиты!» И вот – старая басня:

Et s'il n'en reste qu'un – je serai celui-là.[1748]

И вот, французский генерал, перешедший на чешскую службу, одинокий офицер, не сдавший оружия: шесть пуль – куда попало, седьмую – в себя, несколько писателей и композиторов, Madame Joliot-Curie (вспомнила материнский радий!..) – несколько русских – бывших студентов чешского университета, плачущих, что – не удалось умереть за Чехию – и я. И это – мы. И только на такое мы – я согласна.

...Ариадна, я тоже хочу спать.

Und schlafen möcht ich, schlafen –
bis meine Zeit herum![1749]

но мне не дано спать, потому что этому сну нужно, чтобы кто-то его сказал. Как хочется спать Шамиссо – чтобы это сказать, а – не спал же: раз – сказал!

...Ариадна, с начавшимися дождями и всё отступающим и отступающим отъездом – точно все корабли ушли! все поезда ушли! – я с утра до вечера одно хочу: спать, не быть. Но – сто́ит мне войти в комнату, где люди (редко, но бывает), как я – с изумлением – вижу, что все спят – кроме меня – все, думающие, что живут – и миром правят. И уже слышу свой голос: – Нет. Не так. Неверно. Неправильно. Бессмысленно. Преступно. И – Господи! до чего – не сплю!

Точно я кому-то слово дала – не спать до того сна. Точно я не вправе – спать: физически спать, на постели. Когда я в детстве просыпалась – в 9 ч. – мне было стыдно, и так – всю жизнь. И сейчас, проспав случайно 8 ч. (не бывает – никогда) я – темнее тучи: точно сделала – гадость. Исключение – сны. Когда я вижу сны, т. е. – когда я их помню – я – горжусь, как никогда не гордилась в день окончания двухтысячестрочной вещи, – потому что сон – без моего участия, сам, данный, мне подаренный, чье-то внимание, доказательство, что чего-то – всё-таки – сто́ю...

...Чтобы закончить:
Всю жизнь хотел я быть как все,
Но мир – в своей красе –
Не слушал моего нытья
И быть хотел – как я
(Борис Пастернак). [1750]

– т. е. непрерывно мне доказывал – и навязывал – мое высокое назначение, в котором я – ни при чем.

Пишу Вам всё это – потому что Вы такая же как я. Не говорите нет. Да.

Ваше нынешнее состояние – естественно. Вы остались с полными руками, когда хотели – чтобы и рук не осталось! – Бывает – со мной было – всю жизнь. Разгадка в том, что – чтобы принять нужно меньшую полноту – и силу – чем дать. Иди Вы к человеку с пустыми (просящими) руками – как все – как все женщины – Ваша пустота была бы принята. Только боги не боятся даров. Встретьте – бога.

Вы узнаете его по неизбывной пустоте его приемлющих рук: по неизбывности его голода – на дар: сердечный жар. Бог есть – пожирающий. Сыты – только люди. Ваш Люсьен (как все мои Люсьены – их много – это – порода!) Вас – нас – обманули мнимыми голодом и жадой: Аидовым теням нужна была лишь капля живой крови: мы несли – всю свою!

Но нас с вами, Ариадна, узнают – по неизбывности дара, который кончается (ли?) – только с жизнью. Поэтому – Люсьены кончаются, мы – нет. Не ставьте себя с ним рядом: Вы – не он: Вы – его обратное. Поставьте его перед собой – как камень преткновения – о который Вы только – (еще лишний раз!) преткнулись – на пути своего дара – богам. Любите его, конечно, но как это конечно похоже на кончено, не потому что (и т. д. и – много так далее), а потому что Вы – Вы, а не Ваша улыбчивая соседка по квартире, которая дала бы ему – как раз в меру – своей скудости и его немощи.

Простите за резкость! Меня такие привидения – замучили, и всё-таки я их предпочитаю всем «реальным и нормальным».

не окончено и не отослано [1751]

МЦ

16-го января 1939 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Paris, 15me 32, Bd Pasteur, Hôtel Innova, chambre 36

С Новым Годом, дорогая Ариадна! Все поджидала от Вас весточки и начинаю серьезно тревожиться – почему молчите? Неужели – так плохо? Не забудьте, что скоро – весна, что день уже вырос на 20 минут, что скоро снимете – теплое и наденете – свежее (я всегда лечусь – такими вещами: зализываюсь!) – что вдруг – неожиданно – Вы приедете в Париж и мы снова окажемся с вами в каком-нибудь саду, на какой-нибудь скамейке – только нас и ждавшей... А может быть даже поедем в какой-нибудь спящий городок – с чудным названием вроде Mantes[1752] и с единственным событием: собором. А м. б. – просто в Версаль (где я не была – годы: не с кем! ни с кем не хочется) где встанем наверху большой лестницы, по которой спустимся к воде, на мое любимое (совсем не версальское!) бревно.

У меня нет ни одной настоящей дружбы–есть хорошие отношения – а Вы знаете как это вяло и мало.

Единственная фабула моей жизни (кроме книг) – кинематограф. Видели ли Вы – La femme du boulanger[1753] с Раиму[1754] и целой деревней – невинных сердцем? Для меня сама деревня – её стены и улочки и ворота – была бы фабулой, и я всегда удивляюсь, когда люди ищут – другой. Но для верности скажем – так: сосну я любила с такой же страстью, как другие человека, человека – avec le même détachement,[1755] как другие – сосну. И сосна всегда была довольна, человек – никогда.

Жду непременно и скоро от Вас письма – а то чувство, что пишу в пустоту. Я писала Вам последняя – большое письмо со всем, что я знаю об этой роковой породе. Писала – как себе: то, что всю жизнь себе говорила.

Если не читали – прочтите Rosamond Lehmann[1756] – Poussière (Dusty Answer)[1757] – она о нас – я них. Очень прошу! (Poussière – издательство Feux Croisés).

До свидания! Обижусь, если не откликнитесь. Обнимаю Вас и детей.

МЦ.

18-го марта 1939 г., суббота

Paris, 15me

32, Bd Pasteur,

Hôtel Innova, chambre 36

Дорогая Ариадна,

Всё дошло – и большое письмо, и недавнее маленькое – и прелестные летящие Качели!

Бесконечно радуюсь Вашему приезду (тьфу, тьфу, не сглазить!) – если будет. дай Бог, чтобы были хорошие дни – Вы у меня связаны с летом, даже весной: первой травой. Ариадна, непременно поедем в Версаль, в Трианоны,[1758] в тот – заросший и бедноватый, где еще живы – дети:[1759] маленький мальчик и большая девочка,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
точно эта бедность и непосещаемость и одновременная роскошь – всего разросшегося – их – сохранила. Это – сновиденное место, нам там хорошо будет...

О себе: всё то же: между небом и землей. Много читаю, пишу – мало (но никогда – вяло), вокруг – много бед – концы жизней – люди одного поколения уходят сразу – точно сговорившись.

И новый удар – моя Чехия![1760] Когда в газете вижу – Прага – дрожу с ног до головы – точно тот по мне в нее вошел. Чехия для меня не только вопрос справедливости, но моя живая любовь, сейчас – живая рана. В ней – на её холмах – вдоль её ручьев – прошла моя лучшая молодость, я ей бесконечно благодарна. В жизни я привыкла – благодарить через край – за самое малое! – заливать благодарностью, на ней – сгорать, а здесь я ничего не могу, в первый раз – ничего не могу, ничего – за всё добро. «Там, где рябина – Краше Давида-Царя...»[1761]

Когда приедете, я Вам покажу своего Рыцаря – добывшего Праге герб: двухвостого льва. Я его получила – в последнюю минуту – последний снимок, который мне, обыскав всю Прагу, достали где-то на окраине. У меня в Праге давнишний друг – пожилая женщина, чешка, до 12-ти лет жившая в Москве, а потом жившая у лесника – деда – и с бабушкой вязавшая кружева при луне – жалели свеч... Переводчица В. Соловьева, Бердяева, лучших русских... Что с ней?? Она своей Чехией – жила... И написать нельзя. Пошлю открытку – с картинкой – и: обнимаю.

А когда-то, в 1870 г., Чехия, тогда – Богемия, – протестовала против присоединения Эльзаса-Лотарингии! Одна, маленькая, съеденная Австрией – заступилась за Францию!..

– Ох!–

Милая Ариадна, счастлива, что скоро Вас увижу – у меня почти никого не осталось, всё – рассосалось, люди сначала (как упыри!) жили моим отъездом, а когда он затянулся – отпали.

Но до отъезда непременно напишите мне, чтобы я наверное знала и твердо радовалась.

Целую Вас и всегда люблю.

МЦ.

Paris, 15eme

32, Bd Pasteur

30-го мая 1939 г., вторник

Дорогая Ариадна! Наконец нашла Ваш адрес – получили ли Вы мою недавнюю открытку по старому с «*prière de faire suivre*»? [1762] м. б. мы с Муром очень скоро уедем в деревню на всё лето, [1763] так что м. б. на этот раз не увидимся – большая просьба, к которой отнеситесь внимательно, и адрес сразу перепишите в надёжное место: Вас у М. Н. Лебедевой ждет от меня пакет, который Вам всячески поручаю

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (тетради и письма и м. б. рукописи). Тотчас же по приезде, а лучше еще из Брюсселя напишите Маргарите Николаевне Лебедевой, когда зайдете за моим пакетом, она дома к вечеру, так лучше – к 7 ч. вечера, но непременно предупредив заранее.

Адрес ее: Mme Lebedeff

18 bis, rue Denfert-Rochereau

Paris, 5eme (ближайшее метро – Raspail – запомните!)

Приписка на полях:

Очень старый дом, вход в ворота и сразу лестница направо, бывший монастырь. Второй этаж, дверь направо, звонок на шнурке, звоните сильно. Она Вам всё передаст. Она очаровательный человек и мой большой и долголетний друг. Не потеряйте ее адреса, тотчас же перепишите, это для меня крайне важно. В пакете – все мои стихи к Чехии, Вы их еще не знаете, я их страшно (как чужие!) люблю.

Хорошо бы если бы Вы на мою открытку мне ответили – молниеносно, мне было бы спокойнее. Кончаю, обнимаю, как- только что-нибудь буду знать – сообщу. А сама жду – Вашего отклика.

МЦ.

P. S. (Жалко оставлять пустое место.) [1764] Стихи получила давно [1765] – спасибо за них. Найду минутку – напишу подробно. Письмо – грустное: не надо! всё впереди. Вы любите породу, а не отдельного, а они еще есть. (NB! не «породу» как сэн-бернара или графа, а именно эту породу людей (нелюдей!))

Обнимаю Вас – жалко, если на этот раз не увидимся. Пишите скорее и перепишите адрес!

М.

7-го июня 1939 г.

Дорогая Ариадна! (Уже красным чернилом!) [1766] Маковку нельзя, п. ч. она круглая, т. е. макушку нельзя, возьмите – верхушку: она всегда острая. – У нас – еще хуже – пекло, знаю это по другим, но сама ничего не чувствую: нынче не ела 24 часа и все дни сплю по 4 ч. – да и то не сон, недавно заснула поперек кровати и проснулась оттого, что на голову свалилась целая вешалка с платьем (решившим, что мне – пора вставать: ее укладывать!)

(Пишу вздор.)

Икону отнесла к Лебедевым, надпись неожиданная – вроде слов Сивиллы – до нее нужно читать: «Всё это так чудесно вышло...», Ируся Лебедева отнесет к Вашей маме сразу после экзаменов. (Я тоже держу экзамены, нет: один, но – какой!)

Адрес выучила наизусть и подам голос как только смогу.

Желаю Вам – счастья: того, чего никогда не желала себе. И оно – будет! Детям –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
здоровья и радовать маму. Обнимаю.

М.

Желаю Вам сына. И он – будет. (Это и будет – счастье!)

Спасибо за всё. За все сады! Это и есть – всякие сады Семирамиды! Пишите стихи!

Спасибо за Мура, Вы сразу его поняли.

P. S. Думайте обо мне каждый день – с 10-го по 15-ое.

Буду думать о Вас в каждой зелени, на каждой воле, и всё передам – тем полям! И на новый год буду думать... Когда не буду??

Не забуду.

12-го июня 1939 г., понедельник

Дорогая Ариадна,

Нынче едем – пишу рано утром – Мур еще спит – и я разбужена самым верным из будильников – сердцем. (А настоящий уложила: чтобы не забыть. NB! Зачем мне будильники?? Так, например, у художницы Гончаровой пылесос, на моих глазах, оброс пылью, и она его, как толстого грязного спящего змея – обходила.) – Последнее парижское утро. Прочтите в моем Перекопе (хорошо бы его отпечатать на хорошей бумаге, та – прах! только никому не давать с рук и лучше не показывать) главку – Канун, как те, уходя, в последний раз оглядывают землянку... «Осколки жития Солдатского»...[1767]

– Так и я. –

Пользуюсь (гнусный глагол!) ранним часом, чтобы побыть с Вами. Оставляю Вам у М. Н. Лебедевой (ее дочь Ируся обещала занести к Вашей маме) – мою икону, два старых Croix Lorraine (Et Jehanne, la bonne Lorraine qu'Anglais brûlèrent à Rouen...) [1768] для веры и Люли, и георгиевскую ленточку – привяжите к иконе, или заложите в Перекоп. Вам будет еще моя поэма Крысолов, но за ней зайдите к М. Н. Лебедевой в первый приезд, п. ч. ее еще там нет. Непременно зайдите к М. Н. Лебедевой – предупредив.

Всегда знайте адрес Лебедевых (они могут через год уехать в Америку) и всегда сообщайте им все, что будете обо мне знать – им я писать наверняка не смогу. Если буду Вам писать, буду называть ее (Маргариту Николаевну – Маша.

Едем без проводов: как Мур говорит – «ni fleurs ni couronnes», [1769] – как собаки – как грустно (и грубо) говорю я. Не позволили, но мои близкие друзья знают – и внутренне провожают.

Знаю, что и Вы незримо будете нынче стоять на пристани. [1770] Пока о моем отъезде – никому. Пока сами не заговорят. Обнимаю Вас, за всё благодарю, желаю счастья.

М.

Приписка на полях:

Детей обнимаю.

ТИХОНОВУ Н. С
6-го июля 1935 г., суббота

La Faviere, par Bonnes (var)

Villa Wrangel

Милый Тихонов,

Мне страшно жаль, что не удалось с Вами проститься. У меня от нашей короткой встречи осталось чудное чувство. Я уже писала Борису: [1771] Вы мне предстали идущим навстречу – как мост, и – как мост заставляющим идти в своем направлении. (Ибо другого – нет. На то и мост.)

Что Вам этот край – по сердцу и по силам – я верю и вижу. Вы сам – этот край. Факт своего края, а не свидетельство о нем. Вы сам – тот мост – из тех; что сейчас так много строят. Видите – начав с иносказательного моста, кончила – достоверным, и рада, как всему, – что – само.

С Вами – свидимся.

От Бориса у меня смутное чувство. Он для меня труден тем, что все, что для меня – право, для него – его, Борисин, порок, болезнь.

Как мне – тогда (Вас, впрочем, не было, – тогда и слез не было бы) – на слезы: – Почему ты плачешь? – Я не плачу, это глаза плачут. – Если я сейчас не плачу, то потому, что решил всячески удерживаться от истерии и неврастения. (Я так удивилась – что тут же перестала плакать.) – Ты – полюбишь колхозы!

...В ответ на слезы мне – «Колхозы»,

В ответ на чувства мне – «Челюскин»!

Словом, Борис в мужественной роли Базарова, а я – тех старичков – кладбищенских.

А плакала я потому, что Борис, лучший лирический поэт нашего времени, на моих глазах предавал лирику, называя всего себя и все в себе – болезнью. (Пусть – «высокой». [1772] Но он и этого не сказал. Не сказал также, что эта болезнь ему дороже здоровья и, вообще – дороже, – реже и дороже радия. Это, ведь, мое единственное убеждение: убежденность.)

Ну – вот.

Рада буду, если напишете, но если не захочется или не сможется – тоже пойму.

МЦ.

А орфография – в порядке приверженности к своему до-семилетию: после 7 лет ничего не полюбила. [1773]

Большинство эмиграции давно перешло на е. Это ей не помогло.

ОБРИ ОКТАВУ
1935 г.

Месье, это письмо было начато давно – в марте, когда я в первый раз прочла Вашего «Наполеона на острове Святой Елены». [1774] Я купила его в маленькой книжной лавке, где Ваш «Наполеон» почти безраздельно царил на витрине, затмевая все прочие редкости. Сколько раз я собиралась...

Месье, Вы за или против Гаспара Хаузера? [1775] За или против легенды о нем? (ибо и легенда, и Вассерман, воспевающий его как поэт, – за него). Я спрашиваю потому, что люблю Вас – за исключительное благородство Вашего «Наполеона на Святой Елене» – и потому, что я Вам верю – и именно потому, что я Вас люблю и верю Вам, я не хочу читать Вашего «Гаспара Хаузера», [1776] если Вы против него. И причина лежит даже глубже: любя Вас и любя Якоба Вассермана, я остаюсь самой собой; я люблю Вас обоих за то же самое и посредством того же самого, [1777] что есть душа (единственное слово на всех языках, которое не нуждается в пояснениях, в прилагательных) и посредством того же самого, что есть душа, – и я не хочу разрываться, не допускаю, чтобы два человека одной породы – лирической (единственной, которую я чту и к которой имею честь, счастье и несчастье принадлежать – со всеми потрохами) – могли бы думать – нет, чувствовать по-разному применительно к одному и тому же, к явно одной и той же идее. Весь мир – Вы должны это знать, и Вы наверняка знаете, – разделен на два лагеря: поэты и все остальные, неважно, кто эти все: буржуа, коммерсанты, ученые, люди действия или даже писатели. Только на два лагеря: и Вы, Ваш «Наполеон на Святой Елене», герцог Рейхштадтский, [1778] Гаспар Хаузер, Вассерман и я, пишущая Вам эти строки, принадлежат к одному лагерю. Мы защищаем одну и ту же идею – самим фактом своего существования. Поэтому поймите: как больно мне было бы осознать, что в этом лагере Великих Одиноких налицо разлад. Что, любя герцога Рейхштадтского, можно не любить Гаспара Хаузера; что Вассерман любил своего героя, а Октав Обри способен был бы этим пренебречь. На определенном высоком уровне уже нет ни имен собственных, ни конкретных адресатов. И герцог Рейхштадтский, и Гаспар Хаузер – это один и тот же вечный королевский сын, наследник без наследства, и у каждого свой вечный Верный Слуга, как Вы, как Вассерман Орфей, Р.-М. Рильке, все лирические поэты. Вы не обиделись на эти слова? Ведь имена – верхний слой, шелуха. Вся история – игра с участием всего нескольких персонажей; они всегда одни и те же, и они больше, чем принципы, – они стихийные силы стихии принципов. Герцог Рейхштадтский и Прокеш [1779] – это же Давид и Ионафан. [1780] И я нашла наконец слово: Вы пишете миф.

Когда я читала Вашего «Римского короля» [1781] (ту часть, которая о герцоге Рейхштадтском), мне столько раз приходила в голову мысль: вот кто должен был бы написать историю Гаспара Хаузера – и можете себе представить мое потрясение изумление, удивление, когда я узнала, что эта история, оказывается, уже написана, что Вы до этого «додумались» раньше, чем я! И так, все говорит за то, что Вы должны быть на стороне этого странного Гаспара Хаузера (это и моя любовь – звучит глупо, но другого слова все равно нет).

Это как чудо: было желание без надежды на исполнение – и вдруг оно осуществляется, уже осуществилось! И какая была бы обида, какая насмешка, если бы и правда все сошлось – кроме Вашего отношения к герою.

Я читаю у Вас о герцоге Рейхштадтском и думаю...

– Я ведь историк, и поэтому...

– Да, Вы историк. Вы и историк тоже, но Вы гораздо больше, чем историк. Историки пишут историю, а вы пишете судьбы, души. Вы – настоящий поэт. Поэт во всем, вплоть до удивительной смелости языка ... Вас увлекают, ведут за собой ритм, интонация – да Вы это и сами знаете.

Я многое могла бы Вам сказать по поводу «Наполеона». (Но первое письмо не должно быть чересчур длинным. Я не пишу Вам, я Вас окликаю, как окликали когда-то паромщика.) По поводу «Наполеона», которого я еще раз прочла и еще раз увидела: это одна из трех книг, которые я взяла с собой на море, чтобы прожить их за лето – как бы ни повернулась жизнь – прожить именно их.

В Вашем случае хочется сказать: в документе иногда больше поэзии, чем в поэзии. Будучи точным в фактах, Вы безграничны во взглядах выводах/мнениях, в способности видеть. И тем самым вырастаете до настоящего поэта. Ибо поэт, милый Октав Обри, это прежде всего точность, безошибочность видения. Он никогда не искажает естество факта, он воссоздает его истинную природу. Шиллер, приписав Жанне влюбленность в Дюнуа, [1782] поступил не как поэт, а как автор авантюрного романа. Напротив, маленький Том из одной очаровательной английской книжки поступил как истинный поэт, когда написал в своем школьном сочинении такую фразу: «Дул ветер; ива подметала ветками землю». И, написав ее, специально прошел двенадцать миль до первой ивы, чтобы убедиться, что ее ветки на ветру действительно достают до земли. Вот и Вы – такой маленький Том: недаром Вы поехали на Святую Елену – своими глазами увидеть то, что Вы знали и так от рождения. Все сходится, включая иву.

Вам, Октав Обри, – все права.

Мне очень понравился и Ж. Ленотр [1783] (хотя он меня немало удивил и огорчил неблагоприятными высказываниями о Германии. Он писал это, правда, во время войны, но по мне это его не извиняет, а наоборот – обвиняет. Но не в этом дело). И так, Ж. Ленотр мне понравился, но я знала, что он далеко не молод и вряд ли обрадуется какому-то новому голосу. А Вас, Октав Обри, я представляю себе еще молодым (и восприимчивым) – и думаю, что у Вас есть достаточно мужества для того, чтобы принять благодарность полной мерой и даже с избытком.

Я чувствую, что говорю Вам слишком много, но чрезмерность всегда определяла мой внутренний мир.

В. А. А. [1784]

Середина 1930-х гг.

... Поэт: определенный духовный строй и определенный словесный дар.

Поэт: определенный духовный строй, осуществляющийся только в слове (певчем).

Поэт без стихов (т. е. только духовный строй) – не поэт. Стихи без поэта (т. е. голый словесный дар) – просто рифмованные строки.

Можно ли быть поэтом «в душе»? А музыкантом? А живописцем? А инженером? Что бы вы сказали об инженере, строящем «мост в душе»? О летчике – в душе – летающем? Если ты инженер – строй, либо ты не инженер, а мечта об инженере.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

У поэта нет других путей к постижению жизни кроме слова, этим он отличается от не-поэта, у которого – все (кроме)... неразб. Называя – постигает. А вот вам живая запись (внезапное озарение, в которое верю) – живая, ибо внезапная, ибо о вещи не думала – на полях же этой тетради:

Я ВЕЩЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОНИМАЮ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ СЛОВО (СОБСТВЕННОЕ).

Слово для поэта совершенно самостоятельная единица ценности. Не звук (иначе бы нас удовлетворяло и – а – о, и др.), а данный звук, соответствующий данному смыслу. Ища слова, поэт ищет смысла.

Поэт неизбежно терпит крах на всех других путях осуществления. Привычный, приученный (собой же) к абсолюту, он требует от жизни то, чего она дать не может, ибо она то, из чего, а не то, что. Впрочем, бывают поэты-двоеженцы: Гёте, например, Тютчев, сумевшие совместить. Но они были не только поэтами, м. б. и больше, Гёте – неизмеримо больше.

Поэт не самое большее, что есть, т. е. – самая высшая ступень на лестнице ремесла, и самая низшая от точки, где ремесла полагаются. Ибо молитва (святость) не ремесло, а стихи – все-таки ремесло. Artisan du chant – вот что, в конце концов, поэт. Мастер певчего слова.

Еще. Область поэта – душа. Вся душа. Над душой – дух, не нуждающийся в поэтах, если нуждающийся – в пророках. Пророчество в поэте как соприсутствие, не как сущность – как поэзия в пророке. «Какие большие поэты пророки», так говоря – пророка снижаете. «Какие большие пророки – поэты», так говоря – поэта возвеличиваете.

Слово «поэзия» вообще возвеличено и затуманено. Почему вы лучшее в человеке и в мире называете «поэзией» (иные – «музыкой»)? Бог в человеке – да. А ведь это несравненно больше и точнее. Бог в вашем эмбрионе, а не поэзия. Поэзией станет, когда вы его, в стихах, явите.

– Прозу люблю почти так же, как и стихи, и отнюдь не придаю ей оскорбительного общепринятого значения.

«Житейская проза» – не знаю. Проза – проработанная в слове жизнь. То есть, как всякое завершение, уже над-жизнь. Как ваш мост – над-река. (Мосты рушатся и книги проходят, но в данном отрезе – они – вечность; победа над хаосом – душ и рек.)

Прозу от поэзии отличает ритмическая стихия, иногда наличествующая и в прозе, но – иная. (Стихотворные и прозаические ритмы не согласны, а враждебны. Неслиянны). Прозу отношу более к сознанию, стихи к бессознанию (осознанному!) не даром все первые стихи – заговоры.

Еще: проза поэта – отличная проза, стихи прозаика – дрянные стихи, ибо мог он их писать, он бы только их и писал. (Исключение – тот же Гёте, вообще – исключение). Проза Пушкина – проза поэта. Стихи Гоголя – стихи прозаика. У поэта, приступающего к прозе, та школа стихотворного абсолюта, которой нет у прозаика, приступающего к стихам. «В эту строку я должен вместить все». У прозаика строка не считана, во всяком случае – не слог.

Работа прозаика протекает, главным образом, в мысли, а не в слове, в замысле, а не в слове – мысль переводится в слово – у поэта мысль и слово рождаются одновременно, вся работа протекает в слове, нельзя задумать прозой и написать стихами, нельзя переложить в стихи, что, впрочем, делают посредственные

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стихотворцы. Одно писать стихами, другое – писать стихи. Вся Италия XVIII в.
обменивалась сонетами, а поэты все-таки наперечет. Нужно, чтобы ты вещь не мог
сказать нестихами. Тогда будут – стихи.

И еще: нет стихов без чар. (Не очарованы, а чарованы.)

Проза есть – и отличная, весь Толстой, например. Поймите правильно: чары беру не
как прикрасу, а как основу, как одну из первоначальных сил, силу природы. Нет чар
– нет стихов, есть рифмованные строки. «И сквозь магический кристалл...»
(Пушкин). [1785] Пушкин, все это зная отлично, не даром кому-то сказал: «Если бы
я мог (материальные причины), я бы никогда ничего не писал, кроме стихов». А –
какой прозаик! Чары как исток прозаического дарования – Гоголь (полюс
Толстого!). ...

ЗУРОВУ Л. Ф
12-го февраля 1936 г.

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Милый Зуров,

Простите за задержку – невольную: Вы написали 55 вместо 65, и письмо добрело
только вчера, 11-го. Выступить согласна.

Надеюсь – завтра будет оповещение, где и что – я ведь ничего не знаю. [1786]

До свидания – в субботу.

Сердечный привет Вере Николаевне, Ивану Алексеевичу [1787] и Вам.

МЦветаева

ШАХОВСКОЙ З. А
18-го мая 1936 г., понедельник.

Vanves (Seine),

65, Rue J. V. Potin

Милая Зинаида Шаховская, очень рада буду встрече в «Журналь де Поэт» [1788] –
поблагодарите Вивье, [1789] – но визы нынче, 18-го, у меня еще нет. Все же
надеюсь не позже пятницы быть в Брюсселе и выехав ранним поездом к поэтам
поспею. Виза может быть и завтра, тогда поеду в среду, 20-го.

Очень глупо – сидеть и ждать и знать, что ничего не напишешь, – закон, а он,
если захочет, меня вдребезги.

До свиданья, сердечное спасибо за память.

МЦ.

Ванс, 28-го мая 1936 г.

Дорогая Зинаида Алексеевна,

Дошло ли кольцо и как пришлось?[1790] Ждала с ним до последней минуты – хотелось с пальца на палец. Мои «Лэтр» через неделю – 10 дней попросите у О. Н. Вольтерс, [1791] а если их еще нет, попросите, чтобы она напомнила вернуть. (Они у господина, которого зовут Люсьен, дальше не знаю.) И потом непременно напишите впечатление. Сердечный привет от нас с Муром.

МЦ.

5-го июня 1936 г., пятница.

Милая Зинаида Алексеевна, – а вот Вам другая пара, [1792] и, верьте мне на слово: они страшно похожи – по благородству и сиротству – на Бальмонта с Еленой: [1793] на Елену с Бальмонтом («О, Елена! Елена! Елена! – Ты красивая пена морей». [1794] – 35 лет назад сказано, а живо в нем – и посейчас).

О рукописи, хотя она на машинке, – дайте ее прочесть, по собственному прочтению, кому нужно из «Журналь де Поэт». Мне очень хочется издать ее отдельной книжкой, но так как на книжку – мало, у меня есть еще другая однородная, физически меньшая. Та и эта дали бы томик, вроде «Проз д'Анфан». [1795] Ту вышлю (а вот Вам еще другая пара) [1796] Вам, когда Ваша редакция отчитает «Лэтр» и как-то выскажется... Словом, буду ждать Вашего ответа. И личного отзыва – независимо от возможностей издания о «Лэтр» как Вам «пришлось»? На 50-летнем юбилее Ходасевича видела весь Монпарнас, – и милее, живее всего – женщины: очевидно, по живучести в них души. Подарила Ходасевичу хорошую тетрадку «для последних стихов» – может быть – запишет, т. е. сызнава начнет писать, а то годы, – ничего, [1797] а – жаль.

Один из пишущих, узнав, что я из Брюсселя, сказал: «А Шаховская там в роли Рекамье? [1798]» я: – «Не заметила. Она просто очень любит литературу – и очень серьезно работает». Тогда тот – перестал.

До свидания! Жду весточки. Вашим поэтам – привет.

МЦ.

Привет Петру в овраге. [1799]

Можно Вас попросить передать при случае прилагаемую открытку Ольге Владимировне Орловой? [1800] Спасибо заранее!

МЦ.

Ванв, 22-го июня 1936 г., понедельник, жара.

Милая Зинаида Алексеевна,

Оба перевода давно готовы, сейчас они на рассмотрении у Поля Буайе[1801] – моя мечта, чтобы он дал мне весь Пир во время Чумы, – что значит «дал»? А то, чтобы потом – взял, ибо переводить себе в тетрадку – окончательный люкс... и глупость.

Переводы хороши, и таковыми останутся, если даже Поль Буайе не одобрит. Нет ли еще чего-нибудь – для того же сборника, или для «Журналь де Поэт», м. б. они захотят (по прочтении Песни и Пророка) чего-нибудь пушкинского – в моей транскрипции? Отзывайтесь скорее – тогда сразу вышлю – мне всегда в фактическом осуществлении сделанного нужен стимул. Кроме того, я скоро уезжаю – и оттуда (пока что неизвестно откуда, все ближайшие дни буду смотреть по окрестностям) труднее будет: деревня, почты нет, почтальон потеряет и т. д.

Запросите Ольгу Николаевну о моей рукописи. Дело в том, что я тому господину, который так хорошо меня слушал, которому я потом «на перемене» рассказала моего «Молодца» и которому, в конце (очень быстрых) концов, дала свои «Лэтр», он – не пишущий, но чудно читающий, дело в том, что я этому господину (его зовут Люсьен, это приятель Ольги Николаевны написала – и он мне (как столько господинов и так мало господ! в моей жизни) не ответил – и я больше писать не могу. Почти всегда писала первая и НИКОГДА – вторично.

Хорошо бы эти «Лэтр» – выручить, ибо человек, который может не ответить на письмо, может и потерять рукопись, – кроме того, мне очень хочется, чтобы Вы и Ваше окружение их прочли. Я мечтаю, если они понравятся, набрать денег и напечатать их, с еще одной небольшой вещью как раз выйдет томик, в Вашем издательстве, а то все это на мне лежит.

Но той вещи не могу Вам послать раньше Вашего и общего отзыва на «Лэтр», ибо – если они не подойдут, то и она не подойдет: вся я не подошла. Бывает.

Спасибо за стихотворную открыточку: чувство – близко, и вид (по-иному) – тоже.

Ольга Николаевна не пишет, но на ней бремя дома.

На мне тоже – и может быть пуще – ибо все – моими руками! Я – целые дни стираю и штопаю – но это во мне немецкая механика долга, а душа – свободна и ни о чем этом не знает: еще не пришла ни одной пуговицы!

Обнимаю Вас и жду отзыва.

МЦ.

Как только напишете, перепишу и вышлю обоим Пушкиных.

9-го июля 1936, четверг.

Moret sur Loing (S. et M.), 18, rue de la Tannerie,

chez Mme Vve Thierry.

Милая Зинаида Алексеевна, как видите – я уже на воле, а именно: в чудном старинном городке под Фонтенбло. Быт устроен, т. е. по возможности устранен, а для души – непосредственно над головой – две химеры: Мурина и моя (поделили) –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ибо живем непосредственно за церковной спиной. Я сюда приехала, чтобы беспрепятственно работать, т. е. переводить Пушкина – лучшие стихи, не взирая – переведены ли уже, или нет, ибо я ни одного перевода не знаю, да и знала бы – не слушала бы.

Хотите – чтобы я с этим осенью приехала в Бельгию, т. е. с вечером моих переводов + предисловие. Я серьезно запрашиваю. Давать заочно мои стихи мне бы не хотелось – и вот почему: у меня много вариантов, и Ваши поэты из «Журналь де Поэт» мне м. б. помогли бы утвердить лучший (беда, что один другого лучше: один – содержательно ближе, другой французски – или образно – лучше, вообще хорошо бы посоветоваться – устно, по горячему следу первого впечатления).

Пока сделаны: Когда могучая зима – Пророк – Для берегов отчизны дальней – К няне – и сейчас идет, именно волнами идет! Свободная стихия (К морю). Но я хочу – целый сборник: все, что есть лучшего. Посмотрим, что успею за лето.

Как Вы думаете, есть ли надежда приехать с этим в Брюссель, т. е. с рядом стихов и с словом о Пушкине. Т. е. наработаю ли я на поездку (паспорт у меня есть).

Что будет с самой книжкой – не знаю: я могу дать бесплатно несколько стихов, я вообще бы с радостью работала бесплатно – если бы государство – или какой-нибудь меценат мне бы оплачивал мое скромное существование, но пока – это мой единственный источник существования, а напечатай я пушкинский сборник в Издательстве «Журналь де Поэт», не только ничего не дадут, а еще приплачивать нужно, – за много месяцев непрерывного труда... На обещанное в Ваш сборник – дам.

Дальше: всего Пира переводить не буду: там лучшее – обе песни, [1802] а остальное – для перевода мало увлекательно, ибо беспрепятственно. Я не люблю стиха без рифмы – и этого размера не люблю: скупаю.

Подумайте, пожалуйста, и ответьте – хотя бы предположительно.

Получили ли мою французскую рукопись (NB! машинную). Вот ее бы другую маленькую в издательстве издать – хотела, так как продать мне ее (при моем характере) навряд ли удастся, – у меня у французозов нет имени, а в кредит – ничего не хочу. Я бы хотела, чтобы издательство «Журналь де Поэт» ее до моего приезда прочло и как-нибудь отозвалось. Тогда бы привезла ту другую – тоже письмо (если бы Вы знали – кому и о чем!) – и получилась бы небольшая книжка, которую бы и предложила издательству – на его условиях (кажется 600 бельгийских франков доплаты?)

Ответьте мне, пожалуйста, дорогая Зинаида Алексеевна, по обоим пунктам, если можно не открыткой, п. ч. в открытки я как-то не верю, слова на ветер.

Я здесь буду до середины сентября, но ответ хотела бы поскорей. Мне бы очень хотелось съездить в Бельгию, у Вас хороший дух, поскольку я могла почувствовать и что я безусловно увидела в факте издания «Проз д'Анфан». Так вот, та моя проза – той же породы, оттого у меня есть надежда. (Неужели тот Люсьен – ее потерял?? Запросите Ольгу Николаевну – она мне ни слова больше не пишет. И Люсьен – тоже не ответил.)

Итак – до письма!

Сердечный привет и пожелания хорошего – всячески – неразб.

Выросла ли собака и как на нее смотрят кондуктора? М. б. уже – снизу??

МЦ.

Ван, 21-го сентября 1936 г.

Милая Зинаида Алексеевна,

Все это – недоразумение: спешно уезжая в Савойю, забыла закрепить в своей памяти – или, что лучше: на бумаге – Ваш адрес, который совершенно – канул.

На днях вернувшись – разыскала: 4, рю Вашингтон, и одновременно получила Вашу недоуменную открытку – и вот – пишу: спешу снять и тень в могущей – не могущей! – быть у меня на Вас обиде – за что?

Я, наоборот, сохранила о нашей встрече – Петре в саду, рытье в книжках, псе, лесе – самую хорошую память, ничем не омраченную. И Ваш черный идол[1803] до сих пор мне благоприятствует.

Желаю Вам успеха с Вашим сборником и шлю самый сердечный из приветов.

МЦ.

ЛЮСЬЕНУ де НЕКУ[1804]
3 июня 1936 г.

«Милостивый Государь, я мыслю о Вас, но для письменных мыслей требуется время. И чем они стихийнее, тем больше его надо, ибо записать мысль – значит уловить ту первую, первичную, стихийную, мгновенную форму, в которой она появилась изначально. Как и вся работа жизни с нами (NB! Говорят: „работать над чем-то“. Я работаю над рукописью. Но нельзя сказать: работа жизни над нами. Тогда надо с нами?) состоит в том, чтобы возвратить нам первую и единственно истинную форму нашего облика и ощущений. Совсем маленькие дети – совсем старые старики. Все, что между и что называют „жизнь“, – только черновик, бумага с тьмой помарок, только затмение. Я не только мыслю о Вас, я действую. Так как Вы первый, кто увидел настоящее во мне в моей французской транскрипции, я посылаю Вам – Вам одному – несколько листков, продолжающих те письма, которые Вы имели глубину счесть глубокими. „Послесловие к Послесловию“. Сначала я их писала для себя, потом для Вас. Вы будете их единственный читатель и даже автор, поскольку без Вас я бы их не написала. Это наименьшее, на что я способна. У моей благодарности всегда один и единственный жест: дать другому узнать меня еще глубже. Возможно, было бы тактичнее и даже более по-моему, не предупреждать Вас, но жизнь медленна, и есть вещи, которые должно если не делать, то по меньшей мере постичь вовремя. Спасибо за все.

P. S. Только что посмотрела в „Лярусс“[1805] слово „Послесловие“ (Postface) и вот, что я прочла: postface – существительное, женского рода (от латинского post – после и fare – говорить); извещение, помещаемое в конце книги. NB! Странное извещение! Если это извещение, не находите ли Вы, что оно делается слишком поздно? Смотрю слово „извещение“ (avertissement) и читаю: Сообщение, информация, род предисловия. Итак получается: предисловие, помещаемое в конце книги – нонсенс».

ШТЕЙГЕРУ А. С
Морет-сур-Лоинг, 29-го июля 1936 г.

Первое (и единственное) разочарование – как Вы могли называть меня по имени-отчеству – как все (нелюбимые и многоуважающие). Ведь мое имя било из

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
каждой моей строчки, и если я, написав мысленно – зовите меня просто Мариной – этого не написала письменно – то только из нежелания явности (грубости), как часто – не забудьте – буду умалчивать – вопиющее. Мне не захотелось своим словом становиться поперек своему имени на Ваших устах, не хотелось становиться между именем и устами, почти что *entre la coupe et les levres*. [1806] Я знала, что Вы напишете – Марина.

Вся Ваша исповедь [1807] – жизнь Романтика. Даже его штампованная биография. Вся Ваша жизнь – история Вашей души, с единственным, в ней *Geschehniss'*ем: [1808] Вашей душой. Это она создавала и направляла события. Вся Ваша жизнь – ее чистейшее авторство. И что можно в ответ на все это: всего Вас, с Тетей и с *Fräulein Martha* [1809] – и с тем корабельным канатом, режущим жизнь и душу *на́двое* – и с нищенством – и с тем боевым прадедом – и с той ниццкой голубой рубашкой – и с Вашей белой санаторской (у Вас на руке перстень – по белизне блеска – серебряный – чей? что – на нем – за ним – в нем?) что можно, в ответ на *Geschehniss* – *Sie*, – как не обнять? Всего Вас со всем внутри имеющимся: с Вашим безмерным сердцем – и недостаточными легкими, ибо – предупреждаю: мне в (... «таким как Вы» – Вам будет холодно... «в Вас» – не поверите) – в НАС все дорого, вплоть до ущербов, и недостаточные легкие – не меньше избыточного сердца – и если я сказала мать – то потому что это слово самое вмещающее и обнимающее, самое обширное и подробное, и – ничего не изымающее. Слово перед которым все, все другие слова – границы.

И хотите Вы или нет, я Вас уже взяла туда внутрь, куда беру все любимое, не успев рассмотреть, видя уже внутри. Вы – мой захват и улов, как сегодняшний остаток римского виадука с бьющей сквозь него зарею, который окунула внутрь вернее и вечнее, чем река *Loing*, [1810] в которую он вечно глядится.

Это мой захват – не иной. (В жизни, я может быть никогда не возьму Вашей руки, которая – вижу – будет от меня на пол-аршина расстояния, вполне достижима, так же достижима, как мундштук, который непрерывно беру в рот. Взять вещь – признать, что она вне тебя, и не «признать», а тем самым жестом – изъять: переместить в разряд внешних вещей. С этой руки-то все расставания и начинаются. Но, зная, что, может быть все-таки возьму – потому, что как же иначе дать?... хотя бы – почувствовать.)

– Приеду к Вам показаться. Дитя, мне показываться – не надо. И наперед Вам говорю – каким бы Вы ни были, когда войдете в мою дверь, – я все равно Вас буду любить, потому что уже люблю, потому что – уже случилось такое чудо – и дело только в степени боли – и чем лучше Вы будете – тем хуже будет – мне.

Я – годы – по-моему уже восемь лет – живу в абсолютном равнодушии, т. е. очень любя того и другого и третьего, делая для них всех все, что могу, потому что надо же, чтобы кто-нибудь делал, но без всякой личной радости – и боли: уезжают в Россию – провожаю, приходят в гости – угощаю.

Вы своим письмом пробили мою ледяную коросту, под которой сразу оказалась моя родная живая бездна – куда сразу и с головой провалились – Вы.

... «Об этом пишет *Andre Gide* (в том-то и том-то), но у меня это не вычитаете». Мы не только не вычитываем, мы – вчитываем, и нисколько не буду удивлена, если прочтя вдоль и поперек *Faux-Monnayeurs* и даже *Journal de Faux-Monnayeurs* [1811] (не читала ни того, ни другого), никогда и нигде не обнаружу Вашего «об этом пишет *Andre Gide*»...

Я так вдоль и поперек исчитала всего *Lenau* и никогда не нашла четырех моих любимых его строк.

– «Да знаете ли Вы, что́ такое – я...?»

– Нет, но я знаю, кто такое – я: хватит на обоих, т. е. на всю боль:

Вашу от меня, мою от Вас, нас обоих – от нас – варьируйте как хотите, ибо комбинации неисчислимы – хватит.

... «НО, которого я боюсь больше всего на свете, и ненавижу – и всегда заранее на всех губах вижу –»

(– на моих, дружочек. Вы увидите только: – НА.)

Насчет «приходит в пах»: – Вы меня не поняли. Это – им приходит в пах, нам – только в душу, и не приходит – было всегда. Знайте одно: когда душа есть, она – всё: не-души – нет, и никакого отдельного паха нет: это для докторов есть: «ранен в пах», мы – всегда в душу, как тот средневековый голый герцог, в ответ на удивление крестьянина – не холодно ли ему: – Ты же ходишь с открытым лицом, и тебе не холодно. «Так я – весь лицо». Я в очень раннем детстве например никогда не могла понять: – «Мама, у меня тоска или меня тошнит?»... А теперь утверждаю, что всегда – тоска, что тошнит – нет.

– «Ведь требовал я невозможного, понимая, что требую невозможного...» Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи – первая примета ее естественности, само собой разумеемости – в мире ином. Ведь все мы удивлены, что нельзя ходить по морю: раз море есть – и ноги есть. И когда Христос идет по водам – мы сразу узнаем – и успокаиваемся. Как сразу, во сне, узнаём упругость (держательскую способность) воздуха. И разве, сейчас, не естественно, – что я Вам пишу – что пишу? Разве не чудовищно было бы – мне (будучи мной) на Ваше письмо отозваться – иначе? Разве не то было бы – чудо (гнусное).

Все, что не чудесно – чудовищно, и если мы в этом чудовищном обречены жить – это не значит, что оно – закон, это значит только, что мы – вне нашего закона.

(Всё о том же, т. е. Вашей «невозможности»)... Мы играем – не с теми. (Те – есть). Мы от нетерпения (у души – свои сроки) опережаем настоящего партнера и клонимся к любому, внушая ему быть – любимым. Заметьте, кстати, какие мы не-с теми (с не-теми!) – жалкие: ни на что непохожие, нелепые, уроды какие-то... Когда Вы себе с другим перестаете нравиться (хотите «исправиться» – или развратиться) – уходите от него, потому что он Вам – яд.

Будьте только с тем, кто Ваше самоощущение повышает, подтверждает (– Значит: будь один? – Да, значит – будь один. – Нет, значит – будь со мною) – на выбор, ибо оба ответа – одновременны и – предельно мои.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Пишу Вам в свой последний свободный день. Завтра – 30-го – укладка, послезавтра – отъезд: пока что в Ванв, а оттуда – возможно – в тот самый замок, [1812] где мы нынче были с Вами – в моем сне. У нас с Вами была своя собака, т. е. особая, отдельная от всех, и все дело было в ней. Я была озабочена Вашей светящейся белизной среди других загорелых лиц. Ваше лицо сверкало как серебро, и по этому сверканию (я и во сне близорука) я Вас узнавала. Замок этот – в горах – и оттуда мне еще легче будет с Вами дружить. (Зáмок очень темный, весь в елях, – оттого Ваше лицо так и сверкало. –)

Спасибо за тетрадь о прадеде. [1813] Орел был! Я бы за такого прадеда – дорого дала и много из него сделала. Напишите о нем: его. Ведь, честное слово – сто́ит всех синих рубашек мира! [1814] Напишите – поэму: ведь Вы умеете писать стихи. Дайте его в ряде видений. Кто был – должен быть всегда, а это – забота поэтов. Вспомните рильковского корнета, [1815] только Рильке – в нем – почувствовал себя ребенком, а Вы в своем – почувствуйте себя мужем. (Это навряд ли Вам будет – в жизни – дано, на Вас неизгладимая женская печать: женских рук над Вашим младенчеством, та же печать, что на Рильке – он никогда не стал мужем, хотя умер пятидесяти лет. Но дал он – и Мазепу [1816] и нашего Riese von Murórn (Sass Ilya – der Riese von Murórn) [1817] и Авессалома [1818] – и мужа из мужей – Царя Давида, [1819] и скóльких!) Дайте – деда и подарите его – мне.

Не пишите мне до верного адреса – не хочу пересылок. Т. е. пишите – и не отсылайте, извещу – скоро.

Дома (в Ванве) постараюсь напасть на след своих Юношеских стихов – только не затеряйте, вторых у меня нет – (стихи 1912 г. – 1916 г., не печатались) и всё сделаю, чтобы достать Вам Стихи к Блоку (одна книжечка должна где-то быть) – я хотела Вам перстень (серебряный) – но у Вас есть, и двух – нельзя. (Мой перстень – который хотела – и который ношу на левой руке – абсолютно Ваш: весь – Вы, но, повторяю, не надо и нельзя – двух, у Вас тогда будет: «main baguée» [1820]... и каждый из двух потеряет свой смысл. Поверьте, мне очень трудно от этого видения отказаться (своего перстня – на Вашей руке), но делаю это – для Вас. Когда Вы мне напишите, что на Вашем, я Вам напишу, что на моем – Вашем. Не забудьте!).

Карточку тоже пришлю: себя в 1916 г. и себя в 1936 г. (собственно, летом 1935 г. – mais c'est tout comme, [1821] а 1916–1936 – дата).

Ну! – вот.

МЦ

Приписка на полях:

Тетрадь сохраню и верну по первому слову. – Какая скука – рассказы в «Современных Записках» – Ремизова и Сирина. [1822] Кому это нужно? Им – меньше всего, и именно поэтому – никому.

Прочтите: Письма оттуда [1823] и непременно напишите, дошли ли. Лучшая вещь в книге.

2-го августа 1936 г., воскресенье.

Vanves (Seine), 65, rue J. V. Potin,

Дружочек! Пишу Вам из Ванва, где я до 7-го. Если очень поторопитесь – еще застанете. Но если Вам сейчас не хочется – или не можетя – торопиться – ждите моего письма из того замка, куда я Вас с собой увожу 7-го, в 7 ч. утра – как 31-го – с собой – увезла из Moret-sur-Loing – как отныне буду увозить с собой – всюду (и, вещь маловероятная) – вплоть до того часа, когда повезу Вас – к Вам. Тогда познакомитесь: Sie – Ihrer mit Sie – meinem, Sie – Sie mit Sie – ich, [1824] и может быть совпадут – совпадете – как совпадают наложенные друг на друга лица преступников и биографии поэтов. (Вот и объяснение тому штампу, который Вас может быть в том письме смутил. Я иногда думаю, что Вы – я, и не поясню. Когда Вы будете не я – спрашивайте.) Но Вы, минутами, я – до странности: 1) игра в лодочку: вечно на ней проверяла себя и другого (отродясь!) – кого выброшу – выбросим (и всегда – меня!) Но одного Вы еще не знаете: вопля одной молодой женщины XVIII в. – Je sauverais mon mari – et me noyerais avec mon amant! [1825]

И ничего от нее не осталось, кроме этого вопля. Все осталось. Вся – осталась. Это ведь стóит – всех наших стихов?

Дальше: слово Уайльда, которого особенно (воинствующе, оскорбленно) люблю – сейчас из-за немодности, как когда-то сумела любить вопреки моде – еще более оскорбительной.

Только оно, в точности – так:

– Сначала дети родителей любят, потом дети родителей – судят, под конец они им прощают. [1826]

Начинаю держать обещания (карточки).

Про дружбу с Вами не говорю никому.

МЦ

8-го августа 1936 г.

St. Pierre-de-Rumilly

Haute Savoie

Château d'Arcine,

Вот, дружочек, поистине сыновний поступок: сложная операция – туберкулезная опухоль – на днях режут – может – зарежут...

Если это сознательно, т. е. – чтобы сделать мне больно, т. е. – чтобы я больше Вас любила – дружочек, мне все равно уже больно, и не забудьте, что я всегда всё обскакиваю.

...тот поезд, на который – все

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Опаздывают: [1827]

(и что важнее – всё).

Но есть животная боль, тревога за жизнь, – тот ланцет, перед которым я бессильна, ибо не я режу, и не меня режут – и если Вы этот ланцет хотели в меня всадить...

Если же бессознательно – то опять-таки Вы моего отношения недооцениваете – для меня это не может быть простой (хотя бы очень волнующей) новостью.

Но – в последнем счете – может быть лучше, что написали. Ибо – не напиши, напиши после операции – моя первая мысль была бы: – Резали, а не знала – и прошел бы холод чужести. Лучше – живое мясо близости.

Как только сможете писать – напишите: что у Вас, в точности, с легкими – и в легких? Я туберкулез – знаю, это моя родная болезнь. [1828] И что это была за опухоль? Где? Словом, всю историю болезни. И о самой операции напишите. Чем усыпляли? И что Вы, последнее, ощутили? Подумали? И – как проснулись? С чем?

Всё, всё.

Это – тоже не письмо. Письмо – впереди, и – большое. Но не могу писать Вам, пока не знаю – что с Вами (беседовать с Вашей душой, пока не знаю – что с Вашим телом – которым Вы вольны пренебрегать, я – нет: потому, что оно – не мое.)

Между Вашей страной и моею – всего только 25 верст. Пришлите мне вид Вашего Heiligen Schwendi, а я – потом – свои. У меня есть для Вас две маленьких радости, верных, но это всё – потом.

Кончаю, потому что иначе начну беседовать с Вашей душой.

Жду вести, по возможности – скорой, если сами не можете – попросите написать своих – всего несколько слов: жив, здоров, благополучно.

Обнимаю Вас и непрерывно о Вас думаю.

МЦ

Спасибо за Рильке. И я Вам о нем расскажу.

У меня чувство, что нам с вами надо прожить целую жизнь – назад и вперед.

(О прожить и жизнь напишу отдельно, я нынче с этим проснулась.)

12-го августа 1936 г., среда.

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie)

Château d'Arcine

Первый ответ на вид Вашего письма: удар в сердце – и ком в горле и пока я письмо (аккуратно) вскрывала – ком рос, а когда дело дошло до вида букв – глаза уже были застланы, а когда я, приказав им – или себе – подождать – прочла и дочла – я уже ничего не видела – и все плыло. И я сама плыву сейчас, вместе с глазами и буквами.

(Описываю, как с Марса – или даже – Сатурна – но это со мной – так редко, так никогда.)

Мой родной, ведь это тоже была – операция, вскрытие письма было вскрытие нутра, и я так же честна и точна в своем описании, как Вы – в своем – и я тоже больше сегодня ничего не напишу Вам, кроме

Любящая Вас

М.

13-го августа 1936 г., четверг.

St. Pierre-de-Rumilly

(Haute Savoie) Château d'Arcine.

Большое письмо, когда окрепнете: в нем много мыслей, и еще больше чувствований – много всего – вся я – а это (говорят) и здоровому – много. Будем ждать. Пока же – очередной Петербург, [1829] и привет, и заверение в непрерывности моей памяти – и умоляю не писать, если трудно – и умоляю написать, если можно: как т°, боль, сон, хочется ли есть, можно ли читать, всё, всё, – но по слову обо всем, чтобы не уставать, п. ч. я хочу во всем Вам быть радостью и силой, и никогда не сделаю Вам ни больно, ни вредно, и я готова целый месяц Вам не писать и даже о Вас не думать (оставить внутри) – если это нужно.

Мой мальчик родной. Вам сейчас надо вылежать – и отложить все мысли – на потом. Чувствуйте себя, пожалуйста, хотя бы на эти дни, в большом глубоком облаке (О Господи, насколько бы проще – подойти и взять за руку – вместо стольких слов!). (Я вчера целый день переписывала Вам из записной книжки то письмо.)

Если это Вас радует – и не утомляет – буду писать Вам понемножку каждый день. А большое письмо – когда по чести скажете: можно. А читать (книжки) Вам можно? У меня есть одна – чудная и очень легкая на вес.

Узнаете Петербург? М. б. на этом мосту – в детстве – стояли? Вчера, бродя по своему огромному замковому чердаку, вдруг вижу: какие-то снимки. Наклоняюсь; Тунское озеро [1830] – и двое юношей. И подпись: фотография С. Штейгера. Это – Ваш отец? [1831] Даже не знаю Вашего отчества.

Храни Вас Бог! Выздоровливайте, милый!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

14-го августа 1936 г., пятница.

Chateau d'Arcine,

St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie).

– Это моя самая любимая открытка – из всех присланных – п. ч. она самая бедная. Эти открытки, кстати, все краденые – их было очень много, и я скромно выкрала лучшие – Вы как раз тогда мне написали, что по зимам жили в Петербурге. Теперь мой улов кончен и буду посылать Вам здешние виды: замка и природы, но лучшего (внутреннего) замка, увы – нет. Я из всего него больше всего люблю кухню – решетчатую, сводчатую – и чердак: самое жаркое (день и ночь кипят котлы) и самое холодное: день и ночь шум деревьев и каких-то верхних потоков а, м. б. – шум времен. Я здесь живу совсем без людей – хотя их сорок человек – с одними Вами. Отсюда часто ездят в Женеву, т. е. в Швейцарию, и это немножко растравительно, но я не завистлива и знаю, что в конечном счете блага распределены правильно: у меня такая сила мечты, с которой не сравнится ни один автомобиль. Мне только – просто – жалко, что я сейчас не могу быть с Вами, п. ч. Вам наверно скучно и долго лежать. Не прошу: пишите – п. ч. наверно сами напишете, когда сможете. Не утомляет ли Вас мелкость моего почерка:

мне всегда так много нужно Вам сказать.

Храни Вас Бог!

МЦ

Приписки на полях:

Кончаю перевод пушкинских Бесов. – Увлекательно. Замечаю, что пишу Вам как здоровому, – но это не эгоизм, а ужас перед физической болью, которой не могу помочь. Я о ней просто стараюсь не думать, п. ч. иначе – отчаяние.

Наверху над замком совсем одна в брошенной мельнице живет гадалка. Соблазнительно. Но – страшно. И немножко – как-то – недостойно. И наверное не пойду. Если она – гадалка – она ко мне должна придти.

Я Вам обещала спокойные письма и, видите – слово держу.

15-го августа 1936 г., суббота.

Château d'Arcine. St. Pierre-de-Rumilly (Haute Savoie).

Милый друг, мне кажется – Вы не писали уже целую вечность, а на самом деле – только три дня. Но я сейчас немножко беспокоюсь, – беспокоилась бы и множко – если бы дала себе волю. Если бы я была уверена, что Вы не пишете для здоровья, а не от нездоровья... Теперь о другом (хотя о том же самом): м. б. Вам неловко – ведь это папа приносит Вам письма – ежедневно получать письмо тем же почерком и с тем же штемпелем: ежедневно всё то же письмо. Может создаться – у такого, как Вы, как мы – положение – etwas reinlich.[1832] Непременно ответьте, ибо, м. б., лежать Вам придется еще долго, а я обещала писать Вам каждый день – и теперь

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
боюсь остановиться, ибо – как сказал однажды Гёте одной девушке: *Fahre fort mir zu schreiben und rechne mir die Bitte nicht zu hoch andenn Gewohnheit ist ein gar zu liebes Ding*[1833] – так, м. б., у Вас уже – *Gewohnheit*, и – что важнее всех обещаний другому – я сама себе обещала никогда – ни в чем – ничем не огорчать Вас и не смущать.

Словом, решайте сами и знайте, что я всегда все пойму. Не спрашиваю о здоровье, п. ч. это было бы просить писать. Не спрашиваю, но – конечно – думаю. Помните, я Вам вчера писала о Женеве, а нынче с утра меня в Женеву – звали – на целый день – и даром. И я не поехала, п. ч. не знала, что с Вами, и никакой радости, даже щемящей – от одной страны, одной земли – бы не вышло. А вчера вечером, когда хозяйка горного кафе, произнесла слово: Берн: – «*J'ai vu cela à Zürich, et dans la cave de Berne*». «*Car elle est immense – la cave de Berne*»[1834] – я сразу обернула голову, точно меня позвали.

Я послала Вам отсюда: небольшое письмо (на которое Вы отозвались), 4 открытки – петербургские[1835] – и книжечку. Одну из открыток (конную) и книжку – с оказией из Женевы. Большое письмо лежит и, от времени до времени, – прирастает, но читать его – как и писать – работа, а м. б. и тревога, поэтому – пускай вылеживается – как Вы.

Если неудобно, чтобы я писала ежедневно – напишите непременно: хотя бы два слова.

Вчера лазила на высокую, высокую гору, собирала орехи и цикламены. Ваши орехи я съела (Вам сейчас все равно нельзя), а Ваши цикламены стоят у меня в стакане.

МЦ

17-го августа, понедельник

Пишу из соседнего городка – бывшей столицы Савойи – Бонневилл'я.

От вас много дней ни слова, очень беспокоюсь о здоровье, если можете – известите.

Буду ждать и – пока – не пишу.

МЦ

Ничего о Вас не знаю с 11-го.

Из непрерывности внутреннего письма

(день за днем, дойдем и до 12-го).

Еще в Moret, значит до Вашегоерна:[1836]

– Почему Ваши письма настолько лучше Ваших стихов? Почему в письмах Вы богатый (сильный), а в стихах – бедный. Точно Вы нарочно изгоняете из своих стихов всего себя, все свое своеобразие – хотя бы своей бедой, чтобы дать вообще-беду, общую беду: бедность. Почему Вы изгоняете все богатство своей бедой и даете беду – бедную, вызывающую жалость, а не – зависть. (Не думайте, что меня обольщает

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
на-меня-направленность Ваших писем – это во мне никогда ничего не предрешало – и
– все стихи всё равно на меня направлены.) – Вам в стихах еще надо дорасти до
себя-живого, который и старше и глубже и ярче и жарче того. Вы (живой) из
близнецов: Кастора и Поллукса – тот близнец, которому отец – Зевес.[1837]

Мой замо́к, 8-го августа 1936 г.

– Не удивляйтесь гигантскости моего шага к Вам: у меня нет другого.

Вы тоже человек одной ночи – одного взгляда – и целой жизни тоски – Sehnsucht –
оборота на́. (Потом этих взглядов становится много, но каждый – нож.)

Вы тоже сразу хотите не-жить, чтобы не было ни потом, ни дальше. (Продолжения не
будет.)

Сколько бы мы раз уже умирали, если бы боги нас слушались!

Ваша младенческая привязанность к Тёте, [1838] то есть: чистая страсть тоски –
лейтмотив всей Вашей жизни. Другого не будет, ибо с душой ничего другого не
бывает, ничего кроме нее самой, которая есть: чистая страсть тоски. Душа (когда
она есть: ее нет – никогда) рождается готовая, не рождается – продолжается – со
всем грузом бессознательной и бесполезной памяти. Бессознательной – так руки
сразу узнают клавиши, плечи – волны. – Бесполезной – все ошибки за́ново, как
будто бы никогда не расшибался – и это уже можно проследить в короткой нашей, в
короткой Вашей жизни: от чего Вы в жизни излечились, чему – научились? Ни от
чего. Ничему. И вся я к Вам этому – живой пример.

В который раз? И разве я не знаю, что все кончается, и разве я верю, что (это во
мне к Вам) когда-нибудь кончится, когда-нибудь меня отпустит, что я от Вас –
опустею: стану опять пустым – и холодным – и свободным домом: domaine'ом?[1839]

Ведь стоило Вам только подать мне знак – так ивы на краю дороги подавали мне в
летающее окно – знак – как я на этот ивовый знак – вся ринулась, ринулась,
кинулась, зная всё и не веря – ничему.

В жизни с этим делать нечего, и Вы это знаете. Давайте вместе не-жить:
действенно, воинствующе, победоносно.

Мой перстень был: сплошь ровный серебряный широкий с серединной лилией – по
бокам по кресту – вокруг (всего пальца) розы. И он никогда уже не станет моим.

9-го августа 1936 г., понедельник.

Если бы можно было запустить руку в душу – как в море – Vous retireriez Votre main pleine de Vous.[1840]

Не удивляйтесь. Если распределить всё это по годам нашего знакомства (с Вашего рождения или даже с того часа, когда Вы впервые подошли ко мне на одном из моих чтений) – вышло бы вполне нормально, а сейчас Вы всё это получаете сразу – только не пугайтесь и не подломитесь и не усумнитесь.

Сколько сказок бы я Вам рассказала, если бы мы были вместе! Сколько – Märchen meines Lebens![1841]

Над пылающим лицом:
Тем, с глазами пьющими,
Сколько песен шепотком
Спето, петель – спущено![1842]
(Это о Царице с ее раненым: «Мой раненый» – помните?).

Нам с Вами эти дни (с получения мною Вашего первого письма, а может быть – и с его написания) нужно было бы жить вместе, не расставаясь – с утра до вечера и с вечера до утра – ведь все равно, как эти пространства между – называются!

Никогда никто к Вам так всем существом не шел, как я сейчас. Так только море идет – всем собой. (Прилив.)

Ваше письмо (последнее) лежит у меня во втором Фаусте: спит в нем, обнятое гётевским восьмидесятилетием – и всю игру тех Нереид и Наяд.[1843] Это Ваш дом. Вы в нем живете. Сколько у Вас сейчас домов, кроме бернского: я, моя тетрадь, мой замок. Второй Фауст. Какой Вы сейчас любимый и сохранный – если бы Вы знали!

Раз мы все равно не расстанемся (я говорю мы, п. ч. иначе нет ничего, т. е. обычное: я и ein Idó!) раз мы всё равно не расстанемся – бессмысленно не быть вместе.

Но я бы хотела быть с Вами совсем без людей, совсем одна в огромной утробе – замка – и нам прислуживали бы руки, как в сказке Аленький цветочек.[1844] – Хочешь? – И я знаю, что к нам, привлеченные чистотой и жаром, пришли бы все прежние жители этого замка, все молодые женщины, и все юноши (я тебе скоро пришлю их портреты: я их для тебя ukrала) и все бабушки в чепцах и прадеды в халатах, и любили бы нас, и мы бы царили над ними и, в конце концов – незаметно – перешли бы к ним в стены и когда пришли бы другие – никого бы не нашли.

Я хочу с Вами только этого, только такого, никак не называющегося, не: сна

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
наяву, сна – во сне, войти вместе с Вами в сон – и там жить. Потому, что Вы тоже
пленный дух, [1845] как я, – не дух (духовность) а ein Geist: ein Gast. [1846] Я
это знаю, поняла по первому зову.

(Все еще 9-го, понедельник).

Нынче, открывая дверь в свою заведомо-пустую комнату, я на секунду задержалась
на пороге с мысленным вопросом: – Можно? – И удивиться не успев (на свою
рассеянность) поняла: она до того заселена Вами, что если меня в ней нет, то в
ней, конечно – Вы.

я не люблю детского общества: грубо, мальчишески и девчончески-профессионально,
громко, и если я гуляю с детьми, то всегда внутренне-насильственно – а нынче я и
внутренне согласилась, из соображения: – Раз я иду – с другим, то естественно,
чтобы и Мур шел с товарищем. И только потом установила, что я ни с кем не иду.

До Вашего письма я все время переводила Пушкина – целыми потоками – лучшие его
стихи. (Когда-нибудь пришлю – или прочту.) С тех пор – ни строчки. Сейчас я
думаю о Вас: думаю – Вас. Это очень серьезное занятие (Бедный Рильке! Мне одна
любáя, любезная французская дама рассказывала: – Il nous lisait toujours ses
écrits français, en nous demandant à mon mari et à moi (муж – корректный морской
офицер-француз) – si c'était assez clair. Un jour il nous lit: – Cette femme a
les mains sur les genoux. Elle ne bouge pas. Elle pense un enfant. – À un
enfant? – Non, non, elle pease un enfant. C'était lui qu'elle pense et non pas à
lui. – Mais c'est absolument impossible en français, cher Rilke, personne ne
comprendrait, on prendrait ça pour une erreur d'impression. On peut probablement
dire ça en allemand, mais en français (NB! Прерываю: si on peut dire en
allemand, c'est qu'on peut le sentir en allemand, car: «sie denkt ein Kind»
n'est pas plus dit en allemand qu'en français... Toute la différence est que le
lecteur allemand croit le poete sur parole, l'honore et la suit dans chacune de
ses particularités, tandis que le lecteur français – le juge.) Тогда, Рильке,
жалобно: – Alors, Vous dites – c'est absolument impossible? Incomprehensible? –
Absolument. – Alors il ajouta – à –

Et moi je n'ajoute rien. Je Vous pense. Et un jour – nous en recauserons. [1847]

10-го августа 1936 г., вторник.

Когда я нынче думала о комнате, в которой мы бы с вами жили, и мысленно
примеряла – и отбрасывала – одну за другой – все известные и неизвестные, я вдруг
поняла, что такой комнаты – нет, потому что это должна быть не-комната:
отрицание ее: обратное ее, а именно: комната сна, растущая и сужающаяся,
возникающая и исчезающая по необходимости внутреннего действия, с – когда-надо
– дверью, когда не-надо – невозможностью ее. Комната сна (Вы видите сны?), та
комната, которую мы сразу узнаём – и на которую немножко похожи, в памяти, наши
детские.

(Нынче я начала пушкинских Бесов, и Вы меня немножко отпустили.)

11-го августа, среда.

Вчера, к концу вечера, я заметила (здесь больше сорока человек народу), что я стала бесконечно-ласкова, и как-то ровно-радостна – и заметила это по ласковости остальных – и поняла, что это – Ваше, к Вам, т. е. от Вас – идущее. И у меня было чувство, что я растрачиваю Ваши деньги.

– О ступеньке (на карточке). Сначала: – Нет, ближе! Потом: – Правильно, потому что – и Вы конечно об этом не думали – самое дорогое и драгоценное: голова – сама и сразу – на коленях.

– Где эта лестница??

Я себя сейчас чувствую своим замком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, сохранно и обнимающе Вас со всех сторон – но таким просторным объятием! [1848] – и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, в нет запретной комнаты – а надо всем огромный пустынный гулкий чердак с готическим корабельным сводом – над которым – еще свод – а на самом верху – колокола. Которые никогда не звонят. И они бы сами зазвонили.

12-го августа, среда – после письма.

Вам письмо принес – отец, мне – сын, и оба не знали, что несут.

Когда я прочла: боль выносимая, т. е. глазами увидела слово:

боль – у меня всё внутри – от горла до коленных чашек – физически задрожало, и я еще удивилась, как можно так неподвижно стоять – и так дрожать.

13-го августа 1936 г.

– Когда мы нынче – мы: три женщины, двое мужчин – сидели, в деревенском кафе, на воле, вокруг столика – у каждого была своя отсутствующая рана – у кого давняя, у кого свежая – и я, столько лет за такими столиками сидевшая без, прямая как ствол и неуязвимая – вдруг удивленно почувствовала, что и я – что и у меня (Ваша

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
болезнь, Ваша судьба –).

Может, Вы оказали мне дурную услугу – позвав меня и этим лишив меня душевного равновесия. А может – это единственная услуга, которую еще можно оказать человеку?

14-го августа.

Когда Вы в печати когда-нибудь увидите моих французских Бесов Пушкина, [1849] Вы будете знать. Вы один будете знать, как они переводились – за какие тридцать земель от пишущей руки – и души. Но, может – и сам Пушкин их так писал?

..Всё же промчится скорей – песней обманутый день.

(Овидий)

Нынче, 17-го августа 1936 г., понедельник.

я, м. б., несколько дней не смогу Вам писать. Во всяком случае, сразу известите о перемене адреса, чтобы я знала – куда думать.

я ничего о Вас не знаю – с 12-го. Если бы Вы не были после операции – я бы этим не смущалась, а так – жестоко не знать.

Ну, будем надеяться, что причины – хотела сказать внутренние, но что – внутреннее операции? тогда скажем – душевные.

Как бы то ни было – пишете или не пишете, пишу или не пишу – я о Вас думаю.

Храни Вас Бог!

МЦ

Приписка снизу:

Нынче, 18-го августа 1936 г., вторник.

– Пришел мой огромный сын (11 лет – почти с меня) – своим огромным шагом и, лаконически: вот Вам письмо от Штейгера. И я, деловито: – Ну и отлично. А сейчас – волей судеб – иду на свидание с собакой, которая меня любила больше, чем все люди вместе, и которую я не видала шесть лет. (Собаки помнят два года, гениальные – четыре. Любящие – X лет.) Его зовут Подсэм (чешское: Поди сюда). Я Вам о нем напишу отдельное письмо, из которого Вы меня больше узнаете, чем из всего доселе Вами читанного.

Это – большое – отсылаю не перечитывая. Оно Ваше, и я чужих писем не читаю.

Обнимаю Вас, моя радость (и боль).

М.

19-го августа 1936 г.

Что мне безумно хочется к Вам – Вы конечно знаете, но мне хочется к Вам на полную свободу – какой нет на свете: на свободу того света. Но даже примирившись с несвободой этого: если отсюда ездят в Женеву – то компанией, взяв сообща машину, которая в вечер того же дня – отвозит. Едут без виз. Визы я получить не могу, п. ч. у меня нет с собой нансеновского паспорта[1850] – остался в Ване, в дебрях – так что и поручить нельзя. Итак, чтобы к Вам попасть, нужен был бы целый ряд (звено в звено) совпадений: вовремя выехать (не от меня зависит: едем «мы»), в Женеве сразу попасть на подходящий поезд, в Берне оказаться в Ваши приемные часы (которых я не знаю), от Вас не опоздать на обратный поезд и, наконец, – застать машину. – Видите? – Еще одно: я совершенно не ориентируюсь (ни даже в доме), это у меня – болезнь, я сразу теряю направление, верней отродясь его не имела – никакого – ни на час, – это моя пожизненная беда и вместе с тем услада (равно как и близорукости – я всегда неизвестно где, но в быту это – неодолимое препятствие. (Подробность: я ведь Вас, конечно, в палате не узнаю 1) п. ч. я близорука, а больница не театр, чтобы смотреть в лорнет, 2) п. ч. я Вас вообще не знаю: лица помню только выучив наизусть. Что помню: чернота и белизна (та хвоя и то серебро), во сне я бы Вас сразу узнала, но – в жизни... – и главное: без Мура я в Женеву поехать не могу, а у всех там – свои дела: родня, покупки, встречи... Вести его к Вам?? За – чем? (Тире передает недоуменность интонации, но слово одно, – а не два.)

Если бы Вы сейчас не были после операции – Вы бы ко мне приехали, ибо у Вас паспорт, очевидно, есть, и Вы, кажется, швейцарский подданный? Деньги бы я достала. Вы были бы мой гость – я бы была бы на воле. Звать Вас сюда сразу после операции – безумие, но если, мой дорогой и родной. Вы хорошо поправитесь и не будет ни малейшего риску – я здесь до конца сентября, и деньги на дорогу Вам вышлю по первому слову. – Идет? – Словом, Вы сейчас вылеживаетесь, затем едете к себе auf die Alm[1851] – и там пасетесь, гремя бубенцами моих писем. Поправившись, отпрашиваетесь на два дня – по неотложным делам – и приезжаете. И здесь мы с Вами – воочию и воушию – дружим, если хотите перескочив – знакомство.

Сразу же ответьте, возможно ли, т. е. выпускают ли из Schwendi – на 2 дня. Утомлять я Вас не буду, если не сможете подняться ко мне на гору, я Вас устрою в деревенской гостинице у самой станции и весь день буду у Вас сидеть, или – сколько захотите. Ни шагу не будет подъема. Еще лучше – что не сейчас: 1) я всегда любила откладывать радость – на потом, 2) Вы за этот месяц окрепнете, в письмах мы еще больше подружимся, и это будет венец нашего лета, для меня начавшегося Вашим первым письмом. – Хорошо ведь? – Непременно сразу ответьте. Если нужно будет, сообща выдумаем неотложное дело – можно и литературное, – чтобы отпустили. Узнайте – если не сложно – и цену дороги: от Вашего Schwendi до моей деревни – и обратно. Ближе к делу – узнаю Вам женевско-сен-пьерские поезда, ибо в Сен-Пьере (деревенька) останавливаются не все. Я во всем осуществительном очень точна: во мне немецкая кровь.[1852] Убеждена, что месяц спустя операции Вы поехать сможете: нынче 19-го августа – не поздно будет и 19-го сентября (лучше – раньше, но – как сможете, я тогда задержусь до 25-го). Только – уговор лучше денег – Вы серьезно должны приняться за свою поправку: не делать глупостей, не переутомляться, не пить, ничем себе этот месяц не вредить, п. ч. дело уже будет в Вас, т. е. все зависит от степени Вашего желания («Я от Вас ни копейки не возьму» – этого я от Вас не услышу, ибо я от Вас миллион возьму, когда у Вас будет – два. Идет?).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что еще очень важно: здесь я дома, т. е. сама-своя, т. е. больше всего на себя похожа – я новых мест и неопределенных положений боюсь – здесь мне с Вами (Вам со мной) будет – вольно. Здесь – природа, покой, – только коровы, которые тогда уже спустятся со своих высот, будут бубенцами греметь, верней: в колокола звонить.

Ответьте молниеносно, чтобы я знала, что уже могу радоваться. Нам с Вами будет чудно. А месяц – скоро пройдет.

На Ваше письмо – отвечу завтра.

Храни Вас Бог! Я храню – как могу.

МЦ

Château d'Arcine, 20-го августа 1936 г., четверг.

Это еще не ответ на Ваше письмо – эти дни я почти не бываю одна – я даже нынче не смогла отправить Вам – хотя бы открытки, ибо отправляю, как пишу – собственноручно: не только не доверю другому, а не могу стерпеть, чтобы прошло через чужие руки (почтальон – не в счет, ибо – судьба: независимый от нас ход событий, так же не зависящий – как ход облаков или войск). Я каждое письмо (Вам) мысленно сопровождаю в ящик, как в колодец – куда камень летит сто лет. Всё не просто. Поэтому нынче Вы без привета. Но знайте наперед, что никогда я «просто» Вам не напишу (Я совсем не знаю, так ли Вам нужно и важно, как мне это кажется. Но мне ведь всё – «кажется». И с какой силой!)

На то письмо, мой родной, отвечу непременно и отдельно, ибо оно – существенное: такое же серьезное, как объявление войны – или мира, в нем что-то от поединка, это – условия игры – Вами мне ставимые. Вы совершенно правы, ибо играть вслепую – достаточно.

В следующем письме напишу Вам еще об одной своей дружбе – в связи с Вами.

А сама буду ждать ответа на зов сюда – или в Аннесу – если хотите, хотя там будет сложнее, п. ч. у меня там нет крова, и там я суток с Вами – провести не смогу. (Но там – дивное озеро и сновиденные дома, и всё, и мы сами – двести лет назад.)

Кончаю, – потому что пора. Впрочем, успею еще разъяснить Вам свое: скучаю по Вас. Никогда – без Вас. Ибо – скучать по хлебу – только о нем и думать. Скучать без хлеба – именно им пустовать. Я в жизни не скучала – без человека. Одно – переполненность, другое – пустота. Я никогда не буду пустовать – Вами. – Надеюсь. (Мне, кажется, я отродясь не пустовала ни секунды.)

– Ну, вот. Теперь – по-настоящему пора.

Скоро Вам будет маленькая радость.

МЦ

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
21-го августа 1936 г., пятница.

Ответ на тот ультиматум

St. Pierre-de-Rumilly, Haute Savoie, Château d'Arcine.

Непроставленный эпитафия к Вашему письму: – На время не стоит труда... т. е. все оно сводится к вопросу – и даже запросу: не уйдет ли объемлющее Вас облако – дальше, обронив пассажира. Друг, у облаков свои законы – простой природы, и облака – пар, а если не пар, то только потому, что мы их надуваем – как 16-летний Лермонтов свой парус – своим дыханием.

Мое отношение к Вам – дело не только непосредственного чувства, но и разума, и твердой памяти, и совести (погодите сердиться! я знаю, что этого слова – не любят), я уже за Вас перед кем-то – отвечаю, и знала это с первого слова своего первого письма к Вам. Любите пока любиться, дружите пока дружитесь – вздор, надо чтобы не перестало любиться. Мое отношение к Вам – помимо моей отнесенности к Вам: так волна несется – решение.

А то – выходит обычное лизание сливок, занятие кошачье, а не человеческое. Потому я сразу и сказала слово мать. Которое точно значит – навсегда.

– Конечно, дружочек, полноты материнской отдачи у меня с Вами быть не может, ибо иначе я бы эти дни от Вас физически не отходила (как сейчас – клянусь, – не отхожу от Вас – мысленно). Этого счастья – *pauger de ma présence*[1853] (счастья, между прочим, для меня самого трудного) – я с Вами лишена. Даже того (блаженнейшего!) возгласа той восемнадцатилетней восемнадцатого века – я с вами лишена, – потому что мне и *me pouer*[1854] придется со своими – но закончу словом матери человека, которого я больше всех и моее всех, на свете, любила – еще молодой тогда матери ныне 76-летнего князя Сергея Волконского (ему написан мой ученик, если его помните: «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»), на вопрос подростка и любимца-сына: (Сын ее, очень робко и почтительно – и должно быть жгуче, – ибо вопреки легенде и очевидности он всю жизнь, с малых лет, любил только женщин, с матери начиная и мною кончая, говорю: любил, не другое – итак, сын очень сдержанно и жгуче ревновал ее к дружбе с Владимиром Соловьевым: – Ты его больше всех нас любишь: больше меня...)

– Больше всего я, конечно, люблю вас, мои дети, но в просторах души моей...

Мой друг, я – совсем старинная женщина, и не себе – современница, а тем – сто лет – и так далее дальше – назад. Породив детей (говорю о сыне, об Але – когда-нибудь расскажу) – я обязана его, пока он во мне нуждается, предпочитать всему: стихам. Вам, себе, – всем просторам души моей. Фактически и физически – предпочитать. Этим я покупаю (всю жизнь покупала!) свою внутреннюю свободу – безмерную. Только потому у меня такие стихи. На этой свободе нам с Вами жить и быть. Наше царство с вами – не от мира сего. Конечно, будь я свободна, т. е. не нуждайся во мне мои, я бы просто не отошла от Вас эти дни Вашей жизни –. (Но я совсем не знаю, поскольку Вам это нужно: живое присутствие. Ибо, если не нужно Вам – не нужно и мне. (Потом Вы узнаете, что меня – просто нет.)

Поняв все это. Вы теперь знаете, в какой области Вам может быть предпочтение – или – Вам – замена. Только в области живой жизни и родства, и проще сказать: моего долга. Внутри же, мой друг, на той свободе сна, вы мне сейчас – самый близкий. Вы просто у меня больше всего болите (другой меры близости – не знаю). Это место во мне Ваше и свято.

..Я Вас не знаю. Если Вы из тех соловьев, которых баснями не кормят – этого Вам будет мало (– письма и письма, а никогда ничего живого, а вечером опять один – и т. д.) – Вы просто в один прекрасный день запустите мне в голову всеми моими письмами и чувствами. (Это, в фейерверке, называется: le bouquet[1855]).

– Но я-то – такой соловей, басенный, меня – хлебом не корми – только – баснями! я так всю жизнь прожила, и лучшие мои любви были таковы – так что здесь нам нужно сговориться, ибо здесь der Hund (могущего быть расхождения) begraben:[1856] в моей невозможности реально быть с Вами: отдать Вам жизнь.

Конечно, живи Вы в Париже – Вы бы у меня бывали, и я у Вас, – но – боюсь – это была бы грустная радость, одна растрата. «Бывать» – вместо быть. «Бывать» – т. е. непременно уходить, как вошел – уходить. Никогда не: – Который час? его спросили здесь. А он ответил любопытным – ВЕЧНОСТЬ

Я Вас не знаю, сужу по себе. Я отлично умею без всего – и насколько мне отлично – с немножким.

Такой непрерывности внутренней может быть не соответствует никакая непрерывность суточная, но заведомо-знать, что ее и тени быть не может – горько.

Вот в чем моя боль (от Вас): не мочь Вам быть всем тем, чем – могу и уже (внутри) – есмь. Потому что – как мало ни умею я жить – любить (хранить, служить) я – умею – до мельчайших подробностей заблаговременно пришитой пуговицы: отнять у другого и тень заботы! Непрерывно – руками – выручать. (Я бы никогда не могла любить богатого: мне бы нечего было с ним делать. Нельзя же целый день писать или читать ему – стихи. Для меня любить – прежде всего делать дело. Руками делать.)

Видите – совсем просто, и может быть даже проще, чем Вы бы хотели. Вы – может быть – мучиться от меня хотели? Тогда – не удастся.

– «Тогда я не играю».

– Да будет Вам известно, что в каждой моей игре – ставкой всегда была – я: вплоть до бессмертия моей души. И проигрыш всегда был – мой: я себя другому всегда проигрывала, но так как я была бессмертная моя душа, то этого другому было – много – и часто ставка оставалась на столе – или смахивалась локтем под стол. Вот Вам ответ на игру. Можно только бояться серьезности моей игры. (Мне один умный еврей – в ответ на мои юношеские стихи: Легкомыслие (мне не было двадцати лет) очень серьезно сказал: Вы – легкомысленны? Вы – на фоне людского – и мужского и женского – легкомыслия – просто подводная яма по глубине. Вас – бояться надо.

И – боялись.

Вчера вечером в большой замковой зале были танцы: сначала – ваши, потом – наши, и чудно танцевала одна пара – венгерку: люто. Вся Венгрия вставала – с Марией Вечерой. А потом одна женщина пела – изумительные стихи фета – помните?

Рояль был весь раскрыт – к струны в нем дрожали,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как и сердца у нас – за песнею твоей.[1857]
Это Фет писал – чужую любовь: Наташу Кузминскую,[1858] Наташу Войны и Мира, от которой в ту ночь, которую она всю насквозь пропела, навсегда ушел человек, которого она любила (брат Льва Толстого – Сергей). Это было в Ясной Поляне, в Фет был гость – и его никто не любил – и благодаря ему – та ночь осталась – тот рояль по сю ночь раскрыт. Я бы все свои стихи отдала за строки:

– Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить – обнять – и плакать над тобой.
Больше о любви я ничего не знаю.

М.

22-го августа 1936 г., суббота[1859]

Мой дорогой деточка! Разве мы с вами – оба вместе взятые – не стоим 50-ти швейцарских: 250-ти французских, да еще – дутых! – франков, да еще данных мне – ни за что ни про что – бельгийцами??? Ваш приезд у меня есть – и он собственно заработанный – двухчасовым стоянием и чтением – этим маем в Бельгии. Только я, за ненужностью, эти бельгийские франки оставила в Ванве и все дело в том, чтобы их здесь у кого-нибудь получить.

Теперь – всерьез: моей просьбы о Вашем приезде – не ждите. (Мне хочется – не резон, а пожалуй – и обратный резон.) Я – активист обратного направления: отказа. «Entbehren sollst du, selbst entbehren».[1860][1861] но entbehren я – только за себя.

Для меня – довод – Вы, Ваше желание (или необходимость). Тогда – желаете сильнее – и приезжайте. Мне нужно – если Вам нужно. (Потому что я Вас люблю, а не себя.) И так: деньги мои и настолько несуществующие, что даже (с мая) не разменяны. У нас с Вами – cause commune.[1862] Кроме того, Вы – весь – моя тайна, всё Ваше и к Вам у меня – втайне, это наше дело, мы – наше с Вами дело – поняли? Не считайтесь ни с чем, кроме своего здоровья и насущности своего желания. Вам – знать.

Не прогадайте! Не променяйте первенства на чечевицу бытовой (хотя бы самой похвальной) одумки. нас с детства учили: деньги – грязь. Не промельчите – и себя, и меня, и всей чудесности нашей встречи. Разве это так уж часто бывает??

Итак: 1) Когда бы Вы могли приехать (надо предупредить, чтобы была комната), 2) Когда Вам нужны деньги? На возобновление паспорта вышлю по первому слову, которое – просто – да. Остальное – по достаче.

Последний вопрос – уже не бытовой: почему Вам именно сейчас хочется (или нужно) меня видеть? Проверяете – кого и что?

На все три вопроса ответьте возможно точнее – и быстрее.

М.

До этого, пожалуй, писать не буду. Потом – сообщу все бытовые детали.

М.

И пишите мне, пожалуйста, настоящие письма, а не картонки![1863] (шучу). – как
Страница 551

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
новый госпиталь? Вы там один в палате? Расскажите подробно все докторское: как рана (или уже шрам?) – когда встаете – всё, всё. А в ноябре я Вас в Париж не пушу – худший месяц. В Париж ты ко мне приедешь весной.

Приписка на полях:

Вам здесь со мной будет чудно. Хотите – сад, хотите – моя берлога, Вы будете лежать, а я буду сидеть рядом – можете даже спать при мне:

я люблю спящего человека. За два-три дня отдохнете, я Вам не дам уставать. – Жду решения.

29-го августа 1936 г., суббота, третий час дня

St. Pierre-de-Rumilly, (Haute Savoie) Château d'Arcine

(Списано из моей черновой тетради, куда записываю – всё)

Чтобы делать пометки на Фаусте (на этот раз – не гётевском, а народном: «Historia von Doktor Johann Fausten, dem weitbeschrieenen Zauberer und Schwarzkünstler, wie er sich dem Teufel auf eine gewisse Zeit verschrieben, was er hierzwischen für seltsame Abenteuer gesehen, selbst angerichtet und getrieben, bis er endlich seinen wohlverdienten Lohn empfangen – 1587. –»[1864]

– оттачиваю карандаш и обогнув спящий послеобеденным сном замок – мимо спящих собак – по страшной жаре, от которой сосны трещат, точно их жарят – иду с книгой – куда глаза глядят, т. е. приблизительно знаю, что выйду на верхнюю скамейку по дороге в Сен-Лоран. И – внезапно понимаю, что иду к гадалке. Но для этого нужно отыскать те самые скалы, где, по слухам, она живет. Скал много: верхних – нижних – дальних – ближних – где? Сверху вижу группу камней – что-то не то, и без всякого дома, и нижнюю и – зная, что надо подниматься – спускаюсь. Три больших камня, внизу – Борн (как на мосту написано: Le Borne (der Born, Oheim Kūhlebörn[1865] (Ундина). – Не то. – Обратно вверх по тропинке на круто-восходящее шоссе. Над головой – если очень закинуть – холм с смутным гребнем скал. Карабкаюсь мимо одинокого дома, по явно-принадлежащему ему свежескошенному – бритому – откосу, упираюсь в каменную стену – невысокую, но неудобную – смутно слышу мужской голос: – «En voilà encore une qui...» (а une[1866] – в голубом немодно-широком с воланами платье – и с седою головой! И лазит как коза: беспрепятственно) – итак, упираюсь в стену и не желая пуще изумлять – голос и его собеседника, т. е. откровенно по-козьему пересекать – отыскиваю в стене брешь, и так, по отдельным камням, перелезаю. Новый подъем, на этот раз уже отвес – уже лесной. Лезу и чувствую – то. Сердце гулко (ушами слышу) бьется: ух! ух! ух! – но – приятно, без задыхания, от чистого волнения. (Так, впрочем, бывает – и разрывается.) Перед самым верхом обнаруживаю все время сопутствовавшую мне лесную тропинку, но решаю – кончить как началà – по отвесу. Долезла. Те скалы. (Пот льет и сохнет. Слизала каплю – солёная как слеза. И кровь – солёная. Не может быть человеку – весело.)

Иду по вьющейся между скалами тропинке, местами – лестницы. Высота, даль, внизу Борн, никого и ничего. Тропинка огибает низ скалы – огибаю с ней и я, я ее просто слушаю, и до последней минуты ничего не видя (иду минут пять между скал и сосен) – упираюсь в дом. Старую ферму. (Hof.)[1867] миную одну дверь – запертую (очевидно – хлев) – и другую – тоже запертую – и такую же третью (кажется, все разные постройки), а четвертая – открыта. Черно.

Круглолицая румяная очень старая старуха на черном (от старости) и чистом (от служения) столе гладит черную юбку. – Bonjour, Madame... On m'avait dit – pardonnez-moi si je me trompe... – c'est bien vous – la tireuse de cartes? – c'est

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
moi, c'est moi, entrez, Madame.[1868] (В ее голосе – покой – знающей, в моем – непокой хотящей знать.) – Les autres m'avaient dit que Vous tiriez tres bien les cartes... Et je suis venue comme les autres.[1869]

Проходим в комнату (та была кухня) – садимся. На столе разложенная колода. – Je viens de commencer un très beau jeu de cartes, a nous portera chance.[1870] – Сидим друг против друга, глядим друг на друга, посредине – колода. – Madame, avant de commencer à faire les cartes pour moi[1871] (чувствую молящсть своего голоса и стараюсь совладать: не испугать, ибо так просят – только о преступлении – если не о помиловании)... je voudrais Vous demander: est-ce que Vous pourriez aussi faire les cartes pour un absent?[1872]

Ее лицо неуловимо и сразу – настораживается. – Mais ce ne sera pas pour rire? Je n'aurai pas d'ennuis? a ne sera pas pour me moquer? – Non, c'est très sérieux. C'est lui qui le veut, et il le veut tres serieusement. D'ailleurs – il ne se moque jamais.[1873]

(Рассказ, как ей за правду досталось – гадала девушке на любимого – и обнаружила, что любимый хочет не-жениться, а – так... и девушке – сказала, а девушка сказала – ему, – и отказала – а любимый озверел в пришел к гадалке et m'a demon deux chaises – «Et ce soir on public les bans»[1874] (ее – с другим).

– Ceci, c'est pour Vous ou pour l'absent? (Я, желая принять на себя первое – не знаю – что.) – Ceci, c'est pour moi.[1875]

– Cest comme ça qu'on brasser.[1876] (Перетасовывает трижды.) Ensuite. – Vous coupez.[1877] – Повторяю в точности. (Карты – тяжелые и идут с трудом.) Снимаю и – на какое-то мое смутное неуловимое движение к ней: – Oh, non, non! Je n'ose plus y toucher![1878]

(Моё гадание – опускаю)

Pour l'Absent

– Comment c'est – son petit nom? – Называю. – Повторяет. – Il y a beaucoup de jeux – car ce n'est pas le même jeu – c'est le grand cours des jours.

Le grand cours des jours

...Fatiguê, voyagé, souffrant. Des parcours dans des hôpitaux. – voila la lettre des grandes surprises! – Il est guer, en ce moment. – Tout s'monde! Tout s'monde! – Il a très souffert, c'est un brave garçon, un très bon garçon. Il a eu beaucoup d'argent, ça lui reviendra un peu, il est très intelligent. – voilà la lettre! – a le baisse un peu, la maladie, il est très nerveux. Il aime beaucoup une dame (недоуменно и решительно): – il Vous aime beaucoup, et Vous l'avez vu – il y a bien dix mois – il y a dix cartes – ou c'est y dix ans?

Il Vous est cher, il est parent avec Vous. Il avait beaucoup maigri, mais il a un peu repris. Le petit cher – l'as de coeur. Il a très bonne conduite, c'est le bon garçon. Très.

Il a été délaissé de tout le monde, Vous etes venue vers lui – il était bien en danger – il est hors de danger. Pas de mort – il l'aurait désirée passé un

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
moment. Non! non! non! Ce n'est pas la mort... Il lui reste encore de beaux jours à vivre.

C'est quelqu'un qui vous aime, c'est un parent, c'est comme votre fils. Ne me dites rien, ne me dites rien!

– Voilà la lettre! –

(Ce retard, cet homme, cet ami fidèle...)

Je l'ai à côté de vous. Mais c'est lui – le petit valet de cœur! Il y a des événements nouveaux qui vous mettent près de lui: vous ne resterez pas dix ans sans vous revoir.

Il y a un autre jeune homme; il est auprès de lui? Oh nom d'un gueux![1879]

...Il y a une autre dame qui a peiné pour lui, malade elle-même...grande surprise, grand bonheur...

...Il n'écrit pas, mais c'est parce qu'il est un peu insensé après sa maladie. On ne fait pas ce qu'on veut dans un hôpital. Très nerveux, un peu insensé. Je vois bien une lettre, mais ce n'est pas encore pour demain. C'est peut-être pas lui qui vous écrira, c'est un infirmier.

(Большая пауза)

– Vous avez bien tout dit? – Il ne faut pas tout dire. Il y a des choses qu'on doit garder. Il ne faut dire que le trois par trois. Trois par trois. Je vous en ai déjà trop dit.

– Alors, vous avez bien fini? – Bien fini, et ne vous mettez pas en peine: il guérira. – Alors, vous ne direz plus rien? – Chère dame, je vous en ai dit long.

– Alors, c'est moi qui vous dirai: il est dans un hôpital, il vient d'être opéré, il ne m'écrit pas, je ne connais pas ses parents... et je n'ose pas trop souvent lui écrire – et je ne sais rien sur lui – et c'est pourquoi je suis venue – vous demander à vous – qui savez.

Она, показывая на трефовую даму внизу, сочувственно: – Pauvre gas! Je le savais: j'étais à côté.

..Qu'est-ce que je vous dois? – C'est toujours ce qu'on veut. Je suis toujours contente.

Кладу. – Oh, c'est trop, c'est bien trop! Vous allez être genée...

– Prenez. Vous m'avez fait beaucoup de bien.

– Il a beaucoup de jeux. C'est le premier. Et j'aurai beau ne pas vous reconnaître – quand vous reviendrez – il en vient tant! – je vous reconnaitrai à votre jeu. Vous aurez beau avoir un grand manteau blanc, et avoir les cheveux arrangés par le coiffeur, et être maquillée – je vous reconnaitrai à vos cartes,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
a sera toujours le second jeu. J'aurai beau Vous oublier, comme j'ai oublié vos
cartes – les cartes me diront. Il y a le grand cours des jours. Il y a le cours
des jours – qui vont et viennent. Il y a le Trois par trois. Et tant d'autres
encore...

– Qui Vous a appris à faire les cartes? Vous avez ça dans la famille?

– Non, Madame. J'ai commencé à 17 ans. J'étais avec une dame qui savait faire
les cartes. Mais elle les faisait pour elle. Un soir elle m'a envoyée en
commission – où j'ai eu peur. Le matin en faisant les cartes elle m'avait dit: –
Je vois quelqu'un courir – et c'est moi qui ai dû courir, car le soir elle m'a
envoyée dans de mauvais lieux, et je lui ai dit que c'étaient des voyous qui
étaient après moi – mais c'était bien le contraire. Si j'avais su tirer les
cartes – je n'y serais pas allée... – прощаемся. – Je reviendrai. Je reviendrai
pour faire mon second jeu, nos seconds jeux. – Soyez heureuse, chère Dame, et
tâchez de profiter un peu, et grand merci à vous.[1880]

Приписка на полях:

Записано у нее же, пока говорила, слово в слово – 29 августа 1936 г., на скалах
над Сен-Пьером, в субботу, в третьем часу дня.

31-го августа 1936 г. – тотчас же после получения Вашего письма, понедельник.

St. Pierre-de-Rumilly-Haute Savoie – Château des Arcine.

Дитя! Начнем с дела. Вы отлично сделали, что не приехали. Вы поступили как умный
хороший зверь, который пошел отлеживаться в берлогу. (Если бы Вы тогда приехали
– это был бы удар радости, которого я не мыслю. У меня всегда чувство – что я
умру от радости – или от страха.)

Но оставим – неприезд, будем – о приезде.

Скованная Вашим молчанием, упорством его, всё бóльшим и бóльшим ростом его, на
мне – весом его, скованная внешне как и внутренне, я ничего решительного не
предприняла – и не могла предпринять. Я только запросила домой, докуда я здесь,
и еще – и еще – одну свою приятельницу – сможет ли она временно одолжить
требуемую сумму. Докуда – еще не знаю, деньги будут в любую минуту (Вашей в них
надобности – любой – помните). Всё дело сейчас 1) в степени Вашей поправки, 2) в
сроке моего пребывания, ибо не от меня зависит.[1881]

– Голубчик, знаю, что пишу не о том, но ведь в том я (пока) бессильна – потому
что не знаю точного состояния Ваших легких и, вообще, Вашей физики:
сопротивляемости, едоспособности и способности усвоительной, не знаю Вашего
физического материала – будьте другом, напишите мне серьезно и подробно – а не
капризно (например «резали что-то возле печени» – что это за ответ? Неужели Вам
самому не интересно – что, а если самому не – неужели Вы не понимаете, неужели
Вы до сих пор не понимаете – что для меня – Вы – весь, со стихами, – как с
кишками). Но – к делу: напишите мне всё, что Вы о физическом себе знаете – и
больше, чем знаете – узнайте, чтобы узнала – я. Тогда – можно говорить.

Другое: предположим, что этот Ваш приезд ко мне к 15-му сентября – не удастся –
либо потому, что Вы недостаточно окрепнете, либо потому что мне придется уехать
раньше, – что Вы хотите, на выбор: чтобы я к Вам осенью в Schwendi приехала – и
уже не на час (сейчас, при максимальной удаче, это был бы час – если это вообще
мыслимо – в один день – из Арсина в Швенди – в один день – с невозможностью
ночевки, ибо я без заграничного паспорта и не могу получить визы) – уже не на

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
час, а на несколько дней. У меня в Париже заграничный паспорт есть, и есть друзья, и они мне с визой помогут. Только – важная подробность – где я в Schwendi буду жить? Можно там жить? Это (помимо санатории) – деревня? Комнаты – сдаются? Цены – астрономические или человеческие? (Хотя вся Швейцария – астрономическая, только зажигалки – человеческие.) А если не в Schwendi – так где? Чтобы каждый день видаться. А можно – каждый день видаться?

Второе: хочешь – ты – приехать осенью в Париж – и вот для чего. У меня есть друг – женщина – русская – изумительный врач и человек[1882] – и с изумительным врачебным даром (génie). Когда – в 1929 г. – у близкого мне человека никто в легких не находил ничего – она первая прослышала и забила тревогу и добилась немедленного отъезда сюда же – откуда пишу.[1883] Она абсолютно-подробна и, одновременно – le grand coup d'oeil,[1884] т. е. никогда не рассматривает больного только в данности больного органа, а – неизменно в совокупности всего его физического и духовного явления – в соответствии всего со всем. Я ей не только верю абсолютно (что «я» – и что – «верю») я знаю – своим, и всех своих друзей, и знакомых и даже чужих людей за 14 лет опытом – что лучшего врача быть не может.

Хочешь – пойдём к ней? Она скажет всю правду – все твои возможности и невозможности – и перспективы – и запреты, – всего тебя физического даст как на ладони. Она очень любящая (и очень меня любит) и совсем особенная, с таким же душевным génie, как врачебным. (Она – эмигрантка еще царского времени, 20 лет в Париже, непрерывная практика, работает у самых больших профессоров, у нее ход ко всем именным врачам (светилам), которые всегда – не было исключения – подтверждают ее диагноз.) И это мне родной человек, и к тебе отнесется, как к родному.

– Хочешь? Тогда ты приедешь ко мне, я тебя устрою в Ванве, возле, и буду с тобой все время, которое захочешь и сможешь. (А утром буду приходить здороваться.) Ты будешь мой гость. В город от нас – рукой подать: 7 минут ходу до метро и столько же до автобуса.

Но – как ты ходишь? (Сколько вопросов – и насколько бы проще...) Т. е. – как ходил до операции? Сильно ли задыхаешься? (Я теперь рада, что тогда проводила твою сестру – точно – немножко – тебя.) Одолеваешь ли подъем, – и какой? И есть ли такой, который не преодолеваешь? (Говорю не о горах, а в размерах холмистого города. Впрочем, у самого метро – стоянка автомобилей, а до нас – на машине – минута.) Еще подробнее: сразу ли ты чувствуешь – что в гору? (Незаметный для глаза подъем.) Вообще – что у тебя с легкими? В точности. (Есть правое и левое, есть верхушка и низ – и середина, наверное, так что – с каждым и в каждом??)

Значит, решай – как тебе лучше. И реши – немножко заранее, хотя бы в виде плана. Я бы бесконечно хотела тебя ей показать. (Ее зовут Маргарита Николаевна, ее дом в Париже – единственный, куда я прихожу без зова – могу прийти в любой час суток – и несуток – в любой час души.)

Тогда вместе с Маргаритой Николаевной все выясним: всего тебя – и будет легче – и тебе и мне.

Но о себе – сейчас – не хочу тебе писать, проглочу. Эти дни (твоего молчания) одни из моих самых тяжелых за жизнь. (Знай раз-навсегда, что я ничего не преувеличиваю: всё преуменьшаю.)

Сейчас одно важно: твое здоровье, – и мое к тебе-только, поскольку я могу тебе помочь: от помочь до развлечь.

Еще одно: не оставляй меня так – подолгу – без вестей, ради Бога! Ведь есть – открытки. Только два слова, чтобы мне так не мучиться – как эти дни. (Как – ты не узнаешь никогда. Да и я не знала, что так – можно. Каждую минуту целого дня, и всей моей силой – а сколько их было – дней!)

Но ты это – забудь, ты мне ответь:

- 1) что показал снимок,
- 2) есть ли, в связи с этим, надежда на приезд в St. Pierre не позже 15-го (позднее – боюсь – будет мой отъезд).
- 3) что решаешь: мой Берн или твой Париж.
- 4) если Берн, т. е. Schwendi – как там устроиться (цены).

Всего 4 вопроса и умоляю тебя ответить на них возможно скорее и точнее: можно вместиť ровно в 8 строк. 5) как ходишь? (Тогда – 10.)

Теперь жди – с завтрашнего дня – ряда приятных вещей, все дни подряд, ибо я тебе не писала только потому, что не знала, нужно ли тебе это, не слишком ли много? трудно? – вся я (хотя и пытающаяся уменьшить свой вес, как в детстве – физически – 17 верст в тарантасе, на чьих-то коленях – не давить, не весить, сплошь на мускулах сердечного страха).

Убеди меня, что я тебе – нужна. (Господи, в этом все дело!) раз-навсегда убеди, т. е. сделай, чтобы я раз-навсегда поверила, и тогда все будет хорошо, потому что я тогда могу сделать – чудо.

Итак, я жду – делового ответа, а ты жди – ряда непрременных радостей.

(Знаешь сонет у Гёте, который называется:

Sie kann nicht enden...[1885]

(гениально, что он с этого – начинает! И гениально, что это самая законченная форма – сонет).

О твоих стихах (только сейчас, после перерыва Гёте, заметила, что все время писала ты) напишу отдельно и внимательно.

Я все делаю (пишу, перевожу, читаю, хожу, говорю) и у меня ни одной мысли в голове нет, кроме тебя и твоего здоровья.

Ты думаешь – я не писала «случайно»? П. ч. чем-нибудь была «занята»? Мне это нсписанис тебе стоило больших усилий, чем все мои писания вместе взятые: других усилий: другие мускулы работали: обратное.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ну, жду, обнимаю, люблю – но не даром я не люблю глаголов (страшная грубость!),
но чтобы обходиться без – нужны стихи или присутствие. Будет и то и другое.

А завтра тебя ждет – верная радость.

М.

Приписка на полях:

я больше не хочу писать Вам Monsieur[1886] – какой вы Monsieur? – Вы гораздо
больше Herr,[1887] чем Monsieur – только вспомните производные: herrisch,
herrlich, Herrlichkeit[1888] – и Heer[1889] по соседству (himmlische
Heere[1890]).

1-го сентября 1936 г., среда

Château d'Arcine,

Письмо о стихах[1891]

– что я об этих стихах думаю?

Первое и резкое: убрать кавычки – отличные стихи.[1892]

Зачем и откуда – с Вашим чудесным сердцем – кавычки на таких чудесных,
чудодейственных вещах, как жалость, труд, страдание, любовь, подвиг?

Что такое кавычки? Знак своей непричастности – данному слову или соединению
слов, как знак его условности в наших устах. Подчеркнутая чуждость их простому
употреблению и толкованию. Знак своего превосходства – над той простотой.
Кавычки – ирония. То же самое, что «так называемая жалость». Так называемая, а
мною так не называемая, мною не так называемая, мною называемая – слабость (либо
глупость).

Но, родной мой, вычеркнув из своего душевного обихода и словаря – слова (и
понятия) – совесть, расплата, нищенство, больница, тюрьма, братство, любовь,
труд – что тогда от мира и от сердца останется?

Вы скажете: – Марина Ивановна, Вы передернули, Вы подменили пошлые (ставшие
пошлыми) словесные соединения – именами существительными, пошлыми быть не
могущими.

Но, мой друг: что пошлого – в больничной палате? Это не пошло, а – точно. То же
и о нищенской суме (я, кроме этой нищенской суммы, в России, с 1917 г. по 1922 г.
ничего не видала, но ее зато – непрерывно). И расплата за день – не пошлость. М.
б. немножко общё. Беря эти слова в кавычки. Вы в кавычки берете не словесные
трафареты, ибо эти слова – не трафарет: слишком уж насущны, как слово «черный
хлеб», как сам черный хлеб. Остаются другие: «равенстве, братстве, труде»
(привожу из памяти) и «Мысли о меньшем страдающем брате» – да, эти слова –
трафарет, но зачем же Вы их берете? Зачем же Вы пользуетесь грошовым орудием
чужого неумения – чтобы разбить бессмертные вещи?

Ведь два вывода: либо Вы, в этих стихах, сражаетесь с словесными трафаретами, а
Страница 558

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
не вещами, тогда – сто́ит ли? Либо Вы наивно отождествляете бессмертные понятия с пошлыми наименованиями (из которых половина не пошла, а – до ужаса невыразительна). По́ чему Вы в этих стихах бьете? По громким фразам 60-тых годов? Но для них это не были фразы, они за них – умирали (вспомните последнее письмо Софии Перовской – матери – о «воротничках», [1893] сто́ящее последнего: «Мои́ шéг Рарá» [1894] Шарлотты Кордэ). [1895] По самим вещам (жалость, любовь, труд)? По себе – такому дураку, что в них – поверили и на них – оборвались?

Стихи эти я читаю – наоборот: без кавычек, и – честное слово – даже в «мёньшем брате» никакого трафарета не чувствую. Простая болевая правда их – уничтожает их некоторую общестъ, слова эти здесь (должно быть от Вашей внутренней правды) звучат за́ново, совершенно не смешно, – в полный и смертный серьез. (Как я хотела бы – чтобы они так были написаны, и до чего они та́к – внутри – написаны!)

Конечно (и в этом сочувствую Вам – как пишущий) куда тогда девать дребедень и ерунду (которым, кстати. Вы противопоставляете какую не-дребедень и не-ерунду?) Заметьте, что Вы здесь, в 8-ми строках израсходовали всё человеческое величие, что у Вас на противопоставление не остается ничего – кроме всей человеческой малости.

– Компромиссный совет: если Вы так уж держитесь за жестокие, несправедные определения жертвы – как ерунды и дребедени, всё же уберите кавычки, ибо помимо их оскорбительности и моей оскорбленности, в них, за́ Вас – нехорошо в стихах – столько кавычек, это уже – вроде статьи. Стихи должны писаться словами безусловными – а не условными. Сам прием – дешев – не сердитесь, то же самое, как какой-нибудь пурист из «Последних Новостей», за ленью, употребляет какой-нибудь советский ходкий, якобы ненавистный ему, а по существу – необходимый – оборот. Если Вы эти вещи (жалость, любовь, труд) – ненавидите, разбивайте их по существу. (Ницше.) Если Вы эти словесные трафареты ненавидите – не употребляйте их. Нельзя отказываться от вещи полным ёю же – ртом. Отречение прежде всего – изъятие себя из её, её из своего оборота.

...Тут двое стихов, неслитых и неслиянных. Вторые – 5 строк, законченных и замечательных. Это совсем отдельные стихи, с теми незнакомые, связанные только одинаковостью размера. Прочтите сами, забыв начало:

Совсем, совсем хорошо
Бедность легко узнают по заплатке,
Годы – по губ опустившейся складке,
Горе?
– Но здесь начинаются прятки.
Эта любимая, взрослых, игра. –
Всё, разумеется, в полном порядке.
(У собеседников с плеч гора). [1896]

Только, не у собеседников, а у собеседника. Непременно. 1) Та́к мне запомнилось, а мне всегда запоминается по лучшему. Так например у Бальмонта – Морское дно – последние слова поэмы: – Два слова сказала мне дева со дна – Мне вам передать их дано. – Я видела солнце, сказала она – Что дальше – не все ли равно. Та́к я, 14 лет, прочтя – запомнила. А у него оказалось: после. Ведь насколько хуже – и по звуку (да – а – альше и после) и по ограниченности понятия «поспел – временем (дальше – и время, и пространство: даль годов и верст, просто – даль). Кроме того, с первой строки до последней мы видим у Вас не ряд лиц, а одно лицо, лицо одного человека – бедного, стареющего – работу жизни над одним, данным человеческим лицом. И (последнее, фактическое) нас всегда спрашивает (Как поживаете?) один собеседник, а не двое и не трое. Проведите стихи на единстве – показуемого и вопрошающего, тогда каждый в них себя узнает, ибо в этом назначение и победа стихов, чтобы каждый себя в них узнал, а не все. (Всех – нет, т. е. есть – я тогда нет никого.)

Вот, мой родной, по полной чести и совести, что́ я думаю об этих Ваших стихах.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пришлите еще, если есть. И – пишите еще, этого дыхания Вам ничто не сузит. Пусть стихи будут Вашим безграничным вздохом.

И опять возвращаюсь к письмам и стихам. Слейте. Берите из себя письменного (не из писем, а из того, кто – или верней: что их в Вас) пишет. отождествите поэта с человеком. Не заставляйте поэта говорить ни жестче, ни презрительнее, ни горше, чем говорит человек (не когда с другими говорите, и м. б. даже – не когда со мною, а – с собою).

Ведь смотрите: Ваше письмо и Ваши стихи – на той же бумаге, тем же чернилом, тою же рукою, тем же присестом руки – и два разных существа. Человек (Вы) – несправедливо и неправедно – беззаботностью друзей и близких, пропустивших начало болезни – обреченный, 26 лет (?) – не-жить, отсутствовать, смотреть на горы – вместо того чтобы их брать, да еще – поэт, т. е. самая уязвимая, и в полном здоровье непрерывно ранимая природа – этот человек, почти мальчик, находит в себе мужество сказать: „...и умирают от чахотки под мостом, тогда как я сейчас в отличных условиях“ – тогда как в священном праве был бы прямой удар Богу: – Почему столько идиотов, моих сверстников, растрачивают свой избыток сил: мускулов, – дыхания – сердца – крови – по футбольным и иным площадкам, топчут его – на этих площадках – ногами – Твое дыхание – ногами топчут! – тогда как я, существо разумное и одушевленное, а м. б. и избранное – просто не могу дышать. Кто взял мои легкие? За что?

– Нет, Вы думаете о несчастнейших себя: о подмостных, о вконец недвижимых – во всем Вашем вопле (чистого отчаяния) ни звука – упрека и справедливого бы негодования – никакого равнения по счастливейшим. Ваш вопль – чист.

А поэт – Вы – больничную палату берете в кавычки. И Вы думаете я ему – верю??

О Вашей болезни („так может длиться годами, десятилетиями...“) я Вам напишу отдельно, я об этом непрерывно думаю – и тут нужно что-то решить раз-навсегда.

Но так как я Вам каждый день обещала – радость (а письмо невольно вышло серьезное) – вот стихи, единственное достоинство которых – тождество с бывшим (и сущим во мне каждый день и час моей жизни).

До завтра!

М.

Снеговая тиара гор –
Только брэнному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.
Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок.
МЦ

16-го – 17-го августа 1936 г.

Савойя.

Женева, 3-го сентября 1936 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Может быть только во времена Герцена и Огарева и их Наташ[1897] с такой горечью из Швейцарии – в Швейцарию же – посылались приветы

МЦ.

3-го сентября 1936 г.

кажется – четверг.

С(ен) – Пьер – Женева

Я сама хотела бы быть этой курткой: греть, знать, когда и для чего – нужна.[1898]

МЦ.

3-го сентября 1936 г.

МОЯ ЖЕНЕВА

Вчера, после женеvской поездки, я окончательно убедилась в полнейшей безнадежности нашего личного свидания. – И вдруг мне вспомнилось странное по жестокости слово совсем молодого Государя – земцам, кажется: – Не смейте мечтать. (И – посмели.)[1899] И так, я после вчерашней поездки поняла, что не смею и мечтать. Теперь слушайте внимательно, ибо во мне, как Вы уже могли заметить, живет тот самый пастернаковский – Всесильный бог деталей[1900] – и я бы себя определила как некоего „miniaturiste en grand“ et même – en géant – et même en immense.[1901]

Итак, накануне меня запросили: – Хотите завтра в Женеву? – И я сказала да, п. ч. у меня были для Вас вещи, и я не хотела отправлять через чужие руки – чтобы другой писал квитанцию. И – одинаково главное, ибо я не эгоист – хотела показать Муру Женеву, т. е. дать ему возможность, в близком уже, классе его – хвастаться.

На другое утро – и целое утро – занималась упаковкой Ваших посылок и приведением нас с Муром в более или менее швейцарский вид. Жду машины с 10 ч. и – со страхом: башмаки еще не начищены, identité[1902] еще не вынута, Мур еще не мыт – и т. д. Но 10 ч. – 11 ч. – 12 ч. – машины нет. Вылезаю из своей пещеры – в сад, наведаться. Хозяйский сын (тот, что пишет о Радищеве, – мой умственный друг)[1903] – Марина Ивановна, Вы с Муром одни поедете в Женеву – ни мама ни Вера[1904] не едут. – Тогда я не поеду – ибо я в Женеве ничего не найду – ни даже озера – а если найду, то там и останусь и уже во всяком случае не найду машины. Что я буду делать одна, да еще с Муром, в чужом городе, без паспорта и будучи мной?? Бегу оповещать Мура. Он – убит, но не показывает. Но как всегда в моей жизни – я-то приняла всерьез – да еще в какой, а – оказывается, так, слова, неопределенность. Иду к хозяйке и слегка уговариваю (знаю одно: мне нужно отправить вещи!). Она неопределенно отказывается и соглашается. А уже – час, уже обед (бесконечный), – уже два, автомобиля – нет. Словом, чтобы не изводить Вашего внимания и зрения зря – машина приехала в 4 ч. (вместо 10 ч.!) – ее заказывали по телефону через почту и произошла путаница – а выехали мы – со всеми сборами – в 4 1/2 ч. Дорога дивная, но я думаю о своих пакетах, уже совсем готовых и надписанных.

Мне – все – советуют развязать, но я – противлюсь, ибо завязанная вещь – уже Ваша, то же самое, что распечатывать свое же письмо. Границы – три: бензинная, французская и швейцарская. – Pas de marchandises? – Rien.[1905] (Ибо я же – не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru продаю!) – Миновали. – Новая забота: я в Швейцарии не была с 1903 г. – и тогда посылка не посылала – сумею ли на чужой почте отправить? И – наберусь ли мужества остановить полный автомобиль людей – перед своей почтой? По дороге мне показывают Jardin Anglais, [1906] Rade, [1907] озеро, но я ни на что не смотрю – велю смотреть Муру. Но и это – одолено. (В Швейцарии люди так же вежливо отвечают, как я – спрашиваю.) Теперь я могу ехать назад. Но – начинаются Uni-Prix, [1908] пассажи, словом, тот самый хозяйственный и женский ад. Мур сразу просит stylo [1909] и еще ряд вещей, я непрерывно заставляю его множить на пять, хозяйка замка (русская швейцарка – милейшая) выбирает воротнички для дочек, которые в России (посылает в письмах), полковник-хозяин [1910] хочет пива. Муру на пять не множится – словом, добрый час стояния над вещами, погруженности – с мордой – в те детали, которые я ненавижу – в ответ на шоколадный избыток не покупаю ничего (Вам, наверное, после операции нельзя, а Муру купила хозяйка) – сидим в кафе, внутри жара безумная, пишу Вам открытку, чем пользуюсь Мур заказывает себе невероятную кружку пива (Gargantua!) [1911] – и опять Uni-Prix – и опять требования stylo, (у него – два), а тут еще и автомобильчики за 40 и 75 швейцарских сантимов – занимаемся умножением – (хозяева все время тут же – только в продовольственном отделении: закупают для пансиона) – и когда с Муром наконец выходим – нет никого. Долго нет. Совсем нет. Умоляю Мура отыскать автомобиль. Пересмотрев штук 50 – отыскивает (я бы в жизни не узнала, для меня они все на одно лицо: нечеловеческое) – вовсе не на том месте, где было условлено. Вижу – Tabac, покупаю зажигалку, чудную, за 1 швейцарский франк – но так как у меня уже моя есть и будет граница, кладу ее себе за пазуху – поглубже. Потом влезаю – в раскаленный автомобиль – и жду. Мур мотается возле, то возникает, то пропадает, боюсь машин, выхожу, гляжу, опять сажусь. 7 ч., 71/2 ч. Подходит от времени до времени возница: Et alors? Vous n'avez pas vu le colonel? – Non. – Et moi non plus. [1912] Потом уводит Мура пить пиво. Все магазины закрылись. 8 ч. И – усугубите внимание – начинаю чувствовать, что жжет. Т. е. давно жжет, с первой минуты. В ямке между расхождением ребер. И – здорово жжет. Она. Зажигалка. Как на грех налитая бензином. Пытаюсь извлечь, но – как? Платье сверху узкое (застежка на спине) достать сверху – невозможно. Словом – примите на веру: чтобы извлечь зажигалку, нужно платье – снять. Кроме того, у меня чувство, что она вроде как приросла, пытаюсь рукой – сверху – двинуть: не двигается. Начинаю думать – обсуждать – может она или не может загореться, т. е. бензин – от моего жару – загореться. На это ведь есть – законы. Т. е. точно известно может или не может. Но я-то их не знаю и могу ждать всего. Пытаюсь себя утешить (а жжет – болит – нестерпимо!) что никогда о таком случае не слышала. Но м. б. потому, что никто наполненной зажигалки в продолжении 2 ч. в такой тесноте на теле не держит? А вдруг загорится – как раз, на границе? Со мной – бывает. (И платье сгорит, и автомобиль сгорит, и граница сгорит!) От времени до времени (а час да-авно девятый) справляюсь рукой сверху – не тлеет ли платье – и нюхаю – не пахнет ли горелым? Нет! но пахнет – бензином. Так точно меня в нем выкупали. А – спутников все нет, а Мур непрерывно пьет с шофером пиво, и потом оба подходят – и опять уходят; другая группа ждет нас в Аннемассе с 7 ч. – Сейчас девять. Заблудились? Но хозяйка – уроженка Женевы. Что случилось? – Ох, жжет!

В 9 ч. 1/4 – является полковник: жене в Uni-Prix стало дурно – упала – отвез к врачу, ей сделали впрыскивание (сердце), нас искал на каком-то Moie (?) где якобы уговорились с шофером – и т. д. Едем – за ней – к врачу. Ей совсем плохо, полу-сводят, полу-вносят, и – в обратный путь. Граница. 1, 2, 3-ья. Rien à déclarer? [1913] Мур протягивает автомобильчик за 40 сантимов и 2 шоколадные бутылочки – обе за 20 – он серьезен, пограничники хохочут – хозяйка – слабой рукой – „raisins sees“, [1914] а я – ничего, ибо то, что могла бы и должна бы – непоказуемо в данную минуту никакими человеческими способами. Да! еще одно: перед отъездом прошу шофера взять на себя мои папиросы (у меня уже есть – в портсигаре) и тут же думаю: не получу обратно, он – забудет, а я не напому, ибо папиросы – вещь мужская, а не женская, и нельзя у мужчин отбирать папиросы – хотя бы свои же. (Своих женских папирос – нет.) (NB! Пишу Вам – уже третью страницу – глупостей, но – нынче пятница, 4-ое – я на те мои вопросы еще ответа не получила, значит – не могу говорить о Вас: просто ничего не знаю: бело, а я надеюсь Вас немножко развлечь: отвлечь.) Кончены – границы. Возница – мне – пакет. И я, сраженная его памятью, в полном смущении благодарности – чтобы чем-то эту свою радость – компенсировать – возвратным движением – Gardez. – merci alors. [1915]

Курим оба: он угощает и я, конечно, не отказываюсь. В Аннемассе берем

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отчаявшихся спутников. Дорога – дивная. Прохлада. Весь жар дня, машин,
шоколадок, покупок и пр. сосредоточился в одном месте:

зажигалочном. Но раз – 21/2 ч. жжет и не загорается – значит, уже не загорится.
Событие восходящей луны. (А есть другое:

Was aiemand sieht und sah: Monduntergang[1916] –

Над черным краем горы – золотая проволока. (Не золотая – медная.) И вдруг – мы
ли вынырнули, гора ли ушла – весь шар на небе: красном. Голос из кузова машины –
Неправда ли, Марина Ивановна, луна похожа на русскую красавицу? Я, любезно: –
Да, очень. (Для меня луна – самое одиночество. Все нечеловечество одиночества.
Все одиночество нечеловечества. Я ее не как поэт чувствую, а как волк.)

Дорога кружит, мы курим, те внутри молчат и вдруг: – Ох! Кошка перед
прожектором. Закрываю глаза. И когда уже проехали 3 километра – соседи,
философски: *Vous auriez mieux voulu que ça soit nous?*[1917] и еще через
километр: *D'ailleurs – il est pas tué, il a passé entre les roues. J'én ai tué
deux cette année a aurait fait le troisième.*[1918] – зубец – и даже зуб башни.
Огромные тополя. Наш *Bonneville*. Словом, после нескольких отчаянных заворотов по
узкой дорожке – ветки вот-вот оторвут голову – замок. Бегу наверх и – зажигалка
целой одной своей поверхностью – пристала. Не без труда отдираю: живое мясо.
Громадный ожог – и две зажигалки (я ее однажды – передвинула).

Теперь могу сказать по опыту (живого мяса): зажигалка, наполненная бензином и
уплотненная за пазухой – 1) не зажигается 2) но прожигает.

Вот Вам, дружочек, моя Женева – и навряд ли будет вторая.

– Не рассказала Вам о своих дорожных (под сурдинку зажигалочного жжения) мыслях
– о том, как я согласилась бы всю дальнейшую жизнь быть так жгòмой (привыкла бы)
– чтобы вместо шофера рядом со мной сидели – Вы. Но – трезвая мысль: – Но тогда
он должен был бы уметь править, а если бы он мог править – я бы м. б. так не
хотела сидеть рядом с ним, – Но, если не он – то все-таки кто бы правил? – А –
никто. Автомобиль бы стоял. Потом я подумала, что Вам было бы холодно и я бы за
Вас беспокоилась, п. ч. на себе у меня ничего теплого не было – чтобы отдать.
(Кроме зажигалки внутри.) Потом я подумала, что ведь всегда можно обнять, чтобы
согреть. Ведение полюса. Все полярные экспедиции в одном видении: двоих в
обнимку: старшего, согревающего младшего своим телом. (Когда пришли – младший
оказался жив.) А мой спутник наверное думал о доме, и о завтрашней поездке, и о
нас всех, внезапно заболевающих – и внезапно пропадающих – и внезапно дарящих
папиросы, – *Drôle de gens, les Russes, mais bien gentils quand-même...*[1919]

Что же нам остается, *Russes* или не *Russes* – как не быть *bien gentils* – друг с
другом – до одиночества лунной планеты?

М.

4-го сентября 1936 г.

5-го сентября 1936 г.

Château, [1920]

Дружочек, вот наш замок. Справа с краю – Мур, а я еще правей – за краем
Страница 563

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
карточки.

А вот тот плющ. [1921]

МЦ

7-го сентября 1936 г., понедельник

St. Pierre-de-Rumilly – Haute Savoie –

Château d'Arcine,

Родной! Нашла. Как по озарению, т. е. всем напряжением необходимости Вас
выручить – во всем – всегда – следовательно – (прежде всего) – сейчас: [1922]

В сущности, это – как старая повесть,
(„Шестидесятых годов дребедень“):
Каждую ночь просыпается совесть
И наступает расплата за день.
Мысли о младшем страдающем брате,
Мысли о нищего жалкой суме,
О позабытом в больничной палате,
О заключенном невинно в тюрьме,
И о почившем за дело Свободы,
Равенства, Братства, Любви и Труда.
Шестидесятые... годы.
(„Сантаментальная ерунда.“)

Приписка на полях:

NB! Скобками при кавычках Вы себя окончательно отмежевываете. Скобки + кавычки
здесь дают чью-то пошлейшую скороговорку, физически дают.

Только – так. Но опускаю все доказательства, ибо если сам вид и смысл стихов не
убедит – все мои слова – бессильны. Но, вместо всех доводов – один (живой)
голос:

я, обеспокоенная за Вас в этих стихах с первой минуты их прочтения (не за Вашу
бессмертную душу, в которой не сомневаюсь, но за Ваше доброе имя) сразу дала
прочсть Ваш листок (не говоря – кто) – своему здешнему пишущему другу. [1923]

– Что́ скажете? Не думайте, не думайте! Самое, самое первое!

– Aigreur, [1924] – досада, что во всё это – поверил, всему этому – служил, и в
конце концов – оказался в дураках. Такой же дурак был – как ты. (Пауза.) Тяжелое
впечатление.

И это, мой друг, лучшее толкование Ваших стихов: Вы, морально, в лучшем случае.
И я, и этот Миша – абсолютные читатели (читатели умыслов!) – и это всё, что мы
по прочтении стихов в их первой транскрипции, можем сказать в Ваше оправдание,
т. е. помнить, что: „– и я, и если дурость – так общая“.

Когда же, только что, сгоряча моей огромной радости, я в огороде достала Мишу и
доставила его к себе на чердак – листок с данной транскрипцией в руки – читайте!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– он, просияв: – замечательно! Тó, что нужно. Тáк – это для других: –
сантиментальная ерунда и дребедень, а для него – святая святых. Под этими
стихами – подпишусь.

Вот Вам – читатель. (Я не сказала – ни слова.) Да и не только – он. И ребенок не
ошибется. (Проверю на Муре.)

Теперь, на Ваше усмотрение:

Шестидесятые чистые годы либо:

Шестидесятые вечные годы. [1925]

Чистые – люблю и слово и вещь, и чудесное противопоставление сантиментальной
ерунде клеймление – чистотой – всей той грязи (NB! не той, а – этой!)

Второе – в противувес шестидесятности: временности их – ВЕЧНЫЕ. ВЕЧНЫЕ, т. е.
которые никогда не кончатся.

Выбирайте – что ближе и дороже, ибо – равноценны. Острее – чистые, глубже –
вечные. Товарищеский совет: подчеркните (либо чистые, либо вечные) чтобы еще,
ещёе ударить – и пометку: прошу подчеркнутое слово – в разрядку. Чтобы не
набрали жирным шрифтом, который нечто вроде физического воздействия, тогда как в
разрядку – воздействие нравственное: молчаливая остановка внимания.

Тогда физически вид будет таков:

Шестидесятые чистые годы

– смотрите, как хорошо.

А – русские – они всё равно – русские, не-русских (таких) не было, и если
русские – не выходит противовеса ерунде. Говорю Вам как себе, собственности на
слова нет, и – равно как в вопросе нашей встречи – не будем считаться копейками,
которые (копейки или слова) нам все равно не принадлежат (вот – зажигалка моя
мне принадлежала – верней: я – ей – когда меня прожигала), не будем этими
малостями мешать возникновению вещи – встречи или стихотворения, – но третьего,
которое больше нас.

Возвращаясь к первой транскрипции:

Ваша (да еще нарочитая) confusion[1926] – словесных штампов – и простых
обиходных выражений – и бессмертных понятий – больше, чем неудачная –
невозможная. Вы хотите быть понятым вопреки себе, вопреки знакам, и смыслу слов,
– à rebours. [1927] Это можно только в любви, в дружбе – нельзя. Не можете же Вы
рассчитывать на точь-в-точь такого же как Вы (чего и в любви не бывает), даже не
на близнеца: на двойника. Лучший читатель – только абсолютный друг, а абсолютный
читатель – только любящий, т. е. все равно – другой, непременно – другой: для
того и другой – чтобы любить. (Себя не любят.)

Если я усумнилась, то что же будет – с любым, с первым встречным?

– Я не для него пишу. – Нет, здесь – для него и о нем, ибо кто же лежит в больнице, сидит в тюрьме и т. д., как не Ваш первый встречный читатель – и подзащитный? Но – его защищая и о нем вопия – делайте это так, чтобы он первый Вас понял, чтобы он, по крайней мере, Вас – понял: ведь это – тоже помощь! (Память.) (Как одна меня безумно любившая молодая женщина – смертельно-больная и совершенно-нищая – мне – из своих далёких: со своих высоких – Пиренеи: – Марина! Я не могу вернуть Вам чешского иждивения, я не могу послать Вам ни франка, но я изо всех сил – из моих последних сил, Марина, – не-престанно, день и ночь о Вас думаю.) [1928]

Что же Вы, со своим безымянным подзащитным, своими кавычками – делаете?

Простой умирающий (русский шофёр в госпитале – а сколько их – госпиталей и шофёров!) Ваши стихи примет как последний плевок на голову (с бельведера Вашего поэтического величия). – Стоило жить!

Нет, друг, оставьте темноты – для любви. Для защиты – нужна прямая речь. Да – да, нет – нет, а что больше – есть от лукавого.

Вы приведите строки Г. Иванова: Хорошо, что нет Царя – Хорошо, что нет России. – Если стихи (я их не помню) сводятся к тому, что хорошо, что нет ничего – они сразу – понятны, – первому встречному понятны, ибо имеют только один смысл: отчаяния.

Лучше всего человеку вовсе на свет не родиться
И никогда не видеть зоркого солнца лучей.
Если ж родился – скорее сокрыться под своды Аида
И под покровом лежать тяжко-огромной земли. [1929]
Эти стихи какого-то древнейшего греческого поэта – мы все писали.

Нет, друг, защита, как нападение, должна быть прямая, это из мужских чувств, это не чувство – а асте. [1930] (и ваши эти стихи – асте), а асте не может иметь двух смыслов – иначе Вы сами не обрадуетесь – какие у Вас окажутся единомышленники, и иначе сама Cause и Chose [1931] от Вас отвернется: своего защитника не узнает.

Тут умственные – словесные – и даже самые кровоточащие игры – неуместны. Направляя нож в себя. Вы сквозь себя – проскакиваете – и попадаете в То, за что... (готовы умереть). Нельзя.

Я с горечью подозреваю Вас в нищезанстве? – Ого! –

Во-первых, нищезанство – и Ницше.

Нищезанство – как всякое „анство“ – ЖИРЕНЬЕ НА КРОВИ. – Заподозрить Вас в нем, т. е. в такой вопиющей дармовщине – и дешевке – унижить – себя.

Но был – Ницше. (NB! я без Ницше – обошлась. Прочтя Заратустру – 15 лет, я одно узнала, другого – не узнала, ибо во мне его не было – и не стало никогда. Я, в жизни, любила Наполеона и Гёте, т. е. с ними жизнь прожила.)

Но помимо нашей необходимости в том или ином явлении, есть само явление, его необходимость – или чудесность – в природе. И Ницше – есть. И рода мы – одного!

Ja, ich weiss woher ich stamme!
Unersättlich wie die Flamme

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Nähr ich und verzehr ich mich.
Glut wird alles, was ich fasse,
Kohle-alles was ich lasse.
Flamme bin ich sicherlich.[1932]
(Гете – Flammentod:

Wenn Du dieses Eins nicht hast:
Dieses: stirb und werde –
Bist Du nur ein trüber Gast
Auf der dunkeln Erde.[1933])

Итак 1) горевать о Вашем „ниществе“ (и писать – брезгливо!) я не могла, ибо – если бы я могла заподозрить Вас в ниществе – Вас бы для меня – не было (было бы любой позвавший – и любой – отозвавшийся. Любой с любым).

2) я не о ниществе (нище-анстве!) горевала, а сказала: – Тогда – будьте как Ницше, т. е. открыто и горько и беспощадно – жгите.

(Знаете, что последней подписью под его последним письмом безумца было:

Dionyseus, der Gekreuzigte[1934]

– Так видите, что ему Ницше – стоил?!

Ницше – одно из предельных воплощений человеческого (нечеловеческого!) страдания. И если я сказала: – тогда будьте как он – это только значило: страдайте с его чистотой. Убивайте (прежде всего – себя) бескавычно.

Но и любите – бескавычно.

На сегодня – ни о чем другом.

М.

Приписки на полях:

Спасибо за собеседника. Первая транскрипция – как сразу сказалось – часто – лучшая.

P. S. Нынче еще буду опрашивать – в этой транскрипции и дословно – как гадалку – сообщу.

8-го сентября 1936 г

Château d'Arcine, – ровно месяц, как я здесь.

Родной! Вчера было письмо о стихах, а сегодня – о делах. Но, чтобы кончить о стихах – вот Вам еще один отзыв – на этот раз – читательницы: – „Противно стало от всей нашей гадости – материализма, практицизма – вот и вспомнил – тех. Пусть

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сейчас все это называют сентиментализмом и глупостями – а для него это
единственное, что есть“.

Словом, тот самый: bon-très bon-brave-très brave. Très[1935] – который,
очевидно. Вас задел (Обидно быть – „brave“[1936]...) Но – к делу: – вот Вам уже
два свидетельства, мое третье. Если убедила во второй транскрипции – счастлива.
Если нет – спокойна. (Переправьте, пожалуйста, в моем списке: И о почившем на: И
о почивших – нечаянно. Неприятно, чтобы так осталось – хотя бы на час.)

Дело же – следующее. Вчера, по прочтении Ваших стихов, она – Ваша читательница –
сама предложила мне устроить ряд моих чтений по Швейцарии – этой осенью. Т. е. –
я просто спросила, можно ли жить в Leysin[1937] в-непансионе, ибо я ни на какой
пансион неспособна, она спросила: зачем? – я сказала: к автору этих стихов –
повидаться – тогда она сразу и очень подробно предложила мне столовую для
неимущих (я думаю – беспризорных, или, как их раньше называли – бродяг) – „и там
15 сантимов суп. Это Вы можете?“ Я, очень серьезно: – Могу. (И, точно, уже этот
суп съела:) – Спасибо большое. – Словом, нечто антиалкоголическое – для
chemineaux (и cheminelles[1938] – мысленно добавила я, и, уже совсем обнаглев,
вслух): – А на какие же я деньги поеду? (точно она мне предлагала эту поездку).

И – но тут начинается полный серьёз – вполне серьезное, реальное, достоверное, с
именами и отчествами – даже фамилиями – предложение: организовать мою осень –
нужно думать – ноябрьскую поездку по Швейцарии: Женева-Лозанна-Цюрих (Берна – не
было) – с рядом чтений. И тут же написала письмо одному из действующих лиц,
которое я опускаю одновременно с этим. В письме (лицо – в Аннемассе) просьба
назначить нам обоим свидание на ближайших днях. Словом (тьфу, тьфу, не
сглазить!) дело – пошло.

Но, дитя, взываю к Вашему серьёзу: моя Швейцария – дело очень трудное: мне,
помимо всех чужих усилий – нужно огромное свое: – устроить Мура в надежные руки,
каковых у меня в доме нет: отец его всегда занят, Аля – не в счет. Значит –
отдать его той же Маргарите Николаевне[1939] – в Париж, но этим самым – изъять
его из школы, которая в Ванве, т. с. найти и оплатить учителя. Вся история с
паспортом и визами, помноженная на всю мою роковую бытовую неумелость. Наконец,
моя невозможность никакого пансиона – самого дешевого, не говоря уже о
швейцарских ценах, хотя бы швейцарских 5 франков в день. Т. е. Ваша
необходимость отыскать мне „там“ – комнату.

Но – всё это – ничто – при одном условии: Вашей уверенности в необходимости Вам
моего приезда.

..второе (бытовое) – если хотите меня видеть у себя в Швейцарии в ноябре – я
должна начинать это сейчас. Т. е. должна быть твердо уверена, что Вы осенью в
Париж не приедете, ибо если Вы – осенью, я к Вам в Швейцарию (если всё будет
хорошо) – весной, а то нелепо – всё сразу, а потом – никогда – ничего.

Думайте, решайте, но – решив – не перерешайте, ибо я перерешить – не смогу.
Сборы – для таких вечеров – весьма громоздкие, всё на доброй воле нескольких
чужих людей, а я даром ничьей силы не трачу, т. е. даже если Вы в это время
(неожиданно) окажетесь в Париже – поеду.

А Leysin или Schwendi или ещё что – мне все равно: т. е. равно-желанно – лишь бы
не оказался – Тироль – или Шварцвальд – куда мне ходу – нет.

Ну – думайте.

МЦ

10-го сентября 1936 г

Château d'Arcine,

– Я как раз думала над Вашей болезнью, выясняла её для себя, чтобы выяснить для Вас – но это не сразу, мне нужно ... понять – отложим и обратимся к срочному: Вашим стихам. [1940] Первое и твердое правило никаких кавычек кроме слов – разве Вы не видите, что невозможно одними знаками – разная – „сентиментальная ерунда“ не место не словесно, а по содержанию, то ... „страдающего брата“ Вы берете только словес ... младшего брата ...: – начиная от Вениамина[1941]) – и брата – и ... неудачна здесь только словесная ассоциация, и – мой друг – un petit effort[1942] – о ... grand effort[1943] – терпите, примите всерьез – и на себя, реабилитируйте – хотя бы ценой упрека Вас, поэта, в общем месте. (Стихи настолько серьёзны, что никому в голову не придет. Либо – какому-нибудь „нищешанцу“, тогда это – патент на благородство. Реабилитации сущности путем взятия слова в кавычки быть не может. Наоборот: снимите кавычки. Тогда эта строка будет звучать как детский и смертный серьёз. И – поверяю на последнюю чистоту – еще одно: если все же боитесь, на себя – не берете, можете прибегнуть к другому типографическому знаку: разрядке. Глядите:

Мысли о младшем СТРАДАЮЩЕМ брате или:

Мысли о МЛАДШЕМ СТРАДАЮЩЕМ брате[1944]

– сразу остановка внимания, и обогащение смысла, и достоверность: Вы эти слова почему-то – подчеркиваете, т. е. произносите их не случайно: для Вас они (вопреки всему) значат. Так сразу снято подозрение в общем месте, и общее место – становится болевым, точным местом Вашей (нашей) боли. И такая чудная, в таком начертании, настойчивость: да, именно – младшем, и именно – страдающем, и именно – брате. Только еще не знаю: одно ли слово в разрядку, или оба, во всяком случае не брате.

Ведь разрядка есть указание – и даже приказание – ударения. Проверьте вслух. (Я клонюсь к выделению страдания, т. е. к первому начертанию строки. Не забудьте: тут глаз и слух.)

Приписки на полях:

О разрядке: это самая скромная остановка внимания, то же самое что указать глазами.

А – чаще без разрядки, проще, мужественнее. Я бы – без: пусть думают – что хотят.

Второе: – никакого то есть, ради Бога! Вы просто – портите. 1) – мозговое, статейное, 2) неверно, ибо страдание и нищенская сума – не однозначущее: страдание без суммы и сума (mon cas[1945]) – без страдания. Вы этим стихи губите.

Третье: нельзя „свободу, равенство и братство“ – в кавычки, Любовь и Труд – вольно, это уж сплошной миниатюризм и микроскоп, и – простите – введение в большое человеческое – чего-то мелко-личного: автобиографического: для меня „свобода, равенство и братство“ – ничто, зато вот – Труд и Любовь... Но кому, в этих стихах, до Вас (данного) дело, эти стихи не Вы пишете – и не о себе – а главное не для себя: только – из себя. Кроме того, все перечисленные вещи – большие, и все – тысячу тысяч раз повторены, это – родня, нельзя рознить семьи понятий, и – честное слово – никто Вас не поймет, а если поймет – то только

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
через остановку внимания на Вашем личном (частном) случае – значит в полный
ущерб стихам.

В мое бескорыстие Вы верите. У меня две корысти: сами стихи – Ваш правильный
облик.

– Конечно, вечные, а не чистые. И очень рада, что мы с вами совпали. В ВЕЧНОСТИ
шестидесятих годов – предельный вызов. Большого мы о них сказать не можем.

О других стихах.

Первое[1946] – оставите как есть, в первой транскрипции. Т. е.: Но не каждый
ведь скажет: – „Брось, – Не надейся“ – слепцу, калеке. (Если: скажешь – Вы
вместо другого подставляете себя – и не выходит противопоставления.)

Третье: [1947]

...И даже сны... И даже (как старо!) –

Здесь вензель чертит и сейчас перо...

– я бы сделала:

...И даже сны... И даже (как старо!) –

Вот вензель чертит и сейчас перо...

– это непосредственнее, нечаяннее, невиннее, беспомощнее: – сам гляди, что же
мне делать?! – В вот – данная сия минута. И – сама рука.

Последнее: (Мы произносим дружба, счастье, Бог...)[1948]

1) О, если б человек вдруг научиться мог – в одну строку, иначе нарушается
единство вдоха.

2) Есть о, есть но, и есть а. О – возглас, но – рассуждение, а – вопрос, запрос
на авось (соответствующий французскому: ет...) Я за а – чище, беспомощнее и
отчаяннее. И – человечнее, похожее (А что если...)

С последней строкой – не знаю, что делать. Во-первых Вы из трех вещей берете
меньшую и всегда составную, т. е. отродясь пустую, как данность и самасть –
несуществующую. (Бог – Бог, дружба – дружба, а – счастье? И начинается: –Покой.
– Отсутствие желаний. – Исполнение желаний – и т. д. Самой вещи – нет.) – итак,
берете самую малую и выделяя ее – даже помимо ее личной малости – умаляете обе,
другие – и себя. (Только-то!) Во-вторых – взамен чего? Чтó это, в точности,
значит? Человек перестал лгать, т. е. научился говорить правду, и сказал: Бога –
нет, дружбы – нет, счастья – нет, и взамен получил счастье. Какое?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Единственно-возможное: веру – и еще лучше – достоверность:

Бог – есть, дружба – есть, счастье – есть. Так где же у Вас об этом сказано, если Вы это хотели сказать. (Если же не это – то не знаю что.)

Всё будет спасено, если Вы в одной последней строке сумеете дать всю эту полочку. „Господи, воззвах к Тебе и услыши мя“... Это, а не другое. Иначе – какая-то сделка: я – правду, а Бог мне – счастье. Разве Вы не чувствуете, что это вещи – несоизмеримые? Что Вы и Богато здесь умяете. (А себя – так совсем продешевляете!)

Куда лучше:

То неужели Бог ему бы не помог

И смерти не нашлось, взамен, для нас – у Бога.

(Пробовала: веры, верно, но – слабо. Чуда лучше, но – слишком уж элементарно. Но и вера и чудо – тысячу раз лучше счастья. А смерти – лучше всего, ибо чистое отчаяние. Вопль. – Думайте, ибо это совершенно меняет Ваш смысл. Смерть (прекращение муки) – как высшая награда. Хорош, должно быть – мир был. Хорош и есть.)

Стихи эти очень элементарные, их может спасти только острота и сила последней строки, которая (все они – рассуждение) может быть только воплем.

– Думайте. –

Но и о другом думайте-и решайте. На самых днях я должна буду сказать одному из устроителей писательских швейцарских поездок – когда хочу читать. Скажу – ноябрь – будет ноябрь – а ноябрь по всей вероятности 1) и п. ч. подходящий для чтений месяц, и п. ч. еще будет действовать мой 1936 года паспорт. Загадывать на 1937 т. – далёко. Особенно – на весну.

Мой друг, поймите меня: мне Швейцария не нужна: вне Вас – не нужна.

Но – не хочу лишать Вас Вашего парижского ноября, ноябрьского Парижа: у Вас друзья – дела – Вам в санатории надоело – Вы уже сейчас рветесь – что будет через два месяца?

М. б. – так сделаем: сначала я свое отчитаю, а потом вместе поедем – в Париж? Лучше так, чем: сначала Ваш Париж, а потом – вместе в Швейцарию. По-разному – по-многому – лучше. Начнем с Вас: как бы мы ни встретились (в Швейцарии) – остается Париж, и Париж остается Парижем, т. е. либо радостью, либо необходимостью, либо развлечением – вне моего, в нем, присутствия. Учтите и свое сравнительно-здоровое, после долгой санатории, состояние. А из Парижа Вы поедете – растраченным – как зверь в берлогу, зализываться, обрастать мясом и мехом, а вдруг – Вам встреча со мной не даст всего, или хотя бы – того, что Вы ждали? – физическая растрата, (возможная) душевная утрата, и перспектива санатории.

Для меня же – если наша встреча не удастся – Швейцария потеряет всякий смысл, т. е. – свой единственный. Это будет – повинность. Очень тяжкая.

Но, опять-таки, – решайте, как хотите – Вы. (Я знаю как трудно – хотеть.) Только – твердо и сразу. Если Вы уже твердо решили – к 1-му ноября, то мой план – не удастся, ибо до этого в Швейцарии побывать навряд ли успею. Но – на сколько, в таком случае, Вы едете в Париж? П. ч. в декабре в Швейцарию мне – может оказаться – уже поздно. Тем более, что мне предстоит еще бельгийская поездка – и тоже осенняя. Так или иначе, я мысленно ноябрь оставляю на нас. Боюсь, что моя поездка придется на середину ноября, т. е. в самое для Вас неудобное время. Но все-таки что-то решить надо. Со дня на день (того господина зовут Фелькнер[1949] – он женевец – м. б. Ваш отец его знает) жду письма из Аннемасса – и тогда дело пойдет вне моей воли. Не забудьте, что я назначать – не могу. Перерешать – тем более.

– М. б. Вы все это совсем иначе увидите? Может быть Вам грустно будет ехать одному в Швейцарию (не забудьте: мой план – ехать вдвоем в Париж после моей Швейцарии, т. е. после нашей черновой встречи) – с чувством той или иной утраты, и, во всяком случае, без перспективы, – Парижа. Есть люди, которым от всего больно, по-всякому – больнее.

Да, да, иным всё удар. И эти Ваши стихи – сплошное *sous le coup*. [1950] А последнее слово третьего стихотворения мне напоминает слово какого-то маленького принца крови – в XVIII в. – своей воспитательнице:

Je t'aimeraï – même mort.

Не – *jusqu'a ta mort* – не: *après ma mort* – а: *mort*. [1951] И это – пяти лет. (Больше ему – никогда не стало.) И как она могла – потом – жить?

Récapitulations: [1952] Вы откладываете свой отъезд дней на 10, ждете меня в Швейцарии, там мы начерно встречаемся и вместе едем в Париж, в котором встречаемся уже на́бело. Теперь, если Фелькнер назначит мои чтения в конце ноября – придется сделать иначе, т. е. сначала Вы – в Париж, а потом видно будет, поедет или нет – вместе – в Ваш обратный путь. Самое трудное – если мне ехать к 15-му, так я разбиваю Ваш ноябрь. Думайте. А я Вас тотчас же извещу, как только договоримся с Фелькнером – если сразу договоримся, чего, кажется, быть не может: ведь читать мне придется в трех городах, и он – не один, а только один из... и города целых три.

Где Вы в Париже будете жить? С сестрой? [1953] А где и как – она? (живет). Хотите у меня? Я Вам уступлю свою комнату и буду о Вас заботиться, – я к заботе привычна – и знаю меру. Сыты тоже будете. – Думайте. Одна беда: поздно вечером автобусы ходят редко (подходят близко), а от метро к нам большой подъем. Кроме того, нет ни центрального отопления, ни ванны, дом старый – лет полтораста – и скорее холодный, а Вы – санаторией избалованы. Но – чудный воздух: улица – сплошные каштаны, и вообще – простор: форт, огороды, – ни одной трубы. Думайте – как Вам лучше, я совсем не знаю Ваших дел и предлагаю Вам на всякий случай. И совсем не обижусь – если найдете лучше. До свидания, родной – у меня голова разболелась от всех этих *aller-et-retour*'ов. [1954]

МЦ

Приписка на полях:

Самое сердечное спасибо за точный ответ – про легкие. Тронута Вашим вниманием и пониманием. Сегодняшнее письмо – о болезни. Оно – во мне уже давно пишется.

12-го сентября 1936 г., суббота

Château d'Arcine,

(мой любимый день – и день моего рождения: с субботы на воскресенье: в полночь. Мать выбрала субботу, т. е. назад)

– О Вашей болезни. Мне хочется самой понять и об этом Вам сказать раз-навсегда. Поверим, что Ваша болезнь по существу неизлечима, что Вы уже никогда не будете здоровым человеком. Примем это – и попробуем найти лечение – неизлечимости, выход – из явного тупика. Я всегда работаю на примерах и вне примеров не понимаю ничего. Поэтому – оборотом головы – на Рильке.

Это был отродясь больной: больной уже потому и тем, что мать хотела SOPHIE, а получила – René (так его звали в детстве, Rainer'a он открыл et imposita[1955]), что его до 5 лет, а м. б. и позже, водили девочкой, этим подтачивая без того уже половинную мужественность поэта. (А потом сразу отдали в корпус. Сохранился один вопиющий отрывок, страшнее которого я ничего не знаю.)

В его письмах жене – женился рано – непрерывные таинственные упоминания о каком-то – недуге, хотя внешне был совершенно здоров. Нечто вроде „mon mal“.[1956] (Знаю, знаю: – „Но у меня не mon mal, а вообще – mal, весьма даже достоверное“, – погодите.) Ему всю жизнь не-моглось: ни жить, ни есть, ни спать, ни писать. Писанье было для него – мученье, терзанье. Он – от России до Египта – весь свет исколесил, ища места, где может писать (мне это совершенно чуждо, я бы скорей искала места, где не могу писать, но моя обязанность понять его – и Вас). И не только места искал, – и срока. – Здесь, может быть, и сейчас, может быть, я начну – то... Здоровому человеку – дико. Даже мне – дико. Мне – особенно-дико. Ибо, как я говорю о столе:

Твердивший, что каждой строчки

Сегодня – последний срок.[1957]

Но пусть – дико, пусть он – по-докторски – был здоров, – жил-то он внутри себя, в том внутри, где докторá не бывают.

Из себя он выделил ряд – себя, ряд – я, которых неопределенно назвал и пустил по свету, чтобы хотя бы они – жили. Об одном из них – mein Nachbar Ewald – из его юношеской книги „Geschichten vom lieben Gott“[1958] – хочу Вам сказать. Эвальд не мог ходить и всю жизнь сидел у окна, у которого иногда, проходя, останавливался Рильке. И Рильке Эвальду – завидовал. Он никуда и ни за кем не должен был идти, к нему всё само приходило, всё отовсюду само притекало. Он не знал отказа выбора, даже простого выбора на карте не знал: куда именно, ибо каждое место исключает все остальные. К нему приходили все места. Он не знал человеческой измены, ибо к нему приходил только тот, кому он был нужен. Он был – единственное недвижимое среди всего кружащегося, единственное пребывающее среди всего преходящего. Он был – дерево.

Резко-другое. У меня здесь есть друг – Миша.[1959] Всё, что он хочет от жизни – он, здоровый, на редкость – сильный (пришлось!), Ваш сверстник, постоянно какой-нибудь одной, а иногда и несколькими сразу – любимый, всё, что он хочет от жизни – трех свободных утренних часов для писания, и ради этого отдаст всё, вплоть до своей молодости. Уже – без них – отдает. (Работает на огороде, шофёрствует, прислуживает, но каждая свободная минута – столу.) Он, в распоряжении которого весь Париж, со всеми его сборищами, зрелищами, ночами,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
встречами, остается на зиму – здесь, со старыми, добрыми, мало понимающими его родителями, и старым цусимским адмиралом, [1960] и еще с одним стариком-садовником – чтобы писать. Он сам выбрал Ваш затвор – и выбрал его на всю жизнь, ибо он никогда не женится – не нужно – „я и ребенка бы не хотел иметь, п. ч. я его бы слишком любил. А это ведь мешает писать, – а, Марина Ивановна?“

И, наконец, – я, но то, что я имею Вам сказать о себе – не пишется, да с трудом и произносится – когда-нибудь (любимое наше с вами слово). Но, пока, в кредит, поверьте, что моя жизнь была и есть не легче Вашей, и mon mal – еще неизлечимей Вашего.

...Мой друг, что Вы называете жизнью? Сиденье по кафе с неравными: с бронированными, тогда как Вы – ободранный (без кожи). Ибо – на сколько? бессонных ночей – одна стоящая – чтобы ее не-спать? Хождение по литературным собраниям – и политическим собраниям – и выставкам – что-то основное, видно, забываю.

Вспомните le petit Marcel, [1961] в последний 12-тый час опомнившегося и изъясвшего себя из „жизни“ и закупорившего себя в пробку – чтобы сделать дело своей жизни. В агонии жалевшего, что не может написать еще раз смерть Берготта, [1962] п. ч. теперь знает – как умирают.

– Да, но он до того – жил. Но Вы – тоже жили. У Вас было Ваше детство, и юность, и столько, наверное, кроме – жили и Вы. Лермонтов в Вашем возрасте умер, Вы ведь не скажете, что он – не жил?

Бог Вам дал великий покой затвора, сам расчистил Вашу дорогу от суеты, оставив только насущное: природу, одиночество, творчество, мысль.

Знаю, больно. И 27-летний Бетховен, не могший не знать своей избранности, в своем Heiligenstädt-Testament (начало глухоты) возопил: – „Schon in seinem 28. Lebensjahre verurteilt dem Leben za entsagen – das ist hart. Für den Künstler – hörter, denn für irgendjemand...“ [1963] но – говорю очень издалека – не думайте, что люди Вас забывают, потому что Вас нет на глазах. Забыли бы – и на глазах, и на груди – потому что не умеют дружить, не умеют любить, п. ч. есть другие – новые – п. ч. нужна смена – п. ч. Вы сами любите – п. ч. Вы всегда больше любите – п. ч. Вы der Liebende, [1964] а не – любимый – потому что Вы поэт, а она – нет. (Schubert – Heine – Hölderlin – Beethoven – кто их любил??) И Вы бы там – за стойками и столиками – без туберкулёза сгорали бы – и сгорели бы – в недостойном пожаре: на Lustfeuer [1965] их увеселений.

Нé на что рассчитывать, кроме чуда. (Кстати – проверила – чудо в тех стихах совсем не плохо: несоизмеримо лучше и счастья и веры. Но – дальше:) А чудо так же – и даже легче может придти за Вами – в горы, чем – в город: просто – на повороте горной дороги. Так Вы его, по крайней мере, разглядите.

Конечно, горько – насильно быть спасенным. И кому, как не мне – это знать! Иногда – живого жизненного жара хочется больше чем воды – когда ее хочется. Найду об этом Вам дома стихи – и ради Вас – для Вас – за Вас их dokonчу. (Мне было столько же лет, как Вам.) Я всё знаю, и если до сих пор своей души не продала за этот живой жар, то только потому, что эта продажа, эта придача – никому не была нужна. Я со своей бессмертной душой – Бог знает что делала, и на такие – свои же – утешения – зубами скрежетала, но – где верх, где низ, где Бог, где Idol, где я, где не я – я всегда знала. Думаю, что главная и тайная жажда Вашего существа – отродясь: не быть. Потому-то Вы так и противитесь „нежизни“, так хватаетесь за „жизнь“, что это – быстрый конец: Вам, Вашей душе, Вашей прирожденной, от всего, муки: спать.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы, – настоящий Романтик (определение – не мое): живете последними вещами, тогда как нужно (якобы) жить – предпоследними. А Вы – 60-той секундой 60-той минуты 12-го часа. Как Вам (ежедневно) жить с людьми? Так можно жить только со своей душой (внутри души) – или с себе равными. Подите – найдите их. Искать среди поэтов – но, поэты, увы, – среда, и настоящий поэт среди поэтов так же редок, как человек среди людей. Если иного хватает на стихи, то на жизнь – не хватает. Пишут люди из последних сил: из последних запасов – тратят. Проверьте на Ваших друзьях – поэтах. Георгий Иванов – Новалис? Поплавский – Clemens Brentano? Нет, то время прошло, мы были и нас – нет. (Пишу Вам сейчас тоже из последних сил, разрываясь от головной боли, но знаю, что потом, м. б., этих слов не найду, сейчас Вы сами себя во мне пишете, как стих.) Простите за правду – желаю, чтоб не сбылась.

Итак – терпите. Живите у себя auf der Höhe (как я: – in der Höhe)[1966] – прорывайтесь эпизодическими „счастьями“, „жизнью“, – пусть это будут побывки, plongeons[1967] – наглатывайтесь, нахватывайтесь – и возвращайтесь – в себя.

Но есть еще одно: Вы же с людьми, да еще с больными – любите их. Не все ведь – счастливые и любимые. Это – тоже занятие. Вы скажете: им я не нужен, – ну, м. б. не Вы (весь) нужны – а Ваша рука, улыбка, привет, просто – взгляд. Это страшно держит на поверхности жизни. Больные – ведь все дети, все – невинные, и тут уж никакого греха денег и т. д. – нет, они – все неимущие. Помню, когда Мура оперировали – я полюбила всю его палату, и на третий день приходила уже ко всем, п. ч. мне было бы стыдно делить на своего и не-своих, п. ч. этого деления во мне – не было, п. ч. меня вообще не было, я ее оставляла за порогом, и часто – за порогом – не находила. И мое горе было, увозя Мура, что я не могу больше к ним ходить – на следующий день увозила его на Юг, в train de vacances.[1968]
Конечно, будучи больным, м. б. трудно их любить, п. ч. нет вины здоровья, тогда вспомните, что БОГ Вам дал – душу живу, тогда как им – только больные тела.

О роде Вашего поэтического дара – в другой раз. Пока же – скажу: у Вас аскетический дар. Служебный. Затворнический.

Бог Вам дал дар и – к нему – затвор.

– Мой друг, письмо из Аннемасса, только что. Вот – отрывок: „...Ваше сообщение душевно нас порадовало и ждем Вас с глубокоюуважаемой Мариной Ивановной у нас в наступающее воскресенье 13-го сентября – к часу – обязательно к обеду – простому деревенскому – но от всей души...Прилагаю маршрут: правда, он уступает по точности и по количеству стрелок и крестиков тому, которым снабжал Марину Ивановну Андрей Белый, поджидая ее в Цоссене... (Подробный внимательный старческий маршрут).

...Сегодня же напишу моему старому другу 30-летней давности Владимиру Владимировичу Муравьеву-Апостолу, а завтра повидаю Федора Степановича Гонг-Оглуева[1969] (NB! совершенный Гоголь). Словом, вопрос будет двинут.

Разумеется, перспективы для пушкинского Комитета весьма соблазнительные, несмотря на то, что в феврале Марину Ивановну уже законтрактовали“.[1970]

(NB! оцените деликатность и хитроумие моей приятельницы: я, не зная, что Вы в ноябре будете в Париже и строя на Вашем цело-зимнем Leysin'e, сразу сказала ей, что хорошо бы – еще в 1936 г., чтобы мне не покупать нового заграничного паспорта – а она дело изложила – так, чем, конечно, повысила мою, для швейцарцев, стоимость.)

– Словом, дружочек, завтра еду к тому господину на целый день – и совсем не знаю, что ему говорить – до того запуталась с нашими aller-et-retour'ами (голова болит с тех пор, т. е. второй день, и именно от этого: я совсем не умею жить). А не лучше ли действительно – в феврале, на пушкинское поминание, а Вы – в Париж – в ноябре. П. ч. тогда у нас будет перспектива – ещё-встречи, и промежуток уж не такой большой – 2, 21/2 месяца. Как жаль. что я так сразу в Ваш сплошной зимний Leysin поверила, но м. б. еще исправимо?

Словом, жду точного отчета. Постараюсь завтра окончательно не связываться. Умоляю ответить мне что-нибудь разумное, здраво-смысленное, совершенно со стороны – если умеете. (Я – не.)

Устала – и давно уже нет папирос – сосу пустую соску мундштука, удивляясь, что ни – че – го. Я уже недели 2 как ничего не делаю, ибо когда я Вам письма не пишу – я его думаю. Но это скоро кончится – п. ч. скоро – домой, а дома проснется – совесть – и здравый смысл: чтб я буду делать на пушкинских вечерах? Весь мой расчет (для Бельгии и Швейцарии) на прозу: Мой Пушкин. А её и первой строки нет. Мне нужно будет временно из нас выключиться. Но это – потом. Пока я здесь – будет так.

Обнимаю Вас

МЦ

12-го сентября 1936 г., суббота

Château d'Arcine. (вчера – ошиблась)

...У меня так мало дней осталось – Ваших: почти ничего – и из этого ничего еще весь завтрашний день уйдет на того гоголевского – и даже державинского – старика. (А нынче жена написала – ответно – подтвердить приглашение.) До отъезда постараюсь успеть переписать Вам все из моей сен-пьерской „хроники“, не вошедшее в письма и Вам по праву принадлежащее. И, хотя Вы ничем не отозвались на стихи, переписать и отослать Вам другие.

Но боюсь – так, как всё это время, мне уже отсюда Вам не будет писаться – п. ч. нынче наконец решила, и вслух объявила – дату, и уже всё считанное.

Вчера я поднялась на 1600 метров высоты, т. е. на 1100 от Сен-Пьера и оттуда еще раз просталась с Вами. Вообще, эти дни будут – сплошная растрava. Теперь Вы м. б. понимаете мой – как будто бы гадательный и даже ошибочный – стих:

Терзание! Ни берегов, ни вех..
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю – всех,
Когда-либо и где-либо небывших, [1971]
т. е. всех, когда-либо и где-либо отсутствовавших в моей жизни, и еще: всех,
когда-либо и где-либо мне (и всей лирической поэзии) – приснившихся.

...Есть однородное в моем вчерашнем с Вами, с горы, прощании – по всем одиноким домам, и колокольням, и зубцам – где нас с вами не было.

Никогда нигде нам с вами уже не будет так... (и вот, честное слово, не знаю слова) как: было бы? или: было? – здесь. Но писать буду каждый последний день.

М.

14-го сентября 1936 г., понедельник

Château d'Arcine,

Дружочек! В феврале – либо 11-го, либо 15-го, – с моим французским Пушкиным. Ноябрь – сам отпал, ибо для моего выступления в ноябре понадобилось бы 1) кому-то уступить мне место, 2) м. б. мне самой оплатить 1/2 дороги, ибо данный комитет – нищ, а есть другой какой-то, с крупнейшими швейцарскими писателями и филологами во главе, – и тот способен на всю дорогу. [1972] Но тот – только в феврале. (Просто: первый – русский, второй – швейцарский.)

Что́ это был за день, за визит, за комната! Начав с последней: ни приметы обой, ни приметы стен: сплошь лица: от эмигрантской девицы в боярском кокошнике до родственного Суворова (жена фелькнера [1973] – потомца Суворова), весь XIX в. в родственных и неродственных лицах и Widmungen [1974] – На всех языках – четыре стены знаменитостей. А хозяин – не державинских, а Александра III-го времен, с лица – немецкий пастор – кудри, голубые глаза – в прошлом *attache financier et commercial*, [1975] в настоящем – член всех существующих (и существовать переставших) комитетов, а по призванию – оратор непрерывный. Что ни фраза – то комитет, и он его активный член, и он приветствовал X, и подносил адреса Y, и отвечал на приветствие Z, и на всех на них возлагал венки. Из имен (м. б. Вам что-нибудь скажут) запомнила: Robert Traz и Cheneviere (?) и Bernen Bouvier и Ziegler – больше не смогла: пока учила наизусть эти – проскочили все остальные. [1976]

Реально: за 5 дней уже 4 письма его к лицам и 4 – лиц к нему, читал и показывал – отношение к моему приезду самое благоприятное, но пока речь только о Женеве, – а мне нужен Берн – как его добыюсь – не знаю – надеюсь – тогда до Вас близко – либо Вы сами спуститесь на день в Берн – на целый весь наш день. Я к Вам в Швейцарию приеду на Пушкине (на – Бесах). [1977]

Да! Оказывается он был в Варшаве слушателем моего дяди – историка – Д. В. Цветаева, и безумно умилился тому, что я его племянница – и стал вспоминать Варшаву – и как нас ненавидели поляки – и как ни один польский студент ни копейки не дал на похороны русского (NB! насильного) профессора Барсова [1978] (?) и как мой дядя шел за гробом Барсова, а студенты обоим грозили кулаками – мой дядя после Варшавы был один из самых видных черносотенцев Москвы – Союз Русского Народа – очень добрый человек – иначе как жид не говорил. У него я, девочкой, встречала весь цвет черной сотни. Но – *passions* [1979] – а то я – в роли фелькнера.

Предок фелькнера 200 лет назад пришел из Саксонии в Россию с уставом Горного Института, который Анна Иоанновна и утвердила. В честь его – минерал на Урале: фелькнерит („в витрине – если большевики не разбили“. NB! – и витрины и минерала).

...и бывший секретарь незабвенной Марии Гавриловны Савиной. [1980] (– „Ваш секретарь? Это больше, чем статс-секретарь!“) и сводил Художественный Театр с немцами. [1981] и устроил ввоз в Россию тела Чехова. [1982] („Мы с Ольгой Леонардовной ехали в ландо и она так была рада“...) [1983]

Я сжимала и разжимала руку на ручке кресла и старалась не глядеть на все, что на меня глядело (желтыми фотографическими глазами) с четырех стен его чиновно-артистического прошлого.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Несколько раз у меня был соблазн спросить о Вашем отце, которого он не может не знать (знает всю прошлую чиновную и аристократическую Россию + всю нынешнюю русскую и нерусскую Швейцарию) – но каждый раз удерживалась – из сложных чувств, одно из которых – словами: – я не хочу, чтобы среди этого потока равнодушных мне имен было произнесено Ваше имя – ради которого я этот поток имен и лиц – на себя и приняла, которым (непроизнесенным) его и вызвала.

Ибо знайте одно: мне Швейцария не нужна: мне нужна Ваша радость, нужна своя нужность – Вам, мне нужен наш день (по возможности – два, по невозможности – один). И только ради этого – все эти комитеты, комиссии и express'ы (NB! у меня уже есть свое dossier: глазами видела!) – и даже моего Пушкина, т. е. впервые настоящего Пушкина по-французски – швейцарцы услышат из-за Вас.

Итак, нуждайтесь во мне и радуйтесь мне до февраля.

Иногда, когда уже совсем нестерпимо становилось – слушать и воображать (у меня роковой дар – тут же – глазами – видеть – все)... все эти безразличные вещи („Лига Наций“, „председатель“, „вице-председатель“, Вильгельм, надевающий брошку Савиной – и вдруг – Савинков, князь Львов, 1919 г., зеленый стол, Париж – и вдруг Сэр Х, а за ним Литвинов, и только за ним – какой-то поляк) я вдруг мысленно ставила перед собой Ваше лицо – которое так мало знаю, в которое никогда не глядела – (но я знала: Ваше!) и словами говорила себе:

– Ничего. Только так достают – сокровище. [1984]

И мне самой смешно и радостно, что все это (до февраля не меньше 60-ти писем: людей друг к другу, их – мне, моих им) из-за человека, которого я не знаю, лица которого не помню и который мне, очевидно, дороже дорогого.

...Обстановка нищая, 2 комнаты – 5 человек. Жалобная мебель. Жалобный (наш, ванвский – наизустный) обед. Сердечность.

...А поток – покойников. (Фелькнеру минимум 70 лет). – „Когда я хоронил такого-то“... – „Мой 45-летний приятель, которого я на днях хоронил... – „Когда мы с вами (обращаясь к моей спутнице) хоронили милейшего Григория Ивановича“... и т. д.

После обеда я читала свои переводы – Пророка – Чуму – К няне – для берегов отчизны дальней – и, конечно, победа (я знаю, что во всем мире никто так не может) – но особенно поняли и отозвались, как всегда, женщины – даже 14-летняя швейцарочка, даже парализованная 75-летняя тетушка, – не он, он с трудом слушал, на глазах разрываясь от накопившихся очередных покойников и комитетов, стергших щель его рта – проскочить и затопить.

У него были свои няни, свои дальние отчизны, – и он сам был ПРОРОК и ЧУМА.

– Жара была дббела, дбсиня.

Чуть было не опоздали на поезд (они живут за Аннемассом, на пустыре), галопировали всем семейством по всему воскресному удивленному городу, и он, под галоп, успел рассказать мне свою встречу с Милюковым, а кстати и с Платоновым [1985] – а поезд явно уходил, а до следующего – 5 часов (комиссий и мертвецов!) – но поезд не ушел, и мы из последнего дыхания в него сели, и минут пять сидели – дама и я (NB! нынче она совсем больна, а я – совершенно здорова) дыша широко, как рыбы и громко, как моржи.

Итак, мой родной, без нас решено – февраль. Жаль, что не будет совместного поезда (уносящего третьего!) я бы дорого дала (такие вещи живут сослагательными наклонениями!) за несколько часов поезда с Вами, но м. б. к лучшему, и м. б. эти часы когда-нибудь все-таки будут. Мне с Швейцарией – из-за Вас – необходимо связаться: необходимо, чтобы меня там полюбили – я люблю.

Видите – вот и вышло письмо навстречу: сначала ноябрю, потом февралю.

Я отсюда уезжаю 17-го, в четверг – в 11 ч. 23 минуты утра.

С 15-го пишите мне уже на Vanves:

65, Rue J. B. Potin

Vanves (Seine)

без себя и адреса на обороте, я их знаю, и – как мне сейчас кажется – никогда уже не забуду.

Прилагаемый листочек прошу прочесть не сразу, а – вечером – да? Перед сном.

МЦ

15-го сентября 1936 г. – вторник – чердак – под шум потока.

Château d'Arcine

...Я вовсе не считаю Вас забытым, брошенным и т. д. Я уверена, что Ваши родители, и сестра, и друзья – Вас – по-своему – как умеют – любят.

Но Вы хотите, чтобы все Вас любили не по-своему, а по-Вашему, не как умеют, – а как не умеют: Вы хотите, чтобы все Вас любили – как Вас люблю – я.

И если Ваша мать [1986] сейчас, как я нынче в 5 ч. утра, не просыпается от ожога: с такими легкими навряд ли можно танцевать, это не значит, что она Вас мало любит, это значит, что sie denkt Sie [1987] не так подробно, как я – м. б. и потому еще, что она Вас знает больным – 10 лет, а болезненным – и все 26, я же впервые и одновременно узнаю, что у меня где-то – сын – и что этот сын – больной, и не могу не потрястись этим всей своей привычкой ко всему исключительно-здоровому – и даже как бы несокрушимо – от меня исходящему.

То же самое, как если бы обо мне сказали, что у меня больные стихи.

Встречи с Вами я жду не как встречи с незнакомым, а как встречи с сыном – не только заведомо-родным, но мною рожденным, и которого у меня в детстве, в моем и его сне, отняли. Встречи с Вами я жду как Стефания Баденская [1988] встречи с тем, кто для людей был и остался Гаспаром Гаузером, и только для некоторых (и для всех поэтов) – ее сыном: через сложное родство – почти что

– О чтении. Давно хочу. Живете в книгах? – Не о стихах говорю: Вы – поэт. Потребность? Вторая жизнь? Развлечение?

Способны на трудное (и физически-трудное).

Ибо раньше чем не узнаю Вашего отношения к книгам – не могу прислать Вам на прочтение – ни одной любимой, а сколько их у меня (Не даю – никому).

Wassermann'a – знаете? Fall Maurizio – Etzel Andergast – Kaspar Hauser?[1990]
Немецкий – знаете?

Итак, отнеситесь так же серьезно, как к вопросу о ходьбе, на который так хорошо ответили – пожалуйста, к вопросу себя – чтеца. Ибо до ноября – 11/2, 2 месяца, сможете прочесть ряд чудных немецких (да и французских) книг. – Или хотя бы одну. – Пруста знаете (всего)? Vigny – Journal d'un Poète?[1991]

– Ведь у Вас – пласты времени. Вы же не целый день пишете. (Что Вы целый день делаете?) – Не бойтесь: не завалю: только одну зараз. И с непременным условием (мое первое Вам, кажется) – никому из рук, так и говорите: прислана на самый короткий срок, отсылаю обратно. Ибо – и это мое единственное чувство собственности – книга не должна ходить по рукам, уж лучше – автор! Если Вы ничего не знаете о Kaspar Hauser'e и мне верите, пришлю Вам его тотчас же по возвращении в Ванв – с тем, чтобы Вы его мне либо прислали, либо привезли. Это мой любимый немецкий современник (недавно умер от разрыва сердца, а до него – вскоре после Рильке – большой австрийский поэт Hugo von Hoffmansthal – выстрелил в себя после смерти единственного сына. Я думаю – в нестерпимую боль выстрелил – чтобы кончилась).

Wassermann очень большой писатель. Вашей породы – страдальческой. И герой – Вашей породы, – и конец обоих – одна из самых больших человеческих, общественных и исторических низостей.

Тогда же, после почты:

– Ничего. Это похоже на мою жизнь. Постоянно-повторяющаяся случайность есть судьба. Но, по крайней мере, Вы этим освобождаете меня и от Цюриха и от Берна, а в Женеву – ненадолго, и в конце концов – почему швейцарцам не узнать настоящего Пушкина?

О Вашем Париже – жалею. Там – сгорите. Париж, после Праги, худший город по туберкулезу – в нем заболевают и здоровые – а больные в нем умирают – Вы это знаете.

Ницца для туберкулеза – после гор – вредна. Жара – вредна. Раньше, леча ею – убивали. Так убили и мою мать, но может быть она счастливее, что тогда – умерла.

Может быть Вы – внутри, – большее чем я думала и верила – хотела видеть и верить? Ибо ждать от Адамовича откровения в третьем часу утра – кем же и чем же нужно быть? До чего – не быть!

Если Вы – поэтический Монпарнас – зачем я Вам? От видения Вас среди – да все равно среди кого – я – отвращаюсь. Но и это – ничего: чем меньше нужна Вам буду – я (а я не нужна – когда нужно такое: Монпарнас меня исключает) тем меньше нужны мне будете – Вы, у меня иначе не бывает и не может быть: даже с собственными детьми: так случилось с Алей – и невозвратно. Она без меня блистательно обошлась – и этим выбрала – и выбыла. И только жалость осталась (на всякий случай) – и помощь (во всяком) – и добрые пожелания.

Без меня – не значит без присутствия, значит – без присутствия меня – в себе. А я – это прежде всего уединение. Человек от себя бегущий – от меня бежит. Ко мне же идущий – к себе идет: за собой, как за кладом: внутрь себя: внутрь себя – земли, и себя – моря, и себя – крови, и себя – души.

Поскольку я умиляюсь и распинаюсь перед физической немощью – постольку пренебрегаю – духовной. „Нищие духом“ не для меня. („А разве Вас не трогает, что человек говорит одно, а делает другое, что презирает даже дантовскую любовь к Беатриче, а сам влюбляется в первую встречную, – разве Вам от этого не тепло?“ – мне – когда-то – в берлинском кафе – Эренбург. И я, холоднее звезды: – нет.) [1992]

И Вам – нет. На все, что в Вас немощь – нет. Руку помощи – да, созерцать Вас в ничтожестве – нет. [1993] Я этого просто не сумею: ноги сами вынесут – как всегда выносили из всех ложных – не моих – положений:

Und dort bin ich gelogen – wo ich gebogen bin [1994]

я не идолопоклонник, я только визионер. [1995]

МЦ.

Спасибо за Raron. [1996] Спасибо за целое лето. Спасибо за правду.

Behüt Dich Gott! – es wär zu schön gewesen –

Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein. [1997]

Приписка на полях:

А рождение мое – 26-го русского сентября (9-го Октября по-новому)

день Иоанна Богослова

– с субботы на воскресенье – полночь

Сентябрь 1936 года, Ванв[1998]

..Мне для дружбы, или, что то же, – службы – нужен здоровый корень. Дружба и снисхождение, только жаление – унижение. Я не Бог, чтобы снисходить. Мне самой нужен высший или по крайней мере равный. О каком равенстве говорю? Есть только одно – равенство усилия. Мне совершенно все равно, сколько Вы можете поднять, мне важно – сколько Вы можете напрячься. Усилие и есть хотение. И если в Вас этого хотения нет, нам нечего с Вами делать.

Я всю жизнь нянчилась с немощными, с не хотящими мочь, и если меня от этого не убыло, то только потому, что меня, должно быть, вообще убить не может; если меня от этого не убыло, тем от меня – не прибыло. С мертвым грузом нехотения мне делать нечего, ибо это единственный, которого мне не поднять.

Если бы Вы ехали в Париж – в Национальную библиотеку или поклониться Вандомской колонне[1999] – я бы поняла; ехали бы туда самосжигаться на том, творческом. Вашем костре – я бы приветствовала. Если бы Вы ехали в Париж – за собственным одиночеством, как 23-летний Рильке, оставивший о Париже бессмертные слова: „Я всегда слышал, что это – город, где живут, по-моему – это город, где умирают“[2000] – ехали в свое одиночество, я бы протянула Вам обе руки, которые тут же бы опустила: будь один!

Но Вы едете к Адамовичу и К°, к ничтожествам, в ничтожество, просто – в ничто, в богему, которая пустота большая, чем ничто; сгорать ни за что – ни во чью славу, ни для чьего даже тепла – как Вы можете, Вы, поэт!

От богемы меня тошнит – любой, от Мюргера[2001] до наших дней; назвать Вам разницу? Тогда, у тех, был надрыв с гитарой, теперь – с „напитками“ и наркотиками, а это для меня – помойная яма, свалочное место, – и смерть Поплавского, случайно перенюхавшего героя (!!! НВ! всё, что осталось от „героя“) – для меня не трагедия, а пожатие плеч. Не жаль, убей меня Бог, – не жаль. И умри Вы завтра от того же – не жаль будет.

Да, недаром Вы – друг своих друзей, чего я совершенно не учла и не хотела учитывать, ибо свое отношение к Вам (к Вашему дару) – построила на обратном.

Бедное „дитя города“! Вы хотите за такое – жизнь отдавать? Да такое ее и не примет.

Этой зимой я их (вас!) слышала, – слушала целый вечер в Salle Trocadéro – „смотри поэтов“. [2002] и самой выразительной строкой было:

И человек идет домой

С пустой головой...

Честное слово, этим человеком я себя почувствовала – после этого вечера.

Когда человек говорит: я – мертв, что же: попробуем воскресить! (И воскрешала!)
Но когда человек говорит: я – мертв и НЕ хочу воскреснуть, – милый друг, что же мне делать с трупом???

Мертвое тело с живой душой – одно, а вот живое тело с мертвой душой...

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я могу взять на себя судьбу – всю. Но не могу и не хочу брать на себя
случайности(тей). Лень и прихоть – самые меня отвращающие вещи, слабость –
третья ...

30-го сентября 1936 г., четверг.

Vanves (Seine) 65, Rue J. B. Potin

– Между первым моим письмом и последним нет никакой разницы...[2003]

– Да, но между Вашим первым письмом и последним была вся я к Вам – Вы скажете: два месяца! – но ведь это не людских два месяца, а моих, каждочасных, каждоминутных, со всем весом каждой минуты – и вообще не месяцы и не годы – а вся я. Вы же остались „мертвым“ и – нехотящим воскреснуть. Это-то меня и убило. В другом письме, неотосланном, я писала Вам о мертвом грузе нехотения, который, один из всех, не могу поднять.

Я обещала никогда Вам не сделать больно, но разве может быть больно от того, что человек не может тебя видеть в ничтожестве, что он для тебя хочет – самого большого и трудного, что он в тебя верит – вопреки очевидности, что он требует с тебя – как с себя. Поверьте, что если бы я Вас только жалела – Вы бы правды от меня не услышали: чем бы дитя не тешилось, лишь бы...

Но я приняла Вас за своё дитя, которое лучше пусть – плачет, только не тешится. Только не тешится. В моем последнем письме была вся настойчивость моей веры в Вас, оно, единственное из всех, было не любимому, а – равному (и только потому – суровое) – и может быть в нем я Вас больше всего – любила. И об этом стих моих – тогда – 26-ти лет:

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной душою своею в разлуке –
Бренные губы и руки пою.
Рокот божественной Вечности – глуше.
Только порою, в предутренний час
С темного неба – таинственный глас:
– Женщина! Вспомни бессмертную душу! [2004]
В этом письме я с Вас хотела – как с себя.

Поймите меня: я Вам предлагала всю полноту родства, во всей ответственности этого слова. И получаю в ответ, что Вы – мертвый, и что единственное, что Вам нужно – дурман. Это был – удар в грудь (в которой были – Вы) и, если я не упала – то только потому что никакой человеческой силе меня уже не свалить, что этого людям надо мной уже не дано, что я умру – сто́я.

Друг, я совершенно лишена самолюбия, но есть вещи, которые я не могу перенести, например – физически, на строке – себя и Адамовича вместе. [2005] Мой первый ответ: там, где нужен Адамович – не нужна я, упразднена я, возможен Адамович – невозможна я, – не потому что мы поэты разной силы, я Встану и становлюсь рядом с самым бедным, а перед некрасовским: Внимая ужасам войны [2006] – как встала на оба колена – так и осталась – но Адамович (и все ему подобные) – не бедный, и даже не нищий духом, а. – немощный духом – и не хотящий мочь, и не верящий что можно мочь – и не хотящий в это поверить – это уже не не́мощь, а не́хоть, т. е. самое безнадежное и неизлечимое, ибо не с чего начать, – и в таких руках видеть мое чудо – и знать, что из этих рук (даже не держащих! уже заведомо – выронивших!) не вырвать – потому что другому в этих руках (которых – нет) – хорошо – бесполезное – и унижительное – и развращающее страдание. Тут только одно – отойти.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
...Конечно, есть больше. Есть материнское – через всё и вопреки всему. Есть старая французская баллада – сердце матери, которое сын несет любимой, и которое, по дороге, споткнувшись – роняет, я которое:

– Et voilà que le coeur lui dit:

– T'es-tu fait mal, mon petit?[2007]

Но – идете ли Вы на это, хотите ли Вы так быть любимым: жаленным? Ибо, если Вы этого хотите от меня, этого от меня – хотите, оно – будет, т. е. я в вашем отношении окончательно перестану быть, сразу сниму все требования (и первое из них – равенство), приму заранее и заведомо – всё: Бог с тобой – только живи...

Но не будучи в состоянии Вам дать – ничего, кроме материнского зализывания ран, звериного тепла души, – связанная по рукам и по ногам Вашим нежеланием другого себя, невмещением, невынесением другой (всей) меня – смогу ли я Вам быть радостью? – С зашитым – отказом – ртом.

Думайте.

Я Вас хотела (мечтала) большим, свободным, сильным, родным – так – чтобы на улице узнавали, шагающим в шаг.

Не можете – что же, буду стоять над Вами, клониться, когда холодно – греть, когда скучно и страшно – петь.

Я хотела – оба (и шагать, и греть). Вы хотите – одного, пусть будет так, пусть будет как Вам нужно, всё, что Вам нужно, то, что Вам нужно, так много – так мало – как Вам нужно. Во весь рост я живу в стихах, в людях – не дано, и меньше всего (как ни странно) дано в любимых – нам – быть и жить. Другим от нас не больно, мы можем им говорить всю правду, не страшась – живого мяса. Я хотела Вас не только сыном, не только любимым, а еще – другом: равным. Но пора понять, что для себя мы ничего не должны хотеть, даже нашей радости чужому росту, что и это – себялюбие („другому – как себе“ – нет. другому – как ему) пора принять, что любовь – окончательное и единственное нам на земле данное небытие: не будь, иначе ты другого заставляешь быть – „не даешь ему жить“ (небыть).

И – возвращаясь к Вашей боли: – мой друг, после Вашего письма о 3-м часе утра за 10-й чашкой кофе – у меня и мысли не могло быть, что что-нибудь – от меня Вам может сделать больно. Это письмо меня так предельно упразднило. Я написала Вам – для очистки совести, воззвала – с последней и малой надеждой быть услышанной, сказала – потому что не могла не сказать. Вы мне в этом письме сказали, что Вы – после двух месяцев дружбы со мной и со всем будущим этой дружбы – мертвый, я я, как всегда, поверила, а мертвому больно быть не может, потому что ему уже было больно, так было – больно – что и стал мертвый. Гарантия. Думать о том, что я могу Вам сделать больно – после такого Вашего заявления – было бы сомнением, а если б Вы знали – как я от него далека!

Мой друг – совершенно уже по-иному – без той радости – но может быть еще глубже и мое –

Я Вас из сердца не вырвала и не вырву никогда.

Вы – моя боль, это был мой первый ответ на то Ваше письмо, я сразу поняла: – беда! И с тех пор – почти непрерывная боль: сначала Вы сам, потом операция и страх за жизнь – потом известие об ухудшении – потом известие о почти-приезде в Сен-Пьер – потом разминоение с моей Швейцарией – потом конечный удар – последнее письмо: перспектива Вашего Монпарнаса и расписка в смерти... Потом –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
молчание на стихи, которого я не могла принять иначе, как оскорбления, в моем лице, всех поэтов... И, наконец, последняя боль – что невольно, невинно – только тем, что встала во весь рост – на секунду распрямила наклон своей нежности – и сказала во весь голос – на секунду вышла из того вполголоса нежности – Вам сделала больно: только тем, что на секунду была – всей собой.

Родной, неужели Вы думали, что это так просто: очаровалась – разочаровалась, померещилось – разглядела, неужели Вы правда поверили – в такую дешевку?

Конечно, не напиши Вы мне, я бы Вам не написала – никогда (я себя знаю) ибо в Вашем молчании было оскорблено большее меня, то – за что жизнь отдам, – в моем лице (я – последняя моя забота!) – все так оскорбленные до меня: от Франца Шуберта, чья любовь не понадобилась [2008] – до le petit Marcel... в этом молчании было оскорблено всё мною на земле любимое – обычным оскорблением – незаслуженного презрения. И такое прощение было бы предательством.

Но, если бы Вы мне даже никогда не написали, и этим лишили меня возможности когда-либо окликнуть Вас – у меня навсегда, всюду, даже с очередной горячей головой на груди, в этой груди осталась бы трещина.

Не надо – другой головы. Ибо – верьте мне – я человек такой сердцевинной, рожденной верности, такого единства, что – вовсе не уверенная, что это другому нужно или хотя бы – радостно – одна, для себя, из-за себя, сама с собой, сама перед собой, в силу своей природы не могу раздвоить своего существа иначе чем та река в моих стихах: чтобы остров создать – и обнять. [2009] (Как я счастлива, что это точнейшее подобие мне дали – Вы! И как я Вам за него благодарна.)

Я ухожу от человека только когда воочию убедилась, что я (такая как я есть) ему не нужна – просто по бессмысленности положения. Но до этого – много еще воды утечет – и беды притечет!

Итак –

М.

Vanves (Seine) 30-го декабря 1936 г., среда

Я не хотела писать Вам сгоряча того оскорбления, хотела дать ему – себе – остыть, и тогда уже – из того, что останется... (Осталось – всё.)

Но нынче этому письму – последний срок, я не хочу переносить с собой этой язвы в Новый Год, но по старой памяти бережения Вас не хочу также начинать им Вáшего нового, нет, получите его в последний день старого, в последний день нашего с вами года, а дальше уж – у каждого свой: год – и век.

Начну с того, что так оскорблена как Вами я никогда в жизни не была, а жизнь у меня длинная, и вся она – непрерывное оскорбление. (Не оскорбляли меня только поэты, ни один поэт – никогда – ни словом ни делом ни помышлением (Вы – первый), но с поэтами я мало жила, больше – с людьми.)

Но если Вы, самим фактом оскорбления меня, попадаете в закон моей судьбы, то содержанием его Вы из него выступаете.

Если бы между тем Вами непрерывных зовов к себе – и тем – „большого путешествия по Швейцарии“ без оставления адреса была бы наша живая встреча – я бы, пожав плечами, поняла: Вы могли ждать меня не такую. Вас например могли испугать мои седые волосы (говорят, в юности это очень страшно) – хотя, по мне, матери взрослого сына и не полагается молодости, – могло удивить, что я на 6 лет старше, чем на своем последнем вечере, могли не понравиться мои пролетарские руки, которых Вы на моих вечерах могли не разглядеть и никак уже не могли разглядеть в моих письмах – Вы просто могли меня (ту, в письмах) не узнать – бывает –

– и я бы вчуже, по слухам (такого „бывания“) – поняла.

Но между Вами, непрерывно звавшим меня к себе сейчас, именно – сейчас, сейчас, а не потом – и т. д. – и Вами „большого путешествия по Швейцарии“ и „разрешите мне заехать к Вам Вас поблагодарить“ – нашей встречи не было, нашей очной ставки не было, ничего не было, кроме все той же моей любви к Вам. Я Вам разнадобилась до встречи, до которой Вы не дотянули, и ко мне в Ванв Вы пришли чужой, а не от меня – чужим – вышли.

...17-го августа 1936 г.

...У меня силы Вашей мечты нет и я без всякой покорности думаю о том, что мы живем рядом, а видеть и слышать я Вас не могу. От Вас до Женевы час, от Женевы до Берна – два часа – и от этого трудно не ожесточиться...

...поклонитесь мне, что прежде чем меня прогнать, разлюбить, обречь на опалу, заменить – Вы действительно серьезно подумаете или хотя бы сосчитаете до ста – что бы я ни сделал, что бы ни случилось, что бы Вам ни показалось. Потому что я слишком устал и не хочу больше оставаться на улице. Если что-нибудь случится – Вы будете виноваты, а не я. Предупреждаю Вас об этом заранее.

...М. б. за 10 дней случится чудо и Вы приедете?

Если хотите и умеете до гроба Ваш

16 или 17-го декабря[2010] 1936 г.

Я: – Вам от людей (NB! Вы знали – от каких) ничего не нужно?

Вы, с блаженной улыбкой: – Ни – че – го.

И дальше: – Разве Вы не можете допустить, что мне с вами – приятно?

Мой друг, Вы может быть знаете, что между тем до гроба и этим приятно – произошло, я – не знаю.

Я только знаю одно: Вы, к концу этого лета, постепенно начали меня – молчаньями своими, неотвечаньями, оттяжками, отписками, изъявлениями благодарности – с души

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– сбывать, а тогда, 16-го или 17-го, прямых: – Мне ничего не нужно –
окончательно сбросили.

Но оскорбление даже не в этой ненужности: она для меня только глубокое изумление
(как я – да еще поэту – могу быть не нужна?)

Оскорбление в этой „приятности“, которой Вы подменили – сыновность – которую
тогда приняли, которую тогда – вызвали, и которой я ни словом, ни делом, ни
помышлением не предала и остановить которой в себе – потом – уже не могла и
наверное уже никогда не смогу.

И, апогей всего, слово не для меня сказанное, при мне сказанное, мною только, во
всей своей неслышанности, услышанное:

– Меня в жизни никто никогда не любил.

После этого я вся, внутренне, встала и, если еще досиживала, то из чистого
смущения за Вас.

(Когда я прочла: до гроба Ваш – я сказала: Я от него не уйду никогда, что бы ни
было – не уйду никогда, я от него в Советскую Россию не уеду. Никуда. Никогда.)

Теперь в двух словах: Вам было плохо и Вам показалось, что Вас все забыли. Вы
меня окликнули – словами последнего отчаяния и доверия – я отозвалась всей собой
– Вы выздоровели и на меня наплевали – простите за грубое слово, это так
называется.

Друг, я Вас любила как лирический поэт и как мать. И еще как я: объяснить
невозможно.

Даю Вам это черным по белому как вещественное доказательство, чтобы Вы в свой
смертный час не могли бросить Богу: – Я пришел в твой мир и в нем меня никто не
полюбил.

МЦ

От меня Вы еще получите те – все – стихи[2011]

22-го января 1937 г., пятница

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Милый Анатолий Сергеевич,

Если Вы ту зеленую куртку, что я Вам летом послала, не носите (у меня
впечатление, что она не Вашего цвета) – то передайте ее, пожалуйста, для меня
Елене Константиновне, [2012] с просьбой захватить ее, когда поедет, к Лебедевым.

Она мне очень нужна для уезжающего.

Если же нóсите – продолжайте носить на здоровье.

Всего лучшего!

МЦ

Пальто, о котором Елена Константиновна знает, лежит у Лебедевых и ждет ее.

Мой самый сердечный привет обоим Бальмонтам.

На Вашу долю выпало великое счастье: жить рядом с большим поэтом.

БАЛАКШИНУ П
25-го октября) 1936 г., суббота

Vanves (Seine)

65. rue J. V. Potin

ПИСЬМО В ЗЕМЛЮ КОЛУМБА

– На такое письмо нельзя не отозваться: если бы я на такое письмо могла не отозваться, я бы не могла написать Нездешнего Вечера и, следовательно, такого письма – получить.

Если бы я могла Вам не ответить – Вы бы не могли мне написать. Такой отзвук – дороже дорогого. Рука через океан – что больше? Рада, сердечно рада и Вашей зависти, которая есть не зависть, а чистый восторг, чистейшее из чувств.

Еще одному рада, что Вы из Нездешнего Вечера отметили не Кузмина, не фигуры несхожих друзей (кто „Леня“ – Вы наверное догадались: лицо историческое и даже роковое) [2013]... а скромные, второстепенные, еле выведенные мною из уже вечного тумана фигуры моих дорогих редакторов, которые столько сделали добра писателям и особенно поэтам, и которых все забыли.

Вам спасибо – мы им позавидовали!

А теперь, после благодарности, просьба. Вы бы мне очень удружили, если бы – из Вашей колумбовой земли – на Вашем редакторском бланке (NB! сейчас объясню) написали бы несколько удовлетворенных слов о моей прозе – Современным Запискам. Каждый раз, когда посылаю свою прозу (да и стихи!) – мука настоящая. Здесь сократят, это уберут, это не относится к теме, то носит частный характер – там мне выбросили всю мать поэта Макса Волошина, выросшую на коленях пленного Шамиля, настоящую героиню романа, и, еще лучше, лесковской повести, – там, например, пытались выключить (и только письмо из заграницы – а именно: Штутгарта, [2014] подписанное рядом лиц, подействовало) весь конец (конец поэта и конец вещи) моего Живого о живом (о М. Волошине), от последних слов поэта: – Схороните меня на самом высоком месте – до этих похорон его на головокружительном утесе в скале. Так, например, не взяли („читателям неинтересно“) мою встречу с Блоком, с собственноручной записью моей тогда

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
шестилетней дочери о Блоке, – так и лежит вещь, никому не понадобившись, а была она (да и есть) ничуть не хуже Пленного Духа или Нездешнего Вечера, а по теме (Блок) м. б. и покрупнее.

Дело в том (это совершенно между нами), что редакция Современных Записок состоит из общественных деятелей, о Максе Волошине, например, Осипе Мандельштаме и т. д. от меня слышавших впервые, а Белого знающих по берлинским скандалам: иступленным его танцам, пьянству и т. д.

Ваш отзыв, как редактора, да еще из такого далека, мне будет большим подспорьем. Я очень одинока в своей работе, близких друзей, верней – у нее (моей работы) среди писателей нет: для старых (Бунин, Зайцев и т. д.) я слишком нова (и сложна), для молодых – думаете: стара? – не-ет! слишком сильна (и проста). „Молодые“ в большинстве – эстеты и воспевают неодушевленные предметы, либо – самый одушевленный из них – человека превращают в неодушевленный предмет. Мне здесь (и здесь!) ни с кем не по дороге.

Мне, например, страшно хочется написать о Пушкине – Мой Пушкин – дошкольный, хрестоматический, тайком читанный, а дальше – юношеский – и т. д. – мой Пушкин – через всю жизнь – Вы же знаете, как я пишу – но поймите: буду работать по крайней мере месяц, поет – Я, работаю: всем существом, ни на что не глядя, а если и глядя – не видя – а могут не взять (как не взяли моего Блока), а у меня же столько невзятых рукописей. Просто – руки опускаются.

Если бы Вы, например, посоветовали Современным Запискам – в виде пожелания (да еще на бланке, да еще на машинке!) –...Хорошо бы если бы Цветаева написала о Пушкине». На них такие вещи (со стороны – да еще из другой страны – не говоря уже о другом материале) производят неотразимое впечатление. [2015]

Благодарность. Просьба. И – должно же быть третье, и оно есть – подарок, а именно: в Сан-Франциско наверное будет мой большой друг Владимир Иванович Лебедев, бывший редактор пражской «Волн России». (Он только что приехал в Нью-Йорк, будет объезжать обе Америки с рядом лекций.) Я напишу ему о Вас, чтобы он Вас посетил, и он Вам обо мне расскажет, и – что лучше – сможет быть Вам очень полезен в Вашем журнале, как опытный, долголетний, просвещенный («Воля России» – единственное место в эмиграции, где меня не обижали!) редактор. Ныне он редактор сербского «Русского Архива» – русского ежемесячника на сербском языке в Белграде, где. я тоже сотрудничаю.

И что еще проще – вот его адрес, напишите ему сами, пошлите журнал, пригласите побывать, когда будет в Сан-Франциско – и сошлитесь на меня. Дружу с ним с 1922 г., – моего приезда за границу. Человек он всячески редкостный.

И мне пришлите журнал: если не явно политический (я вне) с большой радостью буду участвовать, но до посылки Вам чего-нибудь хочу увидеть – и общий дух, и физические размеры. Напишите, если будете писать, и о гонораре (хорошее слово с хорошим корнем). Да и свое имя-отчество, пожалуйста.

Ну вот.

Вот и состоялось – рукопожатие через океан.

М. Цветаева

ВЕЙДЛЕ В. В
30-го ноября 1936 г., понедельник

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Многоуважаемый Владимир Васильевич,

Ряд моих пушкинских стихов сейчас на руках у М. Л. Слонима, который обещал мне их, по возможности, устроить (упоминал о Mesures)[2016] – но это уже было давно, и я о дальнейшей судьбе их ничего не знаю.

Одновременно пишу и ему, выясняя – если взяты – то какие, и куда, и наверное ли. Тотчас же по получении ответа извещу Вас – надеюсь, еще до Вашего пятничного свидания с Mesures.

У меня переводов много, хватило бы на ряд мест.

Итак – ждите весточки.

Сердечное Вам спасибо за участие.

МЦ.

Если увидите Владислава Фелициановича[2017] – сердечный мой привет ему.

26-го мая 1937 г., четверг

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогой Владимир Васильевич,

Очень тронута неизменностью Вашего участия.[2018] – ничего не получила, – они наверное думают, что на гонорары существует давность и что она – прошла. Но написала я им еще до давности – с месяц назад – и тоже ничего.

Если Вам не трудно, возьмите у них за меня и известите – мне гораздо приятнее получить от Вас и у Вас, чем не-получить в редакции, в которую я совсем не знаю как ехать. (А м. б. и редакции уже нет? Т. е. журнал давно кончился и «directeurs»[2019] поделили между собой письменный стол, табурет, машинку и остающиеся экземпляры?)

Жду весточки, сердечно Вас благодарю, приношу извинения за заботу и приветствую.

МЦ.

САВИНКОВУ Л. Б
12-го декабря 1936 г., суббота.

Милый лёва,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мне срочно нужен точный почтовый адрес Штейгера – в связи с его вечером.

Во-вторых: не знаете ли Вы, где он в данную минуту – в Париже или за городом.

В-третьих: если он за городом – не знаете ли Вы точный маршрут к нему; ехать до Chateau de Vincennes – а потом?

Очень прошу Вас сразу мне ответить, по возможности – рпсн. Марки прилагаю.

Всего доброго. Спасибо заранее.

МЦветаева

Vanves (Seine) 65, Rue J. S. Potin

Наш № 65, а не 33, а то может выйти путаница.

АНДРЕ ЖИДУ
Январь 1937

Господин Андре Жид, пишет Вам русский поэт, переводы которого находятся у Вас в руках. Я работала над ними шесть месяцев – две тетради черновиков в 200 страниц каждая – и у некоторых стихотворений по 14 вариантов. Время тут ни при чем – хотя все же нет, чуть причем, быть может для читателя, но я Вам говорю, как собрат, ибо время это работа, которую в дело вкладываешь.

Чего я хотела больше всего, это возможно ближе следовать Пушкину, но не рабски, что неминуемо заставило бы меня остаться позади, за текстом и за поэтом. И каждый раз, как я желала поработить себя, стихи от этого теряли. Вот один пример, среди многих,

написанные стихи:

...Pour ton pays aux belles fables
Pour les lauriers de ta patrie
Tu délaissais ce sol fatal
Tu t'en allais m'otant la vie[2020]
4-я строфа:

Tu me disais: – Domain, mon ange,
Là-bas, au bout de l'horizon,
Sous l'oranger charge d'oranges
Nos coeurs et lèvres se joindront.[2021]
Дословный перевод: Tu me disais: A l'heure de notre rencontre – sous un ciel éternellement bleu – A l'ombre des olives – les baisers de l'amour – Nous réunirons, mon amie, à nouveau.[2022]

Итак, во французской прозе:

A l'ombre des olives nous unirons, mon amie, nos baisers à nouveau.[2023]

Во-первых, по-русски, как и по-французски, соединяют уста в лобзаньи, а не лобзанье, которое есть соединение уст.

Значит Пушкин, стесненный стихосложением, позволяет себе здесь «поэтическую вольность», которую я, переводчик, имею полное право не позволять себе, и даже не имею никакого права себе позволить.

Во-вторых, Пушкин говорит об оливковом дереве, что для северного человека означает Грецию и Италию. Но я, пишущая на французском языке, для французов, должна считаться с Францией, для которой оливковое дерево, это Прованс (и даже Мирей). Что же я хочу? Дать образ Юга дальнего, юга иностранного. Поэтому я скажу апельсиновое дерево и апельсин.

Вариант:

Tu me disais: sur une rive
D'azur, au bout de l'horizon
Sous l'olivier charge d'olives
Nos coeurs et lèvres se joindront.[2024]

Но: оливковое дерево наводит на мысль об ином союзе, чем союз любви: о дружественном союзе, или о союзе Бога с человеком... вплоть до S. D. N., [2025] а никак не о союзе любви (или любовном единении).

Второе: плод оливкового дерева мал и тверд, тогда как апельсин всегда неповторим и создает гораздо лучше видение ностальгии (по-русски тоски) любовной.

Вы понимаете меня?

И еще одна подробность: апельсиновое или лимонное дерево не существует по-русски в одном слове: это всегда дерево апельсина, дерево лимона.

Таким образом Пушкин не захотел дать южное дерево, или даже Юг в дереве и у него не оставалось выбора, поэтому он взял иностранное слово «оливковое дерево» и переделал его в русское слово «олива». Если бы апельсиновое дерево существовало, он несомненно выбрал бы его.

Итак:

Tu me disais: – Demain, cher ange,
Là-bas, au bout de l'horizon,
Sous l'oranger charge d'oranges
Nos coeurs et lèvres se joindront.[2026]

Ангел мой родной – этого нет в тексте, нет в этом тексте, но это речь целой эпохи, все, мужского или женского рода, все, пока они любили друг друга были: ангел мой родной, даже среди женщин, даже среди друзей; ангел мой родной! слова бесполье, слова души, наверняка произнесенные женщиной, которую Пушкин провожал, прощаясь с ней навсегда. И еще одна мелкая подробность, которая, быть может, заставит Вас улыбнуться.

Пушкин был некрасив. Он был скорее уродом. Маленького роста, смуглый, со светлыми глазами, негритянскими чертами лица – с обезьяньей живостью (так его и называли студенты, которые его обожали) – так вот, Андре Жид, я хотела, чтобы в последний раз, моими устами, этот негр-обезьяна был назван «ангел мой родной». Через сто лет – в последний раз – ангел мой родной.

Читая другие переводы, я вполне спокойна за ту вольность, которую я себе позволила.

Вот еще один пример моей неволи

Прощанье с морем, строфа 6:

Que n'ai – je pu pour tes tempêtes
Quitter ce bord qui m'est prison!
De tout mon coeur te faire fête,
En proclamant de crête en crête
Ma poétique évasion[2027]

Дословный перевод: Je n'ai pas réussi à quitter a jamais – Cet ennuyeux, cet immobile rivage – Te féliciter de mes ravissements Et diriger par dessus tes cretes – Ma poetique évasion.[2028]

Переложение первое и соблазнительное:

1. Que n'ai je pu d'un bond d'athlète

Quitter ce bord qui m'est prison...

Пушкин был атлетом, телом и душой, ходок, пловец и т. д. неутомимый (Слова одного из тех, кто позже положат его в гроб: это были мышцы атлета, а не поэта.)[2029]

Он обожал эфеба.[2030] Это было бы биографической чертой. Во-вторых: прыг и брег. Соблазнительное видение полубога, наконец освободившегося, который покидает берег одним прыжком, единственный, и оказывается в середине моря и воли. (Вы меня понимаете, ибо видите это.)

Тот Пушкин, сдержанный всей тупостью судьбы. Царя, Севера, Холода

– освобождающийся одним прыжком.

И, в-третьих (и это во мне только третье:) звук, созвучье слов: прыг и брег, эта почти-рифма.

Так вот, Андре Жид, я не поддаюсь соблазну и, скромно, почти банально:

Que n'ai – je pu pour tes tempêtes
Quitter ce bord qui m'est prison![2031]

Ибо 1) атлет перекрывает все, всю строфу – мы ее кончили, а атлет еще продолжает свой прыжок, мой атлет перекрывает всего поэта в Пушкине, моего Пушкина – всего Пушкина, его, Пушкина, и я не имею на него права. Я должна, мне пришлось – в себе задавить.

Второе: это романтическое стихотворение, самое романтическое, которое я знаю, это – сам Романтизм: Море, Рабство, Наполеон, Байрон, Обожание, а Романтизм не содержит ни слова ни видения атлета. Романтизм, это главным образом и повсюду – буря. Итак – откажемся.

(Это было одним из самых для меня трудных (отказов) в моей жизни поэта, говорю это и я в полном сознании, ибо мне пришлось отказываться за другого.)

Дорогой Жид, письмо стало длинным, и я бы никогда его не написала другому французскому поэту, кроме Вас.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Потому что Вы любите Россию, немного с нами знакомы, и потому что стихи мои уже в Ваших руках, хотя не я Вам их вручила, – и это чистая случайность (которую по-французски предпочитаю писать через Z: hazard).

Чтобы Вы могли сориентироваться на меня, как личность: десять лет назад я дружила с Верой, большой и веселой Верой, тогда только что вышедшей замуж и совершенно несчастной. [2032]

Я была и остаюсь большим другом Бориса Пастернака, посвятившего мне свою большую поэму 1905. [2033]

Не думаю, чтобы у нас были другие общие друзья.

Я не белая и не красная, не принадлежу ни к какой литературной группе, я живу и работаю одна и для одиноких существ.

Я – последний друг Райнера Мария Рильке, его последняя радость, его последняя Россия (избранная им родина)... и его последнее, самое последнее стихотворение

ELEGIE

für Marina которое я никогда не обнародовала, потому что ненавижу всенародное

(Мир это бесчисленные единицы. Я – за каждого и против всех).

Если Вы знаете немецкий и если Вы – тот, которому я пишу в полном доверии, я Вам эту элегию пошлю, тогда Вы лучше будете меня знать.

(Официальные данные)

Не зная русского языка. Вы не можете мне доверять, что касается точности русского текста, я и не хочу, чтобы Вы мне доверяли, поэтому скажу Вам, что:

Поэт, биограф-пушкинист Ходасевич (которого все русские знают) и критик Вейдле ручаются за точность моих переводов.

До свиданья, Андре Жид, наведите справки обо мне, поэте, спросите у моих соотечественников, которые кстати меня не очень любят, но все уважают.

Мы получаем только то, чего хотим и чего стоим.

Кланяюсь Вам братски

Марина Цветаева

P. S. Я уже не молодая, начинала я очень молодой и вот уже 25 лет как я пишу, я не гоняюсь за автографами.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

(К тому же Вы можете и не подписываться)

P. S. Переводы эти, предъявленные критиком Вейдле Господину Полану, [2034] редактору Nouvelle Revue Française ... были им отвергнуты, по той причине, что они не позволяли дать себе отчет о гениальности поэта и являются, в целом, лишь набором общих мест.

Если бы он мне сам сказал, я бы ему ответила:

Господин Полан, то что Вы принимаете за общие места, является общими идеями и общими чувствами эпохи, всего 1830 г., всего света: Байрона, В. Гюго, Гейне, Пушкина, и т. д. и т. д.

Александр Пушкин, умерший сто лет назад, не мог писать как Поль Валери или Борис Пастернак.

Перечитайте-ка ваших поэтов 1830, а потом расскажите мне о них.

Если бы я Вам дала Пушкина 1930, Вы бы его приняли, но я бы его предала.

ЛИФАРЮ С. М
Около 20 апреля 1937 г.

Многоуважаемый Сергей Михайлович,

Может быть Вы видели мою рукопись Стихов к Пушкину, принесенную мною по просьбе господина Семенченкова на выставку? [2035] О дальнейшей судьбе ее я не знаю. Полагаю, что она есть на руках у Господина Семенченкова и очень прошу Вас, если она Вам нужна, взять ее себе – от меня на память. Большинство этих стихотворений никогда не печаталось, [2036] и они впервые все вместе переписаны.

Я часто вижу Вас на писательских вечерах и потому подумала, что мои стихи, особенно к Пушкину, могут быть Вам радостны.

Зима 1937/38 года. Ванв.

ДЕТЯМ [2037]
Милые дети!

Я никогда о вас отдельно не думаю: я всегда думаю, что вы – люди или нелюди, – как мы. Но говорят: что вы есть, что вы – особая порода, еще поддающаяся воздействию.

Потому:

– Никогда не лейте зря воды, потому что в эту же секунду из-за отсутствия ее погибает в пустыне человек.

– Но оттого, что я не пролью этой воды, ведь он ее не получит!

– Не получит, но на свете станет одним бессмысленным преступлением меньше.

Потому же никогда не бросайте хлеба, а увидите на улице, под ногами, поднимите и положите на ближний забор, ибо есть не только пустыни, где умирают без воды, но и тущобы, где умирают без хлеба. Может быть, этот хлеб заметит голодный, и ему менее совестно будет его взять так, чем с земли.

Никогда не бойтесь смешного, и если видите человека в смешном положении: 1) постарайтесь его из него извлечь, если же невозможно – 2) прыгайте в него к человеку, как в воду, вдвоем глупое положение делится пополам: по половинке на каждого – или же на худой конец – не видьте смешного в смешном!

Никогда не говорите, что так все делают: все всегда плохо делают, раз так охотно на них ссылаются! (NB! ряд примеров, которые сейчас опускаю.) У «всех» есть второе имя – никто, и совсем нет липа – пробел. Ну а если вам скажут: «Так никто не делает» (не одевается, не думает и т. д.) – отвечайте: «А я – кто!»

Не ссылайтесь на «немодно», а только на: «неблагородно».

Не слишком сердитесь на родителей, помните, что они были вами и вы будете ими.

Кроме того, для вас они – родители, для самих себя – я. Не исчерпывайте их – их родительством.

Не осуждайте своих родителей на смерть раньше (своих) сорока лет. А тогда – рука не поднимется!

Увидя на дороге камень – уберите, представьте себе, что это вы бежите и расшибаете себе нос; из сочувствия (хотя бы себе – в другом!) уберите.

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае. Стыдитесь – не уступить!

Не отличайте себя от других – в материальном. Другие – это тоже вы, тот же вы. (Все одинаково хотят есть, спать, сесть и т. д.)

Не торжествуйте победы над врагом. Достаточно – сознания. После победы – протяните руку.

Не отзывайтесь при других иронически о близком (хотя бы даже о любимом животном!); другие уйдут – свой останется.

Книгу листайте с верхнего угла страницы. Почему? Потому что читают не снизу вверх, а сверху вниз.

Это у вас должно быть в руке – как у меня.

Доедая суп, наклоняйте тарелку к себе, а не от себя к другому: чтобы в случае беды пролить суп не на скатерть и не на визави, а на собственные колени.

Когда вам будут говорить: «Это – романтизм», вы спросите: «Что такое романтизм?» – и увидите, что никто не знает; что люди берут в рот (и даже дерутся им! и даже плюются! и запускают вам в лоб!) – слово, смысла которого они не знают.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Когда же окончательно убедитесь, что не знают, сами отвечайте бессмертным словом Жуковского:

– «Романтизм – это душа».

АНДРЕЕВУ В. Л
4-го декабря 1937 г., суббота

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогой Вадим,

Сердечное спасибо за привет и приход. Страшно жаль, что не застала – много бы Вам рассказала – и страшного и смешного.

Если можете – достаньте где-нибудь Le Proces – Kafka [2038] (недавно умершего изумительного чешского писателя) – это я – в те дни. [2039] А книга эта была последняя, которую я читала до. Читала ее на Океане, [2040] – под блеск, и шум, и говор волн – но волны прошли, а процесс остался. И даже сбился. [2041]

– Когда увидимся? Если к вам теперь действительно ходит метро – могли бы как-нибудь выбраться с Муром. Если Вы к нам – только сговорившись – была бы Вам сердечно рада.

Пока же – сердечный привет Вам и Вашим! [2042] и еще раз – спасибо.

МЦ.

Что Сергей Яковлевич ни в какой уголовщине не замешан, Вы конечно знаете.

Прочтите Процесс!

9-го марта 1938 г., среда

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Милый Вадим,

я сейчас разбираю свои и Мурины книги, и у меня оказался целый ящик отдаваемых – детских и юношеских, старинных и современных, – и я подумала о Вас: может быть Вам нужны для Вашей дочки, а также для племянника? [2043]

Если да – две просьбы: ответить поскорее и явиться за ними поскорее, чтобы отобрать, а часть и забрать. До Вашего ответа никому показывать не буду, поэтому очень, очень прошу Вас ответить поскорее и сразу назначить, когда сможете быть. Мне удобнее – утром, до завтрака (сможете позавтракать у нас) и хорошо бы – не в среду и воскресенье, п. ч. у меня – рынок, но – не знаю Вашего рода работы [2044]

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– м. б. Вы свободны только в воскресенье? Тогда можно и в воскресенье, часам к 11-ти, чтобы я до этого успела на рынок.

До свидания, сердечный привет Вам и Вашим, жду ответа.

МЦ

P. S. Приезжайте с серьезным вместилищем!

Ехать к нам до конечной станции Maine d'Issy – идти по улице явно-идущей в гору: Auguste Gervais – идти все прямо, прямо до небольшой, мало-заметной площади (площадке) с еще менее-заметными деревьями в кадках и пышным названием Unter den Linden, т. е. Place des Tilleuls – ее пересечь справа налево и тут же оказаться (по правую руку) на Rue Baudin – ее пройти всю – и оказаться на Avenue de Clamart (с большими деревьями), по ней – вправо и первая улица налево – J. V. Potin: наш дом – угловой: та руина, которую Вы знаете. Второй этаж, правая дверь.

От метро к нам не более 10 минут, если идти по этому маршруту, самому простому и – главное – никого не спрашивать, а то заведут.

Тогда же сговоримся, когда мне у Вас побывать – я давно собираюсь и очень рада буду повидать всех: прежних и новых.

17-го мая 1938 г., вторник

Vanves (Seine) 65, Rue J. V. Potin

Милый Вадим, Простите, что тогда же не отозвалась на Ваше письмо, сердечно меня тронувшее. Но я была (и есмь) завалена рукописной и корректорской работой. [2045]

Посылаю вам вставки в Черта, две счетом. [2046] Нужно – каждой по 8 экземпляров, т. е. придется по два раза печатать, п. ч. оттисков сделать нельзя.

Очень прошу блюсти красную строку: всюду, где с новой строки, ставлю точку (красную).

Бумагу высылаю одновременно, взяла лучшую – чтобы немножко дольше длилась.

Когда кончите, завезите к Маргарите Николаевне [2047] – заказным дорого, простым – страшно. М. б. напишете, когда будете? Тогда и я приеду, и побеседуем.

Очень просила бы Вас, милый Вадим, отпечатать и первый листок:

ЧЕРТ ВСТАВКА (ПРОПУСК) № 1 (и т. д.). Это мне очень сократит работу. Еще раз – огромное спасибо.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

МОРКОВИНУ В. В
27-го мая 1938 г., пятница

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Милый Вадим!

Обращаюсь к Вам с сердечной и срочной просьбой. Я проглядела и повырезала всю лебедевскую Волю России за несколько лет (с 1927 г.) – к сожалению – неполную, в поисках своих вещей, и не оказалось:

1) моего Крысолова

2) моей Поэмы Лестницы.

Мне обе эти вещи нужны до зарезу.

Указания:

Крысолов печатался в 6-ти книгах, а м. б. даже – в 7-ми, по главе. Думаю: начиная с января 1925 г., может быть – с февраля, [2048] и так – шесть или семь книг подряд. За 1925 год отвечаю – всем существом. Мои вещи – моя автобиография.

Лестница писалась летом 1926 г., у меня есть первый черновик, там – все даты, и печаталась, нужно думать, осенью – зимой 1926 г., может быть – заскочила и в 1927 г., [2049] не позже.

Умоляю разыскать и прислать – непременно заказным. Возмещу – хотите книгой? (Старинной, Вы их любите.)

Но – скорее. У меня спокойной жизни – самое большое – месяц, потом переезд на другую квартиру, т. е. долгий и сплошной кошмар.

Умоляю – скорее!

Если можно – несколько экземпляров, нельзя – один (очень бы нужно – несколько!).

Только не присылайте книг – целиком, а аккуратно выньте, не отрезая лишних страниц, отрежу – я (говорю о соответствующих страницах, чтобы не было отдельных листков. Не режьте, а надрезав ниточки – вынимайте).

Бьюсь над своим 16-летним архивом, и даже – с ним. Сердечный привет и заранее благодарность!

М. Цветаева

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Крысолов. – Поэма Лестницы.

15-го мая ? июня 1938 г., среда

Vanves (Seine)

65, Rue J. V. Potin

Дорогой Вадим!

Бесконечно Вам благодарна, а книжку (старинная) оставляю у Маргариты Николаевны, [2050] в ее окружении иногда бывают оказии в Прагу.

Из стольких людей, мне за этот год столько! – обещавших. Вы один – исполнили: [2051] полностью. И я Вам этого никогда не забуду.

Подождите еще немножко: только что получила от другого Вадима (Андреева) вставки в своего Черта – машинные. Проверю и пошлю Вам, Вы – вложите и с Богом! (Там Рудневым (богобоязненным) была выпущена целая глава о священниках и отсечен весь Чертов хвост. Без него всякий хвостатый – жалок.)

Итак – подождите еще немного.

Еще раз – бесконечно вас благодарю.

МЦ.

Оставляю для Вас еще чернильницу – из которой писала 12 лет. Для Вас – не для Булгакова. Все это получите – в свой срок. (Из нее писала и Лестницу.)

P. S. Передайте, пожалуйста, прилагаемый листок господину Постникову. [2052]

ДОНУ АМИНАДО
Vanves, 31-го мая 1938 г.

Милый Дон Аминадо,

Мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт. Я уже годы от этого высказывания удерживаюсь – а quoi bon? [2053] – но в конце концов, – несправедливо и неразумно говорить это всем, кроме Вас, – который, единственный, к этому отнесется вполне серьезно и, что важнее, – не станет спорить. (Остальные же (дураки) Вам верят на слово – веселее.)

Да, совершенно замечательный поэт (инструмент) и куда больше – поэт, чем все те молодые и немолодые поэты, которые печатаются в толстых журналах. В одной Вашей шутке больше лирической жилы, чем во всем «на серьезе».

Я на Вас непрерывно радуюсь и Вам непрерывно рукоплещу – как акробату, который в тысячу первый раз удачно протанцевал на проволоке. Сравнение не обидное. Акробат, ведь это из тех редких ремесел, где всё не на жизнь, а на смерть, и я сама такой акробат.

Но помимо акробатизма, т. е. непрерывной и неизменной удачи, у Вас просто – поэтическая сущность, сущность поэта, которой Вы пренебрегли, но и пренебрега которой Вы – большой поэт, чем те, которые на нее (в себе) молятся. Ваши некоторые шуточные стихи – совсем на краю настоящих, ну – одну строку переменить: раз не пошутите! – но Вы этого не хотите, и, ей-Богу, в этом нехотении, небрежении, в этом расшвыривании дара на дрянь (дядей и дам) – больше grandezz'ы, [2054] чем во всех их хотениях, тщаниях и «служениях».

Вы – своим даром – роскошничаете.

Конечно, вопрос: могли бы Вы, если бы Вы захотели, этим настоящим поэтом стать? На деле – стать? (Забудем читателя, который глуп, и который и сейчас не видит, что Вы настоящий поэт, и который – заранее – заведомо – уже от вида Вашего имени – béatemeat et bêtement[2055] – смеется – и смеяться будет – или читать не будет.)

Быт и шутка, Вас якобы губящие, – не спасают ли они Вас, обещая больше, чем Вы (в чистой лирике) могли бы сдержать?

То есть: на фоне – не газеты, без темы дам и драм, которую Вы повсеместно и неизменно перерастаете и которая Вам посему бесконечно выгодна, потому что Вы ее бесконечно – выше – на фоне простого белого листа, вне трамплина (и физического соседства) пошлости, политика и преступлений – были бы Вы тем поэтом, которого я предчувствую и подчувствую в каждой Вашей бытовой газетной строке?

Думаю – да, и все-таки этого – никогда не будет. Говорю не о даре – его у Вас через край, говорю не о поэтической основе – она видна всюду – кажется, говорю о Вас, человеке.

И, кажется, знаю: чтобы стать поэтом, стать тем поэтом, который Вы есть, у Вас не хватило любви – к высшим ценностям; ненависти – к низшим. Случай Чехова, самого старшего – умного – и безнадежного – из чеховских героев. Самого – чеховского.

Что между Вами – и поэтом? Вы, человек. Привычка к шутке, и привычка к чужой привычке (наклонная плоскость к газетному читателю) – и (наверное!) лень и величайшее (и добродушное) презрение ко всем и себе – а может быть, уж и чувство: поздно (т. е. та же лень: она, матушка!).

Между Вами и поэтом – быт. Вы – в быту, не больше.

Не самообольщаюсь: писать всерьез Вы не будете, но мне хочется, чтобы Вы знали, что был все эти годы (уже скоро – десятилетия!) человек, который на Вас радовался, а не смеялся, и вопреки всем Вашим стараниям – знал Вам цену.

Рыбак – рыбака видит издалека.

Марина Цветаева.

– А дяди! А дамы! Любящие Вас, потому что невинно убеждены, что это Вы «Марию Ивановну» и «Ивана Петровича» описываете. А редактора! Не понимающие, что Вы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
каждой своей строкой взрывает эмиграцию! Что Вы ее самый жестокий (ибо бескорыстный – и добродушный) судья. Вся Ваша поэзия – самосуд: эмиграции над самой собой. Уверяю Вас, что (статьи Милюкова пройдут, а...) это – останется. Но мне-то, ненавидящей политику, ею – брезгующей, жалко, что Вы пошли ей на потребу.

– Привет! –

ТУКАЛЕВСКОЙ Н. Н
Начало июня 1939 г.

Дорогая Надежда Николаевна!

Если Вы мне что-нибудь хотите в дорогу – умоляю кофе; везти можно много, а у меня – только начатый пакетик, а денег нет совсем. И если бы можно – одну денную рубашку, самую простую, № 44 (не больше, но и не меньше) на мне – лохмотья.

Целую Вас, вечером приду прощаться – начерно, т. е. в последний раз немножко посидеть.

Приду около 9 ч., м. б. в 9 1/2 ч., но приду непременно.

Спасибо за все!

МЦ.

11-го июня 1939 г.

– Ау! –

Вчера целый день сидели, ожидая телефона, и к вечеру оказалось, что не едем. Нынче будет то же – возможно – уедем, возможно – нет. Indéfrisable[2056] не сделала, п. ч. могла уехать вчера в час – и не решилась сесть под люстру.

Если не уедем – Мур завтра утром зайдет. Если не зайдет – уехали. До последней минуты ничего не знаем и не можем отлучиться, ибо телефон – через короткие промежутки.

Псылаю пока 10 франков для Тамары[2057] (5 были даны раньше) – если смогу – оставлю для Вас на столе (Вашем), с посудой, остающиеся 10, не смогу – простите.

Целую.

Спасибо за все!

МЦ.

Воскресенье утром

11-го/12-го июня 1939 г., 12 ч. ночи – воскресенье

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Надежда Николаевна,

Когда мы с Муром в 11 ч. вернулись – ничего под дверью не было: мы оба – привычным жестом – посмотрели, а когда мы оба – минуту спустя – оглянулись – письмо лежало, и его за минуту – не было. И шага за дверью – не было.

Сердечное спасибо – и за то, что заметили – последний взгляд:

на авось, без всякой надежды (моя слепость).

Вам пишу-последней. Мур спит, дом спит...

...Только одна баба не спит,

На моей коже сидит

(и т. д. – Медведь)

а баба-то – я.

А медведи-то – там. И мно-ого! Но что я буду одна такая баба среди тех медведей – ручаюсь.

Кончаю. Надо спать, а то просплю все способы передвижения. Будильник – уложен (от страха забыть!). Я – сама себе будильник.

Спасибо, что так трогательно выручили. За все спасибо: за чудный Dives[2058] – за ту церковь, к которой мы так вторично и не пришли, за наши кладбищенские прогулки – помните? – за самое чудное платье моей жизни – синее – за все Мурины штаны (а их было мно-ого: как тех будущих медведей) – за дом, который мне был – родной, за уверенность, что когда и с чем ни приду – обрадую: хотя бы доверием, за неустанность Вашей дружбы, за действенность ее (дружбы – нет: есть – любовь, или любви нет – есть дружба, во всяком случае есть одно, а не два, и это одно – было).

– Всего не перечислишь – за все.

Ну, вот.

Обнимаю от всего сердца, желаю здоровья, досуга, покоя, хорошего лета, хороших лет, – свободы!!!

Спасибо за кофе. Спасибо за рубашки. Спасибо за книжку – я Вами кругом одарена.

С Вами – уезжаю.

Все сделаю, чтобы Вы обо мне – знали.

Авось! – Даст Бог!

М.

И последняя просьба («Сколько просьб у любимой всегда...»)[2059] – КРЫСОЛОВ.[2060] Я его писала все раннее Мурино младенчество, в чешской избе, – какие мы тогда с Чехией были счастливые!! Собирали грибы...

Если удастся – окликну еще из Гавра...

АНДРЕЕВОЙ А. И
Еще Париж, 8-го июня 1939 г., четверг

Дорогая Анна Ильинична!

Прощайте.

Проститься не удалось, – всё вышло молниеносно.

Спасибо за всё – от Вшенор[2061] до Ванва[2062] (в которой Вы меня завели, а потом сами – уехали, но я не жалею: – «Был дом – как пещера...»)

Спасибо за чудную весну с Максом,[2063] за прогулки – мимо столько цветущих заборов – а помните поездку в лес – давнюю – Вы были в своем леопарде, а я – в «кое-чем» – и Мур еще со всего маху наступил в грозовую лужу...

Помню и буду помнить – всё.

Уезжаю с громадным, добрым, умным и суровым Муром – помните его рождение? («Сразу видно, что сын интеллигентных родителей!» – Вы, любясь на резкость его новорожденного профиля). – Дружили мы с вами 14 с половиной лет, – два раза обновилась кожа...[2064] (НВ! второй раз – состарилась!) Ибо мы с вами никогда не переставали дружить, хотя и не виделись, просто – расставание (неминуемое) произошло раньше отъезда, м. б. – так лучше: и Вам, и мне...

Живописнее, увлекательнее, горячее, даровитее, неожиданнее и, в чем-то глубококом – НАСТОЯЩЕЕ человека – я никогда не встречу.

Прочтите у М. Н. Лебедевой мои стихи к Чехии – они мои любимые и уже поехали к Бенешу[2065] с надписью: – С той верой, которая твёржеская.[2066]

Жаль уезжать. Я здесь была очень счастлива.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Желаю Вам счастливой Америки с Саввой.[2067] Ему – горячий привет. Я его очень
оценила, и всегда рассказываю о нем (и о Вас) СКАЗКИ, которые – ПРАВДА.

Обнимаю и НИКОГДА не забуду. Мою память, которая есть сердце, Вы – знаете.

М.

МАРИНОВУ И
12-го июня 1939 г.[2068]

Последний привет! Будьте здоровы и благополучны. Спасибо! Ждем книги. Провожайте
мысленно.

М.

В СЛЕДСТВЕННУЮ ЧАСТЬ НКВД

При отъезде из заграницы в Союз я отправила свой багаж по адресу дочери, [2069]
так как не могла тогда точно знать, где поселюсь по возвращении в Москву.

По прибытии сюда я в течение двух месяцев еще не имела паспорта и поэтому не
могла получить багажа, пришедшего в начале августа сего года.

В соответствии с указанием таможи я получила от моей дочери, Ариадны Сергеевны
Эфрон, доверенность на принадлежащий мне багаж. Но получить его я тоже еще не
могла из-за отсутствия у меня свидетельства с пограничного пункта, которого у
меня не имелось, так как я, с сыном 14 лет, ехала специальным пароходом до
Ленинграда.

Было возбуждено соответствующее ходатайство о выдаче мне необходимого документа.
В это же время, в конце августа, была арестована моя дочь, и багаж оказался,
по-видимому, задержанным на таможе.

Я живу загородом, наступает зима, ни у меня ни у сына нет теплой одежды, одеял и
обуви, и пока что нет возможности приобрести таковые заново.

Настоящим ходатайствую, в случае если невозможно сейчас получить всего мне
принадлежащего багажа, о разрешении на получение мною из него самых необходимых
мне и сыну зимних вещей, без которых я не вижу, как мы перезимуем.

О Вашем решении по этому вопросу очень прошу поставить меня в известность. [2070]

Марина Цветаева

Станция Болшево Северной железной дороги

Поселок Новый Быт дача 4/33

Марина Ивановна Цветаева

31-го октября 1939 г.

БЕРИИ Л. П
23-го декабря 1939 г.

Голицыно, Белорусской железной дороги Дом Отдыха Писателей

Товарищ Берия,

Обращаюсь к Вам по делу моего мужа, Сергея Яковлевича Эфрона-Андреева, и моей дочери – Ариадны Сергеевны Эфрон, арестованных: дочь – 27-го августа, муж – 10-го октября сего 1939 года.

Но прежде чем говорить о них, должна сказать Вам несколько слов о себе.

Я – писательница, Марина Ивановна Цветаева. В 1922 г. я выехала за границу с советским паспортом и пробыла за границей – в Чехии и Франции – по июнь 1939 г., т. е. 17 лет. В политической жизни эмиграции не участвовала совершенно, – жила семьей и своими писаниями. Сотрудничала главным образом в журналах «Воля России» и «Современные Записки», одно время печаталась в газете «Последние Новости», но оттуда была удалена за то, что открыто приветствовала Маяковского. Вообще – в эмиграции была и слыла одиночкой. («Почему она не едет в Советскую Россию?») В 1936 г. я всю зиму переводила для французского революционного хора (Chorale Révolutionnaire) русские революционные песни, старые и новые, между ними – Похоронный Марш («Вы жертвою пали в борьбе роковой»), а из советских – песню из «Веселых ребят», «Полюшко – широко поле», и многие другие. Мои песни – пелись.

В 1937 г. я возобновила советское гражданство, а в июне 1939 г. получила разрешение вернуться в Советский Союз. Вернулась я, вместе с 14-летним сыном Георгием, 18-го июня 1939 г., на пароходе «Мария Ульянова», везшем испанцев.

Причины моего возвращения на родину – страстное устремление туда всей моей семьи: мужа – Сергея Эфрона, дочери – Ариадны Эфрон (уехала первая, в марте 1937 г.) и моего сына Георгия, родившегося за границей, но с ранних лет страстно мечтавшего о Советском Союзе. Желание дать ему родину и будущее. Желание работать у себя. И полное одиночество в эмиграции, с которой меня давным-давно уже не связывало ничто.

При выдаче мне разрешения мне было устно передано, что никогда никаких препятствий к моему возвращению не имелось.

Если нужно сказать о происхождении – я дочь заслуженного профессора Московского Университета, Ивана Владимировича Цветаева, европейской известности филолога (открыл одно древнее наречие, его труд «Осские надписи»), основателя и собирателя Музея Изящных Искусств – ныне Музея Изобразительных Искусств. Замысел Музея – его замысел, и весь труд по созданию Музея: изысканию средств, собиранию оригинальных коллекций (между ними – одна из лучших в мире коллекций египетской живописи, добытая отцом у коллекционера Мосолова), выбору и заказу слепков и всему музейному оборудованию – труд моего отца, безвозмездный и любовный труд 14-ти последних лет его жизни. Одно из ранних моих воспоминаний: отец с матерью едут на Урал выбирать мрамор для музея. Помню привезенные ими мраморные образцы. От казенной квартиры, полагавшейся после открытия Музея отцу, как директору, он отказался и сделал из нее 4 квартиры для мелких служащих. Хоронила его вся Москва – все бесчисленные его слушатели и слушательницы по Университету, Высшим Женским Курсам и Консерватории, и служащие его обоих Музеев (он 25 лет был директором Румянцевского Музея).

Моя мать – Мария Александровна Цветаева, рожденная Мейн, была выдающаяся музыкантша, первая помощница отца по созданию Музея и рано умерла.

Вот – обо мне.

Теперь о моем муже – Сергее Эфроне.

Сергей Яковлевич Эфрон – сын известной народоволки Елизаветы Петровны Дурново (среди народовольцев «Лиза Дурново») и народовольца Якова Константиновича Эфрона. (В семье хранится его молодая карточка в тюрьме, с казенной печатью: «Яков Константинов Эфрон. Государственный преступник».) О Лизе Дурново мне с любовью и восхищением постоянно рассказывал вернувшийся в 1917 г. Петр Алексеевич Кропоткин, [2071] и поныне помнит Николай Морозов. [2072] Есть о ней и в книге Степняка «Подпольная Россия», [2073] и портрет ее находится в Кропоткинском Музее.

Детство Сергея Эфрона проходит в революционном доме, среди непрерывных обысков и арестов. Почти вся семья сидит: мать – в Петропавловской крепости, старшие дети – Петр, Анна, Елизавета и Вера Эфрон – по разным тюрьмам. У старшего сына, Петра – два побега. Ему грозит смертная казнь и он эмигрирует за границу. В 1905 году Сергею Эфрону, 12-летнему мальчику, уже даются матерью революционные поручения. В 1908 г. Елизавета Петровна Дурново-Эфрон, которой грозит пожизненная крепость, эмигрирует с младшим сыном. В 1909 г. трагически умирает в Париже, – кончает с собой ее 13-летний сын, которого в школе задразнили товарищи, а вслед за ним и она. О ее смерти есть в тогдашней «Юманитэ».

В 1911 г. я встречаюсь с Сергеем Эфроном. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулезный. Убит трагической гибелью матери и брата. Серьезен не по летам. Я тут же решаю никогда, что бы ни было, с ним не расставаться и в январе 1912 г. выхожу за него замуж.

В 1913 г. Сергей Эфрон поступает в московский университет, филологический факультет. Но начинается война и он едет братом милосердия на фронт. В Октябре 1917 г. он, только что окончив Петергофскую школу прапорщиков, сражается в Москве в рядах белых и тут же едет в Новочеркасск, куда прибывает одним из первых 200 человек. За все Добровольчество (1917 г. – 1920 г.) – непрерывно в строю, никогда в штабе. Дважды равен.

Все это, думаю, известно из его предыдущих анкет, а вот что, может быть, не известно: он не только не расстрелял ни одного пленного, а спасал от расстрела всех кого мог, – забирал в свою пулеметную команду. Поворотным пунктом в его убеждениях была казнь комиссара – у него на глазах – лицо с которым этот комиссар встретил смерть. – «В эту минуту я понял, что наше дело – ненародное дело».

– Но каким образом сын народоволки Лизы Дурново оказывается в рядах белых, а не красных? – Сергей Эфрон это в своей жизни считал роковой ошибкой. Я же прибавлю, что так ошибся не только он, совсем молодой тогда человек, а многие и многие, совершенно сложившиеся люди. В Добровольчестве он видел спасение России и правду, когда он в этом разуверился – он из него ушел, весь, целиком – и никогда уже не оглянулся в ту сторону.

Но возвращаюсь к его биографии. После белой армии – голод в Галлиполи и в Константинополе, и, в 1922 г., переезд в Чехию, в Прагу, где поступает в Университет – кончать историко-филологический факультет. В 1923 г. затевает студенческий журнал «Своими Путиями» – в отличие от других студентов, ходящих чужими – и основывает студенческий демократический Союз, в отличие от имеющих монархических. В своем журнале первый во всей эмиграции перепечатывает советскую прозу (1924 г.). [2074] С этого часа его «полевение» идет неуклонно. Переехав в 1925 г. в Париж, присоединяется к группе Евразийцев и является одним из редакторов журнала «Версты», от которых вся эмиграция отшатывается. Если не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ошибаюсь – уже с 1927 г. Сергея Эфрона зовут «большевиком». Дальше – больше. За Верстами – газета Евразия (в ней-то я и приветствовала Маяковского, тогда выступившего в Париже), про которую эмиграция говорит, что это – открытая большевистская пропаганда. Евразийцы раскалываются: правые – левые. Левые, оглаваемые Сергеем Эфроном, скоро перестают быть, слившись с Союзом Возвращения на Родину.

Когда, в точности, Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой – не знаю, но это должно быть известно из его предыдущих анкет. Думаю – около 1930 г. Но что я достоверно знала и знаю – это о его страстной и неизменной мечте о Советском Союзе и о страстном служении ему. Как он радовался, читая в газетах об очередном советском достижении, от малейшего экономического успеха – как сиял! («Теперь у нас есть то-то... Скоро у нас будет то-то и то-то...») Есть у меня важный свидетель – сын, росший под такие возгласы и с пяти лет другого не слышавший.

Больной человек (туберкулез, болезнь печени), он уходил с раннего утра и возвращался поздно вечером. Человек – на глазах – горел. Бытовые условия – холод, неустроенность квартиры – для него не существовали. Темы, кроме Советского Союза, не было никакой. Не зная подробности его дел, знаю жизнь его души день за днем, все это совершилось у меня на глазах, – целое перерождение человека.

О качестве же и количестве его советской деятельности могу привести возглас парижского следователя, меня после его отъезда допрашивавшего: «Mais Monsieur Efron menait une activité soviétique foudroyante!» («Однако, господин Эфрон развил потрясающую советскую деятельность!») Следователь говорил над папкой его дела и знал эти дела лучше чем я (я знала только о Союзе Возвращения и об Испании). Но что я знала и знаю – это о беззаветности его преданности. Не целиком этот человек, по своей природе, отдаться не мог.

Все кончилось неожиданно. 10-го октября 1937 г. Сергей Эфрон спешно уехал в Союз. А 22-го ко мне явились с обыском и увезли меня и 12-летнего сына в парижскую Префектуру, где нас продержали целый день. Следователю я говорила все, что знала, а именно: что это самый благородный и бескорыстный человек на свете, что он страстно любит свою родину, что работать для республиканской Испании – не преступление, что знаю его – 1911 г. – 1937 г. – 26 лет – и что больше не знаю ничего. Через некоторое время последовал второй вызов в Префектуру. Мне предъявили копии телеграмм, в которых я не узнала его почерка, и меня опять отпустили и уже больше не трогали.

С Октября 1937 г. по июнь 1939 г. я переписывалась с Сергеем Эфроном дипломатической почтой, два раза в месяц. Письма его из Союза были совершенно счастливые – жаль, что они не сохранились, но я должна была их уничтожить тотчас же по прочтении – ему доставало только одного: меня и сына.

Когда я 19-го июня 1939 г., после почти двухлетней разлуки, вошла на дачу в Болшево и его увидела – я увидела больного человека. О болезни его ни он, ни дочь мне не писали. Тяжелая сердечная болезнь, обнаружившаяся через полгода по приезде в Союз – вегетативный невроз. Я узнала, что он эти два года почти сплошь проболел – пролежал. Но с нашим приездом он ожил, – за два первых месяца ни одного припадка, что доказывает, что его сердечная болезнь в большой мере была вызвана тоской по нас и страхом, что могущая быть война разлучит навек... Он стал ходить, стал мечтать о работе, без которой изныл, стал уже с кем-то из своего начальства сговариваться и ездить в город... Все говорили, что он, действительно воскрес...

И – 27-го августа – арест дочери.

Теперь о дочери. Дочь моя, Ариадна Сергеевна Эфрон, первая из всех нас уехала в Советский Союз, а именно 15 марта 1937 г. До этого год была в Союзе Возвращения

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru на Родину. Она очень талантливая художница и журналистка. И – абсолютно лояльный человек. В Москве она работала во французском журнале «Ревю де Моску» (Страстной бульвар, дом 11) – ее работой были очень довольны. Писала (литературное) и иллюстрировала, отлично перевела стихами поэму Маяковского. В Советском Союзе себя чувствовала очень счастливой и никогда ни на какие бытовые трудности не жаловалась.

А вслед за дочерью арестовали – 10-го Октября 1939 г., ровно два года после его отъезда в Союз, день в день, – и моего мужа, совершенно больного и истерзанного ее бедой.

Первую денежную передачу от меня приняли: дочери – 7-го декабря, т. е. 3 месяца, 11 дней спустя после ее ареста, мужу – 8-го декабря, т. е. 2 месяца без 2-х дней спустя ареста. Дочь п...[2075]

7-го ноября было арестовано на той же даче семейство Львовых, [2076] наших сожителей, и мы с сыном оказались совсем одни, в запечатанной даче, без дров, в страшной тоске.

Я обратилась в Литфонд, и нам устроили комнату на 2 месяца, при Доме Отдыха Писателей в Голицыне, с содержанием в Доме Отдыха после ареста мужа я осталась совсем без средств. Писатели устраивают мне ряд переводов с грузинского, французского в немецкого языков. Еще в бытность свою в Болшеве (станция Болшево, Северной железной дороги. Поселок Новый Быт, дача 4/33) я перевела на французский ряд стихотворений Лермонтова – для «Ревю де Моску» и Интернациональной Литературы. Часть из них уже напечатана.

Я не знаю, в чем обвиняют моего мужа, но знаю, что ни на какое предательство, двурушничество и вероломство он не способен. Я знаю его – 1911 г. – 1939 г. – без малого 30 лет, но то, что знаю о нем, знала уже с первого дня: что это человек величайшей чистоты, жертвенности и ответственности. То же о нем скажут друзья и враги. Даже в эмиграции, в самой вражеской среде, никто его не обвинил в подкупности, и коммунизм его объясняли «слепым энтузиазмом». Даже сыщики, производившие у нас обыск, изумленные бедностью нашего жилища и жесткостью его кровати (– «Как, на этой кровати спал господин Эфрон?») говорили о нем с каким-то почтением, а следователь – так тот просто сказал мне: – «Господин Эфрон был энтузиаст, но ведь энтузиасты тоже могут ошибаться...»

А ошибаться здесь, в Советском Союзе, он не мог, потому что все 2 года своего пребывания болел и нигде не бывал.

Кончаю призывом о справедливости. Человек душой и телом, словом и делом служил своей родине и идее коммунизма. Это – тяжелый больной, не знаю, сколько ему осталось жизни – особенно после такого потрясения. Ужасно будет, если он умрет не оправданный. [2077]

Если это донос, т. е. недобросовестно и злонамеренно подобранные материалы – проверьте доносчика.

Если же это ошибка – умоляю, исправьте пока не поздно.

Марина Цветаева

Москва, 14-го июня 1940 г.

Народному Комиссару Внутренних Дел товарищу Л. П. Берия.

Уважаемый товарищ,

Обращаюсь к вам со следующей просьбой. С 27-го августа 1939 г. находится в заключении моя дочь, Ариадна Сергеевна Эфрон, и с 10-го октября того же года – мой муж, Сергей Яковлевич Эфрон (Андреев).

После ареста Сергей Эфрон находился сначала во Внутренней тюрьме, потом в Бутырской, потом в Лефортовской, и ныне опять переведен во Внутреннюю. Моя дочь, Ариадна Эфрон, все это время была во Внутренней.

Судя по тому, что мой муж, после долгого перерыва, вновь переведен во Внутреннюю тюрьму, и по длительности срока заключения обоих (Сергей Эфрон – 8 месяцев, Ариадна Эфрон – 10 месяцев), мне кажется, что следствие подходит – а может быть уже и подошло – к концу.

Все это время меня очень тревожила судьба моих близких, особенно мужа, который был арестован больным (до этого он два года тяжело хворал).

Последний раз, когда я хотела навести справку о состоянии следствия (5-го июня, на Кузнецком, 24), сотрудник НКВД мне обычной анкеты не дал, а посоветовал мне обратиться к вам с просьбой о разрешении мне свидания.

Подробно о моих близких и о себе я уже писала вам в декабре минувшего года. Напомню вам только, что я после двухлетней разлуки успела побыть со своими совсем мало: с дочерью – 2 месяца, с мужем – три с половиной, что он тяжело болен, что я прожила с ним 30 лет жизни и лучшего человека не встретила.

Сердечно прошу вас, уважаемый товарищ Берия, если есть малейшая возможность, разрешить мне просимое свидание.

Марина Цветаева

Сейчас я временно проживаю по следующему адресу:

Москва

Улица Герцена, дом 6, квартира 20

Телефон К-0-40-13

Марина Ивановна Цветаева

Зима 1939–1940 г.

Москва

В 1911 г. я знакоюсь с Сергеем Эфроном. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулезный (16 лет первый туберкулезный процесс). Убит трагической гибелью[2078] матери и брата. Серьезен не по летам. Я тут же решаю никогда, что бы ни было, с ним не расставаться и в январе 1912 г. выхожу за него замуж.

(Выходит длинно, буду давать главные этапы). В 1913 г. Сергей Эфрон поступает в Московский университет, филологический факультет.[2079] В октябре 1917 г. он, только что окончив Петергофскую школу прапорщиков, сражается в рядах нрзбр. и тут же едет в Новочеркасск, куда приезжает одним из первых 200 офицеров. За все добровольчество (1917 г. – 1920 г.) – непрерывно в строю, никогда в Штабе. Дважды ранен: в плечо и в колено.

Все это, думаю, известно из его предыдущей анкеты, а вот что может быть не известно: он не только не расстрелял ни одного пленного, а спасал от расстрела всех кого мог –[2080] забирал в свою пулеметную команду –[2081] Поворотным пунктом в его убеждениях была казнь комиссара – у него на глазах – лицо с которым этот комиссар встретил смерть – В эту минуту я понял, что[2082] наше дело – ненародное дело.

Но каким образом сын народоволки Лизы Дурново оказывается в рядах белой армии, а не красной? С. Я. Э. это считал в своей жизни – роковой ошибкой. – Я же прибавлю, что так ошибся не только он, совсем молодой тогда человек, но многие и многие, [2083] совершенно сложившиеся люди. В Добровольчестве он видел спасение России и правду, когда он в этом разуверился – он из него ушел, весь, целиком, – и никогда уже не оглянулся в ту сторону.

По окончании добровольчества – голод в Галлиполи и в Константинополе – и в 1922 г. переезд в Чехию, в Прагу, где поступает в Университет, на[2084] историко-филологический факультет, [2085]

Я не знаю, в чем обвиняют моего мужа, но знаю, что ни на какое предательство, двурушничество и вероломство он неспособен. Я знаю его: 1911–1939 г – без малого 30 лет, но то, что знаю о нем, знала уже с первого дня что это человек величайшей чистоты, жертвенности и ответственности. То же о нем скажут друзья и враги. Даже в эмиграции никто его не обвинял в подкупности, и коммунизм его объясняли – «слепым энтузиазмом».

ВЕПРИЦКОЙ Л.В
9-го января 1940 г.

Голицыно, безвестный переулочек, дом с тремя красными звездочками, 40 градусов мороза,

Дорогая Людмила Васильевна,

Это письмо Вам пишется (мысленно) с самой минуты Вашего отъезда. Вот первые слова его (мои – Вам, когда тронулся поезд):

– С Вами ушло все живое тепло, уверенность, что кто-то всегда (значит – и сейчас) будет тебе рад, ушла смелость входа в комнату (который есть вход в душу). Здесь меня, кроме Вас, никто не любит, а мне без этого холодно и голодно, и без этого (любви) я вообще не живу.

О Вас: я вам сразу поверила, а поверила, потому что узнала – свое. Мне с Вами сразу было свободно и надежно, я знала, что Ваше отношение от градусника – уличного – комнатного – и даже подмышечного (а это – важно!) не зависит, с колебаниями – не знакомо. Я знала, что Вы меня приняли всю, что я могу при Вас – быть, не думая – как то или иное воспримется – истолкуется – взвесится – исказится. Другие ставят меня на сцену (самое противоестественное для меня место) – и смотрят. Вы не смотрели, Вы – любили. Вся моя первая жизнь в Голицыне была Вами бесконечно согрета, даже когда Вас не было (в комнате) я чувствовала Ваше присутствие, и оно мне было – оплотом. Вы мне напоминаете одного моего

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
большого женского друга, одно из самых увлекательных и живописных и природных женских существ, которое я когда-либо встретила. Это – вдова Леонида Андреева, Анна Ильинична Андреева, с которой я (с ней никто не дружил) продружила – 1922 г. – 1938 г. – целых 16 лет.

Но – деталь: она встретила меня молодой и красивой, на своей почве (гор и свободы), со всеми козырями в руках. Вы – меня убитую и такую плачевную в зеркале, что – просто смеюсь! (Это – я???)... От нее шел Ваш жар, и у нее были Ваши глаза – и Ваша масть, и встретившись с Вами, я не только себя, я и ее узнала. И она тоже со всеми ссорилась! – сразу! – и ничего не умела хранить...

Да! очень важное: Вы не ограничивали меня – поэзией. Вы может быть даже предпочитали меня (живую) – моим стихам, и я Вам за это бесконечно-благодарна. Всю жизнь «меня» любили: переписывали, цитировали, берегли все мои записочки («автографы»), а меня – так мало любили, так – вяло. Ничто не льстит моему самолюбию (у меня его нету) и все льстит моему сердцу (оно у меня – есть: только оно и есть). Вы польстили моему сердцу.

– Жизнь здесь. Холодно. Нет ни одного надежного человека (для души). Есть расположенные и любопытствующие (например – Кашкин[2086]), есть равнодушные (почти все), есть один – милый, да и даже любимый бы – если бы...[2087] (сплошное сослагательное!) я была уверена, что это ему нужно, или от этого ему, по крайней мере – нежно... («И взвешен был, был найден слишком легким» это у меня, в пьесе «Фортуна», о Герцоге Лозене, которого любила Мария-Антуанэтта – и Графиня Чарторийская – и многие, многие – а в жизни (пьесе обратной фортуны) почти обо всех, кого я любила... Я всю жизнь любила таких как Тагер и всю жизнь была ими обижена – не привыкать – стать... «Влечение, род недуга...»[2088])

Уехала жена Ноя Григорьевича[2089] (я его очень люблю, и он меня, но последнее время мы мало были вместе, а вместе для меня – вдвоем, могу и втроем, но не с такой нравоучительной женой), завтра уезжает и он (на несколько дней), уезжает татарин с женой (навсегда), и живов, [2090] который нынче, напоследок, встал в 1/2 ч. дня, а вечером истопил в столовой – саморучно – хороший воз дров.

Новые: некто Жариков, [2091] с которым мы сразу поспорили. В ответ на заявление Жиги, [2092] что идя мимо «барского дома» естественно захотеть наломать цветов, он сказал, что не только – наломать, но поломать все цветы и кусты, потому что это – чужое, не мое. Я же сказала, что цветы – вообще ничьи, т. е. и мои – как звезды и луна. Мы не сошлись.

«И большинство людей – так чувствуют», утвердил молодой писатель, – «9/10 так чувствуют, а 1/10 – не так», – спокойно заметил Ной Григорьевич (Я, в полной чистоте сердца никогда не считала цветов – чужим. Уж скорей – каждый – своим: внутри себя – своим... Но разная собственность бывает...) Жига сказал, что я уж слишком «поэтично» смотрю на вещи, а Мур – такое отношение к чужим садам объяснил моей интеллигентной семьей, не имевшей классовых чувств... – Ух! И все это – потому что мне не хочется камнем пустить в окно чужой оранжереи... (Почему все самые простые вещи – так трудно объяснимы и, в конечном счете – недоказуемы?!)

Еще был спор (но тут я спорила – внутри рта) – с товарищем Санниковым, [2093] может ли быть поэма о синтетическом каучуке. Он утверждал, что – да, и что такую пишет, потому что всё – тема. (– «Мне кажется, каучук нуждается не в поэмах, а в заводах» – мысленно возразила я.) В поэзии нуждаются только вещи, в которых никто не нуждается. Это – самое бедное место на всей земле. И это место – свято. (Мне очень трудно себе представить, что можно писать такую поэму – в полной чистоте сердца, от души и для души.)

Теперь – о достоверном холоде: в столовой, по утрам, 4 градуса, за окном – 40. Все с жадностью хватаются за чай и с нежностью обнимают подстаканники. Но в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
комнатах тепло, а в иных даже пекло. Дома (у меня) вполне выносимо и даже уютно – как всегда от общего бедствия. В комнате бывшего ревизора живут куры, а кошка (дура!) по собственному желанию ночует на воле, на 40-градусном морозе. (М. б. она охотится за волками??)

Ваш «недоносок» безумно-умилителен. [2094] Сосать – впустую! Даже – без соски! И – блаженствовать. Чистейшая лирика. А вот реклама (не менее умилительная!) для сосок – Маяковского (1921 г.) (Первые две строки – не помню)

..Ну уж и соска, – всем соскам – соска!
Сам эту соску сосать готов! [2095]
(Почему-то эта соска в его устах мне видится – садовой шлангой, или трубкой громкоговорителя, или – той, и моей, – старые стихи 1918 г., но горб все тот же:

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый, стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.
Под темной тяжестью верблюжьих тел,
Мечтать о Ниле, радоваться – луже..
Как господин и как Господь велел
Нести свой крест – по-божьи, по-верблюжьи.
И будут в золоте пустынных зорь
Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?
Но, ни единым взглядом не моля –
Вперед, вперед – с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами
Но верблюды мы с Вами – добровольные.

(Кстати, моя дочь Аля в младенчестве говорила: горблюд, а Мур – люблюд (от люблю))

Кончаю. Увидимся – и будем видаться – непременно. Я за Вашу дружбу – держусь.

Обнимаю Вас и люблю Очень хочу, чтобы Вы сюда приехали!

МЦ.

Голицыно, 29-го января 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна,

Начну с просьбы – ибо чувствую себя любимой.

(«Сколько просьб у любимой всегда...») Но эта просьба, одновременно, упрек, и дело – конечно – в Тагере.

Я достала у Бориса Пастернака свою книгу «После России», и Тагер не хотел с ней расставаться (NB! с ней – не со мной, – passions [2096] –) когда он уезжал, я

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
попросила его передать ее Вам – возможно скорее – но тут начинается просьба: я мечтала, чтобы Вы ее мне перепечатали – в 4 экземплярах, один – себе, один – мне, один – Тагеру, и еще запасной. – «Нужно мне отдельно писать Людмиле Васильевне?» – «Нет, я тотчас ей ее доставлю».

По Вашему (вчера, 28-го полученному) письму вижу, что Тагер не только Вам ее не отнес, а Вам даже не позвонил.

Дело же, сейчас, отнюдь не только лирическое: один человек из Гослитиздата, этими делами ведающий, настойчиво предлагает мне издать книгу стихов, – с контрактом и авансом – и дело только за стихами. Все меня торопят. Я вижу, что это – важно. Давать же борисину книгу я не хочу и не могу: во-первых, там – надпись, [2097] во-вторых – ее по рукам затреплют, а он ее любит, в-третьих – она по старой орфографии («живет в пещере, по старой вере» – это обо мне один дальний поэт, люблю эти строки...) [2098] Словом, мне до зарезу нужен ее печатный оттиск, по новой орфографии.

Конечно, я бы могла отсюда позвонить Тагеру, но... я – и телефон, раз, я – и сам Тагер, два. Тагер очень небрежно поступил со мной – потому что я – с ним – слишком брезжно, и даже больше (переписала ему от руки целую поэму (Горы) [2099] и ряд стихов, и вообще нянчилась, потому что привязалась, и провожала до станции, невзирая на Люсю [2100] и ее выходки...) – я назначила ему встречу в городе, нарочно освободила вечер (единственный) – все было условлено заранее, и, в последнюю минуту – телеграмма: – К сожалению, не могу освободиться – и (без всякого привета). После этого у меня руки – связаны, и никакие бытовые нужды не заставят меня его окликнуть, хотя бы я теряла на нем – миллиарды и миллиарды.

Он до странности скоро – зазнался. Но я всегда думала, что презрение ко мне есть презрение к себе, к лучшему в себе, к лучшему себе.

Мне было больно, мне уже не больно, в что́ сейчас важно – раздобыть у него книгу (его – забыть).

Тот вечер (с ним) прошел – с Борисом Пастернаком, который, бросив последние строки Гамлета, [2101] пришел по первому зову – и мы ходили с ним под снегом и по снегу – до часу ночи – и все отлегло – как когда-нибудь отляжет – сама жизнь.

О здесь. Здесь много новых и уже никого старого. Уехал Ной Григорьевич, рассказывавший мне такие чудные сказки. Есть один, которого я сердечно люблю – Замошкин, [2102] немолодой уже, с чудным мальчишеским и изможденным лицом. Он – родной. Но он очень занят, – и я уже обожглась на Тагере. – Старая дура.

– Годы твои – гора,
Время твое – царей.
Дура! любить – стара,
– Друга! любовь – старей:
Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей... [2103]
Так я всю жизнь – отыгрывалась. Так получались – книжки.

Ваши оба письма – дошли. Приветствую Ваше тепло, – когда в доме мороз – все вещи мертвые: вздыхают на глазах, и несвойственно живому жить среди мертвецов, грея

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
их последним теплом – сердечным. Молодец – Вы, этой удали у меня нет.

О себе (без Тагера – перевожу своего «Гоготура»[2104] – ползу – скука – стараюсь оживить – на каждое четверостишие – по пять вариантов – и кому это нужно? – а иначе не могу. Мур ходит в школу, привык сразу, но возненавидел учительницу русского языка – «паршивую старушонку, которая никогда не улыбается» – и желает ей быстрой и верной смерти.

Ну, вот и все мои новости. Хозяйка едет в город – тороплюсь.

Очень прошу: когда будете брать у Тагера книгу – ни слова о моей обиде: много чести.

Не знаю, как с бумагой, но лучше бы каждое стихотворение на отдельном листке, чтобы легче было потом составить книгу, без лишней резни. И – умоляю – если можно – 4 экземпляра, п. ч. целиком перепечатываться эта книга – навряд ли будет.

Обнимаю Вас и люблю. Пишите.

МЦ.

Голицыно, 3-го февраля 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна,

Вчера вечером, с помощью Ноя Григорьевича – моего доброго гения – звонила Тагеру. Говорила любезно и снисходительно, и выяснила следующее: он не знал, что это «так спешно» (хотя предупреждала его, что книга – чужая, дана мне на срок, и т. д.), с Вами у него вышло «какое-то недоразумение», как раз нынче собирался мне звонить, и даже как-нибудь мечтает приехать – словом, все очень мягко и неопределенно. (Я ни слова не сказала ему о тоне Вашего письма, – только, что Вы до сих пор от него книги не получили.) Когда же я стала настаивать, чтобы он немедленно (хорошее немедленно, когда он уехал 23-го!) Вам книгу свез, он стал петь, что его цель – получить оттиск, а Вы ему такового не дадите. – Да, но моя цель – возможно скорее иметь свой оттиск, п. ч. это нужно для Гослитиздата! – но тут случился сюрприз; оказывается, у него на руках и другая моя книга, которую я ищу по всей Москве, и тоже до зарезу мне нужная[2105] (из двух будет (если будет) – одна). Пришлось сдержать сердце – и даже просить – чтобы он меня выручил, т. е. одолжил на время.

Относительно же первой «сговорились» – так: так как он безумно хочет иметь свой оттиск, а Вы не дадите, он попытается устроить перепечатку сам – в течение 5-ти дней. Я, сначала, было, возмутилась (ибо книга – моя, всячески) но тут же поняла, что он этим Вас избавляет от большой работы, а что, если Вы бы когда-нибудь захотели иметь свой оттиск. Вы бы всегда смогли, не спеша, перепечатать для себя – с моего. Командовать же мне не пришлось, п. ч. вторая книга – у него, и она мне необходима, и он мог бы озлобиться. – Уф! –

Но все-таки – такую вещь он услышал: – Торговаться со мной – чистое безумие, и даже невыгодно: я всегда даю больше, и Вы это – знаете.

Чем кончится история с его перепечаткой – не знаю. Диву даюсь, что он, держа книгу на руках целых десять дней – да ничего, просто продолжал держать...

Подала заявление в Литфонд, отдельно написала Новикову, [2106] отдельно ездила к Оськину, [2107] который сказал, что решение будет «коллегиальное» [2108] (кстати, оно уже должно было быть – 1-го). Теперь – жду судьбы. Мур учится, я кончаю своего «Гоготура». А в общем – темная вода во облацех. При встрече расскажу Вам одну очень странную (здесь) встречу.

В общем, подо всем: работой, хождением в Дом Отдыха, поездками в город, беседами с людьми, жизнью дня и с нами ночи – тоска.

Обнимаю Вас и прошу простить за скуку этого письма, автор которой – не я.

МЦ.

Голицыно, 5-го февраля 1940 г.

Дорогая Людмила Васильевна! Первое письмо залежалось, п. ч. не успела передать его надежному отъезжающему – уехал до утреннего завтрака. Но вот оно, все же – как доказательство (впрочем, не сомневаюсь, что Вы во мне – не сомневаетесь). А вчера вечером – Ваше, с двумя Т – Тютчевым – и другим. [2109] Первый восхитил и восхитил – от второго, второй – не удивил. Я, как и Вы, наверное, всегда начинаю с любви (т. е. всяческого кредита) и кончаю – знакомством. А от знакомиться недалеко и до раззнакомиться.

я Тагером не меньше обижена, чем Вы, а м. б., – больше, а скорей всего – одинаково: – Но мне порукой – ваша честь, – И смело ей себя вверяю! [2110] – (Побольше бы чести – я поменьше бы смелости! Кстати, по мне, Татьяна – изумительное существо: героиня не верности, а достоинства: не женской верности, а человеческого достоинства, – Люблю ее.)

Сейчас, кстати, Тагер мною взят на испытание: одолжит ли мне мною просимую книгу, за которой я к нему направила одного милейшего здешнего человека. (Может, конечно, отвертеться, что книга – чужая, ему – доверена, и т. д.)

Дорогая ЛВ (простите за сокращение, но так – сердечнее), никакой Тагер нас с Вами никогда не рассорит, ибо знаю цену – Вашей душе и его (их) бездушию. Ведь это тот же «Юра» – из Повести, [2111] и та же я – 20 лет назад, но только оба были красивее, и все было – куда серьезнее. Безнадежная любовь? Неодушевленность любимого тобою предмета – если он человек. Ведь даже янтарь от твоей любви (сердечного жара!) – сверкает, как никогда не сверкает – от солнечного.

– Кончаю своего «Гоготура», и у Мура даже глагол – гоготуриться. Сплошное го-го – и туры (звери). Когда Гоготур (впрочем, не он, mais cest tout somme [2112]) раскаивается – он долго бьет себя по голове пестом (медным). Как такое передать в одной строке?? (Подстрочник: «Раскаившись, он долго бил себя по голове пестом»...) Теперь он уже отбил себя и в виде хэвис-бэри (смесь муллы и священника) ниспрашивает благодать на Грузию. А по ночам раскаивается в раскаивании и воет по своему «мертвом молодечестве». Сур-ровая поэма! На очереди – Барс [2113] (звериный Гоготур) – и – боюсь – отъезд, переезд – куда??? Мне нужно серьезно с Вами посоветоваться. Оськин спросил: – «А какие у Вас – дальнейшие планы?» И я ответила – Никаких.

– С книгой. Будем ждать событий. В конце концов: я всегда смогу отобрать ее у Тагера – и переписать от руки.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целую Вас, пишите. Я все еще (из трусости) не справилась в Литфонде, а срок мой – 12-го.

М.

(Приложение)

5-го вечером

Нынче Серафима Ивановна[2114] звонила в Литфонд, справлялась о моей судьбе: решение отложено до 7-го. А 12-го – истекает срок.

Но в лучшем случае – если даже продлят – мы здесь только до 1-го апреля, п. ч. с 1-го комната сдана детскому саду. Мне очень жаль Мура – придется бросать и эту школу, уже вторую за год.

Съезжать – куда??? На наше прежнее место я не поеду, потому что там – смерть.[2115] Кроме того (хорошее – кроме!) эту несчастную последнюю уцелевшую комнату у меня оспаривают два учреждения.

Кроме того – дача летняя, и вода на полу – при полной топке – мерзнет. И полкилометра сосен, и каждая – соблазнительна!

Книгу (ту самую) нынче получила, но она – совершенно негодная, на всю ее – 5, 6 годных, т. е. терпимых – страниц. Уж-жасная книга! Я бы, на месте Тагера, и читать не стала. Прислал с записочкой – приветливой.

Ну, до свидания! Спасибо за все. Буду знать о своей судьбе – извещу.

М.

P. S. Никогда не рассоримся: еще то дерево не выросло, из которого колыбель будет для того Тагера, который нас рассорит!

ТАГЕРУ Е. Б
Голицыно, 11-го января 1940 г.

Концы разговоров

– «Чем меньше Вы будете уделять мне внимания – тем будет лучше».

Первое: больно. Второе: – кому лучше? Вам (ибо мне от этого будет хуже: ужé плохо!) Т. е. Вам будет лучше, если я о Вас не буду думать, и будет совсем хорошо, если Вы для меня перестанете существовать.

Как это понять? Из себя я этого не пойму: я бесконечно дорожу всяким вниманием, и вне его – человеческого отношения не вижу.

Внимание и вникание – вот мой единственный путь к человеку, т. е. начало того

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пути, конец которого погружение в человека и, по возможности, потопление (по
невозможности – растворение) в нем.

Еще: если я человека люблю, я хочу, чтобы ему от меня стало лучше – хотя бы
пришитая пуговица. От пришитой пуговицы – до всей моей души.

– А, может быть. Вы из тех несчастных, которые хотят хуже и не терпят лучше?
Тогда – тогда вся я в Вашей жизни – зря, потому что я человеку несу добро, а не
зло.

– «Чем меньше внимания»... – какое пренебрежение к себе! Точно Вы этим хотите
сказать, что Вы этого внимания – не стоите. За кого же Вы меня принимаете, с
этим неуместным вниманием – к недостойному.

...Если бы Вы меня, сегодня, в снегу, вместо всех этих неуместных вниманий, просто
спросили: – Это всегда так будет – от Вас ко мне? – я бы не задумавшись
ответила: да – и была бы счастлива.

(Числа не помню, прогулка в снегу)

... – Вы отлично «занимаете» весь стол. [2116]

– Вы отлично знаете, что пока я «занимаю» весь стол, мне хочется сидеть рядом с
Вами, обняв Вас за плечо – и ничего не говорить.

– Если Вы хоть немножко дорожите нашей дружбой, не делайте из меня чудовища,
нечеловека, победителя – т. д. Мне больно как всем, и сейчас (после беседы) мне
очень больно. Больно от того, что Вы мне не верите. Больно от Вашего молчаливого
вопроса: – Зачем я Вам? – Я ведь еще ни слова не сказала Вам кто Вы, а Вы уже
отнекиваетесь: – Не я! Вы ничего не хотите взять из того, что я Вам несу. Вы
отводите руку, и мои – опускаются. Из нас двоих Вы – богатый, а не я.

Вы унижаете меня до доказательств: – «Докажите, почему я Вам дорог, почему
именно я» – и я начинаю чувствовать себя виноватой – что Вы мне дороги, и сама
перестаю понимать.

Я из Вас возвращаюсь – неузнаваемой: «победителем», чудовищем, нечеловском. Моя
хозяйка, с которой я живу жизнь дней, [2117] Вам лучше скажет – кто я.

– Сказать Вам как это было? Может быть, это Вам все скажет, а если это не скажет
– уже ничего не скажет.

– Пойдем будить Тагера?

Я вошла. На кровати, сверх кровати – как брошенная вещь – лежали Вы, в
коричневой куртке, глубоко и открыто спящий, и у меня сердце сжалось, и что-то

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
внутри – там где ребра расходятся – зажглось и стало жечь – и стало болеть.

Милый друг, может быть, если бы мы сели рядом, плечо с плечом, все сразу бы дошло, и не пришлось бы так много спрашивать. Есть вопросы, на которые нельзя ответить словами, можно ответить плечом и ребром, потому что слова – даже то же ребро Поэмы Конца – всегда умны (ребро: Адам: Ева – и так далее – и даль во все стороны – и неминуемо отводит друг от друга) – и содрогание от такого стихотворного ребра – только призрак того живого содрогания. Мы – словами – выводим вещь из ее темного лона на свет, и этот свет неизменно – холоден. (Ведь горит – Люся[2118] – от Поэмы Конца, от того самого ребра, только потому, – что она это ребро возвращает обратно в грудь (откуда это ребро сразу рвется – к другому ребру), с бумаги – в грудь, всю Поэму Конца – с бумаги – в грудь, уничтожая слова, делая их тем, чем они были: боком, плечом, ребром, вздохом. – Спросите – ее. Недаром она говорила о каком-то недозвоненном ее чтении: недозвоненном присвоении.

Мы с вами – не то делаем – мы с чем-то – жестко обходимся.

«Трамплин для стихов» – тот, живой, спящий, щемящий Вы?

...И еще: голос, странная, завораживающая певучесть интонации, голос не совсем проснувшегося, еще – спящего, – в котором и озноб рассвета и остаток ночного сна. (То самое двусмысленное «дрогнете вы», [2119] – впрочем, все равно: говорить я их не буду, печатать – тоже нет, а Вы теперь – знаете.)

И еще: – зябкость, нежелание гулять, добровольный затвор с рукописью, – что-то монашеское и мальчишеское – и щемяще-беззащитное – и очень стойкое...

Я не хотела Вам всего этого говорить, я думала – Вы сами поймете, и говорю Вам это почти насильно – от непосильного чувства, что я того спящего – чем-то обидела, ибо: если я – достоверно (хотя и мимовольно)

Вами обижена, то может быть в Вы – моим призраком, тем нечеловеком, который не я. Я или не я – но обида – была, и она носат мое имя, и я за нее ответственна, и звучит она из Ваших уст – приблизительно – так: – «Ты меня не знаешь[2120] и по моему поводу „галлюцинируешь“ („как визионера дивинация“...[2121]), а я – живой человек, может быть хуже, чем твой, но живой, а каждый живой заслуживает внимания. Твоя любовь – обида, ибо она меня минует и почему-то все-таки заимствует мои черты и входит в мою дверь».

Так ведь?

Ну, вот.

(И вот – откуда-то – строки:

В царство хвойное, мховое,
Меховбе, пуховбе...
Это еще тот мех и пух во мне не успокоились)

Но нужно кончать

Итак –

Еще одна такая беседа (которая есть – противостояние) и я не смогу, потому что не могу жить на подозрении – в чем бы то ни было.

Попробуйте быть ко мне проще – и добрее – и доверчивее.

Бросим споры. Бросим меня. Говорите о себе.

Нам с вами дан краткий срок (о, я и без Вас скучала, весь мой правый бок не существовал, в весь белый дом со всеми белыми березами не существовал, и неужели Вы, странный человек, не почувствовали, как я Вам обрадовалась?)

Но довольно о «радостях». Может быть у Вас – свои беды, есть беда еще целый человек – Вы: вне меня, до меня, и после меня, – идите ко мне с ним. (Господи, какое счастье когда это делается само, и как страшно об этом просить! Но Вы меня – вынуждаете.)

Обнимаю Вас за плечо, коричневое

М.

Нынче, 22-го января 1940 г., день отъезда[2122]

Мой родной! Непременно приезжайте – хотя Вашей комнаты у нас не будет – но мои стены (нестены!) будут – и я Вас не по ниточке, а – за руку! поведу по лабиринту книжки: [2123] моей души за 1922 г. – 1925 г., моей души – тогда и всегда.

Приезжайте с утра, а может быть и удача пустой комнаты – и ночевки – будет, тогда всё договорим. Мне важно и нужно, чтобы Вы твердо знали некоторые вещи – и даже факты – касающиеся непосредственно Вас.

С Вами нужно было сразу по-другому – по страшно-дружному и нежному – теперь я это знаю – взять всё на себя! – (я предоставляла – Вам).

Одного не увозите с собой: привкуса прихоти, ее не было. Был живой родник.

Спасибо Вам за первую радость – здесь, первое доверие – здесь, и первое вверение – за многие годы. Не ломайте себе голову, почему именно Вам вся эта пустующая дача распахнулась всеми своими дверями, и окнами, и террасами, и слуховыми оконцами и почему именно на Вас – всеми своими дверями и окнами и террасами и слуховыми глазками – сомкнулась. Знайте одно: доверие давно не одушевленного предмета, благодарность венда – вновь обретшей душу. («Дашь пить – будет говорить!») А сколько уже хочется сказать!

Помните Антея, силу бравшего от (легчайшего!) прикосновения к земле, в воздухе державшегося – землю. [2124] И души Аида, только тогда говорившие, когда отпили жертвенной крови. [2125] Все это – и антеева земля и аидова кровь – одно, то, без чего я не живу, не я – живу! Это – единственное, что вне меня, чего я не властна создать и без чего меня нету...

Еще одно: когда его нет, я его забываю, живу без него, забываю так, как будто его никогда не было (везде, где «его», проставьте: ее, живой любви), даже отрекаюсь, что она вообще есть, и каждому докажу как дважды два, что это –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вздор, но когда она есть, т. е. я вновь в ее живое русло попадаю – я знаю, что только она и есть, что я только тогда и есть, когда она есть, что вся моя иная жизнь – мнимая, жизнь аидовых теней, не отпивших крови: не-жизнь.

Так, может быть, следует толковать слово Ахилла[2126] – я предпочел бы быть погонщиком мулов в мире животных, чем царем в царстве теней.

Но все это: и Ахиллы и Анды и Антеи исчезает перед живой достоверностью, что я нынче в последний раз сидела с Вами за столом, что мне уж нeкуда будет – со всеми Ахиллами и Аидами и Антеями, что руки, в которые всё шло – шла – вся – отняты.

(У меня чувство, что мы с вами – и не начинали!)

Напишите первый. Дайте верный адрес. Захотите приехать – предупредите. Приезжайте один. Я себя к Вам ни с кем не делю. Один, на весь день – и на очень долгий вечер.

Спасибо за всё.

Обнимаю Вас, родной.

М.

ШАГИНЯН М. С
Конец декабря 1939 г. – начало 1940 г. [2127]

Милая Мариэтта Сергеевна, сегодня Вы в моем сне мне упорно жаловались, что Вам все (каждая вещь) стоит 10 рублей. Проснувшись, я задумалась – дорого ли это или дешево. 2) Давайте мне Ваши темные места (Низами), я сейчас жду перевода и более или менее свободна. Давайте мне и текст и размер, но размер не нарисованный, а написанный – любыми, хотя бы бессмысленными русскими словами.

Конец декабря 1939 г. – начало 1940 г.

Я бы не решилась изменить ударение амбра, особенно в рифме. В общем – очень хорошо, есть чудные места, но ужасны (не сердитесь!) субстанция и акциденции. Конечно работа громадная: гора! [2128]

Начало 1940 г.

Милая Мариэтта Сергеевна, я не знаю, что мне делать. Хозяйка, беря от меня 250 рублей за следующий месяц за комнату, объявила, что больше моей печи топить не может – п. ч. у нее нет дров, а Серафима Ивановна ей продавать не хочет.

Я не знаю, как с этими комнатами, где живут писатели, и кто поставляет дрова??? Я только знаю, что я плачу очень дорого (мне все говорят), что эту комнату нашла Серафима Ивановна и что Муру сейчас жить в нетопленной комнате – опасно. Как бы выяснить? Хозяйке нужен кубометр.

28-го марта 1940 г.

Голицыно, Белорусской железной дороги – возле Дома Писателей – Дорогая Мариэтта Сергеевна,

(Пишу Вам своим рукописным почерком, – так я, на бумаге, исходила тысячи и тысячи верст...)

Очень надеюсь, что мой привет Вас еще застанет[2129] (если везущий не протаскает его в кармане...).

Без Вас в доме творчества – меньше дома и меньше творчества, и Ваше место за столом – явно пустует, хотя с виду – для виду – и занято.

Вы – очаг тепла и люди сами не знают, сколько они Вам должны – радости.

– А Муру опять не везет: опять грипп с t°, сильнейшим кашлем и насморком. Лежит, рисует, читает, учится. Лечу его уротропином и горчичниками. Надеюсь – обойдется, но все это очень выбивает из колеи и омрачает и без того уже нерадостную жизнь. Погода – поганая – мокрая метель, весна была и прошла.

Принимаюсь наконец за гору Этери[2130] (полторы тысячи строк) – но что моя – перед Вашей!

Да! Мне, может быть (очень надеюсь), дадут французский перевод Низами – в половине июля, когда сброшу с себя вышеназванную гору Этери. – Вот мы с Вами и побратаемся!

Только что кончила Робин Гуда и Маленького Джона (разбойничий обряд крестин)[2131] – очень весело – сама веселилась – и правку большого чужого французского перевода ...[2132]

La-bas, près de l'Altaï, où le soleil se lève,
Est, dit-on, de Boumbá le vieux pays de rêve.
Un mont sempiternel s'élève en son milieu.

Et souverainement l'unit aux larges ceux
– так я вступаю в поэму, вообще очень многое пришлось сделать заново, но я обожаю такую работу: то же чувство, когда оттираешь медь (красную).

До свидания, хочу нынче же отправить, обнимаю Вас, спасибо за все, очень люблю Вас, добрый путь! – откликнитесь по приезде.

МЦ.

Огромное спасибо за книгу Муру – он, читая, веселился вслух, сам с собою, теперь (поздней ночью) буду веселиться – я.

Сердечный привет Якову Самсоновичу,[2133] Мирэль[2134] поцелуйте ...

ГОЛЬЦЕВУ В. В.
2-го февраля 1940 г.

Голицыно, Дом Писателей,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милый Виктор Викторович,

Договор я получила, но подписать его в таком виде никак не могу. [2135]

Во-первых – срок: 25-ое февраля на обе вещи – боюсь, что не справлюсь, а если подпишу – от страха наверняка не справлюсь. Гоготура у меня пока сделано 3/4, а Барс вовсе не начат, из остающихся же 23-х дней – несколько уж наверное выпадут – на поездки в город, приезды знакомых, домашние дела – и прочее. Считаюсь с медленностью моей работы (не больше 20 строк, а когда и меньше, а на 330 сделанных строк – уже целая громадная черновая тетрадь, могу показать), я никак не могу поручиться за срок – тем более, что дней пять у меня еще уйдет на правку Гоготура.

Второе: в договоре неверное количество строк: в Гоготуре не 424 строки, а 442, в Барсе – не 140, а 169, – в общем на 47 строк больше, чем сказано в договоре. Давайте так: либо 25-ое февраля – на одного Гоготура, либо 10-е марта – на обе вещи, – как хотите, но только не 25-ое февраля на обе. Я не хочу гнать через пень-колоду, подгоняемая страхом. Меня подгонять вообще не надо: я всегда даю свой максимум, не моя вина – что он так мал.

Вполне возможно, что я обе вещи закончу раньше 10-го марта – это уже дело удачи – тогда и представлю их раньше, но раньше, чем они будут совсем хороши – не сдам, поэтому и не хочу этого срока.

До Вашего ответа договор держу у себя – и работаю дальше. Если не хотите писать – позвоните мне в Голицыне, Дом Писателей, где я ежедневно бываю от 1 ч. 30 минут до 2 ч. 30 минут и от 6 ч. до 7 ч. и немножко позже (9-го вечером и 10-го днем меня не будет).

Шлю Вам сердечный привет и надеюсь, что Вы поймете серьезность моих доводов. Первый заинтересованный – Ваш (или: наш) автор.

МЦ.

Голицыно, 12-го февраля 1940 г.

Дорогой Виктор Викторович,

(Начала Барса)

14-го, около 11 ч. утра позвоню Вам, чтобы узнать, как мне быть с деньгами – будут ли у Вас к 14-му для меня деньги, чтобы заплатить за месяц нашего содержания с Муром (наша путевка кончается нынче, 12-го, заведующая обещала подождать до 14-го).

Мне нужно 800 рублей за еду и – но тут у меня надежда: не оплатил бы Литфонд моей комнаты, п. ч. 250 рублей ужасно дорого. Этот совет мне дала заведующая, которая пока с меня за комнату денег не просит, сама находя, что это очень дорого.

Если бы Вы могли – к 14-му достать мне тысячу рублей (у меня, вообще, ни копейки) под Гоготура и выяснить с комнатой – было бы чудно.

Итак, буду звонить Вам 14-го, около 11 ч.

Сердечный привет, спасибо за помощь. Барс – хороший.

МЦ.

Голицыно, 26-го февраля 1940 г.

Дорогой Виктор Викторович,

Вот – Барс. Работала его до последней минуты-40 мелких страниц черновика огромного формата – некоторые места нашла во сне.

Мечтала его Вам завтра сама вручить, – но серьезно заболел Мур: застудил в холодном вагоне начинающийся грипп, о котором и сам не знал, вернулся из города с t° 39,6 – местная докторша меня напугала: не слышит дыхания – поставила банки – теперь лежит – глубокий кашель – так что я завтра буду в городе только на самый короткий срок.

С Барсом вышло большое огорчение: я все была на его полосы, ибо в подстрочнике он определенно и постоянно полосат, а оказалось, что он не полосатый, – пятнистый, и пришлось убрать все полосатые (обольстительные!) места.

Теперь – просьба. Как мне быть с перепечаткой? Гоготура мне сделали по дружбе, но тот человек уехал, да и все равно, я бы не обратилась – вторично. Нет ли у Вас знакомой машинистки? Это бы ускорило дело, – я до Мурино полного выздоровления в Москве не буду, да все равно у меня машинистки – нет. Дружеская услуга – не выход из положения, мне бы нужно кого-нибудь, кто всегда бы мог для меня печатать. Как это делается? С удовольствием заплачу что нужно. Барс – маленький, его можно скоро сделать, так что Вы до отъезда смогли бы показать его кому следует. Хорошо бы – три экземпляра).

Позвоните мне в Голицыне – либо к 1 ч. 30 минутам – 2 ч., либо к 6 ч. 30 минутам – 7 ч., мне очень интересно, как Вам понравился Барс. [2136]

До свидания! Спасибо за все.

МЦ.

Начало июня 1940 г.

Милый Виктор Викторович,

Я вчера Вам звонила, нас разъединили и после этого я в течение всего дня и нынешнего утра не могла к Вам дозвониться.

Ответьте мне, пожалуйста, через Мура, или позвоните по телефону К-0-40-13, как обстоят дела с Эгери. Мне крайне нужны деньги, я у всех заняла и больше не у кого, и дошла до последних 2 рублей.

Мне бы хотелось знать:

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1) одобрили ли Вы сделанное

2) если да – когда и к кому мне идти за деньгами.

Сердечный привет.

МЦ.

МЕРКУРЬЕВОЙ В. А
20-го февраля 1940 г.

Голицыно, Дом отдыха писателей (Белорусской железной дороги)

Дорогая Вера Меркурьева,

(Простите, не знаю отчества)

Я Вас помню – это было в 1918 г., весной, мы с вами ранним рассветом возвращались из поздних гостей. И стихи Ваши помню – не строками, а интонацией, – мне кажется, вроде заклинаний?

Эренбург мне говорил, что Вы – ведьма и что он, конечно, мог бы Вас любить.

...Мы все старые – потому что мы раньше родились! – и все-таки мы, в беседе с молодыми, моложе их, – какой-то неистребимой молодостью! – потому что на нашей молодости кончился старый мир, на ней – оборвался.

– Я редко бываю в Москве, возможно реже: ледяной ад поездов, и катящиеся лестницы, и путаница трамваев, – и у меня здесь в голицын-ской школе учится сын, от которого я не уезжаю, а – отрываюсь, и я как вол впряглась в переводную работу, на которую уходит весь день. И первое желание, попав в Москву-выбраться из нее. (У меня нет твердого места, есть – нора, вернее – четверть норы – без окна и без стола, и где – главное – нельзя курить.)

Но я все-таки приду к Вам – из благодарности, что вспомнили и окликнули.

МЦ.

Голицыно, 10-го мая 1940 г.

Дорогая Вера Меркурьева,

Не объясните равнодушием: всю зиму болел – и сейчас еще хворает сын, всю зиму – каждый день – переводила грузин – огромные глыбы неисповедимых подстрочников – а теперь прибавилось хозяйство (раньше мы столовались в Доме отдыха, теперь таскаю сюда и весь день перемываю свои две кастрюльки и переливаю – из пустого в порожнее; если бы – из пустого в порожнее!) – кроме того, не потеряла, а погребла Ваше письмо с адресом, только помнила: Арбат, а Арбат – велик.

О Вашем знакомом. [2137] Я поняла, что писатель, приехавший в писательский дом – жить, и рассчитывала встретиться с ним вечером (мы иногда заходим туда по вечерам), а когда мы пришли – его там не оказалось, т. е. оказалось, что он

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru нарочно приезжал от Вас и тотчас же уехал. Вышло очень неловко: я даже не предложила ему чаю.

Буду у Вас (т. е. – надеюсь быть) 12-го, в выходной день, часам к 11-ти – 12-ти утра, простите за такой негостевой час, но я в городе бываю редко и всегда намало, и всегда столько (маленьких!) дел.

10-го июня собираюсь перебраться поближе к Москве, тогда, авось, будем чаще встречаться – если Вам этого, после встречи со мной, захочется.

Итак, до послезавтра!

Сердечно обнимаю

МЦ.

Непременно передайте Вашему знакомому, что я очень жалею, что его тогда – так – отпустила, но мне было просто неловко задерживать его, думая, что он торопится раскладываться и устраиваться.

Объясните ему.

Москва, 31-го августа 1940 г.

Дорогая Вера Александровна,

Книжка и письмо дошли, но меня к сожалению не было дома, так что я Вашей приятельницы[2138] не видела. Жаль. Для меня нет чужих: я с каждым – с конца, как во сне, где нет времени на предварительность.

Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь. Вчера ушла с улицы Герцена, [2139] где нам было очень хорошо, во временно-пустующую крохотную комнатку в Мерзляковском переулке. [2140] Весь груз (колоссальный, все еще непомерный, несмотря на полный месяц распродаж и раздач) оставили на улице Герцена – до 15-го сентября, в пустой комнате одного из профессоров. – А дальше??? –

Обратилась к заместителю фадеева – Павленко – очаровательный человек, вполне сочувствует, но дать ничего не может, у писателей в Москве нет ни метра, и я ему верю. Предлагал за́город, я привела основной довод: собачьей тоски, и он понял и не настаивал. (Загородом можно жить большой дружной семьей, где один другого выручает, сменяет, и т. д. – а так – Мур в школе, а я с утра до утра – одна со своими мыслями (трезвыми, без иллюзий) – и чувствами (безумными: якобы-безумными, – вещими), – и переводами, – хватит с меня одной такой зимы.)

Обратилась в Литфонд, обещали помочь мне приискать комнату, но предупредили, что «писательнице с сыном» каждый сдающий предпочтет одинокого мужчину без готовки, стирки и т. д. – Где мне тягаться с одиноким мужчиной!

Словом, Москва меня не вмещает.

Мне некого винить. И себя не виню, п. ч. это была моя судьба. Только – чем кончится??

Я свое написала. Могла бы, конечно, еще, но свободно могу не. Кстати, уже больше месяца не перевожу ничего, просто не притрагиваюсь к тетради: таможня, багаж, продажи, подарки (кому – что), беганье по объявлениям[2141] (дала четыре – и ничего не вышло) – сейчас – переезд.. И – доколе?

Хорошо, не я одна... Да, но мой отец поставил Музей Изящных Искусств – один на всю страну – он основатель и собиратель, его труд – 14-ти лет, – о себе говорить не буду, нет, все-таки скажу – словом Шенье, его последним словом: – Et pourtant il y avait quelque chose là...[2142] (указал на лоб) – я не могу, не кривя душой, отождествить себя с любым колхозником – или одесситом – на которого тоже не нашлось места в Москве.

Я не могу вытравить из себя чувства – права. Не говоря уже о том, что в бывшем Румянцевском Музее три наши библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. Мы Москву – задали. А она меня вышвыривает: извергает. И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?

У меня есть друзья, но они бессильны. И меня начинают жалеть (что меня уже смущает, наводит на мысли) – совершенно чужие люди. Это – хуже всего, потому что я от малейшего доброго слова – интонации – заливаюсь слезами, как скала водой водопада. И Мур впадает в гнев. Он не понимает, что плачет не женщина, а скала.

..Единственная моя радость – Вы будете смеяться – восточный мусульманский янтарь, который я купила 2 года назад, на парижском «толчке» – совершенно мертвым, восковым, обогретым плесенью, и который с каждым днем на мне живет: оживает, – играет и сияет изнутри. Ношу его на теле, невидимо. Похож на рябину.

Мур поступил в хорошую школу, нынче был уже на параде, а завтра первый день идет в класс.

..И если в сердечной пустыне,
Пустынной – до краю очей,
Чего-нибудь жалко – так сына:
Волчонка – еще поволчей...[2143]
(Это – старые стихи. Впрочем, все старые. Новых – нет.) С переменой мест я постепенно утрачиваю чувство реальности: меня – все меньше и меньше, вроде того стада, которое на каждой изгороди оставляло по клоку пуха... Остается только мое основное нет.

Еще одно. Я от природы очень веселая. (М. б. это – другое, но другого слова нет.) Мне очень мало нужно было, чтобы быть счастливой. Свой стол. Здоровье своих. Любая погода. Вся свобода. – Всё. – И вот – чтобы это несчастное счастье – так добывать, – в этом не только жестокость, но глупость. Счастливому человеку жизнь должна – радоваться, поощрять его в этом редком даре. Потому что от счастливого – идет счастье. От меня – шло. Здрóрово шло. Я чужими тяжестями (взвáленными) играла, как атлет гириями. От меня шла – свобода. Человек – вдруг – знал, что выбросившись из окна – упадет вверх. На мне люди оживали как янтарь. Сами начинали играть. Я не в своей роли – скалы под водопадом: скалы, вместе с водопадом падающей на (совестно) человека... Попытки моих друзей меня растрагивают и расстраивают. Мне – совестно: что я еще жива. Так себя должны чувствовать столетние (умные) старухи...

Если бы я была на десять лет моложе: нет – на пять! – часть этой тяжести была бы – с моей гордости – снята тем, что мы для скорости назовем – женской прелестью (говорю о своих мужских друзьях) – а так, с моей седой головой – у меня нет ни малейшей иллюзии: всё, что для меня делают – делают для меня – а, не для себя... И это – горько. Я так привыкла – дарить!

(NB! Вот куда завела – «комната».)

Моя беда в том, что для меня нет ни одной внешней вещи, всё-сердце и судьба.

Привет Вашим чудным тихим местам. У меня лета не было, но я не жалею, единственное, что во мне есть русского, это – совесть, и она не дала бы мне радоваться воздуху, тишине, синеве, зная, что, ни на секунду не забывая, что – другой в эту же секунду задыхается в жаре и камне.

Это было бы – лишнее терзание.

Лето хорошо прошло: дружила с 84-летней няней, живущей в этой семье 60 лет. И был чудный кот, мышиный, египтянин, на высоких ногах, урод, но божество. Я бы – душу отдала – за такую няню и такого кота.

Завтра пойду в Литфонд («еще много-много раз») – справляться о комнате. Не верю. Пишите мне по адресу: Москва, Мерзляковский переулок, дом 16, квартира 27

Елизавете Яковлевне Эфрон

(для М. И. Ц.)

Я здесь не прописана и лучше на меня не писать. Обнимаю Вас, сердечно благодарю за память, сердечный привет Инне Григорьевне. [2144]

МЦ.

14 сентября 1940 г.

Ответ на письмо поэтессе В. А. Меркурьевой

(меня давно знавшей)

– «В одном Вы ошибаетесь – насчет предков»...

Ответ: отец и мать – не предки. Отец и мать – исток: рукой подать. Даже дед – не

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
предок. Предок ли прадед? Предки – давно и далёко, предки – череда, приведшая ко мне...

Человек, не чувствующий себя отцом и матерью – подозрителен. «Мои предки» – понятие доисторическое, мгла (туман) веков, из которой наконец проясняются: дед и бабушка, отец и мать, – я.

Отец и мать – те, без которых меня бы не было. Хорош – туман!

То, что я, всё, что я – от них (через них), и то, что они всё, что они – я.

Даже Гёте усыновил своего маниакального отца:

Von Vater hab ich die Statur,

Des Lebens ernstes Führen,

V...

U...[2145]

А Марк Аврелий – тот просто начинает:

Отцу я обязан... – и т. д.

Без этой обязанности отцу, без гордости им, без ответственности за него, без связанности с ним, человек – СКОТ.

– Да, но сколько недостойных сыновей. Отец – собирал, сын – мот...

– Да, но разве это мой случай?

Я ничем не посрамила линию своего отца. (Он поставил) Он 30 лет управлял Музеем, в библиотеке которого – все мои книги. Преемственность – налицо.

– «Отец, мать, дед»... «Мы Москву задали»... «Да Вы-то сами – что дали Москве?»

Начнем с общего. Человек, раз он родился, имеет право на каждую точку земного шара, ибо он родился не только в стране, городе, селе, но – в мире.

Или: ибо родившись в данной стране, городе, селе, он родился-то распространению – в мире.

Если же человек, родясь, не имеет права на каждую точку земного шара – то на какую же единственную) точку земного шара он имеет право? На ту, на которой он родился. На свою родину.

Итак я, в порядке каждого уроженца Москвы, имею на нее право, п. ч. я в ней родилась.

Что можно дать городу, кроме здания – и поэмы? (Канализацию, конечно, но никто

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
меня не убедит, что канализация городу нужнее поэм. Обе нужны. По-иному –
нужны.)

Перейдем к частному.

Что «я-то сама» дала Москве?

«Стихи о Москве» – «Москва, какой огромный странноприимный дом...» «У меня в
Москве – купола горят»... «Купола – вокруг, облака – вокруг»... «Семь холмов – как
семь колоколов»... – много еще! – не помню, и помнить – не мне.

Но даже – не напиши я Стихи о Москве – я имею право на нее в порядке русского
поэта, в ней жившего и работавшего, книги которого в ее лучшей библиотеке.
(Книжки нужны? а поэт – нет?! Эх вы, лизатели сливок!)

Я ведь не на одноименную мне станцию метро и не на памятную доску (на доме,
который снесен) претендую – на письменный стол белого дерева, под которым пол,
над которым потолок и вокруг которого 4 стены.

Итак, у меня два права на Москву: право Рождения и право избрания. И в глубоком
двойном смысле –

Я дала Москве то, что я в ней родилась.

Родись я в селе Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии, никто бы моего
права на Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии не оспаривал.

Значит, всё дело в Москве – мировом городе.

А какая разница – Талицы и Москва?

Но «мировой город» – то она стала – потом, после меня, я – раньше нынешней, на
целых 24 года, я родилась еще в «четвертом Риме»[2146] и в той, где

...пасут свои стада
Патриархальные деревни
У Патриаршего пруда
(моего пруда, пруда моего младенчества).[2147]

Оспаривая мое право на Москву, Вы оспариваете право киргиза на Киргизию, тунгуса
на Тунгусию, зулуса на Зулусию.

Вы лучше спросите, что здесь делают 31/2 миллиона немосквичей и что они Москве
дали.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Право уроженца – право русского поэта – право вообще – поэта, ибо если
германский поэт Рильке, сказавший:

Als mich der grosse Ivan ans Herz schlug, [2148] на Москву не вправе... то у меня
руки опускаются, как всегда – от всякой неправды – кроме случая, когда правая –
в ударе – заносится.

Все права, милая Вера Александровна, все права, а не одно.

Итак, тройное право, нет, четверное, нет, пятерное: право уроженца, право
русского поэта, право поэта Стихов о Москве, право русского поэта и право вообще
поэта:

Я – вселенной гость,
Мне – повсюду пир.
И мне дан в удел –
Весь подлунный мир! [2149]
И не только подлунный!

МЦ.

14 сентября 1940 г. (НВ! чуть было не написала 30 г. А – хорошо бы!)

МОСКВИНУ Н. Я
Голицыно, 9-го/22-го марта 1940 г., весна.

Дорогой Николай Яковлевич!

Приветствую Вас сегодня, в первый день весны. У нас он – сияющий. К.
Зелинский, [2150] огромного роста, с утра расчищает в саду огромную, по росту –
не дорожку, а дорогу – целую дорогу весны.

Я о Вас скучаю, по-настоящему, я к Вам очень привязалась.

Кончаю очередного Робин Гуда – выручало – и тихо, но верно подхожу к подножию
полуторатысячестрочной горы – Этери. Эта Важа (она же – Пшавела) меня
когда-нибудь – раздавит.

Народ – всё критики, из некритиков – Пяст, [2151] очень больной, тяжело и громко
дышащий, и трогательно старающийся быть как все, и чем больше старается – тем
безнадежней отличается.

Мур как будто выздоровел, целую пятидневку ходит в школу, но – новая напасть:
ему хотят привить тиф, а я боюсь, п. ч. т° к б ч. иногда еще повышается, и боюсь
за сердце – ослабленное. Пока что – оттянула и написала Струкову [2152] – что
посоветует.

Из местных новостей – сильнейшая реакция М. С. Шагинян на статью Асеева – два
Ш. [2153] Я, не входя в содержание спора, любовалась ее живостью.

– Ах, жаль. Вас нет, потому что –
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной – седьмой! [2154]
А шкура – самая настоящая: баррранья, только не вызолоченная, а высеребрянная,
седая, мне в масть, цвета талого снега, купила за 70 рублей в местном Сельмаге,
в мире реальном это воротник, огромный.

Бог наделил меня самой демократической физикой: я все люблю – самое простое, и своего барррана не променяла бы ни на какого бобра.

Эта шкура – Вам в честь.

До свидания – не знаю, когда, но всегда – с огромной радостью.

Поцелуйте Таню, [2155] Вас обнимаю. Мур шлет привет.

МЦ.

– Каждый раз – когда ели крабов – укол грусти, ибо никто их так весело не ест, как мы с Вами, теперь я их ем одна – и они стали простым продовольствием.

В последнюю минуту убедилась, что у меня нет Вашего другого адреса – посылаю на Таню.

28-го марта 1940 г.

Голицыно, Белорусской железной дороги – везде Дома Писателей – Дорогой Николай Яковлевич,

Нынче утром я шла в аптеку – за лекарством для Мура (у него очередной грипп, пролежал несколько дней с т°, нынче первый день встал, но, конечно, не выпускаю) – итак, бегу в аптеку, встречаю у станции Серафиму Ивановну и, радостно: – Ну, что – получили деньги? (Я вчера вечером, наконец, принесла ей остаток долга, но ее не было, оставила, для передачи финку) [2156] – Да. – Значит, мы в расчете? – Да, Марина Ивановна, но когда же – остальное? – Т. е. какое остальное? Я же внесла все 830 р.! – Да, но это – одна путевка... – Т. е. как – одна? – Да, плата за одну путевку – 830 р., а за две 1660 р. – Вы хотите сказать – за два месяца? – Нет, за один. Последнее постановление Литфонда. Вы, очевидно, меня не поняли: пользующиеся Домом свыше 3-ех месяцев платят 830 рублей. – Но мы же не в доме, мы в доме – часу не жили, мы же еще за комнату платим 250 рублей. – Я им говорила, что Вы мало зарабатываете... – И еще скажите. Скажите, что я больше 850 р. за двоих платить не могу. – Тогда они сразу снимут одного из вас с питания.

Расходимся. Два часа спустя прихожу в Дом завтракать – в руках, как обычно, кошелка с Муриной посудой. У телефона – Серафима Ивановна.

– «...Она говорит, что столько платить не может»... – Пауза. – «Снять с питания? Хорошо. Сегодня же? Так и сделаю».

Иду в кухню, передаю свои котелки. Нюра: – Да разве Вы не завтракаете? – Я: – Нет. Дело в том – дело в том – что они за каждого просят 830 р. – а у меня столько нет – и я, вообще, честный человек – и – я желаю им всего худшего – и дайте мне, пожалуйста, на одного человека. –

Зашла Серафима Ивановна, предложила сегодня меня еще накормить, предложила мне воды, воду я выпила, от еды отказалась. – Сначала, сгоряча, я хотела написать Новикову [2157] – Шагинян – или даже поехать, – но потом – вдруг – поняла, что не надо, что это – моя судьба, что «одно к одному», т. е. данное – к многому. – Я, было, обратилась к Ермилову, [2158] члену правления Литфонда, выписала ему все цифры: весь доход за 5 месяцев (вплоть до 15-го июня) – и то, что уже выплачено

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
в Литфонд, и за комнату, все очень точно, но – встретив его вторично, на улице (шла на почту), сказала, что главная моя цель – чтобы Мур смог здесь кончить школу, т. е. чтобы Литфонд – у нас путевка до 15-го апреля – дал нам путевку еще на 2 месяца. Продолжаю – Вам: если я буду просить сбавки (т. е. 830 р. – 850 р. за двоих), они нам не продлят и тогда вся эта мука с Муром, и его школой, и докторами, и банками, и ежемесячным учителем – была зря. Возможный случай: они нам дадут две путевки с условием, что я при первой возможности верну. Не хочу подписывать такой бумаги: 1) п. ч. знаю, что не верну, 2) п. ч. считаю такую цену – 830 р. за одну только еду: мою еду – ну – для себя неловкой, я никогда так широко не жила, не теперь начинать.

Этим кончается целый период моей голицынской жизни: вся совместность. Жаль – для Мура, для себя – не очень, последнее время все было очень сухо, – не сравнить с нашими временами, просто: у меня не было ни одного человека, которому бы я радовалась, а без этого мне и все сорок не нужны. Приехала очень элегантная детская писательница[2159] и сразу дала мне совет писать сначала все начерно, а потом уже «отдельывать», на что я скромно ответила, что у каждого – свой опыт, свои возможности – и невозможности... Я, вообще, с Вашего отъезда, перед всеми извиняюсь, что я так хорошо (т. е. медленно, тщательно, беспощадно) работаю – и так мало зарабатываю. На обороте, кстати, найдете мой заработок. Я убеждена, что, если бы я плохо работала и хорошо зарабатывала, люди бы меня бесконечно больше уважали, но – мне из людского уважения – не шубу шить: мне не из людского уважения шубу шить, а из своих рукописных страниц.

С 15-го февраля по 15-ое марта Литфонд за столование нас обоих взял 800 р., т. е. 400 р. за человека.

С 15-го марта по 15-ое апреля Литфонд за столование нас обоих хочет 1660 р., т. е. 830 р. за человека, т. е. больше чем вдвое.

И мы еще платим 250 р. за комнату, т. е. вся жизнь нам обходится 1910 р., т. е. 955 р. на человека. Живущие же в Доме отдыха платят 550 р. и пользуются всем (чем мы не).

Мои полочки

60 % за Вазу Пшавелу – Гоготур и Апшина –

1190 р.

100 % за Вазу Пшавелу – Барс –

600 р.

60 % за Робин Гуда I–

200 р.

25 % аванса за «Этери» –

1300 р.

Всего –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

3290 р.

+60 % за редактирование французского перевода Джангара – приблизительно 150 р. и 60 % за Р. Гуда – 300 р., которые вскоре должна получить.

Итого, с 15-го января по 15-ое июня (ибо до сдачи Этери не заработаю больше ни копейки) – 3840 р. – за 5 месяцев. А с меня требуют 1910 р. в месяц.

Этери еще не начинала, теперь весь день придется мыть посуду, п. ч. ее мало и не выношу грязной.

Звонить больше не придется, буду бывать в Доме 2 раза в день, – к 2 ч. и к 7 ч. – забирать по две еды, а то – неловко. Дружок, когда Вы говорили: занять у Литфонда – я уже тогда ощутила – безнадежность. Дают только богатым, – *On ne prête qu'aux riches*: старая французская поговорка. Читаю сейчас житие протопопа Аввакума. [2160] Обнимаю Вас и Таню.

МЦ.

МОЧАЛОВОЙ О. А
29-го мая 1940 г.

Голицыно, Белорусской железной дороги, Дом Писателей.

Мне кажется – это было лето 1917 г. Достоверно – Борисоглебский переулочек, старый дом, низкий верх, наши две молодости – с той, неувядающей. Помню слово Бальмонта после Вашего ухода: – Ты знаешь, Марина, я слышал бесчисленных начинающих поэтов и поэтесс: и в женских стихах – всегда что-то есть.

Не было ли у Вас стихов про овощи (морковь)? Или я путаю? Тогда – простите.

...А волк мне – и по сейчас нравится, и если бы Вы звали, как я именно сейчас по такому сытому волку (ску) – тоскую! Вот Вам выписка, с полей моей черновой тетради (перевожу третью за зиму – и неизбывную – грузинскую поэму): [2161]

«Голицыно, кажется 24-го мая 1940 г. – новый неприятный дом – по ночам опять не сплю – боюсь – слишком много стекла – одиночество – ночные звуки и страхи: то машина, черт её знает что ищущая, то нечеловеческая кошка, то треск дерева – вскакиваю, укрываюсь на постель к Муру (не бужу), – и опять читаю (хорошо ему было – писать! лучше, чем мне – читать!) – и опять – треск, и опять – скачок, – и так – до света. Днем – холод, просто – лед, ледяные руки и ноги и мозги, девчонка переехала ногу велосипедом, второй день не выхожу: нога – гора, на телеграмму, посланную 21-го – ни звука, в доме – ни масла, ни овощей, одна картошка, а писательской еды не хватает – голодно, в лавках – ничего, только маргарин (брезгую – неодолимо!) и раз удалось достать клюквенного варенья. Голова – тупая, ледяная, уж не знаю что тупее (бездарнее) – подстрочник – или я??

У меня нет друзей, а без них – гибель».

(Мур – это мой 15-летний сын, всю зиму болевший: пять болезней, – только что отболел пятой. Остальные пояснения – при встрече.)

Спасибо за стихи.[2162] Они мне напомнили – и на секунду вернули – меня – ту. Но водопад – упал.

Мне очень, очень хочется Вас увидеть – у меня из тех времен почти никого не осталось: – иных уж нет, а те – далече... и у меня здесь нет ни одного женского друга.

Теперь – как осуществить встречу? Хотите – приезжайте ко мне в следующий выходной (т. е. через – следующий) – 6-го. Это наши с сыном последние здесь дни, 8-го начнутся сборы, а 10-го мы выезжаем, – куда, еще неизвестно – во всяком случае встреча – затянется.

Ехать с Белорусского вокзала, касса пригородных поездов (впрочем, раз Фили – Вы эту дорогу знаете). Вот, на выбор, два поезда: 12 ч. 55 м. (т. е. без пяти час) – тогда Вы у меня будете в начале третьего, и 2 ч. 41 м. – тогда Вы у меня будете без чего-то четыре. Поезжайте лучше первым, – больше времени будет, пойдем в лес (мы на самой опушке), около 7 ч. пообедаем (завтра еду в город и чего-нибудь куплю, – голодной не будете), а вечером – когда захотите – проводим Вас с сыном на вокзал, вечерних поездов – много.

Если же тотчас же по получении напишете мне по адресу Станция Голицыно, Белорусской железной дороги. Дом творчества писателей, М. И. Цветаевой (последнее, конечно – полностью!) – каким поездом выедете – мы Вас встретим, а Вы нас – конечно узнаете: я, все-таки, немножко – похожа, а сын похож на меня – ту, еще примета: он очень высокий. – Пишите час отхода поезда, час прихода я высчитаю.

Дальше: если бы мы почему-нибудь – разминулись – спрашивайте коммунистический проспект. Дом Писателей (всякий знает), и, минуя Дом Писателей, идите по коммунистическому проспекту дальше, до самого конца, последний дом справа: дача Лисицыной, № 24, открывайте калитку, проходите куриный дворик, открывайте вторую калитку – и левое крыльцо – наше.

Но если вóвремя известите – встретим, непременно.

До свидания! Еще раз спасибо за стихи и память.

МЦ.

Я живу – не в доме, но письма идут – туда.

Москва, 31-го мая 1940 г.

Милая Ольга Алексеевна,

Вчера, 30-го, отправила Вам письмо с приглашением на 6-ое, и вчера же узнала, что мы должны выехать уже 7-го и что, кроме того, я должна галопом переписывать свой грузинский перевод. Поэтому – увы – наша встреча откладывается. 3-го должна

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
смотреть комнату, сдающуюся на лето, как только устроюсь – напишу Вам, и увидимся уже в Москве.

Мне очень жаль, что так вышло, но кто из нас – хозяин своей судьбы?

Итак – до скорого свидания!

Я думаю – мы сможем увидеться около 12-го, когда хоть немножко устроюсь и сдам грузин.

МЦ.

Воскресенье, 8-го декабря 1940 г.

Милая Ольга Алексеевна,

Хотите – меняться? Мне до зарезу нужен полный Державин, – хотите взамен мое нефритовое кольцо (жука), оно – счастливое и в нем вся мудрость Китая. Или – на что бы Вы, вообще, обменялись?

Назовите породу вещи, а я соображу.

я бы вам не предлагала, если бы Вы очень его любили, а я его – очень люблю.

Есть у меня и чудное ожерелье богемского хрусталя, – вдвое или втрое крупнее Вашего. Раз Вы эти вещи – любите.

Думайте и звоните. [2163]

Всего лучшего! Привет Зосе. [2164] Она обмен одобрит, ибо кольцо будет закатывать (под кровать), а ожерелье – объест: по ягодке.

МЦ.

П. А. ПАВЛЕНКО
27-го августа 1940 г.

Москва, улица Герцена,

дом 6, квартира 20 (Северцова)

Многоуважаемый товарищ Павленко,

Вам пишет человек в отчаянном положении.

Нынче 27-ое августа, а 1-го мы с сыном, со всеми нашими вещами и целой библиотекой – на улице, потому что в комнату, которую нам сдали временно, въезжают обратно ее владельцы.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Начну с начала.

18-го июня 1939 г., год с лишним назад, я вернулась в Советский Союз, с 14-летним сыном, и поселилась в Болшеве, в поселке Новый Быт, на даче, в той ее половине, где жила моя семья, приехавшая на 2 года раньше. 27-го августа (нынче годовщина) была на этой даче арестована моя дочь, а 10-го Октября – и муж. Мы с сыном остались совершенно одни, доживали, топили хворостом, который собирали в саду. Я обратилась к Фадееву за помощью. Он сказал, что у него нет ни метра. [2165] На даче стало всячески нестерпимо, мы просто замерзали, и 10-го ноября, заперев дачу на ключ (NB! у нас нашей жилплощади никто не отнимал, и я была там прописана вместе с сыном на площади мужа) – итак, заперев дверь на ключ, мы с сыном уехали в Москву к родственнице, где месяц ночевали в передней без окна на сундуках, а днем бродили, потому что наша родственница давала уроки дикции и мы ей мешали.

Потом Литфонд устроил нас в Голицынский Дом Отдыха, вернее мы жили возле Дома Отдыха, столовались – там. За комнату, кроме 2-х месяцев, мы платили сами – 250 р. в месяц, – маленькую, с фанерной перегородкой, не доходившей до верха. Мой сын, непривычный к такому климату, непрерывно болел, болела и я, к весне дойдя до кровохарканья. Жизнь была очень тяжелая и мрачная, с керосиновыми негорящими лампами, тасканьем воды с колодца и пробиваньем в нем льда, бесконечными черными ночами, вечными болезнями сына и вечными ночными страхами. Я всю зиму не спала, каждые полчаса вскакивая, думая (надеясь!), что уже утро. Слишком много было стекла (все эти стеклянные террасы), черноты и тоски. В город я не ездила никогда, а когда ездила – скорей кидалась обратно от страха не попасть на поезд. Эта зима осталась у меня в памяти как полярная ночь. Все писатели из Дома Отдыха меня жалели и обнадеживали...

Всю зиму я переводила. Перевела две английские баллады о Робин Гуде, три поэмы Важа Пшавела (больше 2000 строк), с русского на французский ряд стихотворений Лермонтова, [2166] и уже позже, этим летом, с немецкого на французский большую поэму Бехера и ряд болгарских стихотворений. Работала не покладая рук – ни дня роздыха.

В феврале месяце мы из Голицына дали объявление в Вечерней Москве о желании снять в Москве комнату. Отозвалась одна гражданка, взяла у нас за 6 месяцев вперед 750 руб. – и вот уже 6 месяцев как предлагает нам комнату за комнатой, не показывая ни одной и давая нам ложные адреса и имена. (Она за этот срок «предложила» нам 4 комнаты, а показала только одну, в которую так и не впустила, потому что там живут ее родные.) Она все отговаривалась «броней», которую достает, но ясно, что это – мошенница.

– Дальше. –

Если не ошибаюсь, к концу марта, воспользовавшись первым теплом, я проехала к себе в Болшево (где у меня оставалось полное хозяйство, книги и мебель) – посмотреть – как там, и обнаружила, что дача взломана и в моих комнатах (двух, одной – 19 метров, другой – 7-ми метров) поселился начальник местного поселкового совета. Тогда я обратилась в НКВД и совместно с сотрудниками вторично приехала на дачу, но когда мы приехали, оказалось, что один из взломщиков – а именно начальник милиция – удавился, и мы застали его гроб и его – в гробу. Вся моя утварь исчезла, уцелели только книги, а мебелью взломщики до сих пор пользуются, потому что мне некуда ее взять.

На возмещение отнятой у меня взломщиками жилплощади мне рассчитывать нечего: дача отошла к Экспортлесу, вообще она и в мою бытность была какая-то спорная, неизвестно – чья, теперь ее по суду получил Экспортлес.

Так кончилась моя большевская жилплощадь.

— Дальше. —

В июне мой сын, несмотря на непрерывные болезни (воспаление легких, гриппы и всяческие заразные), очень хорошо окончил седьмой класс Голицынской школы. Мы переехали в Москву, в квартиру профессора Северцова (университет) на 3 месяца, до 1-го сентября. 25-го июля я наконец получила по распоряжению НКВД весь свой багаж, очень большой, около года пролежавший на таможне под арестом, так как был адресован на имя моей дочери (когда я уезжала из Парижа, я не знала, где буду жить, и дала ее адрес и имя). Всё носильное и хозяйственное и постельное, весь мой литературный архив и вся моя огромная библиотека. Все это сейчас у меня на руках, в одной комнате, из которой я 1-го сентября должна уйти со всеми вещами. Я очень много раздарила, разбросала, пыталась продавать книги, но одну берут, двадцать не берут, — хоть на улицу выноси! — книг 5 ящиков, и вообще — груз огромный, ибо мне в Советском консульстве в Париже разрешили везти всё мое имущество, а жила я за границей — 17 лет. —

Итак, я буквально на улице, со всеми вещами и книгами. Здесь, где я живу, меня больше не прописывают (университет), и я уже 2 недели живу без прописки.

1-го сентября мой сын пойдет в 167 школу — откуда?

Частная помощь друзей и всё их усилия не привели ни к чему.

Положение безвыходное.

Загород я не поеду, п. ч. там умру — от страха и черноты и полного одиночества. (Да с таким багажом — и зарежут.)

Я не истеричка, я совершенно здоровый, простой человек, спросите Бориса Леонидовича.

Но — меня жизнь за этот год — добила.

Исхода не вижу.

Взываю к помощи.

Марина Цветаева

ВИЛЬЯМУ-ВИЛЬМОНТУ Н. Н
7-го октября 1940 г.

Покровский бульвар дом 14/5, 4-й подъезд, квартира 62 (6 этаж).

Дорогой Николай Николаевич,

я выбрала стихи из Ремесла[2167] (около 500 стр., но — ряд сомнений, самостоятельно неразрешимых. Хотелось бы поскорее Вам их показать (до переписки). Позвоните мне, пожалуйста 1) не могли бы Вы ко мне заехать днем, когда хотите, начиная с 3 час. (к 7 1/2 час. я начинаю вечернюю возню с кухней)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2) если нет – когда мне можно заехать к Вам вечером, уже накормив Мура, т. е. между 9 ч. и 10 ч. (он приходит то в 8 ч., то в 9 ч.). Мне было бы приятнее, чтобы днем – п. ч. голова светлее ... и я к Вам, но, по-моему, Вы в эти часы дома не бываете.

Словом – как Вам удобнее.

Хотелось бы сдать книгу еще на этой неделе, будет – гора с плеч!

Не звоню, п. ч. мне кажется, Вас дома неохотно вызывают, и я боюсь. («Я всего боюсь» – мой вариант знаменитого речения Достоевского.) [2168]

До свидания, милый. Жду звонка.

МЦ.

Мой тел. К-7-96-23 P. S.

Кроме 9-го вечером (если я – к Вам).

КВАНИНОЙ Т. Н
17-го ноября 1940 г., воскресенье.

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62.

Дорогая Таня,

нынче, проснувшись, я мысленно сказала Вам: – Если бы Вы жили рядом – если бы мы жили рядом – я была бы наполовину счастливее. Правда.

Вчера, до Вас, у меня была одна женщина, которую я видела раз – час – в 1918 г. – ее ко мне привел Бальмонт, это была начинающая поэтесса, и она писала стихи про морковь [2169] (честное слово!) – и сама была румяная как морковь, – я даже удивилась. И вот, в прошлом году, в Голицыне, 21 год спустя, я получаю от нее письмо – со стихами (хорошие стихи, уже не про морковь, – начинались так: – Душа водопадная! Тобой я верю в страну...) – и потом еще несколько писем, и вчера мы, наконец, с ней свиделись, и – Я совсем не знала, кого я увижу, я так хотела – любить! и – я просидела с ней три часа, мы говорили с ней о бывших друзьях и временах, мы (как будто) – люди одного мира, она умная, мне очень преданная, пишет стихи, и – Таня! я ничего не почувствовала, ни малейшего волнения, ни притяжения, и у меня был ледяной, разумный, даже резонный, голос (Таня, в эту минуту Вам за нее больно. Нет, пусть Вам будет больно за меня, потому что она-то все равно – счастливая, потому что она меня любит, а дело в том, всё дело в том, чтобы мы любили, чтобы у нас билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я всегда разбивалась вдребезги, и все мои стихи – те самые серебряные сердечные дребезги).

Таня, у меня с той вчерашней гостьей общие корни, и мы одного возраста, и она тоже пишет стихи и – Таня, я к ней ничего не почувствовала, а к Вам – с первого раза – все.

Но об этом у нас разговор еще впереди. А может быть, его никогда не будет – не удастся – не задастся – быть. Если бы у меня с Вами был какой-нибудь долгий час – на воле, в большом пустом саду (были у меня такие сады!) – этот разговор бы был – невольно, неизбежно, силой вещей, силой всех деревьев сада, – а так – в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
четырёх стенах – на каких-то этажах (Таня! я Вас еще нежно люблю за то, что Вы боитесь лифта, это было мне вчера – как подарок, как дар в руки).

Здесь на такое нет ни времени, ни места.

...Да, еще одно. У меня есть одна приятельница. Ее зовут Наталья, [2170] а я всегда о ней говорю – Таня, и Мур злится: «Она не Таня!», а я каждый раз поясняю: «Да, Таня не она, она не Таня, была у меня Таня – да прошла».

Таня! Не бойтесь меня. Не думайте, что я умная, не знаю что еще, и т. д., и т. д., и т. д. (подставьте все свои страхи). Вы мне можете дать – бесконечно – много, ибо дать мне может только тот, от кого у меня бьется сердце. Это мое бьющееся сердце он мне и дает. Я, когда не люблю – не я. Я так давно – не я. С Вами я – я.

До свидания. Знайте и помните одно, что всегда, в любую минуту жизни и суток – бодрствую я или сплю, перевожу франко [2171] или стираю (например, как сегодня: в ведре – сельдерей). Вы, Ваш голос мне – радость.

Этого я, кажется, здесь не могу сказать никому.

– ... «Если я Вам понадобится»... – «Да, Вы мне можете очень понадобиться», – сказала я, почти с иронией (не над собой, не над Вами, над самим недоразумением жизни) – до того Ваше «понадоблюсь» расходилось с моей в Вас – надобой...

Моя надобая от человека, Таня, – любовь. Моя любовь в, если уж будет такое чудо, его любовь, но это – как чудо, в чудном, чудесном порядке чуда. Моя надобая от другого, – Таня, – его надобая во мне, моя нужность (и, если можно, необходимости – ему, поймите меня раз навсегда и всю – моя возможность любить в мою меру, т. е. без меры).

– Вы мне нужны как хлеб – лучшего слова от человека я не мыслю. Нет, мыслю: как воздух.

Но есть этому (всегда, во всех случаях, но особенно – в нашем) – помеха: время и место. И, как волной отнесенная к началу письма, к первым сонным словам моего пробуждения: «Если бы мы жили рядом». Так просто рядом, как я сейчас живу рядом – с этой чужой парой, [2172] которой от этого – никакого проку и для которой я – или странная писательница (все время сушит овощи, и т. д.) – или странная домашняя хозяйка (которую все время вызывают по телефону редакции)... Так просто – рядом. Присутствие за стеной. Шаг в коридоре. Иногда – стук в дверь. Сознание близости, которое и есть – близость. Одушевленный воздух дома. Вот свободных два часа. Пойдем? (Ведь, в конце концов, все равно – куда, ведь все равно, Елисейских полей (не парижских, а тех) – нет, но каждое поле ими может стать, каждый пустырь, каждое облако!)

Ведь ничего необычайного вокруг не нужно, раз внутри – необычайно. Но что-то, все-таки, нужно. И это что-то – время и место.

Так просто: вместе жить и шить.

Радость от присутствия, Таня, страшная редкость. Мне почти со всеми – сосуще-скучно, и, если «весело» – то parce que s'y mets les frais, [2173] чтобы

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
самой не сдохнуть. Но какое одиночество, когда, после такой совместности, вдруг оказываешься на улице, с звуком собственного голоса (и смеха) в ушах, не унося ни одного слова – кроме стольких собственных.

Ведь что со мной делают? Зовут читать стихи. Не понимая, что каждая моя строка – любовь, что если бы я всю жизнь вот так стояла и читала стихи – никаких стихов бы не было. «Какие хорошие стихи!» Ах, не стихи – хорошие.

Да, недавно одна такая любительница стихов, глядя мне в лицо широкими голубыми глазами, мне сказала: «Ах, почему Вы такая... равнодушная, такая – разумная... Как Вы можете писать такие стихи – и быть такой...»

– Я только с Вами такая, – ответила я мысленно, – потому что я Вас не люблю. (И что-то очень резонное – вслух.)

Это письмо идет издалека. Оно пишется уже целый год – с какой-то прогулки – с каким-то особенным деревом (круглой – сосною?) – по которому Вы узнавали den weg zurück[2174] – «Такое особенное дерево»... Ну вот, Таня, если у Вас хватило – Ваших больших глаз – на его особенность – может быть, хватит – и на мою.

Что касается деревьев, я в полный серьез говорю Вам, что каждый раз, когда человек при мне отмечает: данный дуб – за прямоту – или данный клен – за роскошь – или данную иву – за плач ее – я чувствую себя польщенной, точно меня любят и хвалят, и в молодости мой вывод был скор:

«Этот человек не может не любить – меня».

(Сейчас, мимо моего лба, в самом небе, пролетела стая птиц. Хорошо!..) До свидания, Таня, иначе это письмо никогда не кончится.

Так как оно по старой орфографии – не показывайте его чужим. Но такого письма я бы никогда не написала по новой. Вам ведь пишет – старая я: молодая я, – та, 20 лет назад, – точно этих 20-ти лет и не было!

Сонечкина – я.

МЦ.

Кажется, 6 декабря, наверное, пятница и 1940 г.

Моя дорогая Танечка!

Умоляю Вас возможно скорее узнать насчет шерстяного ватина (NB! не шерстяной есть – всюду, и это – гадость) и полушубка.

И тотчас же позвонить мне: К-7-96-23. Дело – спешное. Если меня, случайно, не будет – скажите Муру и настойте, чтобы он все записал. Жалею, что вчера сразу не дала Вам денег – пока они есть, если шерстяной ватин или полушубок имеются,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
назначьте мне сразу место и время, чтобы я могла передать Вам деньги. Повторяю,
дело – спешное, и я нынче не спала всю ночь. Танечка! Мы должны (помимо дел)
увидеться раньше четверга. Найдите время! Я – для Вас – всегда свободна. Пишу
Вам письмо – о совсем другом. («В просторах души моей», где нет – ватинов).
Обнимаю Вас, жду звонка.

М.

P. S. Узнайте точные цены: 1 м ватина и полушубка (если есть).

Найдите время – раньше четверга! Я Вас нежно и спешно люблю.

Я недолго буду жить. Знаю.

Москва, 25-го мая 1941 г.

Милая Таня, Вы совсем пропали – и моя Сонечка[2175] тоже – и я бы очень хотела,
чтобы вы обе нашлись.

Позвоните мне – лучше утром, я до 12 ч. всегда дома – К-7-96-23, и сговоримся, –
только не очень откладывайте.

Целую Вас. Николаю Яковлевичу сердечный привет. МЦ.

ТАРКОВСКОМУ А. А
Октябрь 1940 г.

Милый товарищ Тарковский,

Ваша книга – прелестна. Как жаль, что Вы (то есть Кемине) не прервал стихов.
Кажется нá: у той душа поет – дыша. Да кости – тоньше камыша... (Я знаю, что так
нельзя Вам, переводчику, но Кемине было можно – и должно). Во всяком случае, на
этом нужно было кончить (хотя бы продлив четверостишие). Это восточнее – без
острия, для ... – все равноценно.

Ваш перевод – прелесть. Чтó Вы можете – сами? Потому что за другого Вы можете –
всё. Найдите (полюбите) – слова у Вас будут.

Скоро я Вас позову в гости – вечером – послушать стихи (мои), из будущей книги.
Поэтому – дайте мне Ваш адрес, чтобы приглашение не блуждало – или не лежало –
как это письмо.

Я бы очень просила Вас этого моего письмеца никому не показывать, я – человек
уединенный, и я пишу – Вам – зачем Вам другие? (руки и глаза) и никому не
говорить, что вот, на днях, услышите мои стихи – скоро у меня будет открытый
вечер, тогда – все придут. А сейчас – я вас зову по-дружески.

Всякая рукопись – беззащитна. Я вся – рукопись.

СОМОВУ Е. Н
Март-апрель 1941 г.

Женя родной, спасибо. Ваше письмо – первое, которое я получила за 4 месяца, и
Страница 642

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
это письмо – первое, которое я пишу за 4 месяца, и может быть это Вас всё-таки – немножко – порадует, доказывая Вам – сторонне, помимо Вас – исключительность Вашей привязанности, просто ставя Вас (в несуществующем ряду) на первое место – одинокое место – единственное.

Я сейчас убита, меня сейчас нет, не знаю, буду ли я когда-нибудь – но, помимо чувства, всей справедливостью моей, не терпящей чтобы такое осталось без ответа, всем взглядом из будущего, взглядом всего будущего, устами будущих отвечаю

Спасибо Вам!

М.

КОЧЕТКОВУ А. С
10-го июня 1941 г.

Дорогой Александр Сергеевич!

У нас перестал действовать телефон, м. б. совсем, м. б. временно – не знаю.

Мы остаемся на прежнем месте, так как нигде новых жильцов не прописывают.

Вся надежда – на дачу.

Нынче я от 6 ч. до 8 ч. в Клубе Писателей на лекции Против Воздушной Химической Обороны, оттуда пойду домой и буду Вас ждать.

Еще я дома с утра часов до четырех, – как Вам удобнее. Очень нужно повидаться.

Очень растерянная и несчастная

МЦ.

ИМАМУТДИНОВУ Т
Уважаемый товарищ Имамудинов!

Вам пишет писательница-переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшелонам Литфонда в город Елабугу на Каме. У меня к Вам есть письмо от и. о. директора Гослитиздата Чагина, [2176] в котором он просит принять деятельное участие в моем устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге, потому что кроме моей литературной профессии у меня нет никакой. У меня за той же подписью есть письмо от Гослитиздата в Татиздат с той же просьбой.

На днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо. [2177]

Очень и очень прошу Вас и через Вас Союз писателей сделать все возможное для моего устройства и работы в Казани.

Со мной едет мой 16-летний сын. Надеюсь, что смогу быть очень полезной, как поэтическая переводчица.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Марина Цветаева.

СОВЕТУ ЛИТФОНДА
В Совет Литфонда.

Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую
Литфонда.

М. Цветаева

26-го августа 1941 г.

Заявление о приеме на работу написано в Чистополе, куда Цветаева из Елабуги
ездила в надежде устроиться с жильем и работой.

ЭФРОНУ Г. С. [2178]
31-го августа 1941 г.

Мурлыга! Прости меня но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я.
Люблю тебя безумно. Пойми что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если
увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик.

ПИСАТЕЛЯМ 31-го августа 1941 г.
Дорогие товарищи!

Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто может, отвезти его в Чистополь к Н. Н.
Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему и с
багажом – сложить и довезти в Чистополь. Надеюсь на распродажу моих вещей.

я хочу чтобы Мур жил и учился. Со мною он пропадет. Адрес Асеева на конверте.

Не похороните живой! Хорошенько проверьте.

АСЕЕВУ Н. Н. И СЕСТРАМ СИНЯКОВЫМ
31-го августа 1941 г.

Дорогой Николай Николаевич!

Дорогие сестры Синяковы! [2179]

Умоляю Вас взять Мура к себе в Чистополь [2180] – просто взять его в сыновья – и
чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю.

У меня в сумке 150 р. и если постараться распродать все мои вещи...

В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. [2181]

Поручаю их Вам, берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите
как сына – заслуживает.

А меня простите – не вынесла.

МЦ

Не оставляйте его никогда. Была бы без ума счастлива, если бы он жил у вас.

Уедете – увезите с собой. Не бросайте.

ЮРКЕВИЧУ П. И
22-го июля 1908

Говорила я Вам, Понтик, что буду писать по два раза в день.

Сегодня получила письмо от Сережи. [2182]

Представьте себе, в каких обстоятельствах он вспомнил меня: оркестр в японском театре заиграл Хиавату, [2183] и он, конечно, не мог не вспомнить.

Не могу сказать, чтобы я была очень польщена этим обстоятельством.

Сейчас особенно темно на душе. Ася с Андреем уехали в гости с ночевкой, я одна с французенко. Ворчит-поварчивает на столе самовар, темная, совсем осенняя ночь обступила стены дома и старается проникнуть в него через черные стекла.

У меня был сегодня странный разговор, после которого я никак не могу прийти в себя.

Странный субъект – этот мой знакомый. [2184] Он не сильный, я его страшно боюсь. Боюсь его и иду к нему, потому что не могу не идти.

Он холодный, мертвый. Увидит светлую точку и мгновенно загасит ее. Зажечь он ничего не может. Вся жизнь его полна призраков.

Сегодня он мне сказал такую вещь:

– «Как прекрасно иметь в себе огонь и тушить его!» – Я долго над этим думала. Что можно ответить на такую вещь?

К чему гасить огонь? Гасить его не надо. А к чему разжигать? Человек может погибнуть, если огонь вспыхнет в нем слишком сильно. Горение могут вынести только немногие избранные. Я лично говорю: надо всегда разжигать костер в сердце прохожих, только искру бросить, огонь уж сам разгорится.

Лучше мученья, огненные, яркие, чем мирное тленье. Но как убедить людей, что гореть надо, а не тлеть. Они потребуют моментально гарантию, расписку в счастье.

Всё сводится к риску и дерзости. Только они спасут людей от спячки.

Дерзость мысли, чувства, слова! Говорить, не боясь преград, идти смело, никому не отдавая отчета, куда и зачем, влечь за собой толпу...

Это чудно! Но... если не горенье нужно, а замерзание! Вот Брюсов, – забрался на гору, на самую вершину (по его мнению) творчества и, борясь с огнем в своей

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
груди, медленно холодеет и обращается в мраморную статую.

Разве замерзание не так же могуче и прекрасно, как сгорание? Милый Понтик, глядя на все это с медицинской точки зрения. Вы скажете, что это всё сплошная отвлеченность, что природа не считается с капризами отдельных личностей и пр.

Но Вы мне тем-то и нравитесь, что в Вас эстетик сильнее врача, а то бы я не стала Вам писать всего этого.

Вы, м. б., помните мои стихи «В Монастыре», которые показывала Вам Соня? Они написаны под впечатлением разговора с этим странным знакомым.

В нем есть что-то каменное и холодное. Когда я поговорю с ним, все светлое, красивое, смелое исчезает и дает место какому-то кошмарному бреду, полному диких ужасов и страшных картин.

Во время разговора с Вами я чувствовала себя так ясно, так хорошо. Вообще я очень отдохнула в Орловке. А теперь всё смято, беспорядочно, сумбурно. В голове бродят какие-то отрывки мыслей. Ничего не могу обобщить. Связь как-то утерялась.

Порой мне бывает страшно и откуда-то со дна всплывает что-то темное. Мне кажется, что это начало сумасшествия. Впрочем, это шаблонно – все так говорят и никто не сходит с ума.

Прочтите это письмо еще раз вечером, если хотите меня понять.

О, Петя, как тяжело жить одной. Я боюсь одиночества и своей тоски. Бегу ко всем, лишь бы забыться. Как бы мне хотелось быть сейчас в столовой и слушать. «Два гренадера». [2185] Вижу отсюда, как Соня полулежит на диване, а Вы вкладываете валик и приговариваете:

– «Ах ты черт, странно, что ж это он не лезет?» – Глажу Вас против шерстки. Лапу, товарищ!

МЦ.

23-го июля 1908 г., Таруса

Вы, Понтик, пожалуйста, не воображайте, впрочем. Вы такой умный, что ничего и не вообразите.

Передо мной лежит раскрытая химия и ехидно улыбается.

Знаете что? Устроим зимой кружок, хотя бы литературный с рефератами по поводу прочитанного и прочим. К этому я стремлюсь из чувства самосохранения: с другими тоска не так страшна, да и приятно (хотя слово «приятно» сюда не годится) обмениваться мнениями насчет прочитанного и таким образом проверить стойкость и верность своих убеждений. Как Вы думаете на этот счет? У Вас, верно, есть кто-нибудь, кто бы пожелал участвовать?

Оказывается, что экзамен мой будет числа 28-го сентября месяца, так что я напрасно не осталась у Вас, чтобы ехать в Соковнино. [2186] Ругаю себя, но от этого ничего не меняется.

Погода у нас беспросветная.

«Дождь и холод, грязь и слякоть,
Светлых точек нить, [2187]

Небо хочет нас оплакать
И похоронить...» [2188]

Все тарусские находят, что я загорела, как цыганка. Здесь – всё лес и лес, даже странно с непривычки и грустно без открытого горизонта тульских широких полей.

Кто-то теперь без меня ласкает Буяна?

Да, Петя, пожалуйста, составьте мне список Ваших достопримечательностей (не лично Ваших, хотя, если хотите, и этот), а то я было начала перечислять и запнулась на Чермашне и Мокром. [2189]

Папа очень доволен, что я побывала у Вас, и, кажется, ничего не имеет против меня еще когда-нибудь отпустить к Вам.

Соня на меня не дуется, не знаете? Мы ведь с ней порядочно грызлись.

Завтра беру первый урок по алгебре, – перспектива не из приятных.

Химию начну сегодня же, по крайней мере надеюсь начать.

Как я только приехала, Ася тотчас же начала изводить меня, впрочем, очень дружелюбно. Она представляла, как я в очках, согнувшись в 3 погибели, прицепилась к лошади, и как последняя, тоже скрючившись, лениво двигается.

Слушайте, Понтик, Вы ничего не имеете против того, чтобы осенью познакомиться с одной нашей знакомой зубоврачихой [2190] – разочарованной барыней слегка в декадентском вкусе.

У нее всегда бывает много народа, иногда интересного.

Нас с Асей она, не знаю за что, очень любит и всегда рада всем нашим знакомым и друзьям. Ее гостиную я зову «зверинцем», уж очень разнообразные звери там бывают.

Не ручаюсь, что это общество Вам понравится, но посмотреть стоит. Как полная противоположность ей – у меня есть одна знакомая эсдечка, смелая, чуткая, умная, настоящая искорка.

В ее присутствии всем делается светло и радостно на душе, уж очень она сердечный и искренний человек.

Посмотрите, Петя, познакомьтесь – влюбитесь, да мимо нее нельзя пройти равнодушно.

В свою очередь погляжу на Ваших знакомых, так как, судя по Вашим рассказам, есть среди них интересные. Соня мне говорила, что Вы очень избалованы всеми.

Это правда?

Трогательно: отсылаю одновременно письма всем троим: Сереже, Вам и Соне. Не хватало бы еще письма Володе.[2191] Кстати, когда будете ему писать, напишите, что ему надо еще много практиковаться, прежде чем определять верно по почерку характер человека.

Впрочем, задатки у него есть, и Бог знает, м. б. он прославится не как инженер, а как определитель людей по почерку.

Как он узнал, что я близорукая? Это интересно.

Сердечно завидую Вам: 24-го или 25-го будете слушать музыку, а я, м. б., в это же время буду учить, как «кристаллы падают, так вообще»...

Папа окончательно велел нам бросить с Асей наши фуражки.[2192] Он купил нам красные береты с перьями, как носили средневековые пажи. Представляю себе удивленные лица всех Ваших соседей, если бы они их увидели.

Пока всего хорошего.

Пишите.

Ваша МЦ.

28-го июля 1908 г., Таруса

Откровенность за откровенность, Понтик.

Хотите знать, какое впечатление у меня осталось от Вашего письма? Оно всецело выразилось в тех нескольких словах, которые вырвались у меня невольно:

– «Какой чистый, какой смелый!» –

– «Кто? – спросила сидевшая тут же Ася и многозначительно прибавила, – да мне вовсе не интересно знать. Кто бы то ни был – всё равно разочаруешься!» –

– «Не беспокойся, этого не будет!» – сказала я.

– Давай пари держать, что через месяц, много 11/2 ты придешь ко мне и скажешь: «А знаешь, Ася, это не то, совсем не то». –

– «Пари держать не хочу, всё равно проиграешь ты. Знаешь, повесь меня, если это не будет так!» –

– «Ладно!» – Ася подошла к стене и нарисовала виселицу с висящей мной.

– «Я тебе дюжину примеров приведу, – продолжала моя дорогая сестрица, – больше дюжины, считая только последние два года!» –

Действительно, пришлось нехотя признаться в том, что каждое «очарование» влекло

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
за собой неминуемое «разочарование».

А сколько их было! –

Но не о них я хотела говорить.

Ваш тип – тип смелого, чистого, самоотверженного борца сходит со сцены.

От Вас веет чем-то давно прошедшим, милым, светлым.

В Вас есть свойство, почти исчезнувшее, – энтузиазм, любовь к мечте.

А это много, скажу больше – это почти всё! Энтузиазм, стремление вверх, к звездам, прочь от пошлой скуки, жажда простора и подвига – вот что движет жизнь вперед, делает ее сверкающей, сказочной. А жизнь должна быть сказкой... по смыслу (по форме это редко удается). Только не детской веселой сказочкой с опасностью в виде бабы-яги посредине и благополучным концом (в виде национального гимна и Тасенек[2193]), а такой сказкой, чтобы дух захватывало, когда ее станешь читать или, вернее, когда «наши внуки» станут ее слушать.

Я люблю граненые стекла и в детстве была способна по целым часам их рассматривать, не скучая. Пусть наша жизнь будет как граненые стекла, – на меньшем мириться нельзя. Моему понятию о жизни всецело соответствует следующее стихотворение Максима Горького, писанное им, когда он еще не был правозверным марксистом.

Песня о Марко

В лесу над рекой жила фея,
И день ходит Марко, и ночи
В реке она часто купалась,
В лесу над рекой, над Дунаем,
Но раз, позабыв осторожность,
Всё ищет, всё стонет – «Где фея?» –
В рыбацкие сети попалась.
А волны смеются: «Не знаем!» –
Ее рыбаки испугались,
Но он закричал им – «Вы лжете,
Но был с ними юноша Марко.
Вы сами играете с нею!»...
Схватил он красавицу-фею
И кинулся юноша глупый –
И стал целовать ее жарко.
В Дунай, чтоб найти свою фею... –
А фея, как гибкая ветка,
Купается фея в Дунае,
В могучих руках извивалась
Как прежде до Марко купалась,
И в Марковы очи глядела
А Марко уж нету, но все же
И тихо чему-то смеялась.
О Марко хоть песня осталась!
Весь день она Марко ласкала,
А вы на земле проживете,
А как только ночь наступила,
Как черви слепые живут, –
Пропала веселая фея...
Ни сказок про вас не расскажут,
У Марко душа загрустила.
Ни песен про вас не споют.

Конечно, если смотреть на всю эту историю с точки зрения «пользы» и «результатов» – получится бессмыслица. К чему Марко бросился в реку? Наконец, не лучше ли ему было остаться на берегу за чистой рыбой и бросить мысли о промелькнувшей в его жизни сказке – фее.

Такая идиллия: чистил бы Марко свою рыбу или возил ее в соседний город, откуда возвращался бы навеселе, а на следующий день снова закидывал свои сети, и так всю жизнь.

Но случилось нечто странное: увидев фею, Марко вдруг понял, что Дунай лучше жизни с продажей рыбы.

Он сгорел за свою мечту, за свой порыв. Именно так я понимаю революцию – не как средство наполнения голодных желудков, а как горение за мечту, м. б., такую же призрачную и обманчивую, как дунайская фея.

В этом мы наверное с Вами разойдемся. Вы говорите: отдать жизнь за счастье других. Я скажу: отдать жизнь за мечту (которая, может быть, причинит людям вред, впрочем в моем случае и в Вашем это не так).

Сейчас душно, – собирается гроза, и поэтому как-то не пишется. Вернулась сейчас с купанья, во время которого произошла следующая сценка. Когда мы пришли на берег – там сидел один маленький мальчишка с коровой и теленком. Мы пообещали ему стеречь корову, если он уйдет. В самый разгар купанья корова и теленок, накупавшись вдоволь, ушли на луг. Вскоре послышался рев пастушонка, который околачивался где-то поблизости.

– «Как, ты здесь, Лялька, ты не ушел? – крикнула Ася, обрадовавшись предложению избавиться от коровы и теленка, – ты обещал уйти, а сам не уходишь, вот теперь загоняй их сам!» –

Рев еще более усилился.

– «Да, Лялька! – поддержала я, – и не воображай, что мы будем их загонять!» –

Рев перешел в нечто еще более сильное, чему названия я не знаю.

– «Загоняй сам!» – радостно вопили мы из воды. Вдруг среди рева послышалось нечто похожее на слова.

– «Что?» – переспросили мы.

– «ё-ё-ёнка!» – донеслось с горки.

– «Что?» –

– «Тейё-ё-ёнка-а-а!» –

– «Да что?» –

– «Я койову, а вы тейё-ёнка!» –

На том и порешили. Лялька с ревом загнал корову, а теленка, который был рядом с ней, оставил для нас. Простите за такую ерунду, просто очень уж смешно было, а Вам, наверное, со стороны просто странно. Вчера вечером я вышла побродить в поле. У нас полей мало, всё больше лес. Ну вот бродила я меж желтой рожью, садилось солнце – в край неба был огненно-красный, переходящий в золотой. Приближающаяся темнота, бледный месяц, голубоватая даль – всё это настраивало к грусти. Я думала над тем, почему люди так одиноки. Ведь это ужас, подумайте, это проклятие. И ведь никогда люди, даже самые, самые близкие, не могут знать, что происходит в душе друг у друга. Счастлив тот, кто не гонится за тем, чтобы понять. Вот я говорю с Вами (это я так для примера беру) и никогда не знаю, серьезно ли Вы говорите или шутя, не могу поручиться за то, что Вы понимаете мое настроение...

Ну вот, я думала так и медленно шла, глядя на тоскливую даль. Зачеркнуто две строки и как-то сразу сделалось холодно и захотелось домой.

Небо совсем померкло, а при свете луны поля сделались какие-то странные, грезящие, холодные.

Вся оторванность человека от природы вдруг ярко стала мне понятна. И вышло так: люди – чужие, природа – чужая, далекая.

И грустно-грустно было возвращаться по лесу домой, где кроме химии и алгебры никто не ждет.

Вы будете виноваты, если я провалюсь по обоим предметам, так и скажу.

– «Это Петя виноват, я хотела учиться!» –

– «Какой Петя?» – удивленно спросит педагог.

– «А такой, Понтик! – сквозь слезы отвечу я и для пояснения прибавлю – черный!» –

На педагогическом совете будет разбираться вопрос о причине неуспешности экзамена госпожи Цветаевой.

– «Мое мнение, – проворчит нечто вроде Степаненки[2194] – что она во сне увидела какого-нибудь арапа, Петю...»

– «Почему же Петю, а не Колю?» – тоненьким голоском спросит учитель алгебры. –

– «Это всегда так во сне! – скажет начальница, – думаешь про Колю, а увидишь Петю».

– «И так испугалась, что ничего не сумела сказать», – докончит «нечто». –

– «Черный... Гм... Это не антихрист ли? – глубокомысленно изречет батюшка, – оно иногда того...»

– «Именно, именно, анархист! – тоненьким голосом поддержит „алгебра“, – а за знакомство с анархистом...»

– «Антихристом!» – поправит батюшка.

– «Да, да, я так и сказал. Итак, за знакомство с недозволенными лицами мы госпоже Цветаевой поставим 0». –

– «Для искоренения злонравия», – буркнет «нечто». –

– «Для возвращения заблудшей овцы на путь истинный!» – пробасит молчавшая «химия».

Итак, Вы и анархист и антихрист, а по-настоящему милый черный пойнтер. Как у нас красиво! Я часто ужасно жалею, что Вас здесь нет. Такая широкая спокойная река, отражающая все настроения неба, заглохшие дороги, заливные луга, горы. Вам бы, верно, здесь очень понравилось. Почему я не могу Вас пригласить вместо Сони? Сажу на своей вышке, [2195] где провожу почти весь день. Видна голубая вдумчивая река, нежно-зеленые, трепетные березы, в которых я в детстве по близорукости и сильно развитой фантазии видала рыцарей и волшебников с длинными бородами. Вы когда-нибудь обращали внимание на красоту дыма. Он так хорошо умирает наверху, в голубом небе!

Недавно я написала стихи, кончающиеся так

...

Не смущайтесь, люди, исканьями правды напрасными,
Будьте дети, идите к тому, что вас манит и радует,
Только в смерти должны мы печальными быть и прекрасными,
Как те грустные листья, что падают, падают, падают...
Когда я получила Вашу закрытку, я ужасно удивилась и весь день ходила в очень странном настроении.

Мне даже одну минуту показалось, что Вы – нечто мной вымышленное, а не действительность.

Бывают дни, когда ходишь как во сне, мало замечая то, что происходит. Мой учитель по алгебре был страшно удивлен, вернее, недоволен тем, что я никак не могла понять, что такое разложение на множители и алгебраическое деление. (Последнее, кстати, так и осталось непонятым мною, и опять Вы виноваты.)

Больше всего меня удивило в Вашей закрытке то выражение, что «и у меня» бывает хандра. Повторяю Вам, что тоска – мое обычное состояние, из которого я на время вышла, благодаря Вам. Унизительно жить, не зная зачем. А вот что Вы, избалованный, хорошенький дамский кавалер, очаровательный «jeune homme» [2196] – и вдруг отрицаете саниновщину – это меня ужасно удивило и обрадовало.

Я Вас раньше ведь терпеть не могла (м. б. это так будет, не ручаюсь за себя дольше сегодняшнего дня, и то много!), всё говорила Соне – «Ну, милая, и противный же твой Петя, вот антипатичный!» –

Я никого больше на свете не ненавижу, чем хорошеньких студентов, для которых цель жизни «побеждать» всех, начиная с высокопоставленных дам и кончая горничными и другими еще получше, а Вы мне казались именно таким типиком. И вот,
Страница 652

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
когда я узнала от Сони, что Вы должны скоро приехать, м. б. уже приехали, мне
сделалось очень неприятно, так как я не желала нарушать тишины Вашего дома и
вместе с тем быть приветливой к «победителю» не могла. Я даже колебалась, ехать
ли.

А что я немножко «щетибилась» вначале – естественно.

Во всяком случае, в настоящую минуту я к Вам отношусь очень хорошо, а что будет
– не знаю, тогда увидим. Это и не так важно.

Потом когда-нибудь, в Москве, если будем друзьями, я Вас спрошу одну вещь,
которую мне бы хотелось знать. Только не в комнате. Где-нибудь на улице,
вечером, а то я совсем не могу разговаривать, когда на меня смотрят.

Теперь лунные ночи. Гуляете ли Вы? Давайте поедем на шарабане сегодня вечером.
Никогда не забуду того тоскливого чувства одиночества, которое охватило меня,
когда поезд двинулся. [2197]

Слушайте, пожалуйста, назовите Вашу первую дочь Мариной, ладно?

Часто ли Вам пишет Е...?

Глажу Вас против шерстки и буду рада, когда она отрастет. Писал ли Сережа?
Насчет него я нахожусь в одном сомнении. Я на Вас загадывала по одной книге, и
вот что вышло:

«...И думы шептали: „Не ждите чудес,
Жрецы Вам солгали, и Он не воскрес!“
И долго с тревогой глядели в окно.
Там не было Бога, там было темно». [2198]

Вы, наверное, очень мучились над религиозными вопросами? Наверное, Соня очень
рада, что я уехала. Устроила ли она Вам то, о чем я ее просила, или нет? ...

Пока всего Вам хорошего. Спасибо за хорошее письмо. Написала много ерунды – не
взыщите. Исполнится ли Асино предсказание, – мне интересно. Пишите.

МЦ

Вечером 28-го июля 1908

Милый щененок Вы мой (не обижайтесь, что я Вас так зову, я очень люблю собак),
как бы Вам объяснить получше, почему мне так трудно жить.

Видите ли, я сознаю свою полную непригодность для жизни. Революция, как и всякий
подъем, – только миг, а жизнь так длинна. Представьте себе, ведь не сразу же Вы
из маленького мальчика с оскаленными постоянно для смеха зубами сделались
большим и серьезным.

Это ведь всё сделалось день за днем, никаких скачков в Вашей жизни не было. Ведь
вся жизнь – бесконечный ряд «сегодня», «вчера» и «завтра».

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чем заполнить жизнь? Ну, укажите мне что-нибудь такое, чем можно было жить всю жизнь.

Мне страшно хочется умереть рано, пока еще нет стремления вниз, на покой, на отдых.

Ну представьте себе такую встречу. Вы – почтенный учитель гимназии, отец семейства и пр. Я – сорокалетняя дама с солидным супругом. Очаровательно, не правда ли?

А самое худшее – это если мы оба не окончательно заснем и при встрече вспомним прошлое.

Подумайте, до чего легко свернуться с пути. Момент слабости, отчаяния, минутное увлечение – и расплата на всю жизнь.

Нужно быть вечно на страже, как бы не свихнуться.

Петя, Вы вот умный, смелый, чистый, скажите – чем нужно жить? Если жить чувством, порывом – какое право мы имеем тогда обвинять Санина? Делить порывы на добрые и злые слишком рассудочно и скучно. Выходит какая-то добродетель на постном масле. Выходит так: или постоянно следить за собой, держать себя в своих руках, или жить по голосу сердца, называя добрым то, что искренно, будь это хоть та же ненавистная саниновщина.

Я понимаю – быть одиноким ради чего-нибудь, ради какой-нибудь идеи. Но не имея ничего определенного, что бы заполняло всё существо, и быть одиноким – трудно.

На пути столько заманчивых станций, кажется, что только на минутку зайдешь отдохнуть, а там не хватит силы выбраться на настоящую дорогу, махнешь рукой и останешься.

Вот странно, я Вас так мало знаю и говорю с Вами так откровенно, как с немногими. М. б. это потому что я пишу вечером? Но начало письма писалось утром, при солнце.

Если Вы думаете, что я ломаюсь, – пожалуйста, напишите.

М. б. Вы и сам ломаетесь, а совсем не я. Меня злость разбирает.

Мы едем с Вами в шарабане. Уже стемнело. Звезды. Налево небольшой лесок, кругом всё поле, ровное-ровное, как будущий строй.

Мне жаль, что я не знала Вас маленьким. Какой Вы были? Самолюбивый, с выдержкой, мне кажется. Отчего-то с Сережей нам никогда не удавалось поговорить как следует. Пробовали переписываться прошлым летом и рассорились. Сережа больно взъелся на меня за то, что я была причиной падения (на очень короткий срок) его авторитета в глазах Сони. Кстати, Соня прислала Асе «серьезное» письмо, полное «изречений».

Будем ли мы видеться в Москве?

Ну, пора кончать, да и Вам пора спать. По-прежнему ли Вы спите целыми днями?

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Весело ли было в Соковнине? Как сошел концерт?

Написала я Вам, кажется, много лишнего, но горе мое в том, что я всегда пересолю, – не умею остановиться вовремя.

Никогда бы не сказала, что буду писать такие длинные письма «избалованному мальчику».

Как хорошо, что мы не «благородно ретировались» друг перед другом, правда?

Напишите мне хорошенько обо всем.

Всего, всего лучшего.

МЦ.

31-го июля 1908 г., Таруса

Никакой милости от Вас в виде «протянутой руки» и Ваших посещений я не желаю, и не думала даже рассчитывать на Вас, так что Ваши опасения оказались напрасными.

Помилуйте, рассчитывать на такого интересного молодого человека – да еще в Москве, которая переполнена такими хорошенькими барышнями (даже в декадентском вкусе есть), – это мне даже в голову не приходило, а если и приходило – то на очень короткое время и теперь уже не придет, смею Вас в этом уверить.

Извиняюсь за те длинные сердечные излияния, которыми утруждала Вас, жалею, что Вы с самого начала нашего знакомства не «указали мне мое место».

Впрочем, винить здесь некого, так как я сама должна была бы его знать.

Очень благодарна Вам за перечисления знаменитостей, населяющих Тульскую губернию.

Забудьте эпизод нашего знакомства и не берите на себя труд мне отвечать.

М. Цветаева.

Между 18-м и 24-м августа 1908 г., Москва

Ну вот я и в Москве. Что-то странно после Тарусы: шум экипажей, фонари, толпа на улицах. Учю свою химию (25-го и 26-го экзамены по ней и по алгебре). В общем рада, что в городе, хотя тех немногочисленных знакомых, с которыми еще не рассорилась, еще не видала.

Спасибо Вам за письмо, Петя. Я хорошо понимаю Ваше тогда настроение. Такой фразы я бы пожалуй никогда не простила. [2199] Вот и Вы простить-то простили, а уж верно забыть ее никогда не сможете.

Насчет моих стихов, о которых писала ... присылаю Вам их...

Мне очень трудно теперь стало Вам писать, какое-то неуверенное чувство.

Рада буду повидать Вас в Москве. Здесь всё еще по-летнему: стук экипажей, зеленые деревья, пыль на улицах. Очень тянет в синематограф, такая подзадоривающая музыка. Помните, как мы все ходили тогда весной. Я еще сказала Вам: «Если буду объясняться в любви – Вы не верьте. Весной я всякому готова!» –

Да, Понтик, Вам Соня давала читать мое последнее письмо? В нем нет ни слова правды, это мы с Асей Соною мистифицируем. Только не выдавайте нас, прошу. А Вы поверили?

Соне я пишу, верней писала в многочисленных письмах, что я влюблена в одного там типа. Сонечка аккуратно в каждом письме объясняла мне, что такое любовь, как надо любить и пр. Между прочим от нее узнала Ваше мнение, что исход любви – брак. Это как-то с Вами не вяжется.

Сегодня папа разрыл мой дневник и прочел в нем наши проделки в Тарусе. Приходит весь взволнованный к моей старшей сестре Валерии и объявляет ей – «Представь себе, Марина влюблена в Мишу[2200]» (это сын нашего сторожа, симпатичный мальчик). Валерия так и не могла разуверить его в этом. Ну, пускай думает.

Скучно дома. Всё какие-то толки, предостережения, намеки. (Папа начитался Санина и выражал Валерии опасение, как бы я не «вступила в гражданский брак» с каким-нибудь гимназистом, каково?)

Кстати, что это Соня все только и говорит, что о браке, любви и пр. Которое письмо уж.

Ну, Петя, Вы не сердитесь, что пишу так неинтересно и мало. Я как останусь одна – так сейчас грусть.

Внешние неудачи, домашние скандалы, разные сплетни – ерунда, вот уж что меня не огорчает, а «вопросы» разные – мое горе. Хочется понять жизнь.

Какой Вы, Понтик, хороший, а еще ругались на меня за то, что я слишком много о Вас думаю.

Отчего люди так скрывают хорошие стороны?

До свидания, спасибо за славное, искреннее письмо. Не думайте, что я не оценила Вашего доверия.

Крепко жму Вам руку.

МЦ

Когда будете в Москве? –

Между 18-м и 27-м августа 1908 г., Москва

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Написано после письма насчет «рассчитывания» и пр., 31-го VII 1908.

Стало холодно вдруг и горели виски
И казалась вся жизнь мне – тюрьма.
Но скажите: прорвалась хоть нотка тоски
В ироническом тоне письма?
Был ли грустной мольбы в нем малейший намек,
Боль о том, что навек отнято,
И читался ли там, меж презрительных строк
Горький отклик: «За что? О, за что?» –
Кто-то тихо сказал: «Ты не можешь простить,
Плачь в душе, но упреков не шли.
Это гордость в себе свое горе носить!» –
И сожгла я свои корабли...
Кто-то дальше шептал – «В сердце был огонек,
Огонькам ты красивым не верь!» –
И за этот за горький, тяжелый урок
Я скажу Вам – спасибо теперь.
Только грустно порою брести сквозь туман,
От людей свое горе тая, –
Может быть, это был лишь красивый обман,
И не знаю, любила ли я...

И Вы в свою очередь, Петя, не смейтесь. Ведь очень легко можно сказать Вам: «Вот сентиментальная девица. Почти что признание в любви!» – На что отвечу: это дело прошлое. Стихи эти написаны под впечатлением обиды и живым воспоминанием о Вас, каким я знала Вас в Орловке. Теперь все изменилось. Не то чтобы ссора наша отдалила нас друг от друга, а всё-таки есть что-то. Вы и сам верно это чувствуете. Согласны ли Вы? –

Ну так вот. Вы не смейтесь. А всё-таки мы пожалуй еще будем друзьями, и близкими. Мне отчего-то так кажется. О многом поговорим, когда увидимся и если увидимся.

Какое впечатление осталось у Вас от моих этих стихов? Пишите.

Соне передайте от меня, что «лева[2201] в Москве». –

Ну, до свидания.

Хорошо бы, если зимой началось что-нибудь! Так жить нельзя, копаться в своей душе вечно – значит лишить себя всякой радости. Поменьше комнатной жизни! –

27-го VIII 1908

Какая у меня сейчас отчаянная тоска, Понтик! Осень, колокольный звон, сознание, что лучшее время уходит без радости. Вы вот говорите о том, что я слишком много занимаюсь своим «я». А откуда взять внешние события, когда их нет? Ходить в гости? Но это мне доставляет гораздо больше мучения, чем радости. Кто-нибудь пошутит, так себе, без всякого умысла, а я потом думаю, думаю об этой фразе, выворачиваю ее во все стороны, пока не додумаюсь до того, что всем на меня наплевать и пр.

Бывают у меня минуты, когда мне хочется, чтобы меня пожалели. Под таким настроением (опять-таки только настроением) вылилось у меня следующее стихотворение, которое Вы найдете на 2-ой странице.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я сама знаю, что не надо так возиться с собой. Да если бы теперь началось «что-нибудь», разве я бы стала хандрить? При одной мысли о возможности революции у меня крылья вырастают. Только не верится что-то.

Гляжу сейчас на поблекший хмель на стенах сарая, на безучастные крыши домов, на небо без просвета, без голубого клочка... А где-то солнце, цветы, где-то люди смеются.

Ну, слушайте стихи.

В ожидании ответа на мое «покаянное» письмо.

Вы простите, я знаю, мы встретимся дружно
И не будем смеяться намеками зло,
Но о том, что казалось так близко, так нужно,
Не смогу я сказать – ведь так много ушло
Эта грустная мысль уж меня не тревожит,
Вспыхнет вновь ли костер, что горел в темноте?*

Будут новые искры, и лучше, быть может,
Будут новые искры, но только не те.
Это рок. Человеческой жизни тоска в нем.
Помню всё, и порывистый наш разговор...
Вспоминаю о нем как о милом, о давнем,
Хоть немного недель промелькнуло с тех пор.
Если все это было не призрачным словом,
Что читалось под солнцем июльского дня,
Снова вспыхнет тоска, и в доверии новом
Я приду и скажу: «Пожалейте меня!» –[2202]

В одном из Ваших писем, Понтик, Вы спрашиваете, откуда я беру данные для пессимистического мировоззрения. Ну хотя бы из такой хандры, которая иногда длится несколько дней подряд.

Из гордости не лезу к людям за участием («а ко мне лезешь» дополните Вы), а сами приласкать не догадаются. Малейшая шутка так бесит, так обижает, что иногда даешь себе волю и говоришь, что попадетса на язык. Разумеется, уж не нежное.

Конечно глупо обвинять мир в том, что мне скверно, да я и не обвиняю, но невольно общие выводы окрашиваются в черный цвет, или в серый, это верней. Это всё очень банально, что я говорю.

От Вашего письма у меня осталось двойственное впечатление. Так было я ему обрадовалась, и вдруг натываюсь на такую зачеркнутую фразу

– «Вот Вам мой взгляд. Понимайте как хотите. Мне совершенно все равно, так как это меня сейчас совершенно не интересует». –

Я это и так знаю, Петя, у меня душа не из носорожьей кожи, я всё очень быстро понимаю.

Жаль, что не зачеркнули почерней, так как я всегда очень основательно изучаю зачеркнутые места в полной уверенности найти там что-нибудь неприятное.

Желаю Вам удачного перехода на естественный факультет.[2203] Теперь Вам конечно недосуг будет писать, ну, а когда освободитесь немножко, буду рада получить от Вас известие, как Вы устроились и пр.

Всего лучшего.

Оба экзамена выдержала на 4 (по отдельности).[2204]

Иду на молебен.

МЦ.

сентябрь 1908 г., Москва[2205]

Милый, славный Понтик! Не сердитесь, всё равно этим ничего не достигнете. Нужно было чем-нибудь выразить то чувство, названия которого я не знаю, – если вышло по-ребячески и глупо – изменять теперь поздно. Обещать ничего не обещаю, совсем не вижу, почему я должна обещать. Скажу одно: такие поступки не повторяются.

Сейчас вечер. В комнатах ясный сумрак. Небо желто-розовое, светлое, звонят колокола.

В такие вечера я никак не могу найти себе места. Как красиво, когда лучи заходящего солнца отражаются в окнах домов! Точно чьи-то широко раскрытые блестящие глаза! Дребезжат пролетки...

Милый мальчик мой, как мне вчера было хорошо с Вами.

Любовь, дружба ли – не всё ли равно? Дело не в названии.

Господи, Понтик, как много в жизни такого, чего нельзя выразить словами! Слишком мало на земле слов.

Крепко жму Вам руку. Не сердитесь за вчерашний порыв. Бывают минуты, когда не сама действуешь, а под влиянием чего-то очень сильного. Если всё-таки недовольны, постарайтесь забыть. Я напоминать не буду.

Ну, друзья что ли?

Ваша МЦ.

P. S. Прилагаемое письмо будьте добры – передайте Сереже. Напишите, как Вы, сердитесь или нет? Милый, хороший!

сентябрь 1908 г., Москва

Знаете, Понтик, я никак не могу решить, Вас ли я любила или свое желание полюбить? «Жить скверно и холодно, согревает и светит любовь». Так говорят люди. Я хотела попробовать, способна ли я любить или нет. Но все встречные были такие противные, мелочные, дрянные, что, увидев Вас, мне показалось: «Да, такого можно любить!» И мало того – я почувствовала, что люблю Вас.

Все дни, когда от Вас не было писем, и эти последние, московские дни мне было

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отчаянно-грустно. А теперь я несколько дней совершенно о Вас не вспоминала. А герцога Рейхштадтского, которого я люблю больше всех и всего на свете, я не только не забываю ни на минуту, во даже часто чувствую желание умереть, чтобы встретиться с ним. Его ранняя смерть, фатальный ореол, которым окружена его судьба, наконец то, что он никогда не вернется, всё это заставляет меня преклоняться перед ним, любить его без меры так, как я не способна любить никого из живых. Да, это всё странно.

К Вам я чувствую нежность, желание к Вам приласкаться, погладить Вас по шерстке, глядеть в Ваше славное лицо. Это любовь? Я сама не знаю. Я бы теперь сказала-это жажда ласки, участия, жажда самой приласкаться. Но сравниваю я свое чувство к Наполеону II с своей любовью к Вам и удивляюсь огромной их разнице.

М. б. так любить, как люблю я Наполеона II, нельзя живых. Не знаю.

Чувствую только, что умерла бы за встречу с ним с восторгом, а за встречу с Вами – нет.

Понтик, я считаю Вас настолько чутким, что надеюсь. Вы не обвините меня в бегстве перед Вами.

То, что сказано, – сказано. Если Вы думаете, что я теперь из гордости говорю Вам всё это, – можете потребовать от меня чего-нибудь, что меня бы унизило. Я исполню.

Трусить я перед Вами не трушу и не раскаиваюсь в том, что было, а просто делюсь с Вами сомнениями, которые возникли у меня на этот счет.

Я купила большой портрет Герцога Рейхштадтского ребенком:[2206] продолговатое личико с недоверчивым взглядом темных серьезных глаз, высокомерное выражение красивых губ, мягкие, пушистые волосы, оттеняющие высокий лоб... Общее выражение лица грустно-надменное. По целым часам могу смотреть на это чудесное личико сломленного жизнью гениального ребенка.

У меня к нему такое чувство восторга, жалости и преклонения, что я бы на всё пошла ради него.

Я всё лето, всю прошлую весну жила мыслями, снами, чтением о нем. Есть драма «Орленок» («L'Aiglon»), это моя любимая книга. В ней в проникновенных стихах выражается вся трагическая судьба сына Наполеона I. Его детство, смутные воспоминания о Версале, об отце, потом юность среди врагов, в Австрии, все его грезы о Франции, о битвах, вся его молодая странная жизнь проходит перед нами. Есть места, которые можно перечитывать без конца. Читаешь и чувствуешь, как подступают слезы, и плачешь в тоске по этому молодому, чудесному, непризнанному ребенку, так несправедливо загубленного судьбой.

Да, такая любовь, как моя к этому болезненному мальчику, этому призраку, – это действительно любовь.

Если бы мне сказали: «Ты согласишься сейчас увидеть драму „L'Aiglon“, а потом умереть?» – я бы без колебаний ответила – «Да!» –

Увидеть эту аристократическую голову, эту гибкую фигуру с белокурой прядью на лбу, услышать этот голос, говорящий предсмертные слова. – Господи, да за это все мучения можно претерпеть, не то что умереть!

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я знаю, что никогда не достигну своей мечты – увидеть его, поэтому и буду любить его до самой смерти больше всех живых.

Ну, заговорила я.

Милый Понтик, не сердитесь, верьте мне, я не виновата в том, что я такая неровная.

Крепко жму Вам руку.

Ваша МЦ.

P. S. (Зачеркнуто одно слово) Я люблю Вас больше всех живых на свете, оговорку, о которой я раньше забыла.

Осень 1908 г., Москва

Ну вот, хотела с Вами поссориться да сейчас раздумала.

Читаю я «Дух времени» Вербицкой. [2207] Вещь совсем не талантливая, но, подойдя к описанию октябрьских событий, похорон Баумана, [2208] я прямо не выдержала: швырнула книжку в потолок и села за письмо к Вам. Мне прямо больно читать такие книги. Мысль, что всё это прошло, что молодость пройдет без этого, не дает мне покоя. Подумайте, вдруг, когда нам будет по сорока лет, всё это начнется. Ведь нельзя жить без этого!

Можно жить без очень многого: без любви, без семьи, без «теплого уголка». Жажду всего этого можно превозмочь. Но как примириться с мыслью, что революции не будет? Ведь только в ней и жизнь?

Рядом с мыслью о ней всё так мелко, все эти самолюбия, намеки, весь этот чад, вся эта копоть!

Охотно прощаю Вам Ваше «спать хочется». Всё это ерунда. Хочется – и спите. Спите крепко, без сновидений. Спать хочется? С чем и поздравляю. Нет, всё это не стоит тоски!

Неужели эти улицы никогда не потеряют своего мирного вида? Неужели эти стекла не зазвенят под камнями? Неужели всё кончено?

Слишком много могу Вам сказать. Вот передо мной какие-то статуи... [2209] как охотно вышвырнула бы я их за окно, с каким восторгом следила бы, как горит наш милый старый дом!

Ничего не надо, ничего не жалко!

Только бы началось.

Восьмидесятников [2210] у меня нет, искала-искала, не нашла.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

Осень 1908 г., Москва

Спасибо за Ваше письмо. Я рада, что Вы прочли мою автобиографию.

Не подумайте, Петя, что я забыла о Вас вчера, но Эллис довольно капризен и пожалуй, не зная о Вас от меня, стал бы ехидничать или вообще выкинул бы что-нибудь. Поэтому я Вас не позвала. Вы, как человек обидчивый, наверное, рассердились бы, и вообще заварилась бы каша. Если он Вас интересуется и Вы пожелали бы его повидать – ожидайте худшего, которое, м. б., и не осуществится. Напишите мне насчет этого – тогда извещу Вас, когда он у нас будет.

У меня сейчас настроение досады на себя. Мне кажется, что я веду с людьми себя непростительно-искренно и глупо.

Дождь, дождь, дождь. Крыши такие унылые со своим мокрым слезливым видом. Что может быть хуже домов? Ящики: непростительно правильные, грузные, все такие похожие. [2211]

Что было здесь несколько тысяч лет тому назад? Так же падали желтые листья, только вместо «рыжего дома со ставнями» [2212] здесь были болота.

А всё-таки осень хороша. Как красиво падает лист! Вот он оторвался, в нерешительности кружится, потом опускается ниже, ниже и наконец плавным движением припадает к земле, где лежат его братья – все тем же путем окончившие короткую жизнь. Падение листьев – символ жизни человеческой. Все мы рано или поздно после недолгого кружения по воздуху своих мыслей, грез, заветных дум возвращаемся к земле. Все радости и все печали осени – в ее неминуемости. Желтый сарай с увядшим хмелем, мокрая черная земля, скользкие мостки, желтые грустные листья – всё это и ненавистно и дорого, и ласкает и мучит.

Да, грустно. Радует меня то «нечто», чем пахнет в воздухе. Только не могу, не смею верить я, что оно действительно осуществится. Не забастовка, нет, но боевая готовность, уснувшая даже в лучших, жажда грозных слов и великих дел.

Нет больше пороха в людях, устали они, измельчали, и не верю я, что эти самые, обыкновенные и довольные, могли бы воскресить революцию. Не такие творят, о нет! А м. б. те, что творят, настоящие, нежные и глубокие только и существуют, что в сочинениях Вербицкой и «Андрее Кожухове» Степняка. [2213] Можно бороться, воодушевляясь прочитанным, передуманным (никакими экономическими идеалами и настоящими марксистами нельзя воодушевиться), можно бороться, воодушевляясь мечтой, мечтой нечеловеческой красоты, недостижимой свободы, только недостижимой!

Красота, свобода – это мраморная женщина, у ног которой погибают ее избранники. Свобода – это золотое облачко, к которому нет иного пути кроме мечты, сжигающей всю душу, губящей всю жизнь. Итак, бороться, за недостижимую свободу и за нездешнюю красоту я буду бороться в момент подъема. Не за народ, не за большинство, которое тупо, глупо и всегда неправо. Вот теория, которой можно держаться, которая никогда не обманет: быть на стороне меньшинства, которое гонимо большинством. Идти против – вот мой девиз! Против чего? спросите Вы. Против язычества во времена первых христиан, против католичества, когда оно сделалось господствующей религией и опошлилось в лице его жадных, развратных, низких служителей, против республики за Наполеона, против Наполеона за республику, против капитализма во имя социализма (нет, не во имя его, а за мечту, свою мечту, прикрываясь социализмом), против социализма, когда он будет проведен в жизнь, против, против, против!

Нет ничего реального, за что стоило бы бороться, за что стоило бы умереть. Польза! Какая пошлость! Приятное с полезным, немецкий педантизм, слияние с народом... Гадость, мизерия, ничтожество!

Умереть за...русскую конституцию. Ха ха ха! Да это звучит великолепно. На кой она мне черт, конституция, когда мне хочется Прометеева огня. «Это громкие слова», – скажете Вы. Пусть громкие слова! Громкие красивые слова выражают громкие, дерзкие мысли! Я безумно люблю слова, их вид, их звук, их переменность, их неизменность. Ведь слово – всё! За свободное слово умирали Джордано Бруно, умер раскольник Аввакум, за свободное слово, за простор, за звук слова «свобода» умерли они.

Свободное слово! Как это звучит!

Понтик, милый мой, брат, милый брат. Вы меня понимаете?

Вдруг исчезла бы Москва с синематографами, конками, гостиницами, эпитажами, четвергами, субботах, всей этой суетней, и вместо нее – Кавказ, монастырь, где томилась Тамара, [2214] скалы, орлиные гнезда, аулы, смуглые лица черкесов, их гортанный говор, пляска их девушек, обрывы, кони, звездные ночи, вершины Казбека и Эльбруса. Но Кавказ дикий, девственный Кавказ 300–400 лет тому назад.

Быть героем какой-нибудь книги, ехать ночью верхом, скатиться в пропасть, встретиться с душманами. Изведать хоть раз чувство одинокого творчества там, наверху, забыть о Москве, не знать о митингах, кадетах и эсдеках, холере и синематографах. Вы понимаете?

Дождь, дождь, дождь. Мокрые крыши, желтые листья, заливается на соседнем дворе шарманка...

Пишите, Понтик.

Ваша МЦ.

Weisser Hirsch, 8-го июля 1910 г. [2215]

У меня к Вам, Петя, большая просьба: пожалуйста, прочтите Генриха Манна «Богини» и «Голос крови».

Вы этим доставите мне большую радость, а себе – по меньшей мере несколько ярких, незабываемых часов.

Чтение Манна – плаванье по очень яркому морю, под очень синим небом, на очень красивой галере с очень красивыми гребцами, мимо очень пестрых городов.

Судите немцев не по добродушным бюргерам, а по таким, как Манн. Хотя нельзя сказать «по таким», так как Манн один и не похож ни на кого из всех существующих и когда-либо бывших писателей.

Если сравнивать его с кем-нибудь – его, пожалуй, можно сравнить еще с D'Annunzio. [2216]

Знакомы ли Вы с произведениями последнего?

Если нет – будьте хорошим мальчиком, прочтите его «Огонь», «Наслаждение», «Девы скал».

Поймите, я прошу только для Вас. Сама я ведь читала эти вещи, в выгоды в том, что Вы их прочтете, для меня никакой нет.

Я когда-то заметила в Вас искорку, Петя, и мне хочется, чтобы она никогда не погасла, несмотря ни на что.

Берегите ее! Все лишившиеся ее перестали жить.

Все, никогда ее не имевшие, вовсе не жили.

И в Орловке можно жить с тревожно бьющимся сердцем.

И в Париже можно жить без всякого волнения.

Всё зависит от нас – не от нас, желающих чего-нибудь, а от нас, всегда чувствующих себя, ощущающих каждое биение своего сердца.

Понятны Вам мои слова?

Природа и книги, – выше и ярче нет ничего. Музыка, музеи, книги, розовые вечера и розовые утра, вино, бешеная езда, – все это мне необходимо, ибо только тогда я живу, когда чувствую в себе дрожь яркого переживания.

Всё остальное – самообман.

Я не боюсь пошлости, так как знаю, что ее во мне нет.

Я боюсь одного в мире – минуты, когда во мне замирает жизнь.

Это – расплата за каждый праздник. И тогда я бессильна перед жизнью. Кроме такого мгновенного затишья нет для меня ничего страшного, потому что я чувствую в себе бесконечный восторг перед каждым облачком, напевом, поворотом дороги.

И вот, Петя, мне хотелось бы и Вам передать свою сладкую способность вечно волноваться.

Мне хотелось бы, чтобы вы, благодаря мне, пережили многое – и не забыли его.

Верьте и доверьтесь мне.

Я много перемучалась. Вспомните то, что я говорила о расплате за праздники.

Читайте, Понтик, Манна и д'Аннунцио и читая вспоминайте меня. Это мне будет

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
большой радостью.

Ни один человек, встретившийся со мною, не должен уйти от меня с пустыми руками.

У меня так бесконечно много всего!

Умейте только брать, выбирать.

Я говорю: «ни один человек»...

Пожалуйста, не думайте, что я хочу сказать: «ни один первый встречный». Нет, я говорю только о тех, с кем у меня есть хоть немного общего.

Обижаться на мое письмо, если Вам и захочется, Понтик, не надо! К чему эта мелочность? Я пишу Вам в хорошую минуту. Сумеете увидеть в этом письме настоящую меня и не обижаться на то, что Вам покажется обидным.

Я пишу Вам с горячим желанием передать Вам свое настроение. Возьмите его, если захотите... Вот и всё!

МЦ.

ГЕНЕРОЗОВОЙ В. К
1908–1910

Валя, поверьте мне! Вы себя не знаете. Вам кажется, что у Вас не хватит силы прожить без личной любви? А товарищество, любовь в широком смысле разве не заменят Вам замужества? Разве Вам нужна именно только такая любовь? Неужели Вы не боитесь скуки, разочарования и пошлости, связанных с долгими годами семейной жизни. Утешение – дети. Если посвятить себя совершенно их жизни, их развитию, воспитанию, если сделать из них людей сильных, сильных сердцем и умом, бояться нечего. Только мне жаль Вашей силы, которой придется разменяться на мелкие монеты.

Мне бы так хотелось увидеть в Вас товарища, борца, а не мать, не жену. Н. А., я думаю, будет довольна своей жизнью, а Вы? Удовлетворитесь ли Вы такой семейной жизнью? Какая у Вас цель? Какой Ваш девиз? Что Вы хотите быть зрителем или борцом? Признаете ли Вы компромиссы? Ответьте мне на все это.

Валенька, не знаю кто Вы, но чувствую, что Вы – талант, сила. Или Вы будете солнцем, или... Жизнь докажет, кто из нас прав. Прощайте! Ваша Маруся.

Любите ли Вы детей? Можете ли Вы посвятить им всю, всю жизнь? Поймете ли мою сказку? Автобиография подвигается, 411 страниц. Скоро напишу Вам еще. Пишите, пишите! Валенька – солнце мое!

ПАСТЕРНАКУ Б. Л
25 июня 1931 г.

Начну со стены. Вчера впервые (за всю с тобой – в тебе – жизнь), не думая о том, что делаю (и делая ли то, что думаю?), повесила на стену тебя – молодого, с поднятой головой, явно метиса, работы отца. Под тобой – волей случая – не то окаменевшее дерево, не то одревеневший камень – какая-то тысячелетняя «игрушка с моря», из тех, что я тебе дарила в Вандее, в 26-том. Рядом – дивно-мрачный Мур, трех лет.

Когда я – т. е. все годы до – была уверена, что мы встретимся, мне бы и в голову, и в руку не пришло так выявить тебя воочию – себе и другим. Ты был моя тайна – от всех глаз, даже моих. И только закрывая свои – я тебя видела – и ничего уже не видела кроме. Я свои закрывала – в твои.

Выходит – сейчас я просто тебя из себя – изъяла – и поставила – как художник холст – и возможно дальше – отошла. Теперь я могу сказать: – А это Борис Пастернак, лучший русский поэт, мой большой друг, говоря этим ровно столько, сколько сама знаю. [2217]

ЭФРОН А. С
5-го февраля 1941 г.

Дорогая Аля! У нас есть для тебя черное зимнее пальто на двойной шерстяной вате, серые валенки с калошами, моржовые полуботинки – непромокаемые, всё это – совершенно новое, пиши скорей, что еще нужно – срочно. О твоём отъезде я узнала 27-го января, и все эти дни выясняла твой точный адрес, надеюсь, что этот – достаточно точный. – 1-го Муру исполнилось 16 лет. Весь прошлый год он болел (воспаление легких, бесчисленные гриппы), и уже с прошлой весны стал худым как стебель. Он очень слаб, от всего устает.

В начале прошлой зимы мы переехали в другой за́город, [2218] снимали комнату, а кормились в Писательском доме отдыха. Мур ходил в местную школу. Летом жили в Москве, осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года. Наш адрес: Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62. Я непрерывно переводила и перевожу – всех: грузин, немцев, поляков (Мицкевича), сейчас – белорусских евреев. На жизнь – нарабатываю. Моя книга стихов включена в план Гослитиздата на 1941 г. Мур учится в 8-ом классе, очень старателен, но точные науки даются с трудом, и он почти не гуляет. В школе его (тьфу, тьфу!) любят – всё, во всех школах, п. ч. эта – уже четвертая. Всё книги, рукописи и вещи получила, комната очень заставлена. Теперь жду вести от тебя, я, когда носила деньги, всегда писала адрес и телефон, надеясь на свидание. Надеюсь, что серый воротник греет, узнала ли синюю юбку? А красная фуфайка – п. ч. оказалась теплее всех. Муля [2219] нам неизменно-предан и во всем помогает, это золотое сердце. Собирается к тебе, сам все привезет. Пиши насчет летнего. Вообще, ты пиши – о себе, а мы будем писать – о себе. Вопросов, экономя место, не ставлю, но ответов жду: климат, условия, здоровье. Будь здорова, целую тебя, если бы не Мур (хворый) я бы сейчас собралась, но твердо надеюсь, что как-нибудь осуществлю это позже. Обнимаю тебя.

Мама.

10-го марта 1941 г., понедельник

Москва, Покровский бульвар, д(ом) 14/5, квартира 62

Дорогая Аля! Наконец-то письмо от тебя (Муле), с точным адресом. Из двух твоих открыток, еще московских, я не получила ни одной, – горькая случайность. 27-го января, когда я подошла к окошечку с передачей, мне сказали, что ты выбыла и дали адрес, но только – общий, тогда я запросила на Кузнецком, и мне через три дня дали приблизительно тот же адрес, только уже не Котлас, а Княжий Погост, туда мы с Мулей тебе много писали и телеграфировали, но очевидно не дошло. – Ну, всё хорошо. – О нас: из Болшева мы ушли 10-го ноября, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, потом Литфонд нас с Муром устроил в Голицыне Белорусской дороги, снял нам комнату, а столовались мы в Писательском Доме отдыха. Я сразу стала переводить Вазу Пшавелу – много поэм, на это ушла вся зима. Летом мы жили в Университете, в комнате уехавшего на дачу про-фессора. Осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года, на 7 этаже, откуда тебе и пишу. Непрерывно перевожу – всех: французов, немцев, поляков, болгар, чехов, а сейчас – белорусских евреев, целую книгу. Один мой перевод (болгарской поэтессы) уже читали по радио, [2220] а

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Журавлев собирается читать только что вышедшего в Дружбе Народов (пришлю) моего грузинского Барса.[2221] Есть друзья, немного, но преданные. Мур учится в 8-ом классе соседней школы. Ты бы его не узнала: он совершенно-худой и прозрачный, в Голицыне у него было воспаление легких, после него он стал неузнаваем, да и летом никуда не уезжали. Кошки погибли, Муля расскажет. Сегодня несу папе передачу. У нас есть для тебя: новое черное очень теплое (шерстяная вата) пальто, мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами, шапка с ушами, чудесные моржовые полуботинки – без сносу, вечные, на которые я наконец нашла ботики, и т. д. Пиши что тебе нужнее всего. Узнала ли синюю юбку, туфли, розовое белье, т. е. поняла ли, что багаж получили? Получили – всё и все рукописи, летом 1940 г. Жду письма. Муля деятельно собирается к тебе, тогда всё получишь.

Приписка на полях:

Обнимаю тебя, будь здорова, пиши подробно, м. б. до Мули устроим посылку.

Мама.

Приписка фиолетовыми чернилами:

Передачу взяли опускаю там же

16-го марта 1941 г.

Москва. Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 (IV подъезд)

Дорогая Аля, наконец-то письмецо от тебя, – в письме к Муле – шло всего 4 дня. А эта открытка – третья по твоему точному адресу, раньше мы писали на Княжий Погост. Повторю вкратце: из Большева мы ушли 8-го ноября – совсем, – было холодно и страшно – месяц жили у Лили на твоём пепелище, на и под твоим зеленым одеялом (Мур спал на твоём сундуке), а днем гуляли, без всякого удовольствия, по Москве, п. ч. Лиля давала уроки. 16-го декабря переехали в Голицыне Белорусской дороги, в комнату, которую нам снял Литфонд (столовались в Доме Писателей). Мур поступил в местную школу, но всю зиму проболел: краснуха, свинка, всяческие простуды и, наконец, воспаление легких (...) полный успех, лестные отзывы по радио. Вещи и рукописи получила все. Прошлым летом. Ты наверное поняла по вещам, переданным. Мы с Мулей давно копим тебе приданое: есть черное новое ватное пальто (шерстяная вата), шил портной, – серые фетровые валенки с калошами, мои новые моржовые полуботинки, элегантные и вечные, с ботиками, завтра пойду хлопотать об открытии твоего сундука (у Лили), тогда достанем всё по списку, остальное докупим. Муля деятельно собирается, копит продовольствие и т. д. и только о поездке и думает. Я на каждом листке передачи писала кроме адреса свой телефон, рассчитывая на свидание, давала его всюду, где могла. – Твои московские открытки пропали, и ни одна из теперешних до Лили не дошла. Дошли 2 письма к Муле. Папе передачу 10-го – приняли, и это всё, что я о нем знаю с 10-го Октября 1939 г. Будь здорова, деньги высланы давно, жди Мулю, он всё делает и сделает. У нас над радио – карта. Мур сразу тебя нашел. Он тебе писал уже дважды. Он сейчас в 8 классе, еще 2 года – и армия... Ну, обнимаю, желаю, буду писать часто.

Приписка на полях:

Кошки погибли, Муля расскажет. Погибли – последними.[2222]

Мама

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
18-го марта 1941 г.

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

Моя дорогая Аля! Это – пятая открытка, с двумя Муриными – седьмая, по твоему точному адресу, сообщенному тобою Муле. Ой получил два твоих письма, в последнем – письмецо ко мне, и шло оно всего четыре дня. Всё будет, и всё будет – хорошее, и всё хорошее – будет. О твоём отъезде узнала 27-го января, когда принесла передачу, сначала писали на Котлас, потом (справилась на Кузнецком) на Княжий Погост, Муля отправил ряд телеграмм и даже одну – начальнику лагеря – и, наконец, твой адрес – твоей рукой! Будем радоваться. Худшее – позади. О вещах: на днях (уже приходили, но не застали) будет распечатан у Лили твой бедный рыжий сундук, на котором позапрошлой осенью месяц жил и спал Мур, и вещи будут сданы – мне. Всё, по твоему списку, достанем, остальное докупим, многое уже есть: новое черное пальто на шерстяной вате – здоровенное – мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами – мой первый тебе подарок, еще осенью 1939 г., мои Паризьен моржовые желтые полуботинки с ботиками, элегантные и непроносские, черное шерстяное платье (подарок Мули), словом – много, много чего, и всё – новое. Мы для тебя собираем уже 11/2 года. О нас: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева – навсегда, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, зимовали, с деятельной помощью Литфонда, в Голицыне, Белорусской дороги (столовались в Писательском Доме), летом жили в Университете, и осенью совместно с Литфондом, наконец, после бесконечных мытарств, нашли эту комнату – на 2 года (газ, электричество), телефон, 7 этаж, даже кусок балкона! Но попадать на него – из окна), – где тебе и пишу. Тебе пишут Лиля, Зина и Нина. С Ниной у нас настоящая дружба, золотое сердце, цельный и полный человек. Мур оказался очень хрупким, это его 4-ая школа, всю прошлую зиму в Голицыне проболел – свинка, краснуха, непрерывные гриппы, воспаление легких, после которого так окончательно и не оправился. Худой и прозрачный, слабый. Папе передачу 10-го приняли, значит (тьфу –) – жив. Ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г.

Приписка на полях:

Обе твои московские открытки пропали – горькая случайность.

Кошки погибли. Муля расскажет. Перевожу – всех. Хвалят – даже по радио. Багаж получила. Обнимаю.

Мама.

22-го марта 1941 г., день весеннего равноденствия

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

Дорогая Аля! В день весеннего равноденствия пытаюсь написать тебе первое письмо, – открыток по точному адресу было шесть, с Муриными двумя – восемь, а до этого писала на Княжий Погост, но это не в счет. Во всех открытках писала тебе то же самое, а именно:

Твоих двух московских открыток на Лилю не получила – горькая случайность. Первый звук от тебя – письмецо в письме к Муле, который от тебя, пока, получил 2 письма. Он тебе много писал и несколько раз телеграфировал. На каждом листке с передачей я писала свой адрес и телефон – на всякий случай. Ну, не послужило. О нас с Муром: 8-го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева – навсегда. Месяц жили у Лили, на твоём пепелище, я – на твоём зеленом одеяле, Мур – на твоём бедном рыжем сундуке (где, кстати, всё цело: мошь ничего не сожрала, в на днях этот сундук будет передан мне на хранение, уже приходили к Лиле, но не застали ни ее ни Зины). Нам очень сердечно помогал Литфонд, благодаря которому мы смогли снять

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru комнату при Доме Писателей в Голицыне Белорусской дороги. Столовались в доме, и первые 2 месяца нам всё оплачивалось. Я сразу принялась за переводы, Мур пошел в очередную школу, где его тоже все сразу полюбили. Мура ты не узнала бы: он худой, прозрачный, руки как стебли (или как плети, очень слаб), всё говорят о его хрупкости. В Голицыне он болел: непрерывными гриппами, свинкой и краснухой, после которой схватил воспаление легких (зима была лютая). Перевели его в 8-ой класс без экзаменов – и по болезни и по успехам. Лето мы прожили в Москве, в Университете, искали комнату, – все с той же помощью Литфонда, и наконец – после бесконечных мытарств, лачуг, задворков, ненормальных хозяев – (неописуемо!) – нашли – ту самую где тебе и пишу: 12 1/2 метров, 7-ой этаж, лифт, газ, электричество) и даже свой кусок балкона (но вылезать нужно из окна п. ч. дверь – у соседей) – на 2 года, с договором, безумно-дорогую, но, пока, выручили писатели: мне такая сумма и во сне не снилась.

Мур учится в 4-ой счетом школе (3-тья была на Тверской, образцовая) – в 8-ом классе. Блестящ по всем гуманитарным наукам, по литературе – сплошное отлично, лучше всех в классе знает язык, читает доклады с собственными мнениями и т. д., отлично и по черчению, все остальное – посылно, но так как очень старается (одну задачу из пяти делает по полтора, а то по два часа), то совсем не дышит: с утра до 3 ч. – школа, с 3 ч. до 9 ч. – уроки. Совсем заचाх. Внутри он все такой же суровый и одинокий и – достойный: ни одной жалобы – ни на что. Ко мне он привык – как кот. Мне его бесконечно-жаль, и я так мало для него могу, разве что – пирожное. – Или очередной книжный подарок, например – Историю Дипломатии или сборник статей Кирпотина.[2223] Из поэтов любит Маяковского, Асеева и Багрицкого, собирает их в самых разнообразных изданиях.

Мои переводы: грузинский поэт Важа Пшавела: Гоготур и Апшина. Раненый Барс (напечатан в Дружба Народов) и Этери, все вместе – 3.000 строк (рифмованных!).

Потом – все: немецкий фольклор, современные болгары (их, хваля, читали по радио), французы, немец Бехер (с немецкого на франц узский), – поляки, ляхи (это – отдельный народ, разновидность чехов) а сейчас – целый том белорусских евреев. Да, – англичан позабыла: Баллады о Робин Гуде. Работаю в Интернациональной Литературе и в Гослитиздате – сектор Дружба Народов. Отношение ко мне самое сердечное и почтительное, а некоторые – просто любят. Моя книжка стихов включена в план Гослитиздата, но не знаю что получится, сейчас очень сокращают, а это ведь – чисто-лирическая книга...

Живу – так: с утра пишу (перевожу) и готовлю: к моему счастью я по утрам совсем одна, в 3 ч. приходит Мур, – обедаем, потом либо иду в Гослитиздат, либо по каким-нибудь другим делам, к 5 ч. – 6 ч. – опять пишу, потом – ужин. В театре и концертах не бываю никогда – не тянет. Мур ложится рано, у нас никто не бывает. Летом 1940 г. – т. е. прошлым – я получила весь багаж, и все рукописи, и все книги – и тоже ни моль, ни мыши ничего не тронули, всё было в полной сохранности. Только дорого взяли за хранение: больше тысячи, – сто рублей помесечно. Т. е. – не дорого, но мне-то – дорого. Всё тебе присланное – оттуда. Да важная вещь: у нас с Мулей для тебя: новое черное пальто на шерстяной вате, шил портной, мерили на меня, ловкое и очень теплое и не тяжелое, серые фетровые валенки с калошами, мои моржовые полуботинки Паризьен, желтые, – элегантные и непроносные, и к ним – ботики, кроме того – у Мули – всякие отрезки, косынки, то, что уже сам покупал. По присланному списку получишь – всё, у меня многое имеется, чего нет – докупим. Но ты ничего не пишешь про одеяло. У меня есть – на выбор: мое вязаное (очень разноцветное), теплое и не тяжелое – и: синяя испанская шаль с бахромой, которая тем хороша, что и шаль и одеяло. Непременно ответь. Устроишься – довезем и второе. Муля только тобой и жив, после писем повеселел, подписал договор на большую работу, деятельно собирается к тебе. Он был нам неустанным и неизменным помощником – с самой минуты твоего увода. Папе 10-го передачу приняли, ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г. Тебе пишут Лиля и Нина. Вчера мы у нее были на дне рождения, я подарила ей старинную оловянную чашечку – кофейную, ты их наверное помнишь, и пили вино – за твое здоровье и возвращение, она вспоминала как вместе с тобой проводила этот день. Она очень худая и всё время болеет, но молодец и – настоящий человек.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Есть друзья, немного, но преданные, но вижу редко – все безумно-заняты – да и негде. К быту я привыкла, одна хожу и езжу – Аля, даже на А! Едим хорошо, в Москве абсолютно всё есть, но наша семья – котлетная, и если день не было котлет (московских, полтинник – штука), Мур ворчит, что я кормлю его гадостями. По-прежнему вылавливает из супа зеленявки – я осенью зелени (моркови, сельдерея, петрушки-персиля) засушила на целый год. М. б. тебе нужна – сухая зелень? Можно морковь разводить в кипятке, если негде варить. Ответ: 1) одеяло или шаль 2) нужна ли моя сушка.

Мур 1-го февраля исполнилось 16 лет, второй месяц добывает паспорт – сам. Был уже в четырех учреждениях, и у доктора – установить возраст. Всё в порядке, обещали вызвать. Мур – удивительно ответственный человек, вообще он – совсем взрослый, если не считать вязаных лоскутьев, с которыми спит и которые я по-прежнему должна разыскивать. Муля везет тебе целую гору продовольствия, напиши в точности – что нужней? Чеснок у меня есть, но м. б. ты его не ешь? – Свежий. – Да, тебе нужны миски или тазики? Муля собирается везти медный, а я – сомневаюсь. Ответь!

Прилагаю конверт с листочком. Деньги тебе высланы давным-давно, сразу после твоего первого письма Муле.

У нас очень холодно, была весна и прошла, вчера, возвращаясь от Нины, мы с Муром совсем окоченели, мороз сбивал голову. О вещах не беспокойся: всё получишь, и для тебя и для товаров, – у меня свой список, у Мули – свой. Целую тебя, желаю, бодрись и держись.

Мама

Приписка на полях:

Твое второе письмо к Муле (с моим) пришло на пятый день.

29-го марта 1941 г.

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62, 4-тый подъезд.

Дорогая Аля! Я делаю что могу – опускаю на Главном Московском Почтамте. Эта открытка – восьмая по точному адресу, данному тобой Муле; 21-го (в день весеннего равноденствия) отправила тебе большое письмо, и было еще три открытки от Кота. А до этого – ряд открыток на Княжий Погост: адрес, который мне дали на Кузнецком. (В Бутырках мне дали адрес: котлас.)

Муля скоро приедет. Всё привезет. Получил от тебя 2 письма и вчера еще одно, где пишешь, что работаешь в Клубе. Все привезет по списку. Кроме – есть: новая черная шуба на шерстяной вате, серые фетровые валенки с калошами, мои моржовые полуботинки «Паризьен» с ботиками, элегантные и вечные, всякие отрезы и косынки, мы собирали всю прошлую зиму – по эту. Я от тебя ничего не получала, те московские открытки, по горькой случайности, не дошли, а я даже телефон давала, каждый раз, на всякий случай. Лиля тоже ничего не получала. О нас: папе передачу приняли третьего дня, 27-го марта, значит – пока жив. Я ничего не знаю о нем с 10-го Октября 1939 г. Мур учится в 8-ом классе. Из Болшева мы ушли 8-го ноября 1939 г., месяц ютились у Лили, зимовали в Голицыне, возле Писательского Дома, Мур болел всеми болезнями, вплоть до воспаления легких, ты его не узнаешь: свеча! Летом жили в Москве, в Университете, осенью с помощью Литфонда нашли эту комнату – на 2 года, за безумную цену (5.000 в год!). Я – непрерывно перевожу – всех: французов, немцев, грузин, болгар, чехов, поляков, а сейчас – белорусских евреев. Меня часто читают по радио. Есть друзья, – не много, но преданные.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Прости, что пишу всё то же самое. Сегодня иду на Кузнецкий, чтобы скорее распечатали твой сундук (приходили, но Лили не было дома). Муля очень деятельно собирается, подписал договор. Его дела – хороши. Будь здорова, пиши и сюда и на Лилю. Всё. будет, и всё будет – хорошее, и всё хорошее – будет. Я к тебе тоже собираюсь, но позже, сейчас не могу из-за хвораго и беспомощного Мура. Целую. Авось дойдет!

Мама

Приписка на полях:

Деньги высланы очень давно, надеюсь, что уже получила.

8-го апреля 1941 г.

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

– или пиши на Лилю – или на Мулю.

Дорогая Аля! Муля получил 4 твоих письма, я – одно, давно, в письме к нему. Тебе уже написали Лилия и Нина. Знаю из последнего письма к Муле, что ты получила мою первую открытку – от 3-го февраля. Аля! Сундук твой свободен, вчера получила на него документ, – сама сниму печать. Бедная Лилия как она за него (нее) боялась! ведь на нем спал Мур, тогда – толстый! У меня для тебя – 8 кило сахару (4 – песку, 4 – грызómoго), теперь буду собирать бэкон (дивное копченое сало). Муля на днях получает аванс. Перетерпи: все тебе будет +Муля – и когда-нибудь – я. Если бы не Мур (очень слабый), поехала бы сейчас. Сейчас думаю о летнем для тебя, есть чудное полотняное платье, из номы, [2224] суровое, мне его подарила Маргарита. [2225] Твое голубое одеяло вязаное пропало в Болшеве; – хочешь взамен – мое, тоже вязаное, всех цветов! Оно – очень теплое и не тяжелое. Или прислать львиный плэд – подарок? Или – испанскую синюю шаль, она может послужить одеялом. Ответь. Аля! Не восемь лет, а шесть с половиной, это мне сказали на Кузнецком. А у меня – тоже катар верхушек и тоже нет палочек. С продовольствием и гуляньем поправишься непременно. Муля привезет – воз. Лечи зубы, если есть зубной врач. Мур писал три раза. Дошло ли мое большое письмо – от 21-го марта? Целую и пишу непрерывно.

Мама

Приписка на полях:

10-го несу передачу папе, ничего о нем не знаю с 10-го Октября 1939 г. Обнимаю. Пиши. Ответь про одеяло.

16-го апреля 1941 г., среда

Дорогая Аля, я думаю – мои открытки очень глупые, но когда нужно сказать так много, всегда выбираешь глупости. Во-первых, мне очень стыдно за вечное будущее время: пришлю, получишь, и т. д. но, честное слово, всё делается, и всё – реальность. Мы с Мулей решили до поездки – посылку, чисто-продовольственную, так у тебя будет – вдвое, п. ч. он своим чередом повезет. А так – хоть немножко отляжет от сердца. Описывать посылки не буду, всё будет непортящееся, засушенное и приятное. Муля получил твой добавочный список, всё будет (опять – будет!) сделано, словом, будет та минута, когда всё это – доедет. Мы с Мулей как раз получили гонорары. Но про платья (подарок) я тебе все-таки напишу, оба летние,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru одно полотняное суровое с воротничком, другое сизое шелковистое, отлично стирающееся, можно даже не гладить, юбка – моя вечная летняя – в сборах (можешь переделать на складки), а лиф в талию, с огромными пузырями-рукавами, застежка на спине, совсем не маркое и не мягкое. «Глазки да лапки»... Я очень тронута, что тебе хочется носить пестрое, мы тебя пестротой зальем, Муля уже полтора года как закупают косынки. Очень хорошо, что ты остриглась – я так и думала. Защемки пришлем, вообще не беспокойся, всё мелочи – будут, даже то, о чем ты не подумала. Очень тронута, что ты интересуешься моими переводами, их вышло уже порядочно, а еще больше – выйдет, и всё хвалят, очно и заочно. Кончаю своих Белорусских Евреев – эту книгу переводим втроем, Державин, [2226] я, и еще один, – потом будут грузины, потом – балты. Мой лучший перевод – Плавание – Бодлера, п. ч. подлинник – лучший. Это – моя главная жизнь. Меня единогласно провели в Группком и в Профсоюз. Пожалуйста, радуйся башмакам! Они чудные и вечные, можно носить без калош, но есть специальные ботики. Вообще, не унывай, да ты и так – молодец!

Мама

Твое письмо получила и ответила.

16-го мая 1941 г.

Москва. Покровский бульвар, дом 14/5, кв(артира) 62 (4 подъезд)

Дорогая Аля! Мур, уходивший в школу, увидел в щели ящика письмо – и оно оказалось твоим. Урра! А мы как раз вчера с Мулей горевали, что так давно от тебя – ничего, и Муля, после ряда утешительных предположений, сам себе, тихо: – От своего оптимизма я когда-нибудь повешусь.

Сначала о деловом: тебе 26-го отосланы две продовольственные посылки, общим весом 16 кило. В них – всё, плюс чулки. Это – первая (грузная) ласточка. Вещи Муля повезет сам, но мы узнали, что без разрешения отсюда – ехать бессмысленно. Значит, в нем – дело. Мы вчера с Мулей очень подробно об этом говорили, у него всякие надежды, и слово его – твердо: не поехать я не могу, в этом моя жизнь. Слышала я, что его просьба должна быть подтверждена твоей, но об этом он тебе сам напишет подробно. Теперь опишу тебе пальто (хотя не по сезону!): собственно, черная шинель, с бантовой складкой сзади, и очень большим запахом: ширины мы не убавляли, – на шерстяной вате и черном сатине. Моя шуба (на черном баране, вроде медведя) безумно-тяжела, иначе послала бы ее. Пальто очень складное, но, конечно, рабочее. Валенки – чудные, это мой первый тебе подарок, еще в октябре 1939 г.: серые, легкие и теплые, к ним – калоши. Моржовые – большие и широкие, рассчитаны на шерстяные чулки, но совсем не жесткие, я их вот уже почти год мажу специальной моржовой мазью. К ним – ботики. Постараемся добыть еще одну пару, новую, полегче, – моржовые тяжеловаты, но зато без сносу. В таких ушел папа. На днях носили с Мулей ему вещи, целый огромный, почти в человеческий рост, мешок, сшитый Зиной по всем правилам, с двойным дном, боковыми карманами и глазками для продержки, всё без единой металлической части. Так как в открытке было только «принесите вещи такому-то», то я уж сама должна была решить – что, и многое мне вернули: валенки, шапку, варежки, непромокаемое пальто, вязаную куртку, ночные туфли, подушку и галстук. Зато приняли: его серое пальто, положенное на шерстяную вату, новые гигантские башмаки, черные, с калошами 15 номер! (искала две зимы!), Мурин почти новый костюм, невидный, но замечательный, подаренный ему твоей тезкой Ариадной [2227] – а новый будет лежать и ждать + пары штанов (2 пары шерстяных, 2 пары простых), 2 нижних рубашки, 3 верхних, две простыни, две наволочки, 6 платков и, в конце концов – одеяло, его, вязаное, которого сначала никак не хотели брать, но вдруг – в последнюю минуту – взяли. На платочках, его подарке, была моя метка, – и это был весь мой привет. Но сейчас у меня – гора с плеч, ведь это всё шилось, покупалось, нафталинилось – так, на авось, в полной неизвестности. В последнюю минуту закрепила все пуговицы, а Зина штаны положила на подкладку, кроме того есть жилет – на заплаты, а вместо летнего он может носить свое брезентовое, в котором ушел, если только догадается снять барана. К сожалению не взяли еще летних штанов, парусиновых, синих, и тибетейки, но зато

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
взяли сюэдинговую новую кэпку. Но, вообще, как видишь, взяли 3/4, и были очень милы. Это было 5-го мая, а 10-го передачу приняли. А больше о нем не знаю ничего.

Может быть, если Муля задержится (не от него зависит!) pošлю тебе посылочкой два летних платья, своих, новых: одно темно-сизое, чудный цвет, шелковистое, но не шелковое, с огромными рукавами и широчайшей юбкой, другое простое серое полотняное из «номы», оба чудно стираются. И несколько косыночек, их у нас для тебя множество: и мои привозные, и Муля закупил. А вещи я получила по суду, т. е. вернули мне их до суда, только пришлось уплатить более тысячи за хранение, зато вернули абсолютно-всё, и вещественное и бумажное.

О себе: я за это время перевела: Важа Пшавела – поэма Барс, поэма – Гоготур и Апшина, поэма Этери (всего около 2.500 строк), 2 баллады о Робин Гуде с английского, немецкие и французские песенки (народные), ряд переводов с болгарского, ряд переводов с ляхского (разновидность чешского). Плавание Бодлера (мой лучший перевод!), полсборника Белорусских Евреев (только что закончила), ряд стихов украинского поэта Франко, вроде Надсона, ряд стихов молодых польских поэтов (один – замечательный! [2228]), и сейчас, кажется, буду делать ряд новых текстов к песням Шуберта, т. е. – если не ошибаюсь – Гёте, это уж – заказ Консерватории. Я очень дружна с Нейгаузом, [2229] он обожает стихи. Вообще, все было бы чудно –. Пока, в печати, появился: Барс, болгары, ляхи, а поляков моих читали по радио, и я получила за чтение 150 р., – по соседству от твоей бывшей службы. [2230] Меня заваливают работой, но так как на каждое четверостишие – будь то Бодлер или Франко – у меня минимум по четыре варианта, то в день я делаю не больше 20-ти строк (т. е. 80-ти черновых), тогда как другие переводчики (честное слово!) делают по 200, а то и 400 строк чистовика. Меня приняли в Группом Гослитиздата, теперь я член проф. союза, и мы с Муром приписаны к амбулатории. Выплачиваю понемножку долги Литфонду, вчера внесла очередные 100 руб. Меня всё, почти всё, очень любят, и очень ценят мою работу. Подружилась с Н. Н. Асеевым, т. е. это он со мной решил дружить, прочтя какой-то мой перевод, и даже скажу – какой: про какую-то бабу, которая варила пиво и потом повесилась, предварительно сорвав распяты с гвоздя, – на том же гвозде. [2231] Это произвело на него сильное впечатление, и теперь мы – друзья. Он строит себе дачу – не доезжая до Голицына – и уже зовёт в гости, а я уговариваю завести большого простого пса, деревенского (в Москве только породистые), и вообще даю советы по устройству.

Борис [2232] всю зиму провел на даче, и не видела его с осени ни разу, он перевел Гамлета и теперь, кажется, Ромео и Джульетту, и кажется хочет – вообще всего Шекспира. Он совсем не постарел, хотя ему 51 год, – чуть начинает сесть. У него чудный мальчик, [2233] необычайной красоты, и это – вся его любовь. Про жену он начинает спрашивать знакомых: – А может быть она – не красавица?? Написал и напечатал два чудесных стихотворения про жару и ночь. Там есть такая строка: «Кувшин с водою и цветами» [2234] – это он, остыв от работы на огороде. Огород у него – феноменальный: квадратная верста, и всё – огурцы. Я была у него раз на даче, прошлой осенью. – У Мура на днях экзамены. По гуманитарным наукам – пока сплошное отлично, по остальным – сплошное посредственно, кроме геометрии – хорошо. Он необычайно-серьезен, покупает книги о критике (некоторые, потом, быстро продает), ходит в концерты, и никуда со мной ходить не хочет – никогда, а если когда и идет – в гости, то силком, как волк на аркане. Близких друзей у него нет, но в школе его любят всё. Летом мы никуда не собираемся: через два месяца мне нужно уплатить вперед пять тысяч за комнату, по договору: 4.200 за комнату, 750 р. за ремонт – который будет сделан, когда я выеду, но платить нужно заранее. Но у нас есть кусочек балкона, на который ход из окна, и я вчера размазала окно, и сейчас сижу с открытым (окно итальянское, открываются боковые створки) и гляжу на вербу в банке, – это мое любимое дерево, самое неприхотливое, и моя уже дала зеленые ростки и белые корешки. А Мур нынче идет за паспортом, – наконец, добился! было трудно, п. ч. не было метрики, а без паспорта нельзя, п. ч. уже 16 лет. А про именины его мы забыли, напомнила Лиля и обещала просроченный пирог. Лиля и Зина тебе писали, также Нина, у которой новая работа, рядом со мной, теперь будем чаще видаться. И Нина просила передать, что вообще будет тебе писать, и мечтает, чтобы и ты – ей. Она – прелестная, только жаль, что хвора: болит когда-то сломанная рука: «костная мышь», к счастью ей сейчас не надо писать на машинке. Буду летом ездить с ней в Сокольники, она всё

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вспоминает, как вы – ездили, и помнит всё семейные праздники, и вообще все даты. – Аля, не нужно ли тебе кроме черного ватного пальто – мое синее кожаное, на осень? Оно на шерстяной подкладке, не новое, но вполне приличное и непромокаемое – абсолютно. Не тяжелое. Очень рада, что выбрала – шаль: темно-синяя, мягкая, теплая, с толстой бахромой, подарок Веркиной матери, она в нее заворачивалась с внучкой! Куртку коричневую и куртку верхнюю вязаную пришлю с Мулей, вместе со всем. Ответь про кожаное пальто, ты в него вполне влезешь, и будет оно тебе несколько ниже колен. Мечтаю как будешь получать наши продовольственные посылки: кажется, ничего не забыли! Морковь привезет Муля, он не смог за ней зайти, п. ч. его торопили отъезжающие. До свидания! Целую. Не хворай. Держись. Бодришь. Пишу часто.

Приписка на полях:

От тебя получила: записку через Мулю, письмо Муру и сегодняшнее, от 2-го мая, шло 14 дней, и самое главное – дошло! До свиданья. Люблю. Помню. Стараюсь.

Мау

Прилагаю маленькую паспортную карточку Мура

16-го мая 1941 г.

Москва, Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 (4 подъезд)

Дорогая Аля! Только что – твое большое письмо, от 2-го мая, шло 14 дней. Всё утро писала тебе ответ – 4 мелких страницы, авось дойдет, – уже опущено. 26-го тебе отправлены были две продовольственных посылки, весом 16 кило обе, там – всё, даже печёночный экстракт. Угостишься, и других угостишь, и посылать будем непрерывно. Муля очень собирается ехать, но – оказывается – нужно достать разрешение здесь. Этим и занят. Я тоже приеду, но позже. Муля не только не отошел, но лез (как и Лиля) с нами в самое пекло. Вещи папе передали, и передачу 10-го приняли, а больше не знаю о нем ничего. У Мура на днях экзамены, послала тебе в письме его паспортную карточку. Аля, если бы ты знала, как я скучаю по тебе и папе. Мне очень надоело жить, но хочется дожить до конца мировой войны, чтобы понять: что – к чему. У нас радио, слушаем все вечера, берет далёко, и я иногда как дура рукоплещу – главным образом – высказываниям здравого смысла, это – большая редкость, и замечая, что я сама – сплошной здравый смысл. Он и есть – ПОЭЗИЯ. Не хворай, пожалуйста, дожись. Вещи свои я получила по суду, летом 1940 г., но до суда не довели, так отдали. Не нужно ли тебе кожаное пальто, скромное, на теплой подкладке, абсолютно-непромокаемое? Ответь! Целую. Пиши. Пишу.

Мама

Москва, 18-го мая 1941 г., воскресенье.

Дорогая Аля! Сегодня – тридцать лет назад – мы встретились с папой: 5-го мая 1911 г. Я купила желтых цветов – вроде кувшинок – и вынула из сундучных дебрей его карточку, которую сама снимала, когда тебе было лет четырнадцать – и потом пошла к Лиле, и она конечно не помнила. А я все годы помнила, и, кажется, всегда одна, п. ч. папа все даты помнит, но как-то по-своему. 16-го отправила тебе большое письмо с Муриной паспортной карточкой от 15-го, в ответ на твое, от 2-го мая, которое шло 2 недели. Повторяю: разрешение на свидание нужно хлопотать отсюда, так Муле сказали, и он этим занят. Надеюсь, что когда получишь эту открытку, посылки (две) уже дойдут. Тогда сразу начнешь поправляться, а мы всё время будем посылать. Такой вопрос, вернее совет: если тебе надоели некоторые носильные вещи, например летние платья, не раздашь ли ты их там, в обмен на новые, когда их привезет Муля, чтобы не загромождать себя слишком веским мешком.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Напиши на всякий случай, что очень надоело или опротивело, чтобы я тут же нашла замену, чтобы успела се обдумать. Очень советую тебе согласиться на синее кожаное пальто, оно скромное, теплое, легкое и абсолютно-непромокаемое. Вязаные куртки (верхнюю и нижнюю) и коричневую под замшу – пришлю, вообще – ничего не забуду, только бы у Мули скорей выяснилось... У Мура завтра первый экзамен – алгебра, но он как всегда абсолютно-спокоен: сильное чувство судьбы. Я вчера отложила для тебя целую пачку маленьких фотографий, – тебя в детстве. Мура, нас всех порознь и вместе, на море и в горах, постепенно буду посылать. Да! Когда Муля поедет – в чем везти вещи (носильные): сундучок? мешок? что удобнее? Ответь, и не забудь про кожаное. Целую, скучаю. У нас холодьюга, вчера был снег.

Мау

Приписка на полях:

У меня для тебя Альманах Дружбы Народов с моим Барсом в № 5 «Знамени» с моим переводом старого еврейского поэта.[2235]

М. б. пойдет моя проза о Пушкине.

Москва, 23-го мая 1941 г.

Дорогая Аля, мне очень неприятно, что я ничего твердого не могу тебе написать о Мулином приезде – я знаю, что это для тебя главное – но мне он о ходе своих хлопот подробно не рассказывает, вообще, он безумно занят, и видимся мы с ним сравнительно редко, чаще – созваниваемся. Знаю только, что он всё делает и сделает, а подробности он наверное тебе пишет сам. Да! Ужасно жаль, что он тебе моего Барса (Альманах Дружбы Народов) отправил без моей надписи, я так хотела тебе его надписать, п. ч. это мой первый перевод, сразу после Болшева и полусуществования у Лили – как только у меня оказался стол. Вчера Мур купил для тебя Новый Мир и Октябрь, в Новом Мире парижские стихи Эренбурга и хороший рассказ еврейского писателя Переца «Эпидемия», и повесть сказительницы Голубковой «Два века в полвека», и большая биография Крамского, вообще – интересный номер – Аля, я перепутала: это – в «Октябре», – а стихи Эренбурга – в Новом Мире. Словом, получишь и прочтешь. Сегодня я в последний раз прикладываю руку к своим Белорусским Евреям, мне там заменили, т. е. подменили ряд строк, но я всё расчухала – и взвыла – и настояла на своих. Книгу переводили трое: Державин, Длигач[2236] и я, и выходит она в срочном порядке. А сейчас мне предложили – из Консерватории – новые тексты к гётевским песням Шуберта: песни Миньоны. Не знаю тех переводов, но знаю, что именно эти вещи Гёте – непереводимы, не говоря уже о пригнании их к уже существующей музыке: ведь Шуберт-то писал – с Гёте, а я должна – чтобы можно было петь – писать с Шуберта, т. е. не с Гёте, а с музыки. Но даже вне этого: вот дословный перевод одной из лучших – все лучшие – тогда скажем: моей любимой песни Миньоны: – О, дай мне казаться, пока я буду (сбудусь, но это уже – толкование), а размер онегинский, не вмещающий. Такие вещи можно переводить только абсолютно-вольно, т. е. в духе и в слухе, но – неизбежно заменяя образы, а я этого – на этот раз – не хочу и не могу, ибо это – совершенно. Поэтому – отказываюсь: пусть портят: фантазируют или дают рифмованный подстрочник – другие. Для песен Миньоны стоит изучить язык. С такими требованиями к себе – ты сама понимаешь, что мне работать труднее, чем кому бы то ни было. Я сама себе препятствие. Моя беда, что я, переводя любое, хочу дать художественное произведение, которым, часто, не является подлинник, что я не могу повторять авторских ошибок и случайностей, что я, прежде всего, выправляю смысл, т. е. довожу вещь до поэзии, перевожу ее – из царства случайности в царство необходимости, – так я, недавно, около месяца переводила 140 строк стихов молодого грузина, стараясь их осуществить, досоздать, а материал не всегда поддавался, столько было напутано: то туманы – думы гор, то эти же туманы – спускаются на горы и их одевают, так что же они: думы – или покров? У автора – оба, но я так не могу, и вот – правлю смысл, и не думай, что это всегда встречается сочувственно: – «У автора – не так». – «Да, у автора – не так». Но зато моими переводами сразу восхищаются чтецы – и читатели – п. ч. главное для них, как для меня – хорошие стихи. И я за это бьюсь. – Прости, что

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru так много о себе, но мне, в общем, не с кем об этом говорить. Но, чтобы закончить: недавно телефонный звонок из «Ревю де Моску», – у них на руках оказались мои переводы Лермонтова, хотя – Колыбельную Песню, но – «замените четверостишие». – Почему? – Мне оно не нравится. – И так далее. Я сказала: – Я работала для своей души, сделала – как могла, простите, если лучше не могу. – И всё. – Не могу же я сказать, словами сказать, что мое имя – достаточная гарантия.

Аля! Приобретение в дом: я обменяла своего Брейгеля[2237] – огромную книгу репродукций его рисунков – на всего Лескова, 11 томов в переплете, и даже – переплетах, п. ч. разные, и весь Лесков – сборный, но – весь. Я подумала, что Брейгеля я еще буду смотреть в жизни – ну, раз десять – а Лескова читать – всю жизнь, сколько бы ее ни оставалось. И у меня остаётся еще другой Брейгель: цветной, такой же огромный, и которого уже не обменяю ни на что. Лесков – самый подержанный – стоит не меньше 350 руб., и я бы навряд ли его когда-нибудь купила. А так – тебе останется, п. ч. Мур навряд ли его будет любить.

– Переключка. Ты пишешь, что тебе как-то тяжелее снести радость, чем обратное, со мной – то же: я от хорошего – сразу плачу, глаза сами плачут, и чаще всего в общественных местах, – просто от ласковой интонации. Глубокая израненность. Но я – от всего плачу: просто открываю рот как рыба и начинаю глотать (давиться), а другие не знают куда девать глаза.

У Мура сейчас экзамены, сдал алгебру на «хорошо» и физику на «посик» (так у них нежно зовут «посредственно»), а нынче – такое происшествие: сидим у стола: он за учебником литературы, я за своими Белорусскими Евреями, – половина десятого – в коридоре гремят каменщики (капитальный ремонт, по всему дому сменяют газ) и – нечто вроде легчайшего стука. Да. Стучат. Ученица. – «Здесь живет такой-то? Так что ж он не идет на экзамен?» Оказывается – экзамен (сочинение) в 9 ч. утра, а он твердо был уверен, что в 12 ч. – и вообще мог уйти на бульвар читать газету, или (мания!) стричься.. Хорошо еще, что школа – рядом. Рассеянность его неопишима: из-за ремонта не ходит лифт, так неизменно, проскакивая 7-ой этаж, подымается на чердак, на метро едет в обратном направлении, платит за плюшку и забывает взять, берет – и забывает съесть, только одно помнит: калоши, с таким трудом давшиеся – из-за непомерности номера (14, но папе я достала и передала – 15-тый!!) – которые он держит в парте и с которых глаз не сводит – к великому изумлению учеников и учителей. В письме от 16-го я послала тебе его паспортную карточку. Твое последнее письмо (второе) было от 2-го мая, получила его 16-го, и в тот же день ответила, а 18-го (в день нашей встречи с папой 30 лет назад) отправила тебе открытку. – Дошли ли посылки?? Если да, жажду знать как получила. Пиши про здоровье. Я тоже – мгновенно простужаюсь, всю зиму из простуды не вылезала, простудила себе (сама виновата) всю зиму лежа у незамазанного окна (там – еда) весь правый бок: плечо, легкое, руку, всё – ноет, и руку без боли не могу поднять, невралгия или ревматизм, какая-то гадость, но м. б. пройдет летом. У нас не май, а октябрь, но м. б. и лучше, у меня от хорошей погоды – лютая тоска, а так – серо, и как будто ничего.. В том письме подробно писала тебе про папину вещевую передачу: взяли всё основное, кроме очень уж зимнего (валенки, меховая шапка, такое) и подушки. Списка не было, поэтому я в точности не знала, что можно, и понесла на авось – всё. Теперь у него прочный (Мурин) костюм, хорошие башмаки, с калошами, серое пальто, положенное на шерстяную вату, и белье, и носки (всякие), словом – всё основное.

Скоро получишь книжную посылочку. А пока – целую тебя, желаю здоровья и бодрости.

Посылаю: нас с Муром на лесенке, и Мура – трехлетнего, в парке. У меня для тебя множество карточек.

Мау

Москва, 29-го мая 1941 г., четверг

Дорогая Аля, узнала от Мули, что ты получила книги и, в частности моего Барса, только жалею, что отослал без моей надписи, – я так хотела тебе его надписать, – ведь это была моя первая работа, сразу после Болшева и Лили, как только у меня оказался стол. Скоро выходит очередная Дружба Народов, с моими поляками и частью моих евреев, пришло непременно. [2238] – Твое последнее письмо (второе), от 2-го мая, получила 16-го, 16-го же ответила, а 18-го отправила открытку – так как это было тридцатилетие нашей встречи с папой – вспомнил ли? – 5/18 мая 1911 г., в Коктебеле, и 22-го или 23-го еще письмо, и Мур – письмо, с двумя старыми фотографиями. В том, от 16-го была Мурина паспортная карточка – от 15-го, п. ч. паспорт он, наконец, получил, и даже – книжку, и даже – на пять лет. У него сейчас экзамены. Сочинение – Родина в Слове о Полку Игореве – отлично, и устная литература (отвечал последним и вытащил первый билет!) – отлично. Черты классицизма в Недоросле. – Оды Ломоносова. – Творчество Пушкина до 1817 г. Вообще, он лучший ученик по русскому: к нему обращаются за правильностью ударений, и нужно сказать, что филологическое чутье у него – непогрешимое. Завтра – геометрия, потом анатомия, и – конец делу венец – (тьфу, тьфу!) – французский.

– Неожиданно вернулась с Кольского Полуострова половина наших хозяев, а именно хозяйка со старшей девочкой, которая, катаясь с горы на санках, налетела на телеграфный столб и раздробила себе тазобедренную кость. На днях приедет хозяин с младшей девочкой (21/2 года), но, кажется, опять уедет, п. ч. у него договор на 2 года. Не знаю, что будет с нами, т. е. удовлетворится ли хозяйка (очевидно, остающаяся) – хотя и громадной, но одной комнатой на четырех человек: себя, старшую дочь и двух младших. Если нет, кому-нибудь из жильцов придется съезжать, м. б. – нам, п. ч. такая возможность, с предупреждением за месяц, оговорена в договоре. Жаль будет района, просторного и тихого, бульвара, вида, газа, близости метро и трамваев, с трудом усвоенной местности. И, вообще, кошмар переезда – неизвестно куда: ведь мы эту искали месяцев шесть. Но, может быть – обойдется.

У нас нынче заканчивается капитальный ремонт, длившийся 2 месяца – меняли газовые трубы – и мы жили, засыпанные известкой, не только мы, но всё: еда, даже покрытая, книги, одежда, – всё было седое. Коридор был груда развалин: сначала выбили полстены, потом проббили потолок, потом – пол, и я свои огромные кипящие кастрюли носила, танцуя с уступа на уступ или крадясь под балками, и раз чуть не провалилась в нижний этаж, пока еще не заложили досками, – из нашей квартиры в нижнюю и так – семь этажей подряд – до самого низу – был сплошной пролет, и весь дом жил одной жизнью – очень громкой. Но нынче – кончено.

– Милая Аля, дошли ли, наконец, посылки, и как получила, открывала, вынимала и т. д., напиши подробно. Муля мне сказал, что обо всех приездных делах пишет тебе сам, чем с меня снимает гору: я знаю, что это для тебя – главное, а я как-то не решаюсь его спрашивать, знаю, что малейшую удачу сообщит сам. Вчера была у Лили, она всю зиму болеет (сердце и осложнение на почки, должна есть без соли, и т. д.), – месяца два не встает, но преподавание продолжает, группа из Дома Ученых, которую она ведет, собирается у нее на дому, и вообще она неистребимо-жизнерадостна, – единственная во всей семье, вернее – точно вся радость, данная на всю семью, досталась – ей. Она очень обрадовалась, узнав, что ее весточка дошла. Дошло ли письмоцо Нины? – Все твои вещи: игрушки и книги и много карточек, не говоря уже о крупном, у Лили в полной сохранности, и я ни одной из твоих книг, мне предназначенных, не взяла, – слишком грустно! – но читала их, с грустью и благодарностью, когда мы там жили, по ночам, под твоим же зеленым одеялом. Усыновила я – временно – только твою лубяную банку, держу в ней бусы.

Это – пустяки, но м. б. тебе будет интересно: из большевского хозяйства уцелела твоя детская ванна, спасавшая и спасающая меня, твоих два ножа и тот «с головкой», который мне вернули вторженцы, приняв львиную голову за женскую, – и еще ряд мелочей, и жидкая растрата. Из твоих вещей, вообще, не пропала ни одна: всё были увезены Мулей и Ниной, да и наше долго было цело, п. ч. мы с Мулей наезжали и топили хворостом моего запаса, но потом из-за дальности

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
расстояния (Голицыне – Болшево) и лютой зимы и, главное, Муриных непрерывных
болезней – не смогли, и тут-то и взломали, и вселились, и разграбили, теперь их
уже нет, дача отошла Экспортлесу. Помнишь огород и белую лошадь, которая в одну
из последних ночей всё пожрала и потоптала? Как мы ее гоняли! Она была
спутанная, страшная, ночь была черная, до сих пор слышу ее топот. Мура тогда
подняли с постели и мы втроем гонялись. Я больше никогда не буду жить за
городом.

Папе 27-го передачу приняли и я подала очередную просьбу о продовольственной. О
вещевой тебе уже писала, повторю вкратце: так как я не знала что – я принесла
всё, и всё основное приняли, не приняли только очень зимнего (две зимы искала
ему валенки и, наконец, нашла: гигантские! лежат в шкафу в нафталине) и еще
подушку. Но все-таки он будет одет. Его серое пальто Зина положила на шерстяную
вату, сделали и снимающийся меховой воротник. О пальто (пишу в каждом письме,
прости за скуку!) – нужно ли тебе мое синее, хотя поношенное и не очень уж
синее, но прочное, теплое, легкое и абсолютно-непромокаемое? Лиля и Муля
говорят, что оно как-то неуместно, но тебе видней и только ты можешь решить.
Ведь с одним черным (новым) ты не обойдешься. Все другие поручения помню и
выполню – только бы Муля поскорей собрался!

Мечтаю послать тебе два номера Интернациональной Литературы с романом негрского
писателя Райта – Сын Америки. [2239] Ничего страшнее я не читала. Очень сильная
вещь, но какая-то невыносимая, во всяком случае – не по моим силам. Вчера читала
до 3 ч. утра и во сне сочинила конец, и каков мой ужас, когда – оказывается –
еще пятьдесят страниц мытарств! Мне очень интересно что ты о ней скажешь. А так
– перечитываю сейчас – Лескова, которого не читала с 1913 г., когда жила в
Феодосии.

Конец мая, а серб, холодно, дожди, деревья еле и вяло запустились, но мне так
легче: совсем не хочется лета с его роскошью и радостью. Никуда не поедем, будем
ездить загород к Лиле и к одной старушке-переводчице, [2240] которая очень нас
любит с Муром. У меня от мысли о загороде – просто содроганье. Пиши о погоде – у
вас, как идет весна, есть ли новое в севере. Мне все советуют съездить в
Коктебель, ни за что не поеду – никогда – и никто не хочет понять – и
расхваливают: красоты природы, веселье жизни. Я недавно подумала, что
привязанность дело длительное: чтобы привязаться, нужно сжиться, а у меня уже
времени на это нет, да и охоты, да и силы. Кончаю, нужно греть ужин, и хочу
чтобы письмо пошло нынче же. В последнем послала тебе Мура – маленького, в
парке, и нас с Муром в 1935 г., на лесенке. Вот еще две, была бы счастлива, если
бы дошли.

Рукой Г. С. Эфрона:

Милая Аля, пишу на свободном мамином кусочке. Экзамены идут хорошо. Завтра –
геометрия. Испытания надоели – скоро кончатся. Но все-таки с кем-то
разговариваешь, общаешься. У нас в доме кончается ремонт. Сажу дома и слушаю
радио.

Целую крепко.

Мур

РОДЗЕВИЧУ К. Б
Прага, 23-го Декабря 1923 г.

Мой родной,

я не напоминаю Вам о себе (Вы меня не забыли!) я только не хочу, чтобы Ваши
праздники прошли совсем без меня.

Расставшись с Вами во внешней жизни, не перестаю и не перестану –

Впрочем, Вы все это знаете.

МЦ.

А на прилагаемую мелочь – не сердитесь (не сёрдитесь?) право выручить Вас – мне, и Вам – меня, это жалкое право мы ведь сохраняем? Буду думать о Вас все праздники и всю жизнь. [2241]

В КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ И В СОЮЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ

1

В Парижский Комитет помощи русским писателям и ученым:

Ссуду в размере 275 французских франков (400 чешских крон) с благодарностью получила.

Марина Цветаева

Прага, 4-го марта 1924 г.

2

В Комитет помощи русским ученым и журналистам

Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Покорнейше прошу Комитет о предоставлении мне пособия.

Марина Цветаева-Эфрон

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd 14-го января 1927 г.

3

В Комитет помощи русским ученым и журналистам в Париже

Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Покорнейше прошу Комитет не отказать выдаче мне пособия, в котором очень нуждаюсь.

М. Цветаева-Эфрон

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd 25-го марта 1927 г.

4

В Комитет помощи русским писателям и ученым в Париже

Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Находясь в крайне-затруднительном материальном положении сердечно прошу Комитет оказать мне посильную помощь.

М. Цветаева-Эфрон

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

18-го марта 1928 г.

5

В Комитет помощи русским писателям и ученым.

Покорнейше прошу Комитет не отказать мне в пособии, в котором очень нуждаюсь.

Марина Цветаева

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

12-го декабря 1928 г.

6

В Союз русских писателей в Париже

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Покорнейше прошу Комитет оказать мае посильную помощь. Муж болен (туберкулез), дочь учится и нужно платить за школу, [2242] литературного заработка никакого, – положение ужасное.

Марина Цветаева

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

6-го января 1931 г.

7

В Комитет помощи ученым и журналистам

Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Прошу уделить мне пособие из сумм, собранных на новогоднем писательском вечере.

Материальное положение мое крайне тяжелое.

М Цветаева. Адрес с 15-го января

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Camot

6-го января 1933 г.

8

В Союз писателей и журналистов

Покорнейше прошу Союз Писателей и Журналистов уделить мне что-нибудь с писательского новогоднего вечера.

С благодарностью заранее

Марина Цветаева

Vanves (Seine)

65. Rue J. B. Potin

2-го января 1937 г.

Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции образован в 1919 г. Основной формой его деятельности были благотворительные инициативы. Комитет, как записано в его обращении к русской эмиграции от 15 декабря 1927 г., охранял «благодаря теплой отзывчивости широких кругов эмиграции, с любовью и бережностью, даже в самые тяжкие времена изгнания, свою литературу, свою науку».

В 1930-х годах денежную помощь писателям распределял непосредственно Союз русских писателей (литераторов) и журналистов в Париже.

Сохранилось еще несколько расписок Цветаевой:

1.1

четыреста (400) франков от «Общества помощи писателям и журналистам» с благодарностью получила.

Марина Цветаева

Париж, 11-го декабря 1925 г.

(Архив С. В. Познера)

1.2

Расписка

Получила от Правления Союза Русских Литераторов и Журналистов в Париже сто шестьдесят франков, каковые обязуюсь возвратить Правлению при первой возможности. По доверенности матери своей М. И. Цветаевой.

Ариадна Эфрон

Париж, 1933 года февраля 4-го дня.

1.3

Расписка

Париж, 1933 года Июня 10 дня выдал эту расписку Правлению Союза русских литераторов и журналистов в том, что сего числа получила от него ссуду в сумме ста пятидесяти франков, каковую обязуюсь возвратить Союзу при первой возможности.

По доверенности матери своей Марины Цветаевой дочь ее

Ариадна Эфрон

1.4

Расписка

1933 г. октября 13 дня выдала расписку эту Правлению Союза русских литераторов и журналистов в том, что получила сего числа ссуду в сумме ста франков, каковую обязуюсь вернуть при первой возможности.

По доверенности матери своей Марины Цветаевой

Ариадна Эфрон

1.5

Расписка

4 декабря 1933 получила от Правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже в ссуду сто (100) франков, каковые (?) возвратить при первой возможности

По доверенности матери своей Марины Цветаевой

А. Эфрон

1.6

Расписка

Париж 1937 года февраля 3-го дня

Получила в ссуду от Союза Русских Литераторов и Журналистов в Париже сто пятьдесят франков, каковую сумму верну Союзу при первой к тому возможности.

Подпись: М. Цветаева.

Почти одновременно с прошением Цветаевой в Комитет помощи пришло письмо в ее поддержку:

Мы, нижеподписавшиеся, сим удостоверяем, что Марина Ивановна Цветаева сейчас в большой нужде и просим Союз оказать ей возможную помощь.

Л. Шестов, Н. Бердяев.

Париж, 14-го марта 1928 г.

Аналогичная просьба содержится в другом письме, хранящемся в том же архиве. Написано оно казначеем Комитета М. С. Цетлиной на имя его председателя И. Н. Ефремова:

Глубокоуважаемый Иван Николаевич,

По независимым от меня обстоятельствам я м. б. не смогу присутствовать сегодня на заседании. Очень прошу обратить особое внимание на заявления по поводу П. Б. Струве и Марины Цветаевой, находящихся в исключительно тяжелых условиях.

Примите мои приветы. Мария Цетлина.

Не позднее 21-го марта 1928 г.

Примечания

1

Цветаева с мужем отвезли Ариадну в Моравскую Тшебову, маленький городок на границе с Германией. Сюда была переведена из Константинополя русская гимназия-интернат для детей беженцев. Проведя несколько дней в Тшебове, родители Али вернулись в Прагу.

2

В распоряжение гимназии был предоставлен военный лагерь, оставшийся после первой мировой войны.

3

«Все, что не глупо, то печально – и все, что не печально, то глупо!» (фр.)

4

Цветаева с мужем приехали в Тшебову навестить дочь на рождественские дни.

5

«Поэма Горы».

6

Оболенский Сергей Владимирович

7

Рейтлингер К. Н. – молодая приятельница Цветаевой, постоянно сопровождавшая ее в Праге; в то время студентка строительного-архитектурного отделения Пражского политехнического института.

8

К. Н. Рейтлингер вместе с сестрой принимала активное участие в организации и жизни православного студенческого движения, в конце 1924 г. она была делегирована на международную христианскую конференцию, проходившую в Манчестере. На обратном пути из Англии заехала в Париж, где была радушно принята Оболенскими.

9

О. Е. Колбасина-Чернова

10

М. Твен «Приключения Тома Сойера».

11

Стихотворение М. Цветаевой «Полотерская»

12

Чердачное (Из московских записей 1919–1920 гг.)

13

Заметка в «Пражском литературном „Спроводе“ под названием „Vynikající členové ruské emigrace v Praze“ („Выдающиеся представители русской эмиграции в Праге“) с приложением их фотографий.

14

П. Б. Струве.

15

„Ты этого хотел, Жорж Данден!“ (фр.)

16

Имеется в виду одно из первых жилищ Цветаевой и ее семьи под Прагой

17

Сестры-близнецы Ольга и Наталия.

18

Сын М. Цветаевой

19

Текст письма поврежден

20

Пьеро – традиционный персонаж народного театра (итал., фр.), отличающийся простодушием и печалью. Арлекин – его счастливый соперник.

21

Рудин А. К. – литературный критик, соредатор С. Я. Эфрона по пражскому журналу „Своими путями“.

22

Дружеская кличка Е. А. Сталинского.

23

Приписка рукой Али в духе шуточной семейной игры. В эту игру были посвящены и Черновы.

24

Приписка к письму Али

25

Вероятно, Софья Самойловна Морковина

26

В. М. Чернов.

27

Яковлев И. И.

28

Здесь: „отрава“ (фр.).

29

Издательство „Пламя“.

30

Приписка к письму Али

31

Розенталь Л. М. – богатый ювелир, материально помогал писателям.

32

Так, звали сына царя Александра II

33

Замок принца Кинского, где находится этнографическое отделение пражского Национального музея.

34

Шебеко В. И. – статс-дама при дворе Александра II. Была приставлена к маленькому Георгию и ревниво относилась к горничной В. Н. Боровиковой. Цветаева, вероятно, имеет в виду мемуары этой горничной

35

Знаем мы этих родственников! Вроде моих гостей из „Мтлодца“ (Приписка на полях.).

36

Беляев Н. М.

37

Ничего (нем).

38

Ничего (фр.).

39

Единственное утешение (отрада) после содеянной глупости в том, что ты сделала ее сама (фр.).

40

Как картежник при своей тачке (фр.).

41

А. З. Туржанская. Лелик – Олег Туржанский, ее сын.

42

Что скажут об этом (фр.).

43

Обложку для „Мтлодца“ выполнил художник Н. И. Исцеленнов.

44

М. Л. Слоним. Дорогой – его дружеское прозвище.

45

М. Н. Лебедева.

46

В. И. Лебедев.

47

Дочь К. Д. Бальмонта.

48

Е. К. Цветковская, жена К. Д. Бальмонта.

49

Так, Аля в шутку называла О. Е. Колбасину–Чернову.

50

Согласно уже упомянутой семейной игре у С.Я. Эфрона было два „Я“

51

Здесь: день работы Больших фонтанов (фр.).

52

Розенталь в переводе с немецкого – долина роз.

53

Речь идет о замысле Ариадны Черновой написать воспоминания о своих злоключениях в послереволюционной России.

54

„Девочка во времена Террора“ (фр.).

55

Автор книги – Алиса Миллер.

56

Секрет Полишинеля (фр.)

57

После разгона в 1918 г. Учредительного собрания его бывшему председателю В. М. Чернову приходилось скрываться от ЧК. Его семья была арестована, а одиннадцатилетняя Ариадна Чернова помещена в детскую колонию в Серебряном Бору

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
под Москвой.

58

Жена члена Президиума ВЦИК Ю. М. Стеклова, Дивильковская, хлопотала перед Дзержинским об освобождении дочерей В. М. Чернова из тюрьмы. Ей это удалось, и какое-то время сестры Черновы жили у Стекловых под их поручительство.

59

Пишите прозу, не думая, что пишете ее (фр.).

60

Мякотин В. А.

61

Человеческий документ (фр.).

62

Чешск. „zachod“ – туалет.

63

пережитое (фр.).

64

Стихотворение на случай (нем.).

65

Пешехоновы – Алексей Васильевич и его жена. Статистик, известный публицист, видный сотрудник журнала „Русское богатство“.

66

Любительский спектакль по пьесе А. Н. Островского.

67

Реплика Бориса

68

Коваленская Н. Г.

69

Т. е. купленном на стипендию („иждивение“).

70

русский стиль (фр.).

71

Имеется в виду „Дневник“ Марии Башкирцевой.

72

Башкирцева М. С.

73

Ф. А. Степун – автор романа „Николай Переслегин“, заполонившего в 1923–1925 гг.

74

Немецкая транскрипция фамилии Ляцкий.

75

Подворье – уместная церковь Сергиевского подворья, располагавшаяся неподалеку от улицы Руже. Речь идет о венчании К. Б. Родзевича и М. С. Булгаковой.

76

В. Б. Сосинский.

77

Д. Г. Резников

78

М. С. Булгакова.

79

После поэм „С моря“ и „Попытка комнаты“ – поэма „Лестница“

80

руководитель французской социалистической партии, основатель газеты „Юманите“.

81

В шутку неправильно произносимое в семье Цветаевой слово „шерсть“.

82

Вацлавское наместье – центральный проспект Праги.

83

В. М. Чернов. К этому времени О. Е. Колбасина-Чернова и В. М. Чернов уже разошлись.

84

Предстоял отъезд Карбасниковых в Париж

85

С. В. Завадский.

86

Дети Карбасниковых: Игорь (8 лет), Наталья (11 лет), Софья (13 лет).

87

Рецензия Г. Адамовича на статью Цветаевой „Кедр. Апология“ и подборку ее стихов, опубликованных в пражском сборнике „Записки наблюдателя“ в 1924 г.

88

Роман „Последний день“

89

Гапон Георгий Аполлонович – священник, агент охраны

90

Рынок угля (чешск.). – Название площади в старом городе Праги

91

По „Ковчегу“.

92

А. З. Туржанская.

93

Аде 25 декабря должно было исполниться 16 лет, а Але в сентябре пошел 13-й год.

94

Двухтомный труд немецкого ученого Эрвина Родэ „Психея: культ души и вера в бессмертие у греков“

95

Название книги на греческом языке

96

Легкомысленная пастушка,

я опасюсь твоих чар, –

Твоя душа загорается,

Но любви в тебе нет... (фр.).

97

Дзен П. А. – друг О. Е. Колбасиной-Черновой. Болел туберкулезом

98

Кессель Жозеф – французский писатель русско-еврейского происхождения, журналист

99

Августейшая – императрица Мария Александровна, супруга Александра II.

100

Эта поэма имела посвящение А. А. Чаброву-Подгаецкому.

101

Речь идет о пересылке О. Е. Колбасиной-Черновой в Париж ее чешского „иждивения“.

102

М. Л. Заблоцкий

103

Теперь у меня было бы две (фр.).

104

Цветаева предполагала назвать будущего сына Борисом в честь Б. Пастернака.

105

Если это будет Борис (фр.).

106

Воспоминания С. В. Завадского „На великом изломе“

107

Имеется в виду рассказ О. Е. Колбасиной-Черновой, предназначенный для второго сборника „Ковчега“

108

Племя североамериканских индейцев.

109

„Мечта“ Золя (фр.).

110

„Новые сказки феи“ г-жи де Сегюр в серии „Розовая библиотека“ (фр.).

111

Каноник Шмидт (фр.). – сборник сказок немецкого католического писателя Йохана Христофа фон Шмидта, переведенный на французский язык.

112

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Под ред. А. К. Рудина, А. И. Федорова и С. Я. Эфрона

113

Л. Е. Чирикова, по мужу – Шнитникова.

114

Имеется в виду стихотворение Ш. Бодлера „Альбатрос“.

115

Зензинов Владимир Михайлович сотрудничал в „Днях“ и „Современных записках“.

116

Геллер – сотая часть кроны.

117

С. Я. Эфрон был принят в Союз русских писателей и журналистов на годовом собрании 1924 г.

118

Я на глазах уступаю (фр.).

119

Делает небольшой обход, чтобы доставить себе удовольствие (фр.).

120

А. З. Туржанская.

121

Булгаков С. Н. (о. Сергей Булгаков)

122

„Песни опьянения“ Ф. Ницше

123

Лапшин И. И. – историк литературы и музыки.

124

Далее запись стихотворения Цветаевой „Попытка ревности“)

125

секретарь Е. А. Ляцкого по издательству „Пламя“

126

М. Н. Лебедева.

127

живот (чешск.)

128

художественный фильм немецкого режиссера Фрица Ланга. В роли Зигфрида снялся П. Рихтер.

129

Н. И. Исцеленнов и его жена М. А. Лагорио, художница

130

Марка папиросных гильз

131

Каллиников И. Ф. – прозаик, поэт, переводчик

132

А. А. Тесковой.

133

Евгений Александрович, она Александра Владимировна (примеч. М. Цветаевой).

134

Срочная депеша (фр.).

135

Квартира Черновых на улице Руже находилась неподалеку от городских скотобоен Ла Виллетт.

136

Минахорьян Вахан – бухгалтер журнала „Воля России“.

137

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дочь В. И. и М. Н. Лебедевых.

138
Пьерро (фр.). – сын Яковлевых.

139
Графиня де Сегюр. Новые сказки феи (фр.).

140
Коротко и ясно (фр.).

141
А. В. Оболенский.

142
Пьеса А. М. Ремизова „Действо о Георгии Храбром“.

143
„все позволено“ – выражение из романа Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“.

144
Бесталанно (фр.).

145
Труппа, созданная группой актеров Московского Художественного театра, которые отказались возвращаться в Советскую Россию после зарубежного турне.

146
Лавочник Баллоун держал лавку на площади в Горних Мокропсах.

147
Зачем? (фр.)

148
Здесь: не сбылась моя жизнь, замысел ее (фр.).

149
Александра Владимировна Оболенская, приняла в 1937 г. монашество под именем Бландины.

150
Крик души (фр.).

151
Статья–рецензия Саши Черного на книгу А. Ремизова „Кукха“

152
Стихи 1921–1922 гг.

153
Издание сборника пьес в издательстве „Пламя“ осуществлено не было.

154

Мельгунов С. П. – общественный деятель и историк

155

„Мои службы“ все-таки были позднее напечатаны в журнале „Современные записки“ (1925, № 23).

156

Ф. А. Степун одно время фактически был редактором литературного отдела „Современных записок“, и рукописи обыкновенно посылались ему на отзыв

157

празднование 80-летия В. И. Немировича-Данченко.

158

Под этим названием Цветаева собиралась издать сборник своих пьес 1918–1919 гг.

159

Из стихотворения М. Цветаевой „Сивилла – младенцу“.

160

С. Н. Булгаков.

161

М. С. Булгакова

162

Цитата из первой части „О монашеском житии“ „Часослова“ Рильке (нем).

163

Стихи Цветаевой „Занавес“ и „Сахара“ были опубликованы в 3-й книге журнала.

164

В конце письма Ариадны Эфрон, датированного тем же числом рукой С. Я. Эфрона сделана приписка, в которой он сообщает, что „удалось и на январь месяц получить Ваши деньги (400 крон)“

165

Чем больше перемен, тем больше все остается по-старому (фр.).

166

гостиница в Праге, в которой часто жили русские.

167

А. И. Андреева.

168

В № 3–4 (январь – февраль 1925) „Своими путями“ была опубликована статья С. Я. Эфрона „Церковные люди и современность“.

169

„Поэма Горы“

170

Почтовая открытка (фр.).

171

Вы сами теперь увидите (фр.).

172

Мармеладова – персонаж романа Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“. Мармеладовы снимали угол у Амалии Федоровны Липпехель.

173

Зачем в твоём небесном творении столько разнообразия – и так мало согласия?! (фр.) Из стихотворения французского поэта-романтика Альфреда де Мюссе.

174

Небесном (фр.).

175

Земном (фр.).

176

Русская (чешск.).

177

сестра К. Н. Рейтлингер.

178

Книга Е. А. Ляцкого „Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт“.

179

Гора родила мышь (фр.).

180

Вера Александровна (урожденная Пелопидас)

181

Мельникова-Папоушек Н. Ф. – критик

182

Персонаж „Мертвых душ“ Н. В. Гоголя, слуга Чичикова.

183

Роман генерала П. Н. Краснова „От Двуглавого Орла к Красному знамени“

184

Приписка Цветаевой на обороте письма С. Я. Эфрона.

185

Одна – в Париже, другая – в Праге (фр.).

186

Н. А. Тэффи.

187

Возможно, Ф. Б. Скворцов, сотрудничавший в журнале „Своими путями“.

188

„Четверостишия“, М. Цветаева.

189

С. Л. Андреев.

190

Остров, на который был сослан Наполеон.

191

А. А. Тескова.

192

Армия спасения (чешск.).

193

Здесь: от этого дела не продвигаются (фр.).

194

Ибо где я согнут – я солган! (нем.).

195

Замок XIV в. в центре Праги.

196

Соломон – израильский царь, сын и преемник царя Давида.

197

Кондаков Н. П. – выдающийся историк

198

7 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге бомбой был убит народовольцами Александр II.

199

Дружеские прозвища своих знакомых Цветаева писала как с прописной, так и со строчной буквы.

200

Я была создана для счастья, но

Зачем в твоём земном творении

Столько разнообразия – и так мало согласия (фр.).

201

Старший сын Иакова, отличавшийся невинностью и простосердечием (библ.)

202

Кто раз соврал, ему не верят, // Даже когда он правду говорит (нем.).

– Из стихотворения „Лжец“ немецкого поэта Людвиг Генриха Николаи.

203

Вероятно, речь идет об актрисе еврейского театра-студии „Габима“ Шошане Авивит. Летом 1924 г. актриса выступала в Париже. Бальмонт посвятил ей стихотворение „Шошана Авивит“.

204

Строка из стихотворения В. Брюсова „Женщине“

205

Савинков Н. В.

206

Савинкова В. Н.

207

Черни А., немецкий педиатр.

208

Система кормления смесью муки, молока и масла (нем.)

209

Первая строфа стихотворения М. Цветаевой „Глаза“.

210

От „дека“ (десять) (греч.).

211

Карницкая.

212

М. К. Бальмонт.

213

Все, что не печальнее – глупо и все, что не глупо, печально (фр.).

214

Скорбные песни, элегии (лат.).

215

член Земгора в Праге, занимался книжными делами

216

Полная, по всем статьям (фр.).

217

Хороших данных (фр.).

218

желании (фр.).

219

Швейцарская пищевая компания.

220

Пьеса Е. Н. Чирикова „Колдунья“

221

А. К. Рудин. Переехав в Ригу, публиковался в журнале „Перезвоны“ и газете „Сегодня“

222

Под общим заголовком „Из книги Юношеские стихи“ в „Воле России“ были напечатаны в 1925 г. стихи „Аля“ и „Уж сколько их упало в эту бездну...“).

223

Барсик – одно из семейных прозвищ сына Цветаевой

224

Здесь: неизвестность (нем.).

225

Из стихотворения Н. С. Гумилева „Канцона первая“ (1919)

226

Поэма „Крысолов“ 1925 г. У Г. Гейне той же теме посвящено стихотворение „Бродячие крысы“.

227

От фр. „gentille“ – вежливый, обходительный.

228

„Розали и серая мышь“ (фр.).

229

Чем хуже, тем лучше (фр.).

230

Л. М. Розенталь.

231

Записку (фр.).

232

Вадим Андреев.

233

Красавица Мирона (фр.). Вероятнее всего, работа древнегреческого скульптора Мирона „Афина и Марсий“

234

Сына М. Цветаевой крестил о. Сергей Булгаков.

235

Нет, только не это (фр.).

236

Кот Мурр (нем.).

237

Дом на колесах (фр.).

238

Рушащийся дом (фр.).

239

„Медвежонка“,

240

„Русоголовку“ (фр.).

241

Молоко, источающее слезы раскаяния (фр.).

242

Жена Б. К. Зайцева.

243

Черни Карл

244

Негритенок (нем.).

245

Счастлив, счастлив (фр.).

246

Нечто неизвестное (лат.).

247

Стихотворение из цикла, обращенного к Н. Н. Вышеславцеву.

248

В. Л. Андреев.

249

Ничего (фр.).

250

А. И. Андреева.

251

А. В. Белобородова.

252

Б. В. Савинков 7 мая 1925 г. якобы выбросился из окна тюрьмы, где содержался после тайного перехода границы и ареста советскими пограничниками.

253

Н. Карницкая.

254

Книга вышла под названием „После России“ (1928).

255

Драматическая трилогия „Гнев Афродиты“. 1-я часть – „Ариадна“

256

Рассказ, предназначавшийся для альманаха „Ковчег“.

257

нарочно пишу через я

258

Крестные мать и отец Мура

259

До свидания (нем.).

260

А. И. Андреева.

261

Имеется в виду намерение Вадима Андреева жениться на Ольге – дочери О. Е. Колбасиной-Черновой.

262

Госпожа Цветаева (чешск.).

263

Ховин В. Р. – поэт, критик, издатель.

264

Речь идет о А. И. Андреевой.

265

Роман Кесселя „Слепые короли“. Юсупов Ф. Ф., князь, организовал убийство Распутина.

266

В. Б. Сосинский.

267

Шмелев Иван Сергеевич – один из виднейших писателей русского зарубежья.

268

Т. е. „Героя труда“

269

Рецензия А. В. Черновой на „Мулодца“, опубликованная в журнале „Благонамеренный“

270

Реплика Ниночки Бальмонт, дочери поэта

271

Цветаева, по недоразумению, думала, что Адя Чернова выходит замуж за Вадима Андреева. Вадим „сватался“ к сестре Ади Ольге, что позднее разъяснилось

272

Инженер Кист А. А.

273

Французский консул, знакомый М. Л. Слонима

274

Удостоверение личности

275

Д. Г. Резников.

276

Вечер, на котором Цветаева читала свой очерк о В. Я. Брюсове „Герой труда“, в Чешско-русской Едноте.

277

Хорошая мина при плохой игре (фр.).

278

Ольга Чернова.

279

От фр.: dormeuse – дорожная карета.

280

В. М. Чернов.

281

личная тетрадь; дневник (фр.)

282

Личность (фр.).

283

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
„Слепые короли“ (фр.).

284
Л. Е. Чирикова.

285
Шезлонг (фр.).

286
„С моря“ и „Попытка комнаты“.

287
С. Н. и Е. С. Булгаковы.

288
Имеется в виду отъезд с детьми на летний отдых в вандейскую деревушку Сен-Жиль-сюр-Ви.

289
Д. П. Святополк-Мирский.

290
В этом виноват парижский воздух (фр.).

291
Удостоверение личности (фр.).

292
Ла Виллетт (фр.). – Название парижского квартала, где жила Цветаева.

293
В. Б. Сосинский.

294
Йер (фр.). – Курортный городок на средиземноморском побережье Франции.

295
Знакомство М. Цветаевой с Е. А. Ляцким началось, вероятно, в 1922 г. в Берлине. В 1923 г. Е. А. Ляцкий организовал в Праге издательство „Пламя“, в котором была выпущена поэма-сказка Цветаевой „Мулодец“.

296
О. Е. Колбасина-Чернова.

297
Е. А. Ляцкий ходатайствовал о помощи для О. Е. Колбасиной-Черновой перед Михаилом Лазаревичем Заблоцким, членом Объединения Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (пражский Земгор).

298
Персонаж романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса „Дон-Кихот“.

299

Речь идет об одном из курсов по истории славянских литератур.

300

В январских письмах 1925 г. речь идет о подготовке к изданию первых сборников „Ковчега“.

301

С. В. Завадский

302

Гонорар в издательстве „Пламя“, которое возглавлял Е. А. Ляцкий.

303

В. И. Немирович-Данченко.

304

В. И. Немировичу-Данченко праздновал свое 80-летие

305

Речь об объеме его рукописи

306

„Поэма любви“ К. Д. Бальмонта („Первая любовь“). Однако не состоял членом Союза русских писателей в Чехословакии»

307

который уже написал Бальмонту, что поэма будет принята

308

О публикации посвящения стихотворения А. А. Туринцева «Музыка» М. Цветаевой.

309

Из-за уменьшения объема сборника «Песни восточных славян», записанные В. Нечитайловым, не были включены

310

Для первого выпуска «Ковчега» редакции удалось заполучить от Д. Крачковского очерк «Vita crusiata. Сибирь».

311

Булгаков находил, что Крачковский внешне напоминает Гоголя. Известна его фраза «Мой Гоголь падает».

312

При издании сборника было оговорено право перевода на все языки

313

Ты этого хотел, Жорж Данден! (фр.) – герой комедии Мольера «Жорж Данден». Dandin – простофиля, увалень (фр.).

314

Речь идет о включенном во второй выпуск «Ковчега» отрывка из повести И.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Каллиникова «Безумная».

315
Известная повесть И. Каллиникова «Баба-змея».

316
Что его рассказ пойдет не в первом, а во втором выпуске сборника из-за публикации в первом выпуске большого рассказа юбиляра – В. И. Немировича-Данченко.

317
Из «Ответа на анкету» 1926 г. – «Был бы щит, начертала бы 'Ne daigne'».

318
С. А. Толстая, жена писателя.

319
Статьи С. В. Завадского «О русском языке», А. А. Кизеветтера «Заметки о Пушкине» и С. Булгакова «Что такое слово».

320
Мальчик на побегушках (фр.).

321
«Поэма Конца» М. Цветаевой и «Замолчанное о Толстом» В. Ф. Булгакова были включены в один сборник.

322
Имеется в виду стихотворение А. Ахматовой «Уединение», написанное в Тверской губернии

323
Из стихотворения французского поэта Пьера Беранже «Урок» в переводе В. С. Курочкина

324
В. Ф. Булгаков сообщил Цветаевой об отклике Г. Адамовича на ее «Мтлодца».

325
Сборник «Тринадцать поэтов»

326
Очерк «Герой труда».

327
Статьи: Ходасевич В. «Брюсов»; Гиппиус З. «Одержимый (О Брюсове)»; Святополк-Мирский Д. П. «Валерий Яковлевич Брюсов»

328
В. Ф. Булгаков обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в Россию. Он намеревался принять участие в подготовке празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого, в редактировании полного собрания его сочинений, в реорганизации толстовского музея и пр. В мае получил отказ

329

Шираз – город в Иране

330

При получении ежемесячного пособия от чехословацкого правительства выезд из Чехословакии (отпуск) разрешался лишь на срок 2–3, максимум 4 месяца.

331

В случае переворота, не иначе, конечно! (примеч. М. Цветаевой)

332

С. Я. Эфрон писал: «Русский Париж, за маленьким исключением, мне очень не по душе. Был на встрече Нового Года, устроенной политическим Красным Крестом. Собралось больше тысячи „недорезанных буржуев“, пресыщенных и вяло-веселых (всё больше – евреи), они не ели, а жрали икру и купались в шампанском. На эту же встречу попала группа русских рабочих в засаленных пиджаках, с мозолистыми руками и со смущенными лицами. Они сконфуженно жались к стене, не зная, что делать меж смокингами и фраками. Я был не в смокинге и не во фраке, а в своем обычном синем костюме, но сгорел со стыда. Потом рабочие перепились, начали ругаться и чуть было не устроили погрома. Их с трудом вывели».

333

Статью «Поэт о критике».

334

Письмо является припиской к письму С. Я. Эфрона

335

Миролюбов В. С.

336

Булгаков хлопотал о продлении Цветаевой чешской стипендии.

337

О первом парижском вечере Цветаевой.

338

Статьи А. Яблоновского «Есенин», «Литературные беседы» Г. Адамовича

339

Дочери Е. Н. Чирикова.

340

Доклад-диспут «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» был устроен редакцией журнала «Версты»

341

Приглашения принять участие в диспуте были посланы: М. А. Алданову, Г. В. Адамовичу, К. Д. Бальмонту, И. А. Бунину, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцеву, К. В. Мочульскому, Д. С. Мережковскому, Ф. А. Степуну, П. П. Сувчинскому, А. А. Туринцеву, В. Ф. Ходасевичу, М. И. Цветаевой, С. Я. Эфрону и В. Р. Ховину.

342

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Врач Г. И. Альтшуллер наблюдал сына Цветаевой с его рождения.

343
Колдунов (фр.).

344
Дурных людей, которые могут сглазить (фр.).

345
«Вероятно, имеются в виду бедняки-чехи в пригородах Праги, где жила М. И. Цветаева. местное население подчас ворчало на переполняющих их родные места „руссов“. Иначе говоря, идет речь об общем „горьком хлебе изгнания“, а не о каком-нибудь личном недовольстве населения русской писательницей». (Примеч. В. Ф. Булгакова.)

346
Вандея – департамент на западе Франции, являвшийся центром мятежей во время Великой французской революции. В переносном смысле – контрреволюция.

347
«Верстами».

348
Удостоверение личности (фр.).

349
Отклики на статью Цветаевой «Поэт о критике», опубликованную в журнале «Благонамеренный»: А. Яблоновский. В халате (фельетон); М. Осоргин. Дядя и тетя (фельетон). Г. Адамович, «герой» статьи Цветаевой, в печати на эту статью не откликнулся.

350
А. Л. Бем предполагал отправить свою семью на лето во Францию.

351
С. Я. Эфрон.

352
Письмо написано на открытке с изображением St. Gilles.

353
К письму Цветаевой было приложено письмо С. Я. Эфрона с той же просьбой о сохранении корзины с вещами.

354
Письмо является припиской Цветаевой к краткому письму С. Я. Эфрона. К письму было приложено прошение о продлении стипендии, а также два чистых бланка за подписью Цветаевой.

355
Срок возврата писательской «заимообразной ссуды» был продлен лишь до 15 сентября (она ходатайствовала о продлении ее до 15 октября) и с 15-го июля ее размер уменьшался вдвое, до 500 чешских крон

356

С. В. Завадскому, как Председателю комитета по улучшению быта русских писателей.

357

Сотрудники МИДа Чехословакии, заведовавшие делами русской колонии и в т. ч. помощью писателям.

358

Избирательное родство (нем.).

359

Король! Единственный принц этого столетия, – Сир! (фр.)

– Из сонета Поля Верлена «A Louis il de Baviere»

360

А. А. Тескова.

361

Шесть лет (фр.).

362

В 1927–1928 гг. С. Эфрон подрабатывал в кинематографе статистом. Известно, что в этом качестве он принимал участие в фильме «Страсти Жанны д'Арк» (режиссер К. Дрейер).

363

«Новогоднее»

364

Речь о возможности перевода на чешск. язык

365

Стихотворение «Димитрий! Марина! В мире...» (1916)

366

Название по одноименному журналу, издававшемуся в пушкинские времена А. Е. Измайловым.

367

«Чтобы эпатировать буржуа» (фр.).

368

Вероятно, у прабабушки по матери, графиня Мария Ледуховская.

369

«Цыганский барон» (нем.).

370

См. стихотворный цикл «Князь тьмы» (1917)

371

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
История с журналом «Щипцы» была разыграна А. М. Ремизовым.

372

Здесь: разодранный, пыгаемый калеными щипцами (фр.).

373

Площадь Бастилии (фр.).

374

Князь Ф. Ф. Юсупов имел зал, предназначенный для спектаклей любительской театральной студии.

375

Малявин Филипп Андреевич – русский живописец.

376

«Крысолов».

377

Статья А. В. Черновой «В огонь-синь»

378

А. М. Ремизов собирался ехать в Брюссель, где устраивалось его выступление.

379

Редактор «Современных записок»

380

В холодных отношениях (фр.).

381

С. П. Ремизова-Довгелло, жена писателя.

382

О. Е. Колбасина-Чернова.

383

Романова Е. В., двоюродная сестра В. Соловьева

384

Фатальность (фр.).

385

В «Последних новостях» – «Из дневника»: «Грабеж», «Расстрел царя», «Покушение на Ленина», «Чесотка», «Fraulein», «Ночевка в коммуне», «Воин Христов»; в «Днях» – «О любви. (Из дневника 1917 г.)».

386

Стихотворение «Старинное благоговенье»

387

По мнению Д. А. Шаховского Цветаевой была свойственна творческая безудержность.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Любование своим даром» он назвал «гутированием» (от фр. Gouter – наслаждаться).

388
Гурман, любитель хорошо поесть (нем.).

389
Отрывки из дневниковых записей «О благодарности» были опубликованы в журнале «Благонамеренный»

390
«Либо принимаете, либо нет» (фр.).

391
«Скорее нет, чем да» (фр.).

392
В отрывке из дневника «О любви»

393
Ничтожность ваша (фр.).

394
Статья «Поэт о критике».

395
Цветаева предпослала стихотворению «Старинное благоговенье» посвящение «Кн. Д. А. Шаховскому», а также сделала примечание: «Стихи, представленные на конкурс „Звена“ и не достойные помещения».

396
К статье «Поэт о критике» был приложен «Цветник» – собрание высказываний критика Г. Адамовича на литературные темы

397
В «Поэте о критике» упоминается статья И. А. Бунина («Инония и Китеж»)

398
Отзыв Д. Г. Резникова на книгу Н. А. Асеева «Поэмы».

399
Номер журнала «Своими путями», где была заметка А. А. Воеводина, Цветаева послала вместе с письмом.)

400
Руководителем журнала «Благонамеренный» был Григорий Соколов

401
Эпиграфы к статье «Поэт о критике».

402
Выпущена московским издательством «Созвездие» в 1922 г.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

403

Адрес Школы славяноведения при Лондонском университете, где преподавал Д. П. Святополк-Мирский.

404

Речь идет о корректуре статьи «Поэт о критике».

405

Нашлась затерянная рукопись рассказа С. Эфрона.

406

Вербицкая А. А. – писательница, автор романов.

407

Цветаева ездила в Сен-Жиль-сюр-Ви снимать дом на лето

408

Статья «О консерватизме. Диалог»

409

Второй номер журнала за март-апрель 1926 г.

410

Рецензия М. А. Осоргина «Дядя и тетя» на второй номер журнала «Благонамеренный», напечатанная в «Последних новостях» (1926, 29 апреля).

411

Цикл «Провода» посвящен Б. Пастернаку.

412

Заметка П. Струве «О пустоутробии и озорстве» в рубрике «Заметки писателя» газеты «Возрождение» (1926, 6 мая).

413

В связи с прекращением издания журнала «Благонамеренный», Д. А. Шаховской некоторым из сотрудников журнала, в т. ч. и М. И. Цветаевой, послал книгу своих стихов «Предметы» (Цикл «Стихотворения Омара Кайама» имел посвящение Цветаевой.)

414

«Надпись на могильном камне»

415

По-видимому, окончательный расчет с сотрудниками журнала должен был произвести руководитель журнала, тем более, что он финансировал издание.

416

Поэмы «С моря» и «Попытка комнаты»

417

Анонимное сообщение поместил в газету А. М. Ремизов

418

Елизавета Морицевна

419

М. Л. Слоним направлялся в США для чтения лекций и сбора средств в пользу политзаключенных в России.

420

Вечер М. Цветаевой состоялся 6 февраля 1926 г. в Союзе молодых поэтов и писателей.

421

Л. И. Шестов и И. А. Бунин были связаны помимо дружеских отношений родством и дружбой их жен (А. Е. Березовской и В. Н. Буниной).

422

С детьми на океан, в деревню Сен-Жиль (департамент Вандея).

423

Статья Л. И. Шестова «О добродетелях и звездах», посвященная греческому философу Плотину

424

«О странном городе времени» (нем.).

425

Из стихотворения «Хвала Времени»

426

Из стихотворения М. А. Кузмина «От тоски хожу я на базары: что мне до них!..»

427

И. Е. Путерман содействовал Цветаевой в напечатании сборника «После России»

428

Ежеквартальное издание, выходило в 1924–1932 гг. Редактор – поэт Поль Валери

429

Земско-Городской Комитет помощи российским гражданам за границей.

430

Алекسانдро-невский кафедральный собор на улице Дарю в Париже

431

Так называли друг друга русские эмигранты по названию пригородов Парижа, в которых они проживали

432

Д. П. Святополк-Мирский намеревался перевести «Детство Люверс» Б. Пастернака

433

«Новогоднее» (Версты, № 3).

434

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С. Н. Андроникова-Гальперн.

435

Ф. А. Степун

436

Вероятно, рукопись, в полубеловом варианте носящую заглавие «Мой ответ Осипу Мандельштаму».

437

В «Современных записках» была принята старая орфография

438

На лето в Сен-Жиль-Сюр-Ви.

439

Цветаева отвечает на первое письмо Рильке

440

Второе издание книги «Мне на праздник»

441

Б. Л. Пастернак.

442

Стихотворный цикл из «Книги образов»

443

По аналогии. с названием сатирической поэмы Гёте «Рейнеке-Лис»

444

Стихотворение Рильке «О тьма, что родиной мне стала» заканчивается словами «Я верю в ночи».

445

Рильке вложил в конверт также записку Б. Пастернаку.

446

Художественная литература (фр.).

447

Слова из III сонета I части.

448

Эта и последующая цитата из IV сонета I части

449

Из V сонета I части.

450

Слова из XI сонета I части.

451

«Опасные связи» (фр.).

452

Пьесы, написанные в 1919 г. в Москве.

453

Слова из девятой Дуинезской элегии.

454

Ведь это маленький Римский король (фр.)

455

небесное жилище для избранных, главным образом, павших в битве воинов (сканд. миф.).

456

Из стихотворения Рильке «Автопортрет 1906 года» («Новые стихотворения»).

457

Адрес пансиона Лаказ, где в детстве училась Марина. Уши – предместье Лозанны

458

Из письма Рильке: «...когда тебе захочется „лететь“».

459

Заключительная строка стихотворения М. Цветаевой «Та ж молодость и те же дыры...» (1920).

460

Великая (вышая) низость любви (фр.).

461

Из письма к Цветаевой Б. Пастернака от 23 мая 1926 г.

462

Строка из стихотворения Рильке «Я слишком одинок на свете» (книга «Часослов»).

463

Вместе с этим письмом Рильке прислал обращенное к Цветаевой стихотворение «Элегия».

464

Здесь и далее цитируется «Элегия».

465

Кунигунда – супруга императора Генриха II. Оporоченная в глазах супруга, она доказала свою невиновность судом Божьим. Была причислена к лику святых.

466

Платен Август фон – немецкий поэт.

467

Великий мастер отсутствий (фр.).

468

Отплытие (между непомерностью твоего прибытия и твоего отплытия) (фр.).

469

Сколь сладостно вспоминать мне

Об этой прекрасной Франции (фр.). –

Первые две строчки из приписываемого М.Стюарт романса «Прощай, милая Франция».

470

Ибо худшее и лучшее во мне –

Места, что всего пустыней (фр.). – Из стихотворения М. Стюарт,

написанного ею на смерть мужа, французского короля Франциска II.

471

Р. Рильке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке».

472

Фруктовый сад (фр.).

473

Будем быстрее,

Чем поспешный отъезд (фр.).

474

Из стихотворения «Поэт – издалика заводит речь...» цикла «Поэты»

475

Надо ли так опираться (фр.).

476

Скользите, смертные, не опирайтесь! (фр.)

477

Разве ангелы стали скромные! – Но лучшее место – не напротив, чуть дальше... (фр.).

478

Однако какой возвышенный миг,

когда вдруг поднимается ветер за эту страну: он заодно с Францией (фр.).

479

Заодно с Францией (фр.).

480

Порой она кажется растроганной тем, что ее так внимательно слушают, – тогда она показывает свою жизнь и больше не говорит ничего (фр.).

481

Неизданного (фр.).

482

Мюзо на Сьерр (Валэ), Швейцария (фр.).

483

На конверте Рильке не указал своего имени

484

Чрезмерная чистота вызывает ветер презрения (фр.).

485

Измененная цитата из стихотворения Рильке «Combien le pape au fond de son faste» («Сады»).

486

Места, что всего пустынной (фр.).

487

я защищаю не себя, а самый совершенный из поцелуев (фр.).

488

Великий чехословацкий поэт (фр.).

489

...И вот он исчез вдали,

Кораблик без парусов,

В просторах, где звездный край,

Устав от морских штормов,

Однажды приплыл он в рай (фр.).

490

Рильке в своем письме писал: «Ты всегда права, Марина ... – права в самом обычном, самом безмятежном смысле. Это правообладание бесцельно и, должно быть, безначально. Но ты права своей чистой непритязательностью и полнотой целого, откуда ты черпаешь, и в этом – твое непрерывное право на бесконечность».

491

Пустынные места (фр.).

492

Эти строки были процитированы в статье Б. Пастернака «Несколько положений»

493

Из стихотворения Рильке «Combien a-t-on fait aux fleurs» («Сады»). – и постель – обеспамятевший стол (фр.).

494

Пастернак просил Цветаеву приостановить их переписку.

495

Е. В. Пастернак

496

Из стихотворения Рильке «Ich bin derselbe noch, der kniete...» («Часослов»).

497

Быть тем, чем живут. Вещь, которой живут (фр.).

498

который должен был поддерживать небо на своих плечах (миф.).

499

Отклик на письмо Рильке

500

Рильке не успел прислать Цветаевой книгу Штолля «Мифы классической древности». Это сделала секретарь Рильке, Е. А. Черносивтова, уже после его смерти.

501

По христианским верованиям, за правым плечом человека находится его ангел-хранитель.

502

Шутливое прозвище Д. Г. Резникова.

503

Ответ на статью «Поэт о критике» фельетон «В халате»

504

Крокодилом прозывали уборщицу квартиры на улице Рувэ.

505

orphelin – сирота (фр.).

506

Рекламная брошюрка о фильме «Цирковой сирота». В. Сосинский регулярно посылал для Ариадны Эфрон новые журналы о кинофильмах.

507

курортный городок на средиземноморском побережье Франции. Там в то лето отдыхали О. Е. Колбасина-Чернова с дочерьми Ариадной и Натальей.

508

В. Сосинский работал вместе с Гржебиным в издательском отделе торгпредства СССР в Париже

509

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Л. С. Лапин, живший этажом ниже. Лапин, инженер по профессии, также работал в советском торгпредстве.

510
Греческая мифология (нем.).

511
Мифы классической древности (нем.).

512
Заказным отправлением для книг (фр.).

513
Сосинский Е. Б.

514
Взятые у соседей ключи к сундуку не подходили

515
О. Е. Колбасина-Чернова намеревалась переменить квартиру.

516
Причитавшихся Эфронам деньги Сувчинский должен был передать до своего отъезда из Парижа.

517
Цветаева сняла флигель пополам с семьей А. З. Туржанской в парижском предместье Бельвю. При доме был небольшой сад.

518
Из стихотворения А. Блока «Унижение»

519
Дети писателя Л. Андреева: от первого брака – Вадим; от второй жены Л. И. Андреевой) – Савва, Валентин и Вера.

520
Название дома в Сен-Жиле, который снимала на лето семья Цветаевой.

521
Hurlevent – завывающий ветер (фр.). «Les Hauts de Hurlevent» – французский перевод названия единственного романа английской поэтессы Эмили Бронте «Грозовой перевал»

522
Сосинский одно время работал в фотоателье П. И. Шумова.

523
Цветаева прислала Сосинскому переписанную от руки поэму «С моря» с надписью «Дорогому Володе Сосинскому – попытка благодарности за действенность и неутомимость в дружбе – и еще за Мура. Марина Цветаева. Переписано одним махом».

524

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мур заболел скарлатиной. 18 сентября заболела, заразившись от него, и М. И. Цветаева, 19-го слегла Аля.

525

бурный роман Саввы Андреева.

526

В. Б. Сосинский работал секретарем редакции и корректором журнала «Воля России». Поэма «Красный бычок» была напечатана в № 12 журнала за декабрь 1928 г.

527

Н. М. Андреева, вдова брата Л. И. Андреева, Всеволода была вынуждена покинуть семью А.И. Андреевой, в которой жила, воспитывая детей Леонида Николаевича и занимаясь хозяйством.

528

На вечере в Тургеневском обществе М. Цветаева читала «Героя труда».

529

Н. П. Гронский.

530

Очерк «Наталья Гончарова» печатался в № 5/6, 7 и 8/9 «Воли России» за 1929 г.

531

Рейзини Николай (Наум Георгиевич Рейзин) – журналист, переводчик. Пользовался известностью в литературных кругах Парижа начала 1930-х годов способностью пародировать поэтов-современников.

532

«Вечер Романтики»

533

В. Б. Сосинский одно время работал в парижской типографии, где печатался журнал «Воля России».

534

Лечение С. Я. Эфрона в санатории оплачивалось французским Красным Крестом лишь частично.

535

Варшавский В. С.

536

Вероятно, имеется в виду заметка В. Сосинского в соавторстве с М. Слонимом о деятельности литературного объединения «Кочевье» (в котором участвовала и Цветаева) для информационного выпуска этого объединения.

537

Фохт В. Б.

538

На Монпарнасском кладбище были похоронены Я. К. Эфрон (отец С. Я. Эфрона), Е. П. Эфрон-Дурново (мать,) и К. Я. Эфрон (младший брат).

539

Здесь: причудливые (фр.).

540

Цветаева должна была покинуть квартиру в Ванве.

541

Е. Замятин умер в марте 1937 г. и похоронен под Парижем. Должно быть, жена писателя хлопотала в это время об установке надгробия и была знакома с соответствующей процедурой.

542

Львиная доля (фр.).

543

Тигриная доля (фр.).

544

Поэма «С моря» и «Попытка комнаты».

545

Намек на игру в семье Цветаевой с Черновыми.

546

К. Б. Родзевич.

547

Удостоверение личности (фр.)

548

«Два брата» (фр.).

549

Речь, по-видимому, о несостоявшемся отзыве Д. Г. Резникова на поэму. Ранее он опубликовал свою рецензию на «Поэму Конца».

550

Жиль де Ретц– маршал Франции, за свою жестокость и преступления прозванный «Синей бородой».

551

Имеется в виду кинематограф.

552

Вероятно, речь идет о предстоящем бракосочетании Андрониковой с А. Я. Гальперном.

553

«Это уже случилось со мной!» – часто случалось! (нем.)

554

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Речь идет об иждивении от чешского правительства

555
редакторам журнала «Воля России».

556
Поэма «Лестница»

557
Речь идет о получении С. Я. Эфроном французской визы.

558
Молодой человек (фр.).

559
Цикл из восьми стихотворений «Деревья» был напечатан в № 5 и № 8/9

560
А я знаю, что вы хотите сказать: вместе с Шарло! (фр.) Charlot – чарли (Чаплин)
или бродяга наподобие его героев.

561
Обыгрывается название повести О. Мандельштама «Шум времени».

562
Д. П. Святополк-Мирский.

563
Цветаева намеревалась переехать на другую квартиру, в Медоне.

564
Союз молодых поэтов и писателей регулярно проводил свои вечера в помещении на
rue Denfert Rochereau. Первый парижский вечер Цветаевой прошел в этом помещении.
Однако в связи со статьей «Поэт о критике» (СТАРШАЯ) группа – писатели старшего
поколения: И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич и др. – были не
расположены к Цветаевой

565
Гальперн А. Я.

566
З. Л. Поляковой, дочери известного московского банкира. С семьей Поляковых была
знакома М. А. Мейн, мать Цветаевой.

567
название пригорода Парижа

568
Шлецер Б. Ф.

569
Гонцы (фр.).

570

Наш случаи (фр.).

571

Национально-революционная армия коммунистического Китая

572

Из лучших семей (фр.).

573

В меблированных квартирах («Они очень милы, эти русские, но они все ломают»)
(фр.).

574

Испытывая угрызения совести (фр.).

575

Вероятно, художественный журнал с участием художников Н. Исцеленнова и его жены М. Лагорио.

576

Сборник стихов «После России».

577

Поэма была закончена 24 июня 1927 г.

578

Тому есть причины (фр.).

579

В мае 1927 г. Горький пригласил к себе в Сорренто (Италия) А. И. Цветаеву, помог ей получить паспорт и деньги. Музей, где она работала, предоставил ей двухмесячный отпуск и поручил привезти проспекты и каталоги музеев Италии.

580

Слова старинной застольной песни.

581

В тетрадь с рукописью драмы «Федра». «Миртовый куст», «миртовый сук», «мирт» – слова, встречающиеся на протяжении всей пьесы.

582

«После России»

583

С. С. Прокофьев – композитор

584

Дочь С. Н. Андрониковой-Гальперн от первого брака, Ирина Павловна Андреева.

585

Черносмородинная наливка (фр.).

586

Вероятнее всего, Поля Элюара. К 1927 г. у него вышли семь поэтических сборников. Некоторые из них были украшены иллюстрациями Андре Лота и Макса Эрнста. В 1917 г. Элюар послал Цветаевой один из первых экземпляров своего сборника «Долг и тревога» с дарственной надписью.

587

Поцелуй прокаженного (фр.).

588

Первое отдельное издание поэмы Б. Пастернака «1905 год»

589

Письмо для М. Эфрон (фр.).

590

Покрытая струпами, как библейского пророка Иова, веру которого Бог испытывал страданиями.

591

Доклад проф. Н. Н. Алексеева «Идеократия и евразийский отбор» состоялся на заседании парижской группы евразийцев 10 января 1928 г.

592

доклад «Молодые русские писатели за рубежом»

593

С. Я. Эфрон подрабатывал на киностудии в качестве статиста.

594

Поэма «Егорушка»

595

Д. А. Горбова «10 лет литературы за рубежом».

596

«Для дам и барышень» (фр.).

597

«Где я? Что я вижу?» (фр.)

598

Роман «По направлению к Свану» из цикла романов «В поисках утраченного времени».

599

«Федра» была сдана в «Современные записки» и опубликована под названием «Тезей. Трилогия. Часть вторая» в № 36, 37 за 1928 г.

600

Мадам ушла (фр.).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

601

Фернандес Рамон – французский поэт и прозаик мексиканского происхождения. Опубликовал в «Верстах» «Заметки о современной французской литературе»

602

Алексинский И. П., хирург.

603

Эренбург Л. М.

604

В программе были заявлены Саша Черный, балерина Ольга Преображенская, композитор Н. Н. Черепнин и др.

605

Фондаминская А. О.

606

Вышедшей книге «После России».

607

Поволоцкий Я. Е. – издатель, владелец небольшого издательства и книжного склада.

608

Сто экземпляров тиража «После России», отпечатанные на улучшенной бумаге, по условиям издания книги, были подписаны автором.

609

Сравнение с героем стихотворения А. И. Полежаева «Тюрьма», погруженным в «грусть нестерпимую».

610

Спектакле «Чудо Святого Антония» Московского театра имени Вахтангова, который находился в те дни в Париже на гастролях.

611

2 комнат и кухни (фр.).

612

На место летнего отдыха: Понтайяк, на берегу Бискайского залива.

613

Карсавин Л. П.; Карсавина Л. Н.; их дочери – Ирина, Марианна, Сусанна.

614

Речь идет об участии С. Я. Эфрона в редколлегии будущего еженедельника «Евразия».

615

В начале 1929 г. в евразийском движении произошел раскол, получивший название «кламарского». Одним из его проявлений стала выпущенная в Париже Н. Н. Алексеевым, В. Н. Ильиным и П. Н. Савицким брошюра «О газете „Евразия“ (газета „Евразия“ не есть евразийский орган)».

616

Манциарли И. В.

617

Чужеземец, человек без прав (греч.).

618

Упорство, постоянство (фр.).

619

Речь идет о «Записках» П. Н. Врангеля, опубликованных в берлинском сборнике «Белое дело»

620

Газета «Евразия», выходившая ранее раз в неделю.

621

Балет «Блудный сын», одна из последних постановок С. П. Дягилева. Музыка С. С. Прокофьева, либретто Бориса Кохно, декорации и костюмы французского художника Жоржа Руо.

622

Калин А. С... Была дружна с С. Н. Андрониковой-Гальперн до самых ее последних дней.

623

До хорошего момента! (фр.)

624

Вырубов В. В. Андроникова-Гальперн была хорошо с ним знакома.

625

«Поэма о Царской Семье».

626

Вырубова А. А.

627

Вертхеймер Макс – немецкий психолог.

628

Рукопись И. В. Степанова «Лазарет Ея Величества», которую Цветаева очень ценила и безуспешно пыталась устроить в печать.

629

Здесь: в обнаженном виде (фр.).

630

«На Западном фронте без перемен» (нем.).

631

Кускова Е. Д.

632

Вероятно, Цветаева имеет в виду возобновление у мужа старого легочного процесса.

633

Удостоверение личности

634

Б. К. Зайцев

635

Босс Шарль Дю

636

Речь идет об А. Броуне.

637

Первый сборник «Числа», который вышел в Париже под ред. И. В. де Манциарли и Н. А. Оцуа.

638

Под названием «Нереида» было напечатано в сдвоенном номере № 2/3 «Чисел» стихотворение Цветаевой «Наяда».

639

Фильм немецкого режиссера Лупу Пика «Наполеон на Святой Елене».

640

Цикада, пропев (фр.). – Из басни французского писателя Жана Лафонтена «Цикада».

641

Билеты на вечер 26 апреля 1930 г. («Вечер Романтики»).

642

Замок (фр.)

643

Альпийская хижина (нем.).

644

«Жить и умереть!» (фр.)

645

Школа при Лувре (фр.).

646

Туда и обратно (фр.).

647

День штурма Бастилии отмечается как национальный праздник Франции (нерабочий день).

648

Туда и обратно (фр.).

649

Цикл стихов «Маяковскому», написанный на кончину поэта.

650

Поэма Ф. Мистралья «Мирей», написанная на материалах фольклорных сказаний.

651

Роман Жермены де Сталь «Коринна, или Италия».

652

Речь идет о старшей сестре Д. П. Святополк-Мирского – Софье Петровне

653

Речь идет о Татьяне Алексеевне Яковлевой, с которой Маяковский познакомился в октябре 1928 г. во время своего пребывания в Париже.

654

Для ходьбы (фр.).

655

Новую подошву (фр.).

656

Стихотворение «Советским вельможей...», входящее в цикл «Маяковскому».

657

«Бунин, например (!), Ремизов, например (!!!)...» (примеч М. Цветаевой).

658

А Оцуп – из тщеславия (примеч. М. Цветаевой).

659

Псевдоним Цейтлина – Амари).

660

Муж от Мари: к Мари (игра слов; фр.).

661

В настоящий момент я нахожу, что ему лучше не знать свое будущее! (фр.)

662

Город в Альпах, горный курорт.

663

«Новая газета: Двухнедельник литературы и культуры». Париж, 1 марта – 1 мая 1931 г.

664

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ладинский А. П. В «Новой газете» (№ 1) было опубликовано его стихотворение
«Среди кузин и теток...» (1931), а также рецензия В. Варшавского на первую книгу
его стихов «Черное и голубое».

665

Челпанова Наталья Георгиевна, художница-иллюстратор.

666

Район Парижа, округ (фр.).

667

Отрывок из французского «Мтлодца»

668

Обувь фирмы «Ускид» (фр.).

669

Е. А. Извольская уезжала в Японию, к жениху. Вскоре вернулась во Францию.

670

Абсолютно похожий (фр.).

671

О вечере М. Цветаевой 30 мая 1931 г. (зал «Эвритмия»)

672

Георгий Иванов.

673

«Никто ничего не отнял!..», «Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь
голову...», «Откуда такая нежность?..» и др.

674

Верному врагу (фр.).

675

Персефона, богиня царства мертвых, часть года могла жить на земле, а остальное
время в подземном царстве (греч. миф.).

676

Льняная ткань с характерной для юга Франции расцветкой или вышивкой (фр.).

677

Из стихотворения А. Ахматовой «Я улыбаться перестала...» (1915).

678

Не очень хороший вкус княжны (княжен!) (фр.).

679

Экзамен на степень бакалавра (фр.).

680

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Город на реке Роне, к югу от Лиона

681

Вероятно, речь о женитьбе Д.П. Мирского

682

С. Н. Андроникова-Гальперн прислала письмо на двух открытках (на одной – фотография церкви в местечке Рарон в Швейцарии, где похоронен Рильке, на другой – фотография его могилы). Она писала: «О Вас же думала в поездке, как видите: была на могиле Рильке и посылаю Вам снимок церкви, у которой он похоронен, могилу и цветы с могилы, которые сорвала для Вас».

683

Перевод надписи на французский принадлежит, по-видимому, самой М. Цветаевой.

684

Речь, вероятно, идет о статье Д. П. Святополк-Мирского «История одной эмансипации», опубликованной в № 37 «Nouvelle Revue Francaise».

685

В. А. Сувчинская.

686

Синезубов Н. В.

687

Важная персона (разг., фр.).

688

«Без возможности возобновления» (фр.).

689

Из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

690

Начальная строка стихотворения А. С. Пушкина «Вурдалак»

691

Вожель.

692

«Вязание» – Октябрь 1931 – приложение к журналу «Сад моды» (фр.).

693

«Искусство при свете совести».

694

Вас просят словами, Вы отвечаете поступками (фр.).

695

Хлопоты по продлению визы Н. В. Синезубову увенчались успехом.

696

Речь идет о А. А. Чаброве

697

Белградский журнал «Руски архив».

698

русская чечевица (фр.).

699

С привратником (фр.).

700

Силуэт, рисунок (фр.).

701

«Прекрасный сезон» Мартена дю Гара (фр.).

702

С этим докладом Цветаева выступала 21 января 1932 г. в Париже.

703

Чулан, чуланчик (фр.).

704

gйgant – управляющий домом (фр.).

705

Привратников (фр.).

706

Готовилась публикация статьи «Поэт и время».

707

Ничего своего! (фр.)

708

Стихотворение О. Мандельштама «Соломинка» (1916) было обращено к С. Н. Андрониковой-Гальперн.

709

Письмо написано на бланках, имеющих в верхнем правом углу надпись: «3. VILLA THEODORE DECK. XV». Villa Theodore Deck – маленькая улица в 15-м районе Парижа.

710

Вечер «Детские и юношеские стихи». Краткое содержание: Мои детские стихи о детях. – Мои детские революционные стихи. – Гимназические стихи. – Юношеские стихи.

711

Опубликована в журнале «Новый град» (Париж, 1933. № 6, 7).

712

Переведенная Цветаевой на французский язык собственная вещь «Флорентийские ночи»

713

Опубликована в журнале «Современные записки» (1933, № 52, 53)

714

В 1933 г. по инициативе Е. А. Извольской был организован Комитет помощи Марине Цветаевой. В него вошли Е. А. Извольская, С. Н. Андроникова-Гальперн, М. Н. Лебедева, известные писатели Н. А. Бердяев, М. А. Осоргин, М. А. Алданов, французская писательница Натали Клиффорд-Барни.

715

Трейл Роберт – шотландец, славист, одно время работал в Москве.

716

Д. П. Святополк-Мирский в сентябре 1932 г. вернулся в СССР. В мае 1933 г. совершил поездку в Ташкент и Сталинабад с целью сбора материалов для «Истории фабрик и заводов».

717

В течение 1933 г. в газете «Последние новости» были опубликованы «Башня в плюще», «Музей Александра III», «Лавровый венок», «Жених»

718

По-видимому, речь идет о решении С. Я. Эфрона вернуться в СССР.

719

Е. А. Извольская. Речь идет об организации ею материальной помощи Цветаевой

720

«Я – беглец» (фр.).

721

Фильм американского режиссера Мервина Ле Роя. Фильм был снят в 1932 г.

722

Речь идет о вечере Цветаевой, посвященном Андрею Белому

723

Из хороших и веселых (фр.)

724

Летом 1926 г. И. Г. Эренбург привез в Москву фотографии, на одной из которых был изображен Мур. Пастернак в письме от 3 февраля 1926 г. называет его Наполеонидом

725

Возможно, речь идет о докторе Якове Борисовиче, сыне владельца частной фирмы Б. О. Гавронского.

726

В. Н. Бунина, урожденная Муромцева.

727

Еженедельный детский журнал, выходивший в Париже.

728

В 1934 г. Ирина Андреева вышла замуж за Андрея Борисовича Нольде, сына барона Б. Э. Нольде (последний работал вместе с А. Я. Гальперном).

729

См. стихотворение «Челюскинцы», написанное 3 октября 1934 г.

730

Олег Туржанский.

731

В собачью задницу (и т. д. – непереводаемое ругательство) (фр.).

732

Вы уже наверняка там (фр.).

733

С меня хватит иностранцев в моем саду! (фр.)

734

«Жила-была пастушка». – «Жила-была мадам (припев) – жила-была мадам, которая охраняла свой сад, как собака» (фр.).

735

Моральными сентенциями (фр.).

736

А. З. Туржанская.

737

Цветаева покинула Сен-Жиль 2 октября и поселилась в пригороде Парижа – Бельвю

738

Бутковская Наталья Ильинична – режиссер и актриса

739

Черносвитова сообщила Цветаевой об отправке ей книги мифов и послала ей фотографию Рильке

740

Имеется в виду поэма «Новогоднее».

741

Тайный (фр.).

742

Открытка Цветаевой от 7 ноября 1926 г, была отправлена по адресу: Chateau de Muzot s/Sierre (Valais) Suisse.

743

М. В. Вишняк

744

П. П. Сувчинский был поляк по отцу, граф Шелига-Сувчинский.

745

Дед Ходасевича по отцу был польским дворянином.

746

Прадед Блока по отцу был уроженцем мекленбургских земель (северная Германия).

747

В семье Бальмонта бытовало предание о его шотландском происхождении

748

Вечер М. Цветаевой в первой половине апреля 1927 г. в студии Н. И. Бутковской.

749

Годичное общее собрание членов Комитета помощи русским писателям и ученым

750

Благотворительный новогодний писательский вечер, который устраивался в пользу Комитета. Предполагалась постановка спектакля «Неожиданный конь, или Чудовищная Мамка» с участием А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, А. Яблоновского.

751

Фонд помощи литераторам и ученым (председатель – С. М. Животовский) в Вашингтоне помогал некоторым писателям, жившим во Франции (по ходатайству парижского Комитета).

752

Ельяшевич Фаина Осиповна – член Комитета.

753

Морис дю Гар в статье писал: «Госпожа де Ноай сознательно лишила себя того противоречия, которое почти всегда обеспечивает величие человека или произведения: противоречия, столкновения между двумя священными инстинктами, между жизнью и смертью, в чем она, на разных регистрах и с разными оттенками, была так часто ни с кем не сравнима».

754

Название первого сборника стихов Анны де Ноай «Безграничное сердце» («Le coeur innombrable», 1901).

755

Богиня войны и победы, дочь Зевса, родившаяся в шлеме и панцире (греч. миф.).

756

Жан-Жаку Руссо принадлежат слова: «я хочу показать своим собратьям человека в его истинной природе – и этим человеком буду я».

757

758

По преданию, греческий философ Эмпедокл добровольно совершил прыжок в кратер Этны

759

Из стихотворения Анны де Ноай «Offrande», в котором явлен образ яблока и зубов.

760

М. дю Гар писал: «Если я теперь свидетельствую... против злоупотребления разумом в „Честь Страдать“, то это не из-за разума, а потому что разуму нечего делать в стихах, особенно когда он стремится преобладать и не приносит ничего особенно, ни ясного ни питающего, для души. В стихах не объясняются».

761

Duïneser Elegien (Дуинезские элегии).

762

«Книга образов» – книга Рильке (1902)

763

А. И. Цветаева по приглашению Горького гостила у него в Сорренто.

764

Номера журнала «Воля России»

765

Мальва – род трав. «Мальва» – рассказ М. Горького

766

Гофман Иосиф. Прославился как исполнитель произведений Ф. Шопена.

767

Прозвище героя одноименного рассказа М. Горького.

768

В ноябре 1923 г. Ходасевич приехал из Берлина в Прагу.

769

В сентябре 1927 г. сначала дети Цветаевой, а затем она сама заболели скарлатиной.

770

Слова из 2-й картины трагедии М. Цветаевой «Федра», над которой она работала в то время.

771

В библиотеке М. Горького хранился экземпляр «Царь-Девы» М. Цветаевой с ее дарственной надписью.

772

В ответе на анкету в 1926 г. Цветаева писала: «Последовательность любимых книг...

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Позже и поныне: Гейне- Гёте – Гёльдерлин...».

773

В 1792 г. Гёльдерлин решает отказаться от намеченной богословской карьеры с целью посвятить себя литературе.

774

Имя женщины, которой Сократ был обязан всеми своими знаниями о природе дружбы.

775

Из позднего последнего, четверостишия «Die Unien des Lebens sind verschieden...» («Различны линии бегущей жизни...»)

776

«О, вдохновение! Мы находим в тебе вечное блаженство» (нем.).

777

Роман Гельдерлина, назван по имени юноши, главного героя.

778

Цветаева имеет в виду, по-видимому, рассказы А. С. Балагина о своей родине. Он родился и вырос в Ташкенте.

779

Татьяна Викторовна Соловьева, первая жена А. С. Балагана. Художница.

780

М. И. Кузнецова.

781

Работу над трагедией «Федра» Цветаева закончила в декабре 1927 г.

782

Имеется в виду знаменитая парижская Эйфелева башня, названная по имени автора

783

Вероятно, речь идет о Н. М. Андреевой.

784

Фонтенбло, Мальмезон – живописные, связанные с историей Франции места под Парижем.

785

В первом отделении писатель читал свои рассказы из книги «Посолонь» и легенды, во втором – отрывки из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

786

С. М. Волконский выступал с лекциями: «О поэзии Пушкина. По России вслед за его музой» и «Русский язык. Засорение и мистика».

787

Обычно А. М. Ремизов выступал по 2–3 раза в год.

788

Цветаева из-за болезни не смогла пойти на доклад С. М. Волконского «И. С. Тургенев»

789

Семейный билет (фр.).

790

Н. П. Гронский учился на первом курсе юридического факультета и сдавал годовые экзамены. Впоследствии он перешел на факультет литературы и языка Парижского университета

791

Сухомлин Василий Васильевич.

792

Алексеев Н. Н.

793

Тартарен – герой трилогии, в т. ч. романа «Тартарен в Альпах», А. Доде.

794

Верхней (фр.).

795

Гронский П. П.

796

Текст письма написан на открытке с изображением местной церкви, подписанной: La Basilique Notre-Dame-de-la-Fin-des-Terres (Богоматерь-Конца-Земли) (фр.).

797

Аля получила от Гронского в подарок книгу с надписью «Але с днем ангела, хотя у нее ангела и нет»

798

Из стихотворения «Але», цикл «Стихи к дочери»

799

Апулей – древнеримский писатель, автор романа «Метаморфозы» («Золотой осел»).

800

Сказка С. Т. Аксакова.

801

«Моему великому другу Родену» (фр.).

802

На эти дни пришлось драматические события в семье Н. Гронского: его мать решила оставить отца и уйти к другому человеку.

803

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Порядок вещей (фр.).

804

Астрологи приписывали этой планете злое влияние

805

М. С. Булгакова.

806

В. Д. Иванов.

807

Цветаева была обеспокоена задержкой чешского иждивения.

808

Письма Рильке Цветаева сдала в февральский номер «Воли России».

809

Фильм английского режиссера и актера Герберта Уилкокса «Dawn» («На заре», 1928).

810

С. Я. Эфрон готовил обзор советских журналов для «Евразии».

811

Роман Н. С. Лескова, одно из любимых произведений Цветаевой.

812

Автор исторических работ и известной Дилогии «В лесах» и «На горах».

813

Речь идет о предполагаемом участии С. М. Волконского в вечере Цветаевой

814

Летом 1929 г. Гронский уехал в Аллемон, в горы.

815

Речь идет о возможности снять на лето дом в Савоие

816

Хозяин дома в Аллемоне, где остановился Гронский.

817

«полковник-рабочий», знакомый С. Я. Эфрона.

818

От имени г-на Гаганидзе для одной русской семьи (фр.).

819

Через неделю Цветаева телеграммой отказалась от своей просьбы: Remettez depart
lettre suit. Marina. (Отправленное письмо отменяется)

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

820

В. С. Гриневич.

821

С. М. Волконский.

822

Шингарев В. А.

823

Дворянин (фр.).

824

Ивонна д'Ориоль, близкая знакомая Т. Л. Толстой.

825

Родзевич К. Б. и Булгакова М. С.

826

В. Д. Иванов

827

«Пленница» (фр.).

828

«Это вас удивляет? Меня нет, – есть много, много голов» (фр.).

829

«Воспоминания» («Царствование Николая II». В 2 т. Берлин: Слово, 1922)

830

Одна из старших сестер А. В. Черновой – Наталья, – вскоре вышедшая замуж за Д. Г. Резникова.

831

Шарнипольский С. П.

832

Ильин В. Н., один из авторов брошюры-выпада против газеты «Евразия».

833

Закончив весной 1929 г. поэму «Перекоп», Цветаева пыталась пристроить ее в один из журналов.

834

Н. С. Гончарова.

835

Яннингс Эмиль – немецкий актер театра и кино.

836

Речь идет об анонсе вечера Романтики 26 апреля 1930 г.

837

Цветаева с сыном уезжали на лето в Савойю

838

С. М. Волконский.

839

Текст письма написан на открытке с видом Bonneville l'Eglise. Приписка сделана внизу под картинкой

840

Гронский, по просьбе Цветаевой, собирался приобрести для нее книгу «Ундина»

841

Текст письма написан на двух видовых открытках: 1) La Roche-sur-Foron, La Tour des Capicins; 2) La Roche-sur-Foron, Chateau de l'Echelle.

842

Собака – пастух – четыре – глаза (фр.).

843

сантимов

844

Туржанская Н. Н.

845

«Гостей» (фр.).

846

Дневниковая проза Цветаевой, которую Гронский перепечатывал.

847

Низ живота (фр.)

848

С Аппесу связан эпизод в Жан-Жака Руссо, который, будучи учеником гравировщика, бежал от него без всяких средств в Аппесу.

849

Туда и обратно (фр.).

850

Н. Н. Гронская, мать Н. П. Гронского.

851

Текст письма написан на двух видовых открытках: 1) En Savoie. – Sur la Montagne. Les Vaches au Paturage – В Савойе. – Коровы на пастбище. (фр.), 2) Corges des Evaux et les Rochers de Foreles. Приписка сделана на первой открытке.

852

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Афанасов Николай Ванифатьевич – бывший десятник водоканала в г. Калуге.

853

Н. Н. Туржанская.

854

Саблин Н. П. – старший офицер гвардейского экипажа, флигель-адъютант.

855

«Франция и мир» (фр.).

856

В. Б. Фохт участвовал в создании франко-Русской студии и сотрудничал с французскими журналами, в т. ч. с «France et Monde».

857

К письму Цветаева приложила доверенность

858

Наложение ареста на имущество в восемь дней (фр.).

859

Современные гуманитарные науки (фр.).

860

После полдня (фр.).

861

Штранге М. М. – знакомый С. Я. Эфрона, в то время студент Сорбонны

862

Гёста Берлинг – роман С. Лагерлёф «Сага о Йесте Берлинге», одно из самых любимых произведений Цветаевой

863

Речь идет о статье «О новой русской детской книге».

864

В. С. Гриневич.

865

Ивонна д'Ориоль

866

Цветаева собиралась переехать на другую квартиру в Кламаре (10, Rue Lazare Carnot).

867

«Лихорадка» (фр.).

868

фильм был снят французским режиссером Луи Деллюком

869

Дорогой друг, составьте мне с Муром компанию (фр.).

870

Отец Н. П. Гронского

871

Вероятно, денежного пособия от Союза русских писателей (литераторов) и журналистов.

872

Пособие, полученное от Комитета помощи русским писателям и ученым

873

Н. Иловайская

874

Прошедшее еще впереди,

и в будущем лежат трупы.. (нем.).

875

Вероятно, письмо В. Н. Буниной, о том, что та – урожденная Муромцева и что через Иловайских была связана с цветаевским домом.

876

Валерия была старше на девять лет

877

Битва цветов (фр.).

878

И не без основания (фр.).

879

Традиционный народный праздник «Битва цветов» в итальянском городке Нерви

880

Экскурсия (нем.).

881

Речь идет о Галине Николаевне Кузнецовой, которая с 1927 г. жила у Буниных в Грассе.

882

«После России».

883

Крайнее средство (фр.).

884

«Сезам, отворись!» (нем.)

885

В современном языке: Tor – ворота, Tat – дело, поступок.

886

«Вечер Романтики» 26 апреля 1930 г.

887

М. Цветаевой «Ты, чьи сны еще непробудны...»

888

В 1910 г. Цветаевой было 18 лет. Стихотворение было написано в 1913 г.

889

Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке после революции был снесен на дрова.

890

Цветаева начала писать воспоминания «Дом у Старого Пимена».

891

Муромцева (Шарвин-Муромцева, в замужестве Родионова) Ольга Сергеевна – врач.

892

А. А. Коврайская

893

О. Д. Иловайская первым браком была замужем за Кезельманом, знакомым В. Н. Буниной еще по гимназии. Во втором браке – Матвеева. Жила в Сербии, Германии. В. Н. Бунина поддерживала с ней отношения до самой смерти.

894

Письмо на открытке сестры Цветаевой Анастасии.

895

Женился Андрей лет девять назад, на польке, с двухлетней девочкой, которой сейчас 11 лет. Собственной его дочке только два (примеч. М. Цветаевой).

896

Урожденная Пшицкая Евгения Михайловна

897

Цветаева Инна Андреевна

898

У Аси, вышедшей замуж 16-ти лет, сын Андрей, 20-ти лет, инженер. Работает на Урале. Хороший сын и юноша (примеч. М. Цветаевой)

899

Лилеева Ирина Александровна, дочь Е. М. Цветаевой от первого брака.

900

«Ни пламя, ни уголь не могут жечь так горячо...» (нем.).

901

В парижской газете «Россия и Славянство» были опубликованы воспоминания В. Н. Буниной «У Старого Пимена» (1931, 14 февраля).

902

Шевлягин Сергей Иасонович – преподаватель латыни.

903

Воспоминания М. Цветаевой о М. Волошине «Живое о живом», опубликованные в № 52, 53 за 1933 г. «Современных записок»

904

В Латвию, в ежедневную газету «Сегодня», выходившую в Риге под редакцией известного журналиста Максима Ипполитовича Ганфмана

905

Мать Иоанна Предтечи, двоюродная тетка девы Марии, первая узнала в ней Матерь Божию (библ.).

906

Знакомый В. Н. и И. А. Буниных.

907

«Священный трепет» (нем.).

908

Милюков Павел Николаевич, редактор «Последних новостей».

909

Воспоминания В. Н. Буниной о семье Иловайских.

910

Церковь Преподобного Пимена в районе М. Дмитровки (ныне ул. Чехова). Разрушена в 1932 г.

911

Церковь Флора и Лавра на Мясницкой улице. Разрушена в 1933 г.

912

«Кремль» – газетно-журнальное издание, выходившее в Москве в 1897–1916 гг. Его издателем и редактором был Д. И. Иловайский.

913

В доме Д. И. Иловайского на одной из дверей висел охотничий рог, которым хозяин сзывал гостей на трапезу. Роланд – рыцарь Карла Великого, по преданию, погибая в неравной схватке с врагами, затрубил в рог; Карл его услышал и отомстил врагам.

914

Эррио Эдуар – лидер французской партии радикалов. Бальбо Чезаре – лидер итальянской национальной партии. Росси Пеллегрини – во времена февральской революции во Франции министр внутренних дел, полиции и финансов.

915

С. А. Муромцев.

916

Дом для престарелых под Парижем.

917

Газета выходила в Санкт-Петербурге. А. Д. Мейн был ее московским обозревателем.

918

Мрозовский Иосиф Иванович.

919

В Sainte-Genevieve-de-Bois находится главное кладбище русской эмиграции.

920

– Полно, не всегда легенда лжет!

Иногда мечта менее обманчива, чем документ... (фр.).

921

Бернацкие – старинный дворянский род шляхетского происхождения, был внесен в одну из частей книги княжеских родов Смоленской губернии.

922

«Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным» (фр.)

923

А. А. Вырубова, автор воспоминаний «Страницы моей жизни» (Берлин: Изд-во О. Дьяковой, б. г.) и дневников «Фрейлина ее величества» (Рига: Ориент, 1928).

924

Видимо, копия скульптуры «Давид» работы Микеланджело Буонарроти

925

О мемуарах Г. В. Иванова

926

Вкратце (фр.).

927

Мильруд Михаил Семенович. Соредатор и издатель газеты «Сегодня».

928

Губка, гриб (нем.).

929

Оставим это (нем.).

930

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Дом живых людей» (фр.). Роман французского писателя Клода Фэррера.

931

Присказка из русской народной сказки «Медведь – липовая нога».

932

Бенуа Александр Николаевич

933

Дело общее (фр.).

934

Демидов И. П.

935

Волконский Сергей Григорьевич

936

Обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг.

937

Писатель С. Т. Аксаков.

938

Вероятно, Цветаева имеет в виду автобиографические «Мысли о России» Ф. А. Степуна, опубликованные в «Современных записках» с перерывами с 1923 по 1928 гг. (9 номеров).

939

Т. е. с очерком «Живое о живом».

940

Лучше (фр.).

941

Предположительно? (примеч. М. Цветаевой).

942

Шесть дней (фр.).

943

Шесть секунд (фр.)

944

Т. е. очерк «Открытие музея».

945

Т. е. героини повести И. С. Тургенева «Ася».

946

Цитата из очерка «Дом у Старого Пимена».

947

Альтенберг Петер «Как я это вижу» (нем.).

948

С дерзким взмахом (нем.).

949

Ширинская-Шихматова (урожденная Зильберберг, в первом браке – Сомова, во втором – Савинкова) Евгения Ивановна.

950

От фр. type – образец.

951

Елпатьевский Сергей Яковлевич – писатель-народник.

952

Здесь: домовладелица (фр.).

953

Фондаминский (псевдоним Бунаков) Илья Исидорович – один из редакторов «Современных записок».

954

Имеется в виду Сара Бернар.

955

Перемирие (фр.). – 11 ноября 1918 г. состоялась капитуляция Германии, что практически означало окончание первой мировой войны.

956

Письмо – отклик на присуждение И. А. Бунину Нобелевской премии.

957

Братство (фр.)

958

«За заслуги» (фр.).

959

Е. И. Ширинская-Шихматова.

960

Цитата из воспоминаний о Блоке З. Н. Гиппиус «Мой лунный друг».

961

Божественная гордость (фр.).

962

Урожденная Гавронская Амалия Осиповна – жена И. И. Фондаминского.

963

Желаю счастья! (нем.)

964

Мужества к счастью! (нем.)

965

Хорошо (нем.).

966

Письмо написано под впечатлением чествования И. А. Бунина русскими организациями по случаю присуждения ему Нобелевской премии

967

«Русские часто бывают романтиками» (фр.).

968

французский славист Эмиль Оман. На чествовании И. А. Бунина выступил с приветственной речью.

969

Гофмансталь Гуго фон, «Авантюрист и певица» (нем.).

970

Предчувствующая либо сочувствующая (нем.).

971

Надя Иловайская

972

Письмо по пневматической почте (фр.).

973

Статья М. Цветаевой «Два „Лесных Царя“» была опубликована в журнале «Числа» (Париж. 1934. № 10).

974

Она держала бокал в руке.

Ее подбородок и рот были вровень с его краями (нем.).

975

Это меня преследует (фр.)

976

Доклад В. Ф. Ходасевича, посвященный памяти скончавшегося 8 января 1934 г. Андрея Белого. Стихи А. Белого прочли Н. Берберова и В. Смоленский.

977

Петровская Н. И.

978

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тургенева А. А., жена Андрея Белого.

979

То есть у последней императорской четы в России.

980

«У династии, которой 2600 лет, наконец-то радость» (фр.).

981

Брешко-Брешковской Е. К., которую называли «бабушкой русской революции»

982

Очерк «Пленный дух».

983

Артемов Г. К. – художник, скульптор. Его жена, урожденная Никанорова, Лидия Андреевна – художница.

984

Бельгийский Король Альберт I стал жертвой несчастного случая, занимаясь альпинизмом в Арденнах.

985

Здесь: игроки в гольф; от франц. tee – метка для мяча (в гольфе).

986

Популярный парижский журнал. Выходил также под названием «Vu et Lu» («Зрелище и чтение»).

987

«Я вижу бельгийский народ в печали и озабоченным: Бельгия поражена в голову...» (фр.).

988

Высший курс (грамматики) (фр.).

989

Эллипс! инверсия! (лингв., фр.)

990

Наречие (фр.).

991

Диктант и чтение наизусть (фр.).

992

Тихий человек (фр.).

993

Он встает спокойно, // Завтракает торопливо, // В Люксембургском парке часто // Прогуливается поздно, // Газету читает тщательно, // И после того, как ужинает обильно, // К своему товарищу Клидаману // Отправляется беседовать подолгу; // Возвращается, чтобы поужинать скромно, // Идет домой к себе в квартиру, // Говорит

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отче наш набожно, // Раздевается медленно, // Ложится в постель спокойно, // И спит
очень крепко (фр.) (Учебный пример на наречие в переводе В. Лосской).

994

– А когда он зарабатывает деньги? (фр.).

995

Первая строка стихотворения А. А. Фета «Смерти» (1884).

996

После поездок, связанных с вручением И. А. Бунину Нобелевской премии и
двухнедельного пребывания в Париже, Бунины в феврале 1934 г. уехали в Грасс.

997

Речь, вероятно, идет об автобиографической книге Святой Терезы маленькой «Vie de
Ste Thérèse de l'Enfant Jésus écrite par elle-même». В миру – Мари Франсуаза
Тереза Мартен; канонизирована в 1925 г.

998

«Дело Пранцини» (фр.).

999

В «Последних новостях» (13 мая 1934 г.) был опубликован фрагмент очерка о Белом:
«Из рукописи „Пленный дух“ (Моя встреча с Андреем Белым (Цоосен))».

1000

П. Н. Милюков получил травму головы и по совету врачей уехал на несколько недель
на юг Франции

1001

сын П. Н. Милюкова, Сергей, был убит на фронте в 1915 г.

1002

Алексинская Н. И.

1003

Это любопытно! Как китайский похож на английский! (фр.)

1004

Но он говорит вам по-немецки! (фр.)

1005

Летучая мышь (фр.).

1006

Стихотворение М. Цветаевой из сборника «Версты I». (М., 1922).

1007

Брат С. М. Волконского, русский католик.

1008

Святая Тереза маленькая (фр.).

1009

Могилевский В. А. – заведующий конторой «Последних новостей».

1010

3 августа 1934 г. «Последние новости» опубликовали ее рассказ «Страховка жизни». Рассказ «Китаец» в газете был напечатан 24 октября 1934 г.

1011

Демидов И. П.ч.

1012

П. Н. Милюков.

1013

И. А. Бунин.

1014

За 1933 г. было пять её публикаций и две за 1934 г.

1015

Гронский П. П.

1016

Ладинский А. П.

1017

Берберова Н. Н.

1018

Поляков А. А.

1019

Алданов М. А.

1020

Здесь: отправление (почтовое) (фр.).

1021

Гавронский Я. Б.

1022

Из стихотворения М. Цветаевой «Тебе – через сто лет» (1919).

1023

В 1912 г. Цветаевой с мужем купили дом в Казачьем переулке, расположенном между Большой Ордынкой и Большой Полянкой.

1024

Цветаева имеет в виду свой предыдущий вечер 15 марта 1934 г.

1025

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
getreu (нем.) – верный.

1026
Название парижского квартала.

1027
Барабанов Николай Федорович

1028
Автобиографический очерк «Черт».

1029
Густав Фрейтаг. «Потерянная рукопись» (нем.).

1030
Ширинский-Шихматов Ю. А. Выступал на разных собраниях в Париже от имени эмигрантской «молодежи».

1031
Чтиво и зрелище (фр.). Правильно: Vu et Lu.

1032
Имеется в виду роман с К. Б. Родзевичем.

1033
Из письма к А. В. Бахраху: «Счастье на чужих костях – этого я не могу».

1034
Предначертано (фр.).

1035
Курсы французской литературы.

1036
Т. е. возвращению в Советский Союз.

1037
По-видимому, речь идет о «Письме к амазонке».

1038
Литературный «праздник» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

1039
«Сказка матери».

1040
Алданов – постоянный консультант и сотрудник «Последних новостей»

1041
Который не является таковым (фр.).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1042

Струве Михаил Александрович сотрудничал в «Последних новостях» и других периодических изданиях. Одно время работал в типографии «Последних новостей».

1043

Зеелер Владимир Феофилович.

1044

Выступление Цветаевой «Последняя любовь Блока» не состоялось.

1045

2 февраля 1935 г. на вечере памяти А. А. Блока, устроенном литературной группой «Перекресток», Цветаева прочитала доклад «Моя встреча с Блоком», а Ходасевич выступил с докладом «Блок и его мать».

1046

Плещеев Александр Алексеевич.

1047

Амфитеатров Александр Валентинович

1048

Миронов Мирон Петрович 25 января 1934 г.

1049

Мандельштам Юрий Владимирович

1050

Цетлин М. С.

1051

Пугалы (фр.).

1052

Измененная цитата из стихотворения М. Цветаевой «Тоска по родине! Давно...». В стихотворении: «Камчатским медведем без льдины...»

1053

В итоге – 2 часа (фр.).

1054

Цветковская Е. К. – третья жена К. Д. Бальмонта.

1055

Мирра Бальмонт.

1056

«Пушкинский концерт», устроенный Союзом русских писателей и журналистов 5 мая 1935 г. Были исполнены сцены из опер «Мазепа», «Борис Годунов», «Пиковая дама» и др.

1057

«Поставки» (фр.).

1058

В номере, вышедшем в июне, были напечатаны стихи «Памяти Н. П. Гронского»

1059

Елпатьевская (урожденная Соколовская) Людмила Ивановна

1060

Отправление на каникулы (фр.).

1061

Вечер Цветаевой с чтением «Черта» состоялся 20 июня 1935 г.

1062

К. Д. Бальмонт, в последние годы жизни страдавший психическим заболеванием, был помещен в санаторий недалеко от Парижа.

1063

Вероятно, Агаджанян Карп Сергеевич, невропатолог, видный деятель Общества русских врачей имени Мечникова во Франции

1064

Смотрительница (фр.).

1065

Образцы (фр.).

1066

– Добрый вечер, моя первая, моя последняя, моя единственная любовь!

– Добрый вечер, мой дорогой! (фр.)

1067

Е. К. Цветковская.

1068

А. И. Цветаев умер в 1933 г.

1069

Письма Гёте к госпоже Шарлотте фон Штайн...

«Шарлотта фон Штайн умерла по достижении 85 года жизни 6 января 1827 г. Перед смертью она завещала, чтобы ее гроб не проносили мимо дома Гёте, потому что при виде этого он мог бы разволноваться. Но городские распорядители полагали, что столь знатную покойницу должно проводить на кладбище только по главной улице.

Гёте попросил своего сына присутствовать на похоронах вместо него» (нем.)

1070

Имеется в виду книга Carre J. M. «Vie de Goethe». Построена на высказываниях современников Гёте.

1071

Урожденная Текстор Катарина-Элизабет

1072

Волошина Елена Оттобальдовна.

1073

Речь идет о вечере Цветаевой 11 апреля 1935 г., посвященном Н. П. Гронскому.

1074

Книга для записей (тетрадь).

1075

Врангель Н. А.

1076

Письмо написано на открытке с видом пляжа около Фавьера.

1077

Рядом с этим абзацем в письме небольшой чертеж, иллюстрирующий расположение двух комнат, и надпись: «окно», «выемка: Двери нет», «дверь с воли, т. е. с внешней лестницы».

1078

«Воскресный иллюстрированный журнал» (фр.).

1079

Журнал «Воля России» прекратил свое существование в 1932 г.

1080

Шуман Роберт – немецкий композитор.

1081

Т. е. о последних годах жизни Наполеона на о. св. Елены.

1082

Ходасевич Ольга Борисовна

1083

В октябре 1936 г. И. А. Бунин ездил в Прагу с выступлениями. По дороге, в немецком городе Ландау, он подвергся унижительному таможенному досмотру.

1084

Материал о злоключениях И. А. Бунина в Германии

1085

Зайцева Вера Алексеевна

1086

Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Она сидела на полу...».

1087

Чувствительность (фр.).

1088

«Мой Пушкин» был опубликован в № 64 «Современных записок»

1089

Токио – зал Русского музыкального общества за границей (26, avenue de Tokyo)

1090

Перевод пушкинских «Бесов» на французский, сделанный Цветаевой

1091

«Nouvelles littéraires» – парижская еженедельная газета. Реплика Цветаевой, по-видимому, относится к стихотворным переводам Робера Бразильяка и Наталии Гуттнер.

1092

В программе вечера – проза «Мой Пушкин», «Стихи к Пушкину» и французские переводы лирики.

1093

Автор заметки «Сын памятника Пушкина» – А. Ф. Даманская

1094

А. А. Гефтер

1095

В Россию.

1096

Во время поездки Цветаевой в Лондон в марте 1926 г. Р. Н. Ломоносова находилась в Берлине.

1097

Старинный дворянский род, к которому принадлежал муж Р. Н. Ломоносовой, не имел родственных связей с М. В. Ломоносовым.

1098

Николаевна

1099

Б. Л. Пастернак.

1100

В рукописи зачеркнуто

1101

Часть зимы 1929 г. Р. Н. Ломоносова провела в Италии, и по пути в США она собиралась остановиться в Париже.

1102

Когда Цветаева вышла замуж за С. Я. Эфрона, ей шел двадцатый год, а ему

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
девятнадцатый.

1103
Н. П. Кондаков.

1104
18 сентября 1929 г. А. С. Эфрон исполнилось 17 лет

1105
Не чудо-ребенок, а чудесный ребенок (нем.).

1106
Детская Вальхалла (нем.).

1107
Муссолини Бенито – фашистский диктатор Италии.

1108
«Маленький феномен», «Наполеон на Св. Елене», «Мой нежный Иисус маленький римский король» (фр.).

1109
Воскресное дитя (нем.).

1110
Из стихотворения «Сын» («Так, левою рукой упершись в талью...», 1920).

1111
«Поэма о Царской Семье»

1112
«Темные кипарисы! – Мир слишком весел. – Все будет забыто» (нем.). Часто цитируемое Цветаевой трехстишие из стихотворения Теодора Шторма

1113
Ломоносов Юрий Юрьевич увлекался мотоциклом и нередко попадал в аварии.

1114
«Повесть» Б. Пастернака была опубликована в «Новом мире»

1115
Очерк «Наталья Гончарова»

1116
Зимой 1929–1930 гг. муж Е.А. Хенкиной, артист Хенкин Виктор Яковлевич гастролировал в США, и его семья переселилась на несколько месяцев из Парижа в Нью-Йорк.

1117
Семейный пляж (фр.).

1118

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сын Е. А. Хенкиной, Кирилл Викторович Хенкин – литератор.

1119

К письму было приложено письмо Е. А. Хенкиной к Р. Н. Ломоносовой

1120

Курсы при Лувре: История искусства и живописи (фр.).

1121

Кутепов Александр Павлович, председатель «Русского общевойскаского Союза» был похищен в Париже большевистскими агентами.

1122

Людвиг Эмиль, «Вильгельм Второй» (нем.). – книга о немецком императоре Вильгельме II

1123

Пастернак Е. В. – первая жена Б. Л. Пастернака, художница.

1124

писатель, литературовед, переводчик.

1125

Под этим названием вышли в немецком переводе Макса Мейерфельда посмертно опубликованные произведения Оскара Уайльда «De Profundis» («Глубины») и «The suppressed portion of 'De Profundis'» («Запрещенная часть глубин»). Уже существовал перевод «De Profundis» в издании «Сочинения Оскара Уайльда» (М.: Гриф, 1905).

1126

Kelsey – председатель Общества культурного сближения с Советской Россией (Филадельфия).

1127

В статье «The present state of Russian letters» (The London Mercury. 1927. № 93.).

1128

Цветаева так в ве встретила с Р. Н. Ломоносовой. Пастернак и Святополк-Мирский встречались после возвращения последнего в СССР в 1932 г. Пастернак останавливался у Р. Н. и Ю. В. Ломоносовых в Лондоне в 1935 г. по пути из Парижа после Международного конгресса писателей в защиту культуры.

1129

Он был поэтом и терпеть не мог приблизительностей (нем.)

1130

Безопасное (сущ.) (нем.).

1131

Последняя строфа стихотворения М. Цветаевой «Хвала Времени».

1132

Не снисхожу

1133

Сусанна Давыдовна Мейн (Тьо).

1134

Риск– это я (фр.). Переиначенное Цветаевой известное выражение Людовика IV: «Государство – это я».

1135

Из стихотворения Б. Пастернака «Про эти стихи» (1917).

1136

Текущий счет (фр.).

1137

Название площади и станции метро в Париже.

1138

«Кто Вы, мадам» (фр.).

1139

«Русская беженка, месье» (фр.).

1140

Замок (фр.).

1141

Город в Калифорнии, где находилась Р. Н. Ломоносова.

1142

«Пока что я нахожу, что ему лучше, но будущее всегда неизвестно!» (фр.)

1143

Иллюстрации и наброски Н. С. Гончаровой к французскому «Молодцу» хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (31 рисунок).

1144

Ключ в колодце (фр.).

1145

Пригород (фр.).

1146

Городские налоги (фр.).

1147

Искусство и реклама (фр.).

1148

Волшебной флейты (нем.).

1149

Крылова (урожденная Драницына) Елизавета Дмитриевна

1150

А. Белый снимал дачу в Кучино по Нижегородской (Горьковской) железной дороге.

1151

Извольская Елена Александровна – автор многочисленных работ на религиозные темы, переводчица.

1152

Речь идет о посылке, по просьбе Пастернака, денег для М.Цветаевой

1153

Панаева (урожденная Головачева) Авдотья Яковлевна. Воспоминания. 1824–1870.

1154

Кто твой ближний? – Кому ты нужнее всего (нем.).

1155

«Помолвка» (фр.)

1156

Набережным (фр.).

1157

Фильм американской студии «Универсал». Режисер – Майлстоун Льюис.

1158

Семейное прозвище сына Р. Н. Ломоносовой, Юрия.

1159

Ш.Вильдрак познакомился с Б. Л. Пастернаком осенью 1929 г., когда приехал на празднование 30-летия Московского Художественного Театра.

1160

«Маленькая Катерина» – пьеса французского драматурга Альфреда Савуара (Познанский). Декорации для постановки в театре «Antoine» М. Ф. Ларионова, костюмы – Н. С. Гончаровой.

1161

Кромвель – деятель английской буржуазной революции XVII в., игравший важную роль в казни короля Карла I

1162

Из баллады «Lochiel's warning» английского поэта Т.Кэмбелла.

1163

Пильняк Б. А. направлялся в США по приглашению и остановился в Париже.

1164

Пастернак Евгений Борисович – литературовед.

1165

Еремеева Зинаида Николаевна – жена пианиста Генриха Нейгауза, стала второй женой Пастернака в 1934 г.

1166

Роман в стихах Б. Пастернака «Спекторский» вышел отдельным изданием в 1931 г. М. Цветаева была одним из прототипов героини – Марии Ильиной. Повесть «Охранная грамота» выпущена в том же году, посвящена Рильке.

1167

Из стихотворения А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»

1168

Первая строка из стихотворения М. Цветаевой без названия цикла «Комедьянт»

1169

Из стихотворения М. Цветаевой «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»

1170

Вклеена вырезка из письма Броуна с его адресом. Имя вписано рукой Цветаевой.

1171

Брис Парэн

1172

Речь идет о Н. Вундерли-Фолькарт.

1173

Многие из стихотворений Б. Пастернака в книге «Сестра – моя жизнь» навеяны его любовью к Елене Александровне Виноград

1174

Р. Н. Ломоносова, очевидно, показывала письмо знакомым, уговаривая их помочь Цветаевой материально.

1175

В «Евразии» С. Я. Эфрон напечатал: «Очерки русского подполья»; «От Комитета Парижской Группы евразийцев»; «Кадеты и революция»; отзывы о советских журналах и др.

1176

Статья С. Я. Эфрона «Долой вымысел: о вымысле и монтаже». В следующем № (1 мая) – «Заметки о кино».

1177

«Руска кинематографска индустрија» – «Руски архив» (1931. № 13).

1178

Например: «Октябрь 1917 года» (На чужой стороне. Берлин; Прага. 1925. № 11); «Видовая» (Своими путями. Прага. 1926. № 12/13); «Тиф» (Ковчег. Прага. 1926. № 1); «Тыл» (Благонамеренный. Брюссель. 1926. № 2).

1179

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пугало (фр.).

1180
Н. Городецкая. «В гостях у М. И. Цветаевой».

1181
Русская народная сказка «Упырь».

1182
Сиротинин В. Н.

1183
Вся вещь, по-немецки: Kristin, Laurinstochter (примеч. М. Цветаевой).

1184
Л. М. Тихвинский должен был деньги Ломоносовым, и, надо полагать, что, отправляя перевод Цветаевой, он гасил часть своего долга.

1185
Цветаева, вероятно, имеет в виду свой роман с К. Б. Родзевичем.

1186
Речь идет об осложнениях, связанных с лечением Ю. Ю. Ломоносова. Ему даже грозила ампутации ноги.

1187
В Японии Е. А. Извольская пробыла недолго, выйдя замуж, она вскоре вернулась во Францию.

1188
Отсутствие новостей – хорошие новости (фр.).

1189
Улыбка посольства (фр.).

1190
Международная колониальная выставка в Париже, май–октябрь 1931 г.

1191
Е. В. Пастернак лечилась в это время в Германии.

1192
Отдельным изданием «Крысолов» не вышел.

1193
А. С. Эфрон гостила у В. И. и М. Н. Лебедевых.

1194
Открытка с Рождественской картинкой работы А. С. Эфрон: «Meudon 29 декабря 1931 г. Милая Раиса Николаевна, поздравляю Вас и Ваших с Рождеством и Новым Годом, желаю всего, всего лучшего, а главное – здоровья сына! Очень хотим все с вами увидеться – увидеть воочию! Целую Вас. Ариадна Эфрон».

1195

Альбертини (урожденная Сухотина) Татьяна Михайловна

1196

Ивонна д'Ориоль. Близкая знакомая Т. Л. Толстой

1197

Вероятнее всего, сборник стихов «После России», только что вышедший из печати.

1198

Т. е. первые главы «Уличка» и «Мастерская» очерка «Наталья Гончарова». Описание лестницы вошло в главу «Уличка».

1199

Имеются в виду стихи «Счастье или грусть...» и «Психея» («Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин...»), обращенные к Гончаровой Наталии Николаевне, жене Пушкина.

1200

Все, чтобы продолжить его (фр.).

1201

В. С. Познер на вечере не выступал

1202

Дроздовцами называли военнослужащих полка Добровольческой армии под командованием М. Г. Дроздовского. Можно предположить, что речь идет о С. Я. Эфроне, как одном из дроздовцев.

1203

С 1928 г. в Веймаре жили дочь поэта Рут Зибер-Рильке и ее муж Карл Зибер, занимавшиеся сбором материалов о поэте и изданием его писем.

1204

«Новогоднее»

1205

Имеется в виду очерк «Твоя смерть».

1206

Заглавие – «Твоя смерть» (примеч. М. Цветаевой).

1207

Отрывок из «Слова о полку Игореве» в переводе Рильке был опубликован в 1930 г. в еженедельном приложении к немецкой пражской газете «Prager Presse» от 16 февраля 1930 г. Во вступительной статье было сказано о завершении Рильке своего перевода еще в 1904 г.

1208

Тайный советник (нем.).

1209

Тайный советник (фр.).

1210

Очерк Цветаевой «Несколько писем Райнер Мария Рильке» в переводе на французский был напечатан в журнале «Cahiers de l'Etoile»

1211

Возле умирающего Рильке находились врач Т. Хэммерли-Шиндлер, Н. Вундерли-Фолькарт и сестра-сиделка

1212

Поселок в Верхней Савойе.

1213

Одновременно с письмом Цветаева отправила номер «Cahiers de d'Etoile» с переводом своего очерка.

1214

Книга: Lou Andreas-Salome. Rainer Maria Rilke. Leipzig, 1928

1215

Игра звуков: «он» по-немецки: «ер».

1216

Быть – иметь (фр.).

1217

Лучше быть, чем иметь (фр.).

1218

Беттина фон Арним

1219

Рильке находился в Париже с 7 января по 18 августа 1925 г.

1220

Имеется в виду гробница Наполеона, расположенная в открытой крипте Дома Инвалидов в Париже.

1221

Черносвитова Е. А.

1222

Книгу античных мифов.

1223

Эта фотография висела у Цветаевой в комнате над письменным столом.

1224

Рильке родился в Праге, учился в местной немецкой школе, посещал занятия в Пражском университете Карла-Фердинанда

1225

В Медоне Рильке жил, исполняя секретарские обязанности у Родена.

1226

Речь идет о книге «Zwei Prager Geschichten von Rainer Maria Rilke». Stuttgart, 1899

1227

Rainer Maria Rilke. Briefe aus den Jahren 1902 bis 1906. Leipzig, 1930.

1228

«Элегия для Марины» была написана в замке Мюзот

1229

Лу Андреас-Саломе. «Вложено в руки Лу» – слова посвящения Рильке на «Часослове».

1230

Имеется в виду Натузиус Филипп – поэт и публицист. Состоял с Беттиной фон Арним в переписке.

1231

Мы еще увидимся (фр.).

1232

Только что изданный второй том писем Рильке «Briefe aus den Jahren 1906 bis 1907».

1233

Семейству фолькартов принадлежало имение Зеебург на Боденском озере, расположенном в предгорьях Альп.

1234

Афродита – богиня любви и красоты, возникшая из морской пены (греч. миф.).

1235

Возможно, имеется в виду Игнатий Семенович Якубович.

1236

Глава «Вечер поэтесс» в очерке «Герой труда».

1237

Красный (нем.).

1238

Ворота (нем.).

1239

Деяние (нем.).

1240

Кей Эллен – шведская писательница, знакомая Рильке.

1241

В письме к жене 29 мая 1906 г. Рильке рассказывает о своих встречах с Кей в

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Париже: «Эллен Кей чуть ли не обижается, когда ей где-либо предлагают заплатить, и с чрезвычайным недоверием относится к тому, кто берет ее деньги. ... С тех пор как она здесь, я сам, будучи рядом с ней, оказываюсь в невероятной нищете. Мы ждем с ней то одних, то других автобусов на самых разных углах, иногда едим с ней, словно украдкой, ... и мне подчас сдастся, будто она питается в основном тем, что подают ей в гостях. Такая скупость горька, хотя и оборачивается свободой, которой мы можем пользоваться. ... Но она добра и честна, милая Эллен Кей, и убеждена в своей правоте, и так трогательно далека от любого опыта. ... Да и о внутренней жизни с ней вряд ли возможно говорить, ибо у нее остались какие-то странные праздничные идеалы...»

1242

По-немецки: R. und er.

1243

Скрябин Юлиан

1244

Голубовская Надежда Иосифовна.

1245

Рисковать (фр.).

1246

Киносъемка (фр.).

1247

Иностранка (фр.).

1248

«гадательное золото Рейна, в которое верят только поэты».

1249

Герцог Рейхштадтский.

1250

Первый Консул (фр.).

1251

Брак с С. Я. Эфроном (27 января 1912 г.)

1252

Речь идет о революционере-эмигранте Владиславе Александровиче Кобылянском, жившим в Нерви в 1902–1903 гг. одновременно с Цветаевыми.

1253

Côte d'Azur – лазурный берег (фр.).

1254

Поэт выражает себя словами, скульптор – деяниями (фр.).

1255

По-видимому, речь идет о книге Rainer Maria Rilke «Auguste Rodin», Paris, 1928. Афоризм, цитируемый Цветаевой, принадлежит итальянскому автору Помпонию Гаурику

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и использован Рильке в качестве одного из эпиграфов к его книге «Огюст Роден»

1256

Софи Рильке умерла в 1931 г.

1257

С. Я. Эфрон провел летом 1931 г. три недели в замке д'Арсин в Верхней Савойе.

1258

к В. И. и М. Н. Лебедевым

1259

Розыскной лист (фр.).

1260

Хозяйка (фр.).

1261

Приходящая домашняя работница (фр.).

1262

по производству строительного картона

1263

«Воля России».

1264

Вышедший очередной том Рильке. Письма и дневники периода 1899–1902 гг.

1265

Имеется в виду стихотворение К. М. Фофанова «Весна и ночь», переведенного Рильке на немецкий язык в 1902 г. В издании 1931 г. русский текст стихотворения был воспроизведен латинскими буквами.

1266

М. Бетц, французский писатель, переводил также и письма Рильке.

1267

Издательство «Insel» в Лейпциге обладало издательскими правами на все произведения и письма Рильке.

1268

Мблodeц

1269

Р.-М. Рильке и Россия (фр.).

1270

Россия Р.-М. Рильке (фр.).

1271

Россия была огромным событием его бытия – и его развития (фр.).

1272

Рильке (урожденная Вестхоф) Клара – жена Рильке. Их недолгий брак распался в 1902 г. Клара Рильке занималась скульптурой, а также немного живописью.

1273

О могиле Рильке

1274

Ренé – имя, полученное Рильке при крещении.

1275

Вероятно, Н. Вундерле-Фолькарт прислала Цветаевой новые издания Рильке.

1276

В 1933 г. в журнале «Das Inselfschiff» (№ 3) было напечатано одно письмо Рильке к М. Турн унд Таксис.

1277

Marie von Thurn und Taxis-Hohenlohe. «Erinnerungen an Rainer Maria Rilke». München – Berlin – Zurich (1932). («Воспоминания о Райнере Мария Рильке».)

1278

По-видимому, речь идет о рождении внука Н. Вундерли-Фолькарт.

1279

Включает в себя фрагменты различных писем

1280

Сборник стихов «Livre d'amour» (книга любви, 1914).

В архиве Цветаевой хранится также книга для детей Вильдрака «Розовый остров», которую автор подарил сыну Цветаевой Георгию со следующей дарственной надписью: «Госпоже Марине Цветаевой, с надеждой на то, что эта история покажется ей достойной быть рассказанной ее маленькому „Молодцу“» (пер. А. С. Эфрон).

1281

«Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910) Рильке.

1282

Стихотворение Вильдрака из его сборника «Книга любви».

1283

Первые строчки стихотворений без названия из «Книги любви».

1284

Сборник рассказов Рильке «Истории о господе Боге»

1285

...Вот всадник без коня! (фр.)

Начальная строка стихотворения Ш. Вильдрака из цикла «Les Conquerants»

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(«Завоеватели»).

1286

Душевность в ответ на душевность (фр.).

1287

Во времена французской революции этот головной убор древних фригийцев возродился

1288

Литературно-художественный журнал, выпускавшийся в Ревеле. Первый номер журнала вышел осенью 1930 г.

1289

Стихи Цветаевой в журнале напечатаны не были

1290

Иваск прислал Цветаевой свою статью о ней, в сокращенном виде опубликованную в сборнике «Новь»

1291

Шишков А. С.

1292

В. И. Иванову Цветаева посвятила стихотворный цикл

1293

Стихотворение М. А. Кузмина «Св. Георгий (кантата)» написано в 1917 г.; цветаевский цикл «Георгий», вошедший в сборник «Ремесло», создан позже, в июле 1921 г.

1294

Стихотворение М. А. Кузмина «Пламень Федры» (1921), вошедшее в его сборник «Параболы».

1295

Сборник стихов М. Цветаевой «Психея. Романтика»

1296

В своей статье Иваск привел метрический разбор ряда ее стихотворений.

1297

Вячеславу Иванову.

1298

Цикл стихов «Ученик», посвященный С. М. Волконскому

1299

Речь идет о трагедии М. Цветаевой «Ариадна» («Тезей»)

1300

В стихотворении М. Цветаевой «Наяда», впервые появившемся в «Числах» под названием «Нереида», лейтмотивом повторяется строка: «Вечный третий в любви».

1301

Цветаева имеет в виду строку из стихотворения «Есть некий час...» цикла «Ученик»: «Ты – одиночества верховный час!» У Иваска в статье: «Цветаева в одиночестве. Но в этом своем одиночестве Цветаева разрабатывает, в сущности, очень современные темы».

1302

Финальные строки поэмы «Молодец».

1303

В статье Иваск пишет: «Стихии современности еще пребывают в младенческом состоянии. В поэзии Цветаевой они уже достигли зрелости. Стихия – стихия-страсть, мятущаяся в вещах и в человеке – главный герой Цветаевской поэзии» и дает три образа стихии-страсти у Цветаевой: Вакхический рай–Спартанское небо – Бог.

1304

Из стихотворения М. Цветаевой «Купальщицами, в легкий круг...» из цикла «Деревья».

1305

Так у автора

1306

Строфа из стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...», опубликованная в «Числах» (1931, № 5), как ответ на анкету журнала.

1307

В напечатанной статье у Иваска обратное: «Цветаева слишком сильна для литературных сфер эмиграции – это не обвинение, лишь констатирование факта». На письме Цветаевой в этом месте Иваск пометил: «Я написал „сильна“ – описка!!!»

1308

Касаткин–Ростовский Федор Николаевич, князь – литератор, поэт. Сотрудничал в белградских изданиях.

1309

Речь идет о несостоявшейся поездке Пастернака за границу в 1930 г. В университете Марбурга Пастернак в 1912 г. изучал философию.

1310

Смертный приговор был вынесен русскому эмигранту Павлу Горгулову, смертельно ранившему французского президента Поля Думера.

1311

Утверждения – журнал объединения послереволюционных течений (Париж, 1931–1932). Вышло всего три номера.

1312

Младороссы – эмигрантская организация монархического толка

1313

«Стихотворение Бенедиктова „Переход“, на другие его стихи не похожее, меня восхищало, и я послал его Цветаевой» (примеч. Ю. П. Иваска). Бенедиктов Владимир Григорьевич – русский поэт.

1314

На расстоянии человеческого голоса (фр.).

1315

Стихотворение «Красною кистью»... (1916) было напечатано в цикле «Стихи о Москве» в сборнике «Версты. I» (1922)

1316

Неясыть – птица отряда сов. В славянских преданиях сказочная, ненасытная птица.

1317

Hölle – ад (нем.). Сказка братьев Гримм из собрания «Kinder- und Hausmärchen» («Детские и семейные сказки»), в которой блаженное царство фрау Холле находится на дне колодца.

1318

Цветаева послала Иваску по его просьбе свою фотографию для сборника «Новь». Фотография (1924 г., Цветаева в клетчатом платье) была вклеена перед статьей Иваска в каждый экземпляр сборника

1319

Речь идет о календарном стиле.

1320

Прибавлять к старой дате нужно двенадцати дней.

1321

Большой друг по несчастью (фр.).

1322

Наташа Ростова – героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Mignon – героиня романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

1323

Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

1324

Семейная хроника – автобиографическая книга С. Т. Аксакова. Соборяне – роман Н. С. Лескова.

1325

Посланное Иваском стихотворение поэта Михаила Васильевича Милонова «На кончину Державина (элегия)», в котором Иваск выделил заключительную строку: «По отзывам лиры ценят времена».

1326

Сигрид Унсет. «Кристин, дочь Лавранса» (нем.).

1327

Венок. Женщина (нем.).

1328

Крест (нем.).

1329

«...меня легко обмануть» – Гёте (нем.).

1330

Летом 1902 г. М. А. Мейн сопровождала И. В. Цветаева в поездке на Урал за мрамором для фасада здания будущего Музея изящных искусств.

1331

Из сатирического стихотворения «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», 1868) А. К. Толстого

1332

Сорок лет обязывают (фр.).

1333

Долг крови (нем.).

1334

Grosse Gewässer, Kleine Gewässer, а всё – одно (примеч. М. Цветаевой).

1335

В другом дурном месте (фр.).

1336

Возможно, Петровский пассаж.

1337

С других достаточно: потереться! (примеч. М. Цветаевой)

1338

Самому есть – становиться тучным (нем).

1339

Посылая Иваску «Оду пешему ходу», Цветаева сделала приписку: «И сколько таких стихов во мне еще спит, ненаписанных, незаписанных – из-за подлой жизни! Мне всегда хочется писать».

1340

С. М. Волконский. «Мои воспоминания (1..Лавры. 2. Странствия. 3. Родина)». Берлин, «Медный всадник», 1923.

1341

Циклом «Ученик» открывается сборник М. Цветаевой «Ремесло».

1342

Имеется в виду К. Б. Родзевич.

1343

Гржебин З. И.

1344

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Такие молодые (фр.).

1345
Вечен, вечна (фр.).

1346
Пригород (фр.).

1347
Царёвококшайск – уездный город в Казанской губернии. С 1919 г. переименован в Йошкар-Олу.

1348
Саровский Серафим – преподобный. Прославился как подвижник.

1349
Должно повиноваться Больше Богу, нежели человекам (фр.).

1350
Один из апостолов в христианстве. Сначала гонитель христиан, а после Крещения – усердный проповедник учения Христа. Слова «Должно повиноваться больше Богу...», принадлежат Апостолу Петру и другим Апостолам. (Деяния святых Апостолов, 5, 29.)

1351
Речь идет о Нарциссе, прекрасном юноше, который отверг любовь нимфы и за это был наказан Афродитой: влюбился в собственное отражение в воде и умер от неразделенной страсти. Превращен богами в цветок (греч. миф.).

1352
Неисчислимо и невыразимо (фр.).

1353
Я желаю, чтобы мои останки покоились на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил! (фр.)

1354
Эти слова Наполеона приводит в своих воспоминаниях граф Эмманюэль Ласказ, секретарь Наполеона, проведенный с ним первый год его заточения на о. Св. Елены.

1355
Иваск дает пояснение: «Я имел в виду современных вождей (тоталитарных государств) и обманываемую ими молодежь».

1356
Если так можно сказать (фр.).

1357
Г. В. Адамович написал предисловие к «Белла-Донне» в «Последних новостях».

1358
Заключительная строка стихотворения А. Блока «Друзьям».

1359

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ощущение своей юности есть уже прожитая юность (нем.).

1360
Чувства (нем.).

1361
Способность ориентироваться (нем.).

1362
Модернистское течение в изобразительном искусстве первых десятилетий XX в.

1363
Аполлон– литературно-художественный журнал. Редактор-издатель С. К. Маковский.
Золотое руно – литературно-художественный журнал. Редактор-издатель –
Рябушинский Н. П., миллионер, меценат. Весы – научно-литературный и
критико-библиографический ежемесячник. Редактор-издатель Поляков С. А., владелец
издательства «Скорпион». Руководил журналом В. Я. Брюсов.

1364
Имеется в виду рецензия Ариадны Черновой на «Молодца».

1365
Отзыв Пастернака о «Молодце» не публиковался. Скорее всего, речь идет об отзыве
в письме

1366
Тяжелая кровь (нем.).

1367
Тяжелый дух (нем.).

1368
И. В. Цветаев и К. Д. Бальмонт родом из Шуйского уезда Владимирской губернии.

1369
Цветаева все же написала небольшую рецензию, которая была опубликована в журнале
«Современные записки».

1370
«Сцены из жизни Спинозы» – короткая пьеса в стихах, вошедшая в сборник «Стихи и
поэмы».

1371
Поэма «Авиатор».

1372
Цитата из «Белла-Донны» Н. П. Гронского.

1373
Стихотворение Н. П. Гронского «Ангел Севера»

1374
Ратгауз Даниил Максимович – русский поэт. С 1922 г. в эмиграции. Свыше 100 его
Страница 772

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стихотворений положены на музыку.

1375

Начальная строфа стихотворения М. Цветаевой без названия (1916).

1376

Из стихотворения Ю. П. Иваска «Будет новый в жизни смотр...» (сб. «Северный берег»).

1377

Здесь: отправление (почтовое) (фр.).

1378

Статью Иваска для «Современных записок».

1379

У А. С. Штейгера к тому времени вышло три сборника («Этот день»; «Эта жизнь»; «Неблагодарность»; все – в Париже).

1380

Польский литературный журнал, выходящий в Люблине. Речь идет о № 2 (1936/1937), где опубликовано стихотворение М. Цветаевой «Идешь, на меня похожий...» в переводе на польский.

1381

Печоры – город, где жил Иваск (в то время территория Эстонии). Известен своим Псково-Печорским монастырем.

1382

Вильде Б. В. – ученый-этнограф

1383

И мы из рода Азров – Тех, что гибнут, если любят (нем.). – Гейне «Романсеро» (кн. 1, истории, «Азр»).

1384

Смоленский Владимир Алексеевич – поэт. По воспоминаниям современников, замечательно читал стихи. Одоевцева Ирина Владимировна (Ираида Густавовна Иванова, урожденная Гейнике) – поэтесса, писательница.

1385

Который, кажется, был скандинавом? (примеч. М. Цветаевой)

1386

Которые отнимают мое лучшее время (фр.).

1387

В тексте немблен (примеч. М. Цветаевой).

1388

«Здесь – новые рубашки для любимого Августа! Пусть он в здравии и весельи их износит и разорвет...» (нем. архаич.).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1389

Город в Италии, частично разрушенный и засыпанный вулканическим пеплом при извержении Везувия (79 н. э.).

1390

«Маленького зверя» (фр.).

1391

Большие звери (фр.).

1392

Речь идет о цитатах из поэмы М. Цветаевой «Переулочки».

1393

Никакого понятия (нем.).

1394

Из поэмы «Переулочки».

1395

Г. В. Адамович вел отдел критики в газете.

1396

«Нездешний вечер»: ...читали стихи «весь Петербург и одна Москва» в лице Цветаевой.

1397

Из стихотворения Цветаевой «Москва! – Какой огромный...» (из цикла «Стихи о Москве», 1916).

1398

«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (От Иоанна, 3, 8).

1399

Имеются в виду монпарнасские кафе, места постоянных встреч поэтов и писателей. Вблизи находилось помещение Союза молодых писателей и поэтов.

1400

Измененная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Судьба ли так моя переменилась...» (1916). У Ахматовой: «Где зимы те...» и т. д.

1401

Речь идет о А. А. Чаброве-Подгаецком.

1402

Русская народная сказка «Горе». (См. в кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева)

1403

Иваск обещал послать Цветаевой расшитое полотенце из Печор.

1404

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Третья книга трилогии С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса», полученной ею еще в мае 1934 г.

1405

Гедвилло Е. А. – преподавательница французского языка в женской гимназии М. Г. Брюхоненко, где училась Цветаева.

1406

Городецкая Н. Д.

1407

Вероятнее всего, речь идет о сборнике стихов А. де Виньи, изданном Шюзевиелем

1408

По просьбе иудейского царя Саула прорицательница явила умершего пророка Самуила (ветх. зав.).

1409

Из стихотворения И. Северянина «Вода примиряющая» (1926).

1410

Речь идет о сонетах, прочитанных на вечере и посвященных поэтам и писателям (из книги «Медальоны». Белград, 1934). Сонет-«медальон», посвященный в этой книге Цветаевой, носит иронически-враждебный характер.

1411

Вероятно, стихотворение И. Северянина «Это было у моря...»

1412

«Каретка куртизанки»

1413

Дочь Зайцевых, Наталия Борисовна, сообщила, что стала невестой Андрея Владимировича Соллогуба.

1414

Новогодний бал, который, ежегодно устраивался 13 января Союзом русских писателей и журналистов в пользу своих нуждающихся членов.

1415

Незнакомка (фр.).

1416

М. А. Мейн умерла 5 июля 1906 г.

1417

Из письма Рильке к художнице Пауле Беккер от 13 января 1901 г.

1418

Рильке изучал русский язык в 1899–1902 гг. В письме от 17 мая 1926 г. он писал Цветаевой: «...еще десять лет назад я почти без словаря читал Гончарова и все еще довольно свободно читаю русские письма...» (Письма 1926 года).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1419

Мать Рут, Клара Рильке, жила в те годы под Бременем. Слово «мы» в письме Рут относилось к ее мужу Карлу Зиберу.

1420

Из письма Рильке к Цветаевой от 17 мая 1926 г.

1421

Цветаева готовит материалы к статье «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)»

1422

Русская общественная библиотека в Париже, основанная И. С. Тургеневым

1423

Первая строка стихотворения М. Цветаевой без названия (1913).

1424

Скорее всего, речь идет об очередном съезде, который устраивался Лигой Православной культуры

1425

Статья «Эпос и лирика современной России» печаталась в двух номерах журнала. Цветаева предлагает провести деление ее на отрывке («О, как он велик был!..») из стихотворения Б. Пастернака «Петербург» (1915).

1426

Работа, по-видимому, осталась незавершенной.

1427

Фондаминский был соредактором журнала «Новый град».

1428

Стихотворение М. Цветаевой «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...») напечатано в № 51 «Современных записок», три стихотворения памяти Волошина опубликованы в журнале «Встречи» (№ 4, 5 за 1934 г.).

1429

Неизвестно, какую именно статью Бердяева переводила Цветаева.

1430

Видимо, Е.Н. (Федотова)

1431

Буквально: все хорошее, как и плохое, приходит в количестве три (нем.).

1432

Все поправки относятся к статье «Эпос и лирика современной России».

1433

Их цель была – цвести,

а мы хотим трудиться незаметно (нем.). –

Из стихотворения Рильке «В зале» (1906).

1434

В. В. Руднев и М. А. Волошин встречались в Одессе в начале 1919 г.

1435

Амари – М. О. Цетлин, постоянный рецензент «Современных записок», консультант отдела поэзии

1436

Сабашников М. В., двоюродный дядя М. В. Сабашниковой

1437

По-видимому, Е.Н. (Федотовой)

1438

Н. А. Бердяев жил недалеко от Цветаевой в Кламаре.

1439

Речь идет о вечере Цветаевой 20 апреля 1933 г.

1440

31 марта 1933 г. в зале «Lutetia» прошел вечер А. М. Ремизова, на котором писатель прочел свои ненапечатанные рассказы, повесть «Учитель музыки», а также произведения Лескова, Писемского, Гоголя. К вечеру была организована выставка иллюстрированных рукописных альбомов А. М. Ремизова

1441

Г. П. Федотов был в числе участников, согласившихся выступить в прениях. Кроме него такое согласие дали Г. Адамович, В. Андреев, М. Слоним, В. Сосинский, А. Эйснер и др.

1442

Могилы Волошина расположена в Коктебеле на вершине хребта Кучук-Янышар.

1443

А. О. Фондаминская.

1444

Тэффи жила на Avenue de Versailles, рядом с двумя мостами: pont Mirabeau и pont de Crenelle.

1445

Из А. Ахматовой «Из памяти твоей я выну этот день...» (1915).

1446

В рукописи над словом вписано Цветаевой: fatał (фатальный – (фр.).

1447

Тэффи была постоянным сотрудником парижской газеты «Возрождение».

1448

Н. Б. Зайцева-Соллогуб

1449

французскую школу

1450

В. Н. Бунина

1451

Стихи: 1) «Посвящаю эти строки...» (1913) и 2) «Смертный час Марии Башкирцевой» (1912) под общим заголовком «Из книги „Юношеские стихи“». Второе стихотворение известно по первой строке: «Он приблизился, крылатый...», так как впоследствии Цветаева сняла его название.

1452

К стихотворению «Смертный час Марии Башкирцевой»

1453

Феофилович

1454

Торжественное собрание, посвященное И. С. Тургеневу, в рамках Дня русской культуры в Сорбонне. В. Ф. Зеелер был председателем оргкомитета.

1455

Удостоверение личности (фр.).

1456

Каждый иностранец, живущий во Франции, обязан был иметь *carte d'identité*. Эти карты были трех видов: 1) в 100 франков, 2) в 20 франков, 3) бесплатная (выдавалась «участникам великой войны, состоявшим в рядах французских полков»). Без свидетельства от Союза писателей Цветаева с мужем могли получить только удостоверение первого вида, так как на удостоверение за 20 франков имели право лишь «1) студенты или учащиеся учебных заведений не профессионального характера. ... 2) журналисты и писатели, состоящие в союзах иностранной прессы журналистов, или в соответствующих синдикатах».

1457

Вероятно, речь идет об оттисках статьи «Искусство при свете совести» и стихотворения «Дом»

1458

Очерк «Живое о живом».

1459

Цветаева послала текст своих воспоминания о Волошине М. В. Сабашниковой, его первой жене. В апреле 1933 г. она писала М.С. Цейтлинной «... я получила от Марины Цветаевой ее прекрасные воспоминания о нем. Это миф о Максе, то есть правда о нем. Для многих эти воспоминания были большим удовлетворением. ... Я слышала, что Вы имеете отношение к „Современным запискам“ и хотела просить Вас заступиться за Макса, спасти его истинный образ.»

1460

Второй части очерка «Живое о живом»

1461

Речь идет об эпизоде в «Живое о живом», связанном с В. Ф. Ходасевичем и поэтессой Марией Паппер

1462

«Прекрасная роль» (фр.).

1463

В. Ф. Ходасевич: «Мы же с Цветаевой ..., выйдя из символизма, ни к кому и ни к чему не пристали, остались навек одинокими, „дикими“»

1464

Корпоративный дух (фр.).

1465

Статья В. Ф. Ходасевича «О Верстах» была опубликована в Современных записках

1466

Слова Роксаны из пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак»

1467

Стихотворный цикл «Стол»

1468

Е.И. Ширинской-Шиматовой

1469

«Дом у Старого Пимена»

1470

Перемирие (фр.). – празднование дня окончания первой мировой войны

1471

Получением Нобелевской премии

1472

По преданию, на перстне царя Соломона было написано «И это пройдет»

1473

Средняя школа в Кламаре (фр.).

1474

Из редакции

1475

П.Н. Милюков

1476

Блок (Менделеева) Любовь Дмитриевна – жена А. А. Блока.

1477

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Издательство «Алконост». Издатель – Алянский Самуил Миронович. Первая книга (А. Блок. «Соловьиный сад») имела гриф «Алконост».

1478

«Мать и музыка»

1479

Люк, подъемное окно (фр.).

1480

«Сказка матери»

1481

Подготовку к публикации очерка «Мать и музыка».

1482

Было принято к публикации стихотворение «Тоска по родине! Давно...».

1483

«Белла-Донна».

1484

Статья «Да был ли мальчик?..», посвященная эмигрантской поэзии. Автор – советский журналист Г. Хохлов

1485

«Флорентийские ночи».

1486

Вечер под названием «Андре Жид и СССР» был организован журналом «Числа». Г. Адамович читал вступительное слово

1487

Собакой и духами (фр.).

1488

Мережковский охарактеризовал советский строй, как неслыханное рабство, уничтожающее и умерщвляющее не только тело, но и дух

1489

Вайян-Кутюрье Поль – французский писатель, главный редактор газеты «Юманите».

1490

Сословный дух (фр.).

1491

В хорошей роли (фр.).

1492

Один из двух примеров «поэзии» Марии Паппер, цитируемых Цветаевой в «Живое о живом».

1493

Приливной и отливной (фр.).

1494

Елизавета I Тюдор

1495

Из стихотворения М. Цветаевой «В черном небе слова начертаны...»

1496

Речь идет о «Пленном духе», находившемся в это время в печати в «Современных записках».

1497

Бриджи – брюки (англ.), которые обычно носят с высокими сапогами. Вероятно, здесь переносный смысл.

1498

Из стихотворения А. Ахматовой «Покорно мне воображенье...»

1499

Веневитинов Дмитрий Владимирович умер от простуды. Бенедиктов умер на 64-м году жизни. Надсон Семен Яковлевич умер от туберкулеза.

1500

О. Б. Ходасевич.

1501

Речь идет об отъезде А. Эфрон в СССР.

1502

На похоронах Е. И. Замятина на кладбище Тье под Парижем, кроме Цветаевой и Даманской из писателей были М. Л. Слоним (организовавший похороны), Р. Б. Гуль, Г. Газданов и др.

1503

Речь идет, вероятно, о домашнем исполнении вокальных произведений Ф. А. Гартмана на стихи М. Цветаевой.

1504

Ольга Аркадьевна Гартман, певица, часто выступала вместе с мужем на его концертах.

1505

Вероятно, речь идет о переводах стихотворений А. С. Пушкина «К няне», «Песня Председателя из „Пира во время чумы“» на французский язык, опубликованных в журнале «La Vie Intellectuelle»

1506

Предполагался перевод текстов романсов композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова на французский язык.

1507

Место, где жил Ф. А. Гартман, – северное предместье Парижа – Courbevoie (courbe

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– кривой, voie – дорога (фр.).

1508

Корректурa очерка «Хлыстовки», публикуемого в № 6 журнала «Встречи».

1509

Цветаева беспокоится о написании двух последних строк очерка: Здесь хотела бы лежать // МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

1510

Струве М. А.

1511

Статья «Поэт-альпинист». В сербскохорватском переводе была опубликована в журнале «Рускн архив» (Белград. 1935.).

1512

Первые девять писем Цветаевой написаны по-французски. Перевод на русский Н. А. Струве

1513

Речь идет о французском «Молодце». А. Берг намеревалась помочь Цветаевой в его издании.

1514

Н. П. Гронского.

1515

Помимо перевода «Молодца» у Цветаевой были готовы еще две французские вещи «Девять писем с десятым невозвращенным и одиннадцатым полученным» («Флорентийские ночи») и «Письмо к Амазонке».

1516

А. А. Тескова

1517

Об Улаве Дууне и его книге

1518

У Ариадны Берг было три дочери: Мария-Генриетта (Бутя), Вера и Елена (Люля).

1519

Три поколения фантомов! Действующих. Это они в нас действуют. Фантомы – это кровь: предки. (Кровь – ток. Течение крови в нас) (примеч. М. Цветаевой).

1520

Ибо где я согнут – я солган... (пер. с нем. М. Цветаевой) – несколько измененная Цветаевой цитата из первой части «Часослова» Рильке.

1521

Ариадна Берг переехала в департамент Oise (в 70 километрах от Парижа).

1522

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вдоволь (фр.).

1523
Оттиск трагедии «Тезей» («Ариадна») из журнала «Версты», 1927, № 2

1524
Всех хороших вещей семь (а не три) (нем.).

1525
Большой пригород (фр.).

1526
В настроении (фр.).

1527
Его мера была велика, но он ее превзошел (фр.).

1528
15 июня 1935 г. Бальмонту исполнилось 68 лет.

1529
Мера (фр.).

1530
А «пятерки» п. ч. тогда (1930 г.) еще были кредитки (примеч. М. Цветаевой).

1531
Ла-фавьер

1532
Цветаева сняла помещение у баронессы Врангель.

1533
Два билета в оба конца удешевленным в дни каникул поездом (фр.).

1534
Валовой вес и даже воловий (фр.).

1535
Сергей Яковлевич при всем желании не может поднять этого отъезда, он и так нас везет на себе: и жизнь, и терм, и Мурино учение (80 фр. в месяц). Он – не может. А должать мы не должны (примеч. М. Цветаевой).

1536
Маршак А. О. – врач

1537
Для удовольствия (фр.).

1538
Maggi – название сети продовольственных магазинов.

1539

«Крысолов» (Воля России. 1925. № 4–8, 12; 1926. № 1).

1540

18 сентября 1935 г. А. Эфрон исполнилось 23 года.

1541

Алексинский И. П. – врач-хирург

1542

Цветаева, вероятно, намеренно, пишет отдельно (ville-juif – «город евреев»). В этом юго-восточном предместье Парижа находился русско-французский хирургический госпиталь

1543

Каникулярный поезд (фр.).

1544

Заключительные строки второй картины трагедии «Федра»

1545

Открытка, посланная В. Н. Буниной 8 июля 1935 г.

1546

Елизавета Эдуардовна Малер.

1547

Возможно, речь идет о Б. Унбегауне.

1548

«Ваша мама» (фр.).

1549

Ваша дочь (фр.).

1550

Вот уже год, как совершеннолетняя.

1551

(– Марина, что мне делать в жизни? Могу ли я быть писателем? Только Вас я могу об этом спросить. Быть писателем таким, как Вы...

– Будьте большим, большим, чем есть. А что касается писания, никто Вам этого не скажет, даже я, именно я (фр.).

1552

Как я буду без вас? – как все (фр.).

1553

Benjamin, Mickey – детские журналы, в основном состоящие из картинок. Dim Illustré – двухнедельный семейный иллюстрированный журнал.

1554

Свояченица, невестка (фр.).

1555

Julliard – впоследствии крупнейший издатель.

1556

Поездка и выступление в Швейцарии не состоялись.

1557

Парэны

1558

Речь идет о прозе «Neuf Lettres...»

1559

Ум, слишком зрелый для его возраста (фр.).

1560

Старшая дочь А. Берг.

1561

Жюль... Жюли – имена (фр.).

1562

Ради чего (фр.).

1563

Игривое название виллы «La fretillone» (fretiller – извиваться) и строгое переулка: sente de'Abbe Suger (тропка аббата Сюжер)

1564

Цветаева перевела на французский несколько революционных немецких и популярных советских песен («Полюшко-поле», «Марш» из кинофильма «Веселые ребята»). Переводы делались по заказу рабочих самодеятельных коллективов и районных ячеек коммунистической молодежи Франции по линии общества «Франция – СССР»

1565

Если не будет контрраспоряжения (фр.).

1566

Свекровь (фр.).

1567

Ca lui fait peu de peine et à nous – tant de plaisir! (примеч. М. Цветаевой). (Ей так мало горя, а нам – столько радости) (фр.).

1568

На обороте фотокарточки надпись: «3-летний Мур с однолеткой – иветкой. Полный генерал с женой из бедной семьи – и даже не красавицей. Медон, март 1928 г.».

1569

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Образец без цены, заказным (фр.).

1570

Свяченица, невестка (фр.). – Вольтерс (урожденная Богданова) Ольга Николаевна – подруга детства Ариадны Берг, жена Бориса Эмильевича Вольтерса

1571

Красивая и сестра (фр.).

1572

Выступление А. Ф. Керенского в Париже

1573

Растительное масло (фр.).

1574

Одна идея (нем.).

1575

Ежеквартальные экзамены (фр.).

1576

Рукопись Ивана Владимировича Степанова, умершего брюссельского друга Цветаевой, которую Марина Ивановна больше года безуспешно пыталась устроить в печать.

1577

Чувство ориентации (нем.).

1578

Ариадна Берг переехала ближе к Парижу, в западное предместье Garches (станция Vaucresson)

1579

Вечер «Писатели – поэту» организовал Комитет по ознаменованию 50-летия литературной деятельности поэта

1580

Поездка в Бельгию состоялась в мае 1936 г.

1581

Средняя дочь А. Берг.

1582

Шмелев Иван Сергеевич

1583

Поляков-Литовцев Соломон Львович

1584

Е. А. Цветковская.

1585

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рудзинская Матильда, брат – Вольтерс Лев (Леша) Эмильевич.

1586

В какую щель только не залезет угрызение (фр.).

1587

Роман «Le Grand Meaulnes» французского писателя Алена Фурнье

1588

Поправившись, С. М. Волконский уехал в США, где умер 25 октября 1937 г.

1589

Французские стихи Ариадны Берг.

1590

Люсьен де Нек – фламандец, приятель О. Н. Вольтерс, после смерти мужа Ариадны Берг был в течение нескольких лет ее близким другом

1591

Всякая зелень будет принята с радостью (нем.).

1592

Рукопись Цветаевой «Lettre a l'Amazone», забытую у Берг

1593

Во Франции обострилось социальное и политическое положение, было образовано министерства «народного фронта» под председательством Леона Блюма.

1594

Вероятно, Гингер Александр Самсонович – поэт. Его жена – Присманова Анна Семеновна – поэтесса

1595

БЕСПАВЛИННЫЕ... (примеч. М. Цветаевой).

1596

На другой стороне листка три строки зачеркнуты: можно прочитать обращение к М. С. Степуржинской

1597

Люсьен де Нек

1598

Лучшее или худшее (фр.).

1599

Цветаева приводит рисунок: два овала, в одном вписаны слова «самый большой», в другом – «самый маленький».

1600

Это настоящая вещь (фр.).

1601

Дочь Ариадны Берг, Елена, помнит, как это ожерелье носила мать.

1602

Сельский священник (фр.) – роман французского католического писателя Жоржа Бернаноса

1603

Несчастное (нем.).

1604

Детские письма, посланные по пневматической почте (фр.).

1605

Б. С. Трухачев, первый муж А. И. Цветаевой, умер в возрасте 27 лет от тифа.

1606

Речь идет о чете Плущер-Сарна, с которой Цветаева дружила в Москве: Татьяна Исааковна (урожденная Левит, во втором замужестве Айзенберг) и Никодим Акимович.

1607

Не предмет роскоши, а необходимости, и даже страдания (фр.).

1608

Я моего я (фр.).

1609

В оба конца

1610

сеть народных продовольственных лавок.

1611

Письмо написано на двух открытках. На первой изображена церковь «с видом на реку Луэн», на второй – «бургундские ворота и церковь».

1612

Например, в стихотворении Бодлера «Семь стариков» строку «будто мертвых давили его сапоги»

1613

Берг Николай Оскарович – муж Ариадны Берг, работал журналистом при Лиге Наций.

1614

Имеется в виду, вероятно, возвращение Н. О. Берга после очередной командировки.

1615

Буквально (фр.).

1616

Вольтерс Эмилий Густавович.

1617

Из строительного камня (фр.)

1618

Дорогая госпожа... простите... очарован... дорогая... моя дама (дама!)... прощение... очарование (фр.).

1619

Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София празднуются 30 сентября. Мученица Ариадна празднуется на следующий день.

1620

Сразу после смерти мужа Ариадна Берг с дочерьми переехали в Брюссель к брату Борису и его жене.

1621

Название места, где А. Берг жила до переезда.

1622

Поместье без названия (фр.). – Имеется в виду безымянный замок из романа «Большой Молн»

1623

Прекрасный сон (фр.).

1624

От заражения крови в тринадцатилетнем возрасте умерла старшая дочь Ариадны Берг, Мария-Генриетта (Бутя).

1625

В связи с бегством Эфрона из Франции Цветаеву дважды вызывали на допрос. На первом допросе вопросы к Цветаевой касались главным образом деятельности Эфрона в «Союзе возвращения на родину», на втором – просили опознать почерк Эфрона.

1626

Он самый честный, самый благородный, самый человеческий человек. Его доверие могло быть обмануто. Мое к нему – никогда (фр.).

1627

В газете «Возрождение» была помещена анонимная статья о похищении генерала Е. К. Миллера, об обыске в «Союзе возвращения на родину» и о «евразийце Эфроне – агенте ГПУ».

1628

Переписанное рукой Цветаевой стихотворение было приложено к письму.

1629

День рождения Ариадны Берг (16 ноября).

1630

Житие св. Терезы от младенца Иисуса, написанное ей самой (фр.).

1631

Я хочу быть Его игрушкой: Его маленьким мячиком... Хочу, чтобы на мне прошли все

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Его капризы... Иисус откинул свой маленький мячик (фр.).

1632

Я все свое небо употреблю на то, чтобы помогать земле (фр.).

1633

Все мое небо: как: все мое время (фр.).

1634

Великой любовницей (фр.).

1635

Того времени (фр.).

1636

Что я впадаю в благочестие (фр.).

1637

Заключительная строфа стихотворения «Бог согнулся от заботы...»

1638

в распоряжении (подразумевается, полиции) (фр.).

1639

Возможно, речь идет о книге стихов французской католической поэтессы Марии Ноэль (Руже).

1640

Это тут? – Да. – Посылка для Вас. – Вы, наверно, ошибаетесь, я ничего не жду. – Как же, это именно для Вас (фр.).

1641

Из стихотворения Б. Пастернака «Давай ронять слова».

1642

Иносказание, речь идет об отъезде в СССР.

1643

Шерстяной бархат (фр.).

1644

Т. н. шведская замша.

1645

Три четверти (фр.).

1646

У Хорошего Вкуса (фабрика одежды из кожи) (фр.).

1647

Куртка (фр.).

1648

С запахом (фр.).

1649

На солидную даму (фр.).

1650

Но 46 номер подойдет (фр.).

1651

Начало стихотворения В. Гюго без названия из сборника «Созерцания»

1652

Она была бледной – и все-таки розовой,

Малюткой – с пышными волосами (фр.)

1653

Пышные, а не длинные.

1654

М. Н. Лебедева и ее дочь, Ирина

1655

Вероятно, что речь идет об Алле Головиной, урожденной Штейгер и ее брате, Анатолии

1656

Возможно, Николай Савинков.

1657

Великая иллюзия (фр.)., фильм французского режиссера Жана Ренуара, поставленный по сценарию Шарля Спаака. Герои фильма – французские офицеры, попавшие в плен к немцам во время первой мировой войны.

1658

т. е. включаем радио.

1659

По приезде в СССР А. Эфрон устроилась в объединение «Жургаз», в редакцию журнала «Revue de Moscou».

1660

Книга Дункан Айседора «Моя жизнь»

1661

Может быть так и бывает (фр.)

1662

Крэг Эдуард Гордон – английский режиссер, художник, теоретик театра.

1663

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Парис Зингер, миллионер-промышленник. «...Моей первой мыслью было: „Лоэнгрин“»
(Дункан А.). Лоэнгрин – герой немецкой средневековой поэмы

1664
Вальтер Румпель.

1665
Дети А. Дункан, Дердри и Патрик, погибли в автомобильной катастрофе в Париже

1666
С. А. Есенин и А. Дункан оформили свой брак 2 мая 1922 г., после чего сразу уехали за границу. Вернувшись в Россию, в 1923 г., разошлись.

1667
Никакой школы! Никаких докладов! Танцуй нам красивый голубой Дунай! Танцуй, Айседора, танцуй! (нем.).

1668
Раймонд Дункан, брат Айседоры, художник, танцор.

1669
По-видимому, речь идет о Н. Клиффорд-Барни.

1670
Если вы не можете стоять, вот вам мой стул, но я вам не опора (фр.)

1671
Раймонд и Айседора одно время были поглощены проектом построить в Афинах храм, «который подходил бы их характеру». Свой будущий дворец они назвали именем Агамемнона, предводителя греческого войска в Троянской войне (греч. миф.).

1672
Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

1673
Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон»

1674
Церковные учреждения: дамы, девицы, заведующие Церковными учреждениями (нем.).

1675
К чему? (фр.)

1676
Моя жизнь (фр.).

1677
Добропорядочность (фр.).

1678
Переходящий в красное (фр.).

1679

Расширяющееся книзу, с полным запахом, длиной в 120 (фр.).

1680

Проймы (фр.)

1681

Из стихотворения М. Цветаевой «Поэт – издалека заводит речь...». Цикл «Поэты»

1682

Саади – персидский писатель и мыслитель.

1683

По-видимому, С. Н. Андроникова-Гальперн. К Саломее обращены стихотворения О. Мандельштама «Соломинка» и А. Ахматовой «Тень».

1684

Крестная в мечте (фр.).

1685

На счастье (нем.).

1686

Полностью с подкладкой (фр.).

1687

С подкладкой или без (фр.).

1688

Отвороты (фр.).

1689

Подержанных вещах (фр.).

1690

Это мечта (фр.).

1691

Зачеркнуто карандашом.

1692

Ариадна Берг писала:

Марина дорогая,

Продала брату Вашего Thiers за 150 фр.! Когда хотите, он за ним приедет, страшно доволен. Прошу его любить и жаловать. Он мой друг, многим похож на меня.

Когда вышла от Вас, захотелось сразу вернуться, еще Вас слушать, еще Вам говорить, так много, сплошным потоком. С Вами, только с Вами в жизни, думаю вслух, чувствую, живу перед Вами все равно какими словами, потому что ничего не надо объяснять.

Хочется сказать Вам спасибо за то, что Вы – Вы, и что в моей жизни было это чудо – встреча с Вами. Мы увидимся еще, Марина, в это я твердо верю. В понедельник – может быть, напишу тогда рпеи. Но это, может быть, только в то же утро. И все сделаю, чтобы для Вас (для всех других меня здесь не будет) приехать еще раз, так, чтобы два дня не расставаться. Но не будем загадывать вперед.

что бы ни было, где бы Вы ни находились, что бы со мной ни случилось – счастье ли, горе ли, Вы во всем участвуете активно. И если будет у меня сын, конечно, он будет расти с мечтой о своей «marraine de rêve» («крестная мать мечты» (фр.)).

я Вас помнить буду всегда, как лучший Божий дар мне. Ваше ожерелье спало вокруг моей шеи. Ваши слова. Ваш мир. Ваш серебряный взгляд окружают меня высокой оградой от повседневности и обывательства.

я Вас люблю, Марина, так, что, если Вам, когда бы ни было, стало жить тяжело, – вспомните это, и теплее, легче станет. Рассчитывайте на всю меня – всегда.

Ваша Ариадна.

1693

Цветаева пророчила Ариадне Берг сына и считала его как бы уже существующим.

1694

Л. Э. Вольтерс согласился купить у Цветаевой трехтомную историю французской революции А. Тьера.

1695

Парижский адрес родителей А. Берг.

1696

Из стихотворения А. Ахматовой «Молись о нищей и потерянной» (1912).

1697

Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская) – российская императрица, вторая жена Петра I; Анна Иоанновна – российская императрица, племянница Петра I.

1698

«Повесть о Сонечке» (Русские записки. Париж; Шанхай. 1938. № 3).

1699

Бульвар, расположенный рядом с улицей, где жили родители А. Берг.

1700

зачеркнуто

1701

Ты больше не актуален (фр.).

1702

Ты больше не нынешний – ты стал воспоминанием (фр.).

1703

Апатичный (фр.).

1704

Вне моего влияния (фр.).

1705

Интимный (фр.).

1706

Письма суженого Князя

В форме хаки, там, где война...

1707

Я жила в (красивом) замке –

А умираю в крепости (фр.).

1708

Гордый... крепость гордая... веселый... большой... светлый... крепость (фр.).

1709

Ежедневная проза... ежедневная проза, ежедневная борьба... собачья смерть... (это их взрывает)... сон... смерть... борьба-война... смерть (фр.).

1710

30 лет как уже брошенный дом (фр.).

1711

Стучать не надо, никто не придет, никого уже нет 30 лет (фр.).

1712

Ворчащим и рычащим (фр.).

1713

Я видела и других – я других не видела (фр.).

1714

Адресат «Поэмы Горы» К. Б. Родзевич

1715

Л. Э. Вольтерс

1716

«Маленькие и грязные...» (фр.).

1717

Речь идет о младшей дочери Ариадны Берг, Елене, находившейся в пансионе.

1718

Владимир Александрович Степуржинский – парижский шофер. Мария Сергеевна, урожденная Булгакова, в первом браке Родзевич

1719

Родзевич Наталия Константиновна

1720

Значительность (ит.).

1721

Перманент (завивка).

1722

Жакет.

1723

С. Н. Булгакове

1724

Булгакова (урожденная Токмакова) Елена Ивановна

1725

И его оберегает (фр.).

1726

Город Див, расположенный в устье реки с тем же названием.

1727

Строка стихотворения М. Цветаевой «На заре – наimedленной кровью...»

1728

Вильгельм Завоеватель (фр.). – английский король, в 1066 г. свой поход на Англию начал из города Див

1729

Меня убило равнодушие (фр.).

1730

На мысли Цветаевой об отъезде в СССР Ариадна Берг откликнулась «Марина, а что, если бы Вы не уехали? Я так глубоко чувствую ненужность Вашей жертвы. Но, конечно, Вы ее чувствуете еще глубже, а также, что она – роковая и, может быть, то, что не принести ее, будет еще большей жертвой. Христос с Вами, родная, Ваш путь – русский путь, слепо-созидательный, по которому пойдут, не зная, многие, из которых вырастет Россия, и по которому, – если бы могла только! – с Вами вместе и я бы пошла...»

1731

см. пред. письмо

1732

Меблированные комнаты (фр.).

1733

За неимением своей (фр.).

1734

Из стихотворения Б. Пастернака «Памяти Рейснер»

1735

Я дарю его им (нем.).

1736

Вероятно, поэма «Перекоп», сборник «Лебединый стан», «Поэма о Царской Семье».

1737

Зоопарк в Винсенне (фр.).

1738

Фейхтвангера

1739

В эти дни всех Цветаева посещала могилы родителей мужа

1740

С душевной болью (нем.).

1741

Пусть тебя внутри терзает слово – трудное слово – ты должен – но сделает тебя спокойным лишь гордое слово: я хочу (нем.).

1742

Фрейбург в Брейсгау (нем.).

1743

Пословица (нем.)

1744

Девушкам... молодым женщинам (фр.).

1745

Даже если я забывала, кем (чем) я была, другой этого не забывал никогда (фр.).

1746

Отторжение чехословацких пограничных областей Германией

1747

Из стихотворения М. Цветаевой «Полон и просторен...» цикла «Стихи к Чехии».

1748

И если останется только один – им буду я (фр.). –

Заключительная строка стихотворения В. Гюго «Ultima verba»

1749

И спать я хотела бы, спать –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
До того, как придет мой час! (нем.) –

Двустилие А. Шамиссо.

1750

Из поэмы «Высокая болезнь»

1751

Приписка рукой Цветаевой красным карандашом.

1752

Mantes-la-Jolie – городок под Парижем с собором, построенным в то же время, что и Собор Парижской Богоматери.

1753

Жена булочника (фр.). – фильм французского режиссера и писателя Марселя Паньоля.

1754

Жюль Мюрер Ремю

1755

С той же отчужденностью (фр.).

1756

Розамон Леман

1757

Пыль (Ответ из пыли) (фр., англ.).

1758

Трианоны, Большой и Малый – королевские дворцы в Версальском парке.

1759

Мария-Тереза-Шарлотта, дочь Людовика XVI, после казни родителей была заключена в крепость, а ее младший брат был забит до смерти сапожником, в чей дом он попал на воспитание.

1760

Немецкие войска вошли в Прагу.

1761

Из стихотворения М. Цветаевой «В смертных изверясь...» (цикл «Деревья»).

1762

С просьбой переслать (фр.).

1763

Т. е. в СССР.

1764

Написано на обороте открытки.

1765

Стихи Ариадны Берг.

1766

Письмо написано на полях письма Ариадны Берг к ней. Она писала: «Еще раз до свиданья. Напишите, если успеете, еще перед отъездом – хочется от Вас еще услышать. ... Я игнорирую нашу разлуку. Ее нет. Нас и разлучить-то невозможно. Так как Вы не можете брать ничего с собой, то пришлите мне это письмо обратно». ... (Написано черными чернилами.)

1767

Из заключительной части «Выход» поэмы «Перекоп»

1768

Лотарингских крестика (Жанна, дева из Лотарингии, // Англичанами сожженная в Руане...) (фр.): Двустиише о Жанне д'Арк из «Большого завещания» Франсуа Вийона.

1769

Ни цветов, ни венков (фр.). – принятая в траурных объявлениях формула, означающая просьбу не приносить цветов на похороны.

1770

Цветаева 13 июня 1939 г. пароходом из Гавра отплыла в Ленинград, куда прибыла 18 июня. Оттуда поездом – в Москву.

1771

Б.Л. Пастернаку

1772

Имеется в виду поэма Б. Пастернака «Высокая болезнь».

1773

Цветаева всю жизнь использовала старое написание слов: твердый знак в конце слова после согласной и букву «ять» вместо «е» в тех словах, где эта буква писалась ранее. Письмо к Тихонову также написал по старой орфографии.

1774

Aubry Octave «Sainte-hélène». I-II. Paris. 1935.

1775

Юноша, которого нашли ребенком в 1828 г. под Нюрнбергом. Отличался крайней неразвитостью. В 1833 г. убит неизвестным злодеем. Ему посвящена книга немецкого писателя Якоба Вассермана «Caspar Hauser oder die Tragheit des Herzens», 1908 («Гаспар Хаузер, или лень сердца»).

1776

Книгу «L'orphelin de l'Europe, Gaspard Hauser» («Сирота Европы, Гаспар Хаузер»).

1777

Угловые скобки здесь и далее поставлены Цветаевой в черновике письма

1778

сын Наполеона

1779

Антон фон Прокеш-Остен, автор книги о герцоге Рейхштадтском «Mes relations avec le due de Reichstadt»

1780

Старший сын царя Саула и близкий друг Давида (библ.). Ионафан любил Давида, «как свою душу» (1 кн. Царств, 18, 3), дважды спасал его от смерти.

1781

Книга Обри «Le roi de Rome»

1782

Жанна (д'Арк), Дюнуа Жан (граф, полководец Франции в войне против Англии) – герои романа Шиллера «Орлеанская дева».

1783

Настоящее имя Луи Леон Теодор Госслен – французский писатель. Автор ряда книг на тему наполеоновской эпохи.

1784

неизвестное лицо

1785

Неточная цитата из восьмой главы романа «Евгений Онегин». У Пушкина: «Я сквозь магический кристалл...»

1786

Речь идет об участии Цветаевой в вечере поэтов 15 февраля 1936 г. Оповещения о вечере с указанием Цветаевой среди участников были напечатаны 11 и 15 февраля в газете «Последние новости» и 13 февраля в «Возрождении».

1787

В. Н. и И. А. Буниним.

1788

«Le Journal de Poètes») – бельгийское издательство и периодический журнал, где сотрудничала Шаховская.

1789

Вивье Роберт – бельгийский поэт и прозаик (писал на французском языке), профессор литературы Льежского университета

1790

Серебряный перстень с кораллом, подаренный Цветаевой Зинаиде Шаховской. Впоследствии Шаховская передарила его В. Смоленскому.

1791

Речь идет о французских рукописях Цветаевой

1792

Предыдущее письмо было написано на открытке, изображающей двух медведей в парижском зоопарке. Данное письмо на двух открытках: одна – с изображением двух львов, прижавшихся друг к другу; другая – с изображением двух белых медведей.

1793

Е. А. Цветковской.

1794

Заключительные строки стихотворения К. Бальмонта «К Елене» из сборника «Только любовь».

1795

Проз д'Анфан («Детская проза») – сборник издательства «Журнал де Поэт».

1796

«Письмо к Амазонке» и «Девять писем...» Ни одна из рукописей в итоге к Шаховской не попала.

1797

Последняя прижизненная поэтическая книга В. Ф. Ходасевича «Собрание стихов» вышла в 1927 г. После нее Ходасевич опубликовал лишь несколько стихотворений в периодических изданиях

1798

Жена богатого банкира в Париже (1780–1849), в ее салоне собирался весь цвет культуры того времени.

1799

В Брюсселе, в овраге Королевского парка, находится бюст Петра Великого. Русские писатели и поэты, приезжающие в Брюссель, по традиции посещали это место.

1800

Орлова О. В. – русская художница, преподавательница музыки.

1801

профессор, глава французских русистов. По-видимому, редактор одного из пушкинских сборников.

1802

Из «Пира во время чумы» кроме песни Председателя Цветаева намеревалась перевести еще песню Мэри.

1803

Идол из черного дерева, привезенный Шаховской из Африки

1804

Набросок письма по-французски, без конкретного обращения, на последних страницах рукописи «Письма к Амазонке»

1805

Серия научных и популярных энциклопедий и словарей, издаваемых во Франции.

1806

Между чашей и устами (фр.).

1807

В ответ на первое, несохранившееся письмо Цветаевой Штейгер прислал ей письмо на шестнадцати страницах, где рассказал о себе и своей жизни. Эта исповедь Штейгера

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
также не сохранилась.

1808
Событием (нем.).

1809
Тетя – близкий семье Штейгеров человек, полька по происхождению. Fraulein Martha – Марта Яковлевна Ульберг, гувернантка.

1810
Река, на берегу которой было расположено селение Moret.

1811
«Фальшивомонетки», 1925, «Дневник фальшивомонетчиков», 1926) – опубликованные произведения А. Жида.

1812
Имеется в виду замок д'Арсин в Верхней Савойе.

1813
Штейгер Н. (староста) Берна и Бернской республики, обладал сильным и неукротимым духом, был известен не только в Швейцарии, но и европейским дворам.

1814
Цветаева намекает на былые симпатии «младоросса» Штейгера к французским фашистам («Синие рубашки»).

1815
Герой новеллы Рильке «Die Weise von Liebe und Tod des Cornets Christoph Rilke» («Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», 1906).

1816
Мазепа Иван Степанович – гетман Украины.

1817
Илья Муромец (сидел Илья – муромский исполин (нем.))

1818
Авессалом – третий сын царя Давида (библ.).

1819
Образ царя Давида нашел отражение в стихотворениях Рильке «Ависага», «Давид поет Саулу», «Плач о Ионафане».

1820
Рука в кольцах (фр.)

1821
Но это всё как...

1822
Сирин Владимир – псевдоним Набокова Владимира Владимировича, русского писателя.

1823

Выдержки «Из писем старого друга. 1931–1935 гг.» под общим названием «Оттуда». Автор опубликованных анонимно писем – Евгения Казимировна Герцук.

1824

Вы – Ваш с Вами – моим, Вы – Вы с Вами – мной (нем.).

1825

Я спасу своего мужа и утону вместе с моим возлюбленным (фр.).

1826

Из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». У Уайльда в конце высказывания: «...иногда они их прощают»

1827

Из стихотворения М. Цветаевой «Поэт – издалека заводит речь...». Цикл «Поэты»).

1828

От туберкулеза умерла мать Цветаевой. Болел туберкулезом и С. Я. Эфрон.

1829

Письмо написано на открытке с видом Петербурга, с изображением Прачечного моста через Фонтанку.

1830

Озеро в Швейцарии, в Бернском кантоне.

1831

Отец поэта, Штейгер Сергей Эдуардович – земский деятель. В Берн С. Э. Штейгер с семьей приехал лишь в 1931 г.

1832

Некой неловкости (нем.).

1833

Продолжай мне писать и не считай мою просьбу слишком большой – ведь привычка – очень приятная вещь (нем.). – Из «Переписки Гёте с ребенком», Иена, 1906)

1834

Я видела это в Цюрихе и в погребе Берна. Он очень большой, этот погреб Берна (фр.).

1835

До Вас дошли только две (примеч. М. Цветаевой).

1836

т. е. до отправки Штейгера из санатория в Берн для операции. «Непрерывное» письмо было отправлено 19 августа.

1837

Кастор и Поллукс (Полидевк) – близнецы, сыновья Зевса. По одному из преданий, бессмертный Полидевк поделился со своим смертным братом частью бессмертия.

1838

«Единственный человек, которого я любил в жизни чистой, горячей, ненадуманной любовью – была эта Тетя», – писал в своих воспоминаниях Штейгер.

1839

Сфера, пространство (фр.).

1840

Вы вынули бы свою руку, полную Вами (фр.).

1841

Сказок моей жизни (нем.).

1842

Из «Поэмы о Царской Семье» М. Цветаевой.

1843

Второй Фауст – т. е. вторая часть «Фауста» Гёте. Нереиды, наяды – нимфы (греч. миф.).

1844

Сказка С.Т. Аксакова.

1845

Аналогия с образом Андрея Белого, очерк «Пленный дух».

1846

Дух: гость (нем.) – игра созвучий).

1847

Он нам всегда читал свои французские сочинения и спрашивал нас, моего мужа и меня, достаточно ли это ясно. Однажды он нам прочитал: – Эта женщина сложила руки на коленях. Она не двигается. Она думает ребенка. – О ребенке? – Нет, нет, она думает ребенка. Она его думает, а не о нем. – Но это же абсолютно невозможно по-французски, дорогой Рильке, никто не поймет, примут это за бред фантазии. Вероятно, так можно сказать по-немецки, но по-французски... (NB!..если можно сказать по-немецки, значит, можно почувствовать по-немецки, так как (фр.) «она думает ребенка» (нем.) – уже не по-немецки, а по-французски. Вся разница в том, что немецкий читатель верит поэту на слово, читает его и следует за ним в каждом его повороте, в то время как французский читатель – судит его.) Тогда, Рильке, жалобно: – Итак, вы говорите – это абсолютно невозможно? – Абсолютно. – Тогда он добавил – о –

А я не добавляю ничего. Я Вас думаю. И однажды мы об этом поговорим (фр.).

1848

Стихотворение «Обнимаю тебя кругозором...» (1936).

1849

«Бесы» А. С. Пушкина в переводе Цветаевой на французский («Les Demons») были опубликованы в однодневной газете «Пушкин. 1837–1937», выпущенной в 1937 г. Комитетом по устройству Дня русской культуры во Франции к столетней годовщине гибели поэта.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1850

временное удостоверение личности, введенное Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена. Заменял паспорт для беженцев.

1851

На альпийское пастбище (нем.).

1852

Имеется в виду происхождение А. Д. Мейна, деда Цветаевой.

1853

Плата за мое присутствие (фр.).

1854

Мне утонуть (фр.).

1855

Букет (фр.).

1856

Зарыта собака (нем.).

1857

Из стихотворения А. А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали...» (1847).

1858

Вероятно, Татьяна Андреевна Кузминская, сестра С. А. Толстой, – прототип Наташи Ростовской в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

1859

Написано на обороте второго листа предыдущего письма.

1860

«Нуждаться должен ты, нуждаться – сам» (нем.).

1861

Из первой части «Фауста» Гёте (сцена 4).

1862

Общее дело (фр.).

1863

А. Штейгер писал свои письма на небольших картонных карточках с выгравированным на них баронским гербом

1864

«История доктора Иоганна Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника, о том, как он на время отдался черту, каким необычайным приключениям между тем был свидетелем, или им способствовал, и какие натворил сам, пока наконец не получил заслуженную награду. – 1587. –» (нем.).

1865

Борн, дядя Кюлеборн (нем.), vorne – поэтический ключ (нем.). Oheim Kühlebörn –

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дядя холодный ключ (устн., нем.), персонаж повести Фридриха де ла Мотт Фукс
«Ундина». Здесь – ключ к выбору дороги.

1866
«Ну вот, еще одна...» а одна) (фр.).

1867
Двор (нем.).

1868
Здравствуйте, мадам, мне сказали – извините меня, если я ошибаюсь... – ну, ладно..
Вы гадалка? – Это я, это я, входите, мадам (фр.).

1869
Я слышала, что вы хорошо гадаете на картах. И вот я пришла, как другие приходили
к вам (фр.).

1870
Я только что начала превосходную игру в карты... Это нам принесет удачу (фр.).

1871
Мадам, прежде чем начать гаданье для меня... (фр.).

1872
Я хотела бы вас спросить: не могли бы вы погадать на отсутствующего? (фр.)

1873
Так это не на вас? А у меня не будет неприятностей? Это – не чтобы посмеяться
надо мной? – Нет, это очень серьезно. Этого хочет он, и хочет очень серьезно. И
вообще, он не насмехается никогда (фр.).

1874
И сломал мне два стула. – «А в тот же вечер было оглашение о свадьбе».

1875
Это для вас или для отсутствующего?.. Это – для меня (фр.).

1876
Зависит от руки (фр.).

1877
Затем. – Вы снимаете (фр.).

1878
О, нет, нет! Я не смею больше коснуться их! (фр.)

1879
Вместо: *nom de Dieu*, запрещенного церковью (примеч. М. Цветаевой).

1880
На отсутствующего
– Как его зовут? ...

– Гаданий много – это другое – это на дальнюю дорогу.

На дальнюю дорогу.

...Усталость, дорога, болезнь. Больница. – А вот известие – радость неожиданная! – Сейчас он здоров. – А вокруг него много людей! – Были большие страдания, видно, что человек хороший и добрый. Денег было у него много, но много и потерял. – Вот письма – Здесь похуже немного: болезнь и переживания. Вижу любовь большую. ...

– Вас очень любит, и Вы его видели – 10 месяцев назад – тут 10 карт – а может, 10 лет?

– Это он – червовый туз. И ведет себя примерно, положительный. Очень. Все его покинули, а Вы пришли к нему, – он был в большой опасности – сейчас он вне опасности. А смерти ему нет, но был момент, когда он хотел смерти. Но он еще проживет.

Любит он Вас как сын. Только не говорите мне, ничего не говорите!

– А вот письмо! –

(Вот задержка, мужчина, верный друг...)

Его карта выпала рядом с Вашей. Это же он – червовый валет! Новые события Вас сведут.

Еще один молодой человек, при нем? Ох ты бабушки!

...Другая дама печалится о нем, тоже больная...нежданная радость, большое счастье...

...Он не пишет, потому что он после болезни в себя не пришел. Переживает очень. Я вижу хорошее известие, но это еще не скоро. Может, даже не его письмо, а письмо санитаря.

(Большая пауза)

– Вы все сказали? – Не нужно всего говорить. Есть вещи, о которых нужно промолчать. На третий раз только можно говорить... Я и так Вам слишком много сказала.

– Значит, Вы кончили? – Совсем кончила, а Вы не расстраивайтесь: он выздоровеет, – Значит, вы ничего больше не скажете? – Милая дамочка, я Вам и так слишком много сказала.

– Тогда я Вам скажу, что он в больнице и его только что прооперировали, он мне не пишет. Я даже не знаю его родственников... И я не решаюсь слишком часто ему писать, и поэтому ничего не знаю о нем. Пришла к Вам, потому что Вы – знаете. ...

Бедный парень! Я знала, я близко была.

...Сколько я Вам должна? – Сколько можете.

... – О, это слишком много, слишком много!

– Берите. Вы много добра сделали.

– Есть много гаданий. Это первое. ...Есть гадание на «Что есть», на «Что будет», есть «тройное». И еще сколько других. ...

Я могу не узнать Вас, когда Вы придете опять, ведь сколько народу приходит! Но я Вас узнаю по Вашим картам. Как бы Вы не переоделись и преобразились, я все равно узнаю Вас по Вашим картам. Тогда и будет второй расклад. Как бы ни старалась Вас забыть, не смогу забыть Ваши карты. – Кто Вас научил гадать. У Вас что, в семье гадали?

– Нет, Мадам. Я начала в 17 лет. ...– Я приду еще. Приду на второй расклад карт. – Будьте счастливы, дорогая дама, и постарайтесь не упустить своего в жизни, и большое спасибо.

1881

Имеется в виду срок отъезда Цветаевой в СССР.

1882

Маргарита Николаевна Лебедева.

1883

Речь идет о С. Я. Эфроне, который в конце декабря 1929 г., ввиду возобновившегося легочного процесса, вынужден был уехать в Савойю на лечение.

1884

Широкого взгляда (фр.)

1885

Она не может кончиться... (нем.).

1886

Господин (фр.).

1887

Господин (нем.).

1888

Повелительный, превосходный, величие (нем.).

1889

Армия (нем.).

1890

Небесные войска (нем.).

1891

посвящено разбору стихотворений А. Штейгера.

1892

Здесь и далее речь идет о стихотворении А. Штейгера «60-ые годы». Позже А. Штейгер проставил к данному стихотворению посвящение «М. Цветаевой».

1893

Перовская С. Л. – революционерка-народница. Была приговорена к смертной казни

1894

«Мой дорогой папа» (фр.).

1895

За день до суда Шарлотта Корде, заколовшая кинжалом вождя якобинцев Ж.-П. Марата, писала своему отцу: «Прощайте, дорогой отец, прошу Вас забыть меня или, вернее, порадоваться за свою судьбу. Причина ее прекрасна: Я мстила за многие невинные жертвы...»

1896

Стихотворение Штейгера «Бедность легко узнают по заплатке...»

1897

Имеются в виду жена Герцена, Наталья Александровна (урожденная Захарьина) и вторая жена Огарева, Наталья Алексеевна (урожденная Тучкова).

1898

Из Женевы Цветаева отправила Штейгеру в подарок зеленую куртку и книгу «Ремесло» с посвящением.

1899

Цветаева имела в виду нашумевшее заявление, сделанное вступившим на престол Николаем II депутатам дворянства, земства и городских управлений

1900

Из стихотворения Б. Л. Пастернака «Давай ронять слова...»

1901

«Миниатюриста в большом масштабе» – в гигантском масштабе – в безмерном масштабе (фр.).

1902

вид на жительство

1903

Штранге М. М.

1904

Штранге Эмма Мельхиоровна, хозяйка замка. Вера – сестра М. М. Штранге

1905

– Ничего на продажу? – Ничего (фр.).

1906

Английский сад – название одного из женевских причалов, от которого ходят пароходы по Женевскому озеру.

1907

Английский сад, рейд (фр.).

1908

Универсальные магазины (фр.).

1909

Вечное перо (фр.).

1910

Штранге Михаил Николаевич.

1911

Гаргантюа – герой романа французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», великан, обладал соответствующим аппетитом.

1912

Ну, как? Вы не видели полковника? – Нет. – И я тоже (фр.).

1913

Ничего не декларируете? (фр.).

1914

Изюм (фр.).

1915

Оставьте себе, – Тогда спасибо! (фр.).

1916

Что никто не видит и не видел: заход луны (нем.).

1917

Вы предпочли бы, чтобы это были мы? (фр.)

1918

А впрочем, она не погибла, она проскочила между колесами. Я задавил двух в этом году. Это была бы третья (фр.).

1919

Странные люди эти русские, но, впрочем, такие милые... (фр.).

1920

Написано на обороте фотографии.

1921

Имеются в виду строки М. Цветаевой «я сегодня плющу – пробор// Провела на граните замка...»

1922

Цветаева продолжает разбор стихотворения Штейгера «60-ые годы»

1923

Штранге М. М.

1924

Горечь (фр.)

1925

В опубликованном Штейгером варианте – вечные.

1926

Путаница (фр.).

1927

Наоборот, навыворот (фр.).

1928

Речь идет о В. И. Зелинской.

1929

Цитата из «Элегий» («Любовь и мудрость», LVII) древнегреческого поэта Феогида из Мегары (2-я половина VI в. до н. э.) в переводе В. О. Ниландера

1930

Действие (фр.).

1931

Причина и вещь (фр.).

1932

Знаю я – откуда родом!

Точно огонь ненасытимый,

Сам себе я корм и смерть.

Жар – всё то, что я хватаю,

Уголь – всё, что я бросаю,

я воистину огонь!

(Пер. с нем. М. Цветаевой.) из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

1933

Гёте – Огненная смерть:

И доколь ты не поймешь:

Смерть – для жизни новой,

Хмурым гостем ты живешь

На земле суровой.

Из стихотворения Гёте «Блаженное томление» сборника «Западно-восточный диван».
(Пер. с нем. Н. Вильмонта)

1934

Дионисий распятый (нем.).

1935

Хороший – очень хороший – храбрый – очень храбрый. Очень (фр.).

1936

«Молодцом» (фр.).

1937

Лезен – горноклиматический курорт в Швейцарии, близ Женевского озера

1938

бродяг и бродяжек (фр.)

1939

М. Н. Лебедева

1940

«60-ые годы».

1941

младшего сына библейского патриарха Иакова от любимой его жены Рахили, скончавшейся при родах Вениамина. Поэтому Вениамин был прозван «сыном скорби». Единственный родной брат Иосифа.

1942

Малое усилие (фр.).

1943

Большое усилие (фр.).

1944

У Штейгера в публикации: «Мысли о младшем страдающем брате».

1945

Мой случай (фр.).

1946

Стихотворение Штейгера «Неужели навеки врозь?..»

1947

Стихотворение Штейгера «Все об одном... На улице, в бюро...»

1948

Стихотворение Штейгера, которое разбирает Цветаева, в его сборниках и публикациях не обнаружено.

1949

Фелькнер В. М.

1950

Под ударом (фр.).

1951

Я буду любить тебя – даже мертвым. Не – до смерти, не: после смерти, а: мертвым (фр.).

1952

Итак (фр.).

1953

Головина А. С.

1954

Отправлений-и-возвращений (фр.)

1955

И утвердил себя (фр.).

1956

«Моя боль» (фр.).

1957

Из стихотворения М. Цветаевой «Тридцатая годовщина// Союза верней – любви...» из цикла «Стол»

1958

Мой сосед Эвальд... «Истории о господе Боге» (нем.).

1959

М. М. Штранге.

1960

Фантон де Верайон Петр Петрович.

1961

Маленький Марсель (фр.). Марсель Пруст. Прозван «маленьким Марселем» за свой рост и щедушный вид.

1962

Роман М. Пруста «Обретенное время» из цикла романов «В поисках утраченного времени».

1963

Гейлингштадтское завещание. «Уже в 28 лет быть обреченным отказаться от жизни – это жестоко. Для художника – еще более жестоко, чем для кого бы то ни было» (нем.). – Письмо Бетховена, написанное им в форме завещания в прусском городке Гейлингенштадте.

1964

Любящий (нем.).

1965

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Огнестрасти (нем.).

1966
На высоте... в пещере (нем.).

1967
Ныряния (фр.).

1968
Курортный поезд (фр.).

1969
Гонг-Оглуев (правильно: Генч-Оглуев)

1970
Имеются в виду выступления Цветаевой на пушкинских вечерах.

1971
Из стихотворения М. Цветаевой «Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...» из цикла «Провода»

1972
Кроме парижского Пушкинского зарубежного комитета по подготовке и проведению 100-летнего юбилея со дня смерти поэта аналогичные комитеты были созданы в 36 странах.

1973
Петкович Вера Андреевна, его пра-пра-пра-внучкой.

1974
Посвященный (нем.).

1975
Финансовый и торговый атташе (фр.).

1976
Члены Международного Пушкинского комитета в Женеве: Траз Роберт – швейцарский писатель, прозаик; Шеневьер Жак – швейцарский писатель-новелист; Бувье Бернар – писатель, профессор Женевского университета; Циглер Хенри – швейцарский писатель

1977
Т. е. за счет французских переводов Пушкина.

1978
Барсов Н. П. На его похоронах 23 ноября 1889 г. Д. Цветаев выступал с прощальной речью.

1979
Чувства, страсти (фр.).

1980
актриса Александрийского театра

1981

В. М. Фелькнер в конце 1890-х годов в Берлине помогал М. Г. Савиной и ее издателю Анатолию Евграфовичу Молчанову берлинскими публикациями о гастрольях савинской труппы

1982

А. П. Чехов умер в Германии, куда в начале июня 1904 г. уехал для лечения туберкулеза. Гроб с телом Чехова был перевезен в Москву. Захоронение состоялось на Новодевичьем монастырском кладбище.

1983

О. Л. Книппер-Чехова – актриса МХТ, жена А. П. Чехова.

1984

Фрагменты картины, воображаемой Цветаевой:

Эпизод во время гастролей Савиной в Берлине. После спектакля «Василиса Мелентьева» присутствующий на нем германский император Вильгельм II лично наградил исполнительниц главных ролей, Савину и Стравинскую (играла царицу Анну)

1985

Вероятно, речь идет о Игоре Платоновиче Демидове, ближайшем сотруднике П. Н. Милюкова в редакции «Последних новостей».

1986

Штейгер Анна Петровна.

1987

Она думает о Вас (нем.).

1988

Дочь герцога Клода Богарне, в 1806 г. вышла замуж за герцога Баденского.

1989

Жена Наполеона, Жозефина, первым браком была замужем за виконтом Александром Богарне, представителем старшего рода Богарне (Клод, муж Стефании, относился к младшей линии рода); ходили слухи, что Хаузер был похищенным сыном Стефании Баденской.

1990

Вассермана – знаете? Дело Маурициуса – Эктцель Андергаст – Каспар Хаузер (нем.). – (Der) Fall Maurizius и Etzel Anaergasi – части трилогии Вассермана о жизни немецкой молодежи.

1991

Виньи – Дневник поэта (фр.).

1992

Штейгер писал Цветаевой: «Да, Вы можете быть, если захотите – „ледяные звезды“. Я всегда этого боялся...» (Цветаева: «Хотите ко мне в сыновья?»).

1993

В том же письме Штейгер писал: «Вы так сильны и богаты, что людей, которых Вы встречаете. Вы пересоздаете для себя по-своему, а когда их подлинное, настоящее,

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
все же прорывается, – Вы поражаетесь ничтожеству тех, на ком только что лежал
Ваш отблеск, – потому что он больше на них не лежит».

1994

Ибо где я согнут – я солган... (пер. с нем. М. Цветаевой)

1995

От vision – мечта, видение (фр.).

Штейгер писал ей: «Вы совершенно правы, конечно Вы „визионер“. Но каково тем,
кого Вы „увидите“, насмотритесь и потом перестаете видеть».

1996

По-видимому, Цветаева благодарит Штейгера за фотографии могилы Рильке (на
кладбище близ поселка).

1997

Храни тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!

Храни тебя Бог, этому не суждено было быть (нем.).

(пер. М. Цветаевой.)

1998

Письмо отправлено не было.

1999

Колонна, установленная на Вандомской площади в Париже в честь побед Наполеона

2000

Из «Записок Мальте Лауридса Бритте» Рильке

2001

французский писатель Анри Мюржэ, прошедший школу первых литературных навыков в
среде артистической богемы. Автор книг «Сцены из жизни богемы», «Сцены из жизни
молодых людей» и др.

2002

Вероятнее всего, речь идет о большом вечере поэтов, состоявшемся 15 февраля 1936
г. в Salle des Societes Savantes.

2003

Слова Штейгера. В его письме к Цветаевой: «Между моим этим письмом на 16
страницах и моим последним письмом – нет никакой разницы. Ни в тоне, ни в
содержании, ни в искренности – никакой.

Но зато какая разница в Ваших ответах на эти письма...».

2004

Стихотворение М. Цветаевой из цикла «Комедьянт».

2005

В своем письме Штейгер пытался обратить внимание Цветаевой на отличные от

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«капризных критических статей» в газетах комментарии и стихи

2006

Начальная строка стихотворения без названия Н. А. Некрасова, написанного под впечатлением от Крымской войны.

2007

– А сердце ему сказало:

– Не ушибся ли ты, малыш? (фр.)

2008

Неразделенная любовь Шуберта к графине Каролине Эстергази

2009

...И рекой, разошедшейся на две – //Чтобы остров создать – и обнять – из стихотворения М. Цветаевой «Обнимаю тебя кругозором...» из цикла «Стихи сироте», обращенного к Штейгеру

2010

Вероятнее всего, ноября

2011

Цикл «Стихи сироте».

2012

Е. К. Цветковская, жена Бальмонта.

2013

Каннегисер Леонид.

2014

Письмо М. В. Сабашниковой.

2015

Балакшин незамедлительно направил в «Современные записки» письмо с отзывом. Повлияло ли это на решение редакции журнала, неизвестно, но «Мой Пушкин» Цветаевой был опубликован.

2016

французский литературный журнал.

2017

В. Ф. Ходасевич.

2018

По рекомендации Вейдле журнал доминиканцев с улицы Латур-Мобур («La Vie Intellectuelle») напечатал несколько переведенных Цветаевой пушкинских стихотворений

2019

Дирекция (фр.).

2020

Для берегов отчизны дальней

Ты покидала край чужой;

В час незабвенный, в час печальный

я долго плакал пред тобой.

(А. С. Пушкин)

2021

Ты говорила: «В день свиданья

Под небом вечно голубым,

В тени олив, любви лобзанья

Мы вновь, мой друг, соединим».

(А. С. Пушкин)

2022

Ты мне говорила: в час нашей встречи – Под небом вечно голубым – В тени олив – лобзанья любви – Нас вновь объединят.

2023

В тени олив мы соединим, друг мой, наши лобзанья вновь.

2024

Ты мне говорила: на лазурном берегу,

На краю горизонта,

Под деревом, отягченным оливками,

Наши сердца и уста соединятся.

2025

Soviet des Nationalites – Совет Национальностей.

2026

Ты говорила мне: завтра, ангел мой родной,

Там на краю небосвода,

Под деревом, отягченным апельсинами,

Наши сердца и уста соединятся.

2027

К морю, строфа 6:

Не удалось навек оставить

Мне скучный, неподвижный берег,

Тебя восторгами поздравить

И по хребтам твоим направить

Мой поэтический побег!

(А. С. Пушкин).

2028

Мне не удалось покинуть навсегда – Этот скучный неподвижный берег – Чествовать тебя своими восторгами – И направить поверх твоих хребтов – Мой поэтический побег.

2029

Имеется в виду свидетельство А. О. Россета

2030

Эфебы (греч.) – в Афинах и Спарте свободнорожденные юноши 18–20 лет, проходившие двухлетнюю военную службу.

2031

Что же смог я ради твоих бурь

Покинуть этот для меня берег–тюрьму!

2032

В. А. Сувчинская

2033

Поэма Б. Пастернака «Лейтенант Шмидт», которая первоначально была посвящена Цветаевой в акrostихе, открывающем публикацию первых глав.

2034

Полан Жан – французский писатель, редактор журналов «Le Nouvelle Revue Française» (где сотрудничал Вейдле) и «Mesures» (где публиковались переводы русских писателей)

2035

Выставка «Пушкин и его эпоха» открылась 16 марта 1937 г. в фойе зала Плейель (Salle Pleyel).

2036

Семенченков А. К. – активный участник выставки, большой знаток книг и гравюр.

2037

Открытое письмо предназначенное для детского журнала на русском языке

2038

Кафка Франц – австрийский писатель. Le Proces («Процесс») – его незаконченный роман. В нем рассказывается о прокуристе крупного банка, против которого ведет следствие некий неофициальный, но всесильный суд. Когда герой начинает сопротивляться, отказываясь принять несправедливый закон, его убивают.

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2039

Вероятно, имеется в виду потрясение, которое пережила Цветаева в связи с участием С. Я. Эфрона в убийстве И. Рейсса.

2040

Цветаева с Муром отдыхали в местечке Lacanau-Ocean (департамент Gironde) на берегу океана.

2041

Цветаева, вероятно, проводит аналогию между ситуацией, в которую попадает герой романа, и событиями, связанными с мужем.

2042

Жена В. Л. Андреева, Ольга Викторовна Чернова, и дочь – Ольга

2043

Племянник – сын Д. Г. Резникова и Н. В. Черновой, Андрей.

2044

Одно время Вадим Андреев работал наборщиком на линотипе в типографии. В 1939 г. нашел постоянную работу на каучуковом заводе.

2045

Готовясь к отъезду в Советский Союз, Цветаева приводила в порядок свой архив.

2046

Речь идет о двух больших купюрах, сделанных редакцией «Современных записок» при публикации «Черта».

2047

М. Н. Лебедева.

2048

«Крысолов» начал печататься в апреле 1925 г.

2049

Под таким заглавием «Поэма лестницы» была напечатана в № 11 «Воли России» в 1926 г.

2050

М. Н. Лебедева

2051

Цветаева также просила Морковина передать в Русский культурно-исторический музей, которым заведовал В. Ф. Булгаков, несколько клеенчатых тетрадей, серебряный перстень и свою пишущую ручку

2052

Постников С. П.

2053

К чему? (фр.)

2054

Величия (ит.).

2055

Блаженно и глупо (фр.).

2056

Перманент (фр.).

2057

Тукалевской Т. В.

2058

Dives – городок, где Цветаева в 1938 г. провела свой последний летний отдых. Н. И. Тукалевская была там вместе с Цветаевой.

2059

Из стихотворения без названия А. Ахматовой

2060

По-видимому, Цветаева так и не смогла получить для своего архива оттиска «Волн России» с главами «Крысолова».

2061

Чешская деревня Вшеноры была постоянным местом жительства семей Цветаевой и Андреевой в 1924–1925 гг.

2062

Семья Андреевой в 1930–е годы жила в парижском предместье Исси-ле-Мулино, недалеко от цветаевского дома в Ванве.

2063

По-видимому, Цветаева пишет о встречах весной 1933 г., когда она готовила к печати очерк «Живое о живом».

2064

То есть семилетние циклы по аналогии с обновлением шкуры у сказочного змея – шесть старых шкур сбрасываются, остается только седьмая, новая.

2065

Чехословацкий президент Эдуард Бенеш

2066

От чешского tvrz (крепость), tvrdý (твердый).

2067

Андреев Савва Леонидович – старший сын А. И. Андреевой. Танцовщик, был занят в балетных труппах И. Рубинштейн и «Казино де Пари».

2068

Открытка написана в Гаврском порту. На ней – изображение корабля «Нормандия».

2069

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цветаева с сыном прибыли в Советский Союз 18 июня 1939 г.

2070

Разрешение на получение багажа Цветаева получила лишь 25 июля 1940 г., а последний чемодан (в нем находились рукописи) таможня выдала Цветаевой 3 августа.

2071

Петр Кропоткин – революционер, теоретик анархизма

2072

Морозов Николай Александрович – революционер–народник, ученый.

2073

Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович – революционер, писатель.

2074

Имеется в виду проза Б. Л. Пастернака «Воздушные пути», опубликованная в журнале «Своими путями» (1925, № 6/7).

2075

Не дописано.

2076

Под фамилией Львовы на большевской даче жили Клепинин Николай Андреевич и его жена Антонина Николаевна (урожденная Насонова). Они также были арестованы

2077

С. Я. Эфрон был реабилитирован посмертно 22 сентября 1956 г.

2078

обожаем. Здесь и далее в квадратных скобках обозначен текст, вычеркнутый Цветаевой.

2079

В 1914 г. идет братом милосердия на п. фронт и одновременно играет у Таирова, в Камерном театре.

2080

и над ним за его «прекраснодушие» даже смеялись

2081

«и они у меня постоянно сбегали»

2082

мы делаем нехорошее дело

2083

дважды его старшие

2084

кончатъ

2085

археологическое отделение, в семинар к мировому светилу русскому археологу Кондакову.

2086

Кашкин Иван Александрович – критик, переводчик с английского.

2087

Имеется в виду Евгений Борисович Тагер.

2088

Из 4-го действия комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

2089

Лурье Ной Григорьевич (Ноях Гершелевич) – еврейский писатель, драматург.

2090

Живов Марк Семенович – литературовед, переводчик.

2091

Жариков Леонид – детский писатель, очеркист

2092

Жига (Смирнов) Иван Федорович – писатель-очеркист.

2093

Санников Григорий Александрович – поэт, автор поэмы «Сказание о каучуке»

2094

Щенок Л. В. Веприцкой.

2095

Перефразированные Цветаевой рекламные стихи Маяковского: «Лучше сосок не было и нет – //Готов сосать до старости лет».

2096

Предметы страсти (фр.).

2097

Текст надписи Цветаевой на подаренном Пастернаку сборнике «После России»: «одним словом Борису – Марина. Медон, 1928 г.».

2098

Ходасевич советовал ей сделать на двери дома в Ванве табличку: «Живет в пещере, по старой вере».

2099

Цветаева переписала «Поэму Горы» и подарила автограф жене Е. Б. Тагера, Елене Ефимовне

2100

Люся Тагер – жена Е. Б. Тагера.

2101

Б. Л. Пастернак работал над переводом «Гамлета» Шекспира по договору с МХАТом.

2102

Замошкин Николай Иванович – литературный критик.

2103

Стихотворение М. Цветаевой (24 января 1940 г.).

2104

Поэма Важа Пшавела «Гоготур и Апшина»

2105

Сборник «Ремесло» (1923).

2106

Новиков Иван Алексеевич – писатель, поэт, переводчик.

2107

Оськин – в то время директор Литфонда.

2108

Речь идет о решении вопроса с продлением срока пребывания Цветаевой в Голицыне.

2109

Е. Б. Тагером.

2110

Заключительные строки письма Татьяны из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

2111

Юрий Александрович Завадский, один из героев «Повести о Сонечке».

2112

Но это все равно (фр.).

2113

«Барс» – поэма Важа Пшавела «Раненый барс».

2114

Фонская С.И. – заведующая голицынским Домом творчества.

2115

Имеется в виду дача в Болшеве

2116

Имеются в виду беседы и споры, происходившие в столовой голицынского дома за общим столом.

2117

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
То есть хозяйка дачи, А. Ф. Лисицына, где Цветаева снимала комнату.

2118
Е. Е. Тагер.

2119
Из стихотворения М. Цветаевой «Двух – жарче меха! рук – жарче пуха...» (7 января 1940 г.).

2120
Кстати, сличите с первой строкой первого листа: тот упрек с этим (примеч. М. Цветаевой).

2121
Из стихотворения Б. Пастернака «Кремль в буран конца 1918 года».

2122
То есть отъезда из Голицыно.

2123
Имеется в виду сборник «После России», который Цветаева направила с Тагером в Москву Веприцкой для перепечатывания.

2124
Антей – сын богини земли Геи, был непобедим, пока прикасался к земле – своей матери (греч. миф.).

2125
Согласно рассказу легендарного героя Одиссея, проделавшего путь к царству мертвых Аиду, тени умерших, напившись из нее жертвенной крови, заговаривали с ним. (Гомер. «Одиссея».)

2126
герой Троянской войны (Гомер «Одиссея»).

2127
Эта и две последующие записки написаны Цветаевой без дат и подписи. Цветаева подсовывала их под дверь комнаты М. С. Шагинян, когда той не было дома.

2128
М. С. Шагинян позднее писала: «Ах, как мне жалко было мои субстанции и акциденции – ведь это были чуть ли не единственные западные островки в восточном океане мусульманства! Но совет Цветаевой был безукоризнен – и по прямоте и по верности». Субстанция и акциденции – сущность и несущественные свойства предмета.

2129
М. Шагинян уезжала в Армению.

2130
Очередная поэма Важа Пшавела, которую Цветаева взялась переводить.

2131
Перевод английской баллады «Робин Гуд и маленький Джон».

2132

Французский перевод калмыцкого эпоса «Джангар». Французский перевод был сделан с русского, который вышел в 1940 г. отдельным изданием.

2133

Хачатрянц Яков Самсонович – муж М. С. Шагами, переводчик, литературовед.

2134

Шагинян Мирэль Яковлевна – дочь М. С. Шагинян, художник.

2135

Все письма Цветаевой к Гольцеву посвящены ее работе над переводом поэм Важа Пшавела.

2136

Перевод «Раненого барса» был опубликован в 1941 г.

2137

А. С. Кочетков. Возможно, Меркурьева хотела познакомить с ним Цветаеву и пригласить на лето в местечко Старки под Москвой.

2138

Збруева Нина Павловна. Направляя ее к Цветаевой, Меркурьева писала «...может быть, она Вам сможет в чем-нибудь помочь. В ее добром желании можно не сомневаться».

2139

Цветаева с сыном жили в университетском доме по улице Герцена, 6, в квартире академика А. Н. Северцова.

2140

Комнатка Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич. Ее обитатели в это время жили на даче.

2141

О снятии квартиры.

2142

А все же кое-что здесь было... (фр.)

2143

Заключительная строфа стихотворения М. Цветаевой «Уж если кораллы на шее...»

2144

Жена поэта А. С. Кочеткова.

2145

Отцу я обязан ростом,

В жизни серьезным устремлением...

– Из цикла «Zahm Xenien» («Кроткие ксени»), Гёте

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2146

Москву называли третьим Римом, хранителем православия, полагая что «четвертому не бывать». Автор этой теории – старец Филофей (XVI в.).

2147

Из стихотворения П. А. Вяземского «Твердят: ты с Азией Европа...» из цикла «Очерки Москвы».

2148

Когда Иван Великий ударил меня по сердцу... (нем.)

2149

Из стихотворения К. Павловой «Поэт»

2150

Зелинский Корнелий Люцианович – литературовед, критик.

2151

Пестовский Владимир Алексеевич – поэт, переводчик.

2152

Струков Евгений Владимирович – врач из поликлиники Литфонда.

2153

Статья Н. Н. Асеева «Довольно ли Маяковского?», где автор рассказывает о встрече «писательницы Ш»агинян с «писателем Ш»кловским.

2154

Из стихотворения Цветаевой «Здравствуй! Не стрела, не камень...»

2155

Т. И. Кванина.

2156

Финк Виктор Григорьевич – прозаик.

2157

И. А. Новиков

2158

Ермилов Владимир Владимирович – критик, литературовед.

2159

Любимова Валентина Александровна

2160

Памятник древнерусской литературы, автобиография главы и идеолога старообрядчества Аввакума Петровича, сожженного по царскому указу.

2161

Поэма Важа Пшавела «Этери».

2162

Стихи О. А. Мочаловой

2163

Обмен вскоре совершился.

2164

Кошка Мочаловой

2165

Фадеев Александр Александрович – писатель, секретарь Союза писателей.

2166

В июле – августе 1939 г. в Болшеве Цветаева перевела на французский двенадцать стихотворений М. Ю. Лермонтова

2167

Сборник Цветаевой (1923).

2168

Достоевский писал: «...я не боюсь долга и обязанностей в одном отношении. Иногда долг и обязанность полезны в иной жизни, и полезно даже связать себя ими. Если человек честен, то явится и энергия к исполнению долга. А не терять энергию, не упасть духом – это главная потребность моя...»

2169

О. А. Мочалова.

2170

Габричевская (урожденная Северцова) Наталья Алексеевна – актриса, художница.

2171

Известны переводы Цветаевой пяти стихотворений И. Франко. При жизни поэта опубликованы не были

2172

Хозяин квартиры, Бронислав Иванович Шукст, с семьей уехал работать в Заполярье. В доме осталась лишь его дочь, которая заканчивала 10-й класс.

2173

То за мой счет (фр.).

2174

Дорогу назад (нем.).

2175

Речь идет о рукописи «Повесть о Сонечке», которую Цветаева дала прочесть Т. Н. Кваниной

2176

Чагин Петр Иванович – литературный деятель, издательский работник.

2177

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Поездка в Казань не состоялась

2178
Эфрон Георгий Сергеевич – сын М. И. Цветаевой

2179
Ксения Михайловна – жена Н. Н. Асеева;

Мария Михайловна – художница;

Надежда Михайловна – певица.

Вера Михайловна – жена писателя С. Г. Гехта.

2180
Приехав в Чистополь из Елабуги, Мур прожил у Асеевых с 4 по 10 сентября, после чего переехал в чистопольский интернат для детей писателей. 28-го сентября он уехал в Москву.

2181
Асеев не взял у Мура на сохранение рукописи Цветаевой

2182
Сергей Иванович Юркевич

2183
Вероятно, речь идет об опере (или об увертюре к ней) чешского композитора Антонина Дворжака «Hiawatha», по поэме американского поэта Г. Лонгфелло «The Song of Hiawatha»

2184
Вероятнее всего, Виноградов Анатолий Корнелиевич, знакомый сестер Цветаевых по Тарусе и Москве.

2185
Баллада немецкого композитора Роберта Шумана на стихи Генриха Гейне «Die beiden Grenadiere».

2186
Соковнино – село Чернского уезда Тульской губернии. Там находилось имение тетки Юркевича по материнской линии – Анны Николаевны Бодиско

2187
Этого, положим, нет (примеч. М. Цветаевой).

2188
Из стихотворения без названия Е. Тарасова. Сборник «Земные дали. Вторая книга стихов» (Спб.: Шиповник, 1908).

2189
Названия сел в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Судя по всему, обитатели Орловки связывали эти названия с расположенными неподалеку селами Белевского уезда.

2190

Л. А. Тамбурер.

2191

Старший брат П. И. Юркевича, Владимир Иванович, впоследствии известный корабельный инженер, создатель французского суперлайнера «Нормандия».

2192

«Фуражка с венчиком» запечатлена Цветаевой в стихотворении «Проснулась улица. Глядит усталая...».

2193

Тасенька – воображаемая дочь Юркевича.

2194

Степаненко Николай Николаевич – преподаватель Женской гимназии им. фон Дервиз, где обучалась Цветаева, и Московской 4-й мужской гимназии, которую окончили Юркевич и его братья.

2195

Подразумевается небольшая, левая, светелка на втором этаже тарусского дома Цветаевых. Другую, правую, занимала А. Цветаева.

2196

Молодой человек (фр.).

2197

Цветаевой уезжает из Орловки.

2198

Из стихотворения «Бог», сборник Е. М. Тарасова «Земные дали»

2199

По всей видимости, Цветаева ссылается на фразу из письма, которое послужило причиной ее размолвки с адресатом.

2200

Монахов Михаил Семенович, сын сторожа тарусской богадельни и расположенной рядом с ней цветаевской дачи «Песочное».

2201

Лев Николаевич Липеровский – брат будущего мужа С. И. Юркевич.

2202

Когда мы ломали балки-то, помните? кажется 19-го вечером (примеч. М. Цветаевой).

2203

Юркевич поступил в 1907 г. на медицинский факультет, в 1908–1909 учебном году обучался на историко-филологическом факультете, затем снова стал студентом медицинского факультета.

2204

2205

фрагмент письма Юркевича, на которое отвечает Марина:

«Марина, Вы с Вашим самолюбием пошли на риск первого признания, для меня совершенно неожиданного, возможность которого не приходила мне и в голову. Поэтому отвечать искренне и просто на Ваш ребром поставленный вопрос, если бы Вы знали, как мне трудно. Что я Вам отвечу? Что я Вас не люблю? Это будет неверно. Чем же я жил эти два месяца как не Вами, не Вашими письмами, не известиями о Вас? Но и сказать: да, Марина, люблю.. Не думаю, что имел бы на это право. Люблю как милую, славную девушку, словесный и письменный обмен мыслями с которой как бы возвышает мою душу, дает духовную пищу уму и чувству. Если бы я чувствовал, что люблю сильно, глубоко и страстно, я бы Вам сказал: люблю, люблю любовью, не знающей преград и препятствий, ты мое счастье, моя радость, жизнь мою превратить в царство любви. Но чувствую: сказал бы сейчас это фразой, а не делом, и в скором времени сплеховал бы каким-нибудь позорным образом. Вот Вам мой ответ правдивый, честный, искренний (но не страстный).

Любящий Вас, преклоняющийся перед Вашей сложной, почти гениальной натурой и от души желающий Вам возможного счастья на земле.

Ваш П. Ю.»

2206

Портрет работы английского живописца Томаса Лоренса «La Roi de Rome» («Король Римский»).

2207

Вербицкая Анастасия Алексеевна (Зяблова) – писательница, издательница.

2208

Бауман Николай Эрнестович – революционер, большевик. Убит черносотенцами. Его похороны вылились в трехсоттысячную политическую демонстрацию.

2209

В доме Цветаевых в Трехпрудном переулке, в углах гостиной, у окон, на белых круглых колоннах-постаменты стояли бюсты греческих богов Аполлона и Дианы

2210

Труды либеральных народников, влияние которых было значительно в середине 1880-х годов

2211

В раннем стихотворении «Домики старой Москвы» строки: «Вас заменили уроды, // Грузные, в шесть этажей...».

2212

Подразумевается дом Цветаевых в Трехпрудном переулке

2213

Степняк Сергей Михайлович (Кравчинский) – революционер-народник, писатель

2214

Грузинская царица, отличалась мудростью и красотой. Причислена к лику святых.

2215

Лето 1910 г. Марина и Анастасия Цветаевы провели в горной части маленького городка Вайсер-Хирш, под Дрезденом, в семье пастора Бахмана.

2216

Д'Аннунцио Габриеле, итальянский писатель

2217

Письму предшествует ремарка М. Цветаевой: «Письмо Борису – себе в тетрадку, не знаю – отослано ли».

2218

Голицыно

2219

С. Д. Гуревич

2220

По-видимому, Елисавета Багряна.

2221

Журавлев Дмитрий Николаевич – артист, выдающийся мастер художественного слова.

2222

Кошки А. С. Эфрон, жившие в большевском доме

2223

Кирпотин Валерий Яковлевич – советский литературовед, критик.

2224

Нота – сеть дешевых французских магазинов.

2225

М. Н. Лебедева.

2226

Державин Владимир Васильевич – поэт, переводчик

2227

А. В. Чернова.

2228

Ю. Пшибос

2229

Нейгауз Генрих Густавович – пианист, профессор консерватории.

2230

Журнально-газетного объединения Жургаз (Страстной бульвар, 11).

Письма. Часть 2. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2231

Перевод из О. Лысогорского («Баллада о кривой хате».).

2232

Б. Л. Пастернак.

2233

Пастернак Леонид Борисович – младший сын поэта.

2234

Из стихотворения «Летний день». У Пастернака: «А ночь войдет в мой мезонин// И, высунувшись в сени.// Меня наполнит, как кувшина// Водю и сиренью».

2235

Перевод Цветаевой стихотворения И. Л. Переца «Библейский мотив»

2236

Длигач Лев Михайлович – поэт, переводчик.

2237

Брейгель (Старший) Питер – нидерландский живописец.

2238

«Дружба народов», 1941, № 8. В журнале были напечатаны переводы Цветаевой с польского Ю. Пшибося, Л. Шенвальда, А. Важика.

2239

Райт Ричард– американский писатель. Его роман «Сын Америки» был опубликован в № 1–2 журнала «Интернациональная литература» за 1941 г.

2240

Речь идет о В. А. Меркурьевой.

2241

Письмо переплетено К. Б. Родзевичем вместе с оттиском «Поэмы Конца» из сборника «Ковчег»

2242 художественную школу

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!